This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PS12V 109.50 (66)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1900.

ПРОДАЮТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Е. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фосса (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома Сборника *три рубля.*

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

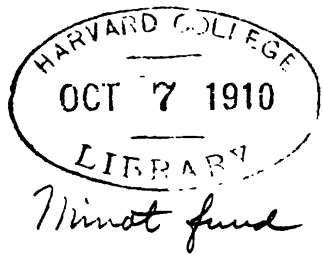
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Digitized by Google

~~L Soc 3983.18~~
P Slav 109.50



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1900 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 годъ:

I. За январь — май. . . . . .

Приложенія: I. Записка объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова (с. XXII). — II. Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій словарь (с. XXIII).

II. За сентябрь — декабрь. . . . . .

Приложенія: I. Записка объ ученыхъ трудахъ чл корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пы (с. XLVIII). — II. Біографическія свѣдѣнія подобномъ Несторѣ Лѣтописцѣ. Записк Абрамовича (с. LII—LIV).

Приложенія:

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаг
весности Императорской Акад
1897 годъ, составленный Предс
въ Отдѣленіи, Ордин. академик
вымъ. . . . . .

Отчетъ о присужденіи Ломонос
году. . . . . . .

Отчетъ о присужденіи
1897 году, читанны
ніи Императорс
1897 г. Предсѣд
русскаго языка
Бычковымъ
Отзывъ о с
скаго: «
Часть I.
ные сл
и сло
II. /
«Е

Digitized by Google

		стран.
Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губ. (Казань, 1896 г.)» (с. 25—73).		
Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 году	№ 3.	1—103
Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ (стр. 1—18).		
Приложенія: I. «Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика (СПБ. 1897)». — Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ (стр. 19—63). — II. «М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія (М. 1896)». — Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ (стр. 64—73). — III. «Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе X-ое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ VI. М. и СПБ.—VII. СПБ. 1896». — Критическій разборъ А. Н. Пыпина (стр. 74—86). — IV. «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ В. Авенаріуса. СПБ. 1893». — Рецензія В. П. Острогорскаго (стр. 87—99). — V. «Стихотворенія Екатерины Бекетовой. (СПБ. 1895)». Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенныя въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ (стр. 100—103).		
А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ. Библіографическіе матеріалы — собралъ В. А. Францевъ. . .	№ 4.	1—19
—— Дополненіе		21—22
Ѳ. Вержбовскій: — Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 годахъ	№ 5.	IV. 1—98
Отчетъ о присужденіи премій Проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 году	№ 6.	1—268
Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ордин. академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ (стр. 1—18).		

Digitized by Google

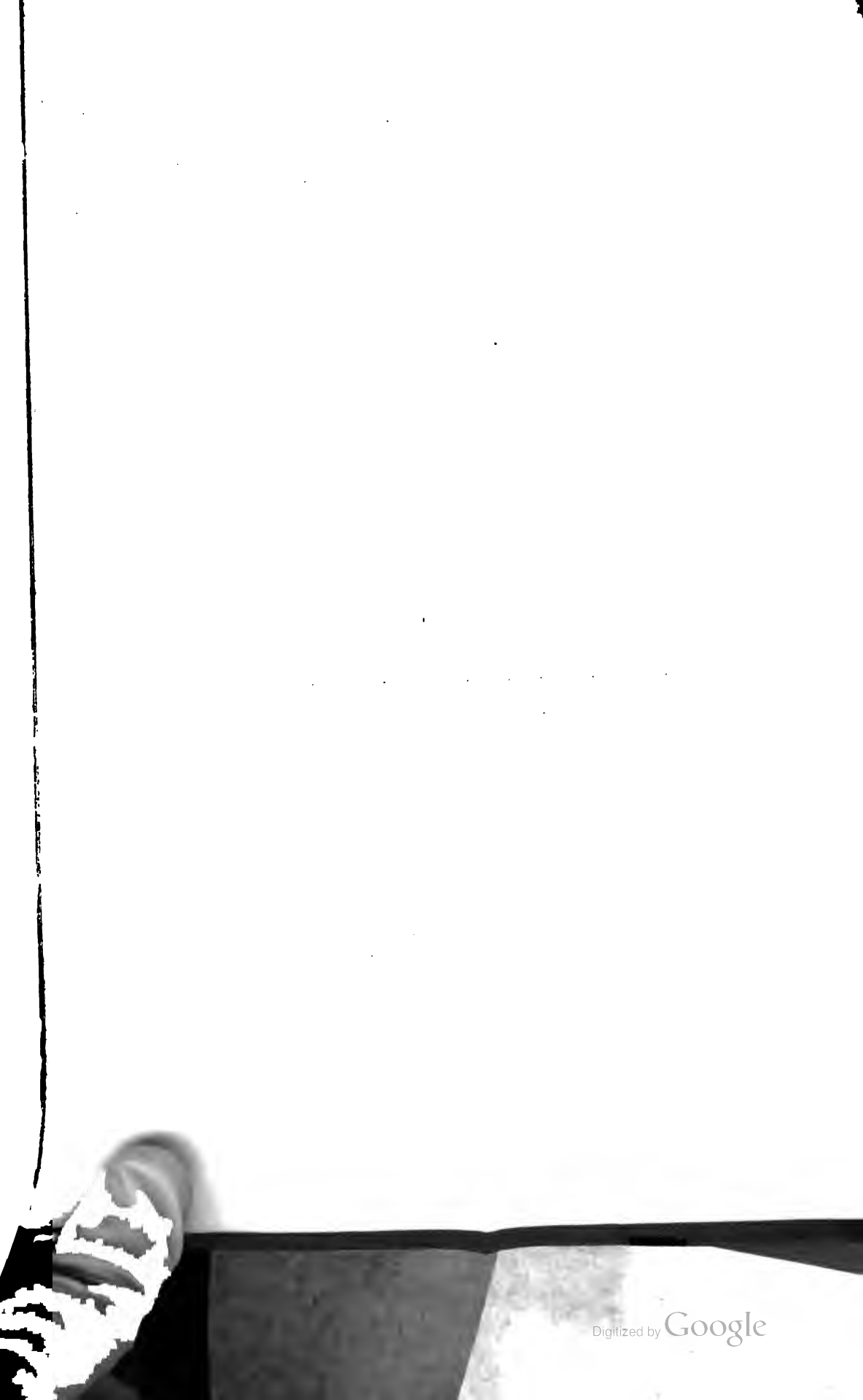
СТРАН.

Приложеніе — критическіе разборы, послужившіе основаніемъ для присужденія премій проф. Котляревскаго (стр. 14—268). — **I.** Акад. А. А. Шахматова, разборъ сочиненія проф. Яна Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. 8⁰. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V. Praze a ve Vídni. 1896. 8⁰. 637» (стр. 17—105). — **II.** Проф. К. Я. Грота, разборъ сочиненія проф. А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8⁰] (стр. 106—200). — **III.** Проф. Р. Ѳ. Брандта, разборъ сочиненія проф. Т. Д. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897» (стр. 201—257). — **IV.** Акад. И. В. Ягича, разборъ сочиненія г. Прусика: «Staročeské Alexandreidy rýmované [Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík. V. Praze, 1896. 8⁰. IV. 87]» (стр. 258—268).

Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій — собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони. I—II. № 7. XIX 1—216. 8. XII

А. А. Шахматовъ: Къ вопросу о происхожденіи Хронографа..... № 8. 1—121

Digitized by Google


Digitized by Google

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ЯНВАРЬ — МАЙ 1897 ГОДА.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ заявилъ о кончинѣ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, послѣдовавшей 2 сего января. Въ лицѣ покойнаго Отдѣленіе потеряло образованнѣйшаго сочлена, живо до послѣднихъ дней интересовавшагося его дѣятельностію.

Г. предсѣдательствующій заявилъ о полученіи отъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ по Историко-филологическому Отдѣленію, профессора Императорскаго Московскаго университета Ѳ. Е. Корша писемъ, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ о полученіи по случаю 30-тилѣтія его научной дѣятельности привѣтствія отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, подписаннаго Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и всѣми наличными членами Отдѣленія, и проситъ принять глубокую благодарность за то драгоцѣнное поощреніе, котораго удостоили его Августѣйшій Президентъ Академіи и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Положено принять къ свѣдѣнію.

Читана записка учителя Мещовскаго уѣзднаго училища В. И. Чернышева, переданная въ Отдѣленіе г. вице-президентомъ Императорской Академіи Наукъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, къ которой приложены „Проектъ нѣкоторыхъ преобразованій въ дальнѣйшей обработкѣ академическаго Словаря русскаго языка съ двумя приложеніями пополненій I тома

Digitized by Google

Словаря". Положено проектъ г. Чернышева передать на заключеніе редактора Словаря русскаго языка адъюнкта А. А. Шахматова, который, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи записку г. Чернышева и приложенія, отозвался сочувственно объ этомъ трудѣ и предложилъ Отдѣленію, не найдетъ ли оно возможнымъ выразить ему свою благодарность за доставленіе любопытныхъ замѣтокъ. Одобрено.

Вслѣдствіе возбужденнаго г. предсѣдательствующимъ вопроса о способѣ доведенія до конца за смертію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, 3-го и послѣдняго тома Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, — присутствовавшіе въ засѣданіи академики Л. Н. Майковъ и А. Н. Веселовскій изъявили согласіе принять на себя и послѣ смерти академика Бестужева-Рюмина чтеніе по-прежнему корректуръ этого изданія и выпустить его подъ своимъ наблюденіемъ. Одобрено. Такъ какъ послѣ нѣкотораго перерыва, послѣдовавшаго за смертію члена Отдѣленія, академика К. Н. Бестужева-Рюмина, типографія снова стала доставлять корректурные листы упомянутаго тома печатающихся въ Сборникѣ Отдѣленія Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, то положено просить упомянутыхъ академиковъ взять подъ свое наблюденіе печатаніе этого тома, пригласивъ къ участію для чтенія корректуръ П. К. Симони.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что вдова покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. В. Бестужева-Рюмина доставила въ двухъ переплетенныхъ томахъ оригиналъ собранныхъ покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ Онежскихъ былинъ въ своеручной записи послѣдняго карандашомъ. Положено увѣдомить Е. В. Бестужеву-Рюмину о полученіи въ Отдѣленіи означенныхъ рукописныхъ томовъ и благодарить ее отъ имени Отдѣленія за доставленіе ихъ, а также сообщить и вдовѣ собирателя, В. Ф. Гильфердингъ, что рукопись Онежскихъ былинъ, какъ необходимая при веденіи академическаго изданія этого сборника былинъ, передана въ Отдѣленіе и хранится тамъ для пользованія редакціи новаго ихъ изданія.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ доложилъ Отдѣленію, что отъ одного изъ учениковъ профессора Ф. Ѳ. Фортунатова И. І. Яблонскаго, къ которому онъ, по просьбѣ сочленовъ, обращался съ предварительнымъ запросомъ о согласіи принять на себя редактированіе Литовско-русско-польскаго сло-

Digitized by Google

варя А. Юшкевича, получилъ отвѣтъ, что въ случаѣ, если Отдѣленіе поручитъ ему это дѣло, онъ готовъ немедленно приступить къ печатанію; для ознакомленія же проситъ прислать ему рукопись Словаря и отпечатанную часть его и введеніе. Положено: а) поручить г. Яблонскому редактированіе и печатаніе Словаря; б) выслать отпечатанные листы Словаря и ту часть рукописи, которая была сдана г. В. Юшкевичемъ въ типографію.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ сообщилъ слѣдующее письмо Ив. Ос. Яблонскаго изъ г. Ревеля отъ 1 сего апрѣля:

„Рукопись Словаря Юшкевича отъ E до Ež и отъ G до Gv я получилъ вмѣстѣ съ отпечатанною частью Словаря. До сихъ поръ я пріобрѣлъ всѣ нужныя для меня, какъ редактора Литовско-русско-польскаго словаря, пособія и переписалъ начисто (для печати) рукопись до слова *gajšti*. Во время праздниковъ надѣюсь выслать въ Академію первую тетрадь. Потомъ работа будетъ легче и задержки съ моей стороны не будетъ". Положено сообщеніе г. Яблонскаго принять къ свѣдѣнію.

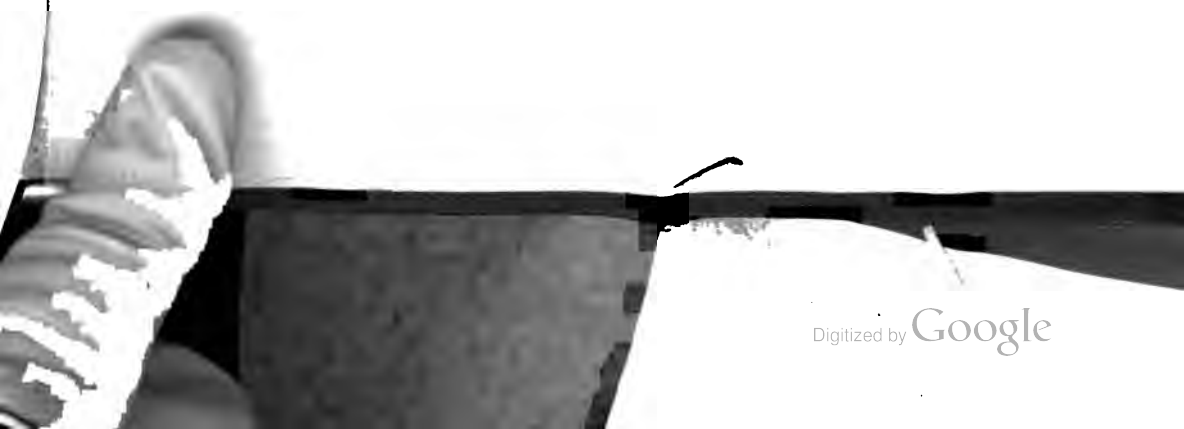
Читана обширная докладная записка И. О. Яблонскаго изъ Ревеля отъ 22 сего апрѣля, въ которой онъ знакомитъ съ ходомъ приготовительной работы по редактированію слѣдующихъ томовъ Литовскаго словаря Бр. Юшкевичей, приводитъ рядъ своихъ недоумѣній и проситъ для ихъ разрѣшенія указаній со стороны Отдѣленія. При этомъ г. Яблонскимъ представлены въ 2-хъ тетрадяхъ: часть оригинала Литовскаго словаря Юшкевича, доставленная ему Отдѣленіемъ на буквы E и G (до слова Gátas) и на 45-ти листахъ примѣрная обработка, имъ нынѣ сдѣланная, этой же части словаря E — Gata. Вмѣстѣ съ этимъ г. Яблонскій проситъ доставить ему, до его отъѣзда въ Ковенскую губ. (до 1 іюня), и всѣ остальныя части рукописнаго оригинала Словаря. По прочтеніи означенной записки г. Яблонскаго и обсужденіи заключающихся въ ней запросовъ, положено: 1) копію съ записки и представленную часть Словаря въ переработкѣ г. Юшкевича препроводить къ Ф. Ѳ. Фортунатову и просить его, какъ лицо ближе всѣхъ стоящее къ изданію Словаря, дать необходимыя указанія г. Яблонскому по предъявленнымъ имъ вопросамъ, и 2) остальную часть оригинала Словаря послать къ г. Яблонскому. Вскорѣ г. И. І. Яблонскій письмомъ на имя г. предсѣдательствующаго изъ г. Ревеля, отъ 9 сего мая, увѣдомилъ

Digitized by Google

о полученіи въ полной сохранности десяти тетрадей (5a, 5b и 6—13) Литовско-русско-польскаго словаря А. Юшкевича, содержащихъ слова на буквы: I. J. K. Ł. L. M. N. O. P. R. S. Š. T. U. U. V. Ž и Z. Въ заключеніе этого своего письма г. Яблонскій пишетъ: „На каникулы я уѣду (послѣ 10 іюня) въ Ковенскую губернію, гдѣ буду работать надъ подготовленіемъ словаря для печати. Хотя поѣду я туда по собственной иниціативѣ и на свои средства, однако въ виду возможныхъ недоразумѣній на мѣстѣ и для пользы самого дѣла, я желалъ бы, чтобы моя поѣздка носила характеръ командировки, иначе говоря — для меня было бы крайне желательно получить открытый листъ, въ которомъ значилось бы, что командированъ я въ Ковенскую губернію для изученія литовскаго языка (или для подготовленія къ печати Словаря А. Юшкевича) Академіею Наукъ". По выслушаніи письма г. Яблонскаго, Отдѣленіе нашло вполнѣ справедливымъ исполнить его просьбу объ облегченіи ему сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ Ковенской губ., почему и положило обратиться къ г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою исходатайствовать для г. Яблонскаго отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ открытый листъ, необходимый г. Яблонскому при разъѣздахъ по Ковенской губерніи.

Редакторомъ Словаря русскаго языка акад. А. А. Шахматовымъ были розданы всѣмъ присутствующимъ корректурныя формы (гранки 1—10) и Указатель источниковъ Словаря (стр. 1—10).

Читано сообщенное г. вице-президентомъ Академіи Наукъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ письмо профессора Историко-филологическаго института кн. Безбородка въ Нѣжинѣ М. Н. Сперанскаго, съ увѣдомленіемъ, что въ бумагахъ Н. С. Тихонравова, доставленныхъ ему душеприказчиками покойнаго, академика для приготовленія ихъ къ печати, нашелся рефератъ о новомъ спискѣ „Девгеніева Дѣянія" въ томъ видѣ, какъ онъ былъ читанъ Николаемъ Саввичемъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ 1890 года. Впослѣдствіи, по сообщенію г. Сперанскаго, Н. С. Тихонравовъ началъ переработку этого реферата (должно быть для чтенія въ Академіи), но переработалъ только начало, которое, однако, не сливается въ одно съ продолженіемъ. Г. Сперанскій, которому поручено приготовленіе къ печати и печатаніе одного изъ томовъ



Digitized by Google

Собранія сочиненій Н. С. Тихонравова, предполагая печатать этотъ рефератъ, какъ онъ былъ читанъ на Съѣздѣ, съ отнесеніемъ второй его редакціи въ примѣчанія, вызывается доставить въ Академію оригиналъ этого изслѣдованія и предлагаетъ напечатать его при изданіи славянскаго текста „Девгеніева Дѣянія“ по рукописи (Малкова), принадлежавшей академику Тихонравову и нынѣ уже доставленной его душеприказчиками въ Академію. Положено благодарить проф. М. Н. Сперанскаго за означенное предложеніе и просить его доставить въ Отдѣленіе на нѣкоторое время подлинную рукопись реферата акад. Тихонравова.

Проф. М. Н. Сперанскій вскорѣ извѣстилъ объ отправкѣ имъ въ распоряженіе Отдѣленія собственноручнаго изслѣдованія покойнаго академика и профессора Н. С. Тихонравова о Девгеніевомъ Дѣяніи, а именно 3-хъ тетрадей: 1) на 14 листахъ, обозначенныхъ лит. E, 2) на 6 листахъ, обознач. Ea, и 3) на 4 листахъ, обознач. Eb, и съ просьбою не отказать въ увѣдомленіи о полученіи означенныхъ бумагъ Н. С. Тихонравова для сообщенія наслѣдникамъ и издателямъ трудовъ покойнаго академика. По полученіи въ Отдѣленіи всѣ указанныя выше рукописныя замѣтки тогда же доставлены акад. А. Н. Веселовскому.

А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что бывшій проф. Императорскаго Юрьевскаго университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ частномъ къ нему письмѣ выразилъ желаніе получить чистые отпечатанные листы издаваемаго Отдѣленіемъ Литовско-русско-польскаго словаря Юшкевича и просить посылать таковые по мѣрѣ отпечатанія г-жѣ М. Ф. Юшкевичъ (вдовѣ Ивана Юшкевича), высылка которыхъ была ей съ нѣкотораго времени прекращена академическою типографіею. Положено сдѣлать распоряженіе о посылкѣ нынѣ же по экземпляру всѣхъ отпечатанныхъ листовъ Литовскаго словаря какъ г. Бодуэну-де-Куртенэ такъ и г-жѣ Юшкевичъ, а также и тѣхъ, которые будутъ вновь печатаемы.

Сообщено о полученіи отъ епископа Антонія Барановскаго, суффрагана Тельшевской епархіи, рукописной статьи подъ заглавіемъ: „Замѣтки о литовскомъ словарѣ и языкѣ“, составляющей переработку одного прежняго его тоже рукописнаго труда, хранившагося съ давняго времени при дѣлахъ Отдѣленія. По предложенію Отдѣленія еп. Барановскій любезно

Digitized by Google

согласился пересмотрѣть прежнюю свою статью, вызванную частнымъ случаемъ, и приготовить ее къ печати съ необходимыми пополненіями и измѣненіями. Положено напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ томомъ Сборника Отдѣленія присланный трудъ еп. А. Барановскаго, а автора этой столь цѣнной въ научномъ отношеніи статьи, нынѣ пополненной анализомъ литовскаго акцента, изложеніемъ ритмическаго и фонетическаго строя словъ, а также главныхъ различій между говорами литовскаго языка въ предѣлахъ Ковенской губерніи, опредѣлено благодарить отъ имени Императорской Академіи Наукъ.

По предложенію адъюнкта А. А. Шахматова, сообщившаго Отдѣленію о трудахъ К. П. Михальчука по изученію Малорусской діалектологіи, послѣднее опредѣлило: обратиться къ г. Михальчуку съ предложеніемъ принять на себя составленіе (IV) Программы для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія, подобной уже изданнымъ программамъ I—III для собиранія особенностей говоровъ сѣверно- и южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, предоставивъ на его усмотрѣніе составить или одну общую Программу для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія или трудъ этотъ разбить на части, напр. выдѣливъ малорусскіе говоры въ предѣлахъ Россійской Имперіи въ одну часть, а внѣ ея (Галичины и Венгріи) въ другую. Вскорѣ отъ К. П. Михальчука (24 минувшаго февраля изъ Кіева) было получено письмо съ извѣщеніемъ о полученіи отъ Отдѣленія предложенія принять на себя трудъ по составленію IV Программы для собиранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія и съ выраженіемъ полнаго согласія приложить всѣ старанія къ возможно тщательному выполненію, по мѣрѣ его силъ и знаній, поручаемаго ему труда. Положено принять къ свѣдѣнію.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи заявилъ о новой чувствительной потерѣ, постигшей Отдѣленіе и русскую литературу: 8 марта утромъ скончался членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Н. Майковъ, принимавшій всегда живѣйшее и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Отдѣленія.

Читано представленное въ Отдѣленіе заключеніе Комиссіи образованной изъ членовъ Отдѣленія А. Н. Веселовскаго и А. А. Шахматова, а также академика А. А. Куника, доцента Императорскаго Александровскаго университета д-ра І. А. Мик-

Digitized by Google

кола, пастора д-ра Я. И. Гурта и приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтера, по вопросу объ установленіи единства и правильности въ веденіи на русскомъ языкѣ инородческихъ протестантскихъ церковныхъ книгъ слѣдующаго содержанія:

„Выработанныя правила и вообще не должны расходиться съ укоренившимися пріемами передачи иностранныхъ словъ русскими буквами. Для нѣкоторыхъ именъ и фамилій, согласно мнѣнію и Генеральной Консисторіи, требуется сохранить ту русскую форму, которая установилась уже долголѣтнимъ единообразнымъ ихъ правописаніемъ въ офиціальныхъ документахъ. Такимъ образомъ заключенія комиссіи сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. Имена собственныя, которымъ находятся соотвѣтствующія русскія имена, должны быть, по мнѣнію комиссіи, согласному съ мнѣніемъ и Генеральной Консисторіи, передаваемы въ метрическихъ книгахъ въ русскомъ переводѣ, т. е. въ той формѣ, въ какой эти имена извѣстны изъ русскихъ святцевъ и изъ русскихъ офиціальныхъ документовъ: Alexander — Александръ, Ephraim—Ефремъ, Claudius—Клавдій, Hiob—Іовъ, Elisabeth — Елисавета и т. д.

Примѣчаніе. Переводу подлежитъ только первое имя лица, носящаго нѣсколько именъ; но въ скобки заключаются въ подлинныхъ написаніяхъ и остальныя имена: Павелъ (Paul, Ioseph, Heinrich) Томсонъ (Tomson). Если же извѣстное лицо имѣетъ только одно имя, переводимое по-русски, включеніе подлиннаго имени въ скобки представляется излишнимъ: Петръ Мартенсъ (Martens).

II. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ христіанскихъ именъ, извѣстныхъ и въ русскомъ языкѣ, употребляются въ нѣмецкомъ, латышскомъ и другихъ языкахъ въ двухъ, а иногда и въ нѣсколькихъ формахъ, при чемъ, напримѣръ, Alexis и Alexius, Pahwilš и Pahwulš, Koderš и Kwederš и т. п. обозначаютъ разныхъ лицъ и не смѣшиваются въ употребленіи, комиссія полагала, что въ метрическихъ книгахъ при такихъ именахъ, извѣстныхъ въ инородческомъ языкѣ и въ нѣсколькихъ формахъ, необходимо во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за русскою формою имени, помѣщать въ скобкахъ ту или другую форму его, которою называется данное лицо на родномъ языкѣ: Екатерина

Digitized by Google

(Kate или Kattrihne), Давидъ (Taavi и Taavetti), Филиппъ (Pihlupš или Fihlips) и т. д.

III. Имена собственныя, которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ, и фамиліи слѣдуетъ передавать въ приблизительной транскрипціи на русскую азбуку по особо для того выработаннымъ правиламъ, при чемъ за фамиліями въ скобкахъ должно слѣдовать подлинное написаніе ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Антонъ Крюгеръ (Krüger), Магнусъ (Magnus) Линдстремъ (Lindström).

Примѣчаніе. Имя собственное ставится во всякомъ случаѣ впереди фамиліи, хотя бы въ инородческомъ языкѣ оно слѣдовало за нимъ, согласно употребленію.

IV. Имена собственныя и фамиліи, русская форма которыхъ установлена употребленіемъ, должны быть вносимы въ метрическія книги въ этой именно формѣ, при чемъ фамиліи сопровождаются подлиннымъ написаніемъ ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Оттонъ Кригеръ (Krüger), Эрнестъ Киммель (Kümmel) вм. Отто Крюгеръ, Эрнстъ Кюммель, какъ бы слѣдовало въ силу выработанныхъ правилъ".

Къ протоколу Комиссіи приложены „Правила передачи инородческихъ именъ и фамилій русскими буквами".

Отдѣленіе одобрило заключеніе Комиссіи и, въ виду заявленнаго академикомъ Куникомъ желанія, чтобы результаты совѣщаній Комиссіи были сообщены и въ III-мъ Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ,—положило препроводить къ г. Непремѣнному секретарю Академіи подлинный протоколъ Комиссіи съ просьбою представить его на разсмотрѣніе ближайшему собранію членовъ III-го Отдѣленія и возвратить его по возможности въ скорѣйшемъ времени въ Отдѣленіе для напечатанія.

Г. Непремѣнный секретарь, при письмѣ отъ 15 сего мая возвратилъ одобренный Историко-филологическимъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ подлинный протоколъ образованной при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Комиссіи, вслѣдствіе чего и положено: 1) напечатать его и сообщить въ копіи г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ барону Икскулю; 2) за просвѣщенное участіе въ Комиссіи образованной при Отдѣленіи выразить искреннюю благодарность отъ имени Академіи: доценту Императорскаго Алексан-

Digitized by Google

дровскаго университета д-ру І. А. Миккола, пастору Я. И. Гурту и приватъ-доценту Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтеру.

Въ дополненіе къ протоколу засѣданія Отдѣленія 5 октября минувшаго года, — по ознакомленіи съ 5-ю присланными по просьбѣ Отдѣленія проф. Имп. Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтуховымъ, для образца, проповѣдями извѣстнаго сподвижника Петра Великаго Гавріила Бужинскаго (по общему счету VII, XX, XXVII, XXXI и XXXV) и въ виду сообщенія академика М. И. Сухомлинова, что г. Пѣтуховъ желаетъ чтобы Отдѣленіе приняло для напечатанія въ Сборникѣ все собраніе проповѣдей Г. Бужинскаго, извлеченное имъ изъ собственноручнаго списка хранящагося въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, Отдѣленіе постановило: увѣдомить проф. Е. В. Пѣтухова, что оно, печатая значительное число другихъ изданій, не имѣетъ нынѣ возможности принять для напечатанія полностію въ Сборникѣ Отдѣленія доставленные имъ списки всѣхъ проповѣдей Г. Бужинскаго (числомъ 45) и потому положило тетрадь съ текстомъ упомянутыхъ пяти проповѣдей Г. Бужинскаго возвратить г. Пѣтухову.

Прочитана записка академиковъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова слѣдующаго содержанія:

„Одною изъ главныхъ задачъ Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ слѣдуетъ признать всестороннее изученіе памятниковъ русской словесности. Въ настоящее время успѣшность работъ ученыхъ, посвятившихъ себя историко-литературнымъ трудамъ, въ значительной степени зависитъ отъ наличности изданій нѣкоторыхъ произведеній нашей литературы. Но бо́льшая часть ея памятниковъ остается неизданною или извѣстна въ такихъ изданіяхъ, пользованіе которыми ни въ коемъ случаѣ не можетъ привести къ надежнымъ результатамъ. Русская наука въ правѣ ожидать отъ своихъ дѣятелей труда, который возможно совершить лишь совокупными усиліями, а именно полнаго изданія всѣхъ произведеній отечественной словесности. Начало такого научнаго предпріятія и постоянное руководство имъ естественно принадлежитъ II Отдѣленію Академіи Наукъ, совершившему уже не мало работъ по критическому изданію нашихъ писателей. Въ виду того, что среди произведеній русской словесности, начиная съ XI и кончая XVII в. и даже болѣе позднимъ временемъ, не мало такихъ,

Digitized by Google

которыя по происхожденію своему принадлежатъ литературамъ Византіи и Запада; въ виду того также, что памятники нашей словесности въ большинствѣ случаевъ отражаютъ работу позднѣйшихъ сводчиковъ и переписчиковъ — въ полномъ изданіи произведеній русской литературы цѣлесообразнѣе всего держаться порядка изданія сочиненій отдѣльныхъ писателей. Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ положить основаніе полнымъ собраніямъ сочиненій русскихъ авторовъ и привлечь къ работамъ надъ такимъ изданіемъ современныхъ дѣятелей науки и литературы. Если Отдѣленіе найдетъ возможнымъ рѣшить теперь же вопросъ о цѣлесообразности такого изданія, для котораго несомнѣнно понадобятся труды и деньги, оно могло бы одновременно обсудить въ общихъ чертахъ планъ изданія и позаботиться о болѣе подробной разработкѣ этого плана, привлекши для этого лучшія наши научныя силы. Предполагаемому изданію можно было бы присвоить названіе — „Полнаго Собранія сочиненій русскихъ писателей“. Отдѣленіе приняло это предложеніе съ полнымъ сочувствіемъ и положило просить М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова совмѣстно приступить къ подробной разработкѣ плана упомянутаго изданія, который и представить на обсужденіе Отдѣленія въ ближайшее осеннее засѣданіе.

Читана переданная г. Непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, записка угличскаго почетнаго гражданина Л. Ѳ. Соловьева, въ которой онъ, извѣщая, что среди угличанъ возникло желаніе поставить въ своемъ родномъ городѣ, передъ Публичной библіотекой памятникъ земляку, народному поэту, крестьянину И. З. Сурикову, и что въ виду сего, предварительно постановки памятника, желательно было бы имѣть сочувствіе къ самой идеѣ со стороны ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, — обращается къ Академіи Наукъ съ просьбою не оставить его, какъ иниціатора этого дѣла, сообщеніемъ отзыва какъ вообще о достоинствахъ произведеній покойнаго поэта, такъ и о своевременности постановки ему памятника въ г. Угличѣ. Выслушавъ означенную просьбу г. Соловьева, Отдѣленіе постановило сообщить ему, что оно не можетъ не выразить своего сочувствія къ тому, чтобы память о мѣстныхъ дѣятеляхъ сохранялась на ихъ родинѣ.

По случаю исполнившагося 24 сего марта сорокалѣтія ученолитературной дѣятельности члена-корреспондента Отдѣленія

Digitized by Google

А. Н. Пыпина Отдѣленіе опредѣлило обратиться по сему случаю съ привѣтствіемъ къ юбиляру и поднести ему отъ имени Императорской Академіи Наукъ слѣдующій адресъ, подписанный Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ и всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами Отдѣленія:

Глубокоуважаемый

Александръ Николаевичъ.

Сорокъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ 24-го марта 1857 года Вы защищали въ Санктпетербургскомъ университетѣ свою магистерскую диссертацію: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Что эти сорокъ лѣтъ прошли недаромъ для Васъ и для тѣхъ, кто у Васъ поучался и поучается, про то знаетъ всякій, слѣдящій за ходомъ русскаго просвѣщенія. Покинувъ каѳедру въ силу обстоятельствъ, Вы продолжали и на новомъ поприщѣ поддерживать живыя связи съ тѣми областями спеціальнаго знанія, которыя такъ часто уединяются отъ нарастающихъ требованій литературы и спросовъ жизни. Вы сумѣли соединить любовь къ наукѣ съ чуткостью къ теченіямъ современной мысли, и Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, гордясь Вами какъ своимъ сочленомъ, привѣтствуетъ Васъ! —

Но въ виду того, что привѣтственный адресъ А. Н. Пыпину не могъ быть своевременно изготовленъ, г. Предсѣдательствующимъ была отправлена отъ имени Отдѣленія телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ шлетъ своему глубокоуважаемому члену-корреспонденту сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося сорокалѣтія его неутомимой научно-литературной дѣятельности. Многочисленные Ваши труды, высокочтимый Александръ Николаевичъ, по исторіи русской литературы снискали Вамъ громкую и заслуженную извѣстность. Отдѣленіе выражаетъ сердечное желаніе, чтобы еще много лѣтъ Вы продолжали съ неослабною энергіею трудиться для науки и чтобы Отдѣленіе продолжало пользоваться Вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ въ предпринимаемыхъ трудахъ“. Принято къ свѣдѣнію и одобрено.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ, г. предсѣдательствующій въ

Digitized by Google

Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ составленную имъ записку объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова съ 1894 г. (см. Приложеніе I) и предложилъ его къ избранію въ экстра-ординарные академики. По произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ шарами, адъюнктъ Шахматовъ оказался избраннымъ единогласно въ это званіе. По сему Отдѣленіе постановило сообщить о семъ избраніи г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою представить о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку академика А. Ѳ. Бычкова.

Академикъ Л. Н. Майковъ, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи рукописную статью студента Московской Духовной Академіи И. С. Петровыхъ съ изслѣдованіемъ его о текстѣ „Слова похвальнаго Пр҃естыя Влч҃цы Нашея Бц҃ы образа Одигитр҃іи, яже избави градъ Устюжну отъ безбожныхъ ляховъ и нѣмецъ", съ самымъ текстомъ Слова по новому списку и обильными замѣтками, — сообщилъ Отдѣленію, что печатать означенный списокъ Слова, какъ не лучшій изъ числа уже извѣстныхъ въ печати, не представляется необходимымъ; любопытны могутъ быть лишь мелкіе варіанты списка и особенно археологическія и другія замѣчанія И. С. Петровыхъ. По выслушаніи означеннаго сообщенія положено принять его къ свѣдѣнію.

Академикъ Л. Н. Майковъ предложилъ для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія рукописную автобіографію покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, доведенную имъ до 1860 года, до его переѣзда въ С.-Петербургъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на необходимость собрать въ одинъ небольшой томъ статьи покойнаго академика по литературнымъ и историческимъ вопросамъ, особенно тѣ, которыя не утратили до сихъ поръ своего значенія. Одобрено.

Тотъ же академикъ представилъ всѣмъ присутствовавшимъ экземпляръ печатнаго образца изданія предпринимаемаго имъ по порученію Отдѣленія Собранія сочиненій А. С. Пушкина. Отдѣленіе одобрило съ типографской стороны представленный образецъ.

Сообщенную академикомъ Л. Н. Майковымъ просьбу занимающагося собираніемъ матеріаловъ для біографіи Н. А. Полевого г. Н. К. Козмина о выдачѣ ему для занятій изъ дѣлъ бывшей Россійской Академіи рукописнаго разбора сочи-

Digitized by Google

ненія Н. А. Полевого подъ заглавіемъ: „Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ“, бывшаго на разсмотрѣніи Россійской Академіи и удостоеннаго сею послѣднею 9 сентября 1822 года медали (Извѣстія Россійской Академіи 1823 г., кн. 11, стр. 7), положено исполнить, для чего и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе о доставленіи г. Козмину всѣхъ хранящихся въ Архивѣ Россійской Академіи матеріаловъ по занимающему его вопросу.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ Отдѣленію для напечатанія въ Извѣстіяхъ переданную ему отъ проф. Линниченка рукописную статью его слушателя А. Белича подъ заглавіемъ: „Замѣтка о славянскомъ житіи св. Пятки-Петки“. Положено статью г. Белича передать на разсмотрѣніе академику А. Н. Веселовскому. Послѣдній, возвращая эту статью, далъ о ней одобрительный отзывъ, почему и назначено отпечатать ее въ 4-й книжкѣ Извѣстій за настоящій годъ.

Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Отдѣленіе подвергло пересмотру Правила о присужденіи преміи Костомарова за лучшій малорусскій словарь. Исправленный по замѣчаніямъ членовъ Отдѣленія экземпляръ означенныхъ Правилъ былъ представленъ г. Непремѣнному секретарю Императорской Академіи Наукъ для внесенія на утвержденіе ближайшаго Общаго Собранія членовъ Академіи. Утвержденныя Общимъ собраніемъ Академіи 3-го мая сего года Правила о присужденіи означенной преміи положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ Отдѣленія (см. Приложеніе II).

А. А. Шахматовъ, заявивъ о полученіи въ обиліи интереснаго матеріала какъ въ отвѣтъ на разосланныя двѣ Программы для собиранія особенностей сѣверно- и южно-великорусскихъ говоровъ, такъ и въ видѣ приложеній къ этимъ отвѣтамъ, — высказалъ предположеніе о необходимости дать болѣе мѣста въ изданіяхъ Отдѣленія для обнародованія этого хотя сырого, но въ высшей степени важнаго для спеціалистовъ матеріала, чѣмъ сколько до сихъ поръ отводилось ему въ книжкахъ Извѣстій. По обсужденіи означеннаго предложенія положено предоставить А. А. Шахматову печатать упомянутые матеріалы въ видѣ особыхъ приложеній къ книжкамъ Извѣстій Отдѣленія и затѣмъ выпускать ихъ отдѣльно, въ видѣ самостоятельнаго изданія.

Нѣсколько времени тому назадъ былъ доставленъ экзем-

Digitized by Google

пляръ I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія по просьбѣ Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, И. Е. Неклепаеву, который прислалъ изъ Устьсысольска слѣдующаго содержанія письмо:

„На дняхъ я получилъ изъ Книжнаго склада Академіи Наукъ Программу для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. Насколько мнѣ извѣстно, программа эта выслана мнѣ по просьбѣ Этнографическаго отдѣла московскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, къ коему я обратился съ запросомъ объ условіяхъ помѣщенія въ издаваемомъ имъ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ моихъ очерковъ по русской этнографіи Сургутскаго края (сѣверъ Тобольской губерніи) подъ заглавіемъ: Обычаи, обряды и суевѣрія русскаго населенія Сургутскаго края, въ приложеніи къ которымъ помѣщены „Матеріалы для областного словаря“ (собраніе разныхъ мѣстныхъ словъ, выраженій и названій). Вѣроятно это послѣднее приложеніе и дало поводъ Этнографическому отдѣлу Моск. Общества любит. естествознанія обратиться въ Академію Наукъ съ просьбою о высылкѣ мнѣ вышеназванной программы. Но при ознакомленіи съ этой программой у меня встрѣтились кой-какія затрудненія въ практическомъ исполненіи ея требованій, о чемъ и позволяю себѣ сообщить во II Отдѣленіе Академіи. Дѣло въ томъ, что кромѣ „матеріаловъ для областного словаря“ — масса разныхъ мѣстныхъ словъ и выраженій разсѣяны у меня въ самомъ текстѣ очерковъ. Выбирать ихъ оттуда представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ, такъ какъ повлечетъ за собою массу выписокъ изъ текста очерковъ для объясненія словъ. Гораздо лучше напечатать эти очерки цѣликомъ.... Съ такимъ предложеніемъ о напечатаніи моихъ очерковъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи я и обратился въ Этнографическій отдѣлъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, а равно и въ редакцію Живой Старины, изд. при И. Русск. Геогр. Обществѣ. Отвѣта же я не получилъ еще. Въ виду всего этого я и позволяю себѣ обратиться во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ просьбою, не возьмется ли оно войти въ сношеніе съ И. Русск. Геогр. Обществомъ объ изданіи моихъ сургутскихъ очерковъ или въ Живой Старинѣ (если она выходитъ и сей-

Digitized by Google

часъ) или въ какихъ-либо другихъ изданіяхъ Общества по этнографіи. Или не возьмется ли Второе отдѣленіе напечатать мои очерки по этнографіи само въ своихъ изданіяхъ. Я былъ бы очень признателенъ II-му Отдѣленію, если бы оно почтило меня своимъ отвѣтомъ по поводу всѣхъ возбужденныхъ здѣсь вопросовъ".

Положено прежде чѣмъ дать какой либо отвѣтъ г. Неклепаеву — обратиться съ просьбою къ г. предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. И. Ламанскому — извѣстить Отдѣленіе, будетъ-ли напечатана въ „Живой Старинѣ" статья г. Неклепаева и, если будетъ, то можетъ-ли онъ расчитывать получить за нее какое-либо вознагражденіе.

Читано письмо завѣдующаго Чериковскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ И. Х. Пахмана, вызывающагося продолжать чтеніе дальнѣйшихъ корректуръ Словаря русскаго языка и вносить примѣры изъ писателей, которыхъ въ этихъ листахъ не окажется. Вскорѣ въ Отдѣленіи были получены отъ г. Пахмана примѣры употребленія глаголовъ изъ писателей на букву З. Положено эти выписки передать редактору Словаря русскаго языка А. А. Шахматову.

Экстраординарный профессоръ Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде препроводилъ къ А. А. Шахматову, какъ къ редактору Словаря русскаго языка, исполненныя подъ его руководствомъ г.г. Кряжинымъ, Петровскимъ и Рождественскимъ систематическія выборки словъ изъ Сочиненій И. Богдановича, М. Н. Муравьева и Хемницера. По ознакомленіи съ упомянутыми извлеченіями словъ А. А. Шахматовъ нашелъ ихъ весьма пригодными для пользованія при приготовленіи оригинала для набора листовъ Словаря русскаго языка и обратился къ Отдѣленію съ предложеніемъ, не найдетъ ли оно возможнымъ, согласно съ ходатайствомъ о томъ проф. Будде, выдать безплатно для успѣшности занятій упомянутымъ выше тремъ студентамъ по экземпляру Матеріаловъ для Словаря древняго русскаго языка И. Срезневскаго каждому, и одного экземпляра изданныхъ Отдѣленіемъ сочиненій Державина, т. I—IX и Ломоносова, т. I—III и слѣд., а также I т. Изслѣдованій по русскому языку. Одобрено.

В. Н. Щепкинъ въ письмѣ къ г. предсѣдательствующему увѣдомилъ, что онъ готовитъ для Извѣстій Отдѣленія статью,

Digitized by Google

заключающую въ себѣ разсмотрѣніе состава и изслѣдованіе языка лицевого сборника второй половины XV в., въ которомъ помѣщены историческая часть Библіи и Троянская исторія. Принято къ свѣдѣнію.

Сообщено о полученіи изъ Вѣны отъ С. Н. Северьянова, при препроводительной запискѣ отъ 20 апрѣля (1 мая) 29 картоновъ снимковъ съ люблянскаго отрывка Супрасльской рукописи (л.л. 15 а — 44 а и б, безъ л. 38, подлежащаго помѣщенію между л.л. 88—89) и тетради (въ 30 л.л.) колляціи, содержащей въ себѣ результаты исполненнаго имъ сличенія этихъ снимковъ съ подлинникомъ. Въ этой же запискѣ г. Северьяновъ упоминаетъ, что первые 14 снимковъ были уже представлены въ Отдѣленіе акад. Ягичемъ, а слѣдующіе по нумераціи снимки будутъ доставляться по мѣрѣ переписки исполненной имъ работы. Положено принять къ свѣдѣнію и ожидать присылки съ продолженіемъ.

Доложено Отдѣленію, что къ 1 мая, сроку для представленія сочиненій на соисканіе премій гр. Д. А. Толстого въ 1897 г. не было получено ни одного труда. Положено сообщить о томъ въ Правленіе Академіи Наукъ и г. Непремѣнному секретарю.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ представилъ въ Отдѣленіе пачку листовъ съ записями малорусскихъ пѣсенъ, сдѣланными Н. И. Коробко въ разныхъ мѣстностяхъ уѣздовъ Овручскаго, Ровенскаго, Житомирскаго и Новгородъ-Волынскаго (Волынской губ.) всего въ количествѣ 455 помѣченныхъ (=458: №№ 246, 398 и 399 на двухъ листкахъ каждый) листовъ (безъ № 355, оказавшагося недостающимъ), съ обозначеніемъ мѣстъ записи, и 78 №№ пѣсенъ непомѣченныхъ и безъ обозначенія, гдѣ онѣ были записаны. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что г. Коробко выразилъ желаніе, чтобы это собраніе пѣсенъ хранилось въ Отдѣленіи.

Читано письмо и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде, отъ 3 сего мая, на имя г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи акад. А. Ѳ. Бычкова, слѣдующаго содержанія: „Получивъ отъ факультета командировку въ Тульскую и Калужскую губерніи для изученія русскихъ народныхъ говоровъ и собиранія образцовъ народной рѣчи въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ пособіемъ отъ университета въ 125 руб., беру на себя смѣлость

Digitized by Google

обратиться къ вамъ съ вопросомъ, не подойдутъ ли мои лѣтнія занятія въ означенныхъ выше губерніяхъ подъ программу занятій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и, если подойдутъ, не могу ли я разсчитывать на нѣкоторую денежную субсидію отъ II Отдѣленія, такъ какъ на 125 руб. нельзя объѣхать двухъ губерній, пробывъ въ пути 3 мѣсяца. При содѣйствіи II Отдѣленія я могъ бы, по крайней мѣрѣ, обслѣдовать хоть одну Тульскую губернію. Надѣюсь на то, что II Отдѣленіе не откажетъ мнѣ въ командировкѣ и денежномъ пособіи, если я попрошу васъ ходатайствовать объ этомъ". По обсужденіи означенной просьбы г. Будде, она найдена заслуживающею вниманія и Отдѣленіе опредѣлило: 1) принять предложеніе г. Будде обслѣдовать говоры Тульской губерніи и просить его, по возвращеніи изъ командировки, представить въ свое время Отдѣленію русскаго языка и словесности отчетъ и собранные матеріалы, для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія, и 2) выдать на упомянутый выше предметъ профессору Е. Ѳ. Будде изъ суммъ Отдѣленія субсидію на означенную поѣздку.

Почти въ каждомъ засѣданіи Отдѣленія были сообща обсуждаемы доставляемыя Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и членами Отдѣленія замѣчанія на корректурные листы издаваемаго Отдѣленіемъ подъ редакціею акад. А. А. Шахматова Словаря русскаго языка.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ:

1) Учительницы Кугушерскаго начальнаго народнаго училища Яранскаго уѣзда Вятской губ. Серафимы Гудимовичъ экземпляра I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Кугушерги и приложеніями (на 4 листахъ) о селѣ Кугушергѣ и 9-тью №№ пѣсенъ.

2) Учителя Вас. Григор. Лавинскаго — экземпляра той же Программы (I) съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Ембулатова Буинскаго уѣзда Симбирской губ. (съ рукописнымъ прибавленіемъ на 8 листахъ).

3) Учителя Дубровскаго земскаго училища Тверской губ. Зубцовскаго уѣзда Гавріила Иванова—экземпляра II Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями его о говорѣ жителей деревни Дубровки (Тверской губ., Зубцовск. у., Ульяновской вол.) съ рукописнымъ

Digitized by Google

приложеніемъ (записей пѣсенъ сдѣланныхъ ученицами на 13 листахъ).

4) Учительницы Соколовскаго начальнаго народнаго училища (земской школы) Нолинскаго уѣзда, Вятской губ. О. А. Дьяконовой—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Соколова и приложеніемъ (на 40 листахъ) записей пѣсенъ.

5) Черезъ посредство г. директора народныхъ училищъ Симбирской губ.—экземпляра I Программы съ отмѣтками о говорѣ села Аргаша Корсунскаго уѣзда, съ приложеніями на 19 листахъ („Изложеніе особенностей говора крестьянъ села Аргаша Корсунскаго у., Симбирской губ. и записями пѣсенъ).

6) Учительницы Пышакскаго земскаго училища Орловскаго уѣзда, Вятской губ.—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Пышака и съ приложеніемъ „Списка мѣстныхъ словъ и выраженій, употребляющихся среди русскаго крестьянскаго населенія Вятской губ., Орловскаго у., села Пышака" (на 7 листахъ).

7) Учительницы Полынскаго земскаго училища Александры Косаревой — экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Полынки Слободского уѣзда, Вятской губерніи.

8) Его Высокопреподобія, г. ректора Костромской Духовной семинаріи, о. архимандрита Менандра—6 экземпляровъ I Программы съ замѣчаніями: а) воспитанника Костромской Духовной семинаріи Вячеслава Ласточкина о говорѣ жителей г. Галича Костромской губ. (съ приложеніемъ на 2 листахъ); б) съ наблюденіями г. Румянцева надъ говоромъ жителей дер. Борка Семеновской волости, Кинешемскаго у., Костромской губ. (съ приложеніемъ на 5 листахъ); в) съ наблюденіями Конст. Цвѣткова надъ говоромъ жителей села Якунькина Макарьевскаго уѣзда, Костромской губ. съ приложеніемъ (на 14 листахъ замѣчаній къ § 14—48 Программы: „Мѣры. Деньги. Люди по возрастамъ. Божба. Обращенія. Особенности словообразованія и т. п. Фразы съ особенностями. Пословицы, употребляемыя крестьянами. Пѣсни народныя. О селѣ Якунькинѣ); г) съ замѣтками воспитанника V класса Костромской Духовной семинаріи Конст. Клевцова — о говорѣ жителей села Халбужъ, Кологривовскаго у., Костромской губ.; д) съ замѣтками воспитанника же Костромской Духовной семинаріи—о говорѣ населенія Чухлом-

Digitized by Google

скаго, отчасти и Кологривовскаго, Солигаличскаго и Галичскаго уѣздовъ; е) съ замѣчаніями воспитанника той же семинаріи Александра Аристова о говорѣ жителей села Ильинскаго, Матвѣевской волости Кологривовскаго уѣзда съ приложеніемъ (на 32 листахъ): Предисловіе. Провинціализмы съ объясненіемъ ихъ. Пѣсни. Духовный стихъ. Хороводныя пѣсни. Замѣтки о нихъ. Пѣсни надгробныя. Замѣтка о плачахъ. Пословицы и прибаутки. Разсказъ, какъ образчикъ повѣствовательной рѣчи моихъ односельчанъ. Бесѣда двухъ бабъ. Отрывокъ изъ допроса. На сходкѣ. Послѣсловіе. Біографія автора замѣтокъ и объ исторіи и населеніи с. Ильинскаго.

9) Учителя Ивана Вечерина — экземпляра II Программы съ его замѣчаніями о говорѣ жителей села Жданова Курмышскаго у. Симбирской губ. съ приложеніемъ (на 13 листахъ): Особенныя слова, сказка и пѣсни въ записяхъ крестьянъ.

10) I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія отъ учительницы А. В. Косаревой — съ ея замѣчаніями о говорѣ жителей села Николаево-Березинскаго, Вятской губ., Слободского уѣзда, Островновской волости;

11) Учительницы Колобовскаго земскаго училища Нолинскаго уѣзда Вятской губ. Маріи И. Разумовской — съ замѣчаніями о говорѣ крестьянъ села Колобова и съ приложеніемъ (исторіи села Колобова, Словаря, Разсужденій одной крестьянки, пѣсенъ и пословицъ);

12) Штатнаго смотрителя Холмскаго уѣзднаго училища — съ замѣчаніями учителя Торопатцкаго сельскаго училища Холмскаго уѣзда, Псковской губ. Василія Покровскаго о говорѣ населенія села-погоста Торопатцы;

13) Учителя Оларевскаго Григорьевскаго училища, Вологодской губерніи и уѣзда Андрея Ѳ. Костылева — съ замѣчаніями о говорѣ населенія Оларевской волости (почт. станція);

14) Учительницы села Спасскаго Каинскаго округа, Томской губ. Маріамны Степановой замѣчанія о говорѣ населенія с. Спасскаго съ приложеніями на 6 листахъ (лл. 1—2: Исторія и описаніе села, особенности быта и языка жителей с. Спасскаго и окрестныхъ ему мѣстностей; лл. 1—4: приложеніе къ вопросу 39-му Программы о колдовствѣ, заговорахъ; л. 40—41: пословицы);

Digitized by Google

15) Учителя Бедрицкаго земскаго училища Мещовскаго уѣзда Калужской губ. Тихона Васил. Корнѣева—рукописная тетрадь на 48 листахъ (въ 4 д. л.) подъ заглавіемъ: „Особенности крестьянскаго говора въ деревняхъ, расположенныхъ вблизи города Мещовска“ (л. 2: Предварительныя свѣдѣнія; л. 3—26: Отвѣты на II Программу; л. 37 сл.: Мѣстныя слова и выраженія; л. 45: Пѣсня изъ д. Городищи (въ ученической записи); л. 46: Сказка о Струе и Струихе (дер. Колодези, въ ученич. записи);

16) При отношеніи г. ректора Тобольской духовной семинаріи отъ 18 марта 1897 г. за № 168—семь экземпляровъ I Программы:

а) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Василія Шумилова—съ замѣтками о говорѣ населенія села Большаковскаго (на р. Емуртлѣ) Ялуторовскаго округа.

б) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Ивана Поспѣлова—съ отмѣтками о говорѣ населенія села Уватскаго (Тобольскаго округа и губерніи) съ приложеніемъ на 22 листахъ (1. Образчикъ словаря языка и говора въ селѣ Уватскомъ (А—Ѳ), л. 1—13; 2. „Приговорка“ ребятъ при „Славленьи Христа“ (л. 13); 3. Названіе нѣкоторыхъ праздниковъ (л. 14); 4. Нѣкоторыя пословицы и побасенки (прибаутки); 5. Народныя пѣсни №№ 1—10 (л. 15); 6. Разсказъ о ванцахъ (Чуди), записанный со словъ крестьянина (л. 20); 7. Чудится (л. 21); 8. Краткое описаніе села Уватскаго Тобольскаго округа и губ. (л. 22 и обор.).

в) Отъ воспитанника VI класса Тобольской духовной семинаріи Николая Чистякова съ отмѣтками о говорѣ населенія села Моршихинскаго Тобольской губ., Курганскаго округа съ приложеніемъ на 7 листахъ (Словарчикъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросы № 46—47: Б—Ч, л. 1—2-й; Заговоры: отъ уро́ковъ (л. 3), отъ родимца, отъ безсонницы (л. 4), отъ кровотеченія (л. 4 об.); Пѣсня; Сказка (о Московск. цыганѣ); пословицы и поговорки (л. 6 об.); Заговоръ отъ кровотеченія (л. 7); о селѣ Моршихинскомъ (л. 7 и обор.).

г) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи V класса Антонина Виноградова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Утчанскаго Ишимскаго округа, Тобольской губ. съ приложеніемъ на 3 листахъ (о с. Утчанскомъ).

д) Отъ ученика Тобольской духовной семинаріи Петра Рубцова съ отмѣтками о говорѣ населенія станицы Арыкъ-Балыкской Кокчетаевскаго уѣзда, Акмолинской области и 2 приложе-

Digitized by Google

ніями: а) Общія замѣчанія о населеніи станицы (на л. 1—2) и б) „Наборъ словъ, употребляемыхъ казаками Арыкъ-Балыкской станицы“ (л. 3—8 и 9—11).

е) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи III класса Ивана Емельянова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Бронниковскаго Тобольскаго округа и губ. съ приложеніемъ на 12 л.: „Краткое описаніе Бронниковскаго села Тобольскаго округа и губерніи“ (л. 1); (л. 5): Пѣсни Бронниковскихъ крестьянъ № 1—9; л. 9 об.: „Выпись нѣкоторыхъ словъ говора Бронниковскихъ крестьянъ, словъ, мало знакомыхъ живущимъ въ городѣ и не принятыхъ въ литературномъ языкѣ“, Б—Я.

ж) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи (Парышева?) съ отмѣтками о говорѣ жителей села Курейнскаго Тобольской губ. (и деревень: Мартино и Степной) Курганскаго округа и съ приложеніями на 60 листахъ: а) л. 1: Описаніе села; л. 2—6: Пословицы, поговорки и присказки; б) л. 7—24 (Пѣсни), л. 25—42 (Пѣсни); л. 43—48: (Пѣсни); л. 49—58 (Пѣсни) и л. 59—60: Свадебная пѣсня (въ ученическихъ записяхъ).

17) Отъ учителя Ѳ. Костенко — экз. II Программы съ замѣчаніями о говорѣ населенія села Ивановскаго Льговскаго уѣзда, Курской губерніи.

18) Отъ учительницы Ивановскаго сельскаго училища Ялуторовскаго округа, Тобольской губ. экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей с. Ивановскаго (съ приложеніями на 5 листахъ).

19) Отъ г. Полубинскаго изъ Иркутска разсказа „Ближній сосѣдъ“, написаннаго имъ вслѣдствіе требованій I Программы для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Въ этомъ разсказѣ авторъ, описывая бытъ мѣстнаго населенія, ввелъ особенности мѣстнаго говора и мѣстныя слова.

Положено всѣ означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать ак. А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ отъ которыхъ они были получены выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова. По прежнимъ примѣрамъ извлеченія изъ присланныхъ сообщеній будутъ печататься въ „Матеріалахъ для изученія великорусскихъ говоровъ“, издающихся подъ редакціею А. А. Шахматова, словарный же матеріалъ будетъ имъ вводимъ въ печатающіеся (на букву Е—Ж) листы издаваемаго Отдѣленіемъ Словаря русскаго языка.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова.

Со времени избранія А. А. Шахматова въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности прошло болѣе двухъ лѣтъ. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ до выбора его въ адъюнкты была дана въ представленной мною запискѣ по случаю избранія его въ члены Академіи. Съ конца 1894 года А. А. Шахматовъ усердно и много трудится по порученію Отдѣленія. На него было возложено собраніе матеріаловъ для продолженія Словаря русскаго языка, и въ настоящее время къ печатанію втораго тома Словаря уже приступлено. Г. Шахматовъ значительно расширилъ первоначальный его объемъ, введя въ него, съ одобренія Отдѣленія, элементъ народной рѣчи. Составленный и напечатанный г. Шахматовымъ списокъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ матеріалы для словаря, показываетъ, какую массу труда онъ долженъ былъ употребить на это дѣло.

Одновременно съ Словаремъ русскаго языка онъ редактируетъ матеріалы для областного словаря Олонецкаго нарѣчія, собранные г. Куликовскимъ, къ которому присоединяетъ и имъ самимъ собранный матеріалъ по этому нарѣчію.

Изучая народные говоры русскаго языка, — предметъ, которымъ Алексѣй Александровичъ уже давно занимается, — онъ составилъ и напечаталъ программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Эти программы являются плодомъ многолѣтнихъ и тонкихъ наблюденій надъ живымъ русскимъ языкомъ. На эти программы, разосланныя разнымъ лицамъ, Отдѣленіе уже получило довольно значительное число отвѣтовъ, во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ. Извлеченія изъ тридцати двухъ разсмотрѣнныхъ г. Шахматовымъ такихъ отвѣтовъ онъ напечаталъ въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣленія. За послѣднее время вниманіе г. Шахматова привлекла „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. Плодомъ изученія этого памятника является: напечатанная въ „Из-

Digitized by Google

вѣстіяхъ“ Отдѣленія замѣчательная статья, обратившая на себя общее вниманіе: „Нѣсколько словъ о Несторовомъ житіи св. Ѳеодосія“;—помѣщенная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статья „Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и читанный въ Обществѣ любителей древней письменности рефератъ „Кѣмъ и когда составленъ лѣтописный сводъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, изложеніе содержанія котораго помѣщено въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ очень важной статьи, появившейся на страницахъ „Извѣстій“ Отдѣленія „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Смягченныя согласныя“, составляющей первую главу исторической грамматики русскаго языка, которою занимается г. Шахматовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ трудовъ Алексѣй Александровичъ напечаталъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ статьи: „Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи“ и „Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ“ и помѣстилъ разборы разныхъ сочиненій въ „Извѣстіяхъ“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ виду такой ревностной ученой дѣятельности А. А. Шахматова, онъ предлагается, съ разрѣшенія Августѣйшаго Президента Академіи, къ избранію въ экстраординарные академики.

II.

ПРАВИЛА

о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь.

Утверждены Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 8 мая 1897 года.

---

1) Преміи Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1881 году сумма 4000 руб., въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка, об-

Digitized by Google

ращенныхъ нынѣ въ свидѣтельства 4% Государственной ренты съ накопившимися на нее процентами.

2) Преміи эти присуждаются Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означаемы и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи: въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или въ произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *і*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ô*, *û*, *ê*, напр. кôнь, коня; нêсъ, несу; лêталъ, лечу; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ы*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ

Digitized by Google

случаяхъ, когда по-русски слышатся звуки *и* и *ы*, такъ какъ буквы *ы* и *и* произносятся малоруссами одинаково; 4) букву *э* также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ *е* означать буквою *е*.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означаемо его удареніе, и ко всѣмъ словамъ присоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) За словарь, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 3—8, назначается первая премія въ 4000 рублей, съ накопившимися на нихъ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря. Проценты, накопившіеся на сумму съ 1891 года по 1900 годъ, срокъ новаго конкурса, образуютъ вторую премію, которая присуждается за словарь, въ значительной степени удовлетворяющій выше изложеннымъ требованіямъ.

10) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

11) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1-го декабря 1900 года; въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представлено словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

12) Если представленный словарь не будетъ удостоенъ которой либо изъ премій, то проценты на суммы, назначенныя для премій за время до новаго конкурса, присоединяются къ нимъ.

13) По присужденіи премій конкурсъ на ихъ соисканіе закрывается.

14) Если будетъ присуждена только первая премія, то конкурсъ на соисканіе второй преміи закрывается и сумма назначенная на нее вмѣстѣ съ процентами сохраняется въ Академіи до объявленія новаго конкурса.

15) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой комиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой комиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непремѣнно долженъ быть чистый малоруссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

16) Отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова чи-

Digitized by Google

тается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

17) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ, чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

18) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

ЗА СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1897 ГОДА.

Г. предсѣдательствующій заявилъ о горькой утратѣ, постигшей Отдѣленіе. 31 іюля сего года въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ скончался ординарный академикъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, состоявшій членомъ Отдѣленія съ 3 іюня 1860 года. Подробныя воспоминанія о дѣятельности покойнаго были прочтены г. предсѣдательствующимъ въ сентябрьскомъ Общемъ Собраніи Академіи Наукъ [1]).

Представленный преподавателемъ Литовской Семинаріи г. Антономъ Вышемирскимъ рукописный сборникъ свадебныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ, съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора, со словъ крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ въ періодъ времени съ 1887 по 1890 гг. Ипполитомъ Харсевичемъ, состоявшимъ въ то время псаломщикомъ Хоревской церкви Пружанскаго уѣзда Гродненской губ., — положено, по разсмотрѣніи его академикомъ А. А. Шахматовымъ, препроводить къ проф. Имп. Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскому съ просьбой принять на себя трудъ извлеченія для напечатанія въ редактируемыхъ имъ, по порученію Отдѣленія, „Матеріалахъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“ — данныхъ по языку и словарю и, по миованіи надобности, — сборникъ этотъ переслать въ Отдѣленіе, для возвращенія его г. Вышемирскому.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ г. С. Н. Северьянова изъ Москвы картоновъ фотографическихъ сним-

---

[1]) См. въ Извлеченіяхъ изъ протокола Общаго Собранія 6 сентября 1897 г., въ „Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ“, т. VII № 4, за *ноябрь 1897 года* стр. XXXIX—XLIV.

Digitized by Google

ковъ съ Супрасльской рукописи, съ листовъ 45—69, и соотвѣтственнаго этимъ листамъ продолженія свѣрки означенныхъ снимковъ съ подлинною рукописью (квиніоновъ 4 и 5-го). — Положено пріобщить замѣчанія г. Северьянова и снимки къ полученнымъ ранѣе, въ первой присылкѣ.

Академикъ А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что С. Н. Северьяновъ, подъ ближайшимъ присмотромъ котораго производилось фотографированіе части текста Супрасльской рукописи XI в., хранящейся въ Люблянѣ, и отъ котораго въ два раза были получены результаты его сличительной работы фотографическаго снимка съ подлинною рукописью (лл. 1—68 а и б), находится нынѣ въ Санктпетербургѣ и обращается къ Отдѣленію съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Супрасльская рукопись извѣстна теперь въ трехъ своихъ фрагментахъ: въ начальномъ, хранимомъ въ г. Люблянѣ, въ Австріи; въ серединномъ — въ Петербургѣ и въ конечномъ — въ Варшавѣ. До сихъ поръ наука пользовалась этимъ памятникомъ старославянскаго языка по существующему изданію Миклошича, изданію, исполненному небрежно. Въ литературѣ появились работы по исправленію изданія, но, во 1-хъ, не простирались вовсе на первую половину памятника; во 2-хъ, и въ области второй половины рукописи не исчерпывали всѣхъ ошибокъ изданія. Въ виду важности памятника я обратился къ нему съ мыслью о переизданіи. Дать свѣту исправный текстъ въ его палеографической картинѣ было поставлено цѣлью изданія. Изготовивъ списки всей рукописи, какъ она дошла до нашихъ дней, и хорошо вывѣривъ копію съ пергаменомъ непосредственно, я рѣшаюсь предложить Академіи Наукъ помочь мнѣ осуществить переизданіе, такъ какъ я не имѣю собственныхъ средствъ для печатанія. Собственно изданіе памятника я не ограничиваю только палеографической картиной текста, но имѣю въ виду и аналитическую часть изданія, какъ я склоненъ назвать статистическую передачу лексическихъ, морфологическихъ и фонетическихъ фактовъ языка памятника. Эта вторая часть обрабатывается мною въ настоящее время и находится еще въ той стадіи, что я считаю за нужное просить Академію объ осуществленіи пока первой части работы. Неотложная нужда въ литературѣ побуждаетъ меня къ такому ходатайству". — При этомъ были представлены образцы печатнаго набора. Отдѣленіе, отнесясь съ живѣйшимъ участіемъ къ пред-

Digitized by Google

ложенію г. Северьянова и въ виду того, что изданіе исполненнаго по предложенію академика И. В. Ягича и при его руководствѣ полнаго фотографическаго снимка хотя бы одной люблянской части Супрасльской рукописи потребовало бы большихъ издержекъ и было бы все-таки не вполнѣ достаточнымъ пособіемъ къ изученію текста Супрасльской рукописи, опредѣлило: 1) приступить нынѣ же къ изданію Супрасльской рукописи въ полномъ ея объемѣ типографскимъ способомъ, для чего воспользоваться матеріалами, собранными г. Северьяновымъ; 2) общую редакцію изданія и наблюденіе за нимъ просить принять на себя академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Шахматова; 3) самое печатаніе текста и вообще веденіе изданія поручить г. Северьянову, который въ нынѣшнее свое пребываніе въ Петербургѣ можетъ установить порядокъ набора и веденія изданія; 4) церковно-славянскій текстъ памятника печатать страница въ страницу и строка въ строку, необходимыя примѣчанія палеографическаго и отчасти критическаго характера печатать внизу страницы подъ строкой; 5) печатать означенный трудъ г. Северьянова отдѣльнымъ изданіемъ на счетъ Отдѣленія, 6) просить академическую типографію приступить къ набору текста немедленно и вести его безостановочно и 7) выразить отъ имени Императорской Академіи Наукъ признательность графу М. Ѳ. Замойскому, къ фамильной библіотекѣ котораго г. Северьяновъ получилъ доступъ для занятій хранящимся тамъ отрывкомъ упомянутой рукописи, а также библіотекарю этой библіотеки Ѳ. А. Корзону и проф. Императорскаго Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскому, благодаря содѣйствію и просвѣщенному вниманію которыхъ г. Северьянову было облегчено пользованіе и тою частью Супрасльской рукописи, которая хранится въ Варшавѣ. — Вскорѣ затѣмъ, г. предсѣдательствующимъ былъ представленъ Отдѣленію первый сверстанный листъ печатнаго изданія текста всей Супрасльской рукописи XI в.; послѣднее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, постановило вести печатаніе и далѣе по представленному образцу.

По порученію Отдѣленія, составленіе Отчета о дѣятельности его за 1897 годъ принялъ на себя академикъ М. И. Сухомлиновъ. Положено озаботиться доставленіемъ Михаилу Ивановичу своевременно необходимыхъ матеріаловъ и обра-

Digitized by Google

титься съ такою же просьбою къ членамъ Отдѣленія, проживающимъ внѣ Санктпетербурга. — Но по случаю неожиданно постигшей затѣмъ акад. М. И. Сухомлинова болѣзни, составленіе этого отчета принялъ на себя г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Составленные имъ какъ Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1897 г., такъ и краткій отчетъ о присужденіи въ этомъ году Ломоносовской преміи были прочитаны въ Отдѣленіи и одобрены послѣднимъ.

Читано письмо проф. Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде къ г. предсѣдательствующему, въ которомъ онъ сообщаетъ, что отчетъ о своей поѣздкѣ съ цѣлію изученія народныхъ говоровъ, для совершенія которой Отдѣленіе назначило ему денежное пособіе, будетъ въ скоромъ времени доставленъ въ Отдѣленіе. Принято къ свѣдѣнію.

Читано препровожденное на заключеніе Отдѣленія г. непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ письмо г-жи М. В. Безобразовой съ просьбою о напечатаніи въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“ труда ея: „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и съ запросами о томъ: а) имѣетъ ли она право поставить вторымъ заголовкомъ: „Опытъ исторіи философіи въ Россіи, ч. I-я“, б) въ какой степени слѣдуетъ ей пользоваться указаніями ея рецензента проф. Духовной Академіи А. И. Пономарева, в) слѣдуетъ ли ей совершенно заново переработать этотъ трудъ и какъ понимать слова проф. Пономарева „объ изложеніи и языкѣ“. Отдѣленіе постановило просить г. непремѣннаго секретаря Академіи доставить рукопись труда г-жи Безобразовой на разсмотрѣніе гг. членовъ Отдѣленія, которая, по полученіи, и была передана на заключеніе акад. А. А. Шахматова, сообщившаго о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе М. В. Безобразовой „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ статей о славянскихъ, русскихъ и славяно-русскихъ переводахъ памятниковъ философской литературы и изъ небольшого заключенія. Во введеніи мы встрѣчаемъ рядъ общихъ положеній, выясняющихъ взглядъ автора на исторію философіи въ Россіи; между прочимъ, находимъ здѣсь утвержденіе, что философскія мысли издавна были не чужды русскимъ людямъ, что это дѣлаетъ даже возможною исторію русской философіи, начиная съ XI в.; охарактеризовавъ главныя направленія русской философіи въ различные періоды ея существованія, г-жа

Digitized by Google

Безобразова дѣлитъ исторію этой философіи на три періода. Разсмотрѣнныя ею сочиненія относятся всѣ къ первому періоду, обнимающему XI—XVI вв. Имѣя въ виду, что, по словамъ самой г-жи Безобразовой, для того, чтобы подвести итоги нашему философскому прошлому, „требуется, чтобы философскіе памятники, которые теперь не всѣ еще извѣстны, были бы изучены со всѣхъ сторонъ, и въ особенности со стороны историко-философской", что, по указанію автора, такая работа только начата, при чемъ памятники далеко не всѣ разсмотрѣны и изучены, — дѣленіе нашей философіи на періоды, общіе выводы на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ философскихъ памятниковъ о различныхъ направленіяхъ философской мысли представляются слишкомъ поспѣшными. Вотъ почему желательна была бы, — въ томъ случаѣ, если сочиненіе г-жи Безобразовой будетъ напечатано, — полная переработка первой его части — введенія. Обращаясь къ отдѣльнымъ статьямъ, слѣдующимъ за введеніемъ, нельзя не замѣтить, что многія изъ нихъ содержатъ въ себѣ довольно обстоятельныя историко-литературныя изслѣдованія о произведеніяхъ древней русской словесности; впервые здѣсь видимъ попытку взглянуть на нѣкоторыя изъ нихъ съ точки зрѣнія ихъ философскаго значенія. Но, къ сожалѣнію, авторъ, и какъ это видно изъ введенія — умышленно, не провелъ должнаго различія между тремя совершенно разнородными по происхожденію памятниками, имъ изученными. Во 1-хъ, находимъ здѣсь памятники церковно-славянской или древне-болгарской литературы (Кириллъ Философъ, Іоаннъ екзархъ Болгарскій), во 2-хъ переводные памятники съ греческаго языка и, наконецъ, въ 3-хъ, памятники русскіе или возникшіе въ Россіи. Только эти послѣдніе памятники могутъ въ строгомъ смыслѣ свидѣтельствовать о развитіи философской мысли у насъ въ Россіи, а первые два вида памятниковъ важны для насъ только настолько, насколько оказывали вліяніе на чисто русскія произведенія или подвергались измѣненіямъ и дополненіямъ въ Россіи. Вотъ почему въ сочиненіи, озаглавленномъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи", не мѣсто разбору статей Изборника 1073 г., составленнаго, а точнѣе — переведеннаго съ греческаго языка для Симеона Болгарскаго, или еще анализу „Пчелы", точному изслѣдованію, изъ какихъ именно греческихъ философовъ заносились въ нее разныя мысли и изреченія. „Пчела" принадлежитъ русской

Digitized by Google

литературѣ только настолько, насколько она отразилась на рядѣ русскихъ памятниковъ, напр. на Словѣ Даніила Заточеника. Въ виду этого желательно было бы выдѣленіе изъ всего сочиненія г-жи Безобразовой именно тѣхъ статей, которыя прямо относятся къ исторіи русской литературы; сюда относятся: Посланіе митрополита Никифора, Слово Даніила Заточеника, Уставъ Нила Сорскаго, Сочиненія Максима Грека. Эти статьи будутъ вкладомъ въ русскую литературу, при чемъ, разумѣется, Слово Даніила и Сочиненія Максима Грека должны быть переработаны въ томъ смыслѣ, чтобы исходнымъ пунктомъ служили именно они, а не вліявшія или вызвавшія ихъ сочиненія — Пчела и Люцидарій. Равнымъ образомъ въ изданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности могли бы быть помѣщены, но не подъ общимъ заглавіемъ съ упомянутыми выше статьями, изслѣдованія о Кириллѣ Философѣ и объ Іоаннѣ екзархѣ Болгарскомъ. Такимъ образомъ, въ изданіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ могутъ быть напечатаны слѣдующія статьи изъ сочиненія г-жи Безобразовой: Посланіе Никифора, Уставъ Нила Сорскаго, о Словѣ Даніила Заточеника, о сочиненіяхъ Максима Грека (послѣднія двѣ статьи въ переработкѣ), а также статьи о Кириллѣ и объ Іоаннѣ екзархѣ Болгарскомъ". Положено передать этотъ отзывъ академика А. А. Шахматова въ копіи, вмѣстѣ съ рукописью г-жи Безобразовой, — г. непремѣнному секретарю Академіи.

Вслѣдствіе предложенія Академіи г-жа М. В. Безобразова обратилась къ Отдѣленію съ запискою слѣдующаго содержанія: „Желая приступить къ переработкѣ указанныхъ статей, покорнѣйше прошу II Отдѣленіе мнѣ сообщить, будутъ ли напечатаны отрывки изъ моей работы въ изданіяхъ Академіи въ теченіе 1898 года". Положено просить А. А. Шахматова снестись съ г-жой Безобразовой для опредѣленія того, какія изъ статей труда ея могли бы быть помѣщены, въ видѣ отрывковъ изъ послѣдняго, въ ближайшихъ томахъ Сборника Отдѣленія или въ одной изъ книжекъ III тома Извѣстій Отдѣленія.

Читана записка магистранта В. В. Сиповскаго слѣдующаго содержанія: „Обращаюсь во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ покорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи въ моихъ ученыхъ занятіяхъ. Продолжая заниматься разработкой литературной исторіи „Писемъ русскаго путешественника" Карамзина, я встрѣтился съ вопросомъ о цензур-

Digitized by Google

ной исторіи „Писемъ“; разрѣшеніе этого вопроса помогло бы мнѣ возстановить до нѣкоторой степени первоначальный видъ „Писемъ русскаго путешественника“. Именными Высочайшими указами: 16 сентября 1796 г. (1-е Полн. Собр. Зак., т. XXIII, № 17508), 22 октября 1796 г. (ibid. № 17523) и 16 февраля 1796 г. (т. XXIV, № 17811) — учрежденная „цензура“ поставлена въ зависимость отъ 3-го Департамента Правительствующаго Сената. Такимъ образомъ, дѣло о „Письмахъ русскаго путешественника“ должно находиться въ Архивѣ Московскаго Сената. Не будучи самъ въ состояніи ѣхать въ Москву, не зная навѣрно, сохранились ли дѣла, меня интересующія, рѣшаюсь обратиться съ просьбою ко II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, не отказать мнѣ въ отправленіи запроса въ Архивъ Московскаго Сената относительно того, сохранились ли бумаги Архива за 1797 г., касающіяся „Писемъ русскаго путешественника“. Кромѣ Архива Московскаго Сената бумаги, относящіяся къ интересующему меня вопросу, могутъ находиться и въ Архивѣ Императорскаго Московскаго университета, такъ какъ цензоромъ „Писемъ русскаго путешественника“ былъ проф. Прокоповичъ-Антонскій и разрѣшеніе, имъ данное на печатаніе „Писемъ русскаго путешественника“, совершенно тожественно, и по формѣ, и по содержанію, съ тѣми, которыя выдавались, когда цензура подчинена была Московскому университету. Поэтому я покорнѣйше прошу II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ послать запросъ и въ Архивъ Московскаго университета относительно цензурныхъ дѣлъ 1797 года“. — По сдѣланіи Отдѣленіемъ сношеній съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи и Императорскимъ Московскимъ университетомъ, были получены отвѣты: 1) отъ г. ректора сего университета, что въ Архивѣ онаго находятся дѣла только съ 1813 г., до этого же времени всѣ дѣла погибли отъ огня во время пожара 1812 года, и 2) отъ директора упомянутаго выше Архива, что хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Сенатскія производства, въ томъ числѣ и дѣла 3-го Департамента Правительствующаго Сената, по времени относятся къ 1711—1796 гг.; дѣла же послѣдующихъ лѣтъ находятся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ. Сверхъ сего, г. Министръ Юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, вслѣдствіе ходатайства Отдѣленія, увѣдомилъ о разрѣшеніи магистранту В. В. Сиповскому приступить къ занятіямъ въ

Digitized by Google

Сенатскомъ Архивѣ и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, съ цѣлію ознакомленія съ хранящимися въ этихъ архивахъ цензурными дѣлами XVIII ст. Обо всемъ вышеизложенномъ положено увѣдомить г. Сиповскаго.

Въ дополненіе къ предложенію, внесенному въ одно изъ весеннихъ засѣданій Отдѣленія, объ изданіи сочиненій русскихъ писателей, начиная съ древнѣйшаго времени, и отдѣльныхъ безыменныхъ памятниковъ русской словесности, академики М. И. Сухомлиновъ и А. А. Шахматовъ представили нынѣ на обсужденіе сочленовъ подробный планъ этого изданія и свѣдѣнія о способѣ изданія и пріемахъ, которыхъ необходимо слѣдуетъ при этомъ держаться. Предложеніе это сочувственно принято Отдѣленіемъ и къ подробному обсужденію его частностей положено обратиться въ ближайшее засѣданіе. Разсмотрѣвъ затѣмъ записку академиковъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, Отдѣленіе постановило: 1) приступить на предложенныхъ въ упомянутой запискѣ основаніяхъ къ изданію; 2) просить принять на себя редакцію и завѣдываніе этимъ дѣломъ академика М. И. Сухомлинова и 3) ходатайствовать объ отпускѣ особой суммы на это изданіе.

Академикъ А. А. Шахматовъ представилъ вниманію Отдѣленія полученный имъ отъ кандидата Санктпетербургской Духовной Академіи Д. И. Абрамовича планъ его труда (см. въ *Приложеніи* II-мъ), посвященнаго изученію сочиненій, приписываемыхъ преподобному Нестору Лѣтописцу. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что въ виду того, что въ Отдѣленіи уже состоялось рѣшеніе приступить по опредѣленной программѣ къ изданію сочиненій русскихъ писателей, начиная съ самаго древняго времени, полезно было бы поручить г. Абрамовичу приготовленіе къ печати сборника литературныхъ трудовъ, приписываемыхъ препод. Нестору, по представленному имъ плану. Отдѣленіе вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ акад. А. А. Шахматова.

Завѣдующій редакціей Словаря русскаго языка академикъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что на дняхъ имъ будетъ приступлено къ версткѣ первыхъ листовъ 4-го выпуска (1-го выпуска II тома) Словаря и что корректуры перваго сверстаннаго листа, для разсмотрѣнія и замѣчаній, будутъ разосланы своевременно. При этомъ акад. Шахматовъ указалъ на одного изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ,

Digitized by Google

учителя прежде Мещовскаго, нынѣ Боровскаго уѣзднаго училища В. И. Чернышева, и высказалъ надежду, что со временемъ, быть можетъ, удастся устроить переводъ его въ Петербургъ и тѣмъ самымъ доставить ему возможность быть еще болѣе усерднымъ вкладчикомъ въ Словарь отечественнаго языка.

Вскорѣ затѣмъ тотъ же академикъ прочелъ составленное имъ Предисловіе къ 4-му выпуску Словаря. Отдѣленіе одобрило къ напечатанію это Предисловіе и положило присоединить его къ означенному выпуску Словаря.

Читано отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ слѣдующаго содержанія: „Въ текущемъ году Министерство Народнаго Просвѣщенія входило къ Министру Финансовъ съ ходатайствомъ о продолженіи отпуска изъ казны кредита на изданіе Императорской Академіи Наукъ историческихъ документовъ и памятниковъ, относящихся до исторіи Академіи. Въ настоящее время статсъ-секретарь С. Ю. Витте увѣдомилъ меня, что онъ, съ своей стороны, не можетъ не обратить вниманія на то, что на изданіе указанныхъ документовъ изъ казны отпущено уже по настоящее время 64.000 р., на каковую сумму издано 8 томовъ Матеріаловъ по исторіи Академіи Наукъ. Въ настоящее же время, для доведенія этого изданія до 1801 года, предполагается издать еще около 12 томовъ, приблизительно по 4000 р. за томъ. Такимъ образомъ, общая стоимость изданія опредѣлится въ 112.000 р., т. е. въ сумму, которая едва ли можетъ считаться соотвѣтствующей значенію этого изданія въ ряду другихъ историческихъ матеріаловъ. Посему статсъ-секретарь Витте, находя нежелательною затрату на это изданіе слишкомъ значительныхъ средствъ, полагалъ бы необходимымъ, ранѣе приступа къ продолженію изданія, принять мѣры къ возможному сокращенію исчисляемыхъ на этотъ предметъ расходовъ, чего, по видимому, можно было бы достигнуть путемъ болѣе строгаго разбора хранящихся въ архивахъ Академіи Наукъ памятниковъ и документовъ и напечатанія только тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно могутъ имѣть серьезное историческое значеніе. О такомъ отзывѣ Министра Финансовъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества". — По выслушаніи означеннаго отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Отдѣленіе обратилось съ просьбой къ академику М. И. Сухомлинову дать

Digitized by Google

по поводу сообщенныхъ замѣчаній статсъ-секретаря С. Ю. Витте свой отзывъ, чтобы, основываясь на немъ, Отдѣленіе могло ходатайствовать о продолженіи отпуска суммы въ прежнемъ размѣрѣ. Къ этому побуждаетъ Отдѣленіе еще и то обстоятельство, что на эту сумму, кромѣ изданія матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ, могли бы быть издаваемы въ хронологическомъ порядкѣ творенія русскихъ писателей, начиная съ начала русской письменности, что́ является одною изъ обязанностей Отдѣленія русскаго языка и словесности, унаслѣдованной еще отъ ея предшественницы, бывшей Императорской Россійской Академіи, — и составляетъ предметъ первой необходимости для дальнѣйшаго успѣшнаго изученія русскаго языка и отечественной литературы.

Присланные проф. Императорскаго Новороссійскаго университета В. М. Истринымъ греческіе тексты: I: Даніилъ и три отрока по Cod. Barberinus и II: по Cod. Vallicellaneus — положено принять для напечатанія въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ А. Н. Веселовскій заявилъ о полученномъ имъ письмѣ отъ проф. Имп. Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ г. Карла Крона, съ просьбою указать ему, къ кому онъ долженъ обратиться за полученіемъ разрѣшенія для пользованія и печатанія рукописныхъ текстовъ финскихъ рунъ, находящихся въ собраніи бумагъ покойнаго академика Шёгрена (во II-мъ — иностранномъ Отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ), — въ приготовляемомъ имъ къ печати критическомъ изданіи фин-скихъ народныхъ пѣсенъ. Отдѣленіе, выслушавъ сообщеніе академика Веселовскаго, опредѣлило передать просьбу проф. Крона г. непремѣнному секретарю Академіи для доклада Общему Собранію.

Отдѣленіе, признавая необходимымъ разрѣшить коллежскому ассесору П. В. Шейну закончить печатаніе 2-го выпуска I тома составленнаго имъ сборника великорусскихъ пѣсенъ, опредѣлило: 1) издержки по допечатанію I-го тома упомянутаго изданія принять на счетъ Отдѣленія и 2) увѣдомить о томъ типографію Академіи Наукъ.

Читано письмо г-жи Антонины Юшкевичъ (изъ гор. Юрьева, Лифляндской губ.), которымъ она увѣдомляетъ о полученіи назначенныхъ ей 200 экз. 1-го выпуска Литовскаго словаря Антона Юшкевича и выражаетъ Отдѣленію благодарность за доставленіе ихъ.

Digitized by Google

Читана препровожденная изъ Канцеляріи г. непремѣннаго секретаря Имп. Академіи Наукъ записка преподавателя Тобольской духовной семинаріи Ив. Ловягина слѣдующаго содержанія: „Представляя одновременно съ симъ въ десяти экземплярахъ брошюру — отрывокъ изъ предположеннаго къ изданію въ свѣтъ „Объяснительнаго славяно-греко-русскаго словаря“, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не найдете-ли возможнымъ предложить означенную брошюру милостивому и благосклонному вниманію Августѣйшаго Президента и гг. академиковъ, каковое вниманіе со стороны ученѣйшей корпораціи послужитъ мнѣ необходимою поддержкою при предпринятомъ мною не маломъ трудѣ“. Доставленные экземпляры означенной записки г. Ловягина съ образчикомъ его труда были розданы гг. присутствовавшимъ. Отдѣленіе, разсмотрѣвъ отрывокъ составляемаго г. Ловягинымъ Славяно-греко-русскаго словаря по книгамъ Св. Писанія и книгамъ богослужебнымъ, нашло предпринятый имъ трудъ весьма полезнымъ не только въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, но также съ точки зрѣнія науки о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ и вообще славяно-русской филологіи. Судя по предложенному отрывку, Словарь составляется по плану, строго выдержанному, и руководствуется пріемами, заслуживающими полнаго одобренія. Впрочемъ, въ предпосланномъ отрывку предисловіи недостаточно ясно выражено, заносятся-ли въ Словарь всѣ слова изслѣдуемыхъ текстовъ или же только малопонятныя и непонятныя. Желательно было бы включеніе въ Словарь рѣшительно всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ книгахъ Св. Писанія и богослужебныхъ, при чемъ простыя, всѣмъ понятныя слова могли бы сопровождаться одною или двумя оправдательными ссылками. Не мѣшало бы приводить въ красной строкѣ нѣкоторыя образованія и формы со ссылками на то слово, подъ которымъ найдется къ нимъ объясненіе. Такъ формы: *обрѣтоша*, *обрѣтый* относятся собственно не къ *обрѣтати*, а къ *обрѣсти*. Поэтому слѣдовало бы привести *обрѣсти* въ красной строкѣ, сдѣлать ссылку на *обрѣтати*, а въ ссылкахъ на случаи, гдѣ встрѣчается *обрѣтати*, различить формы, восходящія къ основѣ *обрѣта*-ти и къ основѣ *обрѣт*(с)-ти. То же относительно *обраща*-ти при *обрати*-ти, *обнажа*-ти при *обнажи*-ти и т. д.

Вообще, не мѣшало бы имѣть въ виду филологическую сто-

Digitized by Google

рону языка и для этого строго различать различныя глагольныя основы. Въ красной строкѣ, напр., читаемъ: Обинитися, обинутися. Далѣе приводятся ссылки, при чемъ въ одной изъ нихъ встрѣтилась форма обинухся. Остается невыясненнымъ, какія именно формы находятся въ остальныхъ мѣстахъ: тѣ-ли, которыя восходятъ къ *обини*-тися, или тѣ, которыя возводятся къ *обину*-тися. Не лишне было бы поэтому нѣсколько чаще приводить ту формy слова, которая встрѣтилась въ томъ или другомъ текстѣ. Нѣкоторыя, съ точки зрѣнія славянской грамматики, неправильности въ образованіи временъ глаголовъ, падежей и т. п., можетъ быть, также не лишне бы оговаривать. Весьма полезно было бы указаніе удареній на словахъ, приведенныхъ въ красной строкѣ. Весьма сочувствуя работѣ г. Ловягина, Отдѣленіе рѣшило выслать ему въ даръ слѣдующія свои изданія, могущія служить справочными руководствами: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка И. Срезневскаго, Грамматику церковно-славянскаго языка Востокова, Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь и Церковно-славянскій словарь Востокова.

Сообщено о полученіи отъ г. Н. Пѣнькевича (изъ г. Замостья, Люблинской губ.) записки съ указаніемъ пропущенныхъ въ „Академическомъ словарѣ“ словъ: амеба, викунья, гуро, детритъ и фильдекосовый.

На запросъ г. А. Д. Шевчука (со ст. Рахны-Лѣсовые, Подольской губ.) „о разъясненіи, какъ правильнѣе пишутся слова: мѣстность *обезлѣшенная* или обезлѣсенная? и употребляются ли выраженія (вм. лѣса уничтожаются) *обезлѣшиваются* мѣстности, *обезлѣшиваю?*“ — положено передать письмо г. Шевчука съ просьбою сообщить свое мнѣніе по сему запросу акад. А. А. Шахматову, который вскорѣ и представилъ слѣдующія свои соображенія по сему случаю: „Сравненіе съ образованіями, какъ *навѣшенный*, *навѣшивать* при *навѣсить*, *окрашенный*, *окрашивать* при *окрасить*, указываетъ на то, что слѣдовало бы ожидать при *обезлѣсить* — *обезлѣшенный*, *обезлѣшивать*. Но глаголъ *обезлѣсить* сравнительно новаго происхожденія и этимъ объясняется нерѣдкое теперь произношеніе — *обезлѣсенный*, *обезлѣсивать*. Во всякомъ случаѣ такое произношеніе болѣе употребительно, чѣмъ то болѣе правильное съ точки зрѣнія русской грамматики“.

На свободную вакансію ординарнаго академика Отдѣленія русскаго языка и словесности, съ соизволенія Его Император-

Digitized by Google

скаго Высочества Августѣйшаго Президента Имп. Академіи Наукъ, былъ предложенъ извѣстный своими учеными трудами членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. Н. Пыпинъ. По прочтеніи въ Отдѣленіи записки объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина, составленной академикомъ Л. Н. Майковымъ, была произведена баллотировка шарами, при чемъ А. Н. Пыпинъ оказался единогласно избраннымъ въ ординарные академики. Положено сообщить объ этомъ г. непремѣнному секретарю Академіи Наукъ для представленія о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина. (См. въ Приложен. I).

Въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ бывшій проф. Имп. Юрьевскаго университета Иванъ Александровичъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, о чемъ и положено сообщить г. непремѣнному секретарю Академіи выпискою изъ протокола для внесенія въ ближайшее засѣданіе Общаго Собранія.

Вслѣдствіе просьбы г-на Коробка о доставленіи ему на нѣкоторое время рукописнаго сборника малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Волынской губ., и имъ принесеннаго въ даръ Отдѣленію, — положено означенный сборникъ препроводить къ акад. А. А. Шахматову для передачи просителю.

Г-нъ Найденъ Геровъ (изъ Филиппополя), препровождая въ Отдѣленіе два экз. II-го тома издаваемаго имъ Словаря болгарскаго языка, обратился къ Академіи Наукъ съ просьбою прислать ему по одному экземпляру тѣхъ изъ числа изданныхъ ею Словарей русскаго языка, которыя могли бы ему служить пособіемъ при изданіи остальныхъ трехъ частей его Словаря болгарскаго языка. Положено принять къ свѣдѣнію и послать г. Герову по экземпляру: 4-го выпуска Словаря русскаго языка и всѣхъ вышедшихъ выпусковъ Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, о чемъ и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе по Книжному складу Академіи Наукъ.

Читано письмо библіотекаря Науковаго товариства имени Шевченка во Львовѣ, г. М. Павлика, съ благодарностью за присылку Сборника Отдѣленія и другихъ изданій и съ просьбою о досылкѣ Товариству недостающихъ томовъ Сборника и Сочиненій Ломоносова и Державина. Положено просьбу эту удовлетворить.

Digitized by Google

Г. непремѣнный секретарь Имп. Академіи Наукъ, письмомъ на имя г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, академика А. Ѳ. Бычкова, увѣдомилъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ М. И. Михельсонъ представилъ въ Академію 15.000 рублей на учрежденіе преміи его имени за труды въ области науки о русскомъ языкѣ и составленный имъ проектъ правилъ для присужденія этихъ премій. Препровождая проектъ этотъ въ подлинникѣ, г. непремѣнный секретарь присовокупилъ, что Общее Собраніе Академіи Наукъ, въ декабрьскомъ засѣданіи своемъ, постановило передать означенный проектъ правилъ на обсужденіе II Отдѣленія и, согласно желанію жертвователя, при обсужденіи проекта, пригласить его въ засѣданіе Отдѣленія, для сообщенія тѣхъ основаній, которыя имъ руководили при составленіи Правилъ. По ознакомленіи съ проектированными г. Михельсономъ правилами, Отдѣленіе нашло необходимымъ измѣнить постановку и редакцію нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, съ какovыми измѣненіями согласился и учредитель преміи М. И. Михельсонъ. Посему Отдѣленіе постановило сообщить г. непремѣнному секретарю Академіи, для доклада Общему Собранію, о сдѣланныхъ Отдѣленіемъ измѣненіяхъ въ проектѣ правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, — для утвержденія ихъ.

Сообщено о полученіи отъ директора народныхъ училищъ Тульской губ. 2-хъ экз. II-ой Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія — съ отмѣтками объ особенностяхъ говоровъ Крапивенскаго и Веневскаго уѣздовъ, сдѣланными священникомъ Вл. Іоанн. Благовѣщенскимъ. Положено выразить о. Благовѣщенскому отъ имени Отдѣленія признательность за доставленіе столь любопытныхъ матеріаловъ, которые и передать академику А. А. Шахматову.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи нижепоименованныхъ матеріаловъ по говорамъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, вызванныхъ вопросами, разосланными отъ Отдѣленія въ разныя губерніи въ видѣ I, II и III-й Программъ для собиранія особенностей народныхъ говоровъ, — отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій:

1) Учительницы Брюхачевой (?) — экз. I Программы съ отмѣтками свѣдѣній о говорѣ жителей деревни Большое Жирново (Вятской губ., Малмыжскаго уѣзда, Вихаревской волости), съ приложеніемъ на 4 листахъ. — 2) Учительницы Константи-

Digitized by Google

новскаго училища Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ., Евдокіи Садовской — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ населенія села Константиновскаго, съ приложеніемъ (о селѣ Константиновскомъ) на 2-хъ листахъ. — 3) Учительницы Кизнерской земской школы Клавдіи Воробьевой — экз. I Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія села Кизнери Малмыжскаго уѣзда Вятской губ., съ приложеніями на 6-ти листахъ (1 а и б: о селѣ Кизнерь, 2 л.: названія птицъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, кушаній, 3 л.: пѣсня, записанная со словъ работницы, пріѣхавшей изъ Елабужскаго уѣзда, пѣсня, записанная со словъ мѣстной крестьянки, и 4 листъ: игра въ карты, словарь и фразеологія. — 4) Миссіонера Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ Архангельской епархіи, священника Николая Дьячкова изъ г. Кеми — экз. I-ой Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей города Кеми Архангельской губ. и съ свѣдѣніями о гор. Кеми. — 5) Учителя Касимовскаго духовнаго училища Владимира Ильинскаго — экз. II-й Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей гор. Касимова, съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Особенныя слова и выраженія говора жителей гор. Касимова“. — 6) Учителя земскаго начальнаго народнаго училища въ деревнѣ Отарáхъ Владимира Сергѣева — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ деревни Отаръ и Пегануръ Кадомской волости, Ранскаго уѣзда, Вятской губ., съ приложеніями на 7 листахъ (словарь, пѣсни и т. д.). — 7) Учительницы Смородинскаго училища Анненковой — рукописной тетради: „Отвѣты на вопросы Программы для собиранія южно-великорусскаго нарѣчія“ стр. 1: говоръ крестьянъ села Смородины, Курской губ., Грайворонскаго уѣзда, Дорогощанской волости. Звуки гласные и т. д.; стр. 25: Пѣсни мѣстныхъ крестьянъ, пѣсни свадебныя, поздравленія съ новымъ годомъ; стр. 26: загадки, сказка про мужика, медвѣдя и лису; стр. 27: краткое описаніе села Смородины (всего 30 страницъ). — 8) Учительницы Столыпинскаго сельскаго училища Зубцовскаго уѣзда, Тверской г., Юліи Ѳедоровны Рахманиной — экз. I-й Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Столыпина съ приложеніемъ (на 46 страницахъ): Пѣсни (с. 1—8), прибаутки (9), пѣсни хороводныя (20), пѣсни свадебныя (29), поговорки (36), примѣты, сказки (37): 1) Баба-яга, 2) Яшка-мѣдная пряжка; замѣчанія о селѣ Столыпинѣ (45—46). — 9) Учителя земской школы Ивана

Digitized by Google

А. Утѣхина — экз. I Программы съ замѣчаніями объ особенностяхъ говора жителей села Судосева, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., съ приложеніемъ на 4 страницахъ „Краткой исторіи села Судосева". — 10) Учительницы Вѣтчанскаго сельскаго училища Людмилы Петровны Крашенинниковой — экз. II Программы съ замѣчаніями о говорѣ населенія деревни Вѣтчаны Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Пѣсни которыя поются дѣвицами д. Вѣтчанъ" (л. 1), № 1—4 и „Описаніе мѣстности" (л. 3) съ препроводительной запиской г-жи Крашенинниковой. — 11) Н. Г. Моисеенка изъ м. Поставы Виленской губ., Дисненскаго уѣзда — экз. III-й Программы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ мѣстечка Поставы, съ приложеніями на 4 листахъ: Сказка (дѣдъ, баба и кабылка) и „Пáнская игрúща". — 12) Замѣтки объ особенностяхъ говора жителей села Никулина, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., собранныя учительницей Никулинскаго училища Софіей Онуфріевной Александровичъ согласно I Программѣ и полученныя отъ директора народныхъ училищъ Симбирской губерніи: I. Географическое положеніе с. Никулина (л. 2). II. Краткая исторія с. Никулина (л. 2-ой). Составъ населенія (л. 3). Отвѣты на I Программу по §§ (л. 3-ій). Старинная солдатская пѣсня (л. 22). Современная пѣсня (л. 23). Свѣдѣнія о составительницѣ отвѣтовъ (л. 23-ій). — 13) Василія Александровича Сучкова — экз. II Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ села Панькова, Паньковской волости, Новосильскаго уѣзда, Тульской г., съ приложеніемъ на 40 листахъ: О мѣстѣ наблюденій (л. 1); къ § 25 Программы — Прозванія людей (л. 3); § 26 — Бранныя слова (л. 3); ласкательныя слова (л. 3-ій); § 37 — Названія праздниковъ. Божба; § 40. Имена людей (л. 4); § 43 — клички собакъ (л. 5); клички лошадей, клички коровъ. Сказки (л. 6): 1) Попъ и дьячекъ; 2) Хитрый работникъ (л. 6-ой); 3) Дурачекъ (л. 7) 4) Про казу (л. 7-ой). 5) О Ваньки (л. 8-ой). 6) Про бабку брюхатаю (л. 9). 7) Работникъ и чартенакъ. Побасенки (л. 10). Разсказы (л. 10-ый): Вѣдьма (№ 1—2). Пѣсни (л. 12): №№ I—XXIX; Пѣсни свадебныя (л. 23): № I—X. Пѣсни подблюдныя (л. 27): № I—XX. Загадки № 1—21. Пословицы, поговорки и прибаутки (л. 29) № 1—112. Народныя слова и выраженія (л. 33—40). — 14) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками, сдѣланными въ ней учительницей Га-

Digitized by Google

товскаго народнаго училища г-жею Ситкевичъ о говорѣ жителей села Гатовъ, Минской губ. и уѣзда. — 15) Старшаго учителя Васильковскаго II училища Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда Александра Георгіевича Черёмхина — экз. II Программы съ отмѣтками особенностей говора населенія с. Василькова, съ приложеніемъ на 6 листахъ: „Краткое описаніе села Василькова и нѣкоторыхъ селеній, надъ которыми производились наблюденія надъ народнымъ говоромъ“ (л. 1); пѣсни № 1—4 (л. 4); пригудки и пѣсни. — 16) В. И. Чернышева, изъ г. Мещовска, матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о мещовскомъ говорѣ“ (въ отвѣтъ на II Программу) (л. 1); особенности мещовскаго ударенія, какъ южно-великорусскаго вообще (л. 17), словообразованіе (л. 21-ый); синтактическія особенности (л. 28); собраніе словъ мещовскаго просторѣчія (л. 34); дополненіе къ нему преподавателя мещовскаго духовнаго училища А. Д. Воскресенскаго (л. 80); мещовскія дѣтскія пѣсни (л. 84), № 1—46; списокъ словъ портновскаго языка (л. 90),—всего 96 писанныхъ листовъ.—17) Учителя Кузнецовскаго (Тверской губ.) приходскаго училища Тихона Васильевича Корнѣева — замѣтки: „Главныя особенности крестьянскаго говора въ окрестностяхъ г. Мещовска Калужской губерніи“, въ дополненіе къ сообщенію его отъ 5 апрѣля сего года.—18) Директора народныхъ училищъ Минской губ.,—экз. III Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Хотыничи, Пинскаго уѣзда, Минской губ., сдѣланными учителемъ Хотыничскаго народнаго училища, Пинскаго уѣзда, Александромъ Ляховскимъ. — 19) Совѣта Кіевской Духовной Академіи — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей селеній Муромскаго уѣзда, Владимирской губ., и гор. Мурома, съ приложеніемъ пѣсенъ на 2 листахъ, сообщенными проф. Кіевской Духовной Академіи В. Пѣвницкимъ. — 20) Учителя 1 класса Воскресенскаго двухкласснаго сельскаго училища Павла Львовича Плечева съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей селеній Благовѣщенскаго и Воскресенскаго обществъ, Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ., съ приложеніями на 127 листахъ: (л. 2) Шенкурскій уѣздъ, г. Шенкурскъ, Благовѣщенское сельское общество (л. 4); особенности народнаго говора (л. 6); имена (названія) урочищъ (л. 8); словарь; имена существительныя (л. 9); глаголы (л. 18); прилагательныя, нарѣчія и

проч. (л. 18); отдѣльныя выраженія (л. 22); названія деревень (л. 24); пословицы, причёты, записанные со словъ крестьянской дѣвушки (л. 26); слова на Привороты (л. 28); пѣсни (л. 32); святочныя пѣсни (л. 35), пѣсни свадебныя (л. 57); письмо крестьянской дѣвушки 1897 г. (л. 59); тетрадки съ Молитвами и Словами (л. 61) свадебныя слова (л. 68); молитвы (л. 76); Книги Степана Кокшарова 21 декабря 1850 г. (л. 82); молитвы Господу Іисусу; молитва для охраненія скота (л. 94); молитвы (л. 117).— 21) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Бѣлянскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Михаила Георгиевича Фенюка объ особенностяхъ говора жителей села Бѣлаго и его окрестностей, Пинскаго уѣзда, Могилевской губ., и съ приложеніемъ на 2 листахъ: (сказка: „Вовкъ-дурень“ и свѣдѣнія о селѣ Бѣломъ и о бытѣ его населенія). — 22) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Плотницкаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Семена Григорьевича Малахи — объ особенностяхъ говора села Плотницы, того же уѣзда.— 23) Преподавателя Новочеркасской гимназіи М. Калмыкова — тетради въ листъ на 47 страницахъ: „Особенности Кочетовскаго говора Донской области“ (наблюденія производились въ поселкѣ-хуторѣ Ещауловѣ, находящемся въ 1-мъ Донскомъ Округѣ Донской Области, въ юртѣ Кочетовской станицы): Общія свѣдѣнія о станицѣ и ея населеніи; о низовыхъ и верховыхъ казакахъ Донскихъ и ихъ говорахъ; стр. 4: особенности Кочетовскаго говора, звуки; стр. 17: удареніе, склоненіе; стр. 24: синтактическія особенности; стр. 25: отдѣльныя слова (іюль 1897 г.), стр. 47: біографическія свѣдѣнія о доставителѣ (М. Калмыковѣ). — 24) Директора народныхъ училищъ Минской губ.— экз. III Программы съ отмѣтками учителя Шацкаго народнаго училища Адама Андреевича Лагуна объ особенностяхъ говора населенія всей Шацкой волости, Игуменскаго уѣзда, Минской губ., съ приложеніемъ 3-хъ сказокъ (№ I—III).—25) Правленія Казанской духовной семинаріи — 2-хъ экз. II Программы: а) съ замѣчаніями воспитанника IV класса этой семинаріи Владимира Челнокова объ особенностяхъ говора жителей села Паратъ-Казанской губ. и уѣзда, съ приложеніемъ на 24 стр.: русскія пѣсни № 1—11, заговоры (стр. 15), пословицы и поговорки (стр. 16), народныя слова и выраженія (стр. 19), оправданія

Digitized by Google

автора замѣчаній и собирателя свѣдѣній (стр. 22), описаніе села, — и б) съ отмѣтками о говорѣ села Богородскаго, Кулаевской волости, Казанской губ. и уѣзда,— ученика V класса упомянутой семинаріи Степана Ивановича Веселицкаго, съ приложеніемъ на одномъ листѣ. — 26) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III. Программы съ отмѣтками учителя Морочанскаго народнаго училища Василія Аврамчика о говорѣ крестьянъ села Морочно, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. — 27) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Угринчскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда Осипа Тарасевича о говорѣ населенія въ селѣ Угринчахъ, въ деревнѣ Седлицахъ, въ селѣ Червищахъ Пинскаго уѣзда, Минской губ. — 28) Учителя начальнаго земскаго училища въ с. Любѣгощахъ, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губ., Николая Спиридоновича Доброхотова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей въ дер. Дудкино Тверской губ., Весьегонскаго у., и сосѣднихъ съ ней: села Никольскаго, дер. Щернино, Солнцёва, Петрова и Мартьянцева. — 29) Канцеляріи Минской Дирекціи народныхъ училищъ — экз. III Программы съ замѣтками учителя Комаровичскаго народнаго училища Николая Юшкова „Особенностей говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія въ средѣ крестьянъ дер. Заполья и с. Комаровичъ, Комаровичской волости, Мозырскаго уѣзда, Минской губ.“ — 30) Учителя Мокрянскаго народнаго училища Быховскаго уѣзда, Могилевской губ., Н. Короленка — экз. III Программы съ замѣтками о говорѣ села Мокраго, съ приложеніемъ записи на 2-хъ листахъ сказки „Мужикъ и цыганъ“ со словъ крестьянъ села Мокраго. — 31) Василія Кузьмича Влазнева — „Алфавитнаго списка старинныхъ словъ, употреблявшихся и употребляемыхъ въ разговорной рѣчи жителей большихъ селеній: Дѣдинова, Любичи, Ловецъ, Верхняго и Нижняго Бѣлоомутовъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., составленнаго мѣстнымъ крестьяниномъ В. К. Влазневымъ въ 1897 году“ (на 4 листахъ: А — Я = 181 слово) и на 1 листѣ — замѣчанія о собирателѣ ихъ В. К. Влазневѣ. — 32) Сельской школы Казинской волости, Елецкаго уѣзда, Орловской губ. — экз. II Программы съ замѣчаніями учительницы села Запол(ьнаго)-Тербунца Александры Ивановны Никольской объ особенностяхъ говора жителей села Запол-Тербунца.— 33) Учителя Вачскаго фабричнаго 2-хкласснаго училщиа

Digitized by Google

П. Ремезова — экз. I Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей села Вачи, Новосельской волости, Муромскаго уѣзда, Владимирской губерніи. — 34) Воспитанника Тверской духовной семинаріи Н. Преображенскаго съ отмѣтками „Особенностей разговорной рѣчи крестьянъ Тверской губ., Осташковскаго уѣзда, Новинской волости". — 35) Директора народныхъ училищъ Пермской губ. — экз. I Программы съ замѣчаніями учителя Чердынцевскаго народнаго училища И. В. Надсадина объ особенностяхъ говора кр. села Чердынцевскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ. — 36) Учителя А. И. Петрова—экз. II Программы съ отмѣткамп о говорѣ крестьянъ деревни Елисѣева, Богоявленской волостп, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. — 37) Учителя Бронницкаго городского 3-хкласснаго училища И. А. Глѣбина — экз. II Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія уѣзда и гэрода Бронницъ, Московской губерніи. — 38) Благочиннаго 5 округа Слободского уѣзда, Вятской губ., — экз. I Программы съ замѣтками учптельницы Кирсинскаго земскаго училища А. Бобровской объ особенностяхъ говора населенія Кирсинскаго завода, Слободского уѣзда, Вятской губ.—39) Директора народныхъ учплищъ Пермской губерніи: а) экз. I Программы съ отмѣткамп учительницы Першинскаго училища А. Флоринской о говорѣ крестьянъ села Першинскаго, Шадринскаго уѣзда, Пермской губ.; б) экз. I Программы съ отмѣтками (неизвѣстно чьими) и съ приложеніемъ; в) экз. I Программы отъ помощника учителя Осиновскаго начальнаго училища В. Яхонтова съ отмѣткамп особенностей говора крестьянъ села Осиновскаго, Шадрпнскаго уѣзда, Пермской губерніи; г) тетрадь (на 6 листахъ): „Слова и выраженія, записанныя въ деревнѣ Махнёвой, Махневской волости, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи. Декабря 1896 года" (записаны учителемъ А. И. Мартыновымъ) и д) тетрадь (на 20 листахъ) отвѣтовъ на I Программу — о говорѣ населенія Шайтанскаго завода, составленныхъ учительницею Шайтанскаго мужского училища, Красноуфимскаго уѣзда, А. Богдановою.—40) Учителя земской школы села Новаго Буяна, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ., С. Л. Васильева — экз. II Программы съ замѣтками о говорѣ жителей села Новый Буянъ и окрестныхъ селъ. — 41) Директора народныхъ училищъ Ковенской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя М. Герштo-

Digitized by Google

повича объ особенностяхъ говора жителей села Плюсъ и окрестностей дер. Павловщины, Красногорской волости, Новоалександровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, съ приложеніемъ на 4 листахъ — 42) Учителя Микуличскаго народнаго училища, Рѣчицкаго уѣзда, Минской губ., А. И. Іолоба — экз. III Программы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ села Микуличей. — 43) Директора народныхъ училищъ Томской губерніи — 17 экземпляровъ I Программы: а) съ замѣтками учителя сельскаго Кытмановскаго училища о говорѣ жителей села Кытмановскаго и сосѣднихъ деревень: Ереминой, Зарниковой, и Безпаловой Уксунайской волости, Кузнецкаго округа, Томской губ.; б) съ замѣтками учителя Локтёвскаго сельскаго училища А. Т. Степанищева о говорѣ жителей села Локтёвскаго (на р. Алеѣ, прит. Оби) и деревни Ново-Алейской, Змѣиногорскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; в) съ замѣтками учителя А. Калмакова объ особенностяхъ говора жителей и козаковъ Чарышскаго поселенія 3-го военнаго отдѣла Сибирскаго казачьяго войска, Томской губ. Бійскаго округа, съ приложеніями на 7 листахъ; г) съ замѣтками (не оконченными) учителя Кузнецкаго уѣзднаго училища И. Шункова — о говорѣ простонародья въ гор. Кузнецкѣ, Томской губ.; д) съ замѣтками учителя Колыванскаго 2-хкласснаго городского училища А. М. Кутузова съ отмѣтками о говорѣ населенія заштатнаго города Колывани Томской губ., съ приложеніями на 4-хъ листахъ; е) неизвѣстно съ чьими отмѣтками объ особенностяхъ говора мѣщанъ города Бійска; ж) съ отмѣтками завѣдующаго Барнаульскимъ 2-хкласснымъ городскимъ училищемъ В. Обабкова объ особенностяхъ говора учащихся преимущественно изъ среды мѣщанъ гор. Барнаула, Томской губерніи; з) съ замѣчаніями врем. испр. должность помощника учителя Маріинскаго городского училища П. Шадрина о говорѣ жителей города Маріинска, Томской губ.; и) съ замѣчаніями, неизвѣстно кѣмъ составленными, о говорѣ крестьянъ села Ординскаго, Барнаульскаго округа, Томской губ.; і) съ замѣчаніями сельскаго учителя М. Снигирева о говорѣ крестьянъ села Тагана (на берегу озера Чаны), Каинскаго округа, Томской губ.; съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; к) съ замѣчаніями кончившаго курсъ въ Акмолинской учительской семинаріи И. Т. Кукажина объ особенностяхъ говора жителей села Зюзинскаго, Казанской волости

Digitized by Google

Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 1 листѣ, л) съ замѣчаніями (учительницы ?) объ особенностяхъ говора крестьянъ села Казаткуль(скаго), Каинскаго округа, Томской губ., м) съ замѣчаніями учителя Юдинскаго сельскаго училища В. І. Сибирцева о говорѣ крестьянъ села Юдинскаго, Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніями на 15 листахъ; н) съ замѣчаніями учителя Медвѣдскаго сельскаго училища И. Я. Покровскаго объ особенностяхъ говора крестьянъ села Медвѣдскаго, Легостаевской волости, Барнаульскаго округа, Томской губ. съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; о) съ замѣчаніями неизвѣстно чьими объ особенностяхъ говора населенія с. Коргатскаго форпоста, Убинской волости, Каинскаго округа; Томской губерніи; п) съ замѣтками учителя Булатовскаго сельскаго училища К. Ф. Соболевскаго о говорѣ крестьянъ села Булатовскаго, Нижнекаинской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи и р) съ замѣчаніями учителя Карачинскаго сельскаго училища И. Д. Созинова объ особенностяхъ говора жителей села Карачинскаго, Покровской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи, съ приложеніемъ на 13-ти листахъ. — 44) Учителя Мануйловскаго начальнаго училища С. Я. Леонова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ крестьянъ деревни (сельца) Мануйлова, Ржевскаго уѣзда, Тверской губ., съ приложеніями на 20-ти листахъ. — 45) Священника Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Предтеченской волости, Ямскогорскаго общества и прихода Аникиты Попова (благочиннаго 3-го Шенкурскаго округа) — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ упомянутаго прихода, съ 2-мя приложеніями. — 46) Учителя Гришинскаго земскаго училища Гавріила Ананьевича Тихонравова — тетради на 77 листахъ „Сборникъ особенностей народнаго говора села Гришина, Казанской губ., Цивильскаго уѣзда". — 47) Учителя Лепшинскаго земскаго училища Ивана Кузьмича Корехова экз. I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей Лепшинскаго прихода Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, съ приложеніями на 10 листахъ. — 48) Учителя Михайловскаго начальнаго народнаго училища Дмитріевскаго уѣзда Курской губ. Антона Коростелева — экз. II Программы съ отмѣтками. — 49) Учителя Благовѣщенско-Сусканскаго сельскаго начальнаго земско-общественнаго училища Василія Васильевича Бондина — экз. II-ой Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Благо-

Digitized by Google

вѣщенскій Сусканъ, Нижне-Санчелеевской волости, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ. — 50) Н. А. Иваницкаго — экз. предварительнаго изданія I-ой (Сѣв.-велпкор. нар.) Программы съ отмѣтками его, со словъ крестьянина Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, Метлинской волости, дер. Маркова Лаврентія Андреев. Черкасова о мѣстномъ говорѣ и съ „Дополненіями къ словарю вологодскихъ словъ: Слова Сольвычегодскаго уѣзда“ (на 6 листахъ). — 51) Учительницы Корчевского женскаго приходскаго училища Антонины Львовны Васильевой — экз. II Программы съ отмѣтками наблюденій о говорѣ крестьянъ Корчевского уѣзда и отчасти жителей гор. Корчевы, Тверской губ., съ приложеніемъ на 29 листахъ.

Положено всѣ означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать академику А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ, отъ которыхъ они были получены, выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пыпина.

Научная разработка русской литературы началась, строго говоря, лишь около полувѣка тому назадъ, и въ этой ученой области едва ли не одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ принадлежитъ члену-корреспонденту нашей Академіи Александру Николаевичу Пыпину. Еще въ 1853 году, на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, появилась его первая ученая работа — изслѣдованіе о Владимирѣ Лукинѣ, мало извѣстномъ драматургѣ Екатерининскихъ временъ, между прочимъ мечтавшемъ о созданіи русскаго народнаго театра. Содержаніе

Digitized by Google

этого труда представляло въ свое время полнѣйшую новость; избравъ такую тему, начинающій ученый сразу показалъ свое умѣнье отыскивать въ старой литературѣ интересныя явленія и давать имъ правильное историческое освѣщеніе.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ г. Пыпинъ обратился къ изученію нашей древней письменности, при чемъ ему приходилось знакомиться съ ея памятниками преимущественно по рукописямъ, ибо въ то время очень немногое изъ старой литературы было издано. Занимаясь въ Императорской Публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, г. Пыпинъ обратилъ особенное вниманіе на столь распространенные въ нашей старинной письменности апокрифы и на произведенія мірского повѣствовательнаго характера. Однако, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, онъ не имѣлъ въ то время возможности посвятить себя ближайшему изученію апокрифической литературы и ограничился только подробнымъ изслѣдованіемъ судебъ извѣстной статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ", издалъ нѣсколько произведеній апокрифическаго содержанія и о нѣкоторыхъ изъ нихъ предложилъ отдѣльные этюды.

Напротивъ того, исторія русской мірской повѣсти и сказки, оригинальной и переводной, была обслѣдована г. Пыпинымъ всесторонне, на сколько то было возможно въ тогдашнее время, и въ 1857 г. появился его прекрасный трудъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". Здѣсь опять мы встрѣчаемся со свѣжестью научной задачи и съ тщательностью въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ „Очеркѣ" разсмотрѣны, съ одной стороны, повѣсти иноземнаго происхожденія, то-есть, переведенныя съ греческаго, латинскаго, польскаго и нѣмецкаго, а съ другой — повѣсти и сказки оригинальныя русскія. Первымъ отведено большее мѣсто, и авторъ тщательно указываетъ подлинники тѣхъ иноземныхъ произведеній, которыя перешли на русскую почву; при этомъ постоянно обращается вниманіе на различныя редакціи этихъ памятниковъ. Если отдѣлъ книги, посвященной русскимъ повѣстямъ, не столь обширенъ, то потому именно, что и самыхъ повѣстей было мало въ нашей старинной литературѣ.

„Очеркъ" г. Пыпина, представленный какъ диссертація въ въ Петербургскій университетъ, доставилъ автору ученую степень магистра русской словесности, а въ 1858 г. г. Пыпинъ

Digitized by Google

былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Но профессорская дѣятельность г. Пыпина продолжалась всего одинъ годъ—1860-1861. Съ тѣхъ поръ мы видимъ его исключительно учено-литературнымъ дѣятелемъ, печатающимъ свои труды въ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльно; число статей, помѣщенныхъ имъ въ журналахъ, весьма значительно, и перечислять ихъ всѣ было бы крайне трудно, но многія изъ этихъ статей вошли впослѣдствіи въ отдѣльно изданныя имъ сочиненія; поэтому обзора этихъ послѣднихъ трудовъ г. Пыпина будетъ совершенно достаточно, чтобы дать понять, какъ развивалась его ученая дѣятельность.

Въ 1865 г. А. Н. Пыпинъ напечаталъ „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ", книгу въ высшей степени полезную и удовлетворяющую насущнымъ потребностямъ славистики. Такого обзора еще не было ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, не смотря на постоянные толки о славянскомъ общеніи и взаимности. Конечно, при обработкѣ столь обширнаго предмета авторъ не могъ быть самостоятеленъ во всѣхъ его частяхъ; онъ даже предоставилъ весь польскій отдѣлъ труду другого лица (В. Д. Спасовича); но во всемъ, что̀ написано самимъ г. Пыпинымъ, обнаруживаются свойственныя ему качества — обширность предварительно собранныхъ свѣдѣній, искусный ихъ выборъ, точность и тщательность въ ихъ сообщеніи. Эти достоинства труда г. Пыпина еще болѣе ясны во второмъ его изданіи (1879—1880 гг.), въ которомъ „Исторія славянскихъ литературъ" удвоилась въ своемъ объемѣ, и такимъ образомъ сдѣлалась по истинѣ классическою книгой по своей части.

Послѣ этого счастливаго уклоненія въ область западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ г. Пыпинъ снова возвратился въ область своихъ излюбленныхъ занятій русскою литературой. Въ теченіе 1870-хъ годовъ имъ написаны три сочиненія, касающіяся исторіи русской литературы и просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи: 1) „Общественное движеніе при Александрѣ I"; 2) „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820-хъ до 50-хъ годовъ" и 3) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". Всѣ эти три сочиненія, стоящія въ связи одно съ другимъ, представляютъ большой историческій интересъ. Первое изъ нихъ очень ярко изображаетъ внутреннюю жизнь Александровскаго времени, просвѣтительныя стремленія той поры,

Digitized by Google

борьбу культурныхъ направленій и ихъ характерныя черты; это именно исторія движенія идей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Оцѣнка этихъ явленій сдѣлана авторомъ съ живымъ сочувствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливо, на основаніи весьма обширнаго знакомства съ фактами. Во второй книгѣ, посвященной литературнымъ явленіямъ съ 1820-го по 1850-й годъ, авторъ замкнулъ свое изложеніе въ болѣе тѣсныя, исключительно литературныя рамки; здѣсь мы не найдемъ картины движенія общественной мысли, и въ этомъ заключается слабая сторона сочиненія; тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую односторонность воззрѣній, книга содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, искусно и поучительно сгруппированныхъ. Оба названныя сочиненія выдержали по два изданія („Общественное движеніе“ вышло 2-мъ изданіемъ въ 1885 г., „Характеристики“—въ 1890), безъ сомнѣнія, потому, что авторъ, касаясь предметовъ высокаго интереса, умѣлъ придать своему изложенію общедоступную форму; но еще важнѣе то, что при перепечаткѣ названныхъ книгъ авторъ кореннымъ образомъ переработалъ и умножилъ основной ихъ текстъ. Къ „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній“ непосредственно примыкаетъ особое сочиненіе г. Пыпина о Бѣлинскомъ (1876 г., два тома). Этотъ прекрасный, съ любовью обработанный трудъ даетъ обстоятельное понятіе о ходѣ умственнаго развитія нашего знаменитаго критика и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ много новыхъ фактовъ въ исторію нашего умственнаго движенія 1830-хъ и 40-хъ годовъ.

Нѣсколько особымъ характеромъ отличается обширный трудъ, занимавшій г. Пыпина въ 1880-хъ годахъ и затѣмъ, въ 1890—92 гг., изданный въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской этнографіи“. То своеобразное и въ высшей степени важное значеніе, какое имѣла народность въ развитіи русской образованности, дало г. Пыпину поводъ спеціально заняться разсмотрѣніемъ хода нашихъ этнографическихъ изученій, и онъ нашелъ въ этомъ предметѣ рядъ характернѣйшихъ проявленій нашей культуры. Въ частности онъ обозрѣваетъ здѣсь труды всѣхъ русскихъ изслѣдователей народности, дѣлаетъ ихъ оцѣнку и подводитъ итоги ихъ изысканіямъ. Сочиненіе это, очень оригинальное по своей основной мысли, чрезвычайно богато новыми фактическими данными и можетъ быть

Digitized by Google

названо однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ исторіи молодой русской науки.

Въ самые послѣдніе годы А. Н. Пыпинъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей, — къ составленію обширнаго общаго сочиненія по исторіи русской литературы. Отдѣльныя статьи изъ этого труда были печатаемы имъ разновременно въ журналахъ, а въ самое послѣднее время вышелъ первый томъ этой „Исторіи литературы", заключающій въ себѣ обзоръ древней письменности до начала XVI в. Этимъ трудомъ, который является какъ бы итогомъ всего, что̀ донынѣ сдѣлано по разработкѣ русской литературы, г. Пыпинъ воздвигаетъ себѣ литературный памятникъ который надолго сохранитъ въ наукѣ его имя.

Членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи А. Н. Пыпинъ состоитъ лишь съ 1891 года; но его тѣсныя связи съ Академіей восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени: его „Опытъ исторіи повѣстей и сказокъ" былъ напечатанъ въ Запискахъ II-го Отдѣленія еще въ 1857 г.; три изъ его сочиненій, именно: тотъ же „Опытъ", „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ" и „Исторія русской этнографіи" были увѣнчаны академическими преміями. Академія неоднократно поручала ему составленіе рецензій для выдаваемыхъ ею наградъ и еще недавно возложила на него составленіе біографіи покойнаго слависта Котляревскаго. Нынѣ было бы вполнѣ умѣстно и справедливо упрочить эту связь избраніемъ А. Н. Пыпина въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи на вакансію ординарнаго академика во II-мъ Отдѣленіи.

II.

Біографическія свѣдѣнія о преп. Несторѣ Лѣтописцѣ.

Литературные труды Нестора. I. *Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба.*

Подлинность Чтенія, время написанія, отношеніе къ лѣтописному разсказу подъ 1015 г. и Сказанію, приписываемому Іакову Мниху.

Источники для изученія текста Чтенія.

Текстъ Чтенія, заимствованный изъ Сильвестровскаго Сбор-

Digitized by Google

ника Московск. Синодальной библіот., и варіанты — по рукопис.: Казанск. дух. Акад. № 518 (Чет.-Мин. 1494 г.) и 850 (Сборн. конца XV — нач. XVI в.), И. Публ. библ. Q. I. 933 (Сборникъ Житій и Словъ, XVI в.), бывш. б. Царскаго № 87 (XVI в.), Новгор. Софійск. № 1419 (Сборн. XVI в.) и 1321 (Чет.-Мин., XVI в.).

Замѣчанія о литературной сторонѣ памятника.

II. *Житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго.*

Подлинность Житія, время написанія и источники для изученія его.

а) Успенскій Сборникъ XII — XIII в. Открытіе памятника, изданія и языкъ (нѣсколько замѣчаній о палеограф., фонетич., морфологич. и діалектич. особенн.).

б) Кіевопечерскій Патерикъ.

в) Четьи-Минеи: до-Макарьевск. и Макарьевскаго состава.

Несторово Житіе въ Печерскомъ Патерикѣ и Чет.-Минеяхъ: появившіяся въ разное время вставки и объясненіе происхожденія ихъ.

Текстъ Житія по Успенскому Сборн. XII—XIII в. и варіанты по рукописямъ: И. Публ. б. Q. п. I. № 31 (Берсен. сп. Арсеньевск. ред. Печ. Патер.), Новгор. Соф. № 1394, 1364, 1389 (Печ. Патер. Кассіан. первой ред.), Погод. XVI в. № 891, Румянц. Муз. № 305 (Патер. Кассіан. второй ред., XV в.), Новгор. Соф. № 1363, Погод. 893, 896 (Патер. К. второй ред. XVI в.), Моск. дух. Акад. № 597 (Волокол. Чет.-Мин. до-макар. состава) и Новгор. Соф. № 1321 (Макар. Чет.-Мин. за м. май).

Несторово Житіе, какъ историко-литературный памятникъ: источники Житія и историко-бытовой интересъ его.

III. *Повѣсть временныхъ лѣтъ.*

Краткая исторія вопроса о происхожденіи Повѣсти времен. лѣтъ и отношеніи къ ней Нестора, автора Житія Ѳеодосія Печерск. и Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ.

Данныя за и противъ Нестора, какъ лѣтописца.

Повѣсть временныхъ лѣтъ есть лѣтописный сводъ, а Несторова Лѣтопись — одна изъ составныхъ частей этого свода.

Составъ предполагаемый Несторовой Лѣтописи и общія замѣчанія о литературной исторіи ея, на основаніи сопоставленія списковъ Печерскаго Патерика 1 и 2 Кассіан. редакцій.

Digitized by Google

а) Сказаніе что ради прозвася Печерск. монастырь;
б) Слово о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ;
в) Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія;
г) Краткія лѣтописныя замѣтки.

Текстъ указанныхъ лѣтописныхъ статей по Лаврент. списку, съ варіантами по Ипат., Радзив. и Академич., а также — по древнѣйшимъ спискамъ Печерскаго Патерика.

Общее сужденіе о Несторѣ какъ древнерусскомъ литературномъ дѣятелѣ.

Словарь къ сочиненіямъ Нестора.

Подробныя библіограф. указанія будутъ даваться въ разныхъ мѣстахъ.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1897 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ
ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ
А. Ѳ. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1897 годъ,

составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи,
Ординарнымъ Академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Тяжелыми утратами ознаменовался для Отдѣленія русскаго языка и словесности истекающій 1897 годъ. Оно потеряло трехъ своихъ членовъ: двухъ ординарныхъ академиковъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Ѳ. И. Буслаева и члена-корреспондента А. Н. Майкова. Эти чувствительныя утраты съ искреннею скорбію были встрѣчены не только членами Академіи, но и всѣми, кому дороги успѣхи знанія и живое русское слово въ нашемъ отечествѣ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (род. 18 мая 1829 † 2 января) происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; подъ руководствомъ родителей онъ готовился въ гимназію, до поступленія въ нее уже достаточно зналъ французскій и нѣмецкій языки и, благодаря хорошей и богатой библіотекѣ отца, пріобрѣлъ любовь къ чтенію, которую не покидалъ до послѣднихъ дней своей жизни. На литературное поприще онъ выступилъ,

Digitized by Google

имѣя 18 лѣтъ отъ роду, тотчасъ по окончаніи курса въ Нижегородской гимназіи. Первыя его статьи, помѣщенныя въ неофиціальной части Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, уже показывали несомнѣнную талантливость молодого автора. Для довершенія образованія онъ пріѣхалъ въ Москву и въ 1847 году поступилъ въ Университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній историко-филологическій), съ котораго, подъ вліяніемъ прослушанныхъ имъ нѣсколькихъ лекцій Кавелина, перешелъ на юридическій. Въ 1851 году онъ кончилъ курсъ кандидатомъ. Съ теплымъ чувствомъ Константинъ Николаевичъ нерѣдко вспоминалъ годы своего пребыванія въ Университетѣ и говаривалъ, что блистательнымъ лекціямъ даровитыхъ профессоровъ, бесѣдамъ съ ними, наконецъ, знакомствомъ съ нѣкоторыми лицами, стоявшими внѣ университетскаго круга и принадлежавшими по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ къ двумъ противоположнымъ лагерямъ, онъ обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, массою пріобрѣтенныхъ положительныхъ свѣдѣній и установленіемъ твердыхъ взглядовъ на многіе предметы. По выходѣ изъ университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ провелъ нѣсколько времени въ деревнѣ у Чичериныхъ въ качествѣ домашняго учителя и въ это время прилежнымъ чтеніемъ восполнилъ, по его словамъ, пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. По возвращеніи въ 1854 году въ Москву онъ занялъ мѣсто преподавателя въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ, а затѣмъ въ 1856 году принялъ на себя обязанности помощника редактора Московскихъ Вѣдомостей и своимъ участіемъ въ литературномъ ихъ отдѣлѣ много способствовалъ ихъ распространенію и извѣстности. Рядъ напечатанныхъ въ Вѣдомостяхъ статей, имѣвшихъ предметомъ разсмотрѣніе Смирдинскихъ изданій нашихъ писателей, и отзывы о вновь появлявшихся въ печати сочиненіяхъ были замѣчены многими. Въ 1859 году въ 1-ой книжкѣ журнала «Критическое Обозрѣніе» появилась его статья подъ заглавіемъ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», написанная по поводу восьми томовъ Исторіи Россіи С. М. Со-

Digitized by Google

ловьева. Эта статья, не подписанная авторомъ, обратила на себя общее вниманіе, какъ талантливый и безпристрастный опытъ русской исторіографіи въ ея главныхъ чертахъ, а послѣдовавшіе за нею разборы какъ вновь появлявшихся томовъ труда Соловьева, такъ и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся сочиненій по отечественной исторіи показали, что, кромѣ обширнаго запаса свѣдѣній, Константинъ Николаевичъ имѣетъ самостоятельный взглядъ на многія явленія прошлой жизни русскаго народа.

Съ переѣздомъ въ 1859 году въ Петербургъ Бестужевъ-Рюминъ принялъ дѣятельное участіе въ редакціи Отечественныхъ Записокъ. Онъ взялъ на себя разсмотрѣніе выходившихъ новыхъ ученыхъ трудовъ и въ своихъ отчетахъ о нихъ, строгихъ, но всегда справедливыхъ, а нерѣдко даже излишне осторожныхъ, старался знакомить общество съ сущностью взглядовъ и направленіемъ разбираемыхъ писателей и попутно возбуждать въ немъ интересъ къ исторіи, которая подъ его перомъ не являлась сборомъ сухихъ, ничего не говорящихъ фактовъ, но живою картиною общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Съ этого времени отечественная исторія сдѣлалась излюбленнымъ предметомъ занятій Константина Николаевича, и на него стали смотрѣть, какъ на выдающагося знатока этого предмета. Въ 1863 году Бестужевъ-Рюминъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра, а въ слѣдующемъ году, по предложенію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, былъ избранъ въ члены Археографической Комиссіи. Въ Лѣтописи ея занятій онъ помѣстилъ замѣчательное изслѣдованіе: «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», за которое былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени доктора русской исторіи. Въ томъ же 1864 году онъ былъ призванъ преподавать отечественную исторію Великому Князю Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ, а въ слѣдующихъ годахъ онъ занимался этимъ же предметомъ съ другими членами Императорской фамиліи. Въ 1865 году С.-Петербургскій университетъ пригласилъ Бестужева-Рюмина читать

Digitized by Google

лекціи по русской исторіи въ качествѣ исправляющаго должность доцента. Блестящее, живое изложеніе предмета, широта взглядовъ, способность освѣщать и обобщать факты, въ особенности же читанные имъ спеціальные курсы, поставивъ его въ рядъ замѣчательныхъ университетскихъ преподавателей, доставили ему званіе ординарнаго профессора и снискали ему любовь и уваженіе слушателей, которые въ немъ находили не только профессора, преданнаго всею душою дѣлу, но живого собесѣдника и во многихъ случаяхъ доброжелательнаго совѣтника, съ охотою дѣлившагося съ ними своими знаніями и снабжавшаго ихъ книгами изъ своей богатой библіотеки.

Въ 1872 году вышелъ первый томъ его Русской исторіи, составленный изъ лекцій, читанныхъ студентамъ на спеціальныхъ курсахъ. Этотъ трудъ, оканчивающійся воцареніемъ Іоанна Грознаго, отличается тѣмъ, что въ немъ главное мѣсто отведено изображенію внутренней и духовной жизни русскаго общества. Впослѣдствіи эта Исторія была доведена до воцаренія Дома Романовыхъ.

Но не одному университету отдавалъ Бестужевъ-Рюминъ свое время. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, такъ какъ близко принималъ къ сердцу судьбы угнетенныхъ славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ; былъ убѣжденнымъ поборникомъ идеи о необходимости развитія въ Россіи женскаго образованія, своимъ горячимъ словомъ и неустанными домогательствами содѣйствовалъ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ и въ первое время былъ ихъ душою; наконецъ, принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ разныя статьи, преимущественно біографіи писателей и ученыхъ, и разборы книгъ, по чему-либо его заинтересовавшихъ. Біографическія статьи и воспоминанія о нѣкоторыхъ ученыхъ и писателяхъ были имъ собраны и изданы въ 1882 году особою книгою подъ заглавіемъ: «Біографіи и характеристики»; изъ нихъ особенно важна статья: «Василій Никитичъ Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка».

Digitized by Google

Послѣдствія вынесенной Бестужевымъ-Рюминымъ жестокой болѣзни заставили его покинуть на время Россію, отказаться отъ каѳедры въ университетѣ, для котораго онъ успѣлъ однако подготовить нѣсколько лицъ себѣ въ преемники, и разстался съ учеными занятіями. По возвращеніи изъ-за границы, съ нѣсколько возстановленнымъ здоровьемъ, онъ не могъ оставаться совершенно бездѣятельнымъ; съ 1885 по 1887 годъ съ увлеченіемъ занимался редактированіемъ Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества; возобновилъ ученыя работы, но онѣ уже шли не такъ успѣшно, какъ прежде. Въ 1890 году послѣдовалъ выборъ его въ ординарные академики Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Это избраніе его порадовало и нѣсколько оживило; онъ началъ составлять отчеты Отдѣленія, писать рецензіи на книги, представляемыя въ Академію на соисканіе премій, но, къ сожалѣнію, такое оживленіе продолжалось не долго; болѣзнь не уступала лѣченію и вскорѣ привела Константина Николаевича къ могилѣ.

Бестужевъ-Рюминъ не принадлежалъ къ числу узкихъ, сухихъ и односторонніхъ спеціалистовъ. Онъ въ одинаковой степени интересовался литературою и искусствомъ, какъ и движеніемъ исторической науки. Библія, Шекспиръ и Пушкинъ, равно какъ Собраніе лѣтописей и Исторія Карамзина были его настольными книгами. Стихотворенія Пушкина онъ почти всѣ зналъ наизусть и засматривался гравюрами въ изданіяхъ картинныхъ галлерей Западной Европы. Бывъ убѣжденнымъ поклонникомъ Императора Петра Великаго за его преобразовательную и просвѣтительную дѣятельность, онъ не скрывалъ его недостатковъ и старался найти имъ причину; ратовалъ за самобытность Россіи и являлся ярымъ защитникомъ ея отъ нелѣпыхъ нападокъ на нее иностранныхъ писателей и противникомъ захвата иностранцами ея природныхъ богатствъ. Величіе Россіи и распространеніе въ ней просвѣщенія были его задушевною мечтою. Всѣ эти качества, соединенныя съ тѣмъ, что совершено К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ на пользу русской исторической науки, даютъ

Digitized by Google

ему право занять почетное мѣсто въ исторіи нашего образованія, а въ сердцахъ людей, близко его знавшихъ, сохранится о немъ память, какъ о человѣкѣ въ высшей степени общительномъ и благожелательномъ.

Выдающееся мѣсто въ исторіи нашего умственнаго движенія занимаетъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (род. 18 апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, † 31-го іюля въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ). Сынъ керенскаго уѣзднаго стряпчаго, Буслаевъ первоначально обучался дома и въ Пензенской гимназіи, и по окончаніи въ ней курса, послѣ усиленныхъ подготовительныхъ занятій, поступилъ 16-тилѣтнимъ юношею по экзамену въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета, въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими выдающимися способностями, трудолюбіемъ и представленными имъ сочиненіями. По окончаніи курса въ университетѣ кандидатомъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ гимназіи, но въ этой должности оставался не долго и по счастливо сложившимся обстоятельствамъ отправился, въ качествѣ воспитателя, за-границу съ дѣтьми бывшаго въ то время попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. Два года, проведенные Буслаевымъ за-границею, преимущественно въ Италіи, принесли ему огромную пользу. Все свободное время отъ занятій со своими воспитанниками Буслаевъ проводилъ въ тамошнихъ библіотекахъ и музеяхъ, изучая творенія поэтовъ и художественные памятники, и такимъ образомъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по исторіи искусствъ и археологіи и образовалъ эстетическій вкусъ. Возвратясь въ Москву, онъ снова получилъ мѣсто преподавателя въ гимназіи и вскорѣ выступилъ на литературное поприще, которое не покидалъ до послѣднихъ годовъ своей жизни. Среди педагогическихъ занятій онъ выработалъ методъ преподаванія отечественнаго

Digitized by Google

языка, который изложилъ въ своемъ сочиненіи «О преподаваніи отечественнаго языка». Этотъ методъ, въ основаніи котораго были положены научныя и педагогическія начала, быстро вытѣснилъ господствовавшія дотолѣ схоластику и рутину въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета. Это сочиненіе Буслаева обратило на себя общее вниманіе; намѣченные въ немъ впервые многіе вопросы по исторіи нашего литературнаго языка получили дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ филологическихъ трудахъ по русскому языку.

Въ 1846 году Ѳедоръ Ивановичъ былъ приглашенъ въ Императорскій Московскій университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, такъ какъ не имѣлъ ученой степени. Для полученія степени магистра онъ представилъ въ качествѣ диссертаціи свое сочиненіе «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію». Въ исторіи русской науки эта книга имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была первымъ опытомъ примѣненія сравнительнаго и историческаго языкознанія къ древностямъ славянскаго языка.

Какъ профессоръ, Буслаевъ въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ студентамъ спеціальные курсы, каждый годъ новые. Бо́льшую часть этихъ курсовъ, въ видѣ статей, онъ помѣщалъ потомъ въ повременныхъ изданіяхъ, а въ 1861 году, значительно дополнивъ и переработавъ эти статьи, собралъ ихъ въ особое изданіе, вышедшее подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Помѣщенныя здѣсь статьи преимущественно по народной поэзіи, а также по древней русской литературѣ и искусству, заключаютъ въ себѣ массу цѣннаго и любопытнаго матеріала, который впервые былъ обнародованъ и обслѣдованъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Исторіею древняго русскаго искусства Буслаевъ началъ заниматься послѣ того, какъ прочелъ въ рукописи археологическую монографію графа Строганова о Дмитріевскомъ соборѣ во Владимирѣ на Клязьмѣ. Съ этого времени иконописный по-

Digitized by Google

длинникъ, лицевыя рукописи и русскій орнаментъ служили матеріаломъ для многихъ его изслѣдованій.

Несмотря на увлеченіе древнею нашею письменностію и русскимъ искусствомъ, Буслаевъ не покидалъ занятій исторіею русскаго языка и считался лучшимъ знатокомъ по этому предмету, и когда І. И. Ростовцевъ предложилъ ему составить для военно-учебныхъ заведеній историческую грамматику церковнославянскаго и русскаго языка и историческую христоматію, которая должна была состоять изъ памятниковъ языка и памятниковъ словесности, онъ съ большою охотою принялъ это предложеніе. «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858 г.) явился въ свѣтъ тому назадъ 40 лѣтъ, выдержалъ пять изданій и, несмотря на новые труды ученыхъ, отчасти дополнившіе, отчасти видоизмѣнившіе положенія Буслаева, еще долго не потеряетъ своего значенія по массѣ собраннаго въ немъ матеріала. Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, напечатанная въ 1861 году, была въ то время весьма важнымъ явленіемъ въ наукѣ, такъ какъ въ ней Буслаевъ помѣстилъ много памятниковъ, хранившихся дотолѣ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ далъ всѣмъ возможность ими пользоваться.

Въ концѣ 1859 года Буслаевъ получилъ лестное приглашеніе прочесть Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу курсъ исторіи русской словесности. Съ любовію и одушевленіемъ онъ исполнилъ это важное дѣло. Обаятельное вліяніе, которое оказывалъ Буслаевъ на студентовъ, отразилось и на покойномъ Цесаревичѣ: въ немъ Ѳедоръ Ивановичъ развилъ любовь къ прошлому Россіи, уваженіе къ памятникамъ нашей старинной письменности и искреннее увлеченіе русскою народною поэзіею.

Въ 1881 году Буслаевъ оставилъ университетъ; 35 лѣтъ съ честію онъ занималъ каѳедру въ нашемъ старѣйшемъ разсадникѣ высшихъ знаній и оставилъ о себѣ свѣтлую память въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали

Digitized by Google

замѣчательными изслѣдователями судебъ русскаго языка и словесности, другіе начали собирать былины и пѣсни и обогатили литературу сборниками поэтическихъ сокровищъ русскаго народнаго творчества, а иные съ почетомъ занимаютъ университетскія каѳедры и идутъ по стопамъ своего наставника.

Съ выходомъ изъ университета ученая дѣятельность Буслаева не прекратилась. Въ 1884 году явился его громадный трудъ: «Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка до XIX в.». Ни въ одной литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы такъ всесторонне были обслѣдованы и объяснены многочисленные рисунки, украшающіе это произведеніе.

По-прежнему Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ помѣщать свои изслѣдованія, иногда весьма важныя, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Впослѣдствіи они были имъ переизданы въ двухъ сборникахъ: «Мои досуги» (1886 г.) и «Народная поэзія» (1887 г.). Такъ какъ нѣкоторыя изъ монографій, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Народная поэзія», были напечатаны въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, то самъ Буслаевъ находилъ, что, съ успѣхами науки, ихъ слѣдовало бы не только переработать на основаніи новыхъ матеріаловъ и пособій, но и поставить на другія основы, выдвинутыя новою теоріею взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ; но на это онъ не рѣшился. Впрочемъ, и безъ исправленій эти монографіи сохраняютъ свое значеніе и достоинство.

Въ послѣдніе годы зрѣніе у Буслаева начало слабѣть, и наконецъ онъ его окончательно потерялъ, но, несмотря на это и на тяжкую болѣзнь, его посѣтившую, онъ продолжалъ знакомиться съ новыми произведеніями въ наукѣ и литературѣ, которыя ему читали и на которыя онъ иногда дѣлалъ замѣчанія. Наука была его жизнію, а все остальное, стоявшее внѣ ея, было ему почти чуждо.

Болѣе полустолѣтія Ѳедоръ Ивановичъ неустанно трудился надъ развитіемъ и укорененіемъ народнаго самопознанія; и свое

Digitized by Google

имя онъ вписалъ на страницы исторіи русской литературы. Она всегда будетъ помнить, что Буслаевъ далъ новое направленіе въ изученіи русской словесности, первый обратилъ вниманіе на многіе памятники древней нашей письменности, которыми до него никто не занимался, первый примѣнилъ къ ихъ изученію сравнительный методъ, первый прилежно занялся исторіею русскаго народнаго пѣснотворчества.

Непосредственнымъ преемникомъ Пушкина и рано погибшаго Лермонтова слѣдуетъ считать А. Н. Майкова (род. въ Москвѣ 23-го мая 1821 года, † 8-го марта); его кончина составляетъ для нашей литературы незамѣнимую утрату. Отецъ его, извѣстный художникъ, принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, изъ которой вышло много писателей и поэтовъ, между прочимъ духовный писатель XV вѣка, преп. Нилъ Сорскій. Свое дѣтство, до 12-тилѣтняго возраста, Майковъ провелъ въ подмосковной деревнѣ отца близъ Троице-Сергіевой лавры, въ семьѣ, гдѣ все жило наукой и искусствомъ, такъ какъ и мать его писала повѣсти и стихи. Здѣсь онъ полюбилъ русскую природу, русскую деревню, познакомился съ русскимъ народомъ, и впечатлѣнія отъ этого знакомства глубоко запали въ душу ребенка, отражаются на всѣхъ произведеніяхъ Аполлона Николаевича и остались неизмѣнными, несмотря на послѣдующія душевныя наслоенія. Для лучшаго воспитанія сыновей, Майковы переѣхали въ 1834 году въ Петербургъ, гдѣ Аполлонъ Николаевичъ, подъ руководствомъ своего дяди, В. А. Солоницына, человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, и И. А. Гончарова, получилъ не только основательное образованіе, но и подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и былъ принятъ въ 1837 году на юридическій факультетъ. Исправное посѣщеніе лекцій своего факультета, особенно по Римскому праву и энциклопедіи законовѣдѣнія, въ связи съ занятіями философіей не мѣшали ему посѣщать лекціи и словеснаго факультета и слушать

Digitized by Google

русскую исторію у Устрялова, всеобщую у Куторги, русскую словесность у Никитенка — все это обогащало его умъ знаніями, а чтеніе лучшихъ произведеній изящной словесности образовывало и развивало его вкусъ. Несмотря на серьезныя занятія въ университетѣ, симпатіи юнаго студента были обращены въ сторону искусства: изъ-подъ его кисти вышла удачная картина Распятіе, а изъ-подъ пера выливались небольшія легкія стихотворенія, обратившія вниманіе Плетнева и Никитенка и удостоившіяся ихъ похвалы. Еще бывъ студентомъ, А. Н. Майковъ напечаталъ въ Одесскомъ Альманахѣ два стихотворенія, и одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Ночь», начинающееся стихами:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами...

было прочитано С. П. Шевыревымъ на лекціи студентамъ Московскаго университета и названо имъ прямо Пушкинскимъ. Бѣлинскій отозвался объ этомъ стихотвореніи также съ большою похвалою.

Въ 1841 году А. Н. Майковъ кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, и съ этого времени начали появляться въ повременныхъ изданіяхъ его стихотворенія, которыя въ 1842 году вышли отдѣльною небольшою книжкою подъ заглавіемъ Стихотворенія А. Н. Майкова. Эта книжка заключала въ себѣ большею частію антологическія его стихотворенія, проникнутыя задушевностію, красивыя по формѣ и звучныя по стиху, и заслужила лестные отзывы критики.

Несмотря на занятія поэзіею, Майковъ не покидалъ кисти, и одно время можно было думать, что онъ свою дѣятельность посвятитъ живописи; но бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ представилъ Государю Императору Николаю Павловичу вышедшую книжку стихотвореній А. Н. Майкова, указалъ на несомнѣнный его талантъ и на необходимость его поддержать и способствовать его развитію, и Государю благоугодно было дать ему средства на поѣздку въ Италію. Плодомъ двухлѣтняго пребыванія Майкова въ этой

Digitized by Google

классической странѣ искусства и поэзіи, въ которой онъ и изучалъ остатки древности и восторгался дивною природою, былъ рядъ образцовыхъ стихотвореній, вышедшихъ въ 1847 году подъ заголовкомъ: «Очерки Рима». Въ нихъ тонко очерчены картины природы, быта и типовъ тогдашняго Рима. На возвратномъ пути изъ Италіи въ отечество А. Н. Майковъ провелъ зиму 1843 года въ Парижѣ, а оттуда проѣхалъ въ Чешскую Прагу. Знакомство здѣсь съ Ганкою и Шафарикомъ содѣйствовало тому, что онъ съ любовью принялся за изученіе Славянскаго міра, а знакомство съ чешскою поэзіею оставило слѣды на многихъ произведеніяхъ нашего поэта.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ возобновилась литературная дѣятельность А. Н. Майкова; онъ началъ помѣщать въ повременныхъ изданіяхъ стихотворенія; напечаталъ въ 1845 году не помѣщенныя, къ сожалѣнію, въ Полномъ собраніи сочиненій былъ «Двѣ судьбы» и поэму «Машенька», хотя онѣ имѣютъ историко-литературный интересъ и хотя въ нихъ встрѣчается много изящныхъ описаній. Въ это же время онъ началъ создавать большую лирическую драму: «Выборъ смерти», теперь извѣстную подъ заглавіемъ «Три смерти». Событія Крымской войны нашли также откликъ въ стихотвореніяхъ Майкова, и имъ была напечатана книжка подъ заглавіемъ: «1854 годъ», гдѣ, между прочимъ, была помѣщена пьеса «Клермонтскій соборъ». Второе путешествіе Майкова за-границу въ 1858 году, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича, обогатило русскую литературу нѣсколькими художественными произведеніями; къ ихъ числу относятся «Неаполитанскій альбомъ», Новогреческія пѣсни и стихотворенія, которымъ нашъ поэтъ далъ названіе «Изъ странствованій».

Шестидесятые и семидесятые годы, мало благопріятные для истинной поэзіи, не остановили поэтической дѣятельности Майкова; въ теченіе двадцати лѣтъ непрерывно появлялись его стихотворенія.

Въ 1882 году явилась въ свѣтъ трагедія «Два міра» — ис-

Digitized by Google

тинно-художественное произведеніе, на выполненіе котораго нашъ поэтъ посвятилъ многіе годы. Изобразить картину борьбы умирающаго языческаго міра съ зарождающимся христіанствомъ было подъ силу такому таланту, какимъ обладалъ Майковъ.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова были ея лучезарнымъ закатомъ, но и въ этотъ періодъ времени онъ подарилъ нашу литературу многими перлами поэзіи.

Извѣстно выраженіе Пушкина: «слова поэта суть уже дѣла его». Оно совершенно справедливо относительно А. Н. Майкова. И впечатлѣнія, полученныя отъ природы и людей во время путешествій, и событія внѣшней и внутренней жизни Россіи, и отношенія самого поэта къ лицамъ, и его взгляды, чувства, тревоги, ожиданія — все это можно прослѣдить въ его стихотвореніяхъ, которыя такимъ образомъ являются поэтическою лѣтописью его жизни.

Напрасно поэтъ въ своемъ посланіи «Моему издателю» сказалъ, что

Онъ жилъ въ самомъ себѣ, писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ.

Напротивъ каждый, любящій родную поэзію, повторитъ относительно произведеній нашего поэта начальныя строки его стихотворенія «Перечитывая Пушкина»:

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій міръ чудесный —
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя.

Юныя же поколѣнія, заучивая дома и въ школѣ многія прекрасныя стихотворенія поэта, пронесутъ память о немъ въ далекое потомство.

Я не коснулся многаго, что вышло изъ-подъ пера А. Н. Майкова, между прочимъ его историческихъ статей и переложенія

Digitized by Google

Слова о полку Игоревѣ; не сказалъ ни слова объ его скромной, но многосложной службѣ, которую онъ началъ помощникомъ библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, продолжалъ цензоромъ въ Комитетѣ иностранной цензуры и кончилъ предсѣдателемъ этого Комитета; прошелъ молчаніемъ его литературныя и ученыя связи, отношенія къ нему критики; все это дѣло подробной біографіи, которая дастъ и справедливую оцѣнку его произведеніямъ. Но не могу умолчать въ заключеніи теперь же объ его нравственныхъ качествахъ. Они были столь же прекрасны и увлекательны, столь же отзывчивы ко всему доброму и высокому, какъ и его стихотворенія. Человѣкъ и поэтъ въ немъ слились и прошли жизненный путь рука-объ-руку.

Отъ скорбныхъ воспоминаній объ утратахъ лицъ, которыя посвятили всю жизнь наукѣ и литературѣ, перехожу къ ученой дѣятельности Отдѣленія.

Въ 1897 году продолжались усиленныя работы надъ Словаремъ русскаго языка. Уже въ январѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе нашло возможнымъ приступить къ печатанію перваго выпуска второго тома. Корректурные его листы разсылались всѣмъ тѣмъ, кто выражалъ свое согласіе помочь Отдѣленію въ его словарныхъ работахъ, а число такихъ лицъ было весьма значительно. Листы эти возвращались большею частью со многими поправками и дополненіями, значительно увеличивавшими и измѣнявшими первоначальную редакцію. Частью это обстоятельство, значительно замедлявшее печатаніе, частію же и то, что одновременно съ изданіемъ выпуска велись подготовительныя работы ко всему словарю — были причиною того, что выпускъ оконченъ печатаніемъ только къ настоящему дню. Онъ обнимаетъ слова на буквы Е и Ж и доводитъ Словарь до слова *Желѣзный*. Редакторомъ этого выпуска Словаря былъ академикъ А. А. Шахматовъ. Непосредственное участіе въ просмотрѣ корректуръ и обсужденіи замѣчаній, которыя предлагали члены Отдѣленія, принималъ

Digitized by Google

Августѣйшій Президентъ Академіи. Наиболѣе трудностей Отдѣленіе Русскаго языка и словесности встрѣтило при обработкѣ этого выпуска, какъ и перваго тома, — въ точномъ опредѣленіи научныхъ и техническихъ терминовъ. Недостатокъ этотъ, благодаря участію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, отчасти устраненъ. Дальнѣйшіе выпуски Словаря будутъ слѣдовать безостановочно.

Съ выходомъ въ свѣтъ перваго тома Литовско-Русско-Польскаго Словаря братьевъ Юшкевичей продолженіе печатанія его, какъ было заявлено въ прошлогоднемъ отчетѣ Отдѣленія, остановилось по случаю внезапной кончины В. И. Юшкевича, котораго Отдѣленіе пригласило для редакціи словаря. Нынѣ продолженіе этого труда Отдѣленіе поручило молодому ученому И. І. Яблонскому, ученику профессора Московскаго Университета Ф. Ѳ. Фортунатова. Въ концѣ ноября г. Яблонскій сообщилъ Отдѣленію, что лѣтомъ онъ провѣрялъ въ Ковенской губерніи тотъ матеріалъ, который собранъ покойнымъ А. Юшкевичемъ. При этомъ онъ записалъ около двухъ тысячъ такихъ словъ, которыя не значатся въ рукописи покойнаго А. Юшкевича, но зато довольно большого числа словъ, помѣщенныхъ въ рукописи, онъ не нашелъ, хотя за лѣто успѣлъ побывать въ разныхъ мѣстахъ Литвы. Довольно подробно онъ изучалъ на мѣстѣ два говора — веліонскій и ольсядскій. Изучая эти и другіе говоры литовскаго языка, онъ нашелъ въ рукописи Юшкевича много ошибокъ какъ въ написаніи самихъ словъ и переводѣ ихъ на польскій и русскій языки, такъ и въ помѣщенныхъ въ Словарѣ литовскихъ текстахъ. Несмотря на все это, г. Яблонскій надѣется въ непродолжительномъ времени приступить къ дальнѣйшему печатанію Словаря, хотя и предвидитъ многія затрудненія.

Въ настоящемъ году оконченъ печатаніемъ подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова второй выпускъ второго тома Матеріаловъ для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ И. И.

Digitized by Google

Срезневскимъ. Этотъ выпускъ оканчивается словомъ пакъ. Нельзя не отнестись съ благодарностію къ члену-корреспонденту Отдѣленія О. И. Срезневской и ея брату Вс. И. Срезневскому за тщательность, съ которою изготовляется текстъ Словаря для печати.

Приближается къ окончанію печатаемый, подъ редакціею академика А. А. Шахматова, Областной Словарь Олонецкаго нарѣчія, составленный Г. И. Куликовскимъ.

Въ 1897 году вышло подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова четыре книжки Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ числѣ многихъ статей по языкознанію и исторіи отечественной литературы, помѣщенныхъ въ этомъ повременномъ изданіи, слѣдующія заслуживаютъ быть упомянуты: В. В. Сиповскаго — «Къ литературной исторіи Писемъ Русскаго путешественника (Н. М. Карамзина)»; М. И. Сухомлинова — «А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья»; Е. Ѳ. Карскаго — «Западно-русскій сборникъ Императорской Публичной библіотеки, палеографическія его особенности, его составъ и особенности языка»; В. М. Истрина — «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи»; Д. Ѳ. Кобеко — «Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда»; Е. А. Ляцкаго — «Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ».

Въ истекающемъ году вышла въ свѣтъ первая часть второго тома обширнаго труда П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ». Главную и важнѣйшую часть этого труда составляетъ этнографія, въ которой представлена по возможности самая точная и подробная характеристика черногорскаго народа и его жизнь во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ со всею окружающею ее обстановкою.

Въ этомъ же году отпечатанъ посмертный трудъ академика И. И. Срезневскаго: «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги». Въ этомъ трудѣ заключается: Описаніе четы-

Digitized by Google

рехъ основныхъ списковъ Русской Кормчей книги Ефремовской, Рязанской, Новгородской и Устюжской, къ которому приложена статья покойнаго академика о Воскресенской Кормчей и присоединенъ сравнительный указатель перевода отдѣльныхъ частей Кормчей. Въ приложеніяхъ помѣщены: Собраніе каноновъ Іоанна Схоластика, Собраніе постановленій въ 87 главахъ, Новеллы, Синтагма въ XIV титлахъ и Законъ судный. Большая часть описаній рукописей и всѣ выписки были вновь провѣрены по подлинникамъ редакторомъ этого труда, сыномъ покойнаго академика В. И. Срезневскимъ.

Оканчивается печатаніемъ первый томъ составленнаго П. В. Шейномъ сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, озаглавленнаго: «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»

Отпечатанъ трудъ епископа Сейнскаго Антонія Барановскаго, подъ заглавіемъ: «Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ».

Приступлено къ печати фотографической копіи съ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую Минею-Четью, тщательно и въ высшей степени добросовѣстно провѣренной съ подлинною рукописью С. Н. Северьяновымъ. Веденіе этого изданія поручено г. Северьянову, подъ наблюденіемъ академика А. А. Шахматова.

Слѣдующія изданія, начатыя Отдѣленіемъ въ 1896 году, продолжались печатаніемъ и въ текущемъ: П. В. Шейна — третій томъ «Матеріаловъ для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края»; третій томъ «Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ»; второй томъ «Изслѣдованій по русскому языку»; «Апокрифическіе тексты», собранные изъ южно-славянскихъ рукописей П. А. Лавровымъ, и составленный С. А. Венгеровымъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія», который въ настоящемъ году доведенъ до слова: *Бержутовъ*.

Digitized by Google

Учено-литературные труды членовъ Отдѣленія были слѣдующіе.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ третьимъ изданіемъ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, въ приложеніяхъ къ которому помѣстилъ: дословную перепечатку изданія Лаврентьевскаго списка, предпринятаго профессорами Московскаго университета Чеботаревымъ и Черепановымъ; рѣдчайшаго, не доведеннаго до конца, изданія Лаврентьевскаго списка, сличеннаго съ пергаменнымъ Троицкимъ спискомъ, сгорѣвшимъ въ 1812 году въ нашествіе французовъ, и писанное полууставомъ конца XVIII вѣка начало поученія Владимира Мономаха. Сверхъ того онъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати IV тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Въ этомъ томѣ будутъ напечатаны документы, относящіеся къ 1706 г. Бо́льшая ихъ часть касается военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ этомъ году, а также Астраханскаго бунта. Особенный интересъ имѣютъ бумаги, относящіяся къ блокадѣ Карломъ XII нашей арміи въ Гроднѣ и ея отступленію изъ этого города. Положеніе нашего войска, запертаго Шведскимъ королемъ въ Гроднѣ, было крайне затруднительно; отступленіе тоже было соединено съ большими опасностями. Благополучнымъ выходомъ изъ Гродны и своимъ спасеніемъ наша армія была вполнѣ обязана распоряженіямъ самого Государя. За 1706 годъ до насъ дошло гораздо бо́льшее число писемъ и инструкцій Петра Великаго, чѣмъ за предыдущіе годы, и новый томъ дастъ богатый матеріалъ для историка царствованія Петра Великаго.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ напечаталъ IV томъ Сочиненій М. В. Ломоносова. Въ этотъ томъ вошли сочиненія нашего знаменитаго академика, относящіяся къ области языкознанія, и нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. Изъ сочиненій по филологіи здѣсь помѣщены: Россійская Грамматика; Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ, опредѣляющее взаимное отношеніе двухъ

Digitized by Google

элементовъ въ языкѣ: церковнославянскаго и русскаго; Указаніе предметовъ для филологическихъ изслѣдованій, изъ котораго видно, что Ломоносовъ считалъ необходимымъ историческое и сравнительное изученіе языка, какъ литературнаго въ его различныя эпохи, такъ и живого, народнаго въ его мѣстныхъ особенностяхъ, и нѣсколько другихъ статей. Изъ рѣчей въ этотъ томъ вошли: Похвальныя слова Петру Великому и Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, слова: О пользѣ химіи, О воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, О происхожденіи свѣта, представляющее новую теорію о цвѣтахъ. Всѣ эти труды снабжены объяснительными примѣчаніями, на составленіе которыхъ уважаемый академикъ употребилъ много труда и времени.

Въ отчетномъ году тотъ же академикъ окончилъ печатаніемъ IX томъ Матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Наукъ, заключающій въ себѣ извлеченіе изъ протоколовъ Академіи и изъ дѣлъ, хранящихся въ ея архивѣ, за 1748, 1749 и 1750 годы. Къ этому тому приложенъ обстоятельный указатель, который значительно облегчаетъ пользованіе изданіемъ, заключающимъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи нашего просвѣщенія. Такъ напримѣръ изъ журнала 1748 года помѣщена выписка, чтобы профессоръ и историографъ Миллеръ, представившій президенту Академіи таблицу родословную Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, ни въ какія родословныя изслѣдованія не токмо Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, но и партикулярныхъ людей, безъ особливаго на то указа не вступалъ и никому бы такихъ родословій, подъ опасеніемъ штрафа, не подносилъ, и трудился бы только въ одномъ томъ, что ему поручено отъ президента или, въ отбытность его, изъ канцеляріи, какъ то изображено въ его контрактѣ.

Своеобразное понятіе о достоинствѣ трагедіи Сумарокова «Гамлетъ» мы получаемъ изъ донесенія В. К. Тредіаковскаго,

Digitized by Google

которому было поручено ея разсмотрѣніе. Онъ нашелъ ее «довольно изрядною». «Подлинно, — писалъ онъ, — авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей трагедіи Хоревѣ (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла) въ сей прилѣжно исправилъ, и такъ здѣлалъ, что здѣсь всѣ, въ чемъ главнѣйшая польза отъ трагедіи, пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателеву, законно себѣ получили».

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью подъ заглавіемъ: «Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ». Продолжая свои работы по исторической поэтикѣ, академикъ обратился къ изученію повтореній, обычныхъ въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. На это явленіе смотрятъ, какъ на очень древній стилистическій пріемъ; авторъ видитъ въ немъ, какъ и въ эпической словоохотливости, retardatio, въ постоянныхъ эпитетахъ и обиліи общихъ мѣстъ — признакъ поздняго времени, а повторенія пытается возвести къ механизму стараго народнопѣсеннаго исполненія, хорическаго и антифоническаго, распространяя на эпическій сказъ аналогію антифонизма, широко примѣняющагося и теперь въ народной лирической пѣснѣ. Въ основѣ — повторенія не что иное, какъ захваты стиха или стиховъ отъ одного пѣвца къ другому, ему вторившему, изъ строфы въ строфу; при единоличномъ исполненіи пѣсни, эти захваты очутились формулой повторенія, которой стали пользоваться, какъ стилистической, служащей цѣлямъ психологическаго и художественнаго анализа.

Отрывки изъ «Planctus Italiae», встрѣтившіеся академику Веселовскому въ италіанскихъ сборникахъ съ именемъ Евстахія, составили предметъ его статьи, помѣщенной въ томъ же Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Евстахій изъ Матеры (или Венозы) и его Planctus Italiae». Эти отрывки оказались принадлежащими къ поэмѣ, авторомъ которой былъ Евстахій, одинъ изъ забытыхъ латинскихъ поэтовъ конца XIII

Digitized by Google

вѣка, предшественниковъ южно-италіанскаго Возрожденія. Академикъ Веселовскій склоненъ отождествить его съ нѣкіимъ Евстахіемъ, о которомъ Боккаччьо зналъ лишь со словъ своего учителя Паоло изъ Перуджіи.

Порученный Академіею А. Н. Веселовскому разборъ книги г. Истрина: «Александрія русскихъ хронографовъ» — далъ нашему академику поводъ пересмотрѣть критически новѣйшія работы по исторіи псевдо-каллисѳенова романа и его многочисленныхъ отраженій въ средневѣковой литературѣ. Важными оказались гѳіопскіе тексты, изданные Бѣдшемъ, особенно такъ называемый христіанскій романъ объ Александрѣ, представляющій яркій образецъ христіанизованныхъ Александрій, въ родѣ сербской; генеалогическія отношенія послѣдней, предположенныя авторомъ въ одной изъ предшествовавшихъ работъ, находятъ себѣ параллель и подтвержденіе, и освѣтили новыми данными нѣкоторые изъ переходныхъ разсказовъ, обогатившихъ псевдокаллисѳеновскій текстъ. Вопросъ объ отношеніи Дучипала сербскаго романа (Букефала Псевдокаллисѳена) къ Dulcifal'ю сѣверной саги — не лишній для хронологіи источниковъ сербскаго текста, столь популярнаго въ древней Руси.

Академикъ И. В. Ягичъ, проживающій въ Вѣнѣ, но принимающій дѣятельное участіе въ трудахъ Отдѣленія, напечаталъ въ 1897 году второй томъ «Источниковъ для исторіи славянской филологіи», о которомъ уже упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ. Въ обширномъ введеніи, которое г. Ягичъ предпослалъ изданнымъ имъ письмамъ, представлена картина замѣчательнаго умственнаго движенія, охватившаго южныхъ и западныхъ славянъ, отчасти въ концѣ прошлаго столѣтія (чехи, сербы), отчасти въ первые годы нынѣшняго (словинцы). Въ разнообразной перепискѣ, которая собрана въ этомъ томѣ, такъ и слышится одинъ общій голосъ, чтобы, наконецъ, и славяне взялись за великое дѣло просвѣщенія своихъ племенъ и народовъ для поднятія уровня образованія, для разра-

Digitized by Google

ботки отечественной исторіи и для развитія своихъ языковъ и литературъ.

При пособіи Вѣнской Академіи Наукъ И. В. Ягичъ издалъ текстъ хорватскаго перевода Пророковъ по единственному, имъ недавно найденному экземпляру, напечатанному въ Тюбингенѣ. Изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Veteris testamenti Prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI».

Въ 1896 году академику Ягичу удалось пріобрѣсти нѣсколько славянскихъ рукописей, попавшихъ въ Вѣну съ Востока (онѣ куплены въ Каирѣ). Эти рукописи пожелала отъ него пріобрѣсти наша Императорская Публичная Библіотека, но до передачи ихъ по назначенію нашъ уважаемый сочленъ захотѣлъ познакомить ученый міръ съ ихъ содержаніемъ. Объ одномъ Евангеліи, названномъ, по отмѣткѣ въ рукописи, Евангеліемъ Добромировымъ — оно написано въ предѣлахъ Македоніи въ концѣ XII столѣтія — И. В. Ягичъ представилъ изслѣдованіе въ Извѣстія Вѣнской Академіи Наукъ, въ которыхъ оно вскорѣ будетъ напечатано подъ заглавіемъ: «Evangelium Dobromiri». Гораздо замѣчательнѣе по содержанію другая рукопись — сборникъ средне-болгарскаго письма конца XIII столѣтія, который по подбору Словъ можетъ быть названъ Златоустомъ. Разсмотрѣніе одного текста этого важнаго сборника составило предметъ особой статьи академика Ягича, озаглавленной: «Критическія замѣтки къ славянскому тексту апокрифическаго первоевангелія», которую онъ доставилъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ нашего Отдѣленія и которая появится въ нихъ въ одной изъ книжекъ 1898 года.

По случаю командировки Вѣнскою Академіею Наукъ трехъ южно-славянскихъ ученыхъ для діалектологическихъ изслѣдованій на Балканскомъ полуостровѣ, г. Ягичъ напечаталъ въ Вѣнскомъ академическомъ Указателѣ (Anzeiger) двѣ статьи: а) «Die Aufgabe der Erforschung der südslavischen Dialekte» и б) «Vorläufige Berichte der Balkan-Commission über Dialektforschung

Digitized by Google

auf der Balkanhalbinsel». Сверхъ того И. В. Ягичъ издалъ XX томъ Архива славянской филологіи (Archiv für slavische Philologie), въ которомъ его статья «О спорныхъ вопросахъ въ славянской филологіи» несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе спеціалистовъ.

Дѣятельность академика Л. Н. Майкова была въ нынѣшнемъ году сосредоточена по преимуществу на работахъ по порученному ему критическому изданію Сочиненій А. С. Пушкина. Къ печатанію перваго тома этого изданія приступлено, и оно уже доведено до половины. Интересъ этого тома заключается въ слѣдующемъ: здѣсь должны быть помѣщены прежде всего такъ называемыя лицейскія стихотворенія Пушкина, при чемъ многія изъ нихъ, благодаря тщательному изученію редакторомъ авторскихъ рукописей, явятся въ новомъ, болѣе исправномъ видѣ. Къ сожалѣнію, тяжкая болѣзнь академика Майкова во второй половинѣ года воспрепятствовала ему закончить печатаніе перваго тома къ настоящему дню. По примѣру прежнихъ лѣтъ, Л. Н. Майковъ продолжалъ поиски Пушкинскихъ рукописей и рукописныхъ свѣдѣній о немъ. Въ истекшемъ году имъ сдѣланы слѣдующія пріобрѣтенія: графомъ С. Д. Шереметевымъ доставлено еще одно не напечатанное доселѣ письмо Пушкина къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, найденное въ принадлежащемъ нынѣ графу Остафьевскомъ архивѣ, а внукой княгини, графинею Е. П. Шереметевой, переданы два весьма интересныхъ письма княгини Вѣры Ѳеодоровны изъ Одессы, относящихся къ тому времени, когда послѣдовала высылка Пушкина въ деревню. Внука псковской сосѣдки Пушкина П. А. Осиповой, М. Б. Карпова, рожденная баронесса Вревская, сообщила двѣнадцать писемъ поэта къ ея бабкѣ и къ ея дядѣ А. Н. Вульфу, между которыми есть и не бывшія въ печати, С. А. Никитенко, дочь покойнаго академика — письмо къ ея отцу, не напечатанное, а П. Я. Дашковъ — два письма къ П. А. Корсакову. Наконецъ, одно письмо Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ

Digitized by Google

получено Л. Н. Майковымъ въ фотографическомъ снимкѣ, при содѣйствіи г. Засядка, изъ библіотеки Императорскаго Харьковскаго университета, а другое письмо, еще не изданное, получено въ такомъ же снимкѣ изъ Краковскаго музея Оссолинскихъ при содѣйствіи профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Сенаторъ Андр. Ник. Маркевичъ сообщилъ любопытный въ литературномъ и художественномъ отношеніи альбомъ своего отца, литератора 1830-хъ и 40-хъ годовъ и товарища Льва Пушкина по ученію. Въ этомъ альбомѣ нашлись два стихотворенія нашего великаго поэта, давно напечатанныя, но въ особой редакціи.

Всѣмъ этимъ лицамъ, оказавшимъ просвѣщенное содѣйствіе предпринятому изданію, Отдѣленіе выражаетъ живѣйшую благодарность.

Кромѣ занятій по изданію сочиненій Пушкина, академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ Русской Старинѣ статью подъ заглавіемъ: «Княжна Марія Кантемирова», а въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія начало изслѣдованія: «Юность Тредіаковскаго».

Академикъ А. А. Шахматовъ напечаталъ слѣдующія статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — «Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ»; «Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ»; «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ»; въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей — «О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ»; въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — «Звуковыя особенности ельнинскихъ и мосальскихъ говоровъ»; въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія — «Кіевопечерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись» и нѣсколько рецензій на новыя книги. Кромѣ того представилъ обширный разборъ сочиненія профессора Е. Ѳ. Будде «Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи».

Digitized by Google

Въ средѣ Отдѣленія возникъ вопросъ о необходимости и своевременности научнаго изданія сочиненій русскихъ писателей въ хронологической послѣдовательности. Планъ такого изданія составленъ и утвержденъ Отдѣленіемъ. Сочиненія каждаго писателя будутъ сопровождаться объяснительными примѣчаніями, а также библіографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями о писателѣ. Будутъ допущены и болѣе обширныя изслѣдованія о личности писателя и его литературной дѣятельности. Предположено начать это изданіе съ писателей XI и XII вѣка. Къ XI вѣку отнесены: Леонтій, митрополитъ кіевскій; Лука Жидята; Иларіонъ, митрополитъ кіевскій; Ѳеодосій, игуменъ печерскій; Георгій, митрополитъ кіевскій; Іоаннъ, митрополитъ кіевскій; Іаковъ черноризецъ; Ефремъ, митрополитъ кіевскій; преп. Несторъ; Василій, авторъ сказанія о Василькѣ; Григорій, творецъ каноновъ, и относимыя къ XI вѣку анонимныя: слова и поученія, историческія повѣсти и сказанія, и житія святыхъ.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 2.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1897 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1898.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1898 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1897 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Ордин. акад. А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году присужденіе Ломоносовскихъ премій предстояло Отдѣленію русскаго языка и словесности. Представлено было на соисканіе два труда: 1) профессора Императорскаго университета св. Владимира Т. Д. Флоринскаго подъ заглавіемъ: «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I (Кіевъ, 1895): I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки» и 2) профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. (Казань, 1896 г.)».

По порученію Отдѣленія означенныя сочиненія были разсмотрѣны—первое профессоромъ Императорскаго Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ, второе академикомъ А. А. Шахматовымъ, которые дали о нихъ слѣдующіе отзывы:

I.

Доставленное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора Флоринскаго, говоритъ профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ,—представляетъ объемистую книгу, содержаніе которой, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-

Digitized by Google

западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніи, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи ихъ»; цѣль ея—прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». Авторъ, по словамъ рецензента, вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Особенное значеніе придаетъ рецензентъ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библіографіи, въ которой почти что нѣтъ упущеній. Эти отдѣлы книги, равно какъ та часть, которая названа введеніемъ, дѣлаютъ книгу г. Флоринскаго очень цѣннымъ руководствомъ для начинающихъ славистовъ. Правда, въ введеніи кое-какія положенія автора вызываютъ на возраженія, но тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ книги, г. Флоринскій представилъ въ объективномъ изложеніи все существенное. Въ изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей рецензентъ отмѣчаетъ рядъ недостатковъ, легко устранимыхъ при переработкѣ сочиненія: такъ авторъ, вдаваясь въ область діалектологіи, иногда недостаточно выдѣляетъ мѣстныя явленія отъ явленій болѣе или менѣе общихъ; дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ иногда допускаетъ нѣкоторую неосторожность въ своемъ изложеніи; строго различая вообще явленія звуковыя и явленія аналогіи, авторъ иногда подводитъ подъ фонетическій законъ такія явленія, объясненіе которыхъ надо искать во вліяніи аналогіи и т. д.

Кромѣ того г. Флоринскій допустилъ въ своемъ изложеніи нѣсколько неточностей и ошибочныхъ толкованій и данныхъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены имъ недостаточно полно, иногда въ книгѣ попадаются недосмотры.

Digitized by Google

Но всѣ эти недостатки нисколько не могутъ повредить тому общему весьма благопріятному впечатлѣнію, которое производитъ разбираемое сочиненіе. Вотъ почему рецензентъ въ заключеніи своемъ находитъ, что книга г. Флоринскаго заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою премією.

II.

По словамъ академика А. А. Шахматова, трудъ г. Будде тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ предшествующимъ работамъ автора: — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (Варшава 1892)» и «Отчету о командировкѣ въ Рязанскую губернію» (Казанскія Университетскія Извѣстія 1895 года). Изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у г. Будде желаніе познакомиться съ сѣверными уѣздами той же губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами. Такой границей оказалась рѣка Ока: къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, особенности которыхъ г. Будде описалъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ живыхъ говоровъ русскаго языка съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ и обратился къ сравнительно-историческому изслѣдованію современныхъ говоровъ и древнихъ памятниковъ языка. Вотъ почему въ изслѣдованіи г. Будде находимъ рядъ экскурсовъ въ область исторіи русскаго языка: для того чтобы объяснить происхожденіе современнаго звукового состава Касимовскаго говора, ему пришлось подробно остановиться на исторіи отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, и расширяя свое изслѣдованіе коснуться всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ исторіи нашего языка. Обнаруживъ при этомъ весьма обширныя знанія въ области фактовъ какъ современнаго, такъ и древняго языка, авторъ представилъ рядъ новыхъ въ наукѣ соображеній, разъясняющихъ

Digitized by Google

историческій процессъ измѣненія звуковъ въ русскихъ говорахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ соображеній, равно какъ многія наблюденія надъ современнымъ произношеніемъ, могутъ быть признаны цѣнными вкладами въ науку. Такъ весьма важны соображенія автора, доказавшія, что Касимовскіе говоры—говоры смѣшанные, при чемъ въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверно-русскіе, подвергшіеся вліянію южно-великорусскихъ говоровъ. Очень любопытны наблюденія г. Будде надъ долгими гласными и дифтонгами Касимовскихъ говоровъ, а также его замѣчанія относительно произношенія многихъ звуковъ въ сѣверныхъ и южныхъ рязанскихъ говорахъ. Рядомъ съ этими положительными сторонами труда г. Будде, въ немъ можно отмѣтить и рядъ недостатковъ, какъ въ пріемахъ изслѣдованія, такъ и въ изложеніи выводовъ. Указавъ на отсутствіе отдѣловъ, посвященныхъ ударенію, склоненію, спряженію и синтаксису, рецензентъ указываетъ на рядъ неточностей и ошибокъ въ изслѣдованіи г. Будде, объясняя ихъ главнымъ образомъ тою поспѣшностью, съ которою онъ работалъ. Все изслѣдованіе г. Будде много бы выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его переработать.

Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что главные результаты изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка, а также въ виду замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкости его наблюденій и тщательности изслѣдованій, рецензентъ находитъ, что недостатки разсматриваемаго сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г. Будде Ломоносовскую премію.

Образованная согласно § 10 правилъ о Ломоносовской преміи Комиссія, состоявшая изъ академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, нашла справедливымъ присудить обоимъ соискателямъ за представленные ими труды Ломоносовскую премію въ половинномъ размѣрѣ каждому. Это поста-

Digitized by Google

новленіе Комиссіи Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, по ознакомленіи съ поданными рецензіями, единогласно утвердило.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе постановило выразить профессору Р. Ѳ. Брандту искреннюю признательность за принятый имъ трудъ составленія обстоятельнаго критическаго разбора труда профессора Флоринскаго и присудило ему золотую медаль.

Digitized by Google

I.

Отзывъ о сочиненіи О. П. **Т. Д. Флоринскаго** „Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Кіевъ 1895. I) Введеніе. II) Юго-западные славянскіе языки (болгарскій, сербохорватскій и словинскій). Кіевъ 1895.“

Поданное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора Флоринскаго представляетъ объемистую книгу, въ 526 страницъ въ большую осьмушку. Содержаніе этой книги, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи» ихъ (стр. 35); цѣль ея — прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». (Предисл., стр. III). Авторъ вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Послѣ введенія, въ 44 страницы, посвященнаго изложенію краткихъ свѣдѣній по этнографіи Славянъ и по классификаціи ихъ языковъ, а также по сравнительному языковѣдѣнію въ отношеніи его къ славянской филологіи, авторъ отводитъ 143 стра-

Digitized by Google

ницы болгарскому языку, 191 — сербохорватскому, и 140 — словинскому, или словенскому[1]).

Въ изложеніи отдѣльныхъ языковъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) говорится объ изученіи даннаго языка, объ имѣющихся по нему работахъ, 2) о занимаемой имъ площади, 3) объ историческихъ судьбахъ его, 4) о звуковыхъ особенностяхъ его, съ особымъ изложеніемъ вопроса объ акцентовкѣ, 5) о формовыхъ особенностяхъ и 6) о неизмѣняемыхъ словахъ, къ чему затѣмъ присоединяются 7) свѣдѣнія о нарѣчіяхъ и говорахъ. Нѣсколько нарушая этотъ порядокъ, авторъ иногда уже въ другихъ отдѣлахъ предвосхищаетъ діалектическія данныя — чего впрочемъ едвали можно было избѣжать. Самый порядокъ однако кажется рецензенту несовсѣмъ удачнымъ: географическія данныя естественнѣе было бы поставить на первое мѣсто, а свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ, а также объ изученіи разсматриваемаго языка лучше бы было отнести къ концу, такъ какъ для чтенія ихъ желательно уже нѣкоторое знакомство съ этимъ языкомъ — по крайней мѣрѣ необходимо умѣніе читать, и непремѣнно слѣдовало выдвинуть впередъ графику. Что касается графики, то, кромѣ изложенія ея въ текстѣ, было бы хорошо приложить сравнительную таблицу различныхъ азбукъ, въ коей могли бы найти себѣ мѣсто и такія явленія, какъ мадьяризующія начертанія szvent, idanstę, cslecse у Семиградскихъ болгаръ (стр. 188—189), какъ литовское ë въ duktë (стр. 12), которыми студенты могутъ затрудниться. (Отчасти такому требованію удовлетворяютъ таблицы сербохорватскихъ письменъ, на стр. 242—243).

---

1) Употребленіе этого названія въ первомъ, а не во второмъ видѣ (по замѣчанію самого Ф., стр. 381, пр., болѣе правильномъ), во избѣжанье совпаденія съ обычнымъ названіемъ языка угорскихъ Словаковъ, который далеко не всѣ рѣшаются называть «словацкимъ», можно считать удачнымъ: получаемое при томъ новое совпаденіе съ кашубскими словинцами не представляетъ серьёзнаго неудобства; впрочемъ особенно бояться смѣшенія южной словенской рѣчи съ сѣверною приходится лишь тому, кто говоритъ, какъ Ф., о словацкомъ «языкѣ», вм. словацкаго или словенскаго «нарѣчія» чехословацкаго языка.

Digitized by Google

Авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ томъ, что, и въ томъ, какъ излагать; хотя для первоначальнаго ознакомленія со славянскими языками я лично предпочитаю еще болѣе сжатое и менѣе спеціальное изложеніе: съ каѳедры курсы вѣроятно и читались въ болѣе краткомъ видѣ, ибо отдѣльные языки, съ тѣми подробностями, съ какими они разсматриваются въ разбираемой книгѣ, едва ли могли умѣститься въ учебныя полугодія — развѣ, если вовсе не читалось образцовъ.

Не особенно нужною представляется рецензенту часть введенія: можно было нисколько не вдаваться въ область сравнительнаго языкознанія, потому что при объясненіи явленій живыхъ славянскихъ языковъ естественно ограничиться сопоставленіемъ съ «нашимъ санскритомъ» (стр. 35) — языкомъ старо-церковнымъ. Мысль эту, въ указанномъ мѣстѣ, выражаетъ и нашъ авторъ, а затѣмъ проводитъ ее на дѣлѣ[1]). Дѣйствительно, сравненіе съ литовскимъ и съ другими родственными языками, нужное въ курсѣ старо-церковнаго языка, при разсмотрѣніи остальныхъ славянскихъ языковъ можетъ быть полезнымъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (напр. по вопросу о русской, польско-лужицкой и полабско-кашубской огласовкѣ плавно-чистыхъ созвучій: город, gród, gord, gard и т. п.). Въ частности должно признать излишнею попытку (стр. 12) въ немногихъ строкахъ дать изложеніе нѣкоторыхъ «характерныхъ безспорныхъ особенностей славянскаго праязыка», . . . составляющихъ притомъ «главнѣйшія отличія его отъ ближайше родственнаго ему языка литовскаго». Въ этомъ изложеніи кое-что выражено такъ неясно и неточно, что можетъ быть понято лишь тѣмъ, кто и самъ уже знаетъ въ чемъ дѣло: таково упоминаніе вскользь о какихъ-то сочетаніяхъ ар, ал, ер, ел и о существованіи въ литовскомъ

1) Иногда впрочемъ онъ, безъ надобности, отъ нея отступаетъ, возводя напр. сербское окончаніе -ху не только къ -хѫ, но далѣе къ -хѧт и -хонт, окончаніе -ше, кромѣ -шѧ еще къ -хѧ и -хент (стр. 322): самъ же онъ, на стр. 340, говоритъ, что *е* въ клéти и т. п. восходитъ къ носовому гласному, развившемуся еще въ доисторическое время.

Digitized by Google

языкѣ «простого прошедшаго, такъ называемаго Praeteritum», тогда какъ въ немъ «нѣтъ аориста, а имперфектъ—позднѣйшаго образованія». Относительно «исчезновенія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ» въ такой связи надо было оговорить, что оно въ большинствѣ случаевъ есть уже славяно-литовское явленіе; упоминая о «замѣнѣ первичнаго s черезъ ch», слѣдовало бы указать въ какомъ положеніи она замѣчается, также «перехода первичныхъ k и g, gh въ s и z» неудобно касаться, не входя въ нѣкоторыя подробности на счетъ двоякости (можетъ быть, и большаго еще разнообразія) праязычныхъ k и g. Впрочемъ авторъ могъ здѣсь имѣть въ виду, что читатели его нѣсколько знакомы со сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, и что имъ въ данномъ мѣстѣ не сообщается совершенно новыхъ свѣдѣній, а только напоминается о вещахъ уже извѣстныхъ.

Во введеніи вызываетъ на возраженіе еще классификація славянскихъ языковъ, на стр. 2—3. Можно считать неоспоримымъ, что словацкая рѣчь находится въ подобномъ же отношеніи къ чешской, кашубская—къ польской, какъ малорусская—къ великорусской; имѣя въ виду эту несомнѣнную аналогію, нашему автору не слѣдовало бы говорить о «языкахъ» словацкомъ и кашубскомъ, а о «нарѣчіяхъ». Пробѣломъ въ его классификаціи является отсутствіе языка старославянскаго (полабскій, хотя тоже мертвый, включенъ въ нее): Флоринскій мотивируетъ это (стр. 16) тѣмъ, что «о генетической связи его съ другими славянскими языками нельзя сказать ничего опредѣленнаго и положительнаго» и что «трудно указать для него подходящее мѣсто» (мысль повторяемая и на 29 стр.); однако онъ самъ нѣсколько выше склонялся на сторону болгарскаго происхожденія старославянскаго языка, а въ томъ, что это языкъ югозападной группы, до сихъ поръ никто не сомнѣвался[1]).

При изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей ав-

1) Послѣ (на стр. 182) Флоринскій мѣтко указываетъ на черты, сближающія «съ книжнымъ языкомъ солунскихъ уроженцевъ Свв. Кирилла и Меѳодія» именно южно-македонскій (костуро-солунскій) говоръ.

Digitized by Google

торъ иногда, забѣгая въ область діалектологіи, недостаточно выдѣляетъ мѣстныя явленія отъ явленій болѣе-менѣе общихъ. Такъ онъ (стр. 73) говоритъ, что ѫ у Болгаръ перешелъ въ одинъ изъ глухихъ звуковъ ѫ, ъ, или въ одинъ изъ чистыхъ *а*, *о*, *у*, *е*. Полагаю, что здѣсь слѣдовало выдвинуть переходъ ѫ въ глухой, какъ основное явленіе, и лишь въ видѣ оговорки указать на проясненіе его въ *а* и въ *о*. Тѣмъ болѣе второстепенную роль играетъ замѣна ѫ черезъ *у*, которую самъ Флоринскій признаётъ сербизмомъ (стр. 74), и появленіе на мѣстѣ его *е*, каковое замѣчается лишь въ глагольныхъ окончаніяхъ (областныя македонскія моге, иде, думахе, се = сѫть, плетет, паднет = -тѫть, -нѫть: стр. 74 же) и должно быть объясняемо вліяніемъ мягкихъ окончаній, гдѣ ѭ перешелъ въ ѧ и въ *е*, на твердыя[1]). Дѣйствительно звуковую особенность представляетъ тетевенское ă (своеобразный глухой, только похожій на *е* — «глухо-гърлено дълго *е*»): măш, păт, găba, скокнăх (стр. 75), которое, на мой взглядъ, совсѣмъ не «стоитъ въ связи» съ только что упомянутымъ македонскимъ *е*. Въ сербо-хорватскомъ (стр. 245) замѣною ъ и ь, кромѣ *а*, правда болѣе рѣдкою, признаётся и *е*, тогда какъ, если не считать кайкавщины, такая замѣна имѣется лишь въ единичныхъ случаяхъ: приводимыя здѣсь стѐгно и пра̏ведан, кажется, единственныя въ своемъ родѣ. (Изъ нихъ первое можно объяснить примѣненіемъ въ глаголу сте́гнути и сравнить съ польскимъ ścięgno, а второе должно быть слово книжнаго происхожденія, съ церковною—русскою, или иною—огласовкою). Начальное сочетаніе ји въ сербскомъ языкѣ—какое-нибудь и́кальское ји́сти, или чакавское ји́х,—не слѣдовало бы ставить на одну доску съ обычными сочетаніями ја, је, ју, какъ сдѣлано на стр. 266 и 273. Краткость гласныхъ, помимо конечнаго слога, въ словинскомъ языкѣ существуетъ лишь какъ мѣстное явленіе, что̀ отмѣчаетъ и самъ Флоринскій (стр. 409 и 420), но онъ все-таки говоритъ иногда о краткости—видимо, о восточно-штирійской, по Миклошичу,—

1) Думахе сохраняетъ въ своемъ *е* аористный ѧ, и окончаніе его возникло путемъ сдѣлки между аористнымъ -шѧ и имперфектнымъ -ѫ.

Digitized by Google

гдѣ обыкновенная рѣчь представляетъ долготу: приводитъ напр. gŏba, tŏča, jĕčmen, zĕt, mĕhek (стран. 412), kŏza, vŏda (421), nĭti (459), slădek, tănek, glŏbok (469); иное, напр. мѣстный пад. mèni, творный nàmi — стр. 461 — должно быть простыя опечатки. Не только «рѣдкая» у Болгаръ, но и чисто мѣстная форма ми, мие (мы) напрасно внесена въ парадигму, на стр. 107. Безъ оговорки рядомъ съ обычными формами поставлены сербскія областныя ка̏ми и ка̀м, пла̀м, кре̏м, стр. 295, гдѣ, кстати замѣтить, недостаетъ формы пра̏м.

Отличаясь вообще достаточной полнотой, разбираемая книга представляетъ все-таки нѣкоторые, болѣе-менѣе значительные пробѣлы: такъ не указано (стр. 109) способности болгарскихъ притяжательныхъ мѣстоименій моя, мое, твоя, твое, своя, свое сокращаться въ мой, твой, свой; не отмѣчено (стр. 116—117): ржцѣ, нозѣ, очи́ и уши́ (крака́ и рога́ есть, но толкуются иначе); на стр. 138, также нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, нѣтъ указанія на сокращенныя формы настоящаго, въ-родѣ игра́й, желѣ́йте вм. игра́е, желѣ́ете, и на безсложное *и* вм. *е* (есть); не упомянуто (стр. 139) о своеобразномъ (описательномъ) выраженіи для отрицательнаго велительника у Болгаръ: не дѣ́й пи́са и т. п.; не указано (стр. 144, п. 1) нѣкоторыхъ формъ болгарскаго будущаго, а именно основного его вида штѫ да пи́шѫ и штѫ пи́шѫ съ измѣненіемъ по лицамъ обоихъ глаголовъ, — тамъ же недостаетъ указанія на буд. глагола быть — штѫ бѫ́дѫ и штѫ сѫ́м, которое впрочемъ приводится ниже, какъ составная часть будущаго совершеннаго и вошло въ парадигмы на стр. 146; говоря о сербской замѣнѣ *ѧ* гдѣ черезъ *е*, гдѣ черезъ *и*, гдѣ черезъ *ије* и *је*, авторъ не упомянулъ о количественномъ и акцентномъ соотвѣтствіи между ве̏ра, ви̏ра и вје̏ра, цвѣ́т, цви́т и цви̏јет, гне́здо, гни́здо и гнијѐздо; не упомянуто также о югозападномъ *ре* вм. *рје* = *рѣ*, послѣ согласныхъ: пре-, бре̏за, бре̏ђ (впрочемъ на стр. 275 говорится о «выпаденіи» j въ словахъ гре̏шан, бре̏мена); въ статьѣ о долготѣ и краткости сербскихъ гласныхъ (стр. 261 — 264) не отмѣчено Миклошичева закона о правильномъ

соотвѣтствіи количества и ударенія плавно-чистыхъ созвучій у Сербовъ ихъ русскому акцентованію: го́род — гра̑д, воро́на — вра̑на, борода́ — бра́да и т. п.; упомянувъ особо — видимо, въ противуположность болгарскому языку — «о сохраненіи» въ сербскомъ языкѣ «неопредѣленнаго наклоненія», непремѣнно слѣдовало указать также на сходную съ болгарскою замѣну его: хо̀ћу да̀ идѐм и т. п.; приведши инфинитивъ ри̏јети вм. рѐћи, авторъ забылъ привести прич. ри̏јевши вм. рѐка̑вши; отмѣтивъ въ словинскомъ языкѣ существованіе широкаго и узкаго *e* (стр. 415 — объ *o* говорится нѣсколько иначе и несовсѣмъ вѣрно), Флоринскій не указалъ на значеніе широкаго выговора, какъ свойственнаго слогамъ съ оттянутымъ удареніемъ: žéna, séstra (съ ä), а также и vúda, kúza (съ *o* въ-родѣ русскаго) = русскимъ жена́, сестра́, вода́, коза́,—не сдѣлалъ онъ этого и на стр. 434, гдѣ въ примѣчаніи упоминается объ употребленіи Валявцемъ знаковъ è и ò (служащихъ именно для обозначенія этихъ é[a] и ó[a]); въ связи съ послѣднимъ пропускомъ находится другое упущеніе — игнорированіе женскаго и средняго рода, равно какъ остальныхъ падежей неопредѣленнаго прикладка dóber (стр. 460): dúbra, -ro, -rega и т. д., отличныхъ отъ dóbra, -ro, -rega и т. д. къ dóbri (таковы же zelénа, -no, -nega и т. д. къ zélen, при zeléni, -na, -no, -nega); въ статьѣ о словенскихъ мѣстоименіяхъ не упоминается о несклоняемомъ ki и его любопытномъ соединеніи съ третьеличнымъ мѣстоименіемъ: kùnj, ki ga sem prodàl, člúvek, ki mu úpam.

Также на счетъ ударенія, которому отведено довольно много мѣста, замѣчаются нѣкоторыя неисправности. Такъ не отмѣчено своеобразной акцентовки зовнаго падежа: баритонность его у Болгаръ (въ парадигмахъ, правда, есть жѐно, при жена́; но тамъ же мнѣ неизвѣстныя и подозрительныя смьртѐ и властѐ, стр. 124 и 123) и обычность въ немъ у Сербовъ однослогового ударенія (ˆ или ˆ), при двуслоговомъ удареніи другихъ падежей — впрочемъ Флоринскій пишетъ jèлене (стр. 293); не отмѣчено также (стр. 312) акцентованія превосходной степени: на̑јмлађи, најновији

и т. д.; не указано правила, что, при слабомъ удареніи на корнѣ въ единственномъ числѣ настоящаго, множественное полагаетъ восходящее на примѣту (у е́стевыхъ глаголовъ не всегда), напр. лòми̂м—ломи́мо, вјѐнча̂м—вјенча́мо, плѐтêм—плете́мо или плѐтêмо: у самого Флоринскаго есть въ парадигмѣ гребе́мо, пече́мо, куне́мо (его зòвêмо, стр. 341, если не вовсе ошибочно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ при себѣ и зове́мо; бјѐжимо, -ите, стр. 353, погрѣшность вм. бјежи́мо, -и́те)[1]). Не совсѣмъ рѣдки частные недосмотры относительно ударенія, напр. отсутствіе его: безъ акцентовъ написаны чѐтворо, -òрица војни́ка̂ (314), причастія мѝвен, рѝвен, шѝвен, обу̀вен, наду̀вен, одѐвен (345), на стр. 270—273 нѣтъ ни одного акцента, не обозначено ударенія также на словенскихъ реченіяхъ možjé (453), Matíja, nóhet, péčat, gospód (454), besedí (род. мн., 458), на глагольныхъ формахъ začnèm, objámem и др. (стр. 488). Не разъ встрѣчается и невѣрное обозначеніе ударенія (обыкновенно должно быть по опечаткѣ): пеко́х, бодо́х рядомъ съ не́сох (149)—господствуетъ произношеніе пе́кох, бо́дох, а съ другой стороны возможно и несо́х; вм. сербскихъ те́ле (249), ма́гла (252), же́на (254), дòћи (283), под гла̏ву (тмж.), s teškun múkun (291), свѐдока̂ (292), кòња̂, кòњма и ора́чи! (294), пије́сак, òвном и проси́лаца (295), но́зи (298), кћерју (300), ши̏рок, ду̏бок, ви̏сок, лѐп, мнòго, ви̂ше̂ (312), хва́љен (319), нужно тѐле, мàгла, жѐна, до́ћи, по̏д гла̄ву, s tèškun mùkun, сведо́ка̂, ко́ња̂, ко̏њма, о̏ра̄чи, пијѐсак, о́вном, прòсила̂ца̂[2]), нòзи, кћêрју, шѝрок, ду̀бок, вѝсок, лêп, мно̏го, ви̏ше, хва̂љен; по-словенски читаемъ ошибочную акцентовку tríje (470), hvalím (475), zraven hišé и zoper bratá (499) и др.

Упущеніемъ считаю также отсутствіе во многихъ случаяхъ перевода приводимыхъ словъ, напр. слѣдовало перевести болгарскія хо́ра-та (104), и́скам (126), тий се хранѭт много добрѣ (145), люлѣ́ѭ (160), дра́штѫ, гра́чѫ (161), броѭ́, купу́вам,

1) Объ упущеніи относительно акцентовки сербскаго ѣ и плавно-чистыхъ созвучій упомянуто выше, стр. 13—14.

2) Или можетъ быть про̏сила̄ца̄.

Digitized by Google

хвь́рлям, ра́ждам (164), дѣ́лам (165), ду́мам, дока́рам, ви́кам, пь́рскамъ, пу́кам (166), сербскія: џамија, џин (244), туђи, грађа, кућа, срећа (268), ра̑ван, -вни, смр̑зао, прѐгӣбао, на̏зēбао (299), Камо те се да видете[1]), словинскія: sъmъn, къbъ̀l (409), noraz (413), britof, fant, ofer (428), lonec, rajniš (445), rob (453), vaj гориц. (458[2]), donêti и molêti (496), se mudí (497), izpod klopí (499) и мн. др. Изрѣдка имѣющійся переводъ оказывается неточнымъ или прямо ошибочнымъ: ства̑р слѣдуетъ переводить не дѣло, а вещь (298), поду̀вријети не значитъ подталкивать, а подпереть, поднять (рычагомъ), у̀вријети — не сгибаться, а проскользнуть (sich hineinschmiegen, arcte perlabi), на̀вријети — не хотѣть, а налечь, напереть: mit Gewalt durchwollen, vi perrumpere velle—хотѣть должно быть и есть опечатка вм. хотѣть прорваться (стр. 340), о̀книти надо переводить окрасить, а не просто красить, за̀днити не значитъ основывать, а вбить дно въ бочку: bödmen, fundo instruo (стр. 352).

Почти что нѣтъ упущеній, насколько рецензентъ замѣтилъ, въ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библіографіи, изъ коей онъ самъ узналъ кое-что новое: онъ прибавилъ бы только, на стр. 10, книгу Габеленца — Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, Leipzig 1891, на 44—журналъ Indogermanische Forschungen, а въ числѣ грамматическихъ трудовъ по словенскому языку — Левстика: Fr. Levstik, Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen, Laibach 1866. Здѣсь однако было бы желательно, чтобы авторъ помогалъ неопытному читателю разобраться въ массѣ указываемыхъ ему сочиненій: хорошо бы было давать болѣе точныя свѣдѣнія о содержаніи и о достоинствѣ этихъ книгъ — хотя, правда, иногда трудно сдѣлать это въ двухъ-трехъ словахъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ

1) Ка̏мо те се да̀ видӣте сво̑га хва̑љенōг си̑на — Куда вы дѣвались, идите смотрѣть на св. хв. с. В. Ст. Караџић, Српске народне приповијетке, У Бечу 1870, стр. 64.

2) Должно быть это опечатка вм. raj, усѣченной разновидности приводимаго на стр. 456 «raji (=rogi)».

Digitized by Google

было бы легко прибавить краткую оговорку, напр. отмѣтить, что Даничичевъ Сербскій синтаксисъ (стр. 192 и 198) содержитъ только науку о падежахъ, и что языковѣдные труды Микуцкаго (стр. 39) совершенно ненаучны.

Нѣкоторое излишество представляетъ обиліе парадигмъ. Положимъ, образцы склоненій и спряженій полезны, особенно для справокъ; но въ нихъ слѣдовало бы выдѣлить какимъ-нибудь способомъ, напр. особеннымъ шрифтомъ, то, что дѣйствительно своеобразно въ данномъ языкѣ. Несомнѣнно излишними считаю, порой довольно длинные, списки глаголовъ, слѣдующихъ тому или другому образцу (напр. на стр. 346—347): вѣдь эти образцы почти всегда тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ. Излишнимъ вторженіемъ въ словарную область являются перечни нарѣчій, предлоговъ, частицъ и междометій, изъ коихъ стоило отмѣтить развѣ немногіе, любопытные по составу, или по употребленію, напр. серб. нарѣчіе сѫнѣ вечоръ, сербскіе предлоги уз, код, словенскій предлогъ raz (притомъ первое слово надо было поставить подъ мѣстоименіемъ caj, какъ сдѣлалъ Миклошичъ въ своей Морфологіи).

Дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ нашъ кое-гдѣ допускаетъ нѣкоторую неисторичность въ своемъ изложеніи: болгарское *дам*, *ям*, говоритъ онъ (стр. 137) происходятъ изъ *дадм*, *ядм*, тогда какъ выпаденіе *д* есть уже праславянское явленіе; серб. молба онъ выводитъ изъ основного мольба (245), тогда какъ послѣднее дало моӧба, мо́ба, а теперешнее молба очевидно образовано вновь къ глаголу мо̀лити, въ такое время, когда никакого ъ уже не существовало (также и въ приводимыхъ на стр. 204 словахъ бӣјел, цӣјел, дӣјел, а̂пӣелка и т. д. *л* вовсе не «остается неизмѣннымъ», а былъ возстановленъ, или же внесенъ въ новое слово по образцу родственныхъ); явно вторичныя формы въ родѣ твор. п. ženúm, откуда потомъ -ún (=ženú, т. е. женѫ,+m, взятый у окончанія -om), вовсе не могутъ служить «нѣкоторымъ подтвержденіемъ» предположенія, что носовое *о* сначала перешло въ носовое *у*, а

Digitized by Google

потомъ уже въ чистое *у* (стр. 249); группы *тл* и *дл* въ дјѐтла, сѐдло (гдѣ выпалъ глухой) напрасно поставлены на одну доску съ *тл* и *дл* въ плѐла и па̏ла (270); смягченіе *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с* и въ *ч*, *ж*, *ш*, также *ц*, *з*, *с* въ *ч*, *ж*, *ш*—явленіе не болгарское, сербское и словенское, а уже праславянское (стр. 92, 94, 271, 272, 428, 429) и сохраняется, а иногда и распространяется за первоначальные предѣлы лишь по преданію; праславянское выпаденіе *в* послѣ *б*, сказывающееся въ сербскихъ о̏бичāј, о̏блāст, напрасно приводится въ связь съ дѣйствительно сербскимъ выпаденіемъ его въ цр̀љен (стр. 275); st вм. tt и dt (plésti, slâst) развилось не у Словинцевъ (стр. 426), а уже у Славяно-литовцевъ. Все это, надо полагать, хорошо знаетъ и самъ Флоринскій, но ему слѣдовало это и высказать. Сюда же относится и ученіе объ устраненіи зіянія и о вставочныхъ *j*, *в*, *н* (стр. 87, 265, 423): би̏-j-ем, ми̏-в-ен, k njému и т. п.—зіяніе, если вообще здѣсь устранялось, то не въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, а въ праславянскомъ, или еще ранѣе; иное дѣло серб. у̏во вм. у̏о, ухо, ти̏јо вм. ти̏о, тихо. Особенно странно говорить про horror hiatūs у Болгаръ, которые (особенно Македонцы) такъ часто выпускаютъ *j*, *в*, *х*, а подъ-часъ и другіе согласные.

Относительно звуковыхъ законовъ нашъ авторъ держится нѣсколько свободнаго, по-моему ошибочнаго, взгляда: онъ не задумывается выводить болг. мѫ, тѫ, сѫ, фонетически изъ мѧ, тѧ, сѧ, «въ эпоху смѣшенія юсовъ» (108), не затрудняется объяснять болг. *я*, въ причастіяхъ оставя, сенувая, спая изъ -ѩ (стр. 129), тогда какъ тутъ не обойтись безъ вліянія косвенныхъ падежей, вродѣ пишѫшта, навязавшихъ именительному свой ѫ; онъ допускаетъ, что въ окончаніи множнаго перволичья -ме *е* просто приставлено для отличія отъ однинныхъ формъ и́мам, ду́мам (стр. 134); онъ принимаетъ, что глагольная наставка -ив- (=-ыв-) «образовалась изъ -ов-»: кази́вати изъ казо̀вати (350); онъ утверждаетъ, что хо̀тјети «можетъ терять *о*» (355), тогда какъ хтјѐти конечно равно староцерк. хътѣти; онъ говоритъ (стр. 423) объ отпаденіи *о* въ biskati (сопряженномъ съ перемѣ-

Digitized by Google

ной глагольнаго вида?!), тогда какъ тутъ произошелъ звуковой передѣлъ: ob-iskati расчленилось въ народномъ сознаніи на o + biskati, что̀ и породило простое biskati; онъ не затрудняется возводить b въ botr кумъ, = нѣм. Gevatter, къ km, отождествляя, очевидно, botr съ kmotr (стр. 429); онъ полагаетъ, что восточноштирійскія и угрословенскія bremen, sêmen, vrêmen, plemen «сохраняютъ» звукъ n (стр. 457), который, разумѣется, былъ въ нихъ возстановленъ по образцу косвенныхъ падежей.

Иногда сообщенія (можетъ быть отчасти лишь способъ изложенія) нашего автора страдаютъ нѣкоторою неточностью: сохраненіе безударнаго *о* въ болгарскомъ зо́вникѣ: сва́то, ко́нчо и т. п., не есть областная особенность (какъ утверждаетъ Флоринскій, стр. 82, вслѣдъ за Калиною[1]), а чуть ли не общеболгарская; онъ безъ оговорки сообщаетъ намъ (стр. 138), что «у [болгарскихъ] глаголовъ, принимающихъ въ 1 л. ед. ч. *м* (преимущ. въ западн. гов.) и въ этой формѣ выступаютъ гласные *е*, *и*», напр. бе́рем, го́ним, при обыкновенныхъ берѫ́, го́нѭ,—тогда какъ существуютъ также бе́рам, го́ням, т. е. берѫ, гонѭ + м: подобныя формы (стри́жям, пе́чям, ста́нам, зна́ям) онъ самъ приводитъ на стр. 180. На 138 стр. есть и другая неточность: игра́я поставлено въ число западно-болгарскихъ (особенно македонскихъ) формъ, хотя она должно быть общеболгарская, что авторъ и оговариваетъ ниже, стр. 161, впрочемъ нѣсколько страннымъ образомъ, отнесши собственно-азовый глаголъ игра́ѭ, вмѣстѣ съ копа́ѭ, сѣдла́ѭ и вѣнче́ѭ къ глаголамъ азово-іотовымъ. Невѣрно замѣчаніе (стр. 238), что Вукъ составилъ сло́варь и грамматику и издавалъ памятники народнаго творчества на южно-штокавскомъ нарѣчіи: вѣдь у него представлены всѣ нарѣчія (говоры). Говорить о замѣнѣ въ сербской э́кавщинѣ звука *ѣ* «широкимъ» *е* едвали правильно, — впрочемъ авторъ здѣсь должно быть имѣлъ въ виду указать на сравнительную съ русскимъ выго-

1) Ant. Kalina, Studyja nad historyją języka bulgarskiego, Kraków 1891, Cz. I, str. 141. (Rozprawy Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV—XV).

Digitized by Google

воромъ твердость согласныхъ. Объясненіе, что гдѣ въ старославянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ необходимо широкое *ы*, вм. него въ сербо-хорватскомъ слышно узкое *и* (стр. 250) не совсѣмъ точно: конечно, сравнительно съ русскими *ы* является болѣе узкій звукъ, но вѣдь сравнительно съ русскимъ *и* сербское довольно широко, такъ какъ сходно съ нѣмецкимъ i. Относительно словинскаго *e* сказано, что оно можетъ звучать «какъ твердое *e*, соотвѣт. старослав. є: bere*m*, id*e*» (415), — въ дѣйствительности безударное *e* звучитъ глуховато, въ-родѣ нѣмецкаго краткаго *e*, каковое произношеніе едва ли существовало въ староцерковномъ. Труберовское смягченіе k въ otrócі дѣти (стр. 456) вовсе не представляетъ его особенности, а донынѣ есть общесловинское. 3-ье лицо повелит., внесенное у Флоринскаго, какъ и у Миклошича, въ парадигму (стр. 479), кажется, не «иногда», а обыкновенно выражается описательно.

Кое-гдѣ въ разсматриваемомъ сочиненіи встрѣчаются и явные недосмотры. Такъ въ числѣ словъ съ носовымъ выговоромъ гласныхъ (стр. 72) стоятъ пришлыя шкéмбе, мáнджа, трандáфил, бендúсам; сербскія мѣстники стрàху, брéгу приводятся (стр. 79), вслѣдъ за Калиною, какъ случаи чередованія долготы—стрâх, брêг—съ краткостью, тогда какъ брéгу содержитъ долгое *e*, а стрàху, т. е. стрàу (также стрâха = стрâа и т. д.) представляетъ сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ; при исходиштихъ водамъ Болон. пс., тоже воспроизводимое (стр. 102) изъ Калины[1]), вовсе не случай смѣшенія падежей, а правильная, древняя конструкція (= при исходиштихъ водъ); сохраненіе у Сербовъ группы *дс*, которая «не переходитъ въ *тс*: градски, одслужити» (274), только правописная непослѣдовательность — Будмани, съ согласія самого Караджича, сталъ писать *ц* вм. *дс*; приводя (на стр. 313) сперва двjѐста, двйје хйљаде, а потомъ двѐма (двйма), авторъ сбивается съ одного говора на другой; примѣръ petélin, petelína пѣтухъ, рядомъ съ plámen-plaména

1) Kalina, Studyja, Cz. II, str. 111.

Digitized by Google

(стр. 435), неумѣстенъ, такъ какъ аналогиченъ русскому господи́н, -и́на, исполи́н, -и́на (акцентовка формы petélin—оттяжечная). Совсѣмъ странно якобы словинское to nebylo pravda (стр. 480): nebylo нельзя считать опечаткой вмѣсто ní bílo, ибо тогда здѣсь не замѣчалось бы опущенія помогальнаго глагола, о каковомъ именно идетъ рѣчь.

Мѣстами въ разбираемой книгѣ есть и прямыя невѣрности. Знакъ условнаго наклоненія бы не представляетъ случая смѣшенія ы съ и (стр. 62); въ написаніяхъ кде и древле (Болон. пс.) и процъвтетъ (Погод. пс.) не слѣдуетъ видѣть «воспроизведенія» ъ черезъ е и ь (стр. 77), напротивъ, они довольно правильны[1]). Появленіе *ер* вм. *гр* у Болгаръ въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно послѣ шипящихъ (черно, червено, желт), есть болѣе-менѣе общее явленіе, и приводимыя на стр. 86 церно, цервено (Скопье, Щипъ) замѣчательны лишь по своему *ц*. Рало вовсе не произошло изъ орало, путемъ отпаденія *о* (стр. 95), а содержитъ корень ра=ar: рало болѣе древняя форма, и орало надо объяснять примѣненіемъ къ инфинитиву орати, который можетъ быть и самъ замѣнилъ существовавшее когда-то рати,=литовскому árti, подъ вліяніемъ настоящаго орѫ (орало, правда, читается уже въ Ассеманіевомъ ев., Л. IX, 62). Безсложнаго члена *т* (стр. 109, 113 и 119) положительно не существуетъ (или, пожалуй, не существуетъ члена *т* безъ предшествующаго окончанія *ъ*, *а*, либо *о* у имени): мой-тъ, злодѣй-тъ, младий-тъ только другое написаніе вмѣсто моя-тъ, злодѣя-тъ, младия-тъ; болгарская множина́ крака́, рога́ не образована «по аналогіи именъ средняго рода» (стр. 116), а представляетъ остатокъ двойнаго числа; болгарское будущее, насколько мнѣ извѣстно, никогда не выражается просто совер-

1) Подобныя ошибки встрѣчаются въ описаніяхъ памятниковъ у Изм. Ив. Срезневскаго—упоминаю о нихъ здѣсь не въ упрекъ покойному, а въ нѣкоторое оправданіе нашему автору. Ошибочное толкованіе условника бимь, впрочемъ, во время Срезневскаго не было предосудительнымъ, а стало имъ лишь послѣ объясненія этой формы Ягичемъ и мною. Толкованіе это было дано уже Шереромъ (Wilhelm Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1868, str. 207, во 2-мъ изданіи, 1878 г.,—327), но прошло тогда незамѣченнымъ.

Digitized by Google

шеннымъ видомъ, какъ утверждаетъ Флоринскій, на стр. 143; звукъ ы совсѣмъ не чуждъ Сербо-лужичанамъ, какъ говорится на стр. 256. Польскаго слова blcha (стр. 260) нѣтъ, а есть pchła; упоминаемое тамъ же krzest, по свидѣтельству Линде, дѣйствительно встрѣчается вмѣсто ходячаго chrzest. По-чешски ударяемый слогъ вовсе не «обыкновенно бываетъ долгимъ» (стр. 262). Неясно и невѣрно объясненіе старосербскихъ формъ граѣамь, Дубровчами, Височахь (стр. 296), гдѣ молъ «передъ *м*, *х* предполагаютъ *н* (отъ суффикса *ин*), которое уподобилось предшествующему согласному». Ствáрма вм. ствáрима (стр. 299) не представляетъ потери *и*, а болѣе архаическое окончаніе *ма*=ь м (а). Двѝје о̀чи не есть слѣдъ употребленія двѣ въ среднемъ родѣ (стр. 313), такъ какъ двоина̀ очи по-старославянски женскаго рода. Ѣ въ велительномъ наклоненіи не происходитъ изъ ei (какъ Флоринскій, на стр. 323, повторяетъ за Миклошичемъ), а изъ oi. Энклитики mi, me, mu въ приводимыхъ на стр. 436 предложеніяхъ «Mi je písal moj gospód, Me prevzétnost zapeljá, Mu srcé se vnélo je» вовсе не носятъ фразнаго ударенія, а представляютъ нерѣдкую (по указанію Матвѣя Март. Мурки[1]) постановку словенскихъ безударокъ въ началѣ рѣчи.

Отмѣчу еще иногда не совсѣмъ складную передачу славянскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ: Керкъ вм. сербскаго Крк (218, 223, 225), что̀, правда, встрѣчается и индѣ, но никуда не годится (я пишу Коркъ); странно написаніе Ирѣчекъ черезъ ѣ (229): вѣдь это Jireček по-русски было бы Юрочекъ (Юрочка); странны также Навратиль (385), Весель-Косескій (406), Каства, вм. Каставъ (230—Kastáv,-àva Неманичъ), Вальявецъ (195, 385, 434, 502), вм. -ля-, Скаляръ вм. Скаларъ, или лучше Скаларь (417, 426, 427, 444)[2]. Не разъ встрѣчается передача h черезъ

---

1) Enklitike v slovenščini. II del: Skladnja. Napisal dr. Matija Murko str. 31—34. Letopis Matice Slovenske za leto 1892.

2) Противъ довольно установившейся формы Копитаръ я не спорю, хотя самъ пишу Копи́тарь (Kopitar, -rja, что̀ значитъ колодочникъ, отъ kopito

Digitized by Google

г вм. *х*: Строгаль (195), Богоричъ (381, 404), Маркъ Поглинъ (382), Богинское нарѣчіе (503,—504 -х-), *Г*оложане вм. *Хал*ожане (397): населенная ими мѣстность на стр. 478 названа, правда, съ *х*, но тоже не совсѣмъ вѣрно: Халоз*а* вм. -з*ы*. Часто мы вм. словенскихъ мѣстныхъ названій читаемъ нѣмецкія: являются говоры Гайтальскій (собственно Гайльтальскій), стр. 410, 442, 448, Розентальскій, стр. 410, 448, Яунтальскій, 448, 452, и лишь впослѣдствіи (стр. 503—504 и сл.) мы узнаёмъ, что по-славянски это говоры Зильскій (на Зилѣ), Рожневскій (на Рожнѣ) и Юнскій. Также нѣмецкія Рейсницъ (нужно Рей*ф*ницъ, стр. 424) и Велдесъ (нужно Фелдесъ, стр. 447 и 448) только потомъ превращаются въ Бледъ (510) и въ Рыбницу (526: 507 какъ славянская форма этого названія указано Рыбни*къ*).

Иныя изъ отмѣченныхъ въ этомъ разборѣ погрѣшностей, какъ отчасти ужъ и оговорено въ своемъ мѣстѣ, могутъ быть просто опечатками. Опечатокъ въ книгѣ профессора Флоринскаго, къ сожалѣнію, довольно много: гораздо больше, чѣмъ отмѣчено въ концѣ ея, причемъ есть опечатки весьма существенныя, напр. наше дето да го загубила (113) вм. дет*е*, на Госпо́да (115) вм. на Го́спода [1]), Стойк*а*ни вм. -к*и*ни (123 — 8 разъ), Сам*а*ковъ вм. Само- (140), Петър не се обл*а*ча чисто (145), вм. -л*и*ча, Appendini Francesco Mar*i*o вм. Mar*i*a (197), Sulek вм. Š- (210), Vet*t*er вм. Vet*t*er (212), «Вѣроятно, это двойное *ъ*» (старосербское) «обозначаетъ *а*» (226) — очевидно пропущено «долгое», Al*a*sia de Sommariра два раза (413 и 416) названъ Al*u*sia (419—вѣрно).

Въ настоящемъ разборѣ указано довольно много мелкихъ недосмотровъ и неисправностей въ разсматриваемой книгѣ, однако въ общемъ она должна быть признана весьма полезнымъ

копыто, колодка). Замѣчу кстати, что не мѣшало бы указать (стр. 193) на тождество Академика В. Ягича съ Игнатіемъ Викентьевичемъ Ягичемъ. (Ватрославъ=Игнатій).

1) Нѣкоторыя другія опечатки относительно ударенія отмѣчены выше, стр. 13 и 15.

Digitized by Google

пособіемъ при научномъ изученіи славянскихъ языковъ, восполняющимъ крупный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ, и, какъ таковое, по моему мнѣнію, заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою преміею.

Москва, 1 Октября 1895 г.

Романъ Брандтъ.

Digitized by Google

II.

Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г. 377 стр. + II стр.

Авторъ настоящаго изслѣдованія Евгеній Ѳедоровичъ Будде, профессоръ Казанскаго университета, давно уже пріобрѣлъ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи русскаго языка и русской литературы. Среди нихъ наиболѣе выдаются: работа, посвященная изученію нѣсколькихъ говоровъ Рязанской губерніи — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій» (Варшава 1892 г.) и «Отчетъ» о командировкѣ въ Рязанскую губернію (Казанск. унив. изв. 1895 г.). Эти два сочиненія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ настоящему труду: изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у Е. Ѳ. желаніе познакомиться и съ сѣверомъ губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами: такой границей оказалась рѣка Ока. Къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, типичныя особенности которыхъ Е. Ѳ. описалъ въ настоящемъ трудѣ. Имъ обслѣдованъ лѣтомъ 1895 года рядъ селеній къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Оки, Спасскаго — преимущественно же Касимовскаго уѣзда, а также нѣсколько

Digitized by Google

селеній того же Касимовскаго уѣзда къ югу отъ Оки. Приложенная къ изслѣдованію карта отмѣчаетъ всѣ деревни и села, гдѣ успѣлъ побывать г. Будде, а также тотъ путь, котораго онъ держался. Нелишне отмѣтить здѣсь же, что говоръ Касимовскаго уѣзда напомнилъ Е. Ѳ. нѣкоторыя характерныя особенности говоровъ Вятской губерніи, отмѣченныя Далемъ, Колосовымъ и другими изслѣдователями: вотъ почему лѣтомъ 1896 года имъ была предпринята поѣздка въ Нолинскій, Слободской, Орловскій и Котельническій уѣзды Вятской губерніи. Связавъ такимъ образомъ Касимовскіе говоры съ семьей сѣверновеликорусскихъ говоровъ, г. Будде въ настоящее время занятъ вопросомъ о ближайшемъ отношеніи ихъ, а также другихъ рязанскихъ говоровъ, къ южновеликорусской семьѣ: вѣроятно, это побудило его предпринять въ этомъ году поѣздку въ Тульскую и Калужскую губерніи. Я потому упомянулъ обо всѣхъ этихъ трудахъ Е. Ѳ. на почвѣ изслѣдованія русскаго языка, что онъ среди представителей науки о родномъ языкѣ успѣлъ занять видное и почетное мѣсто: рѣдкій изъ нихъ обогатилъ въ такой значительной степени наши знанія о живыхъ русскихъ говорахъ, какъ г. Будде, мало кто такъ хорошо и разносторонне знакомъ съ народною рѣчью. Въ этомъ отношеніи Е. Ѳ. является прямымъ преемникомъ Колосова, хотя несомнѣнно, что въ своихъ трудахъ по діалектологіи, и даже въ первой своей работѣ о рязанскихъ говорахъ, онъ обнаружилъ гораздо болѣе тщательности и, если можно такъ выразиться, лингвистическаго такта, чѣмъ покойный профессоръ Варшавскаго университета. Но если г. Будде имѣлъ предшественниковъ въ работахъ по наблюденію за живыми говорами и даже въ попыткахъ систематическаго описанія ихъ, то настоящее его сочиненіе, подлежащее нашему разбору, является единственнымъ и пока совершенно одиноко стоящимъ въ нашей ученой литературѣ: авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ русскихъ говоровъ съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ обратился къ историко-сравнительному изслѣдованію современныхъ говоровъ и древне-

Digitized by Google

русскихъ памятниковъ. Это изслѣдованіе дало возможность г. Будде притти къ цѣлому ряду научныхъ выводовъ и положеній: изъ нихъ нѣкоторые настолько общаго характера, что, можетъ быть, станутъ со временемъ достояніемъ исторіи русскаго народа, а другіе уже теперь заняли подобающее имъ мѣсто въ исторіи русскаго языка.

Выдающіяся достоинства труда г. Будде обязываютъ рецензента съ особенною тщательностью отмѣтить въ немъ какъ то, что является положительнымъ вкладомъ въ науку, такъ и тѣ промахи и недостатки, неизбѣжные, впрочемъ, во всякомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, которые невольно останавливаютъ вниманіе на страницахъ книги, относящейся къ капитальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи русскаго языка. Рѣшаюсь подробно остановиться на достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія Е. Ѳ.; мое уваженіе къ автору и къ его труду побуждаетъ меня высказаться по поводу ряда вопросовъ, неудовлетворительно, какъ мнѣ кажется, разрѣшенныхъ въ разбираемомъ сочиненіи. Кромѣ того не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ замѣченныхъ мною недостатковъ въ методѣ и пріемахъ изслѣдованія г. Будде.

Въ виду этого я разбиваю настоящій разборъ на три части: въ первой я буду говорить объ общихъ недостаткахъ въ изслѣдованіи Е. Ѳ., во второй остановлюсь на тѣхъ положеніяхъ его, съ которыми я не могу согласиться; наконецъ, въ третьей части я сдѣлаю краткій обзоръ тѣхъ результатовъ изслѣдованія почтеннаго автора, которые привели меня къ убѣжденію въ томъ, что онъ далъ намъ цѣнный вкладъ въ науку о русскомъ языкѣ.

I.

1. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ остановился почти исключительно на фонетической сторонѣ изслѣдуемыхъ говоровъ. Судя по обѣщанію, данному въ предисловіи (с. 11), и нѣкоторымъ ссылкамъ въ самомъ сочиненіи (стр. 71, 83 и др.),

Digitized by Google

мы ожидали найти въ книгѣ г. Будде отдѣлы, посвященные морфологіи и синтаксису говоровъ Касимовскаго уѣзда. Вмѣсто этого мы на стр. 197—199 находимъ указаніе на употребленіе члена, нѣкоторыхъ мѣстоименій, а также перечень формъ, уклоняющихся отъ формъ литературнаго нарѣчія. Врядъ ли авторъ разумѣлъ подъ обѣщанными «Морфологіей» и «Синтаксисомъ» этотъ краткій перечень формальныхъ и синтактическихъ особенностей. Благодаря отсутствію отдѣла, посвященнаго ученію о формахъ, автору пришлось говорить о многихъ формальныхъ явленіяхъ въ отдѣлѣ фонетики и это, какъ мнѣ кажется, весьма вредно отразилось на нѣкоторыхъ частяхъ его книги.

2. Автору можно поставить въ упрекъ недостаточно точное разграниченіе явленій фонетическихъ и морфологическихъ. Непонятно, почему на стр. 103 появленіе аны́, адны́ вм. они́, одни́ разсматривается среди случаевъ звукового колебанія между гласными *ы* и *и*: самъ авторъ говоритъ, что аны́, адны́ образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными[1]); между тѣмъ на стр. 104, вслѣдъ за примѣрами формъ оны, яны, ены изъ сѣверноруссскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, мы читаемъ фразу: «но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ р». Но развѣ колебаніе *ы* и *и* въ одны—одни стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи къ «вопросу *о звукахъ* ы и и»? Ниже на стр. 108 туды́, суды́ объясняются фонетически изъ тудѣ, судѣ черезъ посредство предполагаемыхъ туди, суди: конечно, это обмолвка со стороны Е. Ѳ., которому хорошо извѣстно изъ русскихъ говоровъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, что эти и подобныя имъ нарѣчія на *ы* такъ же древни и первоначальны, какъ родственныя по образованію нарѣчія на *ъ* и на *а* (ср. чешск. kdy, ondy, польск. kiedy и т. д.).

На стр. 109 въ число случаевъ, гдѣ дѣйствительно замѣ-

1) Я думаю, что оны, одны вм. они, одни явились такъ же, какъ всѣ, моѣ вм. вси, мои; сады, люди вм. сади, людье, т. е. представляютъ вытѣсненіе формы им. мн. ч. формою вин. мн. ч.

Digitized by Google

чается фонетическое колебаніе между звуками ы и и, включены формы именъ прилагательныхъ, какъ ради, богати, сыти, квити; колебаніе гласныхъ ы и и въ подобныхъ случаяхъ (ср. литер. рады, сыты) авторъ на стр. 110 ставитъ въ какую-то связь съ предшествующими имъ зубными звуками. Между тѣмъ г-ну Будде, какъ и всякому изслѣдователю русскаго языка, несомнѣнно ясно, что ради, сыти въ именахъ прилагательныхъ, такъ же какъ черти, сосѣди въ существительныхъ, — архаизмы, сравнительно съ обыкновенными окончаніями на ы.

Совершенно также въ числѣ случаевъ, гдѣ вм. *е* мы находимъ *ё* фонетическаго происхожденія, г. Будде на стр. 96 упоминаетъ всёй артелюй, ф сваёй диревьни: я увѣренъ, что авторъ не нуждается въ моемъ указаніи на то, что всёй, своёй, такъ же какъ землёй, семьёй, заимствуютъ свое ё (о) изъ формъ съ твердой основой: одной, толпой, водой и т. д. Но зачѣмъ же было говорить о подобныхъ формахъ въ фонетикѣ? Отвѣтъ мы найдемъ все въ томъ же обстоятельствѣ, что авторъ, увлекшись звуковыми особенностями касимовскихъ говоровъ, не отвелъ должнаго мѣста особенностямъ формальнымъ; не желая умолчать о томъ или другомъ любопытномъ отличіи касимовскихъ говоровъ въ области формъ, онъ насильственно включалъ ихъ въ рубрики фонетическихъ явленій.

3. Я думаю, что отчасти въ этомъ виновато и то обстоятельство, что Е. Ѳ. не отдалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «звуковой составъ» извѣстнаго говора. Первая часть изслѣдованія озаглавлена: «Звуковой составъ народныхъ говоровъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи»; ей противополагается вторая часть, гдѣ говорится объ отношеніи касимовскихъ говоровъ къ другимъ русскимъ говорамъ «по звукамъ». Въ этой второй части мы видимъ изслѣдованіе о томъ, какъ и когда образовалось то или другое фонетическое явленіе, описанное въ первой части. Отсюда ясно, что авторъ хотѣлъ въ первой части ограничиться описаніемъ звуковъ касимовскихъ говоровъ, не касаясь ихъ происхожденія: дѣйствительно, нѣкоторыя

Digitized by Google

главы первой части строго придерживаются задуманнаго плана и даютъ весьма обстоятельное описаніе звуковъ изслѣдуемыхъ говоровъ. Но и въ нихъ мы видимъ, что звуки разсматриваются не сами по себѣ и не только въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ положеній, но также въ зависимости отъ положенія въ томъ или другомъ словѣ или въ той или другой формѣ слова. Такъ на стр. 82 находимъ указаніе на то, какъ произносится звукъ *а* при соединеніяхъ имени съ членомъ (какъ домă-т), при чемъ тутъ же сказано нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи гласной въ такомъ положеніи. Я думаю, что въ описаніи звукового состава говора, если вслѣдъ за тѣмъ предполагается дать изслѣдованіе о происхожденіи этого звукового состава, слѣдовало бы ограничиться точнымъ описаніемъ звуковъ самихъ по себѣ, а также указаніемъ на фонетическія положенія, гдѣ встрѣчаются эти звуки и на звуковыя отличія, зависящія отъ различныхъ фонетическихъ положеній. Происхожденіе звуковъ, а тѣмъ болѣе формъ, надо оставить при этомъ въ сторонѣ. Г. Будде къ сожалѣнію не провелъ ясной границы между описаніемъ звуковъ (1-ая часть) и изслѣдованіемъ о ихъ происхожденіи (2-ая часть), вслѣдствіе чего уже съ III главы 1-ой части мы найдемъ рядъ отступленій въ область не только исторіи русскаго языка, но даже литовско-славянскаго и индоевропейскаго прошлаго (напр. на стр. 191). Такъ напр. я не понимаю, почему интересныя указанія на данныя древнерусскихъ памятниковъ о взаимномъ отношеніи звуковъ в и ў не перенесены изъ первой части (стр. 163—166) во вторую, гдѣ приводятся такія же данныя изъ памятниковъ и изъ живыхъ говоровъ (стр. 303 и сл.). Вслѣдствіе невыдержанности плана сочиненія, мы найдемъ въ книгѣ г. Будде не мало совершенно излишнихъ повтореній: они затемняютъ изслѣдованіе и мысли автора, иногда весьма любопытныя и достойныя болѣе цѣльнаго и яснаго изложенія.

4. Мы охотно бы помирились съ отсутствіемъ въ книгѣ г. Будде отдѣловъ Морфологіи и Синтаксиса, если бы, какъ указано выше, случайное, несистематическое разсмотрѣніе тѣхъ

Digitized by Google

или другихъ формъ не вносило путаницы въ изложеніе фонетики, не прерывало изслѣдованія фонетическихъ явленій. Сосредоточивъ все свое вниманіе на звуковой сторонѣ описываемыхъ говоровъ, авторъ представилъ рѣдкій по полнотѣ обзоръ фонетики живой рѣчи. Къ сожалѣнію въ этомъ обзорѣ недостаетъ главы объ ударенiи: изъ записей г. Будде и изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его замѣчаній видно, что объясненіе нѣкоторыхъ явленій ударенія прибавило бы нѣсколько типическихъ чертъ къ характеристикѣ касимовскихъ говоровъ. Между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе формы 1 л. ед. ч. наст. вр., какъ то́пю, во́пю, ко́рьмю, ру́бю, образованныя, какъ указываетъ г. Будде, подъ вліяніемъ формъ прочихъ лицъ настоящаго времени (стр. 174), при чемъ остается невыясненнымъ, возможны ли рядомъ ударенія какъ топю́, карьмю́, ср. приведенное на стр. 133: носю́. Самъ авторъ очевидно сознаетъ важность изслѣдованія нѣкоторыхъ явленій ударенія: такъ мы видимъ у него попытку связать долготу окончанія ой (ай) въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (ср. стр. 221 и 371 — 374) съ ударенiемъ. Попытку эту ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачной: сравненіе русскаго языка съ сербскимъ ясно показываетъ, что уже въ общеславянскомъ языкѣ замѣчалось колебаніе въ ударенiи именъ прилагательныхъ (ср. сербск. свѐтӣ и свѣ̑тӣ, кра̀ткӣ и кра̑ткӣ, тѐшкӣ и тѣ̑шкӣ, гла̀внӣ и гла̑внӣ и др.), при чемъ, разумѣется, долгота или краткость окончанія им. пад. ни въ коемъ случаѣ никакого значенія въ этомъ явленіи имѣть не могли. Я очень жалѣю, что г. Будде не связалъ вопроса о касимовскихъ долготахъ съ ударенiемъ рѣчи, и не попытался объяснить происхожденія этихъ долготъ, врядъ ли имѣющихъ этимологическое происхожденіе, особеннымъ характеромъ ударенія въ рѣчи касимовцевъ: во всякомъ случаѣ замѣчаніе Р. Ѳ. Брандта о томъ, что долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ, заслуживало бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія (стр. 201).

Не только ударенiе, но и нѣкоторыя другія стороны фоне-

Digitized by Google

тики касимовскихъ говоровъ остались не обслѣдованными. Укажу напр. на интересныя и важныя явленія смягченія согласныхъ. На стр. 173 читаемъ: «далѣе, передъ мягкимъ слогомъ—ки,—ти мы слышимъ *и* мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ», затѣмъ слѣдуютъ примѣры: тряпьки, лапьти, лафьки, дѣфьки и др. Во-первыхъ я не понимаю зачѣмъ здѣсь *и*, подчеркнутое мною: значитъ ли это, что рядомъ съ тряпьки, лапьти г. Будде слышалъ и тряпки, лапти? Во-вторыхъ здѣсь къ сожалѣнію смѣшаны два явленія, которыя надо строго различать: смягченіе губныхъ передъ мягкими гортанными и смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными. Г. Будде, конечно, извѣстно, что въ московскомъ и во многихъ другихъ русскихъ говорахъ рядомъ съ произношеніемъ лафьки, тряпьки существуетъ произношеніе лапти, землю. Касимовскіе говоры, какъ можно заключать изъ приведеннаго лапьти, а также изъ раје́вьня (стр. 91), диревьни (96), диревьня (199), дяше́вьли (69), ўофьси (69), цасо́вьню (125), сохранилъ черту древности, представляя мягкость губныхъ въ положеніи передъ мягкими зубными (произношеніе зем'лю старше произношенія землю, что видно изъ того, что мы не имѣемъ зёмлю). Мы ожидали бы отъ изслѣдователя касимовскихъ говоровъ большей обстоятельности въ этомъ вопросѣ: ему слѣдовало бы точно опредѣлить всѣ условія, при которыхъ въ изслѣдуемыхъ имъ говорахъ слышатся мягкія согласныя (ср. еще *ш* мягкое въ ташьпѣя 68). Замѣчу, что согласныя, по собственному признанію автора, остановили на себѣ особенное его вниманіе: между тѣмъ въ книгѣ отсутствуютъ общія указанія на переходъ звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухія, на измѣненіе звонкихъ передъ глухими въ глухія же и т. п.; а между тѣмъ весьма интересно сопоставить приводимыя имъ и несомнѣнно точно передающія дѣйствительное произношеніе: кароўка, дѣўка, жыў (150), гадоў и жынихоф, сафсѣмъ, дявцо́нки, жыф (337, 334). Говоря объ измѣненіи г въ концѣ слова, важно было бы опредѣлить раіонъ, гдѣ слышится снѣк, друк, телѣк въ противоположность южно-рязанскимъ снѣх, друх, телѣх.

Digitized by Google

5. Впрочемъ, подобные недочеты неизбѣжны во всякой сложной работѣ: очерчивая нѣкоторыя подробности, легко упускаешь изъ виду другія и всегда подвергаешься опасности дать неполную картину описываемаго говора. Легче избѣчь другихъ недостатковъ, а именно смѣшенія предметовъ наблюденія, неточнаго изложенія границъ и круга дѣйствія того или другого фонетическаго закона. А у автора замѣчаются недосмотры и въ этомъ отношеніи, при чемъ всего вѣроятнѣе отнести ихъ на счетъ спѣшности работы: все изслѣдованіе г. Будде написано спѣшно и оно бы много выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его проработать. Такъ на стр. 186, въ числѣ примѣровъ появленія *к* мягкаго подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога (ср. цайкю́, толькя, заинькя, харашенькя), приведены: дѣхькя им. мн., дѣхькямъ дат. мн. Но несомнѣнно, что въ им. мн. *к* было получено мягкимъ передъ мягкимъ окончаніемъ этого падежа (дѣвки), при чемъ мягкость предшествующей губной (дѣфьки, откуда дѣхьки) вызвана мягкимъ *к*: слѣдовательно, дѣхькя, а также хлопькя им. мн., гдѣ *я* вм. *и*, не могутъ быть поставлены рядомъ съ глупинькою, понькя, понькяхъ и должны быть вычеркнуты изъ числа примѣровъ на стр. 186. Дат. мн. дѣхькям явилось вм. дѣфкамъ подъ вліяніемъ им. мн. дѣхьки, дѣхькя, такъ какъ послѣ твердаго согласнаго звука г. Будде не допускаетъ фонетическаго смягченія *к*: очевидно и примѣръ дѣхькям попалъ въ число прочихъ по недосмотру. — На стр. 103 - 111 приведенъ рядъ случаевъ колебанія между звуками *ы* и *и*: мы уже видѣли, что многіе изъ нихъ относятся къ области морфологіи, въ другихъ колебаніе звуковъ *ы* и *и* вызвано дѣйствительно фонетическими причинами, но странно, что г. Будде не постарался разобраться въ указанныхъ имъ случаяхъ смѣшенія *ы* и *и*. Нахожу излишнимъ напомнить ему, что бѣлорусское *ры* ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сопоставлено съ *ры* вм. *ри* великорусскихъ говоровъ (въ случаяхъ какъ крыкъ, крычать), что въ псалтырь, монастырь и т. п. видно вліяніе славянскихъ образованій на—тырь, что колебаніе — ыня при—ина, — иня также

Digitized by Google

должно объясняться существованіемъ разныхъ суффиксовъ. Но не могу умолчать о томъ, что г. Будде тутъ же въ числѣ случаевъ колебанія *ы* и *и* приводитъ скыма и скима, кывотъ и кивотъ изъ древнерусскихъ памятниковъ: его утвержденіе, что это колебаніе не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *ы*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, для меня совершенно непонятно; въ ту эпоху, когда вм. *кы*, *гы*, *хы* явились *ки*, *ги*, *хи*, этому фонетическому измѣненію *ы* въ *и* подверглось всякое *ы*, какого бы оно ни было происхожденія. Но если бы даже представить себѣ, что произношеніе кывотъ, скыма пережили произношеніе кысель, рукы, спрашивается, при чемъ тутъ колебаніе *ы* и *и*?

6. Указанныя погрѣшности легко исправить всякому читателю: никого онѣ не могутъ ввести въ заблужденіе. Менѣе извинительны въ серьезномъ изслѣдованіи лингвиста тѣ мѣста, гдѣ можно усмотрѣть смѣшеніе историческихъ эпохъ, отнесеніе насчетъ позднѣйшаго времени такихъ законовъ, дѣйствіе которыхъ прекратилось въ эпохи предшествующія. Къ удивленію, г. Будде въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги не считается должнымъ образомъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій фонетическій законъ слѣдуетъ разсматривать какъ ограниченный пространствомъ и временемъ. Такъ на стр. 185 явленіе, по которому въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ звукъ *к* умягчается послѣ мягкаго слога, признается «весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку», при чемъ указаніемъ на это служитъ «фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—ик,—вмѣсто котораго является діалектическое—иц» (далѣе слѣдуютъ примѣры изъ Яросл. Пошехон., какъ брусница, поляница, ежевица и т. д.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Будде прекрасно знаетъ, что появленіе *ц* въ брусница, овьца, пътица, лице относится къ эпохѣ общеславянскаго языка и вовсе не есть спеціальная черта общерусскаго языка, а еще менѣе отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сравнить появленіе *к* мягкаго

Digitized by Google

въ совр. южновеликор. рѣчькя, толькя съ появленіемъ к мягкаго откуда ц, въ языкѣ общеславянскомъ (ovьk'á-ovьca); я вполнѣ согласенъ съ возможностью такого сравненія, но никогда бы не рѣшился признать общимъ явленіемъ—переходъ общеславянскаго *к* въ *к* мягкое, откуда *ц*, и переходъ діалектическаго русскаго *к* въ *к* мягкое.—Подобную же неясно выраженную мысль мы находимъ на стр. 300—301: изъ того, что русскій языкъ вмѣстѣ съ южно-славянскими языками ассимилировалъ звуки *д* и *т* слѣдующимъ *н* и *л* (въ случаяхъ какъ мыло вм. мыдло) ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, чтобы древнерусскія нарѣчія новыя группы *дн* изъ *дьн* должны были измѣнить въ *нн*: по мнѣнію г. Будде общерусское вянути изъ вяднути доказываетъ, что «одна» должно было измѣниться въ «онна»; эту форму онъ и находитъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ (она извѣстна уже въ XIV вѣкѣ), почему рѣшается высказать предположеніе, что форма *одна* другихъ говоровъ — форма новая, явившаяся подъ вліяніемъ *одинъ*. Я согласенъ съ тѣмъ, что появленіе онна вм. одна можно сравнивать съ измѣненіемъ вяднути въ вянути, но ни отожествлять оба явленія, ни тѣмъ болѣе признать ихъ слѣдствіемъ одного общаго фонетическаго закона, я бы не рѣшился: законъ объ измѣненіи *dn*, *dl* уже окончилъ свое дѣйствіе ко времени исчезновенія глухихъ; вотъ почему мы теперь находимъ въ живой рѣчи произношеніе какъ метла, ветла, седло, одна, пятно и т. д.—На стр. 125 мы находимъ у г. Будде заключеніе, обратное только что указанному: изъ того, что въ современныхъ русскихъ говорахъ замѣчается опущеніе мягкаго *в* передъ гласными (я не вѣрю, чтобы такое опущеніе дѣйствительно существовало и схожусь въ этомъ случаѣ съ А. И. Соболевскимъ)[1]), авторъ заключаетъ о возможности возводить діалектическія русскія теѣ, сеѣ (вм. тебѣ, себѣ) къ предполагаемымъ общеславян-

1) Любой восходитъ къ любой съ неслоговымъ й, гдѣ й замѣнило неслоговое у подъ вліяніемъ формъ какъ любови; любви, ср. дѣйки, галойки изъ дѣйки, голойки съ неслоговымъ й, замѣнившимъ неслоговое у подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной.

Digitized by Google

скимъ teve, seve (ср. лит. tavęs, savęs). Существованіе фонетическаго закона въ одномъ изъ современныхъ живыхъ говоровъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать существованія подобнаго закона въ эпоху болѣе отдаленную, а тѣмъ болѣе прарусскую или общеславянскую.

7. Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія г. Будде мы находимъ ссылки на древнерусскіе памятники; къ сожалѣнію, авторъ, обнаруживши основательное знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ, недостаточно остороженъ въ своихъ выводахъ изъ различныхъ написаній, имѣющихъ графическій характеръ; иногда его замѣчанія показываютъ, что онъ не выработалъ себѣ ясныхъ пріемовъ пользованія свидѣтельствами памятника для разрѣшенія лингвистическихъ вопросовъ. На стр. 209 авторъ, на основаніи написанія бесѣдуѣ въ Рязанской кормчей 1284 г., дѣлаетъ выводъ о томъ, что уже съ XIII в. проникаетъ въ письменность сѣверноруссскихъ и среднерусскихъ памятниковъ твердый звукъ *т* въ окончаніи 3 л. ед. ч. наст. вр.; положеніе безспорно справедливое: мы имѣемъ нѣсколько грамотъ XIII в. съ окончаніемъ тъ въ 3 л. ед. ч., но оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ основаться на написаніи бесѣдуѣ, такъ какъ подъ титла попадали въ русскихъ памятникахъ не только твердыя, но и мягкія согласныя (кѣ, вѣ, стѣныи, кѣ и т. п.).—На стр. 206 г. Будде приводитъ изъ сѣверноруссскихъ памятниковъ написанія съ *ъ* въ закрытомъ словѣ передъ мягкой согласной (въздъхнѣть, поръвѣть, придѣть и др.); сообразуясь съ выводами Соболевскаго о звуковомъ значеніи такого *ъ* въ подобныхъ написаніяхъ галицко-волынскихъ памятниковъ, авторъ предполагаетъ, что и въ указанныхъ имъ случаяхъ *ъ* слѣдуетъ читать какъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, явившееся изъ общерусскаго *е* долгаго передъ мягкой согласной. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что Соболевскій опирался въ своихъ выводахъ о значеніи *ъ* въ галицко-волынскихъ памятникахъ на современныхъ живыхъ говорахъ малорусскихъ; между тѣмъ ни одинъ современный говоръ сѣверновеликорусскаго нарѣчія не даетъ намъ основанія предполагать

Digitized by Google

особое произношеніе звука *е* въ словахъ, какъ печь, камень, и звука *е* въ весь, день (изъ *ь*) или въ печи, вещи (въ открытомъ слогѣ). Своимъ поспѣшнымъ выводомъ г. Будде можетъ подорвать выводъ г. Соболевскаго: но къ счастію послѣдній основывался на дѣйствительныхъ явленіяхъ живого языка.—На стр. 203 авторъ найденную имъ въ памятникѣ XII вѣка, памятникѣ «сѣверноруссномъ съ мѣной *ч* и *ц*», форму бываѧть рѣшается сравнить съ современнымъ касимовскимъ произношеніемъ будять, сѣјат (съ долгими *а*): мнѣ не совсѣмъ ясно, что именно подлежитъ въ данномъ случаѣ сближенію, долгота ли касимовскаго *а* въ указанныхъ формахъ съ сочетаніемъ аѧ въ памятникѣ XII в., или самые звуки: совр. *а (я)* и др.-русск. аѧ. Но вѣдь извѣстно, что формѣ бываѧть (насколько она засвидѣтельствована однимъ памятникомъ) въ касимовскомъ говорѣ соотвѣтствуетъ бывáт (ср. стр. 34) и бывáт (стр. 45), т. е. съ стяженнымъ *а*, являющимся иногда съ долготой; между тѣмъ въ будят, сѣят не видимъ стяженія, и долгота гласной здѣсь иного происхожденія. А что касается самой гласной *а*, то она, согласно указаніямъ самого автора (стр. 76 — 77), явилась въ касимовскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ по общему закону объ аканіи (ср. капéяк, дéнях и сѣят, будят); въ виду этого сравнивать *я* въ будят, сѣят съ бываѧть XII в. во всякомъ случаѣ неосторожно. Г. Будде сравниваетъ ниже моламъ 1 л. мн. въ Ряз. кормчей 1284 съ современными касимовскими формами вродѣ косям, моцам, носям: сравненіе, думается, крайне неудачное, въ виду того что моламъ слѣдуетъ почти́ съ увѣренностью признать опискою вм. молимъ. Что касается ѧ въ бываѧть или въ дѣлаѧши (въ Поуч. Ефр. Сир. 1492), то это вѣроятно также не болѣе какъ описки, несмотря на сомнѣніе, высказанное по поводу такого же предположенія г. Соболевскаго нашимъ авторомъ (стр. 205). — Изъ числа случаевъ мѣны *ч* и *ц* въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, приведенныхъ на стр. 173, слѣдуетъ исключить ци и аци, такъ какъ при вопросительномъ чи издавна было извѣстно и ци; написаніе полочьскѣ г. Будде правильно признаетъ за «мудр-

Digitized by Google

ствующее правописаніе, графическое явленіе»; но зачѣмъ же онъ приводитъ его въ доказательство смѣшенія *ч* и *ц* въ Лавр. лѣтописи? — На стр. 100 авторъ, въ доказательство смѣшенія звуковъ *о* и *а* въ рукописи Лѣтописи Аврамки, приводитъ форму Судокова; между тѣмъ онъ самъ приводитъ судóкъ вм. судакъ изъ казанскаго уѣзда, ср. др.-русское судокъ въ грамотахъ XV в.; очевидно при судакъ существовала, можетъ быть, даже болѣе древняя форма судокъ, причемъ судакъ южновеликорусскихъ говоровъ относится къ судокъ вѣроятно такъ же, какъ мещовск. сѣдáк, жиздр. ходáк относятся къ сѣдóкъ, ходóкъ другихъ говоровъ; далѣе изъ той же лѣтописи для доказательства того же явленія (достаточно впрочемъ засвидѣтельствованнаго написаніями какъ начевать, браталюбно, съ братамъ) приводится форма двожды вм. дважды. Г. Будде какъ будто упускаетъ изъ виду, что въ двожды о замѣнило ударяемое *а*: уже то обстоятельство, что при двожды существуетъ приводимое имъ скопинское трожди, ясно указываетъ, что мы имѣемъ при этомъ дѣло не съ фонетическимъ явленіемъ; двожды замѣнило дважды подъ вліяніемъ одинóжды (и одножды?) и основы дво—въ формахъ какъ двохъ, двомъ (ср. однажды подъ вліяніемъ дважды).—На стр. 182 дѣлается выводъ о томъ, что въ древней Псковской области былъ извѣстенъ звукъ γ (малор. *г*) на основаніи написаній, какъ осподарь, осподаря Псковской 2-ой лѣтописи: но такія написанія этихъ именно словъ извѣстны и изъ новгородскихъ памятниковъ и доказываютъ только, что звукъ γ существовалъ именно въ этомъ и другихъ ему подобныхъ словахъ, а не то, чтобы вообще звукъ γ замѣнилъ звукъ *г* въ данномъ говорѣ: ср. γ въ совр. московск. Господь, господинъ, Бога и др. (ср. тоже у Будде въ прим. къ 183 стр.).—Странно читать у изслѣдователя русскаго языка предположенія о томъ, что формы дожгя, дъжгемь, дъжгь Новгородской 1-ой, Псковской 2-ой лѣт. и другихъ памятниковъ восходятъ къ дождя, дъждь и объясняются переходомъ *д* мягкаго въ *г* мягкое; дождь это не русская форма, а церковнославянская и конечно не она легла въ основаніе русскихъ формъ

Digitized by Google

дож'ж'а, дож'дж'а, др.-русск. дъжгѧ; общерусскою формою надо, конечно, признать дъж'дж'а и въ виду этого діалектическое дъжгя всего вѣроятнѣе читать какъ дъжја, допуская, что г обозначаетъ въ написаніи дъжгѧ звукъ j; параллельно съ измѣненіемъ ж'дж' въ жј, измѣнилось шч въ шј; памятники, изображающіе жј черезъ жг и черезъ ж (дъжгѧ и дъжа), передаютъ звуки шј буквой ш (ѥше, дворише), такъ какъ передача ихъ черезъ шг повлекла бы къ недоразумѣніямъ (шг было бы прочтено какъ жг, жј).—На стр. 169 г. Будде приводитъ написанія соѳьи, ѳеврала, ѳерѣмъ, стеѳанъ изъ Лавр. сп. лѣтописи, прибавляя, что лицо, писавшее рукопись, «навѣрное произносило не тѣ звуки, которые изображало» на письмѣ. Такъ какъ дѣло идетъ о произношеніи звука *ф* въ русскихъ говорахъ, мы останавливаемся въ совершенномъ недоумѣніи въ виду этого утвержденія автора: неужели на основаніи совр. діалектическихъ Сохья и хавра́ль, приводимыхъ ниже, возможно вслѣдъ за г. Будде читать *ѳ* въ соѳья, ѳевраль Лавр. списка, какъ *х*?—На стр. 260 авторъ приводитъ изъ Сильвестровскаго сборника XIV в. форму изламана въ доказательство того, что начало аканья надо допустить «задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ»: но изламана правильно образовано отъ основы излама- (неопр. изламати) и не можетъ быть сопоставлено съ совр. діалектическимъ изла́ман, которое восходитъ къ излома́ть (ср. ла́вють вм. ловятъ).

8. Къ достоинствамъ труда г. Будде слѣдовало бы отнести его нерѣдкія сопоставленія явленій русскаго языка съ явленіями другихъ родственныхъ языковъ—славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ, если бы при этомъ не замѣчались недостаточно обоснованныя замѣчанія и слишкомъ поспѣшные выводы. Такъ на стр. 131, по поводу касимовскаго сёкар (свекоръ), которое авторъ правильно объясняетъ, возводя къ формѣ свёкоръ, мы встрѣчаемся съ предположеніемъ о томъ, что въ общеслав. свекъръ звукъ *ѳ* вставленъ, какъ показываютъ родственныя socer лат., ἑκυρός греч., šešuras лит.; при этомъ зачѣмъ-то приводится сравненіе слав. сестра, лит. sesů (формы

безъ v) съ нѣм. schwester, гот. svistar. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свекъръ и сестра восходятъ къ индоевроп. формамъ съ v; при этомъ лат. socer, soror несомнѣнно указываютъ на первоначальныя формы съ sue-. — На стр. 183 *д* церковнослав. формы дразднѣ (изъ Евген. пс. XI в., мѣс. ед. отъ дразга) г. Будде рѣшается сопоставить съ *д* въ діалект. Динадій вм. Генадій, др.-русск. Дюрги вм. Гюрги: сопоставленіе это безусловно ошибочно, такъ какъ дразднѣ представляетъ измѣненіе группы зг въ зд передъ *п* (изъ первонач. дифтонга), аналогичное съ измѣненіемъ ск въ ст и сц (июдѣистѣи) и одновременное съ переходомъ *г* и *к* въ з *(з)* и *ц* передъ такимъ же *п*. — На с. 189 спорадическіе случаи, гдѣ вм. *х* находимъ въ современныхъ русскихъ говорахъ *к* (скади́ть, скарани́ли, пакърани́ли), сопоставляются не только съ случаями, какъ скима при схима, Колмогоры при Холмогоры, канъ при ханъ, но даже съ верхнелужицкимъ kh вм. *х*, являющимся, какъ извѣстно, по общему правилу въ началѣ словъ (khod, khłod, khvała и т. п.): г. Будде упускаетъ изъ виду, что верхнелужицкое kh вм. *х* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію нѣмецкихъ говоровъ и, конечно, не даетъ основанія предполагать, чтобы уже въ общеслав. языкѣ произношеніе звука *х* приближалось къ *к*; болѣе чѣмъ неосторожно поступаетъ авторъ, сравнивая затѣмъ съ славянскимъ чередованіемъ *х* съ *к* и *kh* литовское *к*, въ соотвѣтствіи съ слав. *х*, въ словахъ, какъ klapas, kitras, dakadas и т. п.: эти слова несомнѣнно заимствованы въ литовскій языкъ изъ русскаго или польскаго языка. А между тѣмъ сопоставленіе случаевъ кажущагося колебанія между звуками *к* и *х* въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ даетъ автору основаніе предположить для литовскославянской эпохи сочетаніе *кх* (откуда частью *к*, частью *х*), при чемъ *кх* возводится къ какому-то особенному индоевропейскому звуку, бывшему, можетъ быть, особаго рода звукомъ *s*! — На с. 93 *не* слова неводъ принимается авторомъ за предлогъ «не», отожествляемый съ лат. in: онъ упускаетъ изъ виду, что латинскому in фонети-

Digitized by Google

чески соотвѣтствуетъ славянскій предлогъ *въ* съ приставнымъ, передъ нѣкогда носовымъ *ъ*, звукомъ *в*. — На с. 279 г. Будде говоритъ о томъ, что «мы знаемъ двоякое *s* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *s* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *s* въ различныхъ родственныхъ языкахъ» (далѣе приводятся: врьхъ, мѣхъ при лит. virszùs, máiszas, предполагаемое вьхъ при лит. visas и др.). Не лишнимъ было бы упомянуть, что двоякое *s* въ индоевроп. языкѣ предполагаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ на основаніи случаевъ, гдѣ славянское *x* (изъ *s*) соотвѣтствуетъ литовскому sz.

9. Спѣшность работы г. Будде, отмѣченная уже выше, отразилась и на поспѣшности въ выводахъ автора. Особенно удивляетъ та легкость, съ которой онъ приходитъ къ предположеніямъ праязычныхъ формъ и звуковъ. На с. 95 касимовскія и сѣверновеликорусскія формы задóржка, доржáть, задáрживать вм. задержка, держать другихъ говоровъ даютъ автору основаніе предположить для общеслав. языка при формахъ dьrg (ь неслоговой ирраціональный, r слоговое) формы съ dorg; по всей вѣроятности, dorg предположено по недосмотру вм. dъrg, такъ какъ изъ dorg мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ дорог-, дорожу, а не доржу. Но я нахожу, что и предположеніе общеслав. dъrg-, dъrž- не находитъ достаточнаго основанія въ формахъ какъ доржу, задоржка: гораздо осторожнѣе, не доходя до общеславянской эпохи, искать объясненія чередованія держ и дорж въ русскихъ говорахъ въ условіяхъ русской фонетики. Я думаю, что первоначальное дер^{i}ж^{i}-, измѣнившись въ дер^{i}ж, по закону объ отвердѣніи *ж*, вызвало затѣмъ, послѣ ассимиляціи р^{i} отвердѣвшему *ж*, произношеніе держ; отсюда въ нѣкоторыхъ говорахъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ отвердѣніе *ж* и *ш* принадлежитъ болѣе отдаленной эпохѣ, — дёрж- (ср. появленіе лёжка, стёжка въ отдѣльныхъ говорахъ); это дёрж- сохраняется во многихъ совр. говорахъ и между прочимъ въ касимовскихъ (Будде, с. 94: дёржу, дёржыш и т. д.); въ нѣкоторыхъ говорахъ,

Digitized by Google

еще до полнаго отвердѣнія *ж* и *ш*, а именно въ такую эпоху, когда они были уже тверды передъ гласными *а*, *у*, *о*, оставаясь мягкими передъ *и*, *е* (гласными, смягчающими предшествующія согласныя), явилось чередованіе формъ какъ дѣ́ржу́ — дѣ́р'жит (нефонетически вмѣсто дер'жит), задѣ́ршка, дѣ́ржат и дѣ́р'жиш (вм. дер'жиш). Когда вслѣдъ затѣмъ *ж* отвердѣло и въ положеніи передъ *е*, *и*, при чемъ вм. дёр'жит являлось дёр'жыт, его отвердѣніе вызвало не только отвердѣніе предшествующаго *р*, но и звука *д* въ предыдущемъ слогѣ: дёр'жит измѣнилось въ доржыт. Случаи ассимиляціи зубныхъ по мягкости или твердости въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ очень нерѣдки въ русскомъ языкѣ: ср. стюдень, стюдёный вм. студень, студёный, діалект. нинѣ, тисяча вм. нынѣ, тысяча; ср. еще ассимиляцію даже по органамъ произношенія въ случаяхъ какъ чижо́лый вм. тяжо́лый. — На с. 111, на основаніи случаевъ колебанія между *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ, такъ хорошо вообще различающихъ эти звуки, а также единичныхъ случаевъ смѣшенія буквъ *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ (Зогр., Супр.), авторъ спѣшитъ съ выводомъ о томъ, что «совпаденіе звуковъ *ы* и *и* во всякомъ случаѣ доисторическое», что появленіе на мѣстѣ *ы* и *и* средняго звука между *ы* и *и* «принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, діалектическимъ. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки». Я увѣренъ, что авторъ безъ всякихъ колебаній согласится съ тѣмъ, что случаи смѣшенія *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ отнюдь не могутъ свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи между этими звуками и о ихъ совпаденіи въ среднемъ звукѣ: этого средняго звука нельзя найти у великоруссовъ, и уже поэтому случаи колебанія *ы* и *и* въ отдѣльныхъ великорусскихъ словахъ нельзя объяснять особою близостью этихъ звуковъ: причины смѣшенія *ы* и *и* коренятся не въ самомъ этомъ звукѣ, а въ различныхъ окружающихъ ихъ условіяхъ; такъ напр. появленіе *ы* въ грыбъ, стрычь, крыкъ обязано отвердѣнію *р* въ группѣ согласныхъ *гр*, *стр*, *кр*.

Digitized by Google

Свидѣтельства же малорусскаго нарѣчія ни въ коемъ случаѣ нельзя сопоставлять, какъ это дѣлаетъ г. Будде, со свидѣтельствами чешскаго или сербскаго языковъ. Въ чешскомъ языкѣ согласныя до сихъ поръ мягки передъ первоначальнымъ *і*, въ сербскомъ же и малорусскомъ имъ соотвѣтствуютъ твердыя согласныя: слѣдовательно, чешскій языкъ не указываетъ на исконное совпаденіе звуковъ *ы* и *и* въ одномъ общемъ среднемъ звукѣ. Въ сербскомъ языкѣ передъ исконнымъ *и* сохранилась мягкость смягченныхъ еще въ общеслав. языкѣ согласныхъ *н, л* (њива, земљи): слѣдовательно, и здѣсь не было того измѣненія звука *и* въ направленіи къ *ы*, которое замѣчается въ малорусскомъ, гдѣ и первоначально смягченныя согласныя передъ такимъ среднимъ звукомъ отвердѣли. Въ сербскомъ языкѣ видимъ, что съ одной стороны передъ *і* не смягчились предшествующія согласныя, а что съ другой *ы* перешло въ *і*; въ малорусскомъ наблюдается измѣненіе звуковъ *ы* и *и* въ звукъ средній между ними, переходъ звуковъ ряда *ы* и звуковъ ряда *і* въ другой рядъ звуковъ. Слѣдовательно, только малорусскій языкъ могъ бы свидѣтельствовать объ общеслав. звукѣ, среднемъ между *ы* и *и*; но, конечно, свидѣтельства его недостаточно, тѣмъ болѣе что сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій приводитъ къ неопровержимому выводу, что въ общерусскомъ языкѣ, и притомъ во всѣхъ его говорахъ, строго различались звуки *и* и *ы*. Автору, конечно, хорошо извѣстны приведенные здѣсь факты и соображенія: вотъ почему я сказалъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ съ вышеуказаннымъ выводомъ.

На с. 87 г. Будде, на основаніи касимовскаго исинью́ (въ значеніи осенью, ср. южно-ряз. асинью́), торопится предположить параллельное существованіе въ діалектахъ общерусскаго языка ѥсень при осень. Но существованіе произношенія ѥсень предполагаетъ и ѥзеро, ѥсетръ, ѥлень, ѥвинъ и т. п. въ русскихъ говорахъ: между тѣмъ такія формы совершенно неизвѣстны въ русскомъ языкѣ; это и дало основаніе древнѣйшимъ славистамъ считать измѣненіе је другихъ славянскихъ языковъ въ *о* харак-

Digitized by Google

теристичною особенностью русской семьи. Параллельное существованіе одного и едного (а подъ вліяніемъ едный — и единый), ёвня и овинъ, ёжъ и ожикъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать прарусской формы ксень, такъ какъ, согласно наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова, не всякое начальное је давало въ русскомъ языкѣ въ результатѣ своего измѣненія *о*, а только такое је, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласной *е* или *і*. Я думаю, что гораздо проще объяснять рязанское исинью фонетически изъ асинью, сопоставивъ это исинью съ произношеніемъ итчаво́, иднаму́, икаи́нный, ибма́нщикъ, иддаду́ть и т. д. въ различныхъ южновеликорусскихъ говорахъ.

На с. 317, на основаніи произношенія дура́ӱа при дура́ва (названіе растенія), авторъ спѣшитъ съ заключеніемъ о существованіи сочетанія ӱ въ прарусскую эпоху въ положеніи въ серединѣ словъ между гласными. Конечно, этимологія слова дура́ва не ясна (и это въ особенности должно было предостеречь автора отъ заключенія къ прарусской эпохѣ), но если мы допустимъ, что при дуравa существовало и дурагва съ гв, а не ӱ, то дурагва въ результатѣ явилось бы именно въ формѣ дураӱа въ касимовскомъ говорѣ, ср. в = ў въ положеніи послѣ согласныхъ и между гласными (дўа, дўоя и т. д.).

Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями, выясняющими, почему въ пріемахъ и въ общемъ характерѣ разсужденій г. Будде кое-что не вполнѣ меня удовлетворило. Авторъ, надѣюсь, не сочтетъ эти замѣтки простыми придирками: я увѣренъ, что онъ заинтересованъ не только въ томъ, чтобы подѣлиться нѣкоторыми новыми наблюденіями и оригинальными выводами, а и въ томъ также, чтобы общими усиліями, руководимыми научнымъ методомъ, возсоздать то прошедшее нашего языка, которое должно объяснить его настоящее. Главные выводы автора, можетъ быть, не пострадали отъ погрѣшностей и недостатковъ метода изслѣдованія, но за то его книга, богатая фактами и мыслями, не можетъ быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ изслѣдователей.

Digitized by Google

II.

Въ этой части моего разбора я остановлюсь на нѣсколькихъ положеніяхъ автора, съ которыми не могу согласиться.

1) Седьмая глава 1-ой и четвертая глава 2-ой части изслѣдованія г. Будде посвящены шипящимъ и свистящимъ звукамъ въ касимовскихъ выговорахъ. Мы найдемъ здѣсь много новаго: автору удалось собрать весьма любопытный матеріалъ, и изъ него дѣлаются весьма цѣнные выводы. Впрочемъ я имѣю въ виду не тѣ четыре положенія, которыя формулированы авторомъ на стр. 261, а нѣкоторыя другія его обобщенія, менѣе рѣшительныя, но болѣе убѣдительныя. Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Будде, видно, что въ Касимовскомъ и Спасскомъ уѣздахъ есть цокающія мѣстности (гдѣ вм. *ч* произносится *ц*, большею частью отвердѣвшее), чёкающія (гдѣ *ц* произносится какъ *ч*) и, наконецъ, такія мѣстности, гдѣ вм. *ч* и *ц* является средній звукъ между *ч* и *ц* (*ч* сходное съ *ц* или *ц* сходное съ *ч*). Этотъ же средній звукъ извѣстенъ и въ чёкающихъ мѣстностяхъ. Уже на стр. 121 авторъ, на основаніи того, что при цоканьѣ извѣстно и чёканье и средній звукъ, дѣлаетъ выводъ, что архаичными должны быть признаны тѣ говоры, гдѣ сохранился этотъ средній звукъ между *ц* и *ч*, при чемъ чёкающіе и цокающіе говоры представляютъ отклоненія отъ основного произношенія либо въ сторону *ч*, либо въ сторону *ц*. Я думаю, что это заключеніе г. Будде совершенно вѣрно, и жалѣю, что онъ не ограничился такимъ положительнымъ и наглядным выводомъ. Впрочемъ, естественнымъ представлялось бы обобщеніе такого заключенія, распространеніе его на всякіе чёкающіе и цокающіе говоры: въ основаніи такихъ говоровъ лежатъ говоры, имѣвшіе на мѣстѣ первоначальныхъ *ч* и *ц* средній звукъ между *ч* и *ц*. Понятно, что Е. Ѳ. сдѣлалъ это обобщеніе: предположенный нѣкоторыми изслѣдователями средній звукъ, не *ч* и не *ц*, найденъ имъ въ живомъ произношеніи и, конечно, предположенія теоретическаго характера по-

Digitized by Google

лучили теперь реальное основаніе. Но Е. Ѳ. идетъ дальше; на стр. 263 онъ пишетъ: «надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ (средній звукъ между *ч* и *ц*)....» Далѣе, на основаніи существованія, параллельно съ произношеніемъ средняго звука между *ч* и *ц*, произношенія средняго же звука между *ш* и *с* въ касимовскомъ говорѣ, а также въ виду дзеканья и джеканья (произношенія *д*, *т* какъ *дз*, *ц* или какъ *дж*, *тш*) въ томъ же говорѣ, при чемъ смѣшеніе *ш* и *с*, дзеканье и джеканье встрѣчается и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, г. Будде продолжаетъ приведенную выше фразу слѣдующимъ образомъ: «точно такъ же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* (средній звукъ между *з* и *ж*); звукъ *с*—къ звуку *ш* (средній звукъ между *с* и *ш*); были особаго рода звуки *д'* и *т'*... Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка». Вслѣдъ за тѣмъ приводятся доказательства, подтверждающія эти положенія: свидѣтельства памятниковъ, русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что автору не удалось доказать своего положенія: польскіе «мазуракающіе», словацкіе «шепелеватые» говоры, нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе (ср. стр. 264) представляютъ дѣйствительно сходныя и однородныя явленія съ цоканьемъ, чёканьемъ и другими подобными явленіями русскаго языка, но въ виду того, что большинство русскихъ говоровъ и говоровъ другихъ славянскихъ нарѣчій не знаетъ всѣхъ этихъ явленій, гораздо вѣроятнѣе предположить, что они развились на почвѣ отдѣльной жизни всѣхъ этихъ языковъ. Впрочемъ, возможно, что уже въ общеславянскомъ языкѣ были говоры, измѣнившіе *ч* и *ц*, *с* и *ш* въ какіе-нибудь средніе звуки между *ч* и *ц*, между *с* и *ш*, но во всякомъ случаѣ невозможно установить генетической связи между такими говорами и указанными г. Будде го-

Digitized by Google

ворами современныхъ славянскихъ нарѣчій. А въ виду этого, ясно, что предполагая общеславянское діалектическое произношеніе средняго звука между *ч* и *ц* или между *с* и *ш*, мы не выходимъ изъ области предположеній, рѣшительно ничего не выясняющихъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ нарѣчій: я даже думаю, что, взявъ болѣе ограниченную область языка, напр. одни русскіе говоры, мы поступили бы неосторожно, возводя касим. дзень, пошех. дзень, бѣлоз. дзень къ общерусскому діалектическому дзьнь. Дѣйствительно, переходъ $д^{ı}$ въ $дз^{ı}$ могъ явиться независимо во всѣхъ указанныхъ говорахъ и если бы даже въ общерусскомъ языкѣ діалектически уже являлось дзьнь, то связать генетически такіе общерусскіе говоры непремѣнно съ касимовскими, пошехонскими, бѣлорусскими врядъ ли представлялось бы возможнымъ. Но предположить на основаніи бѣлор. и великор. дзень и польск. dzień общеславянское діалектическое dzьnь врядъ ли рѣшится какой-нибудь изслѣдователь: въ общеслав. языкѣ нельзя даже допустить полнаго смягченія *д* въ случаяхъ какъ дьнь (ср. серб. дан, чешск. deň), а тѣмъ менѣе слѣдующаго за тѣмъ измѣненія $d^{ı}$ въ $dz^{ı}$. И такъ, мы видимъ, что *дз* въ польскомъ и русскомъ языкахъ развились независимо другъ отъ друга; отсюда заключаемъ, что и въ отдѣльныхъ говорахъ русскаго языка дзеканье могло развиваться совершенно самостоятельно. На стр. 270 г. Будде даетъ новую формулировку своему положенію относительно средняго звука между *ч* и *ц* въ исторіи русскаго языка. Если на стр. 263 утверждалось, что лишь въ большинствѣ говоровъ прарусскаго языка на мѣстѣ *ч* и *ц* являлся средній звукъ между *ч* и *ц*, то здѣсь говорится уже, что «во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ, были извѣстны звуки средніе между *ч* и *ц*, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній... въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ — дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оста-

Digitized by Google

валось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными». Мысль автора не ясна: вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что въ говорахъ, гдѣ *ч* и *ц* не совпали въ среднемъ звукѣ, они продолжали различаться, при чемъ въ однихъ изъ нихъ отвердѣло *ч*, въ другихъ *ц*; среди же говоровъ, измѣнившихъ *ч* и *ц* въ средній звукъ, одни продолжаютъ сохранять этотъ средній звукъ, а другіе измѣнили его въ мягкія *ч* и *ц*. Но въ такомъ случаѣ авторъ въ своемъ обзорѣ судьбы звуковъ *ч* и *ц* обнялъ всѣ говоры русскаго языка: непонятно, почему онъ говоритъ о «большинствѣ говоровъ»; кромѣ того, говоры, сохранившіе средніе звуки между *ч* и *ц*, названы имъ архаичными вообще, между тѣмъ они архаичны лишь относительно тѣхъ говоровъ, гдѣ средніе звуки измѣнились въ *ч* и *ц* мягкія. Московскій говоръ, гдѣ *ч* и *ц* различаются до сихъ поръ, представляется болѣе архаичнымъ, чѣмъ касимовскій, гдѣ вм. *ч* и *ц* находимъ средній звукъ, оставляя даже въ сторонѣ то обстоятельство, что этотъ средній звукъ успѣлъ уже частью измѣниться въ *ч* и *ц* мягкія (отчасти уже и отвердѣвшія). Мнѣ положительно сдается, что г. Будде большинство русскихъ говоровъ возводитъ къ такимъ, въ которыхъ на мѣстѣ *ч* и *ц* явился средній звукъ между *ч* и *ц*: если это такъ, Е. Ѳ. рѣшительно ошибается, такъ какъ вывести говоры, различающіе согласно этимологіи звуки *ч* и *ц* (а такихъ говоровъ весьма много, какъ въ малорусской, бѣлорусской, такъ и въ великорусской семьѣ), изъ говоровъ, гдѣ *ч* и *ц* совпали въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, совершенно немыслимо. Спорадическіе случаи колебанія между *ц* и *ч*, наблюдаемые, по словамъ автора, почти во всѣхъ русскихъ говорахъ, приводятся имъ (стр. 270, 280, 285) въ доказательство того, что средніе звуки между *ч* и *ц* принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Къ такимъ спорадическимъ случаямъ относятся чепь при цѣпь, др.-русск. коць (епанча) при кочь, малор. цурайся при чурайся и, можетъ быть, еще нѣкоторыя слова, извѣстныя автору, но имъ не приведенныя. Я

Digitized by Google

думаю, что если бы г. Будде удалось указать даже десятокъ подобныхъ случаевъ, они все таки не могли бы свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи звуковъ *ч* и *ц* на всемъ пространствѣ русскаго языка: то обстоятельство, что въ настоящее время сохранилось различіе между *ч* и *ц* въ большинствѣ русскихъ говоровъ гораздо яснѣе доказываетъ положеніе совершенно противоположное тому, къ которому пришелъ авторъ. Спорадическіе же случаи смѣшенія *ч* и *ц* могутъ объясняться частью заимствованіями изъ другихъ говоровъ, частью же этимологическимъ колебаніемъ обоихъ звуковъ: такъ чепь при цѣпь восходятъ вѣроятно къ разнымъ словамъ, можетъ быть и не родственнымъ по происхожденію, ker- откуда čer- (др.-рус. чепь, съчепитъ) и kĕr- откуда cĕr- (цѣпь, цѣпкій).

Всѣ эти замѣчанія приводятъ насъ къ убѣжденію, что г. Будде слишкомъ поторопился распространить открытые имъ средніе звуки между *ч* и *ц* на всю область русскаго языка и даже славянскихъ языковъ въ ихъ прошломъ. Цѣнный выводъ, сдѣланный имъ на стр. 121, совершенно затемненъ послѣдующими разсужденіями.

2) Все то, что сказано выше по поводу предположенія среднихъ звуковъ между *ч* и *ц*, еще въ бо́льшей степени приложимо къ другому предположенію автора, упомянутому уже раньше, а именно, что общеславянскій и прарусскій языки имѣли среди своихъ говоровъ такіе, гдѣ на мѣстѣ *с* и *ш* были извѣстны средніе между ними звуки. На стр. 263 читаемъ: «при допущеніи этой мысли нѣкоторые древне-русскіе говоры, какъ напр., древнепсковскій говоръ, станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ». Нельзя не возразить на это слѣдующаго: наука о русскомъ языкѣ обязана г. Соболевскому нѣкоторыми важными открытіями именно по тому, что онъ не прибѣгалъ къ такимъ обобщеніямъ, какія, къ сожалѣнію, встрѣчаются мѣстами у г. Будде. Встрѣтивъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ колебаніе *е* и *ѣ*, ограниченное извѣстными условіями, опредѣленнымъ по-

Digitized by Google

ложеніемъ въ словѣ, онъ не предположилъ, что тѣ же условія найдутся и во всѣхъ другихъ памятникахъ, и не смѣшалъ *предполагаемой* силы доказательства, представляемаго единичными случаями колебанія *е* и *ѣ* въ большинствѣ русскихъ памятниковъ, съ тою *дѣйствительною* доказательною силою, которую имѣютъ случаи систематическаго чередованія между этими буквами. Въ результатѣ оказалось, что только памятники галицко-волынской области систематически употребляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ѣ* вм. *е*, а это повело къ убѣжденію, что въ такихъ памятникахъ сохранились слѣды древнѣйшихъ малорусскихъ говоровъ. Изслѣдуя другія рукописи, а именно группу псковскихъ памятниковъ, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ въ нихъ постоянное смѣшеніе буквъ *ш* и *с*, *з* и *ж*: онъ не увлекся предположеніемъ, что напалъ на черту общерусскаго языка, прарусской эпохи; онъ остановился на болѣе скромномъ предположеніи, что эта черта мѣстная, діалектическая; и когда такихъ чертъ набралось нѣсколько, изслѣдователь предложилъ намъ характеристику древнепсковскаго говора. Указанія Соболевскаго на совершенно исключительное положеніе этого говора среди другихъ древне-русскихъ говоровъ нельзя опровергнуть такими общими разсужденіями, какія мы встрѣтили въ разбираемомъ отдѣлѣ книги г. Будде: надо было указать факты, доказывающіе, что и въ другихъ русскихъ памятникахъ, принадлежащихъ не сѣверо-западной области, встрѣчается мѣна *с*, *з*, и *ш*, *ж* и другія подобныя явленія. Изслѣдованіе Е. Ѳ. приводитъ насъ къ убѣжденію, что смѣшеніе *с*, *з* съ *ш*, *ж*—діалектическая черта несравненно менѣе распространенная, чѣмъ смѣшеніе *ч* и *ц*, и тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ относительно среднихъ звуковъ между *с*, *з* и *ш*, *ж* тѣ же заключенія, что относительно средняго звука между *ц* и *ч*, а именно о томъ, что они существовали діалектически уже въ прарусскую эпоху, а на стр. 281—282 видимъ попытку возвести эти звуки къ общеславянскому и даже литовскославянскому языку, на томъ основаніи, что, напр. въ словѣ зима, звукъ *з* въ различныхъ славянскихъ языкахъ «не вездѣ одинаковой мягкости,

Digitized by Google

а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žẽmà)»! На стр. 279 авторъ, находя въ родственныхъ со славянскими языкахъ то же явленіе (колебаніе между *с*, *з* и *ш*, *ж*), говоритъ, что «до извѣстной степени его можно возводить къ общему индоевроп. праязыку», при чемъ въ подтвержденіе такого предположенія приводится существованіе двоякаго *s* въ общемъ индоевр. языкѣ! Я рѣшительно отказываюсь отъ подробнаго опроверженія всего этого ряда сопоставленій и гипотезъ: думаю, что для общеславянскаго языка надо принимать существованіе рѣзкаго отличія между звуками *z*, *s* и *ž*, *š* и что смѣшеніе этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ возникло сравнительно въ позднѣйшее время. Можетъ быть, впрочемъ, общеслав. *s* изъ *x* передъ *и*, *ъ*, а также послѣ гласныхъ передненёбнаго ряда въ случаяхъ какъ дуси, дусѣ, вьсь звучало какъ-нибудь иначе, чѣмъ другое *s*: ср. переходъ такого *s* въ *š* въ западно-славянскихъ языкахъ, но конечно предположенное существованіе двоякаго рода *s* въ общеслав. языкѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ двоякимъ *s* въ индоевроп. языкѣ или съ позднѣйшимъ смѣшеніемъ его въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ. Г. Будде придаетъ и въ данномъ случаѣ болѣе значенія спорадическимъ случаямъ смѣшенія *с*, *з* съ *ш*, *ж*, чѣмъ имъ придавали до сихъ поръ: но едва ли колебаніе этихъ звуковъ въ словахъ какъ Суждаль при Суздаль, шаберъ при сяберъ, жемчугъ при земчугъ можетъ доказывать *общее* смѣшеніе ихъ въ въ какомъ бы то ни было нарѣчіи и въ какую бы то ни было эпоху.

3) Въ 5-ой главѣ II части и тѣсно связанной съ нею 8-ой главѣ I части г. Будде останавливается на зубныхъ согласныхъ касимовскихъ говоровъ. Наиболѣе оригинальною чертою оказывается измѣненіе мягкихъ *т* и *д* въ *ц* и *дз*, при діалектическихъ *тш* и *дж* (дзень, гаспоць, пиджѣля, тшягла́). На стр. 289 и 292 видимъ обзоръ подобныхъ же измѣненій въ другихъ русскихъ говорахъ: авторъ находитъ *дз* и *ц* изъ *д* и *т* не только въ бѣлорусскихъ говорахъ, но также въ нѣкоторыхъ малорус-

Digitized by Google

скихъ и великорусскихъ говорахъ; особенно распространено это явленіе въ области сѣверновеликор. нарѣчія; на основаніи данныхъ, приводимыхъ изъ Очерковъ по діалектологіи Соболевскаго, а также изъ статьи Даля о нарѣчіяхъ и изъ Очерка Колосова, мы узнаемъ, что *дз* и *ц* слышится не только въ Псковской, но также въ Тверской, Ярославской, Новгородской и Владимирской губерніяхъ. Въ области южновеликорусскихъ говоровъ тѣ же звуки отмѣчены между прочимъ и въ Рязанской губерніи: въ виду всего этого я не понимаю, почему, «съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько» видоизмѣниться «наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще» (стр. 289). Впрочемъ, г. Будде разъясняетъ свою мысль на стр. 292—299, гдѣ находимъ отступленіе историческаго характера, выясняющее его взглядъ на исторію касимовскаго говора и на его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Здѣсь эта черта консонантизма касимовскаго говора возводится въ основную черту при дѣленіи русскихъ говоровъ на первоначальныя группы. Вмѣсто прежняго дѣленія ихъ на окающіе и акающіе, признаннаго не историческимъ и даже не научнымъ (стр. 293), предлагается дѣлить русскіе говоры на три діалектическія единицы: на говоры «шепелеватые (т. е. говоры съ средними звуками — самые древніе), на полу шепелеватые (имѣвшіе лишь средніе звуки между ц и ч, т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры не шепелеватые, пошедшіе отъ діалектической группы, различавшей звуки ч и ц, с' и ш, з' и ж и проч., или въ самомъ прарусскомъ языкѣ утратившей средніе звуки» (стр. 298). Эти слова автора въ существенной степени дополняютъ все то, что имъ сказано въ предшествующей (7-ой главѣ II части) главѣ объ исторіи среднихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Здѣсь мы находимъ уже рѣшительное утвержденіе, что говоры со средними звуками между *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, по этой ихъ фонетической чертѣ, должны, быть признаны самыми древними; здѣсь же видимъ ясно высказанное предположеніе о томъ, что говоры, раз-

Digitized by Google

личающіе *ч*, *ш*, *ж* отъ *ц*, *с*, *з*, могутъ быть возводимы къ такой діалектической группѣ, гдѣ это различіе явилось лишь позже (хотя и на прарусской почвѣ). Но ни утвержденіе автора о бо́льшей древности шепелеватыхъ говоровъ, ни приведенное предположеніе его нельзя признать убѣдительными: всякій изслѣдователь согласится съ тѣмъ, что различеніе, этимологически вѣрное, звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з* черта бо́льшей древности, чѣмъ смѣшеніе обоихъ рядовъ въ одномъ рядѣ среднихъ звуковъ; никто вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшится вслѣдъ за авторомъ предположить, что говоры со средними звуками могли (хотя бы и въ праруѣскую эпоху) перейти въ говоры, различающіе оба ряда *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з* этимологически вѣрно. Обращаясь къ предложенному авторами дѣленію русскихъ говоровъ, читаемъ, что шепелеватые говоры составляютъ по своему историческому происхожденію приблизительно одну группу (стр. 293). Въ настоящее время эта группа говоровъ оказывается, по указанію автора, разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда границы этой группы опредѣлялись Окой, верховьями Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны (стр. 293). Далѣе авторъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ выводитъ заключеніе, что преданіе связывало особымъ родствомъ древлянъ, полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами (стр. 295) и что это преданіе основывалось на какихъ-то отдаленныхъ воспоминаніяхъ о близости языка и обычаевъ этихъ «словѣнъ» къ языку и обычаю «словѣнъ», сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мысль автора и вся его аргументація настолько для меня не ясны, что не рѣшаюсь опровергать всѣхъ этихъ положенія. Замѣчу только, что, если г. Будде настаиваетъ на какой-то особенной близости шепелеватыхъ говоровъ съ говорами польскими, то ему не зачѣмъ было указывать на сохранившееся, по его мнѣнію, въ лѣтописи преданіе о родствѣ не только вятичей (родоначальниковъ при-окскихъ говоровъ, согласно автору, ср. стр. 298), но и прочихъ русскихъ племенъ съ ляшскими (?). Оставляя поэтому древлянъ, полочанъ, кривичей и прочія племена въ сторонѣ, мы остановимся на предположеніи о

Digitized by Google

томъ, что при-Окскіе (а между ними и касимовскіе) говоры нужно вести отъ древняго говора той части «словѣнъ», которую, по преданію, привелъ на новыя мѣста какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (= словѣнъ привислянскихъ). Въ этомъ предположеніи автора заключается несомнѣнный историческій фактъ: при-Окскіе говоры восходятъ къ говору вятичей, сидѣвшихъ, какъ извѣстно, на Окѣ; но разумѣется, лингвисту не зачѣмъ настаивать на преданіи о происхожденіи вятичей отъ ляховъ, тѣмъ болѣе что его слѣдуетъ, можетъ быть, понимать только такъ, что вятичи и радимичи пришли на Оку съ запада. Я нахожу очень вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что касимовскіе говоры—это остатки древняго говора вятичей, но не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы близость касимовскихъ говоровъ къ западнорусскимъ объяснялась такъ, что западные края Россіи были заселены выходцами съ Оки, т. е. чтобы вятичи, явившіеся на Оку съ запада, снова двигались на западъ (ср. стр. 284). Болѣе вѣроятнымъ представляется другое мнѣніе автора объ особой близости касимовскихъ говоровъ съ вятскими и о заселеніи Вятскаго края выходцами изъ при-Окскихъ мѣстностей; на немъ я остановлюсь ниже, въ III части этого разбора. Въ виду всего вышесказаннаго, мы видимъ, что авторъ не привелъ ни одного убѣдительнаго даннаго въ пользу предположенія, что всѣ дзекающіе русскіе говоры восходятъ къ одной общей діалектической группѣ: напротивъ, уже то обстоятельство, что и въ малорусскомъ нарѣчіи мы найдемъ такіе говоры, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что дзеканье, сравнительно позднее явленіе, развивалось независимо въ различныхъ частяхъ русской рѣчи. Вотъ почему дѣленіе автора русскихъ говоровъ на шепелеватые, полушепелеватые и нешепелеватые не выдерживаетъ критики; гораздо правильнѣе признать аканье и оканье существенными признаками при дѣленіи русскихъ говоровъ. Дѣйствительно, въ группу акающихъ говоровъ попадаютъ такіе говоры, общее происхожденіе и исконное родство которыхъ несомнѣнно: вспомнимъ, напримѣръ, что бѣлорусскіе и южно-великорусскіе говоры акающіе, одно-

Digitized by Google

временно съ этой чертой вокализма, представляютъ рядъ другихъ, каковы напр. γ вм. сѣверновеликорусскаго г, т мягкое въ 3 л. ед. и мн. ч. вм. т твердаго сѣверновеликор. говоровъ и др. Касимовскіе говоры, гдѣ рядомъ съ аканьемъ уживаются черты сѣверновеликорусскія (г вм. γ, тъ вм. ть, смѣшеніе ч и ц и др.), ни въ коемъ случаѣ не могутъ противорѣчить указанному дѣленію уже потому, что ихъ, вслѣдъ за г. Будде, надо признать смѣшанными говорами: въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверновеликорусскіе, подвергшіеся сильному вліянію южныхъ, акающихъ говоровъ.

4) На стр. 299 — 300 мы находимъ небольшой экскурсъ по поводу касимовскаго произношенія «тьвѣ'т» вм. цвѣтъ. Отмѣтивъ, что въ южной группѣ славянскихъ языковъ въ этомъ и другихъ родственныхъ словахъ является *ц*, а во всей западной группѣ звукъ *к*, г. Будде указываетъ, что въ русскомъ языкѣ на мѣсто этихъ звуковъ мы встрѣчаемъ діалектическія *ц*, *ч*, *т*, *с*, *к*. Первые четыре звука восходятъ по мнѣнію автора къ среднимъ звукамъ между *ч* и *ц*, а *к* отражаетъ первоначальное *к*. Далѣе высказывается предположеніе, основанія котораго мнѣ совершенно неясны: та діалектическая группа прарусскаго языка, гдѣ являлись средніе звуки между *ч* и *ц*, представляла произношеніе цвѣтъ - чвѣтъ съ средними звуками вм. *ч*, *ц*; напротивъ, та группа, гдѣ было извѣстно различіе звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, должна была имѣть произношеніе квѣтъ. Если это такъ, то почему же московское нарѣчіе, различающее указанные звуки, имѣетъ цвѣтъ, а не квѣтъ? Кромѣ того, откуда вообще въ русскихъ нарѣчіяхъ произношеніе цвѣтъ съ *ц*, тожественнымъ съ *ц* южнославянскихъ языковъ, если говоры, сохранившіе первоначальное *ц*, не смѣшавшіе его съ *ч*, получили исконно произношеніе квѣтъ? Я думаю, что во всякомъ случаѣ осторожнѣе предположить, что общерусскій языкъ имѣлъ въ различныхъ своихъ діалектахъ произношеніе квѣтъ и цвѣтъ, при чемъ цвѣтъ въ говорахъ, замѣнившихъ *ч* и *ц* средними звуками, измѣнилось въ цвѣтъ - чвѣтъ съ средними звуками между

Digitized by Google

ч и *ц*. Впрочемъ, для меня пока еще неясно, можемъ ли мы предполагать діалектическое сохраненіе *кв* передъ *т*, *и*, *ъ* въ русскихъ говорахъ; не настаивая на этой мысли, я рѣшаюсь предположить, что *кв* въ квѣтъ въ однихъ говорахъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ) является подъ вліяніемъ польск. kwiat, а въ другихъ (сѣверно- и южновеликорусскихъ) оно восходитъ, черезъ посредство к'в, къ т'в (ср. діалект. твѣтъ) изъ *цв*; ц'в' измѣнилось въ т'в въ то время, когда явился законъ объ отвердѣніи *ц*; ц'в' не переходило въ цв' вслѣдствіе вліянія *в* мягкаго на предшествующій звукъ, вліянія, поддерживавшаго мягкость *ц* и въ результатѣ имѣвшаго слѣдствіемъ измѣненіе его въ *т* мягкое, а діалектически въ *с* мягкое (свѣтъ).

5) На стр. 311 мы встрѣчаемся со слѣдующими утвержденіями автора: «конечные согласные звонкіе едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка) произноситься глухо, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з* — въ *с* и проч.». Я не сталъ бы останавливаться на этомъ положеніи автора, если бы во 1-ыхъ онъ не прибавилъ въ скобкахъ: «а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка», во 2-ыхъ, если бы на стр. 312 мы не встрѣтили совершенно противоположнаго утвержденія; а именно здѣсь говорится о томъ, что «мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія *ъ* и *ь* звучали, не переходя въ глухіе согласные». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правда высказана авторомъ не на 311-й, а на 312-й страницѣ. Дѣйствительно, малорусскіе, а также нѣкоторые великорусскіе говоры до сихъ поръ сохраняютъ конечные согласные звонкими (суд, мёд не сут, мёт), являясь въ этомъ случаѣ архаичнѣе большинства великорусскихъ, а также бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ уже совершилось измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ глухія. Ассимиляція звонкихъ согласныхъ глухимъ, о которой говоритъ г. Будде, напр. въ случаяхъ бес печали, ис корабля, ни въ коемъ случаѣ не доказываетъ

Digitized by Google

потери *конечными* согласными своей звонкости, не говоря уже о томъ, что собственно без, из, въз и другіе подобные предлоги могли быть получены еще въ общеславянскомъ языкѣ безъ конечнаго *ъ*. Въ виду всего этого авторъ правъ, когда находитъ возможнымъ неслоговое *у* въ діалект. годоў, короў возводить къ звуку *в*, еще не измѣнившемуся, вслѣдствіе своего положенія въ концѣ слова, въ *ф*. Впрочемъ, можетъ быть, вопросъ о появленіи неслогового *у* въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ (какъ дѣўка) надо совершенно отдѣлять отъ вопроса о чередованіи звонкихъ и глухихъ согласныхъ. Изслѣдованіе г. Будде, какъ мы еще разъ укажемъ ниже, весьма убѣдительно доказываетъ возможность того, что кароў, дѣўка восходятъ къ такимъ общерусскимъ (можетъ быть, діалектическимъ) формамъ, гдѣ ў или W, а не *в*, звучало еще передъ *ъ*: кароўъ, дѣўъка, ср. совр. ў вм. в въ положеніи передъ гласными (залóўак, ўóрах, ўяля́т и т. д.).

6) Страницы 227—234 посвящены интересному вопросу о появленіи звука *а* (*я*) изъ *и* въ касимовскихъ говорахъ. Съ первыхъ же строкъ своего изслѣдованія объ этомъ явленіи, г. Будде утверждаетъ, что «касимовскія формы въ родѣ да́ля, сѣ́яля (вм. дали, сѣяли) и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ 'a°, т. е. звукомъ, который по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою *ѣ* въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на — лъ». Вѣроятно, авторъ тутъ же упустилъ изъ виду, что это не болѣе, какъ предположеніе, пока еще ничѣмъ не доказанное, потому что вслѣдъ за приведенной фразой онъ дѣлаетъ выводъ о томъ, что конечное *ѣ* этихъ древнерусскихъ формъ означало звукъ открытый, а не закрытый, основываясь при этомъ на указанномъ діалектическомъ произношеніи этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны отожествлять совр. южновеликор. даля, ходиля съ написаніями далѣ, ходилѣ нашихъ древнихъ памятниковъ; не вижу основанія допустить фонетическій переходъ конечнаго звука *и* въ *я* че-

Digitized by Google

резъ посредство *е* въ эпоху предшествующую аканью (ср. стр. 228 и 229); не могу допустить сопоставленія такихъ формъ съ есмя, дворяня (стр. 230), такъ какъ здѣсь *я* восходитъ къ *е*, а не къ *и*. Но всего менѣе ожидалъ я встрѣтить у г. Будде, рядомъ съ указаннымъ фонетическимъ объясненіемъ даля (далѣ) изъ дали, предположеніе о возможности вліянія на формы какъ далѣ, ходилѣ формы глагола ѥсмь—ѥсмы, при чемъ, несмотря на это вліяніе «въ основѣ своей, все таки, это вліяніе фонетическое». Приводимые ниже примѣры показываютъ, что авторъ предполагаетъ, что «отдали есме» перейдя «въ отдали есмя» измѣнялось затѣмъ въ «отдаля есмя», при чемъ отдаля вм. отдали обязано вліянію есмя; «отдаля есмя» вызвало затѣмъ «отдаля есте» и въ 3 л. мн. «отдаля». Не говоря уже о совершенной невѣроятности вліянія формы есмя на форму причастій, противъ этого ясно говорятъ самыя написанія, приводимыя г. Будде: есмя спустилѣ, взялѣ есмя и т. д.; если-бы въ есмя и взялѣ въ концѣ слова слышался одинъ и тотъ же звукъ, онъ, конечно, былъ бы выраженъ не двумя различными буквами, а одною и тою же. Не скажу, чтобы мнѣ было совершенно ясно происхожденіе древнерусскихъ причастныхъ формъ на—лѣ, не утверждаю, чтобы вопросъ о происхожденіи конечнаго *я* вм. *и* въ южновелик. говорахъ былъ бы простъ для разрѣшенія, но, къ сожалѣнію, долженъ признать, что г. Будде нисколько не приблизилъ насъ къ желательной истинѣ. Я думаю, что осторожность требуетъ отъ изслѣдователя: 1) отказаться отъ сопоставленія др.-русскихъ формъ далѣ, взялѣ съ совр. даля, взяля, 2) остаться при объясненіи А. И. Соболевскаго причастныхъ формъ на—лѣ, т. е. видѣть въ нихъ нефонетическую замѣну и черезъ *ѣ* подъ вліяніемъ чередованія формъ вин. мн. моѣ, князѣ, конѣ, мужѣ съ формами им. мн. мои, князи, кони, мужи, 3) допустить фонетическій переходъ еще въ эпоху великобѣлорусскаго единства конечнаго неударяемаго *е* (очень открытаго еще въ общерусск. языкѣ въ этомъ именно положеніи) въ *я*, что должно объяснить формы какъ естя, есмя, спи́тя и т. д., 4) пермское окончаніе дат. твор. мн. на *мя* (тѣмя,

Digitized by Google

всемя, аленькимя) толковать такъ же какъ окончаніе *мя* въ совр. литер. двумя, т. е. видѣть здѣсь результатъ вліянія формъ съ окончаніемъ *ми* на основное окончаніе (по происхожденію двойств. числа) *ма*, 5) касимовскія да́ля, сѣ́яля, мосал. куса́ля, касим. дѣ́хькя (им. мн.), ядѝм са́мя, з двумя́ с рибя́тьмя объяснять фонетически изъ дали, дѣфьки и т. д., ср. съ этимъ: ба́рян, павойняк, уря́дьняк, про́лял въ тѣхъ же говорахъ.

7) На стр. 216—220 мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ взглядомъ автора на окончанія *ой*, *ей* при *ый*, *ій* им. вин. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Онъ утверждаетъ, что великорусскіе говоры или даже «та часть общерусскаго языка, изъ которыхъ выдѣлились будущіе великорусскіе говоры, должно быть, никогда не знала именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. п. ед. ч. въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ—*ой*, *ей* (изъ *ъи*, *ъи*)! До сихъ поръ. большинство изслѣдователей объясняло на̀ши слѣпо́й, крибо́й изъ предполагаемыхъ слѣпый, кривый, сопоставляя съ такимъ измѣненіемъ *ый* въ *ой* переходъ мыю, крыю и т. п. въ мою, крою. До сихъ поръ въ наукѣ держится мнѣніе, что общерусскими формами им. вин. падежа надо признать не слѣпъи, кривъи, а слѣпый, кривый; особенно ясно указываютъ именно на такія общерусскія формы бѣлорусское и малорусское нарѣчія, не знающія окончанія *ой*, а представляющія окончаніе *ый* (*ы*); врядъ ли г. Будде согласится возводить эти *ый* (*ы*) къ общерусскому *ъи*, которое, конечно, дало бы въ результатѣ *ой*, подобно тому какъ общерусское *ъи*, напр. въ формахъ им. вин. пад. именъ существительныхъ или въ окончаніи род. пад. мн. числа, дало въ бѣлор. и малор. не *ій* (*и*), а *ей* (соловей, гусей). Происхожденіе такого *ъи* новое: оно явилось въ общерусскомъ языкѣ на мѣстѣ общеслав. языка *ии* не фонетически (ибо *ии* сохранялось безъ измѣненія, напр. въ повел. пий, въ оконч. прилаг. синій), а подъ вліяніемъ формы другихъ падежей тѣхъ же именъ (соловья, которое вм. соловия, гусьмъ). Въ силу этихъ соображеній я допускаю существованіе въ общерусскомъ языкѣ формъ какъ слѣпый, кривый, и великор. слѣпой, кривой вывожу изъ

Digitized by Google

нихъ фонетически. Замѣчу прежде всего, что измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній *ый* и *ій* должно быть разсматриваемо вмѣстѣ съ измѣненіемъ звуковъ *ы* и *і* передъ *j* или вѣрнѣе неслоговымъ *і*, за которымъ слѣдуетъ гласная, т. е. что кривый, третій измѣнялись въ кривой, третей одновременно съ переходомъ мыю, шія въ мою, шея. Далѣе, самый фактъ перехода *ы*, *и* въ *о*, *е* ясно доказываетъ, что звуки *ы*, *и*, въ положеніи передъ неслоговымъ *і* (или *j*), звучали иначе, чѣмъ въ другомъ положеніи, а именно, вѣроятно, еще въ общерусскомъ языкѣ, были болѣе открыты, чѣмъ вообще. Наконецъ, *ы*, *и*, вѣроятно, измѣнились въ *о*, *е* не непосредственно, а путемъ постепеннаго измѣненія въ направленіи къ *о*, *е*. Окончательное измѣненіе *ый*, *ій* въ *ой*, *ей* имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, хотя повидимому еще въ велико-бѣлорусскую эпоху діалектически *ый*, *ій* успѣли значительно измѣниться въ направленіи къ *ой*, *ей*. Эти оба положенія ясно доказываются изученіемъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Съ одной стороны во многихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются *ый*, *ій* безъ измѣненія: сюда относятся прежде всего южновеликорусскіе говоры, сосѣдніе съ бѣлорусскими; такъ въ ельнинскихъ говорахъ Смол. губ. мы найдемъ: выить, мыю, аткрый, на шыи, шій (примѣры въ Этн. сб. Добровольскаго), въ мосальскихъ говорахъ Калуж. губ.: накрый, пій, рыеть, разрый, сшыешь (вм. сошьешь), умыйтесь и т. д., въ жиздринскихъ говорахъ той же губ.: ныить, раскрыисся, шыють, накрыуть, мыу (съ діалект. опущеніемъ неслогового *і*). То же произношеніе извѣстно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи (я самъ наблюдалъ его въ Брянскомъ уѣздѣ), а также Курской. Наконецъ, въ послѣднее время оно указано и для Воронежскаго и Павловскаго уѣздовъ, при чемъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь малоруссизмы: помыи, выить, ныить, крыить, мыить (см. прекрасное изслѣдованіе К. Филатова, Очеркъ народныхъ говоровъ Ворон. губ., въ Русск. Фил. Вѣстн. за 1897 г.). Нельзя не отмѣтить, что во всѣхъ этихъ говорахъ въ окончаніи им. вин. п. именъ прилагательныхъ вм. *ый* мы най-

Digitized by Google

демъ *ой* подъ удареніемъ: въ виду сохраненія *ы* въ случаяхъ какъ крыю, мыю, мый, ясно, что такое *ой* нельзя возводить фонетически къ окончанію *ый*; поэтому мы должны объяснять *ой* этихъ говоровъ или заимствованіемъ изъ другихъ сосѣднихъ говоровъ, гдѣ рядомъ съ мою, крою явились фонетически кривой, сухой, или вліяніемъ на форму им. вин. ед. формъ прочихъ падежей прилагательныхъ, т. е. что измѣненіе—кривы́й, храмы́й въ крив о́й, храм о́й обязано вліянію формъ крив о́го, храм о́му. Мнѣ, кажется, вѣроятнымъ допустить именно такое объясненіе формъ на *ой* напр. для смоленскихъ и калужскихъ говоровъ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что фонетически *ый* измѣнилось именно въ *ой* далеко не во всѣхъ великорусскихъ говорахъ: вм. ожидаемаго *ой* мы находимъ во многихъ изъ нихъ *эй*, ср. діалектическое *эй* вм. *ый* и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Въ настоящее время замѣна *ый* черезъ *эй* отмѣчена не только въ южновеликорусскихъ, но также и въ сѣверновеликор. говорахъ. Такъ, по указанію г. Филимонова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вытегорскаго уѣзда обыкновеннымъ произношеніемъ оказывается: баск э́й, д о́брэй, прѣсн э́й, тѣсн э́й, худ э́й, ст а́рэй, цёрствэй (Изв. II Отд. И. А. Н., I, стр. 565, 569); по сообщенію г. Георгіевскаго, такое же произношеніе наблюдается въ южной части Петрозав. уѣзда: воронэ́й, слѣпэ́й, гнѣд э́й, высо́кэй (Извѣстія, II, стр. 248); въ области южновеликор. нарѣчія отмѣтимъ ельнинск. палявэ́й, маладэ́й, лисавэ́й, святэ́й, чужэ́й, дїўпэй. Въ Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ, какъ отмѣчено, окончаніемъ им. ед. именъ прилаг. является *ой*, но рядомъ существуетъ произношеніе: мыю, крыю; въ югозападномъ углу Жиздр. у (Милѣевская и др. волости) находимъ произношенію мэю, крэю, накрэй и др., при чемъ точнѣе было бы передать ударяемый звукъ въ этихъ и подобныхъ словахъ черезъ букву ö. Рядомъ съ этой діалектической особенностью говора, на востокъ отъ котораго слышится уже мою, крою, а на западъ мыю, крыю, мы находимъ въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ указаніе на то, что и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ окончаніе *ый* фоне-

Digitized by Google

тически измѣнилось въ *эй*. А именно въ этихъ говорахъ обыкновеннымъ, преобладающимъ окончаніемъ род., дат., мѣст. и твор. ед. именъ прилагательныхъ является эй: жиздр. р. ед. аднэй, святэй, маладэй, мѣстн. ед. на чужей старанѣ, у другэй избѣ, тв. ед. тэй же недѣлей, бѣлэй (а также бѣлэў) берёзоў, плохэю долею, водэу морскэу, мосальск.: тѣ же и другія, подобныя имъ формы. Такое же эй вм. ой находимъ въ ельнинскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ и въ им. ед. прилагательныхъ извѣстно окончаніе эй; также въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, преобладающимъ окончаніемъ им. ед. оказывается эй. Ср. петроз.: подъ ногэй, съ бабэй, отъ злэй собаки, отъ молодэй жены, на высокэй сосны (сообщеніе Георгіевскаго), вытегор.: пшонэй, съ тобэй, мѣстн. ед. молодэй, добрэй, на густэй травы, на другэй жены (сообщеніе Филимонова). Звукъ э въ указанныхъ окончаніяхъ явился не изъ *о*, иначе мы бы ждали стэй, рэй, вэйско; что онъ восходитъ къ звуку *ы*, ясно доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нимъ видимъ *эй* въ им. ед. прилагательныхъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ возводить окончаніе эй всѣхъ указанныхъ формъ къ ыѣ, ый (окончаніе род. п. ед. ч.), при чемъ молодой вм. молодыѣ, чередуясь съ молодой вм. молодоѣ, вызывало молодэй при молодой въ дат., мѣстн. и даже въ твор. пад. Въ виду такого объясненія окончанія эй, а также того, что въ им. ед. эй можно понять только какъ фонетическое измѣненіе дифтонга ый, слѣдуетъ, думаю, допустить, что во всѣхъ говорахъ, гдѣ въ настоящее время встрѣтится окончаніе эй, дѣйствовалъ нѣкогда фонетическій законъ о переходѣ *ы* передъ песлоговымъ і (й и і отированными гласными) въ э (вѣроятно, черезъ посредство ö открытаго, откуда въ другихъ великорусскихъ говорахъ о). Отсюда надо было бы вывести еще рядъ заключеній: 1) говоры, въ которыхъ рядомъ съ эй въ аднэй, маладэй извѣстно въ им. ед. прилагательныхъ окончаніе ой (маладой), заимствовали о вм. э изъ формъ род., дат., мѣстн. ед. числа (маладого и т. д.); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, а частью и ельнинскіе говоры, гдѣ рядомъ съ эй извѣстно и ой; 2) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед.

Digitized by Google

молодэй или въ род. ед. однэй, существуетъ произношеніе мыю, крыю, рый и т. п. сохранили ы подъ вліяніемъ формъ рыти, крылъ, мыла (ср. знаю при знать, знали); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, ельнинскіе говоры; 3) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед. молодэй или въ род. ед. однэй, извѣстно произношеніе мою, крою, рой, заимствовали его изъ сосѣднихъ говоровъ; сюда относятся петрозаводскіе и вытегорскіе говоры, если только въ нихъ дѣйствительно не встрѣчается мэю, крэю, рэй; 4) звукъ і въ положеніи передъ неслоговымъ і въ говорахъ, измѣнившихъ ы въ э, не измѣнялся параллельно въ *е*, а сохранялся какъ і, ср. мосальск. и ельнинск. шію, шія, при чемъ *е* въ лей, бей, пей (повел. накл.) объясняется изъ е не фонетически, а тѣмъ, что въ языкѣ существовало чередованіе между ударяемымъ звукомъ *е* въ однѣхъ формахъ и отсутствіемъ его въ другихъ, между тѣмъ какъ чередованіе звука *и* съ отсутствіемъ звука было вообще неизвѣстно (ср. лев—льва, весь—всѣ съ лсй при лью).

Во всякомъ случаѣ звуковое сочетаніе *эй*, такъ же какъ *ой*, приводитъ насъ къ первоначальному сочетанію *ый*.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній ясно, что окончаніе *ый* нашихъ письменныхъ памятниковъ не можетъ быть, согласно мнѣнію г. Будде, разсматриваемо только какъ графическое изображеніе живого произношенія *ой*. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ въ будущемъ, насколько возможно по письменнымъ даннымъ нашего прошлаго судить о времени измѣненія звука *ы* въ положеніи передъ неслоговымъ *і*; теперь уже ясно, что оно случилось во всей области великорусскаго нарѣчія не одновременно, а въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ; отмѣтимъ здѣсь вопросы, связанные съ ударяемостью и неударяемостью такого *ы*, а также вопросъ о томъ, случился ли окончательный переходъ *ы* въ *о* послѣ измѣненія сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* или до него; говоры, представляющіе произношеніе сухой, крѣпкій, вѣроятно, указываютъ на измѣненіе *кый*, *хый*, *гый* (еще не перешедшихъ въ *кій*, *хій*, *гій*) въ *кой*, *хой*,

Digitized by Google

гой, а говоры, гдѣ, рядомъ съ ловкой, морской, извѣстны и ловкёй, морскёй, указываютъ, конечно, на то, что, въ эпоху перехода *ый* въ *ой*, ловкый звучало уже какъ ловкій: отсюда ловкей, а подъ вліяніемъ ловкого, ловкому—ловкёй.

III.

Къ сожалѣнію, я долженъ прекратить нашу научную бесѣду: мы слишкомъ отклонились бы отъ прямой задачи разбора—дать критическую оцѣнку изслѣдованія г. Будде. По обѣимъ предыдущимъ главамъ можно составить себѣ лишь слабое понятіе объ этой книгѣ: я приводилъ только то, съ чѣмъ по моему мнѣнію нельзя въ ней согласиться, оставляя совершенно въ тѣни положительныя стороны почтеннаго труда. Не надѣюсь и въ этой части разбора успѣть въ достаточной степени выставить на видъ все то, что можно признать достоинствами сочиненія ученаго автора. Ограничусь поэтому указаніемъ на нѣсколько положеній и нѣсколько данныхъ, дѣлающихъ разбираемую нами книгу цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей русскаго языка.

Въ области фактовъ г. Будде знакомитъ насъ съ такими явленіями касимовской рѣчи, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны; нѣкоторыя изъ нихъ проливаютъ совершенно новый свѣтъ на взаимныя отношенія русскихъ говоровъ.

Такъ мы узнаемъ теперь о произношеніи на крайнемъ сѣверо-востокѣ южновеликорусской области нал'ю́ть, селен'ня вм. нальють, селенья (стр. 194), пахме́ля вм. пахме́лья (стр. 114). Авторъ справедливо сопоставилъ это рѣдкое, по его замѣчанію, явленіе съ бѣлор. и малор. произношеніемъ, а также съ наллю́, ву́галля, замире́ння курскихъ говоровъ. Подобное же произношеніе, какъ извѣстно, является на западѣ, въ южновеликор. говорахъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими (ср. мосальск. и жиздр. бѣл'лё, кры́л'ля, су́чча, бра́т'тя, лошад'дё, бад'дю́, суд'дя́, л'лю,

Digitized by Google

Θядóс'ся, свúн'нямъ и т. д.): теперь, благодаря наблюденію г. Будде, надо, конечно, отказаться отъ мысли, что въ подобномъ произношеніи курскихъ и калужскихъ говоровъ сказалось бѣлорусское вліяніе. Дѣйствительно, измѣненіе группы согласная + *j* въ двойную согласную, откуда и одна согласная, вслѣдствіе упрощенія, не находится въ какомъ нибудь несогласіи съ основными чертами великорусской фонетики; такъ, повидимому, общимъ великорусскимъ явленіемъ слѣдуетъ признать измѣненіе согласной + *j* въ одну согласную въ положеніи этой группы передъ звукомъ *i*; общерусскія птичьии, божьии, козьии, третьии (ср. древнерусск. третьии) измѣнились во всѣхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ въ птичій, божій, козій, третій, при чемъ при новыхъ формахъ им. падежа явились и новыя формы косвенныхъ падежей: птичья, третья вм. птичьяя, третьяя. Въ нѣкоторыхъ, даже сѣверновеликорусскихъ говорахъ, извѣстно произношеніе треттій съ двумя *т*, что,конечно, являясь архаизмомъ, сравнительно съ третій, должно быть сопоставлено съ треттій, третя мосальскихъ говоровъ.

Немаловажнымъ открытіемъ слѣдуетъ признать замѣченные г. Будде дифтонги и долгія гласныя въ касимовскихъ говорахъ; весьма важно, что г. Будде рѣшился сопоставить ихъ съ дифтонгами и долготами вятскихъ говоровъ; наука ждетъ отъ Е. Θ. и отъ будущихъ изслѣдователей подробнаго и параллельнаго разсмотрѣнія относящихся сюда въ обоихъ говорахъ явленій. Пока не рѣшаюсь высказать своего мнѣнія о касимовскихъ долготахъ; ставлю въ заслугу г. Будде, что и онъ не сдѣлалъ какой-нибудь рѣшительной попытки связать русскія долготы съ долготами другихъ славянскихъ нарѣчій. Я не вижу изъ приводимыхъ имъ данныхъ, чтобы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь окончаніе или слово непремѣнно произносилось всегда съ долгой или краткой гласной: количество гласной положительно зависитъ отъ условій, въ которыхъ слово находится въ связной рѣчи. Жаль, что въ образцахъ рѣчи, находящихся въ 1-омъ Приложеніи къ книгѣ г. Будде, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ отмѣчена долгота; за-

Digitized by Google

мѣчу, кстати, что сравненіе записей съ примѣрами, приводимыми въ 1-ой главѣ I части, ясно доказываетъ, что долгота зависитъ отъ нѣкоторыхъ субъективныхъ причинъ, той или другой степени ударенія на словѣ, того или другого оттѣнка въ интонаціи и т. п.; ср. на стр. 336: во́ску-ту *мно́γā*, а на стр. 34: во́ску-ту *мнōγā*, на стр. 334: рыбы-ти *мно́γа* у на́с; стр. 34: у́льи-ти *то́жа*, а на стр. 337: жэ́ньшыны-ти *то́жа*; на стр. 33: *де*ⁱ*шо́вāй*, а на стр. 34: *де*ⁱ*шо́вāй* и т. д. Жаль также, что замѣчаніе автора объ особой пѣвучести говоровъ нѣкоторыхъ волостей (прим. на стр. 80) не поставлено въ связь съ вопросомъ о долготахъ.

Весьма важно указаніе автора на произношеніе игра́јуот, пріѣд'уот, вздумајуот—формъ 3 л. ед. ч. съ дифтонгомъ *уо*; *уо* совершенно правильно объясняется растяженіемъ звука *о*, ср. рядомъ съ ними формы, какъ пріѣ́дёт, хо́јёт. Въ подобныхъ формахъ на -уот, -ёт г. Будде видитъ указаніе на то, что касимовскіе говоры нѣкогда не акали, т. е. не обращали неударяемаго *о* въ *а*; ср. существующія теперь при нихъ же формы, какъ будят, выткят, ля́жāт, ска́жāт (стр. 77). Это указаніе автора однородно съ цѣлымъ рядомъ другихъ его замѣчаній относительно того, что прошлое касимовскихъ говоровъ не соотвѣтствовало ихъ настоящему, приближаясь звуковой стороной къ окающимъ, сѣвернорусскимъ говорамъ. Знакомство съ описаннымъ г. Будде говоромъ произвело на меня такое же впечатлѣніе, и я согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ, что аканье касимовскаго говора явленіе позднѣйшее, занесенное съ юга (стр. 260, 88, 330), заимствованное изъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ; согласенъ и съ тѣмъ, что къ исконнымъ чертамъ касимовскаго говора, принадлежавшаго къ группѣ сѣверновеликор. говоровъ, должно причислить *г* (а не γ), при чемъ встрѣчающееся рядомъ γ надо считать заимствованіемъ изъ тѣхъ же южнорязанскихъ говоровъ (ср. стр. 20, 177 и др.); считаю также правильнымъ утвержденіе автора, что чёканье и цоканье касимовскихъ говоровъ ближайшимъ образомъ роднитъ ихъ съ сѣверновеликорусскими говорами (стр. 20); сѣверно же великорусскою чертою надо

Digitized by Google

признать произношеніе *аэ* и *а* вм. *ае*, *аи* (хватаэт, читàт, ср. стр. 46); измѣненіе ударяемаго *а* (*я*) между мягкими согласными въ *е*, въ случаяхъ какъ грезь, взеть, петера, преники, аддилеим (стр. 97, 98), вѣроятно также сѣверная черта; сюда же справедливо относятся авторомъ *т* твердое въ 3 л. ед. и мн. (стр 143) и измѣненіе ударяемаго *ъ* въ *и* (стр. 90, 91); произношеніе тибя, миня несомнѣнно также характеристично для сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Соображая всѣ эти фонетическія особенности, г. Будде съ полнымъ основаніемъ приходитъ къ заключенію, что касимовскіе говоры въ значительной степени представляютъ образцы смѣшанныхъ, нечистыхъ говоровъ (стр. 81). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ у него же въ нѣсколькихъ мѣстахъ его книги указаніе на то, что считать касимовцевъ переселенцами съ сѣвера нельзя, что напротивъ они должны быть признаны давнишними поселенцами рязанскаго края, испытавшими значительное вліяніе сосѣднихъ, а именно южнорязанскихъ говоровъ. Такіе выводы автора я считаю весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки о русскомъ языкѣ и охотно ставлю ихъ на ряду съ нѣкоторыми обобщеніями нашихъ лучшихъ изслѣдователей,— давшими возможность, на основаніи данныхъ языка, говорить о первоначальной группировкѣ русскихъ нарѣчій и о причинахъ, вызвавшихъ появленіе той новой картины, которая развертывается теперь передъ наблюдателемъ. Вслѣдъ за авторомъ, мы заключаемъ, что Касимовскій уѣздъ былъ занятъ нѣкогда сѣверными великороссами и что лишь позже имъ пришлось испытать на себѣ вліяніе южныхъ великороссовъ; слѣдовательно, врядъ ли можно допустить, чтобы касимовскіе говоры издавна были пограничными между областями сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій, были переходными говорами отъ одного изъ этихъ нарѣчій къ другому. Переходный говоръ нельзя было бы характеризовать такъ, какъ г-ну Будде удалось опредѣлить касимовскіе говоры: это, по его словамъ, говоры въ основаніи своемъ сѣверновеликорусскіе, испытавшіе на себѣ вліяніе южныхъ говоровъ. Слѣдовательно, авторъ правъ, расширяя первоначальную

Digitized by Google

границу сѣверновеликорусскаго нарѣчія: я думаю, что съ полнымъ основаніемъ можно будетъ современемъ отнести весь древній рязанскій край къ области сѣверновеликорусской; борьба со степью и татарское нашествіе отодвинули древнія племена, первоначальныхъ поселенцевъ къ сѣверу и сѣверовостоку, а ихъ мѣсто заняли вытѣсненныя съ юга и югозапада племена, вызвавшія своимъ движеніемъ паденіе Кіева и перенесеніе центра русской жизни въ бассейнъ рѣки Оки. Касимовцы—это остатки древне-русскаго населенія, а населеніе южныхъ уѣздовъ рязанской губерніи—это пришлецы съ юга и югозапада, занявшіе области, опустошенныя княжескими усобицами, половецкими набѣгами и нашествіемъ татаръ. Не нахожу ничего невѣроятнаго и въ другомъ предположеніи автора, что первоначальное населеніе рязанской и смежныхъ областей двинулось подъ напоромъ неблагопріятныхъ условій къ сѣверовостоку и заселило собою Вятскую область: во всякомъ случаѣ г. Будде провелъ слишкомъ убѣдительныя параллели между говорами Вятчанъ и Касимовцевъ, чтобы было возможно сомнѣніе относительно особой близости этихъ двухъ племенъ, въ настоящее время не граничащихъ другъ съ другомъ. Сходство между ихъ говорами выражается не только въ такихъ оригинальныхъ чертахъ, какъ присутствіе въ нихъ долготъ и дифтонговъ, но и въ болѣе мелкихъ, каковы напр. отмѣченное г. Будде произношеніе ля́хкая, при чемъ пока еще только въ Вятскомъ краѣ извѣстно *я* въ этомъ словѣ (стр. 48), или замѣна согласныхъ ч, ш, ж въ 1 л. ед. наст. вр. подъ вліяніемъ другихъ лицъ наст. вр. (колотю, носю, ср. стр. 174) и нѣк. др. Населенъ ли Вятскій край дѣйствительно Вятичами, они ли сидѣли раньше въ Рязанской области и были прямыми предками современныхъ Касимовцевъ, это все вопросы, которые врядъ ли можно рѣшить безъ основательнаго изученія вопроса о заселеніи Вятскаго и Рязанскаго края. Вотъ почему, соглашаясь съ г. Будде относительно характеристики касимовскихъ говоровъ въ отношеніи ихъ къ нарѣчіямъ сѣверно и южновеликорусскимъ, а также съ тѣмъ, что между вятскими говорами и касимов-

Digitized by Google

скими (вообще сѣверными рязанскими) существуетъ какая-то особая тѣсная связь, я пока не могу придавать особаго значенія попыткѣ признать Вятичей связующимъ звеномъ между тѣми и другими.

Благодаря остроумнымъ указаніямъ г. Будде на двойственный характеръ изслѣдованныхъ имъ говоровъ, на то, что въ основаніи ихъ лежитъ сѣверновеликорусскій говоръ, подвергшійся вліянію южныхъ говоровъ, передъ нами открывается рядъ вопросовъ, считать ли ту или другую черту въ фонетикѣ касимовскаго говора сѣверновеликорусскою или же заимствованною съ юга. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе произношеніе звука *в* въ касимовскомъ говорѣ. Г. Будде цѣлымъ рядомъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ на стр. 147—152 доказалъ, что мѣстами звукъ *в* произносится какъ неслоговое *у* и при томъ не только въ положеніи передъ согласными (праўду, даўно, дѣўка) или въ концѣ слова (γадóў, дамóў, пираγóў, карóў), но также въ серединѣ слова передъ гласными и даже между ними, равно какъ и въ началѣ слова передъ гласными (дўóя, дрáтўу, хўóст; нарыўáла, γалóўак, угаўóру; лáскăўая, ўорах, ўóзютъ и т. п.); при этомъ произношеніе *в* какъ неслоговое *у* извѣстно даже передъ мягкими гласными, хотя вѣроятнѣе, что здѣсь неслоговое *у* замѣняется черезъ неслоговое ӱ: ўядрó (вѣроятно ӱадрó съ ӱ несл.), ўяля́т, станóўим и т. д.; это неслоговое ӱ можетъ переходить, вслѣдствіе болѣе тѣсной ассимиляціи съ слѣдующею гласною, въ неслоговое *і*: у Растоји, зγатóјить, дéјить и др.; такое же неслоговое ӱ, какъ мы указывали уже выше, является на мѣстѣ неслогового *у* въ положеніи передъ слѣдующею мягкою согласною: дѣйки, трайки, с маркóјю и т. д. На вопросъ, видѣть ли въ этой любопытной фонетической чертѣ, впервые отмѣченной съ подробностью, черту сѣвернаго или южнаго великорусскаго вокализма, авторъ отвѣчаетъ на стр. 307—308 въ томъ смыслѣ, что разбираемое явленіе исконно принадлежало касимовскому говору и должно быть было характернымъ для говора древнихъ Вятичей; «въ древности, читаемъ мы на стр. 308,

Digitized by Google

это явленіе было извѣстно всему русскому языку и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимірской, Рязанской и друг. губерній». Кажется, г. Будде правъ и мы не имѣемъ достаточныхъ основаній относить смѣшеніе ў и *в* на счетъ южновеликор. вліянія. Правда, произношеніе в какъ ў свойственно нѣкоторымъ южновеликор. говорамъ; такъ напр. въ Мещовскомъ, Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ мы найдемъ ў вм. *в* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые отмѣчены выше (Мещовск. Мосальск. ўосемь, ўесь, ўолю, кўасу, наўóс, ўозиш, даўольна, ўеди́), при чемъ *в* вообще отсутствуетъ въ языкѣ или произносится не какъ губнозубной, а какъ губногубной звукъ: карówа, wóтроду, наwóс, wóтки, бáлуwацца, wор, Wóсип и т. д.; но отсутствіе мѣны *у* и *в* въ южныхъ рязанскихъ говорахъ (Будде, Къ діалектологіи 41—43), дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что черту *в*=ў надо сопоставлять не съ аканьемъ, не съ *т* мягкимъ въ 3 л., не съ γ вм. *г*, а съ остатками оканья, съ смѣшеніемъ *ч* и *ц* и тому подобными явленіями.

Весьма цѣнны указанія автора на случаи, гдѣ вм. *в* мы находимъ γ, а вм. *ф*—*х*. Произношеніе γ баку́, γ вадѣ, γ вярху̀, γ мисаѣ́т, γ рабóту сопоставляется имъ съ произношеніемъ: х тялѣ́ги, х пасáди, х пóля, х пóньках, х пóли и т. д. Поэтому появленіе γ въ подобныхъ случаяхъ нельзя сравнивать съ γ изъ г: г. Будде ясно указываетъ (стр. 318), что *г* вм. *в* совершенно неизвѣстно. Въ виду этого γ въ γ вадѣ, γ вярху́ и т. д. можно смѣло относить къ основнымъ, исконнымъ чертамъ касимовской фонетики и сравнивать его съ слышаннымъ мною въ Петрозав. уѣздѣ Олон. губ. γ въ случаяхъ какъ: γ воду, γ воды́ (въ водѣ), γ мóрю, ср. тамъ же *х* въ х карабли́; если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ говорахъ Олон. губ., гдѣ отмѣчено подобное произношеніе, замѣчается и смѣна *в* на *у* неслоговое по крайней мѣрѣ въ положеніи передъ звонкими согласными (у меня отмѣчено: дерѐўня, дешéўле, рóўда, удóфка и нѣк. др.), окажется, что Петрозав. γ воды́ и касим. γ вадѣ́ должны имѣть одинаковое фонетическое объясненіе, стоящее при томъ въ связи

Digitized by Google

съ произношеніемъ *в* какъ *у* неслоговое. Я думаю, что о фонетическомъ переходѣ ў въ γ не можетъ быть и рѣчи; мы, конечно, ожидалибы въ такомъ случаѣ γ на мѣстѣ всякаго ў. Вѣроятнѣе объяснять γ изъ *в*, ср. измѣненіе *ф* въ *х* не только въ предлогѣ въ, но и въ словахъ какъ сарахан, Трахи́м, Ахонскай и т. п. Но неясно, какимъ образомъ вм. ў вадѣ́, ў по́ли явилось бы ввадѣ́, фпо́ли. Можетъ быть появленіе γ и *х* обязано такимъ случаямъ, гдѣ вм. ў, черезъ посредство ӥ неслогового, возникало неслоговое *і*, j: измѣненіе ў яму, ў јеравоя по́ля, ў јимщика́, ў яго́ въ јаму, јеравоя, јимщика, јаго́ съ энергичнымъ (двойнымъ, долгимъ) j (ср. такое j, изображаемое черезъ γь, у г. Будде: γьють вм. вьютъ), появленіе j дереўню, j лѣс, j мѣшкѣ́, j мѣ́ру и т. д. непосредственно вмѣсто і̯ лѣс, і̯ мѣру (а і̯ вм. ӥ несл.), вызвали звукъ γ (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному j) и *х* (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному х', глухому отзвуку звонкаго j, напр. х' печи́) передъ твердыми гласными и согласными: рядомъ съ јверху́ являлось γ водѣ́, рядомъ съ х' печи́—х по́лю. Впослѣдствіи, когда средненёбныя согласныя измѣнились въ задненёбныя въ положеніи передъ мягкими зубными (ср. ряз. лехче вм. болѣе древняго лех'че) и губными—j мѣру, х'тялѣ́ги измѣнялись фонетически въ γ мѣру, х тялѣги. Совершенно аналогично появленіе *х* въ дѣхка, прибахка, паддзёхка (стр. 157): фонетически являлись дѣ̯ки, прибаі̯ки, паддёі̯кѣ, которыя и вызывали передъ твердымъ *к* звукъ, соотвѣтствующій і̯, j, т. е. *х*: дѣ̯ки, откуда и дѣх'ки (дѣхьки, стр. 168), вызвало дѣхка. Замѣчу, что появленіе *х*, γ вм. предлога *въ* могло имѣть слѣдствіемъ смѣшеніе предлога *въ* съ предлогомъ *къ* (вм. котораго передъ нѣкоторыми звуками *х* и γ: х полю, γ дому): этимъ объясняется появленіе Петрозав. γ *во*ды́ вм. къ водѣ; дѣйствительно, измѣненія предлога *въ* вызвали различіе его судьбы въ зависимости отъ слѣдующей согласной: передъ звонкими являлось γ, передъ глухими *х*; тоже перенесено на предлогъ къ, вм. котораго γ стало употребляться не только въ случаяхъ какъ γ дому, но и въ такихъ какъ γ водѣ́, γ морю (Петрозав.). Отмѣтимъ здѣсь кстати,

Digitized by Google

что въ касимовскихъ говорахъ въ род. пад. окончаніемъ является не γо, а во, ўо: явó 179, яўо 147, севó 337, ницавó 336 и т. д.; вотъ почему г. Будде правъ, объясняя на стр. 162 сяó, милóо, другóа, цаó, яó и т. д. выпаденіемъ *в*, а точнѣе неслогового ў; въ этомъ измѣненіи γ формы род. ед. въ в едва ли не слѣдуетъ видѣть также сѣверновеликорусскую черту, такъ какъ южновеликорусскіе говоры (кромѣ московскаго, гдѣ много особенностей сѣвера), представляющіе произношеніе *г* какъ γ, не знаютъ перехода γ въ *в*.

Помимо новыхъ данныхъ изъ народныхъ говоровъ, г. Будде предложилъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ соображеній относительно различныхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій касимовскаго говора; я не стану останавливаться на этихъ объясненіяхъ и указаніяхъ автора, такъ какъ простой перечень ихъ врядъ ли поможетъ намъ охарактеризовать общіе пріемы автора и выяснить его дѣйствительныя заслуги; подробный же разборъ ихъ слишкомъ увеличитъ объемъ настоящей рецензіи.

Изслѣдованіе г. Будде, какъ видно изъ предшествующаго разбора, посвящено описанію звукового состава касимовскихъ говоровъ. Звуки и звуковыя явленія разсмотрѣны авторомъ съ замѣчательной обстоятельностью; онъ установилъ связь между ними и эпохой общерусскаго языка, проведя систематическое сравненіе ихъ съ звуковыми особенностями другихъ русскихъ говоровъ, современныхъ и древнихъ. Благодаря этому мы находимъ въ трудѣ г. Будде рядъ страницъ, относящихся къ исторіи русскаго языка вообще. Выясненіе звукового состава касимовскихъ говоровъ установило то мѣсто, которое они занимаютъ среди прочихъ великорусскихъ говоровъ, а это привело автора къ замѣчательному выводу о томъ, что нѣкогда область рязанская, или по крайней мѣрѣ сѣверная часть ея, нынѣ акающая, принадлежала

Digitized by Google

къ обширной области сѣверновеликорусскаго нарѣчія, при чемъ сѣвернорусскіе говоры этихъ мѣстностей измѣнились подъ вліяніемъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ, принадлежащихъ племенамъ, можетъ быть, лишь впослѣдствіи явившимся съ юга. Этотъ главный результатъ изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка. Въ виду этого, а также того замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкой наблюдательности его и тщательности изслѣдованія, я думаю, что недостатки представленнаго имъ на премію сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г-ну Будде премію имени Ломоносова, тѣмъ болѣе что эти недостатки въ значительной степени зависятъ отъ той спѣшности, съ которою ему пришлось работать.

А. Шахматовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXVI, № 3.

ОТЧЕТЪ

О

ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

ВЪ 1897 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

СТРАН.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . . 1—18

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «*Пѣснь о Роландѣ* (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика (СПБ. 1897)». — Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ . . . . . 19—63

II. «*М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія* (М. 1896)». — Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ. . . . . 64—73

III. «*Сочиненія Н. В. Гоголя.* Изданіе X-ое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ (съ приложеніями). Томы VI. М. и СПБ. — VII. СПБ. 1896». — Критическій разборъ А. Н. Пыпина . . 74—86

IV. «*Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній.* Десять автобіографическихъ разсказовъ В. Авенаріуса. СПБ. 1893». — Рецензія В. П. Острогорскаго . . . . . 87—99

V. «*Стихотворенія Екатерины Бекетовой.* (СПБ. 1895)». Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенные въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ . . . . . 100—103

Digitized by Google

Digitized by Google

ДВѢНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 года, предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордин. академ. А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ текущемъ году поступило 19-ть сочиненій, въ томъ числѣ три перевода въ стихахъ. По предварительномъ ознакомленіи съ представленными сочиненіями, два, признанныя не подходящими подъ правила Пушкинскихъ премій, были исключены изъ конкурса и возвращены авторамъ, пять взяты на разсмотрѣніе членами Отдѣленія, а къ оцѣнкѣ остальныхъ 12-ти были приглашены сторонніе ученые и литераторы. По полученіи къ назначенному сроку рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія. Она состояла, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и двухъ посторонніхъ лицъ, В. П. Острогорскаго и И. Н. Потапенка. Къ сожалѣнію, остальныя приглашенныя въ комиссію лица: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Пыпинъ и К. К. Случевскій не могли, по болѣзни и другимъ причинамъ, принять участія въ засѣданіи.

Digitized by Google

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ была произведена баллотировка, вслѣдствіе которой два сочиненія: графа де Ла-Барта Пѣснь о Роландѣ — переводъ размѣромъ подлинника — и М. А. Лохвицкой (Жиберъ) Стихотворенія увѣнчаны каждое половинною Пушкинскою преміею. Изданные В. И. Шенрокомъ VI и VII томы Сочиненій Н. В. Гоголя, Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній, десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса и Стихотворенія Е. А. Бекетовой удостоены почетнаго отзыва.

Оцѣнку стихотворнаго перевода графа де Ла-Барта Пѣсни о Роландѣ принялъ на себя членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ. Своему отзыву о переводѣ этого древнѣйшаго памятника народнаго французскаго эпоса, воспѣвающаго побѣды, одержанныя Карломъ Великимъ въ Испаніи, и повѣствующаго о боѣ въ ущельяхъ Ронсеваля, въ которомъ палъ бретанскій маркграфъ Роландъ, уважаемый рецензентъ предпослалъ краткое историческое обозрѣніе хода переводной литературы въ нашемъ отечествѣ. Это обозрѣніе онъ начинаетъ такъ: «Еще 106 лѣтъ тому назадъ извѣстный труженикъ на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ Россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить на нашъ россійскій языкъ «все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Кто не знаетъ съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизряднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизряднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а

Digitized by Google

не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ».

Къ сожалѣнію, наши дѣды и прадѣды не могли вполнѣ знакомиться въ этихъ переводахъ съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, такъ какъ стихотворныя произведенія передавались тяжелою прозой; произведенія англичанъ, италіанцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда съ сокращеній и передѣлокъ; не всегда языкъ былъ довольно вразумителенъ, потому что переводчики были недостаточно свѣдущи въ языкѣ, съ котораго переводили, но тѣмъ не менѣе отечественная словесность, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались благодаря этимъ переводамъ.

Пушкинскій періодъ русской литературы до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но за то эти переводы несравненно лучше, а иные являются совершенствомъ; даже переводчики романовъ достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности.

Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ произведеній беллетристическихъ; нѣкоторые изъ нихъ добросовѣстны и удачны, но бо́льшая часть ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ Екатерининскаго и Александровскаго времени. Причина этого крайняя небрежность переводчиковъ, работающихъ на-спѣхъ, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе требовательные читатели не рѣшаются пользоваться произведеніями русской переводной литературы. Та же торопливость мѣшала приниматься за переводъ обширныхъ эпическихъ произведеній, написанныхъ стихами, но такъ какъ русская публика желала знакомиться и съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія и даже довольно содержательныя изслѣдованія о нихъ.

«Къ серединѣ 1880-хъ годовъ, по словамъ рецензента, положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части читающей публики возрастаетъ, спѣшность въ работѣ слабѣетъ и за

Digitized by Google

важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ нѣсколько лѣтъ свободнаго и упорнаго труда. Отъ такихъ, стоящихъ на уровнѣ трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ — Калевалу, Пѣснь о Нибелунгахъ и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ академикъ А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить двумъ требованіямъ — сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и печать времени, и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ,—и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и по требованію стихотворнаго размѣра вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей». Къ этому отзыву компетентнаго судьи всецѣло присоединился А. И. Кирпичниковъ. Онъ только это сужденіе подкрѣпляетъ приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ по его убѣжденію особенно удачно. Примѣромъ можетъ служить переводъ графа де Ла-Барта начала Пѣсни о Роландѣ по Оксфордскому списку:

Digitized by Google

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ,—
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду,—
Но близокъ часъ погибели его.

По мнѣнію рецензента переводчикъ поступилъ цѣлесообразно, съ одной стороны удержавъ не стѣснительный размѣръ оригинала, а съ другой — отказавшись отъ воспроизведеній его ассонансовъ, мало обычныхъ, кромѣ пословицъ, въ русскомъ языкѣ. Нельзя не обратить вниманія на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которые совсѣмъ не отзываются переводомъ, а производятъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія, и на эффектъ и силу послѣдней строчки въ приведенномъ примѣрѣ, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ оригиналѣ.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Пѣсни о Роландѣ народнаго и личнаго элемента, пользуется въ строго надлежащей мѣрѣ при переводѣ русскими былинными и пѣсенными оборотами, употребляя тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей поэзіи не поражаютъ необычностью. Затѣмъ А. И. Кирпичниковъ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ, гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по его убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Указавъ нѣсколько трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно, рецензентъ перечисляетъ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, переведены не удачно или не вполнѣ удачно. При этомъ онъ былъ на столько требователенъ,

Digitized by Google

какъ будто графъ де Ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій. Всѣ эти замѣчанія имъ сдѣланы въ надеждѣ, что они обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ.

Обращаясь къ введенію и примѣчаніямъ, присоединеннымъ переводчикомъ къ его труду, многоуважаемый рецензентъ замѣчаетъ, что степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика и читатели не въ правѣ сѣтовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы на столько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Если же переводчикъ не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія, то ему слѣдовало бы указать читателю, гдѣ можетъ онъ найти удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика, высказанныя въ введеніи, о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго, кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла. Что касается примѣчаній, то количество ихъ для такого древняго памятника у графа де Ла-Барта слишкомъ ограниченно, и они носятъ, какъ кажется, нѣсколько случайный характеръ.

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ графа де Ла-Барта, какъ введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ, хотя бы краткимъ, разборомъ поэмы, такъ и примѣчанія будутъ отличаться бо́льшею полнотою и равномѣрностью.

Digitized by Google

Въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода графа де Ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности оригиналу, такъ и со стороны художественной, рецензентъ полагалъ, что тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина. Комиссія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ А. И. Кирпичниковымъ, единогласно признала переводъ Пѣсни о Роландѣ заслуживающимъ половинной Пушкинской преміи.

Разборъ Стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ) представилъ, по просьбѣ Отдѣленія, нашъ членъ-корреспондентъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ книгѣ помѣщено болѣе ста стихотвореній, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1889 по 1895 годъ включительно и раздѣленныхъ на четыре отдѣла, но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное.

Всѣ стихотворенія г-жи Лохвицкой (Жиберъ),—говоритъ рецензентъ,—имѣютъ одно содержаніе, содержаніе это исчерпывается словомъ «любовь»; они, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это, старое какъ міръ, какъ человѣчество, чувство. Но мы далеки отъ того, чтобы ставить это однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно-простъ, читается легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ.

Какъ образецъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, графъ Голенищевъ-Кутузовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе:

Digitized by Google

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

* * *

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

* * *

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

* * *

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

* * *

Нельзя — говоритъ рецензентъ, самъ выдающійся поэтъ, — въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ.

Конечно, это одно изъ лучшихъ стихотвореній Сборника; встрѣчаются въ немъ и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя, но такихъ немного. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой слѣдуетъ отнести неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ шести-, пяти- и четырехъстопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ».

Digitized by Google

Если къ этому прибавить встрѣчающееся кое-гдѣ отсутствіе обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ и нѣкоторые промахи въ родѣ употребленія слова «плечей» вмѣсто «плечъ», то этимъ исчерпываются всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя ко внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, рецензентъ замѣчаетъ, что посвященное почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной, содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по построенію, по краскамъ, по освѣщенію и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью, но сами они до безконечности разнообразны, и притомъ взятые въ отдѣльности почти всегда просты, оригинальны и жизненны.

Приведенныя рецензентомъ стихотворенія не только поясняютъ, но и доказываютъ все это.

Небольшая поэма «У моря» и стихотвореніе «Эллада», по мнѣнію рецензента, даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія не лишенныя достоинства. Оба названныя стихотворенія, въ которыхъ видно такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ, и, наконецъ, яркость образовъ, положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію поэтессы, и было бы жаль, если бы она пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой.

Digitized by Google

Встрѣчаются у г-жи Лохвицкой стихотворенія, правда не многочисленныя, въ которыхъ она, со свойственною ей искренностію, выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему-то высшему и лучшему. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ разборѣ приводитъ стихотвореніе «Сумерки», само по себѣ превосходное, изящное по построенію и подающее надежду, что поэтическій кругозоръ писательницы расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ:

Съ слiяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья...

* * *

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта...
И блѣдныхъ образовъ черты,
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

* * *

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

* * *

По поводу этого стихотворенія рецензентъ выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы настроеніе, съ такою удивительною тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи, было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта» превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только какъ

Digitized by Google

алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды.

По мнѣнію рецензента, Стихотворенія г-жи Лохвицкой вполнѣ достойны Пушкинской преміи. Комиссія присудила г-жѣ Лохвицкой половинную премію имени А. С. Пушкина.

Для разбора представленныхъ на соисканіе Пушкинскихъ премій VI и VII томовъ 10-го изданія Сочиненій Н. В. Гоголя, напечатанныхъ подъ редакціею Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, Отдѣленіе обратилось къ содѣйствію своего члена-корреспондента А. Н. Пыпина.

Предварительно разбора этихъ двухъ томовъ, рецензентъ изложилъ соображенія Н. С. Тихонравова, которыми онъ руководился при 10-мъ изданіи Сочиненій Гоголя. Они состояли въ установленіи правильнаго ихъ текста и въ возможной полнотѣ собранія, необходимой для основательнаго историческаго изученія произведеній и личности поэта.

Извѣстно,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ. Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Смерть застигла его среди работъ надъ шестымъ томомъ. Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, уже многіе годы посвящавшаго свой досугъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя. Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, бо́льшая часть котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна его программу изданія, которую высоко цѣнилъ: точно такъ же онъ печаталъ тексты, старательно сличая руконисные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты, и точно такъ же старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія.

Digitized by Google

Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI томѣ страницы 542—827, за исключеніемъ исторіи текста Ревизора (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей — страницы 829—947; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію, составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ почти 140 страницъ. Таковъ внѣшній объемъ работы. Собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій потребовало отъ г. Шенрока большого труда. Съ такимъ же стараніемъ — заявляетъ рецензентъ — исполнилъ онъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находитъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ особенно подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба». Обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора», первоначальной редакціи «Коляски» и др. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ душъ».

Заканчивая изданіе, начатое Н. С. Тихонравовымъ, г. Шенроку пришлось строго держаться конспекта своего предшественника относительно того, что должны были заключать VI и VII томы, и способа изданія. Небольшія отступленія отъ плана, допущенныя г. Шенрокомъ, и не значительны и могутъ быть вполнѣ оправданы.

Весь основной трудъ по изданію въ этихъ двухъ томахъ произведеній Гоголя, его набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ — говоритъ рецензентъ — исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно, и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобъ оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи.

Digitized by Google

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ и самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ, но эти недостатки нисколько не умаляютъ достоинства изданія. Въ цѣломъ внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ полнаго уваженія. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя, и г. рецензентъ съ своей стороны считалъ бы справедливымъ — если то будетъ возможно по другимъ условіямъ — вознаградить сложную работу г. Шенрока по изданію VI и VII томовъ Сочиненій Гоголя полною преміею.

Комиссія, раздѣляя вполнѣ мнѣніе рецензента о заслугахъ г. Шенрока по изданію двухъ послѣднихъ томовъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и о достоинствѣ его труда, тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ достаточныхъ суммъ и въ виду 9 пункта правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, принуждена выразить г. Шенроку свое одобреніе лишь присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

Разсмотрѣніе представленнаго на соисканіе Пушкинскихъ премій сборника В. П. Авенаріуса: автобіографическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, В. П. Острогорскій, который и представилъ въ Отдѣленіе подробный разборъ этого сочиненія.

Въ дѣтской беллетристикѣ приблизительно до 1860-хъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, господствовала надоѣдливая мораль, сентиментальность, искусственность; писавшіе для дѣтей почти никогда не отличались талантливостью художника, и дѣтскія книги не давали почти ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Мало-мальски даровитыя дѣти не любили этой

Digitized by Google

«своей» литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣнились и требованія отъ дѣтской книги. Къ ней предъявляются теперь уже тѣ же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. Въ настоящее время изъ беллетристики признаются годными для дѣтей единственно только тѣ произведенія, которыя, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждаютъ въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, и въ то же время могутъ быть занимательными и художественными и для взрослыхъ.

Среди писателей этой новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ занимаетъ В. П. Авенаріусъ. На литературное поприще онъ выступилъ еще въ 1865 году и съ 1870-хъ годовъ почти всецѣло посвящаетъ свой талантъ юношеству. Его оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги «Отроческіе» и «Юношескіе годы А. С. Пушкина», одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества.

«Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, говоритъ рецензентъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ дѣтскую или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ, къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подрастающихъ поколѣніяхъ».

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ

Digitized by Google

вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя родовыя воспоминанія о своихъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ,—о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренне, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и береть изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти вовсе не касается, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, любимаго отца.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ содержаніемъ книги, рецензентъ заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами:

«Если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно таковымъ, причемъ она, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

... что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ...»

Принимая во вниманіе вышеизложенныя замѣчанія г. рецензента, Комиссія признала представленный на соисканіе Пушкинскихъ премій трудъ В. П. Авенаріуса «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» заслуживающимъ почетнаго отзыва.

Разборъ стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Апол-

Digitized by Google

лону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ онъ самъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ успѣлъ однако заняться просмотромъ Сборника Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, все натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура неизломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ стихотвореніи «Ожиданіе»:

А въ рощѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
Душистыхъ ландышей селеніе ростетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...

Противъ этого стихотворенія Аполлонъ Николаевичъ написалъ: «мило и оригинально», и дѣйствительно оно принадлежитъ къ числу наиболѣе своеобразныхъ произведеній Е. А. Бекетовой какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ.

Разбросанныя по Сборнику Е. А. Бекетовой замѣтки Аполлона Николаевича Майкова приведены въ порядокъ его братомъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ, и, взятыя въ цѣломъ, являются вѣрнымъ подтвержденіемъ отзыва, высказаннаго поэтомъ. Находящимися при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣтками Аполлонъ Николаевичъ хотѣлъ указать на особенно художественныя и могущія быть названными безотносительно прекрасными. Одна изъ такихъ пьесъ называется «Весна», и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Digitized by Google

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И наяву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

* * *

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
Но все стремлюсь душой въ таинственную даль,
И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

* * *

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

* * *

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

* * *

Аполлонъ Николаевичъ подчеркнулъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Полное посмертное изданіе стихотвореній Е. А. Бекетовой даетъ возможность, — говоритъ Л. Н. Майковъ въ концѣ разбора, — познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что ея имя не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь въ своемъ отзывѣ обратить вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ спра-

Digitized by Google

ведливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на ея могилу.

Комиссія вполнѣ раздѣлила мнѣніе покойнаго поэта.

Въ изъявленіе признательности Академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, присудило золотыя Пушкинскія медали: членамъ-корреспондентамъ: графу А. А. Голенищеву-Кутузову, А. И. Кирпичникову, Я. П. Полонскому и А. Н. Пыпину и гг. И. Ѳ. Анненскому, П. И. Вейнбергу, В. П. Острогорскому, И. Н. Потапенку и И. А. Шляпкину.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю долгомъ отъ имени Отдѣленія помянуть теплымъ словомъ А. Н. Майкова. Покойный поэтъ принималъ близко къ сердцу интересы Пушкинскихъ конкурсовъ, такъ какъ по нимъ можно было слѣдить за движеніемъ и успѣхами отечественной литературы. Онъ постоянно присутствовалъ на этихъ конкурсахъ и нерѣдко по просьбѣ Отдѣленія, о чемъ оно съ благодарностію вспоминаетъ, составлялъ для нихъ исполненные тонкаго и вѣрнаго художественнаго вкуса разборы сочиненій, поступавшихъ на соисканіе Пушкинскихъ премій, и въ нихъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ отдѣлялъ пшеницу отъ плевелъ и даже въ послѣднихъ старался находить то, что̀ заслуживало вниманія. Оцѣнкою сочиненія А. Н. Майкова— «Два міра» открылись Пушкинскіе конкурсы, а въ сегодняшнемъ засѣданіи мы слышали его посмертное слово. Отсутствіе нашего маститаго поэта при присужденіи Пушкинскихъ премій въ нынѣшнемъ году было весьма замѣтно и, несомнѣнно, будетъ чувствоваться и при послѣдующихъ конкурсахъ.

Digitized by Google

I.

Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ.

Еще 160 лѣтъ назадъ извѣстный «труженикъ» на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить «на нашъ Россійскій языкъ» «все что преизрядитѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Извѣстно, съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизрядитѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизрядитѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ: не говоря о выдающихся произведеніяхъ текущей европейской литературы, которыя, не смотря на добрый обычай сообщать заранѣе о предпринятомъ переводѣ въ газетахъ, иногда появлялись въ нѣ-

Digitized by Google

сколькихъ переводахъ одновременно, классики всѣхъ временъ и народовъ переводились и отдѣльно и цѣлыми собраніями въ такомъ количествѣ, что сотни, если не тысячи великихъ произведеній до сихъ поръ у насъ имѣются только въ переводахъ екатерининскаго времени. Переводчиками были и тайные дѣйствительные совѣтники и офицеры и сержанты гвардіи, и семинаріи студенты, и даже дворовые «человѣки» изъ знатныхъ домовъ; точно всякій, кто *цѣлымъ искусствомъ* хотя бы одного французскаго языка и имѣлъ возможность собрать нѣсколько десятковъ рублей на изданіе книжки или найти издателя, считалъ себя обязаннымъ потрудиться на этомъ поприщѣ не для выгоды, конечно, и даже не для славы — имена переводчиковъ мы узнаемъ большею частію только изъ цензурныхъ архивовъ, — а изъ внутренней почти инстинктивной потребности дать возможность своимъ согражданамъ хоть *какъ нибудь* познакомиться со всѣмъ, «что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ».

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ *эти* переводы наши дѣды и прадѣды могли знакомиться съ образцовыми произведеніями иностранной литературы только *какъ нибудь:* стихотворныя произведенія переводились тяжелой прозою; произведенія англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда сокращеній и передѣлокъ; не всегда переводы были «довольно вразумительны» не потому, что переводчикъ спѣшилъ или относился къ своему дѣлу небрежно (какъ это часто бываетъ въ наше время), а потому что онъ не довольно *цѣлымъ искусствомъ* въ томъ языкѣ, съ котораго переводилъ, или былъ недостаточно развитъ для пониманія переводимаго. Тѣмъ не менѣе отечественная словесность наша, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались, шли впередъ именно благодаря безкорыстнымъ трудамъ этихъ безыменныхъ переводчиковъ.

Пушкинскій и вообще весь классическій періодъ русской литературы (до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева включительно) бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ; но за то

Digitized by Google

эти переводы несравненно лучше, а иные изъ нихъ являются совершенствомъ въ томъ или другомъ родѣ: припомнимъ переводы Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, Иліаду Гнѣдича, Адъ Данта Мина, переводы съ греческаго и латинскаго, помѣщенные въ Пропилеяхъ и пр. и пр.; даже иные переводчики романовъ (какъ напр. Иринархъ Введенскій) достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности. Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ, какъ научныхъ сочиненій, такъ и произведеній беллетристическихъ; первые въ значительномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ удовлетворительны; переводы романовъ и повѣстей часто добросовѣстны и удачны; но многіе (едва ли не большая часть) ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ екатерининскаго и александровскаго времени. Причина этого теперь другая: не незнаніе иностранныхъ языковъ и не недостатокъ развитія — предложеніе труда со стороны образованныхъ людей и тогда, какъ теперь, у насъ далеко превышало спросъ, а крайняя небрежность переводчиковъ и издателей, которые работали «на спѣхъ» до такой степени, что болѣе или менѣе требовательныхъ читателей рѣшительно лишали возможности пользоваться произведеніями русской переводной литературы, если только послѣднія появлялись не подъ отвѣтственностью солидныхъ журналовъ или извѣстныхъ въ литературѣ именъ. Та же торопливость умственной жизни русскаго общества того времени (вполнѣ удовлетворительно объясняемая историческими причинами) мѣшала приниматься за переводы обширныхъ *этическихъ* произведеній, написанныхъ стихами[1]); но такъ какъ умственно-возбужденная русская публика желала знакомиться и

[1]) Шекспиръ и др. драматурги до Кальдерона и Лопе де Вега включительно, въ которыхъ нуждалась принявшая серьозное направленіе русская сцена, еще находили переводчиковъ и иногда очень хорошихъ. Счастливое исключеніе составляли также нѣмецкіе классики, Шиллеръ, Гете, Лессингъ, за переводъ которыхъ принимались люди, прекрасно къ тому подготовленные и способные; но и въ ихъ работѣ нельзя не видѣть нѣкоторой спѣшности, почти не бывалой въ 1840-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

Digitized by Google

съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія, и даже довольно солидныя изслѣдованія о нихъ находили себѣ мѣсто въ литературныхъ журналахъ.

Къ серединѣ 1880-хъ годовъ положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части публики возрастаетъ; спѣшность въ работѣ слабѣетъ, и за важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ если не двадцать лѣтъ, какъ Гнѣдичъ переводу Иліады, то во всякомъ случаѣ два-три года свободнаго, но упорнаго труда.

Отъ такихъ стоящихъ на уровнѣ своей трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ Калевалу (перевелъ г. Бѣльскій), Пѣснь о Нибелунгахъ (г. Кудряшовъ), и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ ученикомъ А. Н. Веселовскаго, спеціалистомъ по романскимъ нарѣчіямъ, графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ, А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «Графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить тому и другому требованію (сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и «печать времени» и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ) и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и въ виду стиха вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился *словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ*. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать

Digitized by Google

одинъ изъ поэтичнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей».

Нижеподписавшійся всецѣло присоединяется къ этому авторитетному сужденію академика А. Н. Веселовскаго, равно какъ и раздѣляетъ его надежду на будущій успѣхъ труда графа де Ла-Барта у русской публики [1]). Онъ только постарается мотивировать это сужденіе приведеніемъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ, по его убѣжденію, *особенно* удачно; затѣмъ онъ перейдетъ къ перечисленію немногихъ недосмотровъ и мѣстъ, которыя, какъ онъ думаетъ, можно было бы передать ближе къ тексту, и въ заключеніе укажетъ, чѣмъ, по его крайнему разумѣнію, слѣдовало бы пополнить введеніе къ переводу.

Пѣснь о Роландѣ по Оксфордскому тексту начинается такъ:

Carles li reis, nostre emperere magnes,
Set anz tuz pleins ad estet en Espaigne:
Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
N'i ad castel ki devant lui remaignet;
Mur ne citet n'i est remés à fraindre
Fors Sarraguce, ki est en une (mun)taigne.
Li reis Marsilie la tient, ki Deu n'en aimet,
Mahummet sert e Apollin recleimet;
Ne s'poet guardev que mals ne li ateignet.

---

[1]) Между прочимъ я увѣренъ, что Пѣснь о Роландѣ въ этомъ изящномъ переводѣ должна служить прекраснымъ чтеніемъ для мальчиковъ отъ 10—13, 14 лѣтъ: извѣстно, какъ наши дѣтскія и ученическія библіотеки бѣдны занимательными и въ тоже время здоровыми, не разслабляющими нервы, подобно большинству современныхъ дѣтскихъ повѣстей, книгами именно для этого возраста. Поэма настолько безупречна въ нравственномъ отношеніи, что для дѣтскаго изданія изъ нея не понадобится исключать ни одного стиха (а развѣ только сократить перечисленіе полковъ Балигана). Если же снабдить такое изданіе по возможности исторически-вѣрными иллюстраціями: снимкомъ съ рукописи, изображеніями вооруженія, одежды, мебели и пр., мы получимъ книгу, чрезвычайно полезную и для преподавателя исторіи.

Digitized by Google

Графъ де-Ла-Бартъ переводитъ:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ,—
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду,—
Но близокъ часъ погибели его.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ, насколько цѣлесообразно поступилъ переводчикъ, съ одной стороны удержавъ нестѣснительный размѣръ оригинала и съ другой отказавшись отъ воспроизведенія на русскомъ языкѣ малообычныхъ для него ассонансовъ[1]). Обращаю вниманіе на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которое совсѣмъ не отзывается переводомъ, а производитъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія и на эффектъ и силу послѣдней строчки, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Но не слѣдуетъ ли это обстоятельство поставить въ упрекъ переводчику? По моему убѣжденію, ни коимъ образомъ. Если переводчикъ, оставаясь въ предѣлахъ «словаря поэмы» и въ кругѣ ея понятій, можетъ мѣстами выразиться понятнѣе и лучше оригинала, лишать себя этой возможности и употреблять тяжелый оборотъ текста было бы такъ же неразумно, какъ гравёру хорошей старинной картины воспроизводить пятно, явившееся на оригиналѣ отъ времени или отъ нечаянной порчи.

Li reis при имени Карла гр. де-Ла-Бартъ переводитъ: *державный* (дальше много разъ — *король*); то же слово при имени

[1]) Они употребительны только въ пословицахъ.

Digitized by Google

Марсилія—царь (сравни былинное: воръ-собака Калинъ-*царь*); опять-таки это, по моему мнѣнію, удачная и вполнѣ дозволительная поправка къ тексту.

Tus pleins графъ де-Ла-Бартъ могъ бы перевести ближе; онъ могъ бы сказать:

Семь *цѣлыхъ* лѣтъ. . .

Но кто не согласится, что «семь *долгихъ* лѣтъ. . .» красивѣй и рельефнѣе, и выражаетъ именно тотъ оттѣнокъ утомительности, который желалъ выразить поэтъ?

Точно также въ ст. 4 было бы ближе:

. . . Сдались *всѣ* замки Карлу;

но *сдались Карлу замки* и звучнѣй и картиннѣй, а мысль выражена та же самая: если Карлъ не взялъ «одной лишь Сарагоссы», ясно, что онъ взялъ *всѣ* другіе замки.

Въ ст. 17 *cunfundre* превосходно передано глаголомъ *разгромить*.

Ст. 21 Si m'guarisez e de mort e de hunte—прекрасно переданъ сложнымъ предложеніемъ:

Какъ уйти отъ смерти
И какъ вѣрнѣй позора избѣжать.

Въ ст. 37 и слѣд. (какъ и много разъ ниже) косвенная рѣчь Бланкандрина передана прямою, что̀ придаетъ ей бо̀льше рельефности и живости.

Ст. 96: Li empereres se fait e balz et liez—превосходно переданъ нашимъ пѣсеннымъ выраженіемъ:

Могучій Карлъ и *радостенъ и свѣтелъ*.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Chanson de Roland народнаго и личнаго элемента, въ строго надлежащей мѣрѣ пользуется русскими

Digitized by Google

былинными и пѣсенными оборотами, пуская въ ходъ тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей личной поэзіи не поражаютъ необычностью.

Превосходно краткое описаніе наружности Карла въ ст. 117 и слѣд., вѣрное не буквѣ, но смыслу оригинала.

Волной сѣдыя кудри ниспадаютъ,
А борода его бѣлѣе снѣга.
Прекрасенъ Карлъ, горда его осанка.

Очень удачно переведена эпическая формула ст. 157-го

Bels fut li vespres e li soleilz fut cler.
Пылалъ закатъ; свѣтило ярко солнце.

Удачно передаются формулы: «dulce France» — *Франція-краса*; *par grant saveir — съ большимъ искусствомъ* и мн. др.

Вотъ, на выборъ изъ многихъ, два-три примѣра строфъ, переведенныхъ особо удачно (можно сказать: безукоризненно) отъ перваго стиха до послѣдняго

Стр. XXV: Quant ço veit Guenes qu'ore s'en rit Rollanz,
Dunc ad tel doel, pur poi d'ire ne fent,
A ben petit que il ne pert le sens,
E dit al cunte: To ne vus aim nient;
Sur mei avez turnet fals jugement.
Dreiz emperere, veiez me ci en present,
Ademplir voeill voste comandement.

Услышалъ смѣхъ Роланда Ганелонъ;
Въ его груди отъ горя и досады
Такъ сжалось сердце, что едва-едва
Онъ устоялъ: «тебя я ненавижу!»
Воскликнулъ онъ: «лишь по винѣ твоей
Неправедно въ послы я нынѣ избранъ!...
Правдивый Карлъ, я здѣсь передъ тобою
И что велишь — исполню въ тотъ же мигъ».

Digitized by Google

Стр. LVII: Tresvait li jur, la noit est aserie
Carles se dort, li empereres riches;
Sunjat qu'il eret as greignurs porz de Sizer,
Entre ses poinz teneit sa hanste fraisnine;
Guenes li quens l'ad (de)sur lui saisie,
Par tel aïr l'at trusseé e brandie,
Qu'envers le cel en volent les esclices.
Carles se dort qu'il ne s'esveillet mie.

Проходитъ день, сгустился сумракъ ночи.
Могучій Карлъ почилъ и видитъ сонъ:
Онъ у воротъ широкихъ цезарейскихъ;
Въ рукѣ копье изъ ясеня онъ держитъ;
Вдругъ Ганелонъ схватилъ копье, тряхнулъ—
И отъ него осколки разлетѣлись . . .
Все спитъ король — до утра не проснулся [1]).

Или изъ конца, стр. CCLXXI:

Païen sunt morz, alquant turnet en fuie,
E Carles ad sa bataille vencue.
De Sarraguce ad la porte abatue,
Or set il ben que n'est mais defendue;
Prent la citet, sa gent i est venue.
Par poëstet icele noit i jurent.
Fiers est li reis à la barbe canue,
E Bramidonie les turs li ad rendues;
Les dis sunt grandes, les cinquante menues.
Mult ben espleitet qui damnes Deus aïuet.

Великій Карлъ разбилъ полки невѣрныхъ,—
Побитыхъ тьма,— другіе разбѣжались!
Повержены ворота Сарагоссы:
Ничто не можетъ Карлу быть преградой,

[1]) Отмѣчу также какъ особенно удачно переведенную строфу 127-ю.

Digitized by Google

Вошелъ онъ въ городъ, съ нимъ его дружины,
Проспали тамъ до утренней зари.
И гордъ и свѣтелъ Карлъ сѣдобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великихъ башенъ больше десяти
И малыхъ башенъ больше полусотни
Да, счастливъ тотъ, кому поможетъ Богъ!

Отмѣчаю нѣкоторые случаи[1]), гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по моему убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Въ ст. 518 Ганелонъ отвѣчаетъ Марсилію: Jo ne l'desotrei mie, что̀ Готье переводитъ: Je ne *les* refuse point. Но такъ какъ рѣчь идетъ пока только объ одномъ подаркѣ — о дорогой шубѣ, которую Марсилій предлагаетъ Ганелону въ вознагражденіе за свою грубость, то въ русскомъ переводѣ мы читаемъ:

Охотно, царь, подарокъ принимаю.

Въ ст. 1480 мы читаемъ:

As innocenz vos en serez séant.

По моему мнѣнію, архіеп. Турпинъ обѣщаетъ христіанскимъ воинамъ, которые падутъ въ битвѣ съ невѣрными, не только рай вообще, но и указываетъ имъ спеціальное мѣсто въ немъ вмѣстѣ съ младенцами, которыхъ избилъ Иродъ. Извѣстно, что эти младенцы, какъ первые мученики за Христа, на католическомъ западѣ пользовались великимъ почтеніемъ и что объ нихъ слага-

[1]) Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что подобныхъ случаевъ не одинъ десятокъ; но я не считалъ себя обязаннымъ сличать весь переводъ гр. де-Ла-Барта съ переводомъ Готье и другими, а привожу только два-три образчика того, что стихотворный переводъ ближе къ тексту, нежели прозаическій, напечатанный en regard и сдѣланный извѣстнымъ спеціалистомъ, въ доказательство внимательности русскаго переводчика.

Digitized by Google

лись очень поэтичныя легенды[1]), не безъ вліянія иконографіи, обильно пользовавшейся этимъ трагическимъ сюжетомъ. Христіанскіе воины, «на брани убіенные», приравнивались именно къ этимъ св. младенцамъ.

Готье не обратилъ на это вниманія, и вышеприведенный стихъ перевелъ

Demain vous y (въ раю) serez assis tout prés des Saints

и въ словарѣ объяснилъ, что innocenz значитъ les Saints en general.

Гр. де Ла-Бартъ переводитъ ближе:

Вы завтра всѣ возсядете средь хора
Святыхъ страдальцевъ.

Ст. 3323 Plus qu'on ne lancet une verge pelée Готье переводитъ: de plus loin que le jet d'un baton. Но pelée отъ *pellis* мѣхъ, шерсть или отъ *pilus* волосъ; во всякомъ случаѣ *verge pelée* — прутъ оперенный, т. е. стрѣла.

Гр. де Ла-Бартъ такъ и переводитъ:

И на полетъ стрѣлы впередъ отъѣхалъ (стр. 244).

Въ доказательство внимательности переводчика и точности перевода я могу привести такой характерный случай: на стр. 236-й графу де Ла-Барту не удалось умѣстить въ стихъ, что Торлей — царь Персидскій — обстоятельство, въ сущности не важное; но онъ все же ради точности находитъ для него мѣсто въ слѣдующей 237-й строфѣ.

---

[1]) Какъ, напр., одна знатная женщина, желавшая принести высокую жертву Христу и пріобрѣсти за себя ходатая на небесахъ, но не имѣвшая дѣтей, вымолила себѣ у Господа ребенка (былъ чудесно оживленъ младенецъ изъ воску), который и былъ убитъ воинами Ирода; какъ матери, пытавшіяся спасти своихъ чадъ въ лѣсахъ отъ смерти за Христа, были наказаны тѣмъ, что ихъ младенцы обратились въ совъ и т. д.

Digitized by Google

Большая трудность представлялась переводчику въ выдуманныхъ именахъ небывалыхъ языческихъ народовъ, составлявшихъ армію Балигана, и онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ счастливо побѣждаетъ ее, пользуясь замѣтками о Chanson de Roland, разбросанными въ спеціальныхъ журналахъ[1]).

Что касается до способа передачи французскихъ собственныхъ именъ, то *Немонъ* Баварскій вмѣсто столь извѣстнаго по балладамъ Жуковскаго *Наима* сразу можетъ непріятно поразить читателя; но многочисленныя параллели и прежде всего *Guenes*, косв. Guenelun, котораго всегда передаютъ *Ганелонъ*, убѣдятъ его, что для перевода необходимо брать форму косвенныхъ падежей.

Въ заключеніи этого отдѣла моей рецензіи не могу не указать хотя бы нѣсколькихъ трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно.

Ст. 705 Ço dit li reis que sa guere out finée. Въ переводѣ (стр. 56-я):

И молвилъ Карлъ: конецъ войнѣ жестокой!

Ст. 842—3. C. milie Francs pur lui unt grant tendrur

E de Rollant merveilluse poür.

Переведено (стр. 69):

идутъ печально франки,
Боятся всѣ, трепещутъ за Роланда.

Въ строфѣ 80-й въ оригиналѣ Роландъ обращается только къ Оливьеру; но по смыслу вторая половина его рѣчи должна быть обращена ко всѣмъ французамъ, и переводчикъ смѣло и

---

[1]) Я только не могу понять, чѣмъ руководствуясь, перевелъ онъ *Argoiller* стиховъ 3259 и 3474 словомъ *Жмудь* (въ ст. 3527 Arguille переведено Аргойльцы; см. стр. 261); во всякомъ случаѣ Жмудь въ Африкѣ (см. стр. 258) производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

Digitized by Google

находчиво передаетъ его отвѣтъ обращеніемъ: *Товарищи!* Замѣчательно удачно передана красивая и въ текстѣ постепенность сближенія войскъ въ окончаніяхъ строфъ 92-й и 93-й.

Ст. 1169: A cez paroles vunt les oz ajustant.

Переводъ:

На бой дружины начали сходиться.

Ст. 1187: Francs e païens as les vus ajustez.

Переводъ:

Смотрите, вотъ на бой сошлись дружины!

Въ ст. 1647 архіеп. Турпинъ говоритъ о своемъ противникѣ:

Unches n'amai cuard ne cuardie.

Cuard обыкновенно значитъ *трусъ;* но мрачный Абизмъ въ чемъ другомъ, а въ трусости не повиненъ, и потому въ переводѣ: «Я никогда терпѣть не могъ *кичливыхъ*». Въ передачѣ трудныхъ и для буквальнаго перевода ст. 1790 и слѣд. мы находимъ у гр. де Ла-Барта и изящный переводъ и необходимый комментарій.

Очень красиво и въ тоже время близко къ тексту переведены короткія, но сильныя описанія природы, свойственныя народному эпосу; напр. стихи 1830—1 (въ переводѣ стр. 140):

Высокъ и грозенъ рядъ вершинъ угрюмыхъ,
На днѣ долинъ ручьи струятся быстро.

Ст. 2007 Jo l'vos parduins ici e devant Deu
переведенъ замѣчательно просто и точно:

Пусть васъ проститъ Господь.

Въ разсказѣ о смерти Оливьера (ст. 2010 и слѣд.) цѣлый рядъ трудностей побѣжденъ чрезвычайно удачно.

Digitized by Google

Въ ст. 2583 lessev cunfundre можно ли перевести лучше, какъ народнымъ выраженіемъ: «дать въ обиду» (у гр. де Ла-Барта стр. 189, 12)? И т. д. и т. д.

Нельзя, по моему мнѣнію, лучше перевести и загадочнаго послѣдняго стиха поэмы:

Ci falt la geste, que Turoldus declinet —
Здѣсь прерваны Турольдовы «сказанья».

Въ виду особенностей стиля Пѣсни о Роландѣ и заявленія академика А. Н. Веселовскаго о вставкѣ «лишнихъ словъ» переводчикомъ можно бы думать, что гр. де Ла-Бартъ поневолѣ удлинилъ поэму нѣсколькими сотнями стиховъ, которые не могутъ не ослабить впечатлѣнія. Но вотъ какіе результаты далъ мнѣ довольно, смѣю надѣяться, тщательный подсчетъ. Болѣе всего прибавлено стиховъ въ началѣ поэмы, пока переводчикъ не вошелъ еще въ ея отчасти ляпидарный стиль[1]).

Но послѣ трехъ сотъ приблизительно стиховъ на 3 случая прибавки стиха мы имѣемъ два и болѣе случая, въ которыхъ переводчику удавалось передать однимъ стихомъ два стиха текста, большею частію безъ пропуска какого либо даже незначительнаго оттѣнка[2]). Въ послѣдней четверти поэмы отношеніе между числомъ стиховъ въ текстѣ и въ оригиналѣ уравнивается, иначе сказать, достигаетъ *идеала*.

Перехожу къ перечисленію тѣхъ мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, переведены неудачно или не вполнѣ удачно, при чемъ считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ моего отзыва я позволяю себѣ быть даже придирчивымъ, въ такой

---

[1]) Вмѣсто одного стиха текста два стиха у переводчика: стр. 5, 13, 23, 100, 116, 126, 240, 287, 300, 306 (3 стиха вмѣсто одного), 316, 364, 449, 467, 536 и т. д. Полтора стиха вм. одного: 716, 802, 840 и т. д. Больше всего «лишнихъ словъ» противъ текста въ стр. 86, гдѣ 15 стиховъ переданы 21.

[2]) 343—4, 434—5, 630—1, 707—8, 994—5, 1034—5, 1593—4, 1639—40, и т. д. Въ стр. 206-й 10 стиховъ передано 7-ю, при чемъ ничего кромѣ ненужной здѣсь формулы въ ст. 2852, не пропущено.

Digitized by Google

мѣрѣ, какую только допускаетъ справедливость. Такъ, если извѣстный стихъ или выраженіе при первомъ чтеніи мнѣ показались неловкими, а при второмъ (параллельномъ съ оригиналомъ) я примирился съ этой неловкостью или тяжеловатостью, я все же помѣщаю это мѣсто въ предлагаемый списокъ; а съ другой стороны вношу въ него и то мѣсто или стихъ, которые произвели на меня неблагопріятное впечатлѣніе недостаточной точностью только при вторичномъ чтеніи. Относительно точности я позволяю себѣ быть почти настолько требовательнымъ, какъ будто графъ Де-ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій изъ тѣхъ, какіе помѣщаются en regard съ текстомъ, для лучшаго пониманія послѣдняго.

Такъ поступаю я въ надеждѣ, что мои замѣчанія обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особенно строгою критикой къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ, и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ и, такъ сказать, шлифовкѣ.

2-я строфа начинается стихомъ:

Li reis Marsilie esteit en Sarraguce

Переведено:

Однажды былъ Марсилій въ Сарагоссѣ.

Прибавленное слово: *однажды*, я полагаю, не соотвѣтствуетъ величавому тону эпоса, вноситъ въ картину элементъ случайности, неопредѣленности, какъ бы анекдотичности[1]); это сказочное, а не былевое слово, выходящее въ данномъ случаѣ, по выраженію А. Н. Веселовскаго, изъ условій стиля и образовъ поэмы.

---

[1]) Можетъ быть, возможно воспользоваться эпитетомъ изъ 1-й строфы:
Марсилій былъ въ нагорной Сарагоссѣ.

Digitized by Google

Стихъ 33. Изъ рѣчи сарацина Бланкандрина:

Cinquante carres qu'en ferat cariev,

Переведено:

Чтобъ *славный* Карлъ, французовъ повелитель,
Возовъ огромныхъ больше полусотни
Могъ нагрузить богатыми дарами. . .

Въ народномъ эпосѣ, какъ извѣстно, преимущественно въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ въ большомъ ходу *окаменѣлые* эпитеты, употребляемые безъ вниманія къ тому, соотвѣтствуетъ ли въ данномъ случаѣ эпитетъ настроенію говорящаго (такъ, и татары называютъ нашу землю *свято-русскою*, Идолище самъ себя называетъ Идолище *поганое*); но вставлять ихъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ оригиналѣ, переводчикъ едва ли имѣетъ право, тѣмъ болѣе что онъ и самъ признаетъ (см. Введеніе XII, XVIII и др.) въ Пѣсни о Роландѣ присутствіе личнаго художественнаго творчества, по условіямъ котораго похвалы Карлу въ устахъ Бланкандрина не возможны.

Послѣ перечисленія пословъ сарацинскихъ (стихъ 69) переводчикъ вставляетъ отъ себя стихъ:

Посольства цѣль Марсилій объясняетъ.

По моему мнѣнію, онъ ни на что не нуженъ, такъ какъ за нимъ непосредственно слѣдуетъ самая рѣчь Марсилія.

Стихи 72—3:

Branches d'olives en voz mains porterez,
Ço senefiet pais e' *humilitet.*

Переводъ:

Возьмите каждый въ руки вѣтвь оливы,
Какъ символъ мира.

Digitized by Google

Слово humilitet здѣсь слишкомъ важно и не должно быть опущено безслѣдно.

Стихъ 87 переданъ слишкомъ вольно:

S'il voelt ostages, il en avrat par veir.

(Если онъ хочетъ заложниковъ, онъ дѣйствительно получитъ ихъ).

Въ переводѣ:

Сколько ты ни спросишь,
Онъ дастъ тебѣ въ заложники *людей*.

Такъ какъ заложники обречены на гибель, то вовсе не въ интересахъ Марсилія предлагать ихъ въ большомъ количествѣ [1]).

Стихъ 91: Сѣдла всѣ *литого* серебра.

Въ оригиналѣ:

(Les seles d'argent mises).

Литыя сѣдла не удобны по своей тяжести.

Стихъ 98: *Od ses cadables* les turs en abatied.

Переведено:

На землю онъ повергъ твердыни башенъ.

Можно бы ближе: Машинами повергъ и пр.

Стихъ 105: Anséis li *fiers*, переведено: «Ансеисъ *надменный*».

«Надменный» — порицаніе; а здѣсь нуженъ похвальный эпитетъ.

Ст. 179: Dès or *cumencet* le conseill que mal prist.

Переведено:

Тогда совѣтъ былъ *принятъ*,
Принесшій франкамъ столько тяжкихъ бѣдъ.

---

[1]) Переводчикъ остается вѣренъ себѣ и дальше: въ строфѣ 16 Нэмонъ говоритъ Карлу о Марсиліи:

Сколько хочешь,
Заложниковъ онъ дать намъ обѣщаетъ.

Но этого нѣтъ въ оригиналѣ (стихъ 241).

Digitized by Google

Вм. *принятъ* ближе будетъ *начатъ*, что̀ не разрушитъ стиха.

Ст. 223: Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom, въ переводѣ слишкомъ усилено:

Рабомъ твоимъ покорнымъ стать;

tis hom только — «твой вассалъ».

Стихъ 259: Respunt li reis: «Ambdui vos en taisez» — въ переводѣ слишкомъ рѣзокъ:

Молчать, бароны! Карлъ воскликнулъ грозно.

Ст. 283: Ço ad tut fait Rollanz (Ганелонъ говоритъ Карлу) переведенъ:

Всему виной одинъ лишь твой племянникъ.

Такимъ образомъ въ переводѣ оказывается косвенная дерзость Карлу, которой нѣтъ въ текстѣ.

Ст. 287: Desfi les en, sire, vostre veiant.

Переведено:

Всѣхъ передъ *ликомъ* (?) Карла
На смертный бой *не медля* вызываю.

Текстъ не указываетъ на неотложность поединка.

Въ ст. 386 на основаніи, для меня непонятномъ, переводчикъ *une vermeille pume* (румяное яблоко) передалъ словами: *шаръ пурпурный;* едва ли такое символическое представленіе соотвѣтствуетъ духу поэмы. Непонятно мнѣ также, почему въ ст. 417: qui seintes leis tenuns (чьи св. законы мы держимъ) 1-е лицо мн. ч. замѣнено 2-мъ ед. ч. (коимъ служишь ты), когда — «коимъ служимъ мы» — давало бы стихъ на столько же правильный.

Въ ст. 444 Ганелонъ извлекаетъ свой мечъ *на два пальца*

(Contre dous deiz l'ad del furrer getée);

Digitized by Google

Въ переводѣ:

Свой добрый мечъ извлекъ *на половину*,

что̀ представляетъ ненужное усиленіе красокъ[1]).

Ст. 476: En Sarragüce vus vendrat *aseget;*

Въ переводѣ:

Могучій Карлъ *осѣлитъ* Сарагоссу.

Отчего не *осадитъ?*

Ст. 541: Tanz col(p)s ad pris de lances e déspiez (столько ударовъ копій и дротиковъ принялъ онъ)—

переведенъ:

Его такъ много копій *пронизало*[2]).

Опять излишнее усиленіе красокъ.

Ст. 595: N'avrez mais guere en tute vostre vie—

переведено:

И *долгій* миръ въ награду ты вкуси́шь.

Было бы ближе: И *вѣчный* миръ и пр.

Я не понимаю, почему въ ст. 617 (тоже и въ ст. 1519) Valdabrun передано по-русски Вальдабринъ.

Неудачно переданъ послѣдній стихъ строфы 53 (ст. 660):

Pois est munted, entret en sun veiage

(потомъ онъ сѣлъ на коня, отправляется въ путь).

«Ужъ мнѣ пора!» сказалъ въ отвѣтъ на это
Графъ Ганелонъ — и *шпоры далъ коню.*

---

[1]) Стихъ не разрушился бы:

Свой добрый мечъ извлекъ онъ на два пальца.

[2]) Ср. тоже въ строфѣ 43, ст. 4; въ оригиналѣ (ст. 554) опять-таки: tanz colps ad pris....

Digitized by Google

Читатель изъ этого можетъ заключить, что весь предыдущій разговоръ въ саду Сарагоссы съ Марсиліемъ, Брамимондой и др. Ганелонъ велъ, сидя верхомъ.

Мнѣ непонятно, почему въ ст. 682 переводчикъ вм. 400,000 сарацинъ текста Оксфордскаго принялъ 300,000; именно 400,000 упоминается и раньше и позднѣе, и въ видахъ Ганелона представить Марсилія совсѣмъ лишеннымъ военной силы.

Ст. 696: *Jointes ses mains* (сложивъ свои руки)—

переведено:

Передъ тобою *стоя на колѣняхъ*. . .

Опять излишнее усиленіе.

Ст. 738: Li empereres mult fierement chevalchet — переведенъ слишкомъ вольно и не вполнѣ удачно:

Во весь опоръ несется императоръ.

Предводительствуя большой арміей, покойно возвращающейся на родину, неудобно нестись во весь опоръ [1]).

Ст. 773: Ne poet muer que de (ses) oilz ne plurt,

переведенъ:

И горько вдругъ *заплакалъ-зарыдалъ*.

Здѣсь по смыслу и малый плачъ текста не вполнѣ умѣстенъ (бороду треплетъ Карлъ больше съ досады и въ раздумьѣ, чѣмъ съ горя), а переводчикъ, плѣненный красивымъ оборотомъ, усилилъ краски до крайности [2]).

Ст. 796: Anseis li veillz текста, не знаю, почему, изчезъ въ переводѣ, а эпитетъ старика приданъ Жерарду.

Ст. 899: Fust chrestiens, asez oüst barnet (еслибъ онъ былъ

---

[1]) Тоже ср. и выше строфа 56, стихъ 5 (текстъ ст. 706). Кстати: я не понимаю, почему слѣд. стихъ переведенъ не по оксфордскому тексту.

[2]) Умѣстнѣе плачъ въ ст. 825 (въ переводѣ строфа 67 въ концѣ), но *рыданье* и тамъ слишкомъ сильно.

Digitized by Google

христіаниномъ, онъ былъ бы добрымъ витяземъ) — почему: то оставленъ безъ перевода; а стихъ, если не необходимъ для послѣдующаго, то характеренъ самъ по себѣ [1]).

Въ строфѣ 75-й въ концѣ неловкое повтореніе:

Да, если франки встрѣтить насъ *посмѣютъ*,—
Ихъ гибель ждетъ, а старый Карлъ отъ срама
Надѣть вѣнецъ свой больше *не посмѣетъ* [2]).

Въ ст. 1001 не выражено въ переводѣ:

Si chevalchent estreiz (ѣдутъ сжатыми рядами).

Въ переводѣ ст. 1097 (какъ и выше, въ ст. 105) *надменный* употреблено въ похвальномъ смыслѣ.

Послѣ ст. 1104 — переводчикъ, слѣдуя Готье, напрасно внесъ лишній стихъ и мысль, мало содержательную:

(Мы права не имѣемъ
На нихъ пенять).

Ст. 1160: Sun cumpaignun aprés le vait sivant (Его товарищъ слѣдуетъ за нимъ),
переведенъ:

Гарцуетъ *рядомъ* другъ его *прекрасный*.

Прекрасный едва ли можетъ считаться подходящимъ для Оливьера эпитетомъ. Вообще это прилагательное переводчикъ употребляетъ слишкомъ часто (см. строфу 92-ю, гдѣ онъ прибавилъ его, какъ эпитетъ къ самому Роланду).

Ст. 1181 (въ переводѣ строфа 93, ст. 12) — не понимаю, зачѣмъ переводчикъ, въ противность тексту, прибавилъ: *Сенъ-Денисъ*.

---

[1]) Переводчикъ исключилъ также ст. 917, но тотъ, дѣйствительно, ни на что не нуженъ.

[2]) Во второмъ случаѣ можно поставить: *не дерзнетъ* (мужское окончаніе см. въ слѣд. строфахъ).

Digitized by Google

Въ ст. 1218 *grand demi pied* (добрые пол-локтя) переведено: «пространство *болѣе* локтя».

Въ стихѣ 1284 (строфа 100-я, ст. 4) *les dubles* de sun osberc переведено *дубленая* броня; и далѣе нѣсколько разъ[1]) *dubles* (прич. прош. стр.) и *dubleines* (прилаг.) переводится словомъ *дубленый*. Зачѣмъ эта игра словъ? Переводчику, безъ сомнѣнія, извѣстно, что *дубленый* происходитъ отъ глаг. *дубить* (отъ сущ. дубъ), который ни по происхожденію, ни по значенію съ лат. *duplex* и съ романскими словами, происшедшими отъ типа *duplus*, *duplanus*, ничего общаго не имѣетъ.

Ст. 1358 Pois ad ocis Turgin e Esturgus опущенъ переводчикомъ; онъ, положимъ, не нуженъ для послѣдующаго; но нѣтъ основанія считать его вставочнымъ.

Въ той же строфѣ 97-й послѣ стиха 1360 переводчикъ вставляетъ полъ-стиха: «*Ты нынѣ безоруженъ*», что ослабляетъ или даже уничтожаетъ горькую эпическую иронію послѣдующихъ словъ Роланда.

Въ слѣд. строфѣ пропущенъ безъ основанія стихъ 1373:

La bone sele ki à or est gemmée.

Въ описаніи битвы арьергарда съ сарацинами (какъ и въ двухъ послѣдующихъ сраженіяхъ) нѣсколько разъ красивая и характерная подробность: *опускаетъ* (или опускаютъ) *поводья*, *колятъ шпорами*[2]) переводится слишкомъ общимъ: *помчались*, *мчится* и проч.

Соотвѣтственно этому переводчикъ не всегда находитъ выраженіе для изумительнаго разнообразія похвалъ добрымъ ударамъ (напр. ст. 1395).

Въ строфѣ 111-й не выраженъ сильный стихъ (ст. 1407):

Qu'en Sarragoce sa maisnée alat vendre

---

[1]) Напр. ст. 3088.

[2]) См. ст. 1381, 1574 и др.

Digitized by Google

(что въ Сарагоссу ѣздилъ продать свою родню) и потому слѣдующій стихъ:

За то потомъ онъ жизнью поплатился,

оказывается не логичнымъ: за что же платиться Ганелону жизнью, если онъ

Отправленъ былъ къ Марсилію посломъ?

По строфѣ 112-й (стихъ 5) перевода оказывается, что Роландъ, Оливьеръ и Турпинъ не считаются въ числѣ 12 перовъ:

Не отстаютъ отъ нихъ двѣнадцать перовъ,

а оригиналъ (ст. 1415) и переводъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ не такъ. Послѣдній стихъ этой строфы: —

Что это скорбь *природы* по Роландѣ

вводитъ общее понятіе (природы), слишкомъ отвлеченное для той эпохи; это именно слово не изъ «словаря поэмы», по выраженію А. Н. Веселовскаго. (Въ оригиналѣ см. ст. 1437 оно, конечно, отсутствуетъ).

Строфа 114:

Долиной мчится грозный царь Марсилій
И съ нимъ его *безчисленная* рать[1]):
Десятка два *всего* полковъ могучихъ.

Безчисленная рать передъ указаніемъ числа полковъ — неудачное выраженіе, а вставочное слово *всего*[2]) придаетъ разсказу неумѣстный ироническій оттѣнокъ.

Въ переводѣ ст. 1513, повидимому, недосмотръ:

VII. Arrabiz i ad deschevalcet

---

[1]) Ст. 1450 Od sa grant ost que il out asemblée (съ большимъ войскомъ, которое онъ собралъ).

[2]) XX. escheles ad li reis anumbrées.

Digitized by Google

(Семерыхъ арабовъ сбросилъ онъ съ коня):

Семьсотъ арабовъ онъ свалилъ на землю.

Ст. 1545 (Trenchet)
. . . al cheval parfundement le dos

(разсѣкъ . . . глубоко спину коня),
переведено съ преувеличеніемъ:

И скакуна разсѣкъ.

Еще менѣе дозволительное преувеличеніе въ строфѣ 121, гдѣ мы читаемъ:

Изъ пастырей никто еще Турпину
Не могъ быть равнымъ вѣрной службой Богу
И доблестью на полѣ боевомъ.

Стало быть, по переводу поэтъ беретъ на себя опредѣлить не только боевыя качества Турпина, но и его великое достоинство, какъ архипастыря.

А въ текстѣ мы читаемъ (ст. 1563—4)

Tel coronet ne chantat unches messe,
Ki de sun cors féist (tan)tes proeces,

— т. е. не пѣвалъ никогда обѣдни (такой) священникъ, который совершалъ такіе подвиги своимъ тѣломъ.

Въ ст. 1685: Ço dit la geste,
переведено:

Такъ книги намъ и *пѣсни* говорятъ.

Хотя авторъ Пѣсни о Роландѣ, какъ убѣждены изслѣдователи, и пользовался народными кантиленами (былинами), онъ никогда не ссылается на нихъ, а не одинъ разъ (см. ниже) указываетъ на книгу, которую онъ называетъ Geste Francor или просто

Digitized by Google

geste, имѣя, безъ сомнѣнія, цѣлью внушить слушателю больше довѣрія. Произвольная добавка переводчика выставляетъ поэта въ иномъ свѣтѣ.

Недоумѣваю, почему переводчикъ опустилъ въ строфѣ 131-й три очень важные стиха 1708—10.

Конецъ слѣдующей (132-й) строфы — угроза Оливьера Роланду — выраженъ не совсѣмъ удачно:

Я бородой клянусь вамъ, если Богъ
Мнѣ дастъ опять сестру увидѣть Оду —
На вашу грудь она не упадетъ.

Не легко при первомъ чтеніи догадаться, чѣмъ именно грозитъ Оливьеръ своему другу. Въ текстѣ наивно и грубо, но понятнѣе:

Dist Oliver: «Par ceste meie barbe!
Se puis veeir ma gente sorur Alde,
(Vus) ne jerreiz jamais entre sa brace».

(Сказалъ Оливьеръ: клянусь этой моей бородой! если я смогу увидѣть мою прекрасную сестру Альду, вамъ не лежать никогда въ ея объятьяхъ, т. е. вамъ не бывать ея мужемъ)[1]).

Едва ли можетъ считаться удачнымъ и окончаніе слѣдующей строфы:

И Францію позоръ
Постигнетъ вѣчный. Нынѣ дружбѣ нашей
Пришелъ конецъ. И раньше, чѣмъ наступитъ
Вечерній часъ — разстаться мы должны.

Въ текстѣ:

France en ert hunie;
Oi nur defait la leial cumpaignie,
Eiz le vespre ert mult gref la departie.

---

[1]) Можно бы перевести:

Супругой вашей ей ужъ не бывать.

Digitized by Google

Переводъ почти дословный, но впечатлѣніе отъ него получается нѣсколько иное, чѣмъ отъ текста: смыслъ послѣдняго тотъ, что «намъ ужъ не сражаться рядомъ, и прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, мы будемъ мертвы»; а въ переводѣ Оливьеръ, повидимому, грозитъ Роланду окончательной ссорой.

Въ стр. 134-й Турпинъ говоритъ Роланду:

въ рогъ трубить ужъ поздно . . . .
Но всежъ трубите . . . .

Въ текстѣ нѣтъ такой непослѣдовательности.

Ст. 1742: Ja li corners ne nos avreit mester, т. е. *намъ* рогъ уже не поможетъ.

Ст. 1845: N'i ad icel (ki) ne demeint *irance.*
Irance переведено слишкомъ слабо:

Досадно имъ . . . (стр. 141, ст. 5).

Не досаду, а чувство гораздо болѣе сильное испытываютъ французы, думая о неравной битвѣ Роланда съ язычниками и его предстоящей гибели.

Въ переводѣ ст. 1872 нежелательная вольность: Роландъ убиваетъ Фальдрона

E. XXIV. de tuz le melz preisez

(и 24 человѣка изъ самыхъ лучшихъ).

Въ переводѣ:

многихъ знатныхъ мавровъ
Онъ тамъ убилъ.

Слѣдуетъ сохранять въ переводѣ стремленіе исторической эпопеи къ точности.

---

[1]) Можно бы перевести:
Такъ горько имъ.....

Digitized by Google

Ст. 1938: Dist Oliver: Dehet ait li plus lenz (Сказалъ Оливьеръ: Горе тому, кто слишкомъ медленъ)— переведенъ:

«Да сгинутъ *трусы!*» молвилъ Оливьеръ.

Вѣдь не о сарацинахъ говоритъ здѣсь Оливьеръ, а о французахъ, къ которымъ обращается и Роландъ въ предыдущихъ стихахъ; предполагать же *трусовъ* среди оставшейся въ живыхъ кучки храбрецовъ невозможно; это было бы незаслуженной обидой.

Стр. 147:

Когда полки испанскихъ сарацинъ
Такъ мало нашихъ франковъ увидали,
Воскликнули они въ весельи дикомъ:
«*За насъ Господь!*»

Совершенно необычныя въ національномъ эпосѣ слова въ устахъ невѣрныхъ; въ текстѣ (ст. 1942) они восклицаютъ: L'empereor ad tort (вина на сторонѣ императора).

Въ ст. 2095 (стр. 157-я) слова cil ki el camp fut, я полагаю, должны быть отнесены къ барону Эгидію, якобы очевидцу битвы, а не оставаться, такъ сказать, на воздухѣ, какъ въ русскомъ переводѣ:

(И было такъ на полѣ боевомъ).

Относительно вѣрности перевода конца стр. 160-й[1]) я по-

---

[1]) Врубился онъ (Роландъ) въ толпу испанскихъ мавровъ
И съ нимъ Турпинъ: «друзья, скорѣй *бѣжимте* (sic)!»
Кричатъ испанцы: «слышали мы *звонъ* (sic)
Роговъ французскихъ: мощный Карлъ вернулся».

Текстъ: En la grant presse les vait tuz envaïr,
Ensem(b)l' od lui l'arcevesques Turpin.
Dist l'un al altre: «*Ça vus traies, ami!*
De cels de France les corns avuns oït;
Carles repairet, li reis poestéifs»,

Digitized by Google

зволю выразить сомнѣніе, хотя гр. Де-ла-Бартъ имѣетъ за себя авторитетъ такого знатока поэмы, какъ Леонъ Готье[1]). По моему мнѣнію, здѣсь не язычники (которые ни разу не названы во всей строфѣ) высказываютъ свой страхъ передъ возвращеніемъ Карла; а Роландъ и Турпинъ дѣлятся радостнымъ извѣстіемъ, которое воодушевляетъ ихъ къ новымъ подвигамъ.

Въ слѣд. 161-й строфѣ Роландъ говоритъ Турпину:

«вы пѣши,
Я на конѣ; но ради васъ мнѣ должно
Здѣсь обождать, и радости и горе
Должны дѣлить мы,—я не брошу васъ и т. д.

Если конный будетъ ждать въ сторонѣ, пока пѣшій будетъ раздѣлываться съ непріятелемъ, едва ли онъ можетъ быть сочтенъ добрымъ товарищемъ; *ici prendrai estal* (ст. 2139) я перевелъ бы: я остановлюсь здѣсь, чтобы слѣзть съ коня.

Въ слѣдующей (162-й) строфѣ невѣрные говорятъ о Роландѣ:

«Метнемъ въ него и дротики и копья
На мѣстѣ онъ останется на вѣрно!»

Стало быть, они увѣрены, что убьютъ Роланда? Въ текстѣ же (ст. 2154):

. . . . Lançuns à lui, *puis si l'laissums ester*

— метнемъ въ него и потомъ оставимъ его (т. е. сдѣлаемъ послѣднее усиліе и убѣжимъ). Что именно такъ надо понимать это мѣсто, доказываетъ стихъ 2162:

puis si l'laisent ester.

т. е. съ великой поспѣшностью нападаетъ на нихъ всѣхъ; вмѣстѣ съ нимъ архіепископъ Турпинъ. Говоритъ одинъ другому: «*впередъ, другъ!* Мы слышали рога французовъ; то идетъ Карлъ, могущественный король».

Въ настоящее время я не имѣю подъ руками необходимыхъ пособій; но, сколько помню, не трудно найти параллели для такого значенія глагола — *ss traire* (trahere).

[1]) La chanson de Rol. 12-me édition. Tours, 1883, стр. 208.

Digitized by Google

Въ строфѣ 163-й Роландъ

Мечемъ разрѣзалъ платье на Турпинѣ.

Въ текстѣ (ст. 2172) сказано только, что онъ разорвалъ на немъ платье. Едва ли эта картинная прибавка переводчика можетъ считаться удачной.

Въ ст. 2177 gentilz hom переведено слишкомъ вольно: «Прекрасный и знатный вождь».

Въ ст. 2230 *un sul arpent* переведено неопредѣленнымъ выраженіемъ: *пространство небольшое.*

Въ ст. 2240 Турпинъ складываетъ руки молитвенно и протягиваетъ ихъ къ небу; въ переводѣ:

И руки въ знакъ смиренія *скрестилъ.*

Но о скрещенныхъ рукахъ Турпина говорится ниже (ст. 2250).

Въ концѣ стр. 171-й и въ началѣ слѣдующей мы читаемъ:

Онъ (сарацинъ, притаившійся между мертвецами) *от-*
[*нялъ* мечъ — и смутно графъ Роландъ
Почувствовалъ, что мечъ его *схватили.*
Почуялъ графъ, что онъ *меча лишился.*

Въ текстѣ 2280 и 2283—4:

Saisit e sun cors e ses armes. . . .
En cel *tirev* li quens s'aperçut alques.
Ço sent Rollanz que s'espée li *tolt*. . .

Saisit не значитъ *отнялъ*, а только *схватилъ*, на что указываетъ и слово *tirev; tolt* настоящее время — отнимается; сарацинъ не успѣлъ утащить меча, а только тянулъ его къ себѣ.

Въ той-же стр. 172 мы читаемъ, что отъ удара рога Роланда

на земь пали
Глаза испанца. . . .

Digitized by Google

Слишкомъ сильно сказано: въ текстѣ (2290)

Amsdous les oilz del chef li ad mis fors

(оба глаза выбилъ у него изъ головы).

Въ стр. 173:

Роланда очи мракъ *покрылъ*,— съ усильемъ
Онъ всталъ, *покрыты* блѣдностью черты.

Въ первомъ случаѣ вмѣсто *покрылъ* можно бы поставить: *облекъ*.

Въ ст. 2301 *par doel e par rancune* переведено: *во гнѣвѣ*. Но гнѣваться Роланду не на кого; скорбь есть господствующее у него чувство, и rancune здѣсь синонимъ для *doel*.

Въ строфахъ 177 и 178 не переведено, что Роландъ простираетъ къ небу свою перчатку съ *правой* руки, что̀ имѣетъ символическое значеніе.

Въ стр. 178, послѣ ст. 2393 прибавленъ къ Оксфордскому тексту архангелъ Рафаилъ, что̀, по моему мнѣнію, излишне.

Въ строфѣ 179-й (текста ст. 2413) мы читаемъ:

«О Боже», молвилъ Карлъ,—«зачѣмъ не могъ я
Сей бой начать!»

Тотъ бой... было бы лучше, такъ какъ рѣчь идетъ о боѣ, уже оконченномъ.

Я полагаю, что Л. Готье не вполнѣ удовлетворительно перевелъ ст. 2500:

Laciet sun helme ki est ad or gemmez.

У него (стр. 235): Il a *lacé* son heaume gemmé d'or. Въ затянутомъ шлемѣ спать невозможно, а Карлъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (ст. 2520), спитъ крѣпко и видитъ сны. Я думалъ бы, что слѣдуетъ перевести: Il a *laché!*.. (ослабилъ ремень). Русскій переводчикъ передалъ этотъ стихъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:

На немъ блеститъ и шлемъ его... (стр. 185, ст. 4).

Digitized by Google

Въ стр. 186:

— Въ печали
Лежитъ король; онъ *вспомнилъ* о Роландѣ...

Смерть Роланда — слишкомъ свѣжее событіе, чтобы онъ могъ забыть о немъ хоть на минуту. Въ текстѣ лучше: ст. 2513 doel ad de Rollant (горюетъ о Роландѣ).

По стр. 187 Карлъ видитъ въ пророческомъ снѣ:

Ужасныхъ грифовъ *ровно* тридцать тысячъ.

Какъ во снѣ счесть такое количество? Въ текстѣ лучше: Grifuns i ad *plus de trente millers* (ст. 2544). Въ той же строфѣ оставлена безъ перевода картинная подробность: Devers un gualt (ст. 2549) — (изъ глубины рощи).

Въ ст. 2573 *mult laidement* (очень жалостно) переведено слишкомъ вольно:

И въ корчахъ палъ (стр. 189, ст. 4)

Въ стр. 191 оставлены безъ перевода стихи 2612 и 2619, изъ которыхъ первый не лишенъ значенія.

Въ ней же въ ст. 7 (текстъ 2614) читаемъ о Балиганѣ:

Онъ царствовалъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ.

Въ текстѣ: En Babilonie Baligant ad mandet.

Въ Пѣснѣ о Роландѣ (какъ и въ др. національныхъ эпопеяхъ) довольно географическихъ несообразностей; зачѣмъ въ переводѣ увеличивать число ихъ?

Въ стр. 194 читаемъ:

Подъ лавромъ, средь долины
На муравѣ — коверъ александрійскій
На немъ былъ тронъ слоновой кости чудный.

Читатель долженъ думать, что и коверъ и тронъ находились здѣсь всегда, и до пріѣзда Балигана; а въ текстѣ (ст. 2652—3)

Digitized by Google

для Балигана *разстилаютъ* бѣлый коверъ, *поставили* кресло (foldestoed) изъ слоновой кости.

Въ стр. 195 оставленъ безъ перевода стихъ 2678:

El destre poign si li faites chalcev
(Надѣньте ему — перчатку на правый кулакъ),

а онъ необходимъ, такъ какъ въ немъ заключается горькая для невѣрныхъ иронія: праваго кулака-то у Марсилія уже нѣтъ; онъ отрубленъ Роландомъ. Что это не безсознательная иронія, доказываютъ ст. 2701 и 2719—20.

Въ той же строфѣ Балиганъ говоритъ о Марсиліи:

если онъ пріѣдетъ
Меня почтить, то я войной жестокой
Во Францію прекрасную пойду.

Какъ будто Балиганъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что Марсилій, который умолялъ его о помощи и котораго онъ трактуетъ, какъ своего вассала — онъ посылаетъ ему перчатку и посохъ, пріѣдетъ поклониться ему! Въ текстѣ (ст. 2680):

E à mei venget pur reconoistre sun feu
(И пусть онъ явится признать свое вассальство).

Въ переводѣ стиха 2796 (строфа 203) синтактическій недосмотръ:

И взявъ *четыре рыцаря* съ собою...

Ст. 2834 Марсилій говоритъ Балигану:

Mei ai perdut e(tres)tute ma gent
(Себя я погубилъ и весь мой народъ).

Переведено слишкомъ вольно (стр. 204):

себя я опозорилъ (чѣмъ?)
И свой народъ *на вѣки* (sic) погубилъ.

Digitized by Google

Тоже относительно стиха 2879 (Карлъ находитъ трупъ Роланда):

(Si prent le cunte) entre ses mains ansdous

(беретъ графа на обѣ свои руки).

переведено (стр. 208)

Племянника приподнялъ онъ и *страстно*
Прижалъ къ груди.

Сантиментально-романтическое слово *страстно* — не изъ «словаря поэмы» (см. предисловіе А. Н. Веселовскаго); оно не подходитъ къ сильному и сдержанному ея тону.

Ст. 2937 (изъ плача Карла о Роландѣ):

. . . De ma maisnée ki *pur mei* est ocise

переведенъ:

О горе! всѣ друзья мои погибли! (ст. 213).

Было бы ближе: Изъ-за меня друзья мои погибли. При описаніи вооруженія Карла въ стр. 219-й переводчикъ забылъ щитъ (въ текстѣ о немъ сказано въ ст. 2991). Въ ней же читаемъ:

его (скакуна) когда-то добылъ
Великій Карлъ у брода близъ Марсонны:
Тамъ былъ убитъ нарбонскій Мальпалинъ:

Можно думать, что Мальпалина убилъ кто-либо изъ вассаловъ Карла; въ текстѣ же (ст. 2995) сказано, что его поразилъ самъ Карлъ.

Ст. 3051: Il i ferrat de sun espiet trenchant — переведенъ (стр. 224-я):

Сумѣетъ онъ враговъ *рубить мечемъ*.

Было бы ближе:

Digitized by Google

ѣтъ онъ враговъ *колоть копьемъ*[1]).

4 стихъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть
. если мы будемъ читать *Пуату*, какъ 2 слога[2]);
бно, не лучше-ли вмѣсто: *И рыцари Пуату*...
Пуату?
ачѣмъ переводчикъ въ стр. 237 (послѣ стиха
лъ къ Оксфордскому тексту *руссовъ*[3]).
ттаемъ кличъ язычниковъ:

ъ вѣрно богу Аполлину —
души спасенье хочетъ.

: *par noz deus aveir guarison* — кто хо-
ь именно тѣломъ) черезъ нашихъ бо-
аивенъ, чтобы придавать язычникамъ

vos aim, si vos crei, не знаю, по-
(стр. 252):

илъ Карлъ Великій —
асъ я *полагался*. . .»

лись плохо; но здѣсь они честно

Карлу:

неумѣстна твоя проповѣдь);

[4])

[1]) напр., ст. 3114.

[2]) а ниневійскаго въ ст. 3103
мѣрно я не знаю, почему
). Не опечатка ли это?

Digitized by Google

Въ ст. 3602 Балиганъ

Fier(t) Carlemagne sur *l'elme d'acev brun.*

переведено (стр. 267):

По шлему *золотому*
Онъ короля французовъ поразилъ.

Можно бы ближе:

По шлему *темной стали* и пр.

Въ ст. 3686 Карлъ въ Бордо, на алтарь св. Северина

Met l'oliphan plein d'or e de manguns [1])

(т. е., кладетъ олифанъ, наполнивъ его золотомъ и монетами).

Въ переводѣ (стр. 273-я):

Оставилъ тамъ [2]) французовъ повелитель
Завѣтный рогъ, велѣвъ его *отдѣлать*
Каменьями и золотомъ.

Излишняя, ничѣмъ не оправдываемая вольность. Кто дорожитъ памятью человѣка, не позволитъ себѣ измѣнять внѣшній видъ любимой его вещи; а принесеніе въ даръ церкви рога, наполненнаго деньгами,— очень извѣстный обычай.

Ст. 3704: Dès or cumencet le plait de Guenelun

(Здѣсь начинается судъ надъ Ганелономъ)—важное и любопытное указаніе поэта (или редактора?) на новый отдѣлъ поэмы. Въ переводѣ это совсѣмъ не выражено (см. конецъ стр. 273).

---

[1]) По Готье (стр. 520) и Дюканжу *manguns*, *mancusa* отъ *manca*, тагса. Не слѣдуетъ ли искать прототипа въ Византіи? (Ср. bezanz; можетъ быть, въ связи съ μάγγανον?). Кстати замѣчу, что слово *drodmunz* (корабль), встрѣчающееся въ Ch. de Rol. въ стихахъ 1521 и 2730, несомнѣнно византійскаго происхожденія, отъ δρόμων бѣгунъ (*d* вставлено подъ вліяніемъ народной этимологіи), какъ и *calan* (стихи 2647 и 2728, нынѣ chaland, русская *шаланда*) и многія др. слова, касающіяся мореходства. Нѣтъ сомнѣнія, что и мореходному дѣлу юные народы западной Европы первоначально учились у византійцевъ.

[2]) Въ Бордо; объ алтарѣ св. Северина не упомянуто.

Digitized by Google

Въ стр. 275

Онъ (Карлъ) далъ приказъ—пришли четыре дамы,
И Карлъ велѣлъ имъ Оду *хоронить*[1])
Въ монастырѣ. До утра *охраняли*
Четыре дамы Оду, а затѣмъ
Близъ алтаря ее *похоронили.*

Охраняли и *похоронили* будто игра словъ, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстная[2]).

Въ слѣд. (276-й) строфѣ:

Веревками привязанъ
Онъ (Ганелонъ) предъ дворцомъ къ позорному столбу.

Въ текстѣ: *à curreies de cerf* — ремнями изъ оленьей кожи. Можно бы перевести ближе:

Ремнями былъ привязанъ и пр.

Въ описаніи поединка Пинабеля и Тьери оставленъ безъ перевода картинный стихъ 3889 (въ стр. 289-й):

Granz sunt les colps as helmes detrenchev[3]).

Въ ст. 3918 *l'herbe* переведено: «ковыль степная». Позволяю себѣ сомнѣваться, можно ли было и въ то время найти ее подъ Ахеномъ.

Ст. 3924: Ço veit Tierris que el vis est ferut (видитъ Тьери, что онъ раненъ въ лицо) переведенъ съ усиленіемъ красокъ (стр. 293):

Почувствовалъ Тьери, что *сильно раненъ.*

---

[1]) Лучше бы: схоронить.

[2]) Вотъ буквальный переводъ текста: «Онъ сейчасъ позвалъ четырехъ графинь, (которыя) отнесли ее въ женскій монастырь (и) бодрствовали надъ нею всю ночь до разсвѣта, (потомъ) прекрасно похоронили ее вдоль алтаря».

[3]) Можно бы перевести:

Могли удары ихъ разбить шеломы.

Digitized by Google

Еслибъ онъ былъ *сильно раненъ*, былъ бы невозможенъ немедленно послѣ поединка его торжественный въѣздъ въ Ахенъ, о которомъ разсказывается въ слѣдующей строфѣ.

Въ стр. 295 Карлъ спрашиваетъ своихъ бароновъ:

«Что дѣлать намъ съ заложниками? *нынѣ*
Ихъ Пинабель мнѣ далъ, за Ганелона
Они порукой были.

Не вполнѣ понятно и далеко отъ текста:

«Que me loez de cels qu'ai retenuz?
Pur Guenelun erent à plait venuz,
Pur Pinabel en ostage renduz».

(Что посовѣтуете мнѣ относительно тѣхъ, кого удержалъ я? Они явились на судъ со стороны Ганелона, они были заложниками за Пинабеля).

Въ переводѣ этой строфы дѣйствуетъ «палачъ» Басбрэнъ; въ текстѣ онъ *veier* отъ (vicarium) — viguier — земскій судья или староста.

Въ ст. 3964 опять синтактическій недосмотръ:

Вотъ, *привели четыре скакуна*

(вм. четырехъ скакуновъ).

Ст. 3975 переведенъ:

Когда *свой судъ* окончилъ императоръ.

Въ текстѣ sa venjance — свое мщеніе; въ предыдущемъ онъ, дѣйствительно, является не судьею, а обвинителемъ, одною изъ сторонъ [1]).

---

[1]) Правда, въ началѣ слѣдующей строфы мы читаемъ:

Quant l'emperere ad faite *sa justise*...

но если текстъ различаетъ актъ и результатъ его, долженъ ихъ различить и переводчикъ.

Digitized by Google

Характерное выраженіе стиха 3978: *une caitive franche* (благородная плѣнница — о Брамимондѣ, которую не окрестили насильно, какъ другихъ, а привели въ Ахенъ и научили вѣрѣ) въ переводѣ не выражено.

Не вполнѣ ясенъ въ переводѣ ст. 3998:

Тебя зовутъ *напрасно* христіане.

(буквальный переводъ: Къ тебѣ съ крикомъ взываютъ христіане).

Ст. 4000 si *penuse* est ma vie (тяжела моя жизнь!) — переданъ, я полагаю, слишкомъ сильно: «жизнь моя полна мученій!» [1]).

Перехожу къ послѣдней части моей рецензіи: къ введенію и примѣчаніямъ переводчика. Первое (занимаетъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго XXIII страницы) состоитъ изъ 4-хъ небольшихъ главъ; въ 1-й авторъ ставитъ вопросъ о причинѣ необыкновенной славы Пѣсни о Роландѣ даже за предѣлами Франціи; во 2-й онъ высказываетъ убѣжденіе, что причиной слѣдуетъ считать «замѣчательную стройность и послѣдовательность изложенія» поэмы и даетъ блестящую эстетическую ея оцѣнку, пользуясь извѣстнымъ пріемомъ Авг. Шлегеля: «освѣщающимъ произведеніе извнутри» изложеніемъ содержанія (стр. VI—XV; мимоходомъ на стр. XIV онъ указываетъ на сравнительно позднее происхожденіе эпизода о Балиганѣ); въ 3-й главѣ онъ говоритъ о формулахъ или «общихъ мѣстахъ» (chevilles poétiques) Пѣсни о Роландѣ, которыя приводятъ его къ заключенію, что «въ эпоху образованія нашей поэмы уже вырабатывались общіе пріемы эпоса, уже возникала народно-поэтическая школа» (стр. XVII), и затѣмъ указываетъ на слѣды личнаго творчества, «руки художника», что̀ выражается въ подчеркиваніи рѣшающихъ моментовъ (стр. XVIII); то-же сліяніе народнаго элемента съ личнымъ, ту-же *двойственность* видитъ

---

[1]) Можно бы: «О Боже мой! Какъ жизнь моя тяжка!».

Digitized by Google

онъ и въ двухъ родахъ повтореній: наивномъ, почти буквальномъ, и искусственномъ, оттѣняющемъ «ту сторону событія, которая даетъ тонъ всему, является какъ бы общимъ тономъ картины» (XVIII—XIX); онъ убѣжденъ, что здѣсь «почти всѣ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнуты изъ поэзіи народной», а «распланировка матеріала, подчеркиваніе главныхъ моментовъ дѣйствія и болѣе всего обобщеніе поэтической темы, — все это продуктъ творчества, очень близко стоящаго къ творчеству личному» (стр. XX). Въ 4-й главѣ графъ Де-ла-Бартъ говоритъ о пріемахъ предлагаемаго имъ перевода.

Степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика, и читатели не вправѣ претендовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы настолько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Можетъ-ли ожидать переводчикъ «Пѣсни о Роландѣ», чтобы хоть одинъ изъ сотни его читателей имѣлъ ясное представленіе о документально доказанномъ постепенномъ развитіи карловингскаго цикла сказаній, о теоріи (вѣрнѣе о двухъ теоріяхъ) кантиленъ, о хроникѣ Турпина, о Carmen de proditione Guenonis, о раннихъ и позднихъ Chansons de geste вообще, о свидѣтельствахъ относительно битвы въ Ронсенвалѣ, объ архіеп. Wenilo, о басскихъ пѣсняхъ, о рукописяхъ поэмы и пр., и пр.? Если кто и слыхалъ или читалъ объ этомъ прежде, то теперь, передъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ поэмою, ему необходимо возобновить забытое.

Если же гр. Де-ла-Бартъ не хотѣлъ повторять (хотя бы на двухъ-трехъ страницахъ мелкаго шрифта) избитыхъ фактовъ, которые можно найти во всякой исторіи французской литературы, и, съ другой стороны, предназначая свою книгу «для большой публики», не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія (которое онъ обѣщаетъ предложить въ отдѣльной работѣ, см. стр. XV), ему слѣдовало бы, по моему мнѣнію, указать любознательному чита-

Digitized by Google

телю, гдѣ именно можетъ найти послѣдній удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ и прежде всего, конечно, назвать необширную и нѣсколько устарѣвшую, но высокоталантливую и содержательную (съ массой интересныхъ сопоставленій) извѣстную работу академика Ѳ. И. Буслаева (перепечатана въ его книгѣ «Народная поэзія»). Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла.

Тезисъ о сліяніи (не механическомъ) элементовъ, о двойственности въ Пѣсни о Роландѣ, по моему убѣжденію, можетъ выдержать самую строгую и придирчивую критику; но доказывать его, я полагаю, удобнѣе не тѣмъ способомъ, который употребляетъ авторъ или, по крайней мѣрѣ, не однимъ этимъ способомъ. Убѣдительнѣе и наглядиѣе былъ бы онъ, если-бъ гр. Де-ла-Бартъ указалъ на тѣ мѣста поэмы, гдѣ въ авторѣ дошедшей до насъ редакціи обнаруживается несомнѣнный книжникъ, который черноту лица негровъ сравниваетъ съ *чернилами*[1]), знаетъ не только *Давана* и *Авирона* (ст. 1215), но и *Виргилія* съ *Гомеромъ* (ст. 2617), — который, желая выдать свой разсказъ за самую подлинную правду, много разъ ссылается на свой литературный источникъ, на «бытописаніе» — la geste, въ стихѣ 3262 — Geste Francor(um), книгу, стало быть, латинскую, который одинъ разъ (стр. 157, ст. 2095 и слѣд.) называетъ даже автора этой книги — святого барона Эгидія, бывшаго будто бы въ главной арміи Карла.

Можно ли сомнѣваться въ виду такихъ фактовъ, что авторъ *нашей* редакціи Пѣсни о Роландѣ — труверъ-клерикъ, претендующій на ученость и стремящійся изъ поэта обратиться въ

---

[1]) Ст. 1933

Ki plus sunt neirs que nen est *arrement.*

Arrement отъ atramentum.

Въ переводѣ это, къ сожалѣнію, не выражено (стр. 146):

А все лицо черніе сажи черной.

Digitized by Google

яко бы достовѣрнаго историка[1]). Могли ли такія претензіи совмѣщаться съ крупнымъ творческимъ талантомъ? Кто склоненъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, тотъ долженъ признать автора нашего текста не поэтомъ, а только *интерполяторомъ* или редакторомъ и почти обязанъ попытаться выдѣлить эти и имъ подобныя мѣста изъ поэмы, очистить ее, если только не будетъ отъ этого удержанъ печальнымъ примѣромъ слишкомъ смѣлыхъ критиковъ первой половины нашего столѣтія.

По моему мнѣнію, которое, смѣю думать, раздѣляетъ и графъ Де-ла-Бартъ, давшій переводъ Пѣсни о Роландѣ въ полномъ видѣ и говорящій во введеніи объ одномъ художникѣ[2]), такое совмѣщеніе не представляетъ ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ и имѣетъ массу параллелей въ продуктахъ несомнѣнно личнаго творчества, разработывавшихъ книжные или традиціонные сюжеты; въ нихъ постоянно встрѣчаются бокъ-о-бокъ наивное хвастовство сомнительной учености, растянутость, грубо-сантиментальныя преувеличенія, крайняя небрежность и противорѣчія, вообще всякаго рода художественныя безтактности съ одной стороны, а съ другой — искреннее одушевленіе идеей (религіозной, гуманной или патріотической) и перлы истинной и высокой поэзіи или тонко подмѣченные въ источникѣ и талантливо подчеркнутые поэтомъ или имъ самимъ привнесенные. Отъ позднѣйшихъ старо-французскихъ, средне-верхне-нѣмецкихъ, средне-англійскихъ и др. поэмъ Пѣснь о Роландѣ отличается только тѣмъ, что авторъ ея имѣлъ подъ руками прекрасный матеріалъ въ видѣ народныхъ пѣсенъ и разнообразныхъ сказаній и проявилъ, надо полагать, сравнительно со многими другими, бо́льшее

---

[1]) Можно ли говорить, что въ Chanson de R. tutto è semplice e primitivo, какъ это дѣлаетъ Nygor? (Storia dell'epopea francese nel medio evo, traduzione di Egidio Gorra. Torino. 1888, стр. 97). Безъ сомнѣнія, онъ, какъ и многіе другіе, давая общую оцѣнку памятнику, припоминаетъ его содержаніе и лучшія черты, а не подробности.

[2]) Онъ называетъ его, правда, *пѣвцомъ* (стр. VIII, XIII), но, безъ сомнѣнія, не въ смыслѣ сказителя, за которымъ кто-либо записывалъ его текстъ; ниже (стр. XVIII) онъ говоритъ о рукѣ художника.

Digitized by Google

чувство мѣры и бо́льшій художественный талантъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одной изъ этихъ народныхъ пѣсенъ и пока имѣемъ довольно неполное понятіе объ этихъ сказаніяхъ, такъ что лишены возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что̀ именно взялъ поэтъ изъ своихъ источниковъ и что̀ изобрѣлъ онъ самъ.

И такъ, двойственность, сліяніе элементовъ въ Пѣсни о Роландѣ несомнѣнны; но относительно разграниченія ихъ мы, вмѣсто положительныхъ выводовъ, пока должны довольствоваться предположеніями болѣе или менѣе субъективнаго характера. Такъ, напр., гр. Де-ла-Бартъ думаетъ, что «подчеркиваніе главныхъ моментовъ» принадлежитъ поэту; я же, напротивъ, полагаю, что главные моменты были уже подчеркнуты въ преданіи и народной пѣсни, и что изъ народнаго же самосознанія исходитъ одушевлявшій поэта патріотизмъ и глубокая вѣра въ святость дѣла христіанскаго воинства.

Съ другой стороны, гр. Де-ла-Бартъ считаетъ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнутыми изъ поэзіи народной; я же, кромѣ вышеуказанныхъ проявленій книжности, отношу на счетъ поэта сантиментальныя преувеличенія, въ родѣ паденія въ обморокъ ста тысячъ Франковъ[1]), черезъ-чуръ частыхъ обмороковъ самого Карла, обморока Роланда, когда онъ еще сидитъ на конѣ (стр. 153), особой присяги, приносимой среди битвы 20-ю тысячами Франковъ (стр. 252, ст. 3415—6) и т. д., и т. д. Но съ другой стороны ему же слѣдуетъ приписать и такія удачныя частности, какъ вѣщій сонъ Карла передъ битвой съ Балиганомъ (стр. 187 и слѣд.; въ народной поэзіи вѣщіе сны, сколько знаю, всегда бываютъ съ окончаніемъ; здѣсь всѣ видѣнія Карла оставлены безъ исхода, чтобы держать слушателя въ напряженіи), усиленныя похвалы Балигану (стр. 233), чтобы тѣмъ ярче оттѣнить величіе его побѣдителя, и прочія бьющія на эффектъ измышленія, незнакомыя наивной народной поэзіи[2]).

---

[1]) Ст. 2932. Cent milie Francs s'en pasment cuntre tere.

[2]) О другихъ «изобрѣтеніяхъ» поэта, которыя открываются черезъ сравненіе поэмы съ иными версіями сказанія, намъ *досель* извѣстными, см. въ статьѣ

Digitized by Google

Безъ всякаго сомнѣнія, поэту же принадлежатъ и всѣ повторенія, какъ высокохудожественныя, двигающія впередъ дѣйствіе [1]), такъ и повторенія, не вносящія ничего новаго, такъ наз. couplets similaires [2]). Повторенія второго рода гр. Де-ла-Бартъ называетъ *былинными* и признаетъ ихъ свойственными всякому народному эпосу.

Вопросъ о происхожденіи повтореній въ Chanson de Rol. до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненъ; но я во всякомъ случаѣ полагаю, что couplets similaires нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ дословными повтореніями, напр., нашихъ былинъ [3]); въ былинахъ, въ сербскомъ эпосѣ, у Гомера это необходимыя и неизмѣнныя формулы, невольно замедляющія ходъ разсказа, но дающія ему эпическую полноту; а couplets similaires задерживаютъ этотъ ходъ умышленно; они стоятъ, надо думать, въ тѣсной связи съ обращеніемъ къ публикѣ позднѣйшихъ chansons de geste, которыя нужны для пѣвца, чтобы поддержать и усилить вниманіе своей аудиторіи. Стало быть, и эти повторенія — un procédé artistique, по выраженію Леона Готье [4]), только особаго рода, и объяснять ихъ сведеніемъ вмѣстѣ разныхъ версій во многихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности.

Возьмемъ, напр., строфу 273-ью, въ концѣ которой поэтъ объявляетъ о началѣ новаго отдѣла [5]) и послѣ которой надо предполагать небольшую остановку въ пѣніи, послѣдній отдыхъ для пѣвца; въ ней сказано довольно обстоятельно о созывѣ судей.

Такъ какъ во время паузы слушатели могли забыть предъидущее, то въ началѣ новаго отдѣла, на стр. 274, поэтъ снова,

---

Леона Готье въ книгѣ Petit de Julleville, Histoire de la Langue et de la Littérature française, Paris 1896. T. I, стр. 89 и слѣд.

[1]) О нихъ у гр. Де-ла-Барта, стр. XIX.

[2]) См. напр. стр. 84, 85, 86.

[3]) Какъ двустрочное описаніе бури въ былинѣ о Садкѣ или разсказъ о томъ, какъ вооружается богатырь, отправляющійся на «нахвальщика» и т. д.

[4]) См. d. Petit de Julleville, стр. 119.

[5]) Къ сожалѣнію, какъ сказано выше, переводчикъ не сохранилъ этого указанія.

Digitized by Google

но *въ иныхъ выраженіяхъ* (ст. 3697) говоритъ о прибытіи Карла въ Ахенъ и разсказываетъ о смерти Альды; покончивъ съ ея похоронами, онъ еще разъ (на этотъ разъ короче, ст. 3706) упоминаетъ о возвращеніи Карла и начинаетъ разсказъ о судѣ, въ которомъ снова и опять-таки *въ иныхъ выраженіяхъ* (см. стр. 277) и короче говоритъ о созывѣ судей.

Очевидно, труверъ имѣетъ здѣсь въ виду интересы пѣвцовъ-жонглеровъ, для которыхъ, какъ извѣстно, предназначалась и маленькая по формату переносная рукопись оксфордскаго текста. Вотъ явное указаніе на то, что историко-литературныя свѣдѣнія (которыя могли быть сообщены или во Введеніи или въ Примѣчаніяхъ) необходимы читателю и для вѣрной эстетической оцѣнки Пѣсни о Роландѣ.

Что касается Примѣчаній переводчика къ Пѣсни о Роландѣ (стр. 139 и слѣд.), признавая ихъ очень содержательными и цѣнными, я позволяю себѣ усмотрѣть въ нихъ тотъ же существенный недостатокъ, что̀ и во Введеніи гр. Де-ла-Барта: количество ихъ для такого древняго памятника слишкомъ ограниченно (всего 30 примѣчаній на 4-хъ страницахъ), и носятъ они характеръ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько случайный: въ нихъ объяснены три-четыре географическихъ названія (изъ многихъ сотенъ ихъ), сообщено нѣсколько интересныхъ фактовъ относительно различныхъ (но далеко не всѣхъ) частей вооруженія XI вѣка, упоминаются нѣсколько разъ различныя версіи поэмы (о которыхъ читатель ничего не находитъ въ Введеніи); объяснены отдѣльныя слова, часто вовсе не трудныя (напр. Пресьезъ); а между тѣмъ оставлены безъ объясненія сотни важныхъ собственныхъ именъ, бытовыхъ подробностей и противорѣчій въ текстѣ (въ родѣ, напр., счета французской арміи).

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ гр. Де-ла-Барта, какъ Введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ (хотя бы краткимъ) разборомъ поэмы, такъ и Примѣчанія много выиграютъ въ смыслѣ полноты и равномѣрности.

Digitized by Google

Въ виду всего вышеизложеннаго и главнымъ образомъ въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода гр. Де-ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности тексту, такъ и со стороны художественной, я полагаю, что его тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе найдетъ возможнымъ.

Во время печатанія этого отзыва я случайно натолкнулся на любопытное указаніе относительно центральной фигуры французскаго эпоса, указаніе, которое при всей своей общеизвѣстности, для изученія chansons de geste, если не ошибаюсь, привлекаемо не было. Константинъ Багрянородный въ 26-й главѣ De administrando говоритъ: ...ὁ μέγας Λωθάριος, ὁ πάππος τοῦ περιβλέπτου ῥηγὸς Οὔγωνος, ἀπὸ τῆς γενεᾶς μεγάλου Καρούλου κατήγετο, περὶ οὗ πολὺς ἔπαινος ἐγκώμιά τε καὶ διηγήματα, καὶ περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα, т. е. Великій Лотарь, дѣдъ извѣстнаго короля Гугона, происходилъ изъ рода Карла Великаго, къ которому (относятся) *многая похвала, прославленія, и разсказы, и военные подвиги.*

Въ этой не очень грамотно построенной фразѣ, по моему мнѣнію, нельзя не видѣть указанія на то, что черезъ три-четыре поколѣнія послѣ смерти Карла Великаго до отдаленнаго Константинополя доходили не только извѣстія объ его военныхъ подвигахъ (περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα — res gestae), но и нѣсколько, можетъ быть, смутное представленіе о тѣхъ поэтическихъ похвалахъ (ἐγκώμια), которыя звучатъ въ честь его, и о народныхъ сагахъ (διηγήματα), героемъ которыхъ сталъ онъ.

И такъ, слова эти служатъ косвеннымъ, не очень яснымъ, но за то дорогимъ по своей древности и достовѣрности свидѣтельствомъ о двухъ источникахъ chansons de geste: лиро-эпическихъ кантиленахъ и народныхъ преданіяхъ, получившихъ художественную обработку только впослѣдствіи.

А. Кирпичниковъ.

Digitized by Google

II.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). **Стихотворенія.** Москва, 1896 г. 8°.

Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ), представленный на соисканіе преміи имени Пушкина, заключаетъ въ себѣ около сотни стихотвореній, преимущественно лирическихъ и раздѣленъ авторомъ на четыре отдѣла. Въ первомъ сгруппированы стихотворенія мелкія, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1889 до 1895 года включительно; второй содержитъ въ себѣ «Русскіе мотивы»; третій—семь сонетовъ, и, наконецъ, четвертый, которому дано заглавіе: «Подъ небомъ Эллады», посвященъ отголоскамъ классическаго міра и антологіи. Но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное. Въ сущности, весь сборникъ г-жи Лохвицкой и всѣ стихотворенія, въ немъ заключающіяся, имѣютъ одно содержаніе; содержаніе это исчерпывается словомъ *любовь*; стихотворенія г-жи Лохвицкой, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это старое, какъ міръ, какъ человѣчество чувство; но мы далеки отъ того, чтобы ставить такое однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безъискуственно простъ, читается

Digitized by Google

легко и также легко запоминается—несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ. Какъ образецъ, мы приведемъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

Нельзя, мнѣ кажется, въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ. Мы, конечно, выписали одно изъ лучшихъ стихотвореній сборника; встрѣчаются въ немъ пьесы и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя; но таковыхъ не много. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой мы относимъ неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ

Digitized by Google

шести-, пяти- и четырех-стопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ». Если мы упомянемъ о встрѣчающемся кое-гдѣ отсутствіи обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ, да о нѣкоторыхъ промахахъ, въ родѣ употребленія слова «*плечей*» вмѣсто «плечъ», мы исчерпаемъ всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя къ внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, мы должны замѣтить, что посвященное, какъ мы уже сказали, почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной (изображеніе которой царитъ въ настоящее время во французской литературѣ), содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по настроенію, по краскамъ, по освѣщенію, и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однихъ и тѣхъ картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью—но сами они до безконечности разнообразны и притомъ, взятыя въ отдѣльности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны.

Для примѣра укажемъ на нѣсколько стихотвореній изъ разныхъ отдѣловъ сборника. Вотъ «Призывъ» любви:

Полу-прозрачной, легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой;
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой...

Тоска любви!.. съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Digitized by Google

Деревья дремлютъ... небо ясно...
Приди! — я жду тебя одна.
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна! —

Все полно негги сладострастья,
Неизъяснимой красоты...
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

А вотъ, также призывъ любви, но уже въ другой формѣ, въ другихъ образахъ:

Въ день ненастный астра полевая
Къ небесамъ свой вѣнчикъ подняла
И молила, солнце призывая,
Въ страстной жаждѣ свѣта и тепла:
— «О, владыка дня,
Оживи меня! —
Я твоимъ сіяніемъ жила....»

И природы вѣчное свѣтило,
Внявъ мольбамъ продрогшихъ лепестковъ,
Вновь улыбкой землю озарило,
Сбросивъ тучи мертвенный покровъ...
Тьмы и хлада нѣтъ; —
Ярко блещетъ свѣтъ
Сквозь завѣсу влажныхъ облаковъ.

Но головку солнцу подставляя,
Подъ его губительнымъ огнемъ
Стала блекнуть астра полевая
Все твердя въ безуміи своемъ:
О, еще, молю!
Я твой свѣтъ люблю,
Жизнь моя и упоенье въ немъ!..

Digitized by Google

Тотъ же порывъ чувства, который въ первомъ стихотвореніи выраженъ въ лирической пѣснѣ, во второмъ воплощенъ въ образѣ стремящагося къ солнцу цвѣтка, жаждущаго его свѣта и тепла. Наконецъ, тотъ же мотивъ послужилъ содержаніемъ цѣлой картины, изображенной авторомъ въ «Легендѣ желтыхъ розъ»— стихотвореніи, помѣщенномъ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Подъ небомъ Эллады».

Вотъ отрывокъ этого прекраснаго стихотворенія:

Мой брачный пиръ ужъ подходилъ къ концу,
Когда я юношу прелестнаго узрѣла...
Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ такъ шелъ къ его лицу...
Не знаю, почему спросить я не посмѣла,
Кто онъ; но все мнѣ нравилося въ немъ:
И взоръ его, пылающій огнемъ,
И кудри черныя, упавшія на плечи,
И стройный станъ, и мужественный видъ,
И легкій пухъ его ланитъ,
Спаленныхъ солнцемъ... голосъ!.. рѣчи!
О нѣтъ! — то былъ не человѣкъ, а богъ!
Никто изъ смертныхъ, изъ людей, не могъ
Вмѣстить въ себѣ такія совершенства!
Онъ былъ хорошъ какъ юность, какъ любовь!
И вмигъ ключомъ моя забила кровь,
Вся трепетала я отъ муки и блаженства...
И пышный пиръ былъ мною позабытъ;
Я все смотрѣла, глазъ не опуская
На милый ликъ. — «Вотъ, Федра дорогая, —
Сказалъ Тезей, — мой сынъ, мой Ипполитъ;
Люби его»... И я его люблю!
Киприда свѣтлая! одинъ лишь мигъ молю,
Дай счастья мнѣ! О, только мигъ одинъ!
Сюда, — ко мнѣ!.. мой другъ!.. мой богъ!.. мой сынъ!..

Приведенные примѣры въ достаточной степени поясняютъ

Digitized by Google

высказанную нами мысль о томъ, что однообразіе и ограниченность содержанія въ поэзіи г-жи Лохвицкой въ значительной мѣрѣ искупаются той виртуозной игрой образовъ звуковъ и красокъ, которая невольно увлекаетъ читателя и не даетъ ему замѣтить, что въ сущности онъ перечитываетъ подъ разными видами одну и ту-же старую сказку.

Небольшая поэмка «У моря» и стихотвореніе «Эллада» даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія, не лишенныя достоинства.

Для примѣра описательной поэзіи въ сборникѣ, мы приведемъ слѣдующіе отрывки изъ двухъ вышеназванныхъ пьесъ.

Изъ поэмы «У моря»:

Блистающій средь сумрака ночного
Горѣлъ огнями Петергофъ.
Громадная толпа гудѣла безтолково
И, вырвавшись изъ мраморныхъ оковъ,
Взметая вверхъ клубы алмазной пыли,
Струи фонтановъ пламенныя били.
Роскошныя гирлянды фонарей
Повисnули причудливо и ярко
На темной зелени вѣтвей —
Какъ пестрые цвѣты диковиннаго парка
Сверкая въ глубинѣ аллей
И въ зеркалѣ прудовъ, обманывая взоры,
Сливалися въ волшебные узоры.

Изъ той-же поэмы:

Какая ночь! — Сребристое сіянье
Клубясь, какъ дымъ, ложится на поля,
И, кажется, весь міръ, и небо, и земля —
Все замерло въ тревожномъ ожиданьѣ.

Digitized by Google

Безмолвный паркъ, мечтаній тайныхъ полнъ,
Не шелеститъ листвой завороженной.
Издалека несутся вздохи волнъ
И моря ропотъ возбужденный,
А я смотрю, и жду, и рвусь туда,
Куда летятъ всѣ мысли, всѣ желанья...
Какъ сильно ароматъ разноситъ резеда...
И лиліи не спятъ — ихъ жаркаго дыханья
Порхнула мнѣ въ лицо душистая струя...
Чу!.. полночь бьетъ!.. Уже!.. А тамъ что слышу я?
То вѣтра шумъ, иль шепотъ заклинанья?
Иль гіацинтовъ чудный звонъ?
То счастья зовъ, иль арфы лепетанье,
Иль безъисходной муки стонъ?

Такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ и, наконецъ, яркость образовъ положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію г-жи Лохвицкой; а слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія «Эллада» свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ владѣетъ и простою, повѣствовательною стихотворною рѣчью — свойствомъ болѣе рѣдкимъ и цѣннымъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Поддержать въ читателѣ поэтическое настроеніе при передачѣ обыденныхъ простыхъ событій жизни и обстановки — одна изъ труднѣйшихъ задачъ поэтическаго творчества, для выполненія которой нѣтъ ни правилъ, ни законовъ. Только природное, такъ называемое поэтическое чутье — другими словами, опять-таки, дарованіе — можетъ при этомъ не дать повѣствованію впасть въ скучный прозаизмъ. Г-жа Лохвицкая обладаетъ этимъ чутьемъ и можетъ разсказывать самыя простыя вещи *языкомъ поэтическимъ*.

Какъ въ смутномъ снѣ, я помню знойный день,
Держа въ рукахъ цвѣточныя корзины,

Digitized by Google

Усталая я сѣла на ступень
У пьедестала мраморной Аѳины.
Былъ полонъ рынокъ, солнцемъ залитой,
Кипѣла жизнь роскошная Эллады.
Плѣняли взоръ изящной простотой
Красавицъ стройныхъ легкіе наряды.
Какъ много лицъ мелькало предо мной;
Философы, носильщики, рабыни...
Звучалъ языкъ, забытый мною нынѣ,
Но нѣкогда и близкій, и родной,
И падали журча струи фонтана
Изъ губъ открытыхъ каменнаго Пана,
Но вотъ, нежданно я окружена
Ораторовъ толпой краснорѣчивой;
Кому гвоздика пышная нужна,
Кому корзинка съ жгучею крапивой,
(Невзрачное растенье, но оно
Одобрено безсмертной Афродитой
И почему-то ей посвящено)
Кому вѣнокъ изъ розъ, плющомъ увитый,
Иль алый макъ, простой цвѣтокъ полей,
Желанный тѣмъ, что намъ даетъ забвенье —
Черезъ него въ блаженномъ сновидѣньи
Покинутымъ отраду шлетъ Морфей;
Его потомъ я оцѣнила тоже,
Тогда-жъ — фіалки были мнѣ дороже.

Приведенные отрывки по красотѣ, простотѣ и образности поэтическаго повѣствованія могли бы быть смѣло включены въ эпическія произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ послѣ-Пушкинскаго періода, безъ всякаго ущерба для этихъ произведеній, и было бы жаль, если бы г-жа Лохвицкая пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой. Наконецъ, въ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія, хотя

Digitized by Google

и немногочисленныя, въ которыхъ, со свойственной ей искренностью, г-жа Лохвицкая выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему то высшему и лучшему. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать цѣликомъ два такихъ стихотворенія, во-первыхъ потому, что сами по себѣ они превосходны, а во-вторыхъ потому, что появленіе ихъ изъ-подъ пера такой искренней писательницы, какъ г-жа Лохвицкая, подаетъ надежду на то, что поэтическій кругозоръ ея расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Душѣ очарованной снятся лазурныя дали,
Нѣтъ силъ отогнать неотступную грусти истому,
И рвется душа, трепеща отъ любви и печали,
Въ далекія страны, незримыя оку земному...

Но время настанетъ, и, сбросивъ оковы безсилья,
Воспрянетъ душа, *не нашедшая въ жизни отвѣта,*
Широко расправитъ могучія, бѣлыя крылья
И узритъ чудесное въ морѣ блаженства и свѣта!

Слѣдующее стихотвореніе, «Сумерки», еще изящнѣе, еще тоньше по построенію:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья.

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта
И блѣдныхъ образовъ черты
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

Digitized by Google

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

Мы можемъ только искренно пожелать, чтобы настроеніе, съ такой удивительной тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи (особенно замѣчательна вторая строфа) было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта»—превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только, какъ алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды. Сбудется ли это наше пожеланіе, можетъ показать только будущее.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести на справку одно воспоминаніе, которое можетъ въ тоже время послужить для меня и руководствомъ къ составленію окончательнаго мнѣнія по вопросу о присужденіи г-жѣ Лохвицкой преміи имени Пушкина.

По выходѣ въ свѣтъ сборника стихотвореній г-жи Лохвицкой покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно лично знакомый съ авторомъ, передалъ покойному-же Аполлону Николаевичу Майкову и мнѣ по экземпляру этого сборника. Познакомившись съ его содержаніемъ, я по обычаю своему поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Аполлономъ Николаевичемъ. Мы вмѣстѣ перечли многія стихотворенія, при чемъ я не могъ удержаться отъ восклицанія: «а вѣдь этотъ сборникъ, по моему мнѣнію, вполнѣ достоинъ Пушкинской преміи!».

—«Половинной,»... съ улыбкой добавилъ Аполлонъ Николаевичъ.—«Надо еще посмотрѣть, что изъ Лохвицкой выйдетъ далѣе».

Digitized by Google

III.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ шестой. М. и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896. VIII + 832 стр.

Тоже. Томъ седьмой (съ приложеніями). Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1896. V + 1088 стр.

Критическій разборъ А. Н. Пыпина.

Приступая къ X-му изданію сочиненій Гоголя (т. I—V, М. 1889—1890), Н. С. Тихонравовъ руководился слѣдующими соображеніями, которыя онъ изложилъ въ предувѣдомленіи къ первому тому.

Во-первыхъ, до сихъ поръ текстъ сочиненій Гоголя не удовлетворялъ задачамъ критическаго изученія писателя. «Вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій *текстъ* сочиненій Гоголя, еще при жизни его, подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Поэтъ писалъ свои произведенія такъ неразборчиво, съ такими вопіющими отсутствіями отъ общепринятыхъ правилъ правописанія, нерѣдко даже замѣняя одну букву другою, что оригиналы этихъ произведеній могли быть правильно переписаны писцомъ только при неослабномъ личномъ руководствѣ автора».

Digitized by Google

Первое изданіе сочиненій Гоголя печаталось безъ его личнаго надзора; самъ онъ былъ за границей, и пріятель его Прокоповичъ, которому было поручено изданіе, внесъ въ него много произвольныхъ поправокъ и искаженій, которыя перешли и въ послѣдующія изданія. Такимъ образомъ становился необходимымъ пересмотръ текста и исправленіе его по собственнымъ рукописямъ Гоголя.

Во-вторыхъ, самъ Гоголь не успѣлъ выполнить задуманнаго имъ плана такого изданія его сочиненій, которое дало бы читателю возможность составить вѣрное представленіе о «теоретическихъ понятіяхъ», какія авторъ «имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ, и о томъ, что̀ должно двигать литературу нашу». Такимъ образомъ становится необходимымъ приготовить изданіе, которое удовлетворяло бы потребностямъ историческаго изученія писателя. «Одною изъ характеристическихъ особенностей творчества Гоголя была медленность въ разработкѣ идеи и формы произведенія: разработка и переработка написаннаго произведенія совершалась въ теченіи цѣлыхъ годовъ, по частямъ, отрывками, одновременно съ работою надъ нѣсколькими другими произведеніями, въ перекрестныхъ направленіяхъ».

«Въ силу этой особенности своей художнической природы, Гоголь не разъ обращался къ новой переработкѣ, даже *напечатанныхъ* уже произведеній своихъ: «Портретъ», «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» передѣлывались *заново* на пространствѣ *всего* блестящаго періода чисто-художественной дѣятельности Гоголя (1835 г.—1842 г.)».

«Новыя воззрѣнія и впечатлѣнія вносились въ готовые, уже получившіе опредѣленную форму, сюжеты, и новыя симпатіи сказывались въ нихъ... Въ многочисленныхъ черновыхъ наброскахъ, передѣлкахъ, редакціяхъ «Тараса Бульбы», «Театральнаго Разъѣзда», первой части «Мертвыхъ Душъ» проходитъ передъ внимательнымъ наблюдателемъ исторія внутренней жизни поэта въ указанную эпоху. Набрасывая начерно эскизы своихъ поэтическихъ созданій, Гоголь вполнѣ отдавался «посѣщавшему его

Digitized by Google

вдохновенію», и въ этихъ первыхъ наброскахъ изливались его думы и чувства съ необыкновенною искренностью, — искренностью, которою не всегда отличаются его письма. И впослѣдствіи, возвращаясь къ отдѣлкѣ этихъ первыхъ, про себя сдѣланныхъ набросковъ, Гоголь начиналъ умѣрять и ограничивать излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ, временныхъ чертъ... Укажемъ на «Театральный Разъѣздъ», на статью «О движеніи журнальной литературы», на нѣкоторыя страницы въ первой части «Мертвыхъ Душъ». Эти черновые наброски даютъ, въ своей совокупности, нерѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне осторожныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора. Поэтому для тѣхъ, кто желалъ бы разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, необходимо изучить этотъ трудъ Гоголя по сохранившимся документамъ».

На этихъ двухъ основаніяхъ Тихонравовъ поставилъ для своего изданія Гоголя двѣ задачи: установленіе правильнаго текста сочиненій Гоголя и возможную полноту собранія.

Въ основаніе текста онъ принялъ то изданіе пятидесятыхъ годовъ, которое начато было Гоголемъ въ послѣдніе годы жизни и окончено послѣ его смерти — въ той части, которая была просмотрѣна самимъ Гоголемъ; затѣмъ Тихонравовъ воспользовался сохранившимися рукописями. Содержаніе этихъ рукописей онъ исчерпывалъ. Различныя редакціи сочиненій, возникавшія отъ первыхъ набросковъ до окончательной обработки, онъ издавалъ сполна; разночтенія между печатными текстами и рукописями, между прочимъ вслѣдствіе цензурныхъ передѣлокъ, онъ съ точностью передавалъ въ «варіантахъ», — такъ что здѣсь собираемъ былъ *весь матеріалъ* работъ Гоголя надъ своими сочиненіями, какой только сохранился въ оставшихся бумагахъ. Съ такою же обстоятельностію Тихонравовъ исполнялъ другую свою задачу: исторію текста произведеній Гоголя. Изъ переписки

Digitized by Google

Гоголя, изъ сохранившихся біографическихъ свѣдѣній онъ собиралъ указанія о томъ, какъ возникало и исполнялось то и другое произведеніе, провѣрялъ эти данныя уцѣлѣвшими рукописными текстами и набросками, такъ что возстановлялась, насколько возможно, исторія каждой работы Гоголя.

Извѣстно, какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ, комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ.

Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Имъ издано было пять томовъ и смерть застигла его среди работы надъ шестымъ.

Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, и это было наилучшимъ, что онъ могъ сдѣлать. Уже многіе годы г. Шенрокъ посвящалъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя, которую онъ между прочимъ обогатилъ ранѣе неизданными и неизвѣстными матеріалами. При этомъ, однимъ изъ основныхъ его интересовъ было, конечно, изслѣдованіе развитія творчества Гоголя и имъ былъ внимательно изученъ весь матеріалъ изданія Тихонравова, насколько оно вышло тогда въ свѣтъ. Г. Шенрокъ высоко цѣнилъ изданіе Тихонравова, которое цитировалось имъ какъ авторитетный источникъ: эту оцѣнку труда Тихонравова онъ изложилъ въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, 13-го марта 1894, въ рѣчи напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», который изданъ былъ въ 1894 друзьями и учениками профессора (М. 1894, стр. 92—122: «Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя»). Эта статья г. Шенрока есть подробная исторія и характеристика работъ Тихонравова надъ Гоголемъ, и авторъ заключилъ статью слѣдующими словами: «Научные пріемы Тихонравова имѣли большое значеніе не только для его собственныхъ работъ, но могутъ также служить прекраснымъ образцомъ для молодыхъ ученыхъ, для которыхъ важно познакомиться съ рѣдкой солидностью и основательностью трудовъ Тихонра-

Digitized by Google

вова, качествами, ставящими нашего покойнаго изслѣдователя сочиненій Гоголя на ряду съ лучшими учеными западной Европы».

Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, большая доля котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна ту же программу изданія, которая вызывалась сущностью задачи, и которую онъ еще раньше такъ высоко оцѣнивалъ. Въ первыхъ словахъ своего предисловія къ VI тому изданія г. Шенрокъ говорилъ: «Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ». Дѣйствительно, г. Шенрокъ точно также печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты; и точно также старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія, — за однимъ исключеніемъ, о которомъ упомянемъ далѣе.

Какъ сказано, въ VI-мъ томѣ было напечатано Тихонравовымъ двадцать листовъ текста, — еще пятнадцать листовъ текста было напечатано г. Шенрокомъ.

Въ VII-мъ были уже набраны двѣ первыя полныя редакціи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но (по смерти Тихонравова) сохранить наборъ оказалось невозможнымъ и вся работа должна была повториться вновь; затѣмъ, повидимому, листы 24—30 текста были вновь составлены г. Шенрокомъ. Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI-мъ томѣ страницы 542—827 за исключеніемъ исторіи текста «Ревизора» (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей стра-

Digitized by Google

ницы 829—947, гдѣ г. Шенрокъ могъ отчасти воспользоваться работой Тихонравова; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ страницы 949—1087.

Таковъ внѣшній объемъ работы. Въ собираніи варіантовъ г. Шенрокъ могъ воспользоваться трудомъ Тихонравова лишь въ очень незначительной степени, и одна эта часть редакціи изданія, собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій, должна была потребовать большого труда. Съ такимъ же стараніемъ г. Шенрокъ исполнялъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности Гоголя. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находятъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ, особливо подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба» (стр. 545—575), въ дополненіе къ статьѣ самого Тихонравова во II-мъ томѣ изданія, и указаніе варіантовъ занимаетъ страницы 575—587. Далѣе, обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора» (стр. 631—666), программѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ, статьѣ о петербургской сценѣ въ 1835—1836 году, статьѣ о движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 годахъ, рецензіямъ Гоголя въ «Современникѣ», Пушкина, первоначальной редакціи «Коляски» и т. д. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ Душъ» (стр. 475—597 и варіанты, стр. 597—776) опять въ дополненіе къ прежней работѣ Тихонравова объ окончательномъ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», причемъ опять приведено множество варіантовъ изъ сохранившихся отдѣльныхъ черновыхъ набросковъ. Далѣе, г. Шенрокъ подробно останавливается на тѣхъ страницахъ, которыя передѣланы были Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»; объясняетъ вновь найденные наброски къ первой и ко второй части «Мертвыхъ Душъ».

Обширный отдѣлъ, заключающій описаніе рукописей Гоголя, былъ только начатъ Тихонравовымъ и доведенъ г. Шенрокомъ до конца: онъ долженъ былъ выяснить весь внѣшній со-

Digitized by Google

ставъ матеріала, какой былъ въ рукахъ редактора въ этомъ изданіи Гоголя. Здѣсь описано все до послѣдняго листка и между прочимъ сообщено не мало отдѣльныхъ замѣтокъ Гоголя. Наконецъ г. Шенрокъ составилъ упомянутый обширный указатель, ко всѣмъ семи томамъ, который распадается на нѣсколько частныхъ указателей. Во первыхъ, въ указателѣ *хронологическомъ* находимъ перечень произведеній Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ съ 1825 до 1852 года; затѣмъ данъ списокъ годовъ, встрѣчающихся въ текстѣ настоящаго изданія съ 1864 до 1895 (что̀ можетъ представляться излишнею роскошью). Указатель *собственныхъ именъ* заключаетъ имена личныя, географическія, заглавія статей и даже собачьи клички. Указатель *предметный* заключаетъ всякіе предметы, какіе редакторъ изданія счелъ нужнымъ отмѣтить въ сочиненіяхъ Гоголя. Для отдѣла примѣчаній редактора и варіантовъ составленъ *отдѣльный* указатель, одна часть котораго посвящена собственнымъ именамъ всякаго рода, личнымъ, географическимъ, литературнымъ, а другая предметамъ.

По нѣкоторымъ пунктамъ г. Шенрокъ сдѣлалъ однако небольшія отступленія отъ порядка изданія, принятаго Тихонравовымъ. Въ «предувѣдомленіи» къ I тому Тихонравовъ предполагалъ помѣстить въ изданіи только выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя и раньше изданія дѣйствительно помѣстилъ въ одномъ журналѣ только выдержки; но, судя по оставшимся послѣ него конспектамъ, онъ колебался относительно этого пункта и думалъ потомъ напечатать въ VI томѣ ихъ полный текстъ, — г. Шенрокъ помѣстилъ полный текстъ. Далѣе, г. Шенрокъ прибавилъ небольшую шуточную замѣтку Гоголя. Относительно лекцій Гоголя по исторіи, г. Шенрокъ отложилъ объясненія къ нимъ до особаго изслѣдованія, такъ какъ объясненіе этого вопроса потребовало бы много времени. Къ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи, которые Тихонравовъ занесъ въ свою программу, г. Шенрокъ присоединилъ наброски по русской исторіи, которые нашелъ разсѣянными въ его бумагахъ. Далѣе, г. Шенрокъ говоритъ: «Единственное, сдѣланное нами,

Digitized by Google

намѣренное отступленіе отъ традиціи Н. С. Тихонравова касается орѳографіи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: «всякой», «мѣлкій» и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницъ предлагаемаго тома въ VI явленіи «Жениховъ» въ одной и той же репликѣ Жевакина: «пожалуйста, душенька», «спасибо, душинька» и «благодарю, душенька». И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орѳографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ варіантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненіе же своеобразностей Гоголевскаго правописанія можетъ иногда производить на читателя непріятное впечатлѣніе частыхъ опечатокъ; такъ на стр. 4-й встрѣчаемъ слѣдующія точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанія: «безъотчетный, суботній, мѣлкій»; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертаніе: «мелодрамма» (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значеніе собственно *правописанію* Гоголя».

Относительно VII-го тома г. Шенрокъ объясняетъ, что въ виду непомѣрно разросшагося матеріала (VI т. заключаетъ 52 печатныхъ листа, VII-й—68) онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія привести въ описаніи рукописей всѣ выписки Гоголя изъ интересовавшихъ его книгъ и составить указатель къ этому отдѣлу.

По той же причинѣ не внесенъ составленный Гоголемъ не-

Digitized by Google

большой словарь простонародныхъ словъ, напечатанный Тихонравовымъ раньше въ «Сборникѣ Общества любителей россійской словесности»; впрочемъ онъ не былъ внесенъ въ программу изданія и самимъ Тихонравовымъ. Наконецъ, относительно указателей г. Шенрокъ, руководясь заботами о полнотѣ, объясняетъ, что онъ «опустилъ указанія страницъ, на которыхъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» упоминается имя Чичикова, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы приводить почти всѣ страницы; по этой же причинѣ не отмѣчены страницы, гдѣ напримѣръ встрѣчается имя Божіе въ «Размышленіяхъ о Божественной Литургіи», или имя Гоголя въ примѣчаніяхъ редактора и варіантахъ, такъ какъ подобное перечисленіе почти сплошь всѣхъ страницъ извѣстныхъ отдѣловъ, конечно, уже не отвѣчало бы задачамъ указателя». Какъ видимъ, г. Шенрокъ черезчуръ преувеличивалъ здѣсь свою заботливость.

Таковъ составъ работы г. Шенрока по изданію VI-го и VII-го тома сочиненій Гоголя. Въ постановкѣ ея онъ слѣдовалъ плану, принятому Тихонравовымъ. Къ г. Шенроку не относились бы возраженія, какія могъ вызвать этотъ планъ. Не говоря о той точкѣ зрѣнія, какую высказалъ нѣкогда Гончаровъ въ своемъ трактатѣ о «нарушеніи воли»,—подобное изданіе *всѣхъ* бумагъ являлось бы такимъ же «нарушеніемъ», какъ изданіе переписки, не назначавшейся для печати; самъ Гоголь пришелъ бы въ ужасъ отъ этого раскрытія всѣхъ, самыхъ мелкихъ частностей его интимной работы, гдѣ онъ собиралъ мелькавшія подробности художественнаго вдохновенія, отмѣчалъ отрывочныя наблюденія, пополнялъ свои недостаточныя свѣдѣнія о той Россіи, для которой хотѣлъ стать учителемъ,—не говоря объ этой точкѣ зрѣнія, можно было видѣть нѣкоторое излишество въ желаніи абсолютной полноты даже въ передачѣ мелкихъ варіантовъ и орѳографическихъ ошибокъ: эти ошибки и мелкіе варіанты можно было бы оговорить въ одномъ общемъ объясненіи свойства рукописей. Но такой взглядъ встрѣчался съ другой точкой зрѣнія. Безъ «нарушенія воли» невозможна исторія и біографія, и Го-

Digitized by Google

голь въ особенности представлялъ своеобразную личность и своеобразное литературное явленіе. Онъ занялъ въ русской литературѣ особое господствующее положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ его личность была столь оригинальна и столь замкнута, онъ такъ мало высказывался даже съ самыми близкими людьми, что для уразумѣнія его не только какъ человѣка, но и какъ писателя становилось необходимо внимательное изученіе всего, что̀ отъ него осталось. Это изученіе являлось не только исторической потребностью, но казалось даже требованіемъ піэтета къ великому писателю. Такъ смотрѣлъ на это Тихонравовъ. Той же точки зрѣнія издавна держался г. Шенрокъ, который въ своей біографіи Гоголя собиралъ малѣйшія подробности о Гоголѣ и былъ вообще его апологетомъ. Понятно, что за трудомъ Тихонравова онъ признавалъ безусловный авторитетъ.

Г. Шенроку предстояло только докончить начатое Тихонравовымъ, строго держась сохранившихся отъ него конспектовъ того, что̀ должны были заключать VI-й и VII-й томы. Какъ видно изъ его отвѣтовъ на критическія замѣчанія, явившіяся по поводу изданныхъ имъ томовъ, г. Шенрокъ былъ даже обязанъ къ выполненію конспектовъ Тихонравова контрактами съ издателемъ и съ опекунами имущества покойнаго Тихонравова. Поэтому въ своихъ предисловіяхъ г. Шенрокъ считалъ необходимыми такія подробныя оговорки о тѣхъ небольшихъ измѣненіяхъ противъ плановъ Тихонравова, какія онъ счелъ нужными по самому существу дѣла.

Какъ мы видѣли, эти измѣненія весьма не велики и могутъ быть вполнѣ оправданы; между прочимъ и приведенныя выше замѣчанія о «правописаніи» Гоголя. Этого правописанія, собственно говоря, не было, и достаточно было оговорить этотъ пунктъ однажды, чтобы не утомлять читателя доказательствами этого въ самыхъ писаніяхъ Гоголя (здѣсь имѣются въ видѣ тѣ его тексты, которые печатались изъ рукописей, какъ варіанты и какъ историко-литературный матеріалъ).

Весь основной трудъ по изданію произведеній Гоголя, его

Digitized by Google

набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобы оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи. Нѣкоторые критики ставили ему въ упрекъ, что въ число матеріаловъ для объясненія «Ревизора» не помѣщенъ тотъ первоначальный сценическій текстъ, который былъ раньше изданъ Тихонравовымъ отдѣльною книжкой «Ревизоръ, и пр. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. Тихонравовымъ». Москва, 1886); но г. Шенрокъ объясняетъ, что этотъ текстъ опущенъ потому, что не былъ поставленъ самимъ Тихонравовымъ въ его конспектѣ VI-го тома, — почему это было такъ сдѣлано, несовсѣмъ понятно.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ. Можно было бы указать еще нѣсколько неисправностей подобнаго корректурнаго свойства. Напримѣръ, печатая въ исторіи текста «Ревизора» статью Тихонравова изъ упомянутой книжки 1886 года, г. Шенрокъ недостаточно объясняетъ читателю происхожденіе этой статьи и, прибавляя къ ея тексту свои дополнительныя примѣчанія, опять недостаточно отдѣляетъ ихъ отъ примѣчаній самого Тихонравова, или повторяетъ ссылки на страницы этой книжки, которыми читатель не можетъ воспользоваться въ ея перепечаткѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Шенрокъ опять теряетъ мѣру въ заботливости своего комментарія. Напр. приводя наброски Гоголя изъ древней исторіи, онъ объясняетъ, что Гоголь дѣлалъ выдержки изъ Геродота и въ доказательство приводитъ длинный эпизодъ изъ Геродота въ греческомъ подлинникѣ (т. VI, стр. 789—790), причемъ замѣчаетъ тотчасъ, что переводныя выдержки сдѣ-

Digitized by Google

ланы: «разумѣется, не прямо съ греческаго языка, котораго Гоголь, какъ извѣстно, не зналъ вовсе»: зачѣмъ же нужна была эта греческая цитата?

Но въ цѣломъ, внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ всякаго уваженія[1]). «Мы, — говоритъ онъ въ предисловіи къ заключительному тому изданія, — отнюдь не можемъ имѣть самонадѣянныхъ притязаній на сравненіе нашихъ посильныхъ работъ съ образцовымъ трудомъ такого капитальнаго ученаго, какимъ былъ нашъ почтенный предшественникъ; но чувство глубочайшаго благоговѣнія, какъ къ нему, такъ еще болѣе къ самому издаваемому автору, побуждало насъ всѣми силами стремиться къ той идеальной отчетливости и полнотѣ, какими всегда выдѣлялось все выходившее изъ-подъ пера покойнаго Н. С. Тихонравова. Представляя теперь послѣдніе два тома на судъ критики и общества, мы можемъ желать только того, чтобы вложенный нами въ дѣло упорный и, смѣемъ надѣяться, добросовѣстный трудъ до нѣкоторой степени послужилъ искупленіемъ ускользнувшихъ отъ насъ, быть можетъ, недосмотровъ». Изъ того, что̀ мы говорили выше, можно видѣть, сколько дѣйствительно добросовѣстнаго труда г. Шенрокъ положилъ на изученіе рукописей Гоголя, на ихъ сопоставленіе и сличеніе въ настоящемъ изданіи, на опредѣленіе исторіи произведеній Го-

---

[1]) Прибавимъ, что трудъ г. Шенрока вообще вызвалъ въ печати весьма сочувственные отзывы. См.:

— Р. Мысль, 1896, ноябрь, 3-й отд., стр. 503—504.

— Р. Старина, 1896, сентябрь, на оберткѣ.

— Наблюдатель, 1896, ноябрь, отд. 2-й, стр. 17—19.

— Сѣверный Вѣстникъ, 1896, іюль, стр. 322—323.

— Кіевская Старина, 1896, іюль — августъ, библіографія, стр. 27—30, ст. Евг. Пѣтухова.

— Р. Вѣдомости, 1896, № 131, 143, 163, 180, рядъ статей В. Якушкина: «Изъ исторіи творчества Гоголя».

— Р. Обозрѣніе, 1896, августъ, стр. 859—860.

На замѣчанія, сдѣланныя въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ, г. Шенрокъ отвѣчалъ въ «Р. Вѣдомостяхъ» того же года, 29-го іюля, № 207 и въ «Р. Обозрѣніи», сентябрь, стр. 471—473.

Digitized by Google

голя, и наконецъ на то, чтобы составленіемъ указателей облегчить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ изученіе Гоголя. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя, это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя.

Digitized by Google

IV.

Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса. Съ портретомъ автора и 14 отд. рисунками Н. П. Загорскаго и Т. И. Никитина. СПБ. 1893. Ц. 1 р. 50 к. (стран. 229).

Критическій разборъ, составленный В. П. Острогорскимъ.

Въ исторіи русской дѣтской литературы существуетъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода. Въ первомъ, приблизительно до шестидесятыхъ годовъ, въ дѣтской беллетристикѣ, за рѣдкими исключеніями, господствуетъ голая, надоѣдливая, мораль, сентиментальность, искусственность. Пишущіе для дѣтей почти никогда не отличаются талантливостью художника, и дѣтскія книги скучны, не давая ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Не мудрено поэтому, что маломальски даровитыя дѣти не любили этой *«своей»* литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣняются и требованія отъ дѣтской книги. И вотъ, мало-помалу, наступаетъ повый, второй, періодъ, когда къ послѣдней уже начинаютъ предъявляться тѣ-же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. За неимѣніемъ же еще книгъ художественныхъ, написанныхъ спеціально для дѣтей, является рядъ уже болѣе или менѣе инте-

Digitized by Google

ресныхъ и удачныхъ выборокъ, сокращеній или передѣлокъ, преимущественно изъ большой литературы иностранной, а затѣмъ появляются и оригинальныя прекрасныя произведенія для дѣтей, написанныя уже настоящими художниками, Полонскимъ, Плещеевымъ, Потѣхинымъ, Засодимскимъ и др.; нынѣ же не брезгаютъ писать для дѣтей очень многіе русскіе писатели, какъ Немировичъ-Данченко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Потапенко, Альбовъ, Баранцевичъ и др. И въ настоящее время, кажется, уже несомнѣнно—изъ беллетристики признается годнымъ для дѣтей единственно только то, что, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждая въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, можетъ быть въ то-же время интереснымъ и художественнымъ и для взрослыхъ.

Среди этой-то новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ, по всей справедливости, занимаетъ В. П. Авенаріусъ. Выступилъ онъ въ литературу еще въ 1865 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», а затѣмъ, участвуя талантливыми повѣстями въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», въ «Недѣлѣ», онъ съ семидесятыхъ годовъ всецѣло посвящаетъ свой талантъ дѣтямъ и его *«Книга былинъ»*, *«Сказки»*, *«Васильки и колосья»*, особенно же оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги *«Отроческіе»* и *«Юношескіе годы А. С. Пушкина»* одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества. Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить, только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ ребячью или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ,

Digitized by Google

къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подростающихъ поколѣніяхъ.

Если очень трудно писать собственно для дѣтей вообще, то тѣмъ болѣе трудно писать для нихъ о нихъ же самихъ. Дѣти, какъ и простолюдины, не любятъ читать про самихъ себя: — ихъ вниманіе привлекается скорѣе чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, новымъ, изъ міра другого, имъ неизвѣстнаго. Но великій магъ и волшебникъ-художникъ, ему одному данною силой, умѣетъ и въ самомъ обыденномъ, всѣмъ, повидимому, извѣстномъ, открыть и въявь показать новое, неизвѣстное, и такимъ образомъ сдѣлать это старое какъ бы новымъ, въ извѣстномъ отыскать доселѣ неизвѣстное. Таковы классическія книги С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука»; таковы «Дѣтство» и «Отрочество» гр. Л. Толстого, хотя написанныя и не для дѣтей, но составляющія любимѣйшее дѣтское чтеніе. Въ чемъ же здѣсь сила? Сила эта въ непосредственномъ воспроизведеніи настоящей дѣтской жизни, со всею искренностью и наивностью съ одной стороны, и въ то-же время, глубокою мудростью художника, незамѣтно раскрывающей внутренній, сокровенный смыслъ этой жизни, съ другой. Точно разсказываетъ дѣтямъ своимъ свою собственную жизнь добрый отецъ или дѣдушка, сохранившій до старости ясность души и любовь къ жизни, и къ нимъ самимъ, этимъ ребятамъ, а такіе живые разсказы, хотя бы и про дѣтей, не могутъ дѣтямъ не нравиться.

Къ этимъ-то великимъ произведеніямъ С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого, какъ педагогическимъ, присоединили бы мы и «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», конечно, отнюдь не сравнивая съ громадными талантами названныхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей скромнаго таланта г. Авенаріуса, но которому, все-таки, по нашему мнѣнію, принадлежитъ по праву, въ ряду именно дѣтскихъ воспоминаній, послѣ этихъ двухъ авторовъ, *первое* мѣсто, тѣмъ болѣе, что «Листки», хотя и написаны собственно

Digitized by Google

для дѣтей, не разсчитывая, какъ Аксаковъ и Толстой, на взрослыхъ, но тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ читаются и взрослыми.

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя фамильныя воспоминанія о своихъ собственныхъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ, о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренно, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти не касается вовсе, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, своего любимаго отца.

Предъ нами трудовая и благочестивая нѣмецкая обрусѣлая семья изъ трехъ пожилыхъ братьевъ: двухъ почтенныхъ лютеранскихъ пасторовъ и третьяго, главнаго доктора одной изъ петербургскихъ больницъ. Кромѣ нихъ еще живы и сестры. Всѣ три брата женаты. Одинъ изъ нихъ — Петръ, старый дерптскій студентъ, пѣвецъ и прирожденный ораторъ, пасторъ въ Царскомъ Селѣ, отецъ многочисленной семьи изъ десяти человѣкъ, четырехъ сыновей и шести дочерей, не считая пяти умершихъ, держитъ церковную школу, гдѣ и преподаетъ самъ съ женой и взрослыми дочерьми, преподавая также въ лицеѣ и въ корпусѣ. Это уважаемый во всемъ приходѣ человѣкъ, серьезный и строгій, лично извѣстный императору Николаю Павловичу, но карьеры себѣ составить не умѣвшій, живя скромно своими трудами. Другой братъ, Василій, тоже пасторъ, но въ Славянкѣ, близъ Павловска, страстный садоводъ и пчеловодъ, бездѣтный и зажиточный, беретъ къ себѣ на воспитаніе младшаго шестинедѣльнаго племянника Васю. Жизнь Васи до семи лѣтъ у баловника дяди (два

Digitized by Google

первыхъ Листка), четыре года въ школѣ у отца въ Царскомъ (третій Листокъ); каникулы, сначала въ Славянкѣ (четвертый и пятый, уже по поступленіи въ гимназію), а потомъ у отца въ селѣ Волесѣ на финляндской границѣ, куда приглашаютъ Петра къ себѣ, на его же родину, прихожане (Листки — шестой, седьмой, восьмой и девятый), наконецъ экзамены въ гимназіи и смерть отца (Листокъ десятый) — вотъ и все незатѣйливое содержаніе книги, которую разсмотримъ подробнѣе по отдѣльнымъ разсказамъ (Листкамъ).

Книга начинается маленькимъ разсказомъ «Ночные страхи». Шестилѣтній Вася, баловень своего пріемнаго отца-дяди и пожилой дѣвицы тети Ани, сущаго ангела по чистотѣ и добротѣ, о которой и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминаютъ, какъ о святой. Съ трогательной простотой описываетъ авторъ ея заботы о малюткѣ, который спитъ съ ней въ одной комнатѣ, первое ласковое ученье, свои дѣтскіе сны и грезы, ночные страхи передъ воображаемыми ворами, которыми оказывается наблудившая въ столовой кошка, или привидѣніемъ, оказавшимся при лунномъ свѣтѣ простымъ полотенцемъ. Мальчикъ въ ужасѣ зоветъ тетю, — тетя успокаиваетъ дитя лаской... Вотъ и все... И какъ это все обыкновенно, просто... Но какая это миніатюра красивая, граціозная, близкая всѣмъ намъ по воспоминаніямъ дѣтства!

Второй разсказъ «Какъ я былъ разносчикомъ» уже полонъ болѣе глубокаго содержанія. Мы среди богатаго плодоваго и пчелинаго хозяйства стараго пастора-дяди, выгодно сбывающаго ягоды, яблоки и медъ въ столицу. Своимъ страстнымъ уходомъ за любимымъ садомъ онъ увлекаетъ и ребенка, которому отводитъ въ саду особый участокъ. Обильные барыши дяди соблазняютъ Васю, и онъ мечтаетъ и самъ выручить съ своего крошечнаго участка «страсть сколько денегъ». Коммерческій духъ пріобрѣтенія, обогащенія, подобно большинству дѣтей, обуялъ и его. Но ураганъ въ одну ночь произвелъ на участкѣ страшный погромъ: вся земля кругомъ была усѣяна сбитыми съ деревъ яблоками. И вотъ, у ребенка является блажная мысль, не говоря

Digitized by Google

никому ни слова, пойти въ воскресенье къ церкви съ корзиной и распродать сбитыя яблоки прихожанамъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ отправляется на погостъ, и на удивленіе и на смѣхъ послѣднимъ распродаетъ почти весь товаръ, чрезвычайно довольный спекуляціей, но осыпанный непонятными для него насмѣшками. «Въ полномъ церковномъ облаченіи, мирно и чинно возвращающійся изъ церкви всѣми уважаемый пасторъ», накрываетъ проказника, но, хотя и глубоко возмущенный торгашеской попыткой, тѣмъ не менѣе, кротко относится къ племяннику, отдавшему, по совѣту тети Ани, всю выручку погорѣлой нищенкѣ. «Коммерсанта такъ изъ меня и не вышло,—заканчиваетъ авторъ незатѣйливый разсказикъ о «первомъ стыдѣ».

Еще большимъ интересомъ и рисовкой, чисто во фламандскомъ вкусѣ, подробностей мелкой, но полной смысла жизни, отличается третій, большой разсказъ «У своихъ въ гостяхъ». Мальчику исполнилось семь лѣтъ, и дядя везетъ его въ Царское Село въ школу къ отцу. По дорогѣ вспоминается мальчику елка въ отцовскомъ домѣ, но въ общемъ понятіе у него объ этомъ домѣ смутное. Интересенъ первый урокъ ариѳметики, данный матерью, конфузъ новичка, приставанье къ нему товарищей, заступничество и наставленіе относительно «фискальства» со стороны старшаго брата Мити; вечеръ у родителей, нѣсколькими штрихами рѣзко очерченный пасторъ-отецъ, проповѣдникъ, ученый и строгій pater familias, и въ тоже время до сѣдыхъ волосъ студентъ-пѣвецъ студенческихъ пѣсенъ; приготовленіе перваго урока, вечерній семейный чай, благоговѣйное посѣщеніе никогда невидѣннаго прежде отцовскаго кабинета; утренній чай (для дѣтей патока съ молокомъ и кипяткомъ, съ хлѣбомъ) и бѣга мальчишекъ въ Царскомъ Селѣ. Прекрасно оттѣненъ контрастъ строгаго родительскаго режима съ привольною жизнью у богатаго баловника дяди, къ которому мальчикъ во всѣ четыре года ѣздилъ на праздники въ Славянку. «Только много лѣтъ спустя,—говоритъ авторъ,—на университетской скамьѣ, я вполнѣ оцѣнилъ то благотворное вліяніе, какое имѣло на меня четырехлѣт-

Digitized by Google

нее пребываніе въ гостяхъ у своихъ: живой примѣръ самихъ родителей, сестеръ и братьевъ пріучилъ меня къ усидчивому труду, вложилъ мнѣ въ душу сознаніе человѣческаго долга, сдѣлалъ меня «человѣкомъ» (стран. 64).

Четвертый и пятый (особенно живой) разсказы посвящены идиллiи каникулъ въ Славянкѣ, куда пріѣзжалъ авторъ изъ школы. Очеркъ «Какъ мы купались» тепло рисуетъ природу мирнаго уголка подъ Павловскомъ, садъ, рыбную ловлю, купанье, красивую сценку въ водѣ между братьями, старшимъ, Митей, и младшимъ, Васей, держащими пари на леденцы, кто дольше просидитъ, нырнувъ, подъ водой; плаванье на старой досчатой двери, вмѣсто плота, — словомъ, живо знакомитъ съ столь близкими дѣтямъ лѣтними радостями и неизбѣжными маленькими приключеніями молодого народа, за которыми, благодаря автору, съ интересомъ слѣдитъ и взрослый.

Очеркъ «Разбойничья исторія безъ разбойниковъ» (одинъ изъ лучшихъ въ книгѣ) представляетъ Васю уже заправскимъ гимназистомъ, живущимъ съ старшимъ братомъ Митей у дяди-доктора, въ Петербургѣ, когда уже Вася, какъ большой, «ѣздилъ въ Славянку одинъ и самъ бралъ билетъ». Въ контрастъ гимназисту, «читающему Лермонтова», и, какъ штатскому, отличающемуся болѣе мирными наклонностями, и даже нѣкоторою трусостью, выставленъ его кузенъ-кадетъ, лихой наѣздникъ и страстный почитатель «Брынскаго лѣса», «Кузьмы Рощина», «Стеньки Разина» и другихъ разбойничьихъ романовъ. Возвращеніе Васи одного, пѣшкомъ, изъ Павловскаго вокзала, ночью, черезъ Анненковскій лѣсъ въ Славянку, подъ вліяніемъ страшныхъ розсказней храбраго кузена, — все это полно такого интереса, такъ правдиво, разсказано съ такимъ добродушнымъ юморомъ, что читается съ захватывающимъ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, напоминая Аксакова и гр. Л. Толстого.

Всего менѣе удаченъ шестой разсказъ «Пѣвунья птичка», рисующій дорогу лѣтомъ къ отцу въ пасторатъ Волесъ, черезъ Мурино и Токсово, съ веселой барышней, сестрой одного изъ

Digitized by Google

товарищей Мити, Вани Старикова, Леночкой. Онъ какъ-то растянутъ, и даже немножко слащавъ, что уже совсѣмъ не къ лицу талантливому автору; но зато этотъ разсказъ вполнѣ выкупаютъ четыре остальные. Седьмой — «Какъ проводили мы каникулы», какъ бы дополняетъ славный разсказикъ четвертый «Какъ мы купались», развертывая новую, уже широкую, картину дѣтскихъ радостей на деревенскомъ привольѣ страны озеръ, Финляндіи. Тутъ и раннее вставанье мальчиковъ-товарищей, и опять купанье, и ловля бабочекъ, и чтеніе цѣлымъ кругомъ молодежи, и семейные пельмени, приготавливаемые всѣмъ дамскимъ обществомъ, и уженье рыбы, и катанье въ лодкѣ, и ночной ужинъ простоквашей съ хлѣбомъ и сладкій сонъ, когда «такъ сладко спится подъ утро въ молодые годы». И вездѣ строго выдержанъ контрастъ между четырнадцатилѣтнимъ, младшимъ, Васей и его взрослыми гимназистами братьями, ихъ товарищемъ и барышнями, покровительственно относящимися къ подростку. Слѣдующій разсказъ «Первый воробей и первая утка», — какъ продолженіе предыдущаго, — первая въ жизни охота съ подареннымъ дядей ружьемъ — живо рисуетъ соблазны этого, совсѣмъ не педагогическаго спорта и чувство жалости при видѣ убитаго воробьишки и бѣднаго утенка, которое навсегда отвадило автора отъ дикой забавы, которой онъ и не предавался больше никогда, кромѣ случайной, единственной, будучи уже студентомъ, охоты на утокъ въ Финляндіи.

Точно жалѣя разстаться съ дорогими воспоминаніями дѣтства, авторъ съ особенной любовью обрабатываетъ послѣдніе два разсказа: кульминаціонный пунктъ лѣтняго пребыванія у родителей «День Петра и Павла» и «Экзамены», съ которыми совпала и семейная катастрофа. Эти послѣдніе именины отца совпадаютъ съ именинами мальчика-племянника Павлуши и празднуются особенно торжественно. Необыкновенно тепло, въ самыхъ тонкихъ деталяхъ, рисуются эти приготовленія къ именинамъ любимаго отца семейства, пробужденіе молодежи, бѣшеная гонка на крестьянскихъ лошадяхъ, едва не стоившая Митѣ жизни, торжественный

Digitized by Google

обѣдъ съ рѣчью виновника торжества, которая вышла какъ бы предсмертной, неумѣренное потребленіе на радостяхъ напитковъ малышами, Васей и младшимъ именинникомъ, подзадориваемыми старшими гимназистами, едва не повлекшее за собой позорнаго наказанія со стороны разошедшихся во гнѣвѣ на дѣтвору отцовъ, наконецъ, деревенскій танецъ красавицы Айны у пылающаго громаднаго костра (кóкко) и послѣднее угощеніе пасторомъ крестьянъ — все это полно такой задушевности и живописности, что эту главу мы, независимо отъ ея педагогическаго значенія, позволили бы себѣ причислить къ выдающимся произведеніямъ художественной русской литературы вообще.

Строго выдержанъ и послѣдній, заключительный, разсказъ, начинающійся съ приготовленія Васи къ экзаменамъ въ пятый классъ гимназіи, съ товарищемъ, причемъ приводится премилое стихотвореніе, написанное Васей во время приготовленія къ экзамену исторіи, живо рисующее отроческія, рыцарски-чистыя первыя любовныя грезы мальчика по поводу дѣвицы, сестры товарища старшаго брата Мити. Особенно трогательно послѣднее посѣщеніе старымъ отцомъ своихъ двухъ сыновей, оканчивающаго курсъ въ гимназіи Мити и Васи, которые теперь живутъ уже самостоятельно у кухмистера. Въ мирной бесѣдѣ отца съ дѣтьми вспоминаются давнишнія ребяческія шалости... все такъ хорошо... радостно... Но отецъ спѣшитъ ѣхать домой. «Онъ обнялъ насъ, — разсказываетъ авторъ, — разцѣловалъ на прощанье, но мы сошли вмѣстѣ съ нимъ на дворъ, чтобы усадить его въ дорожную коляску. «Господь съ вами, дорогіе мои! Скоро свидимся!» — были его прощальныя слова, и коляска, громыхая, выѣхала за ворота.

Юноши, по отъѣздѣ отца, еще долго говорили о его необыкновенной бодрости и неувядаемой свѣжести, а между тѣмъ горе было уже близко... Дней черезъ пять дядя-докторъ привозитъ страшную вѣсть о смерти отца отъ холеры. У Мити былъ на другой день отвѣтственный выпускной экзаменъ и Васѣ, проведшему въ одиночествѣ страшную ночь, выпадаетъ тяжелая доля

Digitized by Google

извѣстить о катастрофѣ дядю Василія въ Славянкѣ, который, полный христіанской твердости и любви, утѣшаетъ бѣднаго сироту.

Такъ заканчивается эта «дѣтская эпопея», которую прочли мы, не отрываясь до конца, съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ, которое совершенно непередаваемо въ краткомъ разсказѣ, ибо именно въ подробностяхъ, въ самомъ тонѣ, въ языкѣ здѣсь все. Постараемся опредѣлить идейное, внутреннее значеніе этихъ задушевныхъ миніатюръ, на первый взглядъ могущихъ показаться поверхностному читателю и мало значительными.

Авторъ, самъ человѣкъ уже пожилой, и до сихъ поръ проникнутъ, судя по книгѣ, глубокимъ уваженіемъ къ доброму семейному началу, связующему семью крѣпкими узами въ одно неразрывное цѣлое. Это начало, вмѣстѣ съ любовью и гуманностью, отличающими изображаемую родную семью, проходитъ красною нитью черезъ всю книгу. Разумный трудъ, упорный и постоянный, направленный не на скопленіе богатства, а только на то, чтобы прожить не голодая, поднять на ноги дѣтей, — трудъ на пользу людямъ; воспитаніе въ дѣтяхъ людей честныхъ, трудовыхъ, уважающихъ долгъ, обязанности, — людей такихъ, которые достойно продолжали бы свой родъ, помня примѣры своихъ родителей — вотъ цѣль, вотъ смыслъ этой семьи. «Еще бабушка твоя, а наша мать, — говоритъ дядя Василій, утѣшая плачущаго Васю, — всегда предостерегала насъ гоняться за деньгами, и ежедневная молитва ея была: Господи, не дай моимъ дѣтямъ богатства! И молитва ея была услышана: никто изъ насъ не достигъ богатства, но никто серьезно и не голодалъ въ жизни» (стран. 228). «И завѣты бабушки пошли въ прокъ. На прочномъ фундаментѣ твердыхъ нравственныхъ началъ и созидалась семья пастора Петра. Несокрушимая духомъ натура этого человѣка невольно влекла къ себѣ каждаго. И родные, и знакомые, и прихожане, и совершенно посторонніе люди, едва только его знавшіе, — рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, одинаково по-

Digitized by Google

читали его и то и дѣло обращались къ нему за совѣтомъ; всѣ же семейные его видѣли въ немъ неугасаемый свѣточъ всякой земной премудрости и благодати» (стр. 222). Съумѣлъ онъ найти себѣ и подходящую подругу трудовой жизни, требовавшей великаго терпѣнія и желѣзной воли, чтобы поддержать и поставить на ноги такую большую семью. «Постоянная, изо дня въ день, изъ года въ годъ, борьба съ крупными и мелкими превратностями жизни, безконечныя заботы о каждомъ изъ многочисленныхъ дѣтищъ закалили ея характеръ. Но ея невозмутимое самообладаніе внушало къ ней самое полное, безграничное довѣріе, и каждый изъ ея дѣтей безотчетно сознавалъ, что подъ этой, на видъ холодною и строгою, оболочкой таится теплое, участливое, материнское сердце» (стр. 202). На этихъ-то двухъ лицахъ, отцѣ и матери, какъ на вѣковѣчныхъ гранитныхъ столбахъ, и держался весь этотъ домашній строй, весь этотъ обособленный міркъ, въ которомъ авторъ сумѣлъ открыть столько незамѣтной для посторонняго глаза поэзіи. «Я трудился весь вѣкъ, и ничего вамъ не оставилъ!» — были послѣднія предсмертныя слова пастора. Но онъ могъ бы и не сокрушаться: онъ оставилъ дѣтямъ, взамѣнъ богатства, честное имя, свой примѣръ, образованіе и любовь къ труду. «Я вполнѣ уповаю, говорилъ дядя Василій, — утѣшая племянника, — что вы, наше молодое поколѣніе, какъ и мы старики, не будете сидѣть сложа руки, и что Господь благословитъ вашъ трудъ и изъ васъ также выйдутъ настоящіе люди» (стр. 229). И дядя не ошибся: семья и послѣ смерти своего главы не потерялась, не разбрелась, а дружно трудясь и взаимно поддерживая другъ друга, стала твердо на ноги, и лѣтописецъ, пишущій на старости лѣтъ свою семейную хронику, можетъ съ гордостью сказать: «молитва бабушки и до сегодняшняго дня сохраняетъ свою силу: — никто изъ насъ не можетъ похвалиться избыткомъ земныхъ благъ, но никто и не жалуется на свою долю, потому что всѣ мы стали людьми» (стр. 229).

Таково здоровое идейное и моральное содержаніе разбираемой книги, проводящей въ юныя души сѣмена истины, добра и

Digitized by Google

красоты. И если, какъ говоритъ Милль, для того, «чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно эту добродѣтель полюбить, а любить ее можно только изъ примѣра», то примѣръ этой, такъ симпатично и художественно изображенной авторомъ, пасторской семьи не мало поспособствуетъ насажденію въ дѣтскихъ душахъ самыхъ добрыхъ нравственныхъ началъ.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ книгой, не можемъ не указать еще на одну воспитательную, и очень цѣнную, ея сторону. Эта сторона — *культурность*, которую, какъ и ничего въ книгѣ, искусственно не подчеркивая, авторъ незамѣтно, какъ бы между прочимъ, всюду отмѣчаетъ въ разсказѣ. Садъ, улья для пастора Василія — не только простое хозяйство, не одинъ только источникъ наживы — это его благородная страсть, его поэзія. Пасторъ Петръ, при всѣхъ своихъ многообразныхъ занятіяхъ и заботахъ находитъ еще время заниматься наукой, любитъ свое пасторское дѣло, свою проповѣдь; въ свободный вечерокъ, въ семьѣ, онъ прекрасно поетъ старыя студенческія пѣсни. Въ его домѣ много хорошихъ книгъ, и мальчикъ Вася увлекается Лермонтовымъ, а молодежь читаетъ вмѣстѣ Гоголя, ведетъ споры съ пріятелями семинаристами, смѣшными, неуклюжими, оригиналами, въ которыхъ авторъ, однако, устами Мити, отмѣчаетъ любовь къ наукѣ, къ знанію, упорство въ трудѣ, скромность, недюжинный умъ. Самый характеръ всей жизни носитъ несомнѣнный отпечатокъ этой культурности: бережливость, вѣжливость, привѣтливость, гостепріимство, скромность, миръ и общій ладъ, ласковое отношеніе къ прихожанамъ — все это печать той внутренней воспитанности, которая дается человѣку только настоящей культурой, переходящей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такова разбираемая нами книга въ ея содержаніи, какъ внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ, идейномъ. И если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно тако-

Digitized by Google

вымъ, причемъ она, какъ мы видѣли, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ полное право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ».

Digitized by Google

V.

Небольшая, изящно изданная книжка стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой, по мужу Красновой, содержитъ въ себѣ 66 пьесъ большею частію лирическаго содержанія; почти всѣ онѣ — оригинальныя, и притомъ девять изъ нихъ написаны для дѣтей.

Разборъ этого сборника произведеній молодой поэтессы (она скончалась въ 1891 году, 36-ти лѣтъ, пробывъ всего годъ за мужемъ) Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Аполлону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ самъ онъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ еще успѣлъ однако заняться просмотромъ сборника Е. А. Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, натурально, и что̀ всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура не изломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ ней на стр. 43:

А въ рощѣ молодой прохладной и тѣнистой
Душистыхъ ландышей селеніе растетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...»

Digitized by Google

Замѣтки Аполлона Николаевича, разбросанныя по сборнику Е. А. Бекетовой, немногочисленны и немногословны; но взятыя въ цѣломъ, онѣ все-таки являются вѣрнымъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго отзыва. Иногда онѣ содержатъ въ себѣ неодобреніе какого-нибудь неудачнаго, темнаго выраженія, но гораздо чаще онѣ указываютъ на отдѣльные стихи или же на цѣлыя пьесы, которыя особенно понравились критику. Такъ, противъ того самаго стихотворенія, изъ котораго Аполлонъ Николаевичъ извлекъ вышеприведенныя строки, онъ написалъ: «мило и оригинально», — и дѣйствительно, эта пьеса, озаглавленная «Ожиданіе», принадлежитъ къ числу произведеній Е. А. Бекетовой, наиболѣе своеобразныхъ какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ. Указанныя рецензентомъ «душевная чистота» поэтессы и непосредственность ея творчества особенно ярко выразились въ ея живомъ сочувствіи къ природѣ и въ ея умѣньи находить связь между явленіями послѣдней и разнообразными движеніями человѣческой души. На темы этого рода вышло много стихотвореній изъ-подъ пера Е. А. Бекетовой, и въ числѣ ихъ находятся, безъ сомнѣнія, лучшія ея созданія. Если не ошибаемся, двумя своими отмѣтками (NB) А. Н. Майковъ хотѣлъ указать на двѣ пьесы, которыя не только особенно характерны для дарованія поэтессы, но и безотносительно могутъ быть названы прекрасными. Одна изъ этихъ пьесъ принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Е. А. Бекетовой; она называется «Весна» и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И на яву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
Но все стремлюсь въ таинственную даль,

Digitized by Google

И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

А. Н. Майковъ подчеркнулъ этотъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Другая пьеса, особо отмѣченная А. Н. Майковымъ, слѣдующая:

Когда несется вихрь, и ревъ, и гонитъ тучи,
И въ воздухѣ ночномъ и воетъ, и свиститъ, —
Его угрюмый вой, его порывъ могучій
Волнуетъ душу мнѣ и сердце веселитъ.
Я чувствую тогда, что силы есть живыя;
Я слышу — міръ живетъ, и въ мірѣ есть борьба;
Тогда не спятъ во мнѣ и силы молодыя;
Я сознаю: впередъ влечетъ меня судьба!
И самый жизни ходъ, и самое стремленье
Понятно въ вихрѣ мнѣ, въ порывахъ громовыхъ.
Стихійное великое движенье
Мнѣ тайну открываетъ ихъ:
То мчится въ вѣчность жизнь!..

Въ этомъ стихотвореніи прекрасная внѣшняя форма и красота сильныхъ образовъ соединяется съ глубиной мысли.

Digitized by Google

Выдвигая на первый планъ стихотворенія такого достоинства, А. Н. Майковъ, очевидно, хотѣлъ дать мѣру поэтическаго дарованія Е. А. Бекетовой. Быть можетъ, оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ, но у него нельзя отнять ни самобытности, ни искренности. Этимъ внутреннимъ свойствамъ таланта покойной поэтессы соотвѣтствуетъ и то, что она хотя написала немного, но успѣла овладѣть совершенствомъ внѣшней формы.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. А. Бекетовой были напечатаны при ея жизни; но только ихъ полный посмертный сборникъ даетъ возможность познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что имя Е. А. Бекетовой не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь обратить въ своемъ отзывѣ вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ справедливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, брошеннымъ на ея могилу.

Отдѣленіе вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе покойнаго поэта.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 4.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

СОБРАЛЪ

В. А. Францевъ.

«Свѣдѣнія и разысканія о писателяхъ любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы».
С. Т. Аксаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1898.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1898 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

Чешская литература имѣетъ такое обиліе переводовъ произведеній русскихъ писателей, какимъ едва-ли могутъ похвалиться другія славянскія литературы. Уже съ начала нынѣшняго столѣтія начинается знакомство чешскихъ писателей съ произведеніями русской изящной словесности и интересъ къ нимъ непрерывно возрастаетъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія русской литературы. Русскія книги, ученаго и литературнаго содержанія, издавна пользовались симпатіями выдающихся чешскихъ писателей и ученыхъ. Не смотря на всѣ трудности и препятствія, мѣшавшія развитію этого ознакомленія, русскія книги во множествѣ распространены были въ Чехіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и чешское общество, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, знакомо въ настоящее время съ выдающимися произведеніями всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Знакомство съ русскими писателями оказало несомнѣнное вліяніе на чешскую литературу, и прослѣдить черты русскаго вліянія въ произведеніяхъ чешскихъ писателей — одна изъ интереснѣйшихъ задачъ для историка чешской литературы. Возбужденіе чешскаго патріотизма, развитіе «властенецтва», подъемъ славянскаго самосознанія въ чешской литературѣ и обществѣ совершались, несомнѣнно, отчасти и подъ вліяніемъ ближайшаго знакомства и общенія съ русскими въ концѣ прошлаго столѣтія

Digitized by Google

и въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, когда русскія войска подолгу бывали въ Чехіи и центрѣ ея умственной жизни — Прагѣ.

Къ числу русскихъ писателей, произведенія которыхъ рано стали появляться въ чешскомъ переводѣ, неоднократно переводились въ прежнее время и переводятся еще донынѣ лучшими чешскими литературными силами, принадлежитъ прежде всего А. С. Пушкинъ.

Начиная съ прекрасныхъ переводовъ (1833 г.) Ф. Л. Челяковскаго, удивительно вѣрно сумѣвшаго передать духъ русской народной пѣсни вообще (въ своемъ «Отголоскѣ русскихъ пѣсенъ») и произведеній Пушкина въ частности, и кончая послѣдними переводами Е. Красногорской въ «Сборникѣ міровой поэзіи», издаваемомъ Чешской Академіей Наукъ, произведенія нашего великаго писателя непрерывно въ этотъ длинный рядъ лѣтъ пользовались уваженіемъ чешскихъ поэтовъ-переводчиковъ и вниманіемъ чешскаго общества. Подъ вліяніемъ знакомства съ переводами Ф. Л. Челяковскаго, В. Ч. Бендль принимается за трудъ дальнѣйшаго ознакомленія чешской читающей публики съ капитальными твореніями величайшаго изъ нашихъ поэтовъ. Его переводы, хотя и не блещутъ особенными достоинствами, уступая во многихъ отношеніяхъ переводамъ новѣйшимъ (Е. Красногорской, В. Юнга и др.), тѣмъ не менѣе имѣли большое вліяніе на развитіе въ чешскомъ обществѣ интереса и къ произведеніямъ А. С. Пушкина, и къ новой русской литературѣ вообще. «Пушкинъ для насъ сдѣлался со времени появленія переводовъ В. Ч. Бендля роднымъ поэтомъ», замѣтилъ одинъ изъ переводчиковъ его. Для пятидесятыхъ годовъ изданіе двухъ томовъ переводовъ Бендля надо признать явленіемъ дѣйствительно замѣчательнымъ. За Бендлемъ слѣдуетъ длинный рядъ переводчиковъ, имена коихъ указаны въ слѣдующемъ ниже спискѣ чешскихъ переводовъ. Послѣдніе по времени переводы Е. Красногорской, изданные, какъ уже замѣтили мы выше, Чешской Академіей, должны-бы, по признанію одного изъ критиковъ ихъ, не только освѣжить нѣсколько въ чешскомъ обществѣ интересъ къ твореніямъ А. С. Пушкина, но и усилить

Digitized by Google

еще болѣе вліяніе его музы на творчество поэтовъ чешскихъ *), съ особеннымъ увлеченіемъ черпающихъ въ послѣднее время изъ мутныхъ струй декадентства, символизма и пр.

Предлагаемый нами списокъ произведеній А. С. Пушкина въ чешскихъ переводахъ не можетъ, конечно, считаться полнымъ и совершеннымъ, — полнота подобныхъ списковъ едва-ли вообще достижима, — но мы думаемъ, что онъ будетъ не безынтереснымъ для характеристики русско-чешскихъ литературныхъ связей и послужитъ дополненіемъ къ библіографическому сборнику Межова «Puškiniana», гдѣ чешскихъ переводовъ указано самое незначительное число.

---

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что «Евгеній Онѣгинъ» послужилъ образцомъ для стихотворнаго романа Г. Пфлегра-Моравскаго «Pan Vyšinský» (1858 г.).

Digitized by Google

I.

Byli jsme v dači u kněžny Dr. Úryvek z Puškina. Přel. Frant. Mach. Lumír, I, 1873, str. 264.

Dozorce poštovní stanice. Povídka. Zlatá Praha, ročník V, 1888, str. 779, 795 a 812.

Dubrovský. Přeložil Jos. Auštecký. Světozor, roč. II, 1868, číslo 1—3, 5—10.

Dubrovský. Přeložil Vojt. Bardoun. Moravská Orlice, 1879.

Dubrovský. Přeložil Josef Konĕrza. Besedy slovanské, ročník I, číslo 3. V Brně, 1894.

Dubrovský. Opera o čtyřech dějstvích. Slova od Modesta Čajkovského dle povídky Alex. Puškina. Přeložil Václ. J. Novotný. V Praze, 1897.

Egyptské noci. Přeložil B. S. Lumír, 1859, I.

Epizoda ze vzpoury na Rusi. Vynechaná kapitola z «*Dcery kapitánovy*». Přeložila Božena Veselá. Lumír, IX, 1881, str. 59.

Chumelice. Z Puškinových novel přeložil P. M. V. Lumír, 1851, I, str. 389.

Metelice. Přeložil P. P. D. Budivoj, 1869.

Metelice, Z povídek Bělkinových. Zlatá Praha, roč. V, 1888, str. 651, 663.

Kapitánova dcera. Přeložil Kristian Stefan. V Praze. Tisk a sklad Jarosl. Pospíšila. 1847.

Digitized by Google

Критическая замѣтка по поводу перевода «Капитанской дочки» К. Стефана: Kwěty, 1847, č. 85, str. 340.

Dcera kapitánova. Přeložil Št. Beran-Libštatský. Přítel domoviny, roč. IV, č. 6. V Praze, 1888.

Критическая замѣтка о переводѣ Ст. Берана-Либштатскаго: Čas, roč. II, 1888, str. 374—375.

Kapitánova dcera. Přel. Ant. Pacák. Bibliotheka Zábavná. Díl CXX, seš. 9—13, 1888.

Kapitánova dcera. Přel. Miloš Týn. Domácí hospodyně, roč. VI, 1889, čís. 1 и слѣд.

Kirdžali. Přel. Věnc. Vinický. Květy, roč. V, 1870, čís. 44—45.

Mouřenín Petra Velikého. Přel. Frant. Mach. Obrazy života, 1873.

Noční sňatek. Přel. J. Boubela. Obrazy života, 1873.

Noční šňatek. Přel. L. Frič. Česká Včela, roč. V, 1880, str. 270.

Piková dáma. Přel. Kalasanc Orelský. Kwěty, 1844, č. 68—74.

Piková dáma. Přel. Vilém Mrštík. Levné svazky novel, číslo 11. V Praze (F. Šimáček).

Piková dáma. Opera o 3 dějstvích a 7 obrazích. Dle A. Puškina od Modesta Čajkovského. Z rusk. přeložil V. J. Novotný. V Praze. Vydal Al. Hynek.

Pohřebník. Přel. B. Líman. Česká Včela, 1844.

Grobovčík. Přel. Jos. Mikš. Lumír II, 1874, str. 402.

Hrobařík. Povídka. Listy ze západní Moravy, 1888, čís. 24.

Rána. Povídka. Z rusk. přel. Chudoba. Lumír, I, 1873, str. 540.

Výstřel. Z «Bělkinových pověstí». Přel. F. J. M. (Mach.) Naše hlasy, 1891, čís. 3 a 4.

Výstřel. Přel. Vil. Mrštík. Levné svazky novel. Čís. 11. V Praze (Fr. Šimáček).

Digitized by Google

Slečna selským děvčetem. Přeložil K. Věnecký. Lumír, roč. V, 1855, II, str. 841.

Šlechtična vesničanka. Přel. A. Durdík. Lumír, roč. XI, 1861, str. 937.

Šlechtična selka. Přel. Fr. Mach. Въ журн. «Praha», 1870.

Slečna selka. Přel. Ed. Bohdanecký. Květy, 1888, I.

Tenner John. Přel. Krist. Stefan. Lumír, V, 1855, II, str. 754.

II.

Bachčiserajský fontán. Přel. Vácsl. Čeněk Bendl. Lada Nióla. Almanach na rok 1855. Redigoval a vydal Jos. V. Frič. S 2 rytinami a titulním obrazem. V Praze, 1855. Съ портретомъ А. С. Пушкина (Lithogr. F. Šíra) и статьей: «Osud pěvce Bachčiserajského fontánu a jiných básníků ruských». Napsal V. Č. Bendl, str. 47—53.

Bachčiserajský fontán. Přeložil a některé skizzy z literatury ruské podává Václ. Čeň. Bendl. V Praze, 1854. Otištěno z almanachu «Lada Nióla». (Въ продажу не поступало).

Bachčisarajský fontán. Přel. V. Č. Bendl. Výbor básní Alexandra Puškina. Svazek I. Básně rozpravné. V Písku 1859. Tisk a sklad Václ. Vetterla. Стр. 17—36. Примѣчанія, стр. 37—44. О переводахъ В. Бендля рефератъ И. И. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ И. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. языка и словесн., 1860 г., т. IX, 108—110.

Marie Potocká. Romantická opera ve 3 jednáních dle Puškinovy básně «Bachčisarajský fontán» od Josefa Koláře, hudba od Leop. Eug. Měchury. (Poprvé provedeno v Praze v prozatímném divadle dne 13 ledna 1871).

Замѣтки о первомъ представленіи: Hudební listy, v Praze, 1870, str. 383—384, Světozor, roč. V, 1871, číslo 32.

Digitized by Google

Bachčisarajský fontán. Přel. Eliška Krásnohorská: I) Zlatá Praha, roč. V, 1888, str. 786, 806, 823. II) Některé básně rozpravné A. S. Puškina. Čís. 2. Sborník světové poesie. Čís. 36. V Praze. 1894.

Критическія замѣтки по поводу изданія переводовъ Е. Красногорской: Čas, roč. VIII, 1894, стр. 378; Zlatá Praha, 1895, стр. 204, Hlídka literární, Roč. XII, 1895, стр. 252—254.

Wyňatky z Pusskinowy básně *«Boris Godunow»*. Přel. Jan Slavomír Tomíček. Kwěty, 1835, str. 89.

Boris Godunov. Přeložil Vácsl. Č. Bendl. Výbor básní Alex. Puškina. Svazek I. Básně rozpravné, str. 181—272. V Písku. 1859. Tisk a sklad Václ. Vetterla.

Bratři loupežníci. Báseň rozpravná. Přel. V. Č. Bendl: I) Lumír, VI, 1856, sv. II, str. 723. II) Výbor básní Alex. Puškina. Svazek I, str. 45—53. V Písku. 1859. III) Slovanská poezije. Svazek I. Redaktor Frant. Vymazal. V Brně 1874, str. 98.

Bratři loupežníci. Оригиналъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor z předních básníků slovanských. Vydal Fr. Vymazal. V Brně, 1885, str. 98—111.

Cikáni. Přeložil Jan Slavom. Tomíček. Čechoslaw, 1830, V, č. 8.

Cikáni. Báseň rozpravná. Přel. V. Č. Bendl: I) Lumír, roč. VI, 1856, sv. II, str. 652. II) Výbor básní Alex. Puškina. Sv. I. Básně rozpravné. Str. 54—77.

Cikáni. Báseň. Přeložila Eliška Krásnohorská: I) Zlatá Praha, 1889, str. 195, 210, 218 a 231. II) A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Číslo 36. Praha, 1894.

Evgen Oněgin, román ve verších. Z rusk. přel. V. Č. Bendl. Výbor básní Alex. Puškina. Svazek II. V Písku 1860. Tisk a sklad Václ. Vetterla. Str. 277. Полный переводъ съ примѣчаніями на стр. 42—44, 72, 104, 132, 161.

Digitized by Google

Библіографическая замѣтка о второмъ выпускѣ переводовъ («Evgen Oněgin») В. Бендля: Hvězda, roč. II, 1860, str. 230.

Jevgenij Oněgin. Přel. V. Č. Bendl. (Отрывки). Slovanská poezije. Svaz. I. Brně, V, 1874, str. 121.

Eugen Oněgin. Ukázka z nového překladu V. A. Junga. Prvá kniha: строфы 19—47. Ruch, 1882, str. 339, 358.

Eugenij Oněgin, román. Přel. V. A. Jung. Zlatá Praha, roč. VII, 1890. Zpěv II: str. 31, 39, 54, 57. Zpěv III: str. 78, 90, 103, 115. Zpěv IV: str. 486, 495, 510, 519. Zpěv V: str. 530, 547, 555 a 566.

Evžén Oněgin. Veršovaný román. Přel. V. A. Jung. Sbor. svět. poesie. Číslo 14. Praha, 1892, str. 241.

Рецензія и сравненіе переводовъ В. Юнга и В. Бендля: Čas, roč. VI, 1892, str. 774. Критическая замѣтка о переводѣ Юнга: Hlídka literární, roč. X, 1893, str. 13—18 (A. Vrzal). Naše Doba, roč. I, 1894, str. 622. Замѣтка по поводу второго (выпусками) изданія: Zlatá Praha, 1895, str. 420.

Eugenij Oněgin. Lyrické scény. Text dle básně Puškinovy. Přel. Marie Červinková-Riegrová. Urbánkova bibliotéka operních a operetních textů. Řada II, sv. 56. V Praze, 1888.

Рецензія Ф. К. Гейды о первомъ представленіи въ Прагѣ, въ Народномъ театрѣ, 6-го декабря 1888 г.: Dalibor, hudební listy, X, 1888, čís. 46, str. 362—363, čís. 47, str. 369—371. Národní listy, 1888, č. 338—340. Hlas Národa, 1888, čís. 339 a čís. 341. (V. J. Novotný).

Eugenij Oněgin. K chystanému vypravení díla Čajkovského v Národním divadle. Napsala Marie Červinková Riegrová. Hlas Národa, 1888, čís. 279.

Z *Eugena Oněgina.* Z 6 hlavy. Русскій текстъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor z předních básníků slovanských. Vydal Fr. Vymazal. V Brně, 1885, стр. 73—98.

Digitized by Google

Hrabě Nulín. Přel. L. Stránický (Bendl.): I) Lumír, VII, 1857, str. 265. II) Výbor básní A. S. Puškina. Svaz. I. Básně rozpravné. Přel. V. Č. Bendl. Str. 107—118.

Kavkazský plenik. Přel. V. Č. Bendl: I) Čas. Čes. Mus., 1854, str. 220. II) Výbor básní Alex. Puškina. Sv. I, str. 78—101. Примѣчанія: стр. 102—105.

Kavkazský jatec. Přeložila El. Krásnohorská: I) Zlatá Praha, ч. VI, 1889, čís. 62, 78, 90 a 98. II) A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Číslo 36. Praha, 1894.

Měděný jezdec. Přel. Eliška Krásnohorská. A. S. Puškina Některé básně rozpravné. Sbor. svět. poesie. Čís. 36, Praha, 1894.

Pohádka o rybákovi a rybičce. Z ruského přeložil V. Č. Bendl. Zlaté klasy. Časopis obrázkový ku vzdělání a zábavě mládeže dospělejší. Redakcí Jana Václ. Rozuma. Roč. I. díl I. V Praze, 1854, str. 181 и сл.

Pohádka o zlaté rybce. Přel. J. J. (Jireček): I) Čítanka pro první třídu nižšího gymnasia. V Praze, 1856, str. 173—178. II) Přeložil Jos. Jireček. Slovanská poezije. Svaz. I, str. 94. III) Česká čítanka pro I. třídu škol středních. Složil Fr. Bartoš. V. Praze, 1894, str. 114—117.

Poltava. Úryvek z básně A. Puškina. Z ruštiny přeložil V. Č. Stránický (Bendl). Lumír, V, 1855, str. 459, 610.

Poltava. I. zpěv. Přeložil V. Č. Bendl. Časopis čes. mus., XXX, 1856, svaz. I, str. 45—57. Остальныя пѣсни подъ заглавіемъ: *Mazepa.* Přel. V. Č. Bendl. Čas. čes. mus., XXX, 1856, sv. II, str. 101 и слѣд., svaz. III, str. 69 и слѣд.

Poltava. (Úplný překlad. Полный переводъ). Přel. V. Č. Bendl: I) Výbor básní A. S. Puškina. Svaz. I, str. 119—173. Примѣчанія на стр. 174—179. II) Slovanská poezije. Svaz. I, str. 101.

Poltavský boj. Přel. Frant. Chalupa. Illustrace N. Karazina.

Digitized by Google

Niva, sbírka básní ruských, str. 84 и слѣд. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček).

Poltava. Ukrajinská pověst. Přel. Dr. A. O. Kusák. Прозаическій переводъ. Velehrad, 1897, číslo 13 и сл. V Kroměříží.

Rusalka. Velká opera o čtyřech jednáních. Dle básně Puškinovy přeložil Aug. Eug. Mužík. Hudba od Alex. Dargomyžského. V Praze. Nákladem Bursíka a Kohouta.

Živá hlava. (Отрывокъ изъ «Руслана и Людмилы»). Přel. H. J. (Jireček). Vesna, 1851, č. 2, 3, 4, 5. Ve Vídni.

Ruslan a Ludmila. Velká kouzelná opera o pěti dějích. Slova dle básně A. Puškina. Z ruského přeložil Josef Kolář. Hudba od Mich. Iv. Glinky. Třetí vydání. Urbánkova bibliotéka operních a operetních textův. Řada II, svaz. 34. V. Praze, 1887, str. 60.

Первое представленіе въ Прагѣ 16-го февраля 1867 г. въ королевскомъ чешскомъ театрѣ, подъ личнымъ управленіемъ Мил. Балакирева. Въ Народномъ театрѣ впервые представлена 20-го іюня 1886 года.

III.

Anděl. Přeložil Rudolf Pokorný. Slovanské listy, 1887, čís. 2.

Anděl. Přel. El. Krásnohorská. Výbor menších básní A. Puškina. Sborník světové poesie. Čís. 27, str. 46. Рецензія объ этомъ сборникѣ: Zlatá Praha, 1894, str. 300.

Ančar. Přel. F. Lad. Čelakovský: I) Čas. čes. musea, XXXI, 1857, str. 27. II) Slovanská poezije. Svaz. I, str. 89.

Antar, strom jedový. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 128. II) Sb. sv. p., čís. 27, str. 75.

Balada: «W podzimní večer doby strastné šla děva sama s

Digitized by Google

swou mukou...». Přel. B. Líman: I) Česká Wčela, 1845, str. 371. II) Společenský krasořečník český. Díl III. Redigoval Dr. J. B. Pichl. Praha, 1853, str. 13—14.

Básníku. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 41.

Bezsenná noc. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 52.

Běsi. Přel. F. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus. XXXI, 1857, str. 27. II) Slov. poez., I, str. 93.

Běsi. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor, 1884, str. 620. II) Kvítí z ruských luhů. Sbírka překladů ruských básní. S 96 nádhernými illustracemi J. Panova. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček), str. 101.

Běsi. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 126. II) Sb. sv. p., čís. 27, str. 65.

Blahost ptactva («Boží ptáček poletuje»): I) Slov. poez., I, str. 88. II) Jirečkova «Čítanka». III.

Bouře: «Viděl jsi dívku na skalách». Přel. Fr. Prokeš. Lumír, III, 1875, str. 171.

Černý závoj. Přeložil V. Č. Bendl. Lumír, 1854, sv. I, str. 461.

Černý šál. Přel. Jos. Dürich. Květy, roč. VII, 1872, str. 150.

Černý šál. Přel. Jarosl. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 4.

Čtveráctví. «Můj kritiku, můj smíšku tlustý, líce zdravé»...). Přel. El. Krásnohorská. Sbor. svět. poes., č. 27, str. 63.

Delibaš. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus., VII, 1833, str. 360. II) Společ. krasořečník čes. Díl. III, str. 12. III) Jos. Jireček: Čítanka pro první třídu nižšího gymnasia. V Praze, 1856, str. 72. IV) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V. Praze, 1871, str. 375. V) Slov. poez., I, str. 90.

Démon. Přel. Fr. Prokeš. Lumír, II, 1874, str. 510.

Démon. Přel. Jarosl. Lipnický. Koleda, roč. IV, 1879. čís. 35.

Digitized by Google

Démon. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 45.

Domácímu skřítku. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 54.

Don. Přel. Frant. Chalupa. S illustrací N. Karazina. Niva. Sbírka ruských básní. V Praze, 1885 (Fr. Šimáček), str. 24.

Dne světlo zhaslo. Přel. El. Krásnohorská. Sbor. sv. poes., čís. 27, str. 43.

Do památníku. Přel. J. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 11.

Druhům při vystoupení z gardy. Přel. Rud. Pokorný. Obrazy života, 1873.

Dýka. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 31.

Dva hawrani. Přel. Fr. L. Česakovský: I) Čas. č. mus., VII, 1833, str. 363. II) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V Praze, 1871, str. 375.

Dvě vrány. Přel. V. Č. Stránický (Bendl). Lumír, IV, 1854, sv. II, str. 653.

Dva havrani. Přel. F. V. Slov. poez., I, str. 90.

26. května 1828. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 48.

Echo. Přeložil Krist. Štefan. Lumír, V, 1855, sv. I, str. 32.

Elegie. «Já přežil jsem svých tužeb vření». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 45.

Ex ungue leonem. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 40.

Helladě. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 26.

Hraběti V—vu. Epigram. Ze sbírky zapovězených básní A. S. Puškina, vyšlé v Lipsku u E. L. Kasproviče. Lumír, I, 1873, str. 363.

Hraběnce A. A. Orlové-Česmenské. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Husar. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes., mus., XI, 1837, str. 401. II) Pichlův Společ. krasořeč. Díl. III, str. 4—8.

Digitized by Google

III) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy. V Praze, 1871, str. 367. IV) Slov. poez., I, str. 91.

Husar. Přel. J. Roth. Zlatá Praha, 1865.

Husar. Оригиналъ съ подстрочнымъ переводомъ менѣе понятныхъ мѣстъ. Květobor, str. 112—119.

Husar. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 70.

Chlapec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 33.

Já kochal Tě. Píseň pro jeden hlas s průvodem klavíru. Slova od A. Puškina. Složil B. Šeremetěv.

Její oči. Přel. Rud. Pokorný. Ruch, IX, 1887, str. 228.

Jest-li žití tebe šálí. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 52.

Jezdec. Přel. Fr. Chalupa. Illustr. N. Karazin. Niva, str. 9.

Jízda v mraze. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 57.

Kavkaz. Přel. V. Č. Bendl. Zlaté klasy, r. I, 1854.

Kavkaz. Přel. Rud. Pokorný. Květy, IX, 1887, díl. I, str. 211.

Kavkaz. Přel. Fr. Soukup. Въ журналѣ Niva, 1891, čís. 14.

Kavkaz. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 59.

K moři. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 60.

Moři. Přel. Fr. Prokeš. Lumír, III, 1875, str. 171.

Kněžně S. A. Urusové. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 364.

Kvas Petra Velikého. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 78.

Kvítek. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. čes. mus., XXXI, 1857, str. 26. II) Slov. poez., I, str. 89.

Kvítek. Přel. Fr. Doucha. Beseda, 1875.

Kvítek. Přel. R. Rakovec. Koleda, 1876.

Kvítek. Přel. Jarosl. Lipenský. Koleda, roč. IV, 1879, č. 31.

Kvítek. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 50.

Liciniovi. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 10.

Má svoboda. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 39.

Digitized by Google

Mickievič. «On žil mezi námi...». Přel. K. Wolf. Slovanský Obzor, roč. I, čís. 20. Olomouc.

Mrak. «Poslední ty mráčku bouře». Přel. Rudolf Pokorný. Ruch, IX, 1887, str. 228.

Muza. «Už za dětství mne ona milovala». Přel. Rud. Pokorný. Květy, IX, 1887, sv. I, str. 210.

Musa. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 5.

Muse satiry. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 34.

Napoleon. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 20.

Napoleona Černohorci. Světozor. List pro zábavu a literaturu. Příloha ke «Slovenským Novinám». 1860—61, str. 266.

Na Sibiř. Dekabristům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 15.

Na usnutj. (Když hlawa k hlawince přilnutá...). Přel. B. Kuzmány. Příloha ku «Kwětům», 1839, str. 43.

Nevěřím já hráčské cti. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Ocel a zlato. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 64.

Padlý rytíř. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 77.

Památce Alexandra I. Epigramma. Lumír, I, 1873, str. 363.

Památník. Přeložil Rud. Pokorný. I) Květy, IX, 1887, díl I, str. 210—211. II) Národní listy, 1887, č. 34.

Pomník. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 35.

Pěvec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 7.

Píseň děvušek. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor, 1884, str. 192. II) Kvítí z ruských luhů, str. 69.

Píseň o divomocném Olegu. Přel. El. Krásnohorská: I) Osvěta, XVIII, 1888, str. 124. II) Sb. sv. p., č. 27, str. 81.

Poetovi. Přel. R. P. (Pokorný). Paleček, 1887, čís. 12.

Pochlebníkům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 33.

Pomlauwačům národu ruského. Русскій текстъ въ чешской транскрипціи и переводъ съ предисловіемъ «Les propres confessions d'Alex. Puškin». Národní Nowiny, 1849, č. 308.

Digitized by Google

Pomlouvačům národa ruského. Přel. Jan Pravosl. Koubek: I) J. P. Koubka Sebrané spisy. Díl. III, str. 227. Praha, 1857. II) *Pomlouvačům Ruska.* Přel. J. P. Koubek. Slov. poez., I, str. 97.

Utrhačům Ruska. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 18.

Poslední květy. Přel. Fr. Doucha: I) Květy, 1869. II) Slov. poez., I, str. 88.

Přátelům. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 17.

Příběh o básníku. «Když slavík pěl, on sáhl. po své lyře...». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 40.

Příchod jeseně. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z ruských luhů. V Praze, 1885, str. 78.

Probuzení. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 53.

Prorok. Přel. Rud. Pokorný: I) Květy, roč. IX, 1887, I, str. 82. II) Slovanské listy, 1887, čís. 2.

Prorok. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 13.

Ptáče. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 15.

Rozsévač. Přel. Václ. Štulc. Zlatá Praha, 1864.

Rozsévač. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č 27, str. 38.

Růže. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 51.

Sloky. «Prost bázně v příští slávy jas». Přel. Eliška Krásnohorská Sb. sv. poes., č. 27, str. 16.

Sobě. Epigramma. Lumír, roč. I, 1873, str. 364.

Sněžná strž. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 58.

Stesk. Přel. J. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 11.

Španělská romance. Přel. Jos. Dürich. Květy, roč. VII, 1872, str. 150.

Talisman. Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. VI, 1856, I, str. 121.

Talisman. Přel. H. Klíma. Almanach «Z české školy». 1884.

Talisman. Přel. Jar. Jedlička. U domácího krbu, 1891, čís. 4.

Digitized by Google

Tři zřídla. «Tajemné tři zdroje v neskončené...». Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. IV, 1854, II, str. 654.

Tři zdroje. Přel. Jar. Jedlička. Vesna, 1891, str. 280.

Tři zdroje. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 51.

Úryvek. «*Noc dýše stíny na Gruzinské chlumy*». Přel. E. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 43.

Utopenec. Přel. Fr. L. Čelakovský: I) Čas. česk. mus., XI, 1837, str. 393. II) Pichlův Společ. krasořeč., Díl. III, str. 9—11. III) F. L. Čelakovského Sebrané spisy. Praha, 1871, str. 372. IV) Slov. poez., I, str. 92.

Utopenec. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 67.

Válka. Přel. K. Sabina (Sabinský): I) Květy, 1840, str. 172. II) Pichlův Společ. krasořeč., Díl III, str. 18—19.

Veské zátiší. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 8.

Vězeň. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 14.

Vodník. Přel. Fr. Mach. Slavia, 1875.

Vojínův koník. «Proč tak smutně bloudíš nivou». Přel. V. Č. Stránický. Lumír, roč. IV, 1854, II, str. 654.

Volnost. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 27.

Všední dav. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 36.

Vůz života. Přel. Krist. Štefan. Lumír, roč. V, 1855, II, str. 32.

Povoz života. Přel. Rud. Pokorný. Ruch, roč. IX, 1887, str. 228.

Jízda života. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 64.

Vesna již tu. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 3.

Wyvržená. «Pod večer, pozdnj na geseni...». (Подъ вечеръ, осенью ненастной...). Přel. K. Kuzmány. Kwěty, 1839, str. 372.

V zadumání. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 49.

Vzpomínka. «Když hlučný den již hasne...». Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 47.

Zima. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 83.

Zima. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., č. 27, str. 55.

Digitized by Google

Zimní dráha. Přel. Fr. Doucha. Světozor, roč. XIII, 1879, str. 18.

Zimní cesta. Přel. Frant. Chalupa: I) Světozor, 1884, str. 144. II) Kvítí z rusk. luhů, str. 85.

Zimní jitro. Přel. Fr. Vlna. Koleda, roč. IV, 1879, str. 35.

Zimní jitro v městě. Přel. A. H. Dohnal. Krakonoš, 1880.

Zimní večer. Přel. Fr. L. Čelakowský: I) Čas. česk. mus., VII, 1833, str. 364. II) Pichlův Společ. krasořeč, Díl III, str. 16—17. III) Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy, Praha, 1871, str. 376. IV) Slov. poez., I, str. 89.

Zimní večer. Přel. Jan. Prawosl. Koubek: I) Kwěty, 1844, čís. 96. II) J. P. Koubka Sebrané spisy. Praha, 1857, Díl III, str. 230.

Zimní večer. Přel. Fr. Chalupa. Kvítí z rusk. luhů, str. 90.

Zimní večer. Přel. Karel Wolf. Slovanský Obzor, Roč. I, čís. 18. V Olomouci.

Žádost slávy. Přel. El. Krásnohorská. Sb. sv. p., čís. 27, str. 41.

Digitized by Google

IV.

Puškin A. S. Životopis. Napsal N. Polevý. Přel. A. Hansgirg Čas. Česk. Musea, XI, 1837, str. 460.

Puškin A. S. Замѣтка о его кончинѣ. J. W. P. Přiloha ku Květům, 1838, str. 35.

Puškin A. S. О его литературной дѣятельности въ статьѣ J. B. Kořínka: «Lermontov a přední básníkové ruští». Čas. Česk. Musea, XXVII, 1853, str. 275—276.

Puškin A. S. Životopis. Od V. Č. Bendla. Čas. Česk. Musea, XXVIII, 1854, str. 215.

Puškin Alexander. Біографія съ портретомъ, Posel z Prahy. Kalendář na r. 1866, str. 31.

Puškinova «černá madonna». Lumír, I, 1873, str. 95.

Puškin A. S. Біографическій очеркъ въ сборникѣ «Slovanská poezije», Fr. Vymazala. V Brně, 1874, str. 87.

Poslední chvíle Puškinovy. Z listu psaného Žukovským otci jeho. Podává A. Durdík. Lumír, II, 1874, str. 196.

Puškinovy chvíle poslední. Podává J. Z. Veselý. Koleda, R. V, 1880, čís. 17 a 18.

Z domácnosti A. S. Puškina. Napsal Jaromír Hrubý. Almanach české omladiny. V Praze, 1879, str. 42—73.

Puškin Alexandr Sergějevič. Napsal Jos. J. Toužimský. Květy, 1880, II, str. 93.

Tři slavnosti slovanské. Jar. Hrubý. Пушкинское торжество въ Москвѣ. Osvěta, X, 1880, 695—697.

Puškin a Mickiewicz. Очеркъ A. G. Slovanský Sborník, R. III, 1884, str. 503.

Adam Mickiewicz a Alex. Serg. Puškin, největší básníci slovanští. Napsal Em. Fait. Program městské střední školy v Praze, 1886.

Puškin Alex. Serg. K padesátiletí jeho úmrtí podává Rud. Pokorný. Nár. Listy, 1887, č. 34.

Digitized by Google

Puškin. K padesáté ročnici jeho úmrtí. Napsal Rom. Podhorský. Hlas Národa, 1887, č. 34.

Puškinova slavnost'. Feuilleton. Ruch, R. IX, 1887, str. 94.

Puškinova smrt. Фельетонъ. Narodní Listy, 1887, čís. 56 (odpolední).

K 50-leté smrti A. S. Puškina. 1837—1887. Napsal Dr. Pavel Durdík. Zlatá Praha, IV, 1887, str. 179, 203, 218, 235, 251, 267, 283. Къ этому очерку относится портретъ А. С. Пушкина, ibid., str. 193.

Pomník Alex. Serg. Puškina v Moskvě. Vyobrazení. Světozor, 1880, č. 27, str. 317 a 322.

Pomník A. S. Puškina v Moskvě. Гравюра. Zlatá Praha, IV, 1887, str. 236.

Letošní jubilea v literatuře ruské. Rud. Pokorný. Нѣсколько словъ о переводахъ произведеній А. С. Пушкина на чешскій языкъ. Osvěta, XVII, 1887, str. 626.

Nová vydání Puškinových spisů. R. Библіографическая замѣтка. Athenaeum, IV, 1887, str. 200.

Ruská literatura roku 1887. Jar. Hrubý. Объ изданіи сочиненій А. С. Пушкина въ 1887 г. Osvěta, XVIII, 1888, str. 553.

Puškin u moře. Стихотвореніе Яр. Врхлицкаго. I) Zlatá Praha, V, 1888, str. 3. II) *Různé masky.* Básně. Oddíl: Geniové. Str. 149—151.

Puškin u moře. Гравюра съ картины Айвазовскаго и Рѣпина. Zlatá Praha, V, 1888, str. 12—13.

Puškinova Natáša. Frant. Kvapil, Ženy a milenky slovanskych básníků. Literární črty. V Praze, 1893, str. 161.

Puškin. A. S. O ego пребываніи на Кавказѣ. Em. Fait, Kavkaz. Глава: «Literatura o Kavkaze. Belletristika ruská». V Praze, 1894, str. 72.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ.

Básník. Epigramma: «Poslouchá on přivyklým ouškem hvizd...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 356.

Dobrý člověk. Epigramma: «Mně hnusen učený Harant...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 357.

Mickievič. «...On mezi námi žil...». Въ статьѣ: «Mickiewicz a Rusko». Velehrad, 1899, č. 11.

N. N. Epigramma: «By odkryl světu ducha spoustu Se srdce svého špinami...». Přel. Fr. L. Čelakovský. Sebrané spisy, I, 357.

Zimní jitro. Přel. Vilma Sokolová. Jarý věk, V, 1887, str. 30.

Zimní večer. Přel. Fr. L. Čelakovský. Česká čitací kniha Fr. L. Čelakovského. V Praze, 1852, str. 181.

Zimní večer. Přel. Vilma Sokolová. Jary věk, V, 1887, str. 14.

Byron a Puškin. Napsal Seněk Alexandr Mitrofanovič. Krok, R. XIII, 1899, seš. 2—3.

О письмахъ А. С. Пушкина, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ — замѣтка въ статьѣ: «Z literatury ruské», od Jaromíra Hrubého. Osvěta, X, 1880, str. 177.

Ze zápisků Puškinových. Vymyšlený rozhovor s císařem Alexandrem I. (1826). Přeložil Fr. Taborský. Čas. Belletristická příloha. R. I, 1896, č. 17.

Sléčna (Барышня-крестьянка). Novella. Přel. Jos. Prokop. Moravská Orlice, 1890, č. 108 a d.

Digitized by Google

Bouře. Báseň. Přel. Jar. Jedlička. U domácího krbu, 1890, č. 14.

Puškin, A. S. Біографія А. С. Пушкина. F. Provazník въ «Slovníku Naučném», VI, 1127.

Alexandr Puškin (1799—1837). Біографія А. С. Пушкина. J. E. Sojka, Naši mužové, 1862, 452.

Puškinův «Eugen Oněgin». Dr. Petr Durdík. Světozor, 1880, 327, 340.

Θ. М. Достоевскій о Пушкинѣ. Přel. V. Mrštík. Rozhledy literární, 1886, 318.

K oslavě památky A. S. Puškina (1837—1887). Podává K. Štěpánek. — I. Oslava na Rusi. — II. Cikánka Táňa o Puškinu a Jazykovu. Napsal B. M. Markevič. Přěl. K. Štěpánek. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Slovanský Sborník, VI, 1887, str. 151, 227, 271, 424, 462.

Souboj a smrt A. Puškina, r. 1837. Dr. Pavel. Durdík. Květy, 1887, II, 473.

Отдѣльный оттискъ изъ тома LXVI-го Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Апрѣль, 1899 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 5.

Ѳедоръ Верховскій.

КЪ БІОГРАФІИ

АДАМА МИЦКЕВИЧА

ВЪ 1821—1829 ГОДАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1898.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Ноябрь 1898 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
1. Свидѣтельство, выданное врачомъ Порціанкою, 12 іюня, 1821 г.	13
2. Правленіе Виленскаго университета Министру Н. П., 25 Іюля 1821 г.	14
3. Министръ Н. П. Комитету министровъ, 6 августа 1821 г.	16
4. Выписка изъ журнала Комитета министровъ, 9 августа и 13 сентября 1821 г.	17
5. Министръ Н. П. кн. А. Чарторыскому, 27 сентября 1821 г.	18
6. Генералъ Римскій-Корсаковъ ректору Твардовскому, 26 августа 1823 г.	20
7. Ректоръ Твардовскій ген. Римскому-Корсакову, 29 августа 1823 г.	—
8. Тотъ же тому же, 8 сентября 1823 г.	22
9. Записка Слѣдственной Комиссіи, 19 декабря 1823 г.	—
10. Генералъ Римскій-Корсаковъ ректору Твардовскому, 26 февраля 1824 г.	24
11. Записка Слѣдственной Комиссіи, 20 апрѣля 1824 г.	—
12. Заявленіе Мицкевича о желаніи служить въ Ришельевскомъ лицеѣ, ноябрь 1824 г.	25
13. Министръ Шишковъ графу Витте, 16 декабря 1824 г.	26
14. Тотъ же министру финансовъ, 16 декабря 1824 г.	28
15. Аникіевъ Департаменту Н. П., 6 января 1825 г.	30

Digitized by Google

стр.
16. Гр. Витте Дитерихсу, 14 февраля 1825 г..... 31
17. Тотъ же Правленію Ришельевскаго лицея, 14 февраля 1825 г. —
18. Протоколъ засѣданія Правленія Ришельевскаго лицея, 19 февраля 1825 г..... 32
19. Дитерихсъ графу Витте, 26 февраля 1825 г..... 34
20. Гр. Витте Дитерихсу, 19 марта 1825 г..... —
21. Заявленіе Мицкевича о желаніи поступить на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 26 марта 1825 г..... 35
22. Дитерихсъ гр. Витте, 28 марта 1825 г..... 36
23. Министръ Шишковъ П. Г. Дивову, 24 апрѣля 1825 г..... —
24. Дивовъ министру Шишкову, 28 апрѣля 1825 г..... 38
25. Министръ Шишковъ гр. Витте, 5 мая 1825 г..... 39
26. Графъ Витте Дитерихсу, 9 іюня 1825 г..... 40
27. Заявленіе Мицкевича о желаніи поступить на службу въ канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора, 28 іюня 1825 г..... 41
28. Дудровичъ графу Витте, 29 іюня 1825 г..... 42
29. Дудровичъ Могилевскому, 3 іюля 1825 г..... —
30. Тотъ же тому же, 11 іюля 1825 г..... 43
31. Графъ Витте министру Шишкову, 17 августа 1825..... 44
32. Министръ Шишковъ князю Голицыну, 18 сентября 1825 г. 45
33. Тотъ же Н. Новосильцову, 18 сентября 1825 г..... 46
34. Кн. Голицынъ министру Шишкову, 19 сентября 1825 г.... —
35. Министръ Шишковъ кн. Голицыну, 26 сентября 1825 г... 47
36. Тотъ же графу Витте, 26 сентября 1825 г..... 50
37. Графъ Витте Дудровичу, 15 октября 1825 г..... —
38. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу ректоромъ Виленскаго университета В. Пеликаномъ, 27 октября 1825 г..... 51
39. Новосильцовъ министру Шишкову, 6 ноября 1825 г..... 52
40. Христофоровъ Калинскому, 6 ноября 1825 г..... 53
41. Дудровичъ Нейгардту, 6 ноября 1825 г..... 54
42. Дудровичъ бухгалтеру Ришельевскаго лицея, 12 ноября 1825 г..... 55
43. Дудровичъ Богдановичу, 13 ноября 1825 г..... —
44. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу Дудровичемъ, 12 ноября 1825 г..... 56
45. Дудровичъ графу Витте, 12 ноября 1825 г..... —
46. Министръ Шишковъ графу Витте, 20 ноября 1825 г..... 57

Digitized by Google

стр.
47. Гр. Витте министру Шишкову, 17 декабря 1825 г..... 58
48. Гр. Витте кн. Голицыну, 17 декабря 1825 г..... 60
49. Заявленіе канцеляріи Виленскаго университета, 8 февраля 1826 г..... 61
50. Объясненіе Мицкевича относительно грамоты о дворянскомъ происхожденіи, 9 февраля 1826 г..... —
51. Кн. Голицынъ гр. Витте, 11 февраля 1826 г..... 62
52. Гр. Витте министру Шишкову, 4 марта 1826 г..... —
53. Указъ Правительствующаго Сената объ утвержденіи Мицкевича въ чинѣ, 11 марта 1826 г..... 63
54. Утвержденіе Мицкевича въ чинѣ XII класса, 26 марта 1826 г..... 64
55. Кн. Голицынъ попечителю Новосильцову, 24 августа 1826 г. 65
56. Новосильцовъ ректору Пеликану, 23 сентября 1826 66
57. Пеликанъ Новосильцову, 30 сентября 1826 г..... 67
58. Новосильцовъ кн. Голицыну, 9 ноября 1826 г..... 68
59. Министръ Шишковъ министру финансовъ, 7 іюня 1827 г. 69
60. Министръ Канкринъ министру Шишкову, 16 іюня 1827 г. 70
61. Министръ Шишковъ графу Витте, 1 іюля 1827 г..... 71
62. Мицкевичъ Московскому Цензурному Комитету, 25 октября 1827 г..... 72
63. Программа журнала «Iris»..... 73
64. Подписка Франциска Малевскаго, октябрь 1827 г..... 76
65. Московскій Цензурный Комитетъ князю Голицыну, 27 октября 1827 г..... —
66. Списокъ о службѣ Мицкевича, 30 октября 1827 г..... 77
67. Кн. Голицынъ Московскому Цензурному Комитету, 1 ноября 1827 г..... 79
68. Московскій Цензурный Комитетъ Попечителю Учебнаго Округа, 9 ноября 1827 г..... —
69. Попечитель Писаревъ министру Шишкову, 15 ноября 1827 г. 80
70. Записка о выдачѣ отпуска Мицкевичу, 26 ноября 1827 г. 81
71. Записка о журналѣ «Ирида», 2 декабря 1827 г..... 82
72. Генералъ Карбоньеръ въ канцелярію министра Н. П., 3 декабря 1827 г..... 84
73. Справка объ Адамѣ Мицкевичѣ, декабрь 1827 г..... 85
74. Отзывъ Блудова о Мицкевичѣ, 9 декабря 1827 г..... 88
75. Министръ Шишковъ попечителю Писареву, 13 декабря 1827 г..... 89

Digitized by Google

стр.
76. Канцелярія министра Н. П. Главному Цензурному Комитету, 16 декабря 1827 г..... 90
77. Попечитель Писаревъ Московскому Цензурному Комитету, 24 декабря 1827 г..... —
78. Прошеніе Мицкевича объ отпускѣ, 3 января 1829 г..... 91
79. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу врачемъ Погоржанскимъ, 3 января 1829 г..... —
80. Прошеніе Мицкевича на Высочайшее Имя, 19 февраля 1829 г. 92
81. Curriculum vitae Мицкевича, февраль 1829 г..... 93
82. Гр. Нессельроде кн. Голицыну, 25 февраля 1829 г..... —
83. Кн. Голицынъ графу Нессельроде, 9 апрѣля 1829 г..... 94
84. Списокъ о службѣ Мицкевича, апрѣль 1829 г..... —
85. Аттестатъ о службѣ Мицкевича, 9 апрѣля 1829 г..... 96
86. Гр. Нессельроде кн. Голицыну, 31 іюля 1829 г..... 98

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторы изданныхъ понынѣ важнѣйшихъ біографій Адама Мицкевича: Хмѣлевскій[1]), Мицкевичъ Владиславъ[2]) и Каллен-бахъ[3]), меньше всего разъяснили тотъ періодъ жизни поэта, въ теченіе котораго пребывалъ онъ въ Россіи и въ теченіе котораго написалъ *Крымскіе сонеты* и историческую повѣсть *Конрадъ Валленродъ*. Вчитываясь въ разныя біографическія подробности, равно какъ и въ непосредственныя указанія, данныя самимъ же Мицкевичемъ въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, я былъ въ правѣ предполагать, что русскіе архивы доставятъ мнѣ не одинъ важный документъ, который дастъ возможность обстоятельнѣе и всестороннѣе освѣтить дѣятельность поэта за указанный періодъ его жизни. Съ 1887 года велъ я мои разысканія въ этомъ направленіи, не ставя ихъ, конечно, своею главною задачею, но пользуясь, такъ сказать, случаемъ, когда обстоятельства позволяли разсмотрѣть тотъ или другой архивъ, въ которомъ могли быть найдены соотвѣтственные матеріалы.

1) Piotr Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki. Warszawa—Kraków, 1886 и 1898: 2 тома.

2) Władysław Mickiewicz, Żywot Adama Mickiewicza. Poznań, 1890—1895, 4 тома.

3) Józef Kallenbach, Adam Mickiewicz. Kraków, 1897. 2 тома.

Digitized by Google

Первая попытка—изученіе рукописей Виленской Публичной библіотеки и архива Виленскаго учебнаго округа—дала весьма цѣнные по своему содержанію документы [1]). Нашлись они и въ дѣлѣ о Мицкевичѣ, хранящемся въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, которое Правленіемъ названнаго университета было любезно прислано въ Варшавскій Университетъ, по моей просьбѣ. Канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа и Московскаго Цензурнаго комитета любезно прислали мнѣ копіи документовъ, хранящихся въ ихъ архивахъ; наконецъ, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1889 и въ 1897 годахъ, я имѣлъ возможность списать документы, находящіеся въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Московскихъ архивахъ Губернскомъ и Главномъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вотъ, изъ какихъ матеріаловъ составился настоящій сборникъ, содержащій въ себѣ все самое интересное и самое важное, что въ названныхъ архивахъ могло быть найдено о Мицкевичѣ. Издавая этотъ сборникъ, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить мою искреннюю благодарность и признательность всѣмъ лицамъ, которыя въ этихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ содѣйствовали мнѣ своею помощью или дружескимъ совѣтомъ.

Надѣюсь, что настоящій трудъ прольетъ желательный свѣтъ на перемѣнчивую судьбу поэта и займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи одного изъ самыхъ видныхъ представителей польской мысли и культуры. Я не задаюсь въ настоящее время вопросомъ составленія полной картины жизни поэта въ тотъ періодъ, который обнимаютъ нижеслѣдующіе документы, признаю однако нужнымъ подвести имъ общій итогъ и, указывая связь, заложить лишь прочную канву, на которой со временемъ можетъ быть вышита картина, отличающаяся требуемою и необходимою полнотою кра-

1) Я отчасти воспользовался ими въ статьяхъ: Adam Mickiewicz w Wilnie i Kownie, 1815—1824 (Biblioteka Warszawska, 1888, II, 28) и Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ, 1815—1824 (Вѣстникъ Европы, 1888, V, 121).

Digitized by Google

сокъ и отдѣлкою рисунка. Прибавлю еще, что настоящій сборникъ содержитъ между прочимъ нѣсколько русскихъ автографовъ Мицкевича (№№ 12, 21, 27, 50, 62, 63, 78, 80, 81), которые здѣсь печатаются также въ первый разъ.

Адамъ Мицкевичъ родился въ Заосьѣ 24 декабря 1798 года. По окончаніи гимназіи въ Новогрудкѣ, въ сентябрѣ 1815 г. онъ поступилъ въ Виленскій университетъ и былъ опредѣленъ казеннымъ стипендіатомъ въ учительскую семинарію. Такъ какъ дядя поэта, Іосифъ Мицкевичъ, состоялъ въ это время деканомъ физико-математическаго факультета, то, вѣроятно, по внушенію его, юноша поступилъ на упомянутый факультетъ, на которомъ слушалъ курсы высшей математики, физики, химіи, и въ іюнѣ слѣдующаго 1816 года, выдержавъ предписанное испытаніе, былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Послѣ лѣтнихъ вакацій и послѣдовавшей не задолго до этого смерти дяди, Мицкевичъ перешелъ на словесное отдѣленіе и слушалъ читанные на немъ курсы въ теченіе трехъ лѣтъ, изучая при этомъ преимущественно классическія литературы и новые языки. Въ 1819 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра философіи и представилъ даже диссертацію, подъ заглавіемъ: «De criticae usu atque praestantia», которая однако не была признана вполнѣ удовлетворительною и возвращена автору для передѣлки и поправокъ. Учительскія занятія въ Ковнѣ, лѣтомъ 1819 года, къ которымъ у него не было особеннаго влеченія, а также несчастная любовь и разстроенное здоровье помѣшали поэту вторично представить диссертацію и даже заставили его просить объ увольненіи отъ должности на два года. Благодаря медицинскому свидѣтельству профессора Порціанки (№ 1) и благосклонному ходатайству университетскаго Правленія (№ 2), министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ вошелъ въ Комитетъ министровъ съ представленіемъ объ увольненіи Мицкевича, «по уваженію усердной его службы» отъ должности на два года, съ предоставленіемъ

Digitized by Google

ему двухъ третей жалованья, то есть, 200 руб. въ годъ (№ 4). Комитетъ министровъ соглашался уволить его на указанныхъ условіяхъ, испросивъ однако на это Высочайшее соизволеніе, которое послѣдовало 13 сентября 1821 года (№ 4, 5).

Мицкевичъ провелъ это время, отдыхая отчасти въ Вильнѣ, отчасти въ провинціи, въ домахъ друзей, и, въ концѣ двухлѣтняго срока, пожелалъ для лѣченія уѣхать за границу, въ Австрію и Италію, опять на два года. На представленіе Виленскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Римскаго-Корсакова къ Великому Князю Константину Павловичу о выдачѣ Мицкевичу паспорта, послѣдовалъ запросъ о томъ, какимъ предметамъ онъ обучаетъ, нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? (№ 6). Генералъ Римскій-Корсаковъ обратился къ ректору университета Твардовскому за объясненіемъ по этимъ пунктамъ, и хотя отвѣты были довольно удовлетворительны (№№ 7, 8), тѣмъ не менѣе въ Варшавѣ они показались недостаточными. Канцелярія Великаго Князя пожелала еще знать, какое сочиненіе издается Мицкевичемъ (отъ продажи котораго онъ надѣялся прожить за границею два года), съ разрѣшенія-ли цензуры, равно какъ и то, состоитъ ли онъ въ должности учителя въ Ковнѣ (№ 10). Это происходило уже въ концѣ февраля мѣсяца 1824 года. Былъ-ли въ Варшаву посланъ отвѣтъ на эти пункты, намъ неизвѣстно; вѣрно лишь то, что онъ былъ совсѣмъ лишнимъ: Мицкевичъ, съ ноября 1823 г., сидѣлъ уже въ заключеніи, въ Базиліанскомъ монастырѣ въ Вильнѣ, такъ какъ былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ молодежи и привлеченъ за это къ слѣдствію, которое, по приказанію Великаго Князя Константина Павловича, производилось тогдашнимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовымъ. На Рождественскіе праздники друзья или родные хотѣли освободить изъ подъ ареста нѣкоторыхъ филаретовъ и готовы были поручиться за нихъ, въ томъ числѣ и за Мицкевича камеръ-юнкеръ Ляхницкій хотѣлъ представить поручительство; но ходатайства ихъ не

Digitized by Google

были уважены. Слѣдствіе только началось и степень виновности арестованныхъ не была еще ясна, поэтому Новосильцовъ отказалъ просителямъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайствъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что виновные чистосердечно не сознались въ томъ, что «читаны были на бесѣдахъ Филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія» (№ 9).

Слѣдствіе окончилось въ апрѣлѣ 1824 года, и тогда только, за поручительствомъ профессора Виленскаго университета Іоакима Лелевеля, Мицкевичъ былъ выпущенъ на свободу (№ 11). Докладъ о результатахъ слѣдствія и о подвергнутіи разнымъ наказаніямъ тѣхъ членовъ общества Филоматовъ и Филаретовъ, которые были признаны наиболѣе виновными, — былъ представленъ Новосильцовымъ Великому Князю Константину Павловичу и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ на разсмотрѣніе особой Комиссіи, въ составъ которой вошли: попечитель Новосильцевъ, министръ Народнаго Просвѣщенія адмиралъ Шишковъ и генералъ гр. Аракчеевъ.

Въ ожиданіи приговора Мицкевичъ проживалъ безотлучно въ Вильнѣ; когда же, въ силу Высочайше утвержденнаго 14 августа протокола засѣданій упомянутой Комиссіи, стало извѣстнымъ, что онъ долженъ былъ поступить на службу во внутреннія губерніи, то въ половинѣ октября Мицкевичъ отправился въ С.-Петербургъ, чтобы представиться министру Народнаго Просвѣщенія. Уже въ Петербургѣ Мицкевичъ изъявилъ желаніе поступить на службу въ Ришельевскій лицей (№ 12). Согласно этому министръ Шишковъ, выдавъ Мицкевичу 16 декабря 548 руб. 16 коп. прогонныхъ денегъ и на путевыя издержки (№№ 14, 15), приказалъ ему отправиться въ Елисаветградъ, къ управляющему лицеемъ генералу гр. Витте, и просилъ послѣдняго предписать начальству лицея принять Мицкевича въ это учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ предметовъ, которымъ онъ обучался въ Виленскомъ университетѣ, и назначить ему за это приличное жалованье (№ 13). Графъ Витте препроводилъ это предписаніе министра въ Правленіе Ришельевскаго

Digitized by Google

лицея, но такъ какъ въ послѣднемъ не оказалось вакантнаго мѣста, то Мицкевичъ не могъ быть, согласно желанію, опредѣленъ на службу: правленіе лицея предоставило ему отыскать себѣ другое мѣсто, пока же, въ уваженіе недостаточнаго состоянія, снабдило его квартирою и столомъ (№№ 16—19); впрочемъ, оно предоставило на благоусмотрѣніе управляющаго окончательное рѣшеніе вопроса, прибавивъ въ своемъ представленіи, что если-бы мѣсто не было занято, то Мицкевичъ могъ-бы заняться преподаваніемъ греческой и латинской грамматики. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія на счетъ этого, Мицкевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ежовскимъ, раздѣлявшимъ съ нимъ ту же участь, довольно весело проводилъ время въ домахъ польскихъ аристократовъ, временно проживавшихъ въ Одессѣ[1]). Ежовскій жилъ болѣе уединенно и особнякомъ, не принимая участія въ развлеченіяхъ поэта; за то онъ состоялъ въ постоянной перепискѣ со своими друзьями на родинѣ, въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; когда же это было обнаружено, то повлекло за собою неудовольствіе Великаго Князя Константина Павловича (№№ 29, 30), послѣдствіемъ чего было Высочайшее повелѣніе, чтобы никого изъ бывшихъ филаретовъ не оставлять на службѣ въ южныхъ губерніяхъ, но «перемѣстить ихъ въ другія россійскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами» (№ 20). Мицкевичъ объявилъ тогда, 25 апрѣля 1825 года, что хочетъ опредѣлиться въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (№ 21). И опять пошла переписка черезъ Елисаветградъ и С.-Петербургъ въ Москву съ запросомъ, можно-ли его тамъ помѣстить? (№№ 22—26). Когда управляющій этимъ архивомъ Дивовъ отказался принять Мицкевича за неимѣніемъ вакансіи и свободныхъ денегъ на жалованье новому чиновнику, вновь спросили поэта оффиціально, куда онъ хочетъ поступить? На этотъ разъ, 28 іюня, Мицкевичъ изъявилъ желаніе «служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-

1) Аёг (Адамъ Ржонржевскій) Mickiewicz w Odessie i twórczość jego z tego czasu. Варшава, 1898.

Digitized by Google

Губернатора», при чемъ онъ просилъ, чтобы истребованы были изъ Виленскаго университета аттестаты о прежней его службѣ (№ 27). Это новое желаніе его тѣми же инстанціями было представлено князю Д. В. Голицыну (№№ 28, 31, 32). Послѣдній согласился на предложеніе и заявилъ, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію, но на счетъ назначенія ему жалованья высказался такимъ образомъ, что оно не можетъ быть ему назначено прежде, чѣмъ онъ не покажетъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ. При этомъ кн. Голицынъ, впервые узнавъ изъ бумаги министра народнаго просвѣщенія о существованіи какого-то Общества филаретовъ, хотѣлъ знать обстоятельнѣе тѣ «правила, которыми руководилось названное Общество», чтобы не быть въ неизвѣстности на счетъ того, какой слѣдуетъ имѣть надзоръ «за людьми сего рода» (№ 34). Министръ Шишковъ отвѣтилъ на это извлеченіемъ (№ 35) изъ упомянутаго выше рапорта или доклада Новосильцова о результатахъ слѣдствія надъ филаретами и просилъ управляющаго Ришельевскимъ лицеемъ дать Мицкевичу средства на переѣздъ въ Москву (№ 36), что и было исполнено Правленіемъ этого учебнаго заведенія, которое, по приказанію же министра, снабдило поэта прогонными деньгами, въ размѣрѣ 465 руб. 61 коп. (№№ 37, 40—45). 12 ноября Мицкевичъ уѣхалъ изъ Одессы въ Москву.

Согласно другому желанію, изъявленному Мицкевичемъ, министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ отъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, сенатора Новосильцова, доставленія въ министерство диплома Мицкевичу на степень кандидата философіи (№ 33). Мицкевичъ получилъ эту степень на основаніи испытанія, выдержаннаго имъ въ 1816 году на физико-математическомъ факультетѣ, потому и дипломъ составленъ былъ и выданъ ему (27 октября 1825 года), какъ кандидату по названному факультету[1]). Такъ какъ онъ однако впослѣдствіи еще въ теченіе трехъ лѣтъ посѣщалъ словесное отдѣленіе и на

1) Точный снимокъ съ этого диплома помѣщенъ мною въ Варшавскомъ журналѣ «Tygodnik Illustrowany» за 1897 годъ, № 48, стр. 941.

Digitized by Google

немъ держалъ магистерскій экзаменъ, то къ диплому приложено было выданное того же числа свидѣтельство соотвѣтственнаго содержанія (№ 38). Оба эти документа были препровождены въ министерство 6 ноября (№ 39), оттуда же 20-го числа были высланы гр. Витте (№ 46). Такъ какъ Мицкевичъ тѣмъ временемъ уѣхалъ уже въ Москву, то гр. Витте выслалъ ихъ вслѣдъ за нимъ къ кн. Д. В. Голицыну въ Москву (№№ 47, 48).

Въ первое время по прибытіи въ Москву Мицкевичъ велъ тихую и почти уединенную жизнь въ кружкѣ своихъ товарищей, вмѣстѣ съ нимъ пребывавшихъ въ Москвѣ (Малевскій, Ежовскій, Дашкевичъ). Онъ приготовлялъ изданіе «Крымскихъ сонетовъ», которые доставили ему большую извѣстность и ввели его въ круги высшаго общества и русскихъ литераторовъ. Подробно выясняютъ эти его отношенія Записки Полевого, равно какъ и дошедшія до насъ письма поэта. Касаясь только тѣхъ сторонъ жизни его, которыя выясняются настоящими документами, я долженъ замѣтить, что въ князѣ Голицынѣ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ, поэтъ нашелъ, кажется, благосклоннаго и понимающаго положеніе его начальника. Жалованья не получалъ онъ никакого, но за то и не требовали отъ него ничего и не заставляли переписывать начисто оффиціальныхъ бумагъ. Князь Голицынъ выхлопоталъ поэту чинъ, полагающійся ему по ученой степени (№№ 53, 54). Лѣтомъ 1826 года князь хотѣлъ даже выдать ему отпускъ для поѣздки въ Литву «по семейнымъ дѣламъ», что̀ однако не состоялось, такъ какъ сенаторъ Новосильцовъ, основываясь на мнѣніи ректора Виленскаго университета Пеликана, не призналъ этого удобнымъ (№№ 55—58). Онъ не отказалъ ему въ разрѣшеніи своемъ и на ученое предпріятіе, которое Мицкевичъ задумалъ осенью 1827 года, именно издавать въ Москвѣ историко-литературный журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Iris».

Мицкевичъ хотѣлъ имѣть свой органъ, съ цѣлью знакомить съ новыми литературными направленіями, тѣмъ болѣе, что единственный въ сѣверо-западномъ краѣ литературный журналъ «Dziennik Wileński» клонился уже къ упадку. Съ другой сто-

Digitized by Google

роны, однако, поощреніе къ изданію журнала вышло несомнѣнно отъ русскихъ литераторовъ, съ которыми поэтъ вошелъ теперь въ болѣе близкія сношенія, коль скоро, какъ видно изъ составленной Мицкевичемъ программы (№ 63), одною изъ важнѣйшихъ задачъ предполагаемаго изданія было взаимное сближеніе литературы польской и русской и ознакомленіе читателей съ замѣчательнѣйшими произведеніями той и другой. Въ Москвѣ все пошло гладко; ни кн. Голицынъ (№ 67), ни Цензурный комитетъ (№ 68), ни попечитель Московскаго учебнаго округа генералъ-маіоръ Писаревъ (№ 69) не находили съ своей стороны никакихъ препятствій. Главный Цензурный комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ, тоже далъ одобрительный отзывъ, присовокупивъ въ представленіи своемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія похвальныя для Мицкевича слова, что онъ уже снискалъ себѣ «великую извѣстность своими поэтическими произведеніями» (№ 71). Адмиралъ Шишковъ, лично знавшій Мицкевича, вѣроятно, по существу ничего не имѣлъ противъ удовлетворенія просьбы Мицкевича, но онъ былъ министромъ и помнилъ, что поэтъ былъ недавно членомъ тайныхъ обществъ, потому, получивъ представленіе Главнаго Цензурнаго Комитета, приказалъ «дѣло сіе передать въ свою канцелярію для сображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ» и затѣмъ, когда въ канцеляріи его была составлена, опять на основаніи упомянутаго доклада сенатора Новосильцова, справка о Мицкевичѣ (№ 73), предложилъ своему товарищу дать по этому дѣлу свое заключеніе.

Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія былъ въ это время извѣстный дѣятель царствованія императора Николая I-го—графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность и имѣлъ литературныя связи. Будучи весьма развитымъ и всесторонне образованнымъ, онъ принималъ около 1815 года живое участіе въ тогдашней умственной жизни, въ особенности же, въ томъ кружкѣ литера-

Digitized by Google

торовъ и ученыхъ, которые группировались вокругъ Карамзина и Жуковскаго и которые, подъ предводительствомъ этихъ знаменитостей орудіемъ иронiи воевали противъ крайнихъ взглядовъ прежней литературной школы, представителемъ которой былъ самъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ. Блудовъ въ прежнее время былъ даже секретаремъ «Арзамаса» и когда среди членовъ этого кружка зародилась мысль издавать свой особый литературный органъ, Блудовъ готовился дѣятельно выступить на литературномъ поприщѣ и заблаговременно составилъ для задуманнаго журнала статью о русскихъ пословицахъ. Когда онъ въ 1817 году былъ откомандированъ состоять при посольствахъ въ Стокгольмѣ и Лондонѣ, связи его съ представителями литературы стали ослабѣвать, хотя самъ онъ не совсѣмъ еще оставилъ прежнія занятія, такъ какъ, проживая въ названныхъ столицахъ, весьма сильно интересовался состояніемъ и развитіемъ журналистики, въ особенности англійской и американской, равно какъ новыми литературными направленіями и теченіями, которыя въ ней проявлялись. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи въ Россію, и эти стремленія или прежнія привычки были оставлены и забыты: онѣ должны были быть совсѣмъ преданы забвенію въ виду цѣлей, которыя имѣлъ въ виду дипломатъ и государственный дѣятель, тѣмъ болѣе, что въ это время повѣяло совершенно инымъ духомъ. Такимъ образомъ, и прежніе литературные противники могли сойтись вмѣстѣ и даже раздѣлять одни и тѣ же взгляды на вопросы внутренней политики и руководиться одинаковыми соображеніями, и въ такихъ случаяхъ, когда дѣло касалось литературной и ученой областей. По этимъ-то причинамъ, Блудовъ, разсмотрѣвъ предложенное ему дѣло, и высказался такимъ образомъ, что хотя онъ, по незнанію подробностей Виленскаго слѣдствія, не можетъ судить о томъ, будетъ-ли Мицкевичъ благонадежнымъ въ званіи журналиста, тѣмъ не менѣе, если Правительство нашло нужнымъ запретить Мицкевичу жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно,

Digitized by Google

по тѣмъ же причинамъ, оно не позволитъ ему дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала (№ 74). Адмиралъ Шишковъ призналъ основательнымъ этотъ отзывъ и отвѣтилъ попечителю Московскаго учебнаго округа, что, по указанному соображенію, онъ не можетъ собственною властью дать разрѣшеніе на изданіе журнала, входить же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору не находитъ ни приличія, ни уважительной къ тому причины (№ 75).

Полученный отказъ былъ однимъ изъ мотивовъ, по которымъ поэтъ пожелалъ разстаться съ Москвою. Онъ искалъ болѣе широкихъ горизонтовъ и болѣе широкаго круга дѣятельности, бо́льшаго, наконецъ, кружка близкихъ ему соотечественниковъ и по этому рѣшился переселиться въ Петербургъ, чтобы тамъ пріискать себѣ тоже болѣе солидное занятіе и мѣсто. Почти весь 1828 годъ (№ 84) провелъ онъ въ сѣверной столицѣ, считаясь по болѣзни въ отпуску, въ которомъ князь Д. В. Голицынъ не имѣлъ основанія отказывать Мицкевичу, такъ какъ послѣдній не считался штатнымъ чиновникомъ и не получалъ никакого содержанія.

Петербургскіе друзья посовѣтовали Мицкевичу опредѣлиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и обѣщали ему поддержку, онъ же согласился на это, въ надеждѣ, что удастся ему получить или мѣсто переводчика въ самой Коллегіи или же назначеніе въ какое-либо изъ русскихъ консульствъ въ южной Европѣ, куда поэтъ непремѣнно хотѣлъ отправиться для поправленія своего здоровья. Онъ просилъ о томъ или о другомъ назначеніи въ докладныхъ запискахъ (№ 81 и Atenеum, 1897, IV, 529), которыя приложилъ къ прошенію на Высочайшее Имя (№ 80), о принятіи его на службу въ упомянутую коллегію, поданному 19 февраля 1829 года. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде сейчасъ же (25 февраля) отнесся къ кн. Голицыну съ запросомъ, не имѣется-ли препятствій для опредѣленія Мицкевича въ подвѣдомственное ему министерство (№ 82), на что̀, отъ 9 апрѣля, получилъ удовлетворительный отвѣтъ, съ лестнымъ отзывомъ о кандидатѣ и съ такимъ же аттестатомъ о его службѣ (№№ 83—

Digitized by Google

85). Помимо этого однако назначеніе, по неизвѣстнымъ ближе причинамъ, не состоялось сразу: поэтъ сталъ терять надежду на осуществленіе этимъ путемъ своихъ плановъ о поѣздкѣ въ южную Европу для лѣченія и самъ сталъ хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта. Благодаря связямъ влюбленной въ него Каролины Еншъ, въ домѣ отца которой въ Москвѣ онъ часто бывалъ, паспортъ былъ выданъ, и Мицкевичъ 15 мая, на англійскомъ кораблѣ, покинулъ Россію навсегда, и гр. Нессельроде, хотя только спустя два съ половиною мѣсяца, сообщилъ князю Голицыну, что не нашелъ нужнымъ причислять къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ чиновника, имѣющаго пребываніе за границею (№ 86). Такъ кончилась и чиновничья карьера поэта и сношенія его съ властями.

Digitized by Google

1.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Нижеподписавшійся по желанію учителя Ковенскаго уѣзднаго училища г. Мицкевича, который какъ прежде въ своихъ болѣзненныхъ страданіяхъ, такъ и нынѣ въ безпрестанно усиливающихся, пользовался моими совѣтами, выдаю сіе свидѣтельство съ подробнымъ описаніемъ его болѣзни въ томъ, что онъ г. Мицкевичъ, будучи еще студентомъ въ Университетѣ, по безпрерывнымъ и тщательнымъ трудамъ, какихъ требовало прилежаніе къ наукамъ, началъ страдать геморроидальною болѣзнью, къ которой по фамиліи уже былъ склоненъ. При дѣйствіи означенныхъ причинъ, будучи нѣсколькократно одержимъ насморкною горячкою, геморроиды начали принимать опаснѣйшее дѣйствіе на грудь. Пользуя же нынѣ помянутаго учителя Мицкевича, когда по двухъ-лѣтней его учительской должности въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ изслѣдовалъ я нынѣшнія его страданія, нашелъ, что оныя до той степени усилились, что угрожаютъ крайней опасностью, какою есть болѣзнь называемая *Pneumonorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Не иная полагается причина перехода сей болѣзни въ грудь, какъ токмо преподаваніе лекцій, требующее декламаціи и сѣденіе (!) въ классѣ по 4 часа въ день, приводящее въ худшее состояніе геморроидальныя терпѣнія, которыя по поводу настоящей его должности, ослабляющей легкія, безъ сомнѣнія дѣйствуютъ и на грудь.

Digitized by Google

Посему учитель г. Мицкевичъ не иначе можетъ поправить свое здоровье, какъ увольнившись на нѣкоторое время отъ должности, пока геморроидальная его болѣзнь въ настоящемъ состояніи (pneumonorrhagia) не получитъ натуральнаго хода. Вильно, 1821 года іюня 12 дня.

(Подписалъ) Докторъ медицины и хирургіи

Константинъ Порціанко.

Вѣрно: Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій [1]).

2.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2.

Объ увольненіи учителя Мицкевича по болѣзни на одинъ годъ отъ должности съ жалованьемъ 200 рублей.

Въ Вильнѣ, 25 іюля 1821. № 2400. Виленскій Университетъ. Правленіе Университета.

Господину Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Директоръ училищъ Виленской губерніи Будзиловичъ при рапортѣ своемъ представилъ прошеніе учителя словесности Ковенскаго уѣзднаго училища Адама Мицкевича, въ которомъ изъясняетъ, что въ продолженіи двухъ-лѣтней своей учительской должности усиливающаяся въ немъ болѣзнь не только безпрерывно препятствовала учительскимъ его затрудненіямъ, но и угрожаетъ совершенно впередъ потерею здоровья; посему принужденнымъ находится по совѣту врачей увольниться на время отъ должности для исцѣленія своего поврежденнаго здоровья; но какъ жалованье имъ получаемое единственнымъ есть способомъ

---

1) Копія въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189.

Digitized by Google

къ содержанію себя, безъ котораго крайнему подвергся бы недостатку и даже лишился бы средствъ къ поправленію здоровья: для того прилагая свидѣтельство доктора о своей болѣзни, проситъ, чтобы при увольненіи его отъ должности на одинъ годъ оставить при немъ учительское жалованье, котораго нынѣ получаетъ по 300 руб. сер. въ годъ, съ вольностью возвращенія къ прежнему мѣсту. Университетское Правленіе по поводу таковаго прошенія имѣло разсужденіе, что помянутый учитель принятъ въ учительскую семинарію при университетѣ 1815 года, гдѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ обучался съ отличнымъ успѣхомъ, а по окончаніи курсовъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Ковенское уѣздное училище съ 1 сентября 1819 года. По свидѣтельству визитатора и директора училищъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ исполнялъ свою должность съ совершеннымъ прилежаніемъ и значительною пользою учениковъ, хотя по болѣзни своей частымъ подвергался страданіямъ. Изъ представленнаго же свидѣтельства доктора медицины и хирургіи Порціанки оказуется, что тщательнѣйшее Мицкевича прилежаніе къ наукамъ, сопряженное съ безпрерывнымъ сѣденіемъ (!) подвергло его геморроидальнымъ аттакамъ, которые начали уже принимать опасное дѣйствіе на грудь и усилились до той степени, что угрожаютъ крайне опасною болѣзнью подъ названіемъ *Pneumonorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Къ чему вящею было причиною сѣденіе въ классѣ по 4 часа въ день, требующее безпрерывной деклама-ціи; посему не иначе можетъ онъ поправить свое здоровье, какъ уволнившись на нѣкоторое время отъ должности. Изъ всего вышеозначеннаго, поелику Университетское Правленіе удостовѣряется, что учитель Мицкевичъ не можетъ заниматься должностью, не лишаясь вовсе здоровья, и что увольненіе на одинъ годъ по юнымъ его лѣтамъ доставило бы ему способность совершеннаго исцѣленія здоровья, а тѣмъ самымъ возвратило бы толико полезнаго учителя къ учебнымъ трудамъ. Но какъ онъ кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе отъ должности безъ жалованья подвергло бы его недо-

Digitized by Google

статку гораздо опаснѣйшему въ настоящихъ его страданіяхъ, то, прилагая въ копіи свидѣтельство доктора Порціанки, обстоятельство сіе имѣетъ честь представить милостивѣйшему благоуваженію Вашего Сіятельства, съ таковымъ притомъ изъясненіемъ, что хотя учитель Мицкевичъ просилъ о оставленіи при немъ полнаго жалованья 300 руб. сер., но Университетское Правленіе осмѣливается покорнѣйше просить, не благоугодно-ли бы было при увольненіи его на одинъ годъ, съ 1-го наступающаго мѣсяца сентября, назначить ему $^2/_3$ части жалованья, т. е. 200 руб. сер., изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается въ годъ по 1000 руб. сер., поелику нынѣшнее его жалованье будетъ отпускаться тому, кто отъ Университета на его мѣсто будетъ назначенъ къ преподаванію въ Ковенскомъ училищѣ словесности.

Ректоръ Семенъ Малевскій.

Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій.

Резолюція: Представить о семъ въ Комитетъ Министровъ, 3 августа 1821 [1]).

3.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ Царскомъ Селѣ, 6 августа 1821 года. № 2416. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Виленскій университетъ представилъ мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредь

1) Подлинникъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «получ. 31 іюля 1821», и № 098/992.

Digitized by Google

потерею здоровья, и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья, другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетъ, представивъ докторское свидѣтельство о болѣзни учителя Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донынѣ службѣ, ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ должности на одинъ годъ съ 1 наступающаго сентября мѣсяца, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, т. е., двухъ-сотъ рублей серебромъ, изъ суммы, положенной на чрезвычайные издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается по 1000 руб. сер. въ годъ изъ по-іезуитскихъ доходовъ, изъ которыхъ училища Виленскаго учебнаго округа содержаніе свое получаютъ, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

По удостовѣренію начальства о ревностной до нынѣ службѣ Мицкевича, испрашиваю разрѣшенія Комитета господъ Министровъ на увольненіе его на годъ отъ учительской должности, съ выдачею ему двухъ-сотъ рублей серебромъ въ годъ изъ вышеозначенной суммы.

Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій [1]).

4.

Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 9 августа и 13 сентября 1821 года.

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 8176, картонъ 189.

Digitized by Google

Въ засѣданіе 9 августа слушана записка Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 августа, за № 2416 (по Департаменту Народнаго Просвѣщенія), внесенная въ журналъ Комитета подъ № 1284, объ увольненіи учителя Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевича для поправленія разстроеннаго здоровья на одинъ годъ отъ должности съ выдачею ему, по уваженію усердной его службы и крайне недостаточнаго содержанія, 200 руб. сер., изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи назначенной.

Комитетъ полагалъ: уволить съ выдачею означенной суммы, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе.

Въ засѣданіи 13 сентября объявлено Комитету, что Государь Императоръ на сіе соизволяетъ.

Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о томъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала.

Управляющій дѣлами Комитета Сухопрудскій.

№ 2006.

Его Сіятельству Г. Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. По 2-му отдѣленію [1]).

5.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 27 сентября 1821, № 3101. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Правленіе Виленскаго Университета въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года представило мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища

1) Подлинникъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189; замѣтка о полученіи «24 сентября 1821» и «№ 3774/90.

Digitized by Google

Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредь потерею здоровья и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетское Правленіе, приложивъ докторское свидѣтельство о болѣзни Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донынѣ службѣ, ходатайствуетъ о увольненіи Мицкевича отъ должности на одинъ годъ съ 1 сего сентября, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, то есть, двухъ-сотъ руб. сер. изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ Университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

Государь Императоръ, по представленію моему о томъ, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на увольненіе отъ должности Мицкевича на годъ, съ производствомъ ему за сіе время двухъсотъ руб. сер. изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи положенной.

О семъ имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, для надлежащаго съ Вашей стороны по тому исполненія.

Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія
Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій[1]).

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «къ № 9».

Digitized by Google

6.

Ректору Виленскаго Университета, надворному совѣтнику Твардовскому.

Его Императорское Высочество, въ повелѣніи ко мнѣ, отъ 12 сего августа, за № 3301, на представленіе мое о разрѣшеніи на выдачу паспорта учителю Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адаму Мицкевичу, желающему отправиться за границу въ Австрію и Италію къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ срокомъ на два года, предписать изволилъ узнать: чему вышеозначенный учитель Мицкевичъ обучаетъ? нѣтъ-ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? А потому рекомендую Вашему Высокородію сдѣлать, черезъ кого слѣдуетъ, по вышеписанному повелѣнію выправку и, что̀ въ оной окажется, увѣдомить меня съ Вашимъ заключеніемъ, для донесенія Его Высочеству.

Генералъ Римскій-Корсаковъ[1]).

№ 3027.

26 августа 1823 г. получ. 27 августа 1823.

7.

Его Высокопревосходительству Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Александру Михайловичу Римскому-Корсакову.

Ваше Высокопревосходительство, въ предложеніи, отъ 26 сего августа, за № 3027, касательно учителя Адама Мицкевича, желающаго отправиться за границу, а именно, въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, срокомъ на два года, изволили предписать мнѣ сдѣлать выправку:

1) Чему сей учитель обучаетъ?—

---

[1]) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX, 7, листъ 16.

Digitized by Google

2) Нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго?

3) По какой болѣзни ѣдетъ?

4) Какими средствами будетъ содержать себя за границей два года?

На сіи запросы честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству слѣдующее:

1) Учитель Мицкевичъ обучалъ въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ словесности, исторіи и нравственнымъ наукамъ.

2) Ничего за нимъ порочнаго, со времени вступленія моего въ должность ректора, что́ было въ половинѣ ноября мѣсяца прошлаго 1822 года, не оказалось. А хотя прежде сего предмѣстникъ мой бывшій ректоръ г. Малевскій, по предписанію Господина Попечителя, имѣлъ того учителя на особенномъ замѣчаніи, но и въ семъ онъ же, г. Малевскій, ничего противнаго за учителемъ Мицкевичемъ не замѣтилъ, какъ сіе свидѣтельствуетъ въ письмѣ своемъ, отъ 20 ноября 1822 года, ко мнѣ адресованномъ, которое въ переводѣ при семъ честь имѣю приложить.

3) Болѣзнь сего учителя, по свидѣтельству Ковенскаго уѣзднаго лѣкаря доктора Ковальскаго, есть грудная, отъ чего происходитъ боль въ правомъ боку и плеваніе кровью. Сверхъ сего свидѣтельства, достаточно извѣстно Университету, что вообще здоровье его находится въ очень худомъ состояніи, такъ что, не смотря на хорошую его способность, съ величайшею трудностью могъ исполнять учительскую должность. Для излѣченія даже слабаго своего здоровья въ 1821 году, по утвержденію Господина Министра, уволенъ былъ на одинъ годъ отъ должности учителя, съ жалованьемъ 200 руб. сер. По истеченіи сего времени, хотя возвратился въ должность свою, но здоровье его болѣе еще разстроилось, а посему для исправленія онаго требуется рачительнаго старательства.

4) Какія онъ Мицкевичъ имѣетъ средства къ содержанію себя за границею, Университету неизвѣстно. Для сдѣланія удовлетворительнаго отвѣта на сей послѣдній вопросъ, также чтобы въ точности знать, не замѣтилъ ли чего-нибудь порочнаго за учи-

Digitized by Google

телемъ Мицкевичемъ смотритель Ковенскаго уѣзднаго училища, по слѣдующей почтѣ потребую извѣстія отъ сего смотрителя и, какой получу о семъ отвѣтъ, не замедлю Вашему Высокопревосходительству всепочтеннѣйше донести [1])

№ 321.
Августа 29 дня 1823 г.
г. Вильно.

8.

Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру Александру Михайловичу Римскому Корсакову.

Въ дополненіе рапорта моего, отъ 29 истекшаго августа, за № 321, Вашему Высокопревосходительству учиненнаго, въ разсужденіе учителя Ковенскаго повѣтоваго училища Мицкевича, полученный мною отъ смотрителя того училища Добровольскаго рапортъ при семъ въ переводѣ Вашему Высокопревосходительству честь имѣю представить.

(Ректоръ Твардовскій [2]).

№ 333.
Сентября 8 дня 1823 г.

9.

Слѣдственная Комиссія разсматривала пять прошеній на имя попечителя Новосильцова объ увольненіи на поручительства: 1) Александра Турскаго о братѣ его Ксаверіѣ Турскомъ; 2) Онуфрія Гнатовича о племянникѣ Эдвардѣ Одынцѣ, который по случаю смерти матери и болѣзни отъ давняго времени отца его ну-

1) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 17.

2) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, Б. XIX. 7, листъ 24.

Digitized by Google

женъ въ домѣ для призрѣнія шестеро малолѣтнихъ дѣтей; 3) камеръ-юнкера Ляхницкаго о Наполеонѣ Новицкомъ и Адамѣ Мицкевичѣ; 4) Іосифа Домейки о племянникахъ Игнатіѣ и Александрѣ Домейкахъ; 5) типографа Іосифа Завадскаго о Николаѣ Малиновскомъ.

По дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ, бывшій учитель Ковенскаго училища, въ отвѣтахъ своихъ, показывая, что къ обществу филаретовъ не принадлежалъ, не былъ онаго членомъ, присяги не исполнилъ и не входилъ ни въ какую обязанность, сознался однако, что нѣсколько разъ былъ на засѣданіяхъ союзовъ и на бесѣдахъ, якобы по знакомству токмо съ членами общества филаретовъ и даже стальной перстень, симъ обществомъ предсѣдателю Зану сдѣланный, онъ же Мицкевичъ вручилъ ему и сказалъ нѣсколько стиховъ, поздравляя его, что толикое число имѣетъ друзей, а притомъ и 12 человѣкъ изъ допрошенныхъ уже филаретовъ показываютъ, что и онъ Мицкевичъ принадлежалъ къ обществу ихъ, почему и нужно ему дать съ ними очную ставку.

Собственноручная резолюція Новосильцова.

По принятому Комиссіею правилу ни одного изъ поименованныхъ въ семъ спискѣ пяти учениковъ на поручительство выпустить нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ чистосердечно въ томъ, что читаны были на бесѣдахъ филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія, не признается, тогда какъ Комиссія имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрнѣйшія тому доказательства.

Прошенія, поданныя о порукѣ, возвратили просителямъ съ подписями въ оныхъ, что несходствія въ нѣкоторыхъ предметахъ съ обстоятельствами дѣла показаній сказанныхъ филаретовъ требуютъ поясненія и уликъ очными ставками и что до того и до дальнѣйшаго соображенія они на порукѣ находиться не могутъ[1]).

1) Виленская Публичная Библіотека, рукопись Б. XIX, 5; резолюція послѣдовала 19 декабря 1823 года.

Digitized by Google

10.

Ректору Виленскаго Университета Господину Надворному Совѣтнику Твардовскому.

Объ учителѣ Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адамѣ Мицкевичѣ, просившемъ объ увольненіи его за границу въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, на вопросъ, какими средствами будетъ онъ содержать себя за границею два года, Ваше Высокоблагородіе представили ко мнѣ рапортъ смотрителя тѣхъ училищъ Добровольскаго, что означенный Мицкевичъ надѣется содержать себя за границею изъ капитала, который ожидаетъ составить изъ сочиненія своего, нынѣ изъ печати выходящаго. Затѣмъ, въ подробнѣйшее поясненіе таковаго отвѣта, предписываю Вашему Высокоблагородію увѣдомить меня непродолжительно, какое, именно, издается учителемъ Мицкевичемъ сочиненіе? что оно въ себѣ заключаетъ и было-ли въ просмотрѣ цензуры, а также, состоитъ-ли нынѣ Мицкевичъ при должности?

Генералъ Римскій Корсаковъ [1]).

№ 714.
26 февраля 1824.

11.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

1824 года апрѣля 20 дня.

Виленскаго Университета профессоръ Іоахимъ Лелевель проситъ Вашего Высокопревосходительства о увольненіи на поручительство его Адама Мицкевича.

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 252; былъ уже печатанъ въ «Pamiętnik towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza», томъ II, стр. 241

Digitized by Google

А по дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ (какъ по розыску оказалось) не принадлежалъ къ обществу филаретовъ, а зналъ токмо о обществѣ томъ, по случаю знакомства съ учениками Университета, и что нѣсколько разъ былъ на бесѣдахъ и читалъ стихи, на одной же изъ бесѣдъ за городомъ былъ упрошенъ о поднесеніи предсѣдателю Зану стального перстня и говорилъ изустно стихи, содержанія коихъ не помнитъ достаточно, утверждаетъ только, что не относились къ обществу, — а въ честь Зана, которому поднесъ тогда вмѣстѣ съ перстнемъ сдѣланный съ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ, коимъ увѣнчали филареты Зана.

Слѣдственная Комиссія имѣетъ долгъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что сей же Мицкевичъ, находясь въ присутствіи оной, изъявлялъ искреннее раскаяніе въ заблужденіи своемъ, что онъ хотя и не принадлежалъ къ секретному обществу, а только имѣя участіе въ бесѣдахъ, поступилъ тѣмъ неблагоразумно и могъ быть сочленомъ такимъ, кои въ пылкости воображенія преступили обязанность неприличными рѣчами своими.

Резолюція: *Отпустить на поручительство. Новосильцовъ*[1]).

12.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго намъ господиномъ исправляющимъ должность директора департамента народнаго просвѣщенія статскимъ совѣтникомъ Языковымъ, коимъ предоставлено всякому изъ числа прибывшихъ въ С.-Петербургъ Виленскаго университета кандидатовъ и студентовъ избрать себѣ губернію для опредѣленія въ службу Его Императорскаго Величества имѣемъ честь объявить, что мы Осипъ

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 11.

Digitized by Google

Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ желаемъ отправиться въ Одессу или въ Харьковъ и опредѣлиться тамъ въ службу, которой бы соотвѣтствовали способности наши.

Нижеподписавшійся объявилъ (!) желаніе служить при Ришельевскомъ Лицѣ (!).

Адамъ Мицкевичъ [1]).

13.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа сего 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено:

«Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій національзмъ посредствомъ обученія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Во исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ именной имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность, по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ я, что большая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ

---

1) Автографъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 130263, листъ 6.

Digitized by Google

преподавать наукъ на семъ языкѣ и, слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донеся о семъ всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивалъ я Всемилостивѣйшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: «здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ Польшѣ, города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія».

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе: въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ?

Вслѣдствіе сего, кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ объявили, что они желаютъ служить при Ришельевскомъ Лицеѣ.

Въ доставленной отъ Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа отмѣткѣ сказано противъ имени Ежовскаго, что онъ могъ бы преподавать греческую и римскую словесность, а также педагогику и философію на латинскомъ языкѣ. Противъ имени Мицкевича, что онъ могъ бы преподавать словесность древнихъ языковъ и естетику на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ.

Посему, приказавъ Ежовскому и Мицкевичу отправиться къ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, предписать начальству Ришельевскаго лицея принять ихъ въ сіе учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ наукъ, коимъ они обучались въ Виленскомъ университетѣ, и назначить имъ приличное жалованье.

Digitized by Google

Буде же, по какимъ либо причинамъ, не найдется удобности опредѣлить ихъ въ лицей, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу предоставить имъ пріискать для себя другія мѣста, сообщивъ тогда начальствамъ, гдѣ они служить пожелаютъ, помянутое, состоявшееся о нихъ Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи ихъ въ службу, не въ польскихъ, но въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, съ классами, ученымъ степенямъ ихъ присвоенными. По полученіи на сіе извѣщенія Вашего, сдѣлаю я распоряженія и о доставленіи, куда слѣдовать будетъ, изъ Виленскаго университета свидѣтельствъ на полученную ими степень кандидата.

При семъ нужнымъ считаю увѣдомить, что по бѣдному состоянію Ежовскаго и Мицкевича, выдано имъ, сверхъ прогонныхъ денегъ до Елисаветграда, на путевыя издержки по триста рублей каждому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

А. Шишковъ.

№ 3638.
Въ С.-Петербургѣ.
16 декабря 1824.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

14.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Н. П. Отдѣленіе 11. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 16 декабря 1824. № 3633.

Господину Министру Финансовъ.

Изъ отношенія моего отъ сего же числа, за № 3632, Вашему Превосходительству извѣстно, что Высочайше конфирмирован-

1) Подлинное въ Архивѣ Императ. Новороссійскаго Университета.

Digitized by Google

нымъ въ 14 день августа сего года журналомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено: нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ студентовъ означеннаго университета употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину.

Вслѣдствіе того помянутые студенты, по предписанію Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, прибыли сюда.

Какъ бо́льшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не можетъ преподавать наукъ на семъ языкѣ и, слѣдственно, не могутъ принести большо́й пользы русскимъ училищамъ, то я всеподданнѣйше испрашивалъ Государя Императора Высочайшаго дозволенія тѣхъ изъ сихъ студентовъ, кои желаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ Петербургѣ, или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить, по ихъ желанію и способностямъ, въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Нынѣ изъ числа означенныхъ студентовъ, согласно изъявленному ими желанію, отправляются для опредѣленія кандидаты философіи Викентій Будревичъ и Онуфрій Петрашкевичъ въ Московскій университетъ, а кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ въ Ришельевскій лицей.

Посему, на основаніи вышеизъясненнаго Высочайшаго повелѣнія относительно сдѣланія имъ пособія, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство учинить зависящее отъ Васъ, Милостивый Государь мой, распоряженіе о выдачѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства онымъ четыремъ кандидатамъ прогонныхъ денегъ Будревичу и Петрашкевичу до Москвы, каждому на двѣ лошади, а Ежовскому и Мицкевичу до Елисавет-

Digitized by Google

града, также на двѣ лошади каждому, и, сверхъ того, на путевыя издержки Будревичу и Петрашкевичу по двѣсти рублей, а Ежовскому и Мицкевичу по триста рублей каждому.

О послѣдующемъ ожидать буду благосклоннаго Вашего увѣдомленія.

Министъ Народнаго Просвѣщенія

Александръ Шишковъ.

Начальникъ отдѣленія Дмитрій Языковъ[1]).

15.

Въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія казначея Аникіева.

РАПОРТЪ.

Вслѣдствіе предписанія Департамента 29 прошлаго декабря, № 2674, принято мною сего генваря 5 числа изъ Главнаго Казначейства прогонныхъ денегъ четыремъ кандидатамъ Виленскаго Университета, отправляющимся для опредѣленія къ должностямъ, каждому на двѣ лошади, двумъ изъ нихъ Викентію Будревичу и Онуфрію Петрашкевичу до Москвы за 720 верстъ по 117 руб. 64 коп., а двумъ Осипу Ежовскому и Адаму Мицкевичу до Одессы за 1545½ верстъ по 248 руб. 16 коп., и, сверхъ того, на путевыя издержки первымъ двумъ по 200, а послѣднимъ по 300 руб., всего тысяча семьсотъ тридцать одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ, кои по принадлежности въ приходъ записаны, о чемъ Департаменту симъ почтеннѣйше доношу.

Казначей Петръ Аникіевъ.

№ 5.

Генваря 6 дня 1825 года[2]).

---

1) Копія, архивъ М. Н. П., дѣло № 130263.

2) Подлинникъ, архивъ М. Н. П., № 130263, съ помѣтками: «№ 60/20» и «7 января 1825 г.».

Digitized by Google

16.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Съ симъ вмѣстѣ отношусь я въ Правленіе Ришельевскаго лицея о допущеніи къ преподаванію въ семъ заведеніи учебныхъ предметовъ двухъ кандидатовъ Виленскаго Университета: Ежовскаго и Мицкевича.

Кандидатамъ симъ я приказалъ уже отправиться въ Одессу и по прибытіи туда явиться къ Вашему Высокоблагородію. Не оставьте сдѣлать распоряженіе, дабы съ пріѣздомъ Ежовскаго и Мицкевича въ лицей была имъ отведена квартира въ заведеніи и дабы они пользовались столомъ наравнѣ съ прочими преподавателями.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Высокоблагородія покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 48.
Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу[1]).

17.

Въ Правленіе Ришельевскаго Лицея.

Препровождая при семъ копію съ отношенія ко мнѣ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря прошлаго года, № 3638, касательно принятія въ Ришельевскій лицей для преподаванія наукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, я предлагаю Правленію сдѣлать немедленно распоряженіе о предоставленіи имъ соотвѣтственно знаніямъ и способностямъ каѳедръ въ лицеѣ.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Имп. Новороссійскаго Университета; помѣтки на немъ: «№ 127», «получ. 18 февраля 1825», и «47. Слушано 19 февраля 1825».

Digitized by Google

Я полагаю, что Ежовскій и Мицкевичъ съ пользою могутъ преподавать уроки древнихъ языковъ; впрочемъ, Правленіе не оставитъ войти въ соображеніе, какіе предметы можно, именно, имъ предоставить, смотря по удобности.

По назначеніи помянутымъ двумъ кандидатамъ занятій, производить имъ жалованье изъ остающихся суммъ отъ каѳедръ, незамѣщенныхъ преподавателями, или изъ опредѣленныхъ суммъ на жалованье адъюнктамъ. На первый разъ можно производить каждому изъ нихъ годовые оклады отъ 600 до 750 руб.

О распоряженіяхъ по сему предмету Правленіе не оставитъ донести мнѣ безъ всякаго замедленія, для доведенія о томъ до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій Лицеемъ Генералъ-Лейтенантъ
Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя
Титулярный Совѣтникъ Вороновъ.

№ 47.
Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Въ Правленіе Ришельевскаго Лицея[1]).

18.

Ришельевскій Лицей. Журналъ по учебной части на 1825 годъ (№ 95).

1825 года февраля 19 дня въ Правленіе Одесскаго Ришельевскаго Лицея прибыли гг. члены по учебной части: полковникъ и кавалеръ В. Х. Христофоровъ, первый инспекторъ надворный совѣтникъ Н. М. Калинескій, магистръ профессоръ И. Ф. Гри-

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣтками: «№ 126», «получ. 18 февраля 1825» и «48. Слушано 19 февраля 1825».

Digitized by Google

невичъ, кандидатъ профессоръ И. И. Дудровичъ, константинопольскій банкиръ, дворянинъ С. А. Константа и и. д. директора надворный совѣтникъ К. И. Дитерихсъ; въ сіе засѣданіе прибылъ законоучитель Ришельевскаго лицея отецъ протоіерей Исидоръ Гербановскій, по приглашенію г. и. д. директора.

Слушали:

a) предложеніе Его Сіятельства Г. Управляющаго Ришельевскимъ лицеемъ генерала-лейтенанта гр. И. О. Витте, отъ 14 февраля сего года, № 47 (см. выше № 17).

b) отношеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря 1824 года, № 3638 (см. выше № 13).

c) предписаніе Его Сіятельства Г. Управляющаго отъ 14 же февраля сего года, № 48 (см. выше № 16).

Опредѣлили:

Такъ какъ въ лицеѣ для помѣщенія кандидатовъ Ежовскаго и Мицкевича никакихъ вакантныхъ мѣстъ не имѣется, къ коимъ они могли бы быть опредѣлены, потому что по части латинской и греческой словесности, кромѣ чиновниковъ, утверждаемыхъ Г. Министромъ, классъ латинской грамматики съ пользою занимается и. д. профессора коммерческихъ наукъ Симановичемъ, классъ греческой грамматики занялъ съ вѣдома Его Сіятельства, по распоряженіямъ Правленія, титулярный совѣтникъ Артропуло, который также преподаетъ съ пользою, а классъ риторики и словесности греческихъ, по предложенію Его Сіятельства, занялъ г. Пиццпіо, который также съ успѣхомъ продолжаетъ преподаваніе сихъ предметовъ: то, предоставивъ упомянутымъ кандидатамъ Виленскаго университета отыскать для себя другія мѣста и по пріисканіи оныхъ увѣдомить Правленіе. Въ уваженіе же недостаточнаго ихъ состоянія снабдить ихъ квартирою и столомъ, до пріисканія ими мѣстъ, о чемъ донести Его Сіятельству г. Управляющему Лицеемъ, впрочемъ предоставить на благоусмотрѣніе Его Сіятельства, что если бы сіи мѣста не были заняты,

Digitized by Google

то Ежовскій могъ бы заняться преподаваніемъ риторики и словесности греческой, а Мицкевичъ греческой и латинской грамматики [1]).

19.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Одесскій Ришельевскій Лицей. № 179. 26 Февраля 1825. Одесса.

Господину Управляющему Лицеемъ Генералъ-Лейтенанту Графу Ивану Осиповичу Витте.

Честь имѣю препроводить у сего на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства выписку статьи 1-ой изъ журнала засѣданія Правленія Ришельевскаго Лицея, въ 19 день сего Февраля мѣсяца состоявшагося, объ опредѣленіи и принятіи въ Лицей для преподаванія наукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича.

Исправляющій должность директора Лицея надворный совѣтникъ и кавалеръ Дитерихсъ.

Управляющій канцеляріею Правленія лицея.

В. Степановъ [2]).

20.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: вызванныхъ въ С.-Петербургъ по послѣднимъ происшествіямъ студентовъ Виленскаго университета, не оставляя на службѣ въ Ришельевскомъ лицеѣ, и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія рос-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Подлинникъ въ дѣлѣ о Мицкевичѣ въ архивѣ Правленія того-же Университета.

Digitized by Google

сійскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами; также, по недостаточному ихъ состоянію, сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, отправленныхъ въ Ришельевскій лицей, отобрать свѣдѣніе, въ которую изъ россійскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ?

Требуемаго мною свѣдѣнія я буду ожидать отъ Васъ непремѣнно съ первою почтою, со дня полученія Вами сего моего предложенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 100.

Въ Елисаветградѣ, 19 марта 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу [1]).

21.

Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ предписанія Его Сіятельства Г. Попечителя Ришельевскаго лицея, я имѣю честь изъявить желаніе опредѣлиться въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при этомъ я осмѣливаюсь просить о снабженіи меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ.

Адамъ Мицкевичъ.

26 марта 1825.

Одесса [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго университета, съ помѣткою: «получ. 25 марта 1825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, fol. 134.

Digitized by Google

22.

СЕКРЕТНО.

Его Сіятельству Господину Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ генералъ-лейтенанту и кавалеру Графу И. О. Витте.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства, отъ 19 марта, № 100, я немедленно отобралъ свѣдѣнія отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, прибывшихъ въ Ришельевскій лицей, въ которую изъ россійскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ? Свѣдѣнія сіи при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства препроводить честь имѣю въ подлинныхъ подпискахъ, ими данныхъ.

Исправляющій должность директора,

надворный совѣтникъ Дитерихсъ.

№ 328. 28 марта 1825. [1]).

23.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Павелъ Гавриловичъ. Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ между прочимъ постановлено:

«Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространять безразсудный польскій національзмъ, посредствомъ

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета, личное дѣло Мицкевича.

Digitized by Google

обученія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Въ исполненіе сего, Г. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ именный имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ я, что большая изъ нихъ часть, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семъ языкѣ, и слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донося о семъ всеподданѣйше Государю Императору, испрашивалъ я Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія ваканціи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить въ другіе только не польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, объявившій желаніе служить при Ришельевскомъ лицеѣ, по сдѣланному мною распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, способностямъ и знаніямъ его соотвѣтственной.

Впослѣдствіи Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ

Digitized by Google

соизволилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ сюда по послѣднимъ происшествіямъ, не оставляя при Ришельевскомъ лицеѣ и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія россійскія губерніи, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они пожелаютъ сами, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, помянутый кандидатъ Мицкевичъ изъявилъ нынѣ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Посему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ опредѣленъ быть, по желанію его, въ означенный Архивъ, съ назначеніемъ приличнаго жалованья?

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1202.

С.-Петербургъ. 24 апрѣля 1825.

Его Превосходительству П. Г. Дивову [1]).

24.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Высокопревосходительства, подъ № 1202, въ которомъ Вы изъяснили желаніе имѣть свѣдѣніе, можетъ-ли кандидатъ Мицкевичъ быть опредѣленъ въ Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ.

На сіе долгомъ моимъ поставляю отвѣтствовать, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сего архива, я не

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

Digitized by Google

нахожу удобности помѣстить при оном кандидата Мицкевича. При томъ же Московскій Архивъ не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу даже и самое малое жалованье, отъ чего многіе, съ давняго уже времени служащіе при Архивѣ чиновники и понынѣ онаго не получаютъ.

Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Павелъ Дивовъ.

№ 2571.
Апрѣля 28 дня 1825 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

25.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Ваше Сіятельство отношеніемъ, отъ 3 минувшаго апрѣля, увѣдомили меня, что кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ изъявилъ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе сего, относился я къ управляющему означенною Коллегіею г. тайному совѣтнику Дивову объ опредѣленіи Мицкевича по желанію его въ помянутый Архивъ, съ приличнымъ жалованьемъ.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 2082, 29 апрѣля 1825» и «№ 1378»; внизу приписано: «Въ департаментъ народнаго просвѣщенія»; на полѣ же съ лѣвой стороны написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ графа Витте, просить его объявить о томъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, увѣдомить о томъ Его Высокопревосходительство, для дальнѣйшаго распоряженія. 1 мая 1825».

Digitized by Google

Онъ увѣдомилъ меня нынѣ, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сказаннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, приказать объявить объ этомъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, меня о томъ увѣдомить, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

Начальникъ стола Зубковскій.

№ 1265.

Въ С.-Петербургѣ, 5 мая 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

26.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управленіе Ришельевскимъ Лицеемъ. 9 іюня 1825. № 255. Въ Елисаветградѣ. Относительно опредѣленія на службу кандидата Мицкевича.

Г. Исправляющему временно должность директора Ришельевскаго Лицея.

Согласно съ желаніемъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, представилъ я Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о доставленіи ему Мицкевичу мѣста по службѣ при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 180263.

Digitized by Google

Нынѣ Г. Министръ сообщилъ мнѣ, что по сношенію съ Управляющимъ означенною Коллегіею г. тайнымъ совѣтникомъ Дивовымъ, Его Высокопревосходительство получилъ извѣщеніе, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ означеннаго Архива, не находитъ удобности помѣстить при оном кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

По сему предписываю Вамъ объявить о семъ Мицкевичу, и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, донести мнѣ беззамедлительно для представленія Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій лицеемъ, генералъ-лейтенантъ Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Н. Изюмовъ [1]).

27.

Ваше Высокородіе! Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ новаго предписанія относительно выбора службы, я имѣю честь изъявить желаніе служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. При томъ я осмѣливаюсь просить о снабженіе меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ и о истребованіе изъ Виленскаго университета аттестатовъ о прежней моей службѣ.

Вашего Высокоблагородія покорный слуга
Адамъ Мицкевичъ К(андидатъ) Ф(илософіи).

28 іюня 1825. Одесса [2]).

---

1) Подлинникъ, въ архивѣ Новороссійскаго Университета, съ помѣткою: «получ. 13 іюня 825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, fol. 180; копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

Digitized by Google

28.

Г. Управляющему Ришельевскимъ Лицеемъ Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру графу И. О. Витте.

Предписаніе Вашего Сіятельства, отъ 9 іюня, № 255, относительно опредѣленія въ службу кандидата Виленскаго университета Мицкевича, объявлено ему тотчасъ по полученіи мною онаго предписанія. Нынѣ, получивъ отъ него отзывъ, съ изъявленіемъ желанія служить въ канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, при семъ въ подлинникѣ Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 660. 29 іюня 1825. [1]).

29.

Дудровичъ Могилевскому [2]).

Что касается до поведенія Ежовскаго и связей его, долгомъ себѣ поставляю увѣдомить Ваше Высокородіе, что какъ онъ не состоитъ на службѣ при Лицеѣ, а только пользуется въ ономъ квартирою и пищею до пріисканія себѣ должности, согласно предписанію Начальства, то я до полученія Вашего отношенія не могъ имѣть за нимъ особеннаго наблюденія. Потому относительно сего теперь могу довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія только,

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Одесскій градоначальникъ статскій совѣтникъ С. И. Могилевскій, 3 іюля 1825 года, за № 4500, просилъ и. д. директора Ришельевскаго Лицея Дудровича секретно увѣдомить его о поведеніи и связяхъ Осипа Ежовскаго, такъ какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ поручилъ Новороссійскому Генералъ-Губернатору графу М. С. Воронцову учредить секретный и бдительный надзоръ за поведеніемъ Ежовскаго, потому что онъ продолжаетъ съ жителями польскихъ губерній переписку, скрывающую въ себѣ ту же цѣль, какую имѣло общество филаретовъ.

Digitized by Google

что занимаетъ квартиру во внутренней части лицейскаго зданія, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кандидатомъ Виленскаго университета Адамомъ Мицкевичемъ, который на томъ же вышеозначенномъ основаніи былъ присланъ отъ Г. Министра въ Ришельевскій лицей и остается въ ономъ безъ должности, въ ожиданіи разрѣшенія Начальства о помѣщеніи его на службу, сообразно его желанію, при Г. Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ, и что онъ Ежовскій большею частью находится въ отлучкѣ изъ дому Лицея, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ; иногда только обѣдаетъ или ужинаетъ у эконома Лицея.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія, долгъ имѣю присовокупить, что, по причинѣ безпрерывнаго почти отсутствія кандидата Ежовскаго изъ дому Лицея, градская полиція удобнѣе можетъ доставлять подробныя свѣдѣнія о поведеніи его и связяхъ въ городѣ, согласно предписанію Г. Генералъ-Губернатора; а я, со своей стороны, соотвѣтственно тому же предписанію, съ сего времени, впредь до его отъѣзда въ Москву, не премину имѣть ближайшее наблюденіе за его поступками въ самомъ домѣ заведенія и буду имѣть честь, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, доводить о томъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія.

Одесса, 3 іюля 1825 года, № 679 [1]).

30.

Дудровичъ Могилевскому.

На отношеніе Вашего Высокородія, отъ 3 іюля текущаго, № 4500, я тогда же имѣлъ честь отвѣтствовать. Согласно оному, имѣвъ наблюденіе за поступками кандидата Виленскаго университета Осипа Ежовскаго въ самомъ домѣ лицея, въ теченіе не-

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

Digitized by Google

дѣли, то есть, съ 4 по 11 число текущаго мѣсяца, замѣтилъ я, что Ежовскій часто выходилъ въ городъ одинъ или съ товарищемъ своимъ г. Мицкевичемъ; въ теченіе дня многократно возвращался на квартиру, въ иные дни позже 10 часовъ вечера, также одинъ, или съ означеннымъ товарищемъ. Къ нимъ обоимъ на квартиру часто приходилъ нѣкто изъ числа филаретовъ г. Малевскій, пріѣхавшій въ Одессу вмѣстѣ съ ними, для поступленія на службу къ Г. Новороссійскому Генералъ-Губернатору. Сверхъ того, заходили къ нимъ два неизвѣстные мнѣ поляка. Знакомства и связей его Ежовскаго съ чиновниками Лицея я доселѣ не замѣтилъ никакихъ, кромѣ того, что за отсутствіемъ на время, назначенное въ заведеніи для обѣда и ужина, иногда заходилъ онъ обѣдать или ужинать къ эконому Лицея г. Богдановичу, а обыкновенно, сколько мнѣ возможно было провѣдать, обѣдаетъ и ужинаетъ въ гостинницѣ, называемой клубомъ, вмѣстѣ съ упомянутыми товарищами своими Мицкевичемъ и Малевскимъ. О чемъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, согласно отношенію Вашему ко мнѣ, отъ 3 іюля.

Одесса, 11 іюля 1825 года, № 722. [1]).

31.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! По предложенію Вашего Высокопревосходительства, отъ 5 мая сего года, № 1265, требовалъ я черезъ мѣстное начальство Ришельевскаго лицея свѣдѣніе отъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, исключая Московскаго

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета. 18 іюля 1825 года, за № 761, Дудровичъ сообщилъ Могилевскому, что Ежовскій 17 іюля, послѣ обѣда, выбрался изъ дому Лицея и отправился въ Москву, и что поведеніе его, съ 11 по 17 іюля, было такое же, какъ на прошедшей недѣлѣ.

Digitized by Google

Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по неимѣнію въ оном Архивѣ мѣста.

Вслѣдствіе того, кандидатъ Мицкевичъ далъ письменный отзывъ и. д. директора Ришельевскаго лицея, что онъ желаетъ служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Подлинный отзывъ Мицкевича относительно сего предмета при семъ представляю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 350.

Въ Елисаветградѣ, 17 августа 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

32.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Князь Дмитрій Владимировичъ! Высочайше конфирмированнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года . . . . [*какъ выше № 23*] . . . . сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 минувшаго августа, за № 350, донесъ мнѣ, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Вашего Сіятельства.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ быть опредѣленъ, по желанію его, въ канцелярію Вашего Сіятельства, съ назначеніемъ приличнаго жалованья.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 4158, 29 августа 1825»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ: писать къ Г. Московскому Генералъ-Губернатору. 29 августа 1825».

Digitized by Google

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

№ 967. 18 Сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

33.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Изъ числа студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ оттуда по извѣстнымъ Вашему Высокопревосходительству происшествіямъ, кандидатъ философіи Мицкевичъ имѣетъ надобность въ свидѣтельствѣ на степень кандидата.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство доставить мнѣ помянутое свидѣтельство.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, Александръ Шишковъ.

Директоръ, Князь Ширинскій-Шахматовъ.

№ 968.
18 сентября 1825. [2]).

34.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Александръ Семеновичъ! Въ отвѣтъ на отношеніе Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 числа сего мѣсяца, № 967, имѣю честь увѣдомить Васъ, Мило-

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.
2) Копія, тамъ же, съ помѣткою: «къ № 4158, секретно».

Digitized by Google

стивый Государь мой, что кандидатъ философіи Мицкевичъ, объявившій желаніе служить въ моей канцеляріи, опредѣленъ въ оную быть можетъ, но на счетъ жалованья ему долженъ я сказать, что онаго опредѣлить прежде нельзя, пока не покажетъ онъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ.

А какъ сей Мицкевичъ есть изъ числа членовъ филоматскаго общества, коего виды признаны Правительствомъ предосудительными и о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство почтить меня благосклоннымъ извѣщеніемъ о тѣхъ правилахъ, коими сіе общество, такъ же и филареты, руководствовались, дабы можно было знать, какой надзоръ за людьми сего рода имѣть должно.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Димитрій Голицынъ.

№ 83, 19 сентября 1825. Москва.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

35.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, князь Дмитрій Владимировичъ. На отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 19 сего сентября, за № 83, о доставленіи Вамъ свѣдѣній о правилахъ, коими филоматы и филареты руководствовались, честь имѣю сообщить слѣдующее:

Духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 4583, 24 сентября 1825» и «исполнено 26 сентября № 1007 и 1008»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ по принадлежности и притомъ сообщить князю Голицыну кратко, въ чемъ главнѣйше заключались правила филоматовъ и филаретовъ. 24 сентября 1825».

Digitized by Google

нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ училищахъ, принадлежащихъ къ Виленскому учебному округу. Два общества въ одной изъ гимназій и три въ университетѣ: филоматовъ, променистовъ и филаретовъ, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ предположеніи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметѣ возстановленіе общаго германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайная цѣль соединенія была революція въ умахъ.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія, Высочайше утвержденъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено: «Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ филоматовъ и филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что бо̀льшая изъ нихъ часть находилась въ теченіи семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ, то, взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности ихъ освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человѣкъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій національзмъ посредствомъ

Digitized by Google

обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Къ числу подходящихъ подъ сей 2-ой пунктъ положенія Комитета принадлежитъ и кандидатъ Мицкевичъ, о коемъ всѣ дальнѣйшія подробности извѣстны Вашему Сіятельству изъ отношенія моего, отъ 11 сентября, за № 967.

Что касается до жалованья, которое Вы, Милостивый Государь мой, полагаете назначить Мицкевичу не прежде, какъ когда онъ покажетъ на самомъ дѣлѣ свои способности и усердіе къ службѣ, то я долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Сіятельство, что воля Государя Императора при изданіи Высочайшаго повелѣнія о размѣщеніи Виленскихъ кандидатовъ и студентовъ во внутреннія губерніи состояла въ томъ, чтобы они, по бѣдности своей, получали нужное пособіе. Посему ежели Ваше Сіятельство не изволите находить возможнымъ теперь назначить приличнаго жалованья, то не угодно ли будетъ назначить ему на первый разъ хотя такое, чтобы онъ не нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ. При семъ неизлишнимъ считаю извѣстить Ваше Сіятельство, что я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Управляющему Одесскимъ лицеемъ графу Витте объ отправленіи Мицкевича изъ Одессы въ Москву на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ по прибытіи явился къ Вашему Сіятельству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1007. 26 сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4583».

Digitized by Google

36.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. По отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 августа, № 350, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, относился я къ князю Д. В. Голицыну, который увѣдомляетъ меня, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдивъ его казенною подорожною, прогонными деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 рублей.

Деньги сіи въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лицея.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1008, 26 сентября 1825.

Его Сіятельству графу И. О. Витте [1])

37.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управленіе Ришельевскимъ лицеемъ. 15 октября 1825. Елисаветградъ. № 448.

Господину и. д. директора Ришельевскаго лицея надворному совѣтнику Дудровичу.

По донесенію Вашему, отъ 29 іюня сего года, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Во-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4158».

Digitized by Google

еннаго Генералъ-Губернатора, я входилъ съ представленіемъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, который, по учиненному сношенію съ княземъ Д. В. Голицынымъ, увѣдомилъ меня, отъ 26 минувшаго сентября, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Вслѣдствіе того, Его Высокопревосходительство предписать изволилъ распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдить его казенною подорожною, прогонными на двѣ лошади деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 руб., съ тѣмъ, что деньги сіи, всего 465 руб. 61 коп., въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лицея.

Сообразно такому предписанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, предлагаю Вамъ объявить кандидату Мицкевичу и доложить о семъ Правленію Ришельевскаго лицея для должнаго со стороны онаго распоряженія и исполненія.

Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ

Генералъ-лейтенантъ графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Изюмовъ [1]).

38.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 4605. Кандидатъ Философіи Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Новогрудскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ 1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Императорскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго учебнаго года, обучаясь по отдѣленію физико-математи-

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго Университета съ помѣткою: «получ. 20 октября 1825 года»; на оборотѣ рукою и. д. директора Дудровича написано: «объявлено г. Мицкевичу 20 октября сего 1825 года».

Digitized by Google

ческихъ наукъ физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и выдержавъ изъ оныхъ экзаменъ, 27 іюня 1816 года получилъ степень кандидата философіи, послѣ по отдѣленію словесныхъ наукъ и изящныхъ художествъ слушалъ курсовъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи, риторики, поэзіи, россійской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи выдержалъ экзаменъ на степень магистра, но его не окончилъ. Въ 1818 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и пробылъ въ сей должности три года. По принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и филоматовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1854 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія безпорядковъ по Виленскому учебному округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи. Въ увѣреніе чего и дано ему Мицкевичу сіе за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Вильно, 27 октября 1825 года.

И. д. ректора Императорскаго Виленскаго Университета коллежскій совѣтникъ и кавалеръ

Венцеславъ Пеликанъ.

М. П.

Секретарь Совѣта Кукольникъ[1]).

89.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа. Въ Варшавѣ. Ноября 6 дня 1825 года. № 1396. Съ приложеніемъ патента на степень кандидата Мицкевича.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263; внизу замѣтка: «Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

Digitized by Google

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Согласно съ почтеннѣйшимъ отношеніемъ Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 минувшаго сентября, № 968, честь имѣю препроводить у сего, истребованный мною отъ Правленія Виленскаго университета, для кандидата Мицкевича установленный патентъ на степень кандидата философіи, покорнѣйше прося, дабы при врученіи ему патента потребовано было отъ него предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи.

Въ семъ патентѣ, на основаніи 12-го пункта Акта Высочайшаго утвержденія университета, изъяснено, что Мицкевичъ состоитъ въ 12-мъ классѣ въ порядкѣ государственной службы, потому что онъ получилъ степень кандидата въ 1816 году, то есть, прежде воспослѣдованія Высочайшаго указа, даннаго въ 19 день іюля 1822 года, силою коего степени кандидата присвоенъ 10-ый классъ. Поелику же, онъ Мицкевичъ, послѣ полученія степени кандидата, продолжалъ слушаніе курсовъ наукъ въ университетѣ по 1819 годъ, а съ того времени былъ учителемъ три года, то посему Университетское Правленіе присовокупило къ патенту Мицкевича и свидѣтельство о томъ, для доставленія ему, которое равнымъ же образомъ честь имѣю къ Вашему Высокопревосходительству у сего препроводить.

Новосильцовъ [1]).

40.

Господину 1-му Инспектору Калинскому. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца, между прочимъ, опредѣлило поручить Вашему Высокоблагородію принять изъ Одесской Портовой Таможни 465 руб. 61 коп., деньги, упо-

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 5432 16 ноября 1825» и надписью: «Г. Министръ приказалъ: препроводить по принадлежности. 16 ноября 1825».

Digitized by Google

требленныя Правленіемъ Ришельевскаго лицея на прогоны и подъемъ для отправленія изъ Одессы въ Москву кандидата Виленскаго университета Ежовскаго. Какъ сіи деньги, по опредѣленію же Правленія, имѣютъ быть выданы кандидату Виленскаго же университета Мицкевичу на проѣздъ его въ Москву, то Правленіе проситъ Васъ, принявъ сіи деньги изъ означенной Таможни подъ расписку, представить оныя въ слѣдующее засѣданіе Правленія.

Членъ Правленія полковникъ Христофоровъ.

№ 1106.
6 ноября 1825 [1]).

41

Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику Генералъ Маіору и Кавалеру Павлу Ивановичу Нейдгардту.

Вслѣдствіе распоряженій Высшаго Начальства проживающій въ домѣ Ришельевскаго лицея кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ имѣетъ отправиться въ Москву на службу въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Дмитрія Васильевича Голицына.

Потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о выдачѣ подорожной на двѣ лошади упомянутому кандидату Адаму Мицкевичу на проѣздъ отъ Одессы до Москвы съ будущимъ.

И. д. директора Иванъ Дудровичъ.

№ 1107. 6 ноября 1825 [2]).

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.
2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

Digitized by Google

42.

Г. Бухгалтеру Ришельевскаго лицея. Правленіе Ришельевскаго лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца между прочимъ опредѣлило: причитающіяся кандидату Виленскаго университета Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп., да 300 руб. на подъемъ, выдать по полученіи изъ таможни г. 1-ымъ инспекторомъ такой же суммы 465 руб. 61 коп., выданной на тотъ же предметъ кандидату Виленскаго университета Ежовскому и слѣдуемой въ возвратъ Лицею, записавъ оную по подлежащему приходомъ изъ Таможни, а потомъ расходомъ въ выдачу г. Мицкевичу, по той же кассѣ, изъ которой деньги сіи вынуты заимообразно для отправленія Ежовскаго по возвращеніи Лицею сихъ 465 руб. 61 коп. къ выдачѣ г. Мицкевичу, слѣдуемыхъ. О чемъ канцелярія Лицея Васъ симъ увѣдомляетъ.

№ 1135. 12 ноября 1825 [1]).

43.

Г. эконому Лицея Богдановичу. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 10 сего ноября мѣсяца опредѣлило: представленные въ Правленіе г. Завѣдывающимъ экономическою частью 1-мъ инспекторомъ Калинскимъ 465 руб. 61 коп., полученные изъ Таможни въ возвратъ выданныхъ отъ Лицея кандидату Виленскаго университета Осипу Ежовскому, для проѣзда его въ Москву, выдать теперь же кандидату Виленскаго же университета г. Мицкевичу, на основаніи опредѣленія въ 31 день прошлаго октября мѣсяца статьи 3-ей, записавъ сію сумму въ приходъ, а

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

Digitized by Google

потомъ въ расходъ. О чемъ Васъ симъ увѣдомляю для точнаго исполненія.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 1136. 13 ноября 1825 [1]).

44.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 1137. Объявитель сего кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ, по распоряженію Начальства, отправленъ въ Москву для опредѣленія тамъ къ должности въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора князя Д. В. Голицына. По сему гг. Командующіе на заставахъ благоволятъ чинить ему свободный пропускъ. Въ засвидѣтельствованіе сего дано ему сіе изъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати онаго. Въ Одессѣ, ноября 12 дня 1825 года.

И. д. директора, членъ Правленія Лицея
надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ [2]).

45.

Господину Управляющему Ришельевскимъ Лицеемъ. Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства, отъ 15 прошлаго октября, № 448, о томъ, что кандидатъ Виленскаго университета, проживавшій доселѣ въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ

1) Копія тамъ-же.
2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Digitized by Google

Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, я докладывалъ о семъ Правленію Ришельевскаго лицея, которое въ засѣданіи своемъ 31 истекшаго октября мѣсяца опредѣлило: согласно съ предписаніемъ Вашего Сіятельства отнестись къ Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику о выдачѣ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу подорожной на двѣ лошади, для проѣзда изъ Одессы въ Москву, причитающіяся же Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп. и на подъемъ 300 руб. выдать по полученіи изъ Таможни такой же суммы 465 руб. 61 коп., употребленной на тотъ же предметъ для кандидата Виленскаго университета Ежовскаго и слѣдуемой въ возвратъ Лицею.

Какъ означенные 465 руб. 61 коп. выданы уже кандидату Мицкевичу и онъ отправился въ Москву, то, донося о семъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство снестись по Своему благоусмотрѣнію, какъ относительно возврата Лицею сей суммы, выданной кандидату Мицкевичу, такъ и слѣдованія его въ Москву на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора.

И. д. директора надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ.

№ 1138. 12 ноября 1825 [1]).

46.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Не получивъ никакого свѣдѣнія въ отвѣтъ на предложеніе мое, отъ 26 минувшаго сентября, за № 1008, о томъ, отправленъ-ли кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ по желанію его въ

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Digitized by Google

Москву, въ канцелярію тамошняго Военнаго Генералъ-Губернатора, я, по содержанію отношенія Вашего Сіятельства, отъ 17 августа с. г., за № 350, имѣю честь препроводить при семъ свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу отъ университета на степень кандидата, прося покорнѣйше, при врученіи ему оныхъ, приказать истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для доставленія онаго въ Правленіе Виленскаго университета.

Есть ли же Мицкевичъ отправился уже въ Москву, то прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, препроводивъ прилагаемые при семъ свидѣтельство и патентъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, просить его о истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ и доставленіи онаго по принадлежности сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1170.
20 ноября 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте [1]).

47.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. По возвращеніи моемъ изъ Таганрога, въ коемъ я находился по повелѣнію блаженной памяти Государя Императора Александра I, съ 27 октября, бывъ одержимъ простудною лихорадкою, а послѣ нервическою горячкою и по сіе время жестоко страдая, я не былъ въ состояніи заниматься никакими дѣлами, а потому и не могъ увѣдомить Ваше Высокопревосходительство о сдѣланномъ рас-

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

Digitized by Google

поряженіи мною касательно отправленія кандидата Виленскаго университета Мицкевича, согласно предписанію Вашему, отъ 26 сентября с. г., въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, который отправленъ изъ Одессы въ Москву ноября 12 дня и, по требованію Правленія Ришельевскаго Лицея, выдана ему Одесскимъ градоначальникомъ подорожна. Нынѣ, получивъ при предписаніи Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 минувшаго ноября, свидѣтельство и патентъ, данные Мицкевичу Виленскимъ университетомъ на степень кандидата, честь имѣю донести, что таковые документы съ нынѣшнею почтою отправлены мною при отношеніи къ Г. Московскому Военному Генералъ-Губернатору кн. Д. В. Голицыну, для врученія оныхъ по принадлежности, истребовавъ предварительно отъ него предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, которое должно быть отправлено въ Правленіе Виленскаго университета, почтеннѣйше докладывая, что вслѣдствіе предписанія Вашего, по заключенію Правленія Ришельевскаго лицея, отъ 31 октября сего года, выдано Мицкевичу на прогоны и путевыя издержки 465 руб. 61 коп. изъ суммъ Ришельевскаго лицея, о пополненіи коихъ покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 511.
17 декабря 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 25, 2 генваря 1826».

Digitized by Google

48.

Милостивый Государь, Дмитрій Владимировичъ! Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 20 ноября сего года, препроводилъ ко мнѣ свидѣтельство и патентъ, данный изъ Виленскаго университета Адаму Мицкевичу на степень кандидата, съ тѣмъ, чтобы при врученіи ему сихъ документовъ истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи для доставленія онаго въ Правленіе Университета. Такъ какъ Мицкевичъ 12 минувшаго ноября отправленъ изъ Одессы въ Москву, для поступленія на службу въ канцелярію Вашего Сіятельства, то я, прилагая при семъ въ подлинникахъ помянутые свидѣтельство и патентъ, для врученія оныхъ Мицкевичу, честь имѣю покорнѣйше просить распоряженія Вашего Сіятельства объ истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ его и присылкѣ онаго ко мнѣ для доставленія въ Правленіе Виленскаго университета.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Сіятельства всепокорный слуга

Графъ Витте.

№ 512.
17 декабря 1825 г.
Елизаветградъ.

Его Сіятельству князю Д. В. Голицыну.

ниже рукою Мицкевича:

Подлинный дипломъ на званіе кандидата получилъ.
Кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ [1]).

---

1) Архивъ канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора (Губернскій Архивъ), дѣло № 86300, 1825 года, съ надписью: «Копія отношенія гр. Ивана Осиповича Витте къ кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну, Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 17 декабря 1825 г., № 512, г. Елизаветградъ».

Digitized by Google

49.

Канцелярія Императорскаго Виленскаго Университета симъ свидѣтельствуетъ, что доказательство о дворянскомъ происхожденіи Адама Николаевича сына Мицкевича, представленное въ выпискѣ изъ книгъ городскихъ Новогрудскаго уѣзда за подписаніемъ Новогрудскаго регента Мартина Кмита, отъ 2 октября 1815 года, за № 445, находится при дѣлахъ сего-жъ Университета. Вильно, 8 февраля 1826 г.

Экспедиторъ коллежскій секретарь Гецольдъ [1]).

50.

На требованіе канцеляріи Его Сіятельства Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, я имѣю честь объяснить, что дворянская моя грамота была представлена мною въ 1815 году въ Виленскій университетъ, при вступленіи моемъ въ Учительскую при томъ же Университетѣ состоящую Семинарію, въ которую никто безъ предъявленія таковой грамоты не опредѣляется. Впрочемъ, я долгомъ поставлю себѣ отыскать мою грамоту и получивъ исполнить требованіе Канцеляріи.

Адамъ Мицкевичъ [2]).

9 февраля 1826 года.

51.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 истекшаго Декабря мѣсяца, требовалъ я отъ служащаго въ штатѣ граждан-

1) Подлинникъ въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ, дѣло № 86300.
2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

ской канцеляріи моей уволеннаго отъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича свидѣтельства о дворянствѣ его, но онъ объяснилъ на сіе, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Извѣщая о томъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Сіятельства покорный слуга

Князь Д. Голицынъ [1]).

Графу Витте.

№ 677.
11 февраля 1826 г.

52.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! Согласно предписанію Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 ноября прошлаго года, № 1170, препроводивъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу на степень кандидата отъ Виленскаго университета, я просилъ Его Сіятельство объ истребованіи отъ Мицкевича свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для отправленія онаго въ Правленіе помянутаго университета.

Нынѣ Его Сіятельство увѣдомилъ меня, что Мицкевичъ, при требованіи отъ него помянутаго свидѣтельства, объяснилъ, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего, Милостивый Государь,

---

1) Концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 92.
4 марта 1826.
Елизаветградъ.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову [1]).

53.

№ 1533, по Герольдіи.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Адмиралу, члену Государственнаго Совѣта и Кавалеру Александру Семеновичу Шишкову. Минувшаго февраля 18-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ рапортъ Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Генерала отъ кавалеріи и кавалера, князя Дмитрія Владимировича Голицына о утвержденіи опредѣленнаго въ число чиновниковъ штата гражданской канцеляріи его уволеннаго изъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича, по приложенному при томъ свидѣтельству, данному ему Мицкевичу изъ помянутаго университета, отъ 27 октября 1825 года, въ соотвѣтственномъ званію его статскомъ чинѣ, приказали: вышеозначенное, выданное изъ Виленскаго университета, отъ 27 октября прошлаго 1825 года, кандидату онаго Философіи, нынѣ находящемуся въ числѣ чиновниковъ штата гражданской канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Адаму Мицкевичу, свидѣтельство пре-

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. Пр. № 130263, съ двумя замѣтками: «17 марта 1826, № 1700» и «Господинъ Министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію».

Digitized by Google

проводить на предварительное разсмотрѣніе къ Вамъ, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія и Кавалеру, при Указѣ, съ тѣмъ, дабы Вы дали свое мнѣніе, можно-ли помянутаго Мицкевича, по тому свидѣтельству, утвердить въ чинѣ 12-го класса (означенное же свидѣтельство при семъ препровождается). Марта 11 дня 1826 года.

Товарищъ Герольдмейстера Василій Романовъ.

Секретарь Яковъ Грибовъ.

Справилъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Іевскій [1])

54.

По указу Правительствующаго Сената, отъ 11 марта, № 1533, о доставленіи мнѣнія, можно-ли кандидата Мицкевича утвердить въ чинѣ 12-го класса, по свидѣтельству, выданному Виленскимъ университетомъ 27 октября 1825,

№ 4605.

Доложено Правительствующему Сенату 26 марта 1826, № 978, съ возвращеніемъ свидѣтельства Мицкевича, что онъ, какъ признанъ и утвержденъ въ степени кандидата, по выдержаніи установленнаго испытанія, то посему на основаніи Высочайше утвержденнаго Акта Виленскаго университета, по 14-му пункту сего Акта, слѣдуетъ его утвердить въ чинѣ 12-го класса [2]).

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., № 130263, съ замѣткою: «№ 1645, 14 марта 1826» и «Съ подлиннымъ вѣрно, титулярный совѣтникъ Семеновъ. Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

2) Архивъ М. Н. П., № 39, картонъ 10, Опись дѣламъ Виленскаго Учебнаго Округа съ 1818 по 1833 годъ, № 16875, съ замѣткою: поступило въ Министерство 15 марта 1826 года. Подлинное дѣло (на пяти листахъ) уничтожено въ 1869 году.

Digitized by Google

55.

Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ! Вашему Высокопревосходительству не безъизвѣстно, что изъ числа бывшихъ студентовъ Императорскаго Виленскаго Университета магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ опредѣлены на службу въ мою канцелярію, которые нынѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званіямъ ихъ классы. Чиновники сіи, исполняя съ усердіемъ возлагаемыя на нихъ должности и ведя себя съ самаго прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ нынѣ дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устройства семейственныхъ дѣлъ. Желая предварительно знать отъ Вашего Высокопревосходительства, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ къ дѣлу, относящемуся до безпорядковъ, въ Виленскомъ Университетѣ случившихся, быть уволены въ отпускъ, я прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, не оставить меня по сему предмету Вашимъ отзывомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Кн. Димитрій Голицынъ.

№ 4308.
24 августа 1826 г.

Его Превосходительству
Н. Н. Новосильцову.

получ. 12 сентября 1826 [1]).

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 207; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

58.

Господину Ректору Виленскаго Университета.

Изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета, магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, удалены изъ онаго, съ опредѣленіемъ на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Голицына, гдѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званію ихъ классы.

Нынѣ Г. Генералъ-Губернаторъ князь Голицынъ въ отношеніи своемъ, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, сообщаетъ мнѣ, что чиновники сіи, исполняя съ усердіемъ возложенныя на нихъ должности и ведя себя съ самаго прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ у него дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ. По поводу сего онъ, князь Голицынъ, желая предварительно знать отъ меня, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ вышеупомянутому дѣлу, быть уволены въ отпускъ, проситъ меня увѣдомить его о томъ.

Затрудняясь въ отвѣтѣ на таковой отзывъ, нужнымъ нахожу потребовать отъ Васъ донесенія, не предстоитъ-ли въ удовлетвореніи просьбы поименованныхъ чиновниковъ какого-либо по обстоятельствамъ препятствія?

Новосильцовъ [1]).

№ 1474.
23 сентября 1826 г.
Варшава.

---

1) Концептъ, писанный Новосильцовымъ, въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 208, съ надписью: «секретно», имѣетъ зачеркнутый заголовокъ: «Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу», и подъ нимъ ниже приписаны слова: «Г. Ректору Виленскаго Университета». Подлинникъ тамъ же, рукопись Б. XIX. 7, листъ 281.

Digitized by Google

57.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа Ректора Виленскаго Университета рапортъ.

Ваше Высокопревосходительство, по поводу отзыва Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, секретнымъ предписаніемъ, отъ 23 истекающаго сентября, за № 1474, изволите требовать отъ меня донесенія, можно-ли состоящимъ въ его канцеляріи бывшимъ воспитанникамъ Виленскаго университета магистру Францу Малевскому и кандидату Адаму Мицкевичу дозволить воспользоваться отпускомъ изъ Москвы на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Во исполненіе таковаго предписанія, осмѣливаюсь симъ донести Вашему Высокопревосходительству, что хотя, по засвидѣтельствованію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, означенный Малевскій и Мицкевичъ возложенныя на нихъ должности исполняютъ съ усердіемъ и съ самаго прибытія ихъ въ Москву ведутъ себя хорошо, но принимая въ уваженіе, что они по всеподданнѣйшему докладу Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ тайнаго общества Филоматовъ и Филаретовъ и высланы для опредѣленія на службу въ отдаленныя отъ Польши губерніи: то, кажется, и не слѣдовало-бы такъ скоро удовлетворять ихъ желаніямъ въ дачѣ просимаго ими отпуска, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ, какъ равно и въ другихъ мѣстахъ многихъ членовъ бывшаго тайнаго общества Филоматовъ и Филаретовъ, появленіе Малевскаго и Мицкевича, получившихъ слишкомъ скоро настоящіе чины, могло бы побудить къ дерзкимъ и несвойственнымъ заключеніямъ. Впрочемъ, могутъ они себя вести хорошо въ Москвѣ, но при всемъ томъ здѣсь, гдѣ было гнѣздо всѣхъ ихъ зловредныхъ мечтаній и замысловъ, нельзя совершенно положиться на ихъ исправленіе.

По всѣмъ этимъ поводамъ въ отвращеніе всякаго могущаго

Digitized by Google

произойти отъ пріѣзда Малевскаго и Мицкевича зла, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не изъявлять еще теперь своего согласія на пріѣздъ ихъ въ Вильну.

Ректоръ В. Пеликанъ.

№ 1137.
30 сентября 1826 года.

(получено) 4 октября 1826.
резолюція Новосильцова «отвѣтить согласно сему кн. Голицыну» [1]).

58.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ! Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, коимъ Вы, Милостивый Государь, свидѣтельствуя о похвальной службѣ и хорошемъ поведеніи состоящихъ въ канцеляріи Вашей бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета магистра Малевскаго и кандидата Мицкевича, изъявляете желаніе знать мнѣніе мое, могутъ-ли они воспользоваться отпускомъ на родину, для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Отвѣтствуя на отзывъ сей Вашего Сіятельства, честь имѣю изъяснить, что, отдавая, съ одной стороны, всю справедливость настоящей службѣ и поведенію Малевскаго и Мицкевича, съ другой, принимая въ соображеніе мѣстныя обстоятельства и то, что по извѣстному дѣлу о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ они признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ бывшаго тайнаго общества Филоматовъ и Филаретовъ и высланы во внутреннія россійскія губерніи для опредѣленія на

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 210.

Digitized by Google

службу, дабы черезъ то воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ съ ихъ единомышленниками сношенію, то едва-ли можно такъ скоро удовлетворить изъясненному ихъ желанію, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ и въ другихъ многихъ мѣстахъ членовъ упомянутаго общества, коихъ исправленіе весьма еще сомнительно, пріѣздъ Малевскаго и Мицкевича могъ бы дать поводъ къ несвойственнымъ заключеніямъ и возобновить впечатлѣнія, начинающія приходить въ забвеніе. Въ прочемъ, настоящее поведеніе ихъ въ Москвѣ еще нельзя полагать достаточнымъ ручательствомъ дѣйствительнаго ихъ исправленія и спокойнаго поведенія ихъ въ Вильнѣ, гдѣ было гнѣздо всѣхъ мечтаній и злонамѣренныхъ видовъ. Почему во избѣжаніе могущихъ произойти отъ появленія ихъ въ Литвѣ предосудительныхъ послѣдствій, полагаю я, что надлежало бы повременить еще съ оказаніемъ имъ испрашиваемаго ими снисхожденія.

(Новосильцовъ).

Московскому Военному Генералъ-Губернатору князю Голицыну.
9 ноября 1826 года.
№ 1077 [1]).

59.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ 1. 7 іюня 1827. № 762. О 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Мицкевичу.

Господину Министру Финансовъ.

Господинъ Управляющій Одесскимъ Ришельевскимъ Лицеемъ графъ Витте донесъ мнѣ, что вслѣдствіе Высочайшаго соизволе-

---

1) Концептъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 212.

Digitized by Google

нія, послѣдовавшаго по докладу моему въ 8 день февраля прошлаго 1825 года, на снабженіе денежнымъ пособіемъ кандидатовъ Виленскаго университета, перемѣщенныхъ въ другія должности, Правленіе упомянутаго лицея выдало кандидату Мицкевичу, отправленному изъ Одессы въ Москву, сто шестьдесятъ пять руб. шестьдесятъ одну копѣйку прогонныхъ денегъ и триста рублей на подъемъ.

Согласно съ требованіемъ Г. Управляющаго Одесскимъ Ришельевскимъ лицеемъ, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать съ Вашей стороны нужное распоряженіе о возвращеніи сей суммы четырехъ сотъ шестидесяти пяти рублей шестидесяти одной копѣйки въ Правленіе Лицея и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Александръ Шишковъ.

Князь Ширинскій Шахматовъ.

Столоначальникъ Семеновъ [1]).

60.

Министерство Финансовъ. Департаментъ Государственнаго Казначейства. Часть распорядительная. Отдѣленіе III. Столъ 1. 16 іюня 1827 года. № 11728. Объ ассигнованныхъ 465 руб. 61 коп.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

На отношеніе Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ, отъ 7 сего іюня, честь имѣю увѣдомить, что взамѣнъ выданныхъ, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по докладу Вашему 8 февраля 1825 года, Правленіемъ Ришельевскаго лицея кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, отправленному

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 130263.

Digitized by Google

изъ Одессы въ Москву, 165 руб. 61 коп. на прогоны и 300 руб. на подъемъ, предписано Херсонской Казенной Палатѣ возвратить таковое же количество денегъ помянутому Правленію, по его требованію.

Министръ Финансовъ Генералъ-Лейтенантъ Канкринъ.

Директоръ И. Роглевскій [1]).

61.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! По предмету представленія Вашего Сіятельства о возвращеніи въ Правленіе Одесскаго Ришельевскаго лицея 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, относился я къ Г. Министру Финансовъ, который нынѣ увѣдомилъ меня, что о возвращеніи сихъ денегъ предписано отъ него Херсонской Казенной Палатѣ.

Извѣщая о семъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Шишковъ.

Вѣрно: Семеновъ.

№ 894.
1 іюля 1827.

Его Сіятельству Графу И. О. Витту [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ двумя замѣтками: «№ 3487, 17 іюня 1827» и другою карандашомъ: «приготовить увѣдомленіе».

2) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, листъ 357, съ замѣткою: «по № 3487».

Digitized by Google

62.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ отъ кандидата Адама Мицкевича.

ПРОШЕНІЕ.

Предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ п. н.: «Iris», честь имѣю представить Московскому Цензурному Комитету предначертаніе сего журнала, по которому всю отвѣтственность принимаю я на себя, почему на основаніи § 130 Устава о Цензурѣ, касательно пріобрѣтенія правъ на званіе издателя, честь имѣю объяснить, что я по окончаніи курса въ Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ получилъ степень кандидата; послѣ находился учителемъ въ Ковенскомъ училищѣ, а нынѣ состою на службѣ въ канцеляріи Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, во увѣреніе чего прилагаю данный мнѣ изъ Виленскаго Университета дипломъ на степень кандидата, за № 4244, и свидѣтельство изъ Правленія того же Университета при опредѣленіи меня учителемъ, а какъ по § 131 Устава о Цензурѣ издатель обязанъ представить сотрудника, по случаю болѣзни или отбытія, принимающаго на себя его обязанность, то въ качествѣ сего сотрудника участвовать будетъ штата Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора IX-го класса чиновникъ Францискъ Малевскій, коего письменное на то согласіе вмѣстѣ съ даннымъ ему на степень магистра правъ изъ Виленскаго Университета, за № 5199, дипломомъ при семъ прилагаю. За симъ прошу Московскій Цензурный Комитетъ представить, куда слѣдуетъ, о дозволеніи мнѣ издавать оный журналъ.

Кандидатъ Адамъ Мицкевичъ.

и ниже:

Два аттестата получилъ XII класса Адамъ Мицкевичъ [1]).

---

1) Автографъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; во главѣ № 61 и замѣтка о полученіи «25 октября 1827 года»; автографъ числомъ не помѣченъ.

Digitized by Google

63.

Программа журнала «Iris».

Польско-россійскія провинціи имѣютъ съ давняго времени обезпеченныя благодѣянія народнаго обученія. Отъ нихъ послѣдовалъ очевидный успѣхъ просвѣщенія, обнаруживающійся въ числѣ выходящихъ ученыхъ сочиненій и въ цвѣтущемъ состояніи учебныхъ заведеній, воздвигнутыхъ Монаршею щедростью. При столь усилившемся къ пріобрѣтенію наукъ порывѣ одно только ученое періодическое сочиненіе, издаваемое въ Вильнѣ для польско-россійскихъ губерній [2]), не можетъ удовлетворить нуждамъ многочисленной читающей публики, ни же соотвѣтствовать числу и разнообразію, въ какихъ нынѣ появляются ученые труды. Потому издатель новаго журнала на польскомъ языкѣ, преимущественно для сихъ провинцій назначаемаго, можетъ ласкать себя надеждою, что онъ трудомъ своимъ и стараніемъ сдѣлаетъ услугу своимъ соотчичамъ и будетъ содѣйствовать къ умноженію пользъ, каковыя изъ открытыхъ въ государствѣ разныхъ источниковъ наукъ могутъ быть получаемы. Москва, одна изъ первѣйшихъ столицъ Европы, вмѣщающая въ себѣ университетъ и нѣсколько ученыхъ обществъ, имѣя безпрерывныя связи съ иностранными учебными заведеніями, заключая въ себѣ многія библіотеки и книжныя лавки, есть мѣсто, въ коемъ предпріятіе ученаго журнала успѣшно можетъ состояться. При столь облегченныхъ пособіяхъ редакція будетъ въ состояніи удержать читателей своихъ наравнѣ съ общимъ ходомъ просвѣщенія, передавая немедленно важныя открытія въ наукахъ и художествахъ, извѣщая о иностранныхъ трудахъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ наукъ и дѣйствительно обогатившихъ литературу своихъ народовъ.

Но сверхъ сей главной цѣли, другую столь же важную указываетъ само будущее мѣсто изданія журнала. Въ Москвѣ изда-

---

1) Dziennik Wileński, издавался съ 1815 по 1828 годъ.

Digitized by Google

ваемый журналъ не можетъ не принимать участія въ увеличившемся богатствѣ россійской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донынѣ между иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донынѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или къ пріобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій. Литературы россійская и польская, кромѣ столь многихъ и столь сильныхъ побужденій, до сихъ поръ не сдружились. Богатства одной оставались и остаются неизвѣстными другой и сіе равнодушіе едва не изглаживаетъ слѣдовъ истиннаго сродства. Напрасно неоднократно противъ него возставали знаменитые россійскіе и польскіе писатели, не было понынѣ истиннаго желаемаго обмѣна ученыхъ произведеній, не внимая тому, что сіи произведенія искусно пересаженныя, находя ту же землю и небо, всегда могутъ хорошо приняться. Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала, при обѣщанномъ пособіи россійскихъ литераторовъ и при удобности пріобрѣтать книги и журналы, желала бы извѣщать объ отличныхъ сочиненіяхъ, печатаемыхъ на россійскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, обратить на нихъ вниманіе польскихъ читателей, когда между тѣмъ она бы могла справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала въ Москвѣ поощрило бы россіянъ къ узнаванію польской литературы; сверхъ того, попеченіе Правительства открыло нынѣ къ издаваемымъ періодическимъ сочиненіямъ источники достовѣрныхъ извѣстій объ успѣхахъ промышленности и торговли въ государствѣ: редакція не оставила бы воспользоваться ими и о сихъ важныхъ отрасляхъ народнаго благоденствія передавать полезныя и точныя извѣстія.

Сей двойной цѣли редакція намѣревается достигнуть, опредѣляя въ своемъ журналѣ три слѣдующія отдѣленія:

Digitized by Google

I литературы и изящныхъ искусствъ,
II наукъ историко-политическихъ,
III извѣстій.

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаемы будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, приложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во 2-мъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающемся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніи кредита и проч., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ. Разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи *Извѣстій*, помѣщаемы будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія библіографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ и изъ книгъ, выписываемыхъ чрезъ книгопродавцевъ. Слѣдующіе журналы будутъ предпочтительно употребляемы: Quarterly Rewiew, London Litterary Gazete, Revue Encyclopédique, Annales des voyages, Moniteur, Göttingische Gelehrte Anzeigen, Wiener Jahrbücher der Litteratur, Hallische Litteratur-Zeitung.

Журналъ выходитъ будетъ помѣсячно въ тетрадяхъ отъ 5—7 листовъ in 8°, подъ заглавіемъ: «Irys, dziennik literaturze i historyi poświęcony», то есть: «Ирисъ, журналъ литературно-историческій» [1]).

---

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8.

Digitized by Google

64.

Я нижеподписавшійся обязуюсь сею подпискою, что по случаю предполагаемаго г. Мицкевичемъ изданія въ Москвѣ журнала *Ирисъ*, въ случаѣ болѣзни или отбытія, я всѣ обязанности и отвѣтственность издателя принимаю на себя. Москва, октября 1827 года.

9-го класса Францискъ Малевскій [1]).

65.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. 27 октября 1827 г. № 38.

Его Сіятельству Г. Московскому Военному Генералъ-Губернатору, Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру Князю Дмитрію Владимировичу Голицыну.

Служащій въ канцеляріи Вашего Сіятельства кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», вошелъ въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія на издаваніе сего журнала, для коего въ сотрудники избралъ онъ себѣ находящагося въ штатѣ Вашего Сіятельства чиновника 9-го класса Франциска Малевскаго; а какъ по содержанію параграфовъ 130 и 131 Высочайше утвержденнаго Устава о цензурѣ необходимо каждаго издателя повременныхъ сочиненій имѣть послужный списокъ и удостовѣреніе отъ начальства его о ревностномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, то Московскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь обратиться къ

---

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ № 8. Подписка не имѣетъ числа, но должна была быть написана 23 или 24 октября, такъ какъ прошеніе Мицкевича въ Цензурный Комитетъ получено послѣднимъ 25 числа.

Digitized by Google

Вашему Сіятельству съ просьбою почтить его отзывомъ Вашимъ: соизволите-ли Ваше Сіятельство чиновникамъ симъ дать на предпринимаемое ими занятіе начальничье позволеніе Ваше, при каковомъ отзывѣ Вашего Сіятельства, Комитетъ проситъ покорнѣйше о приказаніи присоединить и послужные списки чиновниковъ сихъ, въ случаѣ, если въ таковомъ ихъ занятіи не встрѣтится никакихъ препятствій.

Предсѣдатель Князь Мещерскій.

Секретарь Новиковъ [1]).

66.

Формулярный списокъ о службѣ 12 класса Адама Мицкевича.

(составленный 30—31 октября 1827 года).

1. Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность имъ отправляемая, какіе имѣетъ ордена и прочіе знаки отличія?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Сколько отъ роду лѣтъ?

28.

3. Изъ какого званія?

Изъ дворянъ.

4. Есть-ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

5. Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ; также не было ли какихъ

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

отличныхъ по службѣ дѣяній и не былъ-ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ Университетѣ поступилъ въ штатъ Гражданской Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ службу.

6. Въ походахъ противъ непріятеля и въ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда?

Не былъ.

7. Не былъ-ли въ штрафахъ и подъ судомъ, если былъ, то за что, когда и чѣмъ дѣло кончилось?

Не былъ.

8. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и почему именно?

Способенъ и достоинъ.

9. Не былъ-ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина, или безъ онаго, и когда?

Не былъ.

10. Холостъ или женатъ, имѣетъ-ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся?

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи Князь Голицынъ.

Помощникъ секретаря П. Позняковъ [1]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

Digitized by Google

67.

Управленіе Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Канцелярія Гражданская. Экспедиція 2. Столъ 2. 1 ноября 1827 г. № 5866.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Изъявляя съ своей стороны согласіе на дозволеніе служащимъ въ канцеляріи моей переименованному изъ кандидатовъ въ 12-й классъ Адаму Мицкевичу и 9-го класса Франциску Малевскому издавать съ будущаго 1828 года предположенное ими періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», я препровождаю при семъ и формулярные о службѣ сихъ чиновниковъ списки, согласно представленію ко мнѣ онаго Комитета, отъ 27 числа истекшаго октября мѣсяца, за № 38.

Генералъ отъ кавалеріи кн. Голицынъ [1]).

68.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. Ноября 9 дня 1827 года. № 58.

Его Превосходительству Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Служащій въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Его Сіятельства князя Голицына чиновникъ 12-го класса Адамъ Мицкевичъ вошелъ въ Комитетъ сей съ прошеніемъ о позволеніи издавать ему въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ», причемъ на основаніи 130 и 131 §§ Устава

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300; во главѣ послѣдняго поставлено число: «31 октября 1827 г.». На подлинникѣ находятся отмѣтки: (получено) «1827 ноября 2 дня» и «принять къ свѣдѣнію».

Digitized by Google

о Цензурѣ приложено: a) обстоятельное изложеніе цѣли и содержаніе повременнаго сочиненія; b) прежнія просителя печатныя сочиненія, подъ названіемъ: «Сонеты»; c) послужной списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго университета; d) подписка чиновника IX класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя, въ случаѣ болѣзни или смерти самого Мицкевича; при семъ приложены: a) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго университета и в) послужной его списокъ. Разсмотрѣвъ всѣ сіи документы и найдя ихъ достаточными, Комитетъ имѣетъ честь препроводить оные на усмотрѣніе Вашего Превосходительства и, буде не окажется какихъ-либо препятствій, проситъ соблаговолить представить ихъ, куда слѣдуетъ, о полученіи г. Мицкевичу позволенія на издаваніе въ Москвѣ упоминаемаго журнала.

Въ должности предсѣдателя

цензоръ Сергѣй Акимовъ.

Секретарь Новиковъ [1]).

69.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. О дозволеніи 12 класса Адаму Мицкевичу издавать журналъ. Въ Москвѣ, 15 ноября 1827. № 1536. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8. При дѣлѣ нѣтъ свидѣтельства и аттестата Мицкевича, а также аттестата Малевскаго; послѣдніе были обратно получены Мицкевичемъ, какъ видно изъ расписки его на документѣ № 62; въ дѣлѣ Министерства тоже находится справка, что аттестаты Мицкевича и Малевскаго обратно препровождены къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, при предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 13 декабря 1827 года, за № 1957.

Digitized by Google

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ представилъ мнѣ о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное изданіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ».

Не находя съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала, я обязанностью моею поставляю препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству копію съ представленія ко мнѣ Московскаго Цензурнаго Комитета и испрашивать на сіе Вашего Высоконачальническаго разрѣшенія.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа
Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ.

По Главному Цензурному Комитету [1]).

70.

ЗАПИСКА.

12-го класса Адамъ Мицкевичъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство о дозволеніи ему воспользоваться 28-дневнымъ отпускомъ, съ 27 сего мѣсяца для поѣздки въ С.-Петербургъ, по собственнымъ его дѣламъ.

26 ноября 1827 года.

Его Сіятельства резолюція: *Согласенъ, 26-го ноября,* и выдано того-же числа.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8; брульонъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; на подлинникѣ замѣтки: «№ 7767, № 135, 20 ноября 1827» и «получено 21 ноября».

Digitized by Google

22 декабря 1827 въ С.-Петербургѣ возобновленъ отпускъ на 28 дней.

Для передачи ему получилъ

Фр. Малевскій [1]).

71.

О дозволеніи Мицкевичу издавать журналъ Ирида.

Господинъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа при представленіи своемъ Вашему Высокопревосходительству, отъ 15 сего ноября, за № 1536, препроводилъ копію съ представленія къ нему Московскаго Цензурнаго Комитета о дозволеніи чиновнику 12-го класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*. Господинъ Попечитель изъясняетъ, что съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала онъ не находитъ и проситъ въ семъ случаѣ разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства. Сверхъ того, при означенномъ представленіи Г. Попечитель присовокупилъ обстоятельное изложеніе цѣли и содержанія означеннаго повременнаго сочиненія, прежнія просителя печатныя сочиненія, послужный списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго Университета, подписку чиновника 9 класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича; при семъ приложены: a) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго Университета и b) послужный его списокъ. Планъ вышеозначеннаго журнала долженъ состоять изъ трехъ отдѣленій:

1. Литературы и изящныхъ искусствъ;
2. Наукъ историко-политическихъ;
3. Извѣстій.

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаемы будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, предложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во второмъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающимся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніяхъ кредита и пр., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ; разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи извѣстій помѣщаемы будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія библіографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ, и изъ книгъ, выписываемыхъ черезъ книгопродавцевъ.

Главный Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ планъ предполагаемаго чиновникомъ 12 класса Мицкевичемъ журнала Ирида, имѣющаго цѣлью пользу и взаимное сближеніе словесности польской и россійской, и принимая въ уваженіе ходатайство о немъ г. Попечителя и Московскаго Цензурнаго Комитета, не находитъ препятствій къ разрѣшенію Мицкевичу, снискавшему великую извѣстность своими поэтическими произведеніями, издавать предполагаемый журналъ.

Предсѣдатель

инженеръ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ.

Резолюція:

Его Высокопревосходительство Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія изволилъ приказать дѣло сіе передать въ свою

Digitized by Google

Канцелярію, для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ. Декабря 2 дня 1827 года [1]).

72.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. Въ С.-Петербургѣ. 3 декабря 1827. № 449. Съ препровожденіемъ дѣла о Мицкевичѣ.

Въ Канцелярію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

По докладу Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, по представленію Господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирида», Его Высокопревосходительство приказать изволилъ дѣло сіе передать въ означенную Канцелярію, для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ.

Вслѣдствіе сего Главный Цензурный Комитетъ честь имѣетъ препроводить при семъ, какъ представленіе Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа съ приложеніями, такъ и докладную по сему предмету записку.

Предсѣдатель инженеръ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ.

Правитель дѣлъ Василій Комовскій [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8, съ надписью: «№ 8259, 4 декабря 1827».

Digitized by Google

73.

Справка о Адамѣ Мицкевичѣ, выведенная по случаю просимаго имъ дозволенія издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ подъ названіемъ «Iris».

Съ 1817 или 1818 года духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части Нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ Виленскомъ университетѣ и въ училищахъ, принадлежащихъ къ его учебному округу. Два общества Свислоцкой гимназіи, первое подъ названіемъ *Учебнаго*, а второе *Моральнаго*, и три въ Университетѣ: *Филоматовъ*, *Променистовъ* и *Филаретовъ*, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ продолженіи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметѣ возстановленіе Общаго Германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайною цѣлью соединенія была революція въ умахъ, а орудія къ тому профессоры и педагоги.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія Высочайше утвержденъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено:

«1. Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ Филоматовъ и Филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что бо́льшая часть изъ нихъ находились въ теченіе семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ,

Digitized by Google

взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человѣкъ Филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также тѣхъ изъ Филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій національнзмъ, посредствомъ обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на родину».

Въ исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа выслалъ сихъ студентовъ въ С.-Петербургъ и доставилъ Г. Министру именной имъ списокъ, съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Г. Министръ, разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ, что бо́льшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семъ языкѣ, и, слѣдовательно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Г. Министръ, донося о семъ 16 ноября 1824 года всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивалъ Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ удаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставляя всѣмъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ Г. Министръ Высочайшее повелѣніе: здѣсь въ С.-Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Digitized by Google

Въ исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ Г. Министръ отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ, подходившій подъ 2-й пунктъ упомянутаго положенія Комитета, объявилъ желаніе служить при Ришельевскомъ лицеѣ. По сдѣланному Г. Министромъ распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, знаніямъ его и способностямъ соотвѣтственной.

Впослѣдствіи, и именно февраля 8 дня 1825 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, вызванныхъ сюда по вышеупомянутымъ происшествіямъ, не опредѣлять въ Ришельевскій лицей и вообще въ южныя провинціи, но въ самыя внутреннія, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они сами пожелаютъ, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе чего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 августа 1825 года, донесъ Г. Министру, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Голицына. Г. Министръ, 11 сентября 1825 года, отнесся къ нему объ опредѣленіи Мицкевича въ канцелярію его. На сіе князь Голицынъ отношеніемъ своимъ, отъ 19 сентября того же года, изъявилъ согласіе; вслѣдствіе чего, предписано было Г. Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ отправить Мицкевича въ Москву къ тамошнему военному генералъ-губернатору. Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 декабря 1825 года, донесъ Г. Министру, что Мицкевичъ отправленъ въ Москву, и съ того времени Министерство Народнаго Просвѣщенія не имѣетъ о немъ никакого свѣдѣнія.

Въ должности директора Гаевскій.

На полѣ отмѣчено:

«Находилось въ разсмотрѣніи Г. Товарища Министра (Д. Н.

Digitized by Google

Блудова), съ 6 по 9 декабря 1827 года, и возвращено отъ Его Превосходительства съ особымъ письменнымъ мнѣніемъ, которое, вмѣстѣ съ сею справкою и другими бумагами, доложено Г. Министру 10 декабря» [1]).

74.

Имѣю честь препроводить къ Вамъ записку о Мицкевичѣ съ приложеніями и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Господина Товарища Министра:

«Не бывъ членомъ Комитета, который разсматривалъ дѣла тайныхъ обществъ университета Виленскаго, я не въ состояніи судить, до какой степени гг. Мицкевичъ и Малевскій могли быть виновны и могутъ доселѣ быть подозрительными, слѣдовательно не мнѣ судить и о томъ, будутъ-ли они благонадежны въ званіи журналистовъ. Я замѣчу только, что если Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, сіе Правительство не дозволитъ имъ дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала. Впрочемъ, скажу еще разъ, что мнѣ, по незнанію Виленскаго слѣдственнаго дѣла, нельзя основательно судить объ этомъ».

Телешевъ.

9 декабря 1827 г.

Его Высокоблагородію П. И. Гаевскому.

Резолюція:

Доложено Г. Министру 10 декабря 1827. Его Высокопревосходительство, согласно съ мнѣніемъ своего товарища, рѣшилъ не давать просимаго г. Мицкевичемъ права на изданіе польскаго журнала въ Москвѣ [2]).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.
2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., тамъ же.

Digitized by Google

75.

Министерство Народнаго Просвѣщенія и Главное Управленіе Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ I. 13 декабря 1827 года. № 1957. Отвѣтъ на № 1536.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Представленіемъ, отъ 15 минувшаго ноября, Ваше Превосходительство просили разрѣшенія моего о дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Iris», причемъ, между прочими документами, приложена подписка чиновника IX-го класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича.

На сіе имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что оба сіи чиновника суть изъ числа тѣхъ воспитанниковъ Виленскаго университета, коихъ, по случаю происшедшихъ тамъ безпорядковъ, Высочайше повелѣно было размѣстить на службу во внутреннія губерніи. Не повторяя здѣсь о поводѣ къ таковому распоряженію, что̀ впрочемъ извѣстно Вашему Превосходительству изъ переписки о другихъ подобныхъ студентахъ, служащихъ подъ начальствомъ Вашимъ, я замѣчу только, что поелику Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ польскихъ губерніяхъ, то я самъ собою не могу дозволить гг. Мицкевичу и Малевскому изданіе журнала на польскомъ языкѣ; входить же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору я не нахожу ни приличія, ни уважительной къ тому причины.

Возвращая у сего университетскіе аттестаты гг. Мицкевича и Малевскаго, для передачи оныхъ въ мѣсто ихъ служенія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о содержаніи сего моего предложенія дать знать Московскому Цензурному Комитету.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Александръ Шишковъ.

Въ должности директора П. Гаевскій [1]).

1) Копія въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета.

Digitized by Google

76.

По № 8259. Столъ I. № 1979. 16 декабря 1827. Въ Главный Цензурный Комитетъ.

Канцелярія Министра Народнаго Просвѣщенія долгомъ почитаетъ увѣдомить Главный Цензурный Комитетъ, что Его Высокопревосходительство не изъявилъ своего согласія на издаваніе чиновникомъ 12 класса Адамомъ Мицкевичемъ въ Москвѣ журнала на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*, о чемъ и дано предложеніе Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для объявленія по принадлежности.

Въ должности директора П. Гаевскій.

Вѣрно. Столоначальникъ Новосильскій[1]).

77.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 24 декабря 1827 г. № 1758.

Московскому Цензурному Комитету.

О дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Iris», я представлялъ Его Высокопревосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Съ полученнаго мною на сіе отъ него Г. Министра отношенія препровождаю при семъ въ оный Комитетъ для надлежащаго исполненія копію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа,

Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ[2]).

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8.

2) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета, съ помѣткою: «(получено) 1827 года декабря 28.»

Digitized by Google

78.

Его Сіятельству Господину Московскому Военному Генералъ Губернатору Князю Д. В. Голицыну

чиновника Вашего Сіятельства
12-го класса Адама Мицкевича

ПРОШЕНІЕ.

Не получивъ облегченія въ настоящей моей болѣзни, осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство, по случаю истекшаго срока на данный мнѣ отпускъ, дозволить мнѣ прожить нѣкоторое еще время въ С.-Петербургѣ. При чемъ честь имѣю представить докторское свидѣтельство о болѣзненномъ моемъ состояніи. С.-Петербургъ 1828 [1]) года января 3 дня.

Адамъ Мицкевичъ [2]).

79.

Свидѣтельство.

Симъ свидѣтельствую, что чиновникъ 12-го класса г. Мицкевичъ, служащій въ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, находясь въ отпуску въ С.-Петербургѣ, дѣйствительно занемогъ простудною лихорадкою, сопряженною съ сильнымъ кашлемъ и болью груди и что онъ, по причинѣ болѣзни, никакъ не можетъ слѣдовать къ своему мѣсту прежде выздоровленія. Генваря 3 дня 1829 г.

Кавалергардскаго полка полковой штабсъ-лѣкарь
коллежскій совѣтникъ Погоржанскій.

Резолюція кн. Голицына 10 января 1829 года:
«Согласенъ на 4 мѣсяца» [3]).

---

1) Ошибкой вмѣсто 1829.
2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.
3) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Digitized by Google

80.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ 12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, о нижеслѣдующемъ:

Находясь нынѣ на службѣ при Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ, имѣю желаніе продолжать оную въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, почему, представляя при семъ аттестатъ о наукахъ моихъ и свидѣтельство о дворянствѣ [1]), всеподданнѣйше прошу

Къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ принять и меня въ оную опредѣлить.

прошенію

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля [2]) дня 1829 года. Къ поданію подлежитъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Прошеніе писалъ титулярный совѣтникъ Александръ Котовъ.

XII класса Адамъ Николаевъ сынъ
Мицкевичъ руку приложилъ [3]).

---

1) Этого аттестата при дѣлѣ не имѣется.

2) Числа недостаетъ.

3) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1; на немъ помѣтки: «№ 1165» и «19 февраля 1829».

Digitized by Google

81.

12 класса Адамъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Виленскомъ университетѣ, въ коемъ онъ предпочтительно обучался греческой и латинской словесности, получивъ степень кандидата, поступилъ въ должность старшаго учителя въ Ковенскомъ училищѣ. Въ 1824 году назначенъ былъ въ таковой же должности въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ, потомъ же перемѣстился въ канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора, гдѣ и нынѣ состоитъ на службѣ. Желая опредѣлиться на открывшуюся ваканцію переводчика въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, проситъ о допущеніи его къ испытанію въ достаточномъ знаніи языковъ, нужныхъ для занятій сей должности [1]).

82.

Князю Голицыну отъ графа Нессельрода.

Находящійся при Вашемъ Сіятельствѣ чиновникъ 12 класса Адамъ Мицкевичъ подалъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ прошеніе объ опредѣленіи его въ вѣдомство оной.

Вслѣдствіе чего, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ, не имѣется-ли къ увольненію г. Мицкевича отъ настоящей его должности какого-либо препятствія, и если онаго не настоитъ, въ таковомъ случаѣ доставить мнѣ формулярный о службѣ его списокъ и аттестатъ.

№ 1413
25 февраля 1829 [1]).

---

1) Автографъ Мицкевича тамъ же.
2) Подлинникъ тамъ же съ помѣткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

Digitized by Google

83.

Милостивый Государь мой, графъ Карлъ Васильевичъ.

Ненаходя никакихъ препятствій къ перемѣщенію состоящаго при мнѣ 12 класса Адама Мицкевича въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, я имѣю честь, согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 25 истекшаго февраля, препроводить у сего формулярный о службѣ г. Мицкевича списокъ и надлежащій аттестатъ, считая за обязанность присовокупить при томъ, что чиновникъ сей въ продолженіи его служенія подъ моимъ начальствомъ всегда при хорошемъ поведеніи исправлялъ возложенную на него обязанность съ усердіемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Дмитрій Голицынъ.

№ 1061.
9 апрѣля 1829.

Его Сіятельству Графу Карлу Васильевичу Нессельроду [1]).

84.

Формулярный списокъ о службѣ 12 класса Мицкевича 1829 года.

1. Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отправляемая и сколько отъ роду лѣтъ?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Изъ какого званія происходитъ?

Изъ какого званія происходитъ по документамъ не видно.

---

1) Подлинникъ тамъ же съ помѣткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

Digitized by Google

3. Есть-ли за нимъ, за родителями его или, когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

4. Когда въ службу вступилъ, и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также не было-ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній, и не былъ ли особенно кромѣ чиновъ чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ университетѣ поступилъ въ штатъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу.

5. Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда именно?

Не былъ.

6. Не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что̀ именно, когда и чѣмъ дѣло кончено?

Не былъ.

7. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ?

Способенъ и достоинъ.

8. Не былъ ли въ отпускахъ, и если былъ, то когда именно и на сколько времени и являлся ли на срокъ къ должности?

Былъ 13 апрѣля 1828 года на два мѣсяца; не явясь на срокъ 15 іюня доставилъ прошеніе объ отсрочкѣ, по которому вновь выданъ ему паспортъ на два мѣсяца того же 15 іюня; потомъ по присланному отъ него прошенію 12 августа уволенъ на одинъ мѣсяцъ; но на срокъ

Digitized by Google

не явился, а доставилъ прошеніе о продолженіи отпуска, объясняя въ оном, что онъ не явился по болѣзни, недозволившей ему окончить дѣла свои, почему съ 2 сентября и данъ ему отпускъ до 1 генваря 1829 года, а съ 11 генваря сего года, по присланной отъ него просьбѣ и приложенному при оной свидѣтельству о болѣзни его, вновь выданъ отпускъ на четыре мѣсяца.

9. Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ онаго и когда?

Не былъ.

10. Женатъ ли, имѣетъ ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся.

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи князь Голицынъ [1]).

85.

Аттестатъ.

№ 1062. 12 класса Адаму Николаеву сыну Мицкевичу въ томъ, что онъ, какъ изъ свидѣтельства, выданнаго ему за подписаніемъ Ректора Виленскаго Университета, видно, по окончаніи наукъ въ Новогрудскомъ Уѣздномъ Училищѣ былъ 1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Императорскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго учебнаго года, обучаясь, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и выдержавъ изъ оныхъ экзаменъ 27 іюня 1816 года получилъ степень кандидата философіи; послѣ, по отдѣленію словесныхъ

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣткою: «къ № 2512».

Digitized by Google

наукъ и изящныхъ художествъ, слушалъ курсъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи и поэзіи, россійской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи держалъ экзаменъ на степень магистра, но его не кончилъ; въ 1819 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и, пробывъ въ сей должности три года, по принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и и филоматовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1824 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія безпорядковъ по Виленскому Учебному Округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи; 1826 февраля 1 опредѣленъ въ число чиновниковъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; Указомъ Правительствующаго Сената того же года апрѣля 29 переименованъ въ 12 классъ со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу. Нынѣ по прошенію отъ настоящей должности уволенъ; во время же служенія подъ моимъ начальствомъ въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, всегда аттестовался способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ, при отличномъ поведеніи возлагаемыя на него порученія исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, въ удостовѣреніе чего и данъ ему (сей аттестатъ) за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ печати герба моего. Москва, 9 апрѣля 1829 года.

Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего, генералъ отъ кавалеріи, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частью, Главный Начальникъ Комиссіи для строеній въ Москвѣ, всѣхъ Россійскихъ и разныхъ Иностранныхъ Орденовъ Кавалеръ

Кн. Голицынъ [1]).

---

1) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1, съ помѣткою: «къ № 2512».

Digitized by Google

86.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ. Я имѣлъ честь получить при отношеніи Вашего Сіятельства, отъ 9 минувшаго апрѣля, подъ № 1061, формулярный списокъ и аттестатъ о службѣ находившагося при Васъ чиновника 12 класса Адама Мицкевича, изъявившаго желаніе продолжать службу въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Нынѣ до свѣдѣнія моего дошло, что г. Мицкевичъ прежде нежели учинено было распоряженіе объ опредѣленіи его въ Коллегію, отправился въ чужіе краи.

По сей причинѣ, не находя нужнымъ причислять къ Коллегіи чиновника, за границею пребываніе имѣющаго, я вмѣняю себѣ въ обязанность увѣдомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя къ сему, что аттестатъ о службѣ Мицкевича будетъ храниться въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ до востребованія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

(Графъ Нессельроде).

№ 6014.
Іюля 31 дня 1829 года.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну [1]).

---

1) Копія, тамъ же.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 6.

ОТЧЕТЪ

О

НРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

Проф. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО

въ 1898 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1900.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

Содержаніе.

Стран.

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 г., Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ** . . . . . 1—13

Приложеніе — критическіе разборы, послужившіе основаніемъ для присужденія премій проф. Котляревскаго . . . . . 14—268

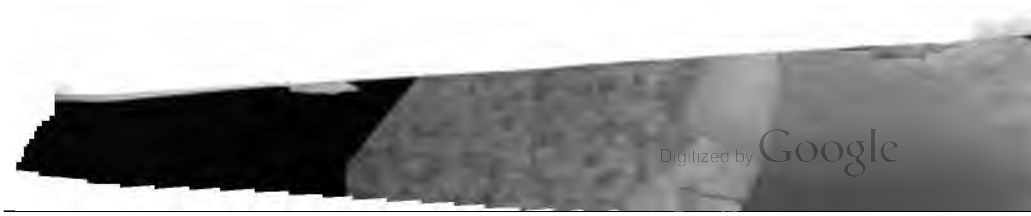
I. **Акад. А. А. Шахматова,** разборъ сочиненія проф. Яна Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. 8⁰. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8⁰. 637». . . . . 17—105

II. **Проф. К. Я. Грота,** разборъ сочиненія проф. А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8⁰] . . . . . 106—200

III. **Проф. Р. Ѳ. Брандта,** разборъ сочиненія проф. Т. Д. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкознанію. *Часть вторая.* Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897». . . . . 201—257

IV. **Акад. И. В. Ягича,** разборъ сочиненія г. Прусика: «Staročeské Alexandreidy rýmované [Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8⁰. IV. 87]» . . . . . 258—268

Digitized by Google


Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго, учрежденныхъ для награжденія трудовъ по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ, а также изслѣдованій по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи, поступили слѣдующіе четыре труда: 1) профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ Чешскомъ университетѣ, дѣйствительнаго члена Чешской Академіи Наукъ, доктора Яна Гебауера, «Historická mluvnice jazyka českého, díl I: Hláskosloví и díl III: Tvarosloví, I: Skloňování (v Praze, 1894—1896); 2) экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Ясинскаго — «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.)». (Кіевъ, 1895 г.); 3) ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго — «Лекціи по славянскому

Digitized by Google

языкознанію. Часть II: Сѣверо-западные славянскіе языки». (Спб. и Кіевъ, 1897 г.) и 4) преподавателя академической гимназіи въ Прагѣ, члена Королевскаго Чешскаго Общества Наукъ, редактора журнала «Krok», Ѳ. В. Прусика — собраніе его трудовъ по изученію текстовъ чешской Александреиды: a) Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1896), б) Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr. Uvažuje Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1891) и в) его же замѣтки и изслѣдованія въ 16 выпускахъ издаваемаго имъ журнала «Krok» (ročník II, 1888 — r. X, 1896).

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ къ участію въ разсмотрѣніи двухъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности ординарные профессора Императорскихъ университетовъ — Московскаго Р. Ѳ. Брандтъ и Варшавскаго К. Я. Гротъ; два же другіе труда были разсмотрѣны академиками И. В. Ягичемъ и А. А. Шахматовымъ.

Рецензіи, послужившія основаніемъ для означенныхъ присужденій приводятся ниже въ извлеченіи[1]):

Разборъ сочиненія Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. [Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8⁰. XII. 702.—Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8⁰. 637] принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Вышедшіе два обширные тома Исторической грамматики чешскаго языка составляютъ только часть задуманнаго профессоромъ Пражскаго Университета Яномъ Гебауеромъ труда,

1) Означенныя рецензіи въ полномъ видѣ помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящему Отчету.

Digitized by Google

но уже по нимъ можно себѣ ясно представить, какой величественный памятникъ историческому изученію родного языка воздвигаетъ почтенный ученый. О такихъ трудахъ, замѣчаетъ рецензентъ, какова Историческая грамматика Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ; въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ первой части Грамматики, и между прочимъ отзывъ нашего сочлена академика И. В. Ягича, давшаго подробный разборъ его въ XVI томѣ Archiv für Slavische Philologie. Рядъ положительныхъ достоинствъ предвѣщаетъ труду Гебауера прочную будущность и рѣшающее вліяніе на послѣдующія изслѣдованія въ области не только чешской, но и вообще славянской филологіи: ученый профессоръ основалъ историческую грамматику на обильномъ и прекрасно подобранномъ матеріалѣ, освѣтивъ его остроумнымъ изслѣдованіемъ, предложеннымъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной формѣ.

Отмѣтивъ точность анализа изучаемыхъ фактовъ и упорное стремленіе автора доказать закономѣрность въ развитіи языка, признавъ это однимъ изъ выдающихся достоинствъ изслѣдователя, рецензентъ не обходитъ молчаніемъ и нѣкоторыхъ такихъ пріемовъ изслѣдованія, цѣлесообразность которыхъ можетъ быть подвержена сомнѣнію. Въ основаніе своей Исторической грамматики Гебауеръ положилъ письменный языкъ, т. е. изученіе памятниковъ, рукописныхъ и печатныхъ произведеній различныхъ эпохъ; фактамъ же, представляемымъ современными говорами, придается лишь второстепенное значеніе, и не они служатъ главными данными при возстановленіи звуковъ и формъ старочешской и болѣе отдаленныхъ эпохъ. Между тѣмъ сравнительное изученіе живыхъ говоровъ весьма часто можетъ дать болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій и характеристики отдѣльныхъ звуковъ древняго языка, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе если правописаніе ихъ несовершенно и искусственно. Рецензентъ доказываетъ, что увлеченіе Гебауера свидѣтельствами рукописныхъ источниковъ съ

Digitized by Google

одной стороны привело его къ смѣшенію звуковыхъ явленій съ графическими, а съ другой вызвало нѣсколько поспѣшныхъ выводовъ, не находящихся въ соотвѣтствіи съ данными живыхъ говоровъ. Но кромѣ того Гебауеръ не разграничилъ въ своей фонетикѣ явленій звуковыхъ отъ фактовъ, относящихся къ ученію о формахъ и словообразованіи, а въ морфологіи отвелъ слишкомъ много мѣста разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій, ничего общаго съ живымъ языкомъ не имѣющихъ. Не придавая особеннаго значенія такой не вполнѣ правильной группировкѣ матеріала, рецензентъ видитъ слабую сторону грамматическихъ изслѣдованій Гебауера въ его отношеніи къ историческому методу. Отдѣльныя эпохи, которыя пережилъ чешскій языкъ и которыя являются промежуточными между общеславянскимъ языкомъ и современнымъ состояніемъ живыхъ чешскихъ говоровъ, оставлены Гебауеромъ безъ характеристики; правда, авторъ говоритъ иногда о явленіяхъ доисторической эпохи жизни чешскаго языка, но нигдѣ не опредѣляетъ, какими данными онъ руководился, относя то или другое явленіе къ этой доисторической эпохѣ. Между тѣмъ сравнительное изученіе чешскихъ и словацкихъ говоровъ приводитъ къ возстановленію эпохи чешско-словацкой, въ теченіе которой чешская семья, обособившись отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, пережила длинный рядъ звуковыхъ, а частью и морфологическихъ явленій. Этой эпохѣ, по мнѣнію рецензента, опирающагося при этомъ на нѣкоторые намеки самого Гебауера, предшествовала эпоха общезападнославянскаго единства, когда чешскій, польскій, лужицкіе и другіе языки, отдѣлившись, какъ отъ восточныхъ, такъ и отъ южныхъ славянъ, переживали нѣкоторыя общія звуковыя явленія, совершенно измѣнившія первоначальный общеславянскій звуковой ихъ составъ. И такъ, между общеславянской или, какъ ее называетъ Гебауеръ, праславянской эпохой и современной намъ эпохой жизни чешскаго языка, изслѣдователь долженъ различать двѣ переходныя эпохи — общезападнославянскую и чешскословацкую. Точное опредѣленіе ихъ звукового состава, пріуроченіе къ нимъ того

Digitized by Google

или другого звукового явленія должны входить въ задачу исторической грамматики чешскаго языка, такъ какъ иначе изслѣдователь не будетъ въ состояніи установить прямой, преемственной связи между предполагаемымъ праязыкомъ и современными говорами. Указанный пробѣлъ Исторической грамматики Гебауера выступаетъ особенно ясно наружу при описаніи нѣкоторыхъ сложныхъ звуковыхъ явленій, пережитыхъ чешскимъ языкомъ. Вторую часть своего разбора рецензентъ посвятилъ изслѣдованію нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, опираясь при этомъ на матеріалъ, а часто и на выводы, принадлежащіе Гебауеру.

Въ заключеніи своего разбора рецензентъ говоритъ: «Къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе трудовъ посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическія ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей, — дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ,

Digitized by Google

и наконецъ первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне».

Сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8°] по просьбѣ Отдѣленія разсмотрѣно ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета К. Я. Гротомъ.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, предпринялъ его съ цѣлью выяснить возникновеніе въ Чешскомъ государствѣ того сословно-привиллегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во второй половинѣ XIV вѣка, при чемъ онъ имѣлъ въ виду не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ оказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархальнаго родового быта, но также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ.

Изученіе источниковъ древней Чешской исторіи привело г. Ясинскаго къ убѣжденію, что основы сословно-привиллегированнаго строя въ Чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, самостоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства.

По словамъ рецензента, г. Ясинскій, взявъ такой суще-

Digitized by Google

ственный вопросъ Чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку, особенно въ виду того, что область эта въ Чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно мало обращала на себя вниманіе и что большинство современныхъ Чешскихъ историковъ самостоятельно не занималось ея разработкою и принимало на вѣру выводы своихъ старыхъ ученыхъ авторитетовъ.

Но, по мнѣнію г. Грота, задача, взятая авторомъ для рѣшенія, слишкомъ широка, слишкомъ сложна и многообъемлюща, чтобы могла быть удовлетворительно рѣшена въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и при пособіи того матеріала, который имѣлся въ его распоряженіи, тѣмъ болѣе, что она соприкасается съ исторіею права и для всесторонней и полной своей обработки требуетъ близкаго знакомства съ нею, а съ этой точки зрѣнія у него не безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Можно почти положительно сказать, что съ устраненіемъ указаннаго недостатка результаты изученія этого сложнаго историческаго процесса были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва ли отличались бы такою рѣшительною противоположностію воззрѣніямъ, господствующимъ до сихъ поръ въ Чешской исторіографіи.

Сверхъ того нельзя не замѣтить, что вопросъ, составляющій предметъ изслѣдованія г. Ясинскаго, не есть вопросъ частный или узко спеціальный, но одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы Западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире.

Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогическія условія со времени принятія ими хри-

Digitized by Google

стіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ, такъ называемыхъ, земскихъ установленій къ новому строю съ западноевропейскимъ характеромъ — это вопросъ, напрашивающійся на рѣшеніе самъ собою, и нельзя не пожалѣть, что авторъ его почти не коснулся. Нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны и Римская церковь съ ея организаціей, культурнымъ и просвѣтительнымъ вліяніемъ съ другой оставлены авторомъ на заднемъ планѣ, не оцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII вѣка, объ устройствѣ городовъ на Нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій совсѣмъ не говоритъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его земскаго періода, — но едва ли онъ правъ въ этомъ.

Рецензентъ, указавъ на эти существенные, по его мнѣнію, недостатки труда г. Ясинскаго, разсматриваетъ за тѣмъ его по частямъ, сжато передаетъ въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ содержаніе изслѣдованія и попутно дѣлаетъ свои замѣчанія и возраженія, не соглашаясь иногда съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ, и въ заключеніи высказываетъ слѣдующее: «Всѣ указанные недостатки и пробѣлы въ разобранномъ сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ. Изложеніе систематическое и строго научное. Основная мысль г. Ясинскаго представляетъ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи господствующихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность, слишкомъ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ

Digitized by Google

вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе. Нашъ авторъ — послѣ Палацкаго, Томка и другихъ Чешскихъ авторитетовъ — въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія Чешскаго государства и сдѣлалъ попытку объяснить тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили историческую необходимость постепеннаго превращенія земскаго строя въ сословно-привиллегированный — и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, что добыто предшествовавшими ему изслѣдователями, то это однакожъ не мѣшаетъ признать за его сочиненіемъ значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ находится множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Всѣ они въ общемъ расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется и послѣ капитальнаго труда г. Липперта считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго».

Въ виду всего сказаннаго, рецензентъ призналъ сочиненіе г. Ясинскаго, въ значительной степени отличающееся учеными достоинствами, вполнѣ заслуживающимъ поощренія и находитъ справедливымъ присудить автору за него половинную премію.

Представленное на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіе профессора Т. Д. Флоринскаго, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. [Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболу-

Digitized by Google

жицкій и полабскій (вымершій). С.-Петербургъ и Кіевъ, 1897. 8°. XVI. 703] по отзыву профессора Р. Ѳ. Брандта, обязательно̀ принявшаго на себя его разсмотрѣніе, написано по тому-же плану, какъ первая его часть, увѣнчанная Императорскою Академію Наукъ Ломоносовскою преміей въ половинномъ размѣрѣ. Въ общемъ объ̀ половины этого труда отличаются тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Не придавая особеннаго значенія тѣмъ мелкимъ отступленіямъ отъ первоначальнаго плана изданія, которыя отличаютъ эту вторую часть его, рецензентъ подробно останавливается на предложенной г. Флоринскимъ группировкѣ сѣверозападныхъ славянскихъ языковъ, справедливо упрекая его въ мало основанномъ отдѣленіи словацкаго языка отъ чешскаго, такъ какъ сравнительное изученіе обоихъ этихъ языковъ показываетъ, что оба они восходятъ къ одному общему праязыку — чехословацкому. Не сочувствуя также допущенному проф. Флоринскимъ отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, такъ какъ объ̀ онѣ возводятся къ кашубско-польскому единству, рецензентъ выставляетъ на видъ непослѣдовательность автора, рѣшившагося разсмотрѣть верхне- и нижне-лужицкіе языки въ одномъ общемъ отдѣлѣ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ (серболужицкіе языки): дѣйствительно, близость родства между обоими лужицкими языками приблизительно та же, что между чешскимъ и словацкимъ, кашубскимъ и польскимъ. За этими указаніями на общіе недостатки въ пріемахъ изслѣдованія автора, проф. Брандтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ приводитъ недосмотры, неточности, погрѣшности, невѣрныя объясненія и пропуски, допущенные г. Флоринскимъ. По важности и обстоятельности нѣкоторыхъ изъ замѣчаній рецензента, они должны быть признаны цѣннымъ вкладомъ въ научное изученіе славянскихъ языковъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ находится не мало методологическихъ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ въ виду облегчить начинающимъ ученымъ и студентамъ пользованіе Лекціями Флоринскаго, которыя впрочемъ надо признать надежнымъ и вполнѣ научнымъ руководствомъ при изученіи славян-

Digitized by Google

скихъ нарѣчій. Свой разборъ почтенный рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Не должно забывать, что науки, не обладающія математически-точными доказательствами, всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающею увѣнчанія искомою преміей».

Сочиненіе г. Прусика, подъ заглавіемъ «Staročeské Alexandreidy rýmované» [Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8°. IV. 87] вмѣстѣ съ другими его трудами, было разсмотрѣно академикомъ И. В. Ягичемъ.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній древнечешской литературы слѣдуетъ признать переводъ или правильнѣе парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). Отрывки этого произведенія сохранились въ различныхъ чешскихъ рукописяхъ XIII — XV вв., но всѣ они вмѣстѣ взятые не представляютъ полнаго текста и не могутъ быть пока возведены къ одной основной редакціи чешской Александреиды. Чешской филологіи, при изученіи упомянутыхъ отрывковъ, приходится разрѣшать рядъ весьма сложныхъ вопросовъ о взаимномъ отношеніи различныхъ редакцій памятника, объ отношеніи перевода къ латинскому оригиналу, а также къ нѣмецкому эпосу объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго; кромѣ того испорченность дошедшихъ отрывковъ обязываетъ ученыхъ объяснять отдѣльныя темныя и не вполнѣ понятныя мѣста ихъ текста. Г. Прусику, уже давно и усердно занимающемуся Александреидой въ чешской литературѣ, не удалось, по мнѣнію академика Ягича, выяснить взаимныя отношенія различныхъ ея отрывковъ; не

Digitized by Google

соглашаясь съ предполагаемою г. Прусикомъ рабскою передачей латинскаго оригинала въ чешской передѣлкѣ, рецензентъ не считаетъ вѣроятнымъ и мнѣнія автора о вліяніи чешской Александреиды на нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго. Гораздо плодотворнѣе труды г. Прусика, посвященные критикѣ текста отрывковъ Александреиды и помѣщавшіеся имъ въ журналѣ «Krok» за 1892 и 1893 годы. Упрекая автора въ стремленіи насильственно согласовать чешскій переводъ съ латинскимъ оригиналомъ, академикъ Ягичъ находитъ тѣмъ не менѣе, что объясненія и критическія замѣчанія Прусика значительно облегчили пониманіе текста этого памятника. Въ представленномъ на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіи г. Прусикъ предложилъ систематическое возстановленіе текста чешской Александреиды на основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ; изданіе свое онъ снабдилъ критическими примѣчаніями и объясненіями. Положивъ въ основаніе своей Александреиды латинскій образецъ, г. Прусикъ, въ угоду этому образцу, прибѣгаетъ къ произвольнымъ перестановкамъ и мало обоснованнымъ предположеніямъ о пропускахъ. Не соглашаясь ни съ пріемами, которымъ, при возстановленіи текста, слѣдуетъ авторъ, ни въ частности со многими изъ его объясненій и, признавая ихъ несостоятельными съ точки зрѣнія научной, академикъ Ягичъ указываетъ на то, что изданіе Прусика удовлетворяетъ въ извѣстной степени цѣлямъ педагогическимъ, которыя авторъ и имѣлъ отчасти въ виду. Для молодежи высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу.

Въ заключеніи своего отзыва почтенный рецензентъ говоритъ: «Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все же многолѣтнее, настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ поощренія».

Digitized by Google

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устнаго обсужденія подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ и по произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, признавъ трудъ Гебауера удовлетворяющимъ требованіямъ §§ 7, 9 и 11-го Правилъ о преміяхъ имени Котляревскаго, единогласно постановило присудить профессору Пражскаго Университета Яну Гебауеру полную премію въ тысячу рублей. Сочиненія же профессоровъ А. Н. Ясинскаго и Т. Д. Флоринскаго удостоить той же преміи въ половинномъ размѣрѣ каждое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе, отдавая полную справедливость многолѣтнимъ трудамъ профессора Прусика по изученію и объясненію весьма многихъ мѣстъ текстовъ чешскихъ Александреидъ, засвидѣтельствованнымъ съ лучшей стороны и авторитетнымъ рецензентомъ его изысканій академикомъ И. В. Ягичемъ, нашло, что г. Прусикъ вполнѣ достоинъ за свои труды поощренія; въ виду же того, что всѣ суммы, могущія быть выданными въ настоящее присужденіе въ видѣ премій проф. Котляревскаго, уже исчерпаны, Отдѣленіе постановило почтить труды г. Прусика назначеніемъ ему особой денежной награды изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ изъявленіе признательности Императорской Академіи Наукъ постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе трудовъ, представленныхъ на соисканіе премій проф. Котляревскаго, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя медали профессорамъ Р. Ѳ. Брандту и К. Я. Гроту.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637.

I.

Труды чешскихъ филологовъ, а между ними въ особенности проф. Пражскаго университета Гебауера, давно уже обратили на себя вниманіе славистовъ, удивлявшихся тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которые выпали на долю научной разработкѣ чешскаго языка. Съ одной стороны многочисленныя статьи и монографіи Гебауера и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ свидѣтельствовали объ основательномъ изученіи историческихъ памятниковъ чешскаго языка, а это служило лучшимъ указаніемъ на правильную и цѣлесообразную постановку научнаго изслѣдованія; съ другой стороны работы Шемберы, Бартоша, Душека, Котсмиха, Пастернека и мн. др., посвященныя описанію чешскихъ и словацкихъ говоровъ, показывали, что разработка языка ведется не односторонне, что живое слово будетъ такъ же глубоко изслѣдовано, какъ и мертвая буква. Несмотря однако на все обиліе подготовительныхъ трудовъ, въ значительной степени облегчавшихъ появленіе крупнаго изслѣдованія объ историческихъ судьбахъ чешскаго языка, ихъ казалось недостаточно

Digitized by Google

для осуществленія той задачи, которую, въ видѣ конечнаго результата, имѣли въ виду всѣ разрозненныя изслѣдованія, а именно— составленія исторической грамматики чешскаго языка. Вышедшіе въ 1894 и 1896 гг. два тома этой грамматики доказываютъ, что автору ея — проф. Гебауеру нельзя было ограничиться готовыми данными, уже обнародованными и бывшими на разсмотрѣніи научной критики: ему пришлось продѣлать всю черновую работу подготовленія матеріала, съ тщательностью и умѣніемъ извлеченнаго изъ весьма значительнаго количества письменныхъ памятниковъ. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить все вниманіе на выводахъ, научныхъ обобщеніяхъ, Гебауеру приходилось самому собирать матеріалъ, подвергать его предварительному изслѣдованію, давать ему критическую оцѣнку и уже затѣмъ приступать къ грамматическому изслѣдованію. Historická mluvnice вводитъ насъ въ самую лабораторію ея почтеннаго автора и такимъ образомъ даетъ возможность читателю продѣлать самому ту работу, въ результатѣ которой явились тѣ или другіе выводы Гебауера. Самое расположеніе изданія находится въ зависимости отъ того, что параллельно съ изслѣдованіемъ автору приходилось заниматься собираніемъ матеріаловъ. Признавъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ фонетику и морфологію (пока вышелъ только отдѣлъ, посвященный склоненію), которыя, по выработанному авторомъ плану (ср. XI стр. I т.), должны составить первую и третью части грамматики, Гебауеру пришлось отложить выходъ второй и четвертой части (ученіе объ образованіи основъ и синтаксисъ), на неопредѣленное время, такъ какъ передъ этимъ онъ считаетъ необходимымъ заняться историческимъ словаремъ, гдѣ предполагается собрать матеріалъ, нужный для обработки этихъ частей исторической грамматики.

О такомъ трудѣ, каковы вышедшіе въ свѣтъ томы исторической грамматики Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ: въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ перваго тома, и между прочимъ

Digitized by Google

отзывъ академика Ягича, давшаго обстоятельный разборъ его на страницахъ своего журнала (Archiv f. Sl. Ph., т. XVI). Къ положительнымъ сторонамъ работы Гебауера относится не только то, что онъ далъ обильный и прекрасно подобранный матеріалъ для исторіи чешскаго языка, но также и то, что онъ основалъ самую эту исторію цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій, предложенныхъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научной формѣ. Изслѣдуя грамматическіе вопросы, Гебауеръ становится на точку зрѣнія современной лингвистики: читатель, знакомый съ однимъ изъ раннихъ сочиненій почтеннаго автора «Главнѣйшія особенности слав. нарѣчій», будетъ пораженъ, сравнивая его съ тѣми отдѣлами Исторической грамматики, гдѣ говорится объ общеславянскихъ явленіяхъ и устанавливается связь между звуками славянскихъ языковъ и индоевропейскаго праязыка. Тамъ виденъ неопытный ученый, растерявшійся въ массѣ фактовъ и не усвоившій себѣ пріемовъ сравнительнаго изслѣдованія, здѣсь находимъ сознательнаго послѣдователя новограмматиковъ, руководимаго при томъ собственнымъ научнымъ тактомъ. Этотъ научный тактъ не оставляетъ Гебауера ни тамъ, гдѣ онъ повторяетъ чужіе результаты, ни тамъ, гдѣ даетъ самостоятельное изслѣдованіе. Особенно ярко выражается онъ въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ всюду ищетъ въ языкѣ закономѣрности; онъ не допускаетъ въ немъ случайностей, а потому всѣ факты языка подводятся подъ дѣйствіе опредѣленныхъ, дѣйствовавшихъ во времени и въ пространствѣ законовъ. Подъ закономъ Гебауеръ разумѣетъ, конечно, не правило школьной грамматики, за коимъ слѣдуютъ неизбѣжныя исключенія, а тѣ явленія, вызванныя психическими или физіологическими причинами, дѣйствіе которыхъ отразилось на болѣе или менѣе обширномъ количествѣ матеріала, подлежащаго нашему наблюденію въ прошедшемъ или настоящемъ. Къ сожалѣнію, Гебауеръ, при описаніи того или другого звукового явленія, не всегда отрѣшается отъ школьной терминологіи и, кажется, именно это вызвало нѣсколько возраженій со стороны Ягича, упрекаю-

Digitized by Google

щаго автора въ томъ, что онъ старается, иногда насильственно, создавать «правила», вмѣсто того чтобы ограничиваться простымъ анализомъ изучаемыхъ фактовъ. Такъ между прочимъ на стр. 516, обсуждая «математическое» правило Гебауера объ исчезновеніи ъ и ь въ чешскомъ языкѣ (jerové pravidlo), Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что наблюденіе Гебауера вѣрно, но терминологія его слишкомъ искусственная, механическая. Звуки ъ и ь частью исчезали, частью переходили въ звуки *e* не по какому нибудь правилу, опредѣлявшему, что ъ и ь на четномъ мѣстѣ, считая отъ конца слова (въ рядѣ слоговъ съ этими звуками), должны перейти въ гласныя *e*, а на нечетномъ мѣстѣ (въ слогахъ, сопровождаемыхъ слогами съ другими гласными или также съ ъ и ь) исчезать (sъnъ переходило въ sen, šьvьcьmь въ ševcem, šьvьcь въ švec), а очевидно потому, что они въ одномъ изъ этихъ положеній звучали иначе, чѣмъ въ другомъ. Въ положеніи передъ слогомъ съ ъ и ь, звуки ъ и ь были звуками слоговыми, потому что за ними слѣдовали звуки неслоговые; во всякомъ другомъ положеніи[1]) и между прочимъ даже передъ слоговыми *r* и *l* (въ словахъ какъ gъrstь, vьrsta) они въ общесл. яз. частью были (передъ *r* и *l*), частью же стали въ извѣстную эпоху неслоговыми. Слоговыя ъ и ь, какъ въ чешскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ переходили въ гласныя другого ряда, между тѣмъ какъ неслоговыя ъ и ь исчезали изъ произношенія[2]). Но врядъ ли справедливо, на основаніи неудачной формулировки нѣкоторыхъ явленій, осуждать автора за его стремленіе съ одной стороны искать въ фактахъ языка закономѣрности, съ другой подчеркивать тѣ изъ нихъ, которые противорѣчатъ предположенному закону, не согласуются съ даннымъ явленіемъ: со своей

---

1) Впрочемъ, думаю, что ъ и ь подъ удареніемъ, въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ, также оставались слоговыми; чешск. deska при стар. dska заимствуетъ свое *e* изъ формъ desku, desky.

2) Въ русскомъ языкѣ неслоговыя ъ и ь становились слоговыми также передъ древними слоговыми *r* и *l*, послѣ утраты послѣдними ихъ слогового характера (верста, горсть).

Digitized by Google

стороны я осудилъ бы Гебауера за то, еслибы онъ въ приводимыхъ имъ изъ «правила» или «закона» исключеніяхъ не старался найти опять таки закономѣрности, не пытался объяснить ихъ перекрещивающимся дѣйствіемъ двухъ или нѣсколькихъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, а далъ бы въ своихъ объясненіяхъ просторъ элементу случайности. Но въ этомъ нельзя обвинить почтеннаго автора Исторической грамматики.

Гебауеръ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ чешской письменности; мнѣ, въ качествѣ рецензента его капитальнаго труда, невозможно судить о томъ, насколько онъ исчерпалъ матеріалы, представляющіе интересъ для исторической грамматики. Самъ авторъ скромно сознается въ томъ, что ему остались неизвѣстными многіе памятники не только XVI и послѣдующихъ вѣковъ, но даже и XV вѣка. Тѣмъ не менѣе обиліе извлеченнаго изъ памятниковъ матеріала поразительно: кое-что въ интересахъ научнаго освѣщенія грамматическихъ вопросовъ слѣдовало бы даже оставить въ сторонѣ или сократить, какъ мнѣ кажется, по высказаннымъ ниже соображеніямъ. Но рядомъ съ этимъ читатель поражается скудостью приводимыхъ изъ живого языка данныхъ: правда, Гебауеръ воспользовался работами Шемберы, Бартоша (а именно первой частью его «Dialektologie moravská») и др., но очевидно въ этомъ направленіи, т. е. въ области изученія чешскихъ говоровъ, сдѣлано сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ отношеніи къ письменнымъ памятникамъ языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство выясняетъ намъ значеніе подготовительныхъ работъ, принадлежащихъ самому Гебауеру: если бы онъ самъ не потрудился надъ памятниками, факты древняго, письменнаго языка были бы представлены въ его грамматикѣ такъ же слабо, какъ факты языка живого. Гебауеръ самъ не работалъ надъ изученіемъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ — это и отразилось на его трудѣ. Конечно, поставить это обстоятельство въ вину почтенному ученому совершенно невозможно, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что имъ опредѣлился весь характеръ исторической грамматики Гебауера. Въ основаніе

Digitized by Google

ея положены не данныя живого языка, а свидѣтельства языка письменнаго, т. е. она построена не на томъ надежномъ историческомъ матеріалѣ, который извлекается изъ сравнительнаго изученія живыхъ говоровъ, а на томъ слабомъ, неотчетливомъ отраженіи языка, которое представляютъ изъ себя письменные памятники, да еще при условіяхъ преемственнаго, историческаго правописанія. Историческая грамматика Гебауера очень много выиграла бы, если бы въ ней почаще дѣлались заключенія отъ фактовъ современныхъ къ фактамъ древнѣйшимъ, если бы звуки и даже формы старочешскаго языка были возстановлены путемъ сравнительнаго изученія современныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, при чемъ данными письменнаго языка лишь подтверждалась правильность сдѣланныхъ выводовъ. Мнѣ кажется, что подробное и при томъ строго научное изученіе фонетики живыхъ говоровъ весьма часто давало бы болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій или характера отдѣльныхъ звуковъ въ старочешскую эпоху, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, графика которыхъ столь несовершенна и искусственна. Между тѣмъ авторъ, вмѣсто того, чтобы заняться нѣкоторыми тонкостями въ дѣйствительномъ, живомъ произношеніи звуковъ, удѣлилъ слишкомъ много мѣста тщательному разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій въ древнихъ чешскихъ памятникахъ. Правда, данныя древняго правописанія требуютъ подробнаго изученія, по скольку изслѣдователь надѣется открыть въ нихъ указаніе на живое произношеніе; но изученіе описокъ, ошибочныхъ пріемовъ, незаконныхъ увлеченій, систематическихъ отклоненій отъ произношенія ни въ коемъ случаѣ не должно входить въ задачу исторической грамматики. Гебауеръ, отведя этому излишнему балласту слишкомъ много мѣста, этимъ самымъ иногда совершенно затемняетъ сущность разсматриваемаго звукового явленія. Такъ, напримѣръ, послѣ перехода звука *u* въ положеніи за j и смягченными согласными въ *i*, написанія iu, yu и даже u древнихъ памятниковъ читались какъ *i*: lyud, liute, tissucz произносились lid, lité, tisíc; естественно, что звукъ *i* сталъ изо-

Digitized by Google

бражаться тогда не только буквами i, ii, y, ij и т. д., но также еще буквами iu, yu и даже иногда буквой u: tyusiucie, prawiciu (вм. pravici), radytyu (вм. raditi), trpietyu (вм. trpěti) и даже sluzuli вм. slúžili. Подобныя написанія для языковѣда имѣютъ лишь тотъ интересъ, что доказываютъ то, что, ко времени ихъ появленія въ древнечешской письменности, въ языкѣ уже совершился переходъ *u* за j и смягченными согласными въ *i*. Гебауеръ придаетъ этому чисто графическому явленію гораздо большее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ: посвятивъ ему цѣлый 168-й § (I, с. 216—218), онъ возвращается къ нему же въ § 170-мъ (с. 225) и не скупится на примѣры подобныхъ ошибочныхъ написаній. Правда, онъ и не признаетъ ихъ слѣдствіемъ только графическаго недоразумѣнія и объясняетъ ихъ какъ результатъ искусственнаго произношенія, архаизирующаго стремленія книжниковъ, которые знали въ своемъ языкѣ рядомъ съ древнимъ произношеніемъ dušu, dušiu новое duši и потому писали и даже искусственно произносили (с. 218) звуки *u*, *iu*, *iú*, *u* вм. первоначальныхъ *i* и *í*. Но проще думаю видѣть здѣсь простое и весьма обыкновенное графическое явленіе, сходное съ тѣмъ, которое вызывало въ среднегреческомъ языкѣ написанія οι, ει вм. первоначальныхъ υ, ι, или во французскомъ ai вмѣсто ожидаемаго e. Но если бы даже Гебауеръ былъ правъ и произношеніе съ *u*, *iu* вм. *i* встрѣчалось мѣстами въ искусственной рѣчи книжниковъ, неужели стоитъ упоминать, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ формъ склоненія, о такихъ написаніяхъ какъ snamenyu вм. znamení, lidyu вм. lidí въ р. мн. (III, с. 169 и 346) или hrziessyu вм. hřieši въ им. мн. (III, с. 47)? Тоже должно сказать о весьма распространенномъ пріемѣ изображать звукъ *i* буквами ie, о которомъ говоритъ § 170, а въ особенности стр. 224—225. Совершенно лишне было возвращаться къ подобнымъ написаніямъ къ морфологіи и приводить, напр. при разсмотрѣніи формъ дат. пад., spasenye вм. spasení (изъ болѣе древняго spaseniu), мѣст. пад. v mém kazanye вм. kazaní (изъ болѣе древняго kazaniu или kazanii), ср. III, 165 и 166. Мнѣ представляется, что

Digitized by Google

Гебауеръ, стремясь дать въ своей исторической грамматикѣ полную картину письменнаго языка, слишкомъ увлекался собраннымъ имъ матеріаломъ и, можетъ быть, даже умышленно не отдѣлялъ явленій языка и явленій графики. Это повело, однако, къ цѣлому ряду недоразумѣній. Особенно часто говоритъ Гебауеръ о явленіяхъ обратной аналогіи (zvratná analogie), смѣшивая при этомъ новые пріемы письма съ вновь появлявшимися звуками и звуковыми сочетаніями. Въ § 122 Гебауеръ говоритъ, что въ переходныя эпохи между двумя фонетическими явленіями, старшимъ—A и новѣйшимъ, смѣнившимъ его—B, когда A и B еще существовали рядомъ другъ съ другомъ, чередованіе A и B вызывало появленіе A (A′) и при первоначальномъ, древнѣйшемъ B (B′); напр. переходъ aj въ ej вызвалъ, по мнѣнію Гебауера, появленіе aj вм. древняго ej въ ту промежуточную эпоху, которая слѣдовала за указаннымъ переходомъ и предшествовала окончательному вытѣсненію звукового сочетанія aj черезъ ej; вм. zajtra, volajte появлялись zejtra, volejte; чередованіе zajtra и zejtra вызывало появленіе najsem вм. nejsem, odajdeme вм. odejdeme. Я никакъ не могу согласиться съ г. Гебауеромъ и допустить появленіе A′ вм. B′ подъ вліяніемъ ложной или обратной аналогіи: если *aj* по фонетическимъ причинамъ перешло въ языкѣ въ *ej*, то во-первыхъ не можетъ быть и рѣчи о продолжающемся чередованіи старыхъ формъ съ *aj* и новыхъ формъ съ *ej*, во-вторыхъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ожидать расширенія, распространенія произношенія съ *aj*, какъ противорѣчащаго дѣйствующему фонетическому закону. Не въ переходную эпоху отъ *aj* къ *ej*, а въ послѣдующее за совершившимся переходомъ *aj* въ *ej* время возможны новообразованія, гдѣ возстановляется, подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи, древнее *aj* вм. новаго *ej*, въ виду прекратившагося дѣйствія указаннаго закона объ измѣненіи *aj* въ *ej:* такъ вм. старочешскаго tejnú въ новочешскомъ появляется tajnú подъ вліяніемъ tajiti, tajemný (ср. с. 135). Въ виду этого я не допускаю возможности существованія въ языкѣ такихъ формъ какъ приведенное выше najsem,

Digitized by Google

и написанія naysem, odayme, sayde, гдѣ *ay* вм. первоначальнаго *ej*, доказываютъ по моему мнѣнію лишь то, что у писцовъ, употреблявшихъ ихъ, буквы ay изображали тотъ же звукъ что ey, что слѣдовательно въ ихъ языкѣ древнее ay читалось уже какъ *ey*. Гебауеръ былъ раньше того же мнѣнія (ср. его статью въ Listech fil. 1874 года), признавая въ написаніяхъ какъ naysem лишь графическое явленіе, но теперь (с. 137) онъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что подобныя явленія, вызванныя ложною аналогіей, имѣли мѣсто не только на письмѣ, но и въ живой рѣчи. Въ другихъ мѣстахъ книги это же положеніе высказывается съ значительными ограниченіями, а именно существованіе подобныхъ явленій допускается только въ искусственной рѣчи образованныхъ книжно людей: но и съ такими ограниченіями положеніе Гебауера представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ. Болѣе сомнительно, напр., чтобы даже въ искусственной рѣчи когда-нибудь говорилось sluonce, dluoho, ruocho; такія написанія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что *uo* напр. въ buoh уже перешло въ *ū* (būh), почему написаніе uo могло обозначать уже не только дифтонгъ uo, но и простой звукъ *u* (I, 263). Невѣроятно, чтобы nedawy, nechyž, posluchyte можно было читать такъ, какъ ихъ передаетъ Гебауеръ на с. 138, т. е. какъ nedavý, nechý, poslúchýte: буква y, послѣ перехода *ý* въ *ej*, стала обозначать и дифтонгъ *ej*, почему приведенныя написанія слѣдуетъ читать: nedavej, nechej, poslúchejte и т. п. Точно также daufati нельзя читать съ дифтонгомъ *au*, какъ это дѣлаетъ Гебауеръ (с. 263); *au* передаетъ здѣсь звукъ *ou*, что стало неизбѣжнымъ послѣ перехода дифтонга *au* (напр. въ saud) въ *ou* (soud). Увлеченіе письменными данными языка привело Гебауера и къ другимъ ошибкамъ: такъ, признавъ что написанія съ *au*, *aj* выражаютъ именно дифтонги съ слоговымъ *a*, онъ (с. 282) на основаніи рукописныхъ mlayn, daym, maydlo и т. п. дѣлаетъ выводъ о томъ, что *ý* измѣнилось въ старочешскомъ въ *aj*, а потомъ уже явилось *ej* (совр. mlejn, dejm). Между тѣмъ одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ, гдѣ *aj* замѣнило древнее *ý* заимствованъ изъ рукописи

Digitized by Google

Svato-Vítské 1380—1400 (wayducz, также nebayway); а въ этой рукописи, какъ это видно изъ § 120, читается и weywody (3 л. наст. вр.); слѣдовательно, въ языкѣ писавшаго эту рукопись уже совершился переходъ *aj* въ *ej*, почему *aj* въ nebayway должно читать именно какъ *ej*. Такимъ образомъ памятники не даютъ Гебауеру основанія допускать посредствующую ступень между *ý* и *ej* въ видѣ дифтонга *aj*, и я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, что предположеніе перехода *ý* въ *aj* труднѣе понять, чѣмъ измѣненіе *y* въ *ej*, имѣя въ виду характеръ звука *y*, близость его къ *ъ* (откуда въ чешскомъ *e*).—Въ § 226 мы читаемъ объ измѣненіи *r* и *l* слоговыхъ въ *ri* и *li*; въ подтвержденіе такого явленія приводится изъ памятниковъ рядъ написаній, какъ twrido, sridcem, tryh, zmlikla, а также діалектическія формы, подобныя pryst, sryna, vryba, smryć, sryvatka и т. п. Мнѣ кажется, что въ современныхъ говорахъ дѣйствительно возможенъ переходъ слоговыхъ *r* и *l* въ ry и ly, но переходъ этотъ сравнительно новый и можетъ быть прежде всего сопоставленъ съ появленіемъ въ нихъ yr, yl вм. тѣхъ же слоговыхъ *r* и *l* (ср. въ Ляшскомъ говорѣ kyrk, syrp, Byrno при діалектическихъ srgp, krgk и т. д., Bartoš I, 104). Онъ не имѣетъ ничего общаго съ появленіемъ написаній какъ Brido въ хроникѣ Козьмы Пражскаго по рукописи 1154 г. или съ twrido въ одной рукописи XIII в.: *ri*, *ry*, *li*, *ly* латинскихъ и чешскихъ рукописей употребляются для приблизительнаго выраженія слоговыхъ *r* и *l*, подобно тому какъ тѣ же рукописи передаютъ ихъ и написаніями *ir*, *yr*, *il*, *yl* (ср. у Козьмы Пражскаго по рукописи XIII в. Byrdo; въ одной рукописи около 1300 г., гдѣ встрѣчается написаніе sirdcem, находимъ также sridcem и т. д.); *r* слоговое передается даже черезъ *iri:* ср. birizo въ той же рукописи XIII в., гдѣ и twrido (с. 298). Во всякомъ случаѣ предполагаемыя Гебауеромъ старочешскія діалектическія priv, tvrido перешли бы въ přiv, tvřido и ни въ коемъ случаѣ не отразились бы въ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ въ видѣ pryv, tvrydo. Приводимыя авторомъ въ подтвержденіе того, что *i*, *y* дѣйствительно изображаютъ звукъ *i*, напи-

Digitized by Google

санія, какъ drzizieti, omrzylec, okrzyslenye, частью должны быть поняты какъ простыя описки (drzizieti вм. drzieti), частью же дѣйствительно передаютъ звукъ ř, ничего общаго съ *r* слоговымъ не имѣющій: такъ okrzyslenye, т. е. okřslenie имѣетъ ř (а не слоговое *r*) изъ *rъ*, ср. еще krzysta (с. 291), т. е. křsta изъ krьsta: извѣстно, что первоначальнымъ *rъ*, *rъ*, *lъ*, *lъ* въ старочешскомъ соотвѣтствовали не слоговыя *r* и *l* (являвшіяся въ результатѣ первоначальныхъ *ъr*, *ъr*, *ъl*, *ъl*), а неслоговыя *r* (ř) и *l* (l): ср. старочешское krvavý (двусложно) при slza, klnu (односложны), см. у Гебауера с. 288, 349. — Вслѣдствіе смѣшенія фонетическихъ явленій съ графическими, читая нѣкоторые отдѣлы Исторической грамматики, я не могъ отдать себѣ отчета, говорится ли въ нихъ объ измѣненіи звуковъ или о вычурахъ правописанія. Такъ § 454 озаглавленъ «j присоединяется» (j se přisouvá); онъ разбитъ на нѣсколько пунктовъ, гдѣ указываются различныя положенія, при которыхъ имѣетъ мѣсто это явленіе; въ 16-мъ п. говорится о присоединеніи j по ложной аналогіи къ *d, m, s;* правда, ссылка на § 315, 356 и 398 показываетъ, что Гебауеръ въ написаніяхъ какъ gdiechu вм. diechu, jsam вм. sam, gmanowe видитъ лишь графическое явленіе, вызванное чередованіемъ написаній какъ gdu (jdu) и du, gmam (jmam) и mam, но во-первыхъ мысль эта въ § 356 выражена недостаточно ясно (*říkalo* se způsobem starším jmám, jméno atp., a způsobem novějším mieti, mám, méno atd., a podle toho zdalo se, že i místo man- může býti jman-; мы ожидали бы: *psalo* se způsobem starším gmam, gmeno и т. д.); во-вторыхъ говоритъ о присоединеніи j къ d, m, s въ §, гдѣ толкуется о такихъ явленіяхъ, какъ jíva, jiskra, jikra вм. íva, iskra, ikra, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы g (j) въ gsam, gdiechu выражало дѣйствительно звукъ j. Въ § 392, озаглавленномъ «h se přisouvá», приводятся случаи гдѣ hp замѣняетъ p: таковы написанія hpany, hpannu; Гебауеръ сопоставляетъ съ ними написаніе hb вм. b въ hbratr въ одной рукописи XIV в., признавая, что оно можетъ быть опиской писца. Но неужели h въ hpany выражаетъ дѣйствительно живой звукъ?

Digitized by Google

Не вызвано ли оно какой нибудь графической причиной, подобною той, которая дала возможность появленію написаній gsam, gdiechu?

Въ обоихъ указанныхъ §§, 454-мъ и 392-мъ, мы видимъ смѣшеніе фонетическихъ явленій не только съ графическими, но также и съ такими, которыя вызваны вліяніемъ аналогіи, при чемъ тутъ же приводятся случаи, всецѣло относящіеся къ морфологіи и словообразованію. Такъ въ п. 5 § 454-го говорится о приставкѣ *j* къ начальному *i* въ jiný, jikra, въ п. 10 о появленіи *j* въ положеніи между гласными, напр. въ случаяхъ какъ Marija вм. Maria, а въ п. 12 разсматриваются нарѣчія, оканчивающіяся на *j* и восходящія къ болѣе древнимъ формамъ безъ *j* (vícej, dálej), при чемъ *j* правильно объясняется здѣсь вліяніемъ случаевъ, какъ bohatěj вмѣсто bohatěji; а въ п. 13 приводится приставка *naj* при *na* въ образованіи превосходной степени (старочеш. návyšší при новочешск. nejvyšší), хотя тутъ же объясняется, что оба образованія *na-* и *naj-* восходятъ къ праславянской эпохѣ. Очевидно, въ §, гдѣ говорится о присоединеніи или вставкѣ *j*, не мѣсто говорить ни объ образованіи сравн. ст. нарѣчія, ни о приставкѣ, образующей превосходную степень.— Въ п.п. 1—8 § 392-го говорится о фонетическомъ появленіи h передъ начальными гласными, а также звуками r, l, n; поэтому мнѣ кажется неумѣстнымъ говорить въ п. 11 о діалект. hmoždíř вм. moždíř, такъ какъ, по объясненію самаго автора, *h* явилось здѣсь не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ слова hmoždíti (толочь); точно также въ п. 8 долженъ былъ бы быть выпущенъ примѣръ zkřehnouti вм. zkřenouti, такъ какъ h обязано своимъ появленіемъ вліянію слова křehký (ломкій, слабый).—Появленіе *v* въ причастныхъ формахъ vedv, přivedv, přinesv не подлежитъ обсужденію въ фонетикѣ (ср. I, 434), такъ какъ морфологія учитъ, что *v* заимствовано въ нихъ изъ формъ какъ dělav, prosiv, trpěv.—Въ § 427 идетъ рѣчь о приставкѣ звука *c* къ нарѣчнымъ формамъ, какъ діалект. jednúc, podruhúc вм. jednú, podruhú, тогда какъ *c* (общеслав. tj) представляетъ здѣсь словообразова-

Digitized by Google

тельный суффиксъ; говоря, что въ подобныхъ случаяхъ «c se přisouvá», Гебауеръ повторяетъ неточное выраженіе Бартоша (I, 16). — По всему видно, что Гебауеръ хотѣлъ въ 1-й части своего труда — фонетикѣ объяснить весь звуковой составъ чешскаго языка, независимо отъ того, какіе факторы при этомъ дѣйствовали — звуковые законы, законы словообразованія и образованія формъ. Подобная задача не только ненаучна, но и не выполнима. Ненаучна она потому, что кладетъ въ основаніе сравненія какую-то произвольную норму языка, признавая все несходное съ нею отклоненіемъ и объясняя это такими ничего не объясняющими терминами, какъ вставка, приставка, выпаденіе и т. п. Такъ Гебауеръ, исходя изъ исторически правильной формы moždíř (староверхненѣм. morsaere), говоритъ, что въ hmoždíř «h se přisouvá», а Бартошъ, исходя изъ литературной формы hmoždíř, учитъ, что въ діалект. moždíř «h se vysouvá» (I, 17): очевидно, фонетикѣ нечего дѣлать съ чередованіемъ hmoždíř и moždíř, такъ какъ оно принадлежитъ словарю, гдѣ и должно быть выяснено взаимное отношеніе обоихъ словъ. Не выполнима указанная выше задача потому, что, исходя изъ элементарнаго, ненаучнаго сравненія, можно пожалуй признать въ діалект. rybama при обычномъ rybami замѣну i черезъ a или въ формахъ р. мн. bohyní, otrokyní при bohyň, otrokyň «přisouvání í»: такое толкованіе ничѣмъ не отличается отъ приведеннаго выше объясненія jednúc изъ jednú приставкой звука *c;* но въ такомъ случаѣ въ фонетикѣ пришлось бы говорить обо всѣхъ формахъ склоненія и спряженія, такъ какъ онѣ по отдѣльнымъ эпохамъ и говорамъ отличаются между собой именно звуковою стороной.

И такъ, Гебауера можно упрекнуть въ томъ, что онъ не точно опредѣлилъ задачу составленной имъ фонетики. Предметомъ этого отдѣла исторической грамматики должно быть ученіе о звукахъ самихъ по себѣ, т. е. объ измѣненіяхъ ихъ, не зависящихъ отъ того, въ какихъ именно формахъ или словахъ они находятся. Слѣдовательно, сюда прежде всего относится изложеніе звуковыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ различныя эпохи

Digitized by Google

существованія языка; далѣе сюда же относятся довольно впрочемъ рѣдкія явленія, состоящія въ измѣненіи звуковъ подъ вліяніемъ звуковой ассоціаціи, независимой отъ слова или формы. Къ такимъ явленіямъ относится напр. появленіе h передъ начальнымъ ř въ діалект. hřešeto, hřemen, hřebř (стр. 464), при чемъ hř вмѣсто ř вызвано чередованіемъ въ тѣхъ же діалектахъ звуковъ hř и ř, напр. въ началѣ словъ hřebík и řebík, гдѣ h вм. ž имѣетъ, повидимому, фонетическое происхожденіе (ср. I, 518). Что касается явленій, подобныхъ замѣнѣ этимологическаго *c* звукомъ *t'*, напр. въ діалект. t'ihła, řét'i вм. cihła, řéci (ср. I, 501), то здѣсь, думаю, мы имѣемъ дѣло не съ вліяніемъ аналогіи, какъ это допускаетъ Гебауеръ,—аналогіи, вызывавшей *t'* вм. *c* вслѣдствіе фонетическаго перехода *c* въ *t'*, при чемъ, слѣдовательно, чередованіе dáci и dát'i, cichý и t'ichý вызывало при řéci—řét'i, при cihła—t'ihła,—а со смѣшеніемъ звуковъ c' и t', и всего вѣроятнѣе съ измѣненіемъ ихъ въ одинъ общій звукъ, средній между c' и t'.

Впрочемъ, автора Исторической грамматики нельзя обвинить въ стремленіи, свойственномъ многимъ изъ послѣдователей новограмматиковъ, отводить дѣйствію аналогіи слишкомъ обширный просторъ. Онъ постоянно предпочитаетъ прямое, фонетическое объясненіе. Вотъ почему мы почти не находимъ у него искусственныхъ предположеній о существованіи ассоціативной связи между такими формами, которыя имѣютъ лишь отдаленное отношеніе другъ къ другу. Впрочемъ, мнѣ кажется, что иногда и Гебауеръ, допуская вліяніе аналогіи, впадаетъ въ ошибку. Такъ въ т. I, с. 148—149 діалектическое р. мн. semán (а также klevát, klepát и др.) онъ объясняетъ вліяніемъ формъ р. мн. какъ hláv, hromád, voblák, housát, откуда á переносилось на мѣсто e. Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такое á проникаетъ только въ окончанія en и et: klevát, при klevety, klevetě, діалект. kleveti, являлось не подъ вліяніемъ hláv, voblák, а только подъ вліяніемъ формъ склоненія, какъ housát, prasát при housěte, prasěti. Но semán, очевидно, требуетъ иного

Digitized by Google

объясненія: эту форму слѣдуетъ сопоставить съ тѣми новообразованіями въ склоненіи основъ средняго рода на-men-, на которыя Гебауеръ не обратилъ достаточнаго вниманія; я говорю о старочешскихъ формахъ, подобныхъ приведеннымъ имъ (III, 416, 418) — z wymyene, vymyen, гдѣ myе слѣдуетъ читать какъ mě; vymĕne явилось вмѣсто vymene подъ вліяніемъ им. ед. vymě, подобно тому какъ въ древнерусск. языкѣ сѣмяни, веремяни, вм. сѣмени, веремени, возникли подъ вліяніемъ сѣмя, веремя; при vymĕne р. мн. былъ vymán по общему закону о чередованіи звуковъ ě (въ концѣ слова или передъ смягченной согласной) и á (передъ твердой согласной), ср. русскую форму сѣмянъ. Что же касается формы род. мн. koňán, то ā восходитъ въ ней, если не ошибаюсь, къ долгому ē, фонетически измѣнившемуся въ чешскословацкую эпоху, какъ я покажу во II части этого разбора, въ дифтонгическое сочетаніе iā, откуда въ чешскомъ нарѣчіи передъ твердыми согласными ā. Въ виду этого фонетическаго перехода, возможно, что и klevát, semán явились вмѣсто klevēt, semēn фонетически и сохранили свое ā подъ вліяніемъ указанныхъ аналогій. Формы имен. множ. основъ мужскаго рода въ чешскомъ языкѣ представляютъ нѣкоторыя трудности при объясненіи ихъ происхожденія: благодаря прекрасному и весьма обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ формъ въ § 35 III части грамматики Гебауера, мы можемъ въ настоящее время судить о степени распространенности той или другой изъ нихъ и о взаимномъ между ними отношеніи. Особенное вниманіе обращаютъ словацкія формы на -ovia и -ia: synovia, chlapovia, ľudia, židia, pohania; Гебауеръ объясняетъ ихъ окончаніе вліяніемъ формъ какъ bratia при brat, kňažia при kňaz, бывшихъ нѣкогда формами им. ед. существительныхъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ. Такое объясненіе находитъ подтвержденіе въ сходномъ происхожденіи русскихъ окончаній на ья вм. е, и (напр. сыновья́, зятья́, мужья́), но это самое сходство вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на указанныя словацкія формы: дѣло въ томъ, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣ-

Digitized by Google

когда, а діалектически существуютъ и теперь, формы им. мн. съ окончаніемъ *я* — сынóвя, татáровя, мѣщáня, дворя́ня, бояря; это *я* фонетически замѣнило древнее окончаніе *е* по тому же закону, по которому во многихъ русскихъ говорахъ, и между прочимъ въ сѣверновеликорусскихъ, неакающихъ,— есте, прощáйте измѣнились въ естя, прощáйтя, мене, тебе измѣнились въ меня, тебя. Въ этомъ русскомъ явленіи я вижу указаніе на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ конечное е звучало открыто, какъ ä. Имѣя въ виду соотвѣтствіе великорусскимъ меня, тебя (прарусскимъ menä, tebä) словацкихъ формъ tebä, sebä, teb'a, seb'a, mňa, mnä, mna и т. д., мы въ правѣ предположить, что и въ прасловацкомъ конечное открытое *е* звучало открыто, какъ ä, переходя при извѣстныхъ условіяхъ въ *а*. Дѣйствительно, объяснять словацкія tebä, sebä изъ tebe, sebe вліяніемъ формъ t'a, sa представляется столь же сомнительнымъ, какъ давать подобное объясненіе русскимъ тебя, себя вм. тебе, себе (выводя *я* изъ тя, ся). Напротивъ, словацкія teb'a, tebja, teba весьма удовлетворительно объясняются изъ tebä, такъ какъ звукъ ä въ словацкомъ былъ склоненъ къ переходу въ а: ср. болѣе древнія діалект. čäs, ulicä, prädza при болѣе новыхъ čas, ulica, pradza. Ниже я подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ возникалъ въ словацкомъ нарѣчіи звукъ ä, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что mňa, tebä, sebä доказываютъ: 1) что конечное *е* было въ прасловацкомъ, или точнѣе въ чешскословацкомъ, звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *а* (ä), 2) что звукъ ä переходилъ затѣмъ въ словацкомъ въ *а*, сохраняясь какъ ä лишь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, а именно въ большинствѣ говоровъ только послѣ губныхъ, мѣстами же и послѣ другихъ согласныхъ. Сдѣланныхъ выводовъ достаточно для признанія словацкаго l'udia фонетическимъ измѣненіемъ чешскословацкаго l'udiä (старочешск. liudÿe: III, 346). Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *ья*, явившееся фонетически вм. *ье* въ им. мн. людья, гостья, мужья, зя́тья съ одной стороны, въ им. ед. именъ собирательныхъ средняго рода, какъ ли́стья, зу́бья, ко́лья съ другой, переносилось затѣмъ

Digitized by Google

на мѣсто окончанія -*я* въ словахъ какъ татаровья, мужевья [1]), такъ же точно въ словацкомъ *ia* изъ словъ какъ l'udia, hostia, mužia переносилось на мѣсто окончанія ä или *a* въ *synóvä, *pohan'a, діалект. морав. Brodzaňa, Bánovjaňa (III, 74) — ср. словацк. synovia, pohania, діалект. моравск. Brezovania (III, 74). Впрочемъ, перенесеніе iä изъ формъ какъ ludiä, mužiä въ другія имена мужск. рода относится еще къ чешскословацкой эпохѣ: въ чешскомъ нарѣчіи *iä* фонетически измѣнялось въ *í* (ср. р. ед. znamení изъ znamenia, непосредственно же изъ znameniä) черезъ посредство ie (znamenie): формы им. мн. на í, о которыхъ Гебауеръ говоритъ въ т. III, сс. 46—47 и 51, сомнѣваясь, возводить ли *í* къ *ie* или признать *í* удлиненіемъ *i*, несомнѣнно относятся сюда: ср. старочешск. mystrzij, kmotřj, діалект. chłapí (русск. холопья при холопи), drozdí, и даже ptácí, vojácí. Старочешское окончаніе *ie*: czertye, czerwíe, vlcie, mnyssye, hadie, zydye (ср. словацк. židia), šířie (ср. русское шурья), hawranyee (русское воро́нья) и т. д. (III, 50—51),— ясно указываетъ, что современное діалект. *í* въ židí, vlcí, hadí и т. д. можетъ восходить къ *ie*, при чемъ сопоставленіе словацкихъ židia, šúrja съ приведенными выше формами дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что *ie* восходитъ къ *iä* (которое въ свою очередь въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовало болѣе древнему ie). Распространенію окончанія им. мн. ie (изъ iä) могли содѣйствовать еще имена средняго рода съ значеніемъ собирательнымъ, какъ listie, kvietie, kamenie, plamenie, uhlie (III, 171—172), которыя, въ настоящей ихъ формѣ listí, kvítí, kamení и т. д., принимаются за им. мн. при list, květ, kámen (ср. III, 171 и 51): ср. подобное же вліяніе собирательныхъ на распространеніе окончанія -*ья* въ русскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ окончаніе iä (откуда въ словацкомъ ia и старочешскомъ ie) ассоціировалось съ окончаніемъ им. ед. собирательныхъ женскаго рода, какъ kňažia, bratia (откуда kněžie, bratie въ старочешскомъ)

1) Такому перенесенію окончанія -ья способствовало въ особенности то, что въ прочихъ падежахъ мн. ч. склоненіе татаровя и людья было сходно: татаровей, людей, татаровямъ, людямъ.

Digitized by Google

и этимъ еще болѣе пріобрѣтало право гражданства: ср. подобную же ассоціацію въ русскомъ языкѣ, гдѣ им. ед. ж. р. княжья, откуда подъ вліяніемъ формы князи—князья, сталъ им. мн. муж. рода. И такъ, подводя итогъ всему вышеизложенному, мы видимъ, что Гебауеръ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію собирательныхъ женск. р. на появленіе окончанія *ia* въ им. мн. мужск. р.: онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что *ia* явилось собственно фонетически изъ *iä* въ склоненіи основъ на *i*, при чемъ звуковое совпаденіе его съ окончаніями *ia* собирательныхъ женск. рода и *ia* (изъ *iä*) собирательныхъ средн. р. способствовало распространенію его насчетъ другихъ окончаній им. мн. мужск. р. (*i*, *ove*, *e*, *y* и др.[1]).

Выше я отмѣтилъ, что въ фонетикѣ, т. е. въ 1-й части Исторической грамматики, Гебауеръ недостаточно разграничилъ звуковыя явленія отъ явленій морфологическихъ и словообразовательныхъ съ одной стороны, графическихъ съ другой. Остановлюсь теперь на вопросѣ, какъ справился Гебауеръ съ собственно звуковыми явленіями. Въ изложеніи автора чешскій языкъ (čeština), въ разнообразныхъ его говорахъ и въ различныхъ эпохахъ его существованія, разсматривается какъ одно цѣлое: правда, при изложеніи отдѣльныхъ явленій Гебауеръ обращаетъ вниманіе на мѣсто и время, но въ его трудѣ не находимъ систематическаго обозрѣнія особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія, и только подробная выборка изъ шестисотъ страницъ 1-го тома можетъ дать намъ понятіе о совокупности звуковыхъ явленій, отличающихъ напр. словацкіе говоры отъ чешскихъ; еще труднѣе получить на основаніи грамматики Гебауера представленіе о томъ, какія именно звуковыя черты характеризовали чешскій языкъ въ отдѣльныя эпохи его существо-

1) Что касается чешск. é въ zemané, synové, старочешск. poȟané (III, 52), то оно замѣнило í подъ вліяніемъ e въ параллельныхъ формахъ žeměře (ср. старочешск. myessczenye, zemyenye), panove (новочешск. III, 49), какъ это правильно объясняетъ Гебауеръ (III, 49). Отсюда é распространялось и на случаи какъ židé, sousidé и даже ȟosté, listé (III, 52).

Digitized by Google

нія и какъ именно измѣнялся звуковой составъ во всемъ его объемѣ въ теченіе хотя бы исторической жизни чешскаго языка. Между тѣмъ одной изъ главныхъ задачъ исторической грамматики надо признать историческое разсмотрѣніе не только отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, но и всего звукового состава, такъ какъ исторія отдѣльныхъ звуковъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей всего звукового состава. Я далекъ отъ мысли утверждать, что историческая грамматика должна излагаться непремѣнно по вѣкамъ или эпохамъ, но думаю, что при всякомъ другомъ ея изложеніи въ нее должны быть включены отдѣлы, гдѣ давалась бы характеристика звукового состава отдѣльныхъ эпохъ. Кромѣ этого, исторической грамматикѣ можно ставить еще и другое требованіе: имѣя въ виду представить историческое развитіе языка, она должна разсматривать однородныя явленія, зависѣвшія въ своемъ происхожденіи отъ одной общей причины и возникшія въ одно и тоже время, не порознь, а вмѣстѣ, въ связномъ изложеніи. Этому требованію Историческая грамматика Гебауера, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ. Такъ, напримѣръ, измѣненіе звуковъ *a* и *u* въ направленіи къ *e* и *i* послѣ смягченныхъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ однородно; самъ Гебауеръ обозначаетъ его общимъ терминомъ «přehláska», между тѣмъ онъ не связываетъ въ своемъ изложеніи обоихъ этихъ явленій, и такимъ образомъ не даетъ возможности вникнуть въ дѣйствительную ихъ сущность. Еще яснѣе связь между измѣненіями ȳ въ *ej* и ū въ *au*: оба явленія разсматриваются отдѣльно, хотя авторъ и признаетъ ихъ однородными, что видно на ссылкахъ при §§ 197 и 217, гдѣ проводится мысль о томъ, что появленію дифтонговъ ви. долгой гласной способствовали сходныя явленія въ сосѣднихъ нѣмецкихъ говорахъ (mein вм. mīn, haus вм. hūs)[1]. Измѣненіе

1) Весьма любопытно, что чешское ī не измѣнялось въ дифтонгъ: это стоитъ въ несомнѣнной связи съ мягкостью предшествующей согласной, такъ какъ, вслѣдъ за отверденіемъ согласной передъ ī, происходило измѣненіе его въ ej (ср. *ej* вм. ī послѣ шипящихъ и свистящихъ: zejma, sejto, nožejk, о чемъ у Гебауера въ § 166, 2—4).

Digitized by Google

t, d, n въ смягченные звуки передъ *i* разсматривается отдѣльно для каждаго изъ этихъ звуковъ въ §§ 304, 317 и 290, между тѣмъ какъ появленіе смягченія при всѣхъ этихъ звукахъ совершенно однородно и должно было бы быть разсмотрѣно въ общей связи съ появленіемъ и другихъ смягченныхъ согласныхъ (b′, p′ и др.) передъ звукомъ *i*. Вслѣдствіе того, что вниманіе Гебауера сосредоточивалось на отдѣльныхъ звукахъ, а не на явленіяхъ въ ихъ исторической послѣдовательности, мы находимъ иногда въ одномъ и томъ же § изложеніе явленій, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ эпохамъ. Такъ въ § 454, озаглавленномъ «j se přisouvá», говорится объ общеслав. *ja* вм. *a* въ jablъko, jagnę, *je* вм. *e* въ jesmь, а также объ общечешскомъ *ji* вм. *i* въ jíl, jizba, и о діалектическихъ *jo*, *ju* вм. *o*, *u*: sivé joči, ju studénky stála. Думаю, что бо́льшее разграниченіе отдѣльныхъ эпохъ и описаніе явленій во всемъ ихъ объемѣ, а не однѣхъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ звукахъ, въ результатѣ такихъ явленій, значительно бы облегчили Гебауеру составленіе картины историческаго развитія чешскаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ такое изложеніе освѣтило бы многіе темные вопросы фонетики въ особенности потому, что сосредоточило бы вниманіе тамъ, гдѣ теперь ему приходится дробиться, отвлекаясь разсмотрѣніемъ порознь отдѣльныхъ результатовъ одного и того же общаго явленія.

Письменные памятники не всегда даютъ надежный матеріалъ для опредѣленія звукового состава минувшихъ вѣковъ: дѣйствительно, преемственность письма, книжнаго языка, да и самой литературы неминуемо ведетъ за собой перенесеніе изъ одной литературной эпохи въ другую звуковъ и формъ, давно исчезнувшихъ въ языкѣ, чуждыхъ живому произношенію. Поэтому опредѣлять эпохи историческаго развитія языка на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ письменныхъ памятниковъ, очень трудно и ненадежно; излагать ходъ развитія языка по вѣкамъ, давая характеристику каждаго вѣка и указывая, какія въ немъ совершились звуковыя измѣненія, невозможно, такъ какъ,

Digitized by Google

создавая искусственныя грани, изслѣдователь подвергаетъ себя опасности представить свой предметъ въ искусственномъ, ненаучномъ освѣщеніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что письменные памятники, связанные съ опредѣленной эпохой, бросающіе свѣтъ на языкъ извѣстнаго вѣка, должны быть разсматриваемы лишь какъ второстепенный источникъ, при историческомъ изслѣдованіи. Главнымъ источникомъ, откуда извлекается надежнѣйшій и важнѣйшій матеріалъ для исторической грамматики, это, конечно, современные живые говоры: изученіе ихъ приводитъ къ опредѣленію и характеристикѣ предшествовавшихъ современному состоянію языка эпохъ. Подобно тому какъ сравнительное изученіе славянскихъ языковъ приводитъ къ возстановленію языка общеславянскаго, т. е. той эпохи совмѣстной жизни славянскихъ племенъ, въ которую еще не успѣли образоваться тѣ племенныя различія, которыя частью были слѣдствіемъ, а частью причиной распаденія первоначальнаго единства, точно такъ же сравнительное изученіе современныхъ чешскихъ говоровъ даетъ намъ представленіе о звуковомъ и формальномъ составѣ общечешскаго или прачешскаго языка. Гебауеръ въ своей грамматикѣ различаетъ обѣ указанныя эпохи — общеславянскую (praslovanská doba) и общечешскую (čeština, česká doba), но нигдѣ не указываетъ, какими данными должно руководиться при характеристикѣ этой послѣдней — общечешской эпохи, гдѣ искать тѣхъ признаковъ, которые отдѣляютъ ее отъ послѣдующихъ эпохъ, когда чешское единство замѣнилось нѣсколькими нарѣчіями, живущими обособленной жизнью. Въ предисловіи къ I тому онъ говоритъ, что раздѣленіе на нарѣчія восходитъ къ глубокой древности, такъ какъ уже въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются очевидные признаки діалектическихъ отличій, но отсюда не дѣлается естественнаго вывода, что изслѣдователь, въ предѣлахъ историческаго развитія чешскаго языка, долженъ различать по крайней мѣрѣ двѣ эпохи — эпоху совмѣстной жизни современныхъ нарѣчій и эпоху отдѣльной ихъ жизни. Я думаю, что историческая грамматика чешскаго языка (фонетика) должна распадаться на

Digitized by Google

два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ обнять древнѣйшую эпоху языка, когда еще не обозначились черты современныхъ нарѣчій, а второй долженъ содержать характеристику послѣдующей эпохи и современнаго состоянія чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ говоровъ. Такое расположеніе исторической грамматики, помимо цѣлаго ряда удобствъ и наглядности послѣдовательнаго развитія звуковыхъ явленій, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ существованія того чешскаго единства, изъ котораго, какъ изъ положенія безспорнаго, исходитъ Гебауеръ. Главныя разновидности чешскаго языка сказываются съ одной стороны въ чешскихъ, а съ другой въ словацкихъ говорахъ: Гебауеръ не допускаетъ, очевидно, сомнѣнія относительно того, что тѣ и другіе говоры восходятъ къ одному общему праязыку, прачешскому или общечешскому, такъ какъ нигдѣ въ его трудѣ не встрѣчается даже намека на возможность иного предположенія, а именно, что чешскіе и словацкіе говоры восходятъ къ различнымъ праязыкамъ, бывшимъ равноправными и самостоятельными членами славянской семьи языковъ. Между тѣмъ именно такое предположеніе сдѣлано въ недавно вышедшей II части Лекцій по славянскому языкознанію Флоринскаго (1897 г.), который успѣлъ воспользоваться 1-мъ томомъ Исторической грамматики Гебауера: очевидно, собранныя въ ней данныя не убѣдили уважаемаго профессора въ существованіи чешско-словацкаго единства, и въ этомъ я вижу подтвержденіе высказанной выше мысли, что расположеніе матеріала въ трудѣ Гебауера не даетъ ясной картины историческаго развитія чешскаго языка. Со своей стороны я ни мало не раздѣляю увлеченія г. Флоринскаго, такъ какъ, напротивъ, въ отдѣльныхъ экскурсахъ грамматики Гебауера находится много данныхъ, доказывающихъ существованіе чешско-словацкаго единства, во время котораго произошло не мало существенныхъ звуковыхъ измѣненій, общихъ поэтому и чешскимъ и словацкимъ говорамъ (въ ихъ исторіи); но выражаю искреннее желаніе, чтобы, при новой обработкѣ 1-й части Исторической грамматики, лучшій знатокъ чешскаго языка —

Digitized by Google

проф. Гебауеръ далъ бы намъ характеристику звукового состава чешско-словацкаго періода и затѣмъ показалъ бы, какимъ путемъ онъ измѣнился въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ.

Гебауера можно упрекнуть еще въ томъ, что онъ не опредѣлилъ отношенія чешскаго языка къ прочимъ западно- или, какъ ихъ называетъ проф. Флоринскій, сѣверо-западно-славянскимъ языкамъ. Мы въ правѣ ожидать отъ исторической грамматики чешскаго языка рѣшенія вопроса, можно ли допустить между эпохами общеславянскаго и затѣмъ чешскаго единства промежуточную эпоху — единства западно-славянскаго. Объ этомъ, къ сожалѣнію, Гебауеръ ничего не говоритъ, хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей фонетики онъ упоминаетъ о томъ, что то или другое явленіе обще всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ. Такъ на с. 329, говоря о чешскомъ *ř* и сопоставляя его съ одной стороны съ польскимъ *rz*, верхнелуж. *ř*, нижнелуж. *š*, съ другой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чешскаго языка нѣтъ данныхъ для предположенія о слишкомъ глубокой древности измѣненія *r* въ *ř* (убѣдительнѣе была бы ссылка на словацкое нарѣчіе, о которомъ упомянуто лишь мимоходомъ на слѣдующей, 330-й страницѣ), Гебауеръ говоритъ, что чешское *ř* замѣнило *r* только въ позднѣйшую, историческую эпоху и что поэтому польское и лужицкое *ř* не восходятъ къ эпохѣ западно-славянскаго единства, а возникли позже, на почвѣ отдѣльной жизни каждаго изъ этихъ языковъ. Напротивъ, говоря о стяженіи *oa* (изъ *oja*), *oe* (изъ *oje*) въ *á*, *é* и принимая въ расчетъ, что въ этомъ явленіи сходятся между собою всѣ западно-славянскіе языки, Гебауеръ выводитъ отсюда, что оно восходитъ къ доисторической эпохѣ, очевидно допуская, что въ эту эпоху названные языки жили одной общей жизнью (с. 563). Но напр. на с. 309, излагая судьбу праславянскихъ сочетаній *tj*, *dj* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, авторъ не допускаетъ обще-западно-славянскаго измѣненія ихъ въ *c* и *dz* и довольно ясно высказываетъ мысль, что чешскія *c* и *z* (словацкое *dz*) развились самостоятельно отъ польскаго *c* и *dz*, лужицкихъ

Digitized by Google

c и *z* (ср. тоже на сс. 383, 400, 468). Сравнивая оттяжку ударенія, вызвавшую нынѣшнюю систему удареній въ чешскомъ языкѣ, съ подобною же оттяжкой въ польскомъ, кашубскомъ и лужицкихъ языкахъ (с. 574), Гебауеръ не признаетъ ее общезападно-славянской, хотя и выводитъ удареніе чешскаго hòspoda, верхнелужицкаго hòspoda, польскаго gospòda изъ общей формы gospòda, — чешскаго kòleno, польскаго kolàno изъ общей формы kòleno: соображенія на с. 583 показываютъ, что онъ считаетъ оттяжку ударенія моложе, чѣмъ правило о выпаденіи ъ и ь (jerové pravidlo), такъ какъ иначе šьvьcь, šьvьcьmь не измѣнились бы въ старочешскомъ въ švec, ševcem. Но во всякомъ случаѣ важно то, что нѣкоторыя изъ чешскихъ звуковыхъ явленій Гебауеръ рѣшился возвести къ эпохѣ западно-славянскаго единства. Было бы весьма важно, если бы авторъ сгруппировалъ всѣ эти явленія и такимъ образомъ установилъ бы существованіе переходной эпохи между обще-славянской и чешско-словацкой эпохами: изъ нѣкоторыхъ положеній Исторической грамматики видно, что и Гебауеръ предполагалъ существованіе такой промежуточной стадіи въ развитіи чешскаго языка, называя ее doba předhistorická, но не ясно, отождествлялъ ли онъ ее всякій разъ съ dobou jednoty západoslovanské. Мнѣ кажется, что къ западно-славянской эпохѣ должно относить: переходъ общеславянскихъ сочетаній, замѣнившихъ первоначальныя *tj*, *dj* въ *c* и *dz* (діалектически *ẑ*); палатализацію согласныхъ передъ гласными передне-нёбными: i, e, ę, ь; измѣненіе европейскаго *l* въ ł въ положеніе передъ нѣкоторыми гласными (задне-нёбными) и согласными; переходъ *s* смягченнаго (изъ *x* въ положеніи послѣ передне-нёбной гласной, также передъ новымъ *n̓* изъ дифтонга *oi*) въ *š*[1]); выпаденіе неслогового *i* въ положеніе между двумя гласными и стяженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одну долгую гласную; сокращеніе долгихъ гласныхъ подъ особымъ видомъ ударенія, соотвѣтствую-

1) Я думаю, что словацкое *š* въ muse (чешское mouše), ženiši (чешское ženiši) новаго происхожденія и явилось подъ вліяніемъ *c* и *z* изъ *k* и *h*; ср. словацкое š въ však.

Digitized by Google

щаго сербскому нисходящему (ruku, rękę, ср. сербск. рȗку); оттяжка ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова. Вѣроятно, къ той же эпохѣ относятся еще нѣкоторыя другія звуковыя явленія, ближайшее опредѣленіе которыхъ принадлежитъ сравнительной грамматикѣ западно-славянскихъ языковъ; но и перечисленныхъ вполнѣ достаточно, чтобы признать эту эпоху довольно продолжительною и важною по своимъ послѣдствіямъ для послѣдующаго развитія отдѣльныхъ членовъ распавшейся затѣмъ западно-славянской семьи языковъ. Сравненіе чешскаго языка съ верхне-лужицкимъ открываетъ также ближайшее между ними родство (ср. одинаковое мѣсто главнаго ударенія въ словѣ, вытѣсненіе звука *g* звукомъ *h*, переходъ ę въ *a*, смягчающее предшествующую согласную и др.): историкъ чешскаго языка долженъ объяснить эти отношенія, опредѣливъ ихъ или ближайшимъ сосѣдствомъ или тѣмъ, что чешскіе и верхне-лужицкіе говоры жили нѣкогда общею жизнью. Къ сожалѣнію, Гебауеръ не остановился на этомъ вопросѣ: связавъ чешскій языкъ съ обще-славянскимъ и даже индо-европейскимъ праязыками, онъ оторвалъ его отъ той семьи или группы славянскихъ языковъ, къ которымъ онъ наиболѣе близокъ.

II.

Мой разборъ Исторической грамматики Гебауера былъ бы неполонъ, если бы я не остановился на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній и выводовъ автора. Разсмотрю ихъ въ прилагаемомъ краткомъ очеркѣ тѣхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка, которыя представляютъ наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшія трудности для изслѣдователя.

---

1. **Смягченіе согласныхъ.** Въ §§ 258 и слѣд. Гебауеръ подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи чешскаго *ř* изъ *r*. Установивъ въ § 261, что всякое *ř* восходитъ непосред-

Digitized by Google

ственно къ ŕ, т. е. къ смягченному *r*, авторъ возводитъ это старочешское (существовавшее еще въ историческое время) ŕ частью къ общеславянскому ŕ (изъ *rj*, напр. въ старочешск. moŕe, откуда новочешское moře, словацкое more), частью же къ общеславянскому *r*, смягчившемуся въ чешскую эпоху (v češtině; na půdě české) передъ -i, -ě, -ie, -¹a, -¹á, -¹ú, -e (первоначальнымъ) и -ь. Приведенные знаки, означающіе звуки, передъ которыми смягчалось въ чешскомъ языкѣ *r*, принадлежатъ Гебауеру, при чемъ ě обозначаетъ краткій звукъ, соотвѣтствовавшій общеславянскому ѣ; *ie* — дифтонгическое сочетаніе, соотвѣтствовавшее частью общеславянскому *ѣ*, гдѣ, по условіямъ чешской фонетики, онъ сохранялъ свою долготу, частью же общеславянскому сочетанію іде[1]), утратившему еще въ эпоху западно-славянскаго единства į; -¹a обозначаетъ, какъ это видно изъ § 90, дифтонгическое сочетаніе ia или ja, гдѣ i, į исчезли впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи языка, при чемъ это звуковое сочетаніе соотвѣтствовало общеславянскому ę (ср. с. 51: za psl. ę je původní česká střídnice ¹a); -¹á означаетъ тоже звуковое сочетаніе *ia* или ja, но съ долгой гласной *a* и соотвѣтствуетъ частью общеславянскому ę, сохранившему свою первоначальную долготу, частью же общеславянскому сочетанію -іja (по Гебауеру -ьja); наконецъ, -¹ú означаетъ звуковое сочетаніе *iu* или ju съ долгимъ *u* и соотвѣтствуетъ общеславянскому iju. Замѣчу теперь же, что я совершенно расхожусь съ Гебауеромъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ чешскословацкихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній въ ихъ отношеніи къ звукамъ общеславянскаго языка: такъ, допуская, что общеславянскому *ѣ* соотвѣтствовало сочетаніе *ie* тамъ, гдѣ оно въ чешскословацкомъ сохраняло долготу, я думаю, что, при его сокращеніи, получалось сочетаніе je, т. е. неслоговое *i* + *e* слоговое, откуда далѣе еще въ чешскословацкую эпоху явилось *e*,

1) Гебауеръ въ § 477 (с. 559) и въ другихъ мѣстахъ принимаетъ для общеславянскаго языка -ьje въ словахъ какъ listьje, znamenьje. Считаю это такъ же неосновательнымъ, какъ возведеніе чешскаго dobrý къ dobrъjь, а не къ dobryj (изъ dobryjь), о чемъ см. вѣрныя замѣчанія Ягича въ Archiv XVI, 516.

Digitized by Google

смягчающее предшествующую согласную (mѣra измѣнилось въ чешскословацкое въ miera, ср. старочешское и словацкое miera, новочешское míra; mѣna измѣнилось въ mjena, откуда m'ena, ср. новочешское и словацкое měna). Далѣе общеславянское ę, какъ я обстоятельнѣе скажу объ этомъ ниже, измѣнилось, думаю, въ чешскословацкомъ не въ ja и не въ *ia*, а въ *a* краткое и долгое, со смягченіемъ предшествующей согласной. Наконецъ, общеславянскимъ сочетаніямъ ija, iju въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовали, какъ мнѣ кажется, не jā, jū (или iā, iū), а *ia*, *iu*, ср. въ словацкомъ, гдѣ сохранилось je изъ чешскословацкаго *ie*, звуковыя сочетанія ja, ju изъ *ia*, *iu* въ znamenia, znameniu.

Имѣя въ виду, что словацкое *r* въ more, mora во всякомъ случаѣ восходитъ къ чешскословацкому ŕ (moŕe, moŕa), такъ какъ *r* было здѣсь смягчено еще въ общеславянскую эпоху, мы въ правѣ выводить всякое словацкое *r* передъ *i*, *e* и вообще палатальными гласными изъ чешскословацкаго ŕ (prišel, prez и т. д. изъ pŕišel, pŕez), ср. бѣлорусское и червонорусское отвердѣніе всякаго *r*. Слѣдовательно, приведенное выше положеніе Гебауера относительно чешскаго ŕ (откуда ř) можно изложить слѣдующимъ образомъ: въ чешскословацкую эпоху *r* звучало смягченно во-первыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому смягченному *r* (случаи какъ moŕe, moŕa), во-вторыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому несмягченному *r* передъ всякой гласной, или сохранившей свою палатальность (напр. передъ e, je, ie, i), или утратившей это свое первоначальное свойство (напр. передъ *a* изъ ę), или наконецъ передъ совершенно утраченною въ языкѣ гласной, бывшею въ общеславянскомъ языкѣ палатальною (въ концѣ слова и передъ согласными, гдѣ за *r* слѣдовало нѣкогда ъ). Гебауеръ, какъ это видно изъ § 261, предполагаетъ, что ŕ изъ общеславянскаго несмягченнаго *r* появилось уже на почвѣ чешскаго языка, т. е. въ эпоху чешскославянскую; дѣйствительно, возводить его къ общеславянскому языку невозможно, хотя бы въ виду показаній старославянскаго языка, различавшаго ре̂, рѣ̂ и ре, рѣ; въ § 259 предположеніе о возможности

Digitized by Google

возведенія чешскаго ř къ эпохѣ западно-славянскаго единства основательно отвергается, въ виду показаній старочешскихъ памятниковъ, которые до конца XIII вѣка представляютъ написанія *rz, rs, zr* лишь въ единичныхъ случаяхъ, при чемъ еще въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV столѣтія держится r смягченное, изображаемое черезъ ry: ср. въ книгѣ Рожмберской около 1360 г.: po dworyech, въ легендѣ о св. Георгіи по рукописи половины XIV в.: wzkryesyl, въ рукописи третьей четверти XIV в. Адмонтскаго монастыря: hryechow, tryeba, pryed и т. д. (с. 329). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гебауеръ не противопоставляетъ опровергаемому имъ предположенію другого, вполнѣ согласнаго съ данными всѣхъ западно-славянскихъ языковъ, а именно, что уже въ эпоху совмѣстной ихъ жизни первоначальное *r* несмягченное палатализировалось передъ гласными *i* и *e*. Такое предположеніе частью подсказывается фактами самого чешскаго языка: дѣйствительно, допустивъ *чешскословацкій* переходъ *r* въ ř, мы весьма затруднились бы возстановить чешскословацкое произношеніе, напр.; слова hřada (гряда): если носовое *e* измѣнилось въ чешскословацкомъ языкѣ въ *a*, то вмѣсто западно-славянскаго gręda мы ожидали бы въ чешскословацкомъ hrada; чешское hřada ясно указываетъ, что носовое *e*, еще до измѣненія въ *a*, смягчило предшествовавшее ему *r*, а такъ какъ существованіе чешскословацкаго носового *e* не доказано, то естественнѣе всего допустить, что смягченіе *r* имѣло мѣсто еще въ западно-славянскомъ gręda. Такія же соображенія вызываетъ разсмотрѣніе случаевъ, гдѣ современное чешское ř объясняется вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ нѣкогда *ь*: этотъ звукъ, напр., въ концѣ слова, уже въ западно-славянскую эпоху не могъ звучать слишкомъ явственно; тѣмъ менѣе ясно произносился онъ въ чешскословацкомъ, а потому вѣроятнѣе допустить, что вліяніе его, сходное съ вліяніемъ палатальныхъ гласныхъ, относится еще къ эпохѣ западно-славянскаго единства; дѣйствительно, сопоставленіе чешскаго máteř, польскаго macierz, верхне-лужицкаго maćeŕ, нижне-лужицкаго maśeŕ ясно указываетъ на общую для западно-славянскаго един-

Digitized by Google

ства форму: mateŕ. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что вліяніе палатальныхъ гласныхъ на предшествующее r имѣло мѣсто до измѣненія звукового сочетанія oje въ e (черезъ посредство oe), такъ какъ эта новая палатальная гласная не смягчила предшествующаго r (ср. чешское dobrého); а это измѣненіе oje въ e имѣло мѣсто еще въ обще-западно-славянскую эпоху (ср. польское dobrego, верхнелужицкое dobreho). И такъ, предыдущее изслѣдованіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что уже въ обще-западно-славянскую эпоху r звучало смягченно передъ палатальными гласными. Такое звуковое явленіе несомнѣнно должно объяснять какъ ассимиляцію согласной r слѣдующей за ней гласной: органы рѣчи при произношеніи согласной r принимали уже то самое положеніе, которое необходимо для произведенія слѣдовавшей за ней гласной — e, ę, i (j), ь. Это объясненіе приводитъ насъ неминуемо къ дальнѣйшему выводу о томъ, что вмѣсто r явилось не прямо смягченное r, тожественное съ общеславянскимъ ŕ въ moŕe, а что оно замѣнялось различными оттѣнками палатальнаго r, зависѣвшими отъ качества слѣдующей палатальной гласной: передъ e r измѣнялось въ r полумягкое (r^e), передъ ь—также въ полумягкое r ($r^ь$), но передъ i—въ r мягкое (r^i), вѣроятно, тожественное съ полученнымъ изъ общеславянскаго языка r смягченнымъ (въ moŕe). Весьма вѣроятно, что тѣ же оттѣнки r^e, r^i и т. д. перешли и въ чешскословацкую эпоху, при чемъ, только благодаря появленію паразитнаго j, измѣнявшагося затѣмъ въ ž, всѣ эти оттѣнки совпали въ одномъ звукѣ—ř.

Допустивъ такимъ образомъ для обще-западно-славянской эпохи звуковое явленіе, состоявшее въ ассимиляціи звука r слѣдовавшимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, мы должны предположить, что въ ту же эпоху и прочія согласныя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя, по условіямъ образованія, стоятъ ближе всего къ согласной r, испытывали на себѣ ассимилирующее дѣйствіе слѣдовавшихъ за ними палатальныхъ гласныхъ. Прежде всего сюда относится звукъ l: въ § 278 Гебауеръ весьма основательно принимаетъ, что въ чешскословацкую эпоху

Digitized by Google

(v historické češtině) было два *l*; одно изъ нихъ было твердымъ (ł), а другое нетвердымъ; анализируя случаи, гдѣ являлось нетвердое *l*, онъ указываетъ, что оно соотвѣтствовало съ одной стороны общеславянскому смягченному *l* (напр. въ poľe, vóľa, при чемъ и для старочешскаго языка вполнѣ основательно принимается смягченное произношеніе *l*), а съ другой стороны общеславянскому *l* (střední l) въ положеніи передъ палатальными гласными. Отсюда легко сдѣлать выводъ, что въ чешскословацкомъ и въ старочешскомъ языкѣ рядомъ съ ł было извѣстно палатальное *l*, или, согласно предыдущему, рядъ палатальныхъ оттѣнковъ звука *l* (l^i, совпавшее съ смягченнымъ l общеславянскимъ — передъ i, l^e — передъ e и т. д.). Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ современныхъ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ съ ł находимъ Ľ (měkké Ľ, ср. с. 358—359) въ соотвѣтствіи со всѣми предположенными для чешскословацкой эпохи оттѣнками палатальнаго *l*. Въ старочешскомъ написаніе *ly* соотвѣтствуетъ не только общеславянскому смягченному *l* (dalyeko), но также вновь палатализованному *l* (alye); что же касается современныхъ чешскихъ, а также западно-моравскихъ говоровъ, то въ нихъ Ľ исчезло такъ же, какъ исчезло ł, замѣнившись новымъ звукомъ, очевидно неизвѣстнымъ въ чешскословацкую эпоху — звукомъ *l* (Гусъ приписывалъ появленіе *l* вм. ł нѣмецкому вліянію, ср. more Teutonicorum dicunt: milí pane; также: čechové, jenž mluvie odpoly česky a odpoly německy řiekajíc tobolka za tobołka, liko za łyko..., ср. у Гебауера с. 356—357). Сопоставляя сдѣланный выводъ о появленіи палатальныхъ оттѣнковъ *l* въ положеніи передъ палатальными гласными съ тѣмъ, что мы говорили выше объ измѣненіи *r* въ r^i, r^e въ обще-западно-славянскую эпоху, мы заключаемъ, что *l* измѣнялось въ l^i, l^e именно въ эту отдаленную эпоху. Прочіе западно-славянскіе языки вполнѣ подтверждаютъ такое заключеніе: ср. польское ł при Ľ, верхне- и нижне-лужицкое ł при Ľ. Но если въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя *r* и *l* испытывали на себѣ ассимилирующее вліяніе слѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ,

Digitized by Google

то естественно предположить, что и другія согласныя не могли сохраниться безъ измѣненія въ положеніи передъ гласными i, e, ę, ь и т. д.

Сравнительное изученіе всѣхъ западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что передъ звукомъ *i* всѣ согласныя — губныя и зубныя, измѣнившись въ направленіи къ *i*, были смягченными въ эпоху предположеннаго единства этихъ языковъ. Такъ въ современныхъ польскихъ говорахъ передъ *i*, кромѣ rz (изъ r^{i}), и l, мягки также и всѣ другія согласныя, при чемъ только исконно смягченныя š, ž, č, c, dz (и rz) отвердѣли въ такомъ положеніи, измѣнивъ при этомъ *i* въ *y*. Въ обоихъ лужицкихъ языкахъ согласныя передъ *i* мягки; въ верхне- и нижне-лужицкомъ — за исключеніемъ *s, c* (первоначальныхъ), а въ нижне-лужицкомъ — также š, ž, отвердѣвшихъ вообще и повлекшихъ за этимъ измѣненіе слѣдующаго *i* въ *y*. Въ современныхъ чешскихъ говорахъ передъ *i* смягченны всѣ согласныя, кромѣ губныхъ и отвердѣвшихъ при всякомъ положеніи s, c, z, но въ старочешскихъ говорахъ, а также въ современныхъ чешско-моравскихъ передъ *i* мягки и губныя: ср. въ рукописи XVI в. m̓íjl, p̓íjsse, гдѣ точка надъ *m, p* обозначаетъ ихъ мягкость (ср. Гебауеръ с. 412—415); въ совр. домажлицкомъ говорѣ pjít, zabjil, дудлѣбскомъ: pjivo, mjilost и т. д. Въ словацкихъ говорахъ въ настоящее время передъ *i* мягки только *t, d, n, l* (ž, č, š), но это объясняется тѣмъ, что губныя вообще потеряли въ нихъ способность смягчаться, *r*, какъ мы видѣли, отвердѣло при всякомъ положеніи, равно какъ отвердѣли согласныя *s, c, z* (ср. тоже въ совр. чешскихъ говорахъ), *dz*. Но палатализація согласныхъ въ общезападно-славянскую эпоху имѣла мѣсто не только передъ *i*, но также передъ *e*: съ одной стороны это доказывается польскимъ и лужицкими языками, гдѣ передъ древнимъ *e* мягки тѣ же согласныя, что и передъ древнимъ *i*, а съ другой чешско-словацкими говорами. Въ словацкихъ говорахъ *t, d, n,* смягчающіяся передъ *i*, смягчаются также передъ *e*: ťeplo, buďeťe, veďeny, ňebo и т. д.; мягки передъ *e* звуки *t, d, n* и въ восточно-моравскихъ

Digitized by Google

говорахъ: nĕsetĕ, vedĕtĕ (Губауеръ 371, 386). Мнѣ кажется, что эти смягченныя согласныхъ указанныхъ говоровъ должны быть возводимы къ чешско-словацкой и даже къ еще болѣе древней—обще-западно-славянской эпохѣ: но Гебауеръ, повидимому, съ этимъ не согласенъ, указывая во-первыхъ, что v češtině *n, t, d* не смягчаются передъ *e*, при чемъ эта черта отличаетъ чешскій языкъ отъ прочихъ западно-славянскихъ языковъ и сближаетъ его съ южно-славянскими (с. 370, 386, 403; очевидно, подъ терминомъ čeština разумѣется вся совокупность чешско-словацкихъ говоровъ въ ихъ историческомъ развитіи), во-вторыхъ, что смягченіе этихъ согласныхъ передъ *e* замѣчается только въ восточныхъ говорахъ, «na přechodu k polštině a ruštině» или «jež tu jsou jaksi přechodem k polštině a ruštině»; послѣднія слова указываютъ, что Гебауеръ не только не признаетъ ťe, ďe, ńe чешскословацкими звуками, но даже объясняетъ появленіе ихъ въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ близостью послѣднихъ къ польскимъ и русскимъ говорамъ. Имѣя въ виду, что въ фонетикѣ указанныхъ говоровъ чешскаго языка вообще нѣтъ основныхъ чертъ, роднящихъ ихъ, въ противоположность остальнымъ чешскимъ говорамъ, съ польскимъ или русскимъ языкомъ, замѣчаніе Гебауера можно понять только, какъ утвержденіе факта заимствованія словацкими и восточно-моравскими говорами фонетической черты сосѣднихъ говоровъ. Но такое утвержденіе должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто: 1) странно было бы предположить заимствованіе такой единичной звуковой черты для говоровъ, вообще свободныхъ отъ сосѣднихъ вліяній; 2) непонятно было бы, почему одновременно съ новымъ (не чешскословацкимъ) измѣненіемъ te, de, ne въ ťe, ďe, ńe не измѣнились se, ze въ śe, źe (ср. словацкое sestra, не śestra); 3) неясно было бы и то, какимъ путемъ словацкіе и восточно-моравскіе говоры, заимствуя у сосѣдей чуждую древнему языку черту, пришли къ различенію древняго *e*, смягчающаго предшествующія согласныя, и новаго, неспособнаго вызвать такое измѣненіе ихъ, т. е. почему, одновременно съ переходомъ nesu въ ńesu, — krásneho

Digitized by Google

(гдѣ *e* изъ первоначальнаго oje) не перешло въ krásńeho; synek (гдѣ *e* изъ *ъ*) — въ syńek. И такъ, предположеніе заимствованія словацкими и чешско-словацкими говорами смягченія согласныхъ *t, d, n* передъ *e* изъ польскихъ или русскихъ говоровъ не можетъ быть признано вѣроятнымъ; напротивъ, сохраненіе *te, de, ne* безъ измѣненія тамъ, гдѣ *e* не восходитъ къ первоначальному обще-славянскому *e*, является прямымъ указаніемъ на весьма древнее происхожденіе смягченныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ ťe, ďe, ńe, а сохраненіе se, ze, безъ измѣненія въ śe, źe прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что появленіе ťe, ďe, ńe древнѣе отвердѣнія *s* и *z*, имѣвшаго однако мѣсто еще въ чешскословацкую эпоху. И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что словацкія ťe, ďe, ńe восходятъ къ чешскословацкой эпохѣ: отсюда слѣдуетъ, что современныя чешскія и западно-моравскія te, de, ne не представляютъ первоначальнаго, чешскословацкаго произношенія и свидѣтельствуютъ объ отвердѣніи передъ *e* нѣкогда смягченныхъ согласныхъ. Косвеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу предположенія смягченныхъ *t, d, n* передъ *e* въ старочешскомъ языкѣ, даже послѣ отдѣленія его отъ словацкихъ говоровъ, служитъ измѣненіе чешскаго *a* за смягченной согласной въ *e* передъ слогомъ съ звукомъ *e*. Гебауеръ на с. 93 доказалъ, что появленіе Jene (зв. ед.) при Jan, zapoměneš при zapománi и т. д., т. е. вообще измѣненіе *a* въ *e*, имѣетъ мѣсто только передъ первоначальнымъ *e* (před *e* původním)[1]): очевидно, здѣсь вліялъ не звукъ *e*, такъ какъ суженіе мы находимъ и передъ слогомъ съ *i* и передъ согласными смягченными, а именно палатальность согласной передъ *e*. Ниже я укажу, что Гебауеръ ошибочно говоритъ о двухъ положеніяхъ, при которыхъ имѣлъ мѣсто переходъ *a* въ *e* (а именно о положеніи передъ смягченной согласной и о положеніи передъ слогомъ съ узкой гласной), вмѣсто того чтобы опредѣлять условія

1) Случаи какъ patero, desatero обязаны своимъ появленіемъ вліянію параллельныхъ образованій: patoro, desatoro (ср. словацкое pätorý).

Digitized by Google

разсматриваемаго перехода однимъ только положеніемъ—передъ смягченными согласными (нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи отвердѣли). Поэтому Jene при Jan служитъ для меня доказательствомъ смягченности *n* передъ *e* въ эпоху суженія *a* въ *e*. Противъ предположенія старочешскаго и чешскословацкаго произношенія ťe, ďe, ńe могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: смягченныя согласныя *t*, *d*, *n* въ чешскихъ говорахъ не отвердѣли передъ *i*; почему бы имъ отвердѣть передъ *e*? Чешскій языкъ до сихъ поръ знаетъ сочетанія tě, dě, ně (těsný, děd, němý): слѣдовательно, отвердѣніе *t*, *d*, *n*, передъ первоначальнымъ *e* нельзя приписывать вліянію самого этого звука *e*, напр. измѣненію его въ направленіе къ гласнымъ болѣе широкимъ. Но если появленіе te, de, ne изъ ťe, ďe, ńe не можетъ быть понято ни какъ слѣдствіе измѣненія согласныхъ, ни также, какъ слѣдствіе измѣненія гласной *e*, то можно ли вообще говорить о такомъ явленіи? Я думаю, что въ этой чертѣ чешской фонетики, отличающей ее отъ словацкой, мы имѣемъ любопытнѣйшее указаніе на то, что предположенное нами различіе въ степени смягченности палатальныхъ согласныхъ, возникавшихъ въ обще-западно-славянскую эпоху, сохранялось и въ чешскословацкую и даже еще въ позднѣйшую эпоху жизни чешскаго языка. Я указывалъ выше на то, что въ обще-западно-славянскую эпоху *r*, *l* передъ *i* измѣнялись въ r^i, l^i, а передъ *e* въ r^e, l^e; точно также, при p^i, m^i, n^i, t^i и т. д., въ положеніи этихъ согласныхъ передъ *i*, существовали, въ положеніи передъ *e*: p^e, m^e, n^e, t^e, т. е. рядомъ съ мягкими согласными были извѣстны и полумягкія. Мягкія согласныя сохранились въ чешскихъ говорахъ независимо отъ того, какая за ними слѣдовала гласная: ср. чешское ńit, и ně̂ho (гдѣ ń восходитъ къ обще-западно-славянскому n^i, въ первомъ словѣ изъ общеславянскаго *n*, а во второмъ изъ общеславянскаго n^i передъ древнимъ j). Напротивъ, полумягкія согласныя отвердѣли въ чешскихъ говорахъ опять таки независимо отъ гласной (n^esu перешло въ nesu, kosť съ полумягкимъ *t* въ kost). Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія со-

Digitized by Google

гласныя измѣнились въ мягкія: n'esu перешло въ n'esu, kosť въ kosť'. Лучшимъ подтвержденіемъ выставленнаго здѣсь предположенія о существованіи въ чешскословацкомъ языкѣ полумягкихъ согласныхъ служитъ судьба согласныхъ передъ древнимъ ъ. Гебауеръ на с. 371, 386, 403 рѣшительно утверждаетъ, что *n*, *d*, *t* не смягчаются передъ древнимъ ъ и при томъ не только въ чешскихъ, но вообще во всѣхъ говорахъ чешскословацкаго языка (впрочемъ, эта мысль выражена рѣзко только въ § 292, между тѣмъ какъ въ §§ 306 и 319 Гебауеръ говоритъ, что указанныя согласныя не смягчаются въ бо́льшей части говоровъ): случаи, гдѣ современные говоры имѣютъ смягченную согласную передъ древнимъ ъ, объясняются Гебауеромъ вліяніемъ аналогіи: daň явилось вм. dan подъ вліяніемъ daňi (р. ед.), zeť вм. zet подъ вліяніемъ zetě, діалект. kosť вм. kost подъ вліяніемъ kosťi и т. д. Не отрицая возможности такого дѣйствія аналогіи, я думаю, что Гебауеру не удалось объяснить ея вліяніемъ всѣ тѣ случаи, гдѣ мы въ современныхъ говорахъ найдемъ смягченныя согласныя въ положеніи передъ исчезнувшимъ въ позднѣйшемъ языкѣ ъ. Такъ въ особенности остались необъясненными смягченныя согласныя въ діалект. haňba, hoňba, huďba, svaťba, при чемъ haňba извѣстно и по рукописямъ XV—XVI вв. (с. 372): предположеніе смѣшенія суффиксовъ -ьba и -jьba совершенно невѣроятно, какъ весьма убѣдительно указалъ Ягичъ. Безъ объясненія остались діалект. (злинскія) pětkrát, tenkrát, hneď, snaď, poŕáď (ср. с. 388); діалект. ťma пришлось объяснять аналогіею ťemný, что представляется мало вѣроятнымъ и т. д. Но кромѣ всего этого почтенный изслѣдователь упустилъ изъ вниманія цѣлый рядъ соображеній, ведущихъ необходимо къ предположенію о томъ, что согласныя смягчались передъ ъ фонетически: 1) самъ Гебауеръ признаетъ фонетическій переходъ гь въ ŕ (§ 266), при чемъ въ подтвержденіе его имѣются такія убѣдительныя данныя, какъ напр. слова hŕbet, древнечешскія bŕdu (изъ bŕьdą), tŕmi (изъ tŕьmi); на с. 339 онъ отвергаетъ возможность объясненія máteř, вм. máter, подъ вліяніемъ

Digitized by Google

mateři, ссылаясь между прочимъ на такой случай какъ vňutř, гдѣ ř нельзя объяснять какою бы то ни было аналогіей; но если ь измѣняло *r* въ ř, равнымъ образомъ *l* въ ľ (§ 278), ясно, что и другія согласныя испытывали палатализирующее вліяніе звука ь; 2) Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ извѣстно смягченіе *t*, *d*, *n* не только передъ *e* первоначальнымъ, но и передъ *e* изъ ь: otěc, mladeněc и т. д.: но согласныя смягчились передъ первоначальнымъ *e* еще въ западно-славянскую эпоху, какъ это было указано выше, слѣдовательно, еще до перехода ь въ *e*; ясно, что современныя otěc, mladeněc доказываютъ, что *t*, *d*, *n* смягчились въ ту же эпоху и передъ ь. 3) На с. 93 Гебауеръ весьма убѣдительно доказываетъ, что передъ ь (исчезнувшимъ изъ произношенія) и передъ *e* изъ ь имѣетъ мѣсто суженіе *a* въ *e* (ср. pět изъ ṕatь, zeměnech изъ zeḿanьchъ); въ виду сдѣланныхъ уже выше замѣчаній, ясно, что на измѣненіе *a* въ *e* въ подобныхъ случаяхъ вліяетъ не ь, а смягченная согласная, полученная изъ твердой, въ положеніи передъ ь, еще въ ту эпоху, когда ь существовало въ языкѣ. — Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что передъ ь въ чешскословацкомъ языкѣ были смягченны всѣ согласныя, но смягченіе ихъ было неполно, онѣ были полумягки, а не мягки; вотъ почему въ современныхъ чешскихъ говорахъ мы находимъ pět, kost, jelen, tma и т. д.

И такъ, повторимъ добытые выше результаты. Въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя r, l, зубныя и губныя, ассимилируясь слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ, переходили передъ гласной *i* въ согласныя мягкія r^i, l^i, p^i, t^i и т. д.; передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ ie (ѣ) являлись тѣ же мягкія согласныя; между тѣмъ передъ гласными: *e*, *e* носовымъ и ь согласныя становились полумягкими, принимая оттѣнокъ звуковъ *e* и ь. Оставляя пока въ сторонѣ судьбу полумягкихъ согласныхъ и слѣдующей за ними носовой гласной *e* (см. ниже), видимъ, что обще-западно-славянскія мягкія и полумягкія согласныя перешли и въ чешскословацкій языкъ. Здѣсь современемъ отвер-

Digitized by Google

дѣли нѣкоторыя согласныя (напр. s, c, z), но дальнѣйшія измѣненія палатализованныхъ согласныхъ имѣли мѣсто уже послѣ распаденія чешскословацкаго единства: въ чешскихъ и западноморавскихъ говорахъ различіе между мягкими и полумягкими согласными продолжало сохраняться, при чемъ съ теченіемъ времени полумягкія согласныя, независимо отъ того, слѣдовала ли за ними гласная (*e*—изъ первонач. *e* или изъ *ъ*) или нѣтъ, отвердѣли: nesete, otec, kost, tma вм. n°es°et°e, ot°ec, kost°, t°ma. Напротивъ, въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія: n'es'et'e, ot'ec, t'ma, kost'. Обращаясь къ отдѣльнымъ согласнымъ, видимъ, что губныя, какъ въ чешскихъ, такъ и въ словацкихъ говорахъ, потеряли способность смягчаться; *r* мягкое и полумягкое совпали, повидимому, еще въ чешскословацкомъ въ одномъ звукѣ r' (*r* мягкомъ), которое затѣмъ отвердѣло въ словацкихъ говорахъ, измѣнившись въ ŕ въ чешскихъ; равнымъ образомъ совпали въ одномъ звукѣ l' (*l* мягкомъ) первоначальныя мягкія и полумягкія *l*: ср. *l* мягкое въ словацкихъ говорахъ, вмѣсто котораго въ чешскихъ является среднее *l*, замѣнившее и ĺ.

2. **Лабіализація согласныхъ.** Въ тѣсной связи съ палатализаціей согласныхъ стоитъ ихъ лабіализація, если придавать этому термину широкое значеніе измѣненія согласныхъ въ направленіи къ лабіализованнымъ и вообще задне-небнымъ гласнымъ *o, u*. Подобно тому какъ, ассимилируясь палатальнымъ гласнымъ, согласныя палатализируются, произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія гласныхъ передняго ряда (*e, i*), такъ же точно, ассимилируясь гласнымъ задняго ряда, согласныя лабіализируются, т. е. произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія такихъ гласныхъ (*o, u*). Мы имѣемъ ясныя указанія на лабіализацію согласныхъ въ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языкахъ: такъ въ польскомъ языкѣ согласныя *r, l* и зубныя въ положеніи передъ *o, u* становились *нѣкогда* лабіализованными; лабіализованное произношеніе ихъ изъ сочетаній r°o, r°u пере-

Digitized by Google

носилось и въ сочетанія га, т. е. лабіализованныя согласныя замѣнили вообще нелабіализованное ихъ произношеніе, вслѣдствіе чего въ языкѣ, вмѣсто трехъ видовъ согласныхъ: нелабіализованныхъ, лабіализованныхъ и палатализованныхъ, явилось всего два вида — лабіализованныхъ и палатализованныхъ. Вытѣсненіе лабіализованными согласными согласныхъ нелабіализованныхъ имѣло слѣдствіемъ измѣненіе предшествующей такимъ согласнымъ гласной *e* въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, лабіализацію этой гласной; параллельно съ этимъ шло измѣненіе гласной *e* въ направленіи къ *i* передъ согласными палатализованными. Такъ первоначальное medu, измѣняясь въ m^{e}ed^{u}u, переходило затѣмъ въ m^{i}öd^{u}u, при чемъ m^{e} измѣнялось въ m^{i} въ связи съ потерей гласною нѣкоторой части своего первоначальнаго палатальнаго характера; такъ же вмѣсто s^{e}estra, v^{e}esna явились s^{i}ös^{u}tra, v^{i}ös^{u}na и т. д. Понятно, что подобнаго измѣненія *e* въ ö не могло быть тамъ, гдѣ слѣдующая согласная, нѣкогда лабіализованная, утрачивала свою лабіализацію: губныя и гортанныя (g, k, врядъ ли также x, ср. сохраненіе chy при ki, gi), вѣроятно, издревле потеряли въ польскомъ языкѣ свое лабіализованное свойство; вотъ почему мы передъ этими согласными не найдемъ въ польскомъ языкѣ *o* вм. *e* (piekarz, niebo); m^{e}edu измѣнялось въ m^{i}ödu вслѣдствіе перехода *d* въ d^{u}, а n^{e}ebo должно было сохранять свое *e*, такъ какъ оно находилось въ сосѣдствѣ съ нелабіализованной согласной *b*. Подобную же лабіализацію согласныхъ можно доказать и для лужицкихъ языковъ: кромѣ цѣлаго ряда явленій, свидѣтельствующихъ о сильной лабіализаціи въ нихъ нѣкоторыхъ согласныхъ, на нее указываетъ также переходъ *e* въ *o* передъ «твердыми» согласными (lodu, нижне-лужицкое s^{i}orʒy, верхне-лужицкое c^{i}orʒu и т. д.).—Спрашивается, можно ли, на основаніи указанныхъ явленій лабіализаціи въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, допустить лабіализацію согласныхъ уже въ обще-западно-славянскую эпоху? Испыталъ ли ее тотъ праязыкъ, изъ котораго развился языкъ чешскословацкій? Думаю, что нѣкоторыя явленія чешскословацкаго языка приводятъ

Digitized by Google

къ заключенію о томъ, что лабіализація согласныхъ принадлежитъ эпохѣ западно-славянскаго единства, при чемъ однако въ эту отдаленную эпоху она не получила еще того широкаго развитія, которое стало удѣломъ нѣкоторыхъ изъ западно-славянскихъ языковъ, а именно польскаго, въ особенности же лужицкихъ. А именно, я отношу къ такимъ явленіямъ измѣненіе общеславянскаго l въ ĺ. Въ § 280 Гебауеръ излагаетъ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ при изученіи судьбы звуковъ *l* въ чешскомъ языкѣ: сначала, говоритъ онъ, въ общеславянскомъ языкѣ было только одно *l* — *l* среднее; къ нему еще въ праславянскую эпоху прибавилось *l* мягкое изъ *lj*; затѣмъ, еще въ доисторическую эпоху (жизни чешскаго языка) явилось ĺ изъ *l* въ слогахъ la, lo, lu, ly, lą. Съ теченіемъ времени ĺ (*l* мягкое) и *l* совпали въ одномъ звукѣ, и въ историческую эпоху чешскій языкъ имѣетъ только твердое ĺ и нетвердое *l*; нетвердое *l*, хотя и не звучало какъ ĺ, тѣмъ не менѣе, подобно мягкимъ согласнымъ, вліяло на суженіе звуковъ *a* и *u*. Впослѣдствіи ĺ твердое совпало въ одномъ звукѣ съ *l* нетвердымъ, и въ языкѣ оказался только одинъ звукъ *l* — l нетвердое. Я не могу согласиться съ этими положеніями ученаго автора и нахожу, что аргументація ихъ на с. 356 очень мало убѣдительна. Во-первыхъ для меня непонятенъ предполагаемый имъ переходъ общеславянскаго l' (*l* мягкаго) въ *l* (pol'e перешло въ pole) въ доисторическую эпоху жизни чешскаго языка: мы знаемъ изъ предыдущаго изслѣдованія, что въ эту эпоху возникали смягченныя согласныя передъ палатальными гласными; почему бы рядомъ съ этимъ отвердѣть общеславянскому смягченному *l*, для меня совершенно не ясно. Во-вторыхъ, допустивъ для доисторической эпохи совпаденіе l' общеславянскаго и *l* въ одномъ звукѣ *l* нетвердомъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ и почему нетвердое *l* измѣнилось бы въ l' въ цѣломъ рядѣ говоровъ чешскаго языка, а именно въ словацкихъ и моравскихъ (с. 358—359). Въ-третьихъ, терминъ «*l* нетвердое» сбивчивъ и неточенъ: что̀ именно разумѣетъ подъ нимъ авторъ, для меня не ясно; очевидно, онъ отличаетъ *l* netvrdé отъ

Digitized by Google

l střední, но въ такомъ случаѣ, какъ же звучало это нетвердое *l*, если это не было ни l' (l мягкое) ни среднее (европейское) *l*? Въ-четвертыхъ, нельзя допустить, чтобы общеславянское *l* не измѣнилось въ обще-западно-славянскую эпоху въ *l* палатальное (мягкое, полумягкое) въ положеніи передъ палатальными гласными, въ виду того что такому измѣненію (палатализаціи) подверглись въ эту эпоху вообще всѣ согласныя. Въ-пятыхъ, сравнительное изученіе западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что въ обще-западно-славянскую эпоху было два l: ł и l' (ср. польское и лужицкое ł и l'): слѣдовательно, ł и l' словацкихъ и моравскихъ говоровъ надо связать непосредственно съ обще-западно-славянскими ł и l', а отсюда ясно, что и въ чешскословацкую эпоху существовали ł и l', а не *l* нетвердое, какъ думаетъ Гебауеръ. Вотъ почему исторію звука *l* въ чешскомъ языкѣ надо, думаю, изложить, исходя изъ слѣдующихъ положеній: обще-западно-славянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное, ср. эти два *l* въ современныхъ южно-славянскихъ языкахъ: обще-западно-славянск. sila и vol'a [1]). Съ теченіемъ времени *l* твердое, ассимилируясь слѣдующимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, переходило въ палатальное (смягченное) *l*, имѣвшее различныя оттѣнки въ зависимости отъ вліявшей на него гласной (мягкое l', полумягкое l°). Передъ гласными непалатальными, по причинѣ, изложенной ниже, вмѣсто *l* явилось ł. Такимъ образомъ общеславянскія sila, vol'a, byli стали произноситься siła, vol'a, byl'i; вмѣсто двухъ общеславянскихъ *l*—несмягченнаго и смягченнаго, обще-западно-славянскій языкъ получилъ ł и *l* смягченное, при чемъ область распространенія послѣдняго звука значительно расширилась сравнительно съ общеславянской эпохой, такъ какъ онъ замѣнилъ и несмягченное *l* передъ гласными *i*, j; кромѣ того явился еще третій звукъ l°, т. е. *l* полумягкое въ положеніи пе-

1) Я не вижу основанія допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ł, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l.

Digitized by Google

редъ гласными *e*, *ę* носовымъ, *ь* и т. д. Тѣ же три звука *ĺ*, l' и l° перешли и въ чешскословацкую эпоху. Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, чешскословацкія полумягкія согласныя переходили въ мягкія, l° измѣнилось въ l', и вмѣсто трехъ видовъ *l* получилось два вида *ĺ* и l'. Въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, гдѣ полумягкія согласныя отвердѣли, l° измѣнилось въ *l* (европ.), и такимъ образомъ въ языкѣ получились: *ĺ* передъ непалатальными гласными и въ концѣ слова (siĺa, siĺ), l' (vol'a, pol'e, byl'i) и новое l (европ.) передъ гласною *e*, передъ согласными и въ концѣ слова (zelený, silný, sůl). Новое *l* получало съ теченіемъ времени все большее распространеніе: такъ съ одной стороны оно, должно быть, сначала вытѣснило l' въ положеніи передъ *e*: pol'e измѣнилось въ pole, l'es перешло въ les; затѣмъ по естественной звуковой ассоціаціи, l стало вытѣснять l' и въ другихъ положеніяхъ: (učitel' перешло въ učitel, byl'i въ byli); съ другой стороны, можетъ быть, подъ вліяніемъ сосѣднихъ нѣмецкихъ говоровъ, *l* распространилось и насчетъ *ĺ*, постепенно вытѣсняя его изъ произношенія (можетъ быть, сначала въ концѣ слова и передъ согласными): siĺ переходило въ sil, siĺa въ sila. Въ результатѣ, уже къ XVI или XVII вѣку *ĺ* и l' совершенно исчезли въ чешскихъ говорахъ, уступивъ мѣсто звуку *l* (европейскому); а появленіе *l* (европейскаго) надо относить, кажется, къ XIII вѣку: на с. 198 Гебауеръ доказалъ, что уже въ памятникахъ XIII и XIV вѣка вмѣсто ожидаемыхъ lye, lie правильно и послѣдовательно пишется le; слѣдовательно, уже къ этому времени совершился переходъ l'e въ le, вызванный, какъ указано выше, переходомъ l°e въ le.

Я совершенно отклонился отъ вопроса о лабіализаціи звуковъ въ обще-западно-славянскую эпоху. Возвращаюсь къ нему съ слѣдующимъ, полученнымъ, на основаніи изслѣдованія судьбы звука *l* въ чешскомъ языкѣ, результатомъ: *l* передъ непалатальными гласными измѣнилось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ *ĺ*. Чтобы понять сущность этого явленія, надо имѣть въ виду, что оно находится въ связи съ палатализаціей звука *l* передъ

Digitized by Google

палатальными гласными: дѣйствительно, тѣ самые славянскіе языки, которые измѣнили *l* въ l' передъ палатальными гласными, замѣнили *l* черезъ *ł* передъ гласными непалатальными. Но мы объясняемъ себѣ появленіе l' вм. *l* передъ палатальными гласными ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ; появленіе *ł* вм. *l* должно поэтому объяснять также ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ. Измѣненіе *l* въ *ł* я понимаю какъ слѣдствіе лабіализаціи звука *l*: лабіализованное *l* перешло по физіологическимъ причинамъ въ *ł*. Лабіализація *l* и дальнѣйшій переходъ его въ *ł* наступали въ положеніи этого звука передъ гласными, способными лабіализировать сосѣдніе звуки, т. е. передъ гласными *o*, *u*, *ъ*, *ǫ*. Появившись передъ этими гласными, *ł* вытѣсняло *l* и передъ гласными *a* и *y* (ы); такимъ образомъ всякое *l* замѣнилось звукомъ *ł*: siła, siło вызвали siła, siły. Подобному же измѣненію въ *ł* слоговое подверглось при извѣстныхъ условіяхъ еще въ общеславянскую эпоху и слоговое *l*: а именно ļ измѣнялось въ *ł* слоговое при томъ условіи, когда предшествовавшій ему неслоговой звукъ *ь*, а также согласная передъ *ь* могли лабіализироваться; лабіализація же *ь* и предшествующей согласной наступала только тамъ, гдѣ эта согласная еще не была лабіализованной. Слѣдовательно, только въ сочетаніяхъ tьļ и čьļ, dьļ и žьļ, sьļ могъ имѣть мѣсто переходъ ļ въ *ł*; между тѣмъ въ сочетаніяхъ pьļ, vьļ, mьļ, гдѣ *p*, *v*, *m*, какъ губные звуки, были уже лабіализированы, ļ сохранялось безъ измѣненія [1]). Вновь

1) Наблюденіе, что *l* слоговое имѣло въ западно-славянскихъ языкахъ различную судьбу въ зависимости отъ того, предшествовали ли ему зубныя или другія (губныя) согласныя принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову, который допускаетъ переходъ l слогового въ *ł* слоговое въ положеніи послѣ сочетанія зубная + неслоговое *ь* (переходившее при этомъ въ неслоговое *ъ*) еще для общеславянскаго языка, основываясь при этомъ на старославянскихъ написаніяхъ длъгъ, тлъстъ тѣхъ памятниковъ, которые пишутъ влькъ. Но я думаю, что западно-славянскіе языки указываютъ не на dьłgъ, а на dłgъ (съ слоговымъ *ł*), которое нельзя возвести къ общеславянскому языку, хотя бы въ виду русскаго долгъ. Старославянское длъгъ при влькъ слѣдуетъ, можетъ быть, объяснять діалектическимъ переходомъ *l* (слогового) палатальнаго въ *ł* (слоговое) подъ вліяніемъ предшествующей твердой зубной, такъ же какъ въ плънъ вм. плънъ можно видѣть вліяніе послѣдующей твердой зубной.

Digitized by Google

возникшія въ обще-западно-славянскомъ языкѣ сочетанія tъ̨, dъ̨, čъ̨, žъ̨, sъ̨ (съ слоговыми ̨ и неслоговыми ъ), гдѣ з изъ ь вслѣдствіе лабіализаціи предшествующей согласной[1]), переходили еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ tʟ, dʟ, sʟ, čʟ, žʟ (съ слоговымъ ̨): этотъ переходъ объясняется именно лабіализаціею обоихъ звуковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого неслоговымъ з, и стремившихся, вслѣдствіе физіологической своей близости, заглушить этотъ посредствующій между ними неслоговой звукъ. Въ отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ слоговое ̨ въ указанныхъ сочетаніяхъ переходило или въ ̨u, ̨o или въ uʟ, oʟ, при чемъ въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, замѣчается колебаніе: ср. польское dʟugi, tʟusty, dʟubać, но czółn, żółty, żółna, żółć, при этомъ słońce; верхне-лужицкое słónco, діалект. słonco, но stoʟp, doʟh, toʟkać, toʟsty, żoʟč, żoʟma, čoʟm; нижне-лужицкое słup, dʟug, tʟukaś, tʟusty, słuńco, діалект. słuńco, но żoʟc, coʟn и т. д. Въ чешско-словацкомъ ̨ сохранялось, повидимому, безъ измѣненія; въ моравскихъ и словацкихъ говорахъ оно сохраняется до сихъ поръ: моравск. tʟstý, žʟty, žʟč, dʟhý (съ долгимъ ̨), dʟžen и т. д.; словацк. sʟnce, stʟp (съ долгимъ l), tʟstý, žʟč, žʟna, čʟn и т. д.; въ чешскихъ говорахъ слоговое ̨ перешло въ ̨u, откуда lu: člun, dlouhati, dlouhý, tlustý, žluva, žlutý, slunce и т. д. Кромѣ указаннаго положенія — послѣ ь съ предшествующей нелабіализованной согласной — ̨ измѣнялось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ слоговое ̨ и въ положеніи послѣ з въ тѣхъ рѣдкихъ сочетаніяхъ, какъ mъ̨v, хъ̨m, ръ̨k, гдѣ замѣна неслогового ирраціональнаго i (ь) неслоговымъ ирраціональнымъ u (з) принадлежитъ еще обще-славянской эпохѣ и зависѣла отъ совмѣстнаго вліянія губныхъ и гортанныхъ на окраску указаннаго неслогового звука. Въ обще-западно-славянскую эпоху mъ̨v-, ръ̨k- не измѣнялись въ mʟv, pʟk одновременно съ переходомъ tъ̨ въ tʟ потому, что тутъ

1) Звуки č, ž, š, т. е. палатальныя, лабіализуясь, могли сохранять свой палатальный характеръ; о лабіализованныхъ ž и š ср. замѣчанія Сиверса на с. 122 Phonetik (4-е изд.).

Digitized by Google

не было той физіологической близости звуковъ, разлученныхъ неслоговымъ ъ, какъ въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ. Но въ чешскословацкомъ, вслѣдствіе общаго исчезновенія неслоговыхъ ъ и ь передъ слоговыми *r* и *l*, и здѣсь получались mĺv, pĺk (съ слогов. ĺ): отсюда въ чешскомъ mluv, pluk, а въ словацкомъ не только Chlm (названіе мѣстности), но также pluk, mluva, hlučný; различное измѣненіе tĺ и mĺ, hĺ въ словацкомъ должно объяснять тѣмъ, что губныя и гортанныя благопріятствовали измѣненію слогового ĺ въ lu болѣе, чѣмъ предшествующія зубныя. Съ теченіемъ времени въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ возникало новое ĺ слоговое изъ старочешскаго неслогового *l* между согласными: извѣстно, что общеславянскія сочетанія lъ, lь не содержали слогового *l* (подобно сочетаніямъ ъl, ьl); послѣ выпаденія ъ, ь въ чешскословацкомъ получалось одно неслоговое *l* или ĺ между согласными, которое лишь впослѣдствіи вокализировалось. Судьба новаго ĺ слогового въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ сходна съ судьбою общеславянскихъ слоговыхъ *l*, а именно ĺ слоговое въ чешскихъ говорахъ измѣнилось въ lu: kluk (русское клокъ), діалект. blucha, klutati, sluza (изъ sĺza, съ слогов. ĺ, которое изъ slza), но рядомъ и slza, hltati; въ словацкихъ говорахъ ĺ сохраняется безъ измѣненія: chĺp при чешскомъ chlup (изъ chlъp, Gebauer, с. 296). — Что касается звука *l* слогового въ другомъ положеніи, т. е. тамъ гдѣ ему не предшествовало неслогового ъ или гдѣ не было условій, благопріятныхъ для измѣненія ь въ ъ, то сначала онъ сохранялъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ свой звукъ *l*, но впослѣдствіи, въ виду совершеннаго вытѣсненія звука *l* звуками: ĺ съ одной стороны, *l* палатальнымъ съ другой, — онъ перешелъ въ полумягкое *l* слоговое. Отсюда въ польскомъ языкѣ ĺ въ положеніи передъ твердыми зубными (ассимиляція): peĺny, weĺna, но l' (мягкое) при другихъ условіяхъ: wilk, pilch, milczeć; то же въ лужицкихъ нарѣчіяхъ: poĺny, woĺma, но pjelnić, pjelniś, mjelčeć, mjelcaś, wjelk. Въ чешскословацкомъ было также получено *l* полумягкое слоговое; въ старочешскихъ говорахъ еще въ XVI в. *l* было въ такомъ положеніи палатальнымъ: такъ

Digitized by Google

въ Кралицкой библіи, напечатанной въ 1579—1593 гг., различающей, какъ доказалъ Гебауеръ въ § 281, *ĺ* и *l* палатальное, буквою *l* (означаетъ палатальное *l*) пишутся слова какъ: umlkne, mlčeĺ, pln, plniti, plzka, wlk, wlhkost, wlny z owec. Очевидно, pln, wlk произносились какъ pl°n, wl°k съ слоговымъ *l*. Отсюда въ чешскихъ говорахъ, измѣнившихъ l° въ *l*: vlk, pln, vlna. Въ словацкихъ говорахъ l° слоговое, отвердѣвъ, перешло въ *ĺ* слоговое: vĺk, pĺn, vĺna. Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ, сохранившихъ различіе ĺ и *ĺ*, l° измѣнилось въ *l* слоговое: такъ, въ соотвѣтствіи съ plniti Кралицкой библіи, находимъ злинское plnit (съ долгимъ слоговымъ *l*), тогда какъ словамъ dĺauhý, sĺaup той же библіи здѣсь соотвѣтствуютъ dlhý, slp съ долгими слоговыми *ĺ* (Bartoš, I, 6). Въ дольнобечевскомъ говорѣ (переходномъ отъ чешско-моравскихъ къ словацкимъ говорамъ), рядомъ съ *ĺ* слоговымъ въ žĺtý, tĺstý, является *l* мягкое слоговое (изъ чешскословацкаго полумягкаго слогового *l*), напр. въ vĺk, mĺčeť (ср. Кралицк. библ. mlčeĺ), kĺzké (Кралицк. библ. plzka).

Предыдущее изслѣдованіе доказало существованіе звука *ĺ* изъ общеславянскаго *l* еще въ эпоху западно-славянскаго единства; измѣненіе *l* въ *ĺ* объяснено лабіализаціей этого звука, при чемъ указанное объясненіе нашло полное подтвержденіе въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило измѣненіе *l* слогового въ *ĺ* слоговое. Появленіе обще-западно-славянскаго sĺnьce (съ *ĺ* слоговымъ) непосредственно изъ sъĺnьce (съ ъ неслогов. и *ĺ* слоговымъ), а это изъ sьl̥nьce (съ ь неслоговымъ передъ l̥), ясно указываетъ на то, что лабіализація захватывала не только звукъ *l*, но и другіе зубные звуки, такъ какъ только переходъ *s* (напр. въ sьl̥nьce) въ s^n можетъ объяснить различную судьбу сочетаній sьl̥ (tьl̥, dьl̥ и т. д.) и vьl̥ (pьl̥, mьl̥) въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Это обстоятельство, а также и то соображеніе, что, въ отношеніи къ палатализаціи, звукъ *l* былъ однороденъ съ зубными звуками, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что звуки *t, d, n, s, z* лабіализировались при тѣхъ же условіяхъ при которыхъ лабіализировался и затѣмъ переходилъ въ *ĺ* звукъ *l*, т. е. въ положеніи сначала пе-

Digitized by Google

редъ гласными *o, u, ъ, ǫ*, а затѣмъ и передъ *a, y*, вм. *t, d* и т. д. въ обще-западно-славянскомъ языкѣ явились t^u, d^u и т. д. Такое предположеніе подтверждается нѣкоторыми звуковыми явленіями (о которыхъ сказано было и выше) польскаго, лужицкихъ и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а именно переходомъ звука *e* въ *o* передъ твердыми согласными, въ польскомъ же только передъ твердыми *t, d, n, s, z, ł, r*. Измѣненіе *e* въ *o* напр. въ словѣ sestra (польское siostra, верхнелужицкое sotša, нижнелужицкое sotra) я объясняю себѣ какъ лабіализацію звука *e*, перешедшаго сначала въ ŏ (лабіализованное *e*) и уже затѣмъ въ *o*. Такая лабіализація могла быть вызвана только слѣдующей согласной: дѣйствительно, въ концѣ слова или передъ палатализованной согласной мы, напр. въ польскомъ, не видимъ подобнаго измѣненія *e* въ *o*. Но вліяніе твердой, несмягченной и нелабіализованной согласной ни въ коемъ случаѣ не можетъ вызвать лабіализаціи предшествующей гласной, подобно тому какъ вліяніе такой согласной не можетъ вызвать палатализаціи гласной. Отсюда слѣдуетъ, что согласная послѣ *e*, измѣнившагося въ *o*, была не только тверда, но и лабіализована. И такъ, согласныя *t, d, n, s, z, r, ł*, вызывавшія въ польскомъ языкѣ переходъ *e* въ *o*, были въ немъ нѣкогда лабіализованы. Сообразивъ же то обстоятельство, что *e* не переходитъ въ *o* въ польскомъ языкѣ передъ губными и гортанными, мы заключаемъ, что въ эпоху этого измѣненія *e* въ ŏ, откуда *o*, губныя и гортанныя уже потеряли свой лабіализованный характеръ, ср. другое указаніе на потерю лабіализаціи гортанными въ измѣненіи ky, gy въ ki, gi[1]). А это указаніе польскаго языка,

1) Я думаю, что ky, gy съ лабіализованными *k* и *g*, перейдя въ ky, gy съ *k* и *g* нелабіализованными, должны были ассимилировать *k* и *g* слѣдующей средненёбной гласной *y*; вслѣдствіе этого они перешли въ *k* и *g* средненёбныя, которыя смягчились потому, что языкъ не имѣлъ средненёбныхъ *k* и *g*. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ нижнелужицкое *ch*: изъ нѣкоторыхъ особенностей нижнелужицкой фонетики видно, что оно дольше чѣмъ k и g сохраняло, а можетъ быть сохраняетъ и теперь лабіализованный свой характеръ (ср. замѣчанія Mucke въ Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre, с. 21, о произношеніи у послѣ *губныхъ* и ch): въ связи съ этимъ, рядомъ съ ki, hi, мы нахо-

Digitized by Google

въ связи съ тѣмъ, что въ лужицкихъ языкахъ положеніе передъ губными и гортанными вызываетъ такое же измѣненіе *e* въ *o*, какъ и передъ прочими согласными, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что измѣненіе *e* въ *o* подъ вліяніемъ лабіализованныхъ согласныхъ принадлежитъ не обще-западно-славянской эпохѣ, а жизни отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчій. Вотъ почему въ чешскословацкомъ языкѣ мы не найдемъ измѣненія *e* въ *o*; измѣненіе же *e* (первоначальнаго, а также изъ *ъ* и изъ *ѣ*) въ *o* въ сѣвероопавскомъ говорѣ (Гебауеръ § 133) ничего общаго съ появленіемъ *o* вм. *e* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ не имѣетъ, такъ какъ ему подвергается *e* не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными: joleй, ploś́, čoĺo, ťorĺo и т. д. Это любопытное явленіе надо, думаю, сопоставлять прежде всего съ діалектическимъ произношеніемъ, отмѣченнымъ Бартошемъ (II, 126) въ одномъ изъ говоровъ ганацкаго нарѣчія, гдѣ *e* замѣняется полугласною ö (параллельно съ замѣною *i, u, y* полугласнымъ звукомъ ɤ): diťö, jöden, jöst, ďövčö съ полугласнымъ ö. Повидимому, въ сѣвероопавскомъ, такъ же какъ въ указанномъ говорѣ ганацкаго нарѣчія, явилось общее стремленіе къ лабіализованному произношенію гласныхъ: ср. сѣвероопав. uo вм. *o* (mlekuo), iuĺ вм. iĺ (muatiu) и др.

Отсутствіе лабіализаціи гласной *e* въ чешскословацкомъ языкѣ не можетъ указывать на отсутствіе въ немъ лабіализованныхъ согласныхъ, а стоитъ въ связи съ отсутствіемъ палатализаціи той же гласной подъ вліяніемъ слѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: дѣйствительно, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы звукъ *e* произносился въ чешскословацкую эпоху отлично передъ мягкими и твердыми согласными, подобно тому какъ въ

димъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, chy. Что гортанныя были нѣкогда лабіализованы въ общелужицкомъ языкѣ, доказывается переходомъ открытаго *o* въ *o* закрытое въ положеніи передъ *k, ch* (*kh*), а частью передъ h въ верхнелужицкомъ (Mucke, c. 98) и отсутствіемъ перехода o въ uo (послѣ губныхъ и гортанныхъ) передъ гортанными и губными въ нижнелужицкомъ (тамъ же, c. 99), при чемъ o въ woko не звучитъ какъ uo потому, что нѣкогда оно было закрыто подъ вліяніемъ лабіализованнаго k.

Digitized by Google

русскомъ или польскомъ открытому *е* передъ твердой соотвѣтствуетъ закрытое *е* передъ мягкой согласной.

Подводя итогъ предидущему изслѣдованію о палатализаціи и лабіализаціи въ западно-славянскихъ языкахъ, мы видимъ, что въ эпоху общей ихъ жизни получили еще только начало тѣ явленія, которыя впослѣдствіи развились въ лужицкихъ и польскомъ языкахъ. А именно, на мѣсто согласныхъ безразличныхъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ гласныхъ палатализованныхъ и лабіализованныхъ, явились палатализованныя и лабіализованныя согласныя съ различными оттѣнками палатализаціи и лабіализаціи: палатализованныя согласныя были мягки (l^{i}, t^{i}, p^{i}) или полумягки (l^{e}, t^{e}, p^{e}), лабіализованныя были склонны къ *u* (t^{u}, r^{u}) или склонны къ *o* (t^{o}, r^{o}). Возникши въ сочетаніяхъ съ гласными *o, u, ą, ę,* лабіализованныя согласныя проникали и въ сочетанія съ *a* и *y*; лабіализованное *l* измѣнилось въ *ł*. Такимъ образомъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ, получившемъ изъ общеславянскаго языка, во-первыхъ, согласныя чистыя, каковы *t, d, l* и т. д., во-вторыхъ, палатализованныя, каковы *č, ž, š* и т. д., въ-третьихъ, лабіализованныя *p, b, v, m* и *k, g, x, h* — возникли только два ряда согласныхъ: лабіализованныя и палатализованныя. Вслѣдствіе этого всякая согласная, которая по какимъ-либо условіямъ не могла лабіализироваться, должна была палатализироваться: такъ, *l* слоговое, въ положеніи послѣ неслогового *ъ*, которому предшествуетъ губная, не могло лабіализироваться и переходить въ *ł*; вслѣдствіе этого оно измѣнялось въ такомъ положеніи въ l^{e} слоговое (vыl^{e}къ съ слоговымъ l^{e}); такъ, *r* слоговое лабіализировалось передъ лабіализованными зубными; въ положеніи же передъ палатализованными зубными, а также при встрѣчѣ съ губными и гортанными звуками, неоднородными по физіологическому своему характеру съ зубными, *r* измѣнялось въ r^{e}, т. е. палатализировалось (vъгхъ, vъгba измѣнялось въ vыr^{e}хъ, vыr^{e}ba съ слоговымъ r^{e}). — Я думаю, что въ чешскословацкомъ языкѣ наиболѣе консервативно, сравнительно съ другими западно-славянскими нарѣчіями, сохранялись полу-

Digitized by Google

ченныя изъ обще-западно-славянскаго языка отношенія. Такъ въ немъ не имѣло мѣста вліянія палатализованныхъ и лабіализованныхъ гласныхъ на предшествующій имъ звукъ *e*, который они въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ измѣняли въ *e* закрытое и ö (откуда *o*)[1]); такъ въ немъ сохранялось различіе между мягкими и полумягкими согласными, совпавшими въ прочихъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Важнѣйшимъ измѣненіемъ въ этихъ отношеніяхъ для чешскословацкой эпохи слѣдуетъ, кажется, признать переходъ исконно мягкихъ согласныхъ въ полумягкія въ

1) Въ одномъ звуковомъ положеніи чешскословацкій языкъ какъ будто указываетъ еще на обще-западно-славянскій переходъ e въ ö: а именно, если сопоставить чешск. žlaḃ съ польск. żłóḃ, лужицк. žłoḃ, чешск. článek съ польск. człon, чешск. žláza съ чешск. žléza и нѣк. др., можно придти къ возстановленію обще-западно-слав. žołḃ, čołn, žołza съ o или žöłḃ, čöłn, žöłza съ ö. Но сопоставленіе это должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ въ žlaḃ старочешскій языкъ, что видно изъ свидѣтельства Кралицкой библіи, правильно различающей l и ł (ср. Гебауеръ I, 360) и пишущей žláḃkowé съ l, — имѣлъ не ł а l. Ср. также словацк. žľaḃ въ словарѣ Loos'a. Слѣдовательно, žlaḃ (а также článek, žláza) восходитъ къ želḃ съ l, а не съ ł. Различіе между žleb и žlaḃ должно, кажется, объяснять тѣмъ, что *e* въ положеніи послѣ j, ž, č, š еще въ общеслав. языкѣ перешло въ ä, когда въ слѣдующемъ слогѣ были звуки e, i, ѣ: общеслав. želvъ, но žälbѣ, žälbina; želvъ, откуда въ обще-западно-слав. želъ, перешло въ чешскословацк. въ žlěb, а žälb-, откуда въ обще-западно-слав. žäłb-, въ žľaḃ-. Что же касается о въ польск. и лужицк. żłóḃ, żłoḃ, то оно указываетъ на болѣе древнее żołḃ изъ želъ: о вм. e явилось въ каждомъ изъ этихъ языковъ отдѣльно, въ эпоху перехода *e* въ ö передъ лабіализованными согласными, при чемъ дальнѣйшее измѣненіе ö въ o зависѣло отъ положенія его между двумя лабіализованными согласными одного и того же слога: ž и ł. Что же касается происхожденія лабіализаціи первой изъ этихъ согласныхъ, то, повидимому, она восходитъ къ обще-западно-славянской эпохѣ: зубныя (č, ž, š, а также, вѣроятно, d, ť) лабіализовались подъ вліяніемъ звука ł въ звуковомъ сочетаніи eł. Ср. съ этимъ лабіализацію зубныхъ подъ вліяніемъ слогового ł въ сочетаніяхъ ьł, ъł съ ł слоговымъ. Рядомъ съ этимъ, губная не подвергалась такому измѣненію ни передъ сочетаніемъ ьł ни передъ сочетаніемъ eł: напротивъ, въ сочетаніяхъ губная + ь или e + ł слоговое или несложовое, звукъ ł подвергался ассимиляціи предшествующему гласному звуку и терялъ свою лабіализацію: такъ явились въ обще-западно-слав. съ одной стороны: žłъ (съ ł слоговымъ; см. выше), ž"ełbъ, а съ другой vьĺkъ (съ ĺ слоговымъ), meĺko. Отсюда напр. въ польскомъ żłutý, żołḃ — żłóḃ, но wilk, mleko. Въ русскомъ языкѣ ł являлось изъ l и ļ въ обоихъ видахъ этихъ сочетаній: žъłtъ, žołoḃ и vъlkъ, mołoko, что, можетъ быть, зависѣло отъ того, что въ эпоху измѣненія l въ ł губныя (какъ лабіализованные звуки) не успѣли еще, потерявъ лабіализацію, смягчиться передъ слѣдующими палатальными гласными.

Digitized by Google

положеніи передъ звукомъ *e*: повидимому, уже въ чешскословацкую эпоху š, ž, č, c, r^{j}, l^{j} (изъ rj, lj) звучали передъ *e* не такъ мягко какъ передъ *i* или передъ другими гласными (*a*, *o*, *u*); это объясняется тѣмъ, что передъ звукомъ *e* и всѣ прочія палатальныя согласныя (новыя по происхожденію) звучали полумягко (t$^{\bullet}$, p$^{\bullet}$ и т. д.). Вотъ почему въ позднѣйшую эпоху, когда *a*, подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, измѣнилось въ *e*, слова duše, vlčice, orlice, věže и т. д. въ имен. ед. звучали иначе, чѣмъ въ зват. падежѣ: им. былъ duš^{j}e, а зват. duš$^{\bullet}$e; ср. написанія dussye, dussie, orliczie, wiezie, burzie, pussczye въ им. ед., при dusse, studnice, trogycze, spomocznycze и т. д. въ зват. ед. (Гебауеръ III, 203 и 205). Въ отдѣльной жизни чешскихъ и словацкихъ говоровъ прежнія отношенія нарушились гораздо въ большей степени: такъ въ чешскихъ говорахъ отвердѣли полумягкія согласныя; напротивъ, въ словацкихъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія.

3. **О чешскословацкомъ измѣненіи носового e.** Разсмотрѣвъ въ § 51 всѣ тѣ различные звуки, которые въ старочешскомъ, а также въ современныхъ чешскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ общеславянскому ę, Гебауеръ на с. 51 ставитъ вопросъ, въ какую именно гласную измѣнилось носовое *e* непосредственно, къ какому именно общему звуку должны быть возведены его позднѣйшія, весьма разнообразныя отраженія (a, 'a, ä, ě, e, ā, 'ā, ja, ia, í, ie, é). По мнѣнію ученаго автора первоначальное ę измѣнилось въ ^{j}a, т. е. praejotované *a*, krátké v slabikách krátkých a dlouhé v dlouhych. Такой выводъ Гебауера встрѣтилъ возраженія со стороны Ягича, который указалъ (Archiv f. Sl. Ph. XVI, 510—512), что современные и старочешскіе замѣстители общеславянскаго ę не могутъ быть выведены изъ предположеннаго Гебауеромъ основного звука, и что всѣ они объясняются изъ *e* открытаго, склоннаго къ *a* и смягчающаго предшествующую согласную (ä mit weichem Charakter), который и былъ первоначальнымъ замѣстителемъ носового *é*. Гебауеръ объясняетъ современныя ě, e, í, é изъ ^{j}a какъ результатъ перегласованія (Umlaut)

Digitized by Google

звука *a*; Ягичъ, напротивъ, предполагаетъ, что современныя a, 'a, ia надо объяснять изъ ¹ä, звукъ котораго въ незначительно измѣненномъ видѣ сохранился въ ě, ie и т. д. Мнѣ кажется, что и Ягичъ и Гебауеръ, высказавшіе противоположныя мнѣнія, близки къ истинѣ: Ягичъ правъ, утверждая, что всѣ перечисленные выше замѣстители носового *e* восходятъ непосредственно къ звуку ä, смягчившему предшествующую согласную; Гебауеръ правъ, допуская, что ě, e, ie, í, é объясняются путемъ перегласованія, т. е. измѣненія звука *a* въ направленіи къ *e*; но онъ ошибается, когда думаетъ, что въ páťý, častý, pět и т. д. a и ě восходятъ *непосредственно* къ ¹a. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ Ягичемъ, предполагающимъ, что ę перешло *непосредственно* въ ä, а не въ *a*, какъ думаетъ Гебауеръ. Во-первыхъ, ссылка Ягича на верхнелужицкій языкъ какъ разъ убѣждаетъ въ возможности звукового измѣненія ę, хотя бы и черезъ посредство ã, въ *a*: дѣйствительно, основнымъ замѣстителемъ *e* носового въ этомъ языкѣ было *a* (можетъ быть, изъ ä), которое, какъ и всякое первоначальное *a* (въ положеніи послѣ смягченной согласной), измѣнялось передъ смягченными согласными въ é (*e* закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ *o*: ср. чередованіе замѣстителей первоначальнаго ę въ dźéwáty, knjéźi и ćeľo съ чередованіемъ замѣстителей первоначальнаго *a* въ bratr, zjéwić и kmotřo (фонетически вм. kmotřa, между тѣмъ какъ въ параллельной формѣ kmotřa звукъ *a* возстановленъ на основаніи окончанія *a* им. ед. именъ женск. р. съ твердой основой). Впрочемъ, то или другое измѣненіе звука въ верхнелужицкомъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ указывать на чешскій или прачешскій фонетическій процессъ, такъ какъ потеря носовыхъ гласныхъ произошла уже въ отдѣльной жизни обоихъ этихъ языковъ[1]). Во-вторыхъ, Ягичъ

1) Ягичъ ссылается въ доказательство древняго различія въ верхнелужицкомъ языкѣ звуковъ: 1) соотвѣтствующаго первоначальному *a*, 2) соотвѣтствующаго носовому *e*, на то, что первый изъ нихъ переходитъ передъ мягкими согласными (Umlaut) въ *e* открытое, а второе въ *e* закрытое (pjěć, но zjéwić). Но думаю, что это наблюденіе, приводимое и у Mucke (с. 39, прим. 3-е), основано

Digitized by Google

оставилъ безъ объясненія а въ окончаніи причастныхъ формъ какъ peka, veda, moha: между тѣмъ ихъ, такъ же какъ русскія мога, ида, можно объяснить только вліяніемъ окончанія *a* въ slyša, nośa и т. д. Въ-третьихъ, судьба замѣстителя носового *e* въ чешскомъ языкѣ совершенно тожественна съ судьбой первоначальнаго звука *a* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; дѣйствительно, чередованіе jasný, jesně, stáje, гдѣ *a* и *e* восходятъ къ первоначальному *a*, вполнѣ аналогично съ чередованіемъ častý, čestě (стар.), děvče, гдѣ *a* и *e* являются замѣстителями первоначальнаго ę. Слѣдовательно, указаніе Ягича на то, что современныя

на недостаточномъ количествѣ случаевъ; мы знаемъ много словъ, гдѣ древній языкъ имѣлъ *e* носовое между двумя мягкими согласными, и очень мало, гдѣ въ такомъ же положеніи находилось *a*. Въ соотвѣтствіи съ *a* мы дѣйствительно находимъ *e* закрытое (jéjo, jéhnjo, sadźéć, běžéć, njépřećél и т. д.), но рядомъ и *e* открытое (žël, lëć, smjëć, jëšć, pѣže jéšć, jëšćëř, pѣže jéšćëř); равнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ *e* носовымъ рядомъ съ *e* открытымъ мы изрѣдка находимъ *e* закрытое (knjéžë, knjéži при knjëz). Я думаю, что открытое произношеніе *e* (изъ всякаго *a*) зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія родственныхъ словъ съ звукомъ *a* (передъ твердой согласной): pjëć, не pjéć подъ вліяніемъ pjaty. Основываюсь во первыхъ на томъ, что переходъ *a* между мягкими согласными сравнительно новаго происхожденія (по Mucke онъ начался въ XVII в., ср. с. 36), при чемъ ко времени его появленія е носовое замѣнилось уже во всякомъ случаѣ черезъ *a*; во вторыхъ, *e* закрытое является не только на мѣстѣ *a*, но и на мѣстѣ *e* передъ мягкими согласными (jélén): замѣняя и *a* и *e* фонетически, оно, конечно, должно было бы замѣнить и ä, если бы въ XVI в. существовало произношеніе p'äć; въ третьихъ, верхнелуж. knjëz вм. ожидаемаго knjaz правильно объясняется Mucke (на с. 72) вліяніемъ словъ knjéni, knjéži: слѣдовательно, é (*e* закрытое) вообще не могло ассоціироваться съ *a* въ родственныхъ словахъ; въ четвертыхъ, *e* открытое въ lëć, smjëć (lachen), равно какъ въ žnjëć, ćëć, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ инфинитивовъ на ać (въ tać, krać, dać, kać во и т. д.), между тѣмъ какъ въ běžéć закрытое *e* сохранилось подъ вліяніемъ widźéć, sedźéć и т. д. (ср. различное образованіе основы настоящаго времени).

Что касается нижнелужицкаго нарѣчія, то оно, повидимому, дѣйствительно измѣнило е носовое въ ä, которое перешло въ ie (пишется ě) въ ударяемомъ слогѣ послѣ палатальныхъ согласныхъ по тому же закону, по которому o подъ удареніемъ послѣ (нѣкогда лабіализованныхъ) губныхъ и задненёбныхъ перешло въ uo (пишется ó): jězyk, klěš, pěš, rěd и т. д. такъ относятся къ первоначальнымъ *jäzyk, *kľäć, p'äć, ŕäd, какъ bósy, kóza, góra, wóla и т. д. — къ первоначальнымъ *bosy, *koza, *gora, *wola. Отсюда, вѣроятно, слѣдуетъ, что общелужицкимъ звукомъ, соотвѣтствующимъ обще-западно-славянскому носовому *a* (изъ *e* носового), былъ ä.

Digitized by Google

отраженія носового *e* ведутъ къ предположенію *основного* для нихъ звука ä, должно быть распространено и на замѣстителей первоначальнаго *a*, т. е. надо полагать, что и они (a, ä, ě, e, ie, í, é и др.) восходятъ непосредственно къ звуку ä. Въ слѣдующемъ за этимъ разсужденіи я подробнѣе остановлюсь на доказательствахъ того положенія, что *a* всякаго происхожденія (т. е. изъ первоначальнаго *a* и изъ первоначальнаго ę) еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнилось въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ ä, а пока перехожу къ объясненію Гебауера фонетическаго процесса, дѣйствовавшаго при измѣненіи первоначальнаго *e* носового въ чешскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, онъ предполагаетъ переходъ ę въ ʲa, т. е. praejotované *a* (с. 51): подъ этимъ терминомъ, какъ это видно изъ § 90 (с. 89), Гебауеръ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ia съ неслоговымъ *i*[1]). Это ясно съ одной стороны изъ того, что ʲa не смѣшивается имъ съ *a*, смягчающимъ предшествующую согласную ('a); ср. на с. 89 слова: na př. bylo původně ščenʲata, ščenʲátko (ʲa, ʲá za -ę-), v pozdějším ščeňata, ščeňátko jest praejotace zaniklá a takořka ztrávena ve změkčeném ň-. Съ другой стороны Гебауеръ отличаетъ ʲa, ʲu отъ ja, ju: это ясно въ особенности изъ § 208, гдѣ проводится рѣзкая граница между iu и ju. Наконецъ, замѣчаніе на с. 88 совершенно выясняетъ, что́ должно разумѣть подъ написаніями ʲa, ʲe и т. д., такъ какъ здѣсь написанія ia, ě, ie, iu и т. д. отожествляются съ ja, je, jé, ju (ср. djábel на с. 88, а на с. 89 diábel), а изъ сопоставленія написаній ia, ie съ ʲa, ʲe на с. 89 ясно, что тѣ и другія написанія обозначаютъ одни и тѣ же звуки, различно измѣнившіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Дѣйствительно, древнее *ѧ* отразилось, по указанію Гебауера, въ дифтонгическихъ

1) Опредѣленіе самого автора страдаетъ неточностью: psaním ʲa, ʲá, ʲe, ʲé, ʲu, ʲú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací theoreticky žádanou, nehledíce k tomu, je-li také v dokladech psána čili nic; ср. выше: psaním ia, iá, ě, ie, iu, iú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací zjevnou, zjevnou totiž u výslovnosti, a v dokladech také ve formě psané.

Digitized by Google

сочетаніяхъ je, jé, которыя онъ пишетъ какъ ě, ie (ср. на с. 88 отожествленіе ě въ město съ je, а ie въ старочешскомъ miesto съ jé); слѣдовательно, и chlěbъ — chlěba перешло, по его мнѣнію, въ chljéb — chljeba, но эти первоначальныя формы онъ изображаетъ не черезъ chlieb — chlěba, а черезъ chl'éb — chl'eba по тому, что въ позднѣйшемъ періодѣ отсюда явились (съ утратой j) — chléb — chleba. Не нахожу, чтобы такой пріемъ могъ бы быть допущенъ въ научной транскрипціи, но какъ бы тамъ ни было Гебауеръ весьма опредѣленно разъяснилъ, что подъ написаніемъ 'a онъ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ja. И такъ, по его мнѣнію, *e* носовое перешло въ чешскомъ языкѣ въ ja. Не могу согласиться съ такимъ положеніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) появленіе дифтонгическаго сочетанія ja вм. ę было бы совершенно непонятно въ особенности потому, что въ прачешскомъ языкѣ, какъ это ясно доказываетъ еще для обще-западно-славянской эпохи польскій языкъ, ę было не только долгимъ, но и краткимъ звукомъ; параллельно съ измѣненіемъ ę въ ja, мы должны бы ждать дифтонгическое сочетаніе ǫ на мѣстѣ ǫ краткаго, между тѣмъ оно перешло въ монофтонгъ *u*; 2) измѣненіе прачешскаго ščenęta въ совр. ščeňata вполнѣ аналогично появленію щенята въ русскомъ языкѣ, русское же *a*, смягчающее предшествующую согласную, замѣнило носовое *e* безъ посредства ja, которое, вѣроятно, перешло бы въ ja; 3) древнія и совр. чешскія reka, veda не указываютъ на то, чтобы nosę перешло въ nosja: дѣйствительно, мы въ правѣ были бы ожидать тогда vedja; напротивъ, предположеніе формы noša вполнѣ удовлетворительно объясняетъ veda вм. vedy; 4) ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснить изъ ja словацкихъ ä и a въ päta, päť, swäzok, ťah, ďaťelina, такъ какъ ja сохраняется въ словацкомъ нарѣчіи безъ измѣненія, ср. znamenia, т. е. znamenja; кромѣ того ä является діалектически и вм. *a* послѣ нѣкогда мягкихъ согласныхъ: čäs, ulicä; слѣдовательно, и въ päta его можно выводить изъ *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной.

Приведенныя возраженія противъ перехода *e* въ ja предста-

Digitized by Google

вляются одновременно доказательствами слѣдующаго положенія: носовое *е* въ чешскомъ языкѣ, такъ же какъ въ русскомъ и верхнелужицкомъ языкахъ, перешло въ *а*, смягчающее предшествующую согласную. Процессъ такого измѣненія былъ, думаю, приблизительно слѣдующій: въ обще-западнослав. эпоху, какъ ясно изъ предыдущаго разсужденія, въ сочетаніяхъ согласная + *е* носовое, согласныя, ассимилируясь слѣдующей палатальной гласной, переходили въ палатальныя согласныя: pę, tę, lę и т. д. стали звучать какъ pę, tę, lę съ палатальными p, t, l. Эти палатальныя согласныя приняли сначала окраску слѣдующаго гласнаго звука, при чемъ онѣ не были ни мягки (мягкія согласныя p^{i}, t^{i}, l^{i} являлись въ положеніи передъ i) ни полумягки (разумѣя подъ этимъ терминомъ p^{e}, t^{e}, l^{e}, являвшіяся въ положеніи передъ *е*); вѣроятно, онѣ были средними между тѣми и другими, а это стояло бы въ связи съ тѣмъ, что ę было въ обще-западнославянскую эпоху нѣкогда болѣе закрытымъ звукомъ, чѣмъ *е* не носовое. Такія среднія между мягкими и полумягкими согласныя замѣнялись, можетъ быть, еще въ обще-западнославянскую эпоху *мягкими* согласными: языкъ весьма часто сводитъ различные оттѣнки звуковъ къ нѣкоторымъ крайнимъ, наиболѣе рѣзкимъ изъ нихъ. Но въ связи съ замѣной палатальныхъ согласныхъ передъ ę болѣе палатальными, явилось измѣненіе носового *е* въ звукъ менѣе закрытый, менѣе палатальный: первоначальная гармонія между согласной и гласной (однородными по мѣсту образованія) была нарушена, при чемъ усиленіе палатальнаго элемента въ первомъ членѣ такихъ сочетаній вознаградилось ослабленіемъ его во второмъ. Палатальныя согласныя перешли въ мягкія p^{i}, t^{i}, l^{i}, а носовое *е* въ носовое *а*. Отсюда, по утратѣ носового свойства, уже въ чешско-словацкую эпоху — *а* съ предшествующей мягкой согласной. Такъ измѣнились обще-слав. и обще-западно-слав. pęta, tęgъ, telę въ $p^{i}ąta$, $t^{i}ągъ$, $tel^{i}ą$, откуда $p^{i}ata$, $t^{i}ah$, $tel^{i}a$. Всѣ послѣдующія измѣненія основного *а* изъ ę принадлежатъ позднѣйшей, чешско-словацкой эпохѣ. Сюда относится прежде всего чешско-словацкое измѣненіе *а* (послѣ мягкихъ согласныхъ) въ ä, далѣе распаденіе долгаго ä на

Digitized by Google

дифтонгическое сочетаніе iä, затѣмъ чешско-словацкій переходъ мягкихъ согласныхъ передъ ä въ полумягкія, чешскій переходъ ä въ положеніи передъ твердыми согласными въ *a*, въ положеніи же передъ мягкими согласными и въ концѣ слова въ *e*, чешскій же переходъ *ie* (изъ iä) въ í, словацкій переходъ ä въ *a*, отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ, отвердѣніе губныхъ въ словацкомъ и т. д. Не стану останавливаться подробнѣе на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ явленій, такъ какъ они составятъ предметъ послѣдующихъ моихъ разсужденій.

4. **О дифтонгическихъ сочетаніяхъ i съ гласными a, e, u въ исторіи чешскаго языка.** Подобныя сочетанія въ чешско-словацкомъ языкѣ были троякаго происхожденія. Во первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно сочетанія j и *i* съ *e* были получены еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ соотвѣтствіи съ обще-славянскимъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ѣ*: на мѣстѣ древняго *ѣ* было получено дифтонгическое сочетаніе *ie*, сохранявшееся безъ измѣненія при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ сохранялись долгія гласныя, но измѣнявшееся въ je тамъ, гдѣ первоначально долгая гласная теряла свою долготу. Отсюда въ чешско-словацкомъ языкѣ *ie* и *e*, смягчающее предшествующую согласную, причемъ измѣненіе je въ *'e* принадлежитъ, повидимому, еще обще-западно-славянской эпохѣ[1]): чешско-словацк. m'iera, hr'iech, sm'iech и т. д. (при m'ena, b'eh, t'esto и т. д.). Я думаю, что *ie* оставалось безъ измѣненія въ чешско-словацкую эпоху и уже только въ словацкомъ нарѣчіи перешло въ je: на это указываетъ чешское измѣненіе этого *ie* въ í; дѣйствительно, въ результатѣ стяженія

1) Измѣненіе t'je въ t'e аналогично разсмотрѣнному выше измѣненію t"ъ (съ неслоговымъ ъ и слоговымъ ł) въ t"ł (съ слоговымъ ł) въ обще-западно-славянскомъ языкѣ: неслоговыя j и ъ поглощались предшествующими палатализованными и лабіализованными согласными. Кажется, e въ m'ena, t'esto звучало въ чешско-словацкую эпоху болѣе закрыто, чѣмъ e изъ первоначальнаго e; это объяснило бы, почему передъ нимъ согласныя не перешли въ полумягкія подобно тому, какъ онѣ измѣнились такимъ образомъ передъ первоначальнымъ e (напр. въ зват. ед. duše).

Digitized by Google

је врядъ ли получилась бы долгая гласная, врядъ ли также неслоговой элементъ *і* могъ бы поглотить слоговой элементъ *е*.

Во вторыхъ, въ обще-западно-славянскомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *ie*, *iu* получались вслѣдствіе фонетическаго закона о выпаденіи j (неслогового *і*) между гласными, закона, дѣйствовавшаго именно въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ это допускаетъ, повидимому, и Гебауеръ на с. 563 (shodují se tu tedy všecky jazyky západoslovanské, a to je svědectvím, že změna tato — т. е. измѣненіе oje въ é въ dobroje-dobré — počátkem svým hluboko do doby předhistorické zasahuje). Неслоговое *і* выпадало также въ положеніи между слоговымъ *і* и слѣдующей гласной, при чемъ ija, iju, ije, ją [1]) и т. д. переходили въ *ia*, *iu*, *ie*, ią (znamenia, znameniu, znamenie, kostią); iji измѣнялось въ *ii*, откуда, вѣроятно еще въ обще-западно-слав. эпоху, ī (znamenī). Сочетанія ѣje (umѣje), eje (pѣšeje), ѣja (dѣjaľъ) и др., по выпаденіи j, также перешли въ обще-западно-слав. эпоху въ *ie* (umie), *ie* (pѣšie), *ia* (diaľъ). Въ чешско-словацкомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *iu*, *ie* и др. сохранялись безъ измѣненія первой ихъ части (объ измѣненіи второй скажу въ слѣдующемъ разсужденіи): *і* не переходило въ неслоговое *і*. На это указываютъ тѣ же два обстоятельства, которыя приведены выше при разсмотрѣніи судьбы дифтонгическаго сочетанія *ie* изъ *ѣ* въ чешскомъ языкѣ: а именно чешское ī, являющееся какъ результатъ стяженія *ia*, *iu*, *ie*, показываетъ во 1) что первая часть дифтонга — *і* была слоговой, иначе она не могла бы поглотить второй его части, во 2) что въ этихъ сочетаніяхъ было два слоговыхъ элемента, иначе врядъ ли бы въ результатѣ стяженія явилась долгота.

Опредѣляя условія, при которыхъ между гласными исчезало

---

1) Гебауеръ предполагаетъ, что въ общеслав. языкѣ были не эти сочетанія, а ьja, ьju, ьje и т. д. (ср. с. 559 и сл.). Но я, вслѣдъ за другими изслѣдователями, принимаю уже для общеслав. языка переходъ ъ и ь передъ «j + гласная» въ *у* и *і*. Между прочимъ на него указываетъ и чешское окончаніе им. ед. именъ прилагательныхъ (dobrý): ъjь измѣнилось бы не въ ý (изъ уj), а въ ej. Впрочемъ, на с. 559 самъ Гебауеръ допускаетъ возможность переходной ступени между ъjь и ý въ видѣ уj.

Digitized by Google

въ обще-западно-славянскую эпоху неслоговое *i* (по Гебауеру *j*), Гебауеръ на сс. 555, 556, 557 съ одной стороны предполагаетъ, что оно выпадало лишь при *неударяемости* слѣдующей за нимъ гласной, при чемъ это, по его мнѣнію, объясняетъ появленіе dělâš изъ dělàješь при laješ изъ lajèšь; smieš изъ smě̀ješь, а směješ se изъ smě̀jèšь sę; съ другой стороны онъ указываетъ, что выпаденіе j и послѣдующее стяженіе обусловливались *ударяемостью* слѣдующей за нимъ гласной: táti изъ tajàti, но staje изъ stàja, má изъ mojà, но dvòje изъ dvòja. Думаю, что Гебауеръ напалъ на вѣрную мысль искать объясненія нестяженныхъ формъ при стяженныхъ въ условіяхъ ударенія, но допущенное при этомъ противорѣчіе я не могу себѣ объяснить. Мнѣ кажется, что еще въ обще-славянскомъ языкѣ, въ зависимости отъ ударяемости или неударяемости слѣдующей гласной, различались j и j̨, а именно j̨ являлось только передъ неударяемыми гласными, а j передъ ударяемыми. Если допустить, что въ обще-западно-славянскую эпоху выпадало древнее неслоговое *i*, а не j, то чередованіе, замѣчаемое уже въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго языка между moje и mé, moja и má (Гебауеръ III, 491), должно объяснить такъ, что нестяженныя формы восходятъ къ формамъ съ удареніемъ на окончаніи (mojà, mojìхъ и т. д.), а стяженныя къ формамъ съ удареніемъ па корнѣ или на двусложномъ окончаніи (mòjego, mòjemu, ср. русск. по мòему, чакавск. mòjega, mòjemu, также mojegò, mojemù, русск. моегò, моемỳ, чакавск. mojegà, mojemù). Státi восходитъ къ stòjati (ср. русск. стòять при стоя́ть), а stoják къ stojàкъ (русск. стоя́къ); bázeň восходитъ къ bòjaznь (сербск. бòjа̂зан прилаг., русск. бòязно); pás восходитъ къ pòjasъ (русск. пòясъ); láti къ làjati (русск. лàять) и т. д. Что же касается словъ какъ staje или šíje, то стяженію въ нихъ препятствовала аналогія другихъ женскихъ именъ на ja, какъ напр. zmije.

Въ третьихъ, въ чешско-словацкую эпоху къ приведеннымъ выше дифтонгамъ прибавилось еще iä, явившееся изъ ä долгаго, которое въ свою очередь, по закону о суженіи гласныхъ, изъ ā,

Digitized by Google

причемъ измѣненіе ă долгаго въ iă совершенно аналогично чешско-словацкому измѣненію о долгаго въ uo (см. о немъ у Гебауера, § 183). О случаяхъ сюда относящихся (каковы напр. чешско-словацк. piäťý или piäď) скажу въ слѣдующемъ разсужденіи.

Въ чешскомъ нарѣчіи чешско-словацкіе дифтонги измѣнялись двоякимъ образомъ: или первый элементъ ассимилировалъ себѣ второй, а затѣмъ окончательно поглощалъ его, переходя при этомъ изъ краткаго въ долгое *i*; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною палатальною, сродною слѣдовательно съ *i*: такъ стянулись *ie* (изъ *ie* и изъ *iä*), *iü* (изъ *iu*) въ *ī*: znamení изъ znamenie и znameniä (вм. znamenia), а также изъ znameniü (вм. znameniu); píd изъ pied' (вм. piäd'). Или же второй элементъ ассимилировалъ себѣ первый и затѣмъ окончательно его поглощалъ, замѣняя при этомъ свою краткость долготою; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною *a* (новаго происхожденія, изъ чешско-словацкаго *ä*, о чемъ ниже): *ia* переходило въ *ea-äa-aa* и далѣе въ *ā*, при чемъ само собой понятно, что предшествующія мягкія согласныя, переходя сначала въ полумягкія (передъ *ea*), затѣмъ отвердѣвали: páťý изъ piaťý, а это изъ чешско-словацкаго piäťý. Вѣроятно, кое что въ этихъ положеніяхъ покажется не достаточно обоснованнымъ. Слѣдующее разсужденіе должно выяснить тѣ измѣненія, которымъ еще въ чешско-словацкую эпоху подверглась вторая часть дифтонгическихъ сочетаній *ia*, *iu*.

Въ словацкомъ нарѣчіи дифтонгическія сочетанія *ie*, *iü* (откуда *iu*), *iä* (откуда *ia*) переходили съ теченіемъ времени въ je, ju, ja: znamenje, znamenju, znamenja, pjad', pjaty.

5. **О чешско-словацкомъ суженіи гласныхъ (перегласовка).** Терминами přehláska и přehlasování Гебауеръ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, обозначаетъ измѣненіе *a* въ ě (*e*) и *u* въ *i*, измѣненіе, вызванное мягкими согласными (стр. 122). Это измѣненіе онъ признаетъ не общимъ для всего чешско-словацкаго языка, а ограничиваетъ его дѣйствіе только западной его половиной, т. е. чешскими и частью западно-моравскими говорами

Digitized by Google

(ср. § 103, стр. 118 и § 211). При этомъ, употребляя общій терминъ для этихъ звуковыхъ явленій (перехода *а* въ *е*, *и* въ *і*), Гебауеръ, очевидно, имѣетъ въ виду только конечный результатъ, полученный вслѣдствіе измѣненія звуковъ *а* и *и*; самый процессъ измѣненія въ томъ и другомъ случаѣ былъ, по его мнѣнію, различный. Описывая въ § 104 измѣненіе *а* въ *е*, онъ объясняетъ его ассимиляціею звука *а* предшествующей согласной: въ сочетаніи ša было два разнородныхъ элемента — мягкая передненёбная (měkká, podnebná) согласная и задненёбная (hrdelná) гласная; приближаясь все ближе и ближе къ тому положенію органовъ рѣчи, при которомъ произносится š, гласная *а* принимала оттѣнки, все болѣе и болѣе отличающіеся отъ задненёбнаго *а*, пока наконецъ она не стала звучать какъ ˈe, ě, т. е. duša измѣнилось въ duše. Отсюда ясно, продолжаетъ Гебауеръ, почему слѣдующія за *а* твердая согласная и широкая гласная препятствуютъ перегласовкѣ, напр. jako, а не jěko, и почему, напротивъ, мягкая согласная и узкая гласная поддерживаютъ такой переходъ, напр. zapřahu, но zapřěžeš и т. д. Изъ приведеннаго описанія Гебауера видно, что онъ объясняетъ переходъ *а* въ *е* уподобленіемъ *а* предшествующей согласной; поэтому замѣчаніе, что *а* переходило въ ˈe, ě должно быть признано неточнымъ, если мы вспомнимъ, что по § 90 знакъ ˈe обозначаетъ je. Впрочемъ, указанная неточность нисколько не затемняетъ сути дѣла: очевидно, Гебауеръ хотѣлъ сказать, что ˈ*а* (т. е. *а* съ предшествующей мягкой согласной) переходило въ ˈ*е* (т. е. *е* съ предшествующей мягкой согласной).

Въ § 163, озаглавленномъ «*i* vzniká podružně v slabikách měkkých před *u* a *a*», описывается процессъ измѣненія *и* въ *і*. Изъ сопоставленія этого описанія со сказаннымъ въ §§ 207 и 209 видно, что Гебауеръ допускаетъ для чешскаго нарѣчія измѣненіе ču, šu, žu, ňu, ju и т. д. въ čju, šju, žju, ňju, jju, объясняя его появленіемъ паразитнаго *і*, возникавшаго при переходѣ отъ мягкой согласной къ гласной *и* (с. 270); въ дифтонгахъ ju, jū первый членъ получалъ все большій и большій перевѣсъ надъ вторымъ,

Digitized by Google

и въ результатѣ вм. ju явилось *i*, а вм. jū — *ī*: dušu черезъ посредство dušju измѣнилось въ duši, našū черезъ посредство našjū въ našī и т. д. Съ этимъ чешскимъ явленіемъ, называемымъ proniknoutím měkkosti v jotaci (с. 89 и др.), Гебауеръ сопоставляетъ во 1) предполагаемый имъ, на основаніи написаній какъ mžžu, моужю, старославянскій и древне-русскій переходъ žu, šu, ša, ča въ žju, šju, žja, šja, во 2) словацкое измѣненіе čā, žā и т. д. въ čia, žia: žiar въ соотвѣтствіи чешскому žár, čias въ соотвѣтствіи чешскому čás.

Остановлюсь сначала на приведенномъ объясненіи Гебауера чешскаго перехода *u* въ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ. Прежде всего замѣчу, что указанныя имъ явленія старославянскаго и русскаго языковъ ничего общаго съ выдѣленіемъ мягкими согласными паразитнаго *i* не имѣютъ: mžžu старославянскихъ, моужю русскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ или только о мягкости *ж* или, кромѣ того, о какомъ то измѣненіи звука *y* въ направленіи къ *i* (ü). Словацкое *ia* мы находимъ въ соотвѣтствіи только съ долгимъ *a* чешскихъ говоровъ: слѣдовательно čias вм. čás нельзя сравнивать съ предполагаемымъ dušju вм. dušu, такъ какъ *ju является на мѣстѣ какъ долгаго, такъ и краткаго *u*. Далѣе, допустивъ появленіе паразитнаго *i* въ положеніи между смягченной согласной и *u*, мы ожидали бы параллельнаго измѣненія *a* въ ja: рядомъ съ dušju изъ dušu должно было возникнуть dušja изъ duša; между тѣмъ Гебауеръ не допускаетъ такого перехода, объясняя duše непосредственно изъ duša. Не подлежитъ сомнѣнію, что между мягкой согласной и слѣдующей гласной можетъ развиваться паразитное *j*, но такое явленіе захватываетъ обыкновенно только одинъ какой нибудь рядъ согласныхъ; такъ въ особенности часто на мѣстѣ мягкихъ губныхъ возникаютъ сочетанія губныя j, ср. совр. чешск. bjeh, mjech (пиш. běh, měch) вмѣсто чешско-словацк. b'eh, m'ech (отсюда, съ отвердѣніемъ губныхъ, въ словацкомъ beh, mech). Въ предположенномъ же Гебауеромъ старо-чешскомъ явленіи паразитное *i* возникаетъ послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ и даже послѣ j; если мы при-

Digitized by Google

мемъ во вниманіе, что l' въ очень древнюю эпоху измѣнилось въ чешскихъ говорахъ въ *l* (среднее), появленіе l̨iud (откуда lid) вм. lud (изъ l'ud) станетъ непонятнымъ, такъ какъ врядъ ли паразитное *i* могло бы выдѣлиться изъ немягкой согласной; изъ сравненія чешскаго и словацкаго нарѣчій вытекаетъ, что согласныя *s*, *z*, *dz*, *c* отвердѣли уже въ чешско-словацкую эпоху; непонятно, какимъ же образомъ *cu*, напр. въ sviecu, vĕncu, могло измѣниться въ c̨iu (ср. совр. svícі, vĕncі) въ чешскую эпоху. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я нахожу объясненіе, предложенное Гебауеромъ тому фонетическому процессу, въ результатѣ котораго вм. *u* явилось въ чешскомъ языкѣ *i*, неправильнымъ. Мнѣ кажется, что Гебауеръ введенъ въ заблужденіе здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, особенностями старо-чешской графики. Дѣло въ томъ, что, начиная съ XIV вѣка, звуковыя сочетанія šu, ču, cu, žu, řu, l'u и т. д., изображаются въ чешскихъ, и при томъ, какъ видно изъ указаній Гебауера на с. 271, только въ западно-чешскихъ памятникахъ, черезъ ssyu (dussyu), ziu (krsiziu), czyu (oraczyu), c̨iu (zamuciugiu), liu (liubost), rzyu (morzyu), lyu (spasytelyu), rziu (rziugiucz) и т. д.; см. примѣры у Гебауера, (с. 268 и 270), который однако ошибочно смѣшиваетъ ихъ со случаями, гдѣ написанія yu, iu могутъ обозначать дифтонгическое сочетаніе *iu*, перешедшее въ чешскій языкъ изъ чешско-словацкой эпохи и въ немъ еще не стянувшееся: giedenyu Виттенбергской псалтыри середины XIV в., chwalenyu въ древней псалтыри съ чешскими глоссами и др. надо сопоставлять съ написаніями bdyenye, bdienie тѣхъ же памятниковъ, гдѣ ye, ie по Гебауеру (с. 188) обозначаютъ дифтонгическое сочетаніе *ie*. Но и въ этихъ случаяхъ видимъ иногда странное удвоеніе буквы, обозначающей звукъ *i*: zzmy̆rtyiu, podnozyiu; ср. изображеніе *ju* черезъ gyiu (dyekugyiu), giu, gyu (zwiestugyu, bogiugiucі). Какъ же объяснить себѣ подобное графическое явленіе? Что *y*, *i* въ dussyu, krsiziu не обозначаетъ мягкости согласныхъ š, ž видно 1) изъ того, что сочетанія ša, ža писались черезъ ssya, ziа вообще очень рѣдко (Гебауеръ, с. 128) и можетъ быть частью лишь тамъ,

Digitized by Google

гдѣ въ живомъ произношеніи писца слышалось дифтонгическое сочетаніе, подобное словацкому ja въ počiatok (чешск. počátek); 2) изъ того, что въ памятникахъ, относящихся къ восточной половинѣ чешской семьи, какъ доказываетъ Гебауеръ (с. 271), подобнаго изображенія мягкости согласной не встрѣчается (slubugu, prawiczu, dussu, chczu и т. д.). Вотъ почему Гебауеръ рѣшился связать описываемое графическое явленіе съ западно-чешскимъ звуковымъ измѣненіемъ *u* послѣ согласныхъ въ *i*, объясняя указанныя написанія какъ изображеніе дифтонгическаго сочетанія ju, возникавшаго указаннымъ выше путемъ, и принимая его за посредствующій звукъ между древнимъ *u* и новымъ *i*. Мысль Гебауера какъ будто подтверждается еще однимъ остроумнымъ его соображеніемъ: сочетанія ču, šu и т. д. изображаются въ ихъ новомъ, измѣненномъ фонетическомъ видѣ при помощи только буквъ u и i (czyu, ssiu), а никогда не черезъ *g*, которое служитъ знакомъ для звука j; слѣдовательно, ču, šu перешли именно въ čju, šju, а не въ čju, šju; а этотъ выводъ стоитъ въ связи, какъ съ возможностью такихъ написаній какъ bogiugiucí (произносившееся, по мнѣнію Гебауера, какъ bojjujjúcí, а не какъ bojjujjúcí, откуда для него очевидно, что *iu* обозначало не *ju*, а ju), dyekugyiu (děkujjú), такъ и съ самымъ переходомъ *u* въ чешское *i*, которое, по мнѣнію автора исторической грамматики, легче всего объяснить изъ дифтонгическаго сочетанія ju (ср. у Гебауера, с. 269 — 270).

Но я остаюсь при выше приведенномъ мнѣніи, что ču, šu, l'u и т. д. не могли измѣниться въ čju, šju, lju и что, слѣдовательно, для чешскаго *i* изъ *u* надо искать другого объясненія. Мнѣ кажется, что графика чешскихъ памятниковъ подсказываетъ правильное разрѣшеніе вопроса: дѣйствительно, если Гебауеръ не рѣшается допустить на основаніи написанія bogiugiucí произношенія bojjujjúcí, то также трудно признать возможнымъ произношеніе bojjujjúcí: думаю, что сочетаніе jj, если бы даже оно возникло въ языкѣ, тутъ же измѣнилось бы въ j или j; но если *iu* въ bogiugiucí нельзя прочесть ни какъ ju ни какъ ju, то

Digitized by Google

остается предположить, что *iu* изображало не два звука, а одинъ; — предположить, что *iu* изображало звукъ *u* со смягченіемъ предшествующей согласной, конечно, возможно, при чемъ giu, т. е. ju, въ bogiugiuci можно было бы сопоставить съ gio въ obyčegiowé (Гебауеръ, 528); но противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что подобныя *iu, yu* встрѣчаются только въ западно-чешскихъ памятникахъ, при чемъ это ставитъ ихъ въ связь съ измѣненіемъ *u* въ *i*. Въ виду этого остается лишь одно возможное предположеніе: *yu, iu* были приблизительнымъ и неточнымъ изображеніемъ того звука, въ который перешло *u* послѣ смягченныхъ согласныхъ и который затѣмъ измѣнился въ *i*; такимъ звукомъ было несомнѣнно ü: изслѣдователь, даже незнакомый съ графикой чешскихъ памятниковъ, сопоставляя старое l'ud съ новымъ lid, старое juh съ новымъ jih, долженъ предположить посредствующія lüd, jüh.

И такъ, мы должны допустить, что въ извѣстную эпоху жизни чешскаго языка мягкія согласныя измѣнили слѣдующій за ними звукъ u въ ü: подобное измѣненіе, по происхожденію своему, есть уподобленіе гласной предшествующей согласной; физіологическую возможность такого уподобленія доказываетъ то, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ, хотя и въ спорадическихъ случаяхъ, встрѣчается при сходныхъ условіяхъ измѣненіе *u* въ *ü*; даже въ русскихъ говорахъ извѣстно произношеніе чайк'ü (вм. чайку), д'ейшка (вм. дядюшка), а въ нашемъ литературномъ нарѣчіи мы сплошь да рядомъ произносимъ звукъ *u* между двумя мягкими согласными какъ ü (ľübiš). На то, что именно такой переходъ звука u въ направленіи къ *i* былъ возможенъ въ чешскомъ языкѣ, указываетъ разсмотрѣнное уже выше измѣненіе *a* въ *e*, которое, вслѣдъ за Гебауеромъ, я понимаю какъ слѣдствіе сначала постепеннаго, а въ результатѣ полнаго уподобленія звука *a* предшествующей мягкой согласной. Но соотвѣтствіе между измѣненіемъ напр. ča въ če и ču въ čü нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что čü (откуда či) мы находимъ не только передъ мягкими согласными и въ концѣ слова, но также и передъ

Digitized by Google

твердыми согласными, а če изъ ča передъ твердыми согласными вообще не извѣстно (čas, но cit). Если же мы предположимъ, что ča измѣнилось сначала въ čä, а потомъ уже или въ če или въ ča (передъ твердыми согласными), то указанное несоотвѣтствіе будетъ устранено: ča и ču всюду, при всякихъ условіяхъ, переходили въ čä и čü; измѣненіе же čä въ če уже не параллельно и не тожественно съ измѣненіемъ čü въ či, такъ какъ происходило при разныхъ условіяхъ и, можетъ быть, въ разное время.

Приведенныя соображенія ведутъ насъ къ неминуемому заключенію о томъ, что въ явленіяхъ перегласовки или суженія гласныхъ надо различать два момента: къ первому принадлежитъ переходъ *a* и *u* въ ä и ü подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ, ко второму относится измѣненіе ä въ *e* и съ нимъ несходное, возникшее при особыхъ отъ него условіяхъ измѣненіе всякаго ü въ *i*. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ явленій, считаю возможнымъ теперь же утверждать, что первый изъ указанныхъ двухъ моментовъ принадлежитъ чешскословацкой эпохѣ, а второй имѣлъ мѣсто уже въ эпоху отдѣльной жизни чешскаго нарѣчія. Правда, съ одной стороны мы не найдемъ прямыхъ указаній на то, что и въ словацкомъ существовало нѣкогда ü, замѣнившее *u*, но современное словацкое *u* возможно объяснять изъ ü, при чемъ, слѣдовательно, чешскословацкое ü измѣнилось бы въ *i* въ чешскомъ нарѣчіи, а въ *u* въ словацкомъ. За то съ другой стороны мы находимъ рядъ указаній на то, что словацкому нарѣчію въ его исторіи не чуждъ звукъ ä изъ *a*: такъ, во-первыхъ, такое ä до сихъ поръ слышится послѣ губныхъ (päta, svä́zok, päť, pamäť, holúbä), а діалектически также и послѣ другихъ согласныхъ: čäs, nošä, ulicä, prädza, jätriť и т. д. (Гебауеръ 131). При этомъ твердый характеръ губныхъ въ словацкомъ нарѣчіи не позволяетъ объяснять такое ä изъ *a* вліяніемъ смягченной согласной и поэтому уже вѣроятно, что ä должно восходить къ болѣе древней, чешскословацкой эпохѣ; такое предположеніе становится особенно убѣдительнымъ, если мы сопоставимъ словацкое päť съ чешскимъ pět. Во-вторыхъ, въ

Digitized by Google

соотвѣтствіи съ ā въ краткихъ слогахъ находимъ *ia* въ долгихъ, т. е. словацкое ā соотвѣтствуетъ краткому, а *ia* — долгому звуку чешскословацкаго языка и чешскаго нарѣчія: ср. piatok, pamiatka, piaď въ соотвѣтствіи съ чешскими pátek, památka, píd. Такое ja (пишется ia) очевидно восходитъ къ дифтонгическому сочетанію *ia*, которое, въ свою очередь, указываетъ на то, что гласная, замѣненная дифтонгическимъ сочетаніемъ, была долгая: дѣйствительно, долгая гласная должна была измѣниться именно въ сочетаніе съ двумя слоговыми гласными, а не въ сочетаніе неслоговая гласная + слоговая. Но долгая гласная, распавшаяся на сочетаніе *ia*, должна была принадлежать къ пёбнымъ гласнымъ, такъ какъ предположеніе о томъ, что въ *ia* перешло ā (piatok изъ p̄ātok), опровергается во всякомъ случаѣ тѣмъ, что распаденію на дифтонгическое сочетаніе подлежатъ въ славянскихъ языкахъ гласныя смѣшаннаго характера, а никакъ не *a* (ср. *uo* вм. *o* долгаго, *ię* вм. *e* долгаго, діалектически въ моравскихъ говорахъ, ср. Гебауеръ § 128). Объяснять же, вслѣдъ за Гебауеромъ (§ 163 и др.), словацкое piatok изъ p̄ātok тѣмъ, что за мягкимъ *p* явилось паразитное *i* или *j*, нельзя хотя бы потому, что ā при этомъ отражается въ словацкомъ въ видѣ ä. Остается признать что ja въ piatok изъ *ia*, а *ia* замѣнило ā долгое, непосредственно же iā: предположеніе ā долгаго въ чешскословацкомъ словѣ, соотвѣтствующемъ чешскому pátek, словацкому piatok, вѣроятно какъ само по себѣ, такъ въ особенности потому, что, въ соотвѣтствіи съ предполагаемымъ ā долгимъ, мы дѣйствительно находимъ краткое ä: словацкое pät. Но ja на мѣстѣ чешскихъ á и í является въ словацкомъ не только послѣ губныхъ, но также послѣ всѣхъ вообще согласныхъ: riad, čias p. мн. (им. ед., діалектически: čäs), priasť и priadza (ср. діалект. prädza), čiara, mesiac, tiahnuť, triasť sa, desiatok и т. д.: это обстоятельство съ одной стороны утверждаетъ меня въ мысли, что ja нельзя объяснять proniknoutím měkkosti v jotaci (Гебауеръ), такъ какъ напр. *s* (ср. mesiac, desiatok) отвердѣло еще въ чешскословацкую эпоху, а съ другой указываетъ, что ā дол-

Digitized by Google

гое, а слѣдовательно и краткое замѣнили въ чешскословацкомъ ā и ă не только послѣ мягкихъ губныхъ, но и вообще послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ.

И такъ перехожу къ перегласовкѣ или суженію гласныхъ въ чешскословацкую эпоху. Въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ мы видѣли, рядомъ съ сочетаніями «палатализованная согласная + гласная» были извѣстны сочетанія «лабіализованная согласная + гласная». Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ полное соотвѣтствіе между степенью нёбности или лабіализаціи согласной и слѣдующей гласной существовало далеко не во всѣхъ сочетаніяхъ: правда, мы находимъ здѣсь соченія $p^{i}i$, $t^{e}e$, $n^{u}u$, но рядомъ были извѣстны и $š^{i}a$, $š^{i}u$, $p^{i}ą$, а также $d^{o}a$, $r^{o}a$, или $d^{u}a$, $r^{u}a$ (ср. выше въ разсужденіи объ обще-западно-славянской лабіализаціи). Это несоотвѣтствіе другъ другу обоихъ элементовъ — согласной и слѣдующей за нею гласной въ чешскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (между прочимъ въ нижне-лужицкомъ), устранялось уподобленіемъ гласной предшествующей согласной (ср. нижне-лужицкій переходъ o^{2}, т. е. открытаго *o*, въ *uo* послѣ лабіализованныхъ губныхъ и гортанныхъ). Въ результатѣ уподобленія *a* и *u* предшествующимъ палатализованнымъ согласнымъ явились соотвѣтствующія нёбныя — ä, ü; такому же измѣненію подверглось *o*, перешедшее въ ö послѣ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, гдѣ *o* замѣнило *e* въ чешскословацкую, а можетъ быть еще и обще-западно-славянскую эпоху. Одновременно съ переходомъ *a*, *u*, *o* въ ä, ü, ö послѣ мягкихъ согласныхъ имѣлъ мѣсто переходъ *a*, *u* въ ä, ü и послѣ звука *i* въ сочетаніяхъ *ia*, *iu*, полученныхъ еще изъ обще-западно-славянскаго языка. Разсмотрю отдѣльно случаи, гдѣ въ чешскословацкомъ явились ä, ü, ö новаго происхожденія, отмѣтивъ, что появленіе ихъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей отвердѣнію согласныхъ c, s, z, dz въ чешскословацкомъ языкѣ.

Звукъ *a* измѣнился въ чешскословацкую эпоху въ ä, какъ въ сочетаніяхъ, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ

Digitized by Google

«смягченная согласная + a» (ča, l'a, r'a, ja и т. д.), такъ въ сочетаніяхъ «мягкая согласная + a», гдѣ мягкость согласной явилась въ обще-западно-славянскую эпоху (p'a, t'a, r'a, ja и т. д. непосредственно изъ p'ą, t'ą, r'ą, ją), такъ, наконецъ, и въ сочетаніи *ia*, возникшемъ въ обще-западно-славянскую эпоху изъ ią. При этомъ уже въ чешскословацкую эпоху ă изъ *a* имѣло двоякую окраску: вообще на мѣсто *a*, подъ вліяніемъ предшествующаго нѣбнаго (вполнѣ мягкаго) звука, являлось ă закрытое (ă¹ Сиверса); но тамъ, гдѣ за *a* слѣдовала твердая согласная, оно не могло измѣниться такъ далеко въ направленіи къ *i* и переходило въ ă открытое (ă² Сиверса). Подобное различіе ă¹ и ă² для чешскословацкаго періода доказывается тѣмъ, что древнее *a* послѣ мягкой согласной и передъ согласными, отвердѣвшими еще въ чешскословацкомъ языкѣ, имѣетъ въ чешскомъ ту же судьбу, что передъ согласными, сохранявшимися мягкими или полумягкими еще въ чешскую эпоху (ср. чешскія ě передъ z въ kněz, vítěz, — ie, откуда í, передъ z, c: peniez, měsiec, откуда peníz, měsíc, viece, откуда více). Долгія ă¹ и ă² распались въ чешскословацкомъ въ дифтонгическія сочетанія iă¹ и iă², подобно тому какъ въ немъ распалось *o* долгое въ *uo* (чешскословацкое buoh, nuož и т. д.). Любопытно при этомъ, что положеніе звука ă послѣ j не помѣшало измѣненію его въ iă: такъ zajăc (съ ă долгимъ) изъ zajāc перешло въ zajiăc: отсюда, какъ увидимъ ниже, въ чешскомъ zajíc (ī изъ iă¹), а въ словацкомъ jia, откуда тотчасъ же ja или ja: zajac (съ *a* краткимъ). Дифтонгическое сочетаніе iă изъ ă долгаго совпало такимъ образомъ по звуку съ iă изъ болѣе древняго *ia* (общеслав. ią). Приведу примѣры, гдѣ въ чешскословацкую эпоху существовали новые звуки ă¹ и ă² отдѣльно или въ сочетаніи съ предшествующимъ *i*. Чешскословацк. ă¹: duš'ă, višn'ă, búr'ă, vuol'ă, diet'ă, p'ăt°, kn'ăź (откуда kn'ăz), běžăli, časě (мѣстн. ед.); iă¹: sudiă, bratriă, znameniă (р. ед.); čiăš'a, piăd°, měsiăc (откуда měsiăc); ă²: t'ăh, úr'ăd, s'ădu, jăsný, č'ăs; iă²: riăd, piatý, tiăhnút, jiăma, sedliăk. Звуки ă¹, ă² и дифтонгическія сочетанія iă¹, iă² сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Digitized by Google

Звукъ *u*, въ положеніи за мягкой согласной, а также въ дифтонгическомъ сочетаніи *iu* (изъ iju, ią), измѣнился въ ü. Краткое ü находимъ, напримѣръ, въ чешскословацкихъ: l'üd, c'üdzí, br'ücho, št'üka, jütro, mor'ü, vuol'ü; долгое ü въ kl'üč, kryjü (3 л. мн.) и т. д.: iü въ формахъ, какъ znameniü, bratriü (вин. ед.). Звукъ ü и дифтонгическое сочетаніе iü сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *o* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ былъ въ чешскословацкомъ языкѣ сравнительно новаго происхожденія. Въ общеславянскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ *e*, измѣнившееся въ *o* по причинамъ нефонетическимъ, можетъ быть, еще въ общезападно-славянскую эпоху. Въ § 180 Гебауеръ даетъ любопытныя указанія на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ чешскаго языка, въ различныхъ окончаніяхъ падежей и именныхъ основъ, слышалось уже *o* вм. общеславянскаго *e*: konom (т. е. koňóm), otczowe, od muzow, kralowi, plecoma, s czyzolozczy (cizoložec), cralowstwo, ohnouata mluwa и т. д. Сопоставляя подобную же нефонетическую замѣну *e* черезъ *o* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, Гебауеръ признаетъ ее особенностью, свойственною всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ, особенностью, восходящею, слѣдовательно, къ эпохѣ обще-западно-славянскаго единства. Указавъ на то, что подобное же *o* вм. *e* находимъ во многихъ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ, авторъ исторической грамматики справедливо признаетъ это *o* не стоящимъ въ прямой генетической связи съ старочешскимъ *o*, такъ какъ между древнѣйшею эпохою, знавшею въ приведенныхъ случаяхъ *o*, и новѣйшею находится такая эпоха, гдѣ на мѣсто ŏ и ō явились ě и ie; начиная съ самаго начала XIV и кончая концомъ XV вѣка (ср. Гебауеръ, с. 240), въ памятникахъ наблюдаются написанія, какъ oracziew, diediczyewi, bogiewy, muziem, kralewy, tancziewati, slowo otcziewo и т. д.; слѣдовательно, въ современныхъ srco, mužovi, dušo, čomu и т. д. *o*, уже на почвѣ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, замѣнило болѣе древнее e подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій отъ твердыхъ основъ (vlivem paral-

Digitized by Google

lelních tvarů tvrdých, moře podle město atp.; Гебауеръ, с. 238). Я вполнѣ раздѣляю соображенія Гебауера и перехожу къ вопросу, какъ же явились mužiem вм. mužóm, otcěvo вм. otcovo. Гебауеръ (с. 240) объясняетъ появленіе ě, ie въ подобныхъ формахъ вліяніемъ аналогіи, а именно вліяніемъ склоненія женскихъ основъ на *a* на склоненіе мужскихъ и среднихъ основъ на *o*: рядомъ съ формами дат. мн. oráčóm, mořóm, были извѣстны формы какъ dušiem, panіem (чешскословацкія dušiām, panіām непосредственно изъ dušām, pan'ām съ ā долгимъ, а эти изъ dus'ām, pan'ām); рядомъ съ oráčoma, mořoma были dušěma, panošěma; вслѣдствіе этого явились oráčiem, mořiem, oráčěma, mořěma; чередованіе oráčoma и oráčěma вызывало при oráčovi oráčěvi. Такое объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ во 1) предполагаетъ вытѣсненіе дѣйствія одной аналогіи, и при томъ аналогіи весьма естественной и доказанной для разныхъ періодовъ существованія разныхъ славянскихъ нарѣчій (вліяніе твердыхъ основъ на склоненіе мягкихъ),— дѣйствіемъ другой, и при томъ весьма сомнительной (вліяніе склоненія женскихъ основъ на мужскія и среднія), во 2) упускаетъ изъ виду, что уже съ XVI — XVII вѣка на смѣну этой новой аналогіи появляется опять первоначальное вліяніе твердыхъ основъ на мягкія, при чемъ въ 3) oráčěma, oráčěvi не только явились при oráčoma, oráčovi и чередовались съ ними, но даже окончательно ихъ вытѣснили въ XIV и XV вв. Уже въ виду кратковременности безраздѣльнаго господства формъ какъ oráčěvi, oráčěma, надо признать, что онѣ замѣнили oráčovi, oráčoma подъ вліяніемъ извѣстнаго фонетическаго закона, съ прекращеніемъ дѣйствія котораго прекратилось и ихъ существованіе. Вотъ почему я допускаю фонетическій переходъ *o* въ *e* послѣ смягченныхъ согласныхъ. Имѣя въ виду, что, одновременно съ измѣненіемъ послѣ смягченныхъ согласныхъ *a* и *u* въ ä и ü, въ томъ же положеніи должно было измѣниться и *o*, я отношу измѣненіе *o* послѣ смягченныхъ согласныхъ къ чешско-словацкому періоду и допускаю переходъ его не въ *e*, а въ ö: č'o измѣнилось въ č'ö, подобно

Digitized by Google

тому какъ č'a въ č'ä, č'u въ č'ü. Долгое ö изъ долгаго *o* распалось въ чешско-словацкую эпоху на üö, подобно тому какъ долгое ä, согласно предыдущему, распалось на iä, а долгое *u* на *uo*; üö измѣнилось еще въ чешско-словацкій періодъ въ iö, повидимому, вслѣдствіе перехода ü въ *i* въ положеніи передъ ö (ср. позднѣйшій, собственно чешскій переходъ ü въ *i* уже при всякомъ положеніи); при этомъ, одновременно съ переходомъ ü въ *i*, произошло измѣненіе ö въ *e* закрытое, что вызывалось потерею второю частью дифтонга своей лабіализаціи, подъ вліяніемъ потери лабіализованнаго характера первою частью дифтонга. Дифтонгическое сочетаніе ie такого происхожденія (т. е. изъ üö, а это изъ долгаго *o*) являлось, напримѣръ, въ формахъ дат. п. мн. ч. мужского и средняго рода отъ мягкихъ основъ: koniem, srdciem изъ kon'óm, srdc'óm (ср. старочешскія написанія, какъ konom, srdczom, Гебауеръ, III, 109 и 158). Что въ чешско-словацкомъ въ такихъ формахъ былъ именно дифтонгъ ie, а не iä, я заключаю изъ того, что въ чешскомъ онъ измѣнился не въ ä, а въ í, ср. новочешск. koním, moří́m, а подъ вліяніемъ мужскихъ и среднихъ основъ также duším вм. ожидаемаго dušám (iä[2] измѣнялось въ á): ср. вліяніе мужскихъ и среднихъ основъ на женскія въ діалект. om (kravom, Гебауеръ, III, 181) и em (dušem, какъ mužem) вм. ám. Ниже мы увидимъ, что чешское í восходитъ непосредственно къ ie: написанія памятниковъ, какъ muziem, konyem, otcziem, towarzyssyem, sirdcziem, а также какъ dussyem, studniczіem можно читать, слѣдовательно, съ ie. И такъ, въ чешско-словацкую эпоху были извѣстны звуки: ö изъ *o*, напр. въ mor'ö, src'ö, duš'öu, muž'öm (тв. ед.) и т. д.;—дифтонги ie изъ ō (черезъ посредство üö): koniem, srciem и т. д. Этотъ звукъ ö и этотъ дифтонгъ ie не подвергались въ указанную эпоху дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію судьбы звуковъ ä[1], ä[2], ü, ö, e, дифтонговъ ie, iä[1], iä[2], iü въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ, остановлюсь на вопросѣ объ измѣненіи ē въ дифтонгъ, измѣненіи, относящемся также еще къ чешско-словацкой эпохѣ.

6. **О чешско-словацкомъ измѣненіи долгаго e.** Извѣстно, что

Digitized by Google

долгія гласныя *o* и *ă* еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнились въ *uo* и *iă*: ср. чешск. vůle, словацк. vôľa (чит. vuoľa); чешск. píď, старочешск. pieď и словацк. piaď (изъ p[1]ăď съ долгимъ ă). Мнѣ представляется необходимымъ допустить, что, одновременно съ указаннымъ переходомъ, измѣнялось и *e* долгое: оно должно было перейти въ дифтонгическое сочетаніе и именно въ сочетаніе, однородное съ указанными *uo*, *iă*. И дѣйствительно, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ можно найти примѣры, доказывающіе переходъ ē въ ie: Гебауеръ на с. 143 говоритъ, что *ie* (пишется ie, ié, jé, ye и т. д.) вм. é мы находимъ въ особенности часто въ памятникахъ XVI вѣка; но онъ понимаетъ это *ie* лишь какъ діалектическое измѣненіе ē, тогда какъ общимъ для всей чешской семьи представляется сохраненіе долгаго *e* безъ измѣненія (ср. 140); такъ памятники даютъ примѣры для ie въ словахъ: řiecí (первонач. řecí съ ě), řieveš (ie вм. ě, ср. съ ů въ můžeš), žieneš, žiereš, šiel (ср. muohl), šiest, včiela (ср. hůra), včiera, večier, прич. на en (proščien, spatřien) и т. д. Справедливо утверждая, что написанія памятниковъ доказываютъ существованіе именно дифтонговъ въ этихъ и подобныхъ словахъ и формахъ, Гебауеръ сравниваетъ старочешское *ie* съ діалектическимъ *ie* въ словацкихъ говорахъ на Моравѣ и въ среднесловенскомъ говорѣ въ Чехіи: sjédmy, šjésty и šiesty, šieu, lieži (3 ед.), večier, niesť и т. д. Но, продолжаетъ Гебауеръ, не каждое é измѣнялось такимъ образомъ, а только то, на которое имѣются указанія въ памятникахъ; при этомъ достойно вниманія, что только въ ограниченномъ числѣ памятниковъ встрѣчается подобное измѣненіе, допускаемое къ тому же только въ нѣкоторыхъ слогахъ, а именно въ слогахъ: ře, lé, že, še, če и въ заимствованномъ окончаніи -ěř (ieř, напр. въ haltieř). Отсюда видно, что измѣненіе это было спорадическимъ; рядомъ съ řie и т. д. сохранялось и řé и т. д. Но съ теченіемъ времени различіе это прекратилось, такъ какъ и é и *ie* сузились въ í: древнія, различно произносившіяся, řécí и řiecí, večér и večier и т. д. дали впослѣдствіи одинаково řící, večír и т. д. Въ этомъ объясненіи ученаго автора мы

Digitized by Google

опять встрѣчаемся съ своеобразнымъ пониманіемъ фонетическихъ явленій: для меня несомнѣнно, что, при существованіи фонетическаго закона объ измѣненіи é въ *ie*, ŕéci не могло *сохранять* своего é; слѣдовательно, если законъ о появленіи *ie* вмѣсто é не былъ діалектическимъ и если онъ не ограничивался положеніемъ послѣ извѣстныхъ только согласныхъ, мы должны объяснять í въ ŕíci, равно и въ hnísti, píct, kamínek и т. д., изъ *ie*, вм. первоначальнаго é, а é въ современномъ языкѣ признавать замѣною *ie* или í, вызванною какими нибудь новыми причинами. Остановлюсь сначала на происхожденіи современнаго í вм. é. На сс. 141 и 142 Гебауеръ указываетъ, что é измѣняется въ í послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ же твердыхъ вмѣсто é является также í (пишется í и ý), не смягчающее предшествующей согласной, но рядомъ сохраняется и é, въ особенности въ падежныхъ окончаніяхъ, не допускающихъ такого перехода; кромѣ того é сохраняется въ положеніи послѣ *l*; такъ мы имѣемъ въ современномъ письменномъ языкѣ: ŕíci, hnísti (изъ hnésti); kamínek, píct, okýnko, stýblo, stéblo; dobré, dobrého; kazatelé, léci и т. д. Въ говорахъ чешскаго языка переходъ é въ í проведенъ послѣ всѣхъ согласныхъ и не ограниченъ какими нибудь условіями: suchý stýblo (вм. suché stéblo), malí vokýnko, dobrýho vína. Въ словацкихъ говорахъ рядомъ съ *ie*, соотвѣтствующимъ первоначальному é, сохраняется é: tiecť, но dcéra, dobrého. Я думаю, что на основаніи приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ допустить чешско-словацкій переходъ ē въ дифтонгическое сочетаніе, а современное é въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ объяснять вліяніемъ различныхъ родственныхъ словъ и грамматическихъ образованій съ ě, вытѣснявшимъ ī и ie. Это дифтонгическое сочетаніе послѣ согласныхъ мягкихъ (исконно смягченныхъ) звучало, повидимому, какъ iă: hn^{i}iăsti, šiăstý; а послѣ полумягкихъ какъ iă или yă, гдѣ знакомъ y обозначаю звукъ, близкій къ малорусскому *и*: syădmý, pyăci, tyăci, dobryăho, lyăci. Въ чешскихъ говорахъ iă, какъ и всякое другое iă, измѣнилось въ í, а yă—въ ý передъ смягченными согласными: hnísti, vajíčko и т. д.; напротивъ, передъ

Digitized by Google

твердыми согласными iă, uă переходили въ ā; достовѣрныхъ примѣровъ такого á не имѣется, такъ какъ á, í и ú, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій, замѣнены черезъ é: ср. stéblo подъ вліяніемъ steblo, péci вм. púsi подъ вліяніемъ peku, nésti вм. nústi подъ вліяніемъ nesu; равнымъ образомъ краткое *e* изъ словъ какъ krásne, krásneho (долгая гласная окончанія сокращалась послѣ предшествующаго долгаго слога, кажется, еще въ чешско-словацкую эпоху, ср. совр. словацк. krásne при dobré) переносилось вмѣсто ú въ слова какъ dobrý, dobrúho[1]), откуда dobré, dobrého. Подобной же замѣнѣ подвергалось í другого происхожденія, а именно изъ первоначальнаго *ie* (изъ ije): kazatelí измѣнилось въ kazatelé подъ вліяніемъ přatele (Гебауеръ I, 140). Слѣдуетъ замѣтить, что í и ú вытѣснялись не только долгимъ, но и краткимъ *e*: ср. nesti, pesi при nésti, péci; šestý, sedmý вм. šístý, sýdmý (словацк. šiesty, siedmy); точно также lidí изъ lidie (ludie) перешло въ lidi подъ вліяніемъ краткаго *i* въ hadi и т. д. (Гебауеръ III, 373).

Въ словацкихъ говорахъ iă и uă совпали, повидимому, въ одномъ звукѣ iă вслѣдствіе перехода полумягкихъ согласныхъ (передъ *y*) въ мягкія: iă измѣнилось фонетически въ *ia*. Достовѣрныхъ примѣровъ такого измѣненія весьма мало, но можетъ быть сюда относится *ia* въ diaľka, правильно фонетически соотвѣтствующемъ чешскому dálka[2]). Вообще же iă, частью еще до перехода въ *ia*, измѣнено въ *ie* подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ ě: šiăsti и šiăsty подъ вліяніемъ šesť перешли въ šiesti, šiesty; tiăcť, viăsť, niăsť подъ вліяніемъ tečiăm, nesiăm, vediăm — въ viesť, niesť, nesiăm подъ вліяніемъ tiahnem — въ nesiem; dobriăho, slabiăho подъ вліяніемъ bieleho, krásneho — въ dobrého, slabého и т. д.

---

1) Ср. въ памятникахъ XVI—XVII в.: dobrý místo, jabko kradený, přes cely lěto и т. д. (Гебауеръ, III, 540); krasnýho, soudu dvorskýho, žádnýho známýho nemám и т. д. (III, 541).

2) Ср. въ говорахъ: niast, odniasol, previadól, odviašč (inf.), nesiaš, naberiaš (Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Spr., c. 208—209).

Digitized by Google

Существованіе дифтонгическаго сочетанія iă изъ ē оставило значительные слѣды въ словацкомъ языкѣ. А именно рядомъ съ измѣненіемъ iă въ ie подъ вліяніемъ ě, съ которымъ iă, очевидно, не могло ассоціироваться, происходило измѣненіе ě въ ă подъ вліяніемъ iă. Такъ им. ед. lēd, mēd (ē вм. ě ср. съ ō, откуда uo, въ nuož, kuoň, buoh, dvuor, stuol, puost, діалект. ruh) измѣнились въ чешскословацкую эпоху въ lyăd, myăd, откуда въ словацкомъ liăd, miăd: эти формы им. ед. вызывали въ косвенныхъ падежахъ ľădu (откуда ľadu) и mădu; ср. совр. словацк. ľad, măd. Также lēn (ē вм. ě изъ ь, ср. также ē вм. ě изъ ъ въ dēšť, откуда dyšť) переходило въ liăn и вызывало вм. параллельной формы len — ľăn [1]), откуда ľan: совр. словацк. ľan. Равнымъ образомъ должно объяснять a въ діалектическихъ včăla (Гебауеръ I, 148), при древнечешскомъ včiăly (пиш. wcziely, I, 144), čalo вм. čelo, ср. iă въ čiălko (совр. čĺlko), čečatka вм. čečetka очевидно подъ вліяніемъ čečiătka; точно также старочешск. šal (I, 148) замѣнило šăl, фонетически происшедшее изъ šiăl (ср. sseel, ssiel, ssijel, ssyél чешскихъ памятниковъ, I, 144), современное же šel подъ вліяніемъ vedl, nesl, такъ же какъ въ словацк. — šiel подъ вліяніемъ viedl, niesl. Появленіе подобнаго *a* не только въ словацкихъ, но и въ чешскихъ говорахъ доказываетъ, что ă подъ вліяніемъ iă могло замѣнять *e* уже въ чешскословацкую эпоху.

Вслѣдствіе указанныхъ переходовъ *e* въ ă, iă въ *ie*, переходовъ, вызванныхъ звуковой аналогіей, въ нѣкоторыхъ говорахъ произошло и дальнѣйшее смѣшеніе звуковъ ă и *e*, iă и *ie*. Такъ спорадически въ литературномъ словацкомъ нарѣчіи встрѣчаются случаи замѣны *e* (изъ первоначальнаго *ѣ*) черезъ *a* (непосредственно изъ ă): sňah появилось вм. sňeh подъ вліяніемъ sniăh (sniah), которое замѣнило snieh подъ вліяніемъ чередованія ie и iă въ другихъ случаяхъ; т. е. напр. liăd и новое lied (подъ вліяніемъ ledu) существовали при новомъ ľădu и старомъ ľedu; вслѣдствіе этого при snieh -sňehu являлись sniăh- sňăhu, откуда и sňah,

1) Им. ед. liăn при lenu (Гебауеръ I, 172), а им. ед. len при lnu.

Digitized by Google

ср. ľad. Также должно объяснять *a* въ ľavý. Но въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ замѣна *ie* черезъ *ia* (изъ iă) захватываетъ цѣлый рядъ словъ; ср. въ гемерскомъ говорѣ: kviatok, chliav, smiach, diavka, neviam, povia (Pastrnek, 246), при чемъ мѣстами сохранилось болѣе древнее iă: džiăvku, biăda, neviăm (ib.).

Отъ этого словацкаго *ia*, явившагося изъ ē фонетическимъ путемъ, а изъ *ie* (долгаго *ѣ*) путемъ звуковой аналогіи, должно отличать *ia* изъ *ie*, восходящаго къ первоначальному iје; *ia* замѣняетъ *ie* (изъ *ѣ*) лишь спорадически, въ діалектахъ, и уже потому должно быть объяснено какъ результатъ дѣйствія звуковой ассоціаціи, а не фонетическаго закона; напротивъ, *ia* мы находимъ вмѣсто *ie* (изъ iје) какъ постоянное явленіе: это заставляетъ предполагать фонетическій переходъ *ie* (изъ iје) въ *ia*. Сюда относятся случаи какъ ľudia, hostia, zatia, mužia; окончаніе им. мн. *ia* переносилось отсюда и въ otcovia, učitelia, zaťovia, но фонетически оно возникло именно въ указанныхъ выше словахъ, гдѣ оно восходитъ къ первоначальному *ie* (изъ iје). Какъ же понять этотъ переходъ *ie* въ *ia* въ словацкомъ нарѣчіи? Имѣя въ виду, что всякое *ia* восходитъ здѣсь къ болѣе древнему iă, я думаю, что общеслав. iје звучало въ чешскословацкомъ какъ iă, и это объясняется тѣмъ, что общеславянское *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ было звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a*; на обще-славянское iă указываетъ и русскій языкъ, гдѣ фонетически явилось *ья*, напр. въ листья изъ листье, малор. життя́ изъ житьѐ. Звукъ ă изъ конечнаго обще-славянскаго ă измѣнялся въ словацкомъ въ *a* въ положеніи послѣ первоначально смягченной согласной или послѣ *i*: ľudiă измѣнилось поэтому въ ľudia; poludniă, povětriă, mláteniă, pitiă и т. д. переходили въ poludnia, povetria, mláteniа, pitia, ср. эти и другія имъ подобныя формы им. ед. въ совр. словацкихъ говорахъ (veselia, na záhumnia, umenia, štěstja, kameňja, lístia, ľadvia и т. д.; Pastrnek, 326). Въ положеніи послѣ губныхъ ă сохранило свой первоначальный звукъ, напр. въ tebă, sebă; въ положеніи же послѣ согласныхъ, смягчившихся уже въ словацкую эпоху, ă, въ связи съ измѣненіемъ

Digitized by Google

полумягкой согласной въ мягкую, переходило въ *e*: tiahnete, Ňaďte; что до mňa вм. mne, то ä, откуда *a*, заимствовано здѣсь изъ tebä, sebä. И такъ, я нахожу возможнымъ сопоставлять общерусскій переходъ ія въ -ья съ словацкимъ измѣненіемъ iä въ *ia*; но позднѣйшій великорусскій переходъ конечнаго ä (меня, спитя) уже не находитъ соотвѣтствія въ словацкихъ явленіяхъ, такъ какъ словацкое нарѣчіе частью (послѣ губныхъ) сохраняло ä въ такомъ положеніи, частью же (послѣ смягчившихся согласныхъ) измѣнило его въ *e*[1]).

Отъ такого ä вмѣсто ожидаемаго *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ надо отличать ä вмѣсто *e* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ. А именно, еще въ общеславянскомъ языкѣ звукъ *e*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась палатальная гласная (*e*, *i*), долженъ былъ диссимилироваться съ предшествующими ему смягченными согласными (j, č, ž и т. д.) и перейти въ ä, т. е. стать болѣе открытымъ, менѣе палатальнымъ: очевидно, вліяніе смягченной согласной, усиленное положеніемъ передъ слогомъ съ палатальной гласной, могло бы совершенно измѣнить первоначальный звукъ *e*, если бы не наступила описанная диссимиляція. Такъ явились čä, žä, jä и т. д. вм. če, že, je въ положеніи именно передъ слогами съ *e* и *i*[2]). Допуская такое явленіе, я имѣю въ виду, во-первыхъ, сѣверно-великорусскія діалектическія формы, какъ жани́хъ, жалѣзо, которыя нельзя объяснить дѣйствіемъ аканія; во-вторыхъ, общерусскій переходъ jä въ начальномъ слогѣ въ *o*, переходъ, имѣвшій мѣсто только передъ слогомъ съ *e*, *i* (замѣчаніе Фортунатова), при чемъ *o* непосредственно изъ ŏ, а ŏ изъ начальнаго ä (ср. переходъ начальнаго *a* въ *o*), утратившаго передъ собой (діалектически уже въ обще-

1) Что до *e* въ znamenie и т. д., то оно замѣнило или ä подъ вліяніемъ pole, srdce, more, bičište и т. д. (здѣсь *e* можетъ восходить, какъ мы видѣли, къ ŏ изъ *o*) или же ŏ, при чемъ znamenię изъ znamenio подъ вліяніемъ dělo и т. д.

2) Различіе гласныхъ въ žlab и žleb, článek и člen, žláza и žlíza я, какъ указано выше, объясняю именно тѣмъ, что рядомъ съ želbъ въ общеслав. языкѣ являлись žälbъ, žälbina: želb- переходило въ žlěb (žleb-), а žälb- въ žläb- (žlab-); želz въ žliez- (žlíz-), а žälz- въ žliäz- (žláz-).

Digitized by Google

славянскомъ языкѣ) *j* (случаи, какъ озеро, одинъ); въ-третьихъ, на подобный же переходъ указываютъ словацкія jazero, jaseň, ляшское jaleň (Bartoš I, 98), jalito (ib., ср. чешск. jelito: кишка), поморавск. jazero (I, 29) и т. д.: *ja* въ этихъ словахъ очевидно явилось вм. jä, ср. въ тѣхъ же говорахъ общій переходъ чешскословацкаго ä въ *a*: словацк. koža, žatva, kľatba, rečať, ляшск. jastřab, tělaci, čalusti, pást, поморавск. ťažký, dita, knížací и т. д. Можетъ быть, и нѣкоторыя другія слова въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ имѣютъ *a* того же происхожденія, что а въ jazero, jaseň: діалект. pšana р. ед., řešato, čalo и т. д. (Гебауеръ I, 147—148), можетъ быть, сохранили *a* изъ ä, возникавшаго фонетически напр. въ формахъ pšäně, rešätě, čälę, pšäniса и т. д.

7. **О чешскомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Чешскій языкъ унаслѣдовалъ, какъ мы видѣли, изъ чешскословацкой эпохи звуки ö и ü изъ *o* и *u*, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, и два оттѣнка звука ä: ä[1] (закрытое) въ положеніи не передъ твердыми согласными и ä[2] (открытое) въ положеніи передъ твердыми согласными; оба эти оттѣнка ä восходятъ частью къ *a*, измѣнившемуся въ направленіи къ палатальнымъ гласнымъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, а частью къ общеславянскому ä, именно въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ (tebä), а также послѣ смягченныхъ согласныхъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находились гласныя *e*, *i* (jäzero). Чередованіе ä открытаго и ä закрытаго, какъ мы только что сказали, стоитъ въ связи съ характеромъ послѣдующей согласной: открытое ä свидѣтельствуетъ о твердости этой согласной, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи (передъ мягкой, полумягкой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ) являлось ä закрытое. Слѣдовательно, въ появленіи ä закрытаго (откуда, какъ сейчасъ увидимъ, *e*) нельзя видѣть дѣйствія слѣдующаго слога[1]): ä закрытое вм. *a*

1) Какъ думаетъ Гебауеръ, колеблющійся при этомъ въ своихъ опредѣленіяхъ: на с. 92 онъ говоритъ, что переходъ *a* въ *e* вызванъ мягкой согласной или узкой гласной, между тѣмъ на с. 93 дѣйствіе согласной опущено изъ

Digitized by Google

всецѣло обязано своимъ появленіемъ предшествующей смягченной согласной; напротивъ, переходъ ä закрытаго въ ä открытое вызванъ слѣдующею твердою согласной. Не допустивъ именно такого объясненія для чередованія обоихъ оттѣнковъ ä, мы не поймемъ причины, почему въ конечномъ открытомъ слогѣ является ä закрытое, а не открытое. Особенно поучительно въ данномъ случаѣ сравненіе чешскихъ ä[1] и ä[2] съ чередованіемъ *e* и *a*, на мѣстѣ древняго *ѧ*, въ польскомъ языкѣ: какъ извѣстно, обыкновеннымъ отраженіемъ общеславянскаго *ѧ* служитъ въ польскомъ *e*; только передъ согласными t, d, r, ł, n, s, z мы найдемъ *a*. Принявъ во вниманіе, что первоначальное *a*, въ положеніи между мягкими согласными въ серединѣ слова, послѣ мягкихъ согласныхъ въ концѣ его, не измѣняется въ польскомъ языкѣ въ *e* (jażdż, jaśnia, znamienia), мы не можемъ объяснить *e* въ cień, wierzyć, w zimie изъ *a*; слѣдовательно, *a* въ wiara, piasek надо возводить или къ звуку *e*, или къ такому звуку, откуда съ одной стороны долженъ былъ явиться *e*, а съ другой *a*: я думаю, что общеславянское *ѧ* измѣнилось въ польскомъ въ ä (или первоначально въ дифтонгическое сочетаніе iä) съ закрытымъ оттѣнкомъ (отсюда впослѣдствіе *e*); но передъ зубными согласными ä закрытое измѣнилось въ ä открытое (откуда *a*) очевидно подъ вліяніемъ особеннаго характера этихъ зубныхъ (ср. сохраненіе ä закрытаго передъ губными и гортанными), а именно ихъ лабіализаціи (ср. сказанное выше о появленіи ö вм. *e* въ томъ же положеніи). Указанная аналогія польскаго языка дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ эпоху появленія ä вм. *a* согласныя передъ непалатальными гласными были еще лабіализованы въ чешскословацкомъ языкѣ (ср. лабіализацію ихъ въ обще-западно-славянскомъ): такимъ образомъ *a* послѣ смягченныхъ согласныхъ переходило въ

виду; узкія гласныя, по его мнѣнію, вліяютъ на указанный переходъ и помимо согласныхъ: такъ въ pět *e* замѣнило *a* не подъ вліяніемъ t' (p'at'), а подъ вліяніемъ ě (p'ať). Такое объясненіе стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Гебауеръ не хочетъ признать мягкости (я говорю о полумягкости) согласныхъ передъ древнимъ ě въ прачешскую эпоху.

Digitized by Google

ä² передъ лабіализованными согласными, а въ ä¹ при всякомъ другомъ положеніи.

Перехожу къ вопросу объ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü въ чешскомъ языкѣ. По общему закону, дѣйствовавшему здѣсь въ XIV столѣтіи (ср. замѣчанія Гебауера по поводу времени появленія *i* вм. *u*, I, 275), звуки ä закрытое, послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iä,—ö, ü краткое послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iü,—ü долгое измѣнились въ звуки еще болѣе палатальные: при этомъ ä переходило въ *e*, а ö и ü, теряя свой лабіализованный характеръ, въ *e* и *i*. Такъ явились:

1) *e* на мѣстѣ закрытаго ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* или къ *e* носовому): jestřáb [1]), jesen (русск. ясень), ještěr (ящерица), jezvec, držeti, slyšeti, čeľeď, sázení (сажаніе), moře (р. ед.), duše (им. ед.)—ječmen, pět, opět, pěst, světiti, třesen, zeť, kuřete, řetěz, tele (им. ед.).

e на мѣстѣ закрытаго ä изъ общеслав. ä: jezero, tebe, vidíte.

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* въ *ia*): znamenie (р. ед., старочешск.), přietel (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä, непосредственно изъ ā долгаго (восходящаго къ первоначальному ā или къ ā изъ носового e долгаго): čiešě (старочешск.), šieliti (старочешск.), pieď (старочешск.), čiesť (старочешск.), přiezě (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ *e*, непосредственно изъ общеславянскаго iję: hostie (старочешск.), lidie (старочешск., старослав. людиѥ).

2) *e* на мѣстѣ ö изъ *o* (замѣнившаго *e* нефонетически): lice, srce, pole, moře, zlodějema (старочешск.), dědicěvi (старочешск.), bojevati (старочешск.).

ie на мѣстѣ ö долгаго, слѣдовательно, непосредственно изъ

---

1) Привожу слова въ ихъ новочешской формѣ, отмѣчая тѣ изъ нихъ, которыя должно относить къ старочешск., въ виду позднѣйшаго ихъ измѣненія въ новочешскую эпоху. Отмѣчу, напр., что въ эпоху перехода ä въ *e* pět звучало, вѣроятно, еще какъ pět', а duše какъ duš'e.

Digitized by Google

üö, при чемъ ö долгое восходитъ къ *o* долгому, замѣнившему *e* долгое нефонетически: koniem (дат. мн., старочешск.), srdciem, (старочешск.), měséciev (р. мн., старочешск.).

3) *i* на мѣстѣ ü краткаго: jih, cizí, lid, vnitř, bliji, čelist, duši (вин. ед.), oráči (зв. ед.), moři (дат. ед.).

í на мѣстѣ ü долгаго: klíč, lítý, plíce, cítiti, majíc, čijíc, moří (р. дв. ч.);

ü, откуда í, на мѣстѣ iü съ краткимъ ü: znamení, kněží, (вин. ед.), paní (вин. ед.); на мѣстѣ iü съ долгимъ ü: paní (тв. ед.), kostí (р. дв. ч.).

Съ теченіемъ времени дифтонгическое сочетаніе *ie* изъ iä и üö измѣнилось въ í; ср. измѣненіе *ie* изъ долгаго *ѣ* въ í: такъ явились совр. чешск. znamení (р. ед.), přítel, číše, příze, píď, lidí, koním.

Что же касается ä открытаго, то оно не подверглось указанному измѣненію въ *e*; напротивъ, оно перешло въ болѣе открытый звукъ — *a*; ср. совр. чешск. čas, jarý, Jan, žalost, častý, přadu, úřad и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что мягкія согласныя перешли передъ ä въ согласныя полумягкія[1]), вѣроятно, еще въ чешско-словацкій періодъ: въ чешскомъ языкѣ полумягкія согласныя передъ *a* изъ ä отвердѣли, какъ вообще всѣ другія полумягкія согласныя; ср. твердыя зубныя напр. въ tah, tahati, datel; твердыя губныя въ maso, svatý, pata, vadnouti; что до твердыхъ *s* и *z* въ sadu, діалект. zabou, то отвердѣніе ихъ принадлежитъ еще чешско-словацкой эпохѣ. Дифтонгическое сочетаніе iä съ ä открытымъ переходило, согласно предыдущему, въ *ia*; отсюда далѣе ją̄, ę̄ и затѣмъ ā: предшествующія смягченныя согласныя отвердѣли въ связи съ утратой *i*, при чемъ это отвердѣніе можно разсматривать какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной; такъ явились: pátý (изъ piatý), jáma (изъ jiama), částka, řád, čára, táhnu, tázati, třásl, žádati, jeřáb, mátl и т. д. Что до *s* и *z*

1) Такой переходъ можно понять какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной.

Digitized by Google

въ sáknouti, sáhati, zábsti, то отвердѣніе ихъ передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ia* имѣло мѣсто еще въ чешско-словацкую эпоху.

Въ современныхъ чешскихъ говорахъ, литературныхъ и областныхъ, нерѣдко замѣчается распространеніе звука *e* (i) насчетъ *a* и обратно распространеніе *a* насчетъ *e*; всѣ эти явленія обязаны вліянію аналогіи. Съ одной стороны мы находимъ напр. část вм. číst подъ вліяніемъ částka, sákneš подъ вліяніемъ sáknu, vadneš подъ вліяніемъ vadnu, třásli подъ вліяніемъ třásl, jasně подъ вліяніемъ jasný и т. д. Съ другой стороны мягкость согласной передъ *a* могла поддерживаться вліяніемъ родственныхъ образованій съ мягкой согласной передъ e: a это вліяло на переходъ *a* въ *e*, на ассимиляцію гласной предшествующей согласной; такъ m' удерживалось въ m'akký подъ вліяніемъ měčiti (старочешск.), отсюда měkký; ď удержалось въ ďáka подъ вліяніемъ vděčný, отсюда díka; иногда гласная *e* вм. *a* переносилась изъ родственныхъ образованій: třesu вм. třasu подъ вліяніемъ třeseš, jevo вм. javo подъ вліяніемъ jeviti. Объяснять появленіе ě вм. ожидаемаго *a* въ měkky, jevo вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ (ср. въ польскомъ передъ гортанными и губными *e*, не *a* и не *o*), конечно, нельзя уже потому, что мы находимъ *a* напр. въ tah, táhnu, zábsti, jáma, старочешск. javo, lahú и т. д. Нерѣдкое соотвѣтствіе *le* ожидаемому *la* (plésati, lehnu, hled, klesati) должно, повидимому, объяснить тѣмъ, что въ *l* совпали какъ l̓ такъ и l̕, почему здѣсь не могло быть того чередованія твердой и мягкой согласной, какъ напр. въ táhnu-tíhneš, и этимъ облегчалось употребленіе *le* однѣхъ формъ вмѣсто *la* другихъ (lahnu подъ вліяніемъ lehneš измѣнялось въ lehnu).

Предыдущіе примѣры измѣненія ä закрытаго, ö, ü въ *e*,—ä открытаго въ a показываютъ, что оно совершалось независимо отъ мягкости предшествующей согласной; *s*, *z*, *c* были тверды уже въ чешскословацкую эпоху, и тѣмъ не менѣе zät, srcö, cüt измѣнились въ zeť, srce, cit; přísäha въ přísaha.

8. **О словацкомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Въ словацкомъ на-

Digitized by Google

рѣчіи мы встрѣчаемся, при измѣненіи этихъ звуковъ, съ явленіемъ, прямо противоположнымъ явленіямъ чешск. нарѣчія. Тогда какъ чехи замѣнили эти звуки смѣшаннаго характера звуками палатальными *e* и *i* (и только частью звукомъ a), словаки замѣнили ихъ непалатальными *a*, *o*, *u*. Подобную замѣну знаютъ и другіе славянскіе языки: такъ въ русскомъ языкѣ, въ его нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, а отчасти и малорусскомъ, древнее ö изъ *e* (лабіализованнаго подъ вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ) перешло въ *o*: нёсъ, діал. нёсу̀ изъ n'ös, n'ösu; подобному же измѣненію подверглось въ великорусскихъ говорахъ ö изъ общерусскаго и общеславянскаго ѫ въ положеніи его передъ неслоговымъ *i*: рою изъ гöju-гуju (ср. діалект. рэю, мэю, крэю); звукъ ä въ положеніи послѣ j перешелъ въ *a*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ: колья, житя́; наконецъ, звуку ü однихъ нарѣчій (напр. въ люблю́) соотвѣтствуетъ *y* въ другихъ. Въ сербскомъ языкѣ *a* изъ ъ, ь, повидимому, восходитъ къ болѣе древнему ä, ср. такое ä въ современныхъ черногорскихъ говорахъ. Польское a въ wiara, siano происходитъ изъ болѣе древняго ä, какъ показываетъ переходъ ѧ въ *e* въ положеніи не передъ твердыми звуками и т. д. Общій законъ словацкаго языка о потерѣ смѣшанными звуками ихъ палатальнаго характера распространился одинаково на измѣненіи ä открытаго и закрытаго въ *a*: въ чешскомъ языкѣ ä закрытое имѣло туже судьбу, что ö и ü, т. е. перешло въ палатальное *e;* въ словацкомъ оно, подобно ö и ü, потеряло палатальный характеръ, т. е. перешло въ *a*; тѣмъ естественнѣе перешелъ въ *a* тотъ оттѣнокъ ä, который еще въ чешскословацкомъ былъ открытымъ; ср. чешскій переходъ ä открытаго въ *a*. Приведу примѣры, подтверждающіе существованіе упомянутаго здѣсь закона, и укажу на тѣ разнообразныя вліянія аналогіи, которыя измѣнили въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожидаемыя отношенія. Мы находимъ въ словацкомъ:

u изъ чешскословацкаго ü: jutro, brucho, cudzi, ľud, šťuka, čuprnу́ и т. д.; ú изъ ü долгаго: kľúč, ľúbiť, šťúr, ľútosť и т. д.; iu изъ iü: znameniu, božiu (вин. ед.) и т. д.

Digitized by Google

o изъ чешскословацкаго ö: poľo[1]), dušo (зв. ед.), kraľovať, poľovka и т. д.; впрочемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ *o* можно объяснить новымъ вліяніемъ твердыхъ основъ на мягкія.

a изъ чешскословацкаго ä закрытаго и открытаго: rečať, reťaz, duša, ťažky, sviňa, mlčať, náradie, ovca, jašter, žať, zať, jahňa, kľačať, čaša, jazero; čas, hľadať, ťah и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ губныхъ ä сохранилось въ большинствѣ говоровъ безъ измѣненія: päť, pamäť, plemä, vätší, holúbä, sväzok, svätý, mäso, hovädo, mäkký и т. д.; я думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что губныя, въ противоположность другимъ согласнымъ (мягкимъ и твердымъ), стали въ словацкомъ передъ ä полумягкими (впослѣдствіи онѣ отвердѣли); сочетанія же однородныхъ элементовъ, т. е. полумягкой согласной и ä сохранились безъ измѣненія, тогда какъ въ сочетаніяхъ мягкая или твердая согласная + ä это ä переходило въ a. Діалектически ä сохраняется и послѣ другихъ согласныхъ: vuolä, našä, žäba, čäs, ulicä, prädza, jäk, zjäv, jäviště, jäčmeň, täžká; особенно въ Гемерскомъ говорѣ: penäz, tähá, knäzovi, sä (Pastrnek, 232).

ia изъ чешско-словацкаго iä съ закрытымъ и открытымъ ä: znamenia, božia (им. ед. ж. р.) plecia (им. мн.), peniaz, viac, mesiac, pamiatka, menia (3 л. мн.), priazeň, riad, kočiar, mäsiar, škriabať, desiatok, piaty, vianoce, žiadať, viazať, sedliak, žiaden, zajac (вм. zajiac) и т. д. Діалектически вм. *ia* извѣстно, кажется, и iä: poliä, srdciä (Pastrnek, 283). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *ia* измѣнилось, какъ въ чешскомъ, въ ā: jalšám, žára (Pastrnek, 274); въ другихъ iä перешло въ ä и совпало съ ä изъ краткаго ä (не перешедшаго въ *a*): jelšäm, polä (им. мн.), tráreňä (р. ед.); ср. при этомъ žälobu, pšenicä, hlavnä (Pastrnek, 275).

ia изъ чешско-словацкаго iä, соотвѣтствующаго общеслав. iję, находимъ въ ľudia, hostia, а также въ діалектическихъ: štestia, povetria, pitia, pokolenia, umenia (ср. Pastrnek, 325—326).

---

1) Въ poľe, вгсе сохранилось древнее *e*, не замѣненное черезъ *o* подъ вліяніемъ твердыхъ основъ; отсюда оно проникло въ znamenie вм. znamenia (діалект. znamenia, umenia).

Digitized by Google

ia изъ чешско-словацкаго iä, явившагося въ результатѣ измѣненія ē въ чешско-словацкую эпоху (ср. выше), находимъ въ діалект.: nesiam, nesiaš, previadól, odniasol, umriam, viašč, также въ литературномъ diaľka (даль), ср. deľako, delé (Pastrnek, 279). Совр. ľad, mäd, ľan, pohrab, boľasť, večar (Pastrnek, 277) указываютъ, какъ мы видѣли выше, на болѣе древнія liad, miad, lian, pohriab, boliasť, večiar.

Въ большинствѣ говоровъ произошла нефонетическая замѣна дифтонгическаго сочетанія *ia*, находящагося въ чередованіи съ *e*, сочетаніемъ *ie*: beriem, ženiem, nesiem, pečienka, miesť, viezol, zaviedla, doniesť, šiesti, šiesty, siedmy и т. д. подъ вліяніемъ tiahnem, metu, nesu, šesť, sedem. Въ им. вин. ед. umenie, počatie, nárečie, bytie и т. д. *e* замѣнило *a* подъ вліяніемъ lice, poľe и т. п.

Выше я говорилъ уже, что чередованіе дифтонгическихъ сочетаній iä и *ie* вызывало появленіе iä и *ia* и на мѣстѣ первоначальнаго *ie*; такъ въ особенности въ Гемерскомъ говорѣ извѣстно произношеніе: kviatok, diavka, smiach, miašäč, и рядомъ діалектическое iä: biäda, neviäm, džiävku (Pastrnek, 246). На древность подобнаго смѣшенія указываютъ литературныя: sňah (вм. sňeh, предполагающее при этомъ sniah вм. snieh), ľavý, bľadý; ср. діалект. sňäh, bľädý (Pastrnek, 222).

Чередованіе ä съ *a* въ seba при sebä, najvatšia при najvätšia, svatý при svätý, zvadla при uvädnul, čäs при čas и др. имѣло слѣдствіемъ появленіе въ нѣкоторыхъ спорадическихъ случаяхъ ä вм. *a* и послѣ твердыхъ согласныхъ. Преимущественно это наблюдается послѣ губныхъ и гортанныхъ, при чемъ послѣднія переходятъ, очевидно, въ средненёбныя согласныя: bäran при baran, dvä вм. dva (Pastrnek 275), obidvae (ae обозначаетъ долгое ä, тамъ же с. 276), kämen, ukäzuje (ib. 280); въ соотвѣтствіи съ такимъ ä, долгое ā замѣняется черезъ *ia*: ukiazalo, ukiaž sa (ib. 279), а діалектически черезъ ä долгое: ukaezau (ib. 276).

9. **Объ отраженіяхъ звука ъ въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ.** Мы видѣли выше, что звукъ ŏ, явившійся въ результатѣ су-

Digitized by Google

женія o, въ чешскомъ нарѣчіи измѣнился въ *e*, а въ словацкомъ въ *o*. Такое измѣненіе имѣло мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ: srcö, гдѣ *c* было твердо уже въ чешскословацкую эпоху, переходило въ srce и srco, kńäzöv съ твердымъ *z* въ kňezev и kňazov и т. д. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что чешское *e*, словацкое *o*, въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ *ъ* (напр. въ veš — voš, zámek — zámok, lež — lož, posel — posol), восходятъ къ чешскословацкому ö. Подтвержденіе такому предположенію я нахожу въ цѣломъ рядѣ словацкихъ явленій, сюда относятся: чередованіе *o* изъ *ъ* съ звуками *e*, *a* и дифтонгическимъ сочетаніемъ *ie* (ср. sen при son, daska при doska, matiek при čiarok). Я именно думаю, что рядомъ съ краткимъ ö изъ *ъ* въ чешскословацкомъ языкѣ существовало и долгое ö, возникавшее по аналогіи чередованія ŏ, ĕ (первоначальныхъ) съ o, e долгими (напр. въ случаяхъ, какъ kon'a — kōn', života — živōt, jahoda — jahōd, ledu — lēdu и т. д.). Это ö долгое, подобно ö долгому изъ ō послѣ смягченныхъ согласныхъ (см. выше), подобно также ō, ē и ä долгому (переходившимъ въ uo, iä), должно было распасться на дифтонгическое сочетаніе üö, откуда еще въ чешскословацкую эпоху *ie*. И такъ, ö краткому въ словацкомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ *o*, ö долгому *ie*: ср. только что указанное чередованіе въ matiek, mydiel, okien, sukien, sestier и др. (въ этихъ словахъ коренная гласная краткая) при čiarok, čiastok, dietok (въ такихъ словахъ коренная гласная была нѣкогда долгой, откуда частью дифтонгическое сочетаніе). Чередованіе *ie* и *o* частью уступило мѣсто другому чередованію, а именно чередованію *ie* и *e*, такъ какъ языкъ зналъ именно такое чередованіе въ большинствѣ случаевъ (ср. *ie* — *e* изъ *ъ* долгаго и краткаго: chlieb — chleba, smiech — směchu, snieh — sněha и т. д.): этимъ объясняется нефонетическая замѣна *o* черезъ *e*, напр. въ sídel, krídel (вм. sídol, krídol) подъ вліяніемъ mydiel; сюда же относится появленіе leb вм. lob, вѣроятно, подъ вліяніемъ *liebný, *liebka, замѣнившихъ болѣе древнія lebný, lebka. Но кромѣ того вытѣсненію *o* изъ *ъ* способствовали случаи, гдѣ

Digitized by Google

языкъ уже зналъ бѣглое *e* изъ *ъ*: pes — psa, lev — lva, deň — dňa вызывали sen вм. son при sna, ср. обратное заимствованіе *o* вм, *e* въ ovos вм. oves. Новое *ie* изъ ô долгаго, какъ спорадически и старое *ie* (изъ долгаго *ѣ*), во многихъ случаяхъ замѣнялось дифтонгическимъ сочетаніемъ iä, явившимся изъ долгаго *e*: очевидно, этому способствовало чередованіе такого iä (изъ ē) съ ĕ: liäd — ledu, miäd — medu, а также liän — ľna (вм. len — ľna) вызывали появленіе miäch — möcha вм. miech — möcha; dieždď перешло въ diäždď; riež въ rïäž; это въ свою очередь вызывало замѣну ö черезъ ä: möcha переходило въ mächa, dödža переходило въ däždža; döska, подъ вліяніемъ diäsku вм. diesku (ср. hûru при hora)[1]), переходило въ däska. Въ чешскомъ языкѣ ä, какъ и ö, измѣнилось въ *e*: поэтому мы находимъ здѣсь только mech, rež, deska, но въ словацкомъ, гдѣ ö перешло въ *o*, а ä въ *a*: doska и däska, moch и mach, dážď, raž. Также объясняется появленіе ā въ sukán (при sukien), sestár (при sestier), metál, vesál, dasák, karát (при kariet у Викторина): ā—вмѣсто ожидаемаго *ia* изъ iä, замѣнившаго *ie*, очевидно подъ вліяніемъ *sídal, *dietak, гдѣ *a* изъ ä вм. *o* изъ ö подъ вліяніемъ iä въ родствен-

1) По общему закону чешскословацкаго языка, въ двусложныхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, ретракціи ударенія съ конечнаго слога на первый соотвѣтствовало измѣненіе ударенія на первомъ слогѣ (съ древнимъ мѣстомъ ударенія), а именно переходъ его на первую часть гласной со второй и соотвѣтственно съ этимъ удлиненіе краткой гласной: въ то время, какъ horá, berú, vedóch и др. переходили въ hòra, bèru, vèdoch, формы hòru, bèreš, vède (3 аор., ср. сербск. вѐде при вѐдох) перешли въ hôru, bêreš, vêde съ нисходящимъ удареніемъ на удлиненной гласной: ср. совр. hûru, béreš, старочешск. véde (Гебауеръ, I, 576). Можетъ быть, слѣдуетъ признать общимъ закономъ удлиненіе краткой гласной перваго слога двусложнаго слова, если онъ былъ издревле ударяемъ; это объяснило бы намъ долготу гласной въ словахъ, какъ pûst—pûstu (древн. и діалект.), bûh—bûha (древн.), dûl—dûlu (древн.), dûm—dûmě (древн.), zrûst—zrûstu, при чемъ postu, boha и т. д. явились бы впослѣдствіи подъ вліяніемъ hrách—hrachu, mráz—mrazu, práh—prahu; ср. еще û въ kûža. Краткость гласной въ moře, nos, rod, host и т. д. могла бы объясняться изъ косвенныхъ падежей, часть которыхъ была получена съ удареніемъ на окончаніяхъ. Въ такомъ случаѣ сокращеніе гласной подъ древнимъ нисходящимъ удареніемъ (ruku, druha) слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что гласная сократилась при стремленіи нисходящаго ударенія перейти въ другой типъ (если ◡◢ или ◡ переходили въ ◡◢, то древнее ◢◡ не могло сохранить своего характера).

Digitized by Google

ныхъ образованіяхъ. Въ описанныхъ здѣсь явленіяхъ вижу подтвержденіе какъ той мысли, что въ словацкомъ, а можетъ быть еще и чешскословацкомъ языкѣ, смѣшивались дифтонгическія сочетанія *ie* (изъ долгаго *ѣ* и изъ долгаго ö) съ сочетаніями iä (изъ долгаго е), такъ и той, что въ чешскословацкую эпоху *з* звучало не какъ *е*, а какъ *о*.

Заключеніе.

Въ предложенномъ здѣсь изслѣдованіи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка многое, конечно, покажется неубѣдительнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Если я рѣшился включить его въ отзывъ о трудѣ Гебауера, то во всякомъ случаѣ не для того, чтобы показать ошибочность или неполноту выводовъ почтеннаго ученаго. Его богатая фактами и научными соображеніями книга составила эпоху въ изученіи чешскаго языка: вотъ почему къ ней должно примкнуть не одно, подобное моему, изслѣдованіе. Она будитъ мысль и оживляетъ научный интересъ.

Подводя итогъ всему предыдущему разбору, замѣчу, что къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическіе ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей,— дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно

Digitized by Google

на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ и, наконецъ, первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною премією имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне.

А. Шахматовъ.

Digitized by Google

II.

А. Н. Ясинскій. «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ» (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895.

Рецензія профессора К. Я. Грота.

Не смотря на быстрые и значительные успѣхи, достигнутые во второй половинѣ истекающаго вѣка славянской исторической наукой по изученію какъ древностей, такъ вообще историческаго прошлаго отдѣльныхъ славянскихъ народностей и всего славянства въ его цѣломъ, нельзя однакожъ не признать, что намъ еще очень далеко до той завидной ступени, на которой въ наши дни стоитъ исторіографія во всѣхъ ея отдѣлахъ у образованнѣйшихъ народовъ Европы (имѣющихъ, правда, культурное старшинство передъ нами), у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Ежегодно наука славянской исторіи обогащается новыми, болѣе или менѣе выдающимися и цѣнными вкладами и у насъ въ Россіи, и у западныхъ славянъ (поляковъ и чеховъ), и на славянскомъ югѣ, но общій результатъ сдѣланнаго заставляетъ желать еще многаго; при томъ у насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не дошло до труда объединяющаго и обобщающаго всѣ частныя работы и успѣхи — труда, который могъ бы оказать большую услугу въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Такой трудъ долженъ былъ бы свести въ одно стройное цѣлое какъ весь разработанный по частямъ и въ подробностяхъ историческій матеріалъ, такъ и добытые изъ

Digitized by Google

него общіе выводы, руководящія мысли и начала, и тѣмъ обнаруживъ существующіе пробѣлы въ историческихъ изученіяхъ, далъ бы новый толчокъ и сообщилъ новыя направленія спеціальной и монографической литературѣ. Наконецъ, такой общій по исторіи славянъ трудъ, написанный самостоятельно и талантливо, не только намѣтилъ бы пути многимъ будущимъ славянскимъ историкамъ, но послужилъ бы и высоко-полезнымъ образовательнымъ пособіемъ для подрастающихъ молодыхъ поколѣній, которые у насъ такъ нуждаются въ укрѣпленіи именно такимъ путемъ своего славянскаго самосознанія. Будемъ надѣяться, что мы дождемся скоро и такого труда, а пока остается съ благодарностью привѣтствовать всякое серіозное спеціальное или монографическое изслѣдованіе по славянской исторіи, а тѣмъ болѣе тогда, когда оно касается еще мало разработанныхъ областей ея, напр. вообще исторіи внутренней, общественной и правовой жизни старыхъ славянскихъ государствъ, и къ тому же когда оно пытается проникнуть въ самую глубину того историческаго процесса, въ которомъ состояло ихъ своеобразное развитіе.

Именно такимъ трудомъ и представляется подлежащее нашему разсмотрѣнію сочиненіе г. Ясинскаго. Въ краткомъ своемъ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ цѣль и задачу своей работы.

Посвященная паденію земскаго строя чешскаго государства, она была предпринята имъ «въ интересахъ выясненія генезиса того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во вторую половину XIV в.». Авторъ имѣлъ въ виду «не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархально-родового быта, но желалъ также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ». Изученіе источниковъ древней чешской исторіи привело его къ убѣжденію, что основы сословно-привилегированнаго строя въ чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, само-

Digitized by Google

стоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства». Авторъ, правда, «не думаетъ отрицать, что, начиная съ половины XIII в. въ значительной мѣрѣ стало обнаруживаться воздѣйствіе нѣмецкаго права на общественный и государственный бытъ чешскаго народа», но полагаетъ, что «такое воздѣйствіе было второстепеннымъ факторомъ даже и для послѣдующаго развитія: чехи заимствовали юридическія формы для явленій, самостоятельно у нихъ возникшихъ».

Взявъ такой существенный вопросъ чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, авторъ нашъ несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку въ виду того, что область эта въ чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно является запущенной, а большинство современныхъ чешскихъ историковъ, самостоятельно не углублявшихся въ эти вопросы, находятся въ слишкомъ еще большой зависимости отъ своихъ старыхъ авторитетовъ, глазами которыхъ они привыкли смотрѣть и въ непогрѣшимость которыхъ въ основныхъ взглядахъ они привыкли вѣрить. Совершенно понятно, что въ этомъ отношеніи русскій ученый находится въ особенно благопріятномъ положеніи, будучи въ состояніи легче западнаго славянина отнестись къ вопросу вполнѣ объективно, разсмотрѣть его съ гораздо болѣе широкаго горизонта зрѣнія и воспользоваться самымъ обширнымъ сравнительнымъ матеріаломъ, равно какъ и всей для него не менѣе другихъ доступной литературой предмета.

При всемъ томъ однакожъ избранный вопросъ настолько труденъ и капиталенъ, что прежде всего напрашивается сомнѣніе, соразмѣрилъ ли г. Ясинскій свои силы и средства съ обширностью и трудностью задачи, иначе говоря, соразмѣрилъ ли онъ съ нею тотъ трудъ, который онъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду и могъ положить на задуманную работу. И въ этомъ мы позволяемъ себѣ усумниться.

Намъ представляется задача г. Ясинскаго слишкомъ широкой, слишкомъ сложной и многообъемлющей, чтобъ быть удовле-

Digitized by Google

творительно рѣшенной при данныхъ условіяхъ, именно въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и съ тѣмъ матеріаломъ и ученымъ аппаратомъ, который имѣлся въ его распоряженіи. Повидимому, автору показалось разрѣшеніе заинтересовавшаго его вопроса гораздо болѣе легкимъ и простымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и онъ посвятилъ сравнительно небольшое (менѣе 200 страницъ) разсужденіе разслѣдованію предмета, который въ сущности требуетъ цѣлаго ряда работъ подобнаго рода, основанныхъ на самомъ полномъ и исчерпывающемъ изученіи источниковъ и на широкомъ примѣненіи сравнительно-историческаго метода.

Авторъ, какъ кажется, не вполнѣ взвѣсилъ и того обстоятельства, что тема его въ значительной степени входитъ въ сферу наукъ юридическихъ, въ исторію права, а потому для всесторонней и полной своей обработки требуетъ отъ автора нѣкоторой спеціальной подготовки и въ этой послѣдней области. Мы должны откровенно сознаться, что не замѣтили у него такой подготовки. Не будучи сами спеціально компетентны въ области науки права, мы далеки отъ того, чтобы взяться критиковать книгу г. Ясинскаго съ этой спеціальной точки зрѣнія. Но мы не можемъ не констатировать факта, что съ этой стороны дѣло не могло обойтись у него безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Итакъ этою несоразмѣрностью задачи со средствами и въ нѣкоторомъ смыслѣ съ методомъ автора, съ ограниченными, искусственно себѣ поставленными рамками естественно обусловливаются и результаты работы, которые, при всѣхъ ея положительныхъ свойствахъ и достоинствахъ, вообще научной цѣнности, по крайнему нашему разумѣнію, не заключаютъ въ себѣ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. Съ этимъ— мы бы сказали — слишкомъ легкимъ и смѣлымъ отношеніемъ къ своей задачѣ связаны, какъ мы увидимъ ниже, и главнѣйшія слабыя стороны и недостатки разбираемаго изслѣдованія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ г. Ясинскій ограничился на первый случай разработкой одного изъ частныхъ во-

Digitized by Google

просовъ, входящихъ въ кругъ его темы, и продолжалъ бы затѣмъ столь-же основательно и разносторонне изучать другія явленія того сложнаго историческаго процесса, который онъ такъ поторопился истолковать въ своей диссертаціи, что результаты такого продолжительнаго и систематическаго изученія были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва-ли отличались бы такою рѣшительностью въ направленіи, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ, общепринятымъ до сихъ поръ не въ одной чешской исторіографіи относительно самой Чехіи, но—скажемъ болѣе—въ исторической наукѣ въ области соціальныхъ, правовыхъ и культурныхъ явленій вообще.

Нельзя не отдать автору полной справедливости въ томъ, что онъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія совершенно самостоятельно, и должно повѣрить тому, что лишь добросовѣстная работа надъ источниками, а не случайно со стороны навѣянная мысль, склонила его къ извѣстнымъ выводамъ, столь расходящимся съ донынѣ господствующими въ наукѣ. Но способно ли было это одно преимущество, самостоятельное отношеніе къ дѣлу, поставить автора на высоту правильнаго и удовлетворительнаго рѣшенія занявшей его задачи?

Дѣло въ томъ, что возбужденный имъ вопросъ не есть вопросъ частный или узко-спеціальнаго значенія и интереса, это, наоборотъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире и общѣе. Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогичныя условія со времени принятія ими христіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ такъ называемыхъ земскихъ установленій къ

Digitized by Google

новому строю съ западно-европейскимъ феодальнымъ характеромъ, это вопросъ еще болѣе общій, чѣмъ взятый нашимъ авторомъ, но вопросъ, который обязательно напрашивается самъ собой при обсужденіи болѣе частнаго. Очевидно, такая основная и глубокая тема, столь же интересная, сколько и трудная, заключающая въ себѣ значительный философскій или народно-психологическій элементъ, требуетъ и соотвѣтственно широкой постановки и разносторонних изслѣдованій и соображеній не въ однихъ узкихъ предѣлахъ времени и мѣста или въ кругу данныхъ опредѣленнаго разряда источниковъ, а въ широкихъ рамкахъ изученія культурно-историческаго развитія западно-европейскаго (романо-германскаго) міра сравнительно съ восточнымъ (византійскимъ) и историческихъ отношеній и сближенія славянства съ тѣмъ и другимъ. Обойти въ такомъ вопросѣ безъ подобающаго вниманія и оцѣнки эту важную и существенную сферу культурныхъ вліяній, шедшихъ чрезъ посредство преимущественно церкви, латинскаго образованія и литературы, значило бы остаться на поверхности вопроса и далеко его не исчерпать. Но къ сожалѣнію, именно такой болѣе широкой точки зрѣнія и такой необходимой для вполнѣ успѣшнаго обсужденія вопроса постановки его мы и не находимъ у нашего автора, и это не могло не отразиться на его выводахъ. Все это утверждаетъ насъ во мнѣніи, что ему, въ то время начинающему ученому, не слѣдовало сразу задаваться рѣшеніемъ такого крупнаго вопроса, обнять и до нѣкоторой степени исчерпать который можно только послѣ многихъ спеціальныхъ и сравнительныхъ изученій и ставъ на извѣстную высоту историческаго міровоззрѣнія...

Говоря о задачѣ изслѣдованія г. Ясинскаго и объ отношеніи къ ней автора, мы невольно остановились въ самомъ началѣ нашего разбора на тѣхъ сторонахъ этого труда, отъ которыхъ зависятъ его нѣкоторыя отрицательныя свойства. Но если мы, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не можемъ согласиться съ главною мыслью автора, или вѣрнѣе съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, то

Digitized by Google

изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ мы не оцѣнили научныхъ достоинствъ и значенія этой солидной работы. Напротивъ, мы не можемъ не удовлетворить здѣсь же нашей потребности высказать о нихъ наше общее весьма благопріятное впечатлѣніе.

Г. Ясинскій обнаруживаетъ отъ начала и до конца своего изслѣдованія вполнѣ добросовѣстное и строгое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ источникамъ. Онъ основательно изучилъ все, что могъ имѣть подъ руками и умѣло пользуется своимъ матеріаломъ. На исправность и точность его ссылокъ можно положиться. Его изложеніе достаточно систематично и отчетливо; онъ не расплывается въ частностяхъ и не многословенъ, быть можетъ иногда даже слишкомъ сдержанъ въ обнаруженіи своихъ историческихъ представленій и взглядовъ на иные предметы (въ нѣкоторый ущербъ ясности). Сложность темы, скудость прямыхъ источниковъ, спорность многихъ положеній,—вообще значительная шаткость почвы заставляетъ его быть довольно осторожнымъ, по крайней мѣрѣ въ формулировкѣ своихъ заключеній въ продолженіе работы, съ чѣмъ надо сознаться мало вяжется рѣшительность его окончательнаго вывода... Вообще говоря ученыя достоинства труда г. Ясинскаго безспорны, а потому вполнѣ естественно, если разработка имъ по первымъ источникамъ ряда вопросовъ внутренней государственной жизни и развитія Чехіи является во всякомъ случаѣ полезнымъ для науки вкладомъ, въ которомъ будущіе изслѣдователи могутъ почерпнуть и новыя соображенія, и новыя наблюденія и указанія, и который займетъ несомнѣнно опредѣленное и прочное мѣсто въ литературѣ предмета. Въ виду этого наша критика руководящей, главной мысли, проводимой авторомъ, не мѣшаетъ намъ признать за нимъ существенную заслугу въ изученіи общественной и внутренно-политической исторіи Чехіи до XIV вѣка.

Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію труда г. Ясинскаго въ порядкѣ его изложенія, по частямъ, при чемъ, передавая сжато, въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ, его содержаніе, будемъ попутно дѣлать свои замѣчанія и возра-

Digitized by Google

женія, а также общія наши заключенія относительно отдѣльныхъ частей изслѣдованія. Въ концѣ же подведемъ итоги разбору и формулируемъ окончательно наше мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія.

Въ довольно большомъ *Введеніи* (стр. 1—35) къ своему изслѣдованію авторъ знакомитъ читателя съ современнымъ состояніемъ чешской исторіографіи вообще и избранной имъ области въ частности, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на интересующій его вопросъ, существенно расходящуюся съ господствующими воззрѣніями, и даетъ обозрѣніе источниковъ чешской исторіи того періода, который его занимаетъ.

Сказавъ въ самомъ началѣ о поразительной скудости въ разработкѣ внутренней, соціальной исторіи Чехіи до Палацкаго, который еще въ 30-хъ годахъ отмѣтилъ этотъ большой пробѣлъ, и объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи уже черезъ 40 лѣтъ послѣ того въ безсмертныхъ трудахъ самого Палацкаго и въ работахъ его учениковъ и продолжателей, г. Ясинскій констатируетъ, что послѣ появленія ряда капитальныхъ изслѣдованій въ такомъ направленіи, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ авторитетовъ еще стараго поколѣнія,—вниманіе и научный интересъ новыхъ чешскихъ историковъ направились на изученіе позднѣйшихъ періодовъ исторіи, въ особенности на XV вѣкъ, какъ на «героическій вѣкъ чешскаго народа» и на «центръ его исторіи», а вопросы древней исторіи такимъ образомъ отодвинулись на задній планъ.

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ чешскихъ историковъ на характеръ и развитіе внутренней, общественной и государственной жизни Чехіи, авторъ отмѣчаетъ общепринятый взглядъ, что «въ чешскомъ государствѣ господствовали сначала чисто славянскія начала, и только съ XIII вѣка стали проникать правовые институты западно-европейской культуры, право нѣмецкое и феодальное».

Въ подтвержденіе приводятся (большею частью въ точныхъ цитатахъ) мнѣнія лучшихъ чешско-моравскихъ историковъ:

Digitized by Google

Палацкаго, В. Томка, Гермен. Иречка, Б. Дудика, Яр. Челяковскаго. Общее заключеніе Палацкаго (высказанное въ его «Исторіи») по этому предмету, именно о послѣдствіяхъ встрѣчи и столкновенія чеховъ и вообще славянъ съ міромъ германскимъ и западной культурой, снабдившими ихъ столь многими положительными пріобрѣтеніями, считается Ясинскимъ особенно характеристичнымъ не для одного Палацкаго, но и для чешской исторіографіи вообще, въ которой де до сихъ поръ «признается какъ-бы доказаннымъ, что роль славянъ къ исторіи — пассивная, что они являются учениками, неумѣло повторяющими, а иногда искажающими своего учителя».

Осуждая уже здѣсь очень рѣшительно взглядъ Палацкаго и большинства историковъ на культурное воздѣйствіе на чеховъ (и славянъ) германскаго запада (имъ — кстати замѣтить — представленный нѣсколько преувеличенно), г. Ясинскій здѣсь же обнаруживаетъ свою теорію «самобытности», которая заставила его къ сожалѣнію въ его изысканіяхъ почти совсѣмъ не принять во вниманіе или свести на нѣтъ такой важный факторъ, какимъ всегда являются международныя культурныя вліянія, а особенно въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ.

Однимъ изъ послѣднихъ по времени представителей установившагося у чеховъ взгляда на роль германизма въ исторіи чешской государственности является чешскій историкъ права — Я. Ганель (Hanĕl) въ своей спеціальной работѣ «О вліяніи права нѣмецкаго въ Чехіи и Моравіи» (O vlívu práva německého v Čěchach a na Moravě, 1874). Авторъ, ссылаясь на то, что эта работа нашла себѣ уже въ свое время оцѣнку въ русской ученой литературѣ (со стороны г. Владимірскаго-Буданова; см. его отчетъ о годичной командировкѣ 1880—81 г. Кіев. Унив. Изв. 1881, № 12, стр. 25—56), ограничивается выпиской наиболѣе характерныхъ цитатъ изъ книги г. Ганеля, въ томъ числѣ того мѣста, гдѣ г. Ганель облекаетъ свою мысль въ такія «знаменательныя» слова: «перемѣна (т. е. въ правовыхъ и общественныхъ порядкахъ Чехіи) произошла подъ вліяніемъ *какой-то* (курсивъ

Digitized by Google

г. Ясинскаго) исторической необходимости»... По словамъ нашего автора онъ ни въ книгѣ Ганеля, ни въ другихъ сочиненіяхъ не нашелъ отвѣта на вопросъ, какая это историческая необходимость, вызвавшая перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Чехіи въ XII и XIII вв. Разъяснить вотъ эту-то необходимость авторъ и взялъ на себя.

По поводу г. Ганеля и его прежняго русскаго критика мы при этомъ случаѣ должны высказать сожалѣніе, что г. Ясинскій повидимому не отнесся къ нимъ съ надлежащимъ вниманіемъ, не воспользовался ихъ наблюденіями и ихъ компетентностью въ должной мѣрѣ. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя стороны вопроса спеціально разработанныя г. Ганелемъ, остались безъ необходимой оцѣнки у нашего автора. Что касается критики г. Владимірскаго-Буданова, то слѣдовало по крайней мѣрѣ познакомить читателя съ основной точкой зрѣнія этого ученаго спеціалиста (по славянскому праву), которая несомнѣнно представляетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что, сходясь въ общемъ въ выводахъ съ г. Ганелемъ, она заключаетъ въ себѣ по существу нѣсколько иную постановку вопроса, къ которой г. Ясинскій не могъ отнестись безразлично, и которая даже, быть можетъ, сыграла свою роль въ образованіи его собственнаго воззрѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ, занимавшійся спеціально «Нѣмецкимъ правомъ въ Польшѣ и Литвѣ» и имѣвшій полное основаніе примѣнить свои наблюденія и къ Чехіи (гдѣ очевидно много аналогичнаго), держится взгляда о необходимости строго различать въ области права понятія «вліянія» и «заимствованія». Онъ признаетъ, что *земское право* въ славянскихъ странахъ, подвергавшихся нѣмецкому правовому вліянію, оставалось весьма самостоятельнымъ «сепаратнымъ» (точно такъ-же какъ въ свою очередь и нѣмецкое), что *сліянія* этихъ различныхъ элементовъ не послѣдовало, что напр. въ Польшѣ польское право отнюдь не исчезло подъ вліяніемъ нѣмецкаго, что оно получило только новую окраску, которая стала его отличительнымъ признакомъ. Это же толкованіе онъ примѣняетъ и къ сферѣ государственнаго устройства

Digitized by Google

и управленія (въ западно-славянскихъ странахъ). Итакъ, будучи противъ признанія прямыхъ заимствованій, онъ—въ пользу существованія и значенія правовыхъ, а слѣдовательно и вообще культурныхъ воздѣйствій и вліяній. Онъ только отрицаетъ мысль, чтобы новый чешскій общественный и государственный строй былъ *сліяніемъ* нѣмецкихъ порядковъ съ старо-чешскими. Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи очевидно примкнулъ къ нему и г. Ясинскій, но онъ пошелъ далѣе и дошелъ до почти полнаго отрицанія и самыхъ воздѣйствій нѣмецкаго права и западно-европейскаго соціальнаго строя на внутреннее развитіе Чехіи до XIV вѣка. Итакъ мы видимъ, какое значеніе для нашего автора долженъ былъ имѣть разборъ книги Ганеля г. Владимірскимъ-Будановымъ, и поэтому мы въ правѣ упрекнуть его въ томъ, что онъ не только не далъ мѣста поучительнымъ сужденіямъ послѣдняго по данному вопросу въ своемъ изложеніи высказанныхъ до него мнѣній, но и не проронилъ ни одного слова о своемъ отношеніи къ мнѣнію своего предшественника въ критикѣ книги г. Ганеля. Но возвратимся къ изложенію. Итакъ автора не удовлетворяетъ рѣшеніе вопроса о перемѣнѣ, совершившейся во внутреннемъ строѣ Чехіи, простой ссылкой на внѣшнія вліянія со стороны просвѣщеннаго и болѣе культурнаго народа. Не отрицая «извѣстной доли» этого вліянія, онъ думаетъ, что ему приписывается слишкомъ много. Поэтому цѣль его—постараться указать, какая необходимость, какія мѣстныя условія и нужды вызвали измѣненіе общественнаго и государственнаго строя въ концѣ XII в.,—«представить картину органическаго развитія этого славянскаго государства въ X—XIII в.».

Итакъ здѣсь авторъ ясно высказалъ свою руководящую мысль и свою задачу. Въ вопросѣ о ходѣ развитія чешскаго государства онъ выдвигаетъ моментъ внутренній, «самостоятельно возникшія въ нѣдрахъ самого народа потребности», «мѣстныя условія и нужды», которыя всецѣло опредѣлили то, а не другое направленіе въ этомъ развитіи. Сторона внѣшнихъ воздѣйствій такимъ образомъ совершенно отодвигается имъ на задній планъ.

Digitized by Google

Авторъ видимо увлекся своей точкой зрѣнія, ибо историческая необходимость, какъ между прочимъ слѣдствіе мѣстныхъ условій, потребностей и обстоятельствъ, не можетъ быть отождествлена съ понятіемъ органическаго или самобытнаго развитія и очень часто обусловливается преимущественно дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ. Между тѣмъ онъ думаетъ оправдать свою теорію «самобытности» и «органичности» выясненіемъ исторической необходимости, которую выводитъ исключительно изъ внутреннихъ, мѣстныхъ (или народныхъ) потребностей и условій. Въ этомъ, какъ намъ кажется, его главное заблужденіе. Выяснивъ несомнѣнно очень многое въ условіяхъ и внутреннихъ причинахъ разложенія земскаго строя въ Чехіи, онъ однакожъ далъ узкую и одностороннюю постановку этому сложному вопросу и съ слишкомъ большой рѣшительностью сдѣлалъ общій выводъ, съ которымъ трудно согласиться.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ общемъ приговорѣ. Здѣсь скажемъ только, что каждая глава въ книгѣ г. Ясинскаго, давая много важнаго и интереснаго для уясненія процесса внутренняго государственнаго роста Чехіи, убѣждаетъ насъ въ односторонности его общаго толкованія этого процесса.

Назвавъ историческій процессъ, которымъ Чехія шла въ своемъ государственномъ развитіи, «паденіемъ земскаго строя», авторъ естественно сознавалъ необходимость разъяснить, что именно слѣдуетъ понимать подъ этимъ *земскимъ строемъ*. Сказать только, что онъ разумѣетъ здѣсь «учрежденія и порядки, которые существовали въ первый періодъ исторіи чешскаго государства и возникли на славянской основѣ», казалось ему самому недостаточнымъ, и онъ считаетъ нужнымъ, впрочемъ въ очень краткихъ словахъ, указать черты, характеризующія начальную эпоху государственной жизни у славянъ. Здѣсь онъ (стр. 8—10) самымъ бѣглымъ образомъ упоминаетъ о первыхъ «не отличавшихся долговѣчностью» славянскихъ государствахъ съ княземъ во главѣ, изъ которыхъ впрочемъ нѣкоторыя путемъ сплоченія племенъ успѣли стать могущественными и которыя вмѣстѣ

Digitized by Google

съ тѣмъ задавались широкими замыслами объединенія славянъ; однако въ нихъ обнаруживается еще отсутствіе сознанія объ единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи и власти: оттуда появленіе удѣльныхъ князей со всѣми правами верховной власти. Далѣе рѣчь идетъ объ областныхъ правителяхъ, какъ замѣстителяхъ племенныхъ князей, объ участіи основной массы населенія въ политическихъ дѣлахъ, о его правахъ владѣнія и наслѣдованія недвижимыми имуществами, наконецъ о преобладаніи обычнаго права,—все это въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ. Въ томъ, что «въ началѣ своего существованія государство представляло собой внѣшнее сплоченіе племенныхъ группъ, выражавшееся въ механическомъ соединеніи отдѣльныхъ племенныхъ территорій» и что господствовалъ обычай и земское право,—въ этомъ авторъ видитъ основаніе называть этотъ періодъ *земскимъ*. «Подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ потребностей этотъ несовершенный земскій строй долженъ былъ разложиться и уступить свое мѣсто высшей формѣ государственности, государству сословно-привилегированному».

Этимъ и ограничивается авторъ въ своей характеристикѣ земскаго строя. Всего какихъ-нибудь $1^1/_2$ страницы онъ посвятилъ выясненію того понятія и той группы или совокупности фактовъ, которыя являются основными въ его темѣ и изъ которыхъ ему придется исходить во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ! Не можемъ не отмѣтить этого яваго недочета въ книгѣ г. Ясинскаго, ибо онъ долженъ былъ неминуемо сказаться нѣкоторыми невыгодными для всей работы послѣдствіями, ибо недостатокъ опредѣленности и отчетливой ясности, повидимому присущій самымъ представленіямъ автора о многихъ элементахъ и явленіяхъ земскаго строя, очевидно долженъ былъ сказываться при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ дальнѣйшаго «органическаго»—съ точки зрѣнія автора—развитія этого строя и мѣшалъ нашему ученому вполнѣ разобраться въ послѣдующихъ измѣненіяхъ этого строя.

Цѣль, которою онъ задался, настоятельно требовала отъ него

Digitized by Google

удѣлить гораздо болѣе мѣста, даже посвятить особую главу обстоятельной характеристикѣ славянскаго *земскаго* строя въ Чехіи, исходя изъ установленныхъ въ наукѣ славянскихъ древностей положеній объ общихъ основахъ этого строя у древнихъ славянъ, и затѣмъ уже, имѣя твердую и опредѣленную почву подъ ногами, приступить къ выясненію тѣхъ внутреннихъ условій и нуждъ, которыя вызвали разложеніе этого строя.

По поводу немногихъ сообщенныхъ авторомъ данныхъ, долженствующихъ характеризовать начальный періодъ политической жизни славянъ, мы должны еще возразить противъ употребленія термина *государство* (стр. 8) для первыхъ политическихъ объединительныхъ попытокъ и племенныхъ союзовъ или организацій у славянъ (въ періодъ VII—X вв.). Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи строго отдѣляетъ *государственную* организацію отъ «*земской*», вышедшей изъ патріархально-родовыхъ и племенныхъ установленій. Дѣйствительно, государства въ настоящемъ смыслѣ слова слагаются у славянскихъ народовъ значительно позже (конечно не у всѣхъ одновременно, а въ зависимости отъ условій политическихъ и культурныхъ), по пережитіи ими критическаго, такъ называемаго удѣльнаго періода, съ утвержденіемъ новаго принципа престолонаслѣдія, съ упроченіемъ единодержавія и верховной государственной власти, съ постепеннымъ установленіемъ законовъ и формъ управленія — на болѣе совершенныхъ началахъ. Такимъ образомъ терминъ «государства» для старыхъ славянскихъ княжествъ, какъ попытокъ внѣшняго политическаго сплоченія, съ ихъ земскимъ строемъ, представляется неумѣстнымъ.

Слѣдующая, бо́льшая часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ *обозрѣніе источниковъ* для древней исторіи Чехіи, т. е. собственно для занимающаго автора періода. О нихъ онъ хочетъ сказать особо и подробнѣе, ибо изученіе ихъ дало ему «возможность въ земскомъ строѣ открыть зародыши иного порядка вещей, и объяснить, какъ на обломкахъ стараго возникъ новый — сословно-привилегированный».

Нечего и говорить, что такое обстоятельное обозрѣніе источ-

Digitized by Google

никовъ, какое намъ даетъ г. Ясинскій (на 25 стран.) можетъ быть только полезнымъ для дѣла, придаетъ работѣ еще большую внѣшнюю законченность и еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ объ эрудиціи и начитанности его въ литературѣ предмета. Но дѣло въ томъ, что это обозрѣніе имѣетъ поневолѣ компилятивный характеръ и формулируетъ результатъ чужихъ изслѣдованій и спеціальныхъ изученій отдѣльныхъ источниковъ, и притомъ оно органически не входитъ въ работу и могло бы быть безъ особеннаго ущерба для существа дѣла, т. е. для обработки темы опущено или пожалуй помѣщено въ Приложеніи. Вотъ почему мы думаемъ, что было бы лучше, если бы нашъ авторъ въ своемъ введеніи вмѣсто этого обозрѣнія источниковъ далъ то именно, чего мы къ сожалѣнію не нашли у него, т. е. цѣльную и связную характеристику главныхъ элементовъ славянскаго земскаго строя, какимъ онъ выясняется по имѣющимся даннымъ для Чехіи первыхъ вѣковъ ея политическаго существованія. Этимъ онъ и самъ бы себѣ уяснилъ многое глубже и полнѣе, и значительно облегчилъ бы себѣ дальнѣйшее изложеніе.

На обозрѣніи источниковъ и литературы ихъ разработки, которое отличается обстоятельностью и полнотой и въ которомъ мы не замѣтили значительныхъ недомолвокъ[1]), мы не станемъ останавливаться, а отмѣтимъ лишь одну поразившую насъ несообразность. О лѣтописяхъ и хроникахъ чешскихъ (преимущественно о Косьмѣ Пражскомъ, а также его продолжателяхъ и даже хроникахъ XIV в.) авторъ распространяется подробно на 18 страницахъ, тогда какъ документальнымъ источникомъ, т. е. грамотамъ и юридическимъ памятникамъ и ихъ оцѣнкѣ онъ посвящаетъ всего лишь нѣсколько замѣчаній на трехъ страницахъ. Между тѣмъ его изслѣдованіе основано преимущественно, если не почти исклю-

1) Припомнимъ по поводу обозрѣнія житій, что говоря о житіяхъ св. Войтѣха и относящейся къ нимъ литературѣ, авторъ опускаетъ вѣроятно оставшуюся ему неизвѣстной работу А. С. Будиловича: «Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ» (Очерки изъ церк. ист. Зап. Слав.), Варшава, 1880.

Digitized by Google

чительно, на актовомъ матеріалѣ, а лѣтописнымъ онъ пользуется сравнительно очень мало и съ большою сдержанностью[1]). Очевидно было бы послѣдовательнѣе да и для дѣла полезнѣе, еслибъ онъ тотъ матеріалъ, который послужилъ ему главнымъ источникомъ, предварительно разсмотрѣлъ и привелъ въ извѣстную систему, а также далъ бы ему болѣе подробную характеристику и оцѣнку.

Первая глава книги г. Ясинскаго озаглавлена «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*» (стр. 36—60). Вся книга распадается на *пять главъ*, изъ которыхъ каждая посвящена особому предмету, входящему въ объемъ задачи, *заключеніе* (которое впрочемъ также отчасти разсматриваетъ частный вопросъ) и *три Приложенія*. Вотъ названія другихъ главъ: II-я, Возникновеніе классовъ общества; III-я, Администрація и областное дѣленіе; IV-я, Городская организація; V-я, Власть государя и положеніе знати. — Уже изъ этого перечисленія видно, въ какія опредѣленные, разграниченныя, но едва-ли могущія вмѣстить все широкое содержаніе вопроса рамки замкнулъ нашъ авторъ свою тему.

Въ этомъ отношеніи его трудъ невольно напрашивается на сравненіе съ появившимся послѣ него (I томъ въ 1896 г.) и недавно законченнымъ (II томъ въ 1898 г.) большимъ и солиднымъ нѣмецкимъ изслѣдованіемъ въ той же самой области извѣстнаго уже спеціальными работами *Юлія Липперта*: «Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit», трудомъ, написаннымъ тоже исключительно по источникамъ — съ большою основательностью и возможною для чешскаго нѣмца объективностью. Сущность его задачи, какъ увидитъ читатель—очень близкой къ темѣ г. Ясинскаго, опредѣляется въ слѣдующихъ частныхъ заглавіяхъ обоихъ томовъ его сочиненія: I. Die Slavische Zeit und ihre gesellschaftlichen Schöpfungen и II. Der Sociale Einfluss der Christlichkirch-

1) Эта несообразность отмѣчена и въ офиціальной рецензіи профессора Ѳ. Фортинскаго, см. Кіев. Универс. Извѣстія, 1898 г., № 8, стр. 18.

Digitized by Google

lichen Organisationen und der deutschen Colonisation. Изъ этого видно, что и Липпертъ задался въ сущности тѣмъ же вопросомъ, что и г. Ясинскій, но разница въ томъ, что нѣмецкій ученый охватилъ вопросъ въ той именно широтѣ, которая является вполнѣ необходимой для его правильнаго рѣшенія, тогда какъ нашъ авторъ нѣсколько произвольно сузилъ свои рамки, оставивъ почему-то безъ разбора и оцѣнки весьма важные элементы и факторы заинтересовавшаго ихъ обоихъ историческаго процесса (какъ увидимъ, главнымъ образомъ то, что разсматривается во II томѣ книги г. Липперта). Правда, онъ далъ болѣе частную формулировку своей темѣ (сравни заглавія обоихъ сочиненій), но истинный, отъ существа дѣла зависящій объёмъ ея — не могъ вслѣдствіе того сузиться, ибо «паденіемъ земскаго строя» характеризуется *вся* внутренняя общественная и государственная исторія Чехіи за періодъ X—XIV в. и, по убѣжденію самого автора, въ немъ состоитъ органическій, самобытный процессъ историческаго развитія Чехіи, а потому оставленіе безъ вниманія и оцѣнки нѣкоторыхъ его существенныхъ явленій, составляющихъ съ прочими одно связное и сложное цѣлое, не можетъ остаться безнаказаннымъ для истолкователя этого развитія. Мы не станемъ здѣсь, конечно, сравнивать по существу результаты, къ которымъ пришли оба автора. Намъ придется еще не разъ сопоставлять ихъ въ теченіе нашего разбора; но отмѣтимъ тутъ же, что широкая постановка вопроса у г. Липперта и между прочимъ углубленіе его въ первоначальныя основы и условія развитія стараго славянскаго (т. е. земскаго) строя, старательное уясненіе себѣ его элементовъ, и вообще тщательная разработка почвы для истолкованія послѣдующаго развитія, очень выгодно отозвались на всемъ изслѣдованіи его. Если онъ въ концѣ концовъ въ опредѣленіи культурныхъ и соціальныхъ вліяній германской и вообще западно-европейской стихіи и увлекся слишкомъ, заплативъ дань своимъ національнымъ тенденціямъ (именно во II томѣ сочиненія), то всетаки надо отдать ему справедливость, что онъ съ рѣдкою для нѣмца объективностью старался выяснить и оцѣ-

Digitized by Google

нить самобытныя славянскія элементы въ государственномъ развитіи Чехіи (I томъ). Мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ въ своихъ выводахъ сошелся съ г. Ясинскимъ, придя къ нимъ самостоятельно. Но есть и такіе пункты, которые у русскаго изслѣдователя разъяснены полнѣе и лучше, и нельзя поэтому не пожалѣть, что нѣмецкій ученый не воспользовался работой г. Ясинскаго, которая вѣроятно и не была ему извѣстна[1]). Но перейдемъ къ болѣе подробному разбору послѣдней.

Свое изученіе явленій, характеризующихъ паденіе земскаго строя, авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ средѣ массы населенія, занимающагося обработкой земли, т. е. сельскаго населенія, въ его отношеніи къ землѣ и къ другому постепенно выдѣляющемуся и пріобрѣтающему господство слою народа: этому вопросу посвящена I-ая глава «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*». Такое начало по плану работы вытекаетъ, по мнѣнію автора, изъ самаго существа дѣла. Онъ не считаетъ преувеличеннымъ думать, что «въ зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находилось сельское населеніе въ извѣстной странѣ, опредѣлялось направленіе въ развитіи государственныхъ учрежденій ея». Онъ даже полагаетъ (приравнивая эти явленія къ сферѣ метеорологіи), что «по характеру измѣненій въ положеніи сельскаго люда историкъ имѣетъ возможность объяснить и предугадать перемѣны въ политическомъ строѣ, если только земледѣліе продолжаетъ оставаться преобладающимъ занятіемъ жителей страны». Но едва-ли можно настаивать на безусловной и универсальной справедливости такого положенія. Оно можетъ быть приложимо въ извѣстной степени развѣ лишь къ такимъ народнымъ или государственнымъ организмамъ, которые развиваются совершенно самостоятельно и самобытно, внѣ всякихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, и гдѣ весь процессъ развитія преимущественно получаетъ толчокъ и направленіе снизу. Но у славянскихъ народовъ

1) По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили на нее ссылки.

Digitized by Google

(какъ въ сущности и у всѣхъ другихъ исторически-выросшихъ на старой культурѣ римской и греческой), а тѣмъ болѣе у западныхъ славянъ мы отнюдь не можемъ допустить такого явленія; поэтому можно объяснить такое утвержденіе нашего автора лишь все тѣмъ же его увлеченіемъ теоріей «органическаго» развитія.

При всемъ томъ мы ничего не имѣемъ противъ общаго плана и системы изложенія г. Ясинскаго, за исключеніемъ одного, на что еще укажемъ ниже, именно—что для лучшаго разъясненія перваго вопроса, поставленнаго имъ, слѣдовало разобрать его нераздѣльно и въ непосредственной связи съ темой II-й главы, т. е. съ вопросомъ объ образованіи классовъ общества—по ихъ естественному соотношенію и зависимости.

Въ началѣ I главы авторъ старается дать общую характеристику состоянія крестьянскаго землевладѣнія и хозяйничанья въ старой Чехіи, которая впрочемъ является нѣсколько отрывочною и слабо связанной съ главной темой. Здѣсь отмѣчается напр. на основаніи грамотъ явленіе общаго пользованія всѣми жителями села угодіями (лѣсомъ, общими пастбищами и проч.), какъ «повидимому» обычай старины, что конечно не представляетъ открытія [1]), говорится далѣе о колонизаціи чешскимъ населеніемъ въ раннюю эпоху (до начала нѣмецкой колонизаціи въ половинѣ XIII в.) лѣсистыхъ краевъ путемъ отдачи имъ для разработки участковъ лѣса и пустошей на княжеской землѣ, сообщаются мало впрочемъ идущія къ дѣлу свѣдѣнія о земельныхъ мѣрахъ, трехпольной системѣ земледѣлія, о стоимости земли и проч., наконецъ для выясненія отношеній между односельчанами, для чего де почти нѣтъ данныхъ, приводится свидѣтельство одной грамоты довольно поздней (1301), являющееся одиночнымъ, о «существованіи нѣкоторыхъ совладѣній при пользованіи полями». Но дѣлать на этомъ основаніи общій выводъ авторъ не рѣшается.

---

1) См. объ этомъ явленіи относительно волости у русскихъ славянъ и сравненіе съ подобными имъ поземельными отношеніями въ германской общинѣ у проф. В. Сергѣевича: «Русскія юридич. древности», томъ I, стр. 216 и далѣе, 220—221.

Digitized by Google

Сказавъ затѣмъ о существующей (общепринятой) классификаціи сельскаго населенія въ Чехіи земскаго періода, именно дѣленіи его на *свободныхъ* людей (дѣдичей и кметовъ) и *зависимыхъ* (цензуаловъ, задушныхъ людей, закупней и министеріаловъ), а также *рабовъ* (рабство исчезаетъ въ нач. XIII в.), г. Ясинскій справедливо находитъ, что эта классификація требуетъ цѣлаго ряда оговорокъ и большей доказательности. Самъ авторъ, правда, дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ, напр. относительно *дѣдичей*, которые, какъ показываютъ факты, въ XIII в. превращаются уже въ людей зависимыхъ (а ихъ земли становятся объектомъ государевыхъ отчужденій), но жаль, что онъ не воспользовался случаемъ, чтобъ обстоятельнѣе охарактеризовать на основаніи собственнаго изученія источниковъ отдѣльныя категоріи сельскаго населенія, ибо и у него, когда рѣчь идетъ о послѣднемъ, замѣтенъ недостатокъ яснаго и отчетливаго разграниченія этихъ категорій.

Установленіе факта возникновенія и размноженія класса зависимыхъ людей приводитъ автора къ вопросу о происхожденіи этого явленія, при чемъ онъ считаетъ нужнымъ разсмотрѣть старую дилемму — о превращеніи свободы въ зависимость или наоборотъ о зависимости какъ «результатѣ смягченнаго рабства, принявшаго форму средневѣкового колоната».

Свидѣтельство одного документа, здѣсь разобраннаго, заставляетъ его заключить, что «часть зависимаго населенія могла образоваться изъ колоновъ и рабовъ, положеніе которыхъ постепенно улучшилось», но этого явленія онъ не думаетъ обобщать и объяснять этимъ путемъ происхожденіе *всего* зависимаго люда, и въ этомъ онъ принимаетъ мнѣніе г. І. Пейскера, полемизировавшаго когда-то съ Липпертомъ по этому предмету. Теперь критика Липперта была бы уже неумѣстной, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ, въ новомъ своемъ сочиненіи, измѣнилъ свой взглядъ, но г. Ясинскій писалъ до того. Но посмотримъ еще, дѣйствительно ли остановившій вниманіе автора документъ (завѣщаніе одного священника) позволяетъ сдѣлать вышеупомянутое заключеніе. Намъ

Digitized by Google

кажется, здѣсь кроется маленькое недоразумѣніе. Въ завѣщаніи священника Збигнѣва, устраивающаго церковь въ своей вотчинѣ, относимомъ къ 1132 году и сохранившемся въ подтвердительной грамотѣ короля Вацлава (1233 г.)[1]), завѣщатель перечисляетъ свои владѣнія и называетъ тѣхъ лицъ («рабовъ и колоновъ», servos et colonos, слѣдовательно 2 разныя категоріи), посредствомъ которыхъ земля его воздѣлывается.

Нашъ авторъ согласно этому и отмѣчаетъ вполнѣ правильно, что Збигнѣвъ часть своей земли воздѣлывалъ самъ, пользуясь барщинной работой своихъ зависимыхъ людей, а главнымъ образомъ посредствомъ трехъ семействъ, члены которыхъ здѣсь и переименовываются, и въ которыхъ по всему нельзя не видѣть рабовъ, тогда какъ другую часть отдавалъ въ пользованіе зависимымъ людямъ, колонамъ, платившимъ цензъ и отбывавшимъ барщину. Таковыми были названные въ грамотѣ два лица: Остой, платившій ежегодно по 12 денаріевъ и Милонгъ съ семьей, платившій 6 денар. Оба они были такъ называемыми «задушными людьми» (proanimatus). О рабствѣ ихъ или происхожденіи ихъ изъ рабства нѣтъ опредѣленнаго указанія[2]); между тѣмъ авторъ очевидно считаетъ ихъ тоже бывшими рабами (въ чемъ для него и смыслъ этого акта), ибо говоритъ: «Такимъ образомъ, «задушными людьми» назывались тѣ изъ рабовъ, которыхъ «во спасеніе своей души» переводили въ положеніе колоновъ или зависимыхъ людей, обязанныхъ только платежомъ и опредѣленной барщиной». Надо думать, что такой довольно неожиданный выводъ исходитъ изъ недостаточно яснаго пониманія авторомъ состоянія, такъ сказать, «задушности», которое у него почему-то неразрывно связывается съ «рабствомъ». Если рабы иногда отдавали себя и свое имущество церкви или монастырю въ задушное владѣніе «во спасеніе души»[3]), то изъ этого же не слѣдуетъ, чтобъ всѣ задушные люди

1) См. Erben, Regesta Boh. et Mor., I. стр. 98—99 и 377.

2) Ибо подъ *колонами* нѣтъ основанія *всегда* и *только* понимать людей, вышедшихъ изъ рабства.

3) См. Lippert, o. c. I. S. 213—214.

Digitized by Google

(proanimatus, proanimator, animator, zadušník, dušník) происходили изъ рабовъ. Ими дѣлались всякіе зависимые люди, отдаваемые съ землей церковнымъ учрежденіямъ какъ «задушное» пожертвованіе. Даже дѣдичи попадали нерѣдко въ положеніе «задушныхъ»[1]). Итакъ въ данномъ документѣ нѣтъ основанія видѣть непремѣнно людей перешедшихъ изъ рабства въ зависимое положеніе, и авторъ думалъ воспользоваться имъ по явному недоразумѣнію.

Но, какъ сказано, онъ допускаетъ лишь частные случаи подобнаго возникновенія зависимости, а общимъ явленіемъ считаетъ переходъ къ ней отъ свободы. Какъ-же совершался такой переходъ? Нашъ изслѣдователь не удовлетворенъ объясненіемъ г. Пейскера, который «выдвигаетъ теорію о постепенномъ заселеніи страны людьми зависимыми и колонами, теорію княжеской колонизаціи пограничнаго или *помежнаго* лѣса» (существовавшаго де не только на границахъ, но и между территоріями доисторическихъ племенныхъ группъ страны), и надѣется подойти къ рѣшенію вопроса разсмотрѣніемъ положенія зависимаго люда въ XIII вѣкѣ.

Во первыхъ г. Ясинскій устанавливаетъ положеніе, что развивающаяся зависимость не касается свободы личности, доказательствомъ чего служитъ существованіе широкаго *права перехода* населенія какъ въ города, такъ и въ земли другихъ владѣльцевъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ подвергалось ограниченію. Это явленіе, подтверждаемое авторомъ рядомъ примѣровъ изъ документовъ, справедливо признается имъ за отголосокъ болѣе свободныхъ отношеній. Далѣе выдвигается имъ еще одна черта, характеризующая также *льготное* положеніе зависимыхъ людей и представляющая какъ-бы «переживаніе», остатокъ родовыхъ порядковъ, «когда земля была родовымъ имуществомъ и каждый членъ имѣлъ право совладѣнія». Именно, многими ссылками на источники г. Ясинскій доказываетъ, что

1) См. J. Čelanovský, Povšechní české dějiny právní, Pr. 1892, str. 36.

Digitized by Google

зависимыя люди (поселяне) являлись чрезвычайно заинтересованными во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся земли, которою они пользовались, цѣлости и нерушимости границъ имѣній и проч., какъ будто даже болѣе, чѣмъ сами землевладѣльцы. Изъ одной грамоты (20-хъ годовъ XIII в.) видно, что сами селяне совершили даже операцію продажи поля, причемъ владѣлецъ (т. е. монастырь) заботился лишь о томъ, чтобъ его доходы не уменьшались, т. е. его интересовала болѣе земельная рента, чѣмъ право на тотъ или другой клочекъ земли. Изъ этого можно заключить, что землевладѣльцы XIII вѣка представляются обладателями не земли, а извѣстнаго дохода или ренты, т. е. рентовладѣльцами. Это наблюденіе вѣрно, и такое отношеніе крестьянъ (зависимыхъ) къ землѣ дѣйствительно есть отголосокъ патріархальныхъ воззрѣній на владѣніе землей и наблюдается всюду, между прочимъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ старой Руси[1]). Что касается опредѣленія времени возникновенія зависимости, то авторъ, сознавая всю трудность этого опредѣленія — и то лишь въ самыхъ приблизительныхъ границахъ, находитъ въ чешскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя указанія, именно о томъ, когда зависимость стала явленіемъ преобладающимъ въ жизни селянъ. Эти лѣтописныя данныя (приводятся разсказы каноника Вышеградскаго и Сазавскаго монаха) изображаютъ крестьянское населеніе XI и первой половины XII в. еще свободнымъ и зажиточнымъ. Оно представляетъ еще общественную силу, съ которой нельзя не считаться, его права на владѣніе землей, по крайней мѣрѣ какъ вознагражденіе за трудъ по обработкѣ еще дикой земли, признаются высшею властью (въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ Сазавскаго монаха!), государи (Собеславъ II) видятъ въ немъ противовѣсъ

1) Вотъ какъ характеризуетъ эти отношенія проф. Сергѣевичъ въ своемъ названномъ выше сочиненіи (т. I, стр. 225): «Въ древнемъ народномъ мышленіи не обособилось еще владѣніе и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣнія. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ... Крестьяне, поэтому, первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы — не земледѣльцы всегда и вездѣ — явленіе позднѣйшее».

Digitized by Google

возраставшему вліянію знати. Заслуживаетъ вниманія указаніе г. Ясинскаго, что Собеславъ II, не довѣрявшій знати, въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ особенно цѣнилъ военную силу селянъ, состоявшую изъ конныхъ и пѣшихъ, которая собиралась къ нему въ большомъ числѣ, благодаря его популярности. Это важно потому, что впослѣдствіи авторъ, говоря о военной организаціи (со времени ея преобразованія въ X в.), какъ-будто совсѣмъ не знаетъ этой сельской военной силы, увлекшись всецѣло мыслью, что «со 2-й половины XII в. военная служба становилась, по воззрѣніямъ современниковъ, спеціальностью высшихъ классовъ». Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ именно вторую половину XII в. (прибавляя впрочемъ словечко «повидимому», къ которому — кстати сказать — онъ прибѣгаетъ частенько) *критической порой* въ жизни свободнаго населенія, временемъ возникновенія зависимости. Мы думаемъ однакожъ, что и такое *приблизительное* опредѣленіе слишкомъ точно, что приведенныя лѣтописныя данныя не могутъ быть слишкомъ обобщаемы и что такой процессъ, какъ постепенный переходъ свободнаго населенія въ зависимость, обусловленный цѣлымъ рядомъ причинъ, — подобно непосредственно съ нимъ связанному и его опредѣляющему процессу обособленія высшихъ классовъ общества — не можетъ быть опредѣленъ даже столѣтіемъ, а совершался незамѣтно въ теченіе очень многихъ десятилѣтій, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ въ границы, указанныя авторомъ. Переходя наконецъ къ объясненію *причинъ* возникновенія зависимости, авторъ приводитъ мнѣніе проф. В. Томка о ея источникахъ, именно о вліяніи родового быта (такъ какъ дѣдичи были отдаленныя родичи той родовой вѣтви, которая пользовалась наслѣдственнымъ старшинствомъ въ родѣ), о вновь основываемыхъ монастырями и лицами селахъ для поселенія излишка населенія въ старыхъ, о частныхъ договорахъ и соглашеніяхъ, ведшихъ къ положенію зависимости. Однакожъ эти объясненія его не удовлетворяютъ: первое — по своей гипотетичности, послѣднее — недостаточностью для примѣненія къ такому крупному явленію. Онъ

Digitized by Google

держится взгляда, что послѣднее «могло возникнуть только подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій болѣе поздняго государственнаго быта», тѣмъ болѣе, что для большинства населенія зависимость возникаетъ въ пору господства государственной жизни. Но не смѣшиваетъ ли онъ здѣсь нѣсколько сущности самаго факта съ его формами и характеромъ проявленія? Сущность его несомнѣнно обусловливается рано начинающимся соціальнымъ развитіемъ народа и диффенціаціей массы, а государственный бытъ съ своими условіями и нуждами вырабатываетъ тѣ или иныя формы и особенности его проявленія. Впрочемъ, нашъ авторъ совершенно справедливо указываетъ на важную роль государственной власти въ этомъ процессѣ. Хотя государи, говоритъ онъ, не могли распоряжаться ни землей, ни личностью свободнаго человѣка, но зато въ ихъ распоряженіи находились повинности и платежи, которые при тогдашнемъ слабомъ развитіи государственности... разсматривались въ качествѣ объектовъ отчужденія». Выкупомъ отъ государственныхъ повинностей (королевскихъ и земскихъ) являлся *цензъ*, платежемъ котораго и выражалась зависимость населенія. Г. Ясинскій старается на основаніи имѣющихся у него данныхъ опредѣлить размѣры и характеръ этого ценза. По его вычисленію онъ простирался приблизительно до 8 денаріевъ съ югера. Что касается его характера, то по ясному показанію источниковъ характернымъ отличіемъ ценза съ земель дѣдичей, попавшихъ въ зависимое положеніе, было то, что онъ не подлежалъ возвышенію; этимъ онъ существенно отличался отъ ценза позднѣйшаго происхожденія, платимаго поселенцами земель эмфитевтическихъ, на нѣмецкомъ правѣ. Послѣдній, представляя лишь плату за право пользованія чужою землей, въ разныхъ случаяхъ могъ быть повышаемъ, между тѣмъ какъ «дѣдичный цензъ, являясь эквивалентомъ или выкупомъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, не могъ поэтому подлежать измѣненію». Итакъ платежемъ ценза, по словамъ г. Ясинскаго, выражается зависимость бывшаго свободнаго населенія. Самая же эта зависимость представляется ему «въ

формѣ разрыва непосредственныхъ отношеній между государствомъ и массой населенія, въ формѣ созданія между ними промежуточнаго звена». «Возникновенію ея долженъ былъ предшествовать процессъ образованія сословій и привилегированнаго землевладѣнія». Этимъ авторъ и заканчиваетъ свое разслѣдованіе происшедшихъ измѣненій въ соціальномъ положеніи массы земледѣльческаго населенія, сознавая, какъ мы видимъ, что этимъ измѣненіямъ предшествовалъ — а не будетъ ли точнѣе сказать: сопутствовалъ? — тотъ процессъ, который онъ разсматриваетъ во II-й главѣ.

Мы однакожъ еще не пойдемъ за нимъ, а отмѣтимъ здѣсь же то, что въ его работѣ составляетъ прямое дополненіе и распространеніе вопроса, разсмотрѣннаго въ I-й главѣ, и почему-то попало въ «Заключеніе» книги (стр. 168—174). Г. Ясинскій самъ очевидно чувствовалъ, что вопросъ о превращеніи свободнаго населенія въ зависимое имъ выясненъ не достаточно, и онъ считаетъ нужнымъ выяснить еще «причины, кои побуждали зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимыхъ», а также дѣдичей переходить въ положеніе зависимыхъ дѣдичей.

Извѣстно, что лѣсныя пространства и пустоши, которыя еще въ XIII в. составляли огромную площадь, находились въ полномъ распоряженіи государей. Изъ источниковъ видно, что съ начала XI в. государи предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ право пользованья этими лѣсами и пустошами, такъ что происходитъ постепенное освоеніе новыхъ земельныхъ участковъ. Но послѣдними могли пользоваться только зависимые люди землевладѣльцевъ; другимъ не было туда доступа. Сидѣвшіе около этихъ освоенныхъ лѣсовъ и пустошей свободные крестьяне (дѣдичи и проч.), не получавшіе на нихъ правъ, чувствовали большое стѣсненіе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, ибо все бо́льшія пространства отходили въ руки церковныхъ корпорацій и частныхъ лицъ, да и вслѣдствіе прироста населенія. Понятно такимъ образомъ, что не было недостатка въ охотникахъ селиться на этихъ освоенныхъ

Digitized by Google

въ пользу того или другого юридическаго лица государевыхъ пустошахъ, и въ немъ дѣйствительно селились дѣдичи, уплачивали натуральную дань (государственную десятину), но лично оставались свободными. «Государи смотрѣли на нихъ, какъ на доходную статью и, отчуждая пустоши, упоминали о поселившихся на нихъ людяхъ, имѣя въ виду ихъ платежи, но не нарушая ни правъ личности, ни владѣнія ихъ». Сперва въ пользу землевладѣльца шла только государственная десятина; отъ земскихъ работъ эти зависимые люди не освобождались. Но впослѣдствіи, съ переходомъ въ руки землевладѣльца распоряженія и земскими работами, размѣръ ценза увеличился, но населеніе даже предпочитало всегда денежную повинность, какъ выкупъ отъ натуральныхъ, происхожденіе которой гарантировало ея неподвижность. Лишь съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи и эмфитетическаго права платежи стали возвышаться, и зависимые дѣдичи принуждены были переходить на это новое положеніе.

Все свое изложеніе этой темы авторъ сопровождаетъ вполнѣ убѣдительными ссылками на документы и любопытными примѣрами. Мы должны признать, что этимъ онъ существенно дополнилъ свое изслѣдованіе предмета, т. е. вопроса о переходѣ населенія отъ свободы къ зависимости, обративъ вниманіе на такой важный моментъ, какъ колонизацію еще не обработанныхъ обширныхъ территорій, не могшую очевидно остаться безъ вліянія не только на экономическую, но и на соціальную жизнь, — моментъ, которому, по вышеотмѣченному указанію самого г. Ясинскаго (см. стр. 46), быть можетъ при нѣсколько иной постановкѣ придавалъ даже рѣшающее значеніе г. Пейскеръ.

Мы прослѣдили весь ходъ мыслей автора въ разборѣ имъ перваго вопроса темы его — объ измѣненіяхъ въ соціально-экономическомъ положеніи массы населенія Чехіи земскаго періода. Что же можно въ общемъ сказать о его разборѣ?

Должно признать, что г. Ясинскій значительно разъяснилъ вопросъ, хотя мы, какъ видно изъ предыдущаго, и не во всѣхъ пунктахъ съ нимъ согласны; къ сдѣланнымъ уже частнымъ за-

Digitized by Google

мѣчаніямъ слѣдуетъ прибавить, что онъ напрасно отнесся такъ отрицательно къ мысли проф. Томка о вліяніи старыхъ родовыхъ порядковъ (съ ихъ наслѣдственнымъ старшинствомъ) на образованіе зависимости. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно уже a priori сказать, что отношенія родовыя и общинный бытъ не могли въ концѣ концовъ не повліять на соціальную дифференціацію населенія... Но и вообще авторъ достигъ бы еще бо́льшаго, если бъ полнѣе и разностороннѣе разсмотрѣлъ состояніе зависимости въ разныхъ ея видахъ, и для этого точнѣе опредѣлилъ бы первоначальныя категоріи сельскаго люда. Такъ ему слѣдовало посвятить болѣе вниманія *людчамъ* и ихъ послѣдующей судьбѣ. Вообще его представленія часто страдаютъ неопредѣленностью (вспомнимъ о категоріи «задушныхъ людей», явленія, оставшагося также невыясненнымъ). Мы уже упоминали выше и о томъ, что невыгодно отразилось на результатахъ разбора отдѣленіе вопроса о зависимыхъ людяхъ отъ предмета II-ой главы, т. е. объ образованіи господскаго класса. Разсмотрѣніе этихъ взаимно обусловливающихъ другъ друга явленій, въ непосредственной связи, какъ мы это видимъ напр. у Липперта, не можетъ не привести къ болѣе полному ихъ разумѣнію. Вѣдь процессъ образованія классовъ общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе и выдѣленіе съ одной стороны господствующаго слоя, съ другой — зависимой массы, а потому естественно было разобрать эти явленія въ большей связи и въ ихъ соотношеніи.

Если мы теперь взглянемъ на результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о зависимости населенія съ точки зрѣнія его основной мысли о самобытности развитія внутренняго строя Чехіи, то — признаемся — мы не можемъ усмотрѣть, чтобъ они говорили въ пользу нея, ибо разобранныя соціально-экономическія измѣненія, происходившія по сознанію самого автора (стр. 57) «подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій государственнаго быта», брали свое начало такимъ образомъ не внизу, въ нѣдрахъ народной жизни, а вызывались болѣе сверху, со стороны высшей, управляющей власти, обусловливаясь глав-

Digitized by Google

нымъ образомъ ея интересами и потребностями еще не столько государственными, сколько лично государевыми. И такой процессъ развитія не представляетъ ничего исключительнаго и анормальнаго. Повсюду въ жизни народовъ, начинающихъ развиваться, а особенно принимающихъ извнѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ культуру, несомнѣнно способствующую созданію духовнаго и матеріальнаго неравенства между слоями народа, мы видимъ одно и то же явленіе. Факторомъ самымъ вліятельнымъ, направляющимъ и организующимъ внутреннюю народную жизнь и отношенія, являются интересы и стремленія людей и классовъ, имѣющихъ и силу и власть, т. е. рядомъ съ государемъ — его довѣренныхъ слугъ, начальниковъ, людей обогатившихся землевладѣньемъ или торговлей, наконецъ нравственно и умственно авторитетныхъ — духовенства. Всѣ эти выдѣляющіяся изъ массы категоріи людей, пріобрѣтая силу, права и вліяніе отъ верховнаго представителя и источника власти, ради собственныхъ интересовъ оказываютъ давленіе на слой слабый, мало состоятельный и зависимый, и такимъ образомъ создаются тѣ условія, въ которыхъ принуждено жить и работать земледѣльческое населеніе или народная масса и благодаря которымъ должны видоизмѣняться и перерождаться первоначальныя установленія и формы его быта. Конечно, эта теряющая свою независимость народная масса старается защитить свои интересы и отстоять себя и свое, но въ концѣ концовъ покоряется и приспособляется къ новымъ отношеніямъ и порядкамъ.

Такимъ образомъ народный бытъ, а съ нимъ и старый земскій строй терпитъ существенныя измѣненія и разлагается не столько въ силу внутреннихъ причинъ, нуждъ и стремленій самого населенія, сколько въ силу потребностей, образующихся въ сферахъ болѣе высокихъ, и вліяній оттуда идущихъ, въ силу интересовъ слоевъ сильныхъ и властныхъ, поддерживаемыхъ верховною властью, и наконецъ самой государственной власти. Этого явленія нельзя не имѣть въ виду и при изученіи и оцѣнкѣ и всѣхъ другихъ сторонъ и элементовъ соціальнаго и государ-

Digitized by Google

ственнаго развитія; во многихъ изъ нихъ оно обнаруживается еще яснѣе и очевиднѣе. Но разъ мы убѣждаемся, что въ *такомъ* направленіи (сверху внизъ) идетъ главный импульсъ и воздѣйствіе въ процессѣ историческаго развитія, мы не можемъ отрицать неизбѣжнаго вліянія на это развитіе и того міра понятій, воззрѣній и нравовъ, въ которомъ воспитываются и живутъ люди этихъ руководящихъ сферъ, находящихся въ непрерывныхъ разнообразныхъ связяхъ и общеніи съ внѣшнимъ, сосѣднимъ культурнымъ міромъ, однимъ словомъ вліянія культуры и всего жизненнаго строя ближайшихъ сосѣдей — и черезъ нихъ всего латино-германскаго запада.

Впрочемъ о необходимости признанія силы такихъ вліяній на внутреннее развитіе Чехіи — вопреки мнѣнію г. Ясинскаго — мы будемъ имѣть еще случай сказать, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію II-ой главы его книги.

Вторую главу «*Возникновеніе классовъ общества*» нашъ авторъ прямо начинаетъ съ характеристики военной силы у славянъ вообще и чеховъ до X в., давая тѣмъ какъ-бы заранѣе понять, что лишь на этой почвѣ должна была произойти прежде всего дифференціація свободнаго населенія и образованіе его классовъ.

Такъ какъ у древнихъ славянъ не было военнаго сословія, а призывались къ оружію всѣ способные носить его, то надо доказать, что съ извѣстнаго времени произошелъ въ этой сферѣ существенный переворотъ, вызванный новыми условіями и новыми потребностями военнаго дѣла, въ смыслѣ его усложненія, именно образованіе особаго класса людей, спеціально отбывавшихъ эту повинность и достаточно для того состоятельныхъ.

Ради этого г. Ясинскій прибѣгаетъ къ утвержденію, съ которымъ однакожъ трудно согласиться, что до X в. чехи не имѣли конницы, а «выставляли только огромныя толпы пѣшихъ ратниковъ». Только съ X—XI вѣковъ онъ усматриваетъ на основаніи источниковъ значительныя перемѣны въ этомъ отношеніи, въ пользу чего приводятся примѣры изъ X вѣка (по свидѣт.

Digitized by Google

Видукинда и Титмара Мерзебурскаго), гдѣ, по его мнѣнію, уже навѣрно дѣйствовала конница. Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о войнахъ, которыя велись чехами, авторъ склоненъ видѣть участіе одной лишь конницы. Такъ свидѣтельство Косьмы Пр. изъ XI в. (1039 г.) о походѣ кн. Брячислава противъ Поляковъ толкуется имъ въ томъ смыслѣ, что «войско чешское состояло исключительно изъ конницы». Но такое предположеніе должно быть признано слишкомъ ужъ смѣлымъ. Очень рисковано въ этомъ отношеніи опираться на такое скорѣе образное выраженіе лѣтописца, какъ то, что чешскіе ратники собрались всѣ «in momento, in ictu oculi», и преувеличивать его значеніе. Извѣстія о походахъ Вратислава (въ 1070—80-хъ годахъ) тоже убѣждаютъ г. Ясинскаго, что чешское ополченіе было не пѣшее, а тяжело-вооруженное конное войско. Онъ могъ бы привести и много другихъ примѣровъ, о томъ же свидѣтельствующихъ изъ XI—XII в. (а сообщеніе самого автора выше, на стр. 55, о селянахъ — *пѣшихъ* преимущественно, участвовавшихъ въ предпріятіяхъ кн. Собеслава II?), но онъ считаетъ это излишнимъ: по его убѣжденію чехи, «находясь въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей, принимая живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства, не могли избѣжать необходимости преобразованія военной системы, которую ощутили всѣ народы, принужденные вести борьбу съ кочевниками».

Итакъ борьба съ кочевниками, и именно съ Мадьярами, отъ которыхъ западная Европа стала непомѣрно страдать съ начала X в., была, по мнѣнію г. Ясинскаго, внѣшнимъ толчкомъ и побужденіемъ для преобразованія военной системы въ Чехіи и замѣны пѣхотнаго ополченія хорошо вооруженнымъ конным войскомъ. Самой поздней для этого датой онъ считаетъ конецъ IX в., но признаетъ однако, что такая постановка могла послѣдовать и ранѣе, въ эпоху борьбы съ Аварами, т. е. въ VII-мъ вѣкѣ (см. прим. 2 на стр. 67). Авторъ пытается опредѣлить приблизительно и численность поставляемыхъ по новой системѣ ратниковъ для Чехіи и Моравіи, но — кажется намъ — на очень шаткихъ данныхъ.

Digitized by Google

Надо признать всѣ эти предположенія и соображенія о военной реформѣ довольно гадательными и сомнительными, но они нужны автору для обоснованія его домысла о происхожденіи именно этимъ путемъ (обособленія военнаго класса)—*чешской шляхты*. Необходимость имѣть вполнѣ вооруженное конное войско, которое предполагало у составлявшихъ его достаточныя средства (для содержанія коня и всего вооруженія), было причиной «выдѣленія изъ единообразной свободной массы населенія» особаго высшаго класса, болѣе зажиточнаго, бравшаго на себя обязанности нести военную конную службу. Это была militia — *шляхта*, слово, которое и стало примѣняться къ этому высшему классу.

Если трудно согласиться съ положеніемъ автора о довольно внезапномъ, вызванномъ только борьбой съ кочевниками обращеніи исключительно пѣшаго чешскаго ополченія въ исключительно конное войско (при чемъ опредѣленіе времени колеблется между 7-мъ и 10-мъ вѣкомъ!), то не менѣе трудно принять объясненіе о возникновеніи высшаго класса, шляхты у Чеховъ — только благодаря такой реформѣ! Неужели можно удовлетвориться такимъ черезчуръ простымъ объясненіемъ и отрицать участіе другихъ важныхъ факторовъ въ этомъ сложномъ соціальномъ процессѣ? Но дѣло въ томъ, что самое основаніе взгляда относительно упомянутой реформы, т. е. учрежденія коннаго войска, очень шатко. Если послѣднее дѣйствительно никогда не было у славянъ преобладающимъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что чехи до какой-то «реформы» не имѣли конныхъ воиновъ. Отчего авторъ не вспомнилъ здѣсь хоть о постоянныхъ военныхъ отрядахъ (конечно конныхъ) при князьяхъ, составлявшихъ вмѣстѣ и свиту ихъ, о *княжеской дружинѣ*, какою она напр. является на Руси? Имѣетъ ли онъ основаніе отрицать существованіе подобныхъ дружинъ въ древнее время у западнославянскихъ князей? Слѣдовало обратить на это вниманіе.

Въ соображеніяхъ г. Ясинскаго по данному вопросу заслуживаетъ вниманіе самый фактъ признанія необходимости для

Digitized by Google

чеховъ военнаго преобразованія — разъ они находились «въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей» и «принимали живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства». Выходитъ, что это преобразованіе, а слѣдовательно и выдѣленіе изъ свободнаго населенія военнаго класса, т. е. шляхты не есть слѣдствіе внутреннихъ народныхъ нуждъ и условій и явленіе самобытнаго развитія, а вызвано внѣшними обстоятельствами и вліяніями, что̀ совсѣмъ расходится съ основнымъ воззрѣніемъ нашего автора. Но справедливо указавъ въ данномъ случаѣ на важность внѣшняго фактора, если не въ процессѣ выдѣленія шляхты (едва-ли правильно понимаемомъ), то во всякомъ случаѣ въ постепенномъ усовершенствованіи военныхъ силъ и системы у Чеховъ, онъ не вникъ, по нашему мнѣнію, въ самую сущность отношеній, на которыя онъ указываетъ. Именно онъ не оцѣнилъ того, что Чехія какъ разъ въ ту эпоху, примкнувъ въ культурно-религіозномъ отношеніи къ западному міру, вовлекалась тѣмъ самымъ и въ тѣсную политическую съ нимъ связь и вступала въ ленно-зависимыя отношенія къ западной имперіи нѣмецкой націи, что̀ налагало на нее извѣстныя обязательства, между которыми участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и поставка извѣстнаго количества вооруженнаго войска играли существенную роль. Вообще на этотъ важный моментъ [1]), имѣвшій значеніе не только во внѣшнемъ политическомъ, но и во внутреннемъ развитіи Чехіи, въ изслѣдованіи г. Ясинскаго не обращено подобающаго вниманія.

Рѣшивъ вопросъ о происхожденіи шляхты, авторъ опредѣляетъ на основаніи грамотъ XII в. имущественное положеніе шляхтичей и веденіе ими хозяйства. Но выдѣленіемъ шляхты не ограничилось распаденіе состава свободнаго населенія. По

1) Эти важныя отношенія къ имперіи какъ Чехіи, такъ и другихъ западныхъ славянъ хорошо разсмотрѣны въ статьѣ г. В. Кракау «Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.» въ «Сборникѣ» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 331, особ. 338—340, 345 etc. Ниже придется еще отмѣтить незнакомство автора со статьями этого Сборника.

Digitized by Google

словамъ автора «есть возможность установить фактъ *первичнаго* распаденія свободной массы, подвергнувъ изученію вопросъ о такъ называемой *дани мира* (tributum pacis)», упоминаемой въ грамотахъ XIII в. Въ виду «первичности» этого явленія, кажется, слѣдовало и начать съ него, ибо изъ разъясненій самого г. Ясинскаго можно заключить, что установленіе дани мира предшествовало выдѣленію шляхты.

Разборъ вопроса о *дани мира* приводитъ его къ заключенію, что эта дань была какъ-бы выкупной суммой и уплачивалась лишь тѣми свободными, которые были избавлены отъ военной повинности. Это мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія и находитъ дѣйствительное подтвержденіе въ источникахъ. Труднѣе вопросъ о происхожденіи этой дани и о времени ея введенія, но и въ его обсужденіи нашъ авторъ даетъ весьма правдоподобное, хотя и нуждающееся еще въ обоснованіи объясненіе.

Онъ указываетъ, что уже Герм. Иречекъ сближалъ эту дань съ русской данью (въ первоначальной лѣтописи: «дань даяти отъ Новагорода.... мира дѣля»), но подробности объ этой дани имъ не разъяснены: онъ не прибѣгъ къ русскимъ источникамъ и не воспользовался сравнительнымъ методомъ. Нашъ авторъ взялъ эту задачу на себя (одинъ изъ немногихъ къ сожалѣнію случаевъ, гдѣ онъ самъ прибѣгаетъ къ всегда плодотворному сравнительному изученію!).

Характеризуя дань у русскихъ и у другихъ славянскихъ народовъ, онъ опредѣляетъ ее какъ платежъ населенія, вслѣдствіе политическаго подчиненія, въ пользу высшей государственной власти; «она вносилась свободными людьми покоренныхъ племенъ въ одинаковомъ приблизительно размѣрѣ: отъ плуга давали 12 ден. или солидъ и нѣкоторое количество натуральныхъ произведеній». Чешскіе источники даютъ автору основаніе сближать съ этою данью чешскую дань мира (или королевскую). Изъ одной грамоты XI в. (Regesta, I, p. 72) видно, что зависимыя люди (колоны) дани не платили, но отбывали разныя повинности и барщинныя работы въ пользу землевладѣльца. Опредѣленіе

Digitized by Google

размѣра королевской дани приводитъ также къ сближенію ея съ общераспространенной у другихъ славянъ данью. Дѣло въ томъ, что первая видимо соотвѣтствовала цензу колона, а мы знаемъ (изъ извѣстнаго уже намъ завѣщанія священника Збигнѣва), что колоны платили отъ плуга земли 12 денар. и кромѣ того отбывали барщину. «Должно быть, замѣчаетъ г. Ясинскій, платежъ солида или 12 ден. считался первоначальною нормою ценза....». Тѣхъ же размѣровъ была, какъ мы видѣли, и обычная славянская дань. Къ такому интересному и несомнѣнно цѣнному выводу привелъ автора сравнительный методъ. Опираясь на него, онъ и считаетъ себя въ правѣ сдѣлать свое заключеніе и о происхожденіи чешской дани мира. Онъ думаетъ, что эта дань имѣетъ то же происхожденіе, что̀ и дань у другихъ славянъ, именно: что чешскіе князья, покоряя племена, жившія въ Чехіи, обложили нѣкоторую часть покоренныхъ данью, освободивъ ихъ отъ обязанности ходить на войну, строить города, чинить мосты и проч.

Что касается времени возникновенія этой дани, то его опредѣленіе вытекаетъ уже изъ предыдущаго.

Итакъ общій выводъ автора гласитъ, что «распаденіе свободнаго населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы произошло, кажется (!), одновременно съ возникновеніемъ государства».

Желателенъ бы былъ болѣе опредѣленный способъ выраженія! Не говоря уже объ оговоркѣ «кажется» (слишкомъ частое употребленіе такихъ словцовъ поселяетъ невольное недовѣріе въ читателѣ), спрашивается, что̀ разумѣетъ г. Ясинскій подъ «возникновеніемъ государства». Мы уже выше отмѣтили у него неточность въ употребленіи этого термина. Относительно сущности вывода мы отмѣтимъ только нѣкоторое противорѣчіе у автора вотъ въ чемъ: если дань мира, какъ выкупъ отъ воинской и другихъ повинностей, была установлена при самомъ покореніи племенъ, т. е. при политическомъ объединеніи чешскимъ племенемъ — своихъ соплеменниковъ, то значитъ и военная повинность существовала съ самаго начала, и слѣдовательно классъ военныхъ людей (изъ

Digitized by Google

которыхъ вышли шляхтичи) долженъ былъ возникнуть тогда-же... При чемъ же въ такомъ случаѣ военная реформа подъ вліяніемъ необходимости борьбы съ кочевниками и превращеніе пѣхотнаго ополченія въ конницу?

Представивъ обособленіе изъ массы свободнаго населенія класса лицъ, обязанныхъ военной службой, авторъ идетъ далѣе. Въ средѣ послѣднихъ почти съ самаго начала можно усмотрѣть *два разряда*: высшей шляхты или знати и рядовой шляхты. Это то, что̀ въ источникахъ именуется milites primi ordinis и milites secundi ordinis или plebs. Подтверждая это положеніе цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, нашъ изслѣдователь считаетъ такое дѣленіе шляхты доказаннымъ для XI—XII вв. Но откуда въ XI в. взялась высшая шляхта или аристократія? Авторъ спрашиваетъ себя, не была ли это еще старая родовая аристократія, существовавшая издавна, еще до выдѣленія класса военныхъ? но на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ онъ отвѣчаетъ на это отрицательно, такъ какъ онѣ говорятъ въ пользу того, что родовая аристократія къ XI в. или была почти вся истреблена, или вымерла, или наконецъ обѣднѣла. Между прочимъ онъ придаетъ важное значеніе свидѣтельству Косьмы Пр. (относ. къ 1037) о выступленіи родовой знати, при чемъ лѣтописецъ называетъ всего три рода. Полагаясь на такое показаніе, г. Ясинскій видимо считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не берется рѣшить, были ли въ началѣ XI в. всего только эти три старые рода, или ихъ было гораздо болѣе. Это сомнѣніе кажется мнѣ вполнѣ законнымъ. Изъ наименованія лишь 3-хъ родовъ нельзя еще заключить, что они были единственными. Мы напротивъ склонны думать, что старая племенная или родовая знать не могла исчезнуть такъ всецѣло и скоро, и что она сыграла свою роль и въ послѣдующемъ образованіи сословныхъ группъ. А потому мы удивляемся, что авторъ нашъ настаиваетъ на заключеніи, что высшій въ средѣ шляхты классъ знати, аристократіи могъ возникнуть *только* подъ вліяніемъ государственнаго быта. Какъ бы то ни было можно согласиться, что вновь обра-

Digitized by Google

зующійся при новыхъ условіяхъ высшій классъ шляхты несомнѣнно являлся преобладающимъ [1]). Нашъ авторъ видитъ подтвержденіе своего заключенія и въ наименованіи знатныхъ лицъ въ источникахъ. Такъ Косьма употребляетъ всегда опредѣленный способъ наименованія членовъ этой шляхты — по отчеству, т. е. по отцу, чему приводятся многочисленные примѣры. Позволительно думать, что аристократія конца XI и XII вѣка могла считать свое существованіе только десятками лѣтъ,—у нея еще не было фамильныхъ преданій. Все заставляетъ признать, что она начала формироваться только со времени Брячислава или съ начала XI в. Въ пользу того же говоритъ и то обстоятельство, что отъ этой самой эпохи имѣются положительныя указанія о служебномъ происхожденіи аристократіи.

Тутъ авторъ подробно останавливается на разсказѣ Косьмы Пр. о награжденіи кн. Яромiромъ въ началѣ XI в. своего слуги Деворы за спасеніе его отъ смерти: Девора былъ навсегда причисленъ съ потомствомъ своимъ къ составу знати, получивъ остающуюся въ его потомствѣ должность ловчаго въ лѣсномъ княж. имѣніи. Такъ какъ это нѣсколько противорѣчитъ представленіямъ г. Ясинскаго, по которымъ въ ту эпоху еще не могло быть сложившагося сословія знати (но вѣдь была же хоть немногочисленная родовая знать!), то онъ приписываетъ Косьмѣ такое пониманіе, что самое «несеніе земской должности являлось признакомъ принадлежности человѣка къ знати». Его общіе выводы изъ этого случая тѣ, что въ XI в. люди изъ самаго низкаго званія могли возвыситься до первыхъ людей, если угодили князю, и затѣмъ что «милостивое расположеніе князя было единственнымъ источникомъ возвышенія личностей не только въ XI, но и въ началѣ XII в.», и источникомъ не только возвышенія, но и сохраненія привилегированнаго положенія этими лицами, выдвинувшимися службой. Пренебрежительный отзывъ Косьмы

1) Въ вопросѣ о раннемъ исчезновеніи племеннаго дворянства и о происхожденіи чешской аристократіи съ Ясинскимъ значительно сходится и Липпертъ, op. c. I, s. 249—263.

Digitized by Google

объ извѣстномъ дѣятелѣ начала XII в. Ваткѣ, самомъ вліятельномъ лицѣ при дворѣ, съ выраженіемъ полнаго презрѣнія къ его низкому происхожденію, есть, по мнѣнію г. Ясинскаго, отзывъ знати, завидующей новому фавориту, но «успѣвшей забыть свое собственное недавнее происхожденіе изъ рядовъ прислужниковъ и угодниковъ княжескихъ». Но такъ ли это? Не видно ли именно въ этомъ отзывѣ отголоска еще не совсѣмъ исчезнувшей и гордой своимъ происхожденіемъ родовой знати?..

На этомъ и заканчивается изслѣдованіе объ образованіи классовъ. Оказывается такимъ образомъ, что г. Ясинскій въ этомъ процессѣ дифференціаціи массы свободныхъ усматриваетъ лишь одинъ главный факторъ, именно обособленіе военнаго класса — съ того момента, какъ военная повинность стала возлагаться лишь на немногихъ, тогда какъ другіе свободные были обязаны уплачивать дань мира. Дальнѣйшимъ факторомъ обособленія уже въ классѣ обязанныхъ военною повинностью были отличія и милости государя за службу ему, каковымъ путемъ выдѣлялась высшая шляхта, аристократія.

Мы уже выше отмѣтили нѣкоторыя слабыя стороны такого взгляда на дѣло. Не повторяя сказаннаго, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще данное объясненіе отличается односторонностью и вопроса не исчерпываетъ. Образованіе классовъ или сословій въ народѣ есть медленный и сложный процессъ вѣковъ, а не явленіе довольно внезапно и искусственно возникающее. Въ этомъ процессѣ вліяютъ, конечно, не одинъ и не два какихъ-нибудь фактора и дѣйствуетъ не одна причина, а совокупность цѣлаго ряда причинъ и вліяній, при чемъ явленіямъ первичнымъ, какова органическая дифференціація на почвѣ общинно-родовыхъ, племенныхъ и земельныхъ отношеній (наслѣдственное старшинство и скопленіе земли у такой родовой знати и у представителей земской администраціи) идутъ навстрѣчу явленія и факторы государственнаго строенія и интересы верховной, княжеской власти, каковы: организація военной силы и обороны страны (созданіе спеціальнаго для того класса людей), обложеніе другой

Digitized by Google

части свободнаго населенія данью, служба князю и условія возникновенія служебной знати, съ другой стороны постоянная колонизація земли и обработка новыхъ непочатыхъ княжескихъ территорій, съ чѣмъ въ особенности связано образованіе большой массы зависимыхъ людей, колоновъ, работниковъ, людей «задушныхъ», однимъ словомъ подданныхъ, отличныхъ отъ старыхъ свободныхъ селянъ — дѣдичей, сохранившихъ свою дѣдину и обязанныхъ лишь данью мира. Наконецъ, есть и еще важный факторъ въ процессѣ общественной дифференціаціи, который оставленъ безъ вниманія нашимъ авторомъ. Это — культура и образованность (латинская) и проводники ея — церковь и служители ея, многочисленный классъ духовенства. Латинское образованіе (съ латинскимъ языкомъ), проникавшее черезъ церковь и усваиваемое лишь извѣстнымъ, выше стоявшимъ слоемъ народа, являлось, какъ извѣстно, элементомъ разобщающимъ и раздѣляющимъ: оно отрывало тѣхъ, кто его усваивалъ, отъ народной массы и создавало между ними нѣкотораго рода пропасть. Оно не могло слѣдовательно не сыграть своей роли въ процессѣ распаденія населенія.

Но почему-то г. Ясинскій не оцѣнилъ этого фактора точно такъ же, какъ въ своемъ изслѣдованіи прочихъ сторонъ и моментовъ паденія земскаго строя онъ совсѣмъ почти оставилъ безъ разсмотрѣнія и оцѣнки могущественное вліяніе римской церкви, ея учрежденій и строя (монастырей, орденовъ и т. д.).

Упомянемъ здѣсь еще объ относящемся къ содержанію этой главы Приложеніи I (стр. 181—182), въ которомъ авторъ выясняетъ различіе между *данью* и *вирой*. Дѣло въ томъ, что многіе ученые (напр. Герм. Иречекъ) смѣшивали до сихъ поръ эти два понятія. Г. Ясинскій строго устанавливаетъ существенное различіе между ними и рѣшаетъ этотъ вопросъ убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Къ тому же результату пришелъ и Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, тоже посвятивши этому вопросу нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній (см. т. I, стр. 286—308).

Мы уже выше сказали мимоходомъ, что мнѣніе автора объ

Digitized by Google

образованіи классовъ населенія (выдѣленіи военнаго класса), какъ слѣдствіи извнѣ вызваннаго преобразованія, расходится съ основной его мыслью объ *органическомъ* развитіи, обусловливаемомъ нуждами и потребностями самого народа... Хотя наша точка зрѣнія на этотъ спеціальный процессъ и нѣсколько иная, но тѣмъ не менѣе и мы, какъ видно изъ предыдущаго, усматриваемъ въ немъ преобладаніе факторовъ, происходящихъ и дѣйствующихъ не снизу, а сверху, т. е. главнымъ образомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ политическихъ условій, внѣшнихъ культурныхъ вліяній и нуждъ государственнаго строенія.

Глава *третья* посвящена *Администраціи* и *Областному дѣленію*.

Исходя изъ положенія, что «государство земскаго періода не располагало правильно организованной администраціей и что были чиновники придворные и областные, но послѣдніе не были подчинены первымъ», авторъ рядомъ свидѣтельствъ изъ источниковъ подтверждаетъ независимость и важное значеніе областныхъ правителей, напр. каштеляновъ и др.

Придворные земскаго періода, которые извѣстны намъ почти только по именамъ и названіямъ должностей, несли «повидимому» (!) только исключительно придворную службу, т. е. служили особѣ государя. О времени установленія этихъ должностей мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій (по Г. Иречку — Спитигнѣвомъ въ XI в.). Косьма Пр. сообщаетъ названія слѣдующихъ должностей: палатина, судьи, коморника, владаря, меченосца, ловчаго. Несеніе придворныхъ должностей, если не давало власти надъ областными правителями, все же приближало къ государю и доставляло вліяніе. «Вѣроятно» къ каждому придворному уряду были приписаны земли, доходы съ которыхъ поступали чиновникамъ. Среди придворныхъ были у государей свои любимцы, такъ что сила и вліяніе лицъ опредѣлялись не столько должностью, сколько расположеніемъ государя. Общее заключеніе автора, что придворное вѣдомство въ XI—XII в. «не превратилось еще въ государственное, не сдѣлалось центральнымъ управленіемъ».

Digitized by Google

Затѣмъ онъ переходитъ къ *областному управленію*, которое «также не имѣло вполнѣ установившихся формъ и органовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что способъ выраженія тутъ не точенъ и не соотвѣтствуетъ положенію дѣла, такъ какъ областное управленіе находилось совершенно въ иномъ фазисѣ. Оно имѣло въ своей основѣ старые земскіе порядки съ ихъ вполнѣ опредѣленными формами и органами, но находилось въ періодѣ разстройства и состояніи переходномъ — подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ и элементовъ государственнаго развитія.

По поводу областного устройства г. Ясинскій подробно останавливается на вопросѣ объ *административномъ дѣленіи* чешскаго государства въ земскій періодъ (X—XIII в.), которому въ чешской исторіографіи было посвящено много вниманія и труда, но который до сихъ поръ остается далеко не выясненнымъ.

Господствующая у чеховъ теорія предполагаемаго *совпаденія государственнаго раздѣленія Чехіи (на области) съ церковнымъ дѣленіемъ* на деканства (по списку XIV в.) приводитъ большинство историковъ къ признанію въ Чехіи свыше 50 областей или жупъ, а Герм. Иречекъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ (принимая, что область = provincia) насчитываетъ ихъ до 35.

Авторъ нашъ рѣшительно противъ теоріи совпаденія административнаго дѣленія съ церковнымъ и возможности основываться на послѣднемъ въ опредѣленіи перваго. Спеціально онъ опровергаетъ ее въ относящемся сюда *Приложеніи II-мъ*, сущность котораго мы вкратцѣ и считаемъ нужнымъ изложить здѣсь.

Слѣдуя Палацкому, большинство чешскихъ историковъ принимаетъ единицей административнаго дѣленія *жупу*. Палацкій старался опредѣлить число и границы жупъ, высказавъ мысль о совпаденіи государственнаго и церковнаго дѣленія (на основаніи регистра папской десятины въ XIV в.). Нѣкоторое несоотвѣтствіе числа деканствъ (56) съ допускаемымъ имъ числомъ жупъ (40—42) онъ объясняетъ тѣмъ, что когда деканства были установлены, «жупный строй клонился къ упадку». Въ чешской переработкѣ своей «Исторіи» Палацкій ставитъ вопросъ уже нѣсколько

Digitized by Google

иначе: онъ допускаетъ двоякое дѣленіе: именно на большія области, провинціи или архидіаконства (ихъ было 10), и на края, жупы или деканства (ихъ 55). Но тутъ же онъ признаетъ все-таки трудность систематизаціи въ этомъ дѣлѣ, что̀ конечно не удивительно, замѣчаетъ г. Ясинскій, если самъ Палацкій признаетъ, что деканства учреждены уже въ періодъ упадка жупнаго строя.

Изучившій этотъ вопросъ историкъ права Герм. Иречекъ, на основаніи показаній грамотъ и писателей, и на данныхъ движенія колонизаціи — насчитываетъ всего 34 жупы. Наконецъ В. Томекъ, неудовлетворенный ни тѣмъ, ни другимъ выводами, подвергъ вопросъ новому пересмотру [1]).

Стоя на той же точкѣ зрѣнія совпаденія дѣленій административнаго и церковнаго, Томекъ пользуется регистромъ папской десятины 1384 г., думая пріурочить раздѣленіе на деканства уже къ XII в. Если этого дѣленія, по словамъ его, не было еще въ эпоху Косьмы Пр., то можно предположить, что оно возникло во время пребыванія въ Чехіи кардинала Гвидона въ 1143 г. Для доказательства своего положенія Томекъ настаиваетъ на возможности отождествленія названій нѣкоторыхъ каштелянствъ. Но г. Ясинскій убѣдительно опровергаетъ основаніе Томка для такого отождествленія. Между тѣмъ Томекъ, хотя и признаетъ возможными перемѣны въ церковномъ подраздѣленіи между XII и XIV вв. (къ которому относится папскій регистръ), все-таки считаетъ позволительнымъ пользоваться имъ для возстановленія жупнаго дѣленія.

Итакъ методъ, который нельзя признать правильнымъ, привелъ Томка къ неудовлетворительному результату, ибо онъ постоянно встрѣчается съ несоотвѣтствіемъ жупъ и деканствъ между собою. Находя въ грамотахъ противорѣчія своей теоріи, онъ заподозриваетъ таковыя и объявляетъ ихъ ненадежными.

1) Въ статьѣ: «O starém rozdělení Čech na Župy a pozdejším na kraje», Čas. Česk. Mus. 1858 и 1859.

Digitized by Google

Между тѣмъ именно свидѣтельства грамотъ обнаруживаютъ несостоятельность его пониманія. Не одобрялъ и не соглашался съ его выводами и Г. Иречекъ.

Наконецъ еще попытку отстоять взглядъ чешскихъ историческихъ авторитетовъ сдѣлалъ извѣстный историкъ проф. Калаусекъ. Онъ видитъ новое доказательство пресловутаго совпаденія въ томъ, что ему удалось усмотрѣть совпаденіе *краевъ* XVII в. съ границами деканствъ, при чемъ первые онъ устанавливаетъ по цѣлому ряду источниковъ (Гоманновской картѣ Чехіи 1730—40, списку взиманія берны нач. XVII в. и проч.). Основываясь на такихъ данныхъ, онъ составилъ и новую карту съ обозначеніемъ тѣхъ и другихъ границъ. Однакожъ нашъ авторъ, разсмотрѣвъ выводы Калауска, не видитъ все-таки столь желаемаго совпаденія краевъ съ жупами и деканствами, что̀ онъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Конечно, г. Калаусекъ не думаетъ, чтобъ *края возникли изъ деканствъ* или что позднѣйшее политическое дѣленіе вышло изъ церковнаго, но что усматриваемое имъ совпаденіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оба дѣленія имѣютъ общій древній источникъ, что оба возникли изъ жупнаго. Однакожъ нашъ авторъ стоитъ на томъ, что такому заключенію противорѣчатъ сами истинные результаты изысканія Калауска. Этимъ кончается убѣдительное по̀ нашему мнѣнію опроверженіе г. Ясинскимъ господствующаго взгляда (въ Приложеніи).

Но отрицая теорію «совпаденія», нашъ авторъ не оправдываетъ и метода Г. Иречка, считающаго возможнымъ опредѣлить число областей (= provincia) по грамотамъ,—въ виду того именно, что въ нашихъ источникахъ слово provincia имѣетъ весьма различное значеніе. Вникнувъ въ дѣло, онъ находитъ въ грамотахъ цѣлыхъ четыре словоупотребленія для provincia (городской округъ, болѣе обширная область съ нѣсколькими городами, сельско-хозяйственный округъ — villicatio, округъ города на нѣмецкомъ правѣ). Для выясненія вопроса приходится обратиться къ писателямъ. Употребляемый у Косьмы терминъ pro-

Digitized by Google

vincia оказывается территоріей *на племенной основѣ*, чему соотвѣтствуетъ и свидѣтельство кан. Вышеградскаго, изъ котораго видно, что въ XII в. въ Чехіи — отъ 12 до 15 областей, и еще немногія лѣтописныя данныя. На этихъ, хотя и скудныхъ, но вполнѣ согласныхъ свидѣтельствахъ г. Ясинскій основываетъ выводъ о раздѣленіи въ тѣ старыя времена Чехіи на очень незначительное количество областей, которыхъ приблизительный списокъ онъ и даетъ. Такое раздѣленіе Чехіи на *племенныя территоріи* находитъ себѣ подтвержденіе и въ древнѣйшемъ церковномъ раздѣленіи Пражскаго епископства на *архидіаконства*.

Въ XIV в. онъ насчитываетъ 10, а позже еще 3 архидіаконства. Каждая племенная территорія составляла вѣроятно архидіаконство. Такимъ образомъ каждое племя имѣло сперва по одному городу, въ каждомъ былъ правитель территоріи — жупанъ (comes) и архидіаконъ. Изъ этого видно, что — вопреки Палацкому — извѣстное свидѣтельство Баварскаго Географа о 15 городахъ въ Чехіи оказывается очень правдоподобнымъ.

По предположенію г. Ясинскаго племенныя территоріи съ увеличеніемъ числа городовъ распадались на части (округи, regiones), число которыхъ соотвѣтствовало числу городовъ, на что есть указанія и въ источникахъ. Каждый городъ съ округомъ составлялъ каштелянію. Съ половины XI в. каждый городъ (т. е. округъ) представляетъ обособленную единицу — съ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ. Строя города, князья приписывали имъ извѣстные доходы и подчиняли извѣстную часть окрестностей. Этимъ двойнымъ дѣленіемъ страны (на большія области, и областей — на меньшіе округа) объясняется и неодинаковое въ актахъ употребленіе слова «provincia», тогда какъ писатели придерживаются стараго пониманія этого термина, какъ племенной территоріи. Авторъ замѣчаетъ тутъ-же, что и государи чешскіе издавна при выдѣленіи удѣловъ сыновьямъ, братьямъ и проч. принимали въ расчётъ это раздѣленіе, хотя, прибавимъ мы отъ себя, это не было въ ихъ интересахъ и не согласуется съ отмѣ-

Digitized by Google

чаемымъ далѣе стремленіемъ ихъ разбить и разорвать исконное единство и солидарность племенныхъ территорій.

Скажемъ здѣсь-же, что въ этомъ взглядѣ на основу административнаго дѣленія Чехіи, именно на *племенныя территоріи*, которыя очень долго сознавали свою особность и сохраняли внутреннее единство (не смотря на подраздѣленія), г. Ясинскій кажется намъ вполнѣ правымъ, и его опроверженіе теоріи совпаденія административнаго и церковнаго дѣленія мы готовы признать вполнѣ основательнымъ и убѣдительнымъ. Племенное начало, а вмѣстѣ съ нимъ и территоріальныя связи жили и сознавались въ Чехіи, да и повсюду (вспомнимъ Русь, Польшу, Угрію) очень долго, и могутъ объяснить въ исторіи очень многое, иначе мало понятное. Замѣтимъ, что на той-же правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Липпертъ, выражающій мысль, что племенныя области (или волости) — исконное явленіе чешской исторіи, а не плодъ позднѣйшаго административнаго дѣленія. Онъ даже подробнѣе обосновалъ свое положеніе, прослѣдивъ сначала племенное разграниченіе Чехіи[1]). Послѣдняго недостаетъ у г. Ясинскаго, для котораго однако эта сторона должна быть очень существенна, какъ опора въ его полемикѣ съ защитниками противоположной теоріи.

Далѣе г. Ясинскій останавливается на принятомъ въ чешской наукѣ наименованіи области (provincia) — *жупой* на томъ основаніи, что начальникъ города (и области) назывался яко-бы *жупаномъ* (comes). Авторъ противъ такого словоупотребленія, хотя онъ и не согласенъ съ Шемберой, который несправедливо совсѣмъ отрицалъ у Чеховъ первоначальное существованіе названій «жупы» и «жупана», считая ихъ занесенными позднѣе. Но у г. Ясинскаго повидимому также не совсѣмъ ясное представленіе относительно названія «жупана»; такъ онъ самъ нѣсколько выше (стр. 92), а также послѣ (стр. 112) допускаетъ существованіе этого названія для «правителя племенной территоріи». Те-

1) Lippert, тамъ же, стр. 27—60.

Digitized by Google

перь онъ утверждаетъ, что правитель города (въ эпоху Косьмы Пр.), назывался не жупаномъ, а *префектомъ* (praefectus) и что власть начальника называлась *префектурой*, что «званіе жупана какъ-бы отдѣлялось отъ несенія обязанности начальника въ городѣ», что слѣдовательно это названіе получило болѣе широкій, особый смыслъ (объ этомъ еще ниже, въ заключеніи, стр. 176; см. далѣе). Итакъ со 2-ой половины XI в. начальники городовъ называются не жупанами, а префектами; а въ XII в. они уже называются *каштелянами* (преимущественно). «Жупанъ» прилагается только къ земскимъ и придворнымъ чиновникамъ, вообще къ людямъ высшаго круга. Изъ всего этого авторъ заключаетъ, что наименованіе округа (город.) *«жупою»* — не имѣетъ достаточнаго основанія.

Въ воззрѣніяхъ чешскихъ ученыхъ, приверженцевъ раздѣленія Чехіи на жупы, г. Ясинскій усматриваетъ еще ошибку: они (Палацкій, Томекъ, Г. Иречекъ, Ганель) держатся мнѣнія, что рядомъ съ каштеляномъ въ составъ жупнаго уряда всегда обязательно входили и другія должностныя лица (кромѣ жупана — коморникъ, судья, писарь, потомъ владарь, ловчій и пр.). Нашъ изслѣдователь на основаніи разбора документальнаго матеріала находитъ, что собственно только для большихъ городовъ (какъ Прага и Пильзень), можно установить весь комплектъ должностей. Признавая, что въ виду скудости и неполноты матеріала — на основаніи одного *умолчанія* еще рискованно дѣлать выводы, онъ думаетъ, что съ другой стороны нельзя не обращать вниманія на то, что каштеляны упоминаются гораздо чаще другихъ должностныхъ лицъ, что слѣдовательно ихъ должно было быть больше, чѣмъ судей, владарей, ловчихъ и т. д. Поэтому нельзя согласиться съ предполагаемой чешскими историками для земскаго періода правильно организованной администраціей. Государственныя учрежденія въ настоящемъ смыслѣ тогда находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Къ тому же есть все-таки въ источникахъ хотя «косвенныя указанія, свидѣтельствующія о существованіи администраціи, отличающейся чертами свойствен-

Digitized by Google

ными первой стадіи развитія государственности». Эти косвенныя указанія касаются во-первыхъ *владарскихъ округовъ* (villicationes), которые, по приводимымъ авторомъ даннымъ, далеко не всегда совпадали съ каштеляніями, такъ какъ несмотря на существующія совпаденія относительно нѣсколькихъ областей встрѣчается много фактовъ противнаго характера. Заслуживаетъ при этомъ вниманія судьба королевскихъ вилликацій: съ теченіемъ времени замѣтно уменьшеніе количества владарскихъ округовъ вслѣдствіе раздачъ и отчужденій королевскихъ земель; особенно быстро уменьшались королевскія имущества въ XIII в., и тогда (съ половины этого вѣка) не было нужды въ особенномъ чиновникѣ для управленія клочками королевскихъ земель въ разныхъ областяхъ Чехіи, такъ что владарскіе округи стали отдаваться на извѣстныхъ условіяхъ въ арендное содержаніе.

То же несоотвѣтствіе усматриваетъ г. Ясинскій и въ *судебныхъ порядкахъ*. Разсмотрѣвъ рядъ случаевъ по документамъ, онъ заключаетъ, что и тутъ не было правильности: что были въ извѣстныхъ округахъ суды высшей инстанціи, а въ другихъ — низшей, что судопроизводство часто распредѣлялось и между другими должностными лицами (напр. владарями). Состояніемъ судопроизводства въ XIV вѣкѣ выясняется и болѣе раннее положеніе вещей, такъ какъ до этого времени все оставалось по-старому (при первомъ королѣ Люксембургѣ все пришло въ разстройство). Слѣдовательно такіе факты изъ XIV в., какъ подчиненіе четырехъ каштеляній въ судебномъ отношеніи пражскому суду, несовпаденіе судебныхъ округовъ съ политическими, не повсемѣстное существованіе судей тамъ, гдѣ были должностныя лица и коморники, и наконецъ наименованіе судьями чиновниковъ, производившихъ судъ, — «все это доказываетъ, что не въ каждой каштеляніи былъ судья».

Наконецъ такое-же положеніе дѣла обнаруживаютъ источники и по отношенію къ *ловчимъ* и ихъ округамъ. Здѣсь также не оказывается совпаденія: существуютъ отдѣльные, независимые отъ каштеляній уряды ловчихъ и особые ловчіе округа.

Digitized by Google

Принимая все это въ соображеніе и ставя въ связь съ ограниченнымъ числомъ племенныхъ территорій, г. Ясинскій склоненъ къ предположенію, что, «основывая новые города и учреждая въ нихъ каштелянскіе уряды, государи чешскіе, преемники Болеслава I, имѣли въ виду раздробленіемъ племенныхъ территорій достигнуть ослабленія племенныхъ связей и укрѣпить свою власть въ странѣ»[1]). Если же племенное раздѣленіе все-таки сохранилось, то потому, какъ это думаетъ авторъ, — что каштелянскій урядъ имѣлъ въ виду только политическія цѣли, а судебное и сельско-хозяйственное раздѣленіе совпадаетъ преимущественно съ племеннымъ.

Общее свое заключеніе изъ разбора темы этой главы г. Ясинскій формулируетъ такими словами: центральная и областная администрація Чехіи въ XI—XIII вв. «не успѣла сложиться въ стройную и законченную систему, а областная администрація, кромѣ того, носила слѣды борьбы племенного и государственнаго принциповъ».

Подводя итоги разслѣдованію вопроса этой главы, мы должны признать, что авторъ съ достовѣрными данными въ рукахъ справедливо характеризуетъ неустойчивость и еще незаконченность развивающейся на новыхъ началахъ административной системы и внутренняго управленія, несоотвѣтствіе новыхъ придворныхъ чиновъ и ихъ вѣдѣнія — прежнимъ земскимъ порядкамъ и органамъ мѣстнаго управленія, борьбу новыхъ государственныхъ стремленій (пока еще въ формѣ собственно-государевыхъ интересовъ и цѣлей) съ племенными традиціями и земскимъ началомъ. Изъ его разбора вполнѣ выясняется, какъ князь созданіемъ придворныхъ должностей стремился поддержать и упрочить свои матеріальные интересы, создать себѣ вѣрныхъ слугъ и по возможности сосредоточить около себя главное руководство административной дѣятельностью въ странѣ. Для насъ остается еще только

---

1) Въ этомъ предположеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, г. Ясинскій едва-ли правъ.

Digitized by Google

вопросомъ[1]), справедливо ли утвержденіе, что онъ — основаніемъ новыхъ городовъ (градовъ) или округовъ (каштеляній), думалъ разбить и ослабить племенное единство областей и тѣмъ укрѣпить и обезпечить свою самодержавную власть.

Но все-таки съ общимъ взглядомъ г. Ясинскаго въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться. Если мы что-нибудь имѣемъ замѣтить, то это касается болѣе подробностей выполненія задачи: именно — что онъ въ изложеніи своемъ не достаточно отчетливо изображаетъ и различаетъ разные элементы государственнаго управленія, представителей двухъ противоположныхъ сферъ и принциповъ администраціи (т. е. государевой-придворной и старой земско-областной), недостаточно разграничиваетъ ихъ и не выясняетъ, какъ они съ самаго начала подѣлили между собою роли и какъ возникли разныя должности. Оттуда нѣкоторыя неясности и противорѣчія. Такъ сперва онъ говоритъ объ отсутствіи у придворныхъ чиновниковъ земскаго періода дѣятельной роли въ государственномъ смыслѣ (стр. 86), а въ дальнѣйшемъ изложеніи эти придворныя должности (владарей, коморниковъ, ловчихъ), т. е. лица ихъ занимающія являются дѣйствующими въ ряду чиновъ областной администраціи вмѣстѣ съ жупанами, каштелянами, судьями... Очевидно тутъ не все договорено и выяснено. Укажемъ еще на одно возникающее недоумѣніе. Авторъ говоритъ о сохраненіи и живучести племенныхъ связей между прочимъ благодаря удержавшемуся совпаденію сельско-хозяйственнаго раздѣленія страны съ племеннымъ дѣленіемъ. Но если такая территоріально-племенная связь была противна интересамъ государей, которые считали нужнымъ ей противодѣйствовать, то какъ же могло держаться именно такое совпаденіе, когда сельско-хозяйственный урядъ, вѣдавшій государевыми землями, очевидно болѣе всѣхъ другихъ былъ въ непосредственномъ распоряженіи у государя?

Какъ бы то ни было общій взглядъ г. Ясинскаго на процессъ

1) Объ этомъ скажемъ въ разборѣ слѣдующей главы.

Digitized by Google

развитія внутреннихъ государственныхъ учрежденій долженъ быть признанъ вѣрнымъ, а въ этомъ отношеніи важно опять принципіальное согласіе съ нимъ независимо работавшаго г. Липперта, который въ своемъ сочиненіи (т. I, 1 ч., гл. 9; 2 ч., гл. 4) высказываетъ ту же точку зрѣнія на борьбу двухъ принциповъ при введеніи государственности, еще болѣе оттѣняя личный интересъ и выгоды власти государевой, которые были тогда равносильны стремленіямъ государственнымъ. Такъ онъ указываетъ на то, что государи съ одной стороны дѣлили страну между членами своего дома, которые добивались затѣмъ государственнаго верховенства, а съ другой поручали области своимъ чиновникамъ для ихъ хозяйственной эксплоатаціи, но послѣдніе стремились къ наслѣдственности должностей, что̀ при значительности ихъ власти оказывалось не безопаснымъ и заставляло естественно государя думать объ укрѣпленіи своей власти.

Если нашъ изслѣдователь, какъ мы видѣли, не прослѣдилъ какъ подобало постепенный ходъ измѣненій во внутренней администраціи и достаточно не разграничилъ элементовъ старыхъ и новыхъ, то главной того причиной есть уже указанный нами въ началѣ существенный пробѣлъ его работы, именно, что онъ не установилъ и не характеризовалъ подробнѣе основъ и элементовъ первоначальнаго земскаго строя, изъ которыхъ ему легко было бы исходить въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ. Онъ не отрицаетъ же для болѣе ранняго времени *опредѣленной* и *правильной* организаціи земской, которая правда довольно рано, подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ, стала разстраиваться, но съ принципами которой приходилось долго считаться въ виду ихъ живучести и приверженности къ нимъ коренныхъ слоевъ населенія. Этой самобытной земской организаціей было *областное самоуправленіе* (общеславянскаго типа), развившееся на старомъ племенномъ строѣ.

Вотъ этотъ-то порядокъ, который слѣдовало точнѣе опредѣлить, подвергался постепенно передѣлкѣ и ломкѣ со стороны высшей власти государя въ интересахъ его личныхъ и государ-

Digitized by Google

ственныхъ,— тѣмъ болѣе, что съ колонизаціей, освоеніемъ новыхъ земельныхъ пространствъ и передвиженіемъ населенія, съ развившейся практикой раздачъ земли и отчужденій, условія мѣстной жизни измѣнялись и осложнялись. Въ этомъ процессѣ разложенія старыхъ формъ первенствующую роль сыграли дворцовыя, королевскія учрежденія, изъ которыхъ развились и новые административные порядки. Авторъ нашъ отмѣтилъ борьбу новыхъ государственныхъ началъ съ остатками и принципами племенного и земскаго строя. Но этого послѣдняго онъ ясно не опредѣлилъ и не очертилъ, равно какъ не выяснилъ подробнѣе отношенія къ старому областному самоуправленію новой придворной или княжеской администраціи. Между тѣмъ согласованіе различныхъ порядковъ, приспособленіе новаго къ старому и обратно не могло произойти быстро, безъ трудностей и борьбы.

По поводу этого пробѣла въ изслѣдованіи г. Ясинскаго мы должны нѣсколько упрекнуть его, что онъ не воспользовался работами (хоть и не большими, но цѣнными) по внутренней и правовой исторіи Чехіи и вообще западныхъ славянъ проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля, единственнаго у насъ нынѣ представителя каѳедры славянскаго сравнительнаго правовѣдѣнія, а именно его интересной статьей «Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ»[1]). То, что г. Зигель говоритъ здѣсь объ этомъ предметѣ очень поучительно, ибо вполнѣ правильно характеризуетъ сущность областного самоуправленія и положеніе жупана земскаго періода, а также то, что повело къ разложенію этого строя. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь оба мѣста.

---

1) «*Сборникъ*» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 99—118. Къ сожалѣнію авторъ не заглянулъ въ этотъ «Сборникъ», гдѣ еще помѣщены не безынтересныя для него статьи гг. Регеля и Кракау. Изъ статей г. Зигеля назовемъ еще: «Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ», въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1880, № 7; а также «Общественное значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія», въ «Меѳодіев. Юбил. Сборн.». Варшава, 1885. Недавно явилась въ чешск. сборн. юбил. Палацкаго («Památník na oslavu» etc., v Praze 1898) интересная статья его: «Palacký jakožto historik slovanského práva». По-русски въ Журн. Мин. Н. Пр., 1898, ч. 318, іюль, стр. 146.

Digitized by Google

«Чешская область (жупа) проявляетъ много слѣдовъ общественной жизни... Особеннаго вниманія заслуживаетъ назначеніе на должность жупана, т. е. княжескаго намѣстника въ области. Доказано, что жупаны были всегда представители богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ въ своей области; имѣются извѣстія, что должность жупана была иногда наслѣдственна въ извѣстномъ родѣ; есть даже одно мѣсто, прямо указывающее на то, что князь, при полной юридической свободѣ назначать кого угодно, фактически бывалъ связанъ. Все это наводитъ на мысль, что жупанъ имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ былъ представителемъ князя по отношенію къ области, съ другой — политическимъ главою области въ силу своего общественнаго значенія среди областного населенія, независимо отъ княжескаго назначенія. Итакъ онъ былъ одновременно и органомъ центральной власти, и органомъ мѣстнаго самоуправленія. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ противоположностей объяснимо тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ чешской области мы видимъ видоизмѣненіе племенной жизни; отдѣльныя племена со своими племенными князьями не были стёрты съ лица земли; сила князя чешскаго племени, занимавшаго самый центръ Чехіи, оказалась недостаточной, чтобъ окончательно сломить племенное самоуправленіе; необходимо, вѣроятно, было ограничиться полумѣрами; и вотъ появляется областная организація съ сильно развитою областною жизнью и со своимъ главою, котораго обыкновенно и утверждалъ чешскій князь своимъ намѣстникомъ. Это подтверждается и ходомъ историческихъ событій»... И далѣе читаемъ: «Когда королевская власть почувствовала себя достаточно окрѣпшею, чтобы принять мѣры къ своему еще большему упроченію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ централизаціи управленія, тогда начинается рядъ мѣръ, направленныхъ прямо или косвенно противъ областной организаціи вообще и должности жупана въ особенности. Мнѣ кажется, что даже изъятіе деревень и цѣлыхъ округовъ съ конца XII в. изъ-подъ вѣдомства жупныхъ судовъ и изъ-подъ управленія жупана и областныхъ чиновниковъ дѣла-

Digitized by Google

лись князьями для ослабленія областной жизни и значенія жупана. Но только во второй половинѣ XIII в., когда иммунитеты и нѣмецкая колонизація достаточно подорвали солидарность жупы и положеніе его главы, Оттокаръ II уже прямо началъ дѣйствовать противъ старой областной организаціи». Въ примѣчаніи г. Зигель еще замѣчаетъ: «Иммунитеты, безспорно, появились подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, но короли очевидно не сильно отстаивали старые порядки. Можно думать, что они готовы были на уменьшеніе своихъ доходовъ лишь бы только подорвать группы, какъ отдѣльные полунезависимые отъ нихъ организмы». Все это прямо и наглядно характеризуетъ явленіе, которое у г. Ясинскаго намѣчено отрывочно, намёками и очень неопредѣленно, и, бывъ критически разобрано, помогло бы пролить гораздо болѣе свѣта на вопросъ. Замѣтимъ кстати, что Зигель (см. примѣчаніе) держится еще старыхъ воззрѣній на жупное дѣленіе, но тутъ же онъ высказываетъ характерный взглядъ на основные вопросы чешскаго государственнаго развитія, именно на независимость племенъ, и на жупную организацію, какъ посредственное звено между самостоятельностью племенъ и слитіемъ политическимъ.

Если въ концѣ концовъ мы взглянемъ на результаты разсмотрѣнной главы опять съ основной точки зрѣнія автора, то замѣтимъ то-же, что и прежде: что они далеко ее не оправдываютъ, что и тутъ перемѣны и нововведенія вызывались не столько потребностями народными, внутренними, сколько интересами на верху и условіями государственнаго развитія.

Въ *четвертой* главѣ разсматривается «*Городовая организація*». Замѣтивъ, что въ началѣ XII в. «кажется» не было опредѣленной классификаціи городскихъ поселеній, что къ одному и тому же поселенію примѣнялись разныя выраженія (civitas, urbs, oppidum, castrum), авторъ заключаетъ, что «можно говорить о городовой организаціи вообще»... Но намъ приходится тутъ же высказать, что въ самой постановкѣ темы этой главы замѣтна нѣкоторая неясность и неопредѣленность, кроется какъ-будто нѣкоторое недоразумѣніе. Автору слѣдовало дать болѣе точное

Digitized by Google

опредѣленіе своему предмету. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что онъ имѣетъ въ виду ту основную въ первоначально племенномъ, а потомъ земскомъ строѣ организацію по жупамъ или градамъ, которую называютъ по большей части «*градскою*» (а никакъ не «городовою»; Zřízení hradské, см. Čelakovský, Povšechne české dějiný právní, str. 30)—на томъ основаніи, что *градъ* былъ основой, центромъ и представителемъ жупы (области). Эта основная (общеславянская) земская организація — «*градская*» или «*жупная*» — не имѣетъ ничего общаго съ той организаціей городовъ, которая создалась позже, какъ нѣчто совсѣмъ особое, выйдя изъ совершенно иныхъ началъ и потребностей и будучи предназначена для цѣлей какъ разъ противныхъ областной автономіи, для ея разрушенія.

Если авторъ нашъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ этомъ существенномъ различіи городовъ или градовъ, какъ центровъ жупъ, потомъ округовъ или каштеляній, и всего областного самоуправленія отъ новыхъ городскихъ поселеній на новыхъ началахъ, составляющихъ независимую отъ земскаго уряда (такъ сказать, экстерриторіальную) организацію, какъ результатъ внутренней государственной политики чешскихъ государей, то ему надо было во избѣжаніе всякой неясности сдѣлать необходимую оговорку, разъ онъ употребилъ не совсѣмъ обычную терминологію.

Г. Ясинскій начинаетъ свое изложеніе съ выясненія происхожденія и роли старыхъ городовъ (градовъ). Ихъ постройка и поддержка объясняется прежде всего необходимостью укрываться за ихъ стѣнами и прятать свое имущество отъ враговъ при частыхъ вражескихъ наѣздахъ и необезпеченности жизни. Они состояли изъ собственнаго *города* (укрѣпленнаго или огороженнаго) и *посада*. Посады при непріятельскихъ набѣгахъ подвергались обыкновенно разграбленію и разрушенію. Самый городъ было труднѣе взять при примитивности осаднаго искусства, особенно когда деревянныя стѣны стали замѣнять каменными. Населеніе, находившее убѣжище въ городахъ, должно было и сооружать ихъ и исправлять укрѣпленія. Эти обязанности вхо-

Digitized by Google

дили въ такъ называемыя «земскія работы» (munera publica); къ нимъ относились: постройка городовъ (какъ и починка укрѣпленій), охрана дорогъ въ пограничной полосѣ, устройство засѣкъ и заваловъ въ лѣсахъ, проведеніе дорогъ и сооруженіе мостовъ. Земское населеніе, шляхта и крестьяне (дѣдичи), являлись защитниками городовъ; ихъ въ лѣтописяхъ называютъ *cives* и *urbani*, но это—отнюдь не горожане или мѣщане, не имѣющіе съ ними ничего общаго, ибо городское населеніе возникло лишь въ концѣ XII и въ XIII вв., когда государи стали вводить въ городахъ нѣмецкое право. Упомянувъ еще о сторожевой службѣ въ городахъ, авторъ переходитъ къ *градскому управленію*.

Во главѣ каждаго города стоялъ *каштелянъ*, назначеніе и смѣщеніе котораго зависѣло отъ воли государя. Здѣсь не мѣшало бы вспомнить о предшественникахъ каштеляна (см. стр. 96): о префектѣ, а ранѣе жупанѣ, какъ правителѣ племенной области, сидѣвшемъ въ главномъ градѣ. Каштелянамъ принадлежала высшая военная власть во время военныхъ дѣйствій, но разница ихъ отъ прежнихъ начальниковъ племенныхъ территорій (жупановъ) та, что послѣдніе имѣли въ рукахъ и судебную и полицейскую власть, тогда какъ каштеляны, хотя и были начальниками цѣлыхъ городскихъ округовъ, такой власти не имѣли. Тутъ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что должности особыхъ судей были учреждаемы въ городахъ — для умаленія власти и роли племенныхъ администраторовъ. Съ другой стороны каштеляны большихъ городовъ имѣли извѣстную военно-политическую власть надъ каштелянами второстепенныхъ, меньшихъ городовъ... Но нельзя не замѣтить въ этихъ соображеніяхъ нѣкоторыхъ противорѣчій. Созданіе особыхъ должностей судей и судебныхъ округовъ должно было противодѣйствовать племеннымъ связямъ, т. е. собственно слишкомъ большому значенію областныхъ правителей, между тѣмъ какъ выше указывалось, что территоріально-племенное единство сохранилось между прочимъ благодаря совпаденію судебнаго раздѣленія съ племеннымъ. Какъ-же это согласить? Намъ впрочемъ думается, что г. Ясинскій приписываетъ

Digitized by Google

слишкомъ много политической предусмотрительности чешскихъ князей. Уже въ прошлой главѣ онъ ею всецѣло объяснялъ постройку новыхъ городовъ и учрежденіе новыхъ каштеляній (т. е. раздѣленіе большихъ областей на меньшія). Та же мысль проводится и здѣсь. Но мы рѣшительно сомнѣваемся въ преобладаніи въ данномъ случаѣ такихъ мотивовъ и основаніемъ для насъ служитъ, между прочимъ, вышеприведенный фактъ, отмѣченный самимъ авторомъ, что каштеляны большихъ городовъ (бывш. жупаны) имѣли военно-политическую власть надъ каштелянами меньшихъ, ибо само собой понятно, что такое подчиненіе въ предѣлахъ одной области (или племенной территоріи) младшихъ городовъ (со своими округами) старшему не могло никоимъ образомъ вести къ ослабленію территоріально-племенной солидарности. Да притомъ — и это главное — новые города (грады—укрѣпленія) строились для удовлетворенія гораздо болѣе насущныхъ потребностей, съ одной стороны, ради раздѣленія слишкомъ большихъ областей — въ интересахъ болѣе удобнаго управленія, а съ другой — въ особенности ради укрѣпленія страны: для защиты населенія и для оборонительныхъ цѣлей. Интересы государевы и соображенія внутренней политики, хотя и нельзя отрицать ихъ ранняго возникновенія, выступили рѣшительно и стали вліятельнымъ факторомъ все-таки нѣсколько позже и проявились въ иныхъ мѣропріятіяхъ, клонившихся дѣйствительно къ уничтоженію территоріально-племенныхъ связей и порядковъ земскаго самоуправленія.

Говоря далѣе о матеріальномъ положеніи каштеляновъ, которые не получали особаго жалованья, а служба которыхъ (какъ и придворныхъ чиновъ) вознаграждалась предоставленіемъ имъ доходовъ съ земель «приписанныхъ къ замкамъ и городамъ», авторъ вводитъ здѣсь новое понятіе «замка» рядомъ съ городомъ (до сихъ поръ онъ говорилъ только о городахъ), не разъясняя ближе, была ли какая-нибудь разница въ ихъ положеніи, и употребляя тоже безъ оговорокъ выраженіе «замковый урядъ». Цѣлымъ рядомъ данныхъ изъ грамотъ онъ подтверждаетъ свое положеніе о

Digitized by Google

приписанныхъ къ городамъ и замкамъ земельныхъ участкахъ, разбросанныхъ по всей Чехіи, и тотъ фактъ, что доходы съ нихъ, т. е. повинности и служба населенія шли въ пользу замковаго (или городского) уряда, т. е. каштеляновъ. Но каштеляны, какъ временные хозяева, старались извлечь изъ этихъ земель возможно больше дохода, и ради того часто притѣсняли населеніе и доводили его до разоренія, такъ что не рѣдки случаи, что оно покидало земли, приходившія тогда въ запустѣніе. Однакожъ поступки каштеляновъ оставались безнаказанными, такъ какъ интересы государя непосредственно не страдали. На его же коронныхъ земляхъ такого явленія не замѣчается, ибо владари, заботившіеся о доходности имѣній, придерживались относительно населенія совсѣмъ иной политики.

Итакъ приписанные къ городамъ большею частью небольшихъ размѣровъ земельные участки были разбросаны по всей территоріи страны. Ихъ доходы шли — вмѣсто жалованья — въ пользу каштеляновъ. Типическимъ образчикомъ такихъ земель являются въ грамотахъ начала XIII в. такъ называемыя *Кладскія дѣдины*, земли, населенныя дѣдичами и приписанныя къ городу Кладску. Такъ какъ разъясненію вопроса о нихъ авторъ посвятилъ *III-е Приложеніе* въ своей книгѣ, то мы вкратцѣ сообщимъ здѣсь его мнѣніе.

Чешскіе историки до сихъ поръ (Палацкій и Г. Иречекъ), признавая ихъ назначеніе служить вознагражденіемъ областныхъ чиновниковъ и надѣленіе ими придворныхъ и жупныхъ урядовъ, не дали однакожъ объясненія названію этихъ урядовъ «Кладскими». Г. Ясинскій того мнѣнія, что названіе это прямо указываетъ на принадлежность ихъ каштелянскому уряду г. Кладска. Если въ источникахъ сохранилось наиболѣе извѣстій объ этихъ именно *Кладскихъ* земляхъ, то это — полагаетъ нашъ авторъ — потому, что имущества этого города, какъ важнаго пограничнаго оборонительнаго пункта, позже поступили въ оборотъ государевыхъ отчужденій, т. е. съ 30-хъ годовъ XIII в., тогда какъ другія еще съ 70-хъ гг. XII в. Что же касается на-

Digitized by Google

званія «дѣдинъ», то оно объясняется тѣмъ, что на нихъ жили зависимые дѣдичи, а относительно другихъ такихъ земель извѣстія или говорятъ объ ихъ населеніи очень неопредѣленно, или изображаютъ ихъ запустѣлыми. Съ половины же XIII в., времени, къ которому относится большинство текстовъ о городскихъ имуществахъ, усиливается иноземная колонизація, классъ дѣдичей постепенно исчезаетъ, а представленіе о дѣдинѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ крестьянскаго владѣнія, предается забвенію.

Все относящееся къ Кладскимъ дѣдинамъ авторъ считаетъ характернымъ и для градскихъ земель вообще. Такой взглядъ его на этотъ вопросъ кажется и намъ имѣющимъ достаточно твердое основаніе и правдоподобнымъ.

Продолжая свою рѣчь о городахъ (градахъ), г. Ясинскій переходитъ къ характеристикѣ роли и функцій городовъ въ *общественно-политической жизни,* которой они были средоточіемъ. Здѣсь самой главной стороной являются цѣли и нужды военно-политическія.

Несеніе военной службы было пріурочено къ городамъ. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ авторъ заключаетъ, что раздѣленіе войска на отряды (полки) соотвѣтствовало раздѣленію страны на области (примѣры даетъ особенно Моравія), такъ что можно думать, что ополченіе каждой области составляло полкъ или особую военную единицу. При отмѣченномъ выше подчиненіи младшихъ городовъ старшему каштеляны послѣднихъ были слѣдовательно начальниками большихъ отрядовъ, въ которые входили ополченія меньшихъ городовъ.

Отличительное свойство земскаго войска, быстрота мобилизаціи, сборовъ и передвиженій, доказываетъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, что городовая организація была вполнѣ приспособлена для обороны страны и нападенія на враговъ. Разсказъ, заимствованный изъ Мартина Галла, знакомитъ съ тѣмъ, какъ совершались сборы военныхъ силъ. При опасности населеніе спѣшило въ городъ не только для самозащиты, но и для коллективнаго противодѣйствія врагу. Привычка шляхты, призванной къ военному

Digitized by Google

дѣлу, дѣйствовать заодно обнаруживалась и при угрозѣ внутренняго междоусобія. Тутъ авторъ приводитъ лѣтописный разсказъ (изъ Косьмы Пр.) о томъ, какъ держала себя земская шляхта во время междоусобія Буривоя, оспаривавшаго престолъ у брата своего Владислава (въ началѣ XII в.). Но кажется извѣстіе о части шляхты, выжидавшей исхода событій и бродившей то въ томъ, то въ другомъ направленіи, опустошая только села, толкуется имъ не довольно прямо и естественно.

Далѣе идетъ рѣчь о значительной роли городовъ въ дѣлѣ расширенія государственной территоріи и приводитъ много примѣровъ укрѣпленія и возобновленія городовъ въ XI-мъ и первой половинѣ XII в. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые города (грады) служили главнымъ образомъ для обезпеченія и укрѣпленія спорной территоріи и операціоннымъ базисомъ для завоевательной политики чешскихъ государей.

Наконецъ ставится вопросъ о *времени*, когда чешскіе государи начали постройку городовъ — какъ для военныхъ цѣлей, такъ и «въ интересахъ раздробленія племенныхъ территорій», хотя по нашему убѣжденію этихъ двухъ цѣлей не слѣдуетъ сопоставлять или связывать, такъ какъ второе, если и могло служить подстрекающимъ для князей мотивомъ, то во всякомъ случаѣ едва-ли для такого ранняго времени... Для рѣшенія поставленнаго вопроса, по словамъ г. Ясинскаго, можетъ служить разсказъ Косьмы Пр. о дѣятельности Болеслава I (слѣд. изъ X в.). Придавая вѣсъ этому разсказу, авторъ дѣлаетъ оговорку, что необходимо помнить, что по сознанію самого писателя, его свѣдѣнія о Болеславѣ были очень недостаточны и односторонни, но что это именно заставляетъ заключить о его добросовѣстности и вѣрить ему... Если онъ (разсказъ) въ подробности не вполнѣ вѣренъ, то въ немъ все-таки есть *зерно исторической правды:* воспоминанія о борьбѣ княжеской, государственной власти съ началами племенного быта.

Разсказъ, какъ извѣстно, касается сопротивленія начальниковъ или главъ (племенныхъ!) народа требованію князя Боле-

Digitized by Google

слава I построить по римскому способу высокую стѣну вокругъ города на берегу рѣки Лабы, — сопротивленія, кончившагося однакожъ подчиненіемъ и постройкой города. Жалоба народныхъ начальниковъ на «невыносимое иго рабства» и отговорка, что прежде ихъ не заставляли исполнять такихъ работъ, объясняются, по мнѣнію нашего автора, тѣмъ, что прежде существовали только племенные города и ихъ поддержка не составляла еще тягости, падая на цѣлое племя. Теперь же постройка княжескихъ городовъ являлась бременемъ, увеличеніемъ повинностей. Постройка городовъ происходила и ранѣе Болеслава, но разсказъ о сопротивленіи ему знати и его прозвище «Грознаго» («суроваго»), даваемое государямъ, круто измѣняющимъ основы государственной и народной жизни, даетъ основаніе думать, что «Болеславъ обратилъ особенное вниманіе на постройку и укрѣпленіе городовъ», а населенію эта дѣятельность казалась тиранической. Все это очень возможно и правдоподобно, но изъ этого все-таки еще не слѣдуетъ, что нужно непремѣнно, какъ это дѣлаетъ г. Ясинскій, приписывать Болеславу въ этомъ случаѣ тайную цѣль или, такъ сказать, заднюю мысль — раздробленія племенныхъ территорій и ослабленія племенныхъ и территоріальныхъ связей, между тѣмъ какъ такая дѣятельность Болеслава и другихъ князей объясняется совершенно просто и естественно, такъ какъ была вызвана политическими обстоятельствами и внѣшнею опасностью. Подобное же явленіе усиленной постройки городовъ и укрѣпленій, по указанію г. Ясинскаго, мы видимъ въ ту эпоху во всѣхъ странахъ Западной Европы и особенно въ Германіи подъ вліяніемъ мадьярскихъ набѣговъ съ конца IX в. (припоминается Генрихъ I и укрѣпленіе Мерзебурга). Въ Чехіи и Моравіи такая дѣятельность тѣмъ понятнѣе. Интересно и то, что оборонительныя мѣропріятія Болеслава I и Генриха I вполнѣ совпадаютъ и по времени. Итакъ историческія данныя и факты говорятъ намъ ясно только о такихъ цѣляхъ и побужденіяхъ государей той исторической эпохи при постройкѣ новыхъ городовъ. Противъ допущенія у нихъ столь рано дальновидныхъ

Digitized by Google

стремленій раздробленія племенного единства говоритъ многое. Нельзя усмотрѣть признаковъ подобныхъ стремленій въ такихъ фактахъ, какъ военно-политическое подчиненіе меньшихъ городовъ большимъ (въ каждой области), въ организаціи военнаго дѣла и войска по областямъ (соотвѣтственнымъ племеннымъ территоріямъ), въ допущеніи совпаденія сельско-хозяйственнаго и судебнаго дѣленія страны съ племеннымъ, наконецъ, въ раздачѣ государями членамъ своего дома именно племенныхъ территорій въ удѣлы! А вѣдь всѣ эти факты отмѣчены и подтверждены самимъ авторомъ. Цѣли и стремленія, направленныя не только къ раздробленію территоріальнаго племенного единства, но къ разрушенію земской автономіи, явились у чешскихъ государей позднѣе и выразились въ созданіи центральныхъ органовъ администраціи, сокращеніи областной юрисдикціи, наконецъ, особенно въ системѣ всяческихъ экземпцій и привиллегій. Въ заключеніе этой главы г. Ясинскій приходитъ къ выводу, что городовая организація, возникшая въ X в., *«начала клониться къ упадку съ середины XII в.»*. Доказательствомъ можетъ служить де то, что съ 70-хъ годовъ XII в. начинается отчужденіе государями городовыхъ и замковыхъ земель. Что касается причинъ упадка, то онъ указываетъ лишь на то обстоятельство (какъ на такую причину), что «опасность со стороны сосѣдей уменьшилась и даже совершенно исчезла», ибо измѣнились отношенія и къ Польшѣ, и къ Мадьярамъ, гдѣ наступила смутная эпоха междоусобій, а въ Германіи царствовалъ Фридрихъ Барбарусса, связавшій Чехію съ имперіей вассальными отношеніями. Городовыя укрѣпленія такъ запустѣли, что въ XIII в., въ эпоху нашествія татаръ, пришлось усиленно заняться укрѣпленіемъ городовъ. Но это «разумѣется, не было возстановленіемъ городовой организаціи, потому что она, какъ плодъ земскаго строя, не могла избѣжать судьбы послѣдняго». Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ заключеніи сказалась та нѣкоторая неясность, ведущая легко къ противорѣчіямъ, которую мы выше уже отмѣтили.

Что же въ результатѣ даетъ намъ разсмотрѣнная глава?

Digitized by Google

Несомнѣнно авторъ представилъ въ ней обстоятельную характеристику роли, значенія и главныхъ функцій городовъ (вѣрнѣе — градовъ) въ земскій періодъ чешской исторіи и вообще такъ называемой «градской» организаціи въ смыслѣ жупнаго, областного уряда. Многія его наблюденія и замѣчанія заслуживаютъ полнаго признанія и доказываютъ внимательное углубленіе въ источники. Но и здѣсь дѣлу повидимому нѣсколько повредило недостаточно отчетливое пониманіе или различеніе явленій исконныхъ въ земскомъ строѣ и новыхъ, связанныхъ съ процессомъ государственнаго развитія, откуда возникаетъ и въ выводахъ какъ-будто неясность и двойственность.

Мы уже съ самаго начала сказали о такой неясности въ самомъ опредѣленіи темы этой главы.

Подъ «городовой» (собственно «градской») организаціей слѣдуетъ въ сущности понимать земскую «жупную» или областную, между тѣмъ какъ терминъ «*городовой*», подходящій болѣе къ понятію позднѣйшаго *устройства городовъ* на нѣмецкомъ правѣ, какъ единицъ экстерриторіальныхъ, можетъ только подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ хотѣлъ послѣдовать примѣру (но къ сожалѣнію не послѣдовалъ *точно*!) чешскихъ историковъ, называющихъ эту организацію «градскою» — zřizení hradské отъ слова *hrad*, что̀ не есть городъ въ обычномъ намъ смыслѣ, для котораго служитъ обозначеніе *město*, такъ что zřizení hradské не имѣетъ ничего общаго съ zřizení městské, явленіемъ позднѣйшимъ. Древне-славянскій «*градъ*», укрѣпленное средоточіе племенной жизни, а потомъ земскаго жупнаго самоуправленія, военной организаціи и народной обороны, центръ общественной жизни и административнаго управленія въ областяхъ и округахъ старыхъ племенныхъ территорій, представляя характернѣйшій продуктъ и элементъ земскаго строя, долженъ былъ привлечь къ себѣ еще болѣе вниманія автора, и тогда бы — мы увѣрены — его изложеніе и изслѣдованіе о «городахъ» навѣрно выиграло бы въ смыслѣ ясности и законченности, и онъ тогда едва-ли бы употребилъ столь некстати терминъ «городовой». О «градахъ», ихъ

Digitized by Google

устройствѣ и типическихъ чертахъ, о ихъ роли и функціяхъ въ старославянской племенной жизни и земскомъ строѣ имѣется не мало интересныхъ работъ и замѣтокъ, и ознакомленіе съ иными изъ нихъ могло принести только пользу въ задачѣ г. Ясинскаго. Такъ можно пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на труды чешскаго историка-слависта О. В. Пича, который не мало поработалъ надъ выясненіемъ основъ и порядковъ старо-славянской племенной и земской жизни (особенно на почвѣ старо-угорской) и своими археологическими и историческими (по первымъ источникамъ) изысканіями пролилъ несомнѣнно значительный свѣтъ на эту область. Въ одномъ изъ трудовъ своихъ онъ посвящаетъ спеціальное обстоятельное изслѣдованіе славянскимъ «градамъ», ихъ организаціи и роли[1]), а въ другомъ затрогиваетъ вопросы славянскаго градского самоуправленія[2]). Во всѣхъ своихъ работахъ г. Пичъ проводитъ мысль о живучести племенного начала и о прочности связей и тяготѣній территоріально-племенныхъ, мысль не чуждая, какъ мы знаемъ, и воззрѣніямъ нашего автора.

Быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ отчетливости во взглядѣ его на «грады» и на «градскую организацію» способствовалъ и укрѣпленію его въ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣніяхъ и увлеченіяхъ — въ томъ напр. смыслѣ, что постройкой городовъ съ развитіемъ градской организаціи государи съ самаго начала стремились противодѣйствовать территоріально-племеннымъ связямъ и интересамъ. Мы видѣли уже, что цѣлый рядъ другихъ явленій — противорѣчащаго тому значенія — принуждаетъ насъ признать это мнѣніе заблужденіемъ. Самъ авторъ долженъ былъ бы замѣтить порожденную имъ несообразность въ своихъ выводахъ: съ одной стороны государи, посредствомъ городовой организаціи, борются съ началами стараго племенного

1) Píč, J. L. Zur Rumänisch-Ungar. Streitfrage, Leipz. 1886. О древне-слав. градахъ, стр. 148—268.

2) Der Nationale Kampf gegen das Ungarische Staatsrecht, Leipz. 1882, особ. стр. 241—248. О градахъ также подробно въ ст. Седлачка: Sedlaček, «O starodavném rozdělení Moravy na kraje», Časopis Mat. Morav., roč. 15, Brno 1891.

Digitized by Google

строя, съ другой — эта городовая организація падаетъ вмѣстѣ съ земскимъ строемъ...

Связанное съ такою неясностью представленія одностороннее объясненіе авторомъ паденія городовой организаціи такой чисто внѣшней причиной, какъ измѣненіе политическихъ обстоятельствъ и отсутствіе внѣшней опасности, явно не выдерживаетъ критики. Въ немъ ярко обрисовывается смѣшеніе «градской», т. е. областной организаціи, какъ основной формы земскаго управленія, съ постройкой и поддержкой градовъ и укрѣпленій въ видахъ оборонительныхъ и стратегическихъ. Если дѣйствительно подъ вліяніемъ измѣнившихся политическихъ условій страна не нуждалась въ прежней мѣрѣ въ поддержаніи градскихъ и иныхъ земскихъ укрѣпленій, то это отнюдь не могло вести за собой упадокъ такого внутренняго земскаго установленія, какъ «градская» (т. е. жупная или областная) организація. Очевидно этотъ упадокъ былъ обусловленъ другими причинами — внутренне-государственными, позднѣйшими мѣропріятіями и политикой чешскихъ государей, направленными къ разрушенію земскаго строя. Нашъ авторъ не долженъ былъ смѣшивать роль «градовъ», какъ оборонительныхъ и стратегическихъ центровъ, съ ихъ общественно-политическимъ и земско-административнымъ значеніемъ. Онъ оставилъ безъ вниманія тотъ фактъ, что оборонительная земская организація не ограничивалась одними градами. Рядомъ съ ними воздвигались многочисленныя укрѣпленія (такъ-называемыя Burgwälle), въ которыхъ не жили, но которыя служили защитой для населенія въ случаяхъ опасности[1]). На населеніи лежала обязанность ихъ сооружать и поддерживать, и отъ такихъ-то работъ (земскихъ) церковныя и монастырскія корпораціи старались освободить своихъ подданныхъ, особенно когда наступили болѣе мирныя времена. Такимъ-то образомъ съ теченіемъ времени эти укрѣпленія запускались и приходили въ разрушеніе, и ихъ становилось все менѣе. Слѣдовательно подъ вліяніемъ внѣш-

1) Объ этомъ въ первой изъ цитованн. книгъ г. Пича и у Седлачка, о. с.

Digitized by Google

нихъ причинъ и обстоятельствъ могла приходить въ упадокъ лишь эта система земской обороны (изъ укрѣпленныхъ градовъ и валовъ, Burgwälle), а не областная (градская) общественная и административная организація...[1]) Г. Ясинскому необходимо было тутъ же разобрать и выяснить истинныя причины постепеннаго упадка этой организаціи, которыя заключались въ возобладаніи интересовъ государственно-централизаціонныхъ и связанныхъ съ ними интересовъ придворнаго чиновничества надъ земскими автономными интересами. Эта побѣда новыхъ началъ (проявляющаяся замѣтнѣе съ конца XII в.) стала выражаться напр. въ ограниченіи власти и юрисдикціи областныхъ земскихъ органовъ, а затѣмъ въ системѣ всяческихъ изъятій изъ-подъ областной юрисдикціи, привиллегій и иммунитетовъ, о чемъ идетъ рѣчь и въ книгѣ г. Ясинскаго, но уже въ слѣдующей главѣ.

Глава *пятая* и послѣдняя въ книгѣ г. Ясинскаго разсматриваетъ *Власть государя и положеніе знати.* Она всѣхъ больше и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе существенную часть работы: въ ней авторъ приходитъ и къ самымъ существеннымъ и важнымъ своимъ выводамъ. Слѣдовательно на ней сосредоточивается и особенный интересъ.

Будемъ по-прежнему сжато излагать содержаніе изслѣдованія, дѣлая, по мѣрѣ надобности, свои замѣчанія. По мнѣнію г. Ясинскаго, пока не окрѣпло національное единство племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, пока не сложились классы съ опредѣленными нуждами, не опредѣлилось ихъ равномѣрное участіе въ дѣлахъ государства, до тѣхъ поръ государь — почти единственный представитель государственности: оттого въ этой стадіи сила и крѣпость государства опредѣляется положеніемъ государя. Въ земскій періодъ чешской исторіи не вполнѣ еще забыты племенныя раздѣленія, и сословія только создавались, слѣдовательно характеризуя государя и его власть XI—XIII вѣковъ, мы опредѣляемъ силу и крѣпость государства.

---

1) То же смѣшеніе см. ниже на стр. 156, прим. 2.

Digitized by Google

Мнѣніе чешскихъ историковъ, признаваемыхъ лучшими авторитетами, сводится къ тому, что власть государя къ концу XII в. была невелика, что она сравнительно съ прежнимъ уменьшилась. Сужденія Томка, проф. Калауска и Я. Челяковскаго, приводимыя авторомъ, сходятся въ томъ, что въ XI—XII вв. князья, прежде обладавшіе огромными имуществами, раздарили массу земель и доходовъ духовенству, должностнымъ лицамъ и шляхтѣ, такъ какъ въ эпоху междоусобій и удѣловъ должны были пріобрѣтать сторонниковъ. Такимъ образомъ шляхта пріобрѣтала все болѣе значенія, а власть государя естественно ограничивалась.

Нашъ авторъ соглашается только съ нѣкоторыми изъ положеній чешскихъ историковъ, напр. со взглядомъ на большое сокращеніе имуществъ государя, а также на причину смутъ въ XII в., состоявшую въ перенесеніи воззрѣній родового быта въ сферу государственныхъ отношеній. Онъ считаетъ, согласно изслѣдованію Лозерта, доказаннымъ, что въ порядкѣ престолонаслѣдія *старшинство* не было рѣшающимъ условіемъ, а всѣ члены правящаго дома считались имѣющими право на престолъ и каждый домогался его, а при благопріятныхъ условіяхъ и достигалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что государство разсматривалось какъ родовое имущество, и если поэтому вопросъ о главенствѣ не рѣшается соглашеніемъ членовъ рода, то очевидно населеніе должно было участвовать въ его рѣшеніи. Изъ того обстоятельства, что населеніе и самая вліятельная часть его, шляхта, своимъ рѣшеніемъ не предупреждала смутъ, которыя были бы невозможны при ея единодушіи, Г. Ясинскій дѣлаетъ выводъ о неподготовленности шляхты къ политической дѣятельности и еще неспособности ея стремиться къ ограниченію власти государя, о ея такъ сказать политической незрѣлости. Борьба изъ-за престола въ XII в. даетъ мало матеріала для характеристики шляхты съ этой стороны.

Участіе населенія, и именно шляхты, въ избраніи государя является ея правомъ, а не узурпаціей, какъ это видно изъ источ-

Digitized by Google

никовъ. Они же свидѣтельствуютъ, что это право признавалось и сюзереномъ чешскаго государя — германскимъ императоромъ. Но ни избраніе, ни полученная отъ императора инвеститура не обезпечивала чешскаго князя отъ происковъ другихъ членовъ рода. Приводится рядъ примѣровъ оспариванія престола другъ у друга членами княжескаго рода въ концѣ XI, началѣ XII и концѣ XII в.; но помимо этихъ выдающихся примѣровъ — сколько еще было заговоровъ на жизнь князей, сколько заключенныхъ и изгнанныхъ изъ отечества искателей трона!

Среди приводимыхъ авторомъ примѣровъ мы отмѣтимъ одинъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что если не на практикѣ, то въ теоріи принципъ старшинства все-таки игралъ руководящую роль въ вопросѣ престолонаслѣдія. Въ 1101 г., говоритъ г. Ясинскій, Ольдрихъ, сынъ Конрада, оспаривалъ престолъ у Буривоя, «тщетно ссылаясь на то, что онъ старшій возрастомъ членъ княжескаго рода» («jactat se esse aetate maiorem» Cosm. chr. III, 15, p. 148). Въ другомъ мѣстѣ, раньше (см. стр. 120), авторъ сообщаетъ то же о Буривоѣ, «рѣшившемся во имя старшинства оспаривать престолъ у брата своего Владислава...» Слѣдовательно принципъ въ теоріи существовалъ, а если на практикѣ онъ постоянно нарушался, то это — благодаря создавшемуся порядку вещей, именно возобладанію практическихъ интересовъ и соображеній надъ теоріей. Во всѣхъ княжескихъ междоусобіяхъ, заговорахъ и происках игралa главную роль шляхта. Противъ произвола и насилій шляхты еще въ раннее время помогали государю должностныя лица, напр. каштеляны (слѣдуетъ замѣтить — лишь тѣ, которые въ вѣрности князю видѣли свой интересъ), однако съ паденіемъ «городовой организаціи» значеніе высшей шляхты стало еще болѣе значительнымъ. Но кто же — спросимъ — былъ главнымъ виновникомъ паденія этой организаціи, а слѣдовательно и особеннаго возвышенія высшей шляхты, какъ не сами государи!

Въ противоположность высшей шляхтѣ, *низшая* всегда поддерживала государя, имѣя на своей сторонѣ по большей части

Digitized by Google

также духовенство и чиновниковъ, такъ какъ смуты отвлекали ее отъ мирныхъ занятій и приносили разореніе. Этотъ фактъ подтверждается многими примѣрами изъ XI и XII вв. Напротивъ, папы, какъ доказываютъ опять-таки многія свидѣтельства, руководствовались почти всегда личными выгодами, исканіемъ доходовъ и почетныхъ мѣстъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу того или другого претендента, и того не скрывали. Это узко-эгоистическое настроеніе знати заставляло государя ухаживать за нею, но ей самой оно мѣшало сплотиться и сознать свои общіе интересы. Доказательствомъ такого неединодушія и разобщенности, позволявшихъ князьямъ часто жестоко и несправедливо расправляться съ непріятными имъ панами или областными правителями (примѣръ Собѣслава II), служитъ истребленіе Вершовцевъ при Святополкѣ, а также примѣры раздѣленія знати при выборѣ князя, напр. въ 1197 году (Владиславъ и Премыслъ). Но помимо мотивовъ чисто политическихъ у знати не было ли еще и другихъ, о которыхъ авторъ не упоминаетъ? Въ шляхтѣ могли быть также живы территоріально-племенные и областные интересы, заставлявшіе ее стоять за то или иное лицо, какъ за кандидата, выставленнаго тою или другою областью. Впослѣдствіи эти мѣстные интересы стушевались. Во всякомъ случаѣ г. Ясинскій соглашается, что XII вѣкъ былъ критическою порою для власти государя. Еслибъ смуты продолжались еще долѣе, то знать могла бы намѣтить опредѣленныя требованія и выработать политическую программу.... Итакъ въ началѣ XII в. авторъ видитъ у шляхты отсутствіе всякой опредѣленной тактики при замѣщеніи престола. Но съ половины XII в. поведеніе знати, по словамъ его, *измѣняется совершенно:* тутъ указываются примѣры, каковы образъ дѣйствія пановъ при избраніи Владислава II, и затѣмъ разочарованія въ немъ, тайныя совѣщанія и смуты (1142). Затѣмъ указываются и другіе случаи общихъ дѣйствій послѣ совѣщаній и уговора, напр. по поводу неудовольствія Фридрихомъ или кандидатурой Ольдриха. Отмѣтимъ здѣсь только маленькое противорѣчіе въ опредѣленіи эпохи такой пере-

Digitized by Google

мѣны половиной XII в., тогда какъ немного выше (стр. 134) авторъ привелъ примѣръ полнаго отсутствія солидарности и общей тактики высшей шляхты — изъ событій 1197 г... Очевидно перемѣна еще не была «совершенною» и общею. Но начинавшая вырабатываться у пановъ тактика и сноровка не могла привести ни къ чему важному, такъ какъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. утверждается *государственное единодержавіе*, благодаря постепенному вымиранію рода Премысловичей и установленію порядка наслѣдованія по прямой линіи — отъ отца къ сыну, отнявшему у пановъ возможность пользоваться избирательнымъ правомъ, какъ средствомъ вынудить у государя какія-нибудь ограничительныя для его власти постановленія. Періода въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ было недостаточно, чтобъ стремленія знати могли сложиться въ политическую программу; она не успѣла себя сознать сильнымъ классомъ съ общими интересами, и общая политика для ограниченія власти государя была для нея еще немыслима. На этомъ основаніи общая характеристика положенія и власти государя въ XII в. выливается у г. Ясинскаго въ слѣдующую форму: государь чешскій, будучи самостоятеленъ въ дѣлахъ управленія, долженъ былъ только держаться границъ умѣренности и не обращать власти въ орудіе личныхъ страстей. Но «кромѣ голоса совѣсти, другихъ ограниченій своей власти не знали чешскіе государи XI—XII вѣковъ».

Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ ближайшему опредѣленію державныхъ правъ государя и проявленій его полновластія.

Назначенія на должности вполнѣ зависѣли отъ государя. Назначались лица, на вѣрность которыхъ можно было положиться, иногда и за деньги. Однако тутъ слѣдовало сдѣлать оговорку, что это право назначенія de facto до нѣкоторой степени ограничивалось необходимостью считаться съ традиціями старой областной автономіи и земскими порядками, такъ что даже при назначеніи областныхъ и градскихъ начальниковъ (каштеляновъ) государи должны были сообразоваться съ общественнымъ мнѣ-

Digitized by Google

ніемъ, съ популярностью и значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей [1]).

Государю всецѣло принадлежало право созыва военныхъ силъ и предводительство ими въ войнѣ оборонительной или наступательной. Это оставалось безъ измѣненій и въ XII в. Созывы сеймовъ передъ далекими военными предпріятіями должны быть объясняемы не необходимостью полученія на нихъ согласія, а обычаемъ этимъ путемъ оповѣщать о походѣ, хотя приходится констатировать, что паны часто роптали и выказывали неодобреніе. Примѣромъ можетъ служить созывъ сейма Владиславомъ II передъ походомъ на помощь Фридриху Барбаруссѣ, неудовольствіе, выказанное панами, и рѣчь къ нимъ короля, изъ которой, какъ и изо всего эпизода, можно усмотрѣть, что паны все-таки не имѣли права отказаться отъ похода. Впрочемъ по этому поводу можно замѣтить, что въ тѣ времена, особенно въ такихъ дѣлахъ едва-ли играло рѣшающую роль какое-либо точное *юридическое* право; не слѣдуетъ *наши* понятія переносить на столь отдаленныя эпохи, въ тѣ средніе вѣка, когда юридическія отношенія и правовыя нормы не успѣли еще выработаться и сложиться, и надъ ними господствовало право сильнѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго въ смыслѣ какъ матеріальной, такъ и нравственной силы.

Въ дѣлахъ *внутренняго управленія* авторъ выдвигаетъ дѣятельность государя *судебную* и *законодательную*. Въ отношеніи *судебномъ* князь — высшій судья, источникъ суда и справедливости въ странѣ. Всякій могъ искать защиты у государя, и послѣднему ставится въ заслугу внимательное отношеніе къ жалобамъ. Непосредственно государь разбираетъ и рѣшаетъ дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ *законодательномъ* отношеніи иниціатива всецѣло принадлежала государю. Примѣры изъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что государь считался источникомъ законодательной власти, какъ въ XI, такъ и въ концѣ

1) Срв. вышеприведенное о томъ мнѣніе Ѳ. Зигеля, въ его статьѣ о «Мѣстномъ земскомъ самоуправленіи въ Чехіи и Польшѣ», стр. 2.

Digitized by Google

XII в. Князья изъ осторожности предпочитали дѣйствовать съ согласія земской шляхты, съ которою совѣтовались, равно какъ и съ приближенными своими (панами, придворными чиновниками, каштелянами), и не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и частныхъ, домашнихъ. Однакожъ подобныя совѣщанія не были для нихъ обязательны.

Еще менѣе были зависимы чешскіе государи въ *международныхъ* дѣлахъ и внѣшней своей политикѣ, чему приводятся доказательства изъ XI и XII вв.

Далѣе подробно разсматриваются *имущественныя* права государя, которыя оказываются очень значительными и важными. Выводы автора по этому предмету, какъ и по слѣдующему относящемуся къ нему вопросу о такъ-называемыхъ «выслугахъ», представляютъ большой интересъ. Какъ наслѣдникъ всѣхъ племенныхъ князей, чешскій государь имѣлъ право распоряженія всѣми ненаселенными и пустопорожними землями, что видно изъ актовъ. Затѣмъ относительно церковныхъ земель онъ имѣлъ всѣ права высшаго собственника, что́ тоже подтверждается многими примѣрами; это право имѣло столь устойчивый характеръ, что даже земли, отчуждаемыя въ руки частныхъ лицъ, не выходили изъ дѣйствія этого права. Оно однакожъ не слѣдствіе патроната государя надъ церковью. Любопытно свидѣтельство одной грамоты (1203 г.), по которому частное лицо отдаетъ землю монастырю черезъ государя (отъ его имени). Въ этомъ выражается взглядъ, что источникомъ церковнаго владѣнія можетъ быть только даръ или пожертвованіе, исходящее отъ государя. Практика подтверждаетъ это, такъ какъ государи — главные основатели и жертвователи церквей и монастырей. Но оттуда вытекаетъ ограниченность церковнаго владѣнія: пожертвованіе, по чешскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, не составляло полной собственности; за дарителемъ оставались еще значительныя права... По характеру и происхожденію родственна церковному землевладѣнію, такъ что можетъ даже объяснить его особенности, та форма владѣнія, которая называется *выслугою*, и по отношенію къ которой права государя

Digitized by Google

тоже велики. На вопросѣ *о выслугахъ* г. Ясинскій и останавливается, посвящая ему обстоятельное изысканіе, и эта интересная часть его работы, въ связи съ другими предметами этой главы, придаетъ послѣдней выдающееся значеніе.

Князья въ XII—XIII вв. награждали заслуженныхъ людей за вѣрную службу землями и доходными статьями. Это — по опредѣленію еще Палацкаго — такъ-называемыя *выслуги*. Главная масса получавшихъ выслуги — знатные, люди высшаго класса, затѣмъ другую группу составляли чиновники: каштеляны, судьи, коморники и проч. Итакъ это вообще монополія высшаго класса, ибо и должностныя лица принадлежали ему по преимуществу. Предметами пожалованій были, за рѣдкими исключеніями, *недвижимыя* имущества, а именно: село, сельцо, часть села, земля въ селѣ, имѣніе, лѣсъ, уѣздъ, островъ и т. д., а съ конца XIII в. города съ окрестностями и цѣлыя области, но такія пожалованія имѣли уже характеръ удѣловъ. Въ XII-мъ же вѣкѣ выслуги были вообще скромныхъ размѣровъ. Первоначально выслуги носили чисто-правовой характеръ, а съ половины XIII в. стали пріобрѣтать государственный.

Въ большинствѣ случаевъ въ грамотахъ находимъ и формулу, на *какомъ правѣ* владѣетъ выслугой получившій ее. Самою обычною является: «jure hereditario», рядомъ съ которой авторъ приводитъ много другихъ формулъ. Но оказывается, что почти всѣ онѣ—только видоизмѣненіе первой и указываютъ на *наслѣдственный* переходъ выслуги; лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ подчеркивается право *собственности*. Итакъ, при выслугахъ примѣняется и та и другая форма права. Этимъ различіемъ объясняется усматриваемая изъ фактовъ «неодинаковая практика распоряженія владѣніемъ». При нѣкоторыхъ отчужденіяхъ выслугъ въ грамотахъ упоминается только о конфирмаціи государя или вовсе умалчивается объ его участіи. Тутъ очевидно выслуга на правахъ полной собственности, съ полнымъ правомъ распоряженія ею по усмотрѣнію. Съ другой стороны есть много свидѣтельствъ о правѣ государя, какъ высшаго собственника: во мно-

Digitized by Google

гихъ случаяхъ актъ отчужденія совершался съ *одобренія*, съ *согласія* государя, или облекался въ форму пожертвованія отъ государя.

Итакъ изъ всѣхъ имѣющихся извѣстій можно заключить, что выслуга представляла условное и ограниченное въ правахъ владѣніе. Владѣльцы такихъ выслугъ на правахъ наслѣдства стремились расширить свои права, получая отъ государя *право собственности*, а владѣльцы, не имѣвшіе наслѣдниковъ, испрашивали у государя право распоряженія имуществомъ, чему есть примѣры. Авторъ старается при этомъ выяснить порядокъ наслѣдованья выслугъ. Разсмотрѣвъ вопросъ объ общемъ порядкѣ наслѣдованія по чешскому праву — на основаніи такъ назыв. Конрадовыхъ статутовъ, и о толкованіи ихъ проф. Калаускомъ, онъ полагаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ, чтобъ судить, примѣнялся ли этотъ порядокъ къ наслѣдованію выслугъ, но по содержанію статьи о наслѣдованіи видно, что она не имѣла въ виду этой формы владѣнія. Есть однакожъ косвенное указаніе въ источникахъ на порядокъ наслѣдованія выслугъ. Его авторъ видитъ вотъ въ чемъ. Вводимое въ полов. XIII в. Моравіею ленное право устраняло дочерей отъ наслѣдованія, тогда какъ право Магдебургское (прототипъ новаго моравскаго) допускало ихъ. Въ этомъ устраненіи можно видѣть уступку мѣстнымъ обычаямъ и приспособленіе къ существующей формѣ владѣнія выслугъ. Отсюда дѣлается выводъ, что въ наслѣдованіи выслугой дочери не участвовали.

Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, владѣніе выслугами съ ихъ ограниченными правами не могло привести къ ослабленію или уменьшенію государевой власти (панами). Но частое пожалованье выслугъ въ собственность «подготовляло сознаніе о необходимости общей и широкой постановки вопроса о правахъ землевладѣнія». На томъ основаніи, что при бездѣтныхъ владѣльцахъ выслугъ государи имѣли право наслѣдовать, извѣстный чешскій археологъ Воцель приравнивалъ эту форму владѣнія къ *нѣмецкому лену*. Г. Герм. Иречекъ опровергалъ это срав-

Digitized by Google

неніе указаніемъ на различіе между награжденіемъ за службу прошлую (выслуга) и соглашеніемъ насчетъ будущаго (ленъ). Но г. Ясинскій считаетъ это различіе несущественнымъ, ибо и ленъ давался лицамъ уже заслуженнымъ, и получившій выслугу былъ обязанъ службой по первому призыву. Онъ думаетъ, что юридическій характеръ выслуги, равно какъ и церковнаго владѣнія, вполнѣ объясняется (не прибѣгая къ ненужному сравненію съ нѣмецкими ленами) существовавшимъ въ чешскомъ правѣ воззрѣніемъ, что *дарственная менѣе обезпечиваетъ крѣпость владѣнія, чѣмъ купчая*. Къ тому же ограниченность права распоряженія выслугами объясняется также издавна господствовавшими правовыми воззрѣніями чешскаго народа. Что *наслѣдованіе* имущества было искони самымъ главнымъ отличительнымъ юридическимъ признакомъ землевладѣнія, возникшимъ въ эпоху родового быта, видно уже изъ названія первоначальнаго свободнаго населенія страны *дѣдичами* (heredes). Членъ рода имѣлъ наслѣдственныя права, но не имѣлъ права распоряженія. Эти чешскія правовыя воззрѣнія были въ силѣ еще въ началѣ XV в. Таковы заслуживающіе полнаго вниманія и очень поучительные результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о выслугахъ [1]).

Итакъ, на основаніи этого внимательнаго разбора всѣхъ правъ и проявленій власти государя авторъ нашъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ и мы не можемъ не согласиться, что вопреки господствующему въ чешской исторіографіи мнѣнію власть государя въ теченіе XII в. не уменьшилась, и въ XIII вѣкъ Чехія вступала какъ организмъ сильный и крѣпкій.

Однакожъ, продолжаетъ г. Ясинскій, со времени установленія самодержавія государи должны были думать не только объ

1) Если сопоставить эти результаты съ изысканіемъ *Липперта* о томъ же предметѣ (ч. I, гл. 8, стр. 298—310: «Heimfall, Erbrecht и Lohngut»), который тоже разсматриваетъ въ связи оба юридическіе института, «княжеское право на выморочное имущество» и «систему выслугъ», то увидимъ, что и послѣдній отнесся къ вопросу со вниманіемъ и что выводы того и другого въ общемъ сходятся, хотя постановка дѣла у нихъ нѣсколько различная. Во всякомъ случаѣ обѣ работы дополняютъ взаимно другъ друга.

Digitized by Google

укрѣпленіи власти (но вѣдь власть эта и не уменьшалась!), но и объ увеличеніи *матеріальныхъ средствъ*. Извѣстно, что они для этихъ цѣлей прибѣгли къ помощи *нѣмецкой колонизаціи* и стали раздавать нѣмцамъ участки въ «помежномъ» лѣсу и водворять нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ своихъ городахъ. Этимъ они конечно подрывали самобытную крѣпость государства.

Если государи XIII в. ослабляли этимъ государство и подготовляли опасный кризисъ, то, замѣчаетъ нашъ авторъ, «справедливость требуетъ сказать, что они же придали совсѣмъ другой характеръ тому учрежденію, которое было введено ихъ предшественниками и являлось шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія государственности». «Мы имѣемъ въ виду, прибавляетъ онъ, *иммунитетъ или «крѣпость»*. Здѣсь авторъ, какъ видимъ, уже заранѣе намѣчаетъ, но, надо сказать, очень ужъ неяснымъ намёкомъ, свой оригинальный взглядъ на это учрежденіе, какъ на плодъ самобытнаго развитія, которымъ государи сумѣли воспользоваться для укрѣпленія своей власти въ странѣ и которое оказывается, такимъ образомъ, естественнымъ и необходимымъ факторомъ государственнаго развитія... Посмотримъ же, какъ г. Ясинскій обосновываетъ и доказываетъ это свое во всякомъ случаѣ оригинальное воззрѣніе.

Изъ числа грамотъ XII—XIII в. выдѣляются грамоты, предоставляющія землевладѣльцамъ право суда и разныя льготы. Эти права называются *льготами* и *иммунитетами*, такъ что и грамоты называются льготными и «иммунитетными», а субъекты права—«свободными» и «крѣпкими» (liberi et immunes). Изученіе вопроса о характерѣ и происхожденіи иммунитета затруднено отсутствіемъ подлинныхъ грамотъ изъ времени ранѣе конца XII вѣка. Палацкій считалъ древнѣйшія грамоты Бревновскую 993 г., Райградскую 1045 и 1048 гг., Болеславскую 1052 и друг. составленными только въ XIII в. на основаніи болѣе раннихъ дипломовъ, а возникновеніе привилегій и иммунитетовъ онъ относилъ къ нач. XIII в. (Премыслъ Оттокаръ I). Томекъ и Дудикъ, соглашаясь съ Палацкимъ относительно первыхъ, все-

Digitized by Google

таки считали подлинными нѣкоторыя грамоты второй половины XII в. и по нимъ считали возможнымъ опредѣлить характеръ иммунитета. И Томекъ и Дудикъ называютъ рядъ грамотъ (второй половины XII в.), которыя они считаютъ подлинными. Но ни тотъ, ни другой однакожъ не представили ничего въ оправданіе своего мнѣнія. По взгляду нашего автора Палацкій былъ не правъ, считая самое упоминаніе объ иммунитетѣ въ актахъ XII в. доказательствомъ ихъ неподлинности. Онъ ссылается на разсказъ Сазавскаго монаха о томъ, что уже въ серединѣ XII в. нѣкоторые монастыри пользовались судебною властью надъ населеніемъ своихъ владѣній; итакъ «освобожденіе отъ земскаго права» можетъ встрѣчаться въ грамотахъ XII вѣка. На этомъ основаніи г. Ясинскій считаетъ возможнымъ для характеристики иммунитетовъ XII вѣка воспользоваться сохранившимися въ оригиналахъ грамотами (Оломуцкою 1144 г., Градищенскою 1160 г., Кладорубскою 1177 г. и второю Вышеградскою 1187 года).

Оказывается, что напр. по Оломуцкой грамотѣ 1144 г. населеніе, сидѣвшее на землѣ Оломуцкой церкви, освобождалось отъ юрисдикціи моравскихъ удѣльныхъ князей, отъ всякихъ платежей и повинностей, такъ какъ зависѣло отъ епископа опредѣлить мѣру участія церковныхъ (поданныхъ) людей въ общеземскомъ бремени. Таково же приблизительно содержаніе и другихъ названныхъ грамотъ. Изъ нихъ видно впрочемъ, что первоначально не существовало опредѣленнаго и установившагося *типа иммунитета*; но къ половинѣ XIII в. успѣлъ сложиться опредѣленный кругъ льготъ, въ него входившихъ. Встрѣчается и общая ссылка на льготы безъ подробнаго ихъ перечисленія. Особенною извѣстностью пользовался и считался образцовымъ иммунитетъ, полученный Велеградскимъ монастыремъ, такъ что «льготы велеградскія» потомъ прямо давались другимъ церковнымъ корпораціямъ. Велеградская грамота (сохранилась въ оригиналѣ 1228, но первоначальный дипломъ, которому послѣдній служитъ подтвердительнымъ, относится ко времени 1202 —

Digitized by Google

1222 г.), какъ типъ иммунитета начала XIII в., можетъ служить для характеристики этого учрежденія.

Авторъ здѣсь подробно перечисляетъ льготы, данныя Велеградскому монастырю; мы упомянемъ ихъ вкратцѣ: 1) Освобожденіе отъ даней и платежей; 2) отъ земскихъ повинностей; 3) поступленіе въ пользу монастыря имущества лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ — на свѣтскомъ и королевскомъ судахъ; 4) вызовъ къ суду людей церковныхъ (или монастырскихъ) не иначе какъ черезъ монастырскаго приказчика; 5) наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ духовнаго лица; 6) запрещенье королевскимъ ловчимъ и псарямъ ночевать въ монастырскихъ селахъ; 7) то же относительно пановъ; 8) о безпошлинномъ провозѣ предметовъ, идущихъ для нуждъ монастырскихъ.

Итакъ государи, въ сущности, не освобождали населеніе отъ военной повинности и земскихъ работъ, а только передавали распоряженіе ими въ руки церковныхъ корпорацій и землевладѣльцевъ. Затѣмъ рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ относилось къ юрисдикціи дворцоваго вѣдомства.

Такимъ образомъ, государи ставили церковныхъ землевладѣльцевъ *въ положеніе органовъ областного управленія*. Если они при этомъ теряли нѣкоторую часть доходовъ, то за то создавали разницу между высшей и низшей юрисдикціей и положили начало централизаціи, относя извѣстныя дѣла къ компетенціи дворцовыхъ судей.

Томекъ справедливо старался объяснить возникновеніе иммунитетовъ условіями мѣстной жизни. Выясняя характеръ отношеній каштеляновъ и областныхъ чиновниковъ къ населенію, онъ видитъ въ иммунитетахъ мѣру къ огражденію интересовъ жителей отъ притѣсненій и грабительства должностныхъ лицъ. Допуская, что нѣкоторые государи (напр. Собѣславъ II, см. на стр. 55) могли руководствоваться такими соображеніями, г. Ясинскій вообще противъ объясненія г. Томка и видитъ въ развитіи этого явленія другіе мотивы. Такъ какъ областные правители бывали виновниками многихъ смутъ въ странѣ, то государи чув-

Digitized by Google

ствовали де потребность ограничить ихъ власть и создать имъ *противовѣсъ*. И вотъ чешскіе государи, какъ высшіе собственники церковныхъ (и монастырскихъ) земель и имѣя въ своемъ распоряженіи назначеніе на должности прелатовъ и проч., пользуются церковными корпораціями (передавая имъ часть областной администраціи) «въ дѣлѣ укрѣпленія своей власти и положенія въ странѣ».

Разсмотрѣвъ характеръ иммунитетовъ и причины, вызвавшія ихъ поощреніе со стороны высшей власти, авторъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи этого установленія. Въ чешской исторіографіи господствуетъ убѣжденіе, что иммунитетъ — иностранное учрежденіе, способствовавшее упадку чисто-славянскихъ порядковъ въ странѣ. Авторъ приводитъ мнѣнія Палацкаго, Дудика, Челяковскаго, которые всѣ отрицаютъ самобытность иммунитета и видятъ въ немъ проводникъ иноплеменныхъ началъ, чуждыхъ правовыхъ обычаевъ и норм... Такое мнѣніе о вліяніи иммунитетовъ г. Ясинскій не считаетъ возможнымъ принять «по крайней мѣрѣ для XII — XIII в.», прибавляетъ онъ (см. стр. 161). Но эта оговорка или ограниченіе для насъ не совсѣмъ понятны: рѣчь идетъ не объ извѣстной ограниченной эпохѣ, а о государственномъ развитіи Чехіи вообще; если допустить, что иммунитеты имѣли такое вліяніе и такія послѣдствія въ болѣе позднее время, то надо признать, что это было въ ихъ природѣ и характерѣ: вліяніе и роль ихъ были одинаковы съ самаго начала, — только они были сперва не такъ замѣтны и ощутительны. Тутъ не можетъ быть никакого третьяго рѣшенія!

Далѣе указываетъ онъ, что въ большинствѣ случаевъ въ иммунитетахъ судъ областныхъ правителей замѣнялся судомъ государя и его представителями; а населеніе, при переходѣ юрисдикціи въ руки церковнаго землевладѣльца, имѣло право обжаловать дѣло въ судѣ областномъ. Наконецъ выдвигается и то, что право, которое является въ иммунитетныхъ грамотахъ, есть всетаки *земское право — обычное* чешское право, на что есть и прямыя указанія въ источникахъ.

Digitized by Google

«Что же касается самой формы изучаемаго учрежденія», продолжаетъ авторъ (разумѣя, что ранѣе рѣчь шла о самой его сути, т. е. принципѣ изъятія части населенія отъ подчиненія общему правовому положенію), то «нѣтъ основанія считать ее заимствованной у нѣмцевъ или другого народа», ибо все де въ иммунитетахъ объясняется мѣстными условіями. Должно принять во вниманіе, что типъ чешскаго иммунитета опредѣлился лишь во 2 четверти XIII в., и первые иммунитеты отличались большимъ разнообразіемъ, что̀ тоже говоритъ въ пользу самобытности, ибо при заимствованіи иммунитетъ съ самаго начала явился бы съ вполнѣ опредѣленными формами. Наконецъ — послѣднимъ сильнымъ, по мнѣнія автора, аргументомъ для него служитъ то, что *однородное съ иммунитетомъ учрежденіе* мы видимъ въ Московскомъ государствѣ XV в., котораго строй слагался болѣе самобытно и «во всякомъ случаѣ безъ вліянія западно-европейской культуры».

По мнѣнію автора, сравненіе чешскихъ иммунитетовъ съ *московскими жалованными грамотами* можетъ заставить воздержаться отъ поспѣшныхъ заключеній о заимствованіи. Дѣло въ томъ, что въ нихъ почти всегда встрѣчаемъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Въ подтвержденіе приводится рядъ примѣровъ изъ такихъ московскихъ грамотъ, который заставляетъ заключить, что «кажется, не останется въ чешскихъ иммунитетныхъ грамотахъ ни одного пункта, которому не имѣется соотвѣтственнаго и однороднаго по содержанію въ московскихъ жалованныхъ...» Мы готовы признать, что такое сопоставленіе любопытно и имѣетъ значеніе, но въ виду важности и существенности вывода, который авторъ дѣлаетъ изъ этого сравненія и которымъ опредѣляется весь результатъ его изслѣдованія, этотъ вопросъ объ аналогичности и однородности явленій въ Чехіи XII в. и въ Московскомъ государствѣ XV в. долженъ бы былъ быть изслѣдованъ внимательнѣе и глубже, именно въ отношеніи къ самобытности московскихъ иммунитетовъ, и едва-ли можно было ограничиться догматическимъ заявленіемъ, что въ русскомъ

Digitized by Google

государственномъ строѣ XV в. не могло быть никакихъ чуждыхъ вліяній...

Итакъ, руководствуясь своимъ сопоставленіемъ, г. Ясинскій рѣшительно высказывается въ пользу самобытности иммунитетовъ у всѣхъ народовъ при наличности извѣстныхъ условій. Но до сихъ поръ была рѣчь лишь объ иммунитетахъ, предоставляемыхъ церковнымъ корпораціямъ. Что же касается иммунитетовъ, выдаваемыхъ *частнымъ лицамъ*, то таковые относятся къ болѣе позднему времени (не ранѣе начала XIII в.)[1]). При всей скудости грамотъ XIII в., можно все-таки опредѣлить характеръ и особенности частныхъ иммунитетовъ. Большая часть сохранившихся подобныхъ грамотъ относится къ Моравіи, изъ чего авторъ заключаетъ, что привиллегированное землевладѣніе особенно успѣшно развивалось въ Моравіи. Оказывается, что паны, подражая королямъ, освобождали пожертвованныя ими сёла отъ подсудности представителямъ ихъ же помѣщичьей юрисдикціи, отъ всякихъ платежей и повинностей.

При всей бѣдности содержанія иммунитетныхъ грамотъ частныхъ лицъ въ Чехіи (сравнительно съ моравскими церковными, въ нихъ главнымъ образомъ мы видимъ освобожденіе отъ повинностей), мы однако-же усматриваемъ въ нихъ опредѣленную мысль или особый характеръ: государи XIII в. не даромъ отступали въ нихъ отъ практики своихъ предшественниковъ. Передача правъ областныхъ чиновниковъ въ руки землевладѣльцевъ-прелатовъ не была опасна для власти государя по вышеотмѣченнымъ причинамъ. Но иное дѣло было съ иммунитетами частныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, такъ какъ ихъ составъ опредѣлялся обычаемъ наслѣдованія, а не волею государя, и полагаться на нихъ было труднѣе. Да и пользованіе иммунитетами отдѣльными фамиліями въ цѣломъ рядѣ поколѣній могло создать

1) Въ примѣч. на стр. 164 авторъ оспариваетъ утвержденіе Томка относительно одной грамоты, заставлявшей относить иммунитеты частныхъ лицъ уже къ XII в. Во всякомъ случаѣ и примѣръ характеренъ и толкованіе г. Ясинскаго любопытно.

Digitized by Google

традиціи и привязанность населенія. Если государи и имѣли нѣкоторое вліяніе на этотъ классъ путемъ раздачи королевскихъ имуществъ, то во всякомъ случаѣ они не могли ручаться за вѣрность дѣтей и наслѣдниковъ одаренныхъ. Итакъ относительно высшей шляхты, пановъ — нашъ авторъ приходитъ къ такому общему выводу. До установленія единодержавія они пользовались смутами и отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи для воздѣйствія на общественно-политическія дѣла. А съ начала XIII в. они стали постепенно пріобрѣтать права полной собственности (т. е. надъ выслугами), освобожденіе отъ повинностей и право суда надъ населеніемъ (однакожъ это очень рѣдко въ Чехіи!) и «становились такой силой, которая могла произвести въ странѣ измѣненіе общественно-политическаго строя въ свою пользу». На этомъ и оканчивается эта глава о власти государя и о положеніи знати. Общій результатъ таковъ, что до XIII в. власть чешскаго государя остается во всей своей полнотѣ и силѣ, но что обнаруживаются однако во внутренней жизни страны такія явленія, которыя заставляютъ государей думать объ укрѣпленіи своей власти: съ одной стороны они прибѣгаютъ къ нѣмецкой колонизаціи въ матеріальномъ расчетѣ, а съ другой — къ иммунитетной системѣ въ видахъ парализованія значенія и власти областныхъ правителей, — системѣ, которая возникаетъ и развивается, впрочемъ, вполнѣ самобытно и естественно. Но какъ покровительство иноземной колонизаціи въ извѣстномъ отношеніи ослабляло народныя силы и подготовляло опасный кризисъ, такъ и въ отношеніяхъ государя къ знати и въ развитіи иммунитетовъ оказывается невыгодная сторона: они помогаютъ высшей шляхтѣ, панамъ пріобрѣсти силу, способную постепенно привести (а впослѣдствіи и приводящую) къ существенному измѣненію общественнаго строя и къ ограниченію въ свою пользу государевой власти.

Очевидно, эти выводы г. Ясинскаго, основанные на обстоятельномъ изслѣдованіи, должны быть признаны важными и цѣнными. Обоснованіе правильнаго взгляда на власть государя до

Digitized by Google

XIII в., изслѣдованіе о «выслугахъ» и «иммунитетахъ»—его положительная заслуга, хотя мы и не можемъ считать особенно послѣдняго вопроса вполнѣ удовлетворительно рѣшеннымъ или исчерпаннымъ.

Съ точкой зрѣнія автора на *иммунитеты,* какъ на плодъ органическаго и самобытнаго развитія, мы не можемъ согласиться, хотя и мы далеки отъ мысли видѣть въ нихъ простое, какъ-бы механическое заимствованіе или перенесеніе чужого порядка на чешскую почву. Несомнѣнно, въ областной жизни Чехіи, въ отношеніяхъ къ ней власти государя и во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества были такія явленія и условія, которыя способны были побудить государей къ нѣкоторымъ нововведеніямъ и мѣрамъ для огражденія ихъ правъ и интересовъ и укрѣпленія ихъ власти, и мѣры эти имъ до нѣкоторой степени подсказывались, вѣроятно, самою жизнью и существовавшими въ ней теченіями и наклонностями, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобъ такое установленіе, какъ иммунитеты, могло *самобытно* возникнуть на чешской почвѣ, именно подъ вліяніемъ такихъ государственныхъ потребностей и цѣлей... Для ограниченія власти и юрисдикціи областныхъ правителей могли найтись болѣе прямыя средства въ постепенной централизаціи управленія и расширеніи юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ. Надо думать, что иммунитетъ былъ скорѣе фактомъ, возникшимъ независимо отъ прямыхъ государственныхъ или государевыхъ нуждъ, но такимъ, съ которымъ приходилось считаться и изъ котораго государи старались даже извлечь для себя пользу. Очень вѣроятно, что они (особенно въ первое время) видѣли въ иммунитетахъ для себя довольно выгодный противовѣсъ значенію и власти областныхъ правителей, и потому поощряли ихъ. Сами же землевладѣльцы (и церковныя корпораціи, и частныя лица) не могли, конечно, не дорожить подобными правами, дававшими имъ и власть, и независимость. Но могла — замѣтимъ мы еще отъ себя — въ этомъ развитіи иммунитетовъ быть еще другая причина. Мы знаемъ объ обычаѣ даренія земель и доходовъ

Digitized by Google

съ нихъ монастырямъ и лицамъ и проч. небольшими клочками въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ и концахъ страны, такъ что эти землевладѣльцы (церкви, монастыри, лица, потомъ грады и замки) владѣли недвижимостями чрезвычайно разбросанными (въ различныхъ областяхъ). Это обстоятельство и побуждало ихъ особенно добиваться освобожденія ихъ земель и ихъ зависимаго населенія отъ мѣстной областной юрисдикціи и земскаго управленія для объединенія и сосредоточенія управленія ими въ своихъ рукахъ, что̀ представляло большое удобство и преимущество и считалось стремленіемъ естественнымъ и безвреднымъ. Но какъ бы то ни было, мы не считаемъ возможнымъ признать, чтобъ иммунитетъ, какъ факторъ и важный моментъ въ разложеніи земскаго строя, возникъ первоначально и непосредственно на славянской (чешской) почвѣ и былъ самобытнымъ ея продуктомъ... Это не есть нѣчто неизбѣжное и органическое въ извѣстномъ фазисѣ государственнаго развитія вообще, а есть нѣчто болѣе типическое (въ смыслѣ народно-культурномъ)... Иммунитеты выросли на западѣ, пустили тамъ корни, и были извѣстны конечно и въ Чехіи (высшимъ сферамъ, примкнувшимъ къ западно-европейской культурѣ) еще до возникновенія въ ней условій и потребностей, вызвавшихъ ихъ примѣненіе. Мы убѣждены, что именно римская церковь со своимъ на западѣ вполнѣ установившимся правовымъ строемъ и обычаями была главнымъ иниціаторомъ и проводникомъ въ прививкѣ многихъ юридическихъ установленій и формъ западно-славянскимъ государственнымъ организмамъ, въ данномъ случаѣ — *системы иммунитетовъ*. Не даромъ прежде всего эта система стала примѣняться къ церковному землевладѣнію. Къ сожалѣнію, какъ мы уже отмѣчали выше, нашъ авторъ не посвятилъ должнаго вниманія этому фактору, т. е. вліянію римской церкви въ развитіи соціально-политическихъ отношеній Чехіи, и въ «паденіи земскаго строя». Что касается сопоставленія иммунитетовъ чешскихъ съ московскими жалованными XV в., то слѣдовало, вмѣсто голословнаго утвержденія самобытности послѣднихъ, вникнуть въ вопросъ о ихъ

Digitized by Google

происхожденіи, и тогда, быть можетъ, еслибъ и оказались аналогіи, то едва-ли въ смыслѣ воззрѣнія автора о самобытности...

Въ слѣдующемъ послѣ V главы «*Заключеніи*» мы, вопреки ожиданію, не находимъ обсужденія въ связи и въ цѣломъ занявшихъ автора вопросовъ и результатовъ его изслѣдованія, а между тѣмъ такое обсужденіе можетъ быть привело бы автора къ сознанію нѣкоторыхъ существенныхъ пробѣловъ въ исполненіи поставленной задачи (на которые мы отчасти уже имѣли случай указать) и необходимости ихъ пополнить.

Вмѣсто того, заключеніе посвящено дополнительному изслѣдованію частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ темами первыхъ двухъ главъ. Первый изъ этихъ вопросовъ, именно о причинахъ, побуждавшихъ зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимости, мы включили въ наше изложеніе I-ой главы. Результаты разбора второго — *о зависимыхъ шляхтичахъ* передадимъ вкратцѣ здѣсь. Авторъ находитъ, что тѣ-же причины, которыя повліяли на судьбу дѣдичей, обращавшихся въ зависимыхъ людей, оказали вліяніе и на судьбу *шляхтичей*. Многія лица этого послѣдняго класса, будучи стѣснены въ своихъ малыхъ помѣстьяхъ, принуждены были искать хлѣба на сторонѣ и стали въ ряды зависимыхъ людей. Они не могли перейти въ положеніе цензуаловъ, но образовали особый классъ зависимой шляхты. Какъ видно изъ Косьмы Пражскаго, таковая существовала уже въ XI вѣкѣ. Въ это время у пановъ были уже свои отряды изъ этихъ шляхтичей. То-же видимъ и въ извѣстіяхъ XII в. Такихъ зависимыхъ шляхтичей имѣлъ при себѣ не только епископъ, но даже и государи (въ XIII в.). Эти факты даютъ возможность рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ источникахъ XII в. слово *жупанъ* (comes). Оказывается, что это слово примѣнялось къ тѣмъ, у кого была вооруженная свита, отрядъ зависимыхъ шляхтичей. Для обозначенія послѣднихъ въ источникахъ XII и XIII в. употребляется цѣлый рядъ терминовъ (которые здѣсь приводятся).

Digitized by Google

Далѣе авторъ характеризуетъ матеріальное положеніе зависимыхъ шляхтичей: за свою службу они получали села и землю во владѣніе, но это было въ большинствѣ случаевъ лишь пользованье, и лишь изрѣдка на правахъ собственности. Владѣніе обусловливалось обыкновенно самою службою патрону и его наслѣдникамъ. Съ прекращеніемъ службы утрачивалось и право на владѣніе. По этому поводу авторъ даетъ весьма правдоподобное объясненіе одной грамоты 1197 года въ смыслѣ высказаннаго имъ взгляда. Шляхтичи, пользуясь доходами съ земель, имъ предоставляемыхъ, обязаны были исправно нести военную службу; но въ случаѣ отдаленныхъ, заграничныхъ походовъ, имъ не хватало средствъ, и они получали еще денежное вспомоществованіе. На этомъ основаніи можно думать, что связь между зависимой шляхтой и панами была личнаго характера; ихъ право на владѣніе землей прекращалось, если патронъ умиралъ, или имѣніе переходило въ другія руки. Нужда заставляла многихъ представителей земской шляхты итти въ этотъ классъ, а въ странѣ постепенно создавался «классъ лицъ, услугами которыхъ не замедлили воспользоваться въ своихъ интересахъ богатые землевладѣльцы». Этимъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе, и въ заключеніе повторяетъ, «подводя ему итоги», уже извѣстный намъ свой выводъ о «самобытномъ развитіи общественнаго и государственнаго строя въ Чехіи въ теченіе земскаго періода» и о томъ, что переходъ къ новому «обусловливался не вліяніемъ нѣмецкаго права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созрѣвшими въ нѣдрахъ чешскаго государства».

Оцѣнивая отдѣльныя главы работы г. Ясинскаго, мы до сихъ поръ приходили къ одному и тому-же заключенію, что его собственныя изысканія и положенія не могутъ оправдать его только-что приведенной общей мысли или вывода. Намъ остается еще установить, нѣтъ ли вѣскихъ и убѣдительныхъ въ ея пользу данныхъ и доводовъ въ разобранной (V-ой) главѣ — о власти государя и положеніи знати.

Digitized by Google

Выше, по поводу изслѣдованія автора о зависимыхъ людяхъ и образованіи классовъ населенія, мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на процессъ постепеннаго соціальнаго преобразованія и измѣненія общественно-политическихъ формъ, обусловливающихъ ростъ и развитіе государственнаго организма: что именно опредѣляющимъ и рѣшающимъ въ немъ моментомъ являются не естественно и самостоятельно возникающія въ народной массѣ потребности, нужды и интересы, какъ это представляетъ себѣ г. Ясинскій, а главнымъ образомъ та реальная, дѣятельная и власть имѣющая сила, располагающая и правомъ и моральнымъ авторитетомъ, которая воплощается въ особѣ главы государства (или племенного союза) и въ примыкающемъ къ нему высшемъ слоѣ народа,—что, однимъ словомъ, толчекъ и направленіе въ этомъ процессѣ дается не снизу, а сверху... Въ послѣдней главѣ своей книги нашъ авторъ весьма ясно и отчетливо охарактеризовалъ неослабѣвающую въ XI—XII в. власть и силу государей чешскихъ, ихъ неограниченный авторитетъ и иниціативу во всѣхъ сферахъ внутренней и внѣшней жизни, а этимъ онъ, разумѣется, только утверждаетъ насъ въ нашемъ воззрѣніи. Не болѣе говорятъ въ пользу правильности его точки зрѣнія и другія разобранныя имъ въ этой главѣ явленія. Объ иммунитетахъ мы уже высказались выше. Что же касается постепеннаго усиленія знати, пріобрѣтенія ею привиллегій и сложенія въ особое сословіе, стремящееся къ ограниченію въ свою пользу власти государя, то и къ этому процессу мало примѣнимы понятія самобытности и органическаго развитія. Во-первыхъ, онъ въ началѣ обусловливается преимущественно нуждами и интересами самой высшей власти, а затѣмъ всей внутренней политикой государей, во-вторыхъ, онъ происходитъ несомнѣнно подъ рано начавшимся вліяніемъ идей и культурно-историческаго міровоззрѣнія сосѣдняго германскаго и вообще западно-европейскаго міра, гдѣ раздѣленіе общества на классы и обособленіе высшей шляхты или знати въ привиллегированное сословіе, призванное дѣлить власть съ государемъ и совмѣстно управлять и

Digitized by Google

опекать нисшіе классы, т. е. народъ,— было типичнымъ и характернѣйшимъ признакомъ его соціальнаго строя.

Итакъ, всѣ разобранные г. Ясинскимъ моменты и факторы въ преобразованіи общественнаго и государственнаго строя, или, иначе говоря, въ «паденіи земскаго строя», были обусловлены не столько дѣйствительными потребностями и интересами жизни самого народа, сколько стремленіями и тенденціями высшей власти и ея пособниковъ, а также силою внѣшнихъ культурныхъ и политическихъ вліяній, а потому они, по крайнему нашему разумѣнію, безсильны для обоснованія теоріи о самобытномъ и органическомъ развитіи... Но мы не разъ уже указывали, что авторъ почему-то ограничилъ произвольно свой кругозоръ и почти оставилъ въ сторонѣ не разобранными и неоцѣненными именно тѣ элементы и факторы въ занимающемъ насъ процессѣ, которые преимущественно заключали въ себѣ столь умаляемую имъ силу внѣшнихъ чужеземныхъ вліяній. Между тѣмъ, разъ онъ хотя «до извѣстной степени» допускаетъ такія вліянія, ему обязательно слѣдовало обратить равномѣрно вліяніе и на то, въ чемъ наиболѣе сказывалось и что наиболѣе служило проводникомъ этихъ культурныхъ и соціальныхъ воздѣйствій и теченій со стороны того культурнаго міра, къ которому Чехія такъ тѣсно примкнула.

Мы разумѣемъ тутъ весьма рано начавшуюся нѣмецкую колонизацію, могущественныя въ общественной и народной жизни торговыя отношенія и связи съ чужеземцами, открывшія путь нѣмецкому праву въ Чехію, затѣмъ въ особенности — римскую церковь съ ея строемъ, установленіями и совершенно обособленнымъ классомъ ея служителей — духовенствомъ, наконецъ связанную съ ней латино-нѣмецкую образованность и литературу, которыя не могли не быть также могучими проводниками западноевропейскихъ идей, понятій нравовъ и вообще культуры. Съ обращеніемъ къ Римской церкви, съ развитіемъ разнородныхъ сношеній съ сосѣдями, со вступленія Чехіи такъ сказать въ политическое русло западной Имперіи — всѣ эти явленія и факторы

Digitized by Google

стали развиваться и укореняться, получая вмѣстѣ съ тѣмъ поддержку со стороны верховной власти.

Если государи, какъ мы видѣли, нуждались въ сильномъ войскѣ для обороны страны и для выполненія своихъ обязательствъ передъ Имперіей и, руководствуясь примѣромъ запада, создали классъ людей обязанныхъ военною повинностью, чѣмъ способствовали образованію шляхты; если они для личной своей безопасности и ради внѣшняго престижа и блеска окружили себя придворными должностными лицами, которыми затѣмъ стали пользоваться для цѣлей централизаціонныхъ, для изъятія извѣстныхъ вѣдомствъ и цѣлыхъ территорій (иммунитетныхъ) изъ-подъ областной юрисдикціи; если они рядомъ мѣропріятій (особенно привиллегіями) старались подорвать власть областныхъ правителей, и тѣмъ способствовали разложенію областной или градской организаціи, — то точно такъ-же они же, ради своихъ интересовъ (укрѣпленія власти и увеличенія средствъ), стали поощрять нѣмецкую колонизацію, и рядомъ съ тѣмъ чужеземную торговлю и промышленность, а позже созданіе новаго мѣщанскаго сословія въ городахъ на нѣмецкомъ (или выработанномъ на нѣмецкой основѣ) правѣ; наконецъ, точно такъ же имъ, чешскимъ государямъ, обязана въ значительной степени своей ролью, вліяніемъ и силою *католическая церковь* съ ея могущественными представителями и учрежденіями (монастырями, потомъ духовными орденами и т. д.). Тутъ служили у нихъ побужденіемъ во-первыхъ сильно развитое религіозное чувство и усердіе, заставлявшее ихъ одарять церкви и монастыри, въ чемъ ихъ примѣру слѣдовали и частныя лица изъ шляхты и крупныхъ землевладѣльцевъ, а потомъ и мелкіе; земли отдавались во «спасеніе души» владѣльцевъ-патроновъ и ихъ потомства и назывались (какъ и люди, отдаваемые на тѣхъ же основаніяхъ) «задушными». А во-вторыхъ къ тому-же побуждалъ ихъ и собственный интересъ главныхъ собственниковъ и наслѣдниковъ (по выморочному праву) всѣхъ такихъ церковныхъ владѣній: государь при такихъ дареніяхъ сохранялъ свои верховныя права собственности и распо-

Digitized by Google

ряженія надъ церковными землями, которыя даже числились въ вѣдѣніи королевской казны, хотя управленіе ими было мало-помалу предоставлено церковнымъ корпораціямъ. Такимъ путемъ неизмѣримыя земельныя территоріи попали въ руки церкви и духовенства. Хотя до XIII в. верховныя права государя на церковныя имущества и не подвергались сомнѣнію, и уступки дѣлались лишь въ дѣлѣ управленія ими, но уже въ XII в. замѣтна нѣкоторая перемѣна въ отношеніи къ этому предмету государя и правительственной власти, ибо съ одной стороны государственную казну и страну истощаетъ такая щедрая передача земель во владѣніе церкви и духовенства, а съ другой стороны становится явнымъ стремленіе римской куріи всячески прибрать къ рукамъ эти богатства и ихъ эксплоатировать. Но положеніе уже вполнѣ обостряется въ XIII в., когда въ Римской церкви начинается великое движеніе, и римская курія начинаетъ усиленно вторгаться во внутреннія церковныя дѣла и традиціонныя отношенія. Навязываются реформы (какъ безбрачіе), и постепенно нарушаются права патроновъ церковныхъ земель, и прежде всего самого государя. Налагаемыя папой десятины скоро обращаются въ постоянную правильную дань, а имущества монастырей и другихъ корпорацій объявляются имуществомъ церкви, т. е. Рима и объектомъ его обложеній. Разумѣется, государи не могутъ сразу сойти съ своей точки зрѣнія на церковныя имущества и поступиться своими правами. Но въ концѣ концовъ они вынуждены уступать въ этой борьбѣ. Подъ вліяніемъ папской куріи развиваются и церковныя привиллегіи. Притязанія церковныхъ корпорацій въ этомъ отношеніи энергически поддерживаются Римомъ, и этимъ объясняется широкая и щедрая раздача иммунитетныхъ правъ, освобождающихъ населеніе епископскихъ и монастырскихъ земель отъ юрисдикціи областной и земской. Государи нехотя уступаютъ притязаніямъ Рима, но дѣло не обходится безъ борьбы. Нечего и говорить, какую важную и существенную роль должна была играть при такихъ условіяхъ римская церковь съ ея строемъ и правами въ развитіи соціальныхъ

Digitized by Google

отношеній и государственности въ Чехіи. Очень жаль, что г. Ясинскій не посвятилъ этому вопросу особеннаго разслѣдованія, какъ это сдѣлалъ г. Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, отведя «соціальному вліянію христіанско-церковныхъ организацій» цѣлую половину II-го тома [1]). Но вліяніе церкви не исчерпывается сказаннымъ [2]). Мы уже упоминали, что она же съ ея духовной литературой и латинствомъ — проводникъ западно-европейской образованности и культуры, а вмѣстѣ и германизаціи, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій элементъ былъ очень сильно представленъ въ высшемъ духовенствѣ тѣхъ раннихъ вѣковъ. Нашъ авторъ повидимому придаетъ слишкомъ мало вѣса и значенія такимъ культурнымъ вліяніямъ въ сферѣ общественнаго и государственнаго развитія. Но, говоря о важномъ и существенномъ вліяніи германскаго міра и нѣмецкой національности въ соціально-государственномъ развитіи Чехіи, и въ частности въ процессѣ «паденія земскаго строя», ни мы, ни другіе отнюдь не думаемъ непремѣнно о прямыхъ заимствованіяхъ и пересадкѣ на чешскую почву нѣмецкихъ учрежденій и правовыхъ формъ. Тутъ разумѣются по преимуществу вліянія совсѣмъ иного порядка, гораздо болѣе тонкія и неуловимыя, которыя воспринимаются безсознательно и незамѣтно. Вліяли духъ и характеръ жизни и учрежденій, міровоззрѣніе, понятія, вкусы, проникавшіе въ общественную и частную жизнь Чеховъ изъ сосѣдняго нѣмецкаго міра. Постоянныя многоразличныя сношенія съ Германской имперіей, сожительство съ нѣмцами — и пограничными, и колонизующими края и города Чехіи — не могли не отражаться на складѣ понятій и привычекъ чешскаго общества (особенно придворныхъ сферъ и высшаго класса), направляли ихъ вкусы и симпатіи въ извѣстную сторону, и такимъ путемъ, при особенно усердномъ содѣйствіи церкви,

1) Lippert, Social-Geschichte Böhmens. II. 1. Der sociale Einfluss der christlich-kirchlichen Organisationen, стр. 1—124.

2) Не забудемъ, напр., сильное поощреніе церковью (монастырями) нѣмецкой колонизаціи, а также стремленіе церкви приготовить себѣ союзниковъ въ знати, усиленіе которой на счетъ власти государя было въ ея интересахъ.

Digitized by Google

духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру соціальныя понятія, принципы и взгляды на государственныя и церковныя отношенія. А между тѣмъ эти принципы и понятія опредѣляли то направленіе, въ которомъ по иниціативѣ государя — сперва подъ вліяніемъ его нуждъ и стремленій и въ интересахъ его власти, а въ концѣ концовъ въ ущербъ его самодержавію и независимости — совершалось пересозданіе стараго земскаго строя въ сословно-привиллегированное государственное устройство западнаго типа [1]).

Но не соглашаясь рѣшительно съ общимъ выводомъ автора относительно самобытности развитія чешскаго государства и признавая въ немъ большое увлеченіе въ смыслѣ полнаго отрицанія общепринятаго взгляда, а въ основѣ его нѣкоторыя заблужденія, мы тѣмъ не менѣе, какъ это могъ видѣть читатель, готовы признать за нимъ большую заслугу въ разъясненіи и оцѣнкѣ сложныхъ и неясныхъ, благодаря скудости источниковъ, явленій и моментовъ внутренней соціальной исторіи Чехіи.

Намъ остается теперь подвести общій итогъ нашему разбору, формулировать по возможности кратко какъ главные недостатки и пробѣлы, такъ и положительныя стороны и достоинства интересной работы г. Ясинскаго.

Увлекшись чрезвычайно интересной, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне широкой и сложной темой, г. Ясинскій задумалъ обнять и осилить ее въ сравнительно небольшомъ разсужденіи. Послѣд-

---

1) Такое вполнѣ естественное и неотвратимое культурное вліяніе нѣмецкаго міра, въ сферу котораго былъ втянутъ молодой, только-что принявшій христіанское просвѣщеніе и мало культурный славянскій народъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду и Палацкій и другіе чешскіе историки. Если они, быть можетъ, нѣсколько увлекались, приписывая слишкомъ многое прямымъ заимствованіямъ и пересадкѣ нѣмецкихъ порядковъ, то не менѣе увлекся и г. Ясинскій въ сторону отрицанія всякихъ вліяній. На вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о культурныхъ вліяніяхъ въ правѣ и въ государственной жизни стоитъ, на нашъ взглядъ, Ѳ. Ѳ. Зигель въ статьѣ «Palacký jakožto historik slovanského prava» въ «Památník» юбилея Палацкаго, v Praze 1898, 499—517.

Digitized by Google

ствіемъ этой коренной ошибки явилось несоотвѣтствіе нѣсколько узкой постановки вопроса и ограниченности рамокъ изслѣдованія съ этой шириною и сложностью темы, и благодаря тому одностороннее ея трактованіе. Въ результатѣ получился и общій выводъ, вызывающій большія сомнѣнія и производящій впечатлѣніе скороспѣлости и нѣкоторой даже тенденціозности... Отчасти автору мѣшалъ углубиться во многіе частные, особенно правовые вопросы недостатокъ спеціально-юридической подготовки, важной для ихъ основательнаго рѣшенія. При всей научности метода автора въ работѣ надъ первыми источниками и въ пользованіи ими, нельзя не отмѣтить у него иногда излишней смѣлости въ обобщеніяхъ. Онъ склоненъ обобщать единичные случаи и факты, особенно когда они говорятъ въ пользу его мысли, не принимая въ расчетъ, что матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, отличается и скудостью и отрывочностью извѣстій, и трудно положиться на то, чтобъ онъ былъ надлежащимъ образомъ исчерпанъ по каждому вопросу. А между тѣмъ дѣло идетъ часто о вопросахъ темныхъ и спорныхъ, гдѣ возможно дѣлать много предположеній и гаданій, но гдѣ особенно нужна осторожность. Это очевидно чувствовалъ и самъ авторъ, обставляя очень ужъ часто свои выводы и положенія такими выраженіями, какъ «кажется», «повидимому», «вѣроятно»[1]), и тѣмъ выражая собственную въ нихъ неувѣренность. Здѣсь же считаемъ нужнымъ упрекнуть автора въ недостаточномъ примѣненіи сравнительнаго метода изслѣдованія, что̀ связано съ вообще не довольно у него широкой постановкой вопроса, тогда какъ тема представляла благодарное поле для такихъ сравнительныхъ наблюденій и сопоставленій какъ въ области вопросовъ славянскихъ древностей и исторіи, такъ и въ области культурныхъ вліяній запада и нѣмецкой народности на славянскія племена вообще. Довольно существеннымъ недостаткомъ изслѣдованія о «паденіи земскаго строя» должны быть признаны отмѣченныя нами не разъ значи-

1) См. стр. 37, 38, 43, 51, 53, 56, 72, 74, 81, 87, 97, 102, 112, 115 и т. д.

Digitized by Google

тельная неопредѣленность и неотчетливость понятійи представленій въ разсужденіяхъ автора, касающихся порядковъ и особенностей земскаго строя. Это есть слѣдствіе того, что онъ упустилъ случай отдать и себѣ и другимъ отчетъ въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія и охарактеризовать сго, т. е. земскій строй ясными и опредѣленными чертами. Произвольно суженныя рамки изслѣдованія и увлеченіе въ сторону извѣстнаго убѣжденія заставили нашего автора, какъ мы видѣли, пренебречь оцѣнкой нѣсколькихъ существенныхъ факторовъ въ процессѣ общественнаго и государственнаго развитія Чехіи, чѣмъ онъ и заслужилъ упрекъ въ односторонности. Такіе важные элементы и двигатели въ соціальной жизни, какъ нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны, и римская церковь съ ея организаціей, культурными и просвѣтительными началами съ другой остались на заднемъ планѣ, неоцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII в., устройствѣ городовъ на нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій не говоритъ совсѣмъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его «земскаго» періода, но едва-ли онъ правъ и въ этомъ. Ограничивъ слишкомъ строго свое изслѣдованіе этимъ періодомъ, онъ обнаружилъ свою зависимость отъ предшественниковъ, которыхъ онъ опровергаетъ[1]), и поступилъ несообразно съ требованіями своей темы, ибо чтобъ имѣть возможность правильно и авторитетно судить о такомъ явленіи, какъ чужеземныя вліянія, и отрицать его силу,—надо его опредѣлить и выяснить тамъ, т. е. въ ту эпоху, когда оно вполнѣ ощутительно, и доказать, что оно было слишкомъ ничтожно или его совсѣмъ не было ранѣе; но г. Ясинскій этого

1) Эту коренную ошибку автора вѣрно отмѣтилъ г. Н. Ястребовъ, удѣляя нѣсколько замѣчаній труду г. Ясинскаго въ своей рецензіи на книгу (I томъ) г. Липперта въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CCCX, 1897, № 4, стр. 491—513, и выразившись такъ (см. стр. 511): «...Принятая отъ противниковъ схема чешской исторіи связала изслѣдованіе г. Ясинскаго уже въ томъ отношеніи, что не позволила ему прослѣдить развивающіеся ряды общественныхъ явленій до ихъ завершенія».

Digitized by Google

не сдѣлалъ: онъ остановился въ своемъ изысканіи на томъ моментѣ, когда оспариваемыя имъ для «земскаго періода» германскія вліянія стали сказываться уже вполнѣ осязательными фактами. Говоря о пробѣлахъ въ исполненіи задачи авторомъ, не можемъ умолчать здѣсь еще объ одномъ элементѣ государственнаго развитія Чехіи, оставленномъ тоже безъ надлежащаго вниманія, о чемъ мы не имѣли случая сказать ранѣе. Мы разумѣемъ вопросъ о чешскихъ «сеймахъ» въ земскій періодъ. Признавая очевидно ихъ существованіе, авторъ къ сожалѣнію не счелъ нужнымъ удѣлить имъ нѣсколько болѣе вниманія въ главѣ о власти государя и о положеніи знати.

Но всѣ эти указанные нами недостатки и пробѣлы въ разобранномъ нами сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Мы уже выше, въ началѣ разбора, охарактеризовали вкратцѣ эти достоинства. Мы должны здѣсь вкратцѣ подтвердить и дополнить сказанное.

Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу, и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ, и эти источники, равно какъ и литература предмета исчерпаны, насколько авторъ, по обстоятельствамъ своимъ, могъ имѣть къ нимъ доступъ. Добросовѣстное отношеніе его къ своему матеріалу внѣ сомнѣнія. Изложеніе — систематическое и строго научное.

Основная мысль г. Ясинскаго, достаточно уже нами оцѣненная, представляетъ во всякомъ случаѣ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи преобладающихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность черезчуръ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все-же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе.

Digitized by Google

Нашъ авторъ послѣ Палацкаго, Томка и другихъ чешскихъ авторитетовъ въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія чешскаго государства и сдѣлалъ попытку уразумѣть тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили то, а не иное развитіе чешскаго государственнаго строя въ XIII в., иначе говоря «историческую необходимость» постепеннаго превращенія «земскаго строя» въ «сословно-привиллегированный»,—и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, чего отрицать невозможно, то это однако-жъ не мѣшаетъ намъ признать за его книгой значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ читатель находитъ множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Если многое въ нихъ остается еще спорнымъ и не довольно убѣдительнымъ, а иное слишкомъ мало обоснованнымъ, то все-же въ общемъ они расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется — и послѣ капитальнаго труда г. Липперта—считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго.

Признавая въ виду всего сказаннаго сочиненіе А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ» (X—XIII вв.), представленное имъ на соисканіе премій проф. А. А. Котляревскаго, «въ значительной степени отличающимся учеными достоинствами» и вполнѣ заслуживающимъ поощренія, я, на основаніи «Правилъ» о нихъ, счелъ бы справедливымъ присужденіе автору за названное сочиненіе половинной преміи.

Профессоръ **Константинъ Гротъ.**

11 августа 1898 г.

Digitized by Google

III.

Отзывъ о сочиненіи О. Пр. Тим. Дим. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверозападные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897».

Представленное на соисканіе премій Котляревскаго сочиненіе профессора Флоринскаго, будучи продолженіемъ представленнаго имъ ранѣе на Ломоносовскую премію и увѣнчаннаго ею въ половинномъ размѣрѣ труда, написано по тому же плану, какъ I-ая часть, и въ общемъ отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками [1]).

Отъ обычнаго порядка изложенія авторъ отступаетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ тѣмъ, что не отводитъ особой главы для діалектологіи: это мы видимъ въ отдѣлѣ полабскаго языка (гдѣ, конечно, нечего и толковать о какихъ-либо говорахъ), а также и въ серболужицкомъ; въ кашубскомъ отдѣлѣ есть небольшая глава о говорахъ (стр. 559—560), но не на томъ мѣстѣ, да и въ лужицкомъ упоминается о говорахъ на стр. 585. Съ другой стороны мы въ настоящемъ томѣ находимъ нѣкоторое распространеніе первоначальнаго плана, а именно краткіе образцы

1) См. мой разборъ этой I-ой части въ Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LXVI).

Digitized by Google

разсматриваемыхъ языковъ и нарѣчій. (Не приводится лишь образцовъ языка полабскаго). Такое дополненіе можно считать не особенно удачнымъ: оно въ грамматикѣ не совсѣмъ умѣстно, а, по краткости приводимыхъ извлеченій, все-равно не замѣнитъ христоматіи.

Авторъ въ предлежащей намъ 2-ой части своихъ лекцій, еще болѣе объемистой нежели 1-ая, посвящаетъ сѣверозападному отдѣлу славянскихъ языковъ 703 страницы, причемъ отводитъ 219 страницъ чешской рѣчи, 125—словацкой, 203—польской, 35—кашубской, 103—серболужицкой и 14—полабской, послѣ чего слѣдуютъ 2 страницы Дополненій и поправокъ и 1½ страницы Опечатокъ.

Рецензентъ употребилъ здѣсь слово «рѣчь», вмѣсто стоящаго въ заголовкахъ разбираемой книги слова «языкъ», такъ какъ остается при убѣжденіи (высказанномъ въ первомъ разборѣ, стр. 4), что словацкій «языкъ» есть *нарѣчіе* словацко-чешскаго языка, кашубскій — *нарѣчіе* польскаго (или, точнѣе, кашубско-польскаго). Довольно подробныя (нѣсколько притомъ многословныя) разсужденія, коими теперь Ф. (стр. 232—239) старается доказать отдѣльность словацкой рѣчи отъ чешской, для меня нисколько не убѣдительны; да и самъ онъ высказываетъ на этотъ счетъ сомнѣніе, говоря, что «вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный (т. е. словацкій) языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остается открытымъ» (стр. 221, 8—9) и что «окончательное рѣшеніе вопроса (о мѣстѣ словацкой рѣчи) въ ту, или другую сторону, конечно, впереди» (стр. 239, сер.); осторожно онъ выразился объ этомъ спорѣ и въ чешскомъ отдѣлѣ (35, 3—8), гдѣ мы читаемъ: «общераспространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками (чешскимъ и словацкимъ), которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій языкъ какъ нарѣчіе чешскаго языка, *едвали можно считать безусловно правильнымъ*». Продолжаю настаивать на томъ, что словацкая

Digitized by Google

рѣчь несомнѣнно ближе къ чешской, чѣмъ польская или серболужицкая, и что довольно многочисленныя особенности ея (перечисленныя у Ф-го на стр. 236, въ 16 пунктахъ) всѣ могутъ быть возведены, обыкновенно даже безъ дальнихъ справокъ, къ полному словацко-чешскому единству: такъ словацкія duša, -u, при чешскихъ duše, -i, предполагаютъ словацко-чешскія duša, -u, слов. more, при чеш. moře—слов.-чеш. moře. Таковы и нѣкоторыя звуковыя черты, коими можно бы дополнить упомянутый перечень, а именно *ie* на мѣстѣ долгаго *e* (chlieb при чеш. chléb, стр. 254), ia при чеш. á (čiara, чеш. čára, 253), ú при чеш. ou (словац. и старочеш. súd при новочеш. soud), появленіе въ двухъ-трехъ словахъ предлога raz вм. roz, напр. rázcesty распутье. Затрудняюсь я нѣсколько только проясненіемъ ъ не въ одно *e*, но и въ *o*, напр. lož при чеш. lež; однако такое же соотношеніе между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ (влуж. rož, нижнелуж. rež), соединенное въ добавокъ съ замѣною ѧ черезъ ja, тогда какъ у нижнихъ лужичанъ ě: тутъ jazyk, hrjada, тамъ—jězyk, grěda (стр. 602, 11—7 снизу), не побуждаетъ Флоринскаго говорить объ отдѣльныхъ лужицкихъ языкахъ. Не прибѣгаетъ онъ также, изъ-за постояннаго *e* вм. ъ въ западнословацкой рѣчи (335, пунктъ 1), къ обособленію ея отъ восточной. Затрудняюсь еще, дѣйствительно весьма нерѣдкимъ, разногласіемъ между чехами и словаками относительно количества гласныхъ, однако не сомнѣваюсь, что и оно можетъ быть сведено къ древнему тождеству. За единство чешской и словацкой рѣчи говоритъ также отмѣчаемое самимъ Ф-мъ (212, прим.) обстоятельство, что авторъ Моравской діалектологіи, Бартошъ, нѣкоторые говоры относилъ сначала къ чешскому языку, а потомъ отнесъ къ словацкому—видно провести здѣсь границу трудно, или прямо невозможно. Что́ касается кашубской рѣчи, то доводы Рамулта (Stefan Ramułt, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1893) о ея отдѣльности отъ польскаго языка, убѣдившіе Ф-го, мнѣ представляются слабыми; Бодуэнъ же де-Куртенэ, на коего онъ также ссылается, въ статьѣ «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ»

Digitized by Google

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897, апрѣль и май), вовсе не слегка исправляетъ взгляды Рамулта, а полемизуетъ съ нимъ: признавая, вслѣдъ за Бодуэномъ, что «степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ» (553, 6—8), Ф., выставляющій серболужицкій языкъ съ нарѣчіями верхнимъ и нижнимъ, долженъ бы говорить о кашубско-польскомъ языкѣ съ нарѣчіями собственно-польскимъ и кашубскимъ, причемъ разновидности собственно-польскаго языка, называемыя имъ теперь нарѣчіями, надо бы назвать говорами. Впрочемъ Ф. на той же страницѣ, гдѣ сначала вполнѣ одобрилъ «точку зрѣнія Рамулта съ... поправками проф. Бодуэна-де-Куртенэ», сворачиваетъ въ сторону, говоря, «что ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвращается къ самостойности словацкаго «языка» и съ его отношеніемъ къ чешскому сопоставляетъ отношеніе кашубскаго къ польскому (сопоставленіе правильное—невѣренъ лишь выводъ изъ него). Въ противуположность Ф-му я нахожу, что указанныя параллели безукоризненны: какъ рѣчи великорусская и малорусская очевидно представляютъ значительно обособившіяся части нѣкогда единаго русскаго языка, верхнелужицкій и нижнелужицкій—единаго серболужицкаго, что́ можно утверждать на основаніи многочисленныхъ общихъ признаковъ, противуполагающихъ ихъ другимъ славянскимъ языкамъ, такъ и рѣчи польская съ кашубской, а также, по сказанному выше, чешская со словацкой, свидѣтельствуютъ о существованіи нѣкогда единыхъ языковъ. На мой взглядъ даже и Бодуэнъ, сведшій характерныя особенности кашубской рѣчи къ тремъ только признакамъ, въ добавокъ обставленнымъ оговорками (Ж. М. Н. Пр., 1897, май, стр. 101), еще нѣсколько преувеличиваетъ ея самостойность: вѣдь твердые свистящіе вмѣсто мягкихъ и шепелеватыхъ—напр. dzeń, dac, zemja, sano, при польскихъ dzień, dać, ziemia, siano,—какъ они ни своеобразны (Ф. говоритъ, что

Digitized by Google

«они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ», 569, 7—6), вмѣстѣ съ ними восходятъ къ кашубско-польскимъ мягкимъ, но чисто-зубнымъ дз́, ц́, з́ и с́; вѣдь какое-нибудь mjaŕnǫc при польскомъ marznąć (содержащее по Ф-му черту, которая рѣзко отдѣляетъ кашубскіе говоры отъ польскихъ, 567—8) можно объяснять изъ кашубско-польскаго спряженія marznǫć-mirzńeš, предполагая у поляковъ проведеніе созвучія mar по всему глаголу, а у кашубовъ—сдѣлку между mar и mir. Остается одинъ только признакъ: ar вм. ro, напр. χaŕt какое-то растеніе = польск. chróst, рус. хворостъ [1]). Правда, Бодуэнъ могъ бы прибавить и четвертую характерную черту—смягченіе d не въ dz, а въ простое z (Бод., въ ук. м., 90): cezí при польскомъ cudzy, и даже пятую—такое же смягченіе g: noze при nodze, въ каковыхъ случаяхъ однако слѣдуетъ видѣть позднѣйшее упрощеніе созвучія dz, т. к. это созвучіе должно признать древнимъ, свойственнымъ единой сѣверо-западной славянщинѣ [2]). Вообще, если не считать загадочнаго ar, нѣтъ ни одной черты въ кашубской рѣчи, которая не возводилась бы съ полнымъ удобствомъ къ древнепольскому языку. Я увѣренъ, что это стало бы ясно и самому Ф-му, если бы онъ, какъ дѣлаетъ Бодуэнъ, постоянно сопоставлялъ кашубскія слова съ польскими; даже и теперь онъ иногда отмѣчаетъ между ними черты поразительной близости: сходство кашубскихъ юсовъ съ силезкими (563 вн.), сходство замѣнъ ѣ (565, п. 5), сходство относительно разширенія е въ ё (566, п. 12). Приведу здѣсь еще слова Бодуэна (Ж. М. 1897, май, 84, 4—6), что «точь въ точь такія же измѣненія, какія г. Рамултъ» (а вслѣдъ за нимъ Ф.) «считаетъ исключительнымъ признакомъ кашубской рѣчи, въ противоположность польской, попадаются тамъ и сямъ въ польской области» и укажу, какъ примѣръ этого, зебржидовскій

1) На счетъ a вм. o срв. соображенія Бодуэна, стр. 120—21.

2) Срв. у самого Ф-го: «серболужицкое z» (въ cuzy), «вѣроятно, образовалось изъ болѣе древняго dz, которое представляютъ польскій и словацкій языки», 619, 5—3. Также 623, сер. и 11—10.

Digitized by Google

(близъ Кракова) выговоръ v^{n}ójna при кашубскомъ vœjna (œ звучитъ вродѣ це). Затѣмъ считаю нужнымъ опротестовать ближайшее родство кашубскаго «языка» съ полабскимъ (690, 14—13), хотя, конечно, не отрицаю близость послѣдняго къ кашубскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ польскому; замѣчу притомъ, что Ф. здѣсь слѣдуетъ одному Гильфердингу, а не Гильфердингу и Шлейхеру: послѣдній только говоритъ, что кашубская рѣчь, а въ иныхъ отношеніяхъ и западно-польскія нарѣчія, повидимому, образуютъ переходъ отъ польскаго къ полабскому (Laut-und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 17, 21—24).

Выразивъ несочувствіе отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, я долженъ здѣсь же выразить одобреніе тому, что верхнее и нижнее нарѣчіе лужицкаго языка разсматриваются совмѣстно [1]). Однако употребляемые притомъ пріемы мнѣ не вполнѣ нравятся. Постоянное повтореніе буквъ В. Л. и Н. Л. пестритъ и печать, и рѣчь: лучше бы было говорить не обозначая этого особо, о верхнелужицкомъ нарѣчіи, оговаривая, гдѣ нужно, нижнелужицкія особенности: напр. bĕh (нл. bĕg), hić идти (нл. hyś); Ф. же и постояннаго порядка не установилъ, такъ что иногда, безо всякой причины, отводитъ первое мѣсто нижнелужицкой формѣ: напр. «śĕĺo (Н.Л.), ćĕĺo (В. Л.)», 603, 14 сн.

Признавая, какъ и относительно 1-го выпуска, что авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ объемѣ, и въ способѣ изложенія, я однако нахожу, что онъ иногда впадаетъ во многословіе и лишнія повторенія. Къ чему, кромѣ парадигмъ, еще таблицы «характерныхъ окончаній»: стр. 113—119 (съ дополнительными замѣчаніями 119—122), 281—284, 444—447? Зачѣмъ перечислять (157, съ сер. до конца), понятно, не полностью, слова̀ слѣдующія образцамъ dobrý и pěší? Съ какой стати дѣлать (404—406) буквальную выписку изъ польской литературы Спасовича, на которую достаточно было сослаться? Къ чему повто-

1) Ф. самъ говоритъ, что у него «дается характеристика верхнелужицкаго и нижнелужицкаго нарѣчія параллельно съ тою цѣлью, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями» (591, вн.).

Digitized by Google

рять (427, 3—1) орѳографическое правило, проявляющееся въ написаніяхъ nić и nici? Полезно ли въ томъ же польскомъ отдѣлѣ (430, сер.) излагать сохраненные поляками законы праславянскаго и донынѣ болѣе-менѣе общеславянскаго смягченія, при чемъ дѣйствительно своеобразное, какъ mniszy при староцерк. мъниси, drodzy при дразии, теряется въ массѣ другихъ примѣровъ? Нѣкоторыя явленія, отмѣченныя на стр. 105—6, какъ «смѣшеніе основъ», повторяются на 107, какъ «смѣшеніе падежей». Мнѣніе Ягича, что основная чешская замѣна ѧ есть не 'а, а 'ä, приводится и на стр. 61, прим., и на 63 вн. «Внѣшняя исторія литературнаго языка» у словаковъ (239—247) отчасти представляетъ повторенье «Изученія словацкаго языка» (220—225).

Относительно «словацкой абецеды» на стр. 248 повторяется сказанное выше о чешской, тогда какъ достаточно было бы указать на ея особенности. Звукъ ä (въ словацкихъ päť, sväzok) описывается три раза: стр. 248, 250 и 252, притомъ не совсѣмъ одинаково и отчасти странно: «ä обозначаетъ краткій двугласный звукъ», «старослав. ѧ соотвѣтствуетъ въ краткихъ слогахъ—ä (= двугласн. еа)». Чешское народное выраженіе na mou vieru приводится также три раза: 61 вн., 67 сер. и 68, 1 сн. О появленіи (у Чеховъ же) і на мѣстѣ ь говорится и на стр. 60, стрк. 9, и на 72, 11—9; о звукѣ ř—на 58, 14—13 и на 83—84.

Наряду съ излишествомъ видимъ, съ другой стороны, нѣкоторые пробѣлы. Нигдѣ не находимъ указанія на тò, когда чешскія буквы r и l составляютъ слогъ—это, какъ извѣстно, бываетъ тогда, когда передъ ними согласная буква, а за ними нѣтъ гласной. Авторъ не отмѣчаетъ Пухмайеро-Катковскаго закона о соотношеніи между чешскимъ количествомъ и русскою акцентовкою плавно-чистыхъ созвучій: vrána — ворóна, bláto—болóто, bříza—берёза, но zlato—зóлото, dřevo—дéрево, о коемъ надо было сказать на стр. 77—78 или въ главѣ о количествѣ, 78—80. Приводя форму jesti вм. jest (стр. 176, 2), Ф. не отмѣчаетъ, что она употребляется не иначе какъ въ соединеніи jestit' и что она

Digitized by Google

представляетъ очевидное подражаніе велительнымъ вродѣ budiž рядомъ съ усѣченнымъ bud'. При словацкихъ числовкахъ tria, štyria (306, сер.) недостаетъ указанія на то, что это не простые дублеты къ tri, štyri, а личныя формы мужескаго рода. Не отмѣчено (стр. 614—15) Фортунатовскаго дополненія къ вышепомянутому закону, а именно отраженія его въ верхнелужицкой рѣчи: wróna, błóto—złoto, drjewo (Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen, A. f. sl. Phil., IV, 575—576). Срв. рец. I-ой части, стр. 6—7. Приводя параллели къ чешской перегласовкѣ *a* въ *e* (стр. 64, 13—10), Ф. не отмѣтилъ русскаго областного выговора зеть, мéчик и т. п. Чеш. нарѣчіе zejtra завтра (192, 6 сн.) является лишь въ такомъ видѣ, а нѣтъ другого вида—zítra [1]). Упомянувъ цѣлыхъ три раза о существованіи твóрничнаго окончанія -ami вм. -y въ чешскомъ языкѣ, (108, п. 2, а, 114 п. 10 и 126, п. 10 же), авторъ нигдѣ не отмѣтилъ, что -ami допускается иногда, для большей ясности, и въ литературномъ языкѣ, напр. въ извѣстномъ сочетаніи trhal zuby nehtami. Изъ числа особенностей ляшскаго нарѣчія (по моему — говора) чешскаго языка, стр. 209 — 212, опущено весьма характерное сохраненіе звука *ы* (правда, сблизившагося съ *е*). Bartoš, Dialektologie moravská, I, 98. Не упомянуто (430, 10 сн.) рядомъ съ подражательной фонемою Polsce о самородной — Polszcze. См. Сравн. Морфол., 609, прим. 1. Ни на стр. 410, ни на 431, ни на 433, 6—8, не оговорено близости польскихъ ś, ź, ć и dź къ шипящимъ, коей объясняются такія формы, какъ nasi królowie, przedniejsi ludzie, вм. старинныхъ nasy, przedniejszy, на каковыхъ Флоринскій нигдѣ и не останавливается [2]). Сравн. Морф. 634, прим. 1. Małecki, Gramatyka historyczno-porównawcza, I, § 72. Приведши (479, сер.)

1) Zejtra есть za jitra (za jutra), zítra д. б.—из ютра или съ ютра, причемъ z вм. s можно объяснять вліяніемъ перваго нарѣчія на второе.

2) Впрочемъ на страницахъ 467 и 469, строка 7, у него встрѣчается написаніе naszi, которое столь же легко можетъ быть опечаткою вм. nasy, какъ вм. nasi.

Digitized by Google

мнѣніе, что старопольское двусложное окончаніе настоящаго па-причастка было -ęcy, авторъ указалъ какъ основаніе его лишь аналогію чешскаго языка, а не отмѣтилъ дѣйствительно встрѣчающихся формъ на -ęcy: jadency, miłujęcy, morzęcy (Сравн. Морф. 642)[1]). Говоря (485 сер.) объ остаткахъ аориста въ польскомъ языкѣ, слѣдовало привести найденныя Брюкнеромъ (A. f. sl. Phil., XI, 477) любопытныя формы wynidziechę, ukradziechę[2]). На стр. 579, пр. 6, безъ справокъ у Брониша (A. f. sl. Phil., XVIII, 324, 378 и 333), совершенно непонятно, что̀ это за созвучіе uў (= u̯ў) въ kuўřec курить и что̀ это за слово pšisacpšíšo (= pisać-pišą = pisać-piszę). Назвавъ лужицкаго писателя Радысерба (596, 2) и даже повторивъ безо всякой надобности его имя латинскими буквами (Radyserb), авторъ не указалъ, что эта странная фамилія есть псевдонимъ Ивана Вели или Вегли — Johann Wehla (Traugott Pech, Das wendische Schriftthum. Leipzig 1884, S. 43; онъ же Žarin)[3]). Въ числѣ сравнительныхъ степеней польскихъ парѣчій, на стр. 473 сер., слѣдовало привести (изъ-за его ż, заимствованнаго у niżej) wyżej. Ни на стр. 438, ни на 458, п. 9, не отмѣчено, что двойнный мѣстникъ rękи употребляется въ значеніи не только множнаго, но и одиннаго числа. Въ обзорѣ лужицкой азбуки (600—601) недостаетъ замѣчанія насчетъ j въ качествѣ знака мягкости, напр. mjaso, wjes; объ l и ł, значеніе которыхъ приблизительно извѣстно читателю изъ предыдущихъ отдѣловъ, говорится ниже (617), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ намекается на то̀, что серболужицкое w, съ коимъ у большинства Лужичанъ совпадаетъ и ł, есть чисто-губное *ʋ*, англійское w, или неслого́вое u; но нигдѣ я не нахожу намека на то, что w и ł съ предыдущимъ гласнымъ образуютъ у́ковые дифтонги aᵘ̯, oᵘ̯, eᵘ̯, iᵘ̯, uᵘ̯. Говоря о нижнелужицкомъ переходѣ твердаго r, послѣ k, p, t, въ š, слѣдовало принять

1) У Калины (458—9) нахожу еще 22 такихъ примѣра.

2) Ę моя транскрипція: Брюкнерова — ą (въ текстахъ — ǫ).

3) Впрочемъ на стр. 590 мы читаемъ «Вегля (Jan Radyserb)»; но зато тамъ при псевдонимѣ Цишинскій не приведено настоящаго имени — Яковъ Бартъ.

Digitized by Google

во вниманіе статью Лескина Bemerkungen zur Svarabhaktifrage, A. f. sl. Ph., III. Не отмѣчено (624—625) единичнаго появленія z вм. ž въ союзѣ zo (что = кжѳ); союзъ этотъ впрочемъ указанъ на стр. 630, сер. Отмѣтивъ (658, св.) 3-ьличныя окончанія u и ja, соотвѣтствующія староперковнымъ -жть и -ать, Флоринскій не указываетъ на употребленіе у Верхнихъ лужичанъ -ja, а также и -eja вм. -u: pija, pleśeja; такія формы, правда, приводятся, но лишь на стр. 675, 7 сн. и на 670, вн., какъ областныя. См. у Муки, 542. Въ нижнелужицкой парадигмѣ, на стр. 668, при pjeku недостаетъ другой формы для этого лица— pjacom. Насчетъ верхнелужицкаго глагола chcyć - chcu (680, 7 сн.)[1]), составляющаго какъ будто исключеніе изъ закона превращенія начальнаго ch въ kh, не сказано, что ch въ немъ только пишется, а въ рѣчи, какъ и у нижнихъ лужичанъ, утратилось. (Это единичное измѣненіе можно оправдать единичностью самаго зачина chc). Тутъ же, кромѣ нижнелужицкаго njocu вм. не ҳоштж, слѣдовало бы привести и своеобразное усѣченное njok (относительно k сравнимъ инфинитивъ kśeś) и верхнелуж. nochcu-nochcyć и общелуж. njecham - njechać (-ś)[2]). Чрезвычайно любопытной полабской акцентовкѣ посвящено всего 12 строкъ (695, п. 14), гдѣ приводится всего 5 примѣровъ, обыкновенно же полабскія слова печатаются безъ просодій.

Весьма богатая, какъ и въ 1-омъ томѣ, библіографія представляетъ также нѣкоторые пропуски. Такъ не указано нѣмецкаго перевода Шафариковыхъ Начатковъ старочешской грамматики (Počátkové staročeské mluvnice), стр. 6 сер. и 15 сер.[3]): Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847. Цитуется

1) У Флоринскаго не chcyć, а chceć: очевидная опечатка вм. этимологическаго написанія черезъ ě.

2) Встрѣчается, какъ говоритъ Пфуль, въ своемъ словарѣ, почти исключительно въ настоящемъ и въ имперфектѣ. См. Сравн. Морф., 706, пр. 1.

3) Напечатано оба раза Počatkové съ краткимъ *a* — опечатки Флоринскаго я впредь буду исправлять безъ оговорокъ.

Digitized by Google

2-ое изданіе Ранковскаго словаря, тогда какъ «Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Díl I česko-německý» вышелъ въ 1887 году 5-мъ изданіемъ. Указавъ (228, прим.) на статью Николая Иванова о словацкомъ поэтѣ Андреѣ Сладковичѣ, слѣдовало бы также указать статью Матв. Ив. Соколова «Стихотворенія Яна Ботто», въ Сборникѣ въ честь Вл. Ив. Ламанскаго (Флоринскому, какъ участнику сборника, конечно, извѣстную). Въ польскомъ отдѣлѣ не приведено (369) Пилятова изданія Богородзицы: Dr. Roman Pilat. Pieśń Boga Rodzica. Pamiętnik Akademii Umiejętności. Wydział filol. i filozoficzno-historyczny. T. IV. W Krakowie 1880. Къ полабской библіографіи могу прибавить: 1) Jana Parum Szulcego Słownik języka połabskiego. Wydał Dr. Antoni Kalina. Rozprawy Wydziału filol. Akad. Umiej., T. XVIII i XXI. W. Krakowie 1892—93. 1-ая часть содержитъ введеніе и самый словарь, 2-ая — извлеченную изъ него грамматику. 2) Jos. Kolář. O nosovkách polabských a jejích poměru k polským a staroslovanským. Č. Č. M. 1875, 417—426.

Къ пробѣламъ разбираемаго труда отношу также нерѣдкое, какъ и въ 1-мъ томѣ, отсутствіе перевода при словахъ, которыя положительно въ немъ нуждаются, будучи чужды русскому языку, или имѣя тамъ иное значеніе: напр. had змѣя, plot заборъ, hrob могила (123, 4), listopad ноябрь (124, 12), brav мелкій скотъ — какъ сборное и какъ единичное, zeměplaz пресмыкающееся, гадъ, nežit чирей (124, 16 сн.), zloděj воръ, vězeň узникъ, koš корзина, vazač вязальщикъ, переплетчикъ, rodič родитель, kazatel проповѣдникъ, kněz священникъ, kolář колесникъ (129, п. 1), jetel (діалектически dětel) дятлина, клеверъ, кашка (129, 3 сн.), věrtel четверикъ (? мѣра), 130, 2, náručí объятья, snídaní завтракъ, záští злоба, záduší доброе дѣло, пожертвованіе (130, п. 4), chlapec мальчикъ, ujec дядя — avunculus, dědic наслѣдникъ, panic баричъ, молодой баринъ, дѣвственникъ (131, п. 8), podkoní конюшій, шталмейстеръ (132, п. 17)[1],

1) При послѣднемъ словѣ особенно нужно было привести его значеніе, такъ какъ именно имъ обусловливался болѣе рѣшительный — сопряженный съ

Digitized by Google

louka лугъ, pratum, sádka садокъ (133, п. 5), modla 1) модель 2) идолъ (тамъ же 6), kukla, -le капюшонъ, řehola, -le regula: правило, уставъ 134, п. 9, rádce совѣтникъ, správce управитель, rukojmě поручитель 135, п. 2, pradlí прачка, předlí прядильщица 135, п. 3, berčí сборщикъ, kočí кучеръ, тамъ же, п. 4, skráň високъ 136, 2, choť супругъ и -га 137, сер., vlasť отечество тамъ же, 3 сн., otep вымолоченный снопъ, пучокъ, pasť ловушка, ocel сталь, modř лазурь, синька, tvář лицо, образъ, chuť желаніе, labuď лебедь, nať ботва, листья свеклы и т. п. 138, п. 3 [1]), kmen нѣм. Stamm: стволъ, грамматическая основа, lupen листъ 140, п. 3, kníže князь, hrabě графъ 141, п. 5, jeti ѣхать, čněti торчать, выситься, pněti висѣть, chvěti колебать, махать 162, 7—9; въ словацкомъ отдѣлѣ нуждаются въ переводѣ напримѣръ слова румынскаго происхожденія brynza овечій сыръ, čartak (?), geleta (?), glaga (?), chotar область, kasanka передникъ, koliba хижина, putyra (?), urda овечья сыворотка, vatra огонь 216, п. 35 [2]), также странное zaujmy 266, 1 сн. [3]), и еще болѣе странныя črešné, gvarilo 269, 7 и douinoce (?) 330 б, 4, равно какъ hrča наростъ, шишка 294, п. 1 а, turice и letnice троица и vianoce рождество 294, 1 в. [4]). Въ польскомъ отдѣлѣ таковы напримѣръ: mistrz мастеръ, гросмейстеръ, warta стража, ląd земля, берегъ, dach крыша, hak крюкъ, klamra болтъ, gwałt насилие, rachunek счетъ, zegar часы, kustosz хранитель 400, 3—1, szczawnica (? это чуть ли ни мѣстное названіе), karmnik «кормильня» — хлѣвъ, «кормимецъ»—боровъ, trefniś острякъ 429, 11, do siego roku съ новымъ годомъ 469, 8 сн., biedować 1) бѣдствовать, 2) жаловаться, плакаться, 498, 11—10, wypsieć (?) должно быть

перемѣною рода—переходъ въ сложное склоненіе: не только въ народной рѣчи, гдѣ и psaní письмо образуетъ psaního, но также въ литературной.

1) Зато въ этомъ пунктѣ напрасно переведено слово žluč, въ коемъ студентъ самъ долженъ узнать старославянское желчь и русское желчь.

2) Дѣйствительно ли эти (вовсе не романскія) слова пришли къ словакамъ отъ Румынъ, мы здѣсь разбирать не станемъ.

3) Это должно быть множина слова zaujem интересъ.

4) Kašice, въ той же строкѣ, по недосмотру напечатано съ малой буквы — это названіе города, по-нѣмецки Kaschau.

Digitized by Google

просто-совершенный видъ къ однократному wypsnąć выскользнуть, вырваться 499 сер., osfęger (Hirschfänger) охотничій ножъ 527, 7 сн.[1]). Въ серболужицкомъ не мѣшало бы перевести напр. слова młodźeńc юноша 636, 6, kubło земля, имѣніе, тамъ же, сер., knjeni барыня 641, п. 6; въ полабскомъ — dårë ноздри («дырѣ»), vå smülë въ печи (въ смолѣ) 693, 13 сн., jis, aid, plüz (695, п. 12), изъ коихъ лишь во второмъ, по предыдущему и по связи, легко узнать старославянское и русское *иди*, тогда какъ при первомъ и третьемъ надо бы было прибавить переводъ *кси* и *положи*; въ переводѣ нуждается также kå meisóch къ обѣднѣ, въ церковь 697, 3 сн.

Попадаются у Флоринскаго и такіе случаи, гдѣ имѣется переводъ, но невѣрный: do Čech, do Rakous не значитъ до Чехіи, до Австріи (126, п. 9), а въ Чехію, въ Австрію; zřetel не знакъ (129, 1 сн.), а вниманіе; mandel не миндаль (130, 1), а 15 штукъ; šindel (нѣм. Schindel) не брусокъ (130, 2), а черепица (на кровлѣ); hřebí не ноготь (130, п. 2), а гвоздь; pletichy не шутка (133, п. 1), а сплетни; panoše не дворянинъ вообще (135, п. 2), а дворянинъ (шляхтичъ), при королѣ или магнатѣ, пажъ, оруженосецъ; pelest не брусокъ 137, 5 сн., а доска, перекладина; štoudev не стойка 140, 1, а кадка. Старопольское czyn значило де оружіе (400, 10 сн.): должно быть это, насколько мнѣ извѣстно, небывалое значеніе вышло изъ «czyny machiny wojenne, wieże, tarany i t. d. podług łac.(ińskiego) opera» Linde.

Изложеніе Флоринскаго не всегда отличается достаточною ясностью и точностью. Когда онъ говоритъ, что Чешскіе братья «въ двугласныхъ вм. j писали y», то это можно понять такъ, будто уже Гусъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ букву j. Странно и сбивчиво, что авторъ, упомянувъ о мягкихъ звукахъ чешскаго языка (57, сер.), прибавляетъ въ скобкахъ nj, dj, tj, č, ž, š и rj. Обыкновенное чешское сúженіе, какъ я его называю, или

1) Особенно нуждается въ переводѣ цитуемое (396, 15) изъ одной грамоты roga: теперь неясно, почему оно и приводится. Тоже относится къ чешскому tropauss (также изъ грамоты), стр. 44, п. 7.

Digitized by Google

перегласовка, какъ называетъ его (вслѣдъ за чехами и нѣмцами) Флоринскій, напрасно раздѣлено на суженіе поступательное, напр. duše изъ duša, и на обратное, напр. obyčej (стр. 62—63): если въ первомъ случаѣ могъ повліять предшествующій созвучникъ, отчего этого не могло быть и во второмъ, хотя бы тамъ и было еще вліяніе послѣдующаго? Оба случая легко объединяются при такой формуловкѣ дѣла: *a* послѣ мягкости суживается въ *e*, если тому не мѣшаетъ слѣдующая за нимъ твердость, вслѣдствіе чего мы съ одной стороны имѣемъ duše и obyčej, а съ другой — čas, jazyk; терминъ же обратное суженіе (или обратная перегласовка) можетъ оставаться исключительно за такими случаями какъ dej, znej. Въ статьѣ о слоговыхъ r и l (75, 9 сл.) напрасно на первое мѣсто поставлены krev-krvi, klnu и тому подобныя слова, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ болѣе рѣдкое явленіе сравнительно съ hrdý, vlk и т. д., а по моему несомнѣнно развили слоговые r и l не прямо изъ ръ, лъ, ль, а черезъ r и l неслоговые[1]). Въ той же статьѣ (76, 7—9) сказано, что «послѣ č, ž слышно eг въ тѣхъ случаяхъ, когда за r слѣдовалъ еще согласный» — но развѣ за r̥ можетъ когда-либо стоять гласный? (Это бываетъ, правда, у Сербовъ, вслѣдствіе вокализаціи *л*: гръоце, умръо). Дублеты domysl и dů-, hora и hů-, hrozný и hrů-, lhota и lhů-, очевидно лишь по недосмотру отнесены къ случаямъ «дифференціаціи значенія» (80, п. 4). На той же страницѣ нуждается въ оправданіи весьма подозрительное čuješ—čúš (строка 13 сн.). Хотя чешскія d, t передъ *e* и не звучатъ мягко, но всетаки нельзя говорить, что они «звучатъ твердо» (86, 8 сн.) — слоги de, te несомнѣнно нѣсколько мягче чѣмъ напр. da, ta; тоже самое относится къ la, li (82, вн.) и къ ba, be (87—88): вообще всѣ согласные подвергаются нѣкоторому умягченію передъ узкими

1) Уже выше всякаго сомнѣнія, что братръ, мысль сначала дали односложныя bratr, mysl, а потомъ уже bratr̥, mysl̥. Приводимое въ числѣ словъ со слоговымъ r hřměti или hřmíti (написанное по-старочешскому hřmieti), конечно, попало не на свое мѣсто: это примѣръ на то, что основному ръ (русскому ре) соотвѣтствуетъ ř, а не слоговой r.

Digitized by Google

гласными. 3-ье примѣчаніе на стр. 56, гдѣ читается, что «съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абецеды нѣмецкая азбука, такъ называемый швабахъ» — можетъ навести на мысль, будто чешскія рукописи представляютъ иной шрифтъ, а не тотъ же швабахъ. Звуки i и y не вполнѣ совпали у чеховъ, какъ учитъ Флоринскій на стр. 58, строка 11—13 и на 59, 3),—слоги ny, dy, ty звучатъ тверже чѣмъ ni, di, ti. Подобныя нашимъ лѣсà, городà чешск. vrcha, záda и т. п. поставлены (114, п. 7) подъ винительнымъ падежомъ, какъ будто они не бываютъ назывниками. Слово dcera (118—119) отнесено къ э́ровымъ основамъ, а на стр. 141, п. 6, гдѣ приводится настоящая э́ровка dci, не оговорено, что это старинная форма—напротивъ, замѣчаніе, что, какъ вм. máti употребительнѣе matka, такъ вм. dci — dcera, указываетъ именно на сохраненіе стариннаго dci-dceře, отъ котораго въ дѣйствительности уцѣлѣлъ только дательно-мѣстный падежъ dceři, проставленный у Флоринскаго на стр. 119, п. 97, но не подчеркнутый. Въ неправильномъ взглядѣ на слово dci можетъ еще укрѣпить читателя принадлежность къ «архаическому склоненію» новообразованнаго слова neť племянница[1]). Про бѣглое *e* сказано, что оно изъ ь или вставочное (131, п. 7), а объ *e* изъ ъ (sen-snu, loket-lokte) не упомянуто. Какое-нибудь старочешское dubi (123, 6—5), будь оно написано черезъ i или черезъ y, вовсе не доказываетъ способности неодушевленныхъ именъ къ окончанію i, оставшемуся впослѣдствіи лишь за одушевленными — слѣдовало бы привести такіе примѣры, какъ úrosi проценты, dłuzi, hřieši, boři, гдѣ бы о присутствіи звука i свидѣтельствовало смягченіе, такъ какъ иначе мы не знаемъ, читать ли i или же y. (Пожалуй, годилось бы и dubi, но въ соединеніи съ прикладкомъ, вродѣ vysocí или malí, потому что при винительничномъ назывникѣ duby прикладки звучали бы vysoké и maľé). Находя при множи́нныхъ формахъ слова bratr (bratří и -ři, род. bratří и -rův и т. д.,

1) Эту странность слѣдовало бы объяснить, сообщивъ о заимствованіи слова neť изъ подложной глоссы словаря Mater verborum.

Digitized by Google

127, вв.) замѣчаніе, что «формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имени на -ija, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.», читатель (если этого самъ не знаетъ) никакъ не догадается, что слово братръ первоначально не образовывало множины, а замѣняло ее сборнымъ именемъ братры, которое потомъ стало по смыслу пріобрѣтать множинныя окончанія (напр. дат. п. bratřím), равно какъ и замѣщаться новотворными множинными формами къ однинѣ (напр. вин. bratry). Найдя въ парадигмѣ при множинномъ творникѣ zedmi къ zed стѣна (murus) въ скобкахъ окончаніе ěmi (137), можно и не догадаться читать zděmi, а прочесть zeděmi. Soudit въ выраженіи přijde soudit živých i mrtvých въ самомъ дѣлѣ естественно считать уцѣлѣвшимъ супиномъ, но вѣдь оно вполнѣ совпало съ усѣченнымъ инфинитивомъ. Неудачно выраженіе, что во множныхъ 3-тьеличьяхъ umějí, sázejí «возстановляется» нестяженная форма (169, сер.) — она, конечно, въ нихъ сохраняется. Слишкомъ лаконично и вслѣдствіе того неясно замѣчаніе, что «вм. старо-слав. даждь, ѣждь, ѧждь въ чешск. языкѣ: dej, věz, jez (170, 12 сн.)», тогда какъ слѣдовало сказать: старославянскимъ ѣждь, ѧждь соотвѣтствуютъ věz, jez, но вм. даждь образуютъ по темовому спряженію dej [1]). На стр. 174, 15—13, говорится, что «въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы вродѣ milovalach, ztracilach, začnulch», и что «въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу». Выраженіе неясное: авторъ какъ будто сомнѣвается во вліяніи аориста (въ чемъ сомнѣваться нельзя), а въ то-же время какъ будто и хочетъ, и не рѣшается возводить эти формы къ такой порѣ, когда аористъ былъ еще въ полномъ ходу. См. Сравн. Морф. 565, пр. 3. Совсѣмъ странно и опять-таки можетъ повести къ недоразумѣнію слѣдующее замѣчаніе о будущемъ совершеннаго вида: «řeknu вм. budu říci, ponesu вм. budu nésti» (174, 6 сн.); въ добавокъ дальнѣйшія

1) Здѣсь, кромѣ того, недостаетъ формы viz и множинныхъ лицъ vězme, -te и т. д., вм. vědme, -te, подъ вліяніемъ однины; каковыя формы впрочемъ приводятся ниже (177, 178 и 189 вн.).

Digitized by Google

слова «у глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: padnu, tisknu», какъ будто отрицаютъ принадлежность къ тому же виду глаголовъ říci и ponesti, а также и приводимаго въ одной съ ними строкѣ pojíti (půjdu). Недостаточно сказать, что словацкія «ia, ie, iu обозначаютъ двугласные звуки» (стр. 248 сер.), а надо бы описать ихъ по-точнѣе. Свидѣтельство латино-польскихъ грамотъ о сжатіи *o* и *e*: Nosidlsk, poras, Primuzlao, przipust, Buguslaus и Muglin (396 сер.) совсѣмъ не такъ ясно, чтобы не нуждалось въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи (послѣ котораго иные примѣры несомнѣнно придется опустить — прежде всего Buguslaus, гдѣ сжатіе совсѣмъ не умѣстно, и гдѣ легко предположить описку подъ вліяніемъ слѣдующаго слога). Старопольскіе назывники cedry, klenoty и służebniki (452, 5—6) не слѣдовало бы приводить безъ указанія на то, что присутствіе въ нихъ окончанія *ы*, а не *і*, доказывается сохраненіемъ звуковъ r, t и k (вѣдь настоящіе назывники были бы cedrzy, klenoci и służebnicy)[1]). Польскія разновидности слова дождь въ назывно-винительномъ падежѣ разнятся лишь на письмѣ, и надо было привести (454, 6 сн.) косвенные падежи deszczu и dżdżu (-a). Про старинный назывникъ krу не сказано (462, п. 6), какой это падежъ, что совсѣмъ не ясно по связи. Упоминая (509, сер.) объ измѣненіи звука ę въ лясовскомъ говорѣ, авторъ не объясняетъ намъ, что это за ё, въ которое онъ превращается. (Это нѣчто вродѣ нѣмецкаго ö). Странно говоритъ, что «ija, ieja стягиваются въ ia лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: siać, siał, но łajać, łajał» (498, 1—3) — развѣ передъ *и* и *т* согласные

1) Замѣчу здѣсь кстати, въ исправленіе ошибки, повторенной мною въ Сравн. Морф., 583, пр. 2, за Калиною, что służebniki Соф. Б., Исх. 5, 16 есть винительный падежъ, а также, что łazaki Числа 13, 26 и Turki могутъ предполагать однину łazaka и turka (= лат. turca, сравни русское народное турка). Klenoty драгоцѣнности Быт. 24, 53, какъ и służebniki, винительный пад. Назывникъ klenoty, конечно, легко замѣнить массою другихъ примѣровъ; однако на назывничное окончаніе ы у личныхъ (и вообще у одушевленныхъ) ёровокъ въ старопольскомъ, кажется, не остается ни одного примѣра.

Digitized by Google

могутъ быть несмягченными? Надо было сказать, что иꙗ, ѣꙗ стягиваются, аꙗ же—нѣтъ. Встрѣчая написанія съ ą для писаровицкаго говора — «macochą (вин. пад.), ząby, kąpa, śedną, ńe vrócą (1 л. ед. ч.)» 509, 17—16, недоумѣваешь, читать ли пообщепольскому носовое *о*, или такое же *а* (скорѣй, конечно, можно предположить послѣднее). Находя (тамъ же, строка 16) слово vink, какъ примѣръ на замѣну ę черезъ in, рѣшительно нельзя догадаться, что̀ это за слово. Опредѣленіе лужицкаго произношенія буквы *ě* (600, 10—7) представляетъ ухудшенную редакцію, по моему тоже не особенно удачнаго, Мукинскаго опредѣленія (Mucke, 20): читателя положительно только путаетъ утвержденіе, что *ě* не двугласный, а также сравненіе съ простымъ *i* нѣмецкихъ dir, mir, wir, тогда какъ Мукины слова̀, что «надо начать произносить закрытое *i* и присоединить къ нему краткое *е*» и соотвѣтственная транскрипція у Флоринскаго (i°) даютъ о немъ достаточное и совершенно вѣрное понятіе. О іотовомъ призвукѣ лужицкаго *i* въ русской книгѣ нечего было упоминать (600, 6 сн.): можно было вовсе не останавливаться на звукѣ *i* или же просто сказать, что онъ равенъ русскому *и*. Положительно излишне оговаривать, что лужицкіе *ы* (на письмѣ у) «болѣе или менѣе» соотвѣтствуютъ русскимъ *ы* (тамъ же 5—4): помимо областныхъ особенностей (насчетъ которыхъ я полагаюсь на Муку), я не слышу здѣсь никакой разницы; вмѣстѣ съ тѣмъ считаю неумѣстнымъ указаніе на польскій языкъ, гдѣ *у* приближаются къ *i*[1]). Указаніе (601, 1), что «*ó* произносится какъ *о* съ окраской u, т. е. какъ ᵘо», противорѣчитъ само себѣ: или ó есть цѣлостный, однородный звукъ, средній между *о* и *и*, или же онъ нѣчто вродѣ двугласнаго, состоящаго (по Мукину опредѣленію) изъ элементовъ *и* и *о*, какъ ě состоитъ изъ *i* и *е* — на мой слухъ правильнѣе первое, и лужицкое ó есть *о* весьма близкое къ *и*[2]).

1) Неумѣстно и сопоставленіе со староцерковнымъ языкомъ, тонкости произношенія котораго намъ недоступны.

2) Мнѣ такъ казалось, наперекоръ предположенію, что между ě въ какомъ-нибудь měd-mjeda и ó въ hród-hroda должно быть полное соотвѣтствіе.

Digitized by Google

Сбивчивымъ я считаю также выраженіе, что «всѣ гласные» у Лужичанъ «звучатъ одинаково кратко» (615), да и самъ авторъ въ концѣ того же абзаца оговаривается на этотъ счетъ. Вообще относительно количества лужицкая рѣчь очень сходна съ русскою, только что безударные гласные не звучатъ такъ неявственно. Неладно сказано (651, 4—6), что «приставочное n необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога, напр. k njemu, pśi njom; иначе оно можетъ и не быть: před jeho durjemi, s jeju nanom»—вѣдь во второмъ случаѣ его никогда не бываетъ. Неточнымъ мнѣ кажется (хотя и воспроизведенное изъ Муки) выраженіе, что «формы (причастія) на -су въ верхнелужицкомъ всегда склоняются» (655, 15—14): едвали съ одной стороны верхнелужицкая рѣчь, особенно чисто-народная, изобилуетъ оборотами вродѣ kłapacemu so wotewri толкꙋ́щемꙋ ѿве́рзетсѧ Лука 11, 10, или wuhlada Levia Alphejoweho při cłownicy sedźaceho Маркъ 2, 14[1]), а съ другой стороны и нижнелужицкая Библія представляетъ напр. выраженія głos wołajucego jo w pusćińe Матѳ. 3, 3 и wy buźośo togo cłoẃeka syna wiźeś sejźecego k pšawicy teje mocy a pśiducego s tymi hobłokami togo ńeb'a Маркъ 14, 62[2]). Кромѣ того и у верхнихъ лужичанъ есть по крайней мѣрѣ одинъ па́причастокъ на -су: ducy идучи (приводимый Флоринскимъ на стр. 671). Сохраниться, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, конечно, могло бы і въ одинномъ числѣ велительнаго spi (660, 11—10), но такое пониманіе не подходитъ ко мно́жному и къ дво́йному числу: spimy и т. д. Относительно крайне уродливыхъ на письмѣ верхнелуж. wukń, wukńmy, слѣдовало оговорить, что въ нихъ ń не произносится (660, 8 сн.), на что̀, повидимому, намекаетъ и самъ Флоринскій тѣмъ, что ń въ словѣ wukńmy заключилъ въ скобки; тотъ же пріемъ употребленъ и на стр. 673 сер., но опять-таки wukń осталось безъ

1) Nowy Zakoń. Do hornjoserbšćiny po rjedźe Vulgaty přełožištaj Jurij Luščanski a Michał Hórnik. Budyšin 1896.

2) Biblija. Hala 1868. Въ верхнелужицкомъ переводѣ тоже причастія: wołaceho, sedźaceho, přikhadźaceho.

Digitized by Google

скобокъ. О перворазрядныхъ глаголахъ съ корнемъ на n, m авторъ (671, сер.) рѣшительно говоритъ, что они «слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ Вл.», хотя затѣмъ самъ приводитъ нижнелуж. wezmu.

Неудобство представляютъ также нѣкоторыя странности въ *терминологіи*. Праславянскіе ъ и ь переходятъ у нашего автора въ «звонкое» *е* (59, сер.) и тамъ же (строка 8—6): *е* изъ ь было узкое (ясное), .. *е* изъ ъ было широкое (темное). Странно говоритъ о *вставочномъ* v передъ начальнымъ *о*: vokolo, vokno и т. д. (197, 1—2), о *вставочномъ* h передъ начальнымъ гласнымъ: hulice, hučitel и т. д. (198, п. 1) и о такомъ же t въ инфинитивахъ ťíct, píct, vlíct, síct (197, п. 19): въ послѣднемъ случаѣ еще и не звуковое явленіе, а примѣненіе къ обычному инфинитивному окончанію t. Ниже (199, п. 1 и 2) авторъ и самъ говоритъ о «*при*ставочныхъ v и h въ словахъ voběd, votec, hulice и hiva[1]). Передъ гортанными (задненебными) g, k, ch слышится «звуковое» n: ręka, księga (412, 3—2)—нужно «задненебное». Въ кашубской рѣчи въ противуположность зубно-губному v, вмѣсто чисто-губного, говорится о «губно-губномъ» (570, 2).

Неразъ у нашего автора встрѣчаются разные недосмотры. Такъ мы читаемъ, что у чеховъ «буква g употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ groš и др.» — да вѣдь въ туземныхъ она никогда не употребляется, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится соотвѣтственный звукъ (kde, kdo) пишутъ по происхожденію k. На стран. 60 вн., посреди новочешскихъ фонемъ, безо всякой оговорки приводятся старинныя ťieditі, tiehneš, vzieti. Знакъ ť обозначаетъ де мягкое г и это г произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ (58, 14—13), — извѣстно, что польское rz звучитъ какъ простое *ж* или *ш*; правда, впослѣдствіи (83, 14 сн.) является приблизительно вѣрная транскрипція черезъ *рж*, но тутъ опять то же

1) Пожалуй, впрочемъ, призвучные согласные въ извѣстномъ смыслѣ именно вставочные: можно думать, что они возникли въ связной рѣчи, между начальнымъ гласнымъ своего слова и конечнымъ предыдущаго.

Digitized by Google

сближеніе съ польскимъ rz, а кромѣ того съ лужицкимъ ř=ŕ[1]). Слово kněz имѣетъ зовный падежъ не исключительно kněže (131, п. 8), но также и knězi Гебауеръ, Histor. mluvn. III, 354, стр. 97. Прикладочное склоненіе у словъ средняго рода, какъ znamení, -ího, только простонародное (132, п. 17). Имя Olga образуетъ давально-мѣст. падежъ Oldze, а не -ze (133, п. 4) Геб. I, 505 — впрочемъ здѣсь у Флоринскаго, пожалуй, лишь опечатка. Рóдникъ Boleslavě и давальникъ -vi (143, вн.) формы обоюдныя — въ доказательство перехода этого слова въ женскій родъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ éроваго склоненія въ азóвое (можно бы сказать и въ и́жевое), лучше бы было привести творный падажъ Boleslaví. Неудачно выраженіе, что нарѣчія «málo, mnoho склоняются» (144 вн.), послѣ чего идетъ перечень нарѣчій, содержащихъ дѣйствительно всѣ падежи одиннаго числа, кромѣ назывнаго: самъ же Ф. приводитъ málem еще разъ на стр. 145, въ перечнѣ нарѣчій. Перволичное мѣстоименіе ja съ краткимъ *a* нечего было отмѣчать (146, 4), такъ какъ оно слышится въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вообще нѣтъ долготы; притомъ это указаніе представляетъ забѣганье въ область діалектологіи. Также не на мѣстѣ отмѣченныя, въ слѣдующихъ строкахъ, tě, tě, tě вм. ty, гдѣ вдобавокъ не объяснено, что̀ такое обозначаетъ ě. То же самое, что̀ про выговоръ jă, можно сказать про dobre, -ra, -rym и т. д. (157, 1—2). Отмѣтивъ (съ забѣганіемъ въ діалектологію, которое однако можно считать вполнѣ умѣстнымъ) областныя формы велительнаго pnimy, pnite (170, 9 сн.), Флоринскій забылъ указать, что обыкновенно наоборотъ ě присвоено также и́жевымъ глаголамъ: mstěme, -te; каковыя образованія [bydlete обитайте, ctěte вм. ѵѣстите и spěte] приведены, правда, ниже (188, 9 сн. и 190 вв.), но не подчеркнуты. На той же 170 стр., вн., упоминается о существованіи у кашубовъ аористовъ, каковыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, что̀ и сказано у самого Флоринскаго въ кашубскомъ отдѣлѣ (579, вн.). Отмѣтивъ (173, сер.),

1) Не нахожу притомъ нигдѣ указанія, что r послѣ безголосныхъ со́звучниковъ звучитъ какъ рш: křik, přísе, třásti, chřen.

Digitized by Google

что у иныхъ глаголовъ старочешскій имперфектъ лишь долготою примѣты разнится отъ аориста—brách и brach, trpiech и trpěch,—авторъ забылъ упомянуть объ имперфектномъ -še при аористной безсуффиксности, во 2 и 3 лицѣ едины. Выраженіе, что въ областныхъ формахъ drahý bratři, chudý chalupníci бѣдные бобыли, bohatý kupci, dobrý měšťani «h, ch, k, d, n, l, r не подвергаются смягченію» (197, п. 15) неточно: въ нихъ ý развилось изъ é, т. е. имѣется распространеніе на одушевленныя имена мужескаго рода окончанія неодушевленныхъ и женскихъ. На стр. 224, по сер., упоминается словацкій дѣятель Римавскій, безъ оговорки, что это псевдонимъ Яна Франциси, что̀ впрочемъ указано на стр. 227, 12 сн. Изъ словацкихъ словъ, гдѣ «вм. первичнаго *e* выступаетъ *o*: hoslo лозунгъ, девизъ, svokor, ktorý, útorok вторникъ, kloštor монастырь, štvoro, pätoro» (255, 12—13 и 329, 2), ktorý, útorok[1]), štvoro и pätoro представляютъ праязычное чередованіе *e* и *o*; *e* въ чешскомъ heslo очевидно вторичное, такъ какъ иначе было бы želo, а пришлое kloštor никогда не имѣло звука *e*, такъ какъ въ нѣмецкомъ Kloster *e* = глухому гласному. Двугласный ou по-словацки едвали слѣдуетъ приводить въ соотвѣтствіе съ u, какъ долготу къ краткости (261, 7—8): вѣдь онъ является лишь въ окончаніи творнаго падежа, напр. rybou, и именно потому, кажется, долженъ быть выводимъ не изъ ú, а изъ oju съ выпаденіемъ j[2]). Зная повсюду мягкій l, словацкая рѣчь лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ противополагаетъ ему настоящій твердый ł (268). Словацкій r передъ *j*, *e*, *i*, конечно, не звучитъ «совершенно такъ, какъ передъ широкими *a*, *o*, *u*» (268 вн.), а только приблизительно такъ. Говоря о бѣглыхъ *o*, *e* (= ъ, ь или вставочныхъ) 287, п. 3, Флоринскій оговариваетъ, что «иногда *o*, *e* остаются и въ другихъ падежахъ, напр. kostol-kostola, popol-popola, lev-lva и leva, domček-domčeku, spěv-spěvu», словà, изъ коихъ подъ эту статью

1) Флоринскій въ этомъ словѣ, конечно лишь по недосмотру, написалъ жирнымъ шрифтомъ второе, ёровое o.

2) Отсутствіе въ ряду долгихъ гласныхъ ú, очевидно, только опечатка.

Digitized by Google

подходятъ только leva и domčeku—domček-domčeku вм. domček-domečku, подъ вліяніемъ назывно-винильнаго падежа на остальные; впрочемъ popol-popola, пожалуй, стоило отмѣтить въ виду вторичной бѣглости въ русскомъ языкѣ (пепел-пепла). Множинный рóдникъ peniazí (292, п. 12), противорѣчащій словацкому закону о сокращеніи второй изъ двухъ долготъ, есть погрѣшность вм. peňazí. Krádež и faleš (294, п. 1) очевидно попали не на свое мѣсто, такъ какъ никогда не звучали krádeža и faleša или falša. Словацкій винильникъ tu, совершенно равный чешскому и соотвѣтствующій старославянскому, приводится рядомъ съ našu (чеш. naši), какъ нѣчто своеобразное (299, п. 6). Въ парадигмѣ на стр. 300 и 301 мы читаемъ творные и мѣстные падежи ím, jou, jom, jej, imi, ich, хотя (какъ само собой разумѣется) мѣстные падежи, а (какъ оговорено на стр. 301, 13—11) также творные, не употребляются безъ прироста n. Говорить объ «исчезновеніи у Поляковъ праслав. ъ и ь въ неударяемыхъ слогахъ» (391, п. 2), значитъ представлять дѣло весьма неточно. Вм. «Свидзинскій листокъ» (392, 12 сн.) нужно листокъ Свидзинскаго. Mléko со своимъ é въ открытомъ слогѣ и передъ безголоснымъ сбзвучникомъ — весьма сомнительный случай «сжатія» или «наклоненія» (397, 8—9). Польское y (какъ упомянуто ужъ и выше) произносится не совсѣмъ такъ «какъ русское ы», а нѣсколько ближе къ і (410); иные—напр. Бодуэнъ-де-Куртенэ — даже утверждаютъ, что y прямо равно i, разнясь отъ него лишь твердостью предшествующихъ согласныхъ[1]). «Буквы ƀ, ẃ, ṕ, ḿ, f́, ǵ, ḱ почти де вовсе не употребляются» (410, 12—11): кто же когда-либо употреблялъ, по-польски, или въ иномъ языкѣ, буквы ǵ и ḱ?[2]) Конечно, если не говорить о транскрипціи, при коей ǵ и ḱ возможны (передъ гласными) и даже будутъ не совсѣмъ рѣдки, напр. boǵem, kšyḱem. Rznąć рѣзнуть обыкновенно выговаривается ржноц, а не рз- (411, 3): *рьзнѫти могло фонети-

1) Съ польскимъ y должно быть совпадаетъ и кашубскій звукъ, изображаемый буквою i послѣ твердыхъ согласныхъ: młodi, chitri, bœsi, tidzeń и т. д.

2) Сербско-латинское ǵ, въ смыслѣ твердаго ӷ,—особь статья.

Digitized by Google

чески, черезъ ſznąć, дать ſnąć; впрочемъ Виленскій (Оргельбрандовскій) словарь велитъ выговаривать, согласно со Флоринскимъ, r-znąć. Замѣчаніе, что польское «g произносится какъ русское г» (411, 4), излишне; если же имѣть въ виду, что иные русскіе произносятъ не мгновенное, а протяжимое г, — даже сбивчиво. Недостаточно ясно изложено ученіе о польскихъ юсахъ: на стр. 412, 11 сн., авторъ говоритъ, очевидно думая исключительно о звуковомъ впечатлѣніи, что ą соотвѣтствуетъ старославянскому ѫ, ę—ѧ, и только на слѣдующей страницѣ, внизу, оговариваетъ, что какъ ą, такъ и ę соотвѣтствуютъ обоимъ юсамъ, причемъ не указываетъ на отличіе замѣнителей узкаго юса отъ замѣнителей широкаго по своей умягчительности и лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что ę, = ѫ, согласныхъ не умягчаетъ (gęś, kęs); такіе случаи, какъ wiązać, съ носовымъ *o*, но съ умягченіемъ, у него, правда, приведены, однако не истолкованы. Jeli pріѣхали (собственно просто ѣхали), 416, 3, есть форма старинная, взятая вѣроятно изъ Житія Св. Блажея, гдѣ она значитъ уѣхали (łowcy jeli od nich). Приводимыя (416, сер.) miesto (мѣсто), kleskać и wiera мнѣ представляются сомнительными — любопытно бы знать, откуда они взяты[1]). Что́ такое значитъ «двугласное e͡a (т. е. *e* съ сильной окраской *a*)» 416, 2—1? Что-нибудь одно: или двугласный, или простое широкое *e*. Сравни выше, стр. 207 (о. о. 7). «Вм. основного *y* въ нѣкоторыхъ говорахъ [польскаго языка] u: buł, żuł, kruł (познанскій гов.—Miejskiej Górki)», 422, 9 сн. — не сказано, что это происходитъ лишь передъ ł и есть родъ уподобленія. «Вставочнымъ чаще всего бываетъ *e*» (425, сер.)—какой же еще гласникъ бываетъ у поляковъ вставочнымъ? Dź и ć еще молъ мягче, чѣмъ *dz* и *c* (427, 5—3) — да вѣдь польскія *dz* и *c*, если не представляютъ плодъ дзеканья, прямо тверды. Самъ же Флоринскій говоритъ это о *c* на стр. 431, сер. Польск. *c* въ piec, świéca — не только прапольское (431,

1) Первое можетъ быть явилось по недосмотру, и нужно читать miejsce. Впрочемъ это слово, не представляющее послѣ ѫ твердаго согласнаго, сюда вовсе не идетъ.

Digitized by Google

12—13), но несомнѣнно уже лужицко-чешско-польское; таково же, надо полагать, и «прапольское dz въ nędza» (тамъ же, 15). Приведши (435, 6) опольскія jejś и ṕeń (pięć), слѣдовало указать, что jejś употребляется рядомъ съ jejść и jeść (ѣсти), а ṕeń — не само по себѣ, а въ сложномъ числительномъ ṕeńdvadźeśća двадцать пять. Malinowski, Oppelnsche mundart, 39. Зóвникъ Вожe, какъ извѣстно, не только возможенъ (444, п. 4, I, 1), но обязателенъ—сравни у самого Флоринскаго, 450 вн.[1]) Множи́нный твóрникъ éроваго и óноваго склоненія мягкаго различія на i, каковое окончаніе проставлено въ таблицѣ на стр. 447, форма сомнительная — издавна господствуетъ потомъ болѣе-менѣе вытѣсняемое азóвымъ -ami и́жевое -mi: такіе примѣры, какъ ojcu, wегсу, представляютъ *твердое* окончаніе, на мягкое же -i Калина указываетъ лишь одинъ и довольно новый примѣръ — вторичное образованіе niewoli изъ Гавинскаго (вторая половина XVII ст.). Kal., Hist. j. p., 198. Примѣчаніе на той же 447 стр. у Флоринскаго, что «окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку и народнымъ говорамъ»—неточно, да и на стр. 441 б, 1, о томъ же предметѣ говорится несовсѣмъ точно. Зачѣмъ взято въ образецъ éроваго склоненія слово chłop съ его необычною формою давальника на u, а не на owi (сравни 450, п. 8)? Ту же погрѣшность, впрочемъ, представляетъ Миклошичева Морфологія, и мы со Шлякóвымъ не догадались исправить ее въ русскомъ переводѣ. Странно замѣчаніе (455, п. 5), что «по образцу ciele склоняются нѣкоторыя уменьшительныя (какія?!) и названія молодыхъ животныхъ[2]) отъ основъ на t, но только въ ед. ч., напр. źrebię, kurczę, dziećię, dziewczę, gąsię, ksiąźę[3]); во множ. числѣ они слѣдуютъ твердому склоненію». Да вѣдь они — кромѣ безмножи́ннаго dziećię (457, 1) вполнѣ сходствуютъ съ ciele, между прочимъ и твердостью множинныхъ окончаній; притомъ бóльшая часть этихъ окончаній равняется староперковнымъ. За-

1) См. впрочемъ Сравнит. морфол., стр. 574, 7—6.

2) Лучше бы сказать — названія молодыхъ существъ, или дѣтенышей.

3) Надо бы отмѣтить, что ksiąźę не княжичъ, а просто князь.

Digitized by Google

мѣчу еще, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно бы прибавить упоминаніе о сокращенныхъ формахъ слова ksiądz̨ę — księcia и т. д. Формы множнаго рóдника wisien, sukien, хотя и приведены (460, п. 9), но въ нихъ не подчеркнуто появленіе — какъ бываетъ у такихъ словъ и въ русскомъ языкѣ — твердаго и вм. мягкаго. Выраженіе, что указательное мѣстоименіе «ten можетъ усиливаться прибавкой частицъ tam, że: tamten, tamże» (466, 8 сн.), весьма неудачно, такъ какъ tamten вѣдь значитъ тотъ, а tenże — этотъ-же; къ тому-же tam совсѣмъ не частица. Отмѣтивъ обычай писать въ среднемъ родѣ dobremi, рядомъ съ -ymi въ мужескомъ (что въ женскомъ тоже употребляютъ -emi, не сказано), и осудивъ это употребленіе (471, п. 3), авторъ тѣмъ не менѣе внесъ среднéродное -emi въ парадигму, на стр. 472; въ томъ же духѣ онъ поступилъ и съ творно-мѣстнымъ окончаніемъ -ym и его правописною разновидностью -ém (тамъ же). У мѣстоименій Флоринскій еще рѣзче осуждаетъ формы naszemi и niemi (466, 5 и 468, прим.) и въ парадигмы (466, 467 и 468) ихъ не вноситъ. Сравнимъ, однако, мою Краткую фонетику и морфологію польскаго языка, 36 вн., или Сравн. морф., 635, прим. 1. Обыкновенный видъ числóвокъ 7 и 8 — не siedem, osiem (474), а siedm, ośm. Неточно выраженіе, что «окончаніе неопредѣленнаго наклоненія всегда ć» (478, 5 сн.), вѣдь тутъ же черезъ три строки приводятся инфинитивы на твердое с — piec, wlec, móc. Одúнное 3-ьеличье глагола być звучитъ де «jeść (стар. яз.) и jest (нов. яз.)» 482, 10. На дѣлѣ и въ старину jeść почти не встрѣчается: оно отмѣчено только по разу во Флоріанской псалтыри, въ Святокрестскихъ проповѣдяхъ (Kazania Świętokrzyskie) и въ Константціиномъ молитвенникѣ. Въ парадигму глагола wiedzieć (491) помѣщено «прич. наст. страд. wiadomy», хотя на стр. 480, вн., отмѣчено, что wiadomy и тому подобныя формы сохранились лишь въ качествѣ прикладковъ. Объ э́левомъ причастіи plótł, wiódł сказано (493, 10—9), что оно имѣетъ «во мн. числѣ только pletli, wiedli», т. е. лично-мужескія формы, обыкновенныхъ же plotły, wiodły не приводится. Изъ трехъ примѣ-

Digitized by Google

ровъ на куявское ę вм. общепольскаго ą (bękart незаконнорожденный, nię, moję, 539, п. 2) вѣренъ только одинъ—nię вм. nią. Горальское нарѣчіе въ формахъ dóm, ón несомнѣнно «удержало» *u* = *ó* (543, вн.), но въ do dómu, óna, kóńe *u* введено вновь. Въ заглавіяхъ Цейновинскихъ кашубскихъ книжекъ (558, вв.) смѣшаны знаки j съ точкой и ȷ безъ точки, изъ коихъ первое обозначаетъ узкое, мягкое i, въ противуположность буквѣ i, равной польск. y, а вторая есть согласная, соотвѣтствующая польскому j и вмѣстѣ съ тѣмъ безгласная — знакъ мягкости (= i и ′). «Чешскій лѣсъ» (583), служащій съ южной стороны границею серболужицкаго языка, — двойной недосмотръ: 1) вм. Чешскій лѣсъ, = нѣм. Böhmerwald, лучше бы было сказать Шумава, а 2) нужна тутъ не Шумава, а Рудныя горы. Акутъ надъ согласными (кромѣ ć и dź) въ верхнелужицкомъ обыкновенно имѣетъ лишь этимологическое значеніе, и вовсе не обозначаетъ «мягкости согласныхъ» (601, 3); o ẃ и ń, равныхъ j и jn: krej, kójn, говорится у самого Флоринскаго—627 и 625 (подъ j). Непонятный мнѣ недосмотръ представляетъ указаніе относительно чередованія лужицкихъ *ó* и *o* (612, 5—7): «если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи ударепіе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное *o*, напр. konja, hłodu» при kóń, hłód. Замѣчаніе, что верхнелужицкимъ звукамъ ć и dź «въ нижнелужицкомъ часто соотвѣтствуютъ ś и ź» выражено весьма неточно, да оно и излишне, въ виду того, что на стр. 620 объ этомъ дѣлѣ сказано достаточно подробно и совершенно вѣрно. Лужицкое (преимущественно верхнелуж.) h не есть «придыхательное *г*» 601, 8—9, а прямо равно нѣм. h, при согласныхъ же и въ исходѣ равно нулю. Отчасти это указано и у Флоринскаго, 627 вн., но насчетъ исхода онъ даетъ невѣрное правило, веля произносить bóch (626, 6 сн.). Опредѣленіе верхнелуж. kh, какъ «особое ch, произносимое съ густымъ придыханіемъ: khory» (601, 11—12), невѣрно: это есть нѣмецкое *k*, отличающееся отъ славянскаго нѣкоторымъ придыханіемъ. (Самъ авторъ, на стр. 621, 2 сн., объясняетъ kh нѣмецкимъ вліяніемъ). Совершенно своеобразныя по измѣненію звуковъ

Digitized by Google

strowy (съдравъıи) и śpa (истъба) напрасно поставлены на одну доску съ обыкновенными случаями уподобленія (626, 9 сн.). Замѣчу еще, что zwjazać-zwězaś не слѣдуетъ объяснять превращеніемъ s передъ w въ z — вѣдь sw вполнѣ обычное сочетаніе, а spěwać, надо полагать, содержитъ предлогъ съ. «Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходенъ не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣст. п.» (635, п. 11) — нужно «мѣст. п.» и съ «дат.-твор.». Приводимый (655, 8) супинъ pjac, хотя и произошелъ несомнѣнно изъ супина *пець = староцерк. пешть, но совпадаетъ съ инфинитивомъ pjac, = староцерк. пешти. Некстати (661, прим. 1) говорится: «не слѣдуетъ забывать, что иногда и старослав. ꙗа возникло изъ болѣе древняго ѣа, напр. творꙗахъ, слоужаахъ» — для серболужицкой рѣчи изъ этого ровно ничего не выведешь. Не надо было, подъ парадигмой dać (666) помѣщать преходящее dawach, хотя бы съ оговоркою, что оно «собственно относится къ глаголу dawać» (667, 1—2). Сокращенное написаніе «hić(ś)», стр. 671, 10, неточно, такъ какъ вѣдь по-нижнелужицки hyś. 3-ьеличныя muća, khodźa и па́причастки mućo, khoďźo (679, 9 сн.) лишь по недосмотру попали въ число формъ, примѣнившихся къ однинному 1-воличью — напротивъ, какъ и сказано выше, черезъ строку, muću и khodźu позаимствовались у mućo, khodźo, -ća, -dźa и у другихъ формъ настоящаго. Принявъ (694, пр. 2) мое пониманіе написаній *еу* и *ау* для полабскаго языка (какъ ei), Флоринскій всетаки не разъ употребляетъ ai: aid 695, п. 12, godai 697, п. 2, pülai тамъ же II, vaiḱai, -ḱě, -kè, ḱüstai, vaikam тамъ же III, jai 698, 12.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть у Флоринскаго и прямыя невѣрности[1]). Буква ě у Чеховъ вовсе не обозначаетъ «двугласнаго краткаго ie» (58 сер.), а обозначаетъ *е* съ предшествующимъ легкимъ j (неслого́вымъ i): město, běh, pět,

1) Неразъ, конечно, можно сомнѣваться, имѣемъ ли мы дѣло съ невѣрностями, или съ простыми недосмотрами.

Digitized by Google

květ = mjesto, bjech, pjet, kvjet. Что въ такихъ словахъ, какъ dělo, němy, tělo она выражаетъ *e* съ мягкостью предыдущаго созвучника, на это указываетъ самъ авторъ, говоря, что ně, dě, tě пишутся «неправильно» вм. ňe, ďe, ťe. Напрасно Флоринскій противуполагаетъ старочешскія слова błázn дуракъ, bázn и kázn, какъ двусложныя, со слоговымъ n, теперешнимъ односложнымъ (77, 9—12): напротивъ, теперешнія двусложныя blázen, bázeň и kázeň (со вставнымъ *e*) въ старину были односложными[1]). Два раза (79 сер. и 80, 7) указывается, какъ множный родникъ къ noha, — nóh, каковой выговоръ нѣкогда существовалъ, но долженъ былъ, при чисто звуковомъ развитіи, перейти въ nůh, или же (какъ случилось въ дѣйствительности), путемъ подражанія,— въ noh[2]). Совершенно не понимаю, на чемъ основано утвержденіе, будто по-чешски «*s*, *z* всегда тверды, а *c* — мягко» (90, 7 сн.): всѣ три звука, какъ почти всѣ чешскіе созвучники,— средніе, способные къ легкимъ оттѣнкамъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласника; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ также непонятно, почему Флоринскій считаетъ твердымъ *c* въ пришлыхъ словахъ (plac, palac) и возникшее путемъ сліянія согласныхъ (co = čso, bohactví = bohatství). Неладно сказано, что у Чеховъ «нерѣдко (въ литературномъ языкѣ) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i» (94, вн.), тогда какъ призвукъ j передъ начальнымъ i (кромѣ союза i) обязателенъ[3]), а передъ другими гласными вовсе не появляется. Что̀ это за особенность говоровъ дулѣбскаго и злинскаго выговоръ bůch, sních, chlep, vus (95, 5—4)? Вѣдь переходъ конечныхъ голосовы́хъ въ безголо́сные общечешское (въ то же время болѣе-менѣе общеславянское

1) Gebauer, Staročeské skloněnî substantiv kmene -o. Pojednání Královské České Společnosti Nauk. Řady VII svazek I. V Praze 1886, стр. 4. Historická mluvnice, III, 86, стр. 49.

2) Gebauer, Staročeské sklon. sub. km. -a, тамъ же, svazek 2, 1888, стр. 8, приводитъ изъ рукописи Пророковъ XIV в. написаніе jeho nooh. См. также Hist. mluvn., III, 143, стр. 179.

3) Да и самъ Ф. тутъ же отмѣчаетъ начальное i (iný, iva, iskra, it) какъ *областную* черту.

Digitized by Google

и даже общечеловѣческое) явленіе, такъ что отмѣчать слѣдуетъ тѣ случаи, гдѣ его не бываетъ, напр. выговоръ du*b*, lu*d*, kré*v*, paúz[1]), nůž въ угорско-словенскомъ разнорѣчіи, какъ Бартошъ (I, 34, п. 6) и дѣлаетъ. Нарѣчіе kde въ выраженіи kdè jste?, съ двойною погрѣшностью, названо союзомъ и энклитикой. Въ двóйномъ числѣ служатъ де окончаніями «для основъ на согласный: y, i, ě (им., вин. п.) ... напр. koruhwy, kameny, rameny, dietietie, dvě teletie» (104, п. 9). Букву *y* въ koruhwy и rameny мы, конечно, вслѣдъ за Гебауеромъ, должны читать i, а kameny— признать образованіемъ по éровому склоненію, на у́ковскій ладъ (какъ сынъ). Hist. mluvn., III, 310, str. 339; 360, str. 417; 354, str. 409, такъ что *y* здѣсь вовсе не принадлежитъ «къ древнимъ окончаніямъ» (103, 1 сн.). Dva, oba не есть муж. и сред. р. (105, 2) — средній родъ совпадаетъ съ женскимъ, dvě, obě. Zemané, dvořané (108, п. 3) древнія образованія отъ согласныхъ основъ — вторичной приходится считать только долготу, идущую вѣроятно изъ и́жеваго склоненія; такая же форма и польское mieszczanie (444, 3—1). Какія это «словà чешскаго образованія» manžel супругъ, popel пепелъ, toul колчанъ, týl затылокъ (123, 8—11)? Развѣ они не праславянскія? Слово pondělí понедѣльникъ обыкновенно не муж. р. (130, п. 2), а средняго. Напрасно авторъ отрицаетъ существованіе въ старочешскомъ ро́днаго падежа прикладочнаго склоненія dobré (156, 13—14)[2]), вслѣдствіе чего считаетъ нужнымъ выводить его путемъ отпаденія j изъ явно вторичнаго dobrej вм. dobřej, утратившаго смягченіе подъ вліяніемъ другихъ падежей, особенно должно быть именно ро́дника dobré[3]). Несовсѣмъ вѣрно, что въ литературномъ языкѣ чешскомъ конечный l элевыхъ причастій всегда удерживается (165, сер.). См. Сравн. морф., 537, пр. 2. Положеніе, что pojíti въ смыслѣ пропасть, погибнуть образуетъ настоящее

1) Paúz = pavuz шестъ, коимъ сверху придерживается увязанная кладь на возу (снопы, сѣно).

2) Gebauer. Hist. mluvn. III, 443, str. 542.

3) Сравнимъ впрочемъ также на слѣдующей стран., по серединѣ.

Digitized by Google

(будущее) pojdu и велительное pojdi, -ěte, отличныя отъ půjdu пойду и pojď, -te пойди, -ите (180, 6—8), есть, навѣрно, чьенибудь мудрствованіе. Vari, -ite берегись, -итесь, разумѣется, нельзя считать «повел. накл. отъ устарѣлаго глагола varu» (192, 12), каковое звучало бы vař, vařte. См. Сравн. морф., Попр. и дополн., стр. 829—830. Нельзя допустить, чтобы при «послѣдовательной перегласовкѣ u въ i», «въ наст. врем. *сохранялись* u, ou: píšu, píšou, miluju» (196, п. 2): конечно, они *возстановлены*, по примѣру глаголовъ твердаго окончанія. Выговоръ krejи вм. kryju (-ji) совсѣмъ не однороденъ съ leju вм. liju (196 вн.): первое подражаетъ инфинитиву krejti изъ krýti, а второе представляетъ архаизмъ и равняется староперк. лѣѭ. (Едвали можно, какъ я дѣлалъ ранѣе, возводить krejи къ праслав. крѣѭ; впрочемъ и въ такомъ случаѣ оно не должно быть сопоставляемо съ leju). U dobrý sestry и u -rej -ry вовсе не звуковыя разновидности одного окончанія (197, п. 14): ý дѣйствительно соотвѣтствуетъ литературному -é (= -*ыjъ* или мѣстоименному -*ojь*), -ej же находится въ связи съ -*ъи* и съ -*ои*. Упрекъ Гебауеру, что онъ утверждаетъ, будто словацкое количество «вполнѣ» совпадаетъ съ чешскимъ» (263, 6 сн.), основанъ на ошибочномъ переводѣ слова celkem, означающаго «im Ganzen, вообще», а не «вполнѣ». Невѣрно, что азовыя окончанія словацкихъ формъ dlaňam, kosťam, dlaňach, kosťach и dlaňami не находятъ соотвѣтствія у Чеховъ (280, сер.) — самъ же Ф. приводитъ (137) соотвѣтственныя образованія daním, -ích, -ěmi. Правда, есть тутъ и разница: словацкія -am, -ach надо объяснять не простымъ заимствованіемъ, а сдѣлкою между -ām, ăch и -ěm, -ěch (= -ьмъ и -ьхъ). Слова jazvec, švec и žnec вовсе не «переставляютъ» *е* въ другихъ падежахъ, jazevca, ševca и ženca (292, п. 7). См. Сравн. морф. 485, пр. 2 и статью Брюкнера въ Arch. f. sl. Ph., XII, 290 сл. До насъ вовсе не дошло полной Библіи на старопольскомъ языкѣ (392, 4 сн.): Софіина или Шарошпатацкая библія весьма неполна. Какъ можно говорить, что польское ę напоминаетъ не только франц. in въ pain, но и «un» (410, 2—3)? Со-

Digitized by Google

вершенно невѣрно, что «въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко á обозначаетъ ясное *a*, а сжатое *a* напротивъ того передается обыкновеннымъ *a*» (417, пр. 2) — это замѣчается не въ рукописяхъ, а въ старопечатныхъ книгахъ, притомъ не только часто, а постоянно. Старопольское pwać, = пъвати, совсѣмъ не представляетъ превращенія u въ w (425, 7—8). Польское i послѣ гласныхъ (moi, szyi и т. п.) не даетъ никакого зіянія (тамъ же, 9—10), такъ какъ передъ нимъ слышится другое, неслогóвое i. Wszak, wszego, szedziwy отнюдь не «мѣстныя» словà (432, 10—9). Множный рóдникъ nadziei вовсе не особенность Мицкевича (443, 2), а обыкновенная, хотя и нѣсколько странная форма. Рóдникъ łże во Флоріанской псалтыри не есть примѣръ перехода слова ложь изъ йжеваго склоненія въ азóвое (444, 9—10), и мы его должны, вслѣдъ за Неринговъ, относить къ назывнику łża = староцерк. лъжа. Szwec (454, 7 сн.) — погрѣшность вм. szewc. Фамиліи Fredro и Kościuszko, конечно, совсѣмъ не литовскаго происхожденія (457, сер.)—литовскими ихъ можно назвать лишь по польскому способу, различая поляковъ-коронниковъ (koroniarze) и поляковъ-литовцевъ (litwini). Приводимое на стр. 460, п. 9, a, gęśla—форма небывалая. Radzi, warci и kontenci дѣйствительно принадлежатъ къ именнóму склоненію и только совпадаютъ съ прикла́дочными (сложными) образованіями (462, 6—5), но rade, warte и kontente такъ-таки образованы по «сложному» склоненію. Wezwawszy и skowawszy, взятыя, при посредствѣ Калины (Hist. j. p., 373), изъ Софіинской библіи (стр. 113 b и 278 b, по изд. Малъэцкаго), не могутъ служить примѣрами на употребленіе прóшлостнаго пáпричастка отъ глаголовъ несовершеннаго вида (480, 8—9), такъ какъ принадлежатъ къ совершенному; да и znamionawszy стоитъ (тамъ же 205 b) въ соединеніи napisawszy listy ... i zn., гдѣ играетъ роль того же совершеннаго вида [1]). Leciemy, chodziemy, представляющіе «e, несомнѣнно воз-

1) Изъ подобнаго же сочетанія взято и Калининo jechawszy Księgi Ustaw 24 b, 12: do wrot jego jechawszy i laskę (-ą?) uderzywszy. Читаемое у него же sławszy (Соф. 75 a) есть опечатка вм. slawszy=сълнвъшн.

Digitized by Google

никшее подъ вліяніемъ основъ настоящаго на e» (483, 6—5), должны быть объясняемы вліяніемъ однинаго 1-личья на множинное. См. мою Кратк. фон. и морф. польск. яз., 40—41, а также у самого Флоринскаго, 500 сер. и 501 сер. же. Z, s въ кашубскихъ vesc, ńesc, sedmé, serp, zeńa, zębnǫc, конечно, не «остаются твердыми» (566, п. 12), а впослѣдствіи отвердѣли. Сравнимъ sodło, непремѣнно предполагающее śodło, śedło. Вовсе не «бо́льшая», а лишь малая часть сербовъ-лужичанъ исповѣдуетъ католицизмъ (584, 7—5). Далеко не точно сказано про лужицкую букву ŕ, что она «употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхнелужицкомъ нарѣчіи», «звучитъ совершенно какъ š (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ Матицы» (601, сер.) — вѣдь именно въ нижнелужицкомъ r чаще переходитъ въ š (см. у самого Флоринскаго, 618), и если Мука считаетъ знакъ ŕ «лишнимъ для нижнелужицкой графики», то дѣлаетъ это съ фонетической точки зрѣнія (Laut- und Formenlehre, 23, Anm.). Что слово рало (луж. radło, 616, 10 сн.) не представляетъ отпаденія *o*, отмѣчено уже въ первомъ моемъ разборѣ, стр. 14, сер. Что́ это за чередованіе l и r: kowal и kowaŕ (619, 7)? Вѣдь тутъ употреблены разныя наставки! Сравнимъ сербо-болгаро-словенское ковач, въ коемъ, конечно, никто не вздумаетъ выводить ч изъ *р* или изъ *л*. Нижнелуж. riła, разумѣется, не представляетъ нижнелужицкаго перехода *f* въ *p* (621, сер.), такъ какъ оно равно верхнелужицкому riła и общеславянскому пила, которое м. б. и заимствовано изъ старонѣмецкаго fila, съ указаннымъ превращеніемъ, но еще въ праславянскую пору. Твóрные падежи nožom, konjom, morjom нельзя выводить фонетически изъ ножемь, конемь, моремь (634, сер.), а надо объяснять вліяніемъ твердаго различія. Множный рóдникъ swini вовсе не есть подражаніе йжевому склоненію (642, сер.), а просто равняется староцерковному свинии и русскому свиней; напротивъ того, приводимое на стр. 639, п. 3 и 641, 5 сн. swiń есть подражательная форма — плодъ примѣненія іотоваго различія къ собственно-мягкому, произошедшаго, понятно,

Digitized by Google

въ такое время, когда еще господствовали безсуффиксные ро́дники zeḿ, ról и т. п. Нижнелужицкое окончаніе tej (pleśotej) едвали «могло возникнуть по аналогіи mej» (pleśomej, 658, 13—14), а скорѣе наоборотъ tej, возникшее подъ вліяніемъ указательнаго мѣстоименія, вызвало mej вм. moj.

И въ настоящемъ выпускѣ, также какъ въ первомъ, проявляется иногда слишкомъ свободное отношеніе къ звуковымъ законамъ. Срв. первую рец., стр. 11. Авторъ не затрудняется выводить чеш. zráti изъ ʒьрѣти (62, сер.), тогда какъ тутъ надо предполагать разныя глагольныя примѣты. Онъ допускаетъ, что слово сѣра уже въ старочешскомъ, когда другія слова на мѣстѣ ѣ представляли ie, могло звучать síra (тамъ же) — я бы считалъ обязательнымъ для такого síra, рядомъ съ miera, viera, vietr и т. д., предположить въ словѣ сѣра праславянское колебаніе между *ъ* и *и*. Онъ не задумывается выводить *е* изъ *а* въ древнечешскихъ nem, vem вм. nám, vám, въ словѣ beran баранъ и въ областныхъ bezmale, telíř, jesan и selat (68 вв.). Изъ этихъ словъ nem, vem вѣроятно объясняются примѣненіемъ къ těm; bezmale— приняло обычное нарѣчное окончаніе -e = ѣ; telíř просто сохраняетъ *е* нѣмецкаго Teller; jesan должно быть есть сумѣсокъ jasan и jesen; selat могло быть пріурочено къ причастію sel глагола síti-seti; соотношеніе фонемъ beran и баранъ (есть еще и бо-) неясно, однако не даетъ права выводить *е* изъ *а*. На той же стр., строка 6—7, авторъ допускаетъ, рядомъ съ обычнымъ переходомъ въ ляшскомъ говорѣ долгаго *а* въ *о*, такой же переходъ краткаго *а* въ словахъ pomať и pomatka вм. paměť и památka,— тогда какъ вполнѣ удобно видѣть здѣсь появленіе болѣе обычнаго предлога po, взятаго у глагола pomněti. Нарѣчія kame, tame, take съ переходомъ *о* въ *е* (71, сер.), надо полагать, произвели такую же подстановку обыкновеннаго нарѣчнаго окончанія, какъ bezmale. «Во многихъ» де «моравскихъ говорахъ (валашское, ляшское, злинское нар.) вм. u слышно иногда *y*: а) въ нарѣчіяхъ z mlady вм. z mladu, z nový вм. z novu, od hlady, z domy, po česky вм. po česku и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сло-

Digitized by Google

вахъ: byď, byďte, slych» (74, вн.). Развѣ не ясно, что byď, -ťe явились подъ вліяніемъ býti, slych — подъ вліяніемъ slyšeti? Что po česky представляетъ сдѣлку между po česku и česky? (срв. рус. по-чешски). Z mlady и znovy должно быть содержатъ прикладокъ въ женскомъ родѣ; od hlady вѣроятно сумѣсокъ нарѣчнаго выраженія od hladu съ нарѣчнымъ твóрникомъ hlady. Только z domy неясно (подъ вліяніемъ z chalupy — изъ избы?); но неужели изъ-за него необходимо прибѣгнуть къ звуковому насилію? Въ вопросномъ мѣстоименіи kdo авторъ безо всякаго затрудненія говоритъ о переходѣ kt въ gd (87, 8 сн., 90, сер.),— вѣроятно тутъ надо допустить примѣненіе къ нарѣчіямъ kde и kdy. Выводитъ онъ также (93, 1 сн.) roští фонетически изъ roždí, какъ dešť изъ dežď, гдѣ имѣется правильное обезголóшеніе исхода[1]); тутъ, очевидно, примѣшался глаголъ růsti-rostu. Въ областныхъ формахъ нарѣчій vícej, dálej, ménej и т. п. Флоринскій говоритъ (94—95) о приставочномъ j; тогда какъ, разумѣется, здѣсь произошло примѣненіе къ другой наставкѣ сравнительной степени -ěji (později). Онъ утверждаетъ, что «др. j замѣнено l въ др. ч. ledno (вм. jedno = jen [только]) и морав. len (вм. jen)» 95, 3—4; хотя тутъ же признаётъ, что «въ ledva рядомъ съ jedva l происходитъ изъ праслав. періода». Отъ этого ledva, или же прямо отъ le, = лѣ, кле, и могъ быть заимствованъ звукъ l въ ledno. Относительно г Флоринскій допускаетъ, что онъ «иногда передъ ь и *e* (первичными) не смягчается въ ř ..., напр. bereš вм. beřeš, ber, berte вм. beř, beřte, doktore!, sbore!, stařec и staгec» (83, 6—4) — это все несомнѣнно вторичные плоды примѣненія къ родственнымъ формамъ, напр. у слова stařec къ косвеннымъ падежамъ, гдѣ сложное созвучіе ršts упростилось въ rts. Сравнимъ у самого Флоринскаго 183, 4 сл. Въ польскихъ глаголахъ rznąć и ośnąć авторъ усматриваетъ изчезновеніе гласнаго *e* (425 сер.); но *e* непремѣнно бы уцѣлѣло, основныя же фонемы были рьзнѫти и осль(п)нѫти. Онъ, не за-

1) Deště, -i и т. д. суть новотворки къ назывно-винительному dešť.

Digitized by Google

думываясь, допускаетъ въ областной рѣчи у Поляковъ совсѣмъ странное отпаденіе начальнаго r въ предлогѣ roz: ozlaĺ, ozdać, ozłożyć (434, 9—8) и g въ словѣ robak червь (435, 2). Областное же (лясовское) podnoga вм. -łо- полъ представляетъ молъ n изъ ł, тогда какъ оно легко объясняется примѣненіемъ къ слову noga. Въ словахъ inny, panna, rynna водосточная труба будто бы удвоился простой n (427 сер.); изъ нихъ rynna пришло съ такимъ n отъ нѣмцевъ (Rinne), panna (= паньна) имѣетъ два этимологическихъ n, а inny, видимо, пріобрѣло второй n, замѣнивъ старый прикладочный суффиксъ -y, -a, -e болѣе живымъ -ny, -na, -ne. Авторъ допускаетъ, что «гласный y иногда замѣняетъ другіе гласные — *e*, *u*, *i*: garnyšek, słonyško, dzvonyšek, chłopyšek, ẃonyšek,....krychy; въ твор. мн. ч. my вм. mi: jajmy, voĺmy, ńemy... (540, п. 7)[1]); -yšek, -yško, конечно, другіе суффиксы вм. -eček, ečko, -ušek, -uško; krychy — другая огласовка корня; -my — сумѣсокъ окончаній *mi* и *y*. Въ исходѣ словъ могутъ де появляться у Лужичанъ (преимущественно въ разныхъ говорахъ) n, m, r, напр. нижнелуж. ten, wšen, něchten, nichten, верхнелужицкія tón, wšón, něchtón, nichtón; lěbdyn, wjelgin, žgan (нижнелуж.), lěbdym, lědym (нижнелуж.), hyšćer, južor (нижнелуж.), něntor (гродецк. г.), tamkor, tuder (628, 10—6). Что̀ это за приставки ни съ того, ни съ сего?

Въ иныхъ случаяхъ впрочемъ и Флоринскій прибѣгаетъ вмѣсто фонетическихъ объясненій къ аналогіи, иногда даже безъ особенной надобности. Такъ мнѣ кажется гораздо естественнѣе допустить переходъ *c* въ *ć* чѣмъ объяснять слова občan, Olomučan, къ obec община, Olomouc, вовсе не аналогичнымъ Pražan при Praha (92, прим.). Совершенно не правдоподобно, чтобы *e* въ дательникѣ pŕácem «удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и тв. мн.» (120, вв.). Впрочемъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно не обойдешься безъ посторонняго вліянія, а именно йжеваго скло-

1) Здѣсь Флоринскій воспроизводитъ показанія Оскара Кольберга (Lud, IV, Kujawy, Warszawa 1867, стр. 285, 79 и 284, 57); но воспроизводящій безъ оговорки чужой взглядъ беретъ его на свою отвѣтственность.

Digitized by Google

нения: prácem по kostem, какъ наоборотъ daním по duším. Польское областное dobry вм. dobrej рѣшительно незачѣмъ объяснять примѣненіемъ къ именному склоненію (511, п. 27) — оно легко могло возникнуть фонетически изъ -éj, -yj.

На счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ Флоринскій выражается чрезвычайно осторожно. Такъ онъ говоритъ (167, пр.), что «только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчается флексія ši: riješi, chceši (Краледворская рукопись), neimaši, mlviši (Отрывокъ Евангелія отъ Іоанна)», не рѣшаясь, по излишней уже осторожности, назвать эти рукописи прямо подложными. Онъ говоритъ, что у поляковъ «въ повел. накл. вм. ожидаемыхъ dz, c .... слышится ż, cz: ląż, pomóż, piecz, tłucz» (430, 5—4), не прибавляя столь очевиднаго объясненія, что ż и cz пришли сюда изъ настоящаго; да и на стр. 484, сер., онъ не признаётъ этого объясненія несомнѣннымъ, а только возможнымъ.

Подчасъ однако мы находимъ въ разбираемой книгѣ сужденія вовсе не осторожныя, а напротивъ того довольно смѣлыя. Такъ, по словамъ Флоринскаго, «необходимо предположить, что, покидая общую славянскую родину, чехи уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей» (34, 12—10). Я не вижу тутъ никакой необходимости и никакихъ основаній для того или иного сужденія. Точно также считаю слишкомъ рѣшительнымъ замѣчаніе, что къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ» (34 же, 4—1). Въ дѣйствительности тогда не было напр. суженія (перегласовки), не было ѣ, не было совпаденія ы съ і, ни ѣ съ ѣ. Отмѣченное въ одной грамотѣ (1028 г.) Dubreu нашъ авторъ не затрудняется выводить путемъ перегласовки изъ Dubrava (37, сер.) — здѣсь или описка, или совсѣмъ другое слово. Не много ли сказано, что «въ древнѣйшую пору, въ Кириллo-Меѳодіевскую эпоху (IX ст.), чехо-моравяне пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ

Digitized by Google

(кириллица и глаголица)»? (56 вв.). Также и преемственность въ употребленіи глаголицы подлежитъ сильному сомнѣнію. Подобнымъ же образомъ какъ насчетъ древности чешскаго языка, авторъ высказывается и насчетъ древности польскаго (388 сер.): «имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ ляшской вѣтви, сложившихся впослѣдствіи въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныхъ языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.)». Не вижу, далѣе, основанія думать, чтобы въ праславянскомъ языкѣ употреблялись назы́вничныя формы jь, ja, je (149, 5). Довольно смѣлымъ мнѣ представляется мнѣніе (высказанное, правда, какъ свое личное), будто «необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: ǫ, ę, ą̃» (415, сер.). Естественнѣе думать, что польская рѣчь въ древнѣйшее время представляла носовые гласники *о* склонное къ *а* и *е* склонное къ тому же *а*, причемъ второму предшествовали мягкіе со́звучники, и то́ и другое могло быть долгимъ или краткимъ: sǭ^{a}d, sǫ̆^{a}k, ŕę̄^{a}d, ṕę̆^{a}t́; потомъ носовые о^{a} и е^{a} совпали въ одномъ носовомъ *а*: są̄d, są̆k, ŕą̄d, ṕą̆ć, и наконецъ уже ą̃ перешло въ ǫ, ą̆ — въ ę (sǫd, sęk, ŕǫd, ṕęć), причемъ иногда — по невыясненнымъ причинамъ — сохранялось носовое *а*. Пожалуй возможно, но по моему, совсѣмъ не «вѣроятно», что значительное «разнообразіе говоровъ среди маленькаго серболужицкаго народа восходитъ къ глубокой древности» (585 вн.).

Несмотря на все свое вниманіе къ исторической сторонѣ дѣла, — срв. хотъ указанія на стр. 97, 3—4 и 10, что b и p въ чешскихъ hnuti, hynouti, hřésti, usnouti, kanouti выпали уже въ праславянскую эпоху, и что къ ней же относится вставочный n въ do něho, — авторъ впадаетъ въ иныхъ случаяхъ въ неисторичность. Слово jest со своимъ праславянскимъ при́звукомъ совершенно некстати помѣщено рядомъ съ jíti и областнымъ jоčі (81 сер.). Давально-мѣстный падежъ слова deska—desce (133,

Digitized by Google

II. 4) не можетъ служить примѣромъ измѣненія *k* «передъ *e* на основаніи общихъ законовъ языка», такъ какъ онъ звучалъ нѣкогда deščě, deště, и лишь впослѣдствіи превратился въ dесse подъ вліяніемъ такихъ случаевъ какъ ruka — ruce и víska — vísce (изъ вьсъка). Геб., Hist. mluvn., III, 137, стр. 176[1]). Если молъ въ чешскихъ инфинитивахъ «передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр. vésti, plésti, pécі» (161, 5—3) — но вѣдь это явленія не чешскія, а праславянскія и славянолитовскія. Срв. 1-ую рец., 11. Какъ одна изъ особенностей грозенковскаго говора чешскаго языка указывается (338, п. 3), что «*e* исчезаетъ изъ окончанія ečeк: chlarček», тогда какъ тутъ имѣется правильное проясненіе средняго изъ трехъ глухихъ въ основной фонемѣ хлапьчькъ, а литературное chlapeček переняло первое *e* у косвенниковъ chlapečka и т. д. Правда, Ф. въ указанномъ мѣстѣ говоритъ не отъ себя, а повторяетъ слова Бартоша (Dial. mor., I, 40, 8), и надо думать, что онъ, равно какъ и Бартошъ, знаетъ настоящее положеніе дѣла (срв. у Бартоша стр. II, вн.) — но зачѣмъ же выражаться такъ ненаучно и сбивать этимъ учащихся? Въ областныхъ польскихъ bieresz, bieгe г конечно не сохранился въ несмягченномъ видѣ (426, 3—2), а возстановленъ изъ такихъ формъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ широкій гласникъ или же сóзвучникъ. Утверждая, что «передъ согласными п иногда твердѣетъ: piosnka» (427 сер.), авторъ забываетъ, что основной видъ этого слова есть пѣснзка. Одни́нное перволичье umiejem, стягиваемое въ umiem (483 сер.) — форма небывалая; также и dziaľam не представляетъ «стяженія изъ первичнаго aje» (тамъ-же, 3 сн.). Срв. мою Краткую фон. и морф. польск. яз., 39, и кашуб. znają. «Праславянское je «у настоящаго къ глаголу być» раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.» (488, 4 сн.) — да вѣдь тутъ ко-

1) Срв. приводимое самимъ Флоринскимъ (92 вн.) vojště, рядомъ съ которымъ, правда, и тамъ поставлено dесse и однородное съ нимъ Polsce—по-старинному Polšče, Polště. Срв. также выше, стр. 208 (о. о. стр. 8), стрк. 12 сн.

Digitized by Google

ренной гласникъ *е* исчезъ еще въ индоевропскомъ праязыкѣ. Срв. мою статью «О сильных и слабых формах», 24 (= Р. Ф. В., XIV, 344), пр. 2. «Въ един. ч.» (лужицкаго велительнаго наклоненія) «личныя окончанія (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли» (660, 13—14)—развѣ это произошло въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ? Вѣдь во 2 лицѣ s отпалъ у Праславянъ, а въ 3-мъ t — у Славяно-литовцевъ.

Случается автору, хотя онъ обыкновенно строго отличаетъ звуки отъ буквъ, принимать кое-гдѣ правописныя особенности за языковыя. Въ чешскихъ словахъ dcka, předce, dvadcet онъ видитъ переходъ *s* въ *c*, въ bohactví, dvanáct—переходъ въ тотъ же звукъ сочетаній ts и ds (91 вн.). «Иностранное s передается» молъ «то черезъ š, то черезъ ž: Ježíš (Jesus), Mojžíš (Moyses), Šimon, Šavel, Mikuláš, groš, verš (versus), žehnati (segnen), žeml (Semmel)», 93 сер., причемъ не обращено вниманія на то, что буквѣ s въ однихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ звукъ s (безголосный), а въ другихъ — звукъ z (голосовой), каковая двойственность и отражается въ чешскихъ š и ž. На стр. 149, 13, приводится литературное kdo при народномъ gdo, тогда какъ тутъ имѣется лишь двоякое написаніе одной и той же фонемы. Безіотыя sem, si, sme, ste, sou (175, 1 сн.) только иное правописаніе вм. іотовыхъ, гдѣ начальный j не произносится. Этотъ j слышится лишь въ отрицательныхъ nejsem, nejsi и т. д.; именно вообще слышится, а не то, чтобы онъ слышался и помимо отрицанія, но не такъ сильно (176, 3). Въ такомъ же соотношеніи находятся литературное jdu съ j, народное du безъ j (180, 8—9) и отрицательное nejdu, о коемъ Флоринскій забылъ упомянуть. Вслѣдствіе того, что словацкое dvadsať, съ буквами ds, звучитъ такъ же, какъ съ буквою *c*, то на стран. 305, стрк. 1 сн., при чтеніи вслухъ не получается смысла. То же самое на стран. 306, у чиселъ tricať и štyricať. Польское jabko, безъ ł, есть только болѣе звуковое написаніе вм. обыкновеннаго j-a-b-ł-k-o, въ коемъ ł не читается, а вовсе не областное (434, 10 сн.). Сравнительныя степени słabszy, łakomszy, nowszy, bogatszy и starszy, въ коихъ

Digitized by Google

«согласные не смягчаются» (473—474) должно быть представляютъ звуковыя начертанія вм. этимологическихъ съ ḃ, ṁ, ẇ, c и rz[1]). Liższy (съ ż) къ lichy, якобы возникшее «по закону расподобленія» (474, 1—2) есть лишь мудреное написаніе по образцу wyższy (нарѣчіе wyżej) и niższy (нарѣчіе niżej). То же самое относится и къ ż въ ciższy. Разница между верхнелужицкими kŕemjeń, kŕik и нижнелуж. kśemjeń, kśik (607, 2; 618, 8—10) существуетъ лишь на бумагѣ — еще разъ при чтеніи вслухъ получается нѣчто неладное. Рядомъ съ утратившими начальное ch нижнелуж. cu, coš, co (628, 1) надо было бы поставить и верхнелуж. chcu, chceš, chce. Срв. выше, стран. 210 (о. о. 10), серед. Невѣрно говорить, что заимствованное лужичанами нѣмецкое tausend тысяча звучитъ въ верхнелужицкомъ tąusznt, въ нижнелуж. tǫuzynt» (644 сер.): слышится и тутъ, и тамъ приблизительно такъ же, какъ по-нѣмецки, toųzn̨t, и только пишется то ближе къ нѣмецкому письму, то ближе къ произношенію[2]).

Къ приведеннымъ случаямъ увлеченія буквами можно прибавить еще нѣкоторыя мѣста, гдѣ авторъ говоритъ довольно странныя вещи; причемъ вѣроятно по большей части имѣются простыя обмолвки, которыя могли бы быть включены выше въ списокъ «неточностей», хотя и наоборотъ кое-что оттуда пожалуй было бы вѣрнѣе отнести сюда. Позволительно ли сомнѣваться, что слогъ ге въ чешскомъ krev и т. п. словахъ произошелъ изъ ръ, а не изъ слогового г (или ър)? Стр. 77 вв. Не вижу также основанія сомнѣваться въ положеніи, что чехи въ старѣйшее время не знали шепеляваго г (84 пр.): если допустить, что издавна произносили ř и только (Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ) писали просто r, а не rz или rs, то вообще нельзя

1) Можно впрочемъ указать вторичныя образованія, гдѣ смягченіе несомнѣнно отсутствуетъ: cichszy (рядомъ съ ciższy), lichszy (рядомъ съ liższy, о коемъ сейчасъ будетъ рѣчь), miększy и lekszy (рядомъ со lżejszy).

2) Мнѣ сдается, что и чешское au въ какомъ-нибудь saud (Флор. 74, 5 сл.) было лишь написаніемъ на нѣмецкій ладъ. Срв. принимаемое Флоринскимъ мнѣніе Ягича (оно и мое) о написаніи ay вм. ej изъ ý (73 сер.).

Digitized by Google

дѣлать никакихъ выводовъ изъ написанія памятниковъ. Какъ можно говорить, что въ мягкомъ различіи азóваго склоненія у чеховъ съ падежами давальнымъ, мѣстнымъ и винительнымъ (duši) совпали также однинный твóрникъ и множный рóдникъ, гдѣ і (какъ тутъ же оговаривается) долгое? Стр. 112, III, 2. Не знаю, чего Флоринскій удивляется, что даже за послѣднія триста лѣтъ (шутка ли 300 лѣтъ?) въ [чешскихъ] нарѣчіяхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія» (195, 5—4). Чтó за странное выраженіе: «придерживаясь современной терминологіи, можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу живой потомокъ славянскаго праязыка» (238, 8—10). И неясно, и недѣльно замѣчаніе, что «іотаціей *a* послѣ мягкихъ согласныхъ словацкій отличается отъ чешскаго и сближается съ малорусскимъ нарѣчіемъ» (253, 5—3). Не могу не опротестовать также слѣдующаго сужденія: «такъ какъ слова čerešňa, čerieslo въ полногласной формѣ свойственны не одному какому-либо говору, а всему [словацкому] языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ» (259—260). Чтó здѣсь предполагается? Существованіе полногласія во времена какого-то русско-словацкаго единства?! Столь же непонятно мнѣ сомнѣніе во вторичности такихъ явныхъ новотворокъ, грѣшащихъ противъ праславянскаго закона смягченія, какъ давально-мѣстные падежи ruke, nohe, muche, какъ множные называники velkí, mnohí, tichí, какъ сравнительныя степени horkejší, trpkejší, rezkejši, krehkejší, ľudskejší и какъ притяжательные прикладки matkin, macochin, strigin, и предположеніе, что «не правильнѣе-ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность словацкаго языка, а съ другой стороны его близость не съ однимъ только чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?» (272—273). Непозволительно также, въ виду праславянскаго суженія *o* послѣ мягкости въ *e*, говорить,

Digitized by Google

что словацкія формы mužovi, -om, -ov, -och, poľo «можно объяснять двояко: или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью сохранять неперегласованное *o* послѣ мягкихъ согласныхъ» (279—280); самъ авторъ, черезъ три строки, даетъ зóвному падежу dušo первое, единственно возможное объясненіе. Совершенно излишне искать основанія старопольской путаницы въ обозначеніи *ы* и *и* въ переходѣ съ одной стороны *кы, гы* въ ki, gi, а съ другой — *ци, жи, ши, чи* въ cy, ży, szy, czy (399, 5): она просто проистекала изъ того, что латинская азбука представляла два знака для звука *i* и ни одного для *ы*, и что не сразу установилось условное разграниченіе буквъ *i* и *y*. Чисто механично и неестественно говорить у поляковъ о переходѣ первичныхъ tj и dj послѣ s и z въ шипящіе, а не въ свистящіе: chłostać — chłoszczę, gnieździć — gnieżdżę (428, 11—13). Срв. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Граммат. зам., стр. 74 = Р. Ф. В., VII, 268. Странно видѣть «смягченіе *c*» въ словахъ zwierciadło и świecie (431, 15—14): zwierciadło при староцерк. зрѣцало очевидно развилось не фонетически, а подражательно. Срв. Грамм. зам., IV = Р. Ф. В., VI, 331. Na świecie правильная форма отъ świat; или это какая-нибудь (мнѣ неизвѣстная) областная форма давально-мѣстнаго падежа слова świéca, вродѣ бескидскаго мѣстника grosie отъ слова grosz? (Сравн. морф. 580, прим. 2). На это, однако, надо бы было прямо указать. Какое имѣется основаніе считать старопольскія и народныя sąśmy, sąście «искусственными формами»? (489 сер.): онѣ столь же естественно могли возникнуть при множномъ 3-тьеличьи są, какъ jestem и jesteś при одйномъ jest. Какое такое «расподобленіе согласныхъ» можно усмотрѣть въ словѣ modlitba (сѣверозап. говоръ верхнелуж. нар., иначе -wa): b вм. w, а также въ нижнелужицкихъ karwona ворона (поверхнелуж. hawron воронъ): k вм. g; niedopyŕ (по-верхнелуж. -t-): d вм. t; chrapa капля (по-верхнелуж. krjepa), chto, duchtaŕ, klěb (по-среднелуж. ch-, по-верхнелуж. kh-) и kšeš (по-верхнелуж. chcyć): k вм. ch и наоборотъ; ledba едва (по-верхнелуж. -ma) и

Digitized by Google

głum рядомъ съ głub кочерыжка: чередованіе m и b? (626—627). Одно только верхнелуж. štyri вм. čt- (по-нижнелуж. st-) допускаетъ такое объясненіе, въ виду того, что čt = tšt, хотя и тутъ слѣдуетъ видѣть не расподобленіе, а упрощеніе сложнаго созвучія. Кромѣ этого случая, да еще кромѣ cht вм. kt, здѣсь нечего думать о звуковыхъ переходахъ, а только о подстановкѣ другихъ наставокъ и о примѣненіи къ другимъ словамъ[1]). Что это за «вставка k» въ нижнелуж. skrygaś рыгать (которое мнѣ неясно), 628, 5 сн.; вѣдь, если и смотрѣть на дѣло чисто механически, тутъ можно говорить развѣ о «приставкѣ sk». Позволительно-ли видѣть (628, 2—1) вставку b въ словахъ wučobnik (верхнелуж., нижнелуж. -ca-) ученикъ и wědobny (нижнелуж., по-верхнелуж. -mny)? Во второмъ словѣ прежде всего никакъ нельзя усмотрѣть вставки, а только, пожалуй, переходъ m въ b, а кромѣ того въ обоихъ случаяхъ естественно признать производство отъ словъ на -ba, или примѣненіе къ нимъ: wučba — wučobny — wučobnik (= рус. учебник); wědobny или дѣйствительно отъ нынѣ, кажется, не существующаго wědba, или же изъ wědomy, -mny, но съ мыслію о такомъ словѣ и съ примѣненіемъ къ нему. Не рѣшился бы я также написать, что нижнелужицкія cerkwej, -kšwej кровь, tawiś таить, скрывать и общелужицкое pawk паукъ представляютъ вставку w (628—629). Въ первыя два, послѣ перехода конечнаго ẃ въ j, w вновь внесенъ изъ косвенниковъ (cerkẃe). Срв. морф. 720, пр. 3; pawk представляетъ не вставку, а переходъ слогового u въ неслогóвое; tawiś должно быть мудреное произношеніе (можетъ быть только правописаніе?) вм. tajiś, по образцу какого-нибудь dawiś, произносимаго dajiś; одно пришлое piwonija дѣйствительно развило себѣ вторичное w между несочетаемыми съ собою гласными; среднелуж. knihwy (и по-нижнелуж. tákъ, или же -ły) мнѣ неясно[2]). При-

1) Не вижу расподобленія также въ областныхъ польскихъ словахъ chto, chtory, styŕe, stvarty, kvała, kŕest, Krystus, skovej 434, сер.

2) Флоринскій здѣсь выписываетъ изъ Муки, но выписывая онъ, какъ сказано уже выше, принимаетъ на свою отвѣтственность повторяемыя толкованія.

Digitized by Google

водя, какъ и предыдущіе примѣры, изъ Муки нижнелуж. głowjedo говядо и общелуж. stadło, не слѣдовало опускать столь естественнаго объясненія ихъ вліяніемъ реченія głowa (вѣдь скотъ считаютъ по головамъ) и ходячаго окончанія -dło. Подобнымъ же образомъ, полагаю, и marzle корь или краснуха (нѣм. Masern и областное Masseln корь — Mucke, 280) переняло r у глагола marznuś. Не понимаю, какъ можно говорить о «совпаденіи» глагольной наставки -my (palimy, damy) съ соотвѣтственнымъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. my (657): вѣдь окончаніе my несомнѣнно вышло изъ -мъ (можетъ быть изъ -мо или -ме) примѣнительно къ этому мѣстоименію.

Нѣкоторыя положенія Флоринскаго я не рѣшаюсь прямо отвергать, но все-таки считаю нужнымъ оспаривать. Старочешскій звукъ, передаваемый латинскою буквою g въ какихъ-нибудь Bogumil или Dobrogost (38, п. 5), могъ и не быть настоящимъ, взрывнымъ ɣ (брага), а могъ быть ɣ проточнымъ (благо). Высказавшись въ такомъ смыслѣ въ своихъ Лекціяхъ по историч. грамм. рус. яз., 113—114, я возобновилъ мысль, высказанную еще Добровскимъ, слѣдующими словами: «латинскіе писцы обыкновенно выбирали для передачи нашего h букву g, какъ до сихъ поръ пишутъ Praga вм. Praha. Церковно-славянскій глаголь есть собственно средній звукъ между g и h» (Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur, Prag 1818, S. 80—81). Večeros (60, 8) должно быть замѣнило -ев подъ вліяніемъ letos[1]). Областное Lihota вм. Lh- (тамъ-же и 72, 11—9), навѣрное, прошло черезъ посредствующую ступень L̥hòta съ мягкимъ слоговымъ l; въ старочешскомъ dibri первое i должно быть прямо обозначаетъ узкій глухой ь, второе же служитъ «мягкимъ знакомъ». Неперегласованное *a* въ моравскихъ говорахъ (duša, muža, lavica, moŕa 64, 5—3) я по большей части склоненъ объяснять не сохраненіемъ старины, а примѣне-

1) Приводимыя также, какъ примѣры на *o* изъ ъ, bleskot, chrapot, надо полагать, содержатъ другую, хотя и родственную съ -ътъ, наставку -отъ. Срв. общеслав. животъ.

Digitized by Google

ніемъ мягкихъ окончаній къ твердымъ. Сомнѣваюсь, чтобы чеш. «krchov (нѣм. Kirchhof)» кладбище было однородно съ областными фонемами slnу́, kl'č вм. silnу́, klíč (75, 14—13): чешскій слоговой r едва-ли не ближе къ нѣмецкому глуховатому слогу ir, нежели чешскій слогъ ir. Созвучіе žď изъ zg и zd (rožďička, hyžděn) 92, 12—9, я считаю необходимымъ объяснять сохраненіемъ въ соединеніи žďž, перешедшемъ впослѣдствіи въ žď, древнѣйшаго праславянскаго смягченія g и d въ dž'. Не вижу никакой надобности возводить чеш. jho къ праслав. jьго (94, J, 3): можно исходить и отъ формы иго. Спорить буду, далѣе, противъ утвержденія, будто въ чешскомъ языкѣ «гораздо больше» остатковъ именного склоненія прилагательныхъ, «чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ» (141, 7—6). Уже самъ Флоринскій оговариваетъ (141—142), что сравнительная сохранность названнаго склоненія замѣчается преимущественно въ языкѣ старинномъ и книжномъ, къ чему я прибавлю, не вдаваясь въ подробности, что по-русски чаще пользуются именными формами въ качествѣ сказуемаго (он мал, велик, тих и др.), и что сербы—въ извѣстномъ смыслѣ также словенцы[1]) — до сихъ поръ сохранили, хотя не безъ внесенія туда сложныхъ окончаній, даже грамматическія категоріи прикладковъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ. Не могу одобрить еще причисленія, вслѣдъ за Гебауеромъ, къ мѣстоименному склоненію мѣстоименій личныхъ и возвратнаго, коимъ остальныя противуполагаются, какъ «собственно мѣстоименное склоненіе» (145—146): вѣдь первыя несомнѣнно гораздо ближе къ именамъ, чѣмъ къ другимъ мѣстоименіямъ. Аористныя 3-тьеличья vedu, nesu, pohŕebu, užasu se должно быть представляли не долгое, а краткое u, и награждаются долготою лишь по невѣрной аналогіи настоящаго, такъ какъ конечные гласники, помимо стяженныхъ, какъ dobrá, -ré, и продолженныхъ въ нѣкогда закрытомъ слогѣ, какъ въ настоящномъ vedú, -ou, бываютъ кратки. Кажется, невѣрно, чтобы «въ выразитель-

1) Срв. 1-й разборъ, стран. 7, сер.

Digitized by Google

ной рѣчи вспомогательный глаголъ» (въ прошедшемъ времени у чеховъ) былъ бы «необходимъ» (174, сер.), хотя такъ говоритъ Миклошичъ (Сравн. морф., 565). Объясненіе настоящаго kreju вм. kryju изъ велительнаго, перешедшаго-де изъ kryj, черезъ krý, въ krej, сложнѣе и менѣе естественно, чѣмъ указанное выше, стр. 230,8 (о. о. 31,8). Также для падежныхъ формъ tým, tých, tými Флоринскій предпочитаетъ самому естественному объясненію ихъ изъ сложнаго склоненія, при коемъ понятна и долгота, менѣе удобное объясненіе — изъ мягкаго различія (299, 9—14). Сомнѣваюсь, чтобы по-словацки dám обыкновенно замѣнялось посредствомъ dajem (315, 1 сн.), и думаю, что dajem есть другая форма вм. dávam. Положительно не вижу надобности, изъ-за непривычности современному россіянину и даже поляку согласныхъ группъ, представляемыхъ словами Флоріанской псалтыри stdze, czsnoty, czso, dziedziczstwo, предполагать въ этихъ группахъ присутствіе глухого (398, п. 4): вѣдь такія фонемы, какъ переходныя, если-бъ онѣ и не встрѣчались, слѣдовало бы предположить. Единичныя ociеca (oczecza) и mienie (mene) въ качествѣ давальника, конечно, также не доказываютъ существованія глухихъ: ихъ можно бы объяснить заимствованіемъ *е* изъ называника ociec и изъ древняго рóдника мене, но проще всего считать описками. Bydło въ смыслѣ владѣнія, possessio (по-чешски въ смыслѣ жилища, habitaculum), czyło, posledni и нѣк. другія слова, приводимыя на стр. 400, 6—4, могли бы и не быть чехизмами, а древними чешско-польскими. Замѣчаніе, что «въ (польскихъ) говорахъ иногда смѣшиваются l и ł» слѣдовало бы подтвердить иными примѣрами, какъ chwilka и chwiłka, łokaj и lokaj (426, 12—13): во второмъ словѣ имѣется двоякая передача нѣмецкаго средняго l (сравн. рус. лампа и польс. lampa), а первое (также пришлое) слово то сохраняетъ передъ наставкою ka свой мягкій l, то подвергаетъ его отвердѣнію, по примѣру туземныхъ словъ, нѣкогда кончавшихся на -ъка: wieś — wioska, nić — nitka. Въ случаяхъ смягченія *g* въ свистящій (кънязь, носѣ) я считаю необходимымъ приписать праславянамъ не «мягкое z»

Digitized by Google

(431 сер.), а такое же dz. Областное польское велительное rvi, рядомъ съ pi вм. pij, можно, пожалуй, выводить изъ обыкновеннаго rwij (435, 7), но его можно считать и архаизмомъ. Относительно того, что въ малопольскомъ произношеніи «*e* не разширяется въ *o*: véze, véde, plete (1 л. ед. ч.), vézła, pletła, ośeł, koźeł, koćeł, mętła, vésna, vésło» (508, п. 3), я сомнѣваюсь и былъ бы склоненъ предположить скорѣе возстановленіе *e* изъ родственныхъ формъ; слова на eł = ыъ фонетически вполнѣ законны, и въ оправданіи нуждается широкій выговоръ osioł и т. д. Объяснять народныя vźon, don изъ wziął, dął черезъ vźoł, doł (510, п. 13) дѣйствительно возможно, но по моему естественнѣе видѣть здѣсь сліяніе носового назвука съ зубникомъ *l* въ носовой зубникъ n. Не вижу надобности выводить ě въ лужицкихъ многократныхъ глаголахъ běrać (-ś), wudzěrać (huźěraś), wuměrać (huměraś) изъ i (611, 9—11), такъ какъ его можно выводить изъ ѣ. Не думаю, чтобы лужицкій родникъ tebje прямо могъ считаться давальникомъ (646, 11—12) — мнѣ сдается, что это переиначенное подъ вліяніемъ другихъ падежей, ближайшимъ образомъ давальника, ćebje = тѣвѣ.

Не разъ мнѣ казалось бы нужнымъ прибавить ко сказанному у Флоринскаго еще нѣкоторыя указанія и соображенія. Такъ не одни же старинныя написанія съ ui, вродѣ Buistrice, свидѣтельствуютъ о различіи въ старочешскомъ языкѣ между *i* и *y*, но видно оно уже изъ обыкновеннаго правописанія, а также изъ того, что только долгое *y*, а не *i* (исключая перешедшее предварительно въ *y*), превратилось въ ej. Если Чешскіе братья послѣ *c*, *s* и *z* всегда писали *y*, различая *i* и *y* въ другихъ случаяхъ (49, пр. 1), то очевидно потому, что они, подобно какъ сербы-лужичане, произносили cy, sy, zy, хотя первый слогъ всегда, а другіе два нерѣдко восходили къ узкимъ слогамъ ci, si, zi)[1]. Приводя самородное настоящее sberu при инфинитивѣ sebrati (68

1) Соображеніе это даже излишне, въ виду имѣющихся прямыхъ указаній. Geb., Hist. mluvn., I, str. 212.

Digitized by Google

сер.), не мѣшало оговорить, что теперь преобладаетъ примѣненное къ инфинитиву sebĕru, какъ и по-русски соберу. Относительно произношенія долгаго *y* за ej и сохраненія долгаго u начальнаго (73, 2—4 и 4—3) я прибавилъ бы, что меня, когда я, черезъ 22 года вторично побывалъ въ Прагѣ, поразило возобладаніе архаическаго произношенія býti, údolí, очевидно, подъ вліяніемъ школы: изъ перваго посѣщенія Чехіи я вынесъ убѣжденіе, что произносить *ý* и *ú* манерно. Указавъ на неспособность предлоговъ dle, kol и skrz перетягивать на себя ударение и на слабую притягательность предлога krom (99 сер.), я отмѣтилъ бы еще, что это предлоги вторичные, бывшіе сравнительно недавно самостойными, притомъ двусложными, нарѣчіями. Насчетъ взятыхъ изъ моей собственной Акцентологіи слѣдовъ болѣе архаическаго акцентованія у чеховъ (102, 10 сл.) я теперь, кромѣ оговорки относительно ho, сдѣланной уже въ названномъ сочиненіи (153, пр. 2), имѣющей, конечно, силу и для mu, считаю нужнымъ оговорить, что mne развилось навѣрное не безъ вліянія падежей давально-мѣстнаго и творнаго mně, mú, и что въ bju, pju, zvu, řku и přátelé выпали не чистые звуки (Акцент. 155, 7—6), а глухіе; pláti же содержитъ корень pol (срв. полѣти). При чешскихъ народныхъ формахъ nohouch, rukouch и nohoum, rukoum, исходящихъ отъ двойнаго родно-мѣстника nohou, rukou (105, 6—8), я бы не преминулъ привести такое же образованіе въ русскомъ языкѣ — двух, двум. Ко сказанному о мно́жномъ мѣстникѣ ёроваго склоненія (126, п. 11), кажется, можно прибавить, что въ просторѣчіи охотно употребляютъ -ách во избѣжаніе смягченія: v potokách, na rohách. Старочешскую форму лично-вопроснаго мѣстоименія—kte (рядомъ съ kto), упоминаемую на стр. 149, сер., я положительно не могу истолковать себѣ иначе, какъ вліяніемъ хотя бы утраченнаго весьма рано предметно-вопроснаго če, = праславянскому чь; что́ же страннаго въ предположеніи, что конечный ь, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, не онѣмѣлъ, а прояснился? О старинныхъ формахъ мѣстоименія všeček, оговорившись прежде всего, что, хотя

Digitized by Google

«первоначально склонялись обѣ составныя части слова» (153, 8—9), но склоненіе это ограничивалось падежами назывнымъ и винительнымъ, я замѣтилъ бы, что двойно́е склоненіе не можетъ быть исконнымъ, ибо тутъ нельзя видѣть сліянія двухъ самостойныхъ словъ, вродѣ староперковнаго дъва десати — дъвою десатоу — дъвѣма десатьма, и едвали можно сомнѣваться въ связи этого мѣстоименія со староперковнымъ вьсакъ, которое лишь вторичнымъ образомъ, подъ вліяніемъ вытѣсняемыхъ имъ формъ veš, vše, všě, všu, vši, všě, всё, пріобрѣло и внутреннее склоненіе. Для объясненія словацкаго krú, рядомъ съ krev и krv (294, п. 1, д.), я предложилъ бы исходить отъ древняго *кры* (старопольск. kry, словинск. krî), выводя изъ него krú путемъ превращенія *y* въ u подъ вліяніемъ v въ косвенныхъ падежахъ. Польскаго chrzebiet я не сталъ бы приводить (400, 11 сн.) безъ оговорки, что это, хотя и старинная, но вторичная фонема, вм. chrzbiet, возникшая въ угоду косвеннкамъ chrzepta и т. д. См. у Брюкнера (A. f. sl. Ph., XII, 292), который указываетъ эту фонему въ Софіиной библіи (стр. 157 a, листъ 88 об.), а также во Флоріанской псалтыри, 68, 28 (такъ, а не 24)[1]). Заимствованное у меня самого толкованіе польскаго cepa вм. ожидаемаго capa (416, сер., Крат. фон. и морф., 5, 11—8) я теперь считаю неудовлетворительнымъ: вѣдь говорятъ cały, całować. Къ указанію на превращеніе у нѣкоторыхъ поляковъ слога łu, черезъ ɥu, въ простое u, напр. gupi вм. gɬupi (426, 8—9), можно прибавить, что при этомъ получается долгій гла́сникъ съ восходящимъ удареніемъ: gúpi. Зовный падежъ Jezu Chryste (451, 2)—вѣдь не Chryście,—оговорилъ бы я, очевидно живьемъ выхваченъ изъ латыни. При объясненіи неопредѣленныхъ мѣстоименій и нарѣчій ktoś, gdzieś согласно съ моею Краткою фонетикою и морфологіей, 33 (у Флоринскаго 464 сер.), слѣдовало бы привести также толкованіе Соболевскаго (Р. Ф. В. VII, 277),

1) Откуда Флоринскій взялъ цитуемое имъ въ томъ же мѣстѣ człowiek, мнѣ неизвѣстно — оно крайне подозрительно.

Digitized by Google

по коему ś равно не-давальнику возвратнаго мѣстоименія, а равно указательному cę, такъ что ktoś аналогично русскому *кто-то*. Областное (силезское) żeleźny (524, п. 5), надо полагать, представляетъ самородный выговоръ: срв. las — leśny, обыкновенное же żelazny примѣнилось къ первичницѣ żelazo. Отмѣтивъ, что по-кашубски «иногда исчезновеніе ъ, ь наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соотвѣтствующій гласный ... datk, majǫtk, dobètk, dómk, dvórk, ófs, wuëfc, junc, vechc» (563, п. 2), я прибавилъ бы ссылку на толкованіе этихъ формъ, какъ новотворокъ къ косвеннымъ падежамъ (Сравн. морф. 570, пр. 5). О кашубскихъ назывникахъ kam, płom, kŕem, řem, prom (575, 7) я позволилъ бы себѣ высказать вполнѣ естественное предположеніе, что они произошли изъ древнихъ камы, полмы, кремы, ремы и пормы. Сличи Сравн. морф. 273, пр. 1. Съ лужицкимъ закономъ появленія передъ твердыми согласными широкаго *e*, передъ мягкими — узкаго (605, 6—4) я бы не преминулъ сопоставить то же явленіе въ русскомъ языкѣ. Второстепенное удареніе нижнихъ и среднихъ лужичанъ, падающее на предконечный слогъ (629 сер.), на мой слухъ иногда простотаки становится главнымъ и единственнымъ. Полагаю, что верхнелужицкій зовникъ на *o* (633, 6—8) развился не безъ участія утратившаго впослѣдствіи этотъ падежъ азóваго склоненія. Къ верхнелужицкому пáпричастку njesuši (670, 5 сн.) я прибавилъ бы замѣчаніе, что его приходится объяснять, путемъ огласнѣнія w, изъ njeswši, образованнаго по примѣру piwši, brawši. Срв. старопольскія szedwszy, wynioswszy. Въ числѣ случаевъ отсутствія въ лужицкомъ ślевомъ причастіи примѣты нж (674 сер.) стоило бы привести верхнелуж. zasła заснула — явную новотворку, такъ какъ наслѣдственная фонема была бы zasрła. Шлейхеровскія полабскія сочетанія kâi, ǵâi, cĥâi (696 сер., Polab. Spr. 126 и 217, 5 и 129) я измѣнилъ бы въ kei, ǵei, cĥei, или лучше еще въ ťei, ďei, śei: cârťéi (црькы), nūďéi (ногы), vrěšéi (орѣхы), такъ какъ при смягченіи естественно предположить предварительный переходъ ы въ i, да и памятники пишутъ

Digitized by Google

eu, *au*, а не *ou*. Къ воспроизводимому также изъ Шлейхера soikas (698, 4 сн.) я сдѣлалъ бы замѣчаніе, что его необычный дифтонгъ oi слѣдуетъ измѣнить въ eu: вѣдь для нѣмца oi и eu совпадаютъ въ одномъ öü, а seukas, въ переложеніи на польскіе звуки, было бы szukasze отъ szukać. При полабскомъ аористѣ eutâcüch (написаніе источника — e-y-t-â-tz-i-ch), сопоставляемомъ у Флоринскаго, вслѣдъ за Шлейхеромъ, съ оуттъкоχъ, я прибавилъ бы указаніе на Брюкнеровское толкованіе этой формы, по коему она, переложенная на староцерковные звуки, дала бы оуттъуєχъ, т. е. образована какъ старочешское rečech, старопольское *pieczech [1]), верхнелужицкое pječech и нижнелужицкое pjacoch (A. f. sl. Ph. XI, 478) — объясненіе по моему вполнѣ убѣдительное.

Передача именъ во 2-мъ томѣ, также какъ и въ 1-мъ, не разъ вызываетъ на возраженія. Прилично ли слависту склонять Прасекъ — Прасека, Шрамекъ — Шрамека (10, 12; 11, 15 сн.) и писать Пуркине вм. -ня (54 сер.)? Нѣсколько разъ повторяется передача чешскаго h черезъ *x* въ фамиліи Truhlář: Трухларь (10, 3; 11, 1), рядомъ съ Тругларь (97, 1 сн.; 101, 1 св.). Также находимъ написанія Сушиль вм. -ль (11, 8), Керконоши и В[икторинъ] Корнель изъ Вшегердъ (31, 13 сн., 73, 11 сн. и 48 сер.); впрочемъ 83, сер. — корконошскій и 49, 13 сн. Викторинъ изъ Вшегордъ. Срв. 1-ый разборъ, стр. 15. Нехороши тоже Напаёдлы вм. -ѣдлы (229 сер.); Нёрингъ вм. Не- (355, 12, 393, прим., 394, 15, 414, 3 сн.); Улановскій вм. -ля- (357, 7 св.) [2]); Оппёлнъ: Oppeln, по-славянски — Ополье (385 сер.); Софійск[ая] библія вм. Софі*ина* (397, 8—7); Окускольскій повѣтъ вм. Олькушскій (511, п. 28): Олькушъ — Кѣлецкой губерніи; Старостзикъ (523 сер.), воспроизводящее нѣмецкое написаніе съ stz вм. польскаго śc; Smoleń, -rja называется Смоле*ро*мъ (589, 2

1) Срв. выше, стр. 209 (о. о. 9).

2) Ułanowski (опять-таки вм. -la-) латинскими буквами читается 371, 15 сн., 376 сер.; также и Ułanowska 382, 8 сн.

Digitized by Google

сн.; хотя 590, 13 — Тешнарь)[1]); вм. Эрнестъ Мука читаемъ Е. Мука, какъ будто онъ Егоръ или Евгеній (596, 10)—впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (590 сер.) — Э. Совсѣмъ дико звучитъ переписанное русскими буквами Skalité — Скалите вм. -тое (269, 4 св.).

Не столь непріятно, какъ нескладная передача славянскихъ названій дѣйствуютъ погрѣшности въ иностранныхъ именахъ: мадьярскія Сапъ, Банегесъ и Тотъ-Комлосъ въ Ш-, -шъ, -шъ (231, 7—8)[2]); нѣмецкія Шульцъ (689, 8) вм. -це (Schultze) и Шпангенбергъ, написанное черезъ Sch вм. S (691, 1)[3]).

Не на рѣшительное осужденіе, но на споръ вызываетъ легкое архаизованіе польскихъ именъ (совпадающее съ обрусеніемъ), въ видѣ замѣны dź простымъ *д* и rz простымъ *р* — второе вызвано вѣроятно тѣмъ, что обычное *рж* вм. *ж* или *ш* дѣйствительно крайне безобразно и представляетъ клевету на польскій языкъ: Приборовскій (356, 10 сн.), Прездецкій (357, 3), Резинскій (Rzeziński) и Ерепки (Erzepki), 357, 4 и 6[4]). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ написанія Шаржинскій, Оржеховскій (402, 13 св. и сер.), а также Андрей Кржицкій (403 сер.)[5]).

Порицанія заслуживаетъ (правда, практикуемый широко и всѣми, а не однимъ нашимъ авторомъ) пріемъ однобуквеннаго сокращенія собственныхъ именъ. Такое сокращеніе позволительно при нѣмецкомъ обычаѣ, въ этихъ случаяхъ прямо и чи-

---

1) По-нѣмецки тотъ-же лужицкій дѣятель названъ Schmoler, вм. Schmaler. (597, 8).

2) На томъ, что мадьярское gy лучше передавать черезъ *д* (значитъ Банедешъ) настаивать нечего.

3) Очень однако странно, когда одно и то-же нѣмецкое имя, на той-же страницѣ (586, 15 и 13 сн.), является разъ въ латинской формѣ Брунонъ (Bruno, -onis), разъ — въ нѣмецкой Бруно.

4) Польскій видъ послѣднихъ двухъ фамилій (изъ коихъ вторая какая-то странная) прибавленъ въ скобкахъ самимъ Флоринскимъ. Несомнѣнно здѣсь авторъ погрѣшилъ въ томъ, что не написалъ въ фамиліи Erzepki *э*.

5) Послѣдній при удаленіи *ж* совпалъ бы въ произношеніи съ авторомъ извѣстнаго канона.

Digitized by Google

тать, какъ написано: даже зная, что извѣстнаго книгопродавца Брокгауза звали Фридрихомъ Августомъ, всетаки фирму его называютъ Ef A Brockhaus[1]). Какъ догадаться тому, кто можетъ быть въ первый разъ встрѣчаетъ эти имена, что Я. А. Коменскій (3, 8) значитъ не Яковъ Александровичъ, а Янъ Амосъ? что Б. Оптатъ (1, 8) нужно читать Бенешъ? что Б. Нѣмцева (55, 5) есть Божена Н.?, Б. Папроцкій (402 сер.) — Bartosz = Bartłomiej = Варѳоломей? Окончательно невозможно сообразить, что Н. С. Шаржинскій (402, 13) слѣдуетъ читать Николай Семпъ III. Особенно нехорошо, когда одна и та же буква употребляется рядомъ въ различныхъ значеніяхъ: Я. Неруда, гдѣ Я = Янъ и Я. Верхлицкій, гдѣ Я = Ярославъ (55, 4—5). — Еще менѣе слѣдовало бы безо всякаго объясненія сокращать названія памятниковъ, напр. Клементинской псалтыри и Краледворской рукописи (167, 11, 10 и 2 сн.), или мѣстностей: Н. Мѣсто вм. Новое Мѣсто (196, 16 сн.).

Немало въ разсматриваемой книгѣ и опечатокъ, хотя приложенный въ концѣ списокъ таковыхъ не занимаетъ и 1½ страницъ. Иныя опечатки, положимъ, невиннаго свойства, напр. do Cech вм. Č- (126, п. 9); z koreп вм. -ř- (тамже); houžev лыко, могал*а* вм. мочал*о* (139, 3 сн.); обѣ согласныя части слова вм. составныя (153, 9); hníti вм. -á-, среди другихъ азовыхъ глаголовъ (182, 2 сн.); [глаголы] на -тнти, -тѣти, -дити (619, 2 сн.); swěcka, swěćnica (620, 6): по связи можно догадаться, что нужно č; З(ват.). rybu, rybu, rolu, rola вм. В(ин.). . . .-u (640 сер.); впослѣ вм. -лнѣ (644, 10 сн.); дов҃ше и т. д. (284), некрасивое впрочемъ тѣмъ, что о҃ вм. оу повторяется 10 разъ; dei вм. dci (296, 9), которое рядомъ съ dcera понятно; sen вм. seu (лат., 376, 10 сн.); sludenci вм. st- (451, 15 сн.); сочетаніе га (567, 10): изъ примѣровъ barzo, gardło и т. д. видно, что нужно ar; žed (Н. Л.) вм. žěd (603, 13 сн.): рядомъ съ верхнелуж. dźěd легко дога-

1) Сокращеніе допустимо, конечно, при общеизвѣстныхъ именахъ, напр. А. С. Пушкинъ; хотя, впрочемъ, хорошо извѣстное автору иногда окажется неизвѣстнымъ его читателямъ.

Digitized by Google

даться, какъ надобно читать; курьезно, но положительно безвредно плакахъ вм. плакахъ (661, 12 сн.); также и jčd вм. jěd (668, 1); безвредно также верхнелуж. som pletł (663, 2 сн.), ибо въ предыдущей строкѣ указано правильное sym; kta, kćeš (671, 8) вѣроятно всякій догадается прочитать ktu. Нечего и говорить о такихъ случаяхъ, какъ «н совпадаетъ» вм. ѧ (660, 11), или обзоръ ... славянскихъ языковъ (686, 5). Къ безвреднымъ же опечаткамъ я готовъ отнести, крайне однако уродливое, люклюшете (661, пр. 2) вм. -плиа-, также и слитное написаніе rtymá ꙋстнѣ мои (104, 1, изъ Виттенбергской псалтыри, L, 17). Но вотъ довольно длинный, хотя далеко не полный рядъ весьма неудобныхъ опечатокъ: Sembera вм. Š- (30, 3 и 34, 12); rzechs, видно вм. rzech подъ вліяніемъ предшествующаго sedis (69, сер.); vudá, vukno вм. vůda, vůkno (79, 11 сн.); těmě (87 сер.) вм. té- или tí-; hřibe (94, 4) вм. hříbě; krapet (копя) вм. капля (130, 5); šco вм. čso (153, 11); dobřijej вм. -řej (154, 5 сн.); jdu вм. jedu (180, 9); 300 вм. 360 (212, 11 сн.); podaly вм. padały и bravyňči вм. -ci (тамъ-же, 15 сн.); huuchý ludí вм. -dá (областная форма словац. ľudia, чеш. lidé) — 338, 5 сн.; A. Шляковъ вм. H. (Николай — 364, 15 сн.); książat вм. -ąt (372, 5); W. (т. е. Wojciech) Oczko. Przymist i clieplice вм. -miot i Cie- (373, 2 сн.)[1]); Сочиненія Янычара Паяка вм. поляка[2]) (375, 13 сн.); Potrójny z Plauła вм. -ta (переводъ Плавтова «Trinummus», 376, 10); Cnopii вм. Cna- (376, 9 сн.; въ 10-ой вѣрно: Knapski); Dirschan вм. -au (385, 5 сн.); собственное имя Marchołt (z marchołtem) напечатано съ малой буквы (401, прим.); тамъ-же вм. przez bakalarza z Kossyczek нужно p. bakał. Jana z K.; żołć, żołty вм. żó-, ź6- (423 сер.); oczrzedź, должно быть вм. ostrzedz (тамъ-же, 5 сн.); Bóhdan вм. Bo- (411, 9 и 430, 1), dwie słonci (439, п. 2) вм. słońcy Jana Kochanowskiego Dzieła wszystkie,

1) Przymiot albo dworaka niemoc. W Krakowie 1581. O cieplicach. W Krakowie u Łazarza 1578.

2) Собственно серба — Михаила Константиновича. Спасовичъ, Ист. слав. литер., II, 472.

Digitized by Google

Wydanie pomnikowe, II, 117, 514); dóm вм. dom (448, п. 1); dzriedzie вм. dziadzie (449, п. 6); obiód вм. -ad (451, п. 11); heraldowie вм. -ol- (тамъ-же, 10 сн.); ksiadz вм. ksiądz (454, 8 сн.); kukol вм. ką- (тамъ-же, 7 сн.); jastrąb (тамъ-же, 5 сн.: въ 4-ой, гдѣ оно приводится вторично, вѣрно: -rząb); Jozio вм. Jó- (тамъ-же, 1 сн.); дат. и мѣст. słudzie вм. -dze (457, парадигма); kołicya вм. -la- (ужинъ — 459, 3); при jaz (464, 2) стоитъ выносный знакъ, но примѣчанія нѣтъ; strowne вм. stra- (кормовыя), 473, 9; bychọ wiedziali вм. -ie- (487, сер.); po prosta (503, 13 сн.); heżbéta (508, 7) написано съ малой буквы (оно = Elżbieta); cezi, cezo (чужой, чужы) вм. -ая (569 сер.); Копоръ вм. -м- (590, 13); pó njebu, pód, wót вм. pò -bju, pod, wot (629 вн.); И. naše, naše вм. naši, naše (649 парад.); pśi wjozorje (684, II, 1, 1: во 2-мъ стихѣ вѣрно — wja-); za njeu (685, 46: въ слѣд. стихѣ правильно za njen); Luneburg вм. Lü- (691, 3); korvó вм. -vó (695, 5); žárnū вм. ź- (тамъ-же, п. 11); gorcĥai вм. -âi (шлейхеровскаго -åi, 697, п. 2); reibo вм. râi- (тамъ-же, III); šek вм. sěk (по-шлейхеровски sěk, 698, 1 сн.). Особенно часто встрѣчаются погрѣшности въ употребленіи знака долготы (′) и знака твердости звука *л*, изъ коихъ приведу лишь нѣкоторыя. *Za*kladov*e* dialektologie česko-slovensk*e*. Ve Vídni, 1864. Příklady (30, 3—4); svat*y* (67, 10 сн.); pát*y* (тамъ-же, 7 сн.); br*a*zda и kr*a*l (78, 1—2); stoj*i*m, pouš*t*im (79, сер.); m*i*sto, d*i*vka (80, п. 4); Jiř*i*, znamen*i* (106, п. 2); V*a*clavovi (107, 1, г); vraz*i*ch, rac*i*ch, městečk*a*ch, koničk*a*ch (108, 16 и 15); do kořan (110, 8); chr*a*m (123, 5); t*y*l (тамъ-же, 11); or*a*č, -če, -či, -čovi, -čem и т. д. (114—115); češt*i* stavov*e*, naši hřichov*e* (125, 4 сн.); chv*a*liti, -ím и т. д. (188)[1]; přihaz*i* se (192, сер.); вм. чеш. *a* [въ ляшскомъ говорѣ] часто o (210, п. 5); vťak и pťak вм. vták, pták (271 сер.); словацкій родный падежъ r*a*z (279, 1, a, 6); chv*a*ľaci (308 сер.); dl'bsť, tl'cť (317, 7 и 11) вм. dľbsť, tľcť. Кое-гдѣ, наоборотъ, вм. краткости является долгота:

1) Краткое *a* свойственно только велительному наклоненію.

Digitized by Google

oračí (65, 12 сн.) — нужно oráči; nebó (82, 14); matí — нужно máti (106, п. 6); род. п. kámen, deset kámen (110, 6 и 7); svátý (2 раза, — 123, пр. 1); měšťáné (125, 2 сн.); očíma, ušíma (128, п. 10). L вм. ł: chlada (126, 9: Бартошъ, I, 138, 7); Psalterz Pulawski (371, 9); Nakladem (372, 3); Mikolaj Rej z Naglowic (373, 10 сн.); Marcholt (374, 5); trybunal (401, 1); chelm (423, сер.); dloń (тамъ-же, 3 сн.); czlek = czlowiek (425, 1); halas (430, 1); placzę (тамъ-же, сер.); wlosi (тамъ-же, 8); Woloch, -oszech (452, п. 15); goląb (454, 5 сн.); pletle (656, 7); -lej (тамъ-же, 8 и 664, 1); plaśony (685, 2б). Подчасъ и наоборотъ встрѣчается ł вм. l: płon (424, 2); wielkiego (430, 11); wjełka (632, 1 сн.); pletli (656, 7). Правда, насчетъ смѣшенія буквъ l и ł можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ русскій читатель самъ догадается, какъ надо читать; а относительно долготы — что русскій все равно затруднится ее воспроизвести въ своемъ произношеніи. Первое оправданіе я склоненъ принять; но въ дѣлѣ количества мнѣ казалось-бы, что чѣмъ менѣе наши ученики къ нему воспріимчивы, тѣмъ усерднѣе слѣдуетъ имъ о немъ напоминать.

Сказанное о буквахъ l и ł мы можемъ примѣнить и къ другимъ мелкимъ *погрѣшностямъ* въ разбираемой книгѣ — *магистранты и студенты, особенно послѣ нѣкоторыхъ указаній профессора, легко сами въ нихъ разберутся, и лишь изрѣдка будутъ введены въ заблужденіе. Не должно также забывать, что науки не обладающія математически-точными доказательствами всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающей увѣнчанія искомою преміей.*

Ордин. проф. Московскаго универс.

Романъ Брандтъ.

15 сентября 1898 года.

Digitized by Google

IV.

Отзывъ о сочиненіи профессора Прусика подъ заглавіемъ: «Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík». V Praze, 1896. 8°. IV. 87.

Древнечешская литература, съ XII-го по XV-ое столѣтіе, занимаетъ среди западнаго славянства первенствующее мѣсто, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ. Въ ихъ характерѣ и направленіи отпечатлѣлись, конечно, черты средневѣкового западно-европейскаго литературнаго творчества. Къ сожалѣнію, очень немногіе памятники этой первой, старшей эпохи дошли до насъ въ полномъ объемѣ, какъ напр. блестящая легенда о св. Екатеринѣ. Въ большинствѣ случаевъ остались только отрывки, болѣе или менѣе значительные. Но нерѣдко даже и этого нѣтъ, а все уцѣлѣвшее состоитъ въ жалкомъ лоскуткѣ пергамента, заключающемъ въ себѣ нѣсколько строкъ или стиховъ чешскаго текста; сохранились же такіе кусочки только благодаря случайному обстоятельству, что они пригодились переплетчикамъ рукописей — латинскихъ или нѣмецкихъ. Вотъ какими средствами возстановляется въ наше время память и свѣдѣнія о бывшей когда-то богатой литературѣ древнечешской.

Подобная, не вполнѣ благопріятная участь постигла между многими другими также одно изъ лучшихъ, по-моему, прямо самое лучшее произведеніе древнечешской письменности — переводъ или,

Digitized by Google

лучше, парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). На чешскомъ языкѣ сохранились съ конца XIII-го по XV-ое столѣтіе отрывки этого эпоса въ различныхъ рукописяхъ, — всѣ вмѣстѣ они не представляютъ полнаго текста, не могутъ восполнить пробѣловъ поэтическаго изложенія. Нѣкоторые отрывки изображаютъ собою дублеты, но не всегда совпадающіе буквально.

Самый обширный отрывокъ, сохраняемый теперь въ библіотекѣ святого Вита на Градчанахъ въ Прагѣ, заключаетъ въ себѣ, безъ перерывовъ, начальныхъ 2460 стиховъ. Онъ былъ впервые изданъ В. Ганкой во второмъ выпускѣ Staroby1á Skládánie (въ Прагѣ 1818 года), не очень аккуратно, но для перваго изданія довольно сносно. Вскорѣ потомъ стали всплывать наружу и прочіе, уже менѣе объемистые отрывки, но по письму старше Святовитскаго текста. Они были изданы въ «Часописѣ Чешскаго Музея» въ 1828 и 1841 годахъ. Для перваго тома Wýbor-a z literatury české (въ Прагѣ, 1845) употреблены, какъ образецъ языка и литературнаго достоинства, всѣ до тѣхъ поръ отысканные отрывки, но не все напечатано (на стр. 135—170, 1071—1144). Годъ спустя П. І. Шафарикъ указалъ еще на одинъ отрывокъ (въ «Часописѣ» Ч. Музея за 1847 годъ, въ первомъ отдѣленіи). Но только въ 1881 году вышло подъ редакціею проф. Гатталы первое полное изданіе всего матеріала подъ заглавіемъ: Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. И къ этому изданію сдѣлано въ 1889 году маленькое дополненіе въ видѣ вновь найденнаго отрывка Вѣнскаго; онъ отпечатанъ Ф. Менчикомъ въ «Часописѣ» 1889 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ изданіемъ въ Wybor'ѣ чешскій текстъ Александреиды сдѣлался болѣе доступнымъ, онъ сталъ привлекать вниманіе и филологовъ для объясненія языка и историковъ литературы для оцѣнки литературныхъ достоинствъ памятника. Объ отношеніяхъ чешскаго произведенія къ латинскому и нѣмецкому «Александру» заговорилъ впервые В. Небескій (V. Ne-

Digitized by Google

besky) въ «Часописѣ» Чешскаго Музея за 1847 годъ, въ очень умно написанной статьѣ «Alexandreis česká» (во второмъ отдѣленіи). Но вопросы, возникающіе по этому поводу, въ статьѣ Небескаго могли быть затронуты только слегка, — рѣшенія ни по одному пункту не послѣдовало. Послѣ довольно продолжительной неподвижности въ области историко-литературныхъ изслѣдованій, въ 1870 году взялся проф. Коржинекъ въ Индржихоградцѣ (Neuhaus) за подробное сравненіе двухъ небольшихъ отрывковъ чешской Александреиды (музейнаго и Шафарикова) съ латинской поэмой Филиппа Вальтера Шатильонскаго, въ Отчетѣ (программѣ) гимназіи Индржихоградецкой за 1870 годъ, а десять лѣтъ спустя, подражая его примѣру, опредѣлилъ отношеніе Индржихоградецкаго отрывка къ сочиненію латинскому профессоръ Прокопъ Лангъ, въ Отчетѣ гимназіи Пржибрамской (статья очень добросовѣстно написанная). Онъ-же постарался (въ 1883 году) представить, на основаніи латинской поэмы, объемъ пробѣловъ чешскаго сочиненія въ сравненіи съ латинскимъ, въ Listy filologické X, 67—84, 275—301, 398—406.

Такъ какъ сохранилось семь различныхъ отрывковъ, которые отчасти параллельно идутъ, представляя въ сущности тотъ же разсказъ, то и въ чешской литературѣ принято говорить не объ одной Александреидѣ, а въ множественномъ числѣ—объ Александреидахъ. Но сколько ихъ было на дѣлѣ? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Обыкновенно считали представителемъ одной редакціи текстъ рукописи Святовитской, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но гдѣ-же вторая редакція и въ какомъ она отношеніи къ первой? Проф. Гаттала считалъ (въ 1881 году) второю редакціей текстъ отрывка Градецкаго, сохранившійся въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Святовитская, но молодой ученый Гавликъ сталъ въ Filologické listy XII, 407—419, доказывать, и по-моему ему удалось убѣдительно доказать, — что въ Витскомъ отрывкѣ, несмотря на позднее происхожденіе нынѣшняго списка, сохранилась все-таки болѣе древняя редакція сочиненія, чѣмъ въ отрывкѣ Градецкомъ. Съ послѣднимъ взглядомъ согласенъ также

Digitized by Google

проф. Прусикъ, принимая доказательства Гавлика втихомолку въ изслѣдованіи, изданномъ въ 1891 году подъ заглавіемъ: «Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr». Но проф. Прусикъ не считаетъ текста Градецкой рукописи представителемъ особой редакціи, онъ включаетъ его въ редакцію Витско-вѣнскаго текста, съ различными отступленіями и распространеніями. По его мнѣнію, представителемъ второй редакціи надо бы считать отрывокъ Будѣёвицкій. Для меня, да и не только для меня, доказательства проф. Прусика мало убѣдительны. Онъ не выяснилъ намъ (а, можетъ быть, и себѣ), какъ намъ понимать значеніе новой редакціи? имѣетъ-ли она значеніе особаго самостоятельнаго сочиненія? или же представляетъ собою только переработку, сокращеніе или расширеніе перваго сочиненія? если говорить о редакціяхъ въ послѣднемъ, обыкновенномъ значеніи этого слова, тогда выходитъ непонятнымъ, какъ могъ проф. Прусикъ упустить изъ виду многочисленныя отступленія текста Градецкаго отъ Витскаго? какъ же назвать различія между обоими текстами, если не видѣть въ нихъ различіе двухъ редакцій? Если же проф. Прусикъ придаетъ второй редакціи, представителя которой онъ видитъ въ Будѣёвицкомъ отрывкѣ, значеніе самостоятельнаго сочиненія, то я долженъ возразить, что трудно даже себѣ представить, чтобы на разстояніи не болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ—это же его хронологическое опредѣленіе, съ которымъ, впрочемъ, я ни чуть не соглашаюсь—въ литературѣ чешской явились два самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга сочиненія о подвигахъ Александра Великаго. Однимъ словомъ—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ отрывковъ чешской Александреиды остается пока еще не порѣшеннымъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что главнымъ источникомъ для чешскаго автора—я выхожу изъ предположенія, что въ концѣ концовъ въ чешской литературѣ былъ только одинъ авторъ самостоятельной разработки въ стихахъ этого сочиненія—былъ латинскій эпосъ Филиппа Вальтера Шатильонскаго, но этимъ

Digitized by Google

еще не устранена возможность допустить, что авторъ зналъ также нѣмецкую поэзію своего времени. Зналъ-ли онъ нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго, сказать трудно. Профессоръ Прусикъ коснулся въ своемъ вышеприведенномъ сочиненіи и этого вопроса и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. онъ собственно противорѣчитъ самому себѣ, когда доказываетъ, что чешскій авторъ не зналъ никакого нѣмецкаго источника, а Ульрихъ Эшенбахскій будто бы зналъ и пользовался Александреидою чешской. Его доказательства въ пользу зависимости Ульриха Эшенбахскаго отъ чешскаго автора могли бы, какъ мнѣ кажется, быть истолкованы въ пользу противоположнаго взгляда. Но я предпочитаю считать и этотъ вопросъ еще не рѣшеннымъ. Пока можетъ рѣчь итти только вообще о томъ, былъ-ли чешскій поэтъ знакомъ съ современною литературою нѣмецкой. Отрицать это знакомство не такъ легко, какъ это кажется профессору Прусику.

Итакъ рядъ вопросовъ, очень важныхъ относительно чешской Александреиды, ждетъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія. О происхожденіи чешской Александреиды, о принадлежности сохранившихся отрывковъ одному или нѣсколькимъ авторамъ, объ отношеніяхъ этихъ авторовъ другъ къ другу, о знакомствѣ чешскаго автора помимо сочиненія Филиппа Вальтера Шатильонскаго еще съ другими источниками — обо всемъ этомъ свѣдѣнія наши пока еще очень неудовлетворительны.

Гораздо усерднѣе и съ лучшимъ, быть можетъ, успѣхомъ работала чешская филологія на объясненіи отдѣльныхъ темныхъ, не вполнѣ понятныхъ мѣстъ чешской Александреиды. Уже въ Wyboг-ѣ, при перепечаткѣ текста Святовитскаго по изданію Ганки, редакторъ изданія сдѣлалъ много поправокъ въ текстѣ, правда, не всегда удавшихся (сл. перечень неудачныхъ поправокъ въ предисловіи Гатталы на стр. V). Но и въ изданіи Гатталы-Патеры осталось много неточностей или прямо недосмотровъ въ родѣ lití Češi (на стр. 38, ст. 1565) вм. lití čěsi. Для критики текста, т. е. для возстановленія исправнаго чтенія, гдѣ

Digitized by Google

можно догадываться, что текстъ испорченъ, сдѣлано довольно много въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ спеціальномъ, посвященномъ чешской филологіи журналѣ — Listy filologické a paedagogické. Проф. Гебауеръ представилъ нѣсколько объясненій или поправокъ въ Listy Fil. IX. 104—117; онъ же вмѣстѣ съ Гавликомъ въ L. Fil. XI. 60—63; онъ же съ проф. Коржинкомъ въ L. Fil. XII. 269—287; онъ же съ Опатрнымъ и Кэбле въ L. Fil. XIV. 39—43, 250—255. Наконецъ проф. Пеликанъ напечаталъ (тамъ же XIX. 80—99) Příspěvky ke kritice a výkladu stč. Alexandreidy.

Съ похвальной настойчивостью преслѣдуетъ ту-же цѣль проф. Прусикъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Krok». Въ теченіе 1892 и 1893 годовъ онъ напечаталъ въ томѣ VI упомянутаго журнала, въ выпускахъ 8—10 и въ томѣ VII, въ выпускахъ 1—7, длинный рядъ критическихъ замѣтокъ, относящихся къ Александреидѣ, всего 179 нумеровъ, съ дополненіями и новыми прибавленіями въ томѣ VIII стр. 175—6, въ томѣ IX стр. 215, въ томѣ X стр. 15.

Критика текстовъ дѣло необходимое, но — очень рискованное. Для удовлетворительнаго исполненія этой трудной задачи требуется много остроумія, находчивости и, прежде всего, начитанности въ старыхъ памятникахъ. Безъ этихъ качествъ можно опасаться впасть или въ пустую болтовню, или въ произвольную придирчивость по отношенію къ чужимъ трудамъ. Поучительнымъ урокомъ, куда можетъ повести субъективная критика, служатъ хорошо знакомыя мнѣ нападенія на текстъ пѣсенъ Горація, бывшія въ большомъ ходу въ классической филологіи въ годы моего студенчества!

Критическія операціи проф. Прусика не всегда удачны, но и не безполезны, онѣ все-таки значительно облегчили пониманіе текста чешской Александреиды. Въ числѣ предлагаемыхъ имъ поправокъ есть и такія, которыя или были сразу приняты, или-же могутъ разсчитывать на сочувственный пріемъ. Авторъ старается подкрѣпить предлагаемыя измѣненія въ текстѣ паралле-

Digitized by Google

лями изъ того-же или изъ другихъ старочешскихъ текстовъ, хотя въ этомъ отношеніи можно бы желать еще больше параллельныхъ примѣровъ. За-то я бы просилъ его не сочинять новыхъ словъ въ качествѣ конъектуръ!

Но критическія объясненія проф. Прусика страдаютъ на мой взглядъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Онъ выходитъ изъ предѣловъ умѣренной критики подъ вліяніемъ одного ложнаго принципа: какъ скоро въ чешскомъ текстѣ замѣтны отступленія отъ латинскаго сочиненія, авторъ начинаетъ сомнѣваться насчетъ исправности, онъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предложеніямъ и догадкамъ, чтобы только согласовать чешскій текстъ въ качествѣ точнаго перевода съ сочиненіемъ латинскимъ. Въ угоду этому принципу онъ позволяетъ себѣ перестановки стиховъ, предположеніе пробѣловъ и т. д. По-моему это совсѣмъ ложный взглядъ, вытекающій изъ пристрастнаго обсужденія характерныхъ чертъ чешскаго разсказа. Отношеніе чешскаго текста къ латинскому вовсе не оправдываетъ поступка проф. Прусика. Ничто не даетъ намъ права возражать противъ чешскаго текста потому только, что въ немъ нѣтъ того или другого выраженія, которое соотвѣтствовало бы латинскому или что въ немъ другой порядокъ изложенія и т. д. Иныя поправки неудачны, потому что авторъ не владѣетъ достаточно тонкимъ чутьемъ для склада старинной рѣчи. Старинные писатели не всегда такъ выражались, какъ новые, современные; не все, что намъ не нравится, что намъ кажется шороховатымъ, должно исправлять, сглаживать.

Наконецъ проф. Прусикъ составилъ выше указанное изданіе какъ систематическое возстановленіе чешской Александреиды при помощи всѣхъ до насъ дошедшихъ отрывковъ, восполнивъ пробѣлы прозаическою передачей содержанія на основаніи латинскаго текста Филиппа Вальтера Шатильонскаго. Въ воспроизведенномъ имъ текстѣ приняты въ соображеніе всѣ предыдущія объясненія, поправки, перестановки и т. д. Канвой для воспроизведенія послужило сочиненіе латинское, при чемъ авторъ вы-

Digitized by Google

ходитъ изъ того предположенія, что въ чешскомъ переводѣ дѣйствительно существовало латинское сочиненіе сполна, въ чемъ онъ можетъ быть и правъ, такъ какъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (Шафариковъ) заходитъ содержаніемъ своимъ въ IX-ую книгу латинскаго источника. Но тутъ у меня возникаетъ маленькое недоумѣніе. Реставрація профессора Прусика, конечно, попытка любопытная, но я не понимаю, какъ онъ могъ возстановить одну чешскую Александреиду, когда онъ не вѣритъ въ принадлежность всѣхъ существующихъ отрывковъ къ одному сочиненію? Или же, какъ онъ могъ попытаться изъ всѣхъ отрывковъ сдѣлать одно цѣлое, а въ заглавіи все-же говоритъ въ множественномъ числѣ: о «Staročeské Alexandreidy rýmované»? Одно изъ двухъ: или вѣрить въ единство чешской Александреиды на основаніи существующихъ отрывковъ, или-же не затрогивать этого дѣла. Видно, авторъ стоялъ подъ вліяніемъ своихъ предварительныхъ соображеній и разсужденій и не спохватился, что затѣя его идетъ въ разрѣзъ съ тѣми предвзятыми мыслями.

Проф. Прусикъ положилъ въ основаніе своей старочешской Александреиды — образецъ латинскій, поэтому и понадобилось ему дѣленіе цѣлаго на десять рапсодій или книгъ. Но вотъ новое затрудненіе. Въ сохранившемся самомъ большомъ отрывкѣ Святовитскомъ не видно, чтобы чешскій авторъ дорожилъ этимъ дѣленіемъ на книги. Поэтому и я не вижу причины навязывать чешскому тексту точно десять книгъ. Впрочемъ, для десятой не оказалось ни одной строки старочешскаго текста. Руководясь содержаніемъ латинскаго текста, авторъ полагаетъ, что въ Святовитскомъ отрывкѣ послѣ стиха 1280-го надо отмѣтить большой пробѣлъ, т. е. пропускъ того, что въ латинскомъ сочиненіи читается въ книгѣ II ст. 140—305. Но здѣсь надо было все-таки хотя бы однимъ словомъ указать на то довольно замѣчательное обстоятельство, что и въ Градецкомъ текстѣ послѣ стиха 149 (= Святовит. 1280) непосредственно слѣдуетъ ст. 150 (= Святовит. 1281). Значитъ, надо бы предположить пробѣлъ тутъ и тамъ. Проф. Прусикъ находитъ разрѣшеніе загадки въ томъ,

Digitized by Google

что предполагаетъ существованіе пробѣла уже для подлинника. Можетъ быть, что это такъ, но возможны также соображенія другого рода. Вѣнскій отрывокъ, вышедшій на свѣтъ только въ 1889 году, несмотря на его превосходство по времени происхожденія, совпадаетъ для небольшого объема своего содержанія очень хорошо съ текстомъ Святовитскимъ, который значительно моложе его. Стало быть, это совпаденіе говоритъ въ пользу вѣрной передачи подлиннаго текста въ Святовитской рукописи, и нѣтъ основанія черезчуръ настаивать на испорченности Святовитской редакціи.

Зная все это, я не раздѣляю взглядовъ автора относительно многихъ имъ предлагаемыхъ поправокъ или перестановокъ Святовитскаго текста. Напримѣръ, перестановка стиховъ 534—543,— авторъ ставитъ ихъ послѣ 544—547 — не представляетъ для меня ничего убѣдительнаго, въ особенности когда рядомъ съ перестановкою требуется еще допустить какой-то пропускъ стиховъ! Или же чѣмъ оправдывается догадка автора, что послѣ стиха 193 или послѣ стиха 820 что-то пропущено? Относительно мнимаго пробѣла послѣ 193 надо имѣть въ виду, что уже словами стиха 183 «na svú žalost'» вкратцѣ сказано то, что въ латинскомъ текстѣ заключается въ II. 56—58. Что-же касается предлагаемаго пропуска послѣ 820, то это можетъ притти въ голову современному читателю, но не соотвѣтствуетъ вкусамъ и потребностямъ стариннаго склада рѣчи. И послѣ стиха 988 г. Прусику хотѣлось бы вставки пропавшихъ будто бы стиховъ въ соотвѣтствіе латинскому тексту II. 29—33; но если вникнуть въ нарочно сжатый стиль посланія Даріева, легко будетъ убѣдиться, что впечатлѣніе разсказа безъ вставокъ сильнѣе.

Еще менѣе я согласенъ съ пріемами проф. Прусика насчетъ расширенія редакціи Святовитской вставками стиховъ изъ текста Градецкаго. Самъ авторъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи Градецкаго текста къ Святовитскому (на стр. 62), что редакція Святовитская болѣе точная разработка латинскаго текста, чѣмъ Градецкая, авторъ которой не имѣлъ передъ собою

Digitized by Google

латинскаго текста «na mnohých místech českou předlohu svou mění a rozhojňuje». Если это такъ, какая причина могла заставить г. Прусика послѣ стиха 1219 включить два стиха (51—52) изъ Градецкой рукописи, или послѣ стиха 1245 цѣлую парафразу стиховъ 80—87? Не нужно было также послѣ стиха 1276-го братъ изъ Градецкаго текста стихи 140—144. Упоминаніе въ послѣднемъ стихѣ муловъ, о которыхъ и въ Святовитскомъ текстѣ въ стихѣ 1277 идетъ рѣчь, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что здѣсь обѣ редакціи расходятся и что невѣрно даже мнѣніе автора, будто бы составитель Градецкой редакціи не имѣлъ передъ собою латинскаго текста. Въ Святовитскомъ текстѣ не упоминаются верблюды, только пять сотъ муловъ тащатъ поклажу (ст. 1277—8). Откуда узналъ составитель Градецкаго текста о верблюдахъ? Конечно изъ латинскаго текста, гдѣ говорится

Sexcentis sequitur invecta pecunia mulis,
ter centumque onerat dorso surgente camelos (II. 133—4).

Я не намѣренъ входить въ подробности. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы не безъ основанія утверждать, что реставрація старочешской Александреиды въ опытѣ проф. Прусика подлежитъ большимъ возраженіямъ съ точки зрѣнія—чисто научной. Другое дѣло—цѣль педагогическая, на которую авторъ и указываетъ. Для молодежи, высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу. Оно такъ и составлено, чтобы облегчить молодому читателю пониманіе текста. Подъ строкою прибавлены объясненія, касающіяся преимущественно старинныхъ выраженій и формъ. Объясненія эти не преслѣдуютъ цѣли строго научной, но для учащейся молодежи вполнѣ удовлетворительны. Есть, впрочемъ, и невѣрныя толкованія. Напр. относительно долготы аориста číte (на стр. 22) авторъ невѣрно указываетъ на греческое ἔλῡσα, ἐτίμησα. Эта параллель сюда не идетъ. Напрасно было бы также ссылаться на удареніе (сл. L. fil. X. 113). Удлиненіе гласной въ древнечешскомъ аористѣ объясняется всего проще вліяніемъ неопредѣленнаго наклоненія: къ bŕísti aor. bŕídech, напротивъ

Digitized by Google

наст. вр. brdu — bŕdu, imperf. brdiech — bŕdiech; къ čísti aor čítech, imperf. čtiech (praes. čtu); къ kvísti aor. kvítech, imperf. ktviech (praes. ktvu); čieti—aor. čiech, imperf. čniech (praes. čnu) и т. д. Укажу еще одинъ примѣръ невѣрнаго толкованія слова. Въ Градецкой рукописи ст. 116, «bez pozlathy poluzene» проф. Прусикъ читаетъ «bez pozlati», а слово «pozlat» старается объяснить ссылкою на словарь, изданный Ф. Менчикомъ, гдѣ на стр. 84 упоминается «mappula pazlat». Но, во-первыхъ, pozlat и pazlat — не одно и то-же; во-вторыхъ, mappula едва-ли можно переводить словомъ pragorec. Слово pazlat, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ ничего общаго съ zlato, это слово чужого происхожденія, тожественное съ приводимымъ у Бѣлостѣнца pachólat (читай pačolat), я указалъ уже въ «Književnik-ѣ» III. 405 на patjolat въ «Сиренѣ» Петра Зринскаго, ср. итал. fazzuolo, fazzoletto. Итакъ, «pozlata» (или «pozlat», какъ хотѣлъ бы Прусикъ) не имѣетъ ничего общаго съ «pazlat» mappula.

Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все-же многолѣтнее настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ не только признанія на словахъ, но, если возможно, также нѣкотораго вознагражденія.

И. В. Ягичъ.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 7.

СТАРИННЫЕ СБОРНИКИ

РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ, ЗАГАДОКЪ И ПРОЧ.

XVII — XIX столѣтій

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
Павелъ Симони.

I — II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

стран.

Предисловіе къ первому выпуску . . . . . I—XVI

Перечень матеріаловъ собранныхъ для изданія:

Рукописные сборники (№№ I—XVIII) I

Печатные сборники (№№ XIX—XXVIII) . . . V

Неизданные обработанные труды (№№ XXIX—XXX) VIII

Правила, принятыя при изданіи текстовъ IX

Перечень рукописныхъ сборниковъ, остающихся недоступными издателю (№№ 1—11) XI

Краткія свѣдѣнія о предпринятомъ Опытѣ изслѣдованія судебъ русской пословицы, поговорки, загадки и т. д. и исторіи ихъ собиранія и изученія. XII

Объясненія къ снимкамъ на отдѣльныхъ таблицахъ I—XIII . . . . . XVII—XIX

I. Повѣсти или послóвицы всенарóднѣйшыя пò алфавúтъ (въ рукоп. сборникѣ XVII вѣка Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250—455, изъ собранія кн. М. А. Оболенскаго, № 28) . . . . . 1—162

Описаніе рукописнаго Сборника и перечень статей, его составляющихъ . . . . . 1—68

Общія замѣчанія (с. 1).—Сборникъ повѣстей и прикладовъ изъ «Римскихъ Дѣяній» (с. 5). — Разныя мелкія статьи и отрывки (с. 10). — Выдáніе ѡ добронрáвіи: замѣчанія (с. 21); полный славяно-русскій его текстъ по Архивному сборнику (с. 22 сл.); текстъ близкаго къ нему польскаго сочиненія Яна Запчица, «*Politica dworskie*», послужившаго подлинникомъ для означеннаго славяно-рус-

Digitized by Google

СТРАН.

скаго перевода (с. 23 сл.).—Кѣмъ было обращаемо вниманіе на собраніе пословицъ Архивнаго сборника (с. 46). — Библіографическое описаніе сборника пословицъ (с. 49). — Тексты Житія Езопа, предисловія къ баснямъ, виршей и т. д. (с. 52). — Перечень басенъ Езопа по Архивному сборнику (с. 54). — Предположительныя замѣчанія о времени составленія сборника пословицъ и о собирателѣ ихъ (с. 64).

Предсло́віе до́ чита́теля . . . . . 69— 72
Повѣсти или́ посло́вицы всенаро́днѣйшыя по̀ а̀лфави́тѣ. 73—162

Пословицы на букву А 78
» » » Б 78
» » » В 84
» » » Г 90
» » » Д 93
» » » Є 98
» » » Ж 99
» » » S: З: 104
» » » И, І 109
» » » К 111
» » » Л 117
» » » М 119
» » » N 124
» » » О 129
» » » П 131
» » » Р 136
» » » С 139
» » » Т 143
» » » У 145
» » » Ф 147
» » » Х 146
» » » Ѿ 152
» » » Ц 153
» » » Ч 154
» » » Ш 156

Digitized by Google

СТРАН.

Пословицы на букву Щ 158
» » » Ъ 159
» » » Ю 160
» » » Ѧ 161
» » » Ѯ . . . . . —
» » » Ѱ 162

II. Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII — начала XVIII столѣтія), хранящійся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ . . . . . 163—216

Описаніе рукописи . . . . . 165—171

Исторія рукописи (с. 164). — Описаніе ея (с. 165): соображенія относительно времени ея написанія — по бумагѣ (с. 167). — Составъ сборника (с. 169). — Письмо (почерки) рукописи (с. 170). — Соображенія въ доказательство происхожденія сборника изъ сѣверовосточной Россіи, можетъ быть, въ частности изъ Вологодской губ. (с. 171).

1-ая часть сборника (пословицы на буквы А — М) 173
2-ая » » (безъ алфавитнаго порядка) 204
3-ья » » (въ новомъ алфавитномъ порядкѣ: ....*Г — И*) 214

Приложенія къ I-ому выпуску:

Дополненія и поправки . . . . . 1—8

Замѣчанія проф. Ѳ. Е. Корша о языкѣ составителя сборника пословицъ XVII в.— *Повѣстей или пословицъ всенароднѣйшихъ по алфавиту* . . . . . 3—8

Опечатки и поправки . . . . . I—XII

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Въ трудѣ, первый выпускъ котораго — въ рукахъ читателя, предлагаются въ хронологическомъ порядкѣ всѣ доступные издателю старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ, и т. д.*), начиная съ XVII столѣтія — какъ рукописные, такъ и печатные, съ воспроизведеніемъ ихъ цѣликомъ, и вообще въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ подлинникѣ до нашего времени.

Рукописные сборники:

Въ настоящемъ первомъ выпускѣ помѣщены:

I. **Повѣсти или́ послóвицы всенарóднѣйшыя по̀ алфави́тѣ**, извлеченныя изъ рукописнаго сборника XVII столѣтія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 250, по стар. каталогу № 455 (изъ собранія Кн. М. А. Оболенскаго № 28), на листахъ 321—382; — и

II. Текстъ рукописнаго сборника конца XVII — начала XVIII вѣка (безъ заглавія), на 28 ½ листахъ, заключающій въ

*) Въ изданіе включаются лишь такіе сборники, въ которыхъ преобладаютъ пословицы, поговорки, загадки, и т. д.; многочисленные же сборники изреченій, довольно часто также заключающіе въ себѣ изреченія съ элементами народности, и вообще сборники изреченій (особенно церковно-книжнаго происхожденія) — оставлены въ сторонѣ, но будутъ въ своемъ мѣстѣ привлечены къ изслѣдованію, о чемъ см. ниже.

Digitized by Google

себѣ *пословицы, народныя поговорки и присказки.* Доставленный Обществу Любителей Древней Письменности и Искусства около двадцати лѣтъ тому назадъ акад. Л. Н. Майковымъ, онъ былъ напечатанъ въ IV выпускѣ Памятниковъ сего Общества за 1880 г. на стран. 75—114. Впослѣдствіи подлинная рукопись была подарена Л. Н. Майковымъ извѣстному ученому юристу и знатоку обычнаго права южныхъ славянъ, В. В. Богишичу. Въ настоящемъ изданіи полный текстъ упомянутаго сборника пословицъ воспроизведенъ по возможности въ болѣе совершенномъ видѣ, чему способствовало какъ полученное мною отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и, въ частности отъ предсѣдателя послѣдняго, графа С. Д. Шереметева, любезное разрѣшеніе перепечатать изъ изданій Общества текстъ пословицъ, такъ и то счастливое обстоятельство, что В. В. Богишичъ, любезно предоставилъ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ упомянутую подлинную рукопись, принеся ее въ даръ Академіи. Такимъ образомъ мнѣ представилась возможность обнародовать текстъ упомянутаго сборника въ болѣе точномъ и полномъ видѣ.

Для дальнѣйшихъ выпусковъ приготовлены къ изданію и печатаются слѣдующіе сборники:

III. Книга о всенародныхъ пасловицахъ. — „Оѳевление о просторечныхъ мирскихъ пасловицахъ при времени и при случаяхъ и при разговорахъ в' народе употребляемыхъ“..... „а написанные собирать начеты въ 714 годѣ в апреле мѣсяце“. На 1+1+114 листахъ въ 4 д. л., по рукописи изъ Древлехранилища пок. акад. М. П. Погодина, № 2005.

IV. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка на 78 страницахъ въ 4 д. листа, хранящійся въ I (Русскомъ) Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, подъ шифромъ 17. 7. 32 (стар. 99; 11). Объ этомъ сборникѣ въ пространномъ письмѣ историка В. Н. Татищева отъ 18 февраля 1736 года изъ Екатеринбурга къ В. К. Тредіаковскому съ замѣчаніями его по поводу рѣчи послѣдняго „къ членамъ Россійскаго Собранія, во время перваго оныхъ засѣданія, Марта 14 дня, 1735 года“ [о чистотѣ россійскаго языка] есть слѣдующее упоминаніе: „....нынѣ же посылаю (въ Академію) пословицы ... мною собранные изъ ко-

Digitized by Google

торыхъ не мало словъ нынѣ неупотребляемыхъ выбрατся можетъ"...

V. Рукописный сборникъ пословицъ, составленный, какъ можно съ достовѣрностью предполагать, помощникомъ библіотекаря Академіи Наукъ А. И. Богдановымъ (р. 1703 г. — ум. 1766 г.), столь извѣстнымъ многими историческими и филологическими трудами*), — и хранящійся въ I-омъ Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ подъ шифромъ 17. 7. 33 (стар. ярлыкъ за № 100) на 249 помѣченныхъ страницахъ въ 4 д. л. Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Собраніе пословицъ и присловицъ россійскихъ которые въ повѣстехъ и во употребленіи народныхъ рѣчаˣ бываемые, и по алфавитѣ оные скораго ради пріисканія разположены въ пользѣ народной забавы и увеселенія. 1741 годѣ".

VI. Сборникъ рукописный велико- и малорусскихъ пословицъ съ латинскимъ переводомъ и параллелями: „Adagia sive brevis sententia. quorum defectum in vobis prospiciendo, plurimorum quoque iam in profanis quam et in sacris eorum copiam videndo libris, usui studiosae iuventutis ob actiorem adloquendum cognoscendumque facilitatis modum substantituere ea arbitrabar; ideò M: D: ad G: Bque: V: M: honorem sclavonico alphabeto. exponuntur" — въ рукописномъ сборникѣ Іоанна Ушивскаго 1738—1743 гг., хранящемся въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи № 661 (Муз. № 156), на лл. 188—214 об. въ 4 д. л.

VII. Старинный рукописный сборникъ Русскихъ пословицъ, составленный въ городѣ Яренскѣ въ 1753 году и сохранившійся въ бумагахъ акад. И. И. Срезневскаго въ спискѣ 1853 года, сдѣланномъ Штатнымъ Смотрителемъ Яренскихъ училищъ Алексѣемъ Протопоповымъ (остались лишь пословицы съ буквы *А* до конца буквы *Т*). За сообщеніе рукописи и за любезное разрѣшеніе воспользоваться ею для изданія я много обязанъ Вс. И. Срезневскому.

*) Объ А. И. Богдановѣ (родомъ японцѣ) болѣе подробныя свѣдѣнія см. особенно въ „Исторіи Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ"—Петра Пекарскаго, т. II (Спб. 1873 г.), стр. 198, въ вып. 4. Тутъ въ спискѣ многочисленныхъ трудовъ Богданова, имъ самимъ составленномъ, отмѣчено подъ № 5: „Небольшую книжку россійскихъ пословицъ [сочинилъ], собраніе которыхъ въ библіотекѣ хранится".

Digitized by Google

VIII. Нѣсколько сборниковъ пословицъ и изреченій въ рукописномъ сборникѣ 1754 года, на 160 листахъ въ 16 д. л., изъ собранія графа А. С. Уварова, любезно присланномъ для моихъ занятій графинею П. С. Уваровою [по Систематическ. Описанію Славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова, составленному Архим. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., отдѣл. XVII, стр. 398, № 2039 (176)]: а) на листахъ 20—36: „*Послóвицы*", б) на лл. 36 об.—38: „Реченія нѣкая нравоȣчите^л^ная", в) на лл. 39—40: „Нравоȣчителная наставленія", г) на лл. 73 об.—138: „Разные пословицы по Алеавитȣ" (*а*—*я*).

IX. „Показание о нѣкоторыхъ, происходящихъ в' общенародіи нравоучителныхъ присловица^х^, кои слѣдȣютъ при се^м^ по алеабетȣ", по рукописному сборнику 1755 года, Императорской Археографической Коммиссіи № 64/160, на стран. 60—122 въ 4 д. л.

X. „*Алфавитъ мирскихъ пословицъ*", помѣщенный въ рукописномъ сборникѣ 1758 года, принадлежалъ въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія священнику Троицкой въ городѣ Вязникахъ (Владим. губ.) церкви, о. Константину Веселовскому; печатается съ новѣйшей копіи, хранящейся въ Архивѣ Импер. Русск. Географич. Общества (подъ шифромъ VI. 51).

XI. „Собраніе просторечныхъ мирскихъ пословицъ, при времени и при случаехъ и при разговорахъ въ народѣ употребляемыхъ".... въ рукописномъ сборникѣ 1788—1795 года, на 62 листахъ, въ 4 м. д. л., принадлежащемъ нынѣ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, № 727 (ст. 169), съ стихотвореніями за подписью: „*Г: С: В: Салт: 1795 году Ноября: дня*".

XII. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка, озаглавленный: „Присловицы", на 115 листахъ въ 8 д. л., изъ собранія проф. И. А. Шляпкина, подъ № 20.

XIII. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ на буквы *Д—С* (1790 г.) на 16 лл. въ 16 д. л., пожертвованнаго Е. В. Барсовымъ въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи и хранящагося тамъ подъ № 449 (О. 1/8. 34).

XIV. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ XVIII столѣтія на буквы *П*, *Р* и *С*, на 8 листахъ въ 4 д. л., принесенный въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ акад. Л. Н. Майковымъ (и хранящійся тамъ подъ шифромъ Q. III. 182).

Digitized by Google

XV. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ XVIII в. на буквы *Л—С*, на 15 листахъ въ 4 д. л., хранящійся въ Императорскомъ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 911, изъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго.

XVI. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ и поговорокъ на буквы *Б—К* (на лл. 194 об.—205 об.) въ семинарскомъ сборникѣ: „*Востокъ*, на которомъ тройственное православнаго исповѣданія восходитъ свѣтило Слово Божіе“—конца XVIII в., на 204 лл. въ 4 д. л., хранящемся въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 502 (по ст. катал. 983).

XVII. Двѣ тетради записей пословицъ XVIII вѣка, хранящихся въ собраніи рукописей А. А. Титова въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи: а) на 4 лл. въ 4 д. л. пословицы на буквы *П. Р. С. Т. У. Х. О. Ч. Ш. Д. Л. К. М. Н. О. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. І. К.*, и б) на двухъ листахъ въ листъ безъ всякаго алфавитнаго порядка (по „Охранному каталогу славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова“ вып. III, 1888 г., стр. 19, рукоп. № 1793).

XVIII. а) Отрывки изъ сборниковъ *пословицъ* конца XVIII и самаго начала XIX вѣка въ собраніи рукописей И. А. Вахрамѣева въ Ярославлѣ: въ рукописныхъ сборникахъ № 652 и 654, въ м. 8 д. л. на лл. 179—180 обор. и л. 30—1, и б) сборникъ *загадокъ* въ рукописномъ сборникѣ того же собранія и того же времени въ 4 д. л. № 567, л. 360, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Загадки сочиненныя стихами и просто, и краткія на подобіе вопросовъ“.

XIX. Собраніе пословицъ въ рукописномъ сборникѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, любезно доставленномъ въ наше распоряженіе Е. И. Якушкинымъ. Въ означенномъ сборникѣ, озаглавленномъ: „Псалмы духовныя“, послѣ кантовъ и виршей (лл. 1—10) на лл. 14—17 помѣщены: „По Азбукѣ разные пословицы, учитель ученика спрашивалъ, что значитъ. А. Которой и отвѣчалъ“.

Печатные сборники:

XX. „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“ въ книгѣ Н. Г. Курганова: „Россійская универсальная Грамматика, или Всеобщее Писмословіе, Предлагающее Легчайшій

Digitized by Google

способъ основательнаго ученія рускому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей. Издано во градѣ Святаго Петра 1769 года" (на стр. 109—124 и „Прибавленіе", тамъ же, на стр. 124—125). Такъ какъ эта „Россійская Универсальная Грамматика" или иначе *Письмовникъ Курганова*, начиная съ 1769 года и почти до половины XIX столѣтія выдержала очень много изданій, то мы постараемся сравнить текстъ *Сбора русскихъ пословицъ и поговорокъ* и *Прибавленія* къ нимъ по всѣмъ изданіямъ этой книги и подведемъ варіанты изъ нихъ *).—Къ сему же будетъ присоединено въ видѣ приложенія „Собраніе разныхъ пословицъ и поговорокъ", находящееся въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки кн. Барятинскаго 1789—1809 гг., въ 4 д. л., хранящемся нынѣ въ библіотекѣ Императорскаго Россійскаго имени Императора Александра III Музея въ Москвѣ подъ шифромъ 187/В.

XXI. „Древнія русскія простонародныя загадки", напечатанныя въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ". Ежемѣсячномъ изданіи 1770 года (М. Д. Чулкова), въ VII книгѣ (май) на стран. 46—48.

XXII. „Собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ Пословицъ. Печатаны при Им(п)ераторскомъ Московскомъ Университетѣ. 1770 года". Это *первое печатное изданіе русскихъ пословицъ*, не вѣрно приписываемое нѣкоторыми изслѣдователями извѣстному русскому писателю и этнографу XVIII столѣтія М. Д. Чулкову, на самомъ же дѣлѣ, какъ можно почти съ достовѣрностію утверждать, — трудъ извѣстнаго грамматиста XVIII столѣтія, профессора Московскаго Университета А. А. Барсова,— будетъ перепечатано въ нашемъ изданіи въ сводномъ видѣ — а) по всѣмъ тремъ его печатнымъ изданіямъ, т.-е. 1) (по 1-му изд.) при Импер. Моск. унив. 1770 года *съ виньеткою* и иниціалами Х. Л. В. **), въ 16 д. л. на 244 стран., 2) (по 2-му изд.) того же 1770 года, *безъ виньетки*, въ 16 д. л. на 320 стран. + 2 непом. („Погрѣшности") и 3) тоже: *Изданіе Третіе*. Москва. Въ Типографіи

*) Послѣднее бывшее у насъ въ рукахъ изданіе—11-е, 1887 года печатанное въ Москвѣ у Н. Степанова.

**) По мнѣнію акад. Л. Н. Майкова иниціалы эти должны обозначать—„Христіанъ-Лудвигъ *Веверъ*", т. е. имя и фамилію извѣстнаго издателя журнала „Музыкальныя Увеселенія" (1774 г.).

Digitized by Google

Компаніи Типографической, 1787 г., на 203 стран. *); б) съ подведеніемъ варіантовъ изъ рукописной копіи съ печатнаго текста 1770 года, списка принадлежавшаго въ XVIII вѣкѣ „города Переславля Залескаго Катедральному Успенскаго Собора діакону Петру Иванову Ильинскому“ и писаннаго рукою „Троицкаго Данилова монастыря подьячимъ Иваномъ Алексѣевымъ Тарховымъ“, нынѣ же хранящагося въ древлехранилищѣ М. П. Погодина подъ № 2006 въ Имп. Публичной Библіотекѣ. в) Въ приложеніи будетъ напечатано и то значительное *Дополненіе* къ сему тексту, которое находится въ концѣ этого рукописнаго списка. г) Предполагается собрать и тутъ же приложить всѣ приписки пословицъ и т. п. текстовъ (не исключая и *малорусскихъ*), сдѣланныя читателями разнаго времени на нѣсколькихъ извѣстныхъ издателю экземплярахъ упомянутой книги.

XXIII. „Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія праздная времени, изданы ВСЛ: Левшинымъ“ (виньетка), при Императорскомъ Московскомъ Унив. 1773 года, на 43 стр., въ 16 д. л.

XXIV. „Увеселительныя загадки со нравоучительными отгадками, состоящія въ стихахъ“. Москва, 1781, въ 12 д. л.

XXV. „Выборныя Россійскія Пословицы“ Императрицы Екатерины II 1782 года (на 15 помѣч. стран. въ м. 8 д. л. по экземпляру безъ означенія года и мѣста печати Эрмитажной Библіотеки, хранящемуся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

XXVI. „Рускія пословицы, собранныя Ипполитомъ Богдановичемъ“. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ, 1785 года. Части I, II и III.

---

*) Указываемое иногда 2-е изданіе *1778* года есть не болѣе, какъ недоразумѣніе, поводомъ къ чему послужило то обстоятельство, что въ 1770 году вышло два изданія, причемъ *второе* изъ нихъ не отмѣчено на заглавномъ листѣ таковымъ. Это предположеніе оправдывается еще и тѣмъ, что для 2-го изданія назначенъ *1778* годъ, а экземпляровъ изданія съ этимъ годомъ нигдѣ пока не нашлось, третье же изданіе вышло въ 1787 году. За подтвержденіе моей догадки точными библіографическими разысканіями и справками я обязанъ весьма свѣдущему и опытному московскому библіографу П. Н. Рогожину, которому и спѣшу выразить свою глубокую признательность за это одолженіе.

Digitized by Google

XXVII. „Сто и одна Загадка", *Г. Б.* Москва (въ Сенатской Типографіи) у В. Окорокова, 1790 г. на 64 стран. въ 16 д. л.

XXVIII. „Пословицы". Статья *В.* въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени". Часть I. № 3. Москва, 1794 г., стран. 33—47.

XXIX. „Пословицы и поговорки простонародныя; большая часть въ иносказательномъ смыслѣ" въ книгѣ *Г. Г*(ромова): „Любовники и супруги или Мужчины и женщины [нѣкоторыя]. И то и сіо. Читай, смѣкай, и можетъ быть слюбится". Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1798 года, въ гл. IX, на стран. 206—224.

XXX. „Рускія изрѣченія, пословицы и поговорки, съ историческими и другими различными примѣчаніями" (изданныя С. Н. Глинкою въ „Опытѣ отечественной нравственности" ч. 2, см. въ „Рускомъ Вѣстникѣ въ пользу семейственнаго воспитанія" за 1816 г., кн. 3).

Въ заключеніе, впервые будутъ напечатаны въ настоящемъ изданіи:

XXXI. Съ автографа академика А. Х. Востокова, хранящагося въ I-омъ Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, *сборникъ пословицъ расположенныхъ по содержанію, по мыслямъ, которыхъ онѣ касаются*, и раздѣленныхъ на пять главъ; за составленіе этого сборника, Востоковъ, какъ видно изъ „Лѣтописи" о его жизни, принялся около 16 января 1810 года, и отъ времени до времени продолжалъ обрабатывать этотъ трудъ до 1815—1816 года. Еслибы этотъ трудъ Востокова былъ въ свое время напечатанъ, онъ во многомъ бы опередилъ и нѣкоторыя появлявшіяся много лѣтъ спустя пареміологическія изданія, какъ въ отношеніи времени своего появленія*),

---

*) *Нѣсколько лишь напоминаютъ* этотъ *опытъ* обработки русскихъ пословицъ А. Х. Востокова слѣдующіе труды позднѣйшаго времени: 1) „[Д. К(няжевича)]. Полное Собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку". Съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ, для удобнѣйшаго ихъ пріисканія. Спб. 1822, въ 8 д. л., 2) особенно единственный пока у насъ трудъ историко-бытового объясненія смысла нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ, принадлежащій И. М. Снегиреву: „Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговоркахъ", книжки I, II, III и IV.

Digitized by Google

такъ отчасти даже въ смыслѣ свѣжести и самостоятельности собраннаго матеріала, и особенно систематическою и критическою его обработкою, что особенно любопытно, если принять въ разсчетъ, что у Востокова, какъ можно думать судя по ссылкамъ въ его трудѣ — подъ рукою были лишь изданныя въ 1785 году И. Богдановичемъ „Рускія Пословицы“ и пословицы, извлеченныя имъ самимъ изъ Польскаго словаря С. Б. Линде и изъ изданія Przypowieści Рысинскаго (печатано въ XVI ст.), а также записанныя самимъ Востоковымъ пословицы или сообщенныя ему его пріятелями и корреспондентами. Вообще можно признаться со всею справедливостью, что трудъ Востокова былъ бы для своего времени, да пожалуй остается и до сихъ поръ, — весьма знаменательнымъ явленіемъ въ довольно-таки бѣдной еще печатной русской пареміологической литературѣ.

и XXXII. Принадлежащій Дѣйствительному Члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву въ Ярославлѣ рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ, и проч. подъ общимъ заглавіемъ: „*Русская народная жизнь и правила въ краткихъ изреченіяхъ.* Собрано изъ устъ Ѳеодосіемъ Смирновымъ“ въ трехъ книгахъ въ половину большого листа (67+67+11 лл.) (см. у А. А. Титова: „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія ....И. А. Вахрамѣеву, вып. III, М. 1892, №№ 803—805, стран. 85—89).

При воспроизведеніи въ печати текстовъ старинныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ, и проч., въ настоящемъ изданіи принято за правило:

а. Такъ какъ за большинствомъ рукописныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ и проч., заключающихъ въ себѣ много простонародныхъ и областныхъ особенностей стиля и языка, признано немаловажное значеніе для исторіи русскаго языка, то положено печатать каждый цѣльный сборникъ или сохранившіеся

Москва, 1831—4, въ 16 д. л., 3) *его же* довольно тщательно исполненный, хотя и уступающій первому, но все-таки несправедливо забытый сводный трудъ, съ указаніемъ источниковъ, варіантовъ и параллелей: „Русскія народныя пословицы и притчи“ М. 1848, съ нѣсколькими отдѣльно изданными Снегиревымъ же впослѣдствіи дополненіями (1854 и 1857 гг.), и 4) „Пословицы русскаго народа“ В. Даля. М. 1862 г. въ б. 8 д. л.

Digitized by Google

отрывки такихъ сборниковъ совершенно въ томъ видѣ, какъ они найдены мною въ рукописи или въ первомъ печатномъ изданіи: съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей расположенія текста пословицъ, загадокъ, и проч., стариннаго правописанія и интерпунктаціи, съ единственнымъ впрочемъ исключеніемъ — печатанія собственныхъ именъ съ прописной буквы и раздѣленія словъ.

б. Во всѣхъ случаяхъ мы старались воспроизводить по возможности текстъ первоначальнаго автора или писца, выдѣляя разновременныя позднѣйшія приписки, поправки, дополненія, заглавія, и т. п. Сохраненіемъ всѣхъ этихъ, на первый взглядъ мелочныхъ, особенностей, думается намъ, лучше всего можно познакомить читателя съ самыми подлинниками, показать ихъ пріемы подбора, собиранія и частію даже записи означенныхъ памятниковъ безыскусственнаго творчества народа, когда они стали впервые собираться въ извѣстномъ порядкѣ и обратили затѣмъ на себя вниманіе любителей отечественнаго слова.

в. Сборники, менѣе значительные (въ смыслѣ цѣнности ихъ внутренняго содержанія), — печатаются для сбереженія мѣста мелкимъ шрифтомъ.

г. Каждому отдѣльному сборнику предпослана вводная замѣтка, въ которой сообщается историко-библіографическое описаніе всей рукописи или книги, откуда извлеченъ тотъ или иной сборникъ пословицъ, загадокъ, и т. п., съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на тѣ страницы рукописи, на коихъ помѣщены пословицы, загадки, объяснительныя замѣчанія и проч.

д. Вслѣдъ за текстами будутъ помѣщены въ отдѣлѣ „Дополненій и поправокъ“—примѣчанія къ текстамъ сборниковъ, гдѣ будутъ предложены критическія поправки основныхъ текстовъ, указаны описки писцовъ, приведены разновременныя приписки, поправки, варіанты и проч.

е. Согласительныя таблицы для показанія сходныхъ *по содержанію* и по предметамъ пословицъ, и проч., во всѣхъ напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи сборникахъ пословицъ, загадокъ, и т. д., съ отмѣткою римскою цифрою сборника, откуда взята данная пословица, и арабскою самой пословицы (ея №).

ж. Указателями: собственныхъ именъ (личныхъ и географическихъ) и предметовъ, а также спискомъ любопытныхъ и малоизвѣстныхъ словъ должно закончиться изданіе текстовъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ въ настоящемъ трудѣ, по отпечатаніи его въ предположенномъ составѣ, въ распоряженіи читателя окажется полное *по возможности* собраніе всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ издателю старинныхъ сборниковъ русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и т. д., съ XVII по XIX столѣтіе включительно (до выхода въ свѣтъ перваго изданія извѣстнаго сборника пословицъ В. И. Даля*).

Остаются недоступными издателю по разнымъ причинамъ слѣдующіе сборники:

А. Неизвѣстно гдѣ нынѣ находящіеся рукописные сборники:

1. Принадлежавшій А. И. Тургеневу въ Парижѣ *сборникъ Русскихъ пословицъ и поговорокъ*, писанный скорописью конца XVII вѣка въ 4 д. л. Начало его осталось у прежняго владѣльца, а „оторванная отъ сборника тетрадь съ буквы *Н* до *Х*“ перешла въ собственность И. М. Снегирева, и объ этой части всего сборника есть замѣтка въ „Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ“ И. М. Снегирева, М. 1848 г., стран. XL.

2. *Сборникъ пословицъ и поговорокъ по азбучному порядку*, на 73 стр., скорописный, начала XVIII вѣка, въ 4 д. л., принадлежавшій И. М. Снегиреву (см. краткое его описаніе и перепечатку предисловія къ нему въ виршахъ—въ Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ, издан. И. Снегиревымъ, М. 1848 г., стран. XXXVII—XL).

3. Сборникъ, писанный Александромъ Даниловичемъ Яньковымъ:—*Россійскія пословицы, собранныя по Алфабету въ Москвѣ*, 1749 году (въ 4 д. л.) — неизвѣстно гдѣ нынѣ находящійся, въ свое время былъ изучаемъ а) Ѳ. И. Буслаевымъ, который сообщилъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ статьѣ своей: „Русскія

---

*) Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ настоящаго предисловія къ 1-му выпуску нашего труда, въ послѣднемъ намѣчено перепечатать бо́льшую часть изданій сборниковъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ, и проч., лишь XVIII столѣтія, ставшихъ нынѣ почти библіографическою рѣдкостью и недоступныхъ большинству, и затѣмъ всѣ сборники, сохранившіеся какъ отъ стараго времени въ рукописномъ видѣ, такъ и относительно недавняго еще для насъ происхожденія, но оставшіеся пока необнародованными.

Digitized by Google

пословицы и поговорки" въ Архивѣ Калачова (II, 2, М. 1854), стр. 67 и 75, и далѣе въ текстѣ (стр. 75 сл.) своего сборника пословицъ привелъ изъ него варіанты, отмѣченные буквою *Я*; въ Исторической Христоматіи ц.-сл. и русск. яз. (М. 1861 г.), столб. 1457—1460 напечатано для образца по нѣсколько пословицъ на каждую букву съ объяснительными къ нимъ примѣчаніями, и б) И. М. Снегиревымъ, о чемъ находимъ отмѣтки въ его „Новомъ Сборникѣ русскихъ пословицъ и притчей, служащемъ дополненіемъ къ Собранію русск. народн. пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 г." (М. 1857 г., въ примѣчан. 10, стран. 83, пр. 8, стр. 87).

4. Рукописный сборникъ, принадлежавшій Тихвинскому купцу Григорію Парихину и упомянутый имъ въ выноскѣ къ тексту статьи его: „Русскія народныя загадки" (въ журн. *Маякъ*, 1842 г., т. VI, кн. XI, гл. III (матеріалы), стран. 66)—„[нѣкоторыя загадки] выписаны мною изъ стараго рукописнаго зборника 1774 года, состоящаго изъ *Собранія Псалмовъ, пѣсенъ, загадокъ, пословицъ, притчей, анекдотовъ, и протчаго тому подобнаго*"...

5. Собраніе около 400 Русскихъ пословицъ, записанныхъ П. Ѳ. Карабановымъ въ Москвѣ (упоминаемое у Снегирева, въ его изданіи 1848 г. на стран. XLI, и у Буслаева въ „Русск. послов. и погов., стр. 113. 131, 140 и 143 сл.). Среди рукописей Коробанова, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку искомой рукописи, повидимому, не имѣется.

6. Рукописный сборникъ пословицъ, о которомъ И. М. Снегиревъ упоминаетъ въ „*Дополненіи* къ собранію Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, издан. И. Снегиревымъ" (М. 1854 г., на стран. 3): „Почтенные наши литераторы, Н. В. Сушковъ доставилъ мнѣ *тетрадь Русскихъ пословицъ, собранныхъ и писанныхъ г.* Храповицкимъ *для Императрицы Екатерины II*..".

7. „*Русскія пословицы, поговорки, прибаутки и присловья, собираемыя Алексѣемъ* Кольцовымъ. *Воронежъ*" (1836—39 годовъ), на 41 л., въ 8 д., почтовой бумаги *(А—Я)*; рукописный сборникъ этотъ принадлежалъ въ шестидесятыхъ годахъ извѣстному поэту И. С. Никитину.

Б. Принадлежащіе П. Н. Тиханову три рукописныхъ сборника пословицъ и проч.:

8. Въ такъ называемомъ „*Мышкинскомъ сборникѣ-календарѣ 1779 года*" (описаніе его см. въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣ-

Digitized by Google

домостяхъ, 1888 г. и отдѣльно въ брошюрѣ: „Мышкинскій сборникъ 1779 г., рукопись изъ собранія П. Тиханова", Ярославль, 1888 г.) на лл. 16—62 помѣщены „*Присловицы*" (пословицы и присловья), на лл. 63—70 — „*скороговорки*", и проч.

9. „Довольно большой рукописный сборникъ пословицъ", по словамъ владѣльца — писанный въ Новгородѣ (скоропись).

10. Еще одинъ „писанный полууставомъ, переходящимъ въ скоропись".

Одновременно съ приготовленіемъ къ печати предлежащаго труда и послѣдовательнымъ печатаніемъ выпусками, издатель его приступилъ къ обработкѣ матеріаловъ для небольшого *опыта изслѣдованія*, въ которомъ онъ намѣтилъ изученіе многихъ вопросовъ, относящихся до русской пословицы, поговорки и загадки въ ихъ исторіи. Въ этомъ изслѣдованіи попытокъ собиранія и записыванія ихъ, а также литературной исторіи сборниковъ, обращавшихся у насъ на Руси, съ давняго времени, а равно также и различныхъ памятниковъ старинной русской письменности, отразившихъ на себѣ элементы какъ народныхъ пословицъ („мірскихъ притчъ"), такъ и изреченій и пословичныхъ выраженій книжнаго происхожденія (какъ напр. Слово о злыхъ женахъ, Моленіе или Слово Даніила Заточника, Сказаніе или Слово объ Акирѣ Премудромъ, Стефанитъ и Ихнилатъ, Бесѣда отца съ сыномъ отъ различныхъ писаній — о женской злобѣ, Мѣрило Праведное и еще многіе другіе) — авторомъ будетъ, по возможности, удѣлено не меньше вниманія, какъ и исторіи сборниковъ исключительно почти гномическаго содержанія (Пчела, Мудрость Менандра, Стословецъ патр. Геннадія, и друг.). Послѣдніе, какъ это можно считать уже почти доказаннымъ, представляли собою произведенія, повидимому, цѣликомъ переведенныя съ византійскихъ же подлинниковъ еще у южныхъ славянъ и затѣмъ зашедшіе и къ намъ *). Является необходимымъ прослѣдить, какъ эти сборники съ теченіемъ вре-

---

*) Старшіе русскіе списки Пчелы и Мудрости Менандра XIV в. на пергам., хран. въ Имп. Публ. библ.; по И. И. Срезневскому, Пчела стала извѣстна у насъ съ XII столѣтія, см. Др. Пам. р. п. и яз. подъ 1199 г.; сп. Стословца — съ XI в.: онъ помѣщенъ уже въ Изборникѣ Святослава 1076 года, и т. д.

Digitized by Google

мени все болѣе и болѣе распространяли свое содержаніе, когда къ нимъ постепенно стали присоединяться и въ нихъ вноситься выбранные тексты гномическаго характера изъ книгъ Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви, а иногда и прямо цѣлые самостоятельные сборнички, носившіе названія: „Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона“, „Избранныя словца отъ Исака и отъ Лѣствицы и отъ инѣхъ книгъ“, и т. п. Благодаря этому, составъ такихъ сборниковъ сдѣлался разнороднымъ и пестрымъ (Пчелы напр. въ позднѣйшихъ спискахъ, заходящихъ даже въ XVIII столѣтіе, и такъ называвшіеся „Цвѣтники“, многочисленныя „выписки“ изъ Пчелы иногда даже съ особенными названіями, напр. „Строкъ избирательныхъ“, и проч.). Для цѣли подобнаго изслѣдованія весьма важно также заняться изученіемъ текста столь любопытныхъ „Прописей“, „Азбукъ“ и проч., въ которыхъ часто можно встрѣчать притчи и тексты, почти прямо идущіе по преемству отъ подобныхъ же изреченій, находимыхъ въ Словѣ Даніила Заточника (на что было обращено въ свое время вниманіе еще пок. Н. С. Тихонравовымъ)*).

Сборники собственно пословицъ и поговорокъ появляются у насъ впервые въ XVII вѣкѣ, но послѣднія и тутъ не отдѣляются еще отъ текстовъ духовно-нравственнаго содержанія; въ то же время въ эти сборники, параллельно съ пословицами, вносятся тексты изъ лубочныхъ картинокъ, изъ смѣхотворныхъ повѣстей, пѣсенъ, сказокъ, сонниковъ, различныхъ народныхъ листовъ и тетрадокъ, довольно часто и обильно почерпавшихъ свое занимательное разнообразіе изъ западно-европейскихъ и, особенно польскихъ, источниковъ. Въ томъ же XVII столѣтіи появляются въ переводѣ съ польскаго извѣстные „*Апофѳегмы*“, столь полюбившіеся у насъ, что сверхъ обращавшихся экземпляровъ рукописныхъ текстовъ понадобилось вскорѣ и печатное ихъ изданіе (первое изданіе вышло въ 1711 году, пятое въ 1781 году). Такіе тексты, какъ Апофѳегмы, и проч., вмѣстѣ съ

*) Къ сожалѣнію, такъ мало до сихъ поръ было удѣлено вниманія въ печати означеннымъ текстамъ Прописей, и намъ ничего неизвѣстно, кромѣ статей И. Е. Забѣлина, Н. В. Калачова, Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева и Юр. В. Толстого; занятія А. Н. Петрова „школьными азбуковниками“, повидимому, только отчасти касаются изслѣдованія текстовъ, заключающихся въ Прописяхъ и Азбукахъ.

Digitized by Google

забавными повѣстями, анекдотами, народными пословицами, пѣснями (не исключая и солдатскихъ), и проч., издаются въ Санктпетербургѣ Н. Г. Курановымъ въ 1769 году, сперва подъ названіемъ „Универсальной грамматики“, а затѣмъ извѣстнаго „Письмовника“. Изданія его тянутся до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, болѣе десяти разъ повторяясь и распространяя свое занимательное содержаніе, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто разнымъ другимъ сборникамъ, пришедшимъ ему на смѣну.

Предпринятый опытъ изслѣдованія исторіи русской пословицы, поговорки и проч., можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и *вводною статьею* ко всему собранію нынѣ издаваемыхъ *текстовъ* сборниковъ XVII—XIX столѣтій. Въ концѣ будетъ предложена подробная систематическая библіографія и перечень изданій указанныхъ сборниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, также и трудовъ, посвященныхъ ихъ изученію.

Выдавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго труда, считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ членамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, давшимъ мнѣ возможность къ напечатанію моего труда въ томахъ издаваемаго имъ „Сборника“. Не могу не высказать тотъ часъ же своей особенной и глубокой признательности г. Вице-президенту той же Академіи, академику Л. Н. Майкову, не оставлявшему меня во все время моихъ розысканій при веденіи настоящаго труда своими многими полезными совѣтами, указаніями, сообщеніемъ матеріаловъ и пособій для моего труда, и вообще за ту нравственную поддержку и одобреніе, которыя я встрѣтилъ по сему случаю съ его стороны; тѣмъ же я такъ же обязанъ и глубокоуважаемымъ академикамъ А. Н. Пыпину и А. А. Шахматову.

Много облегчили мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ трудъ по собиранію матеріаловъ для давно задуманнаго мною и издаваемаго нынѣ труда нижеслѣдующія лица: А. В. Башкировъ, В. В. Богишичъ, Е. Ѳ. Будде, пок. акад. А. Ѳ. Бычковъ, И. А. Бычковъ, С. А. Бѣлокуровъ, И. А. Вахрамѣевъ, М. А. Веневитиновъ, Н. Я. Денисьевскій, С. О. Долговъ, П. А. Ефремовъ, Е. Ѳ. Карскій, А. И. Кирпичниковъ,

Digitized by Google

Ѳ. Е. Коршъ, В. И. Ламанскій, В. П. Ламбинъ, Н. П. Лихачевъ, Е. А. Ляцкій, В. В. Майковъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, К. П. Михальчукъ, А. П. Новицкій, Н. П. Рогожинъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, С. С. Слуцкій, А. И. Соболевскій, М. Н. Сперанскій, Вс. И. Срезневскій, А. И. Станкевичъ, бар. Ѳ. Д. Стюартъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, А. А. Титовъ, П. Н. Тихановъ, гр. Пр. С. Уварова, П. В. Шейнъ, гр. С. Д. Шереметевъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, В. Н. Щепкинъ, акад. И. В. Ягичъ, Е. И. Якушкинъ и Н. Ѳ. Ѳедоровъ, — которымъ и спѣшу засвидѣтельствовать здѣсь свою глубокую признательность, отлагая болѣе подробныя сообщенія до конца всего изданія.

Отчетливымъ и весьма удачнымъ исполненіемъ посредствомъ фотографіи снимковъ (приложенныхъ къ настоящему первому выпуску на таблицахъ I—II, IV—XI) съ рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ XVII столѣтія, я много обязанъ Г. В. Бюшу, которому пришлось воспроизводить ихъ при далеко неблагопріятныхъ условіяхъ (въ самомъ мѣстѣ храненія рукописи).

Всякаго рода полезныя указанія и сообщеніе матеріаловъ*) будутъ приняты съ глубокою признательностію, и о нихъ каждый разъ будетъ упоминаемо въ своемъ мѣстѣ при печатаніи продолженія настоящаго труда.

Павелъ Симони,

Д. чл. Имп. Русск. Геогр. Общества, чл.-корр. Имп. Моск. Археологич. Общ. и Имп. Общ. Любит. древн. письменности.

Санктпетербургъ,
29 сентября 1899 года.

---

*) которыя слѣдуетъ доставлять по адресу: П. К. Симони въ С.-Петербургъ, В. О. уг. 7 л., д. 2—1, кв. 16 или на имя Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ СНИМКАМЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ.

I.

Сборникъ скорописный XVII вѣка Моск. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ № 250—455.

Таблица I—(приложенная къ страницѣ 12):—снимокъ *съ записи 7903/1695 года* на листѣ 118 обор. (внизу страницы). Слѣдуетъ обратить вниманіе на конецъ записи: = м҃. і҃. р҃. д҃. п҃ н҃ п҃ з҃ =, представленный тайнописью и того именно вида цифровой тайнописью, ключа для разгадыванія которой еще до сихъ поръ не удалось найти. (Ср. впрочемъ близкій видъ тайнописи, раскрытый А. Х. Востоковымъ — въ Опис. Рум. Муз. стр. 155, рукоп. XVI в, № LXXXVII). Если не ошибаемся, составитель тайнописной замѣтки съ намѣреніемъ поставилъ послѣ первыхъ буквъ-чиселъ точки, а послѣднія четыре же буквы не раздѣлилъ точками. Не скрывается ли тутъ имени и прозвища писавшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и списателя—составителя сборника пословицъ и любопытнаго «Предсловія» къ сему послѣднему? Можетъ быть, перу того же лица принадлежатъ и «Рѵѳмы краесогла́снїи. Ѿ прелести сꙋетна^{гѡ} сегѡ̀ мі́ра и бꙋйствѣ»... $\frac{7200}{1695\text{ г.}}$ [см. ниже снимокъ на таблицѣ II] виршами;

Digitized by Google

б) «Посла́нїе к печа́лны^{м} члв҃кω^{м}» (см. у насъ на стран. 20; въ рукоп. л. 301 сл.); в) переводъ съ польской книжки Яна Запчица «Выда́нїе ѡ҆ доброн'равїи» (въ рукоп. на лл. 315—320; у насъ напеч. на стран. 21—47) и друг.

Табл. II — (прилож. къ стран. 19—20) — снимокъ съ листа 295-го.

Табл. III — (прилож. къ стран. 65—66) — изображенія заводскихъ клеймъ на бумагѣ (не помѣщенныхъ въ сочиненіи Н. П. Лихачева «Бумага и древн. бум. мельницы въ Моск. госуд.». Спб. 1891 г.); чертежи 1—2.

Табл. IV — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ листа 321-го: съ заглавнаго листа «Предсловія до читателя».

Табл. V — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ л. 321 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VI — (прилож. къ стран. 70) — снимокъ съ л. 322 съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VII — (прилож. къ стран. 71) — снимокъ съ л. 322 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VIII — (прилож. къ стран. 73) — снимокъ съ л. 323: конецъ «Предсловія до читателя» и на той же страницѣ — начало «Повѣстей или пословицъ всенароднѣйшыхъ по алфавиту», писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, что и «Предсловіе» и съ удареніями, далѣе эти послѣднія встрѣчаются лишь спорадически и очень часто проставлены уже другою рукою (справщика).

Табл. IX — (прилож. къ стран. 92) — снимокъ съ листа 336: текстъ сборника пословицъ на букву Г; въ строкѣ 17 св. приписка почеркомъ XVIII ст.

Табл. X — (прилож. къ стран. 104—5) — снимокъ съ л. 345: текстъ пословицъ на буквы Ѕ—З; писано, повидимому, тою же рукою, что и ранѣе, но весьма небрежно или, можетъ быть, другою—старческою рукою.

Digitized by Google

Табл. XI—(прилож. къ стран. 122—3)—снимокъ съ л. 357: текстъ пословицъ на букву **М**, съ извѣстными текстами о Котѣ и Мышахъ (см. строки 11—12 св., подчеркнутыя въ подлинникѣ чернымъ карандашомъ.

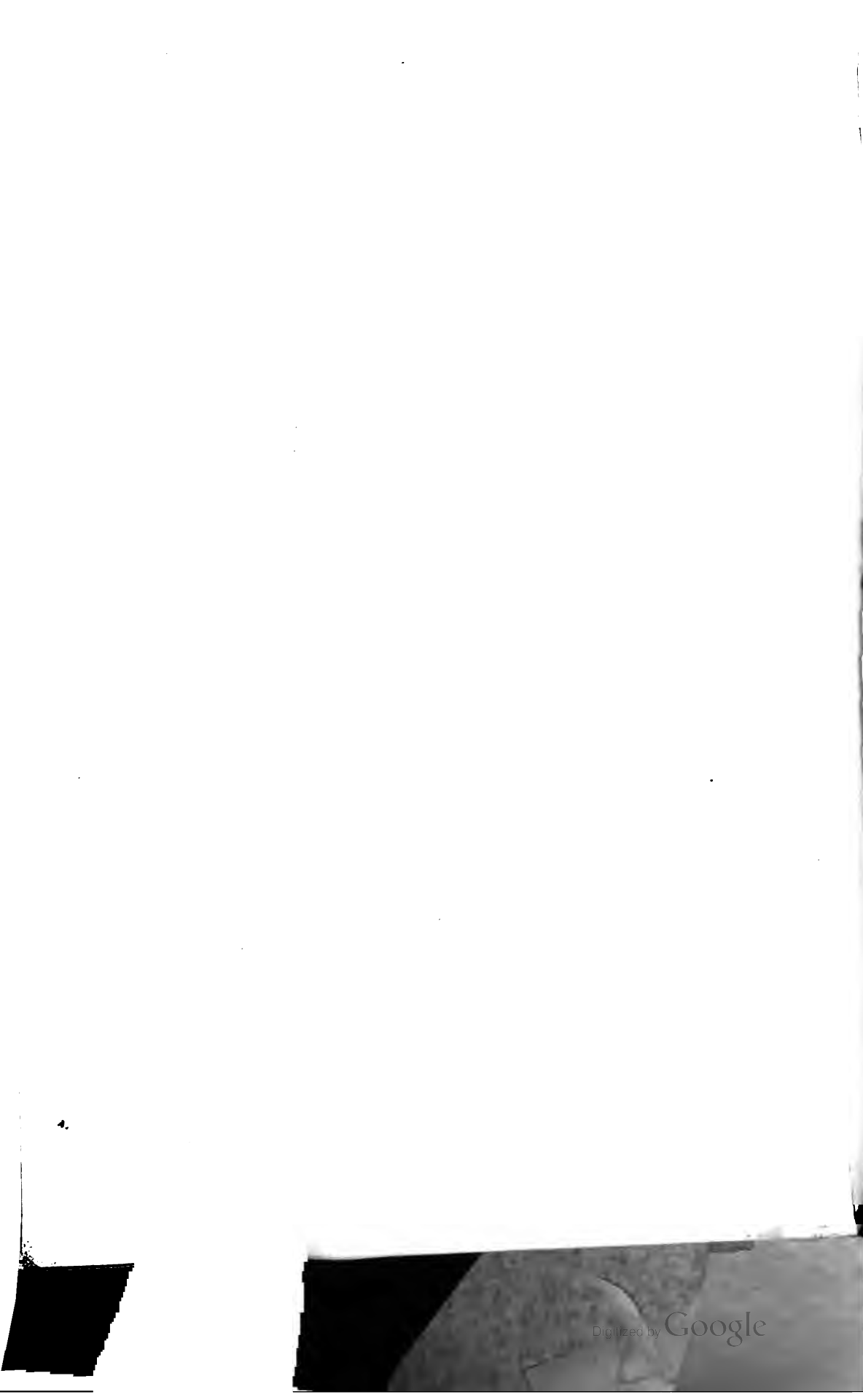
II.

Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII—начала XVIII столѣтія), хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богишичемъ.

Табл. XII—(прилож. къ стран. 181)—снимокъ съ листа 6 (на которомъ сосредоточилось нѣсколько почерковъ разнаго времени).

Табл. XIII—(прилож. къ стран. 214)—снимокъ (фотоцинкографія) съ верхней части листа 27 (замѣтка поздн. собирателя).

Digitized by Google


Digitized by Google

I.

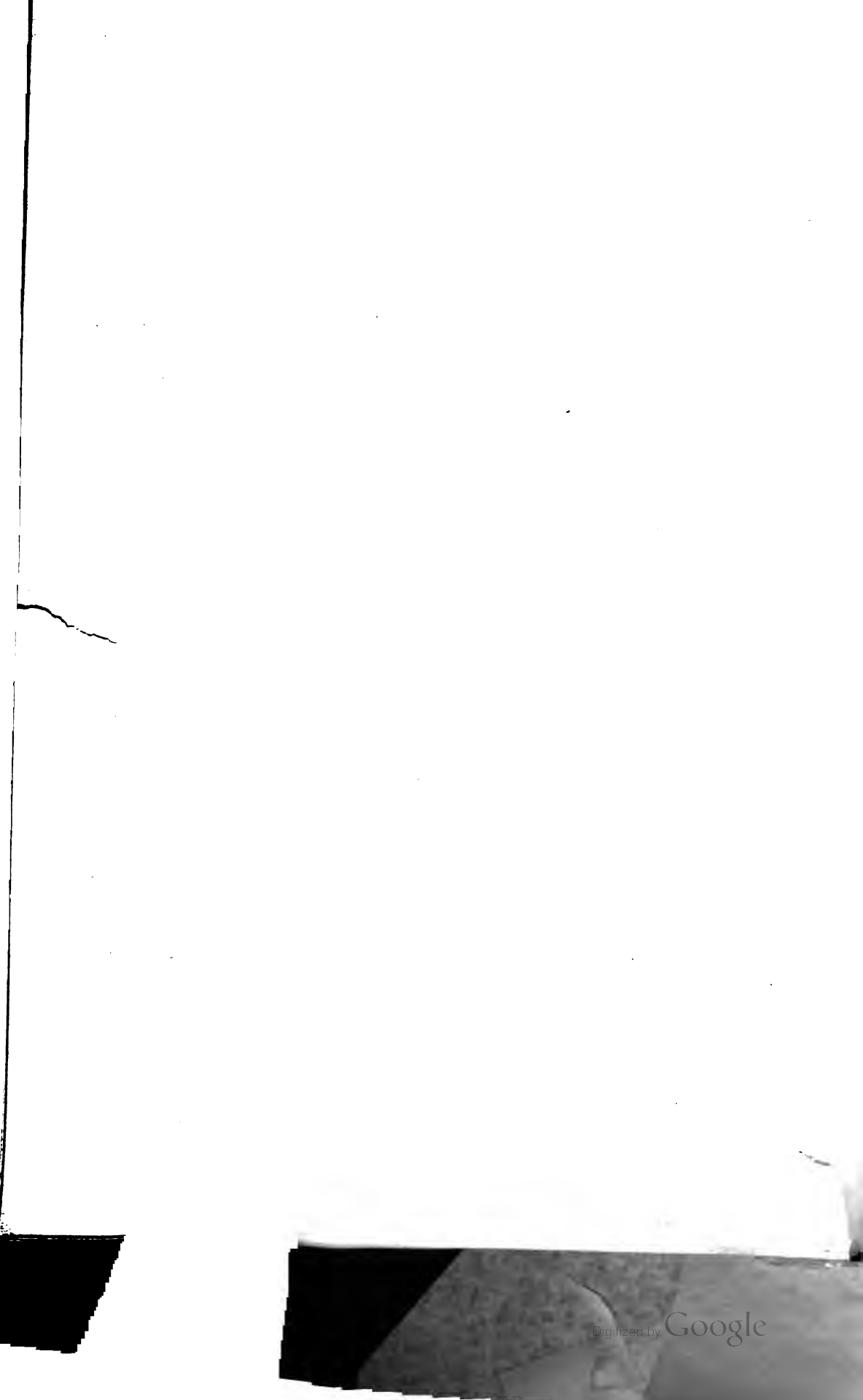
ПОВѢСТИ ИЛИ ПОСЛОВИЦЫ ВСЕНАРОДНѢЙШЫЯ

ПО АЛФАВИТУ

ВЪ СБОРНИКѢ XVII ВѢКА МОСК. ГЛ. АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАНН. ДѢЛЪ № 250

(по стар. каталогу № 455, изъ собранія Кн. М. А. Оболенскаго № 28).

Digitized by Google


Digitized by Google

Описаніе рукописнаго Сборника и перечень статей его составляющихъ.

Рукописный сборникъ, принадлежащій Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанный на бумагѣ, относится ко второй половинѣ XVII столѣтія. Форматомъ онъ въ 4-ку, въ бумажномъ новѣйшемъ переплетѣ (коричневаго цвѣта), съ надписью на кожанномъ корешкѣ: «Зборникъ». На библіотечномъ ярлыкѣ (ex libris'ѣ) значится: «Москóвскомъ Глáвномъ Архúвѣ Министéрства Иностранныхъ Дѣлъ (гербъ) принесъ въ даръ Гофмейстеръ Двора Его Имп. Величества и Директоръ Архива (1841—1872 г.) Тайный Совѣтникъ К. М. Оболенскій, № 28/$\frac{250}{455}$». Ярлыкъ этотъ приклеенъ къ верхней крышкѣ переплета; на оберточномъ листкѣ карандашемъ отмѣчено: 132, а на оберточномъ листкѣ, принадлежащемъ къ нижней крышкѣ переплета, — собственноручная надпись бывшаго владѣльца: «Всего въ сей рукописи 472 перемѣченныхъ и 4 листа (съ 151—) безъ помѣты. К. М. Оболенскій». На оборотѣ отмѣчено: «пользовался сей книгой И. Снегиревъ. 1848».

Въ рукописныхъ матеріалахъ составителя «Каталога Славяно-Русскихъ Рукописей» Архивной Библіотеки 1845 года [1]) имѣется слѣдующее описаніе настоящей рукописи (см. 2-й картонъ этихъ матеріаловъ — «Рукописи въ четвертку»): «Сборникъ скорописный — рукопись разныхъ почерковъ конца XVII вѣка въ 4-ку на 472 листахъ; подарена Надворнымъ Совѣтникомъ Лопухинымъ въ 1825 г. Въ началѣ вклеено описаніе рукописи на 1 листѣ, подписанное рукою Калайдовича. Эта рукопись содержитъ»... и т. д.—идетъ крат-

1) Составлялся пок. В. М. Ундольскимъ.

Digitized by Google

кое перечисленіе статей, внесенныхъ въ сборникъ. Описанія Калайдовича въ настоящее время при рукописи не находится.

Почти каждая самостоятельная статья сборника имѣетъ свою старую (церковно-славянскими буквами) особую пагинацію листовъ, иногда же сохраняются сверхъ того еще и отмѣтки счета тетрадей. На листахъ 1[а], 72[а], 321[а] и 383[а] оттиснуты черною краскою съ гравированныхъ досокъ рамки съ украшеніями изъ орнаментовъ, цвѣтовъ и т. д. Заглавія, какъ статей, входящихъ въ сборникъ, такъ и отдѣловъ этихъ статей, главы и проч. по большей части писаны киноварью.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ статьи сборника писаны или однимъ почеркомъ (рукою), что̀ наиболѣе кажется вѣроятнымъ, или разными, но очень схожими и близкими по времени. Только листы 1—71 писаны всѣ одною рукою, и притомъ не повторяющеюся въ другихъ частяхъ сборника (ср. впрочемъ л. 1[а] съ лл. 72 сл., 80 сл. и 321 сл.). Въ предисловіяхъ и на начальныхъ страницахъ каждаго отдѣла сборника (особой статьи) почеркъ какъ то уставнѣе и красивѣе, а потомъ далѣе онъ переходитъ въ обычную скоропись, мѣстами даже исполненную небрежности. Въ концѣ сборника листы 470—472 писаны опять совсѣмъ особымъ (это 3-ье уже по счету видоизмѣненіе почерка) почеркомъ и блѣдными расплывающимися чернилами. Этимъ то почеркомъ сдѣланы приписки на нижнемъ полѣ листа 342 обор. и, должно быть, еще до того времени, какъ рукопись была въ позднѣйшее время оправлена въ настоящій картонный переплетъ. Надо думать, что рукопись уже и въ давнее время имѣла тѣ статьи, которыя теперь находятся въ самомъ концѣ сборника, но не сохранились полностію.

Въ настоящемъ сборникѣ на листахъ 323[а] и слѣд. помѣщено довольно обширное собраніе старинныхъ русскихъ пословицъ. Какъ эти пословицы, такъ и весь обширный сборникъ, въ которомъ послѣднія составляютъ лишь незначительную часть, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени собиранія или написанія и имени собирателя или переписчика. Чтобы доставить читателю какія-либо данныя для предположеній по сему случаю, мы предложимъ сперва подробный перечень статей всего сборника, а затѣмъ представимъ и нѣкоторыя наши догадки на счетъ времени составленія всего сборника и личности его составителя.

Digitized by Google

Первые 1—71 (непомѣч.) листы заняты повѣстями изъ «Римскихъ Дѣяній», но по большей части тексты повѣстей отсутствуютъ и сохранились лишь ихъ заглавія, указанія главъ и «приклады» или толкованія.

Листъ 1 (а҃). Текстъ на этой страницѣ помѣщенъ въ срединѣ фигурной рамки, оттиснутой черною краскою съ гравированной доски. Здѣсь эта рамка состоитъ изъ колонокъ, цвѣтовъ и птицъ; въ верхней части заставка съ 4-хконечнымъ крестомъ и надписями въ промежуткахъ: і҃с—х҃с—ни—ка.

Заглавіе первой статьи сборника, какъ и вездѣ ниже, писано киноварью: ПО҃ВѢСТЬ | ди́внаго оу̀строе́нїѧ нѣко|его бл҃го-т'во́рца, и̇ пра́ве|днаго сꙋдїи̇. | Глава̀: А҃:.. (*Начало*). Во гра́дѣ ри́мъсти Послꙋ́чаю житїя па́чеже до́брыˣ всѣ́хъ да́теля бг҃а про́мысломъ, и̇́же воставля́етъ ѿ гно́ища и̇ посажда́етъ (л. 1 оборотн.) с могꙋ́щими, нѣ́кіи мꙋ́жь ѿ нище́тнагѡ и̇ хꙋда́го жития̇ вчини́ся впе́рвое во́инъство, и̇ пото́мъ к' ко́емꙋждо чи́нꙋ нача́лствѣ пребыва́етъ. и̇ по си́хъ достиже в ти́ронскїи са́нъ, ѿтꙋ́дꙋ же у̇чини́ся и̇ первосовѣ́тникъ цесарю, ѡба́че же поми́на́я слꙋ́чая ꙗ̆ко непостоя́ннагѡ законополо́жника, и̇ жада́етъ и̇ ѿе́млетъ: ри́зꙋ ѡ̆́кꙋ нїще́тнꙋю ю̆́же пе́рвѣе ноша́ше вложи́въ в златый сотворе́нный со драги́ми каменїй в ковче́гъ во внꙋ́треннѣй свое́й пола́тѣ поста́ви и̇ то́кмо е̇ди́нъ та́мо вхожда́ше и̇з'има́я грꙋ́бꙋю ри́зꙋ по вся̀ дни̇ ѡ̆пла́кꙋя на ню̀ смотря́ше и т. д.

Л. 2 (в҃) *оборотн.* (*конецъ*).... Сїя̀ це́сарь слы́ша ѡ̀ ди́внемъ дѣ́лѣ сано́вника своегѡ̀ удиви́ся, радостотво́рно слеза́ми о̀блобызова́я е̇гѡ̀ главꙋ̀ ублажа́я и̇ прославля́ѧ ꙗ̆ко вѣ́рнаго прїя́теля. госꙋда́рства своегѡ̀, и̇ возложи всегѡ̀ гд҃рьства своегѡ̀ правле́нїя предо́бромꙋ томꙋ̀.

Эта повѣсть, хотя и помѣченная 1-ю главою перваго отдѣла всего сборника и какъ будто тѣмъ введенная въ одинъ составъ вмѣстѣ съ слѣдующими главами, 2-ю и т. д., не принадлежитъ къ составу сборника повѣстей — извѣстнаго подъ именемъ Римскихъ Дѣяній, но тоже имѣется въ очень немногихъ русскихъ спискахъ и также включена въ составъ ихъ. Вообще для ознакомленія съ содержаніемъ текстовъ, помѣщенныхъ въ началѣ настоящей рукописи отсылаемъ къ слѣдующимъ трудамъ: 1) къ «Очерку литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» акад. А. Н. Пыпина въ Учен. Зап. II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, отд. II, стр. 184, особенно же с. 197—8; 2) по этой же рукописи напечатаны отрывки пок. акад. Ѳ. И. Буслаевымъ въ Историч. христоматіи цер.-

Digitized by Google

слав. и русск. яз. (М. 1861 г.), стб. 1405—1409, см. еще далѣе объяснительныя замѣтки и примѣчанія на стб. 1423—1426; 3) С. Л. Пташицкій въ книгѣ своей: «Средневѣковыя Западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній (Спб. 1897 г.)» тоже касается состава собранія повѣстей изъ Римскихъ Дѣяній и между прочимъ и по настоящему рукописному сборнику см. у него стр. 46, подъ № XII; также стран. 92 и 94—96.

Ѡ̀ хи́трости диа́вольстѣй, и̓ ꙗ̆ко сꙋ́дьбы̀ бж҃їя неи̓спы́танны и̓ скры́ты сꙋ́ть. Глава̀: в҃. *Начало*: Бѣ̀ нѣ́кїи пꙋсты́ннїкъ, и̓ живя́ше въ (л. 3=г҃) нѣ́коей пеще́рѣ, во дни́же и̓ в нощи̓ непреста́нно гд҃ꙋ бг҃ꙋ слꙋжа́ше. пре̑ пеще́рою же егѡ̀ нѣ́кїй па́стырь пася́ше ѻ̆вцы, по слꙋчаю же па́стырскомꙋ на со́нѣ приклонися и̓ крѣпко спа́ше, прише́дъ ꙋ̆бо нѣ́кій та́ть покра́де всѣ̀ ѻ̆вцы, по вре́мяни прїи́де господи́нъ тѣ́хъ ѻ̀ве́цъ и̓стязꙋя па́стыря ка́ко и̓хъ погꙋби́лъ.... (*Конецъ*, л. 6=ѕ҃).... и̓ вовратися в пꙋсты́ню слꙋжа́ше непреста́нно гд҃ꙋ бг҃ꙋ, и̓ ꙋ̀пра́ви ѻ̀ себѣ̀, до́брѣ ѿ ми́ра сего̀ пре́йде в вѣ́чнꙋю жи́знь. а̀минь.

Л. 6. 'О гордѣли́выхъ глаго́лется, и̓оа̀вине цесари, и̓ его̀ ниспаде́нїй. приличествꙋетъ же и̓ ко всѣ́мъ превознося́щеся и̓ вы́сящымся. Глава̀: г҃: Толкованїе: Во³любленная братия цесарь то́й и̓ можетъ нарещися вся́къ чл҃вкъ....

Л. 8 (и҃). Притча ѡ̀ па́мяти смертнѣй дабы̀ || (обор.) человѣ́къ па́мятꙋя на̀ ню не согрѣша^л. Глава̀: д҃: Толкование: Бра́тия во³зюбленная вельмо́жа то̀ ѐсть вся́кїй чл҃вкъ хр҃тїа́нинъ...

Л. 9 (ѳ҃) *обор.* 'О престꙋпле́нїй дш҃и и̓ ѡ̀ ра́нящемъ ю̑ глаго́летъ же ся ѡ̀ вои́нѣ ходи́вшемъ ви́дѣти ст҃ꙋю зе́млю., Глава̀ є҃. Толкование: Любе́зная бра́тия, це́сарь ѐсть гдь и̓с҃ъ хр҃тосъ, вои́нъ же знамени́тый чл҃къ....

Л. 11 (аі҃). 'О бл҃гоꙋ́мїй да̀ с размышле́нїемъ вся̀ твори́мъ ꙗ̆ко дни́е лꙋка́ви сꙋ́ть. Глава̀: ѕ҃: Толкова́ние: Во³любленая моя̀ бра́тия. це́сарь то́и мо́жетъ нарещися кїйждо....

Л. 12 (ві҃). 'О по́хоти пло́т'стѣй, и̓ ѡ̀ заслеплѣнїй прельсти́вшихся, глаголется же ѡ̀ трехъ цр҃кихъ с҃нѣхъ и̓ ѻ̀ фриє́р'ке. Глава̀: ꙁ҃: Толкова́ние. Братия во³любленная, сѐ це́сарь и̓же глаго́лется да́рїй, сѐ ѐсть гд҃ь на́шъ 'і҃исъ хр҃тосъ.

Л. 14 (ді҃) *об.* 'О невѣ́рности и̓ крѣ́пости тѣ́ла глаго́летъ же ся вино́ю ꙗ̆ко не въвѣря́ти тайны жжена́мъ. Глава: и҃. Толкова́ние. Во³любленная бра́тия, во́инъ той и̓же своего̀ гд҃ря бл҃года́ть погꙋби́лъ....

Digitized by Google

Л. 15 (ѐі) *об.* Томꙋже подо́бно., Глава: ѳ҃: Толко ва́ние: Бра́тия моя̀ ю̀ношꙋ и̇̀мамы....

Л. 16 (ѕі). 'О неблг҃ода́рствѣ гордѣли́выхъ, воприя́тї и ѿ бг҃а блг҃имъ. и̇ ꙗ̇ко звѣре́й ѕло̀ и̇ ра́внѣйшихъ человѣ́къ побра́нымъ. Глава: і҃. Толкова́ние. Превоз҃любленная бра́тия, цр҃ь то́й....

Л. 17 (зі) *об.* 'О непра́вдѣ и̇ о̀ ла́комъствѣ и̇ о ѡ̀бличе́нїй таковы́хъ., (л. 18) Глава̀: аі: Толкова́ние: Воз҃любленная бра́тия. маѯимиа́нъ це́сарь, то̀ е̇́сть всемогꙋ́щїй бг҃ъ....

Л. 19 (ѳі) *об.* При́тча ѕѣло̀ поле́зна о̀ соверше́нныхъ до́брыхъ дѣ́лехъ, и̇ вѣ́рныхъ к'подража́нию всѣ́хъ и̇ по́льзѣ. Глава̀: ві: (л. 20=к҃) Толкова́ние: Воз҃любленная бра́тия и̇ а̇н'гелей вои́на то́лкомъ и̇̀мамы разꙋмѣ́ти а̇гг҃льскаго вели́каго и̇ знамени́таго ѡ̀полчи́теля и̇ ратобо́рца бг҃а вседержи́теля....

Л. 22 (кв). 'О у̀се́рдїй в до́брыхъ дѣ́лѣхъ и̇ о̀ н҃ли воскресномъ. Глава̀: гі: Толкование: Воз҃любенная бра́тия, вѣрнїй хр҃тиа́ня це́сарь гл҃ется добролюбе́зный Ти́тъ....

Л. 24 (кд) *об.* Ꙗ̇ко милосе́р'диемъ и̇ любовию и̇̀мамы же́р твꙋ приноси́ти Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ. Глава̀: ді: Толкование: Бра́тия воз҃любленная, той кра́ль всся́къ ко́йждо вѣ́рный хр҃тиа́нинъ....

Л. 25 (ке) *об.* Ꙗ̇ко е̇ди́нїи пра́веднїй вни́дꙋтъ во ца́рство небе́сное., Глава̀: єі: Толкование: Бра́тия мо́я воз҃любленная, сего̀ краля̀ мꙋ́драго мо́жемъ разꙋмѣ́ти бг҃а ѿц҃а небе́снаго....

Л. 26 (кѕ) *об.* Ꙗ̇ко сꙋ́етно е̇́сть весе́лие во всѣ́хъ вещехъ мир'ски́хъ. Гл҃ва: зі: Толкование: Воз҃любленная бра́тия, е̇́сть то́й цр҃ь гд҃рь на́шъ и̇и҃съ хр҃тосъ....

Л. 28 (ки). Ꙗ̇ко да и̇мѣ́емъ постоя́нство и̇ соверше́нство до́брыхъ дѣ́лъ. Глава̀: ѕі: Толкование: Нами́лшая бра́тия, тот кра́ль е̇́сть о̀ц҃ъ небе́сный: дв҃ца кра́сная то̀ е̇́сть дш҃а сотворена̀....

Л. обор. Ꙗ̇ко пра́вдꙋ подоба́етъ и̇сповѣ́дати даже до сме́рти. Глава̀: иі: Толкование (л. 29): Бра́тия моя̀ воз҃любленная тот е̇́сть коро́ль ѿц҃ъ нбн҃ый....

Л. 29 (кѳ) *об.* 'О вѣ́рности и̇ о̀ любви̇, и̇ о̀ то́мъ что̀ пра́вда и̇збавля́етъ ѿ сме́рти. Глава: ѳі: Толкование: Воз҃любленная бра́тия, то́й це́сарь е̇́сть бг҃ъ ѿц҃ъ нбн҃ый, два ры́царя сꙋ́ть....

Л. 30 (л҃) *обор.* 'О вели́кой справедъли́вости Бж҃їи и̇ ꙗ̇ко сꙋдьбы̀ е̇го̀ скры́ты сꙋ́ть. Глава̀: к҃: Толковаине: Воз҃любленная бра́тия ры́царь то́й мо́жетъ бы́ти вся́къ добронра́вный чл҃вкъ....

Л. 32 (лв) *об.* Ꙗ̇ко да имѣ́емъ во всѣ́хъ веще́хъ раз'смотре́ние. Глава: ка: Толкование: Бра́тия воз҃любленая то́тъ король е̇́сть гд҃ь бг҃ъ.

Digitized by Google

Л. 33 (л҃г). 'О двꙋ законѣхъ ô вéтхомъ и̓ ȯ новомъ и ȯмраченїй жидóвъ., Глава: к҃в: Толкование: Во҆лю́бленная бра́тия сия̀ два лéкаря можемъ разꙋмѣ́ти ста́рый и̓ нóвый закóнъ....

Л. обор. Чтóбы мы̀ блюли́сь ѿ лéсти дия́вольской чтóбъ на́съ не прельстилъ. Глава̀: к҃г: Толкова́ние: Во҆лю́бленная бра́тия сихъ трéхъ това́рыщей мóжемъ разꙋмѣ́ти троꙗ̑кой рóдъ человѣ́ческїй....

Л. 34 (л҃д) *обор.* Пра́вды для̀ и҆гонéния на́шего не и̓́мамы таи́ти. Глава: к҃д: Толкование: Во҆лю́бленнаѧ бра́тия, кра́ль е̓́сть гдⷭ҇ь нашъ и̓и҃съ хрⷭ҇тóсъ....

Л. 35 (л҃е). 'И вѣ́рꙋ и̓ завѣ́тъ бра́ка ô томъ дабы̀ чистотꙋ соблюда́ли. Глава̀: к҃е: Толкование: Во҆лю́бленная бра́тия, кра́ль тȯ е̓́сть ȯц҃ъ небéсный....

Л. обор. Что҆ мы̀ бы́ли смирéннаго и̓ сокрꙋшéннагѡ срⷣца то҆ главы. Бы́лъ нѣ́который великосла́ны кра́ль котóры и̓мѣ́лъ е̓ди́нꙋ двц҃ꙋ кра́снꙋ и̓ мꙋ́дрꙋ, но ѡ̓ц҃ъ ея̀ восхотѣ̀ ѿда́(л. 36=л҃ѕ)ти за́мꙋжь. но ѡна́ Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ ȯбѣ́щалася ни́ с кемже бра́читися. дабы̀ ктȯ тѣ̀ вéщи ꙋ̓чини́лъ.... (л. 37=л҃з) *(Конецъ)*: ...и̓ показа̀лъ тотъ ка́мень прⷣ всѣ́ми, рéклъ е̓мꙋ̀ кра́ль доста́точно и̓ мꙋдрȯ̀ е̓си̓ вы́велъ тѣ̀ вéщи. по тȯ́мъ вда̀ емꙋ̀ кра́ль дщéрь свою̀ в женꙋ̀.,

'О уничиженїи сꙋ́етнóй хвалы̀. Глава̀: к҃ѕ: Лéвъ цéсарь в ри́мѣ с вели́кою сла́вою владѣ́лъ и̓ для̀ своей сла́вы повелѣ́лъ учини́ти три̓ болва́на.... *(Кон.)* ...дабы̀ е̓си̓ бы́лъ повѣ́шенъ.

Л. 39 (л҃ѳ). 'О пра́вдѣ и̓ вѣ́рности. Глава̀: к҃ꙁ: Толкование: Во҆лю́бленная бра́тия, тóтъ сн҃ъ котóрого ꙗ̑ли ра҆бойники, есть рóдъ человѣ́ческїй....

Л. 40 (м҃). 'О ди́вномъ милосéрдїй, Бж҃їй, и̓ о ст҃ѣ́мъ Григóрїй па́пѣ ри́мъскомъ., Глава̀: к҃и: Во странахъ ри́мъскихъ кра́ль и̓́менемъ Па́рнꙋсъ мꙋ́дрый., и̓мѣ́лъ ꙋ̓ себе е̓ди́наго сн҃а, и̓ дщéрь еди́нꙋ е̓ю же велми̓ люби́лъ.... (л. 51=н҃а. *Конецъ*). Тогда̀ па́па Григóрїй во҆дви́глъ ея̀ ѿ земли̓ и̓ при́нялъ с вели́кою чéстию в дóмъ свóй потóмъ ст҃ы́й па́па согради̓ монасты́рь дѣви́чь и̓ ма́терь свою̀ нача́лницею надъ ни́ми построй и̓ та́ко ст҃ый Григóрїй и̓ ма́ть ȯчи́стивши ся ѿ грѣхóвъ с ми́ромъ в ста́рости глꙋбóцѣ ко Гдⷭ҇ꙋ ѿидоша. +

Л. 51 (н҃а) *об. Конéцъ си́мъ всѣ́мъ ди́ямъ ри́мъскимъ, а̀ ꙋ̓ си́хъ трéхъ толкова́ниѧ нѣ́сть.*,

'О тóмъ ꙗ̑ко вся́кїй па́стырь и̓мени́тый и̓́мать попечéние ȯ свои́хъ ȯв҆ца́хъ. + Глава̀: к҃ѳ: Толкова́ние: Во҆любленнаѧ бра́тия ѕлодѣ́й тȯ е̓́сть диа́волъ котóрой ѕлыми пóмыслы на крóвлю восхóдитъ....

Digitized by Google

Л. 52 (н҃в). 'О стра́шномъ послѣ́днѣмъ сꙋдѣ̀ всѣ́мъ грѣ́шнымъ., Глава̀: л҃: Бы́лъ нѣ́который коро́ль вельмо́жьный который ꙋста́вилъ было во своемъ королѐвствѣ тако́въ ꙋста́въ | кто́бъ погрѣши́лъ вско́рѣ и̑мѣ́лъ ꙋ̑мреть.... (л. 54 = н҃д обор. *Конецъ*). Тогда̀ о̑нъ воста̀въ и̑ королю̀ бра́тꙋ своемꙋ̀ ꙋда́рилъ чело́мъ о̀бѣща́ючись житиѐ своѐ полꙋчи́ти и̑ всѝ кото́рые тꙋ́тъ бы́ли ꙋслы́шавши сїй ѿвѣ́тъ вельми̑ похвали́ша ѐго̀. '*У се́й по́вѣсти то́лкꙋ нѣ́тъ.*

Л. 54 обор. 'О то́мъ что̀ ла́комъство мно́гихъ о̀слѣпля́етъ и̑ затѣ́мъ пра́вды не ꙋзна́ли.—Глава̀: л҃а: Толкова́ние: Возлю́бленная бра́тия, такова ꙋста́ва е̑сть бж҃їя что̀ кото́рой невѣ́дѣниемъ и̑ли̑ с приро́ды согрѣши́тъ....

Л. 55 (н҃е). Ꙗ̑ко вся́къ грѣ́хъ без роспла́чи быва́ѐтъ ѿпꙋщенъ., Глава̀: л҃в: Толкование: Возлю́бленная бра́тия, то́тъ ры́царь можетъ бы́ти рече́нъ вся́кой до́брой крестья́нинъ....

Л. 56 (н҃ѕ). 'О то́мъ что́бъ мы̀ па́мятовали (обор.) добродѣ́йства на́мъ ꙋчине́нныя. Глава: л҃г: Толкова́ние: Возлю́бленная бра́тия, то́тъ ры́царь кото́рой на́ ловъ е̑здилъ человѣ́къ е̑сть мирско́й...

Л. 57 (н҃з). 'О наполня́ющїй что́бъ мы̀ о̀бѣ́ты и̑ны́мъ выполня́ли. Глава̀: л҃д: Толкование: Возлю́бленная бра́тия то́тъ коро́ль е̑сть о̀ц҃ъ небе́сный, два̀ во́ра сꙋ́ть дꙋша̀ и̑ тѣ́ло....

Л. 57 об. 'О то́мъ что́бы мы̀ ла́ком'ства о̀стерега́лися неми́лостиваго. Глава̀: л҃е: Кова́ль бы́лъ вельми̑ бога́тъ (л. 58=н҃и) на̑ моремъ жи́лъ в нѣ́которомъ мѣ́сте и̑ вельми̑ ла́комъ и̑ ѕо́лъ и̑ тꙋ́тъ со́бралъ мно́жество пѣ́нязей и̑ всы́павши и̑хъ в вели́кой клоцъ и̑ зама́залъ и̑хъ... (л. 59=н҃ѳ. *Конецъ*)...'Узрѣ́вши то̀ гд҃рь мы́сль в ср҃цы своѐмъ ꙋжѐ ꙗ̑вно ви́жꙋ что̀ не е̑сть во́ля Бж҃їя да недосточныхъ слѣпы́хъ хромы́хъ и̑ кꙋля́выхъ и̑ предъ о̀чи́ма того̀ коваля̀ ро ломи́лъ о̀нъ крѣ́пелъ и̑ ре́клъ сиѐ бѣ́дный человѣ́че де́ньги твои̑ кото́рые да̀лъ было в рꙋцѣ̀ твои̑ а̀ ты̀ и̑зво́лилъ избра́ти крѣ́плю по́лнꙋ земли̑ и̑ косте́й мер'тве́чьихъ и̑ пра́во не е̑сть во́ля бж҃їя что́бъ свои̑ пѣ́нязи раздалъ ꙋ̑богимъ, а̀ коваль с вели́кимъ сра́момъ ѿше́лъ.,

Семꙋ̀ толкова́ния нѣ́сть.

Л. 59. 'О то́мъ ꙗ̑ко прозрѣ́нию бж҃ию ни ктоже мо́жетъ противитися. Глава̀: л҃ѕ: Це́сарь Кон'дратъ вельможный | (обор.). В нѣ́которомъ сла́вномъ гра́дѣ гд҃рьствовалъ вь его̀ госꙋда́рствѣ былъ нѣ́которой ры́царь и̑менемъ Лео̀по́лдꙋсъ кото́рой боя́ся гнѣ́вꙋ королѐвъскаго со жено́ю своѐю бѣжа́лъ в лѣ́съ и̑ та́мо в бꙋдѣ пребыва́лъ живꙋ́щи нѣ́колико днѐй и̑ бысть... (л. 61=ѯ҃а. *Конецъ*) ...Пото́мъ цесарь посла́лъ по ѡ̑ного ю̑ношꙋ и̑ подътверьди́лъ ѐго̀ бы́ть зя́темъ

Digitized by Google

свои́мъ и̓ пото́мъ уста́вилъ что́бъ по не́мъ и̓ на це́сарьство̑ е̓го̀ посажде́нъ бы́лъ и̓ всѣ́мъ госꙋда́ръствовалъ.,

Прикла́дный живо́тъ ст҃аго е̓въста́ѳиа, и о̓ навраще́нїй блꙋдя́щаго. Глава̀: л҃з: (*Нач.*) Гроя́нꙋсъ коро́ль честны́й и̓ вельмо́жный в Ри́мѣ градѣ, короле́въствовалъ и̓ бы́лъ въ его̀ королевъствѣ нѣ́который ры́царь крѣ́пкой и̓ вельми̓ хра́брой и̓́менемъ Плакидꙋ́нъ (два слога кидꙋ писаны поверхъ другого письма = то́н) наи̓вы́шнїй ге́манъ кроле́вскїй, то́тъ бы́лъ вельми̓ уста́вичный, в милосе́р̓дныхъ (л. 62=ѯв҃) дѣла́хъ но идолопокло̀нникъ Бы́лъ и̓ мѣ́лъ женꙋ̀ тое́же вѣ́ры и̓ мꙋ́дрꙋ.... (л. 70=о҃ обор. *Конецъ*).... тогда̀ це́сарь разъгнѣ́валъ ся повелѣ́лъ е̓го̀ связать со жено́ю а̓ сы́ны на нѣ́коемъ мѣ́сте поста́вити и̓ велѣ́лъ лва̀ лю́та пꙋсти́ти на ни́хъ, тогда̀ ле́въ приб(ѣ)жа́вши к ни́мъ наклони́лъ свою̀ главꙋ̀ пре̑ ни́ми, ꙗкобы̀ сѐ поклана́яся имъ, и̓ пото́мъ покорнѣ ѿ ни́хъ ѿше́лъ, ви́дячи то̀ це́сарь повелѣ́лъ ра҄жещи̓ мѣ́дяный во́лъ и̓ велѣ́лъ живыхъ и̓́хъ в него̀ вмета́ть, тогда̀ е̓в҄ста́ѳїй со свои́ми сн҃ы моля́щеся предали́сь Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ встꙋпи́ли во ѡ̓́нъ | (л. 71=о҃а) во́лъ и̓ ѿ сего̀ свѣ́та преидо́ша в вѣ́чный живо́тъ. По трие́хъ же дне́хъ о̓брѣто́ша и̓́хъ ничи́мъ же не вреди́мы ѿ о̓гня̀, та́къ что ни еди́нъ вла́съ (далѣе идетъ заключеніе писанное *воронкою*)

поги́бе ѿ гла́въ и̓́хъ. Потомъ хри
стиа́не взя́ша тѣлеса̀ и̓ погре
бо́ша и̓́хь с вели́кою че́стию
и̓ на то́мъ мѣ́стѣ по̑лѣ̀
ди̓ со́зданъ бы́сть ко
сте́лъ пострада́
ша стїи ѿ а̓нъ
дриа́на це́са
ря лѣ́(т)а
гд҃на
р҃к, го҃ду.

Л. 72. Оттиснутая съ гравированной доски рамка съ орнаментами изъ цвѣтовъ, розетокъ, птичьихъ головъ и т. п. въ верхней соединенной съ нею заставкѣ, изображеніе Св. Троицы съ надписью: ст҃аа тр҃ца.

Предослѡ́вїе, простосло́ж҄ное вкра҃цѣ | к҄ предобрественнѣ́й сей кни́зѣ, званїе̑ | Временникъ: и̓ли̓ цвѣтни́къ. ѡ҄б҃лгоче|сти́вых хр҃тїаниси҄х царѣ҄х. В ней повѣ|сти, и сказы ди́вны и

ѿ знаменіи[x] свы|ше, и низꙋ бываемы[x] страшны[x]: и ѡ | бг҃о-ѿстꙋпны[x]. и богомер[з]ски[x] царѣ[x] | и мꙋчителей хр҃тіан[с]ки[x], и крамо̀л|никѡвъ: (*Начало):* ПРесꙋществе̑ное сꙋществѡ. и пре-естестве[н]нѡе естествѡ: ПРемꙋдрый творецъ нашъ и бг҃ъ, вся пре-мꙋдростію своею сотвори, и ѿ небытія в бытіе всю тва[р] приведе, ꙗкоже гл҃е[т] премꙋ[д]рая Іюди́въ.... (Ср. въ Опис. рус. гр. Увар. арх. Леонида, ч. 4, стр. 323, рук. № 1932 (406; 446), л. 130 сл.

Далѣе листы въ рукописи перепутаны: послѣ л. 72-го слѣдуютъ лл. 74—75, далѣе 73 и 76, и какъ будто чего то недостаетъ (пропускъ).

Л. 74. Инѡ предисловіе вкра[т]цѣ. книгѣ к[р]иницѣ: си|-рѣчь къ цвѣтницѣ: *(Нач.)* Нѣсть лѣпѡ краснѣй и преꙋхищре[н]-нѣй полатѣ: простѡ стояти. бе[з] придверія....

Л. 76 обор. Сие малое: предисловеице. вышши|хъ предъваритъ: И прочитающаго е: слꙋхи: да во[з]вратитъ. И предь ити понꙋдитъ: И тамо | всякъ читатель ра[з]сꙋдитъ. Коль сладко бж҃ественное писание И | добродѣтельныхъ мꙋже[й] пребывание. | А злыхъ женъ ꙋподоба рещи: У|гасоша бо ихъ дн҃евныя свѣщи...

Л. 77 внизу страницы: Сие предисловие двоестрочиемъ сло|жено И ѡ многихь повестеи и сказо[к]|помалꙋ обьявленѡ: Но ѡбаче: много сложно зрися. Да | никтоже о семь подивится. — || (Л. об.) Ничтоже; свѣтлѣиши: солн҃чнаго: сияния. 'И ничтоже сла[д]чаиши бж҃естве|ннаго: писания: — и т. д.

Л. 78. Въ верхней части страницы: выписани | 'Из книги гл҃емыя Солнечни[к] или ꙋра̑не̑|нія воли чл҃вческія с волею бж҃іею. «*Солнечникъ*» іезуита Іереміи Дрекселія (1627 г.) извѣстенъ въ переводѣ славяно-русскомъ *Іеродіакона Ѳеофана* повидимому съ польскаго перев. 1630 г., по рукописи Румянцевскаго Музея № XCIX въ листъ, полууст. и скороп. конца XVII или начала XVIII в., въ 5 книгахъ (см. въ Описаніи р. и сл. рукоп. Рум. Музеума А. Х. Востокова 1842 г., стран. 168—9). Далѣе нѣсколько только строкъ: Гд҃и Гд҃и царю сильный, во власти твоеи вся сꙋть положенна. И нѣсть иже може̃ противитися воли твоеи. ∾ Эта страница носитъ слѣды отпечатка лабиринта съ листа 118 об. Вся слѣдующая (л. 78 обор.) страница оставлена чистою.

Л. 79. Вѣдати подобае̃. Какѡ виши читати:
чтобы читателю рѣчь с рѣчью не смѣшати.
На запяты[х] бы рѣчь препинати:
а на крыжика[х] докончавати ∾

Далѣе идутъ 5 страницъ чистыхъ непомѣченныхъ.

Digitized by Google

Л. 80. + Гла́съ, По̀слѣ́днїй: | ко Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ: | Ст҃о почи^в'шагѡ ѡ̀ Гд҃ѣ. Бл҃гочести́вагѡ *(между строкъ:* вѣишаѡ҃ †) (на полѣ рукописи съ правой стороны приписано: † тїша́йша^гѡ Пресвѣтлѣйша^гѡ) Вели́кагѡ | Гдр҃ѧ Цр҃я. и Великагѡ Кн҃зя Алеѯіа Миха́йловича | всеа̀ вели́кїя и̇ ма́лыя і бѣлыя рѡ́ссіи са|модержца. Ко ново бг҃ом' да́ннѡмꙋ Велі́комꙋ Гдр҃ю Цр҃ю | и̇ великомꙋ кн҃зю Ѳеѡ̃дорꙋ Алеѯіевичю. всеа̀ вели́кїя | и ма́лыя. И бѣ́лыя россіи самоде́ржцꙋ. со завѣ́тѡ҃ | ѿч҃'и҃. И ко свт҃ѣи̇шемꙋ. 'И всебл҃женнѣйшемꙋ велико^му | гд҃нꙋ кѵръ Іѡ̀а́кимꙋ патрїа̃рхꙋ москѡвскомꙋ и̇ всеа̀ | рѡ̀ссіи (на полѣ приписка: и к'о ^всемꙋ пр(е)свѣтломꙋ црю да, т. е. Царскому дому). 'И ко вс(е)ѣ̃ сано̃ дх҃ны҃ (:—дх҃овны҃) и мирски҃ Правосла́внѡ | росс́йскагѡ цр҃ствїя, ѿ ни^х же всѣ^х' ѿвѣ́ты, На̀|конецъ пла́чи ѿщїи правосла̀внагѡ рѡ́да̀ рѡ́сі́й|скагѡ. Трꙋдолю́бїе̃ многогрѣ́шнагѡ Іе̃рѡ-|мона́ха Сїмеѡ̃на Поло́цкагѡ, равнѡмѣрнѡ и̇ краѐ-|согласнѡ сложе^нїи. В лѣ́тѡ, быт'їя мі́ра. ҂зрп҃д^гѡ | го́дꙋ. ѿ рж҃тва́ же Гд҃а Бг҃а і сп҃са нш҃егѡ Іис҃а хрт҃а. ∞ ҂ахоѕ. гѡ. мц҃а.

На *лл. 104* и *109* и *111 об.* есть приклейки полосъ бумаги съ текстомъ, можетъ быть пропущеннымъ случайно. — На л. 118 Заключе́ніе.

Кни́жицꙋ сїю̀ потщи^хся писа́ти:
дабы ю̃ чтꙋщы҃ цр҃я помина́ти.
С в҃то почи́вша, и бг҃а моли́ти.
еже бы̀ в н҃бѣ вѣчнѡ емꙋ̀ жити.
'Его̀ же мл҃ть и̇ а^з помина́ю:
ꙋмилны҃ гла́сѡ҃ сицѐ воспѣва́ю | и т. д.

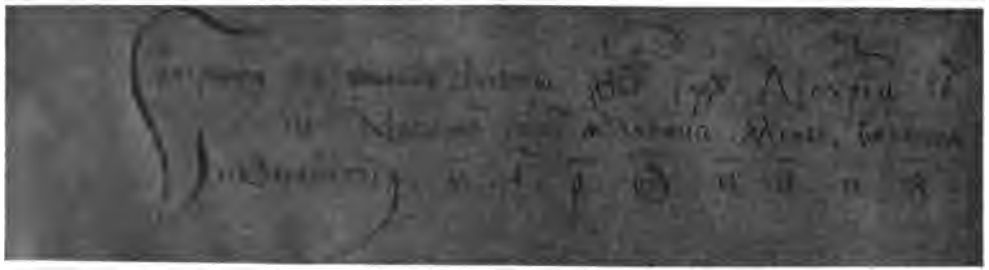
О спискахъ этого произведенія въ Систематич. Описаніи сл.-русск. рукоп. гр. А. С. Уварова, сост. Арх. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., стр. 517 сл., №№ 2157 (308), 37 и 5159 (219).

Л. 118 обор. «Си́це» и 4-хъ угольный лабиринтъ изъ словъ: Царю Алеѯію Михаиловичю вѣчнаѧ памѧт'. Внизу страницы въ трехъ строкахъ запись тѣмъ же тонкимъ и красивымъ почеркомъ, но лишь помельче, какимъ писаны лл. 321 сл. (предисловіе къ сборнику пословицъ), 295 сл., 301 сл.

Со̀верши́ся сїе писанїе. в лѣ́тѡ. ҂зсг҃^гѡ. го́дꙋ. Noе̃рїа въ | .а҃і. Na памя^т ст҃ы^х мꙋченикъ. Мі́ны, Ви́ктора | и Вике́нтїя. м҃. і҃. р҃. ѳ҃. п҃ н҃ п҃ з҃.

Л. 119. Стогла́вни^к: добродѣ́телный: | и̇жѐ во ст҃ы^х ѿц҃а̀ нш҃егѡ Ѳеодѡра Єпі́скопа: | Єде́скагѡ: | а҃. Понеже: у̀бо: благаго: бг҃а: благодатию: ѿве^ргшесѧ. са|таны: и̇ дѣлъ: его: лꙋкавыхъ:

Digitized by Google

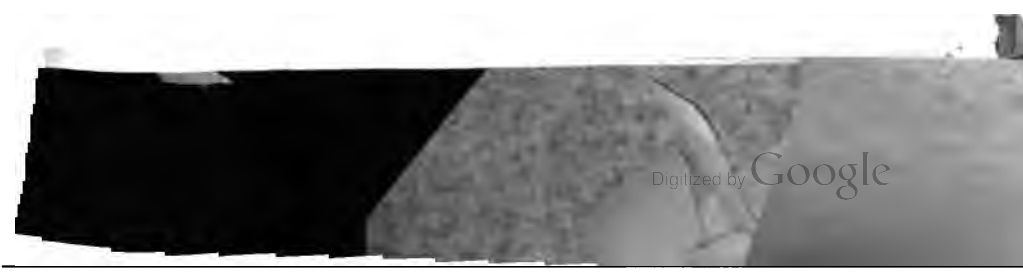


Автотипія К. П. Вейермана, Спб. Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, — *снимокъ съ записи 1695 года на листѣ 118 обор.*

Къ стран. 12.

Digitized by Google


Digitized by Google

ко хр҃тꙋ: приложихо҃сѧ | банею: паки: бытиѧ: н҃нѣже: паки: и҆ноческимъ: обѣщанїемъ соблюдемъ: заповѣди: е҆го: сие:... Ср. въ рукоп. гр. Увар. *№ 223* (423; 667), XVI в., Опис. Арх. Леонида, ч. 4, стр. 184 (всего 95 главъ); *№ 1068* (425; 687) XVI в., Опис. ч. 2, стр. 391; № 1844 (756; 720) XVII в., Опис. ч. 4, стр. 170.—1 листъ чистый.

Л. 138 (к҃а). Чи́нъ мона́шескаго житїа̀: *Начало:* Бл҃говоле́нїемъ и҆ вседѣиствиемъ: гд҃а бг҃а и҆ сп҃са нашего: ии҃са: хр҃та: и пречистыя мт҃ре его: поспѣшениемъ: написахъ: писаниѧ: дш҃е полез'на себѣ и ѡ҆ гд҃ѣ братїи моеи́ присны́мъ.... [Карандашемъ чья то отмѣтка: Іосифа Волокаламскаго?] Кончается на 151а листѣ. Л. 151 об. и слѣдующіе 4 листа оставлены чистыми.

Л. 152. Безъ заглавія, продолженіе (можетъ быть того: что читается на л. 77 обор.?) какой то статьи въ виршахъ:

Како: хр҃тꙋ: бг҃ꙋ своемꙋ: у҆годилъ; ˇИ вѣрꙋ хр҃тианскꙋю: крѣпцѣ: у҆твердилъ. Тако же: и мт҃и: его бл҃гочестиваѧ: царица: елена: 'И бл҃гочестиемъ: своимъ аки црскаѧ: диадима: ѡ҆багрена и т. д. Такъ идутъ эти вирши и далѣе, представляющія собою родъ хронографическихъ памятей о благочестивыхъ царяхъ, мученикахъ и проч.

Л. 163 об.... Ты же православныи читателю и҆ всѧкого бж҃ественнаго писанїѧ снискателю. + Сию настоѧщꙋю кн҃гꙋ прочитай....

Л. 164. Пре҃дпосылаютъ бо: твоѧ: слꙋхи: во всѧ историѧ́: Понеже: слогалъ: сию кн҃гꙋ прем҃рыи: кн҃гочиѧ. +

ˇИ чтобы: твоемꙋ: любомꙋ҃рию: напре҃ бы|ло: и҆звѣстно; ˇА и намъ: недостоины҃ написати: сиѧ: небе҆мѣстнѡ. +

Да никто же на҃мъ зритъ: ѧко: пространно сложенѡ́; Понеже: о҆ многихъ: повестеи: почасти: имано. +

ˇАще: бы: не таковымъ о҆бразомъ: счинити; То не мощно бы было толикого множества обьѧвити. +

Здѣ же: почитаютсѧ: главы; Аки нѣкиѧ: ра҆личныѧ: брати травы. +

ˇИ каѧжда: глава: винꙋ свою: : скажетъ: ; ˇИ порѧдꙋ: всѧ: ꙋкажетъ. +

Сие: двоестрочие: сложено: по повелѣнию; ˇИ сложителѧ: полезъномꙋ: рачению. +

Слогалъ: простыи: монахъ; ˇА не҆ еромонахъ. +

ˇНачнемъ же и сие пре҃писаннаѧ: чи|тати; ˇИ своими: у҆шесы: и: | серьд'цы: в'нимати. +

Л. 164 обор. Слово: ѡ҆ прелѣстнѣмъ: семъ: и видимомъ нами свѣтѣ: ; ˇИ ѡ҆ живꙋщихъ: всѣхъ насъ: чл҃вкъ: в новѣмъ семъ: завѣте. +...

Л. 165 об. ˇѠ свѣ́тѣ: + *Нач.* ˇИзреченномъ же: ѡ́ свѣтѣ: семъ

Digitized by Google

прелѣстнѣмъ: ; ѵИ о всемъ: нашѣ житїи: тѣлеснѣмь. ✝.... *Вирши идутъ такъ и далѣе.*

Л. 174 обор. Послание: Послание к нѣкоему ѻ чл҃вчествѣмь: нравѣ; Живѹщѹ же (л. 175) во хр҃тианствѣи: славѣ: · ✝

Л. 180. Послание: к нѣкоемѹ. сребролюбите|лю; И къ злохристиа(н)скомѹ· томи|телю· | Рабское: течение: на себѣ: не имѹ|щѹ: ; И самомѹ носа: нѣкѹю: славѹ: влекѹщѹ: · ✝ *(Виршами. Нач.:)* Како: и что напишѹ: к сѹе: мѹ҃ренномѹ: твоему разумѣнию. Понеже ва҃жала дш҃а твоа многомѹ неправедномѹ имѣнию: ·✝...

Л. 184. Предисловие: къ посланию: ✝ | Послание: с покоанiемъ: ѻ нѣкоего: дш҃евьнаго: сн҃а: ; ѻ покоанаагоже: и плаче҃наго си чина: · ✝...

Л. 184 об. Посла́ніе: ✝ Нач. Страшнаго: престола: Гд҃на: слѹжителю. И многогрѣшныа дши моеа снабдителю....

Л. 190. Посла́ніе: Сие: посла́ние. двоестроčно· По | чести: его: бѹдетъ не ѻ҃строчно. ✝ | Понеже писано дрѹже: любство тѣ|мь и строчки: Положены· въ сѹ | гѹбьство · ✝ Како: ѹбо: и что: имамы: писати: къ твоемѹ разѹмѣнию....

Л. 191 об. Посла́нїе: ѵСиѐ: посланїє. списано. рачитѣно: Пожаловати. по чести. тако же любително. ✝ *Нач.* Гд҃рвѹ: пр҃вѹ: именитомѹ бли҃немѹ его: пр҃стоателю: ѡ҃ бж҃ественныхъ догматѣ҃ крѣпкомѹ: прилѣжателю. ✝...

Л. 193 об. Посла́ние: | Сие послaнеице: двоестро҃но: ѵА пожаловать. прочести неѻ҃строчно.... | ѵАроматныа воды сладостнѣ во ѡбоніанїи ѻ҃боневаютъ:; Любомѹ҃ры҃ же муже҃ и словеса не мнѣе того слѹхи на҃ла҃даю҃. ✝ Єлень течеть на источники водныа: ; Како же мѹдро умныи мѹжъ не потечетъ на словеса бл҃гиа....

Л. 197. Посла́ние. ѵИмя ѹбо бл҃гаго чл҃вка паче многаго сребра и злата;...

Л. 204 об. Выпи́сано ї҃с҃ посла́ниа: Тѣмъ твердъ умъ пишетса паче многихъ кн҃гъ и самѣхъ тѣхъ златокованныхъ веригъ. ✝....

Л. 210 об. Посла́нїе: Горняго: и премирнаго: ликованиа: желателю. ѵѠ немь же еще ѡ҃ юнаго во҃раста истинномѹ тщателю. ✝...

Л. 213 об. По́тпись: ѵДа́ти: сие: посланеице: нбс҃оподобныа: ограды: ; В неи же: по҃визающиса: достизаютъ: вѣчныа отрады. ✝

Ѡбщиа: нашеа: застѹ҃пницы: и молебницы Многогрѣшнымъ: дш҃ямъ: нш҃имъ· исти҃ныа цѣлебницы. ✝

Пре҃тыа: Бд҃цы: честнаго: и сла҃наго: ея ѹ҃спениа: ; Си: рѣчь дивнаго: и пречюднаго ея: ѡ҃ телеси: преставлениа: · ✝

Во ѡбители: пр҃бнаго: и богоноснаго: ѡ҃ц҃а҃ нашего: чюдо҃вор҃ца:

Кирила: Єго же Гдⷭ҇рꙗ: еще: ѿ чрева: матерня: огради: божественнаꙗ: сила. +

В бл҃готворніи: руцѣ: Гдⷭ҇рꙗ: моего: старца бл҃гословенна: По истиннѣ: в лѣпотꙋ: таковымъ званиемъ: нареченна. +

Писано: лѣта: седмь: тысящъ: во стопя̑десятомъ: годꙋ: В самомъ бл҃гочестивѡ̑ хрⷭ҇тиянскомъ: родꙋ: · + Посланїе: Свидѣтель Гдⷭ҇ь что....

Л. 217 об. Под'пи́сь: Дати сие посланеице великия росиїскаꙗ державы:; Єꙗ же во истиннꙋ мнози желаютъ видѣти преименитыя славы. + (іерею Ѳеодору въ Казани)... *Л. 218.* Посла́ние: что рцемъ и что воⷥгл҃емъ к твоеи предобрѣи честности.... *Л. 220 об.* Посла́нїе: Честномꙋ и пречⷭ҇тномꙋ ї именитомꙋ ѿц҃ꙋ;.... *Л. 225 об.* По́т'пись: Гдⷭ҇рю моемꙋ истинномꙋ любителю:; И паки многодар'номꙋ кормителю: · + Посла́ние: ˇИже иночества свойство добрѣ соблюдающꙋ... ....Гдⷭ҇нꙋ чест'нѣишемꙋ инокꙋ а'рсению:; И вь се изящномꙋ разꙋмѣнию.... *Л. 227 об.* По̀сла́нїє: Вельми преꙋдивляюсꙗ твоемꙋ блгоу̀мию:; А не вѣмъ како написати тебѣ по своемꙋ недоразꙋмию: · + Свѣтломꙋ бо Цр҃скомꙋ Величествꙋ прⷭ҇стоиши:; И рождьшеє ѿ него премꙋ̑ромꙋ разꙋмꙋ учиши:... + *Л. 230.* Посла́ніе. Вскꙋю у̀коснѣлъ ми по се времꙗ: къ твоей честности писати... *Л. 235.* Посланіе. Ны́нѣ же что еще имамъ к твоеи честности писати:; Чтобы тебѣ Гдⷭ҇рю моѐму мл҃ть свою на насъ излиꙗти. + *Л. 239.* Посла́ніе. По бж҃ественнѣи бл҃агодати цр҃скиꙗ дш҃и снабдителю.... *Л. 243.* Посла́ниє Мꙋдрого у̀бо речение ꙗко в злохитрꙋ и лукавꙋ д҃шꙋ премⷭ҇рость не всели̑тсꙗ: ; И еще аще кто братомъ своимъ возъгоръдитсꙗ: · +

Л. 247. Посла́нїе. Послание нѣкоего ѿц҃а к своимъ сн҃омъ чтобъ имъ добрѣ жити по своимъ домомъ.... *Л. 249.* Ви́рши: и на сложение: иⷥ посла́неи. Многꙋю и присносꙋщнꙋю бл҃годать таковыи ѿ бг҃а получаетъ.... *Л. 253.* ˇИно.... *об.* Ино....

Л. 255. Грамотка: писана· сопротивъ: написаниꙗ: извитье: лукав'ствомъ: Єпистолїи. Фарисѣискаго лицѣмѣриꙗ в васъ плевы проницаютъ ; ˇѠснование дх҃овныє любви в насъ корень посѣцаютъ....

Л. 256 об. Посланіе. *Л. 258.* Ино, *Л. 259 об.* Инѡ: *Л. 260 об.* Упоминаются: «...Пѣжемцꙋ Никите ...Тимоѳею Непеє ...Стеѳанъ Мылниковъ ...Аникиевыхъ Тереньтью Петровꙋ ...Семенꙋ Евстаѳьевꙋ.... (л. 261) Никиѳорꙋ Ключаревꙋ.... Василію диаконꙋ»....

Л. 261. Посла́ние: ста́рца Макси́ма Гре́ка: | к Селиве́стрꙋ: попꙋ: · + *(Нач.)* Честнѣишемꙋ: во иереєхъ вышняго: И всякими: цвѣты: добродѣтелными: преу̀крашенномꙋ.... Гдⷭ҇нꙋ и бл҃годѣтелю

Digitized by Google

моемѹ Селивестрѹ неключимыи чернецъ.... (См. Сочиненія преп. Максима Грека, ч. 2, изд. при Казанск. Дух. Акад., стр 379),

Л. 262. Послáние· стáрца· Максúма: Грéка | къ Григорию: диáконѹ: ·+ *(Нач.)* Господине: мои: брате: ѡ Гдѣ: Григориé Хр̃товъ: диаконе:.... (См. Сочин. пр. Макс. Гр., ч. 2, стр. 386).

Л. 263 об. Вы: писано: разное: собранеица [изъ бывшаго первоначально *е* выправлено на *а*]; ˇИногда: чтѹщемѹ: что: понравѝца.+ Лѣствица ѹтвержена твердо во времѧ трѹса не распадетсѧ; Тако же и ѹмнова мысль во времѧ дѹмы не ѹстрашитсѧ.+... *Л. 267 об.* 'Ины вúрши рóзныѧ: Боящиѧся Бг̃а: ; не требѹютъ книгъ многѡ.+

Л. 268. Выписано. иѕ бѹкварѧ: печатного | предисловие: къ юношамъ: ѹчитисѧ· хотѧщимъ:+

(Нач.) ˇѠтроче: юный ѡ̃ дѣтства: учисѧ: | Писмена: знати: и разѹмъ: потщисѧ: | Невоѕлѣнисѧ: трѹдовъ: положити: Имаѓть бо: тебѣ: полза: многа: быти.+

Л. 269 об. Толики поѕзы да бы вѣрнымъ взяти
Повелѣ типомъ: сеи бѹкварь иѕдати.—
Цр̃ь нашъ Θеодоръ ѳ̃ цр̃я роѕденныи:—.
Множество цр̃скихъ добротъ украшены.+
Нѹжныя юнымъ велѣ вомѣстити: ; Како всѣмъ вѣрѹ достоитъ хранити.+
Да младыхъ лѣта нетче п̃чезаюѕ ; Но писанию даѧ научаютъ.+
Меншимъ навыкше да к вящьшимъ тщатсѧ: ; Вѣрни и блази и мѹ̃ри творятсѧ.+
Ты чтыи за сию мл̃ть моли Бг̃а ; Цр̃ю пресвѣтлѹ жити лѣта многа: ·+
Во кн̃зѣ жизни написанѹ быти: ; здраво весело славно в мирѣ жити.+
Всѧ супостаты силно побѣждати:
› › ˇНбс̃ное цр̃ствие стяжати.+

ˇУвѣщáние: | Хощеши: чадо: бг̃ъ: разѹмъ: стяжати.|„ Тщисѧ: во трѹдѣхъ: вынѹ пребывати....

Л. 271. Плáчь ѡ̃ памяти смертнѣи:+ Страшно со львомъ лютымъ брань есть совершати: ; ˇИли с мѣдведемъ борбѹ содѣвати.+....

Digitized by Google

Л. 274. То́мꙋжь подо́бно. Ст҃ый ї҆ѡ҆аннъ мл҃тивыи патриа^{р}хъ а҆леѯандрїискїи же бы смерть себѣ напоминалъ приказалъ гробъ себѣ за живота будовати але тылко не кончати.... ˇМаѯимилиꙗнъ цесарь римъскїи.... Птоломе' кроль египетскїи.... Ное праведныи.... Феѡ҆досїи цесарь грецкїи.... ˇАгезеляи кроль лецꙗ демонскїи....

Л. 274 об. Ино:—Предисловие: ко и^{з}браннымъ ѱалмо҃ счиняется: ; Всякъ бо прочитаꙗи и спѣваꙗи ср҃цемъ во^{з}веселяетсꙗ: · + ...

Л. 275 об. ˇИнѡ҆: + (одно лишь это слово въ видѣ заглавія и далѣе непосредственно на листахъ 276 и 276 об. помѣщены слѣдующія вирши—панегирикъ въ стихахъ Царю Ѳеодору Алексѣевичу):

Л. 276. Взираи: на о^{б}ра^{з}: того: тои: ꙗвляе҃: ; Росїискїи: монархꙋ: седмаго: пре҃ставляе҃. +
Которыи: в лѣтѣхъ: Ка҃: цвѣты: смертно паде: ; В цвѣтнѣмъ: мс҃цѣ: цвѣтъ свои: н҃бꙋ: даде: · +
Дн҃ь тои: к҃з. всезлобныи: комета принесе: ; росїискимъ: цр҃емъ: во гро^{б} тяжко: потрясе: · +
Лучши: ти: было [ѡ҆ н҃бо] хановъ: низри́нꙋти: ; Врагъ: твоихъ: скифовъ бисꙋрманъ: кинути: · +
Тꙋрка: хрт҃ианъ: губителꙗ: сютлити: ; Не богочетца: царя: намъ: истнити: · +
'Иже: ереси: капитоновъ: спали: ; Многихъ: ѡ҆ныхъ: смысловъ: правъ: разумъ: Похвали. +
Любомудриꙗ: Великїи: любитель: ; Вторыи: алеѯандръ: Философїи: чтитель. +
Тои: многи: кн҃ги: исправи: и҆з'ъведе: ; Росїискїмъ: ꙗзыкомъ: народꙋ: преведе: · +
Никонъ: ꙗвисꙗ: никона: свобождьши: ; Честно: ко гробꙋ: съ домомъ си. прово^{ж}дши.

Л. 276 об. Тѣмъ: во святителѣ и во҆ ѿц҃ѣ г'нѣвъ ꙋтоли: ; На земли: смиривъ в небеси́ ꙋ҆моли: · +

Digitized by Google

Постави: рати: брасꙗ: перьвыи: с ту-
ркомъ: ; Новое: в рꙋси: даетъ: тур кꙋ:
по лбꙋ: куркомъ: · +
Воиновъ: в ратныя: своꙗ: ризы: ѿ-
блече: а̀ батыевы: плахты: всѣх:
совлече: · +
Случаи: родствы: со^з^же: в пепелъ: по-
гребе: ; Тои: честнѣ: великъ: кто
добль: врага: себе: · +
Ѿбнови: москвꙋ: башни: постави-
лъ: есть; Забрала: крѣпки: сто-
лпы: составилъ: есть: · +
Ѡбручи: двѣ чистотꙋ: тѣла: ; Бра-
къ: ст҃ъ: дв҃ѣ: обрꙋчиласꙗ: дв҃а · +
Назда: цр҃квеи: свѣтъ: у̀пестри: кра-
сотами: ; На земли: н҃бо: у̀чини:
со ^з^вѣздами: · +
Гдѣ: самъ: в немъ: Ѳеодоръ: Цр҃ь: нашъ
почиваетъ: Шаръ: сеи: иконныї
зраки: токмо: ꙗвляетъ: · +
Которыи: а̀зъ: рабъ: твои: на стѣнѣ
поставляю: Честно. зрю: ра^б^скїи чтꙋ: па̑
к зе̑ли: главꙋ: по̑лоняю.

Л. 277. И^з^ гра̑мати́ки: Преди́сло́вие: Або все ꙋдобно и разꙋмно глаголати и ѡ̀писати научаю и бысть розрительнагѡ разꙋма постигнꙋти умꙋдрꙗю....

Ѿ добры: двꙋнадесꙗти: дрꙋзѣхъ. + Перьвый дрꙋгъ прав'да ѿ смерти чл҃вка и(з)бавлꙗеть. + ...

Половина *л. 277 об.* и *278* оставлены пустыми.

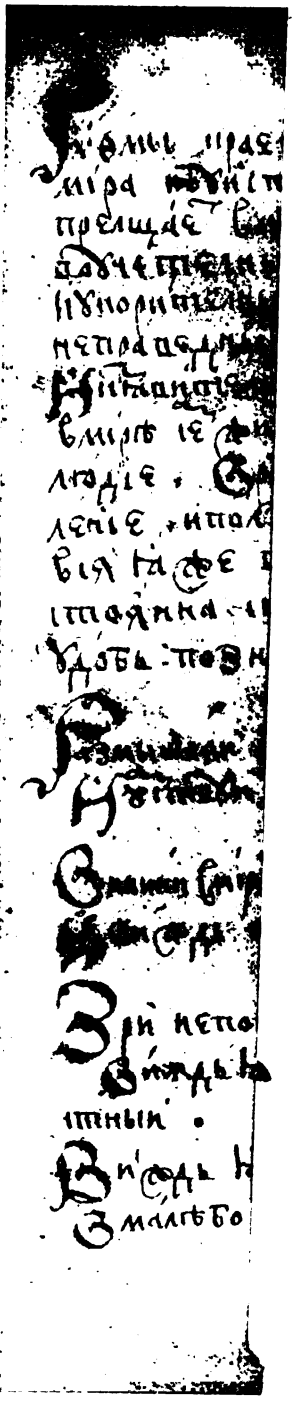
Л. 278 об. По́ве́сть: ѿ хмелно́мь: пи́тїи: ве́льми: | дш҃є. пол^з^на́ · +

(Нач.) Пишꙋ ти: ѡ̀т недомыслиꙗ: моего: и малоумиꙗ моего.... (см. въ Историч. Очеркахъ русск. народн. слов. и искусства Ѳ. И. Буслаева, т. I, въ гл. о «Русской Поэзіи XVII в.», стран. 564 сл.). При́чтă. + Бѣ: нѣкїи: чл҃вкъ: не во^з^дер́жно; пиа̀н'ствен̑но̀е питиа̀ пиаше....

Затѣмъ идутъ свидѣтельства противъ пьянства изъ слѣдующихъ источниковъ:

Л. 283 об. Троп'нйкъ. +.... О немъ см. въ Ист. Оч. Бусл., I, с. 568:

Digitized by Google



имскаго, вообще
Сборникѣ есть
только о вредѣ
й, какъ церков-
агаются настав-
тѣ, о богатствѣ,
разсматривать,
же Иларионъ
. ˇИсȣсъ: сирахо̑:
ре́че́... ˇИсаака:
слова. п҃е. Паки:
имскїи рече... ˇО
и рече. + ˇОбь-
Л. 287. Моисеи
игрецемъ Васи-
винныхъ людеи
кое древо.... (см.
кѐ: · + *(Л. 289)*
и смѣтили: по-
и: питїи̇ ковшъ:
иножество: вина:
мъ ве^{р}стъ: о̑ бѣ-
сие о̑ пианства:
і о̀ни себе погȣ-
вина: немъного
ˇИ во многихъ
что о̑ ѕапоиства
нѣчто о^{б}ꙗвихъ
ѣрȣ славꙗ Бг҃а
го^{р}но убг҃имъ не
приꙗтно нищи̑
мъ было сытно.
запоиствѣ: · +
е свое домовное
оздателꙗ не по-
тъ. +....
предисловіе къ

сȣетна^{гѡ} сегѡ
же прелща́е̑ в

I. Сборникъ скорог

По

Во

Сл

ˇѠ

ˇѠ

На

Гд

Ко

Л. 277. ˇИ³ 1
глаголати и ѡ
стигнꙋти умꙋд
ˇѠ добры
ѿ смерти чл҃вк
Половина л
Л. 278 об.
пол³на́ · +
(Нач.) Пип
(см. въ Истори
Буслаева, т. I,
Прйчтă. + Б
пиаше....
Затѣмъ ид
щихъ источни
Л. 283 об.

Digitized by Google

«Тропникъ—собственно Твореніе Иннокентія, папы Римскаго, вообще нравоучительнаго содержанія,—но въ Архивномъ Сборникѣ есть не что иное, какъ собраніе разныхъ изреченій только о вредѣ пьянства, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ *исторій*, какъ церковныхъ, такъ и мірскихъ. Въ такомъ же видѣ располагаются наставленія въ «Пчелахъ», раздѣленныя на главы: объ умѣ, о богатствѣ, о счастіи и т. п.; такъ что этотъ Тропникъ можно разсматривать, какъ главу изъ *Пчелы* о пьянствѣ». *Л. 284.* Великїи же Иларионъ рече... Василїи Вел... *Л. 284 об.* Кирилъ... ˇИсаи́ꙗ ре́че... ˇИсꙋсъ: сирахо̑: рече... Варнава рече... *Л. 285.* Ѿ старчества... ˇИ па́кй ре́че́... ˇИсаака: сирина слово. ѯѳ. *Л. 285 об.* Тогожь слова. б҃е· Того ж слова. п҃е. Паки: рече: премꙋдрыї: цр҃ь. соломонъ... ˇИнокентїи Папа римскїи рече... ˇО нихъ же приточникъ рече.... *Л. 286.* Паки. иноке нтїи рече. + ˇОбьꙗвление пиꙗн'ствꙋ.... Иоанъ Златоустый рече.... *Л. 287.* Моисеи рече. *Л. 288* ˇИсторїи, Греческїи Цр҃ь Михаилъ со игрецемъ Василиемъ в пиꙗнствѣ и згꙋбили зерцало а то зерцало винныхъ людеи бе з сꙋда обличало да среди двора цр҃ева стояло раиское древо.... (см. Бусл. И. Оч. I, с. 568). ˇИꙋдифь... *Л. 288 об.* ˇИс'то́риа́ жѐ: · + *(Л. 289)* Какъ стоꙗ: владыславъ: жигимо̑тови̑: по̑ москвою· и смѣтили: полꙗки: миромъ: Вина: по̑ве зли: на ходынкꙋ: продовали: питїи̑ ковшъ: по московке· и московские люди: на вино: па̑ки: множество: вина: покꙋпаꙗ: пили: и тогда: полꙗки: на ходы нке: за се̑мъ верстъ: о̄ бѣлого города московски х людеи: посѣкли ҂в҃ ҂і҃. а все сие о̄ пианства: у̀чинилось толико телѣсъ по̑ мечь: по̑клонило̑ сами о̀ни себе погꙋбили что ве лми много вина пили то лко было имъ вина: немъного пити и такои бы силѣ потраченой не быти· + ˇИ во многихъ писанїи о̀ пианствѣ многѡ̀ обрѣтохъ писано гдѣ что о̄ запоиства и згибло и много здѣ не писахъ понемало вкра тцѣ нѣчто обꙗвихъ по лзы ради слышащимъ. ˇАще бы намъ вино в мѣрꙋ славꙗ Бг҃а пйтй инобы было добро и Бг҃ꙋ го̑но людемъ не прото рно убг҃имъ не оби̑но ве лможамъ и властелемъ роспра̑но сиротамъ приꙗтно нищи̑ кормно попамъ строино а мастеровымъ бы людемъ было сытно.

Двоестрочиемъ: о̀ безмѣрномъ питїи. ˇИ ѡ зломъ запоиствѣ: · + Єгда чл҃вкъ много вина испивае т; Тогда | онъ | все свое домовное радѣние забывае т.—ˇИстинно в бе змѣрномъ питїи создателꙗ не помнятъ ;—ˇИ себе пианицы бе згрешныхъ быти мнятъ. +....

На *л.л. 295—303 об.* почеркъ очень похожъ на предисловіе къ Пословицамъ, *л.л. 321—323.*

Л. 295. Рѵ́ѳмы краесогла́снїи. 'Ѡ пре́лести сꙋетна гѡ сегѡ̀ мі́ра и бꙋи́ствѣ, Какѡ мі́ръ дрꙋгѡ̑ свой, и х же прелща́е̑ в

Digitized by Google

ма́лѣ. ѕлѣ̀ рꙋгается вѣчнѡ· Нравоꙋчителны же, ѡ̀бличи́телны, зазри́телны. и ꙋкори́телны ѕѣлѡ̀. сами̑ себѐ велики̑ людѐ непра́ведны̑ сꙋдїа̑. хи́щникѡ̑. ѕлы̑. и мздои̑цѐ. 'И и҆ꙗви́телны бѣ́дствъ, ка́я ѕла̀ стра́ждꙋтъ в мі́рѣ сѐ живꙋщѐ. санови́тїи; бога́тїи и ꙋбозїи лю́дїе. Вразꙋми́телнѡ чты́й сїя̀. велїе ꙋмиленїе. и ползꙋ ѡ̀бря́щѐ. 'И бꙋ́йствѡ мі́ра, ꙗкѡ вся̀ ꙗже в нѐ сꙋщая сꙋетна, и҆змѣ́нна. не по̀стоя̀нна. ско́рѡ преходна. па́че же и̇ ѡ̀каꙗнна ꙋдо́бь позна́ти мо́жетъ. Написа́шася лѣ́та. ҂зс гѡ. годꙋ. мц҃а Іа̑ннꙋа̑рїа.

(Нач.) Размышля́й си̇ винꙋ̀: Ѿ чл҃вчь сынꙋ +
'И ꙋ҆́ствꙋи̇ то̀ себѣ̀: ꙗ̑кѡ в ма́лѣ тре́бѣ +

В пе́рсть снити

Вникни̇ в мі́ръ очи́ма: Прилѣ́жнѡ твои̑ма:
'И ви́ждь ко́ль сꙋ́етна. Е́сть же и преме́тна

жизн́ь наша̀:... и т. д.

Л. 301. Посла́нїе к печа́лны̑ чл҃вкѡ̑. Послꙋ́шающы̑ всѣ̑ правосла́вны̑ хр҃тїа̑нѡ̑ ·:

(Нач.) Аще бꙋ́дѐ слꙋ́х во ꙋшеса̀ ва́ша прїи̑дѐ и̇ скажꙋ̑ дрꙋ́га или бра́та в печа́ли пребываю́ща. И вы о̀ц҃ы и̇ братїя ст҃а́я: Печалны́х ꙋтѣша́йте. во время скорби и́х. И в де́нь напа́сти помогайте и̑.... *Л. 303. (Кон.)*....Да тогѡ̀ ра́ди написа́ли посланїе сїѐ ѐже почитайте., Печалны̑ чл҃вкѡ̑ всегда̀. да и всѣ̑ ва̑ бꙋдѐ на ползꙋ. и до здѣ̀ по́вѣсти сея̀ конецъ. амїнь.

Послѣ этого посланія на оставшемся внизу страницы мѣстѣ:

Стихи̇:

Стихи̇: 'Из весе́лагѡ ср҃ца происхѡ́дя:

Пїтїѐ, пи́ща, свѣ́тлѡ ꙋ҆ на тѡ̀ пло́дя ꙮ

Л. 303 об. Мл҃тва ѿ о̀скверненїя. Гд҃и Іи҃се Хр҃те Бж҃е на́шъ ѐди́неблг҃ій чл҃вколю́бче, еди́не ст҃ы́й и̇ на ст҃ы́х почива́яй....

Далѣе 2 листа (= 4 страницы) оставлены пустыми.

Л. 304. По́ве́сть. ѿ бл҃го. полез'ныхъ. вы́писа́но̀ Из' дре́в'ни́х. лѣто́пи́цо̑ Из' римъскихъ. кн҃гъ. *(Нач.)* Бысть в' палестин'скихъ: с'транахъ: в'нѣкоемъ. г'раде: великъ ц҃рь: бл҃гочестивъ: и̇ с'лавенъ: ѕѣ́ло: и̇мѣꙗ· ꙋ себе матерь: и поимъ себѣ̀: женꙋ: бл҃гочестивꙋ: и добронрав'нꙋ: бꙗше жь: образомь: лѣпа: и вельми: люблꙗше ю:.... *Л. 313.* Половина листа сверху оторвана, на *л. 313 обор.* внизу страницы конецъ повѣсти:... и бысть во цр҃ьствїи то̑ радость велиꙗ

Digitized by Google

ѕѣло и обрѣтенїи цр҃цы и ча̀ еꙗ цр҃ь же нача жити вѡ̀ цр҃ьствїи своемъ съ цр҃ицею и с чады своими в радости велицѣи паче же бл҃гочестно и добродѣтельно сие же слышано бысть и по окресным̃ страна̃ слава и храбрость дѣте' своих мнози же и дани даваша и̃ они же пребывающе бл҃гочестно и бл҃годарствующе и славяще собравшаго ихъ вкꙋпѣ создате *(далѣе воронкою)* лꙗ своего ѿц҃а и̇ сн҃а и св҃таго дх҃а нн҃ѣ и при̑но и во вѣки вѣковъ аминь. ⁘

На листахъ 314—320 настоящаго рукописнаго сборника помѣщено «Выда́нїе ѡ̀ добронʼра́вїи»—статья нравоучительнаго содержанія, состоящая изъ двустишій распредѣленныхъ на 118 мелкихъ главъ или вѣрнѣе куплетовъ съ надписанными особо по большей части киноварью заглавіями. О текстѣ ея по этой же рукописи впервые далъ необходимыя свѣдѣнія Ѳ. И. Буслаевъ въ книгѣ своей «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г.) на стр. 62—63, а въ «Историч. Христоматіи ц.-слав. и древне-русск. яз.» (М. 1861 г.) напечаталъ извлеченіе изъ самаго текста «Выданія» на столбц. 1415—1416 и замѣчанія къ нимъ на столбц. 1428—9. Текстъ этой статьи печатается здѣсь полностью съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей какъ расположенія, такъ и написанія ея въ Архивной рукописи; мы только дозволили себѣ занумеровать куплеты. Уже Буслаевъ въ упомянутыхъ двухъ трудахъ высказался за польское происхожденіе «Выданія» и въ Историч. Христоматіи его на столбц. 1428—9 отмѣчено: «Въ рукоп. гр. Уварова (№ 5 въ 4-ку) эта статья на л. 266 озаглавлена такъ: «переводъ Польскаго писма съ печатной тетради, Выданіе о Добронравіи Яна Запчица». Намъ къ сожалѣнію осталась неизвѣстною указанная имъ рукопись [1]), но за то посчастливилось получить для изданія какъ выписку соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ польскаго оригинала, такъ и найти указанія еще на три подобнаго же состава списка славяно-русскаго перевода въ рукописяхъ XVIII столѣтія. Лучшія чтенія «Выданія о добронравіи» предлагаемыя этими рукописями и вообще разночтенія будутъ помѣщены въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ.

Орд. проф. Имп. Варшавскаго унив. Е. Ѳ. Карскій обязательно сообщилъ намъ—за что и спѣшимъ выразить ему нашу сердечную признательность — въ точной копіи текстъ съ чуть ли не един-

---

1) По Описанію рукоп. гр. А. С. Уварова, составл. Арх. Леонидомъ мы не могли найти указаній на помянутую рукопись (можетъ быть, и сборникъ).

Digitized by Google

ственнаго сохранившагося экземпляра польской старопечатной тетради, принадлежащей извѣстной библіотекѣ гр. Замойскаго въ Варшавѣ, — и присоединилъ слѣдующее описаніе этой книжки, напечатанной готическимъ шрифтомъ:

«POLITICA | DWORSKIE, | Przez | Iana Zabczyca | nápisána y wydána. | W Krak[owie]. | Roku Pa[ńskiego] | [1630] [1]). |

На оборотѣ заглавнаго листа:

Do Czytelnika.
Ieśli pioro w czym zbłądźiło
Przećiw wierszowi zgrzeszyło /
Ty się co czytasz nie gnieway /
Ani się ze mnie náśmieway. И т. д.

Страницы вверху не помѣчены, а только внизу обозначены тетради, коихъ всего двѣ, буквами А и В. На вторыхъ листахъ

Л. 314. **Выда́нїе ѡ̀ добронра́вїи:**

1=1 [2]). Ѹчти́вое житїѐ:

Бг҃а бо́йся. Старѣ́йшагѡ почита́й:
любо́вь бли́жнемꙋ воздава́й.

2=2. Дѣ́лѡ хрт҃їа́нское:

Свои̑ бꙋди дово́ленъ. Сла́вы свое́й берегѝ:
достойнагѡ мꙋ́жа любѝ.

3=4. Мꙋжественнѡе дѣ́лѡ:

Съ бг҃ѡ̑ покор́ственнѡ. С чл҃вкѡ̑ мꙋжестве̑нѡ:
с чес҃тны̑ постоя́ннѡ постꙋпа́й:

---

1) Обозначенное въ скобкахъ въ брошюрѣ вырвано. Годъ изданія дописанъ чьей-то рукой *(Прим. Е. Ѳ. Карскаго)*.

2) Нумераціи куплетовъ въ Архивной рукописи нѣтъ, вторыя послѣ = маленькія цифры указываютъ на соотвѣтственный имъ польскій текстъ.

Digitized by Google

стоитъ A_2, B_2, на третьихъ A_3, B_3. Четвертые листы обыкновенно не имѣютъ никакой помѣтки. Размѣръ брошюры 4^0 малый. Всего листовъ 8, въ двухъ тетрадяхъ, т.-е. печатныхъ 2 малыхъ листа».

Считаемъ своимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность за разрѣшеніе воспользоваться текстомъ брошюры Запчица какъ владѣльцу библіотеки гр. М. Ѳ. Замойскому, такъ и завѣдующему ею Ѳ. А. Корзону.

Ниже мы печатаемъ этотъ польскій текстъ, довольно близко подходящій [1]) къ славяно-русскому переводу его по Архивной рукописи, и сопоставляемъ его съ послѣднимъ.

Politica dworskie [2]):

1. Boiaźń Boża / Poszánowánie starszych / Miłość bliźniego / } Zywot poczćiwy.
2. Na swym przestáwáć / Pokoy miłować / O przyiaźń się stáráć / } Krześćiáńska.
3. Hoynym bydź w miárę / Sławy szanować / W godnych się kochać / } Páńska.
4. Iść { Z Bogiem pokornie / z Człowiekiem mężnie / z szczęśćiem státeczńie / } Męska.

1) Легко можетъ быть, что у русскаго переводчика было въ рукахъ другое изданіе этой брошюры Запчица, труды котораго почти всѣ выдержали по нѣсколько изданій.

2) *Листъ A 2* (обозначеніе внизу). *(Прим. Е. Ѳ. К.)*.—Нумерація куплетовъ въ польскомъ оригиналѣ нѣтъ: она прибавлена въ настоящемъ изданіи для удобства нахожденія соотвѣтственныхъ мѣстъ и для ссылокъ.

Digitized by Google

4=5. Бесѣ́да соверше́нна:

Съ вѣрныі товарыщё. С сосѣдѡ̑ наде́жныі:
безѡ́паснꙋю дꙋмꙋ имѣ́й:

5=6. Ка҄на вели́кая:

Ꙋ̓ченїе в головѣ. В чинꙋ̑ дѣлнѡсть:
любо́вь ꙋ людеи ищѝ ✢

6=7. Ка́знь Ѕло́бная.

С людмѝ брани́тися: Воровствѡ̀ любитѝ:
за честь своѝ не стоя́ти.

7=8. Ло́жъ:

Многѡ ѡбѣща́ти: а̀ ма́лѡ илѝ ничтѡ̀ да́ти:
посꙋле́ное ѿдӑвӑти. (На поляхъ поправка: ѿдаля̑).

8=9. Мꙋдрость:

Ѻ̑ добрѣ совѣто́вати: Ско́рѡ твори́ти:
дѣ́лѡ испо́лнити:

9=10. Скꙋ́пость:

Л. 314 об. Крꙋглѡй сто́лъ: Италїа҄скїя ѣ́ствы:
одежда корѿкая.

10=11. Малѡ че́стнѡ

Бесѣда без людéй: Мꙋзы́ка бе҄с пїтїя.
ꙋченїя в скꙋдости: ✢

11=12. Великой ꙋбы́токъ:

Свинїѧ̀ в огорѡдѣ: Козе́лъ в садꙋ:,
дꙋракъ при совѣ́тѣ.

12=13. Поле҄нѡ есть

Стӑри̑ (на поляхъ поправка: же) в краснѿ нарядѣ:
Молѡде́цъ в добрѿ мꙋжествѣ:
до́кторъ в мꙋдрѿ ꙋче́нїи ✢

13=14. Непрїстойность:

Неꙋче́ный попѿ: Мꙋжикъ господи́нѿ:
дꙋра́къ во́инѡмъ.

5. Wierny Towárzysz /
Myśl bespieczna /
Sąśiad życzliwy /
} Bánkiet doskonáły.

6. Náuká w głowie /
W czynie dźielność /
Miłość ludzka /
} Skarb nieprzepłácony.

7. *Z* ludźmi się warcholić /
Obłudnie żyć /
Na zły szańc *honor*[1]) kłáść /
} Dźieło człeká złego.

8. Wiele się ofiárować /
Máło iścić /
Obietnicę zwłoczyć /
} Niepewnego.

9. Dobrze się narádźić /
Prędko czynić /
Swego dokázáć /
} Mądrego.

10. Okrągły stoł /
Włoskie fochy /
Szat vwagá /
} Skąpych kortezow figiel.

11. Dobra myśl bez Pánien /
Muzyká bez trunku /
Náuká bez dostátku /
} Máłey wagi.

12. Swiniá w ogrodźie /
Kozá w sádźie /
Prusak[2]) w rádźie /
} Wielki niepożytek.

13. Pánná ochędostwem /
Dobry chłop męstwem /
Pismennik náuką /
} Máią pięknie szánąć.

14. Z Klechy Pleban /
Z Chlopá Pan /
Z niedołęgi żołnierz /
} Rádźi gorę wybiiáią.

---

1) Мелкимъ латинскимъ (а не готическимъ) шрифтомъ. *К.*
2) Это слово замазано чернилами, а *ие* даже выскоблены. *К.*

Digitized by Google

14=15. Безделность:

Члвкъ бе доброде́тели: Дорѡ́ство бе се́рдца. юрость без силы.

15=16. Мудрыхъ любовь:

Ко́нь досужеи и пово́льной: Слуга́ де́лнѡй и. прилежнѡй: Стара (на полях: же) нарядна а к тому ве́рна.

16=17. Неудача:

Вои́нъ бе́з де́негъ: Чи́нъ в скудости: Кѡнь бе силы́.

17=18. Мудрыхъ делѡ́:

Прое́хати недалече. В пут ехати скорѡ́. Ѕла раба́ ѿпусти в то час.

Л. 315. 18=19. Вско́ре доса́днѡ:

'Езда́ в пути́ бе се́дла́: Полевати бес прибыли: Пачива бран ива го́стя.

19=20. Славу получати:

Во́ину добрый коне: Бедному доброн ра́віе: жениху наря́дѡ.

20=21. Не держа при себе:

Конюха пі́яницы: Пса́ во храмине: При у шáхъ лгача́.

21=22. Кре́пкѡ держатися:

Ездоку на коне. Плотнику на́ хра́мине: Рыболѡ́ву в ло́тке:

22=23. Не можешъ хвали́тися:

Е́доку ѕлый коне. Господин глупый слугою. Хозяину гнилый дворѡ.

23=24. Худая прибыль:

Конь хромо́й: Пе́съ ле́ни́вѡй. Крстьянин пі́я́нѡй.

24=25. Сла́бая наде́жда:

Коня́ бе слуги ѡ́ставити: дене скудному взае да́ти. дере́вню заимѡ поку́пати.

Digitized by Google

15. Człowiek bez cnoty /
Vrodá bez sercá /
Serce bez śiły /
} Zá nic nie stoią.

16. Koń z vrodą powolny /
Sługá z dźielnością pilny /
Zoná z ochędostwẽ[1]) wierna /
} Muszą v mądrych w łáscie bydź.

17. Iáko walká bez pieniędzy /
Powagá bez száty /
Ták koń bez śiły /
} Nie mogą się dobrze vdáć.

18. Przeiasczká w miárę /
Drogá prędka /
Pan odpráwny /
} Są to mądrego człowieka rzeczy.

19. Iázdá bez śiodłá /
Pole bez obłowu /
Gość nie dyskret /
} Prędko náprzykrzy się.

20. Zołnierz ná koniu dobrym /
Vbogi cnotą /
Młodźieniec ozdobą /
} Sławy y chlebá nabywáią.

21. Do koniá łotrá másztálerzá /
Psá do spiżárni /
Do vchá łgarzá /
} Bez szkody nie zápuśći żaden.

22. Ieźdźiec ná koniu /
Cieślá ná domie /
Rybak w czołnie /
} Máią krzepko stać.

23. Koń niewypráwny ieźdzcá /
Páchołek głupi Páná /
Dwor odrány gospodarzá /
} Nie mogą zálećić nigdy.

24. Koniá chromego /
Psá leniwego /
Chłopá piiánego /
} Iednakie pożytki záwsze.

25. Koniá z niepewnością odeyść /
Pieniędzy ládáiáko wierzáć /
Folwárk prożbą wspomágáć /
} Słába nádźieiá.

1) Чит. z o—wem. *K.*

Digitized by Google

25=26. Nе можешъ хвали́ти:

Хꙋда^гѡ коня̀: Nевѣрна слꙋгꙋ̀. Nевѣстꙋ пїя́нꙋю.

26=27. Всегда̀ похвалнѡ:

Кон́ь в бѣгꙋ̀ скорѡ̑. Слꙋга̀ ꙋ вина̀ не пїя^н:
Песъ борзъ за за́йцѡмъ.

27=28. Дрꙋгъ дрꙋгꙋ подобенъ:

Л. 315 об. Конь̀ гꙋба́ми и̇спо́рче^н. Члв҃къ в дере̑нѣ разоре́нъ.
Медвѣдь в лесꙋ̀ ра^здроже́нъ.

28=29. ѡ̀дина́кѡй хꙋлы̀ годный:

Конь̀ ѕѣлѡ̀ трясꙋщїй: Мꙋжи̑ гордой глю̑щи:
Пꙋзырь горѡхо̑ звоня́щїй.

29=30. Ненадобнѡ творити:

Коня в огоро́дѣ держа́ти. Сосѣдꙋ̀ непомѣрнѡ
кла́нятися. с по̑данны̑ не шꙋтити̇.

30=31. Безꙋбы́точнѡ:

С коне̑ не играй: женѣ̀ не лсти̇: де^нги са̑ блюди̇.

31=32. Nе всегда̀ вѣрь̀:

Кон́ски̑ нога̑: Nепристо̀йны̑ вѣстя́мъ:
Кꙋпецки̑ хвалба́мъ.

32=33. Nедолгѡ живꙋтъ:

Конь̀ ѕѣлѡ̀ ско́ръ: жена̀ всегда̀ ꙋбѣлена
ꙗ̇стребъ ѕѣлѡ̀ пры́токъ.

33=34. К постоянствꙋ:

Коня не бей: слꙋгꙋ не всегда̀ брани̇. же^н не дра^зни̇.

34=35. Nелѣнивы̀:

Конь иноходецъ: Мꙋжи̑ скороѣ^здецъ.
жена̀ громогласна̀.

35=37—39. Добродѣтели:

Конь̀ цѣлъ ногами поволе^н гꙋба́ми. жена̀

Digitized by Google

26. Koniá chudego / Pácholiká odránego / Niewiástę piiánną / } Zálećić ludźiom trudno.

27. Koń w dźielności / Pachołek przy trunku / Chárt v záiącá / } Iákiem się raz pokażą / takiemi ie dlu[0] [1]) rozumieć może.

28. Koń w gębie zraniony / Człowiek w máiętności vkrzywdzony / Niedźwieć w leśie rozdrażniony / } Bez folgi wiele ważą się.

29. Koń pod Páná vsterk máiący / Chłop pyszno mowiący / Pęcherz grochem brzmiący / } Iednákiey powagi godni są.

30. Koniá w grodźie nie chować / Sąsiádá o co prośić / Z poddánym żártować / } Kto nie chce bydź w powadze v nich.

31. Z Koniem nie igray / Niewieśćie nie vlegay / Pieniądze sam choway / } Chcesz li we w czásie żyć.

32. Konskim nogom / Szeptáney powieśći / Kupieckim zalotom / } Trzebá opátrznie wierzyć.

33. Kon bystry / Białogłowá stroyna / Ptak lotny / } Nie mogą ládáiáko obrocie się z czásem.

34. Koniá nie biy / Zony nie drażni / Słudze nie łay / } Ieśli z nich státek chcesz mieć.

35. Koń drobno stąpáiący / Chłop prędko ieżdżący / Białogłowá głośno mowiąca / } Nie leniwi bywáią rádźi.

36. Koniá gniewliwego / Zony niewstydliwey / Chłopá łżywego / } Boday nikt dobry nie cwiczył tego.

37. Koń ma być cáły / Pewnych nog / Wolney gęby.

1) Чит. długo. *K.*

Digitized by Google

тре^в^ва̀ чиста̀ и стыдли́ва. Слꙋга̀ правди̑
не гордъ. Nеѡговорли́въ:

36=40—41. Конь чистъ и краси̑. Коня на пескꙋ пропотити: *(Л. 316)* естьли хощешъ что^б^ былъ пово́ленъ. Слꙋгꙋ на конѣ̀. Коня послѣ боя^в^ливагѡ ѣздока̀:

37=45—46. Ѿвѣдываи:

Коню̀ надобнѡ бы̑: ногами здо́ровꙋ. В посѣ̑ке постоя́ннꙋ. в кормꙋ силнꙋ. в стрѣче добрꙋ. в напꙋсте смѣлꙋ. в бѣгꙋ скорꙋ. в ꙋста^х^ поволнꙋ. Попъ ꙋче^н^' бл̑гочести̑. Царь̀ премꙋдръ пра́веде^н^. млр̑дъ. Воевода смѣлъ. дѣленъ, ла́сковъ.

38=47. Бѣгаи сихъ.

Лоша́ди что на выездъ даю̑: Господина ѿ кото́рагѡ слꙋги бѣ́гаю̑. Деревни гдѣ̀ лихой сосѣ̑дъ живе́тъ. 39=48. Временная ꙋтѣха:

Конь̀ досꙋжъ. рꙋжьѐ наде́жнѡе. жена̀ пригожая. Малая при́быль:

40=49. Конь в дороге выби̑. Борзая соба́ка в полѣ̀ хро́ма. Поро^з^жеи мешекъ в торгꙋ.

41=50. Ꙋбыто́чнѡ.

Коня̀ лѣтѡ̑ овсѡ̑ корми̑: Ꙋ торговы^х^ бе^з^ денегъ това́ръ бра̑'. Прикащика не щита́ть.

42=51. Досадн̀ѡ:

Конь не подкованъ на льдꙋ. Сапогъ з дирòю: в грязи̇. топо́ръ тꙋпо́й на дровахъ.

Digitized by Google

38. Zoná trzeźwia / ochędożna / wstydliwa.
39. Sługá prawdziwy / nie pyszny / nie wielomowny.
40. Koń do białeygłowy podobien w ochędostwie / y w kształćie.
41. Koniá zástałego ná piasku zapoćić / chceszli nie odmienną powolność zástáć.
42. A towárzyszá w pierzu zágrzáć do zápocenia / chceszli większą wdźięczność poznáć / bo *alias* [1]) y kon zrzuca / y Zoná złáie.
43. Páchołká ná koniu / á pánnę w tancu obieráć masz.
44. Koniá od nie niáłego ieźdzcá / Wdowy po nieśmiáłym mężu / } Skodá dostáwáć.
45. Koń ma bydź na nogi pewny / w dośiadániu ćierpliwy / w postąpieniu czerstwy / w potkániu czuły / w nátárćiu śmiáły / w zawodźie rączy / w zátrzymániu powolny.
46. Koń vrodźiwy / rączy / wolny. Xiądz vczony / nabożny / przykładny. Krol mądry / spráwiedliwy / miłośierny. Hetman śmiáły / dźielny / boyny. Godne to są powagi ná świećie rzeczy.
47. Do koniá ktorego pożyczáią / Do Páná ktorym słudzy rządzą / Do Wioski we złym sąśiedztwie / } Nie mász się do czego ćisnąć.
48. Kon dobry / Bron pewna / Zoná gładka / } Roskosz docześna.
49. Kon wymorzony w drogę / Chárt ochramiony w pole / Czczy mieszek do tárgu / } Wszyscy nie wiele spoáwią.
50. Wáłáchy lećie owsem chować / V kupcow czego borgować / Liczbá z roskazánia nie słuchać / } Te z szkodą są rzeczy.
51. Koń bossy ná lod / Both diorawy ná błoto / Tępa siekierá ná drwá / } Nie bespieczni są.

1) Мелкимъ латинскимъ шрифтомъ. *К.*

Digitized by Google

43=52. Частѡ болѣ́знꙋютъ:

Конь̀ нога́ми. Кꙋ^з^не́цъ рꙋка́ми. жена̀ о̀чи́ма.

44=53. Слꙋгѣ̀ охотнѡ слꙋжити:

'У господина до́брогѡ. шꙋтливагѡ. и пода̄ливагѡ.

Л. 316 об. 45=54. Слꙋга̀ бѣ́гаетъ:

Ѿ господина немилостивагѡ: Серди́тагѡ:
и скꙋднагѡ: Вещи страшныя:
46=55. Бг҃ъ. Со́вѣсть. И Сме́рть:

47=56. Бе^з^вре́дны:

Бг҃ъ: Разꙋ^м^ соверше́нъ. Ѝ добро́та.

48=57. Дѣлѡ похва́лнѡе

Побѣ́да над непрїя́телѣ. Над' собою. На̑
дїа́волѡ. Бл҃гословенїе Бж҃їе:
49=58. 'Имѣнїе о̀те́ческое: жена добронра́вна.
дѣ́ти достохва́лны.

50=59. Члв҃къ правди̑'.

Пра́веднѡ жи̑ с людми̇. Nикомꙋ не досади̑:
Всякомꙋ своѐ ѿда́ть.

51=60. Бж҃їи и члв҃ческїи вра̀гъ:

Ста́ръ блꙋдни́къ: Бога̑' сребролюби́въ.
бѣ́дный го́рдъ. 52=61. Nичегѡ не ꙋспѣваютъ.
'Ꙋчени́къ бе^з^ кн*иги*: Вои^н^ бе^з^ рꙋжья̀: Масте́ръ
бе^з^ спа́сти.. 53=62. Nаказанїю до́лжны:
Черне́цъ ꙋченикъ во́и^н^: житѐль рѣ́ки посполи-
той. Слꙋга̀ Nепослꙋ́шной. +

Digitized by Google

52. Kon ná nogi /
Kowal ná ręce /
Białogłowá na oczy /
} Choruią naczęśćiey.

53. Pan dobry /
Zártowliwy /
Chlebá nie żáłuiący /
} Bez datku sługę záćiągnie.

54. Pan nie dátny /
Gniewliwy /
Márny /
} Nie długo sługi záchowa.

55. Bog /
Zránione sumnienie /
Smierć /
} Rzecz strászna / okrutna.

56. Bog /
Rozum doskonáły /
Cnotá /
} Swánkowi nie podpadáią.

57. Zwyćięstwo nád nieprzyiaćielem /
Z sobą /
Z szátánem /
} Rzecz chwalebna.

58. Skarb oyczysty /
Zoná cnotliwa /
Potomek godny /
} Błogosłáwieństwo Pánskie.

59. Praw miedzy ludźmi żyć /
Żadnego nie vráźić /
(Temp. B) Każdemu co czyiego iest oddáć /
} Czyn człowieká sprawiedliwego.

60. Stáry zalotny /
Bogáty łákomy /
Vbogi pyszny /
} Boży y ludzki nieprzyiaćiel.

61. Zak bez Kśięgi /
Zołnierz bez rynsztunku /
Rzemięślnik bez naczyniá /
} Nic nie wskoráią.

62. Nieposłuszny
Xiądz /
Student /
Zołnierz /
Obywátel R. P. /
Sługá /
} Rzadko wstydu y káry vchodzą.

Digitized by Google

54=63—64. Бе҄ѡпасны.

Ста́рецъ в̀ келье. Во́и҄ в рꙋжьѐ: житє̑ в ꙋложе҄е.
ПоПъ в цр҃кви. Сꙋдья̀ в приговорѣ̀.

55=65. Многѡ могꙋтъ:

Си́ла: Нар҃я́. Про́мыслъ:

Л. 317. 56=66. Беречи́ся:

Домашня́гѡ во́ра. Слꙋги гнѣвли́вагѡ. дрꙋга
Примире́нагѡ: 57=67. Nадобнѡ ранѡ вста҃:
Для̀ проѣ҄дки: для̀ полева́нїя: для̀ досмо҃ре́нїя.

58=68. Nе могꙋ҃ ползовати:

Домостроéнїе бе҄ призрѣнїя: И́скъ бе҄ прилѣжа́нїя;
грабе҄ бе҄ вы́мыслꙋ. 59=69. Объꙗвля́ю:
Ꙋзда̀ коня̀: Ꙗзыкъ чл҃вка: Ꙋкꙋсъ ѣ҆ствꙋ:

60=70. Малѡ дослꙋживаютъ:

'Узда̀ изорвана̀: лодка дыра́ва: О҃жогъ деревя҄нной.

61=71. Непо҃линны і ненадє҃ны дѣла̀:

Бо́дрость принꙋжде́нна в домꙋ. Дрꙋжба ѿ стра҄
чл҃вка: Смире́нїе ꙋ во́лка въ ꙗ҆мѣ:

62=72. Страшнѡ рꙋжъѐ мѣстѡ҃:

Пища́ль в лѣсꙋ: копїе в по́лѣ: ки҄жа҃ в тѣснотѣ̀:

63=73. Досадные шꙋтки:

С королє҃: С пища́лью: Со львѡ҃:

Digitized by Google

63. Zakonnik w celi /
Zołnierz we zbroi /
Człek przy práwie / } Bespieczni są.

64. Xiądz w kośćiele /
Sędźia w rádźie /
Doktor w lekách / } Máią bydź wielkiego poszánowánia.

65. Potęgá /
Szátá /
Przemysł / } Siłá mogą.

66. Złodźiey domowy /
Pochlebnik záuszny /
Przyiaćiel / } Rzecz nie ustrzeżoná.

67. Przeiaźdźká /
Myślistwo /
Gospodárstwo / } potrzebnie ránego wstánia.

68. Gospodárstwo bez száfárzá dobrego /
Prawo bez pilności /
Grábież bez fortelu / } nie mogą pożyteczne bydź.

69. Vzda koniá /
Ięzyk człowieká /
Smák potráwą / } pokázáć ma.

70. Vzdá słába /
Czołn dźiuráwy /
Rożen drzewiány / } rzadko dosłużą dobrze.

71. Czułość z przymuszenia o domu /
Przyiaźń z boiázni v człowieká /
Pokorá w dole v wilká / } wszytko to niepewne rzeczy.

72. Bron mieyscem / Ruśnica w leśie / Kopia w polu /
Miecz ná vlicy / Puinał w cieśni.
Strászne są rzeczy.

73. Z Krolem /
Z ruśnicą / } Szkodliwy żárt.
Ze Lwem /

Digitized by Google

64=74. Вредителныя вещи:

Рра́на бе^{з}с пласт́ыря: дере́вня бе^{з} дозо́рꙋ: Сло́вѡ ѡ̀ господи́не^{ѣ} бе^{з} боя^{з}ни. ~

65=75. Готовы̑ надобнѡ бы́ть:

Рꙋки́ ꙋ е^{з}дока̀. ꙋ во́ина ско́рѡсть ~

66=76. При́быль приноси̑ся:

Трꙋдами многими. Ѹмѣнїе̑ мно́ги̑. и̇зобилїе̑ нескꙋ̑ны̑.

67=76. Ѹбы̑ки быва̀ютъ:

Лѣ́ностїю: ско́рбїю: скꙋдостїю ~

Л. 317 об. 68=77. Си̑ познаваются:

Прїя́тель бога̑ствѡ̑. Сосѣ́дъ жела́тел'ствѡ̑ Бо́дрый радѣнїе̑. 69=78. Всегда̀ сла́внѡ Млады́й ѿ и^{з}ря́дны^{х} сло̑: Ста́рый ѿ многи^{х} дене́гъ. Среднїи добродѣ́тел'ствѡ̑.

70=79. Таковъ быва̀й:

Женѣ̀ болши̑: Слꙋгѣ̀ господи́нѡ̑: Крѣ̑ꙗнѡ̑ владѣ́теле̑: 71=80. Всякъ хва́лится:

В домꙋ̀ коне̑. ПРи дворѣ̀ наря́дѡ̑: в домострои́тельствѣ де́нгами. 72=81. Послѣднїе ве́щи:

Смерть и̇спыта́ти: вся́комꙋ вѣ́рити: Наде̑дꙋ потеря́ти: 73=82. По приро́дѣ належи́тъ:

'Італїа̑нинꙋ докто́рствѡ. Немчи́нꙋ кꙋпе́чествꙋ^{ѡ}: Полякꙋ̀ воинствѡ^{ꙋ}.

74=83. Nе припꙋска́й:

Бꙋма́ги к' водѣ̀. Пера̀ к огню̀: Чернца̀ к женѣ̀.

75=84. Можетъ черне́цъ выпроситъ:

'Ѹ мꙋ̀дрой жены̀ честь: Ѹ ласковой дене́гъ. Ѹ глꙋпой что̀ хо̀ще̑. 76=85. Всякъ теряе́тъ:

Ловецъ дожидае̑ся пого́ды: Мꙋжи$^{к'}$ вѣ́ря рабо́тникѡ̑: Пастꙋхъ надѣ́яся на пс̑ѡ$^{в'}$.

Digitized by Google

74. Do rány nie przykładáć /
Swego nie doyżrzeć /
O Pánie mowić / } Rády te zászkodzą rzeczy.

75. Ręká v ieźdźcá wypráwna /
V Pánny cudna /
V żołnierzá prędka / } Záwżdy ma bydź

76. Praca vmieiętność /
Dostatek z godnośćią /
Lenistwo: chorobę z nędzą / } Przynoszą ludźiom.

77. Powinni z dostátku /
Sąśiad z boiáźni /
Czułego mężá / } Rádźi miłuią.

78. Sławá młodego z czerstwośći /
Stárego z pieniędzy /
Srzedniego z dźielności / } Záwżdy chwałę ma.

79. Zenić iáko stárszy /
Słudze iáko Pan /
Poddánym iáko mistrz / } Záwżdy masz pokázáć się chcesz li ich mieć powoli.

80. Páchołek káżdy Domá koniem /
V dworu szatą /
W gospodźie groszem / } Napewniey pokáże się.

81. Smierći kosztowáć /
Káżdemu wierzyć /
Nádźieię stráćić / } Są to ostátnie rzeczy.

82. Co Włoch to Doktor /
Co Niemiec to kupiec /
Co Polak to żołnierz / } Káżdy z tych może wodźić zá sobą kupę.

83. Pápieru do wody /
Piorá do ogniá /
Zaká do żony / } Nie przytykay.

84. Gdyż ten v mądrey pieniądzę /
V głupiey co może / } uprośi rad.

85. Myśliwiec w domu pogody czekáiący /
Kmieć przez dozoru robiący /
Sobie á niż Pánu dogadza záwżdy / } pewnie z tychże káżdy vtráci.

Digitized by Google

77=86. Мѣ́рность имѣ́ти:

Ѿ трꙋдѡ̑ многи^х: ѿ гнѣ́ва ꙗ̆рости. ѿ питїя по̑нися: 78=87. Достойны хвалы̀:
'Ѣздéцъ в хрáбрости: вдóвой в чистотѣ̀: Дѡ̀мостройтель трꙋдáми +

Л. 318. 79=88. Достóйны хꙋлы̀:

Сꙋдїя̀ дары̀ ѐмлющїи: Прикащи^к с мꙋжикáми в бра̑ствѣ: живꙋщи: 80=89. Дꙋраки сꙋть̀:
Ктѡ̀ многѡ брани̑ся а не биѐся: Мнóгѡ ѡ̀бѣщáѐ а̀ ничегѡ̀ не дáѐ. . Многѡ говори̑, а ничегѡ̀ не вѣ́даетъ.

81=90. Томꙋ же подобнѡ: Брани̑ся з бóлши̑:

Пия̑нъ чини̑ся богáты̑. Под̑анны^х Ѿгоня́етъ:

82=91. Неподлинная радóсть:

Пїꙗ̆ногѡ ѡ̀бѣщанїе: ꙋбоговѡ гор̀дость: скꙋ̑пагѡ ꙋчти́вость. 83=92. Воздержáнїе:
Мꙋ̆жꙋ (на поляхъ: жѐ) домостройтелнѣ̀й. Смирéнной мꙋжъ:
мꙋжикъ послꙋ́шной. 84=93. Работникъ сил́ный:
Здрáвїе с трꙋдолюбїѐ: Тре^звость с чистотóю:
Охóтники веселые и̇ смѣ̀лые.

85=94. 'Избирай себѣ̀:

Моло̑дца̀ на кòнѣ̀: С'тáра в дѣ́ле: Мꙋжика̀.
в домостройтел́ствѣ:

86=95—96. Мꙋ̑дрый дꙋракѡ̑ бывáетъ:

Ѿ питїя крѣ́пкогѡ вина̀ ѿ ꙗ̆внагѡ сидѣнїя̀ с женамѝ:
ѿ сѣя́нїя в немогóднои дождь. ѿ брани в пиꙗ^нствѣ.

87=97. Скорбное житїѐ:

Мꙋжъ бе^з жены̀: Пти́ца в клѣ́ткѣ: ры́бѣ

Digitized by Google

86. Praca /
Gniew /
Pićie / } Nazdrowsze w miárę.

87. Po koniu w dźielności ieźdźiec /
Po żonie w porządku gospodarz / } Bywa chwalony.

88. Sędźia co dary bierze /
Vrzędnik co się z chłopy bráta / } Nie pewni są.

89. Kto się wádźi á nie biie /
Obiecuie á nie dáie /
Powiáda á nie wie / } Taki nie pewny chłop.

90. Piiána hoyność /
Z nierownym zwádá /
Poddánych rozegnánie / } Sámi na się wyiáwią często.

91. Piiánego obietnicá /
Vbogiego wczás /
Skępego hoyność. } Nie záwżdy vćieszą rády.

92. Do białeygłowy grzeczney nie trzebá gospodarzá
Furyatá /
Melánkoliká /
Chłopá márnego /

93. Ale ma bydż w potędze y śile.
Zdrowy / Chętny /
Prácowity / Wesoły /
Trzeźwy / Smiáły.
Ochędożny /

94. Páchołká ná koniu /
Pánnę w tańcu / } Obieráć masz.

95. Wino mocne
Białogłowá grzeczna / } Z namędrszego vczyni błazná.

96. Záloty głosem /
Sianie w deszcz /
Piiána zwáda / } Z pożytkiem rzadko.

97. Ptak w klarce /
Rybá w sadzawce /
Człowiek bez żony / } Ci wszyscy máią świát mierźiony.

Digitized by Google

в сад'кѣ. 88=98. ѡ бѣреженїи:
Слꙋга́бъ с сосѣдѡ̃ немногѡ зна́л'ся: В домꙋ держѝ слꙋгꙋ вѣрна̀: а не во́ра̀. Хлѣбъ о̀смотрясь перѐ новы̑ продава́й.

Л. 318 об. 89=99. До́лже^м вся^м бы́ти:

В цр҃кви бг҃обоя^з ливъ: в совѣ́те мꙋдръ: Наконѣ̀ ꙗкѡ во̀и^н. в бесѣ́де ка́къ тре^з вая дѣва:

90=100. Похвалнѡ ѐсть:

Чл҃вкъ ра́нѡ моля́ще^м ся. а к томꙋ при столѣ̀ разꙋ^м нѡ сѣдя́щи. 91=101. Во^з бꙋжденїе к ра́дости:
Чл҃вкꙋ до́брой совѣ̑. В садꙋ славнорѣчїе. К прошенїю нево^з бране́нїе. ~

92=102. В подо^з рѣнїѐ есть прїꙗтельствѡ:

Ле́сть при столѣ̀: Перево^з междꙋ л'дѡ́мъ.

93=103. Належа́щее к' др҃внѣ:

Де́нги берегѝ. граньми ѡ^б межꙋ́й: вре́мя к' паханїю блюди̇ +

94=105. По ꙋложенью подати платѝ:

Нес҃лавна сꙋ҃ть: Доро́жной без' искꙋства: войскѡ з безꙋ^м ны̑ гѐманѡ̃: гдр҃твѡ бе^з ꙋложенїя. 95=106. Nе вѣ́рить:
Робятѡ̃ в садꙋ: женѣ в тайны^х дѣлехъ зерщикꙋ в де́нга^х.

96=107. ꙋбы́токъ в дере́внѣ:

Дво́рница пїя́ная. Ключникъ прелюбодѣй:
Староста л'га́чь. 97=108. Беречи́ся в домꙋ:
Ѿ хꙋдой печѝ дымꙋ и огню̀: Ѿ хꙋдой кр҃бли воды̀ и капе́ли. Ѿ ѕлой жены̀ бѣды̀.

Digitized by Google

98. Sługę z dáleká dla sąsiádá /
Psa w domu dla złodźieiá /
Zyto ná targ do Wisły / } Dobrze chować.

99. Mąż w Kościele iáko nabożny Xiądz/
W Rádźie iáko mądry Senator /
Na koniu iáko porządny żołnierz/
V stołu iáko ochotny gospodarz/
Ná pokoiu iáko trzeźwa Pánná / } Powinien bydź.

100. Białogłowá ktora poránu nabożná /
V stołu mądra /
Na pokoiu pięknie pieśćidło / } szkodá nią gárdzić.

101. Młoda rádá /
Márcowa pogodá /
Pánieńska łáská / } Iednáko státeczne bywáią.

102. Mieyskiey przyiáźni /
Wierney miłośći /
We krę przewozu / } záwżdy musi przypłaćić.

103. Ná wśi { Grosz spory /
Wolność więtsza /
Wczás pewnieyszy.

104. Tylko záś { Práwu /
Gośćinie /
Miástu / } Vczynić pokoy.

105. Vrodá bez cnoty /
Woysko bez Hetmáná /
Krolestwo bez rządu / } nie mogą w sławę iść.

106. Chłopętom do sádu /
Białeygłowie do táiemnic /
Kosterże do pieniędzy / } Nie powierzay kluczá.

107. Gdźie dworká piiánicá /
Klucznik gámrat /
Włodarz łgarz } pewna w folwárku szkodá.

108. Dym /
Dách dźiuráwy /
Zła żoná / } nárychley wypędza z domu/

Digitized by Google

98=109. Приводи̑ печаль:

В нꙋждѣ пра҄дность: во грѣха҄ непокаянїе:
Л. 319. Изли́шествѡ всяка́гѡ дѣла́.

99=110. Пꙋ́ть продолжаетъ:

Во҄ неиспра́внѡй. Возни́ца пїѧ́ной.
вые҄дъ с ве́чера. 100=111. в подо҄рѣнїи дѣла:
Гишпан'ская простота̀: Ітталі́йское ꙋчти̑ствѡ.
Пол́ьской чинъ: 101=111. Прꙋскїе шꙋтки:
Да̑цкое гдр̑ствованїе. Аглин́ская во́лность:
Францꙋской сты́дъ. Немѣ҄цкое поко́рствѡ:
Шко̑цкое ѿдыханїе. 102=111. Москов́ское сло́вѡ:
Тꙋрское сꙋпрꙋжествѡ. жидо́вское ѡбѣща́нїе:
Арїя́нская вѣра. Цыга́нская и воло́ская пра́вда:

103=112. Достои́нѡ похвалы̀:

Дѣ́вы добрыя бе҄с приправы (потомъ выправлено надъ строкою и приписано еще на поляхъ: бе҄-бели̑). Винѡ̀ бе҄ сахарꙋ.
добронравїе бе҄ слꙋчая.

104=113. Никогда неꙋдоволи̑:

Го́стя. бе҄стыдногѡ: Мꙋжика лако́магѡ:
Мещка дира́вагѡ.

105=114. Ꙋдержа́тися:

Ѿ чꙋжда̀гѡ имѣнїя: ѿ игранїя ка́ртъ:
ѿ непостоя́нныхъ сло̀въ.

106=115. Немочнѡ ꙋберечи́ся:

Пивничегѡ во́ра: жены̀ блꙋдни́цы:
лгача̀ в обма́не.

107=116. Ꙋдержа́нїе ден́га̑:

Домострои́тель прилѣ́жнѡй. дворе́цкой вѣ́рнѡй. Господинъ возде́ржнѡй.

Digitized by Google

109. Prożnowánie w nędze /
Swawola w grzech /
Zbytek w szaleństwo / } ludźie wpráwuią.

110. Woz nierządny /
Woźnicá opiły /
Iázdá z wieczorá / } rádźi przyczyniáią drogi.

111. Hiszpáńska prostotá /
Włoska hoyność /
Polski rząd /
Pruskie dworstwo /
Duńskie Pánstwo /
Angielska wolność /
Fráncuski wstyd /
Niemiecka pokorá /
Szocki wczás /
Moskiewskie słowo /
Tureckie małżeństwo /
Wołoska wierność / } To są wszytko podeyźrzáne rzeczy.

112. Pánná poczciwa bez fárby /
Wino bez przyprawy /
Cnotá bez przysády / } Vydą záwżdy.

113. Chłopá łákomego /
Woru diuráwego /[1])
Gośćiá bezwstydnego / } Nigdy nie násyćicz.

114. Ná cudze dobra ręki /
Ná kártę oká /
Ná sławę ięzyká / } Nie rzucay.

115. Száfarzá w złodźieystwie /
Białeygłowy w cnoćie /
Szálbierzá w oszukániu / } Nigdy nie postrzeżesz.

116. Gospodarzowi pilnemu /
Száfárzowi wiernemu /
Pánu nierozrzutnemu / } Spory grosz.

1) Чит. dziuráwego. *K.*

Digitized by Google

Л. 319 об. 108=117. Ра́дость домова́я:

Ти́хое сидѣнїе. ѹтѣха̀ ѡ̀ дѣтехъ (надъ строкою: любо̑нѡй, а на полѣ: лю^б и надъ нимъ: же) до^бры^х. С сосѣды согласїе:

109=118. Шляхтича̑ бы́ти:

Борони́ти приро́днѡй сво́ей славы̀. Мѹжественнѡ́е дѣ́лѡ надобнѡ статѝ. В храбрости неѹстраша́тися.

110=120. Nенадобнѡ твори́ти:

Во́ина по̑ знамя бе^з орѹжїя. Кртья́нина бѣглеца̀ и нерадива: Слѹгѹ лсти́ва.

111=121. Nе позна́емѡ:

Пѹ́ть на во̀дѣ послѣ ло̄ки. Птичье лѣта̀нїе на во^здѹхѣ. Ѕмі́а ползѹща по ка́мени. дѣва^ѹ чистотѹ потерявшѹю. ~

112=123. Соверше^нствѡ к тѣ^м Nалѣжи̑:

К гд̑нѹ. к чинѹ, И к морша́лкѹ. +

113=124. Ѕло́ба:

Nа человѣ́ка бе^з вины̀ нахо́ди̑: ѡ̀ чюже̑ ѹбы̑кѣ ра́доватися. Печаль бе^з дѣла̀ приво̀ди̑.

114=125. До ѹчти́вости належи̑:

Млады̑ сты́дъ. Сре́днемѹ пра́вда: Старомѹ вѣ́рность.

115=126. Дѣлѡ Nепристо́йное:

Гд̑а бг̑а забыва́ти: старши^х ѹкоря́ти: добродѣтелеи несохраня̀ти ѹчтивости.

116=127. При́быль несоверше́нна:

Л. 320. Си́лной бе^з рабо́ты: Скѹдной лѣни́вѡй: бога́той нерадѝ.

Digitized by Google

117. Spokoyne siedzenie w domu /
Według myśli vćiechá /
Z Sąśiády zgodá / } Coż lepszego.

118. Bronić sławy oyczystey /
Mężnie gdźie potrzebá stánąć /
Animuszu niestrwogánego być / } To szláchecka.

119. Z lekkimi się w rzecz nie wdáwáć /
W nierownym polu wytrwáć /
W rownym odpor dáć / } Rozsądnego.

120. Zołnierz pod chorągiew się wpraszáiący /
Biegun ode wśi do wśi Biegáiący /
Sługá pochlebuiący / } Nie ma się gdźie podźieć.

121. Czołn na wodzie płynący /
Ptak po powietrzu lataiący /
Pánná czystość tyráiąca / } Iednáki znák po sobie zostawuią.

122. Muchy /
Pśi /
Ciekáwcowie / } Pierwszym do rzeczy przystępuią.

123. Pan /
Vrząd /
Márszałek. } Ma bydź iako krzyształ.

124. Ná ludzi oczy szpetnie obrácáć /
Z vpádku się ćieszyć /
Do żalu przywodźić / } Szátáńska.

125. W wieku młodym vtrácony wstyd /
W śrzednim nieprawdá /
W stárym zdrádá / } Do cnoty nic szkodliwsze[01]).

126. Bogá zapomnieć /
Stárszych znieważyć /
Cnoty odbieżeć / } Spráwá człeká zginione[02]).

127. Duży nie robotny /
Vbogi leniwy /
Maiętny niedbáły / } Ieden zysk máią.

1) Чит. sz—wszego. *K.*
2) Чит. z—nego. *K.*

Digitized by Google

117=128. ѡ̀пасн ѡ таковы̑ доса^ж^дать:

Цырю́ликꙋ пред' бри́тїе̑ брады̀.
Во^з^ницꙋ^е^ в пꙋтѝ:
Поварꙋ пере̑ обѣ́дѡ̑.

118=129. Nечиннѡ идꙋтъ.

Пра́вои без де́негъ: Ѳиндриганцїя з го́лодѡ̑ блꙋдни́ца. Лека́рствѡ бе^з^ дово́льствѡ.

Половина страницы л. 320 оставлена бѣлою, также оборотная страница и еще цѣлый листъ.

На л.л. 321—382 помѣщенъ обширный сборникъ (до 3000 №№) русскихъ пословицъ и поговорокъ, съ встрѣчающимися также изрѣдка среди нихъ загадками, примѣтами, снотолкованіями и проч. Съ содержаніемъ его впервые познакомилъ русскихъ читателей покойный проф. Имп. Московскаго унив. и чл.-корр. Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ, И. М. Снегиревъ въ трудѣ своемъ: «*Русскія народныя пословицы и притчи*» (М. 1848 г.). Кромѣ упоминанія объ этомъ сборникѣ въ предисловіи къ своей книгѣ на III стран., онъ далъ на стран. XXXII слѣдующее краткое его описаніе:

«Пословицы Русскія письмен. въ Главномъ Москов. Архивѣ Минист. иностр. дѣлъ. Одинъ изъ древнихъ опытовъ такого собранія встрѣчается намъ въ скорописномъ сборникѣ конца XVII вѣка, гдѣ помѣщены разныя сочиненія Симеона Полоцкаго въ 4, на 472 листахъ, доставленный намъ княземъ М. А. Оболенскимъ изъ библіотеки означеннаго Архива. Въ этой рукописи на 62 страницахъ помѣщены *Повѣсти: или пословицы*»... и т. д. [1]).

Далѣе тамъ же на страницахъ XXXIII—XXXVI напечатано (—довольно неисправно) «*предисловіе до читателя*», заимствованное съ л.л. 321—323 нашего рукописнаго сборника.

---

1) Снегиревъ означаетъ этотъ сборникъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и варіантахъ къ тексту своего собранія пословицъ шифромъ: памид.

Digitized by Google

128. Bić Cyruliká przed goleniem /
Woznicę w drodze /
Kuchárzá przed obiádem / } Nie bespieczna.

129. Práwo bez pieniędy [1]) /
Zaloty o głodźie /
Leki bez dostátku / } Iákoś nie surowie idą.

Покойный Ѳ. И. Буслаевъ дважды воспользовался настоящимъ сборникомъ.

1) Въ книгѣ своей: «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г., отд. отт. изъ «Архива ист.-юрид. свѣдѣній относящ. до Россіи» Н. В. Калачова, книги II-ой половины 2-ой, отдѣл. II) на страницахъ 62—66 онъ, послѣ краткаго изложенія содержанія всего сборника и ознакомленія читателя съ предисловіемъ стариннаго собирателя пословицъ, отмѣтилъ (стр. 64): «Касательно времени, къ которому относятся, по крайней мѣрѣ по преданію, собранныя имъ [т. е. неизвѣстнымъ по имени собирателемъ] пословицы, говоритъ онъ: « «ова писана издревле, мню, яко *мнѣ за сто или больше*» ». Слѣдовательно въ этомъ сборникѣ XVII вѣка, уже по письменному преданію, дошли до насъ народныя пословицы еще XVI вѣка, какъ драгоцѣнный памятникъ для исторіи Русскаго языка того времени. Хотя этой рукописью пользовался и И. М. Снегиревъ, но далеко не исчерпалъ всего собранія. Притомъ онъ ссылается на нее только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при означеніи варіанта, такъ что изъ его указаній нельзя составить яснаго понятія о характерѣ пословицъ XVI вѣка, чего впрочемъ почтенный издатель и не имѣлъ въ виду. Я перепечаталъ и многія такія пословицы, которыя хотя и вошли въ изданіе Снегиревское, но съ значительными измѣненіями, иногда даже затемняющими смыслъ».—Далѣе Буслаевымъ представленъ длинный списокъ лучшихъ чтеній текста пословицъ по Архивному списку въ сравненіи съ текстомъ ихъ въ изданіи Снегирева (1848 г.). Эти свои замѣчанія Буслаевъ заключаетъ такъ: «Конечно иныя изъ этихъ мѣстъ, ошибочно изданныхъ И. М. Снегиревымъ,

1) Чит. pieniędzy. *K.*

Digitized by Google

можно почесть не болѣе какъ описками, впрочемъ такими, которыя подаютъ поводъ къ ошибочному толкованію; другія же исправленія по Архивному сборнику надобно почесть важными варіантами пословицъ, напечатанныхъ у г. Снегирева, и притомъ такими варіантами, которые иногда не только измѣняютъ, но даже и даютъ настоящій смыслъ напечатанному. Чтобы читатель постоянно могъ замѣчать пословицы Архив. сборника, для составленія понятія о народномъ языкѣ XVI и XVII в., мы отмѣтили заимствованныя оттуда буквою *А* (т. е. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ)» (см. стр. 66). Самый текстъ пословицъ, почерпнутыхъ Буслаевымъ изъ Архивнаго сборника расположенъ въ его изданіи въ алфавитномъ порядкѣ въ одномъ общемъ сводѣ вмѣстѣ съ пословицами и еще изъ нѣсколькихъ другихъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ и источниковъ (см. на стр. 75—159 и на стр. 160—162: «не вошедшія въ алфавитъ» т. е. пословицы).—Въ I томѣ Историческихъ очерковъ русск. народн. словесности и искусства (Спб. 1861 г.) Ѳ. И. Буслаевъ въ гл. II «Русскій бытъ и пословицы», составляющей перепечатку съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями вводной замѣтки его къ сборнику пословицъ напечатанному въ Архивѣ Калачова,—на стран. 113 и друг. также касается содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пословицъ Архивнаго сборника.—*2)* Въ изданной Буслаевымъ «Исторической Христоматіи ц.-слав. и др.-русск. языковъ» (М. 1861) напечатаны по Архивной же рукописи болѣе или менѣе пространныя выборки «Изъ предисловія до читателя» (на стбц. 1416—1418) и по нѣскольку пословицъ на каждую букву (А—Ѱ) въ видѣ образца (см. на стлб. 1418—1422) съ объясненіями, замѣчаніями (см. стбц. 1429—1438) и съ вводными его замѣтками относительно исторіи русской пословицы или притчи и о сборникахъ ихъ и проч. (стбц. 1429—1430).

А. Д. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности, древней и новой, т. I (Спб. 1863) упоминаетъ на стр. 27 (такъ же и во 2 изд. Спб. 1880 г., на стр. 153) объ описываемомъ нами Архивномъ сборникѣ пословицъ въ отдѣлѣ «Письменныхъ», а на стр. 248 тамъ же читаемъ: «Послѣ строгихъ запретовъ и осужденій, національныя произведенія ума и фантазіи получили должную имъ дань: въ XVII в., неизвѣстно кѣмъ, собраны русскія пословицы. Собиратель пользовался тетрадью пословицъ, записанныхъ еще въ XVI в.» Такія же упоминанія, но все только со словъ Буслаева, находятся и въ различныхъ другихъ трудахъ по исторіи русской словесности, и даже не только въ такихъ не вполнѣ самостоятельныхъ трудахъ

Digitized by Google

по этому предмету, какъ напр. И. Я. Порфирьева (въ I части его «Исторіи русской словесности», по 4 изд., стр. 165, вын.), но даже и въ такой строго ученой работѣ, какъ статья Н. С. Тихонравова «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» (М. 1891, отд. отт. изъ Этнографич. Обозрѣнія, кн. VIII), на стр. 3 и выноскѣ 2 къ этой страницѣ; тоже повторено и въ «Русскихъ Былинахъ стар. и новой записи» (М. 1894), стр. 71 и въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1 (М. 1898), стр. 217 и с. 34, пр. 10.

На лл. 321—323. Въ фигурной, отпечатанной черною краскою, рамкѣ изъ орнаментовъ помѣщено—«Предсло́вїе до чита́теля».

На л. 323. Съ половины страницы идетъ самый сборникъ пословицъ подъ заглавіемъ, написаннымъ киноварью въ двухъ строкахъ: — Повѣсти: | илѝ посло́вицы всенаро́днѣйшыя по̀ а̀лфави́тѣ.

Пословицы, помѣщенныя въ рукописи Архивнаго сборника, расположены въ алфавитномъ порядкѣ, но такъ же, какъ бывало и въ старинныхъ русскихъ «Азбуковникахъ» и «Алфавитахъ», лишь по первой начальной буквѣ перваго слова каждой пословицы, не принимая въ разсчетъ слѣдующихъ за тѣмъ буквъ. Каждый отдѣлъ пословицъ, начинающихся съ новой буквы, отдѣляется крупною киноварною буквою, поставленною во главѣ отдѣла по срединѣ строки. Начальная буква каждой пословицы тоже писана всегда киноварью. Въ концѣ почти каждаго отдѣла оставлено пустымъ мѣсто до конца этой страницы, сколько бы ни осталось его незаписаннымъ. Отдѣлы эти въ рукописи расположены слѣдующимъ образомъ:

На *л. 323* — помѣщены пословицы на букву **А**. На *л. 326* концомъ пословицъ на эту букву занято всего 7 строкъ; 4/5 страницы остались пустыми. На *л. 326 об.*—пословицы на букву **Б**, на *л. 330 обор.* записано всего 2 строки. На *л. 331* — пословицы на букву **В**, на *л. 334 об.* — всего 3 строки, киноварныхъ же буквъ заготовлено далѣе для 11 строкъ, остальное пространство осталось пустымъ. На *л. 335*—пословицы на букву **Г**, на *л. 336 об.* болѣе половины страницы занято текстомъ, заготовлено киноварныхъ буквъ еще для 9 строкъ и остальная часть страницы осталась пустою. На *л. 337*—пословицы на букву **Д**, на *л. 339 об.* конецъ этой буквы совпадаетъ и съ концомъ страницы, на *л. 340* — записана одна пословица тонкимъ кудреватымъ почеркомъ начала XVIII стол., но начальная заглавная буква ея сдѣлана чернымъ черниломъ: День прошолъ то̀ до на́съ дошо́лъ,—На *л. 340 об.*—пословицы на букву **Е**, конецъ ея на *л. 341*, заготовлена одна киноварная буква и

Digitized by Google

$^1/_8$ часть страницы осталась пустою. На *л. 341 об.* — пословицы на букву **Ж**, на *л. 344 об.* — конецъ ея: записано всего двѣ пословицы. На *л. 345* — пословицы на буквы **S** и **З**, на *л. 347 об.* конецъ. Приписана почеркомъ XVIII ст. еще одна пословица [З]ахотѣ^{л} ȣ собаки кȣлебаки. Сейчасъ же, пропустя 2 строки, идутъ пословицы на буквы **Й̃** — **Ї̃**. На листахъ *345*, особенно къ концу этой страницы, *345 об.*, *347* и *347 об.* до конца буквы **S**, **З** — особенно выдѣляется почеркъ по своей неряшливости или бѣглости, но рука кажется таже, что писала текстъ и ранѣе и потомъ. На *л. 349* только треть страницы занята пословицами на букву **И**, киноварныя же буквы заготовлены для 5 строкъ. На *л. 349 об.* — пословицы на букву **К**, конецъ ихъ на *л. 352 об.*, половина страницы осталась пустою.

Далѣе листы въ рукописи при переплетаніи оказались перебитыми; слѣдуетъ, быть можетъ, перемѣстить листы въ такомъ порядкѣ: 354, 353 и 355; но, кажется, что и въ оригиналѣ, съ котораго списывался настоящій сборникъ пословицъ была уже такая путаница. Въ настоящемъ его видѣ въ сборникѣ мы находимъ на *л. 353* — первую пословицу на букву *Л*: — Лежи̇ набакȣ. да гляди̇ за окȣ'. — Написана она такъ, какъ будто бы это было не начало отдѣла съ пословицами на букву **Л**, а продолженіе, на листѣ же 354 первая пословица написана на такомъ же мѣстѣ страницы, какъ и на предыдущемъ л. 353, но киноварная крупная буква *Л* поставлена среди первой строки и даже разрываетъ слово на двѣ части, такъ: **Л**ехко мнится бре̇ **Л** мя начю ж емъ рамѣ. Вообще видно, что переписывавшій или имѣлъ, почему либо основаніе думать, что начало пословицъ на эту букву должно быть на л. 354, или уже и въ его подлинникѣ, съ котораго онъ списывалъ пословицы въ свой сборникъ, въ отдѣлѣ на букву *Л* были утеряны листы съ началомъ этого отдѣла. На *л. 355* — конецъ (2 строки) пословицъ на букву **Л**. Далѣе пропускъ въ 2 строки, киноварная буква **М** и написанъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 357 об.* конецъ ихъ; почти половина страницы оставлена пустою. На *л. 358* — пословицы на букву **N**, на *л. 361 об.*, конецъ ихъ и на этой же страницѣ черезъ 2 строки киноварная буква **О** и начинается отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 362 об.* конецъ пословицъ на букву *О*, ниже почти половина страницы оставлена пустою. На *л. 363* — пословицы на букву **П**, на *л. 366* конецъ ихъ, а черезъ 1 строку на этой же страницѣ начатъ отдѣлъ пословицъ на букву **Р**. На *л. 367 об.* конецъ этого отдѣла и черезъ строку на этой же страницѣ начатъ отдѣлъ пословицъ на букву **С**. На *л. 370* — конецъ ихъ, внизу заготовлены 2 киноварныя буквы.

Digitized by Google

На *л. 370 об.* — пословицы на букву **Т**. На *л. 371 об.* конецъ ихъ; черезъ одну строку написана одна киноварная буква **Ѵ** и начатъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. Послѣ окончанія отдѣла пословицъ на букву **Т** были заготовлены еще для 4—5 строкъ киноварныя буквы **Т**, но выскоблены. На *л. 373* — конецъ ихъ, $^1/_3$ страницы оставлена пустою, и только въ началѣ первой послѣ текста строки тѣмъ же почеркомъ и чернилами, что были писаны приписка на л. 342 об. и текстъ на листахъ 470—472 об., — записано слово «Ѵспѣшъ». На *л. 373 об.* — пословицы на букву **Ф**. Въ первой строкѣ только одна заглавная киноварная буква **Ф**, а строка пустая, текстъ начатъ со 2-ой строки. Конецъ его на этой же страницѣ; $^1/_3$ страницы оставлена пустою. На *л. 374* — пословицы на букву **Х**. Листы 376 и 377 пострадали отъ сырости или отъ огня, и такъ какъ стали по краямъ крошиться, то подклеены бумагою. На *л. 376* — конецъ пословицъ на букву Х. Сейчасъ же послѣ киноварной буквы **Ѿ** начатъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 376 об.* на самомъ нижнемъ краю борта листа конецъ пословицъ на эту букву. На *л. 377* — пословицы на букву **Ц**; на оборотѣ 3 пословицы на эту букву, и послѣ киноварной буквы **Ч** сейчасъ же идетъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 379* — три пословицы на букву **Ч** и пропустя строки 2 написана киноварная прописная буква **Ш** и начинается отдѣлъ пословицъ на эту букву. На *л. 380*: помѣщена одна пословица на букву **Ш** и черезъ 3 строки послѣ киноварной крупной буквы **Щ** начатъ отдѣлъ на эту букву. На оборотѣ конецъ ихъ и почти полстраницы оставлено пустою. На *л. 381* — пословицы на букву **Ѣ**, на оборотѣ конецъ ихъ. Черезъ 2 строки киноварная крупная буква **Ю** и нѣсколько пословицъ на эту букву; на этой же страницѣ внизу начатъ отдѣлъ на букву **Ѧ** (собственно **Ꙗ**), законченъ же онъ на *л. 382* и на этомъ же послѣднемъ помѣщены послѣ киноварныхъ заглавныхъ буквъ **Ѯ** и **Ѱ** соотвѣтственные имъ отдѣлы пословицъ.

На *л. 321* сохранилась *старая пагинація* буквами церковно-славянскаго алфавита тонкимъ красивымъ почеркомъ (кажется начала XVIII ст.) въ правомъ верхнемъ углу у самаго края страницы: а̄; на л. 322 — остались лишь слѣды — обрѣзаны при переплетѣ — (в̄), на л. 323—г̄, на л. 324—д̄, на л. 325—є̄, на л. 326—ѕ̄, на л. 327—з̄, на л. 328 — ѝ и далѣе на слѣдующихъ затѣмъ листахъ уже никакого продолженія этой пагинаціи нѣтъ и слѣдовъ.

На *л. 321* внизу листа—видна *метка тетрадей* .а̄. (т. е. на 1-мъ листѣ тетради въ 8 листовъ), далѣе на л. 329 — .ѣ̄., и далѣе счетъ

Digitized by Google

тетрадей также не продолжается. Для провѣрки и вообще рѣшенія вопроса о томъ, въ какой сохранности дошелъ до насъ въ отдѣльныхъ тетрадяхъ нашъ сборникъ пословицъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на приписки словъ въ такъ называемыхъ предрѣчіяхъ—помѣщенныхъ въ правомъ углу листа внизу сейчасъ послѣ законченія текста пословицъ на страницѣ. Къ сожалѣнію писавшій очень часто забывалъ дѣлать эти отмѣтки перваго слова первой пословицы слѣдующей оборотной страницы. Предрѣчія находятся на слѣдующихъ листахъ: на *л. 324 об.*—Явиро^{н}, *л. 337*—до́рого, *л. 345*—звѣря, *л. 357*—Мѡсква̀, *л. 361*—Недѣ, *л. 362*—ѻ҆кꙋ, *л. 363 об.*—по҃ла, *л. 364*—плачо҃, *л. 364 об.*—помл҃тѝ, *л. 365*—пьянъ, *л. 365 об.*—пословицъ, *л. 366*—родїлся, *л. 366 об.*—рдѣлся, *л. 367*—рогомъ, *л. 367 об.*—сваты, *л. 368*—смѣ^{л}ство, *л. 368 об.*—споры^{н}я, *л. 369*—старꙋю, *л. 369 об.*—спроша^{л}, *л. 370 об.*—тонко, *л. 371*—Тать, *л. 371 об.*—Ꙋ҆ о҃ноѐ, *л. 372*—Ꙋрвасъ (такъ!), *л. 372 об.*—ꙋкра^{л}бы, *л. 374*—хто, *л. 374 об.*—холмъ, *л. 375*—хотѣлося̀, *л. 375 об.*—хтѡ, *л. 376*—Ѿрыгается̀, *л. 377*—цѣлованїе, *л. 377 об.*—Черезъ, *л. 378*—Чемꙋ, *л. 378 об.*—что, *л. 379*—шотъ, *л. 380*—щекот[и]тъ, *л. 381*—ѣжъ.

Относительно *поправокъ* въ текстѣ пословицъ, отмѣченныхъ знаками и исполненныхъ на поляхъ рукописи, о поправкахъ, современныхъ же написанію рукописи, а равно о *позднѣйшихъ припискахъ и поправкахъ*, а также о приписанныхъ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ текста—*заглавій* (или указаній содержанія однимъ словомъ) и о всемъ прочемъ будетъ сообщено въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ; тамъ же мы сообщимъ по мѣрѣ надобности и свои посильныя объясненія и примѣчанія къ тексту и содержанію той или иной пословицы настоящаго сборника.

Послѣ *л. 382*—оборотная страница этого листа и еще 1 цѣлый листъ оставлены пустыми.

Далѣе значительная часть (л.л. 383—469) нашего сборника занята біографіею Езопа и текстомъ его басенъ. О нихъ см. въ отмѣченной уже выше книгѣ А. Н. Пыпина—«Очеркъ литерат. исторіи старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ» стр. 169—175. На стр. 170—1 А. Н. Пыпинымъ обращено вниманіе и на текстъ Житія Езопа и его басенъ по Архивному сборнику, но только со словъ Ѳ. И. Буслаева. Ниже мы приводимъ по нѣскольку словъ начала каждой басни и печатаемъ сполна всю (1-ую) басню «Ѡре́лъ с лисицею», чтобы

желающіе имѣли возможность сравнить ее съ текстомъ этой же басни по другимъ источникамъ, помѣщеннымъ въ книгѣ г. Пыпина на стран. 171—2 и 173 и не столь рѣдко встрѣчающимся въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ. См. еще въ Ист. хрест. ц.-сл. и р. яз. Ѳ. И. Буслаева (М. 1861), стб. 1409—14 и примѣч. на стб. 1426—8.

Л. 383. Въ фигурной изъ орнаментовъ рамкѣ подъ заставицей, такой же какъ и на л. 321—

Житїе 'Єзопа· | васнослова· | 'І ѿ хожденїй его, І' ѡ 'его| мѹ^ростї. како. стазааса | съ еллинскими. мѹдрецы.|и свою. мѹдрость показѹа | многимъ. царемъ, списано | ѿ Маѯима. Клавдиа. | Въ верху страницъ: 'Ѡ езопе | баснослове.

(Нач.): Вещеи. чл҃вчскихъ естество. преслѣдоваша: и прочїи: и наслѣдовав'шимъ подаша: езоп' же || (*л. 383 об.*) не кромѣ: бж҃іяго: дх҃новения: понеже: бл҃гонрав'наго: ѹчениꙗ: коснѹсꙗ: велїимъ: разстоꙗниемъ: превосходити: ибо: ниже: предѣла ниже: из'вѣстно: твориꙗ: ꙗже: ниже: ѿ исторїи: ꙗже· прежде: его: вѣка: принесе оу-вѣщаꙗи: баснословиями: всячески: наказѹя.... *Л. 418 об. (Конецъ)* ....выслушавъ убо делои вергоша его с скалы и умре немного убо потомъ смертоносиемъ труждающесꙗ бж҃їи извѣтъ: Прияша очищеннои быти езопове смерти и совѣтїю к томѹ обличаемъ ꙗко неправеднѣ е. его убиша сто^лпъ со^здаша но нача^лницы гречестїи и му^дрецы самьстїи. егда: юже на^ езопомъ содѣланна ѹвѣдаша: и противѹ: делѳовъ: поидоша: и сме^рти ихъ: предаша: и грады ихъ: по^гоша: Кѡнецъ: Єзоповѹ житию· і смерти: ї мѹд'рости 'его в'сако и мѹжествѹ ∾.

Л. 419. предисловие· к' читателю: Ты же: любимыи: читателю: чт҃ыи меня: и утѣшаꙗ: и всꙗкия: мѹ^ротї и разѹма: Всегда: исполнꙗꙗ и меня: Баснослагателꙗ: езопа во всякихъ: мѹдростехъ: спрашиваисꙗ: Азъ ти: неѹтаеннѡ: всю. истиннѹ: повѣмъ: и ни в чемъ не скрыюсꙗ: не ложно: есть: езопъ некраснымъ: образомъ: учиненъ | 'И премѹдрымъ: разѹмомъ: ѕѣло: одаренъ: поне же: изящно постиже: звѣрскихъ образомъ: нравы: и приличнѡ учинилъ: имъ: баснос҃лоные справы:

Вирши на премраго баснослогателꙗ езопа,
Баснослагатель: езопъ: неѹкраше|нъ: ѡбразомъ.:
Внимаꙗ же: сего: ѡбрящешися с ра|зѹмомъ;:
Плоть: его: сосѹдецъ аще: и не ѕѣ|ло: честна:
Но дш҃а: в немъ: живѹщаꙗ: умо оукраше^нна.
Л. 419 об. В малои: плоти; многиꙗ: премѹдрости | обрѣтаютсꙗ:
В великое же: чреве. мрости не^мѣщаюся.

Digitized by Google

Прочитаи: читателю: звѣрскихъ ѻбразовъ: нравы: обрящеши: в баснословїи: ꙗвленна: своꙗ: нравы: нравоу̀чителнаꙗ. к вамъ бесѣдꙋетъ: и чителнаꙗ: словеса: всѣмъ: дарꙋетъ: ꙗ̀же ѿ еллинскихъ: преведенна: сꙋть: мною ꙋтѣшаижеся: любимиче: чтыї со мною:

Ѡ̀ре́лъ с лиси́цею.

гл҃ва .а҃. Ѻ̂релъ с лиси́цею содрꙋживъшися. и близъ себе житиї. ѻ̀ба начаша и у̀твержение н'рава и любве и дрꙋжбꙋ сотворъше ѻ̀релъ у̀бо на высоцѐ древѣ гнѣздо себѣ сви̇̀ лисица же в ближнихъ кꙋстехъ чада породи и нѣкогда же лисице на паствꙋ изъ|ше̂ши ѻ̀релже пищи и брашна не имѣꙗ слѣтѣвъ в кꙋсты и лисицыны чада пожре со своими птенцы вкꙋпѣ:· Лисица же прише̂ши и содѣянное видѣвши не токмо ѻ̀ смерти чадъ своихъ скорбяше еликоже ѻ̀ смерти || (*л. 420*) ѻ̀рлꙋ не можаше ѿмстити земнаꙗ бо сꙋщи птищꙋ летающꙋ гонити не во̂можетъ тѣмъ же издалеча ставъ еже у̀бо и немощнымъ есть удо̂бно сопротивника своего врага бе̂чествуꙗ проклинаше не по мнозѣхъ же днехъ последи нѣкїи чл҃вцы козꙋ на жертвꙋ принесоша богомъ своимъ жрꙋще и слѣте орелъ с высоты и часть нѣкꙋю со углиемъ горящимъ на высотꙋ восхитивъ и ко птенцемъ свои̂ в' гнѣздо принесе: вѣтрꙋ же ѕелнꙋ дышꙋщꙋ ꙗко ѿ того у̀глиꙗ и пламени во̂горѣвшꙋся орличища же ся сꙋщи̇̀ бе̂ крылъ и лѣтѣти не могꙋще спе̂шеся и на землю ни̂падоша лисица жѐ сиꙗ вся видѣвши и к нимъ притече и радꙋяся пре̂ лицемъ ѻ̀рлимъ вся вкꙋпе пожре:

То́лкъ.

Притча ꙗвляетъ ꙗко и̇̀ дрꙋжбꙋ разоривше аще ли и обидимыхъ ꙋбѣгнꙋ̃ ѿ мщениꙗ ради ѻ̀бидимыхъ неможениꙗ но Бж҃иꙗ ѿмщения праве̂наго || (*л. 420 об.*) у̀бѣгнꙋти не могꙋтъ:

Л. 420 об. в҃. Солове́й ї ꙗ̀стребъ. Соловеи на древѣ сидꙗ и по своемꙋ обычаю поꙗше.... Толкъ.

[г҃.] Лиси́ца ї ко́зе̂. Лиси́ца: и козелъ жаждꙋщїи и л̂езоша оба пити в кладезь... (*Л. 421*) Толкъ....

Л. 421 об. д҃. Лиси́ца и̇̀ левъ. Лисица: нѣкогда: невидѣвши льва, и понеже по некоемꙋ слꙋчаю срѣтесꙗ с нимъ на пꙋти.... Толкъ....

е҃. Котъ ї а̀лєкто̂. Котъ: нѣкогда: поима: алекто́ра: сѡ̃ бл҃гословенною: сего виною и хоташе || его снѣсти....

Л. 422. То́лкъ... Нѣ́каѧ лиси́ца ѕ'ло́хитраѧ [1]). Слꙋчисꙗ: нѣкое:

---

1) Безъ нумера, сверхъ порядка, что̀ повторяется и далѣе нѣсколько разъ.

Digitized by Google

и лисице: впасти в сѣть и ѿсѣкшисѧ: ѹ неи оши бе | и видѣ: лисица...

Л. 422 об. Толкъ... ѕ. Лисица и кѹстъ. Нѣкогда лисица: на тынъ вшѣши и попознѹвшися: и ѹпасти хотящи и призываше на помощь кѹста...

Л. 423. Толкъ... з. Лисица и корди́лъ. Лисица: и коркодилъ междѹ собою бл҃горо҃дствіи: бѣседоваша: многаа...

Л. 423 об. Толкъ... и. Алекторъ і пелепелица. (*Нач.*) Алектора: нѣкто имѣ. в домѹ: кѹпи и пелепелицѹ и со алекторы пѹсти въ мѣсте пастисѧ... Толкъ... ѳ. Лисица. (Заглавіе это написано киноварью на полѣ). Лисица нѣкогда нѣкоего кощѹнника в домъ вшедши: сирѣчь скомороха (*л. 424*) и в҃ся его сосѹды ѡзрѣвши и ѡбрѣтѣ у него в домѹ главѹ харю хѹдожественнѹю содѣланнѹю: юже: пріимъши. лисица: и рече: ѡсицеваѧ: главо точию мозгъ и разѹмъ не иматъ... Толкъ... [і҃]. Оуголникъ и сапожникъ. (*Нач.*) Оуголникъ: живыи: в нѣкоемъ дому моля же: и сапожника: да приведъ вкѹпе: поживетъ: с нимъ... Толкъ...

Л. 424 об. ѳі. Рыболовы. Рыболовы: нѣкогда влекѹще мрежѹ и тяжкѹ емѹ сѹщѹ радовашасѧ. и плясахѹ... Толкъ...

ѳі. Самомни҃тель. (*Нач.*) Нѣкто: самомнитель мѹжь ѿше҃ на инѹ странѹ: по нѣкихъ же лѣтехъ паки пріиде во свою землю... *Л. 425.* Толкъ...

і҃і. Ни́щіи. — *Нач.* Мѹжь: ни́щій болѣзнѹѧ: и на ѹдрѣ: ѕ҃лѣ лежаше... *Л. 425 об.* Толкъ...

ді. Мѹжъ злоко́ѕ҃не҃ньи. *Нач.* Мѹжъ нѣкто злокозненныи видѣлъ делеы: и пріиде ко апполонѹ искѹсити его хотя і вземъ воробья жива в рѹкѹ и сего ризою покры стоя близь ѡлталя и вопроси бога... *Л. 426.* Толкъ...

ѳі. Рыболовъ. *Нач.* Рыболовы на ловитвѹ изше҃дше и понеже много время трѹждашесѧ и ничесоже ѧша sѣло скорбахѹ... Толкъ...

Л. 426 об. ѳі. Двѣ жабы. *Нач.* Нѣкие двѣ жабы во единомъ езере пасяхѹся... Толкъ...

ѕі. Дровосе́къ. *Нач.* Старыи нѣкто дровосекіи и на рамѹ свою несыи понеже многіи пѹть идыи и ѹтрѹдисѧ. И сложи с себе дрова на землю и призываше пріити смерти дабы его взяла... *Л. 427.* Толкъ...

ѳі. Ба́ба не́каа. *Нач.* Баба нѣкая болѣзнѹющи и призва к себѣ врача и на мздѣ согласивъшися: аще ѹбо исцѣлиши очи мои и азъ дам҃ ти мздѹ... *Л. 427 об.* Толкъ...

ѳі. Мѹжъ и пе́съ. — *Нач.* Мѹжъ нѣкіи пришедъ ѿ зимы в прѣ-

Digitized by Google

градие жити и первѣе убо ов'цы снеде: Посемь же и козы пожре зимѣ же обдержащеи тогда и работъные волы снеде: ѱи же сие видѣвъше... *Л. 428.* Толкъ...

к҃. Мѹжъ и̓ пе́съ. *Нач.* Мѹжъ нѣкто ѿ пса оу̓грызенъ иже онъ хождаше искїи врача: срѣте его инъ нѣкто... Толкъ...

Л. 428 об. к҃а. Два̀ дѣ́тища. *Нач.* Два мла̑енца при поваре сѣдяхѹ и поварѹ во своихъ емѹ дѣлехъ замѣ̑лившѹ мла̑енць единъ о҃ нихъ часть нѣкѹю ѹкраде... Толкъ...

к҃в. ˇНе́дрѹзи. — *Нач.* Нѣкие два недрѹзи междѹ собою: пряхѹсꙗ: но токмо на единомъ карабл҃ѣ плавяхѹ... *Л. 429.* То́лкъ...

[к҃г]. Вдова̀ и кѹ́рица. + *Нач.* Жена вдовица: имѣя у себя кѹрицѹ на всѧкъ день ꙗица еи раждающи и помысли себѣ ꙗко... *Л. 429 об.* Толкъ...

[к҃д]. Ко́тъ с' мы́ши. + *Нач.* ˇИконникъ в нѣкоемъ домѹ живяше. у него же котъ добрѣ изѹченъ на ло̑ и собравшимъся многимъ мышамъ ко̑ же сие разѹмѣвъ чесо ради собирахѹся и всякѹю о҃ нихъ поимаше задавивъ снѣдаше... *Л. 430.* Толкъ...

к҃е. 'Обез'ъѧна. *Нач.* Нѣкогда в собранїи безсловесныхъ ѕвѣреи и посредѣ ихъ вшедъ пляса обеꙗна... *Л. 430 об.* То́лкъ...

к҃ѕ. Вра́чь и̓ болный. + *Нач.* Нѣкїи врачь болнаго врачеваше болномѹ же умершѹ и рече врачь ко ѿносящимъ его на погребение: сеи чл҃вкъ бывыи аще бы ѿ виннаго питиꙗ̀ у̓держался и требовалъ бы калистировъ то не бы толь скоро у̓меръ... Толкъ...

Л. 431. к҃з. Бо́бръ + *Нач.* Бобръ животное есть чѣвероножное: множице во езера живетъ... То́лкъ...

к҃и. Пе́съ с' по́ва̑. *Нач.* Песъ нѣкогда скочивыи в поварню поварѹ замедлившѹ во своихъ дѣлехъ песъ же восхитивъ сердце и побеже... *Л. 431 об.* То́лкъ...

к҃ѳ. Песъ ї волкъ. *Нач.* Пред нѣкоимъ дворищемъ спяше песъ волкѹ же к немѹ пришедшѹ и хотꙗ его снѣсти и моляше песъ во̑ка... То́лкъ...

Л. 432. л҃. 'О п҃се ї олек'торе. *Нач.* Пе́съ со алекторомъ дрѹ(ж)бѹ сотворише вечерѹ же сѹщѹ и алекторъ убо на древѣ спаше во̑лѣтевъ: песъ же при корени древа берлогъ и еговищо сотвори и о̓лекторъ по абычаю нощию во̑гласи лисица же... То́лкъ...

л҃а. 'О селде ї о делѳинахъ рыбахъ. (*Л. 432 об.*). *Нач.* Селди гонимои о҃ делѳина велиею волною несомои и егда изымати: ся хотяше слѹчисꙗ зелнымъ течениемъ и спаде на нѣкїи о̓стровъ... То́лкъ...

л҃в. 'О львѣ̀ и жабе. *Нач.* Левъ нѣ́когда у̓слыша жабѹ ѕѣло вопиющѹ... Толкъ...

Digitized by Google

Л. 433. л҃г. 'О львѣ ї ѡслѣ ї ѡ̀ ли́сице. *Нач.* Левъ о̀селъ. лисица соѡ̀бщение дрꙋ҃бы сотворше изыдоша на ловитвꙋ и многꙋю ловитвꙋ собравше... Толкъ. + ...

л҃д. 'О львѣ̀ ї ѿ ме҃вѣде. + *Нач.* ˇЛевъ и ме҃ведь вкꙋпе еленка малагѡ || о̀брѣтше о̀ немъ боряхꙋся и не могꙋщи побѣдитися... *Л. 433 об.* Толкъ...

л҃е. 'О ворожее сирѣчь о во҃хвѣ. *Нач.* Вора҃битъ на торжѣ сѣдꙗ и бесѣдоваше пришедъ же абие нѣкто к немꙋ и҃вѣщеваше емꙋ ꙗко въ его храминѣ двери сокрꙋшенны вся и окна и вся ꙗже внꙋтрь быша и҃несенна... *Л. 434.* То́лкъ...

л҃ѕ. 'О мꙋравлѣ ї голꙋби́цѣ. *Нач.* 'Мꙋравль возжада сошедъ на исто҃никъ извлеченъ бысть течением [illegible] ї утопаше... То́лкъ...

Л. 434 об. л҃з. О кожа́ние и репью и чаике. *Нач.* Кожанъ репеи: и чаика дрꙋжбꙋ сотворъше помысливше кꙋпецкое житие жити изволиша и убо кожанъ или нетопырь сребра взаимы вземъ положи̇ во ѡ̀бщинꙋ: репеи же ризꙋ с собою вземъ чаика же третия мѣдь и ѿплыша торговати во страны далече... То́лкъ...

Л. 435. л҃и. [illegible] болꙗ́щемъ ї ѿ врачє. *Нач.* Болящїи же нѣкто: от врача вопрошенъ: бысть како пребысть болящїи же рече ꙗко ѕѣло на҃подобающее по тѣхъ... То́лкъ...

л҃ѳ. 'О секꙋщемъ дрова: ї о ермисе. *Нач.* Секїи нѣкто дрова: при рекѣ испа҃е емꙋ секира с топарища в рекꙋ... *Л. 436.* То́лкъ...

м҃. 'О ѿслѣ ї ѿгоро҃нике. *Нач.* Ѿселъ дѣлаꙗ ꙋ огородника понеже убо мало ꙗдꙗше много же трꙋждашеся моли зевеса... *Л. 436 об.* То́лкъ...

м҃а. ˇО ловце и птице дꙋдо҃. *Нач.* Ловецъ птицамъ составляше сѣти дꙋдокъ же сеи издалеча видѣвъ вопрошаше его что убо сие созидаетъ... То́лкъ...

Л. 437. м҃в. 'О пꙋтешественнице. *Нач.* Пꙋтешественникъ многїи прешедъ пꙋть молꙗшесꙗ ермисꙋ богꙋ: аще ꙋбо обряшетъ что половинꙋ сего на жертвꙋ обеща... То́лкъ...

м҃г. О дѣ́тищѐ ї матери̇. *Нач.* Дѣтище во ꙋчилище ꙋ соꙋченика своего: книжицꙋ у̀краде принесъ | (*л. 437 об.*) к своеи м҃три...— То́лкъ...

Л. 438. м҃д. 'О пастыре и море. *Нач.* Пастырь по брегꙋ морꙗ стада пасꙗше ꙋзрѣвъ тишинꙋ морскꙋю: и полежавъ похотѣлъ плыти на кꙋплю и продаде о̀вцы ѳиниковъ кꙋпи̇ и поиде...—То́лкъ...

м҃е. 'О грꙋше ї ꙗблонѣ. *Нач.* Грꙋша и ꙗблань о̀ красотѣ пряхꙋсꙗ̀ многимъ же бранемъ по средѣ ихъ бывшимъ кꙋстъ крапивныи близъ плода сꙋщїи... *Л. 438 об.* То́лкъ.

Digitized by Google

м҃з. 'О кро́тѣ. *Нач.* Кротъ животно есть слѣпое рече убо нѣкогда к матери· смоковницꙋ вижꙋ по семъ паки рече...—То́лкъ.

Л. 439. м҃з. 'О шерстне ї пелепелице. *Нач.* Шерстни: и пелепелицы жаждею: содержими к дѣлателю земномꙋ прїидоша у него пити просꙗще...—То́лкъ...

м҃и. 'О па́ве ї ѿ га́л'ке. *Нач.* Птицамъ хотящимъ сотворити се̑|бѣ || (*л. 439 об.*) цр҃я павꙋ себѣ похва́лиша и досто́на̀ быти гл҃юще...—То́лкъ...

м҃ѳ. 'О кꙋколѣ сире̑ о зекзюле ї о лисице. *Нач.* Єдинственнаꙗ птица кꙋкꙋлка̀ или зокзꙋлка: дикаꙗ на нѣкоемъ стоꙗ древѣ и зꙋбы или носъ поѡщряше... *Л. 440.*—То́лкъ...

[н҃?] ˇО птице дꙋдокъ. *Нач.* Дꙋдокъ птица впасти поиманъ слезя гл҃еше охъ мнѣ бѣднои и бе^з^счастнои птице...—То́лкъ...

н҃а. 'О еленце маломъ. *Нач.* ˇЄленецъ нѣкогда к еленю рече оч҃е ты и болши и скорѣиши ѿ псовъ еси и раги паче сего преи^з^рядныꙗ носиши на оборонꙋ... *Л. 440 об.*—То́лкъ...

н҃в. 'О заицахъ и о жаба̑. Заицы нѣкогда соше̑шесꙗ ме^ж^дꙋ собою свое ѡ̀плаковахꙋ житие ꙗко многаго страха житие и̇хъ и̇полне^н^но... *Л. 441.* То́лкъ...

н҃г. 'О ѿслѣ́ и ѿ конѣ̀. *Нач.* ˇѠселъ конꙗ блажаше поне нещ̑а̑но и прилѣжно бысть кормленъ осе^л^ же иногда соломы доволно имѣꙗ...—То́лкъ..

Л. 441 об. н҃д. 'О сребролюбце. *Нач.* Сребролюбецъ нѣкто все свое имѣние в сребре собра сотвори златꙋю плитꙋ и на нѣкоемъ мѣсте в земли погребе...—То́лкъ...

Л. 442. н҃е. 'О гꙋсѣхъ и о жꙋровлѣ. *Нач.* Гꙋси и жаравли на единомъ поле пасяхꙋся...—То́лкъ...

н҃ѕ 'О черепа́хе и̇ о̀р'лѐ. *Нач.* Черепаха о̀рла молꙗше дабы ю летати научилъ... То́лкъ...

Л. 442 об. н҃з. 'О бло́хѣ. *Нач.* Блоха же нѣкогда вскочивши на ногꙋ мꙋж сѣде: онъ же раклия бога на помощь призываше...—То́лкъ...

н҃и. ˇО еленнице. *Нач.* ˇЄленица единемъ о̀комъ о̀слепленна̀ прибрегꙋ морскомъ пасяшесꙗ ибо здравы о̀комъ к' земли зрꙗше ло̑цовъ блюдашесꙗ... *Л. 443.* То́лкъ...

н҃ѳ. ˇО ѐле́не і̇ ѡ̀ лвѣ̀. *Нач.* ˇЄлень ловцовъ бѣгающи в пещерꙋ въбеже лвꙋ же тамо по̑паде... То́лкъ...

Л. 443 об. ѯ҃. ˇО еле́не и̇ винограде. *Нач.* Єлени бѣгающи ѿ ловцовъ по̑ виноградомъ скрысꙗ... То́лкъ...

ѯ҃а. ˇО о̆слѣ ї ѡ львѣ. *Нач.* ˇѠселъ нѣкогда со а̀лекторомъ

Digitized by Google

вмѣсте пасꙗхꙋсꙗ лвꙋ же нашед'шꙋ на осла алекторъ возгласи... *Л. 444.* То́лкъ...

ѯ҃а. ˇО ѿгоро̑никѣ ї о псѣ. *Нач.* ˇѠгоро̑никовъ песъ впаде в кладезь о̀горо̑никꙋ же хотꙗщꙋ его о̑толе извлещи сниде и самъ в' стꙋденецъ... *Л. 444 об.* То́лкъ...

ѯ҃в. ˇО па́стыре ї во́лке. *Нач.* Пастырь малого скимна волчиꙗ о̀брѣте и вземъ с собаками вкꙋпѣ питаше... *Л. 445.* То́лкъ....

ѯ҃д. ˇО лвѣ̀ ї о̀ в'олкѣ. *Нач.* Левъ состарѣвсꙗ и болѣзнꙋꙗ лежаше в пещерѣ прїидоша всѣ звѣриѐ посѣщающе Цр҃ꙗ кромѣ: лисицы... *Л. 445 об.* Толкъ...

[ѯ҃є]. ˇО женѣ ї ѡ́ мꙋжѣ пьꙗнице. *Нач.* Жена нѣкаꙗ мꙋжа пьяницꙋ имѣ его же сию ѕлꙋю страсть о̑менити хотꙗше сице... *Л. 446.* Толкъ...

Л. 446 об. ѯ҃з. ˇО ле́беди и̇ гꙋ́се. + *Нач.* Мꙋжъ нѣкто богатыи гꙋсꙗ вкꙋпѣ и лебꙗдꙗ кормꙗше...—Толкъ...

ѯ҃з. ˇО є̀ѳиѡ̀плѧнине.—*Нач.* ˇЄѳїоплꙗнина нѣкто кꙋпи сицевый его (*л. 447*) о̀бра̑ мняше быти прежнягѡ ради нерадѣния...—То́лкъ...

Л. 447. ѯ҃и. ˇО ла́стовице ї о̀ во́ро́не. *Нач.* ˇЛастовица с вороною о̀ красотѣ пряхꙋсꙗ... То́лкъ...

Л. 447 об. ѯ҃ѳ. ˇО пти́це по̑кропивнїце. + *Нач.* По̑кропивница с нѣ́коего ѿкна ви́сꙗше нетопырь же пришедъ вопрошаше вины чесо ради во дни убо в мо̑чанїи пребываетъ нощию же поетъ... То́лкъ...

о҃. ˇО же̑вї сирѣ̑ ѿлима̑ ї ѿрочищи. *Нач.* Земледелателевъ о̀трочищъ печаше слимаковъ на ꙋглие услышав' же ихъ ласкающихъ на ѡ̀гни и рече... То́лкъ...

Л. 448. о҃а. ˇО же́нѣ и̇ ѡ̀ ра́бына́хъ̀. *Нач.* Жена вдовица люботрꙋдиваꙗ сꙋщи и рабыню имѣющи и сихъ обыче нощию на дѣло возбꙋжати преже даже не возглосꙗтъ алектори... То́лкъ...

Л. 448 об. о҃в. ˇО женѣ̀ волхвѣ̀. *Нач.* Жена во̑хвꙋющи гнѣвы и ꙗрости бж҃иꙗ пременити обѣщевающаꙗ и много лѣтъ проживе сию дарꙗщи и корысть ѿтꙋдꙋ имѣющи... То́лкъ...

о҃г. ˇО ко́шке и̇ пилѣ̀. + (*Л. 449*). *Нач.* Кошка вшедъ в'дѣлателницꙋ или в кꙋзницꙋ котелника и тамо лежащꙋю пилꙋ желѣзнꙋю лизаше ꙗзыкомъ... То́лкъ...

о҃д. ˇО земледѣ́латели. + *Нач.* Земледѣлатель нѣкто копаꙗ землю ѕлато обрѣте... *Л. 449 об.* То̑къ. + ...

о҃д. ˇО двою пꙋтешественницѣ̑. *Нач.* Два нѣкїи по единомꙋ пꙋти шествꙋюще единомꙋ о̑ нихъ секирꙋ о̑рѣтшꙋ... То́лкъ...

о҃ѕ. ˇО двою жа́бахъ. *Нач.* Двѣ убо жабы с собою сосѣдствꙋю-

Digitized by Google

щи҃ (*л. 450*) пасяхꙋ же сꙗ убо во глꙋбоцемъ и далечаишемъ ѿ пꙋти езера... То́лкъ...

о҃з. ˇО пасечникꙋ сирѣ҃ о̀ пчѣ҃никꙋ. *Нач.* В пасекꙋ или во пчелникꙋ нѣкто тать вниде стяжателю же сеꙗ пчѣ҃ницы нѣгдѣ ѿшедшꙋ и несꙋщꙋ мѣ҃ с воскомъ... *Л. 450 об.* То́лкъ...

о҃и. ˇО пиѳике сирѣчь о̀ ѡ҃бе^{з}ꙗне и о де^{л}ѳине рыбе. — *Нач.* Н'равъ бꙗше нѣкихъ плавателей и морскихъ мелетїискихъ щенꙗ^{т}. и пиѳиковъ в корабли̇ имѣти у̀тѣшениꙗ ради корабленнаго обыкоша пловыи же нѣкто имѣ с собою и пиѳика... *Л. 451.* То́лкъ...

о҃ѳ. ˇО мꙋхахъ. *Нач.* В нѣкоторомъ сокровище сотꙋ мѣ҃вяномꙋ пролив'шꙋсꙗ налетѣв'ше мꙋхи̇ ꙗдяхꙋ... *Л. 451 об.* Толкъ...

п҃. ˇО є̀рми́се бо́ге ї о и̇до̀ле твор'це. — *Нач.* ˇЄрмисъ разꙋмѣти хотꙗ в какои є̀сть чести у̀ чл҃вковъ прїиде ко идотворцꙋ преображся во чл҃вчскїи о̀бразъ и у^{з}рѣвъ идола зевеса вопрошаше продающаго... *Л. 452.* Толкъ...

п҃а. ˇО єрмисе: и̇доле і̇ о̀ тири́се во^{л}хвѣ: *Нач.* ˇЄрми̇съ хотꙗ тересиево волшество искꙋсити аще праведно есть украде самъ изнивы своеꙗ волны пришедъ к тересию... *Л. 452 об.* То́лкъ...

п҃в. ˇО двою̀ псахъ. *Нач.* 'Имѣꙗи нѣкто два пса единого ꙋбо ловити наꙋчи дрꙋгаго же хранити двора... *Л. 453.* То́лкъ...

п҃г. ˇО ко́злѣ і̇ о̀ во́лке. *Нач.* Козелъ о̀ставшисꙗ о^{т} стада гонимъ бысть волкомъ во^{з}вращьсꙗ к во^{л}кꙋ рече о волче понеже познахъ ꙗко твое есть брашно... *Л. 453 об.* То́лкъ...

п҃д. ˇО реке и̇ лиси́це. *Нач.* Ракъ и^{з} морꙗ и^{з}шедъ на нѣкоемъ посꙗсꙗ мѣсте лисица же гла҃ка сꙋщи ꙗко ꙋвидꙗ его пришедши вземъ... То́лкъ...

Л. 454. п҃є. ˇО татехъ. *Нач.* Тати вшедше в домъ нѣкіи ничто же не обрѣтоша точию алектора... То́лкъ...

п҃ѕ. ˇО во́ронѣ̀ и в'ра́нѣ. *Нач.* Ворона во^{з}ненавидѣвши вранꙋ нача^{т} члвкомъ во^{л}хвовати... *Л. 454 об.* То́лкъ...

п҃з. ˇО воронѣ ї о псѣ. + *Нач.* Ворона аѳине богине жертвꙋ приношающи и пса на обѣдование призываше... *Л. 455.* Толкъ...

п҃и. ˇО вранѣ и змїи. Вранъ брашна не имѣя ꙋзрѣ на нѣкоемъ сл҃нчномъ мѣсте ѕмию спящꙋ сего налетѣвъ восхити... Толкъ...

п҃ѳ. ˇО га́лке и̇ голꙋ́бице. *Нач.* Галка в нѣкоемъ голꙋбникꙋ голꙋби видѣвши добрѣ питаемыꙗ ꙋбѣли҃шїсꙗ прїиде... *Л. 455 об.* Толкъ...

ч҃. ˇО га́лке. *Нач.* Галкꙋ нѣкто поимавъ и свꙗзавъ ю (*л. 456*) мꙋтовозомъ своемꙋ даде отрочате... То́лкъ...

ч҃а. ˇО єрмисе їдоле ї ожїи. *Нач.* Зевесъ ермисꙋ повелѣ всѣмъ

хꙋдо^ж^никомъ зелие лжи сотворивъ влити и ермисъ сотворивъ и мѣрꙋ сего постави... *Л. 456 об.* То́лкъ...

ч҃в. ˇО зеве́се ї ѡ̀ с'ра́мꙋ.—*Нач.* Зевесъ соз'давыи чл҃вки и ꙋ̀бо всѧ̀ состави обычаѧ и нравы имъ вложи единаго точию стꙋда вложити в нихъ позабы: ради сего поне не имѣ о^т^кꙋдꙋ срамъ... *Л. 457.*— То́лкъ....

ч҃г. ˇО зе́ве́се ї́до́ле и̇ о̀ же́лви̇: *Нач.* Зевесъ браки творѧ: всѣхъ животъныхъ: при^з^ва... То́лкъ....—

ч҃д. ˇО во́лкѣ̀. и̇ о̀вцѣ̀.—(*Л. 457 об.*) *Нач.* Волкъ о^т^ псовъ угрызенъ и ѕлѣ стража... То́лкъ.... —

ч҃є. ˇО заицахъ и ор'ла^х^. — *Нач.* Заицы нѣкогда воюющесѧ со ѡ^р^лы призывахꙋ и лисицъ на помощъ... То́лкъ. +....

Л. 458. ч҃ѕ. ˇО пти́цѣ Алки́онѣ̀ при мо́ри жи́вꙋщей. *Нач.* ˇАлкионъ птица есть любо пꙋстыннаѧ присно при мори живꙋщаѧ и сию гл҃ю^т^: чл҃вчскаго ꙋловления блюдꙋщꙋю сѧ... То́лкъ.... —

Л. 458 об. ч҃з. ˇО ры́боловѣ. + *Нач.* Рыболовь на нѣкоей рецѣ ловяще роспростерши сѣти... То́лкъ.... —

Л. 459. ч҃и. ˇѠ ло́вцѐ п'ти́чно̑ ї о̀ ѐхи̑не. — *Нач.* ˇЛовець птичеи и ловъ вземъ и тростиѧ на ловитвꙋ изыде... То́лкъ. + ...

ч҃ѳ. ˇО мꙋ́ра́вле. + *Нач.* Мꙋравль иже н҃нѣ преже сего чл҃вкъ былъ. землѣделательствꙋ присно прилежа... *Л. 459 об.* То́лкъ....

р҃. ˇО ка́мо́рѣ ї ѡ̀ лвѣ̀. — *Нач.* Комаръ пришедъ ко львꙋ рече ни же боюсѧ тѧ... *Л. 460.* То́лкъ....

р҃а. ˇО гꙋ́сени си̇ рѣчь о̀ нетопырѣ̀ ї о̀ ко́шке. 'Нетопырь на землю па̑ши котомъ поима^н^ бысть... То́лкъ. + ...

Л. 460 об. р҃в. ˇО пꙋтешественницехъ. *Нач.* Пꙋтешественницы при нѣкоемъ брегꙋ морскомꙋ идꙋще прїидоша на нѣкое мѣсто видѣти... То́лкъ....

Л. 461. р҃г. ˇО ѡ̀слѣ̀ ди́виемъ. *Нач.* Ѡ̀селъ дивїи о̀слѧ увидѣ домашняго в нѣкоемъ хлѣвꙋ пришедъ бл҃жаше его... То́лкъ. +....

ˇО ѡ̀слѣхъ, ї о̀ зевесе. *Нач.* р҃д. ˇѠслы нѣкогда во еже частыми бремены бѣ̑ствꙋюще послаша послы̀ къ зевесꙋ... *Л. 461 об.* То́лкъ....

ˇО о̀слѣ̀ и̇ о̀ лиси́це. *Нач.* р҃є. ˇОселъ о̀дѣѧсѧ лвовою кожею приходѧ́ше і̀ и̇наѧ животнаѧ ꙋстрашиваѧ и ꙋзрѣвъ лисицꙋ: покꙋсисѧ и сию ꙋ̀страшити... Толкъ....

ˇО о̀слѣ̀ і̀ о̀ жаба́хъ. *Нач.* р҃ѕ. ˇОселъ дрова несыи и приходѧ нѣкое оѕеро поползся впаде в' езеро... Толкъ....

Л. 462. ˇО п'сѣ̀ и̇ о̀ лиси́це. + *Нач.* р҃з. ˇОселъ и̇ лиси́ца соѡ^б^щение со^т^ворше дрꙋ^г^ ко дрꙋгꙋ изыдоша на ловитвꙋ.. (*Л. об.*) Толкъ...

Digitized by Google

ˇО кȣ́рице и̓ ла́сто́вицѐ.—*Нач.* р҃и. Кȣрица ѕмеиные ꙗица обрѣтши прилѣжно загрѣвающи ихъ и^{з}сидѣ... Толкъ....

ˇО вер'блю́де.—*Нач.* р҃ѳ. ˇЄгда перьвие верблюдъ ꙗвисꙗ ч҃лвцы ȣбоꙗшасꙗ и о^{т} величества его ȣдалишась бѣгаша.... *Л. 463.* То́лкъ....

ˇО ѿр'ле і̓ ѿ заице.+ *Нач.* р҃і. ˇНа камень орелъ сидꙗше заица ȣловити искїи его же нѣкто ȣбивъ стрелою постреливъ... Толкъ....

ˇѠ з'мїй.+ (*л. об.*) ра҃і. Змеи многими мȣжми попираемъ мо҃ зевесȣ: зевес же к немȣ рече...

ˇО гȣлȣ́бицѐ. рв҃і. Голȣбица жаждею содержима сȣщи у^{з}рѣ на нѣкоемъ мѣсте чашȣ воды...—Толкъ....

рг҃і. ˇѠ голȣ́бицѣ ї воро́нѣ. — *Нач.* Голȣбица в нѣкоемъ голȣбникȣ питаемаꙗ̓ о многочадїи по^{х}валяшесꙗ... *Л. 464.* То́лкъ....

ˇО багатомъ ї ѿд^{щ}ера^{х}.+ рд҃і. Богатый двѣ дщери имѣꙗ и единои умерши сѣтовалницъ наꙗ^{т} второи же дщери гл҃аше... То́лкъ....

Л. 464 об. рє҃і. ˇО па́стыре. *Нач.* Пастырь гоняше в нѣкїи лѣсъ ов'цы распростре по҃ дȣбомъ ризȣ свою... То́лкъ....

ˇО рыболове и о рыбице смари҃. *Нач.* р҃ѕі. Рыболовъ сѣть вве^{р}гши в море и^{з}влече смаридȣ рыбицȣ... *Л. 465.* То́лкъ....

рз҃і. ˇѠ конѣ̀ ї ѿслѣ. — *Нач.* Ч҃лвкъ нѣкто имѣ конꙗ и осла идȣщимъ же имъ пȣтемъ рече о̓селъ коню возми о^{т} моего бремени аще хощеши имѣти мꙗ цѣла... Толкъ....

(*Л. об.*). ˇѠ]ч҃лвце і ѡ̓ дивиемъ мȣ́жи о̓ сатырѣ. *Нач.* ри҃і. Ч҃лвкъ нѣкто съ сатыремъ дрȣ́жбȣ и любовъ сотвори и бысть ꙗде с ни҃ зимѣ же и мразȣ сȣщȣ ч҃лвкъ рȣще сво^{и} согрѣваше принесе ко ȣстомъ дыша сатырь же вопроси... То́лкъ....

Л. 466. ˇО конике. сирѣ́чь. о̓ кȣзнѣ́чике ї ѡ̓ мȣровлѣ̀. *Нач.* рѳ҃і. Во времꙗ осени и зимы и пшеницамъ поспѣвшимъ мȣравли же зимою о^{т} трȣдовъ своихъ питашасꙗ коники же̓ гладомъ у̓мирающе... То́лкъ....

ˇО че́рви ї ѿ лиси́це. — (*Л. об.*). *Нач.* р҃к. В гнои крыющїисꙗ червь на землю пришедъ гл҃аглаше всѣмъ животнымъ врачь есмь и зелиꙗ врачевскиꙗ свѣмъ подобенъ есмь естествомъ пионȣ бж҃иемȣ врачю... — То́лкъ....

ˇО кȣри́це златоро҃нои. *Нач.* рк҃а. Кȣрицȣ нѣкто имѣ и ꙗица златые родящȣю... Толкъ....

Л. 467. ˇО львѣ̀ и̓ о̓ лиси́це.—*Нач.* рк҃в. *Нач.* Левъ состарѣвсꙗ и̓ не могїи исходити на ловитвȣ собирати себѣ пищи помысливъ и разȣмѣвъ сице сотворити... (*Л. об.*). Толкъ...

Digitized by Google

ˇО ба́бе ї о̀ во́лке. *Нач.* рк҃г. Волкъ гладенъ сыи обхождаше искїи і пищи: и пришедъ на нѣкое мѣсто услыша дѣтище плачющее и бабꙋ̀ к немꙋ гл҃глющꙋю отроча престани плакати... То́лкъ...

Л. 468. Ѡ мꙋлѣ̀ сирѣ́чь о̑ли̑не сыне. *Нач.* рк҃д. Мꙋлъ ꙗчмени насыщьсꙗ о̀то^{д}стѣ скакаше вопиꙗ... Толкъ...

'Ѡ ѕмиї и̇ ѡ̑ землѣ дѣлателѣ. *Нач.* рк҃е. Ѕмиї пред̑раты земле дѣлателꙗ гнѣздо изви и ꙋгрызе дѣтище его... *Л. об.* То́лкъ....

ˇО трꙋб'нике. *Нач.* рк҃ѕ. Трꙋбникъ полки собираꙗ поиманъ быти о^{т} сопротивныхъ вопияше не ꙋбїите мене о мꙋжие всꙋе неповиннаго... То́лкъ....

Л. 469. ˇО тро́сти̇ и̇ о̀ ма́сличнѐ. рк҃з. ˇѠ терпѣнїи и о кротости трость и масличина беседоваше... То́лкъ....

ˇО во́лкѣ̀ ї ѡ̀ жа́рав'лѣ. — (*Л. 469 об.*) рк҃и. Волкꙋ в шее кость ꙋ̆вя^{з}не жеравлю мздꙋ дати обеща аще главꙋ свою вложь кость из шеи и^{з}влече^{т} и жеравль на мздꙋ долгою своею шеею извлекши кость от злѣ страждꙋщаго волка мзды прошаше волкъ же во^{з}смѣявся и зꙋба(м)и стискаꙗ рече довлѣетъ ти (...)иꙗ мзда едина ꙗко о^{т} вольчьихъ ꙋ̑тъ и зꙋбовъ всеꙗдныхъ изнеслъ еси главꙋ свою цѣлꙋ ничтоже не по̑традавъши: · + То́лкъ...

ˇО а̑лекторехъ. рк҃ѳ. Два алектора о кꙋрица^{х} браняхꙋсꙗ и единъ дрꙋгаго бивъ о̑тогна и на мѣсте тѣмнемъ скрысꙗ о^{т}ше̑ Побѣдивыи же на ве^{р}хъ во^{з}лѣте и на высоко^{й} стенѣ ставъ велегласно возгласи о̀релъ же налетѣвъ и абие сего восхи|ти. || (конецъ страницы и листа 469).

На этомъ обрывается текстъ сборника басенъ Езопа.

Л. 470. Слѣдующіе 3 листа (470—472) писаны на бумагѣ гораздо толще предыдущихъ и особымъ почеркомъ блѣдными расплывающимися чернилами.

Азбꙋковникъ: или предисловїе, доб'ролюбе^{з}наго читателя: имꙋщъ имена и чинъ. повелительство и писательство. Послѣ этого заглавія идутъ двоестрочныя вирши: (*Нач.*) Аще бы кто и всю по̑сле̑нчнꙋю смотреньми хꙋдожествъ обш(ед)ъ...

На л. 472 об. читается:

б б б б: Бичъ. бж҃іи. бїетъ. бѣсы:
в в в в Велїе. веселїе. в раи. входъ:
г г г г Глава. горни̑. гонитель. годымъ:
д д д д древо. добро. досада дїаволꙋ:
ж ж ж ж живо^{т}. жизненъ. живо^{т}. живымъ.
з з з з знаменїе. земнымъ. знаменꙋе̑тъ залогъ:
к к к к кр̑тиля. крѣпость. константинꙋ к вѣрѣ:

Digitized by Google

л л л л лютаго. люципера. люто. ломитъ:
м м м м многій. милосердіемъ. милуетъ. много:
н н н н нощъ. невѣдома. несвѣтла. невѣрнымъ:
п п п п паки. падаетъ. поклоняющъ. породу:
р р р р радость. роду. ранами. рождаетъ:
с с с с слово. спасаетъ. сего. славящихъ:
с с с с спсъ. сотвори. сѣть. сатанѣ:
т т т т творецъ. твари. терніе. терпитъ:
х х х х херувгвн. хртова. хвала. хртіаномъ:
ц ц ц ц црквн. цвететъ. цвѣто. црквмъ:
ч ч ч ч честь. человѣкомъ. честно. чтущимъ:
поведоша гда на распятіе мужеи пѣшихъ было
легеонъ. хч. чкъ. стрѣлцовъ. х. кустодѣевъ ѯ. мужеи
турчанъ. т. распяша гда на востокъ. лицемъ.
ударилъ гда в ланитъ. именемъ фалсатъ. ра
каіафинъ родомъ латынянинъ. проболъ гда в ребра. лавасъ воинъ ||

Этимъ оканчивается весь сборникъ.

Какъ весь Архивный рукописный сборникъ, такъ и собраніе пословицъ, въ немъ помѣщенное, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени написанія, даже болѣе, мы нигдѣ не встрѣчаемъ вообще старинныхъ отмѣтокъ бывшихъ владѣльцевъ рукописи, столь обычныхъ на рукописныхъ книгахъ подобнаго состава. А такая рукопись, какъ настоящій сборникъ, съ столь рѣдкимъ, разнообразнымъ и любопытнымъ содержаніемъ, какъ и можно ожидать, должна была имѣть и дѣйствительно имѣла многихъ и даже не поверхностныхъ, а усердныхъ читателей: въ сборникѣ пословицъ мы видимъ разновременныя приписки пропущенныхъ пословицъ, дополненія къ тексту и выправки сего послѣдняго. Слѣдуетъ, кажется, думать, что весь сборникъ только въ самое недавнее время былъ переплетенъ, а ранѣе обращался среди читателей безъ переплета, и потому то 1-ый, заглавный листъ рукописи такъ закопченъ и загрязненъ.

Нашлись все-таки въ разныхъ тетрадяхъ нашей рукописи нѣкоторыя намеки на *указанія времени*: 1) на л. 80 (см. у насъ стр. 12) отмѣченъ годъ ѕрпд (7184) отъ С. М. и ахоѕ (1676) отъ Р. Х.—это дата составленія Симеономъ Полоцкимъ Гласа послѣдняго ...В. Г. Цря и Вел. Кн. Алексія Михайловича, 2) на л. 118 обор. (у насъ см. на

Digitized by Google

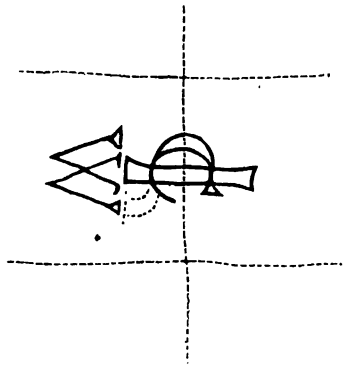
Digitized by Google

Къ стран. 65 и 66.

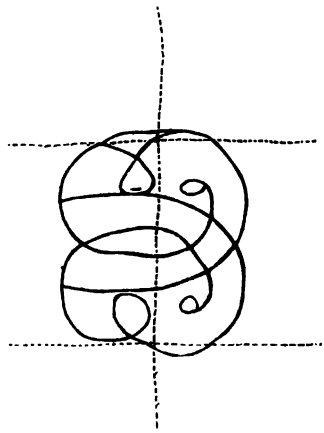
ИЗОБРАЖЕНІЯ

заводскихъ клеймъ на бумагѣ рукописнаго сборника Архива Мин. Иностр. Дѣлъ XVII-го столѣтія (№ 250/455).

Чертежъ 1-ый (къ стр. 65).



Чертежъ 2-ой (къ стр. 66).



Digitized by Google

стр. 12) важная запись тонкимъ изящнымъ почеркомъ: ѕсг (т. е. 7203 г. = 1695 г.), 3) на л. 213 (у насъ см. на стр. 15) указаніе на 7150 г. = 1642 г. не имѣетъ для насъ значенія, и 4) на л. 295 (у насъ см. на стр. 20) ѕс (т. е. 7200 г. = 1692 г.). Изъ всѣхъ этихъ 4-хъ указаній болѣе для насъ цѣнны 2-е и 4-е, т. е. указаніе на 1692—95 годы.

Обратимъ теперь свое вниманіе на то, къ какому времени относится *бумага*, на которой писаны различныя статьи сборника вообще и особенно тетради собранія пословицъ и предисловія къ нимъ.

При пересмотрѣ листовъ рукописи нами отмѣчено до 7 видовъ *бумажныхъ водяныхъ знаковъ*, при чемъ двухъ изъ нихъ нѣтъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ извѣстному справочному труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб. 1891 г.), — и кромѣ того большое число листовъ оказалось безъ знака. Бумага съ означенными 4 знаками по Лихачеву относится къ 1681—1697 г.г.

Все разнообразіе видовъ бумаги, встрѣчающейся въ Архивномъ сборникѣ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) На л.л. 1. 7. 9. 14. 15. 33. 35. 36. 38. 42—5. 48. 49. 54—7. 59. 60. 62—4. 66. 69. 71. 72. 75—7. между (79) и (80) два листа; 82—5. 88. 89. 94—100. 103. 104 (накл.). 105. 106. 108. 112—115. 118. 149. 150. 2 чистые л.л. послѣ (151-го), 152. 153. 158. 159. 161. 163. 166. 168. 170. 173. 176. 178. 179. 181. 183. 188. 190—5. 197 (сѣрая непрозрачн. бумага). 202. 203. 206. 207. 210—212. 217. 218. 221. 222. 226. 227. 230. 231. 233. 238. 241—4. 247. 248 (толстая). 251. 252. 254. 256. 257. 258. 263—6 (сѣрая). 276. 284. 305—9. 312. 313 (обрывокъ). 317. 318. 321 (гравиров. отд. л.). 326. 328. 329. 331—4. 337. 338. 343. 344. 346. 347. 350. 351. 354. 355. 358. 359. 361. 362—370. 372. 373. 376. 379. 380. 381 (бѣл. л. между л.л. 382—3). 384. 385. 388. 389. 394. 395. 397. 399. 400. 405. 406. 408—11. 415. 418. 423—6. 429. 431. 432. 434. 437—440. 443. 444. 449—452. 457—61. 464—7. 471—*бумага безъ всякаго знака.*

2) На л.л. 2. 5. 17. 19. 20. 22. 24. 31. 32. 34. 37. 39—41. 46. 47. 50—3. 58. 61. 65. 67. 68. 70. 121—4. 129—132. 137 (138). 141. 277. 278. 283. 286—9. 293—6. 301—3 и слѣдующій одинъ пустой листъ — бумага имѣетъ неизвѣстный знакъ. Рисунокъ его см. на отпечатанномъ у насъ чертежѣ подъ № 1.

3) На л.л. 3. 4. 10—13. 16. 18. 21. 23. 25. 26. 29. 30. 119. 120. 125—8. 133—6. 138—140. 142—7. 279—282. 290—2. 297—300 и

Digitized by Google

1 бѣл. л. передъ л. 304. 470 и 472 — знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 502=7193—4 г., т. е. 1685—6 г. (голл. бум.),

4) На лл. 73. 74. 79 (со знакомъ Е. Р.). 154—7. 160. 162. 164. 165. 167. 169. 171. 172. 174. 228. 229. 234. 235—7. 239. 240. 245. 246. 249. 250. 253. 255. 258. 260—2. 267. 268. 285. 314—6. 319. 320 и слѣд. 1 бѣлый листъ—знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 500 = 1681 г. (голл. бум.).

5) На лл. 80. 81. 86. 87. 90—3. 96. 101. 102. 104. 107. 109 и наклейка. 110. 111. 116. 117. 148. 151 и слѣд. два пустые листа (передъ 152 л.), 175. 177. 180. 182. 184. 185—7. 189. 196. 204. 205. 208. 209. 219. 220. 223—5. 232. 304. 305. 310. 311. 322—5. 327. 330. 335. 336. 339—42. 345. 348. 349. 352. 353. 356. 357. 360. 371. 374. 375. 377. 378. 382. 386. 387. 391—3. 396. 398. 401—4. 407. 412—14. 416. 417. 419—22. 427. 428. 430. 433. 435. 436. 441. 442. 445. 446. 447. 448. 453—6. 462. 463. 468. 469—находится водяной знакъ, котораго нѣтъ въ таблицахъ снимковъ при отмѣч. книгѣ Н. П. Лихачева. Глубокоуважаемый авторъ этого важнаго и драгоцѣннаго для изслѣдователей труда, когда мы обратились къ нему съ просьбою взглянуть на этотъ знакъ бумаги, любезно исполнилъ нашу просьбу и сообщилъ намъ слѣдующее: «бумага съ знакомъ, котораго у меня нѣтъ — *вензель* изъ нѣсколькихъ буквъ. По качеству — бумага несомнѣнно XVII вѣка *исхода*. Въ крайнемъ только случаѣ можетъ быть первыхъ лѣтъ XVIII в.» Рисунокъ его см. у насъ на чертежѣ 2.

6) На лл. 198—201. 213—6. 270—5 сѣроватая бумага съ знакомъ изъ двухъ фигуръ и надписью, типъ—papier à la mode; ср. у Лихач. т. 101, № 683: 1697 г.

и 7) На лл. 383 (гравированный отдѣльный листъ) и 390—знакъ ср. у Лихач. табл. 72: № 554, относ. къ 1686 г. (русск. бум.).

Еще И. М. Снегиревъ въ введеніи къ указанной выше его книгѣ «Русск. нар. пословицы и притчи» (1848 г.) на стр. XXXVI высказалъ слѣдующее соображеніе *объ авторѣ* помѣщеннаго въ Архивномъ сборникѣ собранія русскихъ пословицъ и любопытнаго предисловія къ нему: «судя по тому, что сборникъ содержитъ въ себѣ, большей части, статьи Симеона Полоцкаго, можно съ вѣроятностію заключать, что и Русскія пословицы заимствованы симъ же ученымъ монахомъ XVII в. изъ сборниковъ XVI вѣка; самый слогъ предисловія сходенъ съ слогомъ его сочиненій». Но впослѣдствіи онъ, какъ увидимъ ниже, отказался отъ такого заключенія.

Ѳ. И. Буслаевъ въ обѣихъ своихъ книгахъ, въ которыхъ онъ

Digitized by Google

касался Архивнаго сборника, не останавливался на вопросѣ, кому могъ принадлежать Архивный сборникъ и кто составитель собранія русск. пословицъ и предисловія къ нему. Тотъ же Снегиревъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ трудовъ—въ книгѣ «Лубочныя картинки русскаго народа въ Московскомъ мірѣ» (М., 1861 г.) въ отдѣлѣ «Простонародныя притчи, побаски, сатиры и вообще балагурныя картинки, или каррикатуры», останавливаясь на вопросѣ объ источникахъ лубочной картинки «Мыши кота погребаютъ», говоритъ (стр. 130—131): «Еслижъ первообразъ естампа Погребеніе кота мышами былъ не Русскій, а иностранный и заимствованъ изъ Нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ въ XVII вѣкѣ: то въ немъ удержаны только однѣ общія черты первообраза, такъ что онъ вышелъ переработаннымъ въ чисто національныхъ формахъ, примѣненныхъ къ отечественнымъ событіямъ; потому что всѣ надписи и нѣкоторыя подробности прямо Русскаго содержанія. Достовѣрнѣе же это небылица, перелицевка, издавна ходячая въ народѣ и записанная въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII вѣка; на нее указываетъ старинная притча: «*И кота мыши волокутъ на погостъ*». На той же страницѣ въ выноскѣ 77 къ этому мѣсту у него читаемъ: «Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту: въ Сборникѣ скорописномъ, въ 4, по примѣтамъ, Каріона Истомина, гдѣ означенъ на 80 л. 1690 годъ. Въ главн. Архивѣ М. и. д.» (Листъ Архивной рукописи не вѣрно обозначенъ у Снегирева; но вообще онъ имѣлъ въ виду одну изъ числа 4-хъ, указанныхъ нами выше, отмѣтокъ года въ рукописи).—Д. А. Ровинскій въ V книгѣ своихъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» (Спб. 1881 г. въ томѣ XXVII Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ, на стр. 155—6) высказалъ мнѣніе, что «наша картинка, чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное, — вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго обихода». Въ выноскѣ 118 къ этому мѣсту онъ отмѣчаетъ, очевидно, со словъ Снегирева, и притомъ допуская еще большія неточности: «самый мотивъ картинки вѣроятно заимствованъ изъ старинной пословицы: «и мыши на погостъ кота волокутъ», которая записана и въ тетрадь пословицъ Каріона Истомина (1690 г. въ Погодин. Собр.)».

Приводя себѣ на память перечень статей, введенныхъ въ Архивный сборникъ—повѣсти изъ Римскихъ дѣяній (л. 1—72), Гласъ послѣдній... Симеона Полоцкаго (л. 80), Стоглавникъ Ѳеодора, еп. Едесскаго (л. 119), Чинъ монашескаго житія (л. 138), образцы писемъ

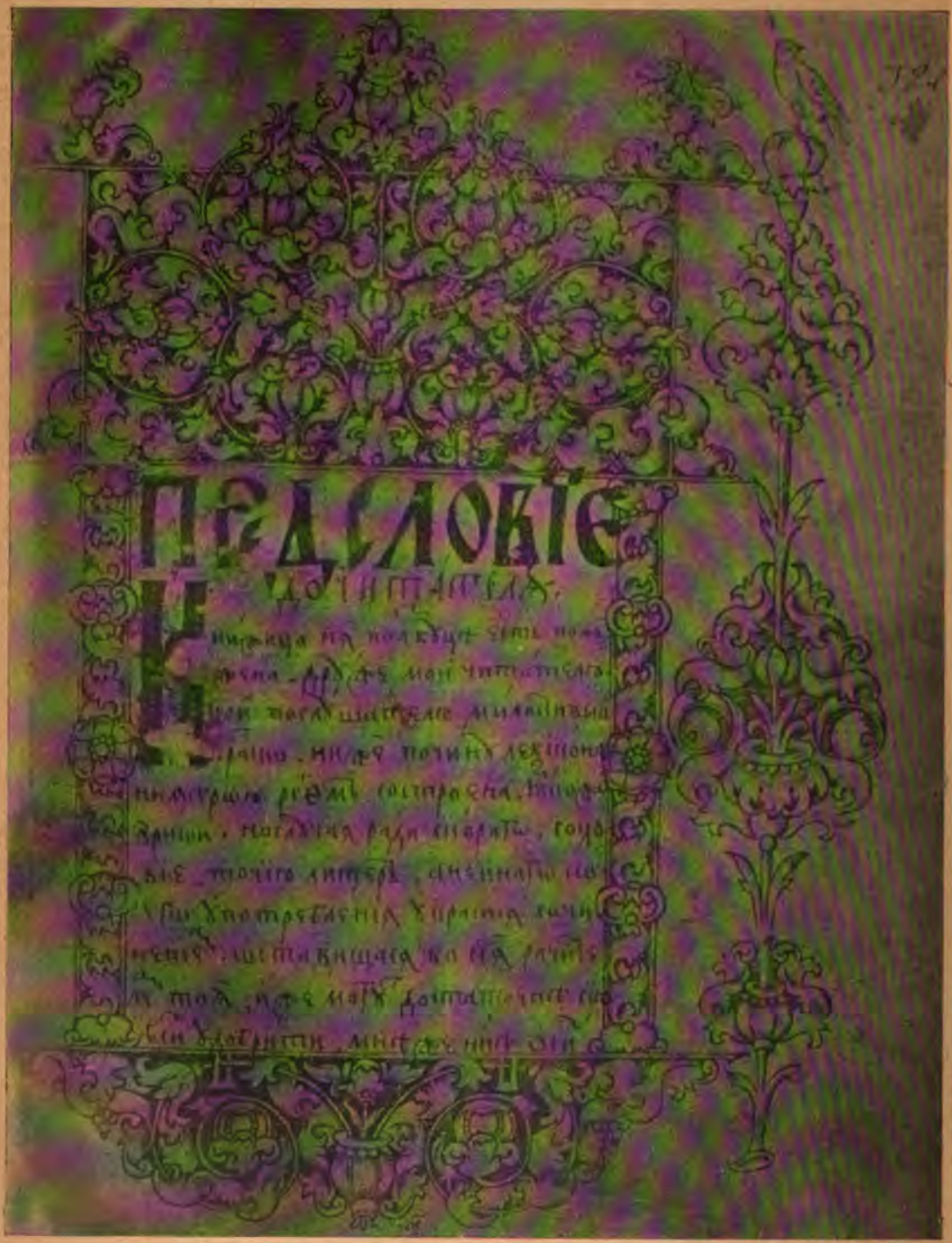
Digitized by Google

преимущественно въ виршахъ, разныя выписки и проч. (л. 174 об.), посланія препод. Максима Грека, Повѣсть о хмельномъ питіи со вставками свидѣтельствъ разныхъ писателей о пьянствѣ — въ родѣ старыхъ Пчелъ, Риѳмы краесогласніи о прелести суетнаго сего міра и буйствѣ.... (л. 295), Выданіе о добронравіи (Яна Запчица) л. 314, сборникъ русск. мирскихъ притчъ, пословицъ и поговорокъ, Житіе и басни Езопа и проч., — видимъ, что въ сборникъ вошло не мало произведеній переведенныхъ съ польскаго, обиліе посланій и образцовъ писемъ въ виршахъ, нѣсколько произведеній въ виршахъ же, разные наброски и приписки тоже виршами, съ другой стороны — порядочное количество произведеній духовной литературы, къ тому же вообще проглядывающій во многомъ вкусъ собирателя матерьяловъ всего Архивнаго сборника — къ духовному и назидательному чтенію, что̀ его такъ роднитъ съ многочисленными рукописными старыми сборниками произведеній нашей литературы — все это и, главнымъ образомъ, особенности почерка и нѣкоторыя выраженія, встрѣтившіяся въ текстѣ «Предсловія» къ «Повѣстямъ или пословицамъ всенароднѣйшимъ по алфавиту», также кое какія наши наблюденія, о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ,—заставляютъ насъ приписать бо́льшую долю личнаго труда и участія въ дѣлѣ составленія упомянутаго сборника пословицъ—извѣстному представителю строго-православной части на Москвѣ во второй половинѣ XVII-го вѣка, ближайшему ученику Епифанія Славинецкаго—справщику Печатнаго Двора, ученому богослову, неутомимому переводчику съ греческаго языка, видному и самостоятельному сотруднику нѣсколькихъ Всероссійскихъ Патріарховъ, — монаху Чудова монастыря, Евѳимію (почившему 28 апрѣля 1705 года среди ученолитературныхъ трудовъ въ своей келіи, что̀ была въ томъ же монастырѣ).

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ стран. 69.



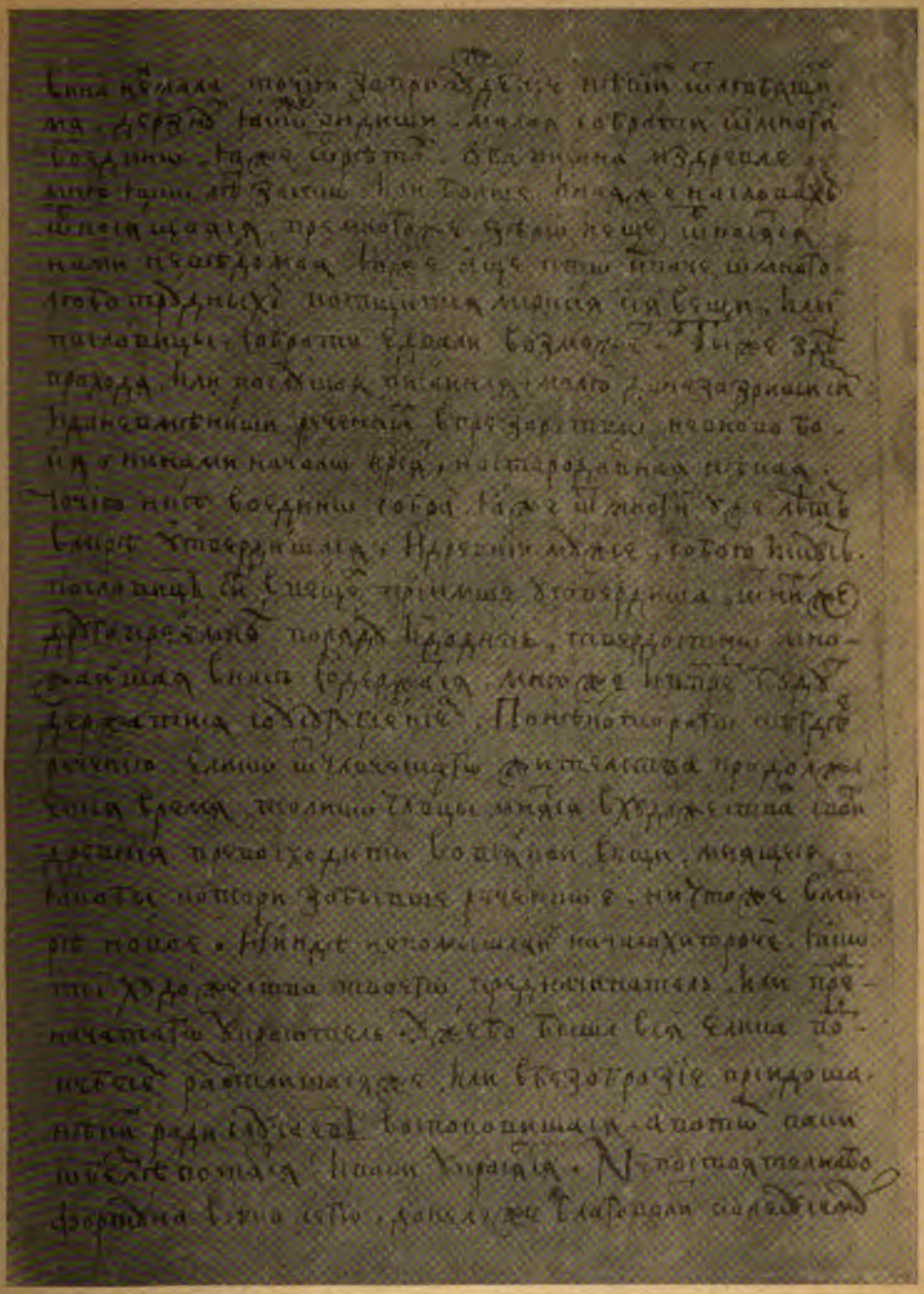
Автотипія К. П. Вобермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива. Мин. Иностр. Дѣлъ, № 250/455, *снимокъ съ листа 321-го;* заглавный листъ «*Предсловія* до читателя».

Digitized by Google

V.

Къ стран. 69.



Автотипія К. П. Вейрмана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 321 обор.*

Digitized by Google

Digitized by Google

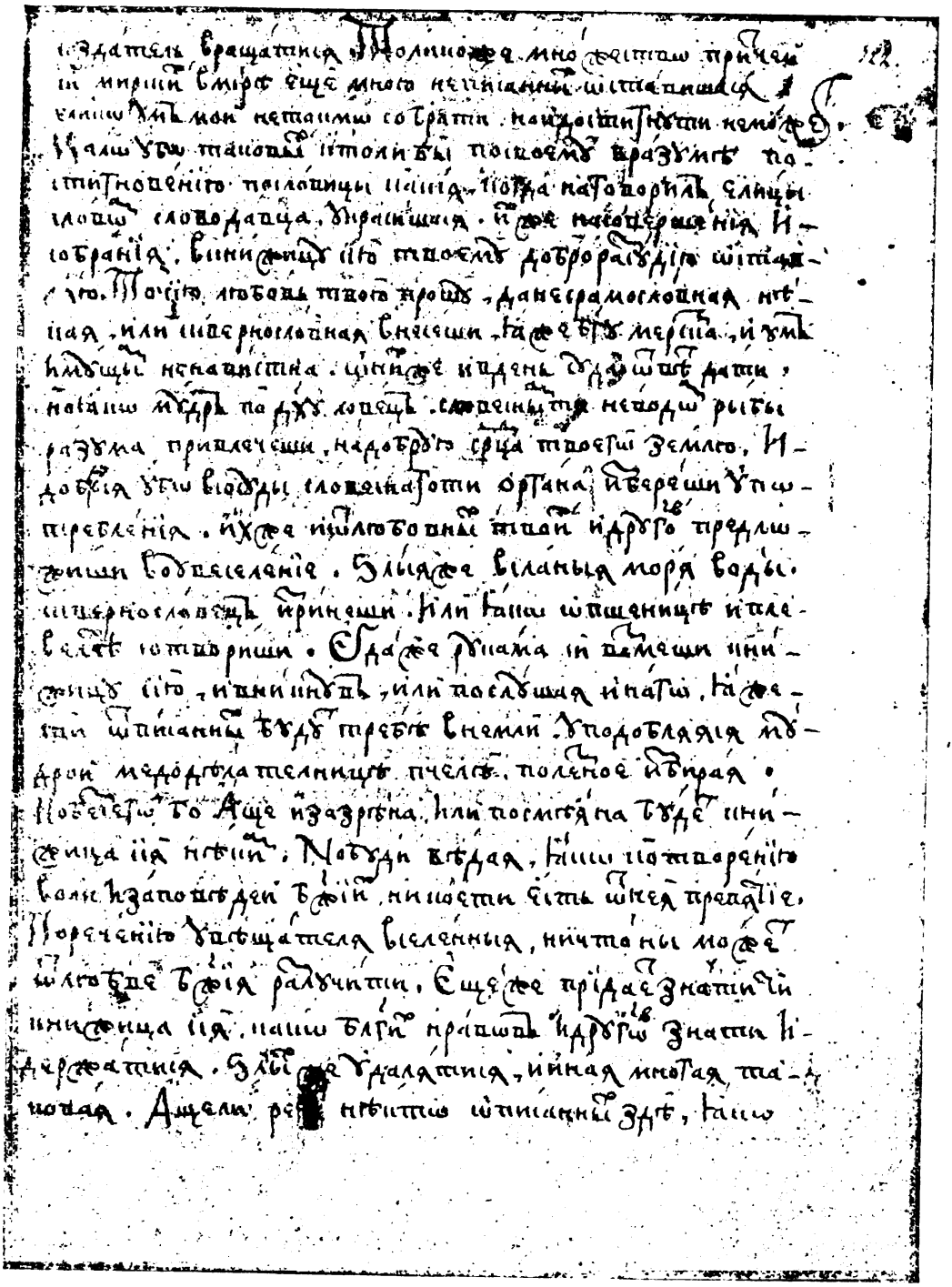
[л. 321 = а҃].

Предословїе

до̀ читáтела.

Кни́жица сїѧ̀ по а҃ѵзѹцѣ̀ е̓сть положена, дрȣже мо́й чита́телю, и̓лѝ послȣшателю ми́лостивый кра́ⷮкѡ, нижѐ по чинȣ лезїко́на ни мѣ́рѡю рїѳмъ состро́ена, ꙗ҆коже зри́ши. но слȣчая ра́ди скóрагѡ, сослóвїе, точїю литеръ, а не и̓нáгѡ кóегѡ ȣ̓потребленїѧ ȣ̓краси́ся сочиненїеⷯ. ѿста́вишася бо сїѧ̀ рачителеⷨ тоѧ̀, и҆̃же мо́гȣⷮ доста́точнѣ сїю̀ всиⷯ ȣ̓добри́ти, мнѣ́ же нн҃ѣ о̑ сиⷯ || (л. 321 об.) вина̀ не ма́ла, точїю за принȣⷤде́нїе нѣ́кїиⷯ ѿ любѧщиⷯ мѧ̀, дерзнȣⷯ ꙗ҆кѡже ви́диши, мала́ѧ собра́ти ѿ многиⷯ во̀ еди́нѡ, ꙗ҆же ѡ҆ⷠрѣтоⷯ. ѻ҃ва писа́на и̓здре́вле, мню̀ ꙗ҆кѡ лѣⷮ за́ стѡ, и̓лѝ бо́лше. иная же на слова́хъ ѿносѧ́щаясѧ. премного же ѕѣлѡ̀ и̓ е̓щѐ ѿносѧⷮсѧ на́ми невѣ́домаѧ, ꙗ҆же а҃ще ктѡ̀ и паче, ѿ многолюботрȣдныхъ потщитсѧ мїрскїѧ сїѧ̀ ве́щи, и̓лѝ посло́вицы, собра́ти едва ли возмо́жеⷮ. Ты́ же здѣ̀ проходѧ̀. и̓лѝ послȣшаѧ писа́ннаѧ, молю̀ да не за́зриши сиⷨ и да не вмѣни́ши рече́нныⷯ в презо́рствѡ не в но́во бо сїѧ̀, ни на́ми нача́лѡ прїѧⷮ, но стародáвнаѧ нѣ́каѧ. то́чїю нн҃ѣ во еди́нѡ собра̀. ꙗ҆же ѿ многиⷯ ȣже̑ лѣ̑тъ в мїрѣ ȣ̓тверди́шасѧ. И҆ древнїи мȣжїе, собою искȣсъ пословицъ си́ в ве́щеⷯ прїимше ȣ̓тверди́ша, ѿ ни́ же дрȣго пре́емнѣ по рѧ́дȣ и̓ до дне́сь, тве́рдостнѡ мно́жайшаѧ в на́съ содержаⷮсѧ,

мнѝю же и в пре́ бꙋдꙋт держа́тися со ꙋсꙋгꙋбле́нїем. По нѣко́тораго нѣгдѣ̀ рече́нїю. є҆ли́кω ѿ чл҃ческагω жите́лства продолжа́ется вре́мя. толи́кω чл҃вцы мнятся в хꙋдо́жества свои́ дре́внїя превосходи́ти во вся́кой вещи, мня́щеся, ꙗ҆́кобы котори̑ забы́вше рече́ннωе. ни что́же в мирѣ но́вое. И҆ и҆́ндѣ не помыша́яй нача́ло хитрочѐ: ꙗ҆́кω ты̀ хꙋдо́жества твоегѡ̀ пре́дначинатель, илѝ пре́начатагω ꙋкраси́тель. Ꙋ҆же бо быша вся̀ є҆лика̀ по̑ небесе́ расталишася же, илѝ в безобра́зїе прїидо́ша. нѣ́кїи ра́ди слꙋ́чаевъ воспонови́шася. а҆ потѡ́ паки ωбезлѣ́потятся: и па́ки ꙋкрасятся. Непостоя́телна бо фортꙋна вѣ́ка сегѡ̀, доне́леже благоволит колесꙋ семꙋ. || (л. 322 = б҃) созда́тель враща́тися. Толи́ко же мно́жествω при́тчей сих мирских в мїрѣ є҆щѐ мною неписанны ѡ҆ста́вишася. є҆ли́кω ꙋмъ мой не токмω собрати. но и҆ достигнꙋти не мо́жетъ. Ма́лω ꙋбω таковы́ї кто ли бы̀ по своемꙋ вра́зꙋмѣ по́стигнове́нїю посло́вицы какі́я, когда̀ наговорилъ є҆ли́цы сло́вомъ слобода́вца. ꙋкраси́шася. и҆ же насоверше́нїя и собра́нїя. в кни́жицꙋ сї́ю твоемꙋ доброрассꙋдїю ѡ҆ставляю. То́чїю любовь твою прошꙋ, да не срамосло́вная нѣ́кая, и҆лѝ скверносло́вная внесе́ши, ꙗ҆́же бгꙋ мерска, и҆ ꙋмъ имꙋщимъ ненави́стна. ѡ҆ них же и҆ в де́нь сꙋда̀ ѿвѣтъ да́ти. но̀ ꙗ҆́кω мꙋдръ по̀ дх҃ꙋ лове́цъ. слове́сным ти не́водомъ ры́бы ра́зꙋма привлече́ши, на до́брꙋю срдца твоегѡ̀ зе́млю. И до́брыя ꙋбω в сосꙋды слове́снаго ти о́рга́на и҆збере́ши ꙋпωтребле́нїя. и҆х же и҆ ѿ любовных твои́ и҆ дрꙋгомъ предаωжи́ши во ꙋвеселе́нїе. Ѕлы́я же в сла́ныя моря̀ воды̀. скверносло́вецъ, и҆зри́неши. и҆лѝ ꙗ҆́кω ѡ҆ пшени́цѣ и҆ плевелѣх сотвори́ши. Є҆гда́ же рꙋка́ма си̑ во́змеши кни́жицꙋ сї́ю, и҆ вни́кнꙋвъ, и҆лѝ послꙋшая и҆на́гω, ꙗ҆́же ти̑ ѿ пи́санных бꙋдꙋтъ тре́бѣ внемли̑. ꙋподобляяся мꙋдрой медодѣ́лателницѣ пчелѣ̀. поле́зное и҆збира́я. Но без сегѡ̀ бо а҆́ще и҆ зазре́на. и҆лѝ посмѣя́на бꙋдетъ кни́жица сїя̀ нѣ́кими. Но бꙋдѝ вѣ́дая, ꙗ҆́кω ко̀ творе́нїю воли́ и за́повѣдей. бж҃їи, ни ко́е ти є҆́сть ѿ нея̀ препя́тїе, По рече́нїю ꙋвѣща́теля вселе́нныя, ничто́ ны мо́жетъ ѿ любвѐ бж҃їя разлꙋчи́ти. Є҆щѐ же прїдаетъ зна́ти ти̑ кни́жица сї́я, какω благих нра́вωвъ и дрꙋгихъ зна́ти и҆ держа́тися. Ѕлых же ꙋдаля́тися, и҆ и҆на́я многая, та̀ковая. А҆́щели речетъ нѣ́ктω ѡ҆ пи́санных здѣ̀, ꙗ҆́кω ||



Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 322.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

VII.

Къ стран. 71.

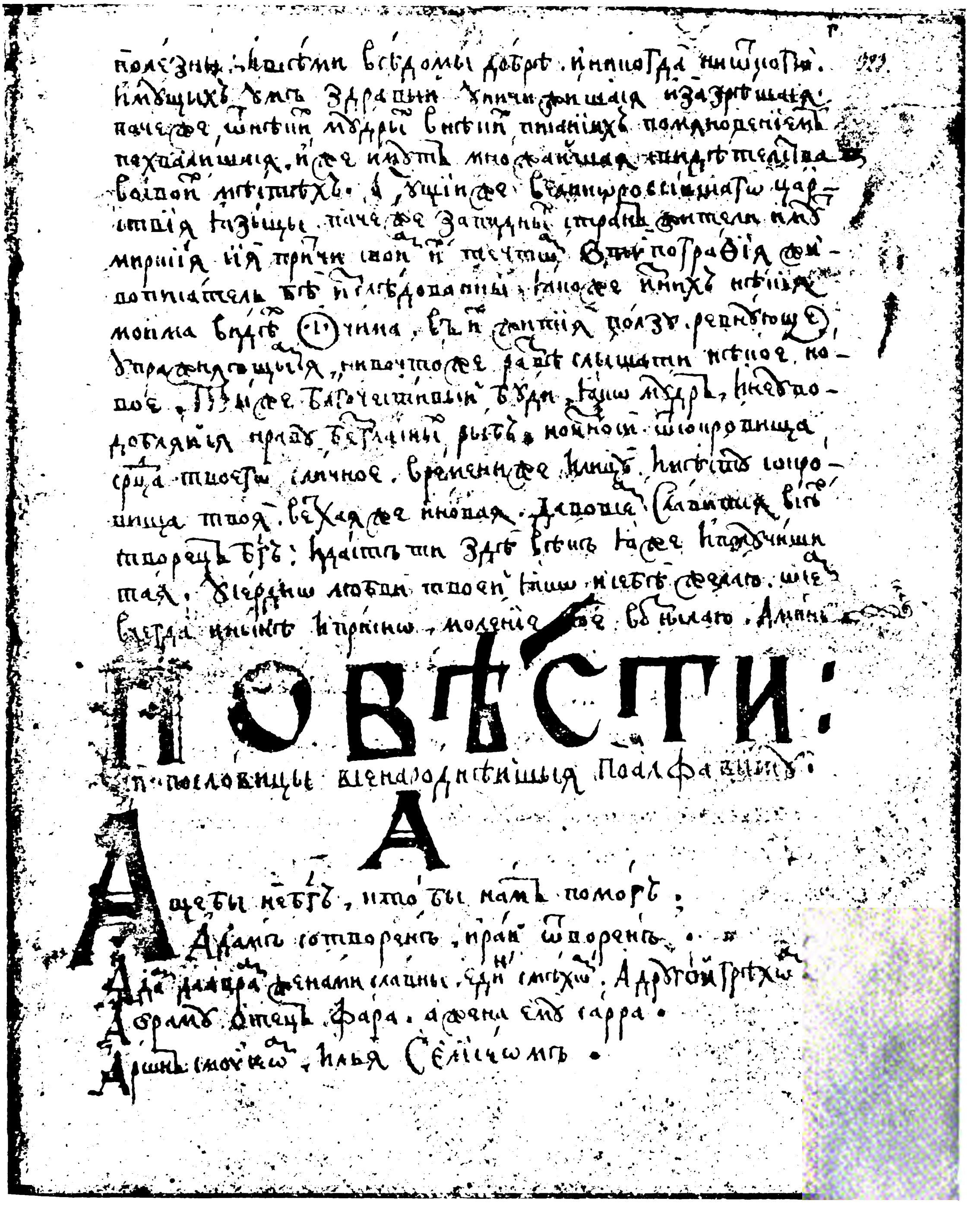
Автотипія К. П. Вейрмана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 322 обор.*

Digitized by Google

(л. 322 об.) не сꙋть писана здѣ ѿ бж҃твенныⷯ писаній, таковый да вѣсть ꙗкѡ писана многая согласна с҇томꙋ писанїю. точїю бе҆ ꙋкрашенїя, какъ мирстіи жители простою рѣчїю говорятъ. И в лѣпотꙋ ѿ древниⷯ сїе ꙋмыслися еже в бжественная писанїя ѿ мїрскиⷯ притчей не вносити. такоⷤ и в мирскїя притчи. которое бꙋдетъ сличнѣ еже вносити ѿ книⷢ стыⷯ и҆збранныⷯ, и приточныя строки. или мирскїя сїя притчи бжⷭтвеннагѡ писанїя реченїе приподоблѧти. обоя бѡ. аще и едиⷩ имꙋⷮ разꙋⷨ. но иже своя мѣста держаⷮ. того ради таковый конецъ блаженнїю своемꙋ да сотвориⷯ, загнꙋвъ книгꙋ сїю положиⷯ. да оставиⷯ ю тоя рачителеⷨ: с симъ, вѣдѣнїе, ꙗкѡ никомꙋ ѿ насъ собою прежде насъ в мірѣ, лежащыⷯ словесныⷯ сиⷯ притчаⷯ коⷩца не ꙋчиниⷯ по реченномꙋ ничтоже в міръ сей внесохѡ, ꙗвѣ ꙗкѡ, ни и҆нести что можеⷮ. Паки же любви твоей: единою во҆бесѣдословлю, конецъ сотворю слова. Тѣⷨ ли ради не хощеши при себѣ книжицы сея имѣти, иже с рꙋгателныⷯ намѣренїеⷨ здѣ писанныⷯ, поносяⷮ, и широкїй составляюⷮ; [сей р]ечеши ѿвѣщаю: Не новъ обычай. паче же всехїй н[е]чес[т]ивыⷯ человѣкѡⷨ, гонити блгочестивыя, насаждена ꙋбѡ быша в Каїнѣ. и глꙋбокѡ ꙋкоренишася во Ісаавѣ, и Саꙋлѣ. и самочисленныⷯ таковыⷯ подобнѣ подобными, не точїю ѿ сей книжицѣ. но помяни колики, и каковы хꙋлы и ꙋкоризны прїемлюⷮ, бжⷭтвенная писанїя. Паче же нынѣ в настоящая времена ѿ граждателей истинны. иже прїяша мздꙋ свою. прочиⷯ же и еще готовится: и ѿ сиⷯ и слова конецъ да бꙋдеⷮ. Я ꙗкѡ пословицы, или мїрскїя сїя притчи. по общемꙋ всѣⷨ жителствꙋ ѕѣлѡ потребны. и || (л. 323 = г) полезны: и всѣми вѣдомы добрѣ. и никогда ни ѿ когѡ. имꙋщыхъ ꙋмъ здравый ꙋничижишася и зазрѣшася; паче же ѿ нѣкиⷯ мꙋдрыⷯ в нѣкиⷯ писанїихъ помяновенїемъ. похвалишася, иже имꙋтъ множайшая свидѣтелства, во своиⷯ мѣстѣхъ. Ѻꙋщїи же великѡроссїискагѡ царствїя ꙗзыцы. паче же западныⷯ странъ жители имꙋⷮ мирскїя сїя притчи свои и течтѡⷨ в тѵпографїя живописателѣ бѣ и҆слѣдованны. ꙗкоже и҆ нихъ нѣкїя моима видѣⷯ ѻчима. въ и житїя пользꙋ. ревнꙋюще ꙋпражняющыⷭся, ни вочтоже ра҆вѣ слышати нѣкое новое. Ты же блгоче-

стивый бꙋди, ӕкѡ мꙋдръ, и не ꙋподобляйся нравꙋ безгласныи рыбъ. но износи ѿ сокро́вища срдца твоегѡ̀ сли́чное. вре́мени же и лицꙋ. и мѣстꙋ сокро́вища твоя̀. ветхая же и но́вая. Да во всем славится всѣх творецъ бгъ: и да́стъ ти здѣ̀ вѣкъ ӕже и полꙋ-
Ѣ чиши та́я. Ꙋсе́рднѡ любви̇̀ твоей ӕкѡ и себѣ̀ жела́ю. ѡ семъ всегда̀ и нынѣ и при́снѡ, моле́ніе моѐ возсыла́ю. Ами́нь.


Повѣсти:
и пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту.
А
Аще бы не стыд, что бы нам помор.
Адам сотворен, прав сотворен.
Аврам отец Фара, а жена его Сарра.

I. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. № 250/455, *снимокъ съ листа 323* (конецъ *Предсловія* и начало «*Повѣстей или пословицъ всенароднѣйшихъ*»).

Digitized by Google

ПОВѢСТИ:

наи̂ послóвицы всенарóднѣйшыя пò а̂лфави́тꙋ.

А.

Аще бы нѐ бг҃ъ, ктó бы нáмъ помóгъ.
А̂дáмъ сотворéнъ, и̂ рáи ѿворéнъ.
А̂дам҃ да А̂врам҃ женáми слáвны, єди҃ смѣхѡ҃. А̂ дрꙋгòй грѣхѡ҃.
А̂врамꙋ óтецъ Фáра. а̂ жена є̂мꙋ Сáрра.
А̂рѡнъ с Моѵсеѡ҃, Илья̀ с Єлісéѡмъ.
Аврамъ ѡ̂ставя до҃ молися̀ за Садомъ. [л. 323 об.]
Ананїа̀ з' Сапѳи́рою солгали̂ и̂ óба̀ пропали̂.
Анна с мужемъ седмъ а вдовою седмъдесятъ.
Антихри́стъ примаетъ хтó Хр҃та̀ ѿступаетъ.
Аароматы̀ о҃ мукъ не и҃бавятъ.
Антихр҃тъ бли҃ско и сол҃нце ни҃ко.
Аг҃глъ о҃братится̀ хто в блꙋ҃ ѡ̂брати҃ся.
Апт҃ли óбличали и насъ наꙋчали̂.
Андрѣи кр҃тилъ Иóаннъ бл҃го вѣстилъ.
Адамъ зло сотворилъ и раи̂ ѕатворилъ.
Аврамъ гулялъ по горамъ а Адамъ кры҃ся по нора҃.
Астрономия ꙋ̂мѣть любовь к Бг҃у имѣть.

Digitized by Google

Аеръ строитъ росу. а смерть куетъ косу.
Аллилуия у Гурья давно тверда.
Аллилуия пѣть на поклонами прѣть.
Азъ да буки избавит ли от муки.
Ахавъ жены послушал со слезами хлѣба покушалъ.
Ависаиа дѣва Давида грѣла.
Аггла умерша мощѐ не сыскать.
Аггли з' нба что не просятъ хлѣба.
Агаѳонъ ѕапѣлъ антиѳонъ.
Алчнова гостя не употчивалъ Костя.
Антиѳона послушать у Агаѳона покушать
Аѳонаѧ ломает к ненасью.
Азовъ не ѿ сте глазо а Крымъ не кривъ.
Ахтуба пуста а без караула не гуляй.
Ау ау медвѣтко в' лѣсе не будет ох з'дѣсе.
[л. 324=д]. Алай булай крымские пѣсни там и и трѣсни.
Аршинъ портной по чему мастер отласу.
Аггласкимъ часомъ заговѣть будетъ квасомъ.
Азбука в шесть днгъ а ѱалтиръ по рублю.
Андреянъ возгрями акъ пьянъ брюзгами.
Арсенья ждать до воскресенья.
Азия Аѳрики честнѣе А августъ марта теплѣе.
Агнецъ з бораномъ овечье племя.
Апрѣль богатъ водою а октябръ пивомъ.
Ахъ ахъ а посабить нѣчемъ.
Аѳендрону тимпанъ не замѣна.
Анна не манна не укуси ея стать.
Ан Илья зглупалъ что в' тюрму попалъ.
Ахъ да рукою махъ и на томъ рѣки не переѣхат.
Аль мою корѣту кони завезли.
Аль я виновата што рубаха моя дировата.
Азъ не бѣз обѣихъ глаз про себя самъ вижу.
Азъ родилъся коли свѣтъ зачался.
Антипа не липа и содравъ лубъ не покрытся.

Digitized by Google

Азъ выколю гла^з которой ми пить зазирае^т.
Анна̀. не всякому. манна.
Ай заключенъ рай.
Ай мс҃цъ маи и теплъ да го́лоденъ.
Агрипи́нѣ свербитъ. в^ѕ спинѣ.
Артемию не кажи̇ академию.
Аптека̀ до по^хвѣка̀.
Аптекамъ преда^тся денгами̇ не жатся.
Азъ пью квасъ а кали̇ вижу пиво̀ не про̀ду ево ми
мо
Алъ лалъ бѣлъ а^лмазъ зеленъ изумру^д. [л. 324 об.]
Алтынъ пробиваетъ и тынъ а по^хтина уби-
ваетъ и Мартына̀.
Адаму капаютъ яму а̀ мы не хотимъ а ту
ды же гляди^м.
Алтыномъ да Мартыномъ хощь ворота запира^ѕ.
А во^т таки̇ тепере̇ и мѣсто знать.
Агѣи̇ пророкъ не всякому порокъ.
Алья моя спина̀ о^тсерина̀ всякъ ея̇ кулако^м о^ткуши
ваетъ.
Ананья да Мала^нья Ѳома да кума̀ и мѣста заняли.
Аоу^ милой мо^ѕ каза^н лише̇ лапти лежатъ.
Арканъ не тараканъ хошъ зубовъ нѣтъ а шею ѣстъ.
Августа̀ капуста̀ а в ма^рте̇ о̀сетръ.
Алчнова̀ Е̂ремку вяжи ево в^ѣеревку.
Ахъ смерть ѕлодѣя хто можетъ убѣжати тя.
Ахъ сме^рть и помяну^т тебя̇ и^н вздохнуть.
Азъ буки̇ вѣди̇ страши^т что ме^двѣди̇.
Алты^н самъ ворота̀ о^тпираетъ и пу^т о̀чищаетъ.
Алт^н'номъ воюю^т а̀лт^н'номъ то^ргуютъ а бе^з а^лт^н'на горюютъ.
Алъ цвѣтъ милъ во весь свѣтъ.
Адамъ привычо^н к бѣда́мъ.
Агаряне̇ Гевалъ то Давы^д воспѣвалъ.
Агара̀ не гогара̀ и^зстари̇ о̀на̀ славна.

Digitized by Google

Б

[л. 326 об.]. Бг҃ъ есть бл҃гъ.
Бг҃ъ любитъ смирение,
Богатъ богъ милостью,
Бг҃ъ свое содѣваетъ.
Бе҃грѣшна чл҃вка на свѣте нѣсть
Богатымъ ѕлато нищи҃ ради҃
Бесѣды злы҃ растлѣваютъ у҆мы.
Богатъ мыслитъ о златѣ а убогъ о ⁶латѣ
Брадою чт҃енъ старъ а рузумомъ хвале҃ мла҃.
Бг҃ъ за҆ товаромъ а купецъ за накладомъ
Богатъ ждетъ пакости҃ а у҆бг҃ъ радости҃
Бѣ҃ной времени҃ не ищетъ
Бѣдному кусъ ѕа ломтя мѣсто.
Безуменъ с учонымъ не пируетъ,
Ббезуменъ у҆чения не любитъ,
Богатъ ищетъ мѣста҆ а убогъ смо҃ри҃ тѣста
Ббылъ Сава҆ была҆ и слава,
Ббра҃ брату҆ головою в уплату҆.
Ббрашно добро҆ имѣть по пашне҆.
Бо҃ная жена҆ мужу҆. убогая сестра брату҆.
Ббѣденъ бѣсъ бг҃а у него нѣ҃ть
Ббабе и҆ промыслъ что неправой помыслъ
Би҃ чел҃о рѣ҃кою да хрѣномъ да кн҃гою Єѳрѣмомъ
Беды҆ терпѣть каменно ср҃це имѣть
Брань на вороту҆ не висне҃
Бранное҆ слово на гнѣвъ приводитъ
Брань правды не любитъ
Бранью праву҆ не быть,
[л. 327 = ѕ҃]. Бранясь оставь слово к миру
Боися бг҃а а смерть у҆ порога҆

Digitized by Google

Болному злата кровать не поможетъ.
Басни соловья не кормятъ.
Булатъ желѣѕо̀ и кисѣля не режѐтъ.
Богатъ творитъ какъ хочетъ а у҃бо҃р ка҃ може҃.
Бѣдная Ѳедо҃ѧ̀ нао҃тѣлося кало҃ѧ̀.
Баба скачетъ ѕадомъ передо҃ все то ї҆зо́де҃ свої҃м чередо҃м.
Ба҃би городы не стоятъ.
Бѣси то вѣдятъ что бабы брѣдятъ.
Бг҃у жаль куря дать а чо҃ртъ во҃зме и корана̀.
Бочка стонетъ бояря пьютъ.
Бѣдность и му̀раго смиряетъ.
Ббе҃з уса борода̀ бе҃з ума голова.
Ббородa ко҃злу не ѕамѣна̀.
Баба с кашкою а дѣдъ с лошкою.
Баба̀ брѣдитъ а чо҃ртъ ей вѣритъ.
Баба гнѣвъ де҃ржитъ на то҃ргъ а то҃ргъ то҃ ї не вѣдае҃.
Бе҃з денѐгъ вода пить.
Бе҃з денегъ в городъ самъ себѣ борогъ.
Были тѣ рога в то҃ргꙋ.
Бра҃ мой а̀ умъ у него свой.
Богъ далъ путь а чо҃ртъ кину҃ крюкъ.
Былъ конь да ѣхалъ.
Былъ то҃ пе҃рстень у на҃ на рꙋкѣ.
Будетъ пора̀ не у́детъ дꙋда̀.
Благословляи на҃ вл҃ко в чюжо́ лѣсъ Польска.
Благословлялъ о҃цъ дѣтокъ до чюжи҃ клѣтокъ.
Болно хлопъ раненъ и главы не нашли̇.
Бракъ честенъ и ложе. не скве҃рно.
Береги̇ бѣлую дн҃гу на чорнои дн҃ь.
Быть было ненастью да дождь помѣша҃.
Быть было бедѣ да дн҃ги по бе҃рѣ.
Богатому̀ не хва̀лятъ а о҃н полу силою живетъ.
Борода̀ что ворота̀ а ума̀ с малои́ приколито҃к.
Беды ходятъ по людемъ а не по лѣсꙋ.

Digitized by Google

215 Богатый побиваетъ а счасли̑ по̑бираетъ.
Броди̑ что зу̑ по болоту.
Браги̑ многие̑ а руки одинокие̑.
Бе̑ клинья каѳта̑ бе̑ рукавъ епа̑ча̑.
Беда куны радитъ.
220 Бе̑ меня хоть трава не рости.
Бе̑ мт̑ри мла̑донца̑ не утѣши̑ бе̑ мс̑тра аѯими̑ не уложи̑.
Быва̑ о̑ ко̑комъ да ла̑лива̑ и мышки̑.
Без ума̑ то̑рговȃ лише дн̑ги терять.
Бе̑ при̑чи̑ вѣку не и̑жить.
225 Богатъ шолъ в пи̑р а убогъ брелъ в миръ.
Были бы̑ кости̑ а̑ костя̑ мясо будетъ.
Бы̑ в той школе̑ у̑ не о̑манешъ.
Бумага̑ не купленая̑ а писмо домашное̑.
Богъ здастъ и свинья съѣстъ.
230 Бе̑ року смерти̑ не будетъ.
Борба̑ любитъ похва̑бꙋ.
Бо̑ливой корове̑ бо̑гъ рогъ не даетъ.
Было добро да давно а будетъ до̑бро да до̑го жда̑.
Бьючися с коровою не молоко.
[л. 328 = й]. Брюжди̑тъ что муха в щели̑.
236 Блинъ добро не одинъ.
Бес копусты щти не густы.
Бе̑ обѣда не красна̑ беседа̑.
Бьючи по молоко не посылаютъ.
240 Бу̑то на каторге̑ выгостилъся.
Бьютъ быка̑ да свинью не все то про Оѯи̑ю.
Быть богату быть и рогатꙋ.
Бѣлъ лицомъ да ху̑ о̑цомъ.
Бражка̑ варить глазка̑ курить.
245 Борисъ не дирись, а дра̑ся̑ будешъ запира̑ся.
Бреде̑ Та̑яна̑ до̑брѣ̑ не пьяна̑.
Били Ѳому̑ про куму а̑ Трошку про кошкꙋ.
Бѣлки̑ ловить ношки̑ о̑бить̑.

Digitized by Google

Бѣдной в нужѐ что жаба̀ в лужѐ.
Бѣдному ве^з^дѣ бѣдно.
Бобы не грибы̀ не посѣевъ не ^с^зоидꙋ^т^.
Би^т^ чело̑ Ѳомѣ а было бы в сумѣ.
Бить не битова̀ на рука^х^ носить.
Боленъ зу̀бъ у̀ себя во ^р^тѐ.
Богатъ силенъ что левъ.
Бѣденъ часто ся о̀зираетъ хотя и не ево кличю^т^.
Богата̀ хоть дурака̀ всякъ почитае^т^.
Бо^л^ны раны̀ на свои^х^ плечахъ.
Бога́ту хотя̀ глу́пу̀ всякъ дѣетъ мѣсто.
Бреде́тъ Катери́на̀ к себѣ на перинꙋ.
Богатъ да лстивъ глупѣ̀ того̀ не^л^зя быть.
Боя^т^ся̀ во^л^ковъ быть бе^з^ гри^б^ковъ.
Боятся воровъ не де^р^жати коровъ. [л. 328 об.].
Болна жена̀ мужу̀ во всякую нꙋжю.
Бить борана̀ сьѣдя^т^ бояря у̀би^т^ ко^з^ла не о^б^ра^т^ся зла.
Бежитъ волчокъ на супрятку.
Быть тому коню. у̀жжо. о̀драну.
Бежитъ о̀вца. с поля̀ своя̀ ѐй во́ля.
Брѣдитъ то^т^ што сѣрои котъ.
Боло́то и^з^бродилъ а̀ ры́бы не и^з^ловилъ.
Было ремесло да хмелемь ѕарасло.
Будь здоровъ со всѣхъ четыре^х^ сторо^н^.
Баламутъ любитъ кнутъ.
Бортникъ горекъ да медъ ево сладокъ.
Беседа̀ без хлѣба̀ ни пригожа̀ ни угожа̀.
Бобъ в полѐ сѣютъ на бг҃а ся надѣютъ.
Брови̇ приго́жи̇ а дровни̇ уго́жи.
Борода̀ кажетъ мужа̀ а жо^н^ку ея нужа.
Береза̀ не угроза̀ гдѣ о̀на стои^т^ та̑ и шуми^т^.
Бритва̀ о̀стра̀. да мечю не сестра.
Бꙋнтъ не пе^р^цу ѳунтъ а живетъ горекъ.
Бг҃ъ суди̇ виноватова̀ хто обиди^т^ бородатова̀.

Бабка с мотовилы а внука з велилы.
Богатъ шепчетъ с кумою а убогъ с сумою.
Богатъ сидитъ в пиру а убогъ бродитъ в миру.
Былъ то в ските что Иона в ките.
Бу то бѣлую дана платитъ.
Блинъ не клинъ брюха не росколетъ.
Барышу накла болшо. братъ.
Бѣлые ручки чюжие труды любятъ.
[л. 329]. Богъ тому и видитъ хто чѣмъ кобо обидитъ.
Богато что еле рогатой в тѣсные врата не про де.
Боли дѣ о ба ке а ба ка о внукѣ а внука о сучке.
Боися смерти не утоцили бы черти.
Блазенъ да бязенъ розны умы оди тачо а друго плачо.
Бы было битъ да сѣчо кнутомъ не плака о томъ.
Болшой в домъ. что ханъ в Крыму.
Барашки & Малашки а двѣ сумы у Ѳомы.
Бы попъ в удѣ има ему и тѣстомъ.
Брани жена мужа а би ево не нужа.
Былъ какъ вѣсъ потекъ какъ песъ.
Болшому чорту. болшая и яма.
Боитъся вѣсъ крта а свинья пестра.
Билъ дѣдъ жабу грозяся на бабу.
Барашка убитъ не душа погубитъ.
Вѣсъ то знаетъ на ково песъ лаетъ.
Броди што чорту по болоту.
Вѣсъ учитъ что жена бор читъ.
Безъзбомъ. орѣхъ и зубатому не грѣхъ.
Битъ Ѳому прогнѣвитъ кому.
Буду богатъ буду рогатъ ко захочю того и бодъ.
Бѣшену мужъ. и море за лужъ.
Бездна бездну призываетъ.
Былъ гдѣся а сталъ здѣся.
Бобръ похваленъ. да весь ѡпаленъ.
Благъ блажи благоѣ благому.

Digitized by Google

Бога̀ боися̀ а цр҃я почитай. [л. 329 об.].
Бе҃ по҃воду̀ тать не крадетъ.
Бе҃хмелноѐ пи҃ѐ дубинноѐ битьѐ.
Богъ вѣсть что намъ ѣсть.
Болѣзненну серцу горко и бе҃ пе҃рцу.
База҃р любитъ Назаръ.
Бѣгъ не красень да ҃здорово.
Бѣжа҃ и҃ хво҃тъ по҃жа҃ а стоя҃ и҃ мечь по҃нять.
Бои красенъ мужество҃ а приятель дружествомъ.
Бы҃ на пы҃кѐ, не тужи̇ о̀ убы҃ке.
Бы҃ бычку̀ на веревочкѐ.
Бы҃ на Дїому̀ ро҃грому.
Бога҃ство добысть и бра҃ство забыть.
Была рѣчь у Ѳедосьи̇ в переголосьѐ.
Бе҃ гла҃ рожа̀ не пригожа̀.
Баба дуруетъ а̀ дѣду̀ грѣхи̇.
Бродитъ Саламаха̀ и бе҃ рубахи̇.
Береженьѐ лу҃чѐ вороженья.
Братъ ро̀ной да матки̇ не о̀ной.
Блюди бж҃е рогошку. а в шубѣ в'ши.
Богатство дметъ а̀ нищета̀ в'двоѐ гне́тъ.
Богу̀ молися̀ а самъ не плашися̀.
Без ума̀ то҃рговать лише дн҃ги терять.
Бг҃ъ далъ путь а дьяволъ крюкъ.
Безу̀мному в' ѡбиду не доваися.
Бере҃ликова коня̀ и звѣрь в полѣ не бьетъ.
Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ. [л. 330].
Былъ со всѣмъ да сталъ ни с чѣмъ.
Богъ далъ родню а дьяволъ враждꙋ.
Бранью праву не быть.
Бранить себя тешить.
Беися̀ не боися̀ бе҃ ро́ку̀ сме҃рти̇ не будетъ.
Битъ добро а не би҃ и лу҃че тово.
Битому. коню лише лозꙋ кажи̇.

Digitized by Google

Бѣсъ бѣса̀ и хвалитъ.
Блюди̇ бж҃е ѻви́на̀ а теплина̀ велика̀.
Буданъ две денги̇ данъ.
Брюхо что худой другъ добра̀ не помнитъ.
Брюхо что неправе̑ной судья̀ и мо^л^ча проситъ.
Барашка̀ в бумашке̇.
Богъ воленъ да жена̀ коли̇ волю взяла̀.
Бить шуба̀ будетъ тепла̀ а учи̇ жена̀ буде̇ мила̀.
Бы^л^ бы хлѣбъ а̀ у̀ хлѣба люди будꙋтъ.
Браги̇ частые̇ а̀ рꙋки̇ одина́кие̇.
Бу^дъ^ привѣтливъ а не бу̑ и^з^вѣтливъ.
Бе^з^ имени̇ ѻвца̀ боранъ.
Бе^з^ сна́сти̇ и вши̇ не убить.
Ба̑ка ма̑кꙋ. земля взяла̀ а̀ на^м^ дѣтка^м^ своя воля.
Брюхо заболѣла чюжова захотѣла̀.
Беда̀ не дꙋда̀ игра̑ не умѣетъ а покину̑ не смѣтъ.
Баба̀ ворожила̀ да и головою наложила̀.
Бзды Бзды̀ приѣха̑ перепе^р^ды̀ привезъ.
[л. 330 об.]. Бы̑ было дворянинъ да чо^р^тъ ево переменилъ.
Быть было бедѣ да денги̇ по бедрѣ.

В

[л. 331]. Великому коро^б^лю велико и плавиние̇.
Всякое̇ время̀ перехо̑чиво.
Всяка вина̀ виновата̀.
Всякъ чл҃вкъ ло^ж^ а мы тожъ.
Всякая болѣзнь идетъ къ с^р^цꙋ.
Вѣра̀ бе^з^ дѣлъ ме^р^тва есть.
Вино весели̑ с^р^це̇ чл҃вкꙋ.

Digitized by Google

Встанешъ рабою сядешъ госпожою.
Вода̀ путь наидетъ.
Вешне̑ пꙋть не дорога а пьянова рѣчь не бѣседа. 380
В в другѐ стрела̀ что во пни.
Время̀ краситъ а безвремя̑нѐ сушитъ.
Ворона граетъ а соколъ играетъ.
Варя вино наклони̑тся а пи̑ ево павали̑тся.
Всякому̀ лихо ка̑ лѣто не тихо̀. 385
Взявъ чорта̀ в̑ домъ не выбить ево лбомъ.
Взявъ у̀ чорта рогожю о̑дать буде̑ и кожꙋ.
Воробей по̑ кровлю а сова на ловлю.
В гости̑ на ногах. а из гостѣй на дровняхъ.
В поле̑ копионки̑ а̀ в̑ доме̑ опионки. 390
Великъ смѣхъ не малъ и грѣхъ.
Волному воля ходячему путь.
Вѣкъ пе̑режить не поля переитить.
Волно хр̑тꙋ добро доспѣть.
Во много̑ гл̑глнии нѣсть сп̑сения. 395
Вавилонская пещь во всѣ роды̀ вещь.
Водою пловучи̑ что со вдовою живучи̑. [л. 331 об.].
Вешнея̀ пара̀ поѣдчи да з двора̀.
Ворона не оборона̀ а сорока̀ не без порока.
Взявъ жену̀ брюзгливу утира̑ что возгривꙋ. 400
Волна̀ баба̀ в языке̑ что чортъ в свое̑ музыке̑.
Вешне̑ ле̑ обманчивъ а новой другъ не надеженъ.
Воръ воруетъ мир горюе̑ вор попах а мир пропалъ.
В чюжихъ рукахъ ломоть шире̑.
Воронъ ворону глаза̀ не выклюнетъ. 405
В одномъ деревѣ икона и лопата̀.
Выше̑ мѣры̀ и конь не скочетъ.
Ввалихся̀ что мышъ в коробъ.
Всугонь гостя̀ не упо̑чивать.
Всякое дѣло мастера̀ боится. 410
Взять лычко̀ о̑дать ремѣшикъ.

Digitized by Google

Всякая̀ погу̀ка̀ за хлѣбомъ добро.
Выменя̑ кукꙋшку на ястряпца̀.
Вопро̑ что̑ бо̑съ ѿвѣтъ сопоговъ нѣтъ.
415 Волосы̀ до̑ги̑ да умъ коротокъ.
В осень и ꙋ воро̑бя пиво.
В чюжую дꙋдкꙋ. не наигра̑ся.
Взявся̀ за гу̑ не говори̑ что не дюжъ.
В своемъ добрѣ да воли нѣтъ.
420 Волно чортꙋ в своемъ болоте бради̑.
Всякой смешокъ ѡ̀ себя ся шибиотъ.
Вдовѣ ти̑ бѣды те̑рпѣти̑.
[л. 332]. Вино пить горко̀ а и сѣдѣть ево не ̑ла̑ко.
В чю̑жомъ пирꙋ да похмелье̑.
425 Волку зима̀ за обычай.
В водꙋ глядитъ а беду говоритъ.
Воленъ богъ да жена̀ коли̑ волю взяла̀.
Воронъ воронъ да сорокъ сорокъ во̑ ко̑ а му̑ мѣ̑.
Всякъ потужитъ а ни̑то пособи̑ не̑можетъ.
430 В горе жить некручинну быть.
Выше лба̀ ꙋши не ростутъ.
Волка̀ ловятъ не го̑кою ꙋловкою.
В до̑дь и̑бꙋ. не крою̑ а в ведро и сама̀ не каплетъ.
В чомъ гостю воля̀ в томъ ему. и честь.
435 Въ чомъ грѣхъ в томъ и спасенье̑.
— Вѣкъ жить а вѣкъ ꙋчитца̀.
Всякая̀ неправда̀ грѣхъ есть.
Варилъ попъ пиво не велико то диво.
В чомъ дѣдꙋ стыдъ в томъ бабе̑ смѣхъ.
440 Воронъ граетъ вѣсти̑ что нѣчево̀ ѣсти.
Великъ мѣстомъ а говорить нѣ с кимъ.
Волки бы̀ сыти̑ а̀ о̀вцы̀ бы цѣлы̀.
Вѣренъ рабъ господинъ тому, радъ.
Веселие̑ не вѣчно и печалное̑ конечно.
445 Види̑ сабака̀ в' кꙋ̑шине̑ малако да не достане̑ что глубоко.

Digitized by Google

Вѣтръ вѣетъ а дорожной ѣдетъ.
Вѣрну дрꙋгу нѣсть измѣны.
Видя сава мышки слѣтѣла с вышки.
Воня чортъ рѣкою да подрался с ѳѣкою. [л. 332 об.].
Видя мышъ кошку забыла и лошкꙋ. 450
Ворохъ ѕлата не у насъ у брата.
Встречаютъ гостя по платю а провожаютъ по умꙋ.
Выше слнца соколъ не лѣтаетъ.
Всякая дешевизна перѣ дороготнею.
Видялъ волкъ зиму а чернецъ схимꙋ. 455
В очи лстивъ а за очи лживъ.
Водится с кумою волочится с сумою.
Водою плыть осторожливу быть а морѣ з горѣ.
Волга плыть долго а Дунаи широко.
Вечеръ водворится плачь а заутра радасть. 460
Вешне пиръ штями изд[ро]вляютъ.
Видя волкъ козу забываетъ грозꙋ.
Висить вѣчинка десятая годинка.
В[ас]ка васка св[ины]я глаз[ки].
Вѣникъ в мыхнѣ всѣмъ господинъ. 465
В отпертыи двери лѣзутъ звѣри.
Высоко бгъ далеко цръ.
Велика мужꙋ. садела жена умерла.
Вражда бабѣ с мешкомъ что не ходитъ он пѣшко.
Варлаа ломитъ паполаа а Денисъ со всякии делись. 470
Вахромѣи разумѣи ково бьютъ ково жалуютъ.
В лѣтнике боса подпоясана нага.
Волосатъ без головы а усатъ без бороды.
Виноватои платитъ а не богатои.
Всякои гриб подымаютъ а не всяко в лукошко кладутъ. [л. 333].
Вошъ что ѕаемной грошъ спатъ долго не дасть. 476
Виноватъ вѣкъ а платежу нѣтъ.
Вѣрь бородѣ а порука в водѣ.
В копнах нѣ сено а в долгахъ не дѣнги.

Digitized by Google

В счетѣ правда не теряется.
Всякого животы смерть окажетъ.
Всякое брашно гортань разсудитъ.
Вслѣдъ гостя не употчивать.
Всякои избираетъ другъ по своему нраву.
Всякой чл҃вкъ у дѣла познавается.
Во всякомъ мудреце довольно простоты.
Всякои молодецъ. на свой образецъ.
Всякъ спляшетъ да не какъ скоморохъ.
Всякая жаба себя хвалитъ.
Всякъ добръ да не да всякаго.
Всякая погудка ѕа хлѣбомъ добро.
Воздуха словами не наполнить.
Выплюнувъ слины не поднять.
Всякъ Еремѣй по себѣ разумѣй.
Вомчи бѣсъ есть а вымчи нѣтъ.
Всякому свои сопли солоны.
Выдумовъ слово говори.
В чюжие сани не садись.
Всякая птица своимъ носомъ сыта.
В чернѣ говорилъ мошно. и похѣрить.
[л. 333 об.]. В стрелцы ставка добра да лиха выставка.
В боярско' двор ворота широки да з двора уски.
Всякое дѣло до искуса.
Вѣдомои рокъ что ножемъ в бокъ.
Во гробъ ничево не положатъ.
В живомъ болѣ корысти.
Весьмир неправдою живет а нам однѣмъ не тресну ста.
Время гони а другое бѣжитъ.
Всякой вещи время.
Всякое дѣло мѣра краситъ.
Всего свѣта не захватить.
Взлиховался не перед добромъ.
Все говорить себѣ норовитъ.

Digitized by Google

Вѣдаю̃ то колши́е̑ у̑ ково бороды̀ пошире̑.
Всего бг҃ъ чл҃вкъ зна̃ не да̑ а всего не ѿнялъ.
В чꙋжꙋю часть не ворогушею впасть.
Вѣкъ мелетъ а посыпа̃ не у̑мѣетъ.
В миръ поити̑ и тѣстомъ взять.
Всякое̑ дѣло мастера бои̃ся.
В людехъ Ананья а̑ дома и не наиду̑тъ.
В люде̑ тщи ѻ̑каза̑ся а дома и не сказа̑ся.
Всего много а все в людехъ.
Всякому досталось по Якову.
Выпили пиво ѡ̑ ма̑ленїце̑ а по̑ме̑е̑ ломало по̑ле ра́дуницы.
Вино мутно а̑ дш҃а ну́тко.
Во̑ка̑ вин̑яя тио́тка.
Воръ чево̑ не крадетъ. [л. 334].
Воръ не всѣгда̑ крадетъ а̑ се̑да иво берегу̃ся.
Воръ не ту̃ краде̃ гдѣ много ту̃ краде̃ гдѣ плохо.
Во̑ что ѕаецъ и стѣни своеи боится.
В ворѣ что в море̑ а в дураке̑ что в пресно̑ молоке̑.
Вору воровская.
Виноватъ ме̑вѣ̑ что корову съѣлъ а не р̑ака ї корова что за поля ходила.
В буханье не слышать и̑ ѻ̑ханья.
Вытягалъ два вырва̑ в шею да мѣхъ кулако̑.
Выколо̑ гла̑ да пеи мои квасъ.
В честь вино пьютъ а не в честь льютъ.
Все добро за̑ хлѣбомъ.
Выша лба̑ очи не растутъ.
Во всемъ доля̑ а̑ ни в чемъ воли̑.
В полѣ со̑жаются̑ родомъ не считаются.
Во что мѣтилъ в то и попалъ.
В поле воля.
Вольнѣе̑ то̑гу̑ нѣтъ.
В низъ вода̑ несетъ а в ве̑хъ кабала везетъ.
Великъ да тонокъ что поминно̑ полоть.

Digitized by Google

В баню на ногахъ а из бани на дровняхъ.
Все добро̂ а нѣтъ на толокно.
Все то кра̂ные дв҃цы ізо̂ю̂ а добрые мола̂цы ізнося̂.
550 В друге стрѣла̀ что во пни̂.
Вина голову клонитъ.
Ввременьщики родомъ велики̂. да не до̂говѣкі.
[л. 334 об.]. В дубе галица̀ а в гузнѣ яица̀.
Воробѣй сидитъ на тынѣ надѣе̂ся на крылѣ.
555 Всякое коренье. примаи з бл҃годареньемъ.

Г

[л. 335]. Гдь гордымъ противится смиренны̂ же дае̂ бл҃года̂.
Гнѣваитеся̂ и не согрѣшаите.
Гдѣ закон тамъ и страхъ.
Горбатаго гроб исправляетъ.
560 Гнило. слово. ѿ гнила. ср̂ца.
Голоденъ преходитъ грады а на̂ ни двора̀.
Гдѣ на̂ нѣтъ та̂ по̂ вѣ милостыни даютъ.
Грѣхъ сла̂ко, а чл҃вкъ па̂ко.
Глупова и в о̂таре бьютъ.
565 Глазы пива̀ не выпитъ.
Глазъ видитъ да зубъ не имѣтъ.
Голосомъ пѣтъ а конемъ воевова̂.
Гдѣ пиво тамъ и диво.
Горко что бѣда̀ а мило что жена̀.
570 Гостя безстыдна̀ пивомъ не выгна̂.
Гость гости̂ а пошолъ прости.
Гдѣ были̂ родины̂ тамъ буду̂ и кстины.
Гдѣ ково покрали а к намъ с выемкою.

Digitized by Google

Грѣхи̂ любезны̂ даведутъ до бе^з^дны̂.
Грѣхи чиня̑ смѣхи̂.
Грѣхъ да бѣда̀ на каво не живетъ.
Гдѣ тонко тамъ и рвется.
Гдѣ чо^р^тъ ни былъ а на устье̂ приплылъ.
Гдр҃ва земля не клиномъ сошла̀.
Голова на кресꙋ. и това^р^ на берегꙋ.
Глаза што лошки̂ а не видятъ ни кро̑ки.
Горкꙋ̀ бы̑ выплюну̑ а сла̑ку бы̑ проглотя̑. [л. 335 об.].
Голоби лѣтаютъ гдѣ и^х^ привитаютъ.
Гости сидя̑ гдѣ хотя̑ а намъ гдѣ велятъ.
Гдѣ шьютъ тамъ и порютъ.
Гдѣ черти̂ ни бродили̂ ве^з^дѣ и^х^ бранили̂.
Гдѣ худꙋ ни жить ве^з^дѣ ему тꙋжить.
Грѣха̀ добыть мошно а и^з^быть ево то̑но.
Глупъ да лѣнивъ о^д^но двожды дѣлае̑.
Грѣхи со смѣхи и^з^бываютъ со слезами.
Грѣхъ и^з^бывать слезами̂ о^б^мывать.
Гость бе^з^стужъ посидѣть любитъ.
Гнѣвливъ з горшки̂ не ѣ^з^дитъ.
Гора з горою не со^д^детсѧ̀ а чл҃вкъ с чл҃вко̑ со^д^е̑ся.
Гдѣ кто поѡбѣдаетъ та^м^ все и вѣдаетъ.
Голо^д^ной что бѣшеной рве̑ да теребитъ.
Голосъ что в теремѣ а дш҃а что в вѣнике.
Гдѣ ме^р^твы^х^ погребаютъ та^м^ и рыдаютъ.
Голодъ не тиотка̀ пирожка не по^д^сунетъ.
Голо^д^но̀ пра^з^дниковъ не считаетъ.
Гость дорого̀ а̀ день сере̑нои.
Гость на ^д^ворѣ и бе̑да̀ на ^д^ворѣ.
Грѣшенъ грѣхъ закономъ.
Грызꙋ̀тъ о̀рѣхи ме^ж^ дѣлъ для потѣхи.
Готовъ ꙋ̀ бг҃а мечь грѣшниковъ. сѣчь.
Гонитъ. гонецъ. тутъ емꙋ. и конецъ.
Грибовъ ищꙋ̀тъ по лѣсу рыщутъ.

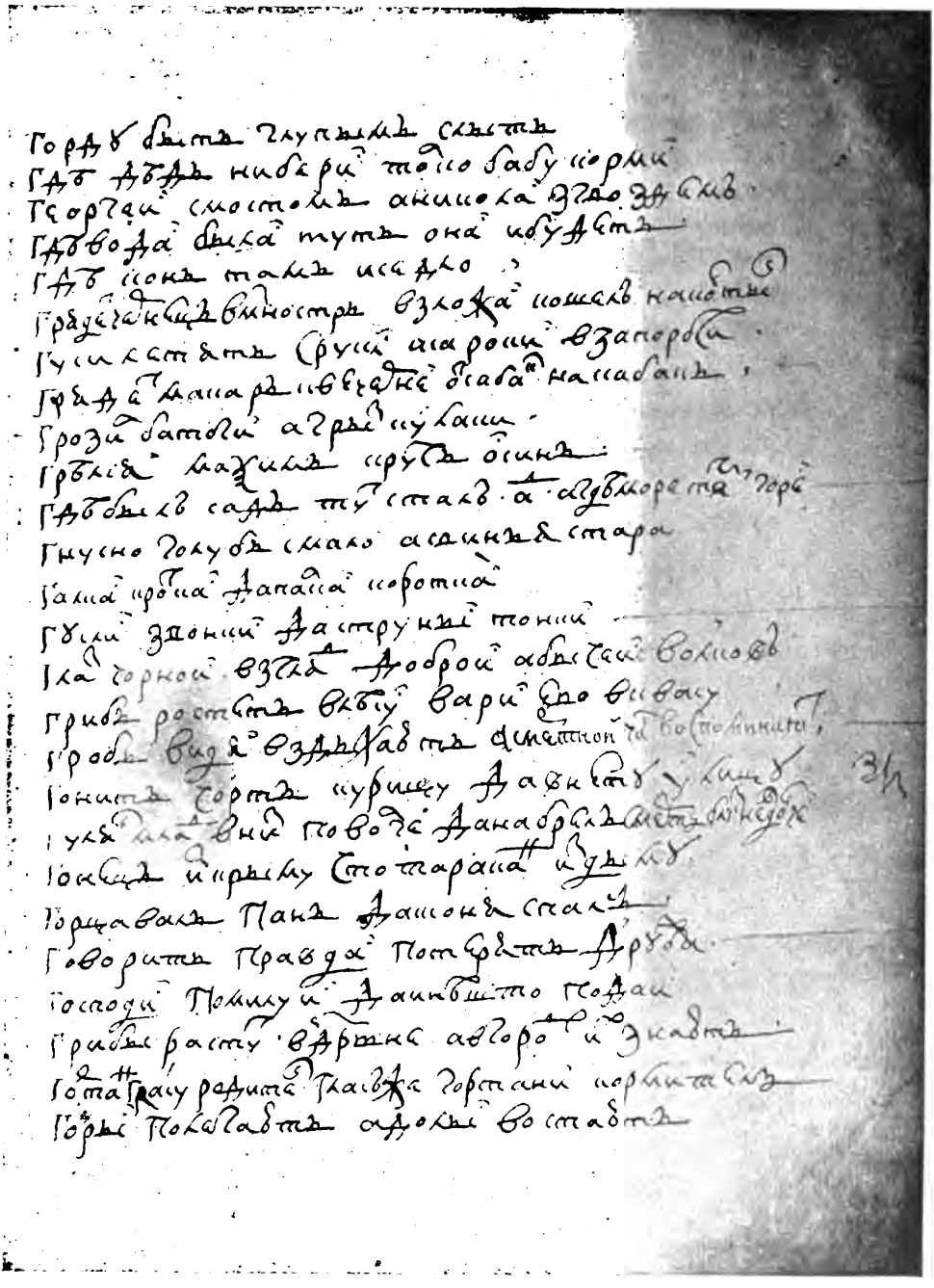
Digitized by Google

[л. 336]. Горду быть глупымъ слыть.
Гдѣ дѣдъ ни бери толко бабу корми.
610 Георгей с мостомъ а Никола з гвоздемъ.
Гдѣ вода была тутъ она и будетъ.
Гдѣ конь тамъ и седло.
Грядетъ чернецъ в монастырь взложа кошель на коты.
—Гуси летятъ с Руси а сороки в Запороги.
615 Грядетъ Макаръ к вечерне от сабатъ на кабакъ.
Грозитъ батоги а грызъ кулаки.
Грѣлся Максимъ кругъ овинъ.
Гдѣ былъ садъ тутъ сталъ адъ. а гдѣ море тамъ горе.
Гнусно голубь с мало а свиная стара.
620 Галка кротка да палка коротка.
Гусли звонки да струны тонки.
Глазъ чорной взглядъ доброй абычей волковъ.
Грибъ ростетъ в лѣсу вари ево в квасу.
Гробъ видя вздыхаютъ [а смертной часъ воспоминаютъ.]
625 Гонитъ чортъ курицу да в не ту улицу.
Гулялъ младъ в низ по Волге да набрелъ смерть близ не отдоге.
Гонецъ из Крыму что таракан из дыму.
Горцовалъ панъ да с коня спалъ.
Говорить правда потерять дружка.
630 Господи помилуй да и нѣшто подай.
Грибы растутъ в деревне а в городе их знаютъ.
Гортань гласу родитель гласъ же гортани кормитель.
Горы полегаютъ а долы востаютъ.
[л. 336 об.]. Горекъ обѣдъ без хлѣба.
—635 Глѣбъ з Борисомъ а хлѣбъ у них с анисомъ.
Гортань приемлетъ всего лѣта трудъ.
Говоритъ не ѣду. а спѣшитъ к обѣду.
Говорилъ день до вечера а слушать нѣчево.
Говорить было да разума не стало.
640 Говори да не проговаривайся.
Говоря всего договоришся.

Digitized by Google

IX.

Къ стран. 92.



Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 336-го* (текстъ сборника пословицъ на букву **Г**).

Digitized by Google

Digitized by Google

Глупои говоритъ а на глꙋ̑ а умно́ береⷮ на умъ.
Грамотѣ гораⷥдъ не умѣетъ ли пропасть.
Грѣшное тѣло и ⷣшу сьѣло.
Громъ не грянетъ и мужикъ не ⷣрогнеⷮ. 645
Глупова долю напереⷣ ѣдятъ.
Гдѣ двое стоятъ туⷮ треⷮему дѣла нѣтъ.
Гдѣ тому конецъ какъ у старова о̄цъ.
Гдѣ плохо лежитъ туⷮ брюхо болитъ.
[Грѣⷯ ꙋбѡ сладостїю внидеⷮ. горестїю же изыдетъ.]. 650

Д

Два оⷣномꙋ рать. [л. 337].
Два воюютъ а одинъ горюетъ.
Два брата на меⷣвѣдя а два свояка на кисеⷧ.
Два с҃на да самъ в силѣ.
Добро бороⷥда к загонꙋ. 655
Два Демида а оба не видятъ.
Два луки а оба туги.
Далеко кꙋликꙋ. до Петрова д҃ни.
ДвоⷤДы и богъ не мучитъ.
Добрая метла в мѣсто метеⷮ а хꙋдая роⷥна. 660
Дѣвичья красота до мужества.
Двичей стыⷣ до порогу какъ переступила таⷦ і забы
ла.
Давно то пропало что с воза ꙋпало.
Дѣловцꙋ поⷧтина а нарѧⷣчикꙋ рꙋбль.
Денга руⷠля стережетъ. 665
Дураковъ ни сѣютъ ни жнуⷮ сами родятся.
Доброму веⷥдѣ добро.

Digitized by Google

Дядя бѣлой горохъ.
Для дȣраковъ за море [не] ѣздятъ.
670 Дворно а не протерно.
Для ште людй женятся а для мяса за мȣж ходятъ.
Дрȣгу хвалй чюжȣ сторонȣ а самъ въ нее ни поногȣ.
Добръ животъ впрягать а отъ лягать.
Дорого да мило а дешево да гнило.
675 Дорого яйчко к великȣ дни.
[л. 887 об.]. Дȣракъ времени не знаетъ.
Дȣрака слушать пирога не кушать.
Дѣвка плачотъ а бѣлка скачотъ.
Дрȣгую пьетъ братинȣ. а обе в спинȣ.
680 Добръ дѣтинка да лиха хмелинка.
Дѣвочку смотрить не камочку купить.
Дастъ богъ утро и день дастъ богъ и пищȣ.
Дȣмать не рюмать помышлять промышлять.
Дȣмаетъ Климъ тесать хочетъ клинъ.
685 Дѣткй в чюжие клѣткй а батькй за тѣмъ догадки.
Дрвня добра да слава (про нее) хȣда.
Достоинъ дѣлатель мзды своея.
Даромъ и чирей не сядетъ.
Дȣма дȣму дȣмаетъ.
690 Должен чернецъ бга молить.
Добро доброе слушать.
Дулъ было в тȣ дȣткȣ. да не пищитъ.
Домъ добръ да господинъ в немъ хȣдъ.
Добромȣ гостю добрая и ества,
695 Доброе зло погȣбляют а злаго добро приȣчаютъ.
Домъ пахнетъ дымомъ а гробъ ладаномъ.
Дȣракъ любитъ бранитея.
Дерево ронятъ тудыі куды оно нагнулось.
Дасть небо дождь земля и рожъ.
700 Дать ссуда на вѣкъ остуда а не дать толко на часъ.
Денги во снѣ печаль а на яве страхъ татя.

Digitized by Google

Добро добро а ноги кривы. [л. 338].
Друга ссужáть себѣ досажать.
Дехтемъ торговать техтѣ и конят.
Добивался что городá а извыкает что ворога. 705
Дураковъ не сѣютъ а умныхъ не вѣютъ і сами оні объявляются.
Данило с матавило а́ умá ни с шило.
Дынька еда да денгá худá.
Дѣла не дѣлаетъ а отъ дѣлá не бѣгаетъ.
Дасадя дрȣгȣ. каятся будетъ. 710
Досадя другȣ со стыдомъ поклонится.
Дѣвицѣ красы до косы а у молоцá и до концá.
Добрые жены ткать а мы навинъ искать.
Данилá земля придовилá.
Дунка не послѣднѣя дурка. 715
Дворянинъ на конѣ а смерть на копнѣ.
Двѣ шубы тепло двѣ хозяики добро.
Доброе молчание о чомъ не отвѣтъ.
Дȣхъ бодръ плоть немощна.
Другъ вѣренъ в напастехъ познавается. 720
Дрȣгȣ вѣрнȣ. нѣсть измѣны.
Дрȣголюбивъ не обогатится
Другъ льстивъ корысти желатель.
День ото дни. а к смерти ближе.
Двѣ головни курятся а одна николи. 725
Дворъ добро с ушáми, а храмина с очáми.
Дѣвушке замужъ. хочется плакать.
Для умновá печать а для глуповá замокъ. [л. 338 об.].
Дней у богá многá а всѣ впереди.
Домомъ жить потȣжить. 730
Домъ господской а ровъ сиротской.
Дологъ у коровы языкъ да говорить не умѣетъ.
Дѣдовские свѣчки лучинка с пѣчки.
Другъ другȣ. теремъ ставитъ а недругу гробъ тешетъ.
Для того кузнецъ клещи куетъ чтобы рукъ не жгло. 735

Дша̄ милѣе̂ кавша.
Даравому каню в зубы не смотря̄.
Дѣ̄ки̂ за щепки̂ а ма̄ки ѕа дѣтки̂ а ба̄ки̂ за ма̄ки̂.
Да стоӣ глупы̑ у̂тѣшать а му̑ры̑ искушать.
740 Доброта̂ нб̄сная слава̂ звѣ̑дная̂.
Дꙋна̂ река̂ велми̂ широка̂.
До̑ро̑ Ива̑ и̂ людемъ и на̄ а худо̑ Ива̑ ни людя̑ ни намъ.
Дороже̂ кожюха̂ вошвы стали̂.
Добро тово бить хто плачотъ.
745 Дꙋракъ стыдꙋ не ̑наетъ.
Дѣтки̂ поспѣли̂ ба̄ка бе̑ вѣку доспѣли̂.
Дале в лѣсъ болше дровъ.
Денешка любитъ щотъ.
Добрые жорнова̂ все мѣлютъ.
750 Денегъ нѣтъ на полати прѣть.
Дѣло не малина̂ и в зиму не о̂падетъ.
Досталъ Мока̑ до рѣли̂ играть ему в свирѣли.
До̑ръ во̑къ до ѡ̂вецъ да пасти ему не дадꙋтъ.
[л. 339]. Дошо̑ чо̑ртъ бродꙋ кину̑ся в воду.
755 Доброи гость до̑гой хвостъ.
Дѣдъ ростянулся̂ бабу ско̑рчило.
Дошо̑ тать в цѣль ведӯ ево на рѣль.
Дѣвушка̂ плаче̄ за мужъ хочетъ.
Дя̑ка дитя̄ке̂ ума̂ придаетъ.
760 Двои дѣти̂ водӣ о̑нѣмъ досадить.
Дубинка̂ да спинка̂ побраталися.
Другъ вѣренъ во всемъ и̑мѣрянъ.
Даетъ богъ с н̄ба доволно̂ хлѣба.
Данила̂ в рове̂ у̂боялися̂ лвове̂.
765 До̑готе̑рпѣние̂ приноситъ бл̄гословение̂.
Дешевꙋ. товарꙋ. дешева̂ и цена̂.
Достане̄ся сестрамъ по се̑ргамъ.
До̑го спать до̑гъ наспать.
Дерево нѣмо а вѣжиствꙋ у̂читъ.

Digitized by Google

Добромў для добра̀ а худомў для худа̀. 770
Добро̀ ху̑да перемо̑жетъ.
Добро ве͗дѣ свой глазъ.
Добро̀ тогда̀ будетъ до̑бро когда̀ люди по͗валя͞т.
Добро на ͗руга̀ колачъ купи͞т не уда͞тся и͗ съѣстся.
Дитя не плачетъ а ма͞т не разу̑мѣетъ. 775
До слова̀ крѣпися а мо͗вя слово де͗ржися.
Домашнея гривна̀ лу͞чше о͞т ѣ͗жева ру̑ля.
Добился сла͞дкого моло͞дя солоду̑.
Дале в лѣсъ болше дровъ. 779
Дале в споръ бо͞лше словъ. [л. 339 об.]
Добра не смыслишъ и ты худа не говори.
Досталося всякому по Якову.
Добро тому жи͞т ў ково мать ворожитъ.
Добру тому пить кто може͞т хме͗ въ себѣ скрыть.
Денга̀ слина а бе͗ неѐ схима. 785
Дешева̀ рыба̀ де͞шева и ўха̀.
Дешева̀ рыба̀ на чюжемъ блюде̑.
Дали ногому рубашку инъ толста.
Два воеводы на о͞дно͗ по͞двод.
Двое о͞дного не жду̑тъ. 790
Два̀ брата̀ с Арбата̀.
Два̀ свояка̀ а ме͗ ими̇ пестрая собака.
Доколе с͞лнце всходи͞т а роса и глоза выбаетъ.
Добро жить и͗немогаючись а не и͗рываючись.
Далные проводы лишние̑ слезы. 795
День святъ а люди спятъ.
Дивное̑ судно корыто вѣкъ живе͞т не покрыто.
Добру̑ю лоша͞дку ру̑кою побивай а ͗ругою слезы утира͗.
Домашнева̀ вора̀ не убережешся.
Донеси б͞гъ до двора̀ а брюха что гора̀. 800
Дош͗ли до Колу̑ги да и шесты̀ о̀ полубы.
Дру̑гъ по конецъ рукъ.
Дай б͞гъ н͞шему теляти во͗лка поимати̇.

Дать рукамѝ а взять ногамѝ.
Денисъ анису на мисе.
[л. 340] [Дена прошолъ то до насъ дашолъ].

Е

[л. 340 об.] Ему же дано много мнго и взыщется о него.
Елико разумныхъ толико безумныхъ.
Египетъ пшеномъ Италиа виномъ.
Его же любитъ бгъ того и наказуетъ.
Единъ воинъ десеть ротъ водитъ.
Еноху обличати и Илѣ не мочати.
Елена с'ѣдчй змию желаетъ пити.
Единъ гонитъ сто а два тмы.
Есть к немъ сѣрые овчины клокъ.
Ему бы яичко облупленое.
Есть чево послушать да было чево покуша.
Елена быстра а о смерти не утекаетъ.
Есть нѣта лучше а и нѣтъ ѣстя не хужѐ.
Епанчу возятъ в ведро а в дожда и сама ѣздитъ.
Есть кусъ та гостя нѣтъ.
Емельянъ всегда пьянъ.
Елена быстра не стрелѣ сестра.
Есть у молодца не хоронитца а нѣтъ у не не соромитца.
Емельянъ за темьянъ а у Викулы старые бакулы.
Есть собака и камени нѣтъ.
Еремѣй разумѣи. доходя вѣсти что нѣчево с'ѣсти.
Ерѣмѣя почюютъ умѣя взя за воро да взашеи.
Единъ мозвилъ остро а два стало пестро.
Есть пиво пьемъ а нетъ ѣво ждемъ.

Digitized by Google

Єсть пирогъ едимъ а нѣтъ ево гледимъ.
Єлье березье все то дерее. [л. 341]
Єрополь со льномъ а мы с полотномъ.
Єль родитъ шишки.
Ємеля торгуетъ ши́ш[ками].
Єва скурила весь свѣтъ погубила.
Єсть свинка да изломлена спи́н'ка.
Єловая кора лѣнивому добра.
Єеловой пень не ѿрочиво а смерде' снъ не покорчиво.
Єловые шишки ѿ корени до вышки.
Єдина киш'ка о семи концахъ.
Єкиму даютъ схиму а он и манатю скинулъ.
Єхиднино племя ѿца убить а матку с'ѣсть.
Єлена ѿ всѣхъ блгословена.
Єлизар уж всѣхъ перелизилъ.
Єршеи на денгу да здобы на ѻтнъ за неволю уха.
Єршова уха да лошка суха.
Єршъ бы в ухе да лещъ в пироге.
Єфремъ любит хрѣнъ а Ѳедка реку.
Єсть кому послушать было бы что.
Єсть копье да в сумьке.
Єкимъ плошина курицу купи а двѣ ѕа паѕуху заби.
Єсть ѿцъ убилъ бы а нѣт ево купил бы.
Єсть днга в слину а нѣт ея та в схиму.

Ж.

Животомъ и смерьтию бгъ владѣетъ. [л. 341 об.]
Живущему в пустыни даетъ бгъ блгостню.
Жатва многа а дѣлателеи мало.
Жнетъ идѣже не сѣялъ собирает ідѣже не росточает.

Digitized by Google

Жива̀ будетъ дш҃а моя и восхвали̑ тя̀.
860 Жребиемъ у̀па̑шаму̀ тру̑но встовать.
Жестокъ нравъ не будетъ правъ.
Желаниѐ м̑рти̑ вводи̑ в цр̑тво нб҃сное.
Жестоко слово̀ во̑двизаетъ гнѣвъ.
Жена мужу̀ пластырь а о̑ еи пастырь.
865 Железо̀ сьѣдае̑ ржа̀ а ср̑це погу̑бляе̑ печаль.
Ждавъ вѣдра̀ не сѣетъ и̑бира̑ вѣтра не вѣетъ.
Желѣзу̀ при рати̑ обычай бывати̑.
Житиѐ радостно ср̑це весело.
Живучи̑ за бабою квокать жабою.
870 Жить было в родѣ в своеи породѣ.
Ждала̀ сава̀ галку̀ да выждала̀ палку̀.
Жаль вора да повѣсить.
Жилъ Ма̑ртынъ коли былъ алтынъ.
Живучи в сосѣдяхъ бы̑ в бѣседа̑.
875 Жени̑ся Тарасъ не спроси̑ся у̀ на̑.
Жени̑ся ме̑вѣдь на коровѣ.
Жени̑ся ракъ на легушкѣ.
Желу̑ки з дубу ленивому в губу̀.
Жена у̀порна̀ ни мяки̑ ни корка̀.
880 Жюкъ лѣзетъ в нору̀ у̑навъ свою пору.
[л. 342] Жалѣвъ молока̀ не вида̑ кошки̑.
Живо̑ сме̑рти боится.
Ждала баба̀ обѣда̀ да не бѣгала̀ о̑ дѣда.
Жва̑ бабе̑ охлопки̑ бе̑ прихлебки̑.
885 Жалѣть сн҃а у̀чащивать раны̀.
Ждучи̑ дѣтокъ не поскучитъ о̑ бѣдокъ.
Жни баба̀ пшаницу жди пироги̑.
Жри чортъ кременье̑.
Живой това̑р ростить накла̑.
890 Животу̀ до ср̑цу̀ винца̀ да пе̑рца.
Живѣтъ мѣ̑вѣдь и в лѣсу̀ коли ево не зову̑ в поле̑.
Жилы̀ рвать на че̑рте̑ о̀рать.

Digitized by Google

Ждутъ Ѳому чаютъ быть умꙋ.
Живучи Вавилѐ быть в магилѐ.
Жить в обидѐ что со лвом в Персидѣ. 895
Живучи в горѣ что караблю в морѐ.
Жена прядет а богъ нити даетъ.
Жит в Крыму что сумѣ в дымꙋ.
Жеравль летитъ высоко видит от далеко.
Жить в хоромахъ тужит о коровах. 900
Живется в чаю а ждется раю.
Ждать гостя разрѣшать пѡсты.
Ждать. друга. отбыть плуга.
Живъ чл҃вкъ живую и помышляетъ.
Жалѣть вина не употчивать гостя. 905
Жить в дозорѐ не быт в позоре.
Жить весело да ѣсть нѣчево. [л. 342 об.]
Жаравль высоко летаетъ а от смерти не отбывает.
Жаль кулака а бить дурака.
Жаль Окулину да послать по малину. 910
Жалѣя мѣшка не залѣсть друшка.
Женское лѣто по Семенъ дн҃ь отпѣто.
Жнутъ полѐ в пору.
Жаль батка да вести на погостъ.
Женское збоиство на свинѐ не обѣхат. 915
Ждетъ что сава палицы.
Жить в добрѣ не надакучит.
Женя о дому прилѣжать.
Женится беда а не женится другая а третьея бѣ
да не дадутъ за меня.
Жаравль межи не знаетъ и через ступаетъ. 920
Жаравль не каша еда не наша.
Жать ячмень нагибатца.
Женское слово что клей прилпнетъ.
Женское срдце что жар в желѣзѐ.
Жаль тебя да не какъ себя. 925

Digitized by Google

Жаль друга̀ да не какъ брата жа҃ ї брата да не
какъ себя.
Живется ни в сито ни в решето.
Жи҃ жи҃ да и жилы по҃валъ,
Жить мучи҃ся̀ а у̀мере҃ не хоче҃ся.
Жить тихо о҃ людѐ лихо̀ жить мото҃рно о҃ людѐ
укорно.
Жаль дѣвки потеря҃ парня.
[Жить сонливꙋ быть ленивꙋ
а сколко ни спати добра не видати
(кт)о чередꙋ просыпаетъ, то҃ жестака наказанъ бывае҃].
[л. 343] Жени҃ся у҃ не ленится̀.
Ждать пираги̇ спа҃ не ѣ҃чи̇.
Жалѣть коня̀ истомить себя.
Жидокъ путь водою а ѣ҃дя҃ имъ з бѣдою.
Жернова̀ куютъ коли о̀ни не иму҃.
Животы у ста҃рца̀ то҃ка̀ плошка̀ да лошка̀.
Живучи на Москвѣ пожи҃ и в тоскѣ.
Живи̇ в тиши̇ а к на҃ грамо҃ки пиши.
Живетъ порыковски и ворота̀ выстовя̀.
Жданъ богданъ коровьѐ и̇мя.
Ждалъ убогаго телио҃ка̀ а да҃ ему бг҃ъ робионка̀,
Жда҃ дѣдъ внучки̇ анъ ему ни сучки.
Живетъ то порою что тече҃ вода горою.
Живе҃ та пора̀ что соромъ издвора.
Живетъ ѕа тѣ дога҃ки̇ заве҃ну҃ и лопатки.
Жаль дѣда̀ а быть ему̀ бе҃ обѣда̀.
Желѣзомъ хлѣбъ добываютъ.
Желѣза̀ куютъ не поимавъ татя.
Живетъ богатои̇ что быкъ рогатои̇.
Жени҃ся ленивои̇ на са҃ливои̇ богато бы имъ жить.
Женился̀ мясникъ у̀ калашника̀.
Жить славно̀ не жалѣть мошны̀.
Жаворонокъ к теплу̀ а зяблица̀ к стꙋже.

Digitized by Google

Животинке водится гдѣ хлѣбу родится.
Жару короста не любитъ а парокъ е надобе.
Жалѣ писцу бумашки не нажи ему рубашки.
Жени замолчалъ инъ сватъ заворчалъ. [л. 343 об.]
Жилы рвутся о тяжести а лезы льются о жалости. 960
Жена пряди рубашки а муж ве гужь.
Жаба да баба квогчутъ да клочутъ,
Жалѣть олапины не упочива детины.
Жемчюжное зерно порою скверно.
Жениху много на умъ идетъ. 965
Женские умы что татарские сумы.
Жену понять на свата пенять.
Жаль Кирила а поберечь ему рыла.
Жда чести мало ѣсти,
Ждетъ дуракъ болшова мѣста. 970
Жена говорлива мужу не мила.
Жаравль лѣти с моря убави нам горя.
Жены для в пиръ а дѣтей для в миръ.
Жени веселъ всему браку радость,
Женихомъ бракъ честенъ. 975
Желудокъ не треснѣтъ что сто полтѣ вѣснѣтъ.
Живъ другъ. не убытокъ.
Живетъ да поетъ мухи махами зове.
Живетъ за рѣкою а к нам ни ногою::
Женской бытъ всегда он битъ. 980
Жаба в болоте сидитъ на колодѣ.
Жаба у рака гнѣдо отняла.
Жеребеи метать уж не хлопотать.
Жолна долбитъ древо а жена суши чрево.
Ждучи попъ усопши да сам уснулъ. [л. 344]
Живъ Ѳедя (и бе)з мѣдьвѣдя. 986
Жена досужа добра и без мужа.
Жаломъ пчела страши и кроля.
Ждучи лосины наглодатся ѡсины.

Digitized by Google

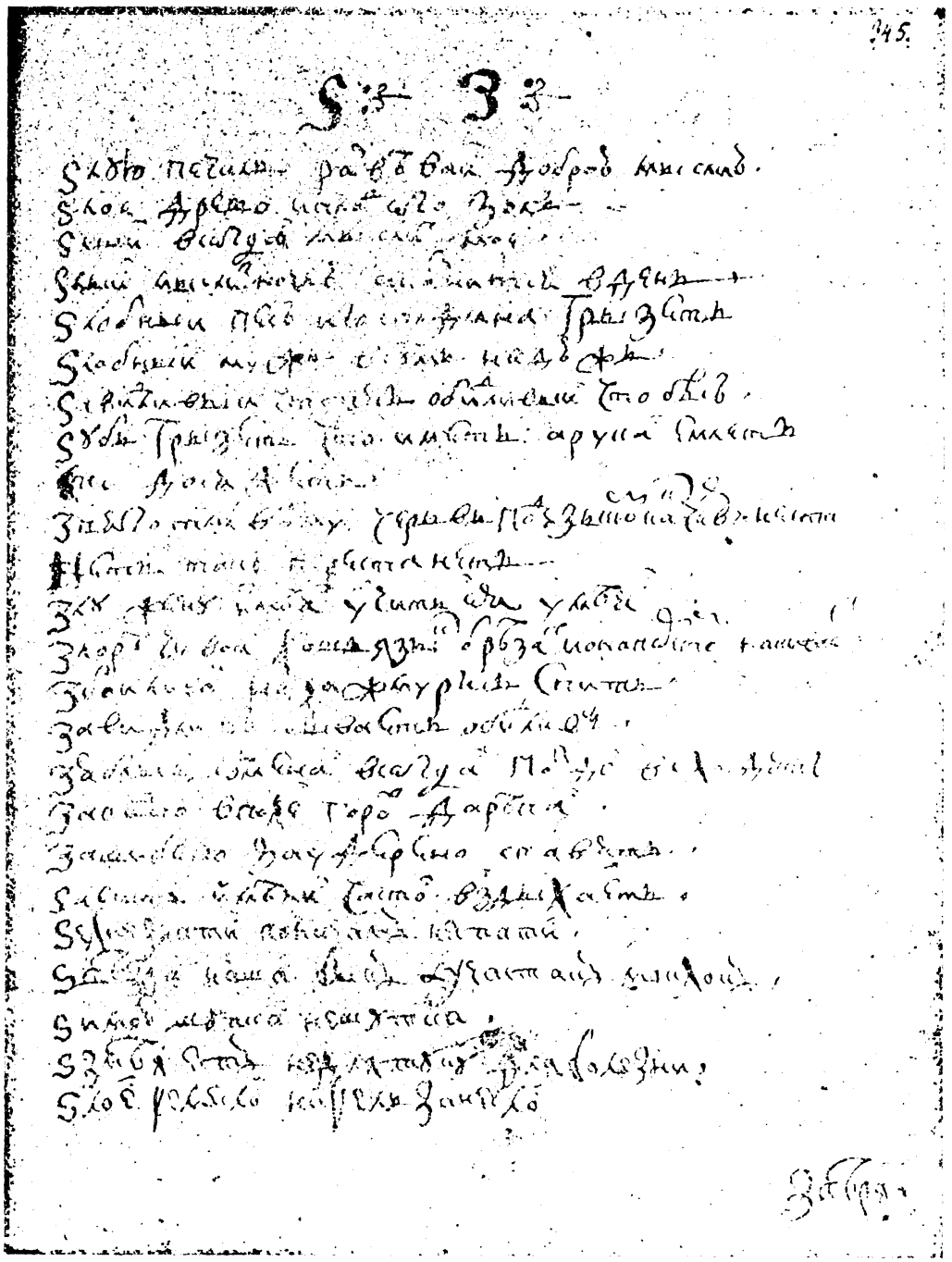
990 Жни баба полбȣ. да жди себя по лбȣ.
Жердй возятъ черти хотят ах городит.
Жалитъ пчелка жалѣвъ медкȣ.
Жимолостка переломи костка.
Жил бы и в ордѣ толко бы в добрѣ.
995 Жаль друшка да нетъ пирошка.
Желто цвѣт женско привѣт как ѿцвѣтет и привет пропадет.
Железные руки и съ огня волокутъ.
Жатва поспѣла и серпъ изостренъ.
Желание убогих не погибнетъ до конца.
1000 Жена да мужъ змия да ужъ.
Жаба гласомъ устрашаетъ льва.
Жена при муже не вспомнит об ни же
Женится переменится.
Живи не тужи а ржи не купи.
1005 Живи колотило за рѣкою а к намъ ни ногою.
Живет мордвинъ и не крещенъ.
Живой магилы нѣтъ.
Жена мужа не бьет а в свою норо вьведетъ.
Жены соромится дѣтей не видать.
1010 Женою Адамъ из рая изгнанъ.
[л. 844 об.] Живъ богъ жива и душа моя.
Жаловалъ до уса жалуй (и) до бороды.

Ѕ — З

[л. 845] Ѕлую печаль развѣвай доброю мыслию.
Ѕлое древо и плод его золъ.
1015 Ѕлый всегда мыслит ѕлое.
Ѕлый мыслит ночью а казнится в день.
Ѕлобныи песъ и господина грызетъ.

Digitized by Google

Къ стран. 104—5.



Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 345-го* (текстъ пословицъ на буквы **S — З**).

Digitized by Google

Digitized by Google

Ѕлобныи мужь всѣмъ не дюжь.
Ѕавидливыи что песъ обидливыи что бѣсъ.
Ѕубъ грызетъ что иметъ: а рука емлетъ 1020
что досяжетъ.
Звяготливому червь по языкомъ какъ червя не ста
нетъ такъ перестанетъ.
Злу жену имѣя учить ея умѣя.
Злорѣчивои хошь языкъ отрѣзать и она перстомъ накиваетъ
Збоиливо не зажмурясь спитъ.
Завидливъ бываетъ обидливъ, 1025
Зяблые сѣмена всегда поздо всходятъ.
Завидно в поле горох да рѣпа.
Зашибено за удерено ставятъ.
Ѕависть. имѣяи часто в'здыхаетъ.
Ѕелие знати по начамъ не спати. 1030
Ѕвѣзда наша быкъ а участакъ моклокъ.
Ѕимою шупка не шутка.
Ѕзмѣя естъ не для туку для болезни.
Ѕлое ремесло на рель занесло.
Зверя бьютъ время ждутъ. [л. 345 об.]
Зелие збираютъ звѣздъ избираютъ, 1036
Золъ мужь в магилу а дабра жена по дворамъ,
Зла кабылъка ешъ кабылъку,
Злыхъ всехъ ѕлее ѕлая жена,
Золъ женихъ а ѕлу невесту обѣгаетъ, 1040
Зобъ кривъ сыта птичка,
Законъ ѕаконъ ѕаконамъ,
За скудасть разума полатъ лишаются,
Зависть приметъ люди не наказаныя,
Ѕвание вышнего на браки вѣчные, 1045
Ѕная Авраамъ жену сестрою звалъ,
Ѕа правая слова умираютъ мнози,
Ѕа морямъ карова по деньги да провозъ дорогъ,
Ѕапросу в мошну не кладутъ,

Digitized by Google

Ѕапасъ мешка не порьтитъ,
Ѕа очи каня не купятъ,
Ѕачемъ стало а и приданова мало,
Ѕнаи рабя рабячью,
Ѕѹи охочь да вады̀ а плавать не умеетъ.
Ѕбылася что сниласа̀,
Ѕбыла охотки̇ какъ не стало у тиотки,
Ѕаигралъ в сѹрънѹ̀ да попалъ в тюрмѹ̀,
Ѕа кожею панъцыря нетъ,
Ѕнать ѕолота и на грези̇,
Ѕво́накъ бубенъ за гарами а к намъ придетъ что лукошка,
[л. 346] Знать соколъ по полетѹ.
Знать сова̀ по перью.
Захотѣлъ у̀ собакъ блино̑ и растворомъ вы^х^лебаю̑.
За неволю хода̀ коли̇ ноги̇ болятъ.
Затѣмъ. краснои. дѣвке̇ не сиде̑ что о̀че̑ у̀ нея нѣтъ.
Збои̇ се^р^ди́тъ не живетъ.
За скудость. у̀ма̀ таска̑. бѹдетъ. сума.
За грѣхъ и кожа̀ по^д^ застрѣхъ.
Здѣлавъ. добро̀ не хвалися.
Зна́етъ сверчокъ свои̇ шостокъ.
Здороваютъ Косте̇ в новѹ̑й коросте.
Зага̑ки гадки. а о̑га̑ки̇. з дш̃и. прѹтъ.
Запоръ малъ. великимъ городомъ. владѣетъ.
Замокъ приго^ж^ клетью а задокъ плетью.
Заневѣдался что короста. в парѹ.
Збоиливъ. зиня̀ ротъ· ро^з^зиня.
Заецъ у^ж^ сѣдъ навидался̀. о^н^ бѣдъ.
Златолюбъ не ѣстъ колачовъ.
Знаю̑ бабу. не для̀ пироговъ.
Знаетъ какъ бѣсъ. а̀ лаетъ какъ песъ.
Запѣлъ комаромъ а̀ сѣлъ томаромъ.
Збыла̑ котѹ своя. масленица.
Знаетъ. и ворона̀. в чомъ о̀борона.

Digitized by Google

Знай женꙋ ѕлонравнꙋ. что свиню приправнꙋ.
Знать и по рожѐ. что былъ на сторожѐ.
Знать на цвѣтꙋ. что идетъ. к' матꙋ.
Ѕнать· по килѐ что бы̃ в магиле. [л. 346 об.]
Ѕачалъ за здравьѐ а свелъ ѕа упокой.
Ѕа очи яйца торгꙋютъ.
Ѕаочно торъгавать. по товарѣ горева̃.
Ѕа неволю к' полю кали бѣси в лѣсѣ.
Ѕ дꙋракомъ не ꙋбить бобра.
Ѕаемъ плати̃ не бѣда,
Ѕаемъ красенъ платежемъ.
Ѕаймꙋя смѣются а платя долгъ плачю̃.
Ѕаймщикъ займодавцꙋ всегда винова̃.
Ѕаимовать не соромится а плати̃ хорони̃ся.
Ѕнай лысыхъ не проходи плѣшивыхъ,
Ѕобъ полонъ а глазы голодны,
За такия дога̃ки завернꙋ лопатъки.
Захотѣлося дрищꙋ борщовыхъ щей,
Загорѣлось дш̃а бѣжи до ковша,
Збруя при рати недрꙋга карати,
Зеленъ виногра̃ не л̃адокъ мла̃ чл̃вкъ не крепо̃.
За очи баба и князя лаетъ.
З горя не ꙋшиптися а хлѣба не лишитися.
Зову̃ меня Власомъ а живу в сѣлѣ ѕа п̃асомъ.
Зазнался что вошъ в коросте.
Зинꙋлъ Ка̃янъ на кр̃тьянъ.
Звалася баба княгиняю за пу̃стою братиною.
За слово ни полу слова.
За что батко ѕа то и дѣтки,,
Забылъ бѣсъ небо ꙋпалъ о̃ в пекло. [л. 347]
Знаетъ и дѣдъ в кою порꙋ обѣдъ.
Забылъ в сурнꙋ. какъ попалъ в тюрмꙋ.
Зевае̃ волкъ не ѣтчи ожидаетъ о̃ овечки.
Законъ преступить во тму поступи̃

Digitized by Google

Зыбакъ мо҃тъ, на рѣчке гибо҃, хво҃тъ на пе҃ки.
Звалъ волкъ ко҃. на пиръ да за го҃тинцами не́дꙋ҃.
Знаетъ и҆ щꙋка в чемъ ей докꙋка.
Зри҃ вл҃ка что нетъ ни лыка.
За которой пертъ ни ꙋ҆кусишъ инъ все боля҃.
Званъ на честь. а посаженъ на печь.
За сты҃ голова гинетъ,
З бо́лныя головы да на здоровою,
Зять люби҃ взять а҆ тесть люби҃ честь.
Знать по всходе что быть не з́годе.
Здоровы бы были дѣти да чюжие клети.
Зачалъ смѣятся да заплакалъ,
Замо́лкла мꙋзыка ка҃ червь до языка,
Зват́ся болшимъ з́натся с меншимъ,
Збежалъ не дожалъ пришолъ не нашо҃,
За ковшъ да и҆ за ношъ,
За что казакъ гладокъ, поѣ҃чи да на бо҃,
Збойливъ ѡ҆казываетъ смирение́,
Залѣзъ бога҃ство забы҃ и҆ бра҃ство,
Звалъ госте́ а҆ накупи҃ косте́,
Здѣлалъ му҃ дверцы ни во҃ ни в ы҃бꙋ.
[л. 347 об.] Знаемъ мы и҆ сами что кривы н҃ши сани,
Ѕовутъ мяня и часто да ленюся ходить.
За мухою не с обухомъ.
Ѕнаетъ кошка чье́ мяса съѣла,
Знай ямскꙋю по т҃олбамъ.
Ѕнай болѣ а҆ говори мене.
Зовутъ ево Ѳомою а живетъ о҃ собою в люди
не ходитъ а҆ к себѣ не зоветъ.
З зятемъ. бранися да за дверь. де҃жися
а с́номъ бранися да за печъ де҃жися.
[(З)ахотѣ҃ ꙋ собаки кꙋлебаки].

Digitized by Google

Й, І.

Йстинна. ѿ земли. и правда с нѣси.
Йстинно. не ложно проти рожну пра не во можно.
Йскра мала великъ родитъ пламень.
Йз одного мѣста. не однѣ. вѣсти,
Й гордъ и норовъ. и чѣкъ и обычаи.
Йметъ голо появится. и голосъ.
Йз пустова. сѣдна ни пьютъ ни едятъ.
Йз пустой храмины лико чортъ лико дяволъ.
Йзпустя. лѣто. да в лѣсъ по малинѣ.
Йз короба не лѣзе. а в коробъ. не пуститъ.
Йзжилъ вѣкъ за холщовои мѣхъ.
Й дво и воръ а в рѣдкомъ. два.
Й то то буде что и насъ не будетъ и то то будетъ что и о нас потѣжатъ.
Йспила. кума брашки да хватила рубаки.
Йзломя ногѣ. не играть в треногѣ.
Йже да како не солгу никако.
Йчется з голодѣ. а дрожится с холодѣ.
Йкнулъ вѣсъ молокомъ да ѳрыгну чоснокѣ.
Йспила баба табаки да несе что о сабаки.
Йпа надѣла лопа: а ѳедо продова пониосъ.
Йти с кошелемъ стыдится а сидѣ дома гонится.
Йде дожда. несе. онъ. рожа.
Йска дѣ маку да попалъ къ ямѣ.
Йгумна в гумна. вѣда: занесла.
Йгра в дѣдѣ. не скачѣ рыдалъ в пирѣ. не плачѣ.
Йска кобыкѣ. топта кобыкѣ.
Йзбых дѣ бычка да хвати ся молочка.
Йз доброва мѣха добра и потѣха.
Йспортя гожи. не тѣжи.

Digitized by Google

Йзломя ногꙋ молися бг҃ꙋ.
Йзловя вошь о҃пꙋсти҃ хошь.
Йз лука̀. стреляютъ· по намѣрению.
Й то то зꙋбы. что кисель мелютъ.
Й дꙋра҃ то знае҃ что великъ дн҃ь пра҃зникъ.
Йванъ играетъ а Мар҃я. ꙋмираетъ,
[л. 348 об.] Йти дорогою. не все с вологою.
Йдетъ Ѳома̀ болшая сꙋма̀.
Йгла̀ служитъ пока ꙋши а люди. пока дш҃и.
Йсакъ русакъ что емꙋ ни давай все прибирае҃.
Йзаморья с вѣстьми. а изадвор҃я з гостьми̇.
Йба крѣпка̀ запоромъ а двор҃ заборо҃ а ꙋ҃ меж губ.
Йстинна̀ ꙗвится коли збудется.
Йзбꙋ. ставя҃ бг҃а славятъ.
Йкосъ прикось а кондакъ и такъ.
Йглою шьютъ а̀ ча́шею пьютъ а пле҃ю бьютъ.
Йзволила̀. кума· и приѣхала̀: сама.
Йзломя батажокъ· потерять пирожокъ,
Йсꙋсъ Сираховъ насказалъ· много страховъ.
Йз домꙋ жена· а из лѣсꙋ з'меꙗ.
Йванъ не болван не всякъ на немъ ѡпра҃лива́ шапки̇.
Ймянины̀· имяниника̀. здравятъ.
Йпата̀ горбата̀. исправитъ. гробъ.
Йзсох что трясца̀ на҃ куривомъ.
Йзмазанꙋ бѣдами. не измытся. водами.
Йзваженъ пердѣть не може҃ терпѣть хоша бзне҃ а свое возме҃.
Йщай чюжеѐ. свое. погубляетъ. и са҃ погибае҃.
Й самъ то я знаю. что не добро. содеваю.
Йꙋда̀. лижетъ. блюда.
Йꙋдино. село на шею. сило.
Йꙋда̀. ꙋдавился. фараонъ. ꙋтопился.
Йꙋда̀. с селомъ ꙋдавился· силомъ.
[л. 349] Йѡсиѳовъ сонъ збылся. и не забылся.

Digitized by Google

Йз пѣсни. слова. невыгородить.
Йзлоблена лука двое боятся одинъ стрелитъ а другой напутит. 1210
Й великъ да глупъ что Онаньинъ внукъ.
Й по роже. знат. что Сазономъ звать.
Йзвязло клинье в косое деревье.
Йз огня да в поломя.
Йной от кнгъ а иной отплутыгъ. 1215
Й самъ тому не радъ что грамоте гораздъ.
Йной кажется. и глупъ а молвитъ слово в пут.
Йгуменъ Гурей до брати дуренъ.

К

К мяхкому воску. чисто печат воωбраждется а учение во [л. 349 об.]
младости. крѣпко вкореняется.
Копать не могу. просити стыжуся. 1220
Каковъ. молебенъ такова и мзда.
Каковъ. пастырь. таковы. и овцы.
Кого ωжидаютъ. тому и потребное готовятъ.
Какова, постелю. таковъ и сонъ.
Козни лстивому. ѿ ѿца ево дьявола. 1225
Крадый чюжая не обогатѣетъ.
Краше поля перегода.
Каково кто сѣялъ таково. и пожнет,
Которой. бгъ обмочитъ тот и высушит,
Красна бѣседа. смирениемъ, 1230
Красно поле со пшеницею.
Красно поле с рожью а слово с рожю.
Куды. дерево. наклонилос туды ево. и сѣкутъ.
Каковъ. обиход. таковъ. и росход.
Какова. пашня. таково. и брашно. 1235

Digitized by Google

Кꙋды сава̀. глядитъ туды ей. и летѣть.
Каково̀ кто̀ игралъ такову и̇ ꙗздꙋ взялъ.
Какова̀ печаль таковы, и слезы.
Корова̀ чернà да молоко у̀ неи бѣло.
1240 Кусъ дн҃га кусъ грив'на.
Коз'лꙋ̀ борода̀. не замѣна.
[л. 350] Кобель не скочи҃. если. сука. не захочотъ.
Когда̀ желѣзо̀ кипить тогда ево и ковать.
Куды ся ни кинꙋтъ такъ по уши̇. в смолꙋ.
1245 Кто̀. солн҃ца. ѡ̀бѣгаетъ. то҃. вѣкъ. о̀зябаетъ.
Кума ш'ла пѣша̀. кꙋмоня̀мъ лехче.
Кто не ѣлъ чеснокꙋ. то҃ и не воняетъ.
Красна̀ пава̀ перьемъ чесна̀ жена мужемъ.
К брани̇ слово прикупаютъ.
1250 Кто грамоте̇ гораздъ не умѣет ли̇. пропасть.
Кошке̇ игрушки̇ а мышке̇ слезки̇.
Красенъ долгъ платежемъ.
К чему̀ комꙋ. о̀хота к тому. и̇ смыслъ.
К пивꙋ. ѣдется. а̀ к словꙋ. молви҃ся.
1255 Кꙋдри̇ вьются̀. и шолꙋди̇. ведꙋтся̀.
Кнутъ не архан҃гелъ дш҃и не выне҃ а правду скаже҃.
Каково̀ кто̀ постеле҃ таково̀ и выспи҃ся.
Кꙋды̀ ни поворoти̇ и҃ говенны҃ к ожерелью.
Какъ хто живе҃ та҃ то҃. и̇ словетъ.
1260 Какъ намъ ся жить та҃ и ночь короткa.
Кормъ коня лутче.
Кꙋма̀ не мила̀ и гостинцы. постыли.
Какъ в лесъ кли҃нешъ такъ и ѿкликне҃ся.
Конь горбатъ не меринꙋ братъ.
1265 Клади̇. всячинꙋ. на воз.
Какъ хто тонетъ топо҃ сули҃ а ка҃ выму҃ ї топорїщіа не дасть.
Какова̀ псꙋ. кормля̀ такова̀ имъ. и ловля.
Кровъ путь кажетъ.
[л. 350 об.] Колѡти̇ Климъ в одинъ клинъ.

Digitized by Google

Куды иголка̀ тꙋды и нитка. 1270
Каковъ чортъ ѣдетъ таковъ и̇ побиваетъ.
Каковъ. на взглядъ. таковъ. и̇ на ро^з^рядъ.
Куды̀ ни поворотишъ инъ бросишъ.
Коровки̇ с поля. а пастырю. воля.
Козе^л^ плати̅ кожею. з бородою а виновато' своею головою. 1275
Коровка̀ скачо̅ на быч'ка. хочо̅ о̇на молочка.
Корова̀ с молокомъ а баба̀ з дои̇никомъ.
Которая птичка̀ раненко запѣла то' во ве̅ дн̅ь мо^л^чать.
Ка̅ волкъ носи^л^ нихто не видалъ: а ка̅ во^л^ка̀ поне̅ли вся види̅.
Кꙋжле̅ ката̅ца. за землю. хвата̅ца. 1280
Какъ возметъ голо̅ появится̀ и голо̅.
Какъ хто знае̅ та̅ по свое̅ ба̅ке̇ и плачотъ.
Какъ бг̅ꙋ дать. и в окош'ко. подастъ.
Каша̀ н̅ш̅а ра^з^гоня н̅ш̅а.
Колко сокола ни ко^р^ми̅ а о̅ ру ево о̅пусти̅. 1285
Катается̀ что сы^р^ в маслѣ.
Ка̅ бы̅ ка̅ шолꙋдивова̀ бри̅ не лучьше^л^ ево о̇палить.
К миломꙋ. семь ве́рстъ· не о̇колица̀.
Кисель брюха̀ не портитъ.
Коли дрова̀ горятъ. толды· кашꙋ варятъ. 1290
Каша̀ не наша̀ котиолъ. не свои̇.
Ка̀пусту̇ садить· спине̇ досадить.
Кисель да блинъ. добро. не̇ одинъ.
Косу̇ о̇стрятъ на травꙋ а мечь на главꙋ. [л. 351]
Куды волкъ глядитъ туды о^н^ и бѣжитъ. 1295
Калачи̇ живутъ. дешевы. коли дн̅ги дороги.
Косъ о̇чми. кривъ. речми.
Коль добро с виномъ· ведро. секоль хороши. с пи̅цо̅ ко̅ши̇.
Кому пер'стомъ киваютъ. а намъ глазомъ мигаютъ.
Конекрадъ. гара^з^дъ. у^з^дъ вязать. 1300
Красилникъ не силникъ что ему дадꙋ̅ то и̇ краситъ.
Кнутъ да пластырь да доброи̇ пастырь.
Кн̅ги читать. ѕла не плутать.

Digitized by Google

Кꙋды конь хочетъ тꙋды̀ о̀нъ скочитъ.
1305 Кашеваръ· живе҃ сытея· кн҃зя.
Кусаетъ клопъ досожаетъ что холо҃.
Криворотъ у̀ воротъ.
Кровью кончатся. головою вѣнчатся.
Край земли̇ конецъ моря. много ве҃дѣ горя.
1310 Крадетъ листъ кочо҃ с' ѣ҃сть· ѐво̀ хо́чотъ.
Копръ в' капꙋсте. смрадꙋ. не пꙋститъ.
Косу о̀стря҃ на травꙋ. смотрятъ.
Кошира̀ в рогожи. на҃ о҃шила̀ а̀ Тꙋла в лапти о̀бꙋла.
Кормила̀ баба· лилѣка̀ начаяла҃. чл҃вка.
1315 Кодя̀ попꙋ. ї̀конꙋ. покадить и̇ Оѳоню.
К чистому· поганое̇. не прилнетъ.
Конецъ. смертныи. всякомꙋ горекъ.
Конемъ. воевать а копьемъ шꙋрмовать.
Костки̇ пестры̀. зернщикꙋ. сестры.
[л. 351 об.] Карты у̀ Карпа. тверды наизусть.
1321 Конь моло̀цꙋ. что копръ. о̀гꙋрцꙋ.
Кучился мучи҃ся. а ка҃ у̀просилъ. та҃. и̇ бросилъ.
Казакъ в Запорогахъ что пень при дорогахъ.
Кн҃га кроника̀. на многихъ у̀лика̀.
1325 Короста̀ на дѣтка҃ и матке̇ сверьбить.
Колыбелка̀ младенцу̀. а костыль сторикꙋ.
Каково дѣ҃ приспѣлъ таково о҃ и̇ с' ѣлъ.
Каково̀ вѣется̀ таково̀. и мѣлѣтся.
Которо' ко҃ блу̀ливъ то҃ неторопливъ.
1330 Капуста̀ ис куста̀ добрѣ не укусна.
Ключь силнѣя замка.
Кожюхь. с плечь. полѣзь в печь.
Какова̀ пряха. такова̀ на ней и̇ рꙋбаха.
Которая̀ матка̀ свои̇ дѣтки с' сетъ.
1335 Кꙋды голова̀ тꙋды̀ и животы.
Кроятъ пла҃е̇ к старому̀ примѣривая.
Краденое̇ порося̀ и в ꙋша҃ ви҃житъ.

Digitized by Google

Кꙋды шла но҃ тꙋды. и сонъ.
Коровка̀ мымне҃ а дш҃а вымретъ.
Кому боля҃ кости. не думаетъ в' гости. 1340
Кра҃но сл҃нце в̓сходи҃. каково то заидетъ.
Красно гꙋмно̀ стогами. а сто^х пирогами.
Конь любитъ о̀весъ а кисель любитъ Ѳедосъ.
Ключемъ ко ^лнꙋ. а пꙋпырье. к' ве^рхꙋ.
Кормя колочомъ да в спинꙋ. кир'пичомъ. 1345
Какъ ни ворочаи. наша̀ короче. [л. 352]
Кинь хлѣбъ соль за собою объявит҃ся пре҃ тобою.
Комꙋ тошно̀ а попꙋ в мошно.
Кто бога̀ боит҃ся то҃ и людей стыдится.
Колко ни говорить а на правдѣ быть. 1350
Крѣпка̀ рать воеводою.
Комꙋ ѿ чꙋжихъ а намъ о҃ своихъ.
Кто чемꙋ посмѣется то҃ тому̀ и̓ поработит҃ся.
Кто у̀ коко не ѡ̓бѣдаетъ то҃ тово̀ и не о҃бѣдаетъ.
Кто до^бро говори҃ тово не дарить. а кто и ^брани҃ токо стало не би҃. 1355
Конь о̀ четыре҃ нога҃ и то҃ потыкается.
Каковъ ѣдетъ таковъ· и̓ поро^няетъ.
Кто бабѣ не в'нукъ.
Кто на море не быва^х то҃ о҃ желания· ср҃ца бг҃ꙋ не малива^хся.
Кто ево не ^знаетъ. то҃ и не лаетъ. 1360
Кто самъ себя̀ хвалитъ в то҃ пꙋти̓ никогда не бывае҃.
Куды конь с копытомъ а ра҃ тꙋт же. с клешнею.
Колко воды̀ ни пить. а пьянꙋ с неѣ не быть.
Которая дш҃а чеснокꙋ. не ѣла. ѿ тоѐ не воняетъ.
Колко волка̀ ни кормить а о̀нъ к лѣсꙋ глядитъ. 1365
Кабы. не деньги. та҃ бы весь в по^лдн҃ги.
Ка҃ бы̀ на дятла̀ не сво' но҃ кто бы ево̀ в' деревѣ нашо^х.
К пра^зникꙋ. не призываю҃ а о҃ пра^зника. не о҃бивают҃ъ.
Корова̀ не гостья на повѣти̓ сѣно видитъ.
Кабы на коня не лысина̀ цены бы. ему не было. 1370
Каковꙋ дрꙋгꙋ чашꙋ. нальешъ таковꙋ ї са҃ вы҃ешъ.

Digitized by Google

[л. 352 об.] Которая служба, нꙋжнѣе. та и честнѣе.
Когда будетъ рѣпа̀ тогда и мѣра.
Когда будетъ пиръ. тогда̀ и гости.
Каковъ в калыбелкꙋ. таковъ и в магилкꙋ.
Каково посѣемъ таково и пожнемъ.
Которой дн҃ь прошо҃ то҃ до на҃ дошолъ.
Какъ тамъ говорить гдѣ не дадꙋ҃ и рта ѿворить.
Квасъ что малина̀. десятью. наливанъ.
Крестьянская кость да собачьимъ мясо҃ ѡбросла̀.
Кошкꙋ бьютъ а невѣсткѐ навѣтки̇ даютъ.
Кириловской покло҃ девяти пядей с хвостомъ.
Какъ ни валяися̀ лишъ не ꙋ̂мораися.
Какъ лучи҃ца. поучитца. та҃ буду знать.
Какъ бꙋдетъ добръ· та҃ будетъ и бобръ.

Л.

[л. 354] Лехко мнится бре̇мя на чюжемъ рамѣ.
Лоша̀ка̀ в хомꙋтѣ везетъ по могꙋтѣ.
Лисье̇ племя. лише лститъ да манитъ.
Ленивомꙋ болитъ в' хребтѣ.
Ленивой двой дѣлаетъ.
Лениво' и по платью. знать.
Лишняя̀. говоря. сорома̀ доводитъ.
Лꙋнная ночь что ненасно' день.
Лѣтней день за зимнюю неделю.
Ленивои пьетъ водꙋ.
Люди̇ пировать а̀ мы горїѡвать.
Лоша̀ка̀ ре҃венка̀ а у ҃воста̀ о̀два. ꙋ̂скачотъ.
Лꙋ҃чѐ семья горѣть а ни одонова вдовѣть.
Лѣ҃ сечь не желѣть плечь.

Digitized by Google

Ладанꙋ бѣгаетъ дьяво҃ а дура҃ доброва̀ слова̀. 1400
Ленивомꙋ̀ мѐвѣдь в полѐ а волкъ за вороты.
Люблю до҃го̀ спать да стыжꙋ҃ по҃до в'стать.
Лутче пра҃ничать а̀ не бражничать.
Лꙋтчѐ. ста рублевъ. сто дрꙋговъ:
Лакомъ мошны не завязываетъ. 1405
Лакома̀ 'Ꙋстинья. до бот'винья.
Лихва̀ и лесть дйаволꙋ. честь.
Лишниѐ. басни. пора̀ в козовъ.
Лꙋтчѐ старикъ семеры҃ молодыхъ.
Лꙋгвица̀ п'тица. пꙋтей. стережетъ. 1410
Ловитъ. волчокъ. роковꙋю. о̀вечкꙋ.
Лакомо̀ орѣхъ а̀ грысть ево не грѣхъ. [л. 354 об.]
Лихвꙋ збирать после в'здыхать.
Лгать людей. ѡ̀бѣгать.
Листъ· краситъ древо а о̀дежда̀ чрево. 1415
Лодыгꙋ̀ в' кашꙋ. а повора̀ взашеи.
Легкая̀ рана· и головы· не сыскать.
Лукомъ то҃рговать луковы҃ плѣне҃ и по̀поясатся.
Левка̀ не поплевка̀. иномꙋ о҃ и в горле станетъ.
Либо сѣна̀ кло҃ либо вилы в бокъ. 1420
Лизавъ. но҃ порѣзать языкъ.
Люби҃. игра. кꙋпить домра.
Любя пиво пьютъ а не любя ево льютъ.
Лапа̀ в лапꙋ. а задатокъ въ ла҃кꙋ.
Лес'тноѐ слово. что вешней лѐ. 1425
Лстивой и себѣ вѣры не иметъ.
Лося бьютъ в осень. а дꙋрака всегда.
Ловя бѣлки. насорить зѣнки.
Ловецъ да че҃рнецъ. и по ночамъ. мало. спи҃.
Ленъ не родится. и мачало згоди҃ся. 1430
Лихо ленивомꙋ до лѣта. а та҃ ли҃ спи да лежи.
Ловцы̀. рыбныѐ. людцы. гиблые.
Ложася. спать дꙋмай какъ встать.

Digitized by Google

Люди молоти а мы в замки колотить.
1435 Люди с торгомъ а мы с отволокою.
Ловя курятъ. посернуть.
Ласково гди. двоихъ. рабъ. держитъ.
[л. 353] Лежи на баку. да гляди за Оку.
Лучьше хлѣбъ с водою а не пирогъ з бѣдою.
1440 Легонко поѣлъ легко и здѣлалъ.
Лѣто прошло а слнцо не ожгло.
Лѣто проходитъ зима натаетъ.
Ллукъ надежной другъ сердешнои.
Левъ страшно обезьяно смѣшно.
1445 Лисица старая лстица.
Личико бѣленко· да разума· маленко.
Любяи вїнѡ и масло не обоготится.
Любовъ. покрываетъ. множество. грѣховъ.
Ласково слово кость ломитъ а жестоко гнѣ движе.
1450 Лѣность. наводи. бѣдность.
Лѣнь мужа портитъ. а встан ево· кормитъ.
Лиска лжо да на хвостъ ся шлїѡтъ.
Ласково телетко двѣ матки сосе а лихое. и ону ѕапусти.
Ложкою кормитъ а стебле. глаз колетъ.
1455 Лошака маленка а седлу мѣсто будетъ.
Лихъ не добръ. свой. не бей. ево. при мнѣ.
Люди тонутъ а он веселую. ломитъ.
Лихое глядѣнье пуще доброва. прошенья.
Ленива дошлеся сонливова добудишся а мртва нїкогда.
1460 Лехко за готовымъ. хлѣбомъ на полатях. спать.
Лысъ кон не увѣчье а плѣши молодецъ не безчестье.
Ложа благословися. а вста перекрестися.
Левъ дївенъ смирениемъ а жена покоренїемъ.
[л. 358 об.] Любя жену потерпѣть с'тыду.
1465 Лизнуть пер'стомъ задѣть и горскою.
Любитъ воръ чорную работу.
Лѣсти с печки. для перепечки.

Digitized by Google

Лживъ хочь хвастать.
Люди спать анъ жолвеи искать.
Лѣсти на елку. разодрать портки. 1470
Людская молва что морская волна.
Лѣсъ букою а домъ скукою.
Лилѣя алая. утѣха малая.
Лоскут крашенины. да кус квашенины ї сыт ї одѣнъ.
Лукъ добро. и к' бою и во штяхъ. 1475
Людей много а человѣка. нѣтъ.
Люди жать а мы с поля бѣжать.
Лстивъ в пиръ а лѣнивъ в миръ.
Лоскутъ на воротъ. а кнутъ на спину.
Липовы клѣтки. наклал росказалъ. 1480
Люди тонутъ а он веселую ломитъ.
Ладон на воротъ. а чортъ на шее.
Людские руки добры· да не к срцу.
Ложкою· кормитъ а стеблемъ глаз колетъ.
Либо добыть либо домо' не быть. 1485
Лихо терпѣть а стерпится слюбится.
Лапти с'плелъ· да и концы схоронилъ,
Любо в' стремя ногою. любо. петлю головою.
Ластка день начинаетъ а солове' вечер кончаетъ.
Лихо бы с' рукъ а с' ногъ. и собаки. стащатъ· [л. 355]
Лежень лежитъ а часть ево ростетъ. 1491

М

Мудрость старости честнѣе.
Масть колеса: дороже.
Мрут люди не по старости. а живут. онѣ не по младости.
Мужь дому строитель нищетѣ отгонитель. 1495

Digitized by Google

Мнитъ убогъ в гор'дости мѣсто. обрѣсти.
Мыло не мило коли лицо згнило.
Мажетъ Клим телегу. ѣдѣтъ в Крым по рѣпу.
Мука вѣчная не муха здѣшняя.
1500 Мясоѣдъ с постомъ побронился.
Мерино малене. а селу. мѣсто. ѣсть.
Мутну воду пьютъ в' незгоду.
Моло. мужь. молода. его. и мысль.
Моло хошъ молодъ да бье старо.
1505 Мысль члвка ѕа гарами а смерьть его за плечами.
Малъ· языкъ· великими. людми. владѣетъ.
Мала огня искра. велики вещи. сожигаетъ.
Млтивои человѣкъ подобенъ млтивому бгу.
Множество. мрыхъ. спасеніе миру.
1510 Малъ грѣхъ. велику. вину. приноситъ.
Мзда. глаза. деретъ,
[л. 355 об.] Мздою что уздою· обрати судью в твою волю.
Мзда и премру. мужу. ослѣпляетъ очи.
Многое учение. трудовъ потребуетъ.
1515 Могилу помянуть. всякому вздохнуть.
Медъ каплетъ ѿ устъ жены блудницы.
Малая вина непокорствомъ распространяеца.
Мертвымъ соколомъ ворон не ловятъ.
Мимо яблонцы. яблочко не падетъ.
1520 Мѣсто члвка не просвѣтитъ. но члкъ мѣсто.
Мяхко стеле да жестоко спать.
Медъ сладко а муха падко.
Моло мѣсець не во всю ночь свѣтитъ.
Мала даждевная капля жесто камен пробивае.
1525 Много. знать. мало. спать.
Многи. кумы. доводятъ до сумы.
Мука не молота а вода на болоте.
Мѣря вѣтръ не стане вѣдръ.
Мѣряешъ. воду. не спрашивай. броду.

Digitized by Google

Масло коровье̑ ѣдятъ на ᵓдоровъе. 1530
Мертвомꙋ. пѣние. а на̑ говѣние.
Мелникъ богатъ живетъ шꙋмомъ.
Мыло. кꙋпятъ. на лишнюю денешкꙋ.
Милъ гость что не доᵓго гоститъ.
Мзда. глаза. слепитъ. 1535
Мяхки̑ рꙋки. чюжие. трꙋды. поядаютъ.
Много. званныхъ, а мало. иᵓбранныхъ.
Многъ пꙋть. ко спасению. [л. 356]
Много на ꙋ̑мѣ да нѣтъ на гꙋмнѣ.
Малая сабака̑ и под старость щеня. 1540
Молодецъ что о̑гурецъ. а едятъ ево свиньи.
Мило что̑ жена̑ а горко что бѣда.
Мѣха̑ ꙋ̑рѣзавъ. да мѣхъ по̑латить.
Мухи̑ с обухи̑ клопы. с ослопы. комары с топоры то раканы. з санапалы̑. сверчки̑ с лучки.
Много. хорошихъ. да милова̑ нѣтъ. 1545
Много добра̑ не на̑дакучитъ.
Межъ пеᵖстовъ мясо̑. не растетъ.
Мертвои̑ ꙋ̑ воротъ не стучитъ а свое̑ воᵓметъ,
Молебенъ пѣтъ. а̑ ползы нѣтъ.
Мꙋка̑ всемꙋ. наꙋ̑ка. 1550
Мертвꙋ. помины̑ а живꙋ. и̑мянины.
Много пѣлъ а мало. ѣлъ.
Медъ. ѣсть. в улеи. лѣсть.
Мертвыᵡ на погостъ. хо̑ в великои̑ постъ.
Мило. волкꙋ. теля. да гдѣ ево. в́зять. 1555
Москва̑ что доска. спать широка. да веᵓде гнете̑.
Мороᵓ на дворѣ. ѡ̑ вчерашнѣи̑ порѣ,
Мꙋжь. мꙋдръ. беᵓмолвие. водитъ.
Мꙋмїю. збирати. при ꙋ̑сопшихъ. рати.
Мꙋхи летаютъ а вороᵇи и̑хъ хватаютъ, 1560
Мла̑ идетъ к дивꙋ. а стаᵖ бредетъ к пивꙋ,
Мертвымъ да меᵖзлымъ хошъ тыᵡ по̑пираи.

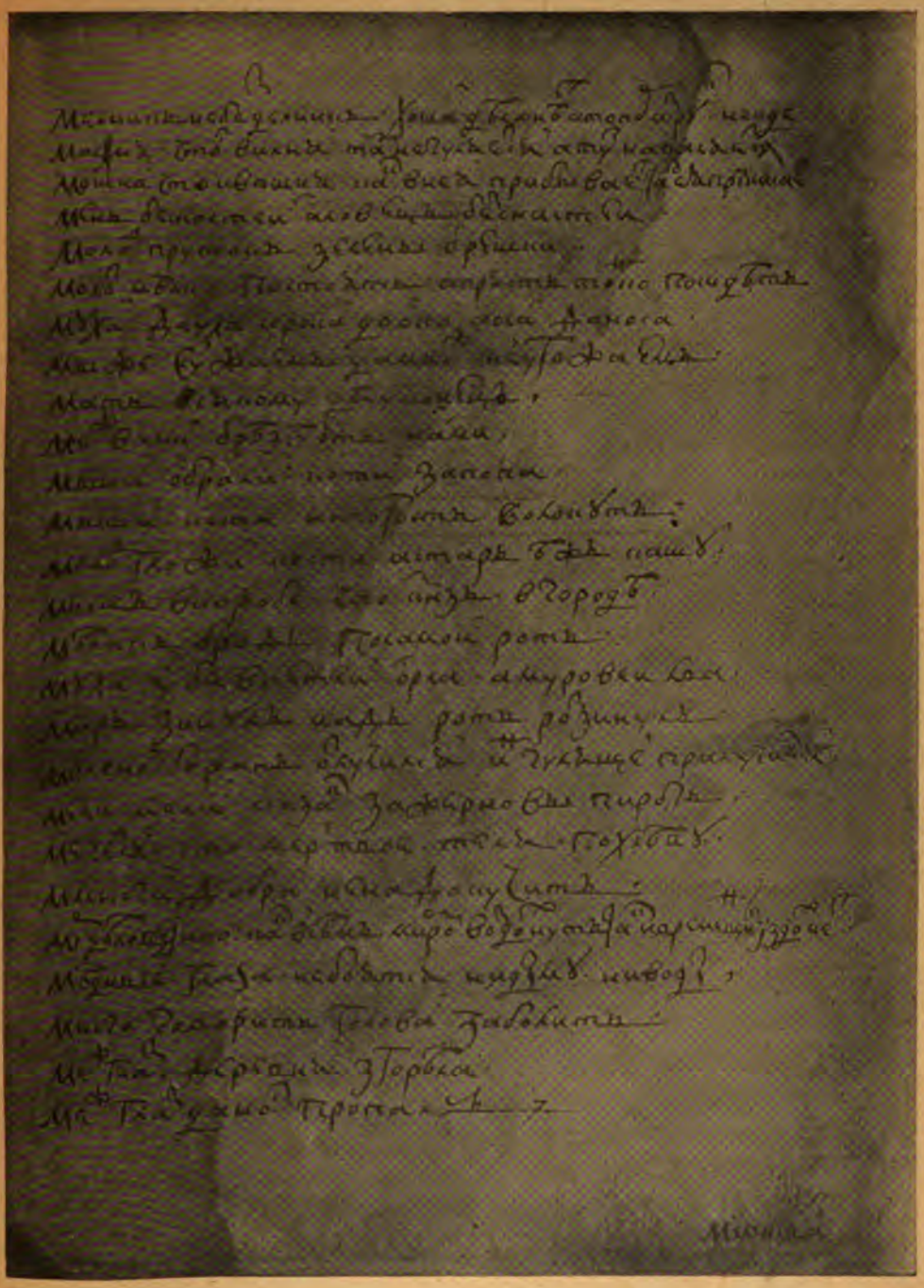
Digitized by Google

[л. 356 об.] Мертвому. ꙗмка. а живому. мамка.
Младоумному. полонъ ротъ мухъ.
1565 Мечомъ злато добываютъ а мечь златѡ покупаютъ.
Мы про людей вечеренку сѣдїм а людї про на ї во сю нѡ не спя.
Мыло черно да моетъ бѣло.
Мѣста много а сѣсти нѣгдѣ.
Мирская молва. что морская волна.
1570 Малъ золотникъ да дорогъ. и велик ѳунтъ да бросит.
Мужикъ деревянаѧ. рогатина.
Мужь печется как хлѣба добыть а жена мыли как мужа избыть.
Мука красть убѣлится.
Мил гость что дша избываю ево что. ежа.
1575 Милъ гость да великъ постъ.
Мужа чтятъ за разумъ а жену. по уму.
Мухи к свѣту. а мышъ. во тму.
Моча соло забывъ голодъ.
Мѣсятъ квашню по сусѣку смотря.
1580 Мяхкая постеля. в долгъ. сонъ приводит.
Мышъ гложетъ что можетъ.
Мушка за хлѣбомъ искать,
Мертвому тїмпанъ не погудка.
Мрежею. дши. не ловятъ,
1585 Мужу краса до уса,
Мы хотимъ. пить а на хотя. бить.
Мутно на дшѣ что нѣтъ пива. в кошѣ.
Мошно догадатся что в окошко. уж бросатся.
[л. 357] Мелникъ не безделникъ. хоша дѣла нѣ а топор из руки не идет.
1590 Мылня. что Билня. там не гуляется а тут наваляется.
Мошна что квашня. как в нея прибывает так ея прїкисает.
Мена бес костей а ловецъ без снастеи.
Молод прутокъ зелены орешки.
Молот мѣлко. постоять. а прясть тонко посидѣть.
1595 Муха да уха сорока до ока а оса да носа.

Digitized by Google

XI.

Къ стран. 122—3.



Автотипія К. П. Вейрманъ, Спб. Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250/455, *снимокъ съ листа 357* (текстъ пословицъ на букву М).

Digitized by Google

Digitized by Google

Мы же ссужаемъ да мы^ж не угожаемъ.
Матъ всякому дѣлу конецъ.
Ме^ж вами. брѣзгуютъ нами.
Мыши обрали. кота за попа.
Мыши кота на погостъ волокутъ. 1600
Моло^д гложи кости а старъ ѣжь кашу.
Мышъ в коробе. что кн҃зь. в городѣ.
Мѣлакъ бродъ по самой ротъ.
Муха убивает ли орла· а муровеи лва.
Миръ зинулъ и адъ ротъ ро^взинулъ. 1605
Молено' боранъ о^тлучился и^н гуляще' прилучи^лся.
Мели мели каза^к за жерновы пирогъ.
Мече^тся что. мертвое. теля. по хлѣву.
Многа добра не надокучитъ.
Мі^р дѣло велико: ка^к в'сѣмъ миро^м во^здо^хнутъ та^к и време^нщи^к ї^здо^хне^т. 1610
Мѣдные глаѕа: не боятся. ни дыму. ни воды.
Много говорить голова заболитъ.
Ме^ж гла^з, деревня. згорѣла.
Ме^ж гла^з да но^с пропалъ,
Москва стои^т на болотѣ а ржи в нѣи не молотя^т. [л. 357 об.]
Мать тово и не вѣдаетъ что сн҃ъ у воды бе^з хлѣба обѣдаетъ. 1616
Много. у чорта. силы да воли нѣтъ,
Мужь по деревнямъ. а жена в ожерелье.
Мужь жену. любитъ здоровую. а ^бра^т се^стру богатую.
Мнѡгая говоря всегда стыда доводи^т. 1620
Мяхкое слово кость ломитъ а поко^рные головы ї ме^ч не сече^т.
Мышей огн҃ь ни ^зжетъ ни палитъ.
Музыка бе^з языка два то^нца бес конца.
Ме^две^д лежа целую зиму не ѣ^тъ а на ве^сну целую корову стрѣскае^т.
Малъ чирей да гною полонъ. 1625
Мѣтилъ в ворону. а попалъ в корову.
Мѣстечко добренко. велѣлъ бы бг҃ъ пожить.
Му^ж жену. лозою а она ему грозою.
Медведь легъ и игра полегла.
Ме^дведь не деретъ а водилнику што дѣлать. 1630

Digitized by Google

Н.

[л. 358] Начало премудрости страхъ гдⷭ҇нь,
Не надѣитеся на кнзи ї на сны чл҃вческия в нїхже нѣть спсенїя.
Не чистъ пре гдⷭ҇емъ всякъ высоко сердыи,
Начало блго конецъ потребенъ.
На суд ити преже самому. ѡсудитца.
Не копа' под другомъ ꙗму самъ ввалишся,
Не требуютъ здравїи врача на болящиї,
Недостатокъ сладости скрашаетъ соль.
Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника.
Не испортя дѣла не узнатъ,
Не ставъ дворянскихъ сѣней булдыремъ.
Не будь гостю запасенъ будь ему радъ,
Новая. метелка чистенко мететъ,
Не пользуетъ имѣние в' день ярости,
Не сыпъ бисеру. перед свиньями да не подрут ево ногамї.
Невидаль корову купит будет ли на лѣто. трава,
Не каися добро здѣлавъ,
Не береги дерева в лѣсу. а девку в' людяхъ.
На грѣхъ мастера. нѣтъ.
Не толко свѣту. что в окошке,
Нашему слову и мѣста. нѣтъ,
Не сули жаравлꙗ. в небе дава' синицу в руки.
На што было лгать коли нѣчево дать.
Надулся что мышь на крупу,
На прав'ду. немного словъ надобно,
Ни радость вѣчна· ни печаль бесконечна.
[л. 358 об.] Не рожден не сын не окуленъ не холод не скормя ворога не видат.
Неупокой пьетъ мед а упокои воду.
Не помутясь море. не уставится.
Не рада баба повою рада упокою.

Digitized by Google

Нероксна в коровѣ ѣдетъ.
Не все то перенять что по Бо͡гѣ плове͠г.
Не плюй в колоде͡з либо лучится. воды испи͠т.
Не люби потаковщика· люби встрѣшника.
Не бранися. с рабою да не сровняетъ с собою. 1665
Не спрашивай стара спрашивай бывала.
Не молвя слова крѣпися а мо͡лвя слова де͡ржися.
Не лгутъ кни͠ги что времяна у͡ж лихи.
Не радуйся нашо͠ не кайся потерявъ.
Нѣмому. много. речей. надсбе. 1670
На што бабе мечь ково ей сѣчь.
Не с мѣрою. с вѣрою.,
Не перкой снѣгъ на голову.
Не дорога лодыга дорога обида.
Не изобидь на дѣлу. а послѣ дѣлу хо͠т все о͡тойми. 1675
На худой лошадкѣ. да к͗ старонку.
Не пье͠ чортъ міоду. глядитъ о͡н в воду.
Не все· лозою. иною. и грозою.
Наше. племя. соромь. себя.
Не поклонѧ͠ грибу до земли. не по͡нѧ͠ ево к кузовъ. 1680
Норовъ не боровъ ѿко͡рмя ево не убить.
Не туды. по дуды.,
Не нашъ конь не нашъ· и возъ, [л. 359]
Не вскормя ворога не видать.
Новая труба гласно а старая согласно, 1685
Не успѣлъ слечь· да и бродитъ.
Нозри точатъ. возгри,
Насидѣтся Болоде. в колодѣ.
Нашему Мине. начасоно в спине.
Новъ горо͠д щекочо͠т в пое͡зду ѣха͠. не хочотъ, 1690
Наготы босаты навѣшаны. шесты.
На ͡дво͡р чере͡з зоборъ а в тюрму. двермы.
Не пеи много вина не истяряешъ ума.
Не играй кошка угліомъ обожжешъ лапу.

Digitized by Google

[illegible] ПОГОВОРОКЪ,

[illegible] клопа.
[illegible] ...ской.
[illegible] никуды не годи̑тца̀.
[illegible] да бои̑ся взять.
[illegible] припустятъ,
Не поиманъ не тать не по̑нята не блядь,
На што̀ комꙋ богатство. была бы. спесь.
Не самъ пьяной ходитъ. чортъ его носитъ.
Не всѣмъ. чернцомъ· в ыгꙋмна̑х. быть,
Новъ горо̑д нижней сосѣ̑д Москвѣ ближнѣи,
Не такъ жи̑т ка̑к хоче̑тся. та̑к жить как̑ бг̑ъ велитъ.
Не по̑хваляся бг̑ꙋ. помолясѧ.
Не и̑збывай постылого̀ не во̑зме̑т бг̑ъ милого,
Написано перомъ. не высѣчешь и топоромъ,
[л. 359 об.] На ꙋ̀мнаго печать а на глꙋпова замо̑к.
Не красна̀ и̑зба̀ ꙋ̀глами̑ красна пирогами.
Не за то волка бьютъ что о̑н сѣ̑р за то что с'ѣлъ.
Не тутъ во̑р крадетъ гдѣ много та̑м гдѣ плохо.
На зачинающаго. бг̑ъ,
На ла̑ково слово не пода'ся̀ а на грꙋ̑бное слово не гнѣваися.
Не роди̑тца̀ ѿ свинеи кобрїѡ̑но̑к всегда поросїонокъ.
Насилꙋ̀ милу не быть,
Не загачивай дай промолачивать.
Не боися· и̑сца. боися сꙋдьи,
Не всякъ то̀ таковъ что Ива̑н Токмако̑к,
Н ѣдчи̑ на конь. да поѣхалъ в огонь.
Нѣтъ в немъ ни лсти̑ ни истинны.
На што корова. была бы. жена здорова.
Не по многꙋ. берешъ такъ болши̑ наберешъ.
Недорого̀ ништо̀ дорого вѣжство.
Не товаромъ бг̑ъ корми̑т. купцомъ.
Нашъ Гришка̀ не беретъ. лишка.
Не сойдется̀ Онохино пиво с Нестеровымъ,
Не быва̑т калине̑. малиною,

На сꙋслѣ пива̀. не ꙋ̀годать,
Не хвали̇̀ вѣтра̀. не и҆звѣявъ. жита, 1730
На пьянство. и҆звѣдано лекар'ство сонъ.
Не по хорошꙋ· мило· живе̅,
Не ꙋ̀мѣетъ песья нога̀ на ⁶лю^де лѣжа̅ валя'ся же по̅ столо̅.
Не ꙋ̀ дѣтей. и̇ сидни. к' честь.
Новой другъ что неꙋ̀ставнои п̃лꙋг̃ъ. [л. 360]
Не то̅ мл̃тивъ хто много мл̃тии даетъ то̅ мл̃ти̅ 1736
кто никого не обидитъ,
Не пьянова̀ мт̃ва ни голо̅нова̀ постъ.
Ноги гнилы. и тонцы̀. не милы.
Не любо не ⁵наися̀ не хошь не живи.
Не ꙋ̀стала̀ кобыла̀ что до Киева̀ сходила. 1740
Не спѣши̇̀ ѣ⁵домъ корми̇̀ коня тестомъ.
На што было женится. коли ро^ж не роди̅ся.
На гнилой това^р да слѣпой купецъ,
Не купи дво^р купи. сꙋсѣда.
Не желей тещина̀ добра̀ колупаи ма̅ла шило̅. 1745
Не и҆з тꙋчи· громъ гремитъ и҆з ново⁵ные кучи.
На кривой судъ. о̀бросца. нѣтъ.
На поклепъ денегъ не напастися.
Не угодать куды̀ шулговатой стрѣли̅.
Не свой ножь не любой. кꙋсъ. 1750
Не жди̇̀ начала̀ жди̇̀ конца.
На брань слова, прикꙋ̀паютъ.
Не доваи голодномꙋ. хлѣба рѣзать·
Не посылаи холостова. съ сватаньемъ,
Нашава̀ Данила̀ земля̀ придавила. 1755
Не свои бы былъ не сабакою бы слылъ.
Не званъ гость лꙋтчѐ и званова,
На чюжой. животъ. глядя. сохни,
Не потерявъ. не ищи,
На чюжой ро̅ не пугвица̀ нашить. [л. 360 об.]
Не завязавъ горло кинутся̀ к водꙋ. 1761

Digitized by Google

Нѣтъ тово̀ попа̀ не убилъ бы̀ ко' клопа.
Началъ за здравья а свелъ ѕа у̀покой,
На што было родитца̀ коли никуды не годи̅ца̀.
Нашолъ дьяволъ клобокъ да бои̅ся взять.
Не спеши̇ х' капустѣ. какъ припустятъ,
Не поиманъ не тать не по̑нята не блядь,
На што̀ кому̀ богатство. была бы. спесь.
Не самъ пьяной ходитъ. чортъ его носитъ.
Не всѣмъ. черницомъ· в ыгумна^х. быть,
Новъ горо^д нижней сосѣ^д Москвѣ ближнѣи,
Не такъ жи̅ ка̑ хоче̅ся. та̑ жить как̑ бг̅ъ велитъ.
Не по^хваляся бг̅у̀. помоляся.
Не и^збывай постылого̀ не во^зме̅ бг̅ъ милого,
Написано перомъ. не высѣчешь и топоромъ,
[л. 359 об.] На у̀мнаго печать а на глупова замо̑.
Не красна̀ и^зба̀ у̀глами̇ красна пирогами.
Не за то волка бьютъ что о^п сѣ^р за то что с'ѣлъ.
Не тутъ во^р крадетъ гдѣ много та̑ гдѣ плохо.
На зачинающаго. бг̅ъ,
На ла̑ково слово не пода'ся̀ а на гру^бное слово не гнѣвайся.
Не роди̅ца̀ ѿ свинеи бобрїѡно̑ всегда поросїонокъ.
Насилу̀ милу не быть,
Не загачивай дай промолачивать.
Не боися· и̇сца. боися судьи,
Не всякъ то̀ таковъ что Ива^н Токмако̑,
Н ѣдчи̇ на конь. да поѣхалъ в огонь.
Нѣтъ в немъ ни лсти̇ ни истинны.
На што корова. была бы. жена здорова.
Не по многу̀. берешъ такъ болши̇ наберешъ.
Недорого̀ ништо̀ дорого вѣжство.
Не товаромъ бг̅ъ корми̅. купцомъ.
Нашъ Гришка̀ не беретъ. лишка.
Не сойдется̀ Онохино пиво с Нестеровымъ,
Не быва̅ калине̇. малиною,

На сꙋслѣ пика̀. не ꙋ̀годать,
Не хвали̇ вѣтра̀. не и҆звѣявъ. жита,
На пьянство. и҆звѣдано лекар҆ство сонъ.
Не по хорошꙋ· мило· живе҃,
Не ꙋ̀мѣетъ песья нога̀ на ⁶лю҆ᵈᵉ лѣжа҃ валя҆ся же по҃ столо҃.
Не ꙋ̀ дѣтей. и̇ сидни. к҆ честь.
Новой другъ что неꙋ̀ставнои п҃лꙋг҃ъ. [л. 360]
Не то҃ мл҃тивъ хто много мл҃тии даетъ то҃ мл҃ти҃
кто никого не обидитъ,
Не пьянова̀ мт҃ва ни голо҃нова̀ постъ.
Ноги гнилы. и тонцы̀. не милы.
Не любо не ᵉнаися̀ не хошь не живи.
Не ꙋ̀стала̀ кобыла̀ что до Киева̀ сходила.
Не спѣши̇ ѣ҆ᵉдомъ корми̇ коня тестомъ.
На што было женится. коли ро҃ᵏ не роди҃ся.
На гнилой товаᵖ да слѣпой купецъ,
Не купи двоᵖ купи. сꙋсѣда.
Не желей тещина̀ добра̀ колупаи ма҃ла шило҃.
Не и҆ᵉ тꙋчи· громъ гремитъ и҆ᵉ новоᵉные кучи.
На кривой судъ. о̀бросца. нѣтъ.
На поклепъ денегъ не напастися.
Не угодать куды̀ шулговатой стрѣли҃.
Не свой ножь не любой. кꙋсъ.
Не жди̇ начала̀ жди̇ конца.
На брань слова, прикꙋ̀паютъ.
Не довaи голодномꙋ. хлѣба рѣзать·
Не посылаи холостова. съ сватаньемъ,
Нашава̀ Данила̀ земля̀ придавила.
Не свои бы былъ не сабакою бы слылъ.
Не званъ гость лꙋтчѐ и званова,
На чюжой. животъ. глядя. сохни,
Не потерявъ. не ищи,
На чюжой ро҃ не пугвица̀ нашить. [л. 360 об.]
Не завязавъ горло кинутся̀ к водꙋ.

Не горшокъ купятъ ѹгодникъ.
На ни^в вода снесе^т а в верхъ кабала взвезе^т.
Ни зуба во рте. ни глаза во лбе,
1765 Не званъ в пиръ не ходи.
Не богатой пиво варитъ тороватой.
На бито^м два небитыхъ даютъ.
Не рокъ головы ище^т сама голова на рокъ идетъ.
Не то^т во^р хто крадетъ то^т во^р хто принимаетъ.
1770 Нашъ 'Ѵльянъ и^з дѹхѹ пьянъ.
На опалной товаръ много купцо^в,
Не добро до^м бе^з ушеи а хра^м бе^з очеи,
Невѣста и^збираетъ мѣста,
Не сохни. мати. по чюжемъ дитяти.
1775 Не охни не боли не твои сапоги.
На^д пѹжанымъ соколомъ и вороны граютъ.
На леченой кобыле не долго ѣхать.
Нашева горя и топоры не секѹтъ.
Ни пе^с ни выжлецъ· ни гончая. сабака.
1780 Не винно. вино. виновато. пьянство,
Недосолъ на столѣ. а пересолъ на спинѣ,
Не наша еда лїмоны. ѣсть и^х иномѹ,
Не помѣрявъ. бродѹ. не мечися. в' водѹ,
Не посмотря. в окно. не плюи,
1785 Не нарокомъ да с оброкомъ,
[л. 361] Не родися ни хорошъ ни приго^ж родися щасливъ.
Накла^д барышу болшой братъ.
Наша горница з богомъ не спорница каково на^д
ворѣ таково и в' неи.
Носилъ бы о^днорядку с коро^лки да животы коро^тки.
1790 Не по годамъ бьютъ по ребромъ,
Не бей мужика кнутомъ бѣи ево ру^блемъ.
Ношная какушка денную перекоковываетъ.
Не до бела коли свинья. щолокъ. пролила.
Не сме^рдья дитя не дрогнетъ рука.

Digitized by Google

Не повиннꙋ рабу не пристрашна̀ смерьть. 1795
Нашла свинья своѐ порося.
Не много нагости^х да много накостилъ.
Не столь смѣшно̀ а на тожь нашло̀.
На напасть. не напрясть.
Никто не бывалъ. а по^х пѣсни̇. пропало. 1800
Никто̀ не бывалъ а у̀ дѣвки̇. дитя.
Наливай на гꙋщꙋ. зять приѣхалъ.
Не называ́ килы̀ пузыремъ а боярски^х сѣне́ бо^ждыремъ.
На и^зво^д поросятамъ всѣ поросяты.
Нѣтъ такова̀ дру^жка̀ ка̑ матушка. 1805
Не ѿсохне̑. голова̀. будъ. борода.
Невѣжа̀ и бг҃а гневитъ.
Нажилъ богатство̀ забылъ и брат́ство.
Не кормленъ конь кабыла̀ не пожалова^н холо̑ детина̀.
Не дѣло что в квашнѣ бучитъ. [л. 361 об.].
Не замай дерма̀ такъ не ваняетъ. 1811
Не диво тому что̀ вошъ в пироге̇ у̀ доброи
жены̀ и по две жи̇ветъ.
Наша̀ дн҃га не щербата.
Наза^р о̀динъ. слизалъ.
Назва̀вся грꙋздемъ лѣсти в́ кꙋзовъ. 1815

О̑.

О̑бидливъ завидливъ. не вниду̑ в раи.
О̑винъ горитъ господину печаль творитъ.
О̑динъ и у̀ каши̇. не споръ.
О̑хота̀ не в лѣсъ послать.
О̑ куме̇ не жить а бе^з кума̀. не быть. 1820

Digitized by Google

Ѻ҆вцы бы̀ цѣлы. а волки бы сыти.
Ѻ҆брадова҄ся крохѣ. да ломоть потерялъ.
Ѻ҆ чомъ слѣпъ плачотъ что рꙋкъ не видитъ.
Ѻ҆дна кобыла̀ и та шолудива̀.
1825 Ѻ҆поясо҄ мешкомъ да бредетъ. пешкомъ.
Ѻ҆хочой какъ хочотъ.
Ѻ҆ри. до тины. а ѣжь. мякины.
Ѻ҆коло килы̀. не мо҄гꙋ. искать.
Ѻ҆шибено̀ перьѐ а тѣтеря ꙋ̀лѣтела.
1830 Ѻ҆динъ Несторъ. и ꙋ̀ каши. не споръ.
[л. 362]. Ѻ҆паленъ бобръ не наси̇̀ в то҄ргъ.
Ѻ҆динъ волкъ гоняетъ о̀вечеи полкъ.
Ѻ҆почина воръ на рѣли̇̀ а мы̀ о҃ нево ꙋ̀прѣли.
Ѻ҆наня̀ плачотъ а Маланья скачотъ.
1835 Ѻ҆ томъ холопъ не тужитъ что до҄го̀ служитъ.
Ѻ҆вечкꙋ̀ стрыгутъ. а другая. тово же глядитъ.
Ѻ҆бѣдъ ꙋ̀ дѣвки̇̀ пока̀ орѣхъ ꙋ̂ бѣлки.
Ѻ҆дна̀ корова̀. и та комола.
Ѻ҆хота̀ пуще неволи.
1840 Ѻ҆динъ горюетъ а ҄два воюютъ.
Ѻ҆би҄дно в поле̇̀ горо҄ да рѣпа̀ зави҄дно в мирѣ вдова̀ да дѣвка̀.
Ѻ҆серьдяся̀ на блохи̇̀ да одѣяло в печь.
Ѻ҆рѣхъ ро҄грысть неболшая̀ корысть.
Ѻ҆ба два ни в о҄дномъ добра.
1845 Ѻ҆дно дитя̀ да и то Ѳома.
Ѻ҆жидаемъ свѣта̀. а̀ ꙋтреня̀ ѿпѣта.
Ѻ҆нанья съ ящики̇̀ а Маланья с кашники.
Ѻ҆коло болѻ҃ца̀ да в за҃ние̇̀ ворѻ҃ца.
Ѻ҆глянися̀ наза҃ не горитъ ли поса҃.
1850 Ѻ҆снование̇̀ бумага. а ꙋ̀токъ писмо.
Ѻ҆бѣдъ бг҃у дать вскорѣ исполнять.
Ѻ҆бѣдавъ в гостя҄. и к себѣ по҄вать.
Ѻ҆щупа҄ Ѳролъ щукꙋ. сере҃ Во҄ги на ҄днѣ.
Ѻ҆гласила. волка̀ мирская̀ голка.

Digitized by Google

Ѻбули Ѳилю. в чо^р^товы лапти. 1855
Ѻкулъ бабу обулъ да и Окула баба обула. [л. 362 об.].
Ѻбошъ мужь жонꙋшку дубинны^м^ корчшко^м^.
Ѻбыска^л^ Власъ по нраву квасъ.
Ѻжилъ Ѳедосъ забриѻчи в овиосъ.
Ѻсмотря ремешка да бѣжи не мѣшка^т^. 1860
Опꙋстя во^з^жи да бѣжи борже.
Ѻдинъ пе^х^нулъ а другой и не дохну^л^.
Ѻдолѣла дворянина густая крашенина.
Ѻсудари н҃ши воля в҃ша хотя на на^с^ дрова
возите лишъ не по многу кладите.
Ѻбыче не клетка не перестави^т^. 1865
Ѻжегся на молокѣ и на водꙋ. дуетъ.
Ѻчи добры толко ямы ѻдны.
Ѻдному на всѣхъ не упакать.
Ѻдно взять. либо дѣти води^т^ либо дн҃ги копи^т^.
Ѻрать пашню купить квашню. 1870
Ѻсновалъ нити шолкомъ а ꙋто^к^ поучиною.

П.

Правда избавляетъ о^т^ смерти. [л. 363].
Перестанетъ музыка какъ червь до языка.
Пророкъ не порокъ что о^н^ скажетъ то та^к^ и будетъ.
При корыстехъ по^з^новается другъ. 1875
Пѣшой конномꙋ не товарыщъ.
По пашне и брашно.
По Сенке. и шапка.
Пришо^л^ посо^л^ нѣмъ присе^л^ грамотꙋ не писаную.
Преже вопроса ѻвѣть мꙋ^д^ро. 1880
Пансыря за кожею. не бываетъ.

Digitized by Google

Попуган не погай а что о^{н} слыши^{т} то и брѣдитъ.
Пасту^{х}ра^{т} лѣтъ а сиръ привѣтъ.
Потопъ кара^{б}лю а песокъ жаравлю.
Печать воцаная. а клѣтъ доцаная.
Плавать по рекѣ в божьѣ. рукѣ.
По^{л}лѣ пчо^{х}ки в мѣдокъ а по^{л}лѣ жука в де^{р}мо.
По^{л}линная вѣсть. что нѣчево ѣсть.
Прасо^{х} с мясомъ а нашій всегда бе^{з} каши.
Послышала ворона в зобъ. полетѣла в лѣсъ.
Плетью. обуха не перебить.
Пока сѫнце. всходитъ. а роса и глаза выѣстъ.
Похвала мужъ. пагуба.
Плоха волка и телята лижутъ.
Панкратья. дерутъ из платья.
Пьяному. и море по калѣна.
[л. 363 об.]. По^{т} лежачь вода не идетъ.
Паучинной. поставъ не овчинной кафтанъ.
Пить быкомъ слыть мужикомъ.
Попамъ да клопамъ жить добро.
Попы пастѧтся на^{т} мер'твымъ а ^{х}лопы на^{т} живы^{мъ}
Попъ каблы попъ да лиха попадья.
Попъ любитъ бли^{з} а ѣлъ бы о^{н} одинъ.
Покиня шашній принимаися за пашню.
Подума^{т} с подушкою спроша^{т}ся и с по^{д}рушкою.
Правъ судъ не остуда.
Появится ходя колн придетъ бѣда.
Подетъ на мѣдвѣдя жолуда і о^{н} рыкнетъ.
А какъ цѣлъ дубъ и о^{н} нишнетъ.
Первая пѣсенка за^{р}дѣвся спѣта.
Паръ костн не ломитъ.
Привыкай коровка ко ржаной соломкѣ.
Противъ и^{з}бушки и клѣтку стакяютъ.
Попъ да пету^{х} ѣдчн поютъ и не ѣдчн поютъ.
Пришло черницу. к одному^{т}. концу.

Digitized by Google

Полюбила̀ Пига҃ся Ѳому да не вѣритъ о̀на никому. 1915
Продаютъ това҃р збоиствомъ а купя̄ назо҆ство̄.
Пень при дорошкѐ всякому повиненъ.
Починилъ. строй клѣтку. что и собаки̇ лазя̄.
Пьяной Титъ ѱалмы тве҃рдитъ.
Похваля продать. а хуля купить. 1920
По платью встречаютъ а по у̀му провожаютъ. [л. 364].
Пиръ дѣлать пожитки̇ свой вѣдать.
Перьвую. у̀ловку на волю пущаи.
Приѣхалъ не званъ поѣд жѐ не дранъ.
Первая̀ смерть за поту мѣстъ. 1925
Пришо҃л. пѣшъ да давай. ѣздъ.
По привѣту̀. и о̄вѣтъ.
По бабѐ. и брага.
Посла̀ не бьютъ ни сѣкӯ браня̄ лише жалую̄.
Послѣ немочи̇ повалки̇ живутъ. 1930
Плохо тому̀ жить у ково ма̄ ворожитъ.
Пошолъ по кану҃н да и самъ потонулъ.
Пошла̀ в клѣть по масло и҃н в печи̇ погасло.
Па҃л не пропалъ всталъ. не усталъ.
Поигра҃ дѣдъ в сурну. да попа҃л в тюрму. 1935
Праведна̀ мужа̀ не одолѣетъ нужа.
Прельща̀ется̀ Ѳома̀ ка҃ убѣли̇ся кума.
Приня̄ женѣ нужу. а не покорится̀ ей мужу.
Принявъ во҃лкъ ко҃зла̀ упо̄чивалъ бе҃з зла̀.
Пробить коса̀ о̀сохнетъ. роса. 1940
Просилъ. о̀сетръ. до҃жа̀ в полѐ лежа.
Проситѐ дастася̀ ищитѐ о҃брящѐте.
— Прудить рѣка̀. не будетъ грѣха.
Прыто҃к бе҃з портокъ бе҃з коня в поле скачотъ.
Прѣетъ дѣдъ о̄ многихъ бѣдъ. 1945
Плачотъ Єроха̀ не хлебавъ гороха. [л. 364 об.].
— Прясть мочью а красть. ночью.
Платилъ долги. а не минулъ Волги.

Digitized by Google

Плотнику полтина. а нарѧчику рубль.
1950 Пловетъ Ѳома по Волгѣ будетъ онъ не в до^л^гѣ.
При рати железо дорожѣ золота.
Починаетца бочка про доброва гостя.
Плохо тому бесѣ^д^ца х кому приступаетъ.
По себѣ знаетъ и намъ лаетъ.
1955 Покорной головы и мечь не сѣчотъ.
Пьянова рѣчь. а трезвова мысль.
Пьянъ поетъ себя тѣшитъ.
Пиво коуро а к носу понуро.
Повадися ку^в^шин по во^д^ ходи^т^ на томъ ему и голова положи^т^.
1960 Пьяницы црствия бжия не наслѣдя^т^.
Пить до дна не видать добра.
Потерявъ яичко играи жо^л^вачкомъ.
Прежде невода рыбы не ловятъ.
Пропустя лѣто да в лѣсъ по малину.
1965 По шерсти сабакѣ и имя даютъ.
Пришла бѣда не гадуи.
При слнце. тепло. а при мт^р^е добро.
Правда не гнѣвна да бгу люба.
• Почитай бжественное честно.
[л. 365]. По мт^е^ри по црскои и самъ себѣ Пожарскои.
1971 Печка дрочитъ. дорошка учитъ.
Поднявъ хвостъ да на погостъ.
Пытки не будетъ а кнута не минуть.
По сытому брюху. хошъ обухомъ.
1975 Пошли Ляхи на три шахи.
Поперегъ кабылы. мѣхомъ.
Пьяному бе^з^честья до чарки вина.
Пьяному мнится. самъ десятъ по пути.
Пьяная баба свиньямъ прибава.
1980 По нужѣ с мужемъ. коли гостя нѣту.
Пожалѣть алтна потерять полтина.
Пить пиво сидѣть криво.

Digitized by Google

По бердꙋ. смотрѧ. не бꙋдет ли̑ близїонъ.
Пожили̑ в нꙋже̑ да на̑жили̑ хꙋже.
Праведенъ бг҃ъ; и̑ в̑ мѧсти многъ. 1985
Палить свинья накормить семьꙗ.
Песъ не в̑скочитъ какъ сꙋка̑ не захочотъ.
Потчꙋютъ кꙋмꙋ блинками̑ а Ѳомꙋ пинками.
По ѡ̑дежке̑ протягай ношки.
Пиво добро̑ да мало̑ ведро. 1990
Помолчи̑ боле. поживешъ доле.
Пожило҃ ермакꙋ. по ᵃва чирья̑ на бакꙋ.
Попъ попа каетъ толко перстомъ мигаетъ.
Пить добро а не пить и лꙋтче̑. тово.
Пьянъ да ꙋменъ два угодья в немъ. [л. 365 об.].
Пропади̑ корчага̑ [и] з брагою. 1996
По гузнꙋ не бив[ши] по гузнищꙋ. не набитца̑.
Прикормилъ [сиг]омъ а не о҃би҃ куде҃ и кирпичомъ.
Попала̑ перепе[ч]а̑ в плеча̑.
Пошло было̑ на хлѣбы. да соль своротила̑. 2000
Пошолъ по языкъ да и свои̑ потерялъ.
Пошолъ повязанъ да и самъ ꙋвязъ.
Плохо о̑коло костра̑ щепы брать.
Перьвы҃ щенятъ за уголъ мечютъ.
По ниткѣ и клꙋбка̑ доходятъ. 2005
По̑лѣ воды̑ ѡ̑мочитца̑ а по̑лѣ огня̑ ожечься.
Послѣ дождика̑ в четвергъ.
Приданое̑ на грядкѣ а увѣчье̑ на рꙋкѣ.
Плохо тово̑. бить. хто не противи҃ца.
Плохо лежитъ брюхо̑ болитъ. 2010
Попъ попа̑ наказывалъ а ᵃрꙋго̑ усо҃ подерги̑
валъ я де̑ и самъ тѣ бакꙋлы знаю.
Пѣть соборомъ. а ѣсть по дворомъ.
Прости колпакъ а шапка̑ и такъ.
Пьяно̑ ꙋ себя̑ сказываетъ решото денегъ а проспи
тъца̑ а̑но̑ и решета̑ кꙋпить нѣ на что.

Digitized by Google

Пригнала̀, нꙋжа̀. к поганой лꙋже.
Помилꙋй бг҃ъ о̀вина а теплина велика.
Послѣ рати̇ хорабрыхъ много.
[л. 366]. Пословицы тверьди̇т голова̀ засверьбитъ.
Пѣнию времꙗ. и мл҃твѣ часъ.
По которой рекѣ плы̇т по той [и] слава творить.
По шерьсти̇ собакѐ и имя [д]ано.
Повадился кꙋвшинъ по водꙋ ходить та̑ е̇му ї голова̀ положить.
Приго̇ж колчанъ. стрѣлами̇ а обѣ̇д пирогами̇.
По земли широко̀ а до неба̀ высоко.
[Пошла̀ ба́ба по ма́сла, а в печи пога́сла.]

Р.

Рано Татаромъ на Рꙋсь ити.
Раба госпожѣ что ме̇д на ножѣ.
Рыбꙋ ловятъ подлѣ смерьти ходятъ.
Рыба̀ вода̀ рѣпа̀ земля̀ а ягода̀ трава.
Рѣпка̀ себѣ полюбила̀ чеснокъ.
Ракъ не рыба̀ нетопы̇р не птица̀ а пе̇с не скотъ.
Ро̇ж да пшеница̀ годо̇м роди̇тца̀ а вѣре̇м дрꙋгъ всегда пригоді̇т ц[а].
Рысь свер̇хꙋ. пестра̀ а лукаво̇ чл҃вкъ и̇знутри.
Ра̇нняꙗ. птица̀ но̇с очищаетъ. а по̇зная глаза̀ продираетъ[ъ].
Рꙋка рꙋкꙋ моетъ а о̀бе хотя̑ бѣлы быть.
Рыба̀ рыбою сыта̀ а чл҃вкъ человѣкомъ.
Рѣзвой самъ набѣжи̇т а на смирнова бг҃ъ нанесе̇т.
Ра̇д дꙋракъ что пирогъ великъ.
Ра̇д бы в рай да грѣхи̇ не пꙋстятъ.
[л. 366 об.]. Родился малъ а умеръ пьянъ,

Digitized by Google

Радъ бы серцемъ да дш҃а не приметъ. 2041
Ретка с хрѣномъ а рѣпка̀ с хлѣбомъ.
Ретивая лоша̑ка̀ не до̑го живетъ.
Роса мочитъ по зорямъ а дождь по порамъ.
Роса̀ кѣлью не проидетъ а до̑дь ея̀ не про̑етъ. 2045
Рꙋка рукꙋ̀ чеше̑ а обѣ свербятъ.
Рано в̓стовая̀ по̑ поетъ а поздо ложася вдо
ва плачетъ.
Роди̑ся Карпъ в хорома̑ а взро̑ о̑ в коровахъ.
Ра̑ тать баранꙋ. вечеръ и по ранꙋ.
Ретивъ вѣкꙋ не доживаетъ. 2050
Риза̀ черна̀ преп̑бнымъ честна.
Ризы̀ че̑рныя̀ ꙗко цвѣты сельныя.
Римская лесть мнимая честь.
Ра̑боиникъ живой покоиникъ.
Рꙋномъ с овцы̀ ѡ̓дѣвались о̑цы. 2055
Рꙋские̑ догаткѝ зове̑нꙋ̑ татю лопатки.
Рыча̑ волꙋ коровою. заѣда̑ сѣно соломою.
Рѣза̑ дѣдъ лозꙋ. дава̑ бабе грозꙋ.
Ржетъ конь к печали̇ ногою топае̑ к пого̑ке.
Ржи. много в поле̑ да намъ. нѣ̑ доли. 2060
Рабынꙗ. котается что дыня.
Родился̀ на свѣтъ. не ходи̑ во т̓мꙋ.
Ро̑билъ дѣдъ деревню а баба го̑шокъ.
Рдѣлся̀ Марко было емꙋ жарко. [л. 367].
Ране̑ двоемысленъ а убитъ уже спитъ. 2065
Ровъ глꙋбокъ. а пꙋть в нево широкъ.
Рано сл҃нцо всходитъ то у̑ быть до̑дю.
Радъ дрꙋгꙋ. да бресть к плꙋгꙋ.
Родионъ подь вонъ а Батꙋта̀ сиди тута.
Рожею кꙋвяка̀ да разꙋмомъ нимака. 2070
Расказа̑ бе̑грѣшно. ꙋчини̑ поспѣшно.
Рѣпꙋ да горохъ не сѣй по̑ле дорогъ.
Рѣпка̀ о̓бидно а дѣвка̀ завидно.

Digitized by Google

Рѣдко сѣять. легко вѣять.
2075 Рай помышлять о дш҃ѣ промышлять.
Решотомъ водꙋ мѣрять потѣряешъ время.
Родится на смерть а ꙋмретъ на животъ.
Ра҄ нахо҄ке не тꙋжи потерявъ.
Ретка. есть о҃рыгае҃ся а рыбка ѣсть не слꙋчае҃ся.
2080 Родя спи҃ и ходя а Зиня и ро҃ розиня.
Рыча҃ волꙋ в поле не по своей воле.
Рже҃ конь на борꙋ. хоче҃ онъ ко ҄ворꙋ.
Рыбки хоче҃ся а в рѣкꙋ не вскочится.
Рябь бѣло тѣла в пирогъ ѕалетѣла.
2085 Ро҄номꙋ баткꙋ. де҄ржать догаткꙋ.
Ро҄сыпа҄ гость тава҄ да запѣлъ что кома҄.
Рысь пестра и скакать. быстра.
Рꙋка приложить и дш҃а положить.
[л. 367 об.]. Рогомъ козелъ а родомъ о҃селъ.
2090 Радъ скомрахъ ѡ своихъ домрахъ.
Ребромъ о҃катиться. что сребро о҃плати҃ся.
Риза черная. святасть мѣрная.
Римская вѣра-что неꙋставная мѣра.
Родила мама а не озинꙋла. яма.
2095 Рабꙋ гд҃ню не подобаетъ сваритися.
Ра҃ бы в рай да грѣхи не пустятъ.
Ра҃ бы да҄ пирошка да у самово ни куска.
Рогошка ря҃ная што матꙋшка ро҄ная.
Ремесла за҃лечми не нося҃ а с нимъ лꙋтче.
2100 Рыба ище҃ гдѣ глꙋбьже а чл҃вкъ гдѣ лучьше.
Родился нагъ пропади и с платьемъ.
Розиня ростяпе в ро҃ заѣхалъ.

Digitized by Google

С.

Старых людеи пословицы не мимо дѣла.
Свои ꙋмъ Царь в головѣ.
Своя голова дороже живота. 2105
Свои своемꙋ по неволѣ. дрꙋгъ.
Словом поспѣшонъ скоро посмѣшонъ.
Считаютъ бражники частые праздники.
Стрельба любитъ похвальбꙋ.
Свадьба безъ дивъ не бываетъ. 2110
Сваты с правдою не ѣздятъ. [л. 368].
Стояньемъ города не вьзять.
Смирение. чл҃вкꙋ. ожерелье.
Сова о совѣ а всякъ о себѣ.
С коимъ обычаемъ. в колыбѣлку с тѣм. и могилкꙋ. 2115
Сорока лѣтъ сорома нѣтъ.
Сердцꙋ весящуся. лице цвѣтетъ.
Солнце сияетъ на злыя. и бл҃гия.
Сꙋдъ цревъ сꙋд бж҃їи.
Слѣпець слѣпца ведꙋтся а оба вь ямꙋ впадꙋтся. 2120
С сильнымъ не борись. а з богатымъ не тяжим.
Смерьть мꙋжꙋ покои.
Себѣ спалъ себѣ и видѣлъ.
С разумомъ жить лишо тѣшится.
Смерть страшит а грѣхъ во вѣки мꙋчитъ. 2125
Совѣтъ свѣтъ а несовѣтъ тма.
Сꙋхая лошка ротъ деретъ.
Сердитая собака волкꙋ корысть.
Собака лаетъ. а владыка ѣдетъ.
С чюжова коня серед грязи долои. 2130
Соловья. басни не кормятъ.
Старои долгъ за находки. мѣсто.

Digitized by Google

Смотря по бердꙋ не бꙋдетъ ли близионъ.
Собаку моклокомъ а̀ ей то и по зꙋбамъ.
2135 Сва҃ сва҃ а не сватъ инъ добро̀ чл҃вкъ.
[л. 368 об.]. Смѣлство лꙋ҃чѐ богатырства.
Собою цены не уставить.
Скрыпꙋчее дерево стои҃ а здоровое летитъ.
Сила [и] зако҃ преступаетъ.
2140 Сѣни косые а люди̇ босые.
Стрѣляи в кꙋстъ а виноватова бг҃ъ сыщетъ.
Съ угорѣлою головою в ча҃ не мѣчися.
Снова̀ и ложка̀ красна.
Собака̀ лаетъ а вѣтръ проноситъ.
2145 Сѣть мꙋжꙋ крѣпка̀ свои ꙋстнѣ.
Сѣть гра҃даномъ. лишеный разумомъ.
Свѣтилникъ тѣлꙋ. есть о̀ко̀.
Сытъ голодꙋ не разумѣетъ.
Смутивый грѣхъ понесѣтъ.
2150 Сорока даромъ не щекочетъ.
Со лжи люди̇ не мрꙋтъ а впре҃ вѣры не иму҃.
Серьди҃ з горшки не ѣздитъ.
С вѣрою лꙋчинка о̀ чомъ не свѣча.
Самъ себѣ не ра҃ что грамотѣ гора҃дъ.
2155 Соко҃ лебе҃ летая бье҃ а ворона̀ себе сидя и жабу жретъ.
Сама ся раба бье҃ что не чисто жнетъ.
Собака есть а камѣни нѣтъ.
Скаска скла҃ а̀ пѣсня збыль.
Сова спитъ а кꙋры видитъ.
2160 Сиди криво а̀ сꙋди̇ прямо.
[л. 369]. Спорынья в квашню а̀ тѣсто в шляпꙋ.
Сер҃це сокольѐ а̀ смѣльство вороньѐ.
Савелья по҃чуютъ. с по҃мѣлья.
Серьдитъ песъ провожаетъ во҃къ в лѣсъ.
2165 Силнꙋ. мꙋжꙋ. мечь не в нꙋжꙋ.
Сырость вѣтра̀ приноситъ до҃дь.

Digitized by Google

Сито̀ часто̀ пироги чинитъ рѣдки.
Сахар сѣютъ а не вѣютъ желѣзо̀ вѣютъ да не сѣю̑.
Свинопасъ и рꙋбашку пропасъ.
Сколко воскресеней. столко̀. и̇ новоселеи.
Сопъ. Скрябинъ.
Сѣм ко̀. ты Якимъ пото̑ки тко. ты мякинъ.
Сито. такъ. а решото. даромъ.
Славенъ бꙋбенъ за горами̇ а ⁺на̑ прїде̑ что луко̑ко.
Смеча̑ чо̑ртъ лѣсъ да помѣша̑ ему бѣсъ.
Смотритъ слѣпъ в окошко много ли̇ в день звѣздъ.
Смутилъ чортъ бракъ. а са̑ в бꙋяракъ.
Стоитъ кумъ. збирая. свой у̇мъ.
Сперьва̀ не прытко а тамъ и̇ тише.
Собою. жить собою. слыть.
Сава̀. смешитъ. а саванъ. страшитъ.
Сер̑це. крꙋчинное̇ что сало ве̑чинно.
Садъ красенъ ѡ̇градомъ. а лоза̀ виноградомъ.
Строино молодецъ ходитъ женитца хочетъ.
Старова̀· чорта. да по̑нялъ бѣсъ.
Старꙋю собаку. не баткомъ. звать. [л. 369 об.].
Старꙋю погꙋ̑кꙋ. на новой ладъ.
Самолюбъ всякомꙋ не любъ.
С сокомъ пирого жь. ма́тка̀. бережотъ.
Сонъ в кручинѣ. что корабль в̑ пꙋчинѣ.
Сѣно̀ семѣрыхъ сьѣло.
Сметанꙋ. любить. коровкꙋ. кормить.
Споръ не бы̇ваетъ кто̀ самъ что видастъ.
Со́ ста̀ дворовъ. стадо. коровъ.
Сꙋкно избирай цвѣтомъ а̀ дрꙋга привѣтомъ.
Свита̀ чорная̇ мысль горняя.
Семью. примѣрявъ. о̀динова̀ ѿрѣжъ.
Слово̀ не стрѣла̀. а̀ пꙋще. и стрѣлы.
Старые̇. немощи. трꙋдно̀ лѣчить.
Сватанье̇. хвастанье̇.

Сытъ пономарь и попꙋ. подаетъ.
Сѣютъ. начаяся̀ а вѣютъ смечаяся.
Скоморшъя̀ примѣта̀ что в пир бе҃ привѣта.
Сыръ. да яица̀. да вина̀. скляница.
2205 Скри̇питъ. что рꙋ̑ская. телѣга.
Сꙋка̀ не захочотъ и пе҃ не в'скочитъ.
Свое̇. выкупая̀. печаль имꙋ҃ с радостью.
Сказывать бꙋдетъ сѣдчи̇ да ѣдчи.
Смѣхи̇ да хихи̇ вводятъ в грѣхи̇.
2210 Свинья̀ по҃ заходомъ с своимъ о̇биходомъ.
[л. 370]. Спрошалъ бы гуся̀ не забудꙋ҃ ли̇ ноги.
Самсонъ. сам семъ.
Соли дѣдъ шти̇ а хлѣба жди̇.
Сахаръ значитъ лесть а саванъ каже҃ смерть.
2215 Семера̀ на у̇мѣ коли̇ нѣтъ на гумнѣ.
Сѣяи̇ скупостию пожнетъ скудостию.
Ссꙋда̀ лишняя. о̇стꙋда̀.
Смердомъ слыть не хоче҃ся̀ а̀ дворянино҃ жи҃ не мо҃ся̀.
Сидѣть у̇ брашки. смирненко. позовꙋ҃ и к пивꙋ.
2220 Сꙋрово̀ зелье̇ хрѣнъ да рѣдка̀.
Сꙋхарики̇ сꙋша҃ на службꙋ спешатъ.
Сорокъ постель не соромь гостеи.
Сѣянъ лио̇нъ. у̇ семи̇. Олио̇нъ.
Саму̇. о̇сму понять на себя̀ бꙋдетъ пенять.
2225 Семь в тебѣ дш҃ъ да не в о̇ной пути̇ нѣтъ.
Свои̇ землянинъ. на чюжои̇ сторонѣ.
Своя ноша̀ не тянетъ и потꙋ не канетъ.
С людми̇ и смерьть̀ красна.
Самъ себѣ. ворогъ. что̀ бе҃ дн҃гъ. в' горо҃.
2230 Старои̇ дрꙋгъ лутче̇ семеры҃ молоды҃.
Ссвои̇ своимъ дерется̀ а̀ чюжои̇ не при҃товаи̇.
Стрѣла̀. в' дрꙋге̇. что. во пни.
Снявъ головꙋ. да на҃ волосами̇. плачотъ.
Спрашиваютъ Варварꙋ. на росправꙋ.

Digitized by Google

Т

Тѣмь море не погано что псы в нево налокали. [л. 370 об.].
Тепло. тепло. а не лѣто. 2236
Товаръ полюбитца. кумъ ѿстꙋпитца.
Товаръ не мѣдвѣдъ. всѣхъ дн҃гъ не сьѣстъ.
Товаръ подачꙋ. любитъ.
Тише. поидешъ дале. будешъ. 2240
Тотъ. мнѣ. и свой кто до меня добръ.
Ты мнѣ не ᵃдарово а я тебѣ не челомъ.
Теленокъ еще в брюхе а хозяин ꙋже и с обухомъ.
То тебѣ. не в чинъ потомꙋ. что. ты Немчинъ.
Ты язычекъ. смалчивай я за тебя бѣᵃкꙋ плачика. 2245
Тѣмъ добро. что всѣмъ. ров'но.
Тотъ а҃тн҃ъ. не того рꙋбля.
Татарскомꙋ. мясоѣдꙋ. конца нѣтъ.
Та овца. не твоего о҃ц҃а.
Твой мечь. а моя голова. 2250
То не бѣда. что. во ржи. лебеда.
Та беда не беда ли бы болше тое не была.
То не спасенье. что пьянъ. в воскресенье.
Такой пѣстъ. и хлѣбъ. ѣстъ.
То былъ базаᵖ. что з дубинами. лазалъ. 2255
То тамъ. глꙋпомꙋ. и ꙋжина гдѣ дурако дюжина.
Тетива порветца и Татарин не бьетъца.
Толко. ꙋ Харки. и собонки.
Тонко прясть посидѣть а мелко моло постоять. [л. 371].
Тать у татя перекралъ утята. 2260
Тачать частенко хлебать реденко,
Теизоменита лопата Ѵпату а Вавиле могила.
Телята бредутъ. в тенета.
Тесть ведетъ честь а зять люби взять.

Digitized by Google

Тонко. прясть. долго̀ ткать.
То̄ же Савка̀ на тѣхъ жѐ. санкахъ.
Тужатъ да служатъ а̀ хто о̀ретъ то̄ пѣ̑ни пое̄.
Тѣсень путь. вводитъ. в животъ.
Торгъ поволной купець. любовнои.
Торговать неупировать.
Тошно жить с во^з^гривою. а ^з^лѣ̀ тово̀ з брю^з^гливою.
Ткѝ дочѝ не сꙋючѝ жени^х^ иде̄ по улице.
Татьяна̀ не сметана̀ не шти ею бѣлить.
Та̀ бѣда̀ ѣдетъ в ворота.
Такой. пѣстъ и хлѣбъ ѣстъ.
Тѣмъ гостямъ тюрма̀ по костямъ.
Такою добычею сытъ по обычаю.
Тꙋча̀ прошла̀ а дождя не видали.
Тꙋла̀ зипꙋны здꙋла̀ а Ко^ш^ра в ра̀гожѝ о^б^шила.
Тотъ 'Аѳона̑. давно не по насъ.
Та бы корова̀ молчала̀ которая̀ по̑ мѣ̀вѣдемъ бывала̀.
Терть пилою гнꙋть спиною.
Татѝ. не жнꙋтъ. а погоды ждꙋтъ.
[л. 371 об.]. Тать не молчитъ замки колитъ.
Трѣскꙋ. боятца̀. и в лѣсъ. не ходить.
Тать не лысъ. а господинъ, не вѣщь.
Торговать бѣдою. наложить головою.
То сѐ. говоря̀ да по шеѐ. гоголя.
Тогда̀. сонъ. хвалѝ какъ збꙋдется.
Ты за пирогъ анъ чортъ поперегъ.
Трои челомъ. лꙋтчѐ матерна.
Топӣся̀ что ꙋ̀ кн̄зя ꙋ̀варится что ꙋ̀ строѧ.
Ты земля̀ тресись а мь за кольѐ де^р^жимься.
Тѣм жѐ саламъ да по тѣмъ же раномъ.
Ты за хрѣнъ. а хрѣнъ за тебя.
Теля̀ ꙋ̀мерло̀ хлѣба̀ прибыло.

Digitized by Google

Ꙋ.

Ꙋ бг҃о дней много. а в'сѣ блиско.
Ꙋ страхꙋ. гла̀ велики.
Ꙋ ково̀. ꙋкрали. а̀ ꙋ насъ выняли.
Ꙋ семи̇. мамакъ. дитя̀ без глаза. 2300
Ꙋ всякова̀ Паула̀ своя. правда.
Ꙋ парня дагадки. а̀ ꙋ дѣвки̇ смыслъ.
Ꙋ ково. коня нѣтъ. то҃ ходитъ. и̇ пѣшъ.
Ꙋбогомꙋ. робята. а̀ богатомꙋ. телята̀.
Ꙋ пьянова̀ басней. не переслушать. 2305
Ꙋ одноѐ о̀вечки да сѐмъ постуховъ. [л. 372]
Ꙋ Фили пили̇ да Ѳилю же били.
Ꙋ ково серцо̀. гнило. а̀ у насъ и^з^ныло.
Ꙋ дрꙋга̀ пить во^ду^ лутчѐ неприятелска ме^ду^.
Ꙋ худа̀ у̀ма̀ не болозе ногамъ. 2310
Ꙋ старова̀ у̀жѐ не по старомꙋ.
Ꙋлита̀ ѣдетъ. коли то бꙋдетъ.
Ꙋмъ добро̀. а два̀ и лу҃че тово.
Ꙋ всякова̀ Ѳомки. не бе^з^ помхи.
Ꙋтро. вечера̀ мꙋдренѣее. 2315
Ꙋдасться. квасъ а не уда҃тся инъ кислыѐ шти.
Ꙋ тебя̀ борода̀ да и я нѐ робя.
Ꙋ Николы. двѣ школы̀ а^з^бꙋки ꙋча҃ да канꙋны.
Ꙋ нашева̀ кн҃зя по великъ дн҃ь мяса.
Ꙋ горкова̀. бортника. и медъ горекъ. 2320
Ꙋ сп҃са. не бе^з^ запасꙋ.
Ꙋшми̇. слушай у҃ты кꙋшай а̀ о̀чамъ. дурака҃ воли не дова'.
Ꙋ питья. бѣдами. а̀ о̀похмелетися. слезами.
Ꙋ молотца̀ не безолотца.
Ꙋмыкали̇ бꙋрка̀. крꙋтыѐ. горки. 2325

Digitized by Google

Ꙋмной. что. губнои. всякъ. ево боится.
Ꙋмномꙋ. брань. что̀ глупомꙋ дрань.
Ꙋ ково. порося. пропало. томꙋ и в уша^х ви^вжитъ.
Ꙋдастся голубець. не надобѐ и дубець.
2330 Ꙋ бг҃а не решето. днеи.
Ꙋ Макара̀. лишь. возгреи. пара.
[л. 372 об.] Ꙋрвала̑ баба̀ с печи̇ да хватаи перепечи̇.
Ꙋ рака мочь в клешнѣ. а̀ у богатова̀ в мошнѣ.
Ꙋ добра̀ всегда̀ ноги̇ кривы.
2335 Ꙋдица̀ крива̀. да рыбица̀. пряма.
Ꙋмомъ нажи̇ваютъ а безумиемъ і старое̇ теряю̑.
Ꙋдача̀ кляча̀ лишь скачи̇ да кричи̇.
Ꙋпалъ дѣдъ с печи. не видаючи̇. в'стрѣчи.
Ꙋбогъ камени̇ не гложетъ а богатъ злата не ⁀латае̑.
2340 Ꙋда̀ сребряна̀ волочо̑ рыбꙋ. со дна моря.
Ꙋдарилъ. лицемъ своимъ в гря^з хотя и кн҃зь.
Ꙋжемь. виться. гужемь рваться.
Ꙋмре̇. А̀да̀мъ. быть. тамъ. и намъ.
Ꙋпилась баба̀ воды. да дѣлаетъ. бѣды.
2345 Ꙋчатся. лсти̇ а гордость. и сама̀ выростаетъ.
Ꙋбогаи̇ ра̑ киселю а̀ богато^му и золото в го^рло не идетъ.
Ꙋмолкла̀ музыка̀ коли̇ червь. и^з языка.
Ꙋзнала̀ свїнъя свое̇ порося.
Ꙋмъ не постояненъ. чл҃вкъ о̀кояненъ.
2350 Ꙋзолокъ да памя̑ца̀ то дѣло. стане̑ца.
Ꙋбилъ. бг҃ъ. лѣто. мухами.
Ꙋ сыра̀ дꙋба̀. у̀ сꙋха̀ сꙋка. привя̀зана сꙋка.
Ꙋ ково̀. пропало. тому̀ вдвое̇ грѣхъ.
Ꙋмнои̇ на сꙋ^д не ходитъ. а глупои. с сꙋда̀ не ⁀ходитъ.
2355 Ꙋпрямилъся̀ у̀мереть надо^бно. сперетъ.
Ꙋ гола̀. голъ. голикъ.
Ꙋ Ꙗковца̀ два ястрябца̀ оди^н о̑цы лови̑ а ^друго' ꙗлови̑.
[л. 373] Ꙋкра^х бы рыжка̀. да лиха о̑рыжка.
Ꙋзокъ путь. зимою а жидокъ. водою.

Digitized by Google

Ѹменъ что Надѣинъ Семенъ на волынку наса̑ променя̑. 2360
Ѹ притчи̑. и на конѣ. не ѹити.
Ѹ колца̀. не сыщешъ конца.
Ѹчи̑ женѹ. да дѣтей бе̑ людей.
Ѹ вора̀ заечьѐ. серцѐ. и спитъ и боится.
Ѹмъ говоритъ пора̀ итти̑ з двора̀ а хмель 2365
говоритъ. до̑демъся̑ побой да вмѣстѣ домой.
Ѹ си̑вого̀. коня. воловая хода̀.
Ѹмываися̑ мыломъ не по̑довaися. злы̑нямъ.
Ѹченъ женѹ̀ бьетъ а̀ дроченъ̀ ма̀тѹшкѹ.
Ѹ старца̀. в кельѐ. чѣмъ. бг҃ъ послалъ.
Ѹ бг҃а. всего. много. а̀ всѐ. блиско. 2370
Ѹ бабы̀. волосы̀ до̑ги̑ а ѹ̀мъ коротокъ.
Ѹспѣть в краснѣ. и в хорошѣ находи̑ца̀ лишъ
бы было в чемъ.
Ѹ̑далую. ставитъ. а̀ бѣглую̑. не забываетъ.
Ѹ всякова̀. моло̑ца. своя̑. ѹхватка.
Ѹто̀п'шеи. пить. не проси̑тъ. 2375
Ѹ людей и но̑. не рѣжетъ а̀ ѹ̀ него и шило̀ бреетъ.

Ф.

Филимонъ. поетъ неѳимонъ. [л. 373 об.]
Фарба̀ прелщаетъ о̀чи̑ до вѣчные о̀чи.
Фараѻнѹ. мухи̑ в великия. муки.
Фаворъ гора̀ паче свѣта̀. была. 2380
Фокѹ. тве̑рдитъ. сорока.
Философство. хоть ѹжжо̑ на посо̑ство.
Фатка̀ бывалъ дядка̀. а̀ нн҃ѣ сталъ. ѱарь.
Фараонъ ис корѣты вонъ.

Digitized by Google

Фома не купитъ ума.
Фофанъ с толокномъ стоитъ подъ окно.
Федка горекъ что редка.
Фома большая кро́ма.
Фокъ. да Якова и сорока. знаетъ.
Фонаря да пономаря. свѣчами пригожи.
Федкъ. поноситъ. что ретки укуситъ.
Феуралъ. когатъ снѣгомъ. Апрѣля водою.
Федосъ любитъ. приносъ.
Ѳита не славна. а вещь. она. славна.

Х.

[л. 374] Храбры въ тюрмѣ мудры на кабакѣ. а глупы искать въ попѣхъ.
Хвали другъ. чужъ. сторонъ. а самъ в нее ни по ногъ.
Хто чѣмъ. играетъ. тотъ тѣмъ и зашибе́ца.
Хъ мужъ в могилу а добра жена. по хоромъ.
Хотя бы в ордѣ тако бы. в добрѣ.
Холщовая рубашка не нагата а поскудная каша не голо́.
Ходитъ кругъ. кочки а руки. в воронке.
Хто добръ тому и добръ а хто не добръ тому и бы́ры не буде́.
Хлѣбъ соль вмѣстѣ а рыбка в дѣлъ.
Хто не сиживалъ на конѣ то́ не лѣжива́ и по́ конемъ.
Хто о́жется на мокѣ то́ по́етъ и на водъ.
Хто ѣ́дитъ тихо́ то́ бу́детъ дале.
Хлѣбъ серце́ чѣвку. укрѣпитъ. а вино взвеселитъ.
Хваля книги не имемся а хвля пиво́ не лишимся.
Х кожѣ ума не пришитъ. гво́здемъево́ не прибитъ.
Хлопотъ полонъ ротъ а перекусить нѣчево.
Хлѣбъ да капуста лихова не попу́стятъ.

Digitized by Google

Хто. ѻриѻтъ то҃ поиотъ а҆ хто. с'лужитъ. то҃ тꙋжитъ.
Хотя̀ сосна̀ и сере҆ поля стоитъ да ҂тому҃ бору шуми҃.
Хто̀ дорогою. не хаживалъ. то҃ до҆ра коня̀ не жалуе҃.
Хто̀ живетъ скупъ томꙋ саленъ. пꙋпъ. 2415
Хто ково̀. смага. то҃ тово и в рага.
Хто̀ у̀ на҃. ѻвѣдаетъ то҃ про на҃ и вѣдаетъ.
Хꙋдоѐ порося̀ и в Петровъ постъ ѻзябло.
Хто̀ ворожитъ. себѣ̀ боложитъ.
Хто на морѐ не бывалъ то҃ с прилѣжаньемъ [л. 374 об.]
Бг҃ꙋ не маливался.
Хто. бабе не внꙋкъ. 2421
Хто̀ во што̀ гора҆дъ. то҃ тѣмъ и̇ промышляетъ.
Ходилъ по канꙋнъ да и самъ потанꙋлъ.
Хошь. чо҆рта впряги̇. и̇нъ. не тянетъ.
Ходитъ. ѻ̀нъ ребромъ не ҆нается з гольемъ. 2425
Хорошо̀ дрꙋгъ плава̀етъ что и пꙋпы҆е вспрядае҃.
Хто находитъ то҃ и теряетъ.
Хомутъ. ху҃ дꙋга̀ тонка̀, ѻ̀ всемъ тоска.
Хотѣниемъ. побѣжденъ. огнемъ роспаленъ.
Хотѣлъ. бѣсъ, Є҆вꙋ ногами затѻ҃тать а у҃ ея і рука҃ не дѻ҃та҃. 2430
Ходила̀ лиса̀ куря҃ красть да попала в па҃ть.
Харито҃ лишъ свиньямъ. притонъ.
Хꙋля бг҃а лишится. мн҃ога.
Хваля̀ бг҃а не погибнетъ. а хуля̀ не воскреснетъ.
Хороша дорошка̀ воложкою. 2435
Харя̀. дехтемь. трусить.
Храбръ побиваетъ и свои҃ и҆бавляе҃,
Хра҆бромꙋ. смерьть пред очима.
Хребтомъ ганяꙗ. недрꙋга̀. ꙋсталъ.
Хижа̀ своя̀ лутчѐ каменны҃ чюжі҃, 2440
Христосъ все видитъ хто ково ѡ҆бидитъ.
Хозяинъ̀ за товаромъ а бг҃ъ за накладомъ.
Ходилъ бг҃ъ по землѣ. а чл҃вкъ по небꙋ.
Холмъ высокъ а̀ всѐ песокъ бе҆ по҆ковъ не ҂зо'дещъ. [л. 375]

Digitized by Google

Фома не купитъ ума.
Фофанъ с толокномъ стоитъ подъ окно.
Федка горекъ что редка.
Фома большая кро́ма.
Фокъ. да Якова и сорока. знаетъ.
Фонарь да пономарь. свѣчами пригожи.
Федкъ. поноситъ. что ретки укуситъ.
Феуралъ. когатъ снѣгомъ. Апрѣлъ водою.
Федосъ любитъ. приносъ.
Θита не славна. а вещь. она. славна.

Х.

[л. 374] Храбры въ тюрмѣ мудры на кабакѣ. а глупы искатъ въ попѣхъ.
Хвалитъ другъ. чюжъ. сторонъ. а самъ к нее ни по ногъ.
Хто чѣмъ. играетъ. тотъ тѣмъ и зашибе́ца.
Хъ мужъ въ могилу а добра жена. по воромъ.
Хотя бы в ордѣ тако бы. в добрѣ.
Холщовая рубашка не нагата а поскудная каша не голо́.
Ходитъ кругъ. кочки а руки. в воронке.
Хто добръ тому и добръ а хто не добръ тому и бы́ры не буде́.
Хлѣбъ соль вмѣстѣ а рыбка в дѣлъ.
Хто не сиживалъ на конѣ то́ не лѣжива и по́ конемъ.
Хто ожжется на мокѣ то́ помретъ и на водъ.
Хто ѣдитъ тихо́ то́ бъдетъ дале.
Хлѣбъ сердце чѣвку. укрѣпитъ. а вино взвеселитъ.
Хваля книги не имемся а хваля пиво́ не лишимся.
Х кожѣ ума не пришитъ. гвоздемъево́ не прибитъ.
Хлопотъ полонъ ротъ а перекусить нечево.
Хлѣбъ да капуста лихова не попустятъ.

Digitized by Google

Хто. ѻриѻтъ то҃ поиотъ а҆ хто. с'лужитъ. то҃ тꙋжитъ.
Хотя҆ сосна҆ и сере҆ поля стоитъ да ҆тому҆ бору шуми҃.
Хто҆ дорогою. не хаживалъ. то҃ до҆ра коня҆ не жалуе҃.
Хто҆ живетъ скупъ томꙋ саленъ. пꙋпъ. 2415
Хто ково҆. смага. то҃ тово и в рага.
Хто҆ у҆ на҃. ѻбѣдаетъ то҃ про на҃ и вѣдаетъ.
Хꙋдое҆ порося҆ и в Петровъ постъ ѻзябло.
Хто҆ ворожитъ. себѣ боложитъ.
Хто на море҆ не бывалъ то҃ с прилѣжаньемъ [л. 374 об.]
Бг҃ꙋ не маливался.
Хто. бабе не внꙋкъ. 2421
Хто҆ во што҆ гора҆дъ. то҃ тѣмъ и҆ промышляетъ.
Ходилъ по канꙋнъ да и самъ потанꙋлъ.
Хошь. чо҆рта впряги҆. и҆нъ. не тянетъ.
Ходитъ. ѻнъ ребромъ не ҆нается з гольемъ. 2425
Хорошо҆ дрꙋгъ плава҆етъ что и пꙋпы҆е вспрядае҃.
Хто находитъ то҃ и теряетъ.
Хомутъ. ху҃ дꙋга҆ тонка҆, ѻ всемъ тоска.
Хотѣниемъ. побѣжденъ. огнемъ роспаленъ.
Хотѣлъ. бѣсъ, Є҆вꙋ ногами затѻтать а у҆ ея і рука҆ не дѻта҃. 2430
Ходила҆ лиса҆ куря҃ красть да попала в па҃ть.
Харито҆ лишъ свиньямъ. притонъ.
Хꙋля бг҃а лишится. мн҃ога.
Хваля҆ бг҃а не погибнетъ. а хуля҆ не воскреснетъ.
Хороша дорошка҆ воложкою. 2435
Харя҆. дехтемь. трусить.
Храбръ побиваетъ и свои҆ и҆бавляе҃,
Хра҆бромꙋ. смерьть пред очима.
Хребтомъ ганяя. недрꙋга҆. ꙋсталъ.
Хижа҆ своя҆ лутче҆ каменны҆ чюжі҆, 2440
Христосъ все видитъ хто ково ѡ҆бидитъ.
Хозяинъ҆ за товаромъ а бг҃ъ за накладомъ.
Ходилъ бг҃ъ по землѣ. а чл҃вкъ по небꙋ.
Холмъ высокъ а҆ все҆ песокъ бе҆ по҆ковъ не ҆зо'дешъ. [л. 375]

Digitized by Google

2445 Хто чему позавидуетъ то̄ тому и поработае̄.
Хозовые̇ сапожки̇ на ольховые̇ ножки̇.
Хто чево̀. ищетъ. то̄ то̀. и̇ обряще̄.
Холо̄ да жена̀ да тре̄ея̇ земля дворяно̄ бо^х^на.
Хорошо^б^ на ^з^накоме̇. и коровка̀ купить.
2450 Хотѣлъ купить. село да̀ взложи^х^ себѣ сило.
Ходила̀ баба̀ море̇ зажигать моря не за^ж^гла а ^м^лоту явила̀.
Хотя дитя̇ криво. а о̄цꙋ. матере мило.
Хлѣбъ с солью. не бранится̇.
Ходитъ что саврасъ бе^з^ у^з^ды.
2455 Ходитъ Зиня̇ и ротъ розиня.
Ходитъ что быкъ. кругъ Савина̀ огорода.
Холостой простой жена̄ рога̄ а вдовецъ что зя^б^лецъ.
Хто в дѣле̇ тотъ и в о̄вѣтѣ.
Хвастаетъ тысящею. а̀ тма̀ в очахъ.
2460 Хотя коровка̀ избыть. а серешки̇ купить.
Хотя̇ свита̀ сѣра̀ толко̀ воля своя.
Хто чѣмъ промышляетъ то и вымышляетъ.
Хлебалъ мꙋжь у̇шкꙋ да вы[р]онилъ дш̄кꙋ.
Ходя. по могиламъ махать. бꙋде̄ кадиломъ.
2465 Ходить по льдꙋ. покользнꙋтся.
Хотѣлося̇ винца̀ да страхъ дꙋбца̀.
Ходилъ чортъ за о^б^лаками̇ да обо^р^вался.
Хлѣбъ соль конецъ о̀бѣдꙋ.
[л. 375 об.] Хотѣлося постричтся̇ да прилучилося̇ женӣся.
2470 Хꙋ^д^ не добръ свой не беи ево при мнѣ.
Хвостъ Ѳомѣ. залупили̇ да хѣлъ прилѣпили.
Хвощъ др̄венской о̀вощъ.
Харитонъ с Москвы̇ прибѣжалъ с вѣстьми.
Хата̀ о̀слопьемъ богата.
2475 Хто пировать а мы горевать.
Хорошо̀ попамъ да поповича̄ дура̄^х^ и^х^ зовӯ да пирога̄^х^ ӣ даютъ.
Хваля дрꙋгꙋ. невѣстꙋ а самъ. к' мѣстꙋ.
Холо̀пей о̄вѣтъ бӯто̀ ничево нѣтъ.

Digitized by Google

Хорошо̀ о̀жерельѐ на Ту^л^ское дѣло в три молота̀ стегано.
Хотя Сила̀ пло^х^ да осиле^л^ дво^х^. 2480
Хлѣбъ соль заемноѐ дѣло.
Хлѣбъ соль ѣжь а̀ прав'дꙋ говори.
Хлѣба к завтрею оста^к^ливай а не дѣла.
Хотя и не попъ да обычьемъ добръ.
Худое ремесло̀. лꙋтчѐ доброва̀ воровства. 2485
Хꙋдо' то мужи^к^ что о^т^ обуха̀ дрожитъ.
Хто пье^т^ до ^д^на то^т^ живетъ без ума.
Хотя̀ конь горбатъ да̀ не мерину братъ.
Хто̀ не слушаетъ о̅ц̅а да матерѝ то^т^ стане^т^ слуша^т^ телячьѝ кожи.
Хорошо беречь шубꙋ на стꙋжꙋ а дн̅ги на нужꙋ. 2490
Хорошо бѣречь бѣлую денешкꙋ на чо^р^но' день.
Хто̀ желаетъ власти. приду^т^ на него сла^с^ти а пото мъ страсти. да в то̅ ему буде^т^ и пропасти.
Хто имени^т^ да ему жѐ пирога̀ нѣтъ. [л. 376]
Хто служи^т^ то^т^ тужитъ а хто о̀ретъ то^т^ пѣ^с^ни пое^т^.
Хто̀ торгуетъ тотъ· ворꙋетъ. 2495
Хотя̀. не попъ да о̀бычьемъ до^б^ръ.
Хошь о̀коло гуменъ то^л^ко̀ самъ себѣ игуменъ.
Хꙋда̀ вѣсть. нѣчево. ѣсть.
Хто сватался то^т^ спрятался.
Хорошо на дрꙋга кала^ч^ купи^т^ не уда^л^ся̀ инъ са^м^ съѣлъ. 2500
Хорошо в дорошкѐ пирожокъ з горошкомъ.
Хочетъ. старова̀ воро^б^я̀ на^д^ мякинамѝ о^б^манутъ.
Хоть. чорта̀ впрягѝ. а̀ емꙋ. кажетца лошадь.

Digitized by Google

Ѿ.

Ѿ аггл҃ъ єдинъ о҃ чл҃вкъ два ѿ земли. три.
2505 Ѿ избыткѧ сер҃цѧ. ꙋста. гл҃аголютъ.
Ѿ малыє ѻгня искры великѝ вещѝ погораютъ.
Ѿ смертѝ и по҃ каменемъ не скрытся.
Ѿрѣзанъ ломоть не пристанетъ.
Ѿрѣзавъ головꙋ. да на҃ волосамѝ плачетъ.
2510 Ѿвѣданъ дрꙋгъ. не о҃вѣданъ два.
Ѿ кꙋрицы яицо а ѿ яица курица.
Ѿ доброва коренї. и о҃росль добра.
Ѿ доброва ѻбѣда и к ꙋжинє ѻстанє҃ся.
Ѿ кума ал҃тнъ о҃ кумы полотно.
2515 Ѿ св҃щенника молитва о҃ людє пя҃ рублє.
Ѿ бг҃а дождь. а о҃ дьꙗвола ложъ,
[л. 376 об.] Ѿрыгає҃ся маслицомъ видялъ коровє слѣ҃ не҃ чера ꙋж третє дн҃ь.
Ѿ людей ꙋтаишъ а о҃ бг҃а никако.
Ѿ ково погибаемъ. тово избываемъ,
2520 Ѿ ково терьпимъ. про тово твердимъ.
Ѿ Савы хощешь славы а о҃ перстѝ іщешъ чести.
Ѿ дождя. не в водꙋ.
Ѿ ково. ѻпасны томꙋ и зопасны.
Ѿцꙋ имя запомнилъ. а матке забылъ.
2525 Ѿца в бородꙋ. а самъ к городꙋ.
Ѿласъ бы носилъ зеленъ да не о҃пуститъ мелен.
Ѿнѣтался чортъ о҃ крестинъ.
Ѿнимается дьяволъ ѻкоянными Турки.
Ѿпалъ бѣсъ вѣры не позна҃ своей мѣры.
2530 Ѿпятился задомъ ѿ жидовъ.
Ѿтялъ. себѣ. ꙋхо Кирюха.
Ѿ чево живетъ пляскъ какъ ꙋдари҃ в плѣшь.

Digitized by Google

Ѿ чиста̀ ср҃ца̀ чисто зрятъ о̀чи.
Ѿшютился̀ тать спиною. что великою мздою.
Ѿщепилась розга̀ ѿ лѣта̀расли.
Ѿческои. сн҃ъ и ꙋ гляденья сытъ.
Ѿсыпаися. спиною. что рожью.
Ѿ берегу̀ о҃сталъ а̀ к' дрꙋгому не присталъ.
Ѿ добра̀ добра̀ не ищутъ.
Ѿ искры̀ сыръ. боръ загорается.
Ѿсѣки тꙋ рꙋкꙋ. про҃ которая̀ себѣ до҃ра не хочетъ.
Ѿ чево̀ родился̀ тѣмъ и побѣдился.
Ѿ хꙋдые птицы̀ худые и пѣсни.

Ц.

Цр҃я не всякъ видитъ а всякъ за него бг҃а молитъ. [л. 377]
Цр҃во. сер҃це. в рꙋцѣ б҃жїи.
Цр҃ю служатъ. ѡ̀ домѣхъ не тꙋжатъ.
Цвѣтъ в полѐ чл҃вкъ въ волѣ.
Цена̀ ꙋ̀ставить не село преставить.
Цельба̀ пьяному спать доволно.
Цѣна̀ блꙋ҃цѣ. печоного. хлѣба.
Цвѣтноѐ платьѐ в болшоѐ мѣсто. несетъ.
Цвѣтноѐ пла҃ѐ на плеча̀ а добрая мысль к ср҃цꙋ.
Цата̀ славна̀ шестая̀ часть копеики.
Цвѣтетъ. старость. сѣдиною· а овощъ ему смерть.
Ццѣлениѐ грѣшномꙋ. покояниѐ вѣрное.
Цѣлбоносноѐ ѕелиѐ дарованиѐ велие.
Цѣлба̀ пьяницѣ. на столѣ в кл҃яницѣ.
Царь птицамъ орелъ да боится сокола̀.
Царь левъ звѣремъ, не ложенъ и веренъ.

Digitized by Google

[Царь тȣрской противникъ рȣскои].
Царствȣетъ. ȣмъ головою.
Царевы̀ слȣги̇. не жалѣютъ ноги.
Царю пре̑стояти̇ себя̇ зазирати.
Царь. бл҃гими воеводы. смиряетъ. мира̀ не^з^годы̀.
Цѣло стадо̀ пастырю радость.
Цвѣти̇ ап҃ли процвѣтоша̀ в тернїи.
Цвинтарь видя̇ в'дохнȣть.
Цѣловалъ воро^н^ ку^р^ку до послѣднева перышка.
[л. 377 об.] Цѣлованиѐ татарскоѐ наза̑ руки̇ за̑ра̑ буди.
Цюци̇. да вяци̇. то мои и рѣчи.
Цвакъ на по^л^четве^р^такъ.

Ч.

Чл҃вкъ ꙗко трава̀ дниѐ ѐго ꙗко сѣнь преходятъ.
Что. не радится. то и̇ не ȣмираетъ.
Честна мл҃тня. во время скȣдо̀сти̇.
Человѣкъ ȣ̑бг҃ъ. что конь бе^з^ ногъ.
Чорта̀ ксти а онъ в водȣ. глядитъ.
Чюжую. кровлю. крои̇ а своя^б^ не капала.
Часъ о̑ часȣ а к сме^р^ти ближѐ.
Чюжомȣ товарȣ. цѣны̀ не уставливаи.
Чюжь му^ж^ милъ да не вѣкъ с ни^м^ жить.
Чюжоѐ вѣять лишъ глаза̀ порошить.
Чарка̀ велика̀ вино̀ хорошо.
Чѣмъ было волȣ. рычать. а^н^ телѣга̀ скрыпитъ.
Чево̀ на землю не падетъ тово земля̇ не подыме̑.
Чево̀ люди̇ не мо^л^вятъ то не ^з^бȣдется.
Чья бы корова̀ мичала̀ а твоя̇ за ^д^воѐ мо^л^чала.

Digitized by Google

Чеи быкъ ни скака^л да наше теля.
Чюжимъ ѹмомъ не до^лго жить.
Чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.
Чюжова̀. рта не завязать стать. 2590
Чере^з силꙋ и конь не скочитъ. [л. 378]
Чюжая дш҃а темно.
Чево мало. то и дорого.
Чечотка̀ ѿлѣтитъ а гнѣздо̀ о̀станетца.
Чолнокъ да бердо̀. ѹ̀ бабъ то тве^рдо. 2595
Чело̀ све^рбитъ кланятся. нѣкомꙋ.
Чере^з. рѣчкꙋ. мосточкомъ.
Чюжой мошнѣ. не будь ѹ̀кащикъ.
Чортъ на чорта̀ нашолъ въ рагозинно̑ мешкѣ.
Чтятъ снохꙋ. не для смѣхꙋ. 2600
Человѣкъ в чести̇ сый не разумѣ.
Часто̀ стегать рѣдко хлѣбать.
Чюжи̇ руки̇ легко̀ да не к се^рдцꙋ.
Чеи конь. тово и возъ.
Чаять бг҃а сп҃сающаго мя. 2605
Чемꙋ. быть тово̀ не минуть.
Чюжꙋю кꙋрочкꙋ. щипли̇ а свою за крылы̑ко де^ржи̇.
Чаетъ слѣпъ свѣтꙋ. к бꙋдꙋщему лѣтꙋ.
Чла кума̀ соборникъ да нашла о̀на о̀вто^рникъ.
Честенъ перстенъ ꙋ дворянъ на рꙋкѣ. 2610
Че̑ве^рть лѣта̀ три мс҃ца.
Чюдо не хꙋдо̀ ѹ̀богъ не лживъ.
Честна̀ мужа̀ и^знимаетъ нꙋжа̀.
Чинъ сщ҃еннои добро несмущеннои.
Четыре̇ брата̀ да ба̑ко пятои̇ да я че̑ве^ртои. 2615
Что гренешь то и̇ клюнешь,
Чему позавидꙋешъ томꙋ. и порабатаешъ. [л. 378 об.]
Честь ѹ̀мъ порожаетъ а бе^зчестие̇ і старое̇ теряе̑.
Чемꙋ посмѣешся̀ тово и самъ берегися.
Честь приложена̀ а̀ убы̑кꙋ̀. бг҃ъ и^збавилъ. 2620

Digitized by Google

Чей дн҃ь завтра̀ а нашъ севодни.
Человѣкъ добръ а имя ему̀. о̀хъ.
Чей. двор. тово̀ и хоромы.
Что̀ в людехъ ведется. то и на҃ не минется̀.
2625 Что̀ горо҃ то норовъ. а̀ что чл҃вкъ то и обычеи.
Что свиньи̇ не перебздѣть то и ево̀ не пере̇говорить.
Чюжимъ ртомъ· сыту̀. не быть.
Чл҃вкъ не скотина̀. а̀ дн҃ги не мекина.
Чево̀ глазы̀. не доглядишъ то мошною до҃лоти҃.
2630 Чево̀ глазъ. не видитъ тово и язы҃ не брѣди҃.
Чуваша̀ хотя̀ сто. чл҃вкъ соидутся̀ всѣ вдругъ.
говоря̀тъ. а другъ у̀ друга̀ не слушаютъ.
Чаша̀ моря̀ Соловецкаго пить за здравие̇
Молодецкое̇.
Что̀ бг҃ъ дастъ̀ то и̇ будетъ.
Что в д҃рвне родится̀ то в городѣ пригодится̀.
2635 Что̀ смѣшно̀ и̇ грѣшно.
Что̀ упехнешъ то. и уѣдешъ.
Что̀ на ꙗвѣ дѣется̀ то и во снѣ грезится.
Что стерпится̀ то и слюбится.
Что̀. с воза̀ у̀пало̀ то пропало.
2640 Что свѣчки̇. гаснутъ.
[л. 379] Что кошка̀ ни родитъ то мыши̇ ловитъ.
Что видитъ· то и̇ брѣдитъ.
Что̀. на судѣ говорятъ то и записываютъ.

Ш.

Шолковъ бѣникъ бумажное̇ тѣло.
2645 Шутка̀ к шу҃ке̇ а Машка̀ в шубке.
Шоптавъ таино̀ хлопотать ꙗвно.

Шꙋба елова̀ да к се^{р}дцꙋ̀ здорова.
Шила̀ в мѣхꙋ̀. не ꙋ̀таить.
Шьетъ а нитѝ нарꙋжю. выходя̄.
Шиломъ. воды̀ не нагрѣть. 2650
Што щꙋка̀ тяла.
Што̀. из дꙋба̀ масло̀.
Што̀ мꙋхино̀ сало розошло̄ пе пе^{р}стомъ.
Што з гꙋся вода̀ небы^{л}ные слова.
Што̀ се^{р}помъ по гꙋ^{з}нꙋ. 2655
Шашкѝ. в кꙋзовъ.
Шахнꙋлъ. емꙋ. с поля. долои.
Шасть. на божью. часть.
Шамае̄. что баба̀. а̀ хамаетъ. что жаба.
Шахнꙋть да махнꙋть анъ и вся игра. 2660
Шишъ ворона̀ пора̀ на гнѣздо.
Шотъ дождь перестанетъ зашо̄ сол'нце взо'детъ. [л. 379 об.]
Шꙋрмꙋютъ в полѐ. ꙋчася. в школе.
Шꙋтилъ Кꙋпряшка̀ да попалъ в тюряшкꙋ.
Шꙋмомъ правꙋ. не быть. 2665
Шꙋмитъ дꙋбровꙋшка к погодꙋшкѐ.
Шопта^{л}. емꙋ по̄ носъ да нѐ во^{з}метъ в разꙋмъ.
Шипитъ по̄ носъ что блинной по̄ма^{з}.
Што̀ то за блины. всѐ в спинꙋ. бе^{з} вины.
Што̀ и говорить лишо ср̄цѐ ро^{з}ярить. 2670
Шилъ дѣдъ котманъ да лу^{б}я не достало.
Шол бы Карпъ. к' пивꙋ. да не зовꙋтъ.
Шо^{л} бы̀ чортъ· на сва̄бꙋ. да боится попа.
Шелегъ в мошнꙋ. а̀ а̀лтнъ. из мошны.
Шесть досокъ. да холстинкѝ. платокъ. 2675
Штѝ да хлѣбъ даш ты̀ во хлѣвъ.
Штаны̀ снялѝ турскиѐ а батогѝ кладꙋ̄ рускиѐ.
Шилъ му^{ж} два̀ охобня̀ не без охонья.
Широкъ зипꙋнъ на Ѳомкѐ не буде̄ в то̄ помхи.
Шито̀ о̀жерелеицо в два̀ молота̀ на стꙋлѐ. 2680

Digitized by Google

Чей дн҃ь завтра̀ а нашъ севодни.
Человѣкъ добръ а имя ему̀. о̀хъ.
Чей. двор. тово̀ и хоромы.
Что̀ в людехъ ведется. то и на҃ не минется̀.
2625 Что̀ горо҃ то норовъ. а̀ что чл҃вкъ то и обычеи.
Что свиньѝ не перебздѣть то и ево̀ не перѐговорить.
Чюжимъ̀ ртомъ· сыту̀. не быть.
Чл҃вкъ не скотина̀. а̀ дн҃ги не мекина.
Чево̀ глазы̀. не доглядишъ то мошною до̑лоти̑.
2630 Чево̀ глазъ. не видитъ тово и язы̑ не брѣди̑.
Чу̀ваша̀ хотя̀ сто. чл҃вкъ соиду̀тся̀ всѣ вдру̀гъ.
говоря̀тъ. а дру̀гъ у̀ дру̀га̀ не слушаютъ.
Чаша̀ моря̀ Соловецкаго пить за ѕздравиѐ
Молодецкоѐ.
Что̀ бг҃ъ дастъ̀ то ѝ бу̀детъ.
Что в д҃рвие родится̀ то в городѣ пригодится̀.
2635 Что̀ смѣшно̀ ѝ грѣшно.
Что̀ у̀пехнешъ то. и у̀ѣдешъ.
Что̀ на ꙗвѣ дѣется̀ то и во снѣ грезится.
Что стерпится̀ то и слюбится.
Что̀. с' воза̀ у̀пало̀ то пропало.
2640 Что свѣчкѝ. гасну̀тъ.
[л. 379] Что кошка̀ ни родитъ то мышѝ ловитъ.
Что видитъ· то ѝ брѣдитъ.
Что̀. на су̀дѣ говорятъ то и записываютъ.

Ш.

Шо҃ковъ вѣникъ бумажноѐ тѣло.
2645 Шу̀тка̀ к шу҃кѐ а Машка̀ в шу̀бке.
Шоптавъ таино̀ хлопотать ꙗвно.

Digitized by Google

Шꙋба елова̀ да к сердцꙋ̂ здорова.
Шила̀ в мѣхꙋ̂. не ꙋ̀таить.
Шьетъ а нитѝ нарꙋжю. выходя̑.
Шиломъ. воды̀ не нагрѣть. 2650
Што щꙋка̀ тяла.
Што̀. из дꙋба̀ масло̀.
Што̀ мꙋхино̀ сало розошло̑ пе перстомъ.
Што з гꙋся вода̀ небы̑ные слова.
Што̀ серпомъ по гꙋзнꙋ. 2655
Шашкѝ. в кꙋзовъ.
Шахнꙋлъ. емꙋ. с поля. долои.
Шасть. на божью. часть.
Шамае̑. что баба̀. а̀ хамаетъ. что жаба.
Шахнꙋть да махнꙋть анъ и вся игра. 2660
Шишъ ворона̀ пора̀ на гнѣздо.
Шотъ дождь перестанетъ зашо̑ сол'нце взо'детъ. [л. 379 об.]
Шꙋрмꙋютъ в полѐ. ꙋчася. в школе.
Шꙋтилъ Кꙋпряшка̀ да попалъ в тюряшкꙋ.
Шꙋмомъ правꙋ. не быть. 2665
Шꙋмитъ дꙋбровꙋшка к погодꙋшкѐ.
Шопта̑. емꙋ по̑ носъ да нѐ возметъ в разꙋмъ.
Шипитъ по̑ носъ что блинной по̑ма̑.
Што̀ то за блины. всѐ в спинꙋ. без вины.
Што̀ и говорить лишо ср̑цѐ розярить. 2670
Шилъ дѣдъ котманъ да лу'я не достало.
Шол бы Карпъ. к' пивꙋ. да не зовꙋтъ.
Шо̑ бы̀ чортъ· на сва̑бꙋ. да боится попа.
Шелегъ в мошнꙋ. а̀ а̀лтнъ. из мошны.
Шесть досокъ. да холстинкѝ. платокъ. 2675
Штѝ да хлѣбъ даш ты̀ во хлѣвъ.
Штаны̀ снялѝ турскиѐ а батогѝ кладу̑ рускиѐ.
Шилъ му̑ два̀ охобня̀ не без охонья.
Широкъ зипꙋнъ на Ѳомкѐ не буде̑ в то̑ помхи.
Што̀ о̀жерелеицо в два̀ молота̀ на стꙋлѐ. 2680

Digitized by Google

Шолъ дѣдъ пѣшъ. роспаря̀. плѣшъ.
Широка̀. дорошка̀. Єрошке.
Широка̀ борода̀ клиномъ а зову҃ ево Климомъ.
Шахматы. игра҃ свои҃ о̀берегать.
2685 Шалнымъ дȣрнымъ вѣчная память.
Шошко̀ да Павелъ да о̀каннои дьяволъ.
Шȣба̀ овечья̀ а̀ дш҃а человѣчья.
[л. 380] Шши҃ кожюхъ овечеи. носить ево на плече҃.

Щ.

Щедроты гд҃ни на всѣхъ дѣлехъ ѐго.
2690 Щититься ракъ. клешнею а бога҃ мошною.
Щеня лаетъ у̀ стары҃ ѱовъ слыша.
Щоко҃ливыѐ лошади̇̀ всегда берегись.
Щоткою. голов'кȣ. а̀ плеткою. молодкȣ.
Щока̀ о̀кȣнїова̀ еда̀ холостова̀.
2695 Щепы̀ с уксусомъ всегда̀ у̀ скупова.
Щолкъ досаденъ вшамъ а сусло̀ гузнȣ.
Щепа̀ в каше. и рыбы̀ краше.
Щипалъ Фролъ горохъ да заболѣлъ попериогъ.
Щится̀ нѣчемъ а бится̀ нѣ с кемъ.
2700 Щоголь ходитъ. жи̇вотъ по҃жавъ.
Щоголя̀ бьютъ. спинȣ. оголя.
Щокою ро҃жива̀ носомъ платить.
Щеко҃ливȣ. не дотыкаися̀ а ре҃нивȣ̂ не о҃ла҃ся̀.
Щитися о҃ неприятеля̀ штями.
2705 Щȣпа̀е҃. по закусто҃ю· с гривами̇̀ куря҃ буду҃ ли̇̀ с я́цы̀.
Щиплетъ соко҃ галкȣ. поглядывае҃ на палкȣ.
Щепляе҃ся̀ что̀ чиреи̇̀ у̀ сви҃и̇̀ по҃ хвостомъ.
[л. 380 об.] Щȣпаютъ татя̀ в три̇̀ перемѣны̀.

Digitized by Google

Щипатъ соловью калину пропустя молинъ.
Щебечетъ соловей в клѣткѣ забывъ свои дѣтки.
Щибъ с него мъхъ. досталося и ъхъ.
Щетъ да плетъ и голова чесатъ и гн҃о.
Щербина на ножѣ. щетина на ежѣ.
Щука умираетъ а зубы оголяетъ.
Щука во всю спину. а стерляди по гн҃ю.
Щеляется что яшно҃ блинъ.
Щяпи҃ лошеди ногами по҃кована ботогами.
Щипнулъ Ѳома рыбки а самъ скочилъ на ды҃бки.
Щука с огурцами скуша҃ с молодцами.
Щоголь ситная милостыня.
Щасливомъ. ве҃дѣ до҃ро.
Щокй берендѣевы.
Щоками что набилками щолкаетъ.
Щука умерла а зубы осталися.
Щепа бы да с уксусомъ щеня бы не суки҃ снѣ.

Ъ.

Ъздъ далъ а коня не видалъ. [л. 381]
Ъсть. ухо. не боятся грѣха.
Ъсть калача не сидѣть на печи.
Ъхалъ чо҃ртъ҃ мимо тамъ ем҃ъ҃ и имя.
Ъхала кума не вѣдома куда.
Ъдчй рыба дать ей имя.
Ъжа корова соломъ. поминаи лѣто.
Ъстъ черва древо а зла жена чрево.
Ъздилъ чо҃ртъ в Ростовъ да набѣгался о҃ крѣто҃.
Ъзь в рекѣ а язь в Окѣ лиша солй да хлебай.
Ъствá слатенка да лошка моленка.

Digitized by Google

Бѣжь кашѫ а говори нѣшѫ.
Бѣста арбѫзы ходитъ с гологузы.
Бѣдѣтъ чортъ на дьяволѣ.
Бѣмъ а дѣла не вѣмъ.
Бздилъ Емеля ещѣ ждать евѡ недѣля.
Бздитъ моремъ не брезговатъ горемъ.
Бздилъ в пиръ Кирилѡ да подаренъ тѫ в рылѡ.
Бдѣтъ ѡнъ. ѵставя носъ.
Бжь медвѣдя Татарина а оба не надобе.
Бздѣлъ к города да наплевалъ к бородѫ.
Бжь ли не ѣжь ли а ва ежѫ почтѫтъ.
Бхатъ грѫзно. помочитъ гузно.
Бхалъ Гуръ с тиоткою накрывся лоткою.
Блъ смердъ. блины да засалилъ брилы.
[л. 381 об.] Бжь много а говори мало.
Бси. ѣсй да ино жорновы снеси.
Бжь лутчѣ мясо. а не ѣжь мясника.
Блъ скорома знаи жѣ и сорома.

Ю.

Юнъ с ыгрѫшками а стар с подѫшками.
Юноша молодъ. не терпликалъ холодъ.
Юрый пирогомъ а дѫрный батогомъ.
Юрьи. за бабѫ. а Лѫка за быка.
Юсъ да ѵжица дѣлѫ. конецъ ближитца.

Digitized by Google

А.

Ꙗвенъ грѣхъ малꙋ винꙋ. творитъ. 2760
Ꙗзыкъ мой врагъ мой прежде ꙋма моє рыщє.
Ꙗзыкъ головꙋ кормитъ.
Ꙗзыкъ Киева даведетъ.
Ꙗръ мꙋжъ не бл҃го ѡбразенъ.
Ꙗко черва сꙋши древо та печаль губи сердце. 2765
Ꙗстребъ ловитъ. что хочетъ а бога купи что може.
Ꙗстреба вабѧтъ не по голове гладятъ.
Ꙗдь гортани сладкая. рѣчь серцу гладкая.
Ꙗдение сладкое падение раиское. [л. 382]
Ꙗзыкъ говоритъ а голова и не вѣдаетъ. 2770
Ꙗмьщикъ в дороге паищикъ.
Ꙗрышка в стрꙋгꙋ. привыкай к плꙋгꙋ.
Ꙗзва ѿ стрѣлъ глꙋбока. а ѿ меча широка.
Ꙗ не ѿпѣлъ. а ты не ѿслꙋшалъ.
Ꙗкимъ плашина курицꙋ купилъ а двѣ за пазуху заби. 2775
Ꙗ пере тобою. что дермо пере свиньею.
Ꙗзыкомъ что хо говори а рꙋкамъ воли не довай.

З.

Зения ждетъ воскресенїѧ.
Зиманꙋ па тиманъ к Ипатꙋ по мятꙋ.
Зы гостья з двора дамо тебѣ пора. 2780
Зи. ѱи. с ѳитою пахнꙋли сытою.

Digitized by Google

Ѱ.

Ѱалтирь красенъ с гусльми.
Ѱалмопѣвецъ. и у Немѣцъ.
Ѱа. моклокомъ. а емъ. то и по зѣбомъ.
Ѱъ волны цѣнята а свинѣ. поросята.
Ѱъ битъ. лишѣ. хлыстъ. кажи,

II.

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ И ПРИСКАЗОКЪ

ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

(конца XVII — начала XVIII столѣтія),

хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ
(подъ шифромъ 34. 8. 11).

Digitized by Google

Digitized by Google

Текстъ настоящаго сборника пословицъ, поговорокъ и присказокъ воспроизводится нами по рукописи Петровскаго времени (самаго конца XVII-го—начала XVIII-го столѣтія). Она принадлежала академику Л. Н. Майкову и была имъ получена въ 1879 году отъ д-ра Н. Г. Ордина изъ г. Кадникова, Вологодской губерніи, и въ 1880 году была сообщаема для изданія Обществу Любителей Древней Письменности въ Санктпетербургѣ, которымъ пословицы по этой рукописи и были изданы въ «Памятникахъ древней письменности и искусства» за 1880 годъ, вып. IV, отд. 2, стран. 75—114 [1]). Къ этому изданію было тогда присоединено всего лишь нѣсколько слѣдующихъ строкъ съ краткими замѣчаніями о сборникѣ редактора этого выпуска Памятниковъ Ѳ. И. Булгакова:

«Нижепомѣщаемый списокъ рукописнаго сборника конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, заключающій въ себѣ пословицы, народныя поговорки и присказки, обязательно доставленъ Обществу Любителей Древней Письменности Л. Н. Майковымъ. Рукопись, по внѣшнему виду, очень истрепана, что̀ называется, зачитана, и конца въ ней недостаетъ, хотя это ничуть не лишаетъ интереса и значенія настоящій списокъ, представляющій нѣкоторые варіанты къ ходячимъ и распространеннымъ въ народѣ пословицамъ. Особенно же любопытны въ печатаемомъ спискѣ пословицы, въ которыхъ выражается народное міровоззрѣніе, обусловливаемое историко-бы-

1) Одни лишь краткія упоминанія встрѣчаются въ Исторіи русской словесности И. Я. Порфирьева, ч. I (Каз., 1886 г.), стр. 165 и въ книгѣ А. С. Архангельскаго «Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. Вмѣсто введенія. I. Памятники устнаго народнаго творчества» (Каз., 1898), стран. 37.

Digitized by Google

товыми условіями того времени, а равно и присказки, сложенныя въ видѣ какихъ-то виршей».

Признавая съ своей стороны весьма желательнымъ воспользоваться для настоящаго нашего изданія вышеупомянутымъ сборникомъ пословицъ и исчерпать текстъ его, мы обращались съ просьбою къ г. предсѣдателю Императорскаго Общества любителей древней письменности, графу С. Д. Шереметеву и получили разрѣшеніе Общества Л. Д. П. на переизданіе вновь сборника пословицъ, напечатаннаго въ его «Памятникахъ» за 1880 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ, что подлинная рукопись стариннаго сборника хранится въ Парижѣ въ обширномъ и драгоцѣнномъ собраніи разнообразныхъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ по пареміологической литературѣ извѣстнаго законовѣда В. В. Богишича, которому она была подарена Л. Н. Майковымъ, мы сочли себя обязанными обратиться непосредственно къ самому владѣльцу означеннаго собранія съ просьбою выслать принадлежащую ему и занимающую насъ рукопись для нашихъ занятій въ Санктпетербургъ, хотя бы на самое короткое время. Вслѣдствіе нашего обращенія В. В. Богишичъ изъявилъ желаніе пожертвовать упомянутую рукопись въ одно изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Выборъ его вскорѣ палъ на Императорскую Академію Наукъ, которой рукопись и была принесена имъ въ даръ. Посему считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ В. В. Богишичемъ о нашей глубокой признательности за его обязательное одолженіе и содѣйствіе намъ представить въ печати упомянутый старинный сборникъ въ достойномъ его видѣ.

Въ настоящее время означенный сборникъ пословицъ находится въ рукописномъ отдѣлѣ I (Русскаго) Отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ, — подъ шифромъ: «34. 8. 11».

Вся рукопись состоитъ изъ 28 полныхъ листовъ и одного обрывка (немногимъ менѣе полулиста), включеннаго переплетчикомъ между 18 и 19 листами. Эти листы имѣютъ 20 сантиметровъ вышины и 16 сантиметровъ ширины. Углы почти всѣхъ листовъ бумаги сборника обгрызаны крысами. Рукопись переплетена бывшимъ владѣльцемъ ея въ папку, оклеенную желтокоричневою бумагою. На первомъ оберточномъ листѣ имѣется карандашомъ отмѣтка—№ 11.

Digitized by Google

Бумага, на которой писанъ сборникъ пословицъ, пожелтѣла отъ времени и во многихъ мѣстахъ имѣетъ пятна отъ сырости и проч. Листы (1—18, 18½ и 19—28) рукописи перемѣчены въ самое послѣднее время карандашомъ въ правомъ верхнемъ углу.

Такъ какъ въ ней не имѣется никакихъ опредѣленныхъ отмѣтокъ о *времени* ея *написанія или составленія самого сборника пословицъ*, то единственнымъ указаніемъ, кромѣ характера почерка, можетъ служить *бумага*, на которой писанъ сборникъ, и особенно тѣ его листы, на коихъ имѣются водяныя фабричныя клейма. Разсматривая листъ за листомъ, мы съ помощью систематическаго сборника этихъ клеймъ въ хронологическомъ порядкѣ, приложеннаго къ извѣстному и единственному въ такомъ родѣ труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб., 1891 г.), — замѣтили:

1) что листы 1. 2. 18. 19 писаны на голландской бумагѣ со знакомъ («шута»), см. въ книгѣ Лихачева на таблицѣ 56, № 478; по устному же намъ сообщенію Н. П. Лихачева, которому мы показывали настоящую рукопись, это — бумага никакъ не позднѣе 1700 года»,

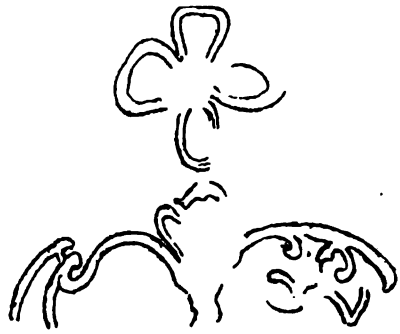
2) — на листахъ 3. 6. 9. 11. 12. 15. 16. 27 — нѣтъ никакого знака, но бумага тонкая,

3) — лл. 4. *5*. 7. 8. 10. 13. 14. 17 — со знакомъ (гербъ гор. Амстердама), см. на чертежѣ 3, снятую половину клейма съ л. 5. Ср. у Лихачева на табл.: 58 и слѣд., 66, № 500, 71, № 553 — бумага, повидимому, 1710 — 1720 гг.

Чертежъ 3.

4) — лл. 20. 21. 22. *24*. 25. 26 — грубой русской бумаги со знакомъ, который см. у Лихачева на табл. 76, № 561=1729—1730 гг. См. на чертежѣ 4, съ листа 24).

Digitized by Google



Чертежъ 4.

и 5) тоже лл. *23* и 28 со знакомъ, который см. у Лихачева на табл. 76, № 562 (1729 г.). (См. на чертежѣ 5, съ листа 23).

Чертежъ 5.

Такимъ образомъ, на основаніи показаній водяныхъ знаковъ на бумагѣ, слѣдовало бы думать, что составляться нашъ сборникъ началъ за нѣсколько лѣтъ до 1700 года и законченъ былъ около 1730 года. Судя по разнообразію сортовъ бумаги, сборникъ представляетъ собою сшивокъ изъ нѣсколькихъ частей, такъ что можетъ быть листы 1—19 включит. и л. 27 составляли ранѣе одно цѣлое, а листы 20—26 включит. и л. 28 (т. е. послѣдній изъ числа сохранившихся донынѣ) — должны быть выдѣлены особо.

Digitized by Google

При этомъ въ настоящемъ видѣ полулистъ $18^1/_2$ (съ окончаніемъ пословицъ на букву *Ч*, съ началомъ ихъ на букву *Ш* и съ концомъ на букву *Ѣ*), вшитый переплетчикомъ по ошибкѣ между листами 18 и 19,—долженъ быть переставленъ: ему мѣсто между 17 и 18 листами, что̀ и принято въ разсчетъ въ нашемъ изданіи.

Укажемъ еще на сохранившуюся отъ давняго времени *мѣту тетрадей*: внизу страницъ 6а и 10а по срединѣ, но уже арабскими цифрами, имѣются отмѣтки 2 и 3.

Рукопись начинается — безъ всякаго заглавія и надписи съ буквы А — пословицею:

твори^т^ся вали^т^ся
а̑ мо' земско' дво^р^ ѿвори̑ся что вся̑ в него ввали^т^ся

оканчивается на оборотѣ листа 28-го и при томъ внизу его пословицею (продолженіе сборника, вѣроятно, утеряно, такъ какъ обрывается на буквѣ *И*):

И'гꙋменъ Гурей, до братьи: дꙋренъ.

Обращаясь къ *составу сборника*, видимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ, или даже и трехъ, неравномѣрныхъ частей, что̀ отчасти подтверждается и приведенными уже соображеніями, явившимися у насъ при разсмотрѣніи бумаги, на которой писанъ весь сборникъ, и особенно листовъ бумаги разнаго времени (см. выше):

I) на лл. 1—18 и $18^1/_2$ помѣщены пословицы на буквы А (л. 1), Б (л. 1 об.), В (л. 3 об.), Г (л. 5), Д (л. 5 об.), Е (л. 6 об.), Ж (л. 7—7 об.); далѣе не сохранились листы съ текстомъ пословицъ на буквы З. И. І. К; на л. 8а идетъ продолженіе пословицъ на букву Л; затѣмъ слѣдуютъ пословицы на буквы: М (на л. 9), Н (л. 10), Ѿ (л. 11 об.), П (л. 12 об.), Р (л. 13 об.), С (л. 14), Т (л. 15), У (л. 15 об.), Ф (л. 16 об.), Х (тамъ же), Ц (л. 17 об.), Ч (тамъ же), далѣе на полулистѣ (обрывкѣ) Ч. Ш.... Ѣ; Ю (на л. 18) и Ꙗ (тамъ же и на л. 18 об.); внизу л. 18 обор. остававшееся порозжее мѣсто для приписокъ частію заполнено таковыми, но отчасти такъ и осталось не записаннымъ;

II) на листахъ 19а—26 об. всплошную записаны пословицы безъ всякаго порядка, начиная съ первой строки листа 19а и до конца листа 26 об.

и III) на листахъ 28а и б помѣщены пословицы на буквы: *г*, *д*, *ж*, ѕ, з, и.

На л. 27—любопытна слѣдующая отмѣтка, которою начинается съ самаго своего верхняго борта эта страница (см. на снимкѣ):

Digitized by Google

Здѣ Полагаются о҃сего же а҃ѳавита
мир'скїя Пословицы и҆ ра'говоры, Понеже
тамо не ҇писашася за у҆маленїемъ мѣ-
ста

б: в: г, д: е, ж: з, и҆ к, м, н, о, п,
р, с, т, у҆, х, ч, ш,

Лицо, задавшееся намѣреніемъ пополнить первую часть сборника и, дѣйствительно, пополнившее отдѣлъ на букву *Б* въ концѣ его четырьмя пословицами (см. на л. 3 об.), — въ отдѣлѣ на букву *В* не могло уже совсѣмъ найти мѣста для вставки дополненій, и потому рѣшилось сдѣлать вышеприведенную оговорку и приступить къ самостоятельной, болѣе или менѣе систематической, записи пополненій первой части сборника.

Что касается самаго *письма, почерка*, которымъ писаны листы сборника, то нами замѣчено нѣсколько видоизмѣненій его. Прежде всего упомянемъ, что листы: 1 а-б, 2 а-б, 6 а-б и 7 а-б — писаны довольно мелкимъ, ровнымъ, кудреватымъ почеркомъ и желтовато-блѣдными чернилами; на дальнѣйшихъ листахъ этотъ почеркъ уже не встрѣчается болѣе (см. снимокъ съ л. 6а при стран. 181). Всѣ же другіе почерки вообще отличаются болѣе преимущественно толщиною или тонкостію чертъ (вслѣдствіе разницы въ очинкѣ пера и т. под. причинъ), а также цвѣтомъ чернилъ, но не характеромъ письма, такъ что можно было бы, вслѣдствіе того, упомянуть о трехъ-пяти почеркахъ (рукахъ), встрѣчающихся на страницахъ всего сборника и относящихся вѣроятно къ разному времени, — о чемъ и будетъ нами сообщено нѣсколько подробнѣе въ своемъ мѣстѣ [1]). Письмо вообще сжатое, особенно позднѣйшія приписки лѣпятся одна къ другой и къ болѣе раннему тексту: видно, что бумагою и свободнымъ для письма на ней мѣстомъ очень ужъ дорожили (можетъ быть, вслѣдствіе трудности имѣть бумагу въ достаточномъ количествѣ особенно гдѣ-нибудь въ отдаленной и глухой провинціи и по ея сравнительной еще дороговизнѣ). О разнообразіи почерковъ можно составить себѣ достаточное уже понятіе, познакомившись съ приложенными: къ страницѣ 181 нашего изданія снимкомъ съ листа 6а нашей рукописи и къ страницѣ 214 — съ части листа 27 а. Другія, болѣе частнаго характера замѣчанія о

1) Не рѣдки приписки пословицъ почеркомъ даже настоящаго столѣтія.

Digitized by Google

почеркахъ въ связи съ вопросомъ о поправкахъ и припискахъ болѣе поздняго времени (другою рукою или чернилами), будутъ предложены въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» въ концѣ всего изданія.

Настоящій сборникъ пословицъ *происхожденія*, какъ можно догадываться почти съ вѣроятностію, — *провинціальнаго*, именно *изъ Сѣвернаго (Вологодскаго) края*. Подтвержденіемъ этому могутъ служить: а) сообщеніе академика Л. Н. Майкова, которымъ рукопись эта была получена въ 1879 году изъ Вологодской губерніи; б) приписка на л. 3 а (сдѣланная въ верхнемъ правомъ углу страницы карандашемъ недавняго времени) слова: «Вологда»; и в) и самое главное, — много попадающихся въ текстѣ сборника чертъ языка сѣверовосточнаго края Россіи, и даже особенностей почти исключительно вологодскаго говора, которыя и будутъ нами указаны и пояснены въ своемъ мѣстѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ считаемъ необходимымъ еще добавить, что порядокъ и счетъ пословицъ при изданіи данъ нами; пословицы, приписанныя на поляхъ или рядомъ и проч., всѣ вообще введены въ одинъ непрерывный текстъ [1]). Приписки позднѣйшими почерками или же включены въ текстъ и отмѣчены заключеніемъ ихъ въ скобки [2]), или же будутъ указаны и, какъ и всѣ прочія необходимыя свѣдѣнія и наши замѣчанія, будутъ сообщены въ концѣ всего настоящаго сборнаго труда — въ «Дополненіяхъ и поправкахъ».

---

1) Зачеркнутыя въ разное время чернилами или карандашомъ пословицы возстановлены, и вообще отдано преимущество первоначальному писпу, а поправки и передѣлки будутъ всѣ собраны и указаны въ своемъ мѣстѣ.

2) Заключеніемъ въ круглыя скобки отмѣчены въ настоящемъ изданіи приписки, давнія же или вообще близкія по времени къ самой записи первоначальнаго текста, также иногда неясно читающіяся мѣста, а заключеніемъ въ ломанныя скобки—тексты позднѣйшей руки, особенно текущаго столѣтія и предположительныя наши чтенія.

Digitized by Google

Digitized by Google

[А].

(твори^т^ся) (вали^т^ся)
А^а^ мо' земско' дво^р^ ѿворися что вся в него ввали^л^ся; (л. 1).
Антипа не липа і' лу^б^ содра^в^ не покрылся;
А'даме Адаме ты согрѣши^л^ нши срца сокруши^л^;
А'нтихристъ блиско а' слце ниско;
Али мое пиво не ꙋдалось, что мое пиво по^д^ ты
пролилось;
Ахъ выколю *а* то мнѣ за^з^р....гла^з^.
Аптли ѻбличаютъ они же і наꙋчаютъ:
А'ндре' крстилъ, І'оаннъ благовѣстилъ;
А'*ще бы* и в о^р^дѣ то^л^ко бы в добрѣ;
Ай ай заключенъ рай;
А' а' мцъ ма' теплъ а голоденъ,
А' а' Адамъ грѣхъ со^т^вори^л^;
А' а' Евва пре^л^стила древо^м^ и выстонала чрево^м^;
Агрипине засве^р^*бѣло въ сп*ине:
(по горамъ)
Аврамъ гуляетъ Адамъ по н*а*рамъ,
Ахъ стра^х^ давно бы *е*во хотѣние і'спо^л^нилъ,
да за плечми гроза;
Адамовы лѣта с начала свѣта;
Аптека *ꙋ*^ле^читъ на по^л^вѣка:
А'птека н*е* о^д^ва вѣка; (л. 1 об.).

Digitized by Google

20 А'птекамъ придаватса ў̀же де̂гам не́ *жаться*;
А'птекари лѣчатъ а хъворыя крычатъ;
А' ѕнаю кв҃а а' гдѣ виж ѹ пиво не про'д ѹ мимо;
Аще бы не было сѹда, (то) дрѹгъ дрѹга пожерлъ бы,
Аль мое дитя молоденко что дш҃ѹ
и'ломило в маленкомъ.
25 Ахнешъ дядя на тетку глядя:
[Жена | мужа потѣшила вострым | ножиком зарезала].
[Было пиво да выпито есть квасъ | да не про *васъ*].

Б.

Бл҃жѐ іже обрѣте премѹдрость;
Брат братѹ головою в ѹплатѹ;
30 Брашно добро по пашне;
Быстрая лошадь скорѣе станет;
Болная жена мѹжѹ не мила;
Бѣденъ бѣсъ что ў̀ него бога нѣтъ;
Бес дождя виноград не роденъ;
35 Болестей тебѣ не штей
Болятка не молока:
(л. 2). Бабе́ то промыслъ что неправе помыслъ;
Бѣды терпѣти камѐно серд це і'мѣти;
(алчють)
Бѣси плачють какъ і'ноки скачють;
(задомъ)
40 Баба скачет і́ передомъ, все ў̀ нее і'ѕо' дстъ, своимъ чередомъ;
Быть было бедѣ да де̂ги на бедрѣ;
Былъ ў̀ тещи радъ утекши;
Болном у кровать золотая не поможетъ;
Басни бабьи дѹракъ [кто] любитъ;
45 Бабе' город не долголѣтенъ;
Безѹменъ рад видя дрѹга при напасти;

Бѣдность і́ мꙋ^{д}раго смиряетъ;
Без ꙋма голова котелъ;
Богатымъ злато нищи^{х} ради;
Баба брѣди^{т} чортъ еи вѣритъ;
Баба на торгѣ ся гнѣваетъ;
(Бе^{з} денê вода пи^{т} | того не вѣдаетъ).
Бе^{з} денегъ в то^{р}гъ самъ на себя ворогъ;
Бе^{з} денê вода питъ тово не вѣдаетъ;
Бога^{т}ство члв҃ка ѿ сме^{р}ти не иѕбавитъ,
Быть было ненастью да до^{ж}дь помеша^{л};
Борода что ворота а ꙋма і́ с прикалитокъ
нѣтъ;
Богатъ млт҃ию бг҃ъ да и о^{н} не убогъ;
Богато́ погибае^{т} а счасливо́ побираетъ; (л. 2 об.).
Бе^{з} клинья каѳтана не ѕдѣлать;
Беѕ ума торговать лише денги терять,
Бꙋде^{т} пора такъ не ꙋйдетъ дуда;
Бꙋдетъ тихо, бꙋдетъ і́ лихо;
Бѣдность беѕумного во тму и̇ ѿ людей ѿводитъ:
Болно раненъ и̇ головы не нашли:
Баба с скрамою, а дѣдъ с сꙋмою:
а стыдъ
Баба пьяна [а сꙋ^{д}] свой помлитъ:
Брю^{з}житъ что худая муха в осень:
Бѣды члв҃ка нау̇чатъ и̇ мр^{д}сти:
Блины брюху не порча:
[Гдѣ блины тутъ и | мы].
Богатому пакость, а у̇богому радость:
Бѣдному кꙋсъ за ломтя мѣсто:
Бꙋдетъ богатъ, бꙋдетъ и̇ рогатъ:
Бꙋдетъ рожъ, бꙋдетъ в люде^{х} и вожъ:
Быстрая вошка попала на гребешекъ:
Борисъ не дерись станешъ дра^{т}ца, буде^{ш} запиратца:
Бредетъ Татьяна, не добрѣ пьяна:

Digitized by Google

Было ремесло, да хмелемъ заросло:

(будешъ)

80 Бȣдешъ ȣ̓прямъ, *а* не прямъ:

Бе^{з} притчи тресся не тресетъ:

Бросѝся ярко, а доспѣ̑ не жалко:

(л. 3). Без пива да бе^{з} вина и̓ бесѣда не мила;

Бесѣда не пригожа бе^{з} хлѣба:

85 Босъ лаптей не и^{з}носитъ:

Бракъ бе^{з} дракъ рѣткимъ любовенъ:

Брови пригожи, а дро^{в}ни ȣ̓гожи:

Борода кажетъ мужа, а жену нȣжа:

Береза не ȣ̓гожа гдѣ ѡ̑на стои^{т}, та^{м} и̓ щȣмитъ:

90 [Пирокъ | с крупой | такъ всякъ | с рукой].

Бритва о̓стра, да никому не сестра:

Богатой с кумою, а ȣ̓богой с крамою:

Богатой в пиръ, а убогой в миръ:

Былъ в Крите, что Ї̈ѡ̑на в ки̑те:

95 Бѣды терпѣти, бе^{з}поко́ствомъ ся не го^{р}дѣти:

Бѣлые руки чȣжие трȣды любятъ:

Бе^{з}сты^{д}на гостя пивомъ не выгнать:

Барышъ накла^{ду} болшей братъ:

Боятся волка, бѣгать и̓ ѿ бѣлки:

100 Бѣды бѣдами, а к намъ воротами:

Было бы щастие а ^{д}ни впередѣ:

Бг҃а моли^{т}, затыкомъ в полъ колотитъ:

Буди здоро̑ на ^{д}ва дни, а на трете' де^{н} на ^{д}ро̑ни:

Будто на головѣ, что помѣшало:

105 Было добро да да̑но, а впре̑ бȣдетъ, да долго ждать

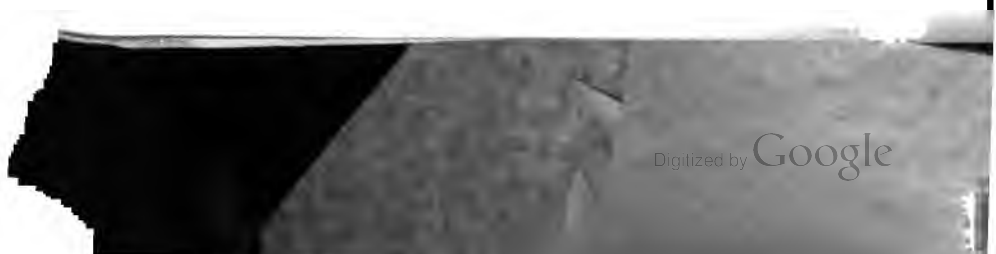
(л. 3 об.). Бьется бȣдто блоха в ȣхѣ: Быть 'Улите за Ка^{р}помъ:

Бы̑ в Палестинѣ стоя̑ лицемъ к стинѣ:

Будь примѣтли̑ а не и^{з}вѣтливъ:

(ились)

Бе^{з} миганья *слезы* покатятся;



Digitized by Google

Бьется што рыба о̀ ледъ:
Бѣ̾ная дру̾ба гдѣ во̾ще слу̾ба:
Бзди̾ потѣешъ а к дѣлу не поспѣешъ;
Богатѣе себя взаѣ̑ не давай, такъ не о̀голѣешъ;
Былъ ко̾шунъ да выпорхнулъ:

= Б ÷

Всякій звѣ̾да́рь смотри̾ на нб̑о а у̀падетъ въ я̀му:
В лесѣ мѣ̑вѣдь а в дому мачеха: (о̀бое равно:)
Всякое дѣло мастера боится: (а ѝно́ масте̾ ѝ дѣла | блюдется).
В дорогѣ і̀ ѡ̑цъ сынѣ товаришъ:
Всякая погу̀ка за хлѣбомъ добра:
Всякому свое мило, хотя на полы з̀гнилѡ:
Вдовѣти, всегда терпѣти:
Взявши за гужъ, не молви что не дюжъ:
В шуткахъ пра̾ды не бываетъ: (а что надо
то выговариваютъ).
Волку зима за обычай:
Воскъ к огню мякокъ, а калъ жестокъ.
В рѣкахъ не роди̾ся, а в глаза̾ двоится:
[Воры вору|ютъ не для | прибыли | да д(а)я своей | гибели] (л. 4).
Варить *бр*ага потерять и фляга.
Вѣтръ кручины не развѣетъ:
В водѣ глядитъ, а бѣдѣ говоритъ:
Ворона совѣ не ѡ̀борона:
Волко̾ ловятъ не голкою, но у̀ловкою:
В дождь и̾бы не кроютъ, а ̾ ведро ї сама не капле̾:
В ве̾ро епа̾чѣ возятъ, а ̾дождь ѝ сама ѣздитъ:
В чемъ живетъ смѣхъ, в томъ ѝ грѣхъ:
В большемъ мѣсте сѣди̾, много у̀ма надобно:
Во время брани добра не говорятъ:
В чемъ смолода ѡ̀хата, в то̾ и по̾ старость неволя:

Digitized by Google

(Вамъ поютъ)
Васъ бьютъ, а намъ навѣтки даютъ:
Вѣренъ рабъ, и гдн̑ъ ему радъ:
Васъ кормитъ море, а насъ томитъ горе:
Видитъ собака молоко, да ᵇкуᵇшине глубоко:
Вѣздѣ скачутъ, а у̑ насъ плачутъ:
Вахрамѣй разумеᵘ, кого корятъ, а тебѣ в глаза говорятъ:
(Ворону знать и̑ по перью;)
Выросъ нашъ жукъ, болши меˣвѣдя:
Водится с палачами, не тоᵖговать колачами:
Веселие волку, какъ не слышитъ за собою го̑ку:
(сѣдить не) (быть)
Воеводою быть, беᵉ медꙋ не жить:
Волкъ не голъ есть, на немъ шꙋба, да и̑ пришита:
Всякъ в бѣдаˣ бываеᵛ, *а* на ᵇрꙋгомъ видя iˈ забываетъ:
В доброй часъ, дана часъ:
Вамъ смѣхъ а у̑ насъ и в лаптяˣ снѣгъ
(л. 4 об.). Всѣмъ по спасибу а ᵇУлите два;
Выдряной пꙋхъ, что смеᵖдей дꙋхъ:
Вино варятъ зимою, а пьютъ ево порою:
Время перехоˣчиво, да ᵉлыˣпи воᵇчие:
Великъ тѣᵉᵒмъ, да малъ дѣломъ:
Волость не болесть, лутче корысти:
Внятно кума не мило, и все постыло:
Во̑те куки, да что хошъ то и̑ купишъ:
В поле воля, а кто в немъ ᵘᵘ сьеᵉжается, ро̑ствомъ не считается:
Всякой Еремѣй, про себя разꙋмѣй:
Вешной путь не дорога, пьяново рѣ̑ не говоря:
В дѣвкахъ долѣ, замужемъ короче:
Варюшка не потеряй краюшки:
Вороче̑ца что и̑спо̑ней жерно̑:
В середꙋ сьѣдимъ в четвергъ не глядимъ:
Во всемъ воля, а ни ᵗчемъ доли.

Digitized by Google

В' два ви́да ярыжной ка̑ котб̑ка бѣлаꙗ.
В семьѣ не бе^з урода:
В лѣсъ каково кликнешъ, таково и̓ о^т кликне^т ся:
Вырубилъ дꙋбинꙋ, на свою спинꙋ:
В сꙋтка^х сиди^т на вонной сторонѣ:
Выпи̑ двѣ +непо̑ны, третью верхъ дномъ: (+неналиты:)
Вирь какъ братꙋ, а вяжи што татя:
В кабалахъ не денги, а в копнахъ не сѣнѡ:
Всѣмъ ѣзда а о̑ному и^з ба:

= Г =

Гнѣвъ чл҃вку сꙋшитъ кости, рꙋши^т ср̑це: (л. 5).
Грѣхъ сла̑ко, а чл҃вкъ па̑ко:
Глупому въ поли, не давай воли:
[Губы з губами | а росолъ под но|сомъ]
Грѣхи любе^з ны, да доведꙋтъ до бе^з дны:
(ково) (тамъ)
Гдѣ любятъ тутъ не часто гости:
Гдѣ тонко тутъ и ^р вется:
(Голу^б лѣти^т на прива́бу)
Гдѣ были родины, тамъ бꙋду^т и̓ кр̑тины:
Гдѣ кто не обѣдаетъ, та̑ ничего не вѣдаетъ:
Гдѣ ме^р твыхъ погребаю^т, тамъ и̓ рыдаютъ:
Гдѣ свинья у̓мираетъ, тамъ и воро^н играетъ:
Гдѣ ни лета̑ соколъ, ве^з дѣ ему свѣжей мосолъ:
[Гдѣ за|выли | тутъ попы | и были].
Голо̑ная птаха и ѕобъ на сторонѣ:
Гдѣ голодь, тамъ и̓ холодь:
Грызꙋтъ орѣшки, не ^х ля насмешки:
Гꙋсли потѣха, а хуже о̓рѣха:
Глухому с немымъ не сошлося:
Грибовъ и̓щутъ, по лесу рыщꙋтъ:
Гордꙋ бы^т, глупымъ слыть, а скупꙋ прия^т но к пꙋпу:

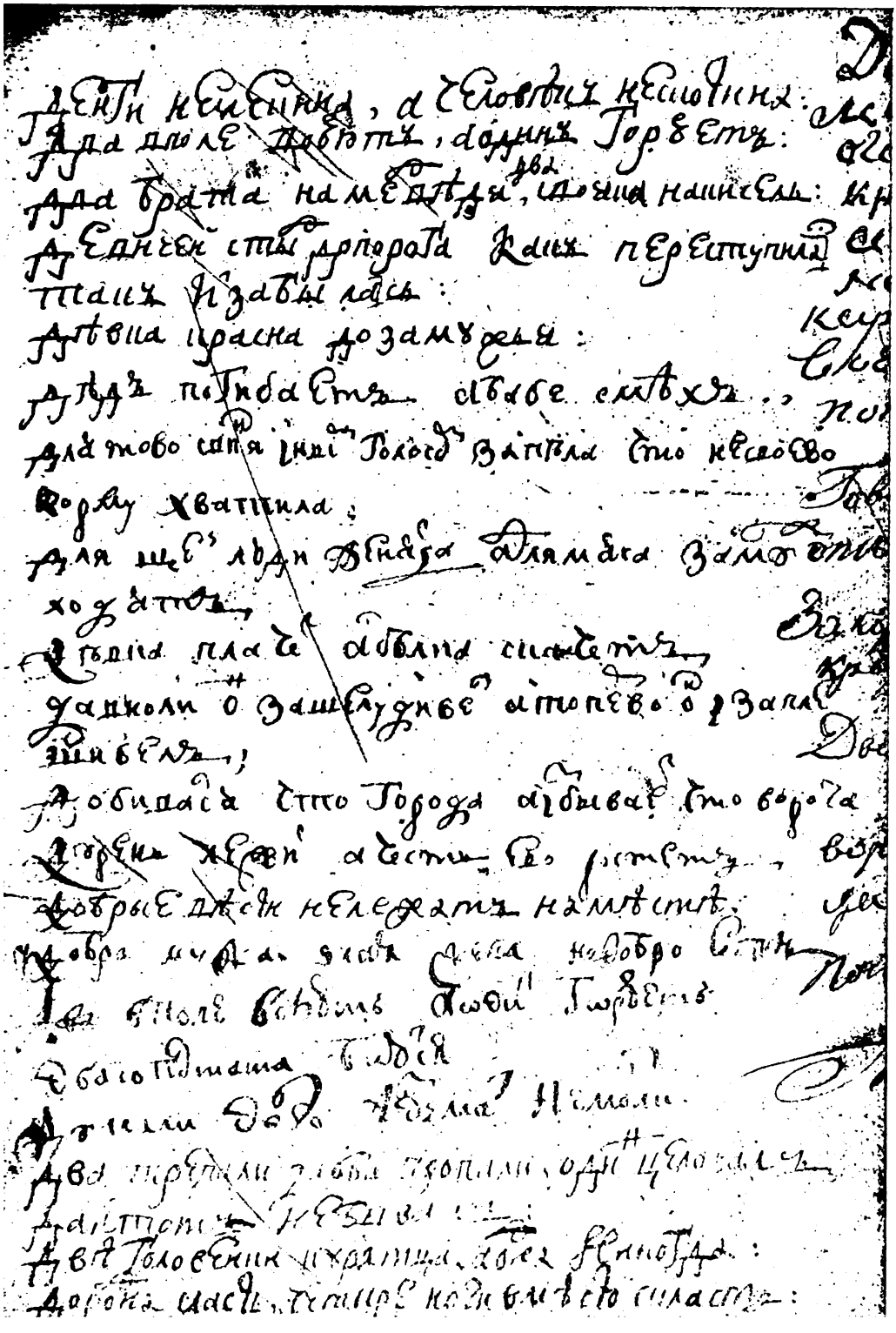
Digitized by Google

Грай соколъ, а лягушка воронѣ:
Гдѣ голь береть, а голю бг҃ъ даеть:
Голой два дома кормитъ:
Гдѣ было ѣдало, тутъ будетъ пердало:
Говоритъ о҃стро, а роди҃тся всьо пестро:
(л. 5 об.). Голову клонитъ да ногу ломитъ;
Гдѣ конь валяется, тутъ и̑ шерсть о҃ста҃ляе҃тся:
Глаза боятся, а рꙋки дѣлаютъ:
Говори да о҃кусывай: Говори да не заговарива҃йся:
Гни ребинꙋ за ве҃ршинꙋ:
Глазка вмѣсто а жъопка нарозно:
Горкое ꙗденїе и҃гони҃тся блеванїемъ: а нахо҃деніе всякое протꙋленїемъ:
(Гла҃ на лавицꙋ | а ҃руго҃ по҃ лавицу).
Горы крꙋтые а ноги хꙋдые:
Глазъ в҃ ѳевралѣ а ҃ргой в҃ мартѣ:
Глаза выпучи̑ што сычь, а рожꙋ роспели̑ што жопу:
Глазъ на печь а ҃ругꙋ в Галечь;
[Голову ломитъ; а за ногу ломитъ].

А

Давыдъ и̑гралъ в гусли, а Ламехъ в скрыпку:
Доброе слово лутче мягково пирога:
Двоемысленъ, бываетъ непостояненъ:
Доброй былъ князь да и҃няла ево грязь,
и̑ не ѣздитъ в приказъ:
Дꙋмꙋ и̑мѣютъ велику а на гумнѣ по толику:
Дары нечестиваго в любовь приводятъ:
Два чи҃рка тотъ же кряковецъ:
Домомъ жить, о всемъ тужить:
Донъ Донъ а дома лутче:
Далъ бг҃ъ здраво, да бока зжало:

Digitized by Google



Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

Digitized by Google

Digitized by Google

Дома надо^{б}но у̓редитца, да тожно и̓^{т}ти сꙋдитца:
Денги не мекина, а человѣкъ не скотина: (л. 6).
Два в поле воюютъ, а о̓динъ горюетъ: 230
Два брата на ме^{д}вѣдя, свояки на кисель:
Девичей сты̑ до порога какъ переступила̑
такъ и̓ забылась:
Дѣвка красна до замꙋжья:
Дѣдъ погибаетъ а бабе смѣхъ,
Для тово свѝя і'ны̑ голосо̑ запѣла что не своево 235
корму хватила:
Для ще' люди женя^{т}ца а ^{д}ля мяса замꙋ^{ж}
ходятъ,
Дѣвка плаче^{т} а̓ бѣлка скачетъ,
Давно ли о^{н} зашелудиве^{л} а то пе^{р}во о̑ і запле
шивелъ;
Добива̑ся что города, а і^{з}бывае^{т} что ворога
Дꙋрень лежи^{т} а честь ево ростетъ, 240
Добрые вѣсти не лежатъ на мѣстѣ;
у Добра мужа ѕлая жена на добро естъ
Два в поле воюютъ а ѡди^{н} гѡрюетъ
Два сопо^{с}тата бию^{т}ся.
Дꙋмали до̑го сꙋ^{з}дума^{т} не мо̑ли. 245
Два трепали да о̓ба пропали, оди^{н} целовалъ
да и̓ тотъ не бывалъ:
Двѣ головенки кꙋ̓рятца, а о̑на никогда:
Доро^{д}на сласть, четыре ноги вмѣсто скласть: 248
[Доселѣ | Макар | огороды | кропьалъ | а но|не Ма|каръ въ | воеводы | попалъ. | Говори да | отъкусыв За котр | кри. | Два вора | воровали | да оба | пополи.]

Є;

Есть нѣта лꙋтче; (л. 6 об.).
(слина)
Есть денги такъ сила а нѣ^{т} та̑ схима;

Digitized by Google

Елико разꙋ^{м}ны^{х} толико і́ безумныхъ,
Египе^{т} пшено^{м} а І^{т}талия виномъ,
Есть что слуша^{т} да нечево кꙋшать,
Елень быстра бывае^{т} да о^{т} сме^{р}ти не утекае^{т};
(добрѣ)
Еремиевы слезы о̓ чюже^{м} льютца;
Елень быстра ни кому сестра;
Еди̑ вои̑ десятъ ро*тъ* водитъ,
Есть мошня бꙋдетъ и̓ квашня;
Единому бежа^{т} а ^{д}ругому лежа^{т} о̓боимъ оста
нови^{т}ца лу^{т}че;
Естли^{б} на горохъ не моро^{з} о^{н} бы да^{в}но чере^{з} тынъ
перерослъ;
Есть у̓ моло̑ца не схорони^{т}ца а нѣ^{т} не сороми^{т}ца
Елова шишка у̓кусомъ неслатка
Есть медо^{к} да засиче̑ в ледокъ:
Едино есть неї^{з}бытно ѕло в человѣцѣ^{х} хотѣнїе же^{н}ское:
Ета Ховронья, збила с по̑ворья:
Ета гуска, и̓ семерымъ не у̓ска;
Ето^{т} бы хрѣ^{н} да в посно́ де^{н} не бо̑та́ л́и^{ш} помѣшива́;

ЖЖ;

(л. 7). Жить в обидахъ что со ^{л}во^{м} в ровина^{х};
Живучи в горе что кораблю в мори;
Жить в Римѣ а брѣ̑ти во тму;
Жерди то^{л}ше о̓городъ выше;
Жаравль летаетъ высоко а видитъ
далеко [Животокъ что голубокъ гдѣ хочетъ | тутъ и посидитъ]
Жалѣть лоѕы не видать козы
Жалѣтъ вина не упо^{т}чивать госте́;
Жаль ба^{т}ка да вести на повостъ,

Digitized by Google

Жить в дозоре не бывать в поѕоре;
Жаравль высоко летаетъ, а о^{т} рѣки 280
не о^{т}бываетъ;
Жа^{л} кȣлака да бить дȣрака;
Жалѣть мешка не залѣсть друшка;
Женою доброю̆ му^{ж} честенъ бывӑетъ
Женское лѣто по петро^{в} день;
Жена 'Олоѳерну главу о^{т}сѣкла; 285
Женское слово смущаетъ сердце:
Женское ѕбо'ство і' на свинье не о^{б}ѣха^{т};
Жаравль межи не знае^{т} і чре^{з} ступае^{т}:
Жена мужу пастырь;
Жуку нора за ѡ̓быче': 290
Женское слово что кле' рыбе'; (л. 7 об.).
Женское ср̑це что ржа в желѣзе;
Жестокъ нравъ не будетъ правъ,
Жаль коня любя себя:
Жилъ да и жилы порваль: 295
(умереть)
Житъ мȣчится а смерти не хочется
Жить тихо да о^{т} люде' лихо:
Жени^{т}ца такъ не лени^{т}ца хотя і не хоче^{т}ся
в'става^{т};
Жидокъ пу^{т} водою а̑ходя^{т} ево звѣ^{з}дою
Жернова куютъ какъ 'онѣ не и̓мутъ: 300
Жаравль по̑ небомъ а сила на зем'ли:
Животина водить не розиня ро^{т} ходить:
Жы^{т} на Москвѣ быть и в тоскѣ;
Жену хошъ лоѕою а она на̑ тобою ѕ гро
зою
Жена сер̑цемъ а му^{ж} с перцемъ, 305
Женѣ спускать то в мошнѣ і'скать;
Живе^{т} то порою тече^{т} вода і' горою;
Живе^{т} то пора что соромъ и^{т}ти и ^{з}двора:

Digitized by Google

Желѣзо ржа сѣдаетъ а сѣрдце печаль
погубляетъ;
Жалѣть коня истомить себя;
Живетъ, еще держится на решете;

[Л].

(л. 8). Любовь вражды лютче:
Лошка воды лутче моря бездны:
Лихое глядение пуще прошения:
Люди молотятъ а иные (в') зайки колотятъ:
Люди спать а онѣ желвей искать:
Лютче вода пить в радости нежели мѣ в кручине:
Лютче семью горѣти а(ин) онова вдовѣти:
Лошака в хомутѣ везетъ по могутѣ:
Ласковое слово кость ломитъ, а жестокое гнѣ
воздвизаетъ:
[Не радуися нашолъ | не плачь потерешъ].
Ленивому болитъ в хребтѣ:
Леniваго знать и по платью:
Ленивому и во снѣ себя соромъ:
Лишная говоря сорому доводитъ:
Лошкою Волги не переѣхать:
Люди пировать, а мы горевать:
Лѣсъ сѣчь не жалѣть плечь:
Люди молотить, а мы замки колотить:
Лутче плыть пучину нежели терпѣть кручину:
Лутче хлѣбъ с водою, нежели пирогъ з бедою:
Лукомъ кто владѣетъ тотъ і товарищей не
имѣетъ:
(л. 8 об.). Лукъ при дороге что другъ при вологе:
Лукъ надежной что другъ сердешной:
Ладанъ на чертей, а тюима на татей:

Digitized by Google

(беленко)
Личико мале^{н}ко да разꙋмꙋ маленко:
Лакома о^{в}ца к соли а коза к воли:
Лгать такъ людей обѣгать:
Лихва ^{з}бирать а после во^{з}дыхать:
(чрево).
Листомъ красно древо а одеждею тѣло:
Лотовъ грѣхъ не вмѣнится в смѣхъ:
Легка рана а головы не сыскать:
Лезло бы да и̓ не болело:
Людей о^{б}манывать лише дни терять;
Лодыга в каше, та̑ повара в зашей.
Людей з горо^{д}, а у̓ма з го^{р}сть.
Любо видѣть ка̑ дѣвка с парне^{м} и̓детъ
Либо в̓ стремя ногой, либо в петлю головой,
[Ладанъ о^{т} дьявола ..... о^{т} бг҃а].

М

Медъ каплетъ ѿ у̓стъ жены блꙋ^{д}ницы: (л. 9).
Мертвымъ соколомъ и воронъ не ловятъ:
Мѣра всякомꙋ дѣлу вѣра: (Мете^{т} ме^{т}ла, попере̑ гумна:)
Мзда и̓ м^{д}ра мꙋжа ѡ̓чи заслепляетъ:
(а смерда)
Мѣха не надꙋть, а глꙋпого не научить:
Миленкой животъ за рекою живетъ: ни к намъ
не ходишъ ни к себѣ не зовешъ:
Медъ сла^{д}ко а мꙋха па^{д}ко: (Малъ ѕоло^{т}ни̑ да дорогъ:)
Мла^{д} мц҃ъ не вся ночь свѣтитъ:
Мило что дш҃а, а горко что бѣда:
Мягкое слово кости ломитъ: (а жестокое гнѣ^{в} во^{з}двизае^{т}:)
Много зва^{н}ныхъ, да мало и̓збранныхъ:
Много хорошихъ да мало любовныхъ:
[Много | хорошы^{х} | да милово | нетъ].

Digitized by Google

Многие кȣмы да ра^{з}ные *с*ȣмы:
Мыло черно да моетъ бѣло:
365 Мѣлка рѣка да крȣты береги:
Ми^{р}ская молва что морская волна:
Много [трȣдȣ] людȣ, много и̓ трȣ*д*ȣ:
Мȣжъ печется какъ бы хлѣба добыти, а же^{ма}
мыслитъ ка̑ бы мȣжа и^{з}быти:
Малъ ꙗ̓зыкъ всѣмъ тѣломъ владѣетъ:
370 Малъ соловей, да голосомъ великъ:
Малая сосна в сȣкъ ростетъ:
Молебенъ пѣтъ, а полги нѣтъ; лада^{и} выкади̑,
а бѣса не выгонилъ:
(л. 9 об.). Миломȣ дается и возмется:
Много знать мало спать:
375 Многие кȣмы даводятъ сȣмы:
Многие смѣхи великие грѣхи:
Малъ смѣхъ да великъ грѣхъ:
Малъ грѣхъ да велика причина:
Мѣрить вѣтръ не стане^{т} вѣ^{д}ръ:
380 [Полно пить | лутче умъ | капить].
Мѣря во^{ду} не спрашивать медȣ:
Масло коровье ѣдятъ на здоровье:
Мать кормитъ *людей* какъ земля *дѣтей*:
(а хозяи^{н} в подворье)
Мягко хорошо в пирогахъ, а рѣка в берегахъ,
звѣри [в лѣсахъ]: в горахъ, *а* птицы на лесахъ: (хозя
инъ в дому).
385 Мечь тȣпъ а меченосецъ глȣпъ:
Мелникъ богатъ шȣмомъ:
Миша что черемиса, чисто и̓ поганого: (пожирае^{т}).
Моченъ богатой что быкъ [пожирае^{т}] рогатой:
Москва любитъ запасецъ:
390 Много обѣтовъ да мало обѣдовъ:
Манна сла^{д}ка, Анютка падка:

Digitized by Google

(а в горе)
Море плыть кораблемъ, а в горо^{хе} жи^{т} с воробьемъ:
Малъ тѣломъ да великъ дѣломъ:
Маши Машкѹ по^{х} рѹбашкѹ:
Мѹжикъ голъ а ^{в} рѹкахъ на него колъ:
Мачиха пасынку на ^{х}вое волю дала нагъ ходи
либо бе^{з} рубашки:

Н

Невинна дш҃а непристрашна смерть: (л. 10).
На что было лгати коли нечево было дати:
Наря^{х} собачей а полѣтка воронья:
(Юрье)
Наряжается что дѹрень на бабу:
[Нашъ по|покъ ходитъ без | портокъ].
Неродомъ старцы бываютъ ѹроды:
Новой виникъ чисто мететъ:
Нему^{х}рѹй мѹжъ слѹгою потребѹетъ, а м^{х}ръ
самъ ѝсправляетъ: (Нѣсть чл҃ка бе^{з} порока:)
Не рада баба повою рада ѹпокою:
Не всякая капля *на* ворот*ъ* каплетъ:
(Н)а него Надежа что бѹдетъ ѝ ѡдежа.
Нашолъ чернецъ клобѹчецъ не во^{з}радовался:
а потерялъ не тѹжитъ:
(На пе^{р}во ѝ лош^{в}а красна:)
На что бабе мечь ково ей сѣчь:
Не дивно тать дивно блу^{х}никъ:
Не купи села кѹпи прикащика:
На гнилой това^{р} да слепой кѹпецъ:
На што было женитца когда рожъ не родитца:
Не жалѣй тещина добра *колупай до дна:*
На грѣхъ мастера нѣтъ:

Digitized by Google

На^д^сада не росада, бѣда не робя:
Не поможе^т^ и̓мѣние в день ꙗрости:
На вѣкꙋ живетъ притчей много:
Не купи гꙋмна прежъ у̓ма:
Нашей Дашке на кашку: Палашке на рубашку:
На вѣкъ с крохой, толко муха не о̓тойметъ:
(л. 10 об.) Не с мѣрой, с вѣрой: Не загачивай промолачивай:
На старость поступать желания не получить:
Носъ с локоть а у̓ма с перстъ:
Не наша часть з гостми спать:
Не у̓гадать кꙋды жи̑вото' стрѣлить:
Не свой ножъ не любой кꙋсъ:
Не радость вѣчная ни печаль бесконечная:
Нѣтъ того чл҃вка не преступи̑ бы чего:
Нашево грѣха сты^д^но и̓ попу сказать:
Не слуша^в^ ко^н^ца жди ко^н^ца:
Не продалъ на денгу а сьѣлъ на а̑тынъ а з до
сталью домой ушелъ (к обѣ^ду^ поспѣ̑, хозя'ну прибы̑ доспѣ̑:)
Не мила убогая сестра брату ни бо̑ная же^на^ мꙋжꙋ:
Не давай голо^д^номꙋ хлѣба рѣзать:
Не посылай холостово сватаньемъ:
Нашего Данила жена у̑давила:
Не вѣдана девица а увѣдана дѣвушка:
Не солгали привѣты наши о^т^вѣты:
Не своя вошъ кусатъ не знае^т^ гдѣ чесать:
Не свое бы было не собакою слыло:
Незваные гости гложутъ и̓ кости:
На *х*уде городѣ и̓ Ѳома дворянинъ:
Не в сыре вологи ни в зяте племяни: (до^б^роты).
Наряжается что Маланья на сва^д^бу:
Не сохни не боли не твой сапоги:
Не ты мнѣ купи̑, не ты денги давалъ:
Непошто глупать, в чужой дире копать:
Наперво и̓ лошка красна:

Digitized by Google

Наперво не у̓говори̑ся, да послѣ схватился:
Не всякому ляпай что по денге ретка:
На·глазꙋ не велико бѣл'мо а кривымъ и̓ зовꙋтъ: (л. 11).
Надѣялся бы на силу привязати и̓ килу:
Наши печали не вѣтры вскачали:
[Не было | да вышло].
Наша Татьяна и̓ с воды пьяна:
Нажила Натаха подъ гузно рубаху:
Надꙋмаюсь с подꙋшкою ї спрошаюсь с подрꙋшкою:
Недосолъ на столѣ а пересолъ на спине:
Не ходитъ волкъ встакой заставать овецъ пасть.
а волкъ бы радъ хотꙗ бы отъ лесу постоять:
Не наша ѣда лимоны ѣсть и̓хъ и̓номꙋ:
Не красно старово в полѣ видѣть а страшнѡ
противъ его ѣхать: (Нѣтъ нѣтъ да канетъ:)
Не стало свѣчи что зажедчи:
Нашъ Обросимъ нѣтъ не проситъ а есть не помянетъ:
Не люба вѣсть какъ нечево ѣсть:
Не у̓ма набратца что з дꙋракомъ подратца:
Не соромъ праздника были пироги:
На середню рꙋку ни врай ни в мукꙋ:
Неволной рабъ повелѣнное слꙋжитъ:
Нетъ ли горшечка попарить кишечка:
Немного не здѣлано и в рукахъ не бывало:
Не у̓спиешъ надъ̓нести и возметъ трести:
Не худъ торжокъ, не пустъ горшокъ:
Не хочꙋ на свѣтѣ жити, что тебя не любити:
Ничево не знаю, и̓ шти хлебаю
На словахъ три сажени в землю видитъ, а на дѣле
на силꙋ подъ ноги гледитъ:
Нашо теля, и̓ губа бѣла:

Digitized by Google

Ѡ

(л. 11 об.). Ѡчи ѹшей вѣрние:
Ѡрелъ с вороною не толкуется:
О т смерти и̑ по̑ камень не ѹкроешся:
Обидно в поле горохъ да рѣпа, завидно в людехъ вдова да дѣвка:
О трѣзавъ голову на̑ волосами плачетъ:
О т и̑збытка ср̑ца ѹста глаголютъ:
О брѣте Филипъ Наѳанаила:
О дна есть в киле кто же навонялъ:
О днемъ рать не пуста:
О динъ ѹменъ десять безѹмныхъ водитъ:
О кумѣ не жить а бе кума не быть:
Ѡвинъ горитъ а мужи̑ молоти т, и̑ново проситъ:
Ѿ добраго о̑бѣда и̑ к ужинѣ о̑станется:
О т кума а̑тынъ а о т кумы полотно:
О брадовался крохамъ а ко ригу потерялъ:
О стръ ножъ что дворянино гребень:
О ретъ до тины а ѣстъ мекины:
Ѡбрилъ голову до плечь:
О трыгается масломъ види коровей слѣдъ:
О томъ не тужатъ что долго служатъ:
О томъ забылъ тужи, что не кому служить:
О бѣ̑ дворя ской что о вѣтъ кр̑тьянской;
О вѣ чернцу что ему и̑детъ к концу:
О вца и̑ не бе о ца, ѹ Катки два батка:
О чемъ скачетъ, о томъ и̑ плачетъ:
О кунекъ в водѣ ершекъ ко нѣ:
О динъ не у хлѣба не у дѣла:
(л. 12). О комъ свѣтъ видитъ, того и̑ о̑бидитъ:
О комъ хвалился о того и̑ повалился:
О т Савы славы, а Ѿ Перши чести:
О стровъ в море а твое ср̑це въ горе:

Digitized by Google

Ѿ ково тѣ вѣсти что нечево ѣсти:
О҆динъ под овиномъ а ^д^ва воевать:
Ѡ҆динъ Ѳома горюетъ, а два в полѣ воюютъ:
О҆винъ горитъ а хозяинъ вопитъ: (а мужи̑ молоти^т^
другово проситъ·/)
О҆динъ быкъ да и тотъ о^т^выкъ:
О҆сетръ водою, а Петръ бѣдою:
О҆стровъ о҆кружила вода а насъ бѣда:
О҆вса въ ясли а кони и^з^гасли:
О^у^комъ не смотри^т^, такъ мошнею заплатить:
О҆простался о҆динъ гашникъ о҆стался:
О҆ немъ же кто полезная о^б^рѣтаетъ, той
того и҆ прославляетъ:
О^т^ дѣлъ званїе приемлетъ:
О҆хти мнѣ хти ^м^нѣ припѣтили к стенѣ:
О҆динъ что порохъ в гузне:
стоитъ
Овечкꙋ стригу^т^, а другая товоже гледитъ:
О҆нъ боло роспроста̑ся, да гашникъ у҆рвался:
ево до^м^
О҆гороженъ полемъ, покрытъ небомъ:
О҆бѣщать, то дворя^н^ски, а слово держать, то
крестьянски.
Ѿ о҆дной о҆вцы па^р^шивой все стадо пострада^т^
можетъ
О^т^ломи^ш^ тетерка о^т^рѣже^ш^ осьо̑ка, у҆куси^ш^ гребешекъ:

П:

Послѣ шири̑ки о҆нꙋча; (л. 12 об.).
Палецъ не гнется, а завертка рвется:
Палицею бросить багатырство о҆казать:
Память в тылу а҆ мысль во ^а^бу а хотѣние в ср̑це:
Паръ в банѣ не о̑ной Маринѣ:

Digitized by Google

Поясъ красной и^з^янъ напрасной:
Пра҃ды не говори то | посты҃ не буде^ш^
Пасту^х^ радъ лѣта а тѣло цвѣта:
Потокъ кора^б^лю, а песокъ журавлю:
540 Пазногть увязъ всей птице пропасть:
Печать вощаная а кладь дощаная:
Плавать по рекѣ а животъ въ бж҃їе рꙋкѣ:
(годно)
Поганое сꙋдно и в богатомъ в дому не судно:
Плохово волка и̓ телята лижутъ:
545 Привыкай коровка ко ржаной соломке:
Попъ и̓ петухъ ѣ^т^чи поютъ и̓ не ѣ^д^чи поютъ:
Приѣхалъ не званъ поѣ^з^жай не дранъ:
Пѣвчая птица преже погибаетъ:
При^ш^ли че^р^нца схими^т^, а онъ и̓ старое пла^т^е хоче^т^ скинуть:
550 При светлѣ сидѣть стыдꙋ болѣ:
По звѣздамъ кора^б^ли ходя^т^, а по яма҃ землю знаютъ:
После немочи повалки живутъ:
По ^з^вѣрю і́ рана;
Плохо тому жить у ково дѣдъ ворожитъ, а у̓ насъ
и̓ баба не знаетъ:
555 Пехай рохатину в бабью телятину:
Пошлины взяты и̓ товаръ у̓тонулъ:
Пашню пашꙋ^т^ такъ рꙋками не машутъ:
Пошла по масло такъ в печи у̓гасло:
По у̓трꙋ зва^р^ варитъ, а к вече^ру^ миръ миритъ.
поставить
560 Попа выставить, а епископа не здѣлать:
Проидоша, на три пѣди в говно видитъ:
в глаза
(л. 13). Прв҃ные ѣдятъ, а грѣшные глѣдятъ, тово же хотятъ:
Приѣхала баба и^з^ города, приве^з^ла вѣсте^і^ три короба:
Постился да в водꙋ спустился:
565 Пить до дна не видать добра:
По҃ле сани со ^с^лезами:

Digitized by Google

При сл҃нце тепло а при господине добрѡ:
Похвала мужꙋ пагуба:
Пришла баба на брезгу принесла кочергꙋ:
Полата добра да ѹтлы двери:
Пришли казаки з Дону погнали ляхо҃ з дому:
Плыть стругомъ подꙋма҃ (ї) з другомъ:
Поучень жену бьетъ, а потворъ матерь:
Приятеля мила не҃года ѹбила:
[Пернула | в подводы | не дернула].
Пить пиво сидѣть и криво:
По Сенке и шапка:
Плохо жи҃ и҃дѣваючи, надобно жить и҃немогаючи:
Продавецъ за товаро҃, а купецъ за накладомъ:
Пить хочетца а купить не хочетца:
Посидѣть ѹ друшка бꙋ҃то ѹ брашки:
[Пей воду когда | простово роду].
Писалъ Наза҃ко по берестꙋ ѹгаркомъ:
Послѣ скобели да ѳопоро҃: послѣ сита решетомъ:
Пияница дꙋракъ на кабаке, шипкой прыткой
в тюрме:
Пойдꙋ в манасты҃ жити гдѣ че҃рнцо̑ пусто, а ба̑ кꙋсто:
Приди по утрꙋ да жепу повытри, приди ѳпя҃
да жепу о҃пять, приди к окну ѳпять воткну҃:
Прошу твоей ласки до нашей каляски:
Послѣ всѣхъ напе҃рвѡ:
Пеши ходятъ в рука҃ плеши носятъ:
По̑ лесомъ видишъ а по̑ носомъ не слышишъ:
Поля ѳчисты, лѣсы ѹшисты:
Плохо воровать какъ два наровятъ:

Р

Рысь сверху пестра а чл҃вкъ и҃нутри лука҃ бываетъ: (л. 13 об.).
Рабъ гпжѣ что мѣ на ноже:

Digitized by Google

Ракъ кнешнею а богатой мошнею:
Рыба ловить при смерти ходить:
Ржа сьѣдаетъ желѣѕо а печаль срⷣце:
Рыба в водѣ а ягоды в травѣ:
Раⷩная птичка носокъ поⷣчищаетъ, а поздая глаза протираетъ:
Ростомъ с тебя а разꙋмомъ с теля:
Рать бес корысти гдѣ войны нѣтъ:
Рано вставать то не потеря, а поздо встава^{т} то самому стыⷣно себя:
Ретивая лошадка не долго живетъ:
Радъ безꙋменъ видя друга при напасти:
Рано в́ставая попъ поетъ а по^{з}до ложась попадья плачетъ: (вдова)
Радъ кꙋмѣ да нетъ в сумѣ:
Радостенъ бѣсъ что о^{т}пуще^{н} и̓нокъ в лѣсъ:
Ременья не дерꙋтъ крꙋгъ гуменья:
Радъ тотъ гость чтобы пилъ и въ постъ а в мя сопустъ ему не дадутъ:
Рай на лѣтно^{м} востоке а мы на ви^{н}номъ потоке:
Родился на свѣту а пошелъ во тму:
Родился да не пригодился:
Ребра ломаютъ какъ татей пытаютъ:
Робятка в банке а матка в бабке:
Ротъ великъ держишъ, а не видишъ:
Рано птичка запѣла что^{б} кошка не сьѣла:
(л. 14). Рогатому быку что богатому ^{му}жику:
Рогозиною одѣтся о^{т} знаемыхъ за^{р}дѣтся:
Ра^{з}ѕоренїе мⷭ҇трю квасъ густъ, а и̓гуме^{н} во^{ду} пьетъ
Реветъ голосомъ а не у^{р}ветъ и волоса:
Рожа до пояса, а жопа до пятъ:
Рожъ да пшеница годомъ родитца:

Digitized by Google

Р8ка за рук8 а ^ругая в паз8х8, губы в губы та
(болятъ)
не ржавѣютъ з8бы:
Робить не заставятъ а исть не поставятъ:
Роди^ся рото дастъ бг̃ъ и кусокъ:

G

Соколъ лебедь не в диво:
С раз8момъ жить лише тѣшится:
Слонъ добро к слову а лоя к перевоз8:
Смерть о саванѣ не тужитъ:
[Сперва поду|маи потомъ | говори].
Сорока лѣтитъ а сорома нѣтъ:
Соколъ выше сл̃нца не лѣтаетъ:
Смертей взгля пуще брани:
Свой с8хари лутче ч8жихъ пироговъ:
Серц8 веселящуся и лице цвѣтетъ, а в печали у̀нываетъ:
Смѣлой пьетъ и с мѣломъ:
Сердитъ что Ѝлья, а де^зокъ что Петръ:
Ситней сьѣлъ такъ решетной цѣлъ:
Сонъ да дремота, поди на болота:
Сколко лодьѣ не рыскать, да у якоря быть:
Скорая женитва видимая работа:
Столко и товару нѣтъ что пошли^ правятъ:
Соромъ дѣвке а парню позоръ:
Старъ хоче^ спать а молодая ѝграть:
Самъ себѣ не ра что в грамотѣ гораздъ:
Сѣть крѣпка м8жу у̀стнѣ:
Соколъ лѣтая ловитъ, а ворона сѣдитъ:
Сердитая собака в хребтѣ понесетъ:
Сердце соколье а смѣлство воронье:
Старово черта да по^нялъ бѣсъ:

(л. 14 об.).

Digitized by Google

Старой то ловецъ что не оставилъ овецъ:
Стрелецъ за волками а жена за молодцами:
Самолюбъ всякому не любъ:
Самъ в крючинѣ что корабль в пучинѣ:
Сто рублевъ имѣетъ бѣжать не довлѣетъ:
Сѣно семерыхъ съѣло а осмова та проглотило:
Снопъ пригожъ в гумнѣ а пьяной: в окнѣ: (во снѣ).
Спона не мала гдѣ река мостъ сломала:
Старъ бѣдами да млад годами:
Страхъ причины не задирай дѣвчины:
Сукна знаютъ цвѣтомъ а дружбу привѣтомъ:
Свѣча масная какъ бесѣда красная:
Сани для дровъ а рѣчь для воровъ:
Слово не стрѣла а к сердцу лнетъ:
Сладко медъ да брюхо дметъ:
—Сѣдина в бороду, а бѣсъ в левею:
Слѣпой курице всьо за пшеницу:
Скоро полѣтелъ скоряе перелетитъ:
Старой воронъ, даромъ не крыкнетъ:
(л. 15). Сокола знать и по полету, а ворону по перью:
Старъ борозды не портитъ:
Старово черта не баткомъ звать:
Скрыпицы тебѣ не рыбицы
Собаке не виритъ, все самъ лаетъ:
Смерть за плечами, а мысль за горами:
Словами скоро говорится, а на дѣле тихо дѣется:
Словами всево много говорица, а на дѣле не [мало] се збываета:
Сказываетъ востро, а родится всьо пестро:
Станешъ обѣгать, будешъ озябать:
Слово не чадъ [дымъ], глазъ не естъ:
Стреляетъ из горски в шерску:

Т

Такие тетрати долго писати:
То не смѣхъ что мало сьѣлъ:
Твеᵖдо онъ то да и̑ поᵡперто:
Та милая Татьяна еще бы грѣхъ не пьяна:
Тѣломъ бѣла хотя и̑ дѣлоᵡ худа глупо′ то любитъ:
Тѣсто насыщаетъ а мѣсто не просвѣщаетъ:
Терноᵛ кустъ не живетъ пустъ:
Татьяна не смѣтана не шти ею бѣлить:
То дѣло что в головѣ засвеᵖбѣло:
Тѣ дѣтки натеᵖпѣлися и̑ бѣᵡки:
Тѣми у̑мами знатся и̑ с кумами:
Тою же бы порою да не тою горою:
Такими книгами играть и̑ лодыгами:
Тамъ у̑жина гдѣ дꙋракоᵛ дюжина:
Такъ доспѣлось, што о̑бимъ захотѣлось:
Толко бы на волка не собака, а на дѣвку не ро (л. 15 об.).
бята, о̑нѣ бы и в день воровали:
То не спасение, что пьянъ в воскресение:
Тула и̑ зипуᵡ здула, а Кошира и в рогозиᵘ вшила:
Терть пилою жить с милою:
Тати не молотяᵀ лишъ *в* заᵡки колотятъ:
Ты бы что за пирогъ а оᵡ чертъ *по*перегъ:
Труситъ что харя жепою вертитъ:
Тотъ же ростворъ да на тѣ же҃шанги:
Тꙋтъ зовꙋтъ а и̑ндѣ быть велятъ:
(У' свиньи не родятся бобрьоᵡки тѣᵐᵒ поросьоᵡки:)
(У'же на дворѣ не рано добрѣ:)
Тать у̑ татя, перекра҃утята:
Тово не знаютъ гдѣ раки зимꙋютъ:
Тороватой у скупово у̑ воᵖᵒтъ стоитъ:
Тѣло в каᵖманѣ дша҃ в кульке:

Digitized by Google

То и̓ честь моло^{д}цꙋ, што горбъ на носꙋ:
Тесть люби^{т} честь а зять хоче^{т} взять:
Твоя корова, поведи здорово:

У

У' року и̓ соколъ не улѣтаетъ:
У дѣвки зага^{д}ка а у па^{р}ня свой смыслъ:
У одное о̓вечки да семь пастуховъ:
У' мужа то̑сто и̓ у̓ жены широкѡ:
У' двꙋхъ не бе^{з} третьево:
(л. 16). У'везилъ клинье, в кривое деревье,
У'богой мн̑тырь и̓гуме̑ самъ по во^{ду} ходитъ:
У' Ѳомки не бе^{з} помхи:
Умомъ торговатъ а без ꙋма гореватъ:
У нашево новобрачново по вся дьни мясо:
Убитъ бо^{б}ра не видатъ добра:
Убитъ корова прогнѣватъ Федо́ра:
Учителъ еди^{н} не считаетъ годинъ:
Упи^{л}ся бѣдами опохмелился слезами:
У'пился у̓ подрꙋшки а просыпается у̓ подушки:
У' правого у̓ши смеются: а у виноватого і язы̑ у̓ны̑:
У'тве^{р}дивыся на лжа^{х} сей (:ꙗзы̑ у̓нылъ:) пасе вѣтры:
Ѹмнои что староста губно́ вездѣ ево боятся:
У'ды тайные а грѣхи явные:
У'же на ^{д}ворѣ не рано | добрѣ·/
У Оку̑ки хороши бакулки:
У' Парашки что глаза у̓ барашка:
Уварилось пиво у̓ Марины лутче малины:
У' пра^{з}ника бываетъ много бражниковъ:
У'тро буде^{т} му̑ро птицамъ на ро^{з}лѣ^{т} моло̑ца̑ на росхо̑:
У' всякого словца, жди конца.
У' нашей коровницы не бес прислужницы:
У' скота живетъ и̓ у̓скотье:

У' нашего сосѣда, смиреная бесѣда:
У'тка да рыбка, бж҃ья дань:
У'плыли мꙋ́дѣ, по вешной водѣ:
У'далось дристунꙋ́ перн҃ꙋ́ть:
Убирай сайки с квасомъ:
У весны ноги до́ги далеко до петрова дни:
У свиньй не родятся бобрьо́нки, тѣже поросонъки:/

Ф

Филипъ в коноплѣ не у́крылся: (л. 16 об.).
Фома не купилъ у́ма:
Фоѳанъ с толкомъ а Сидо^{р} с волокномъ:
Ѳетка что ретка а хвостъ не таковъ:
Фома пируетъ а кума горюетъ:
Фома плачетъ а жена скачетъ:
[Изъ за костра и сшепка воюетъ].
[Эхалъ бы вь гости да ни | кто не зоветъ].
[Пить много винца не видать добреца].

Х

Хвали другу чужую сторо^{ну} а самъ не ногою:
Холстъ о́ кумѣ а кума о́ сумѣ:
Хꙋ^{л} му^{ж} в могилу а добра жена по ^{л}ворамъ:
Холшевая рубашка не нагота а невѣйной хлѣ^{б} то не голодь:
Холопье слово что рогатина:
Хто тихо ѣздитъ тотъ дале будетъ:
Худа корова что за осѣкъ зашла, а плохъ и медви^{л} што ушолъ; (не сѣлъ:)
Х коже у́ма не пришить: (л. 17).
(не пусти^{т})
Хлѣбъ да капуста лихово по землѣ не пуститъ:

Digitized by Google

Хотя спинка бита да пирогъ съѣденъ:
Хто пѣшъ не хаживалъ то҃ коня не жалѣетъ:
Хватилась ха҃да какъ ночь пришла:
Хто скупъ, у̀ того саленъ пупъ: хто тчи̑, у тово гашни̑ вши̑:
Хмель не плаче҃ что пьяницу бьютъ:
(челомъ)
Хто в холопа҂ быва̂ тотъ ѝ би҃ чаю бывалъ:
Хто попу̀ не сынъ то҃ бляди҂ сынъ:
Хлѣбъ да пирогъ и во снѣ добро:
(мужъ)
Хороше сынъ плавае҃ лишъ пузырье прядаетъ:
Холостъ много мысли҃ а женатой [того] болѣ:
Хозяинъ веселъ ѝ гости радошны:
Хто в Вилнѣ не быва̂ тотъ ѝ дива не видалъ:
Храброму Смерть пре̂ очима бываетъ:
Хрестьянинъ пьянъ то самъ себѣ панъ:
Хвалу ѝ честь ѝ славу ѝ дѹ̀ракъ любитъ:
Хотѣлъ 'Июда купить себѣ село да положи̑
себѣ на шею сило:
Хотя дитя криво а ѡ̃цу ѝ мт̃ри мило:
Ходить с лукою а торговать мукою:
Хорошо крѣпко, да по̂носятъ редко:
Хотя ѝ пердитъ, да терпитъ:
(невеличка)
Хотя ѝ маленка, да годи҃ца на еичка:
Хотя ѝ го̂ да не воръ: хотя нагъ, да правъ:
Хороша што по̂захо̂ная свинья:
Хѹ̀дое во҂даянїе есть, токмо едиными словами благодарну быти:
(л. 17 об.). Хлѣба край ѝ по̂ елью раи, хлѣба ни кѹ̀ска ѝ в полата҂
возметъ тоска: (хо҃ на хво҆ке да на своей во҂ке;)
(Хорошъ хотя к жопе приложъ;)

Digitized by Google

Ц

Цвѣтное платье болшее мѣсто несетъ:
Цвѣтъ старости сѣдина а смерти болѣзнь:
Цѣвки скати рꙋками не сплескати:
Цвѣтъ пчелкамъ а мѣ̂ женкамъ:
Цѣлба голодному хлѣбъ с водою:
Цр҃тво Москва а мужикамъ тоска:
(Цр҃ковь на ꙋворѣ а вѣра на полѣ:)
[Аще узриши человека не воздержна
не добродетелна беззаконїя полна
помышленми нечистыми
испо҃нена и тебѣ вредить жела-
ющему отъступи отстани отъ него
тако бо законъ велитъ].

Ч

Чꙋжую кровлю кроешъ а своя каплетъ:
Черта крести а онъ в водꙋ глядитъ:
Чꙋжой мꙋжикъ милъ да не вѣкъ с нимъ жить:
а свой постылъ волочится с нимъ:
Честь пива лутче:
Чꙋжимъ ꙋмомъ не долго жить:
Что Петрꙋ, то и̓ Павлꙋ:
Чирьи вырезываетъ, а болячки вста҃ливае҃;
Чꙋжъ человѣкъ выꙋбѣ трꙋба
Человѣкъ и̓ о̓бычай, конь и̓ норовъ;
Честь с почесьемъ, за ворота с полѣньемъ;

795

800

805

(полулистъ между 18 и 19 лл.).

Digitized by Google

Ш

Щто смѣшно то бываетъ ѝ грѣшно:
Шо́тка шутить такъ лю̀ми замутить:
Што на яву *види*ᵀ*ся* то и во снѣ *грезится*:
[Шаль | тебя же | жаль.]
Шила в мешке не утайшъ:
Шаханья много да матъ о̀динъ:
Што мухино сало розошлось по персту:
Што мнѣ ѝ свой коли лихи до меня:
Што мнѣ ѝ чо́жие что добры до мяня:
Што то доспѣлось на сьерьодке *ро*ᵛ*сѣлось*:

[Ѣ].

(полулистъ обор.). Ѣмъ а дѣла не вѣ[мъ]
Ѣсть колачи не сидѣть на печи:
Ѣхала ко́ма невѣдомо куда:
Ѣзда беспутная санеи нѣтъ да и ᵛпреᵀчи нечево ѝ ѣхать некуда:
Ѣзъ забивалъ а рыбъ не видалъ лишъ рабо ту потерялъ:
Ѣхать боло в наволо̀ да чеᵛтъ дорогу заволокъ:
Ѣхать ѣхать; а у̀ го́зна вѣхоть:
Ѣжъ не кроши а потомъ не проси:
Ѣдетъ валоᴷ, а денги берьотъ на ньомъ,

Ю

(л. 18). Юнъ сынъ ѝгро́шками а стаᵛ с подо́шками:
Юноша молоˣ не стерпивалъ голодъ:
Юнъ всякъ бывалъ и в грѣхѣ живалъ:

Digitized by Google

Юномꙋ хваста҃ а старому хрястать:
Юрью пирогомъ а дꙋрака батогомъ:
Юность бе҃ наказанїя не во҃держна:

Я

Ꙗблокъ на ѻкнѣ не бываетъ:
Ꙗвенъ грѣхъ малу вину творитъ:
Ꙗко червь в древѣ тако крꙋчи҃ в ср҃це:
Языкъ малъ велики҃ чл҃вкомъ шатаетъ:
Ꙗзыкъ голову ко҃митъ и҆ до смерти:
Языкомъ хотя полижи а рꙋкамъ во
ли не давай: (Ꙗзыкъ и в гузно вбилъ:)
Ꙗщерка мале҃ка да зꙋбы во҃стры:
Ꙗ҆ бѣ҃ной позорюся вѣкъ с одной:
Ꙗблонное сѣмя знаетъ свое время:
Якорь тѣлу языкъ:
Ꙗрко слово смущаетъ ср҃це:
Ярко желаютъ дару по҃жидаютъ:
Ꙗ҆ тебѣ сказалъ, а ты и в разу҃ не взялъ:
а буде и возмешъ выное время, и҆ самъ
ѻ немъ ѻхнешъ:
Ꙗбло҃ной кꙋстъ, не живетъ пꙋстъ:
Ꙗ҆ што знаю, да бг҃ъ со мною:
Ꙗ горло дери, а ѻнъ дохо҃ бери:
— Я бы҆ в людяхъ а онъ еще в҆ мудахъ,
Я с сукнами а ты с лоскꙋтьями,
Ꙗзыкъ мягче по҃пупной жилы,
Ꙗ҆ тебѣ скажꙋ либо дикови҃ку покажꙋ.
Ꙗгода малина я ꙋ҆ Екима, ꙋ҆ гузна
мекина Екимъ у меня

(л. 18 об.).

Digitized by Google

(л. 19). Не по курице хода, не по кошке спесь:
Попъ дорогой, а чертъ сторонѡй:
Приперто не валитца, а к опо̑лею пригодится:
Слухомъ земля полнится:
[Попъ свое и чортъ свое].
Пала слеза на Сенку слиза:
По ѡ^б^разꙋ Никола, по у̓сꙋ Илья, по у̓мꙋ свинья:
Не бранись с тюрмой, да с прика^з^ной и̓збой:
Не всякомꙋ гу^з^но о̓голяй:
Пере^д^ней заднемꙋ дорога:
По бабѣ брага, по Сенке шапка, по головѣ̀ и̓ сшита:
Не страшитъ молодость страши^т^ старость:
натоки намели
Всему снарови и в печь дро̑ у̓рꙋби:
Не сытно, а лебезно: Ни сито ни решетѡ;
По ногамъ што по во^з^жамъ:
што есть
(Серди^т^ и̓ гу^з^номъ не гледитъ).
Резо̑ о̓коло чужихъ возовъ, а о̓коло свои^х^ не тако̑:
багатырь
Счастие лу^т^че багаты^р^ства счастливой побивае^т^,
а счастливой по^д^бираетъ:
[Пошо^л^ за моро | жопою ледъ ломать].
(л. 19 об.). По нитке наидешъ и̓ клубокъ:
У калашника дро^ж^же́ не купятъ
У'тирай у̓ски на чꙋжи кꙋски:
Свято звони^ш^ и̓но в уша^х^ пищитъ:
Ходя^т^ ли в до^м^; ходятъ да и носятъ: *а* онъ
и̓ ^такъ с носомъ:
люба
Не по хорошꙋ милене̑ живетъ: (не кра̑на да мила, ша̑рови^т^
да счастливъ).
по го^р^лу
Не у̓зналъ бродꙋ да кину̑ся в водꙋ:
Попыта^т^ца не шу^т^ка, а спроси^т^ не причина:
Рада бы курица не шла да за крыло волоку^т^:

Digitized by Google

О'купя спасенье не наживешся,
Не сули жерѣля в' нб҃ѣ, дай синицу в руки.
Некому пѣть што не курица[к], и҃ному некому
говорить што не вамъ:
Не всякому ста[р]цу выгумнахъ быть,
Все о[к]нако хотя в гу[з]но, хоть на ево гу[з]номъ:
'Угово[р] лу[г]че денегъ,
Посади҃ вошъ в коросту;
По сытому брюхѹ хотя дѹбинѡй бей;
Сѣди на мѣстѣ да елдѹ пѣстуй:
Корову ты держишъ, а люди молоко бо҃таю[т]:
Не бойся и҃стца, бойся судьи҃:
Ето слово несется не и[з]нови и[з]стари:
Чистое к поганому не лнетъ: [нашъ не тужитъ | о томъ].
Посмотрись в' водѹ на свою природѹ:
Нашъ Миронъ гнетъ и непареное:
Хто в грамотѣ гора[з], то[т] и҃ писать умѣе[т]:
К го[р]кому ср[к]цу да присыпаетъ перцѹ,
Чево мало то мѣлко крошатъ:
(Худа та) (в котором)
Насрать на те[т]рать и словъ не [з]нать:
[Мой сѹсло да пей гу[з]нѡ].
Не гребень гладитъ моло[к]ца время:
Бе[з] пива бе[з] вина, и҃ любовь студена:
Полюби҃ся сатана лу[г]че сокѡла:
Впере[д] не забѣгай что[б] во҃ки не сѣли:
На наши и҃сады не плову[т] насады, говно
да дермо несьотъ: Пень да коло[кл] валитъ:
Гора з горою не сойде[т]ся, а чл҃вѣкъ до чл҃вка до[т]кне[т]ся:
О'динъ шьетъ, а [к]ругой поретъ:
(ничего не у҃спѣетъ).
Нынѣ бо҃шие горы лежатъ, а малые по[к]горки в'стаютъ.
Слово прово[з]вѣстни҃ у҃ма:

890
895
(л. 20).
900
905
910
(л. 20 об.).
915

Digitized by Google

Слово знакъ у̀ма:
На быструю лоша^д ꙗ̀ма:
Кляпики в патокѐ, хо^х лики на *к*ашке:
Хороша дочь какъ мать хвалитъ
Чево не ѣмъ тѣмъ *меня* не ко^р ми,
Шить да поши^т, да наши̂ки нашить,
О'зо^р ника ни со што нѣтъ, (то̂ко з'дꙋрачество,)
Кровь путь кажетъ,
Сказа̂ бы тебѣ блина да сыра, да бляди^на
сына,
Слово вѣтръ, рука драница,
С ворона не спою, а с чижа споетсꙗ;
Сказа̂ бы тебѣ семь субо^т дома о̀бѣдать,
Столь бы тебѣ доло̂ вѣкъ какъ у̀ за'ца хвостъ,
Старово лѣсꙋ кочерга.
У' голо^д ново хлѣбъ на у̀мѣ
у̀су
Што ѣди^м то ѝ по вороту течетъ,
(выкати̂ся)
(л. 21). Поѣхалъ в озеро по сено, и^з воды на лыжахъ,
Не могъ о^т перетца што не прине^т ца, хотя ѝ му^т но
а о^д но нутко,
Добро жаловать честь да мѣсто, а на Петро̂-
скомъ вина ѝ пива дово̂но,
вездѣ
Наши счастки виквгѕѣ кости,
Дай бг҃ъ куречьи счастки петуховы злы^д ни,
По^д лавкои лежать собакой у̀рчать,
Пролитое по̂но не живетъ о^д нако^ж допа̂нива^т
надобно,
Поѣхалъ по девятой пѣсни свѣчь гасить,
Ноетъ в немъ какъ в утке,
Не мѣшай пресное с кислымъ,
У'рвалъ вѣкꙋ на пече льожа, (У'дача роспустя | гачи)
Пиво коуро к рылу понуро,

Digitized by Google

Плохо сѣно половина травы,
Ѳилатъ тому и̓ радъ, 945
Хто просыпаетъ зорю, то^т живе^т с позору,
Лакомой чл҃вкъ и̓ свинья по сме^рти вкусны,
В' доброй бы часъ мо̑ви^т а ^с лихой промолчать,
На^д тѣ^м и̓мѣе^т власть в ково хочетъ класть,
Ни шъетъ ни поретъ, (л. 21 об.).
В мѣхъ нейдетъ а и^з мѣха не лизетъ, 951
Ни туды ни сюды, (неі'детъ,)
Прилично бо житїе време^нное и^змѣненїямъ,
Не поставь во грѣхъ, а повороти в' смѣхъ,
В сꙋсѣкѣ макъ, а ^с друго^м та̑, а ^с тре^темъ ничево, 955
Говори не договаривай, к за̑трею о̓ставливай,
Самъ слопай, своей жопой,
(а любовь)
Денги желѣзо, платье тлѣнъ, квгѕѳ кожа
всево дороже,
Понедѣ̑никъ держать та̑ и̓ хвостъ по^джать:
Твой мѣхъ мнѣ смѣхъ, а сꙋма твоя ней- 960
детъ и̓ с ума.
Не пошто с ножемъ, гдѣ топо^р заложенъ.
И' такъ ево бг҃ъ у̓би̑ на гу^зне диру пробилъ.
Сиди в кутѣ да пѣстуи мудѣ,
Пьяница проспитца к дѣлу пригодитца
а дуракъ всегда о^днакъ.
По ночамъ ходитъ по зорямъ гризитъ. 965
У'бирай ку^лки в мѣшки.
Не шу^тка в шу^бке чей ты сы^н какъ тебя зо-
вутъ голосъ хорошъ и̓ поешъ хорошо.
Каково время и̓ подо̑ в беремя. (л. 22).
У' хотѣнья живетъ и̓ терпѣнье.
Прибила нужа к поганой луже: 970
За о̓чи не купятъ и̓ яйца.
Хотя шꙋба и̓ сѣра да воля своꙗ.

Digitized by Google

В коробъ не лезетъ а и^{з} короба нейдетъ.
Дереве^{нс}кои робьонокъ, да посацкой тельоно͡
о͡ба равны.
В банѣ часто паришся скоряя старишся.
К$\breve{у}$сокъ с коровей носокъ.
Претитъ, а в ротъ што лети^{т}, хотя и̑ му^{т}-
но да нутко, а хотя стае^{т} и̑ гуще о^{к}нако^{нс}
тяни пуще.
Гдѣ то дѣлъ што сьѣлъ
Не то говоря^{т} што сьелъ то говорятъ
гдѣ то дѣлъ.
Нн̄ѣ то н̄нѣ а на вече^{р} то на вечеръ.
Женятъ до^{б}рые люди послѣ у̑жины
о̑жегомъ.
Пропали казака бе^{з} табаки, г̄а̑ сабаки.
(л. 22 об.). На о̑бухе р$\bar{о}$ молоти^{т}, и̑ зерна не у̑ронитъ;
Рыба лешъ минуща вещъ;
Не держи сто рубл$\bar{е}$̑ держи сто друговъ;

(пестовъ)

И^{з}воль слушать чертей в ступѣ.
Покрывается што б$\bar{е}$̑ка хвостомъ.
Старые нау̑чилися лга^{т} а молодые нау̑чилися
знать.
Топоръ в пень а тупица в огонь.
Ети господа и̑ солому стелю^{т} под скота.
Не гузай останешся;
Бѣло што вороново крылѡ;
Испўжа^{нс}, о̑кат$\bar{и}$̑ бы ево с трехъ пестовъ;
Выше всѣхъ добродѣтелей ра^{з}с$\breve{у}$жденїе;
За совѣтъ за любовь и в постъ мясоедъ
Будетъ ли путь какъ стане^{т} д$\breve{у}$ть;
Голосомъ пѣть коне^{нс} воева^{т} а денгами то^{р}говать
В домѣ такие у̑боры что вездѣ стоя^{т} п$\bar{о}$̑поры
Та̑ хвалишъ и возносишъ,

Digitized by Google

Какъ с ногъ на голову ставишъ.
Колоти в комель а о^т^дастъся в ве^р^шину
Чꙋжꙋю кꙋрочкꙋ щипли а свою за крылышко де^р^жи; (л. 23).
В о҃нꙋ порꙋ и҆граютъ в дꙋдꙋ;
Дорого ꙗи҆чко ко Хр҃тову дни, а сы^р^ масло к Пе^т^рову дни;
О'коло себя да *в себя*; (в пазухꙋ)
Дѣло ево не спѣетъ: прѣетъ:
Со всево свѣтꙋ не соберешъ [цвѣтꙋ]: свѣтрꙋ
И^з^ рота да себе в' пазꙋхꙋ: в частые пꙋговки:
Хотя горшо҃ и҆ о҆ди҃ да самъ себе гдн҃ъ.
Хꙋдой това^р^: богато' в радости, а убого' во слеза^х^ не у҆види^т^:
Мы о҃нѣ старики, а то все жꙋпики. (молодики)
Была бы у҆да, а рыба бꙋдетъ
Добро слово с ꙋговоромъ, а поле с огородомъ:
Быва҃ сотъ по пяти, а всьо на печи;
Не вѣрь дрꙋгу, а вѣрь своемꙋ у҆хꙋ;
Не вѣрь Власꙋ, а вѣрь своемꙋ глазꙋ;
Со своей стороны и ворона роднꙗ;
О'поется дꙋда, о҆бживется жена:
Збой сердитъ не живетъ:
Дары даря^т^ здарья хотя^т^:
Гости^н^цы закрыты, а пироги о^т^крыты:
Во҃ку дали и҆ о҆бро^т^ку сняли:
(для яица)
Хꙋдая птица кꙋрица, хто ни поймаетъ тотъ и в дире (л. 23 об.).
покопаетъ:
Не шꙋти женой шꙋти матерью:
Воска҃ щетину што не выдернетъ:
'И на золото слезы каплютъ:
'И бе^з^ ѕолота в радости живутъ:
О҃цево сердце в сыне а сыно҃не в' камени:
укуся^т^
Сла҃кꙋ быть проглотя^т^, а го^р^ку бы^т^ ро^з^плюютъ [ро^з^кусятъ]
Етихъ ба҃ полонъ а^н^баръ:

Digitized by Google

Не о̀щипа^{л} да и̇ теребитъ: сталъ:
Долото долотомъ выда^{л}биваю^{т}, а денги денгами
добываютъ:
Блиско и̇з о̑на в окно два девяноста.
'И парꙋсомъ не всяки^{м} вѣтро^{м} бѣгаю^{т}: (вѣютъ:)
За совѣтъ за любовь и в постъ мясоѣдъ:
Батюшка не стало, и̇ матушка не к'стате.
Бачко да мака што за племя, а бра^{т} да сестра
и в родꙋ не бывали:
О̑рыгае^{т}ся ему, поминае^{т} свинья за у̇гломъ:

велика
Сто̑ бы тебѣ вошъ по^{д} шубу, ка̑ въ 15 лѣ^{т}
дѣвка: за грѣхи *ево* и мало тово
Хотя и̇ не достои^{н} да бг҃ъ меня сподоби̑:
Чемъ чо^{р}тъ не и̇грае^{т}, и̇ о̀щепками бросаетъ:
(л. 24). Всякое бо даянїе со блг҃одаренїемъ прїимати
подобаетъ:
Без мѣры мужи̑, и̇ лаптей не плететъ:
На о^{б}манъ держи догадъ.
Не ро̑ головы и̇щетъ сама голова на ро̑ и̇детъ:
Ввадитъ такъ ладитъ:
Собака шер'сна ей тепло, а мужи̑ бага^{т} ему добро:
На цвѣтъ и̇ пчелка летитъ:
[Уменъ да ску|дѣнъ и глубъ | да богатъ].
Наши сани с полозами.
Чему быть, такъ не миновать;
Не пошто брани^{т}ся пора помирится;
Святы бж҃е Трꙋсе^{н}тей моли Бг҃а о̀ насъ:
С ꙋма сошла не туды зашла;
Голь о̀ голь ка̑ рыба о̀ ледъ;
Дары дарятъ з'дарья хотятъ
Старой недꙋгъ росходится не вдрꙋгъ:
Пьянъ проспится а дꙋракъ ни ̑чему не годи^{т}ся:
Не пожи̑ з' дрꙋгомъ не у̇знаешъ:

Digitized by Google

О'рлы бьются моло^д^цамъ перье;
Подꙋмаешъ у̓момъ та̑ волосы дыбомъ
Дальше моря ме^н^ше горя:
Голова с мозгомъ: кислая капуста; (л. 24 об.).
Савка с палкой: ро^з^жꙋй да плюй;
Говори^т^ даромъ, зато бьютъ ляпомъ:
У'золъ в ꙋзле а ^д^рꙋгой в' гузне.
На всякую ди^р^ку гвоздокъ,
Попала птичка в' клѣткꙋ;
Далеко кꙋлику до Петрова дни,
а ракꙋ с клешнею до коня с копытомъ;
Горы падꙋтъ а долы в̓стаютъ;
Не хваля грꙋша ꙗсти, а хуля таковожъ
грысти,
У' всяково сло̑ца, жди ко^н^ца,
Си̑ка добра подрꙋж'ка,
Сиди што полни̑, а рꙋка што сковоро^д^никъ
И' к морю ходи^т^ тово же глядитъ
Плюнь ему дꙋраку жопой в' рожꙋ;
Дай ему бж̑е что мнѣ него^же^; (и̓ные та̑ говоря^т^:)
Спи посыпай да бг̑а не забывай,
Слово вѣтръ а писмо вѣкъ:
Хотя и̓ рано да начевать будетъ;
Не бы^т^ ли до^з^жу весь дро^з^жу;
Молодые тѣша^т^ца, а старые бѣся^т^ца: (л. 25).
Не ро^з^жова̑ да и̓ плевать сталъ;
Боя^р^ство холоп'ство, кр̑тья^н^ство гдь̑ство;
Не жена не дѣти любо глядѣти, а жена и̓ дѣти
не любо глядѣти.
Всякъ грѣхъ бе^з^ ѕабвенїя не творитсꙗ;

все о^д^нако
Хотя тѣсто ли о̓пара, лише бы в ро^т^ попало;
Дѣ^т^ки роди^т^ не вѣтка ломить,
Кр̑тьянинъ серо да збо'ливо;

Digitized by Google

В воре што в море, в дȣраке што в кисломъ
молоке;
Дȣракȣ̑ передѣлываю^{т} и^{з} ѳȣѳали в' шелу-
пинȣ переде^{р}гиваютъ.
Аль мое дитя молоденко что дшȣ и^{з}ло-
мило в маленкомъ.
Вѣжливой людей у̓тѣшае^{т} а невѣжа и̓ бг҃а
прогнѣвляе^{т}:
Вѣри̑ бородѣ а порȣка в водѣ.
Всякой молодецъ на свой о̓бразецъ
Кȣда древо наклонилȣ̑ ту^{да} ево и вали.
(л. 25 об.). Колико гостей, толико и̓ по̑стей.
Вѣ^{ж}ства не купи^{т}, ли̑ бы у̓мѣлось говорить.
(Рѣ^{ч} р..... | чево стыди^{т}ц...)
Всякая птичка свои пѣсенки поетъ.
Вѣдаю^{т} то*во* бо^{л}ше, у̓ ково бороды то̑ще:
В чюжи^{х} рȣка^{х} пиро̑ бо̑ше, да и ломо^{т} каже^{т}ся то̑ще.
В людя^{х} т*щи̑* о̓каза̑ся, а дома и̓ нескаsа^{л}ся.
Выпили пиво о̓ масленице, а по^{х}ме^{л}е было о радо^{ж}нице:
Вино то хотя му^{т}но, а дш҃а говори^{т} нȣтко.
Вола в гости зову^{т} не ме^{ду} пить, воды возить.
Виноватъ ме^{д}вѣ^{д} что коровȣ сьелъ: а не права
и̓ корова что за поле ходила.
Выколо^{л} глазъ, да пей мой бра^{т} квасъ.
Всякой време^{н}ни̑ с корени широко зачнется,
да скоро и^{з}веде^{т}ца.

(стуча^{т})
Волно чо^{р}тȣ в своемъ болотѣ, а бояринȣ
на̑ своимъ холо́п'емъ.
Говори^{т} правда потерять дрȣжба.

(деревня и̓ поре̓дня)
Горо^{д} и̓ но́ровъ, человѣкъ и̓ обычай.
Гость нево̑ной чл҃вкъ, гдѣ посядя^{т}, ту^{т} и̓ сѣди^{т}.
а хозяи^{н} что чирей, гдѣ захоче^{т} ту^{т} сядетъ.

Digitized by Google

Гость на ^д^воръ и҆ бѣда на дворъ.
Горкаго сытника, и҆ ме^д^ горекъ.
Дай хотя с локоть а емꙋ все с ноготь; (л. 26).
Не то Москва что бьеть с носка то щто о҆ землю; 1117
Ворꙋ не говорить такъ и праву не быть;
Попытка не шꙋтка а спрѡсъ не причина;
Не прашиваютъ хлѣба спрашиваю^т^ у҆куса; 1120
Старꙋшка бж҃ья мꙋшка;
Ѿвсюдꙋ бо бѣда и҆ пагуба о^б^стои^т^ чл҃вка сомнѣ^н^нагѡ;
В'сꙋе законы писать какъ не хранить;
'У кꙋ*к*иша не выто^р^гуешъ мя*к*иша;
На ^з^гля^д^ что о҆релъ, а по умꙋ какъ ѳили^н^; 1125
Сѣдая бородушка златая головушка:
На рядꙋ сидѣть та҃ все пить;
'Учи҃ вѣ^ж^ству по^д^тирай гузно плешъю;
Хлѣ^б^ соль за ворота и коло^м^ не розворотишъ;
Велика твоя хлѣ^б^ со^л^ а всьо корочки; 1130
Хто пра^з^днику не ра^д^, то^т^ до свѣта не пьянъ:
Бояр'сково живота не жалѣе^т^, шило^м^ масло колупае^т^:
Ни шъетъ ни порьотъ:
Не *з*а то бьютъ што сѣръ, за то бью^т^ што
сьѣлъ:
Не дай Бг҃ъ попу понома^р^ство а пономарю (л. 26 об.).
попо҃ствѡ;
На о҃чинѣ сидитъ а про соболи скаѕываетъ: 1136
Слово о҆ ра^з^говорѣ, а поле ѡ҆ огородѣ:
За неволю волосы вяну^т^, какъ и҆хъ тянутъ:
Не держи сто рубле҃, де^р^жи сто друзей:
День мой вѣкъ мой, а н^д^ля всѣ животы: 1140
К милому напремицу, девяносто: всторо^рну^; (в околицу:)
Не в частомъ быванье, не в болшой докуке:
Голову клонишъ а за ногу ломишъ:
К каше с лошкой, а к дерму со спичкой:
Бе^з^ ѕапросꙋ вдова товаръ: 1145

Digitized by Google

'У богатово *все* в масле а у̀ голово и в кашу
нѣтъ:
Жена пазушная змея:
[Кошка скрѣбе.. | на свои хребетъ]
Ни лѣтъ ни примѣтъ:
Тѳу дура што тя дуетъ:
Ско̑ко теля^т ни родила, а хомута не миновала:
Велико кума дѣешъ в гости и̇де̑, ꙗ̇ицо несешъ:
ты бы за просто шла блюдо пироговъ несла.
Хотя и̇ нагишомъ да съ палашомъ:

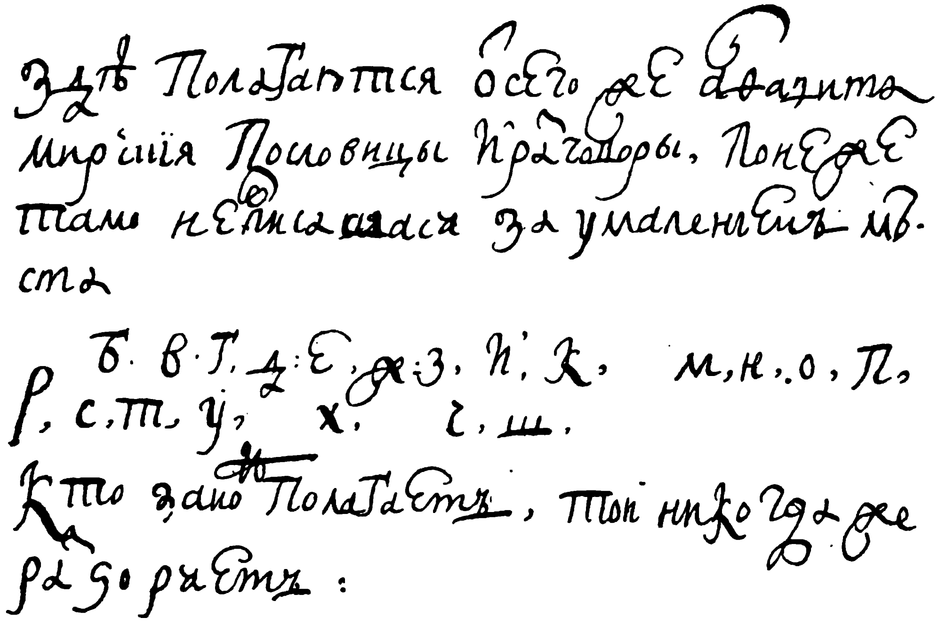
(л. 27). Здѣ полагаются о̄ сего же а̑ѳавита
мир'скїя пословицы и̇ ра^з говоры, понеже
тамо не ^т писа*ш*ася за у̀маленїемъ мѣ-
ста

Б: В: Г, Д: Е, Ж: З, И̇, К, М, Н, О, П,
Р, С, Т, У̀, Х, Ч, Ш,

Кто зако^н полагаетъ, той никогда же
ра^з ѕоряетъ:
Слѣпая любы емꙋ же в' ср̑це ся влѣпитъ
того о̀хромитъ, и̇ли о̀слѣпитъ:
Кто что хитритъ на ^д рꙋга, то на главꙋ
его в'зыдетъ:
[Крепъка тюрма да | чортъ ея хвалитъ]
Потерпѣнъ спасенъ
Какъ бы на ваше скꙋпство да не наше
глꙋпство то^б ничего не видать
Потеряно масло, в неви'нꙋю кашꙋ:
Проти̑ стопки, и̇ клѣтка:
Каково в лѣсъ кликнешъ, таково и̇ о^т клине^т ся:
(л. 27 об.). Дѣла выше мѣры не начинай;
По ше^р сте собаке и̇ и̇мя:

Къ стран. 214.

XIII.


Здѣ полагатся всего же алфавита мирския пословицы и приговоры, понеже там не вписалися за умалением мѣ-
ста

б. в. г. д. е. ж. з. и. к. м, н, о, п, р, с, т, у, х, ч, ш.

Кто зане полагаетъ, той никогда же разорѣетъ:

Автотипія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

II. *Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени* (конца XVII — начала XVIII столѣтія), хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богишичемъ. *Снимокъ съ листа 27*[a].

Digitized by Google

Digitized by Google

Кто скоро вѣруетъ, той легко и прѣ- 1165
шенъ бываетъ
Не до ^д^рꙋшка до своево брюшка:
Не все плечми, и̓ное и̓ речми:

тотъ
Кто На море бывалъ, напа^д^кой водꙋ пивалъ:
На вашей сторо^н^ке, ро^з^шибена воро^н^ка:
Кꙋпленой холопъ, а не купленой во̑ной 1170
казакъ: [. . . . . .;
На вся не упра^з^днится чл҃вкъ:
Подꙋма̑ и̓ птичка полѣтитъ:
Комꙋ насрано а ему масляно: ли^ш^ бы грязи
не было а говна не миновать
Намъ камка не дикови^н^ка:
Баранъ барано^м^ а рога даромъ: 1175
Называютъ другомъ, а обираю^т^ кругомъ:
Дѣтина глупъ, а пѣхаетъ все вглубь:
Кꙋда и̓го̑ка тꙋда и̓ нитка:
Грѣшное тѣло и̓ дш҃ꙋ сьело. (л. 28).
Громъ не гряне^т^, мужи̑ не спряне^т^: не перепаде^т^ца. 1180

(живо^т^)
Глаза и̓ гледятъ, да собаки ѣдятъ.
Горо^д^цкое теля^т^ко, разꙋ^м^нѣе дереве^н^ского дитя^т^ка.
Говорить было немало да разꙋма не стало.
Домо^м^ жить о̓ всемъ ^(по)^тꙋжить.
Давно ли о^н^ ошолудиве̑, а то пе^р^во о^н^ и̓ заспесиве̑. 1185
Дѣлаешъ добро и̓ тебѣ буде^т^ таково: (до^б^ро)
а есть ли каково, и̓ тебѣ буде^т^ таково.
Добро тово бить кто плачетъ. а ^к^свою
волю не скачетъ, а у̓чи^т^ кто слꙋшаетъ.
Дꙋракꙋ пожалуе^ш^ в дачю, а о^н^ почте^т^ в̓ ꙋдачю.
Дѣвка что немка, говори^т^ не у̓мѣе^т^, толко
все разꙋмѣетъ.
Денги что слина, а бе^з^ н҃ихъ схима. 1190

Digitized by Google

Дво^{р}но а не проторно. (и̓ не богато да торовато;)
Дешева рыба на чюже^{м} блюдѣ.
Два воеводы ѣдѫ^{т} на^{х}но$'$ подводѣ.
Доселева бывало жена мѫжа бивала,
а ныне веде^{т}ся, и̓ о̓на мѫжа блюде^{т}ся.
Добръ молодецъ, да есть в немъ норовецъ.
(л. 28 об.). Дай болю волю, пожевавъ да и̓ у̓метъ.
Дб̂го не говори^{т} у̓мъ копи^{т}, а и^{т}говори^{т} что чо^{р}тъ напердитъ.
Добро жи^{т} и^{т}могаючи̂, а не и^{т}рываючись.
Дивное древо корыто, и вѣ^{к} живе^{т} не покрыто.
Живо$'$ песъ, лу^{т}че мертваго лва.
Жена мужа не бьетъ, то̂ко в сво$'$ нравъ ведетъ.
Злы дни пляшѫтъ, неволя у̓читъ,
а чюжїе хлѣбы спать не даютъ.
Знать сокола по полѣту, а добра моло^{х}ца по похо^{х}ке.
Зять с тещею говорили говорили (день),
до вечера, а в люди сказать нечево.
Зовутъ Ѳомою, а живетъ собою.
З$'$ зятемъ гостися, за дверь держися,
а с сыномъ бранися, а са^{м} на печь дерися.
Закрыты гости^{м}цы, а о̄крыты пироги.
И$'$ вели̂ и̓ широ̂ язы̂ коровѣ бг̄ъ да, даговорить заказа̂.
И вели̂ да глу̂ что Ана^{м}инъ вну̂ с Велики^{х} Лукъ.
И$'$ баба знаетъ, что вели̂ де^{м} праз^{х}ни̂.
И$'$ по роже знать что Ѳомою звать.
Игѫменъ Гурей, до братьи: дѫренъ.
[Всякои Еремей про себя разумѣй].

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Прежде, чѣмъ приступить къ печатанію въ настоящемъ отдѣлѣ собственныхъ замѣчаній, считаю необходимымъ подѣлиться съ читателями тѣми весьма цѣнными и любопытными замѣчаніями *о языкѣ собирателя пословицъ* и проч., (въ рукописномъ сборникѣ XVII в., напечатанныхъ выше на страницахъ 73—162), — которыя были сообщены мнѣ (въ частномъ письмѣ отъ 22-го января 1899 года) профессоромъ Импер. Моск. унив. Ѳ. Е. Коршемъ, предоставившимъ ихъ въ мое распоряженіе, за что̀ и считаю своимъ долгомъ выразить глубокоуважаемому ученому свою душевную признательность какъ за этотъ знакъ его вниманія и добраго участія къ моему труду, такъ и вообще за многочисленные полезные и драгоцѣнные для меня указанія и совѣты. *П. С.*

Замѣчанія профессора Ѳ. Е. Корша.

Стр. 41, 105. Русскій переводъ такъ уклоняется отъ польскаго подлинника, что въ послѣднемъ я рѣшаюсь предположить другое чтеніе—не Vroda, а тождественное по значенію Dorodność, которое переводчикъ, можетъ быть, вслѣдствіе какого-нибудь сокращенія въ начертаніи, ухитрился принять за что-то въ родѣ Drożny, чѣмъ и былъ вынужденъ затѣмъ понять слово cnota довольно своеобразно.

Стр. 68. *О личности составителя сборника можетъ, до нѣкоторой степени, свидѣтельствовать его нарѣчіе, сказывающееся въ правописаніи, насколько оно основано на выговорѣ.* Вотъ нѣсколько данныхъ, которыя мнѣ удалось собрать:

1) онъ «акалъ», какъ видно изъ безразличнаго употребленія *а* и *о* въ неударяемыхъ слогахъ, но акалъ не по-нашему, такъ

Digitized by Google

какъ послѣ шипящихъ въ томъ-же положеніи у него слышалось какъ бы *о* изъ *е:* тачотъ (?) 295, плачотъ 295. 677. 744. 1282. 1823. 1946. 2233, скачотъ 677. 1276. 1834. 1945, ускачотъ 1397, захочотъ 1242. 1987. 2206, хочотъ 1276. 1310. 1690. 1826, шолудивова 1287, шостокъ 1070, кочотъ 1310, цѣкочотъ 1690, охочой 1826, пѣшой 1876, жолвачкомъ 1962, рѣшото 2014, поспѣшонъ 2107, посмѣшонъ 2107, и такъ-же вообще послѣ мягкихъ — горїшвата 1396, угліомъ 1694—, кажется, только въ двухъ примѣрахъ—по сложности, да и неточности написанія *іо;* однако съ одной стороны упадшаму 860, пшаницу 887, жаравля 908. 920. 921. 1884 (при жеравля 899), съ другой — легушкѣ 877, желѣта 1399. 1745, обычей 1865, откуда можно заключить, что какъ *а*, такъ и *е* безъ ударенія послѣ мягкихъ согласныхъ звучали у него не какъ *е*, а, вѣроятно, какъ первое *о* въ *полотно́* и какъ конечное въ *мы́ло* или, еще ближе къ *горїшвать* и т. п.,—какъ *е* въ *по́ле*, *мо́ре*, на что указываютъ, по связи съ прочими приведенными примѣрами, и княгиняю 1109, мяня 1139, времяна 1668, здравая вин. пад. (вполнѣ=*здравье* по нашему съ Вами выговору).

2) Подъ ударенъемъ *я* въ *е* въ телетко 1453 (однако наоборотъ тенято 107, какъ *поня́ва* при *понёва*, *хрякъ* при *хрёкъ* и т. п.; потому въ 2263, можетъ быть, тенята).

3) Ударяемое *е* вездѣ = *ё* (чортъ и т. п.), кромѣ ѣ вин. п. 98, такъ какъ *ѣ* всегда = *е* (впрочемъ живѣтъ 891), ея 1022 и къ нея 1591.

4) Не только *ч*, но и *ж* мягко, какъ видно изъ кожюхъ 1332, глубаже 2100.

5) *жж* (зж) = *ж'дж'*, по сѣверному (а не = *ж'ж'*, по-московски): брюждитъ 235.

6) Смягченіе согласной передъ мягкой согласной и т. п. поюжному (и отчасти по-московски): сумьке 851, мѣдьвѣдя 986, портитъ 1050, сверьбита (-тъ?) 1325, засверьбитъ 2018, смерьта 1505. 1795. 2028. 2077. 2122. 2228, осердяся 1842, серьдитъ 2152. 2164, первую 1923, первыхъ 2004, сперька

Digitized by Google

2179, твердитъ 2018, шерсти 2021, взятъ 2112, въ яму 2120.

7) *Ры* вм. *ри* въ стрыгутъ 1836.

8) *Ч* въ *ш* передъ *н* (что нѣкогда было, конечно, менѣе распространено, чѣмъ теперь): мошно 1588, костѣшникъ 1664.

9) *Шт* вм. *щ* въ шти 671. 1475. 2213. 2273.

10) *-ный* вм. *-ній* по-сѣверному: домашное 228, далные 795 (но зимнюю 1394), а *поздно* безъ *н*: поздо 1025. 1402. 2047.

11) Особенности въ отдѣльныхъ словахъ: смотри́тъ 681, толды 1290, стѣна 530, кстины 572, поучиною 1871, поучинной 1898, одва 1397, с'сетъ 1334, одны 1867. Такъ какъ пословицы, возникнувъ въ одной мѣстности, переходятъ въ другую съ удержаніемъ чертъ первоначальнаго нарѣчія, закрѣпленныхъ формой, чаще всего — размѣромъ и риѳмой, какъ книги (съ малор. или бѣлор. г) — лихи 1668, гороҳъ — дорогъ 2072 (но и луки — туги 657), сущи — улице 1272 (и скочитъ — хочетъ 1304, а не хочотъ, какъ даже при скочитъ въ 1242), всѣ такіе признаки исключены изъ этого обзора признаковъ нарѣчія составителя, однако нельзя не обратить вниманія на ударенія въ риѳмѣ, сви́наю 241, ну́жа 249. 264. 300. 1936. 1938. 1980. 1984. 2015, зе́рно (?) 964, спи́не 1689 (но спинѣ 1781), учи́тъ 308, о́са (?) 1595, лежа́ 1941, сушатъ 2221, лаза́лъ 2255, указывающія, по крайней мѣрѣ, на мѣстность, въ которой собрано большинство пословицъ. Эти ударенія большею частью сѣверныя, почему не входятъ въ расчетъ же́стака нарѣч. 933 (изъ бурсы?) и глубоко́ 445. Въ XVII столѣтіи граница сѣвернаго нарѣчія проходила какъ будто южнѣе, чѣмъ теперь, но все-таки позволяю себѣ подозрѣніе, что собиратель былъ изъ нынѣшней Московской губерніи или изъ сѣверной части Рязанской. Не знаю, куда пріурочить слова лилѣкъ (аистъ, южное, съ тюркскаго) 1314 и говоря 1392 и 1620.

Конечно, я не буду провозглашать ошибкой все то, чего я не понимаю въ текстѣ пословицъ, но все-таки рѣшаюсь указать

Digitized by Google

на нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, неисправности составителя или переписчика. Такъ 130 пухнетъ вм. *пукнетъ*, 144 Алманасъ (-нахъ?), 205 Польска вм. *по лыка*, 293 внукѣ вм. *внучкѣ* (ср. 944), 314 Бѣлъ вм. *Былъ* (гдѣ гдѣся = малор. *десь*, пол. gdzieś = гдѣ-то, а впрочемъ ср. въ пѣснѣ, правда, едва-ли старинной: «Гдѣ ты, Паранюшка, гуляла? Гдѣ ты, душа моя, гуляла?» — «Была въ лѣсѣ, стала здѣся, Ахъ ты, мати моя Добродѣтельная»), 661 мужества вм. *замужества* (ср. 712), 904 живую вм. *живое* (списано ошибочно съ *живою*, т. е. *живоё*, какъ и въ 1053 рабячью; ср. бѣлор. у Ляцкаго 12: «Жывы аб жывоя й думаиць»), 943 убогаго вм. *убогій* (ср. 944), 990 себя вм. *себѣ* (ср. впрочемъ упомянутое выше 98), 1002 ни же вм. *нуже*, 1022 имѣя — *умѣя* (вм. -ѣй?), 1105 не ушиптися (вм. *и҃сушитися?*), 1175 гожи вм. *гужи*, 1232 ро҃жю вм. *ложью*, 1246 кумонямъ вм. *комонямъ*, 1250 ли (вм. *и?* ср. ниже 1604), 1260 жить (вм. *женить?*), 1398 семья — одонова вм. *семью — одинова* (ср. 2197), 1459 сонливова вм. *сонлива*, 1469 анъ вм. *а онъ* (ср. 1435. 1457. 1477. 1481), 1604 ли (вм. *и?*), 1629 игра (вм. — (и) *тра*[ва]?), 1698 клобокъ вм. *клобукъ*, 1700 по҃нята (вм. *подмята?*), 1720 ѣдчи вм. *сѣдчи*, 1762 Не горшокъ купятъ угодникъ (вм. *Не у. г. лѣпитъ?*), 1868 упакать (вм. *уплакать?*), 1882 погай (вм. *ногай?*), 1897 послѣ лежачь пропущено *камень*, 1929 пропущено ни передъ бранятъ, 1940 Пробить (вм. *прибить?* но обыкновенно говорятъ теперь «отбить косу»; а косить подъ росою легче), 1975 шахи вм. *шляхи* («Пійшли Ляхи на три шляхи» — начало малорусской пѣсни, также «Ишли —»), 2002 повязанъ вм. *по вязъ*, 2084 бѣло тѣла вм. *бѣлотѣла* (рябь — иначе *рябъ*, какъ у Даніила Заточника), 2085 догатку (вм. *рогатку?*), 2089 о҃ селъ вм. *оселъ*, 2115 пропущено въ, 2182 кручинное вм. *кручинно*, 2189 пирого жь вм. *пирожокъ*, 2284 колитъ (вм. *коритъ?*)[1].

Нѣкоторыя ошибки похожи просто на типографскіе грѣхи

1) Можетъ быть вм. колотитъ? *П. С.*

Digitized by Google

наприм. (считая и ъ вмѣсто ѣ): 127. 323. 329. 366. 371. 451. 515. 541. 845. 1008. 1028. 1121. 1147. 1187. 1243. 1408. 1462. 1488. 1491. 1544. 1645. 1689. 2193. 2203. 2225. 2268. 2293, между прочимъ незаконныя замѣны конечныхъ точекъ въ 928. 962. 969. 974. 1002 (пустота), 1025. 1036—1060. 1093. 1098. 1099. 1101. 1102. 1103. 1111. 1123. 1124. 1128—1136. 1138. 1150. 1181. 1193. 1228. 1229. 1230. 1404. 1487. 1490. 1511. 1548. 1557. 1560. 1561. 1582. 1584. 1585. 1614. 1617. 1631. 1633. 1636. 1637. 1640. 1642. 1643. 1644. 1646. 1647. 1650. 1651. 1654. 1655. 1672. 1682. 1683. 1687. 1690. 1696. 1699. 1700. 1703. 1704. 1708. 1713. 1716. 1718. 1728. 1736. 1743. 1754. 1557. 1759. 1764. 1771. 1772. 1773. 1780—1785. 1790. 1901. 2261. Весьма вѣроятно, что эти ошибки или опечатки, какъ и болѣе крупныя, Вами уже замѣчены и отчасти, гдѣ это въ самомъ дѣлѣ нужно, исправлены или оговорены ниже, Потому прошу Васъ принять эти перечни, быть можетъ, излишніе, въ смыслѣ указаній скромнаго читателя, знающаго по горькому опыту, какъ легко ускользаетъ мелкая погрѣшность отъ утомленнаго вниманія. Такое-же значеніе имѣетъ и *списокъ повтореній и параллелей*, который у Васъ вышелъ, конечно, полнѣе 1) дословно: 178 = 346. 211 = 370. 223 = 339. 381 = 550 (ср. 2232), 412=491. 747=779. 1546=1609. 2039=2096, 2) съ перестановками и другими легкими перемѣнами: 170—1619. 193—1241. 201—340. 216—307 (ср. 420), 231—2109. 289—1787. 290—1536. 357—427. 409—483, 432—1854. 442—1821. 523—782. 529—1712. 545—1763, 550—2232. 569—1542. 664—1949. 698—1233. 727—758. 728—1709. 783—1931. 793—1892 (ср. малор. «Докі соньце зійде, роса очи виість»), 871—916. 1057—1114. 1060—2174. 1125—2264. 1135—1808. 1236—1295. 1242—1987 и 2206. 1247—1364. 1249—1753. 1313—2279. 1392—1620. 1455—1501. 1471—1569. 1511—1535. 1594—2259. 1621—1955. 1641—1803. 1655—1684. 1818—1830. 1841—2073. 1933—

Digitized by Google

2025. 1959—2022. 1965—2021. 1983—2133. 2035—2046. 2042—2050. 2254—2275.

Нѣкоторыя пословицы, особенно 1841, годятся для выясненія вопроса, откуда взялась форма изреченій у Запчица, а 209 внушила Державину заключеніе его «Стрѣлка»: «Ахъ, беречь было монету Бѣлую на черный день!»

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
4	2 св.	*добавить:* Въ рукописномъ «*Охранномъ каталогѣ Славяно-Русскихъ рукописей Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, съ Алфавитнымъ указателемъ, Составленномъ* Младшимъ Архиваріусомъ и Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Чиновникомъ В. Ундольскимъ въ 1847 году, изъ подробнаго *Описанія* Славяно-Русскихъ и Иностранныхъ рукописей, имъ же Ундольскимъ составленнаго, въ 1842—1847 годахъ, и хранящагося подлинникомъ въ Архивской Библіотекѣ» (нынѣ онъ хранится въ бумагахъ Ундольскаго въ Моск. Публ. и Рум. Музеяхъ) на л. 52 об. отмѣчено: «№ 250. *Сборникъ* скор. исход. XVII-го вѣка, на 472 л. въ четвертку. Въ немъ между прочимъ л. 1—71 «*Повѣсть* дивнаго (и т. д. ....), л. 321. *Предсловіе* ... л. 323 самыя «*Повѣсти*», или *пословицы* всенароднѣйшыя по алфавиту. *Нач.* «Аще не Богъ, кто бы намъ помогъ. Адамъ сотворенъ и рай отворенъ». *Собраніе замѣчательное, стоитъ ученаю изслѣдованія.—Рукопись замѣчательная*, подар. въ библ. Архива Надв. Сов. Лепехинымъ *) 25 января 1825 г.» (см. лл. 52—54 об.). По «*Каталогу Библіотеки и Описи кабинетныхъ бумагъ Князя М. А. Оболенскаго*» (въ листъ) на листѣ 148—9 — см. подъ № 132 краткую отмѣтку о нашемъ сборникѣ.	
4	16 св.	каждаго отдѣла	каждаго большого отдѣла
11	18 »	*добавить:* «(Ср. Опис. рукоп. Соловецкаго мон., т. II, стр. 575; тоже помѣщено, повидимому, въ рукоп. Каз. Духовн. Акад. № 695 (12):—Космографія. Скороп. XVII в. въ 4 д. л., на л. 83 сл., л. 87 сл.)».	

*) Не опискою ли тутъ вм. Лопухинымъ?

Digitized by Google

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
12	13 сн.	произведенія въ	произведенія см. въ
13	13 св.	л. 77	л. 76 обор.
18	12 сн.	*добавить:* «Ср. тоже въ рукописи Ростовскаго Музея церковныхъ древностей № 56 (1866) лл. 1—2».	
20	14—15 св.	*добавить:* «Ср. туже статью въ рукоп. Ундольскаго № 467, на лл. 466—9, приведенную въ отрывкахъ въ книгѣ И. А. Шляпкина «Св. Димитрій Ростовскій и его время», Спб. 1891 г., стран. 211, вып. 1; тутъ заглавіе иначе: «*Краесогласніи пятерострочіи. . . . написанныя лѣта ҂зрч҃д въ общую всѣхъ пользу*». Ср. въ той же книгѣ г. Шляпкина на стр. 411 стихи св. Димитрія Рост. (напеч. въ его Соч. I, 224). Также таже статья отмѣчена и въ изслѣдованіи А. Прозоровскаго: «Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность», М., 1896 г., стран. 374».	
20	20 св.	написáлипосланїе	написáли посланїе
21	6 сн.	*добавить*: «полное перечисленіе списковъ славяно-русскихъ переводовъ упомянутой статьи *Яна Запчица* см. въ приложеніи къ изслѣдованію проф. А. И. Соболевскаго: «Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Спб. 1899 г., стр. 120) въ статьѣ: «О добронравіи, Яна Запчица».	
48	21 св.	*добавить*: «Въ томѣ II своихъ «Очерковъ» Буслаевъ въ главѣ II «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ», отд. V, на стр. 95 отмѣтилъ: «. . . вслѣдствіе разлада между древнею литературой и жизнію народною, мы имѣемъ отъ старины самые скудные остатки древнихъ народныхъ изреченій и пословицъ. *Только въ XVII вѣкѣ, и то подъ вліяніемъ чужеземнымъ, былъ составленъ у насъ сборникъ пословицъ и поговорокъ.* Составитель чувствовалъ, что люди, застарѣлые въ прежнихъ литературныхъ предразсудкахъ, обвинятъ его въ томъ вниманіи, котораго онъ удостоилъ народное слово, и потому, въ своемъ *предисловіи*, почелъ необходимымъ предложить объясненіе по этому поводу, чтобъ оправдаться передъ читателями».	
49	2 сн.	дошѡ́лъ,	дашѡ́лъ,
69	10 св.	точїю	точію
»	12 »	ѡ҆брѣто҆х.	ѡ҆брѣто҆х.
70	9 »	ѡбе҆злѣ́потя҆тся:	ѡ҆бе҆злѣ́потя҆тся:
»	14 »	своемꙋ̑	своемꙋ̑
»	24 »	скверносло́вецъ,	скверносло́вецъ
»	28 »	А҆́ще	А҆́ще
»	29 »	Но	Но

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
70	30 св.	за́повѣдеѝ.	за́повѣдей.
»	34 »	многая,	многая
»	—	А҆́щели	’Ащели
73	№ 1	Аще	’Аще
»	—	помо́гъ.	помо́гъ;
»	3	А҆вра́м	’Авра́м
74	43	А҆ѳендронꙋ	А҆ѳендронꙋ.
75	62	уби-	уби .
76	82	Персидѐ	Персидѐ
79	189	во^{з}ме	во^{з}ме^{т}
»	205	Польска	По лыка
»	212	полу силою	полусилою
»	213	малои'	мало'
80	217	руки	рукѝ
82	285	в мирꙋ.	в' мирꙋ.
»	296	кнутомъ	кнꙋтомъ
83	323	^{з}дорово.	^{з}дорово,
»	326	пы҃кѐ,	пы҃кѐ
»	328	ро^{з}грому.	ро^{з}грому,
»	329	забыть.	забыть,
»	348	сме^{р}тѝ	сме$^{р'}$тѝ
84	360	одина́киѐ.	о̀дина́киѐ
87	449	Воня^{х}	Воня^{а}
»	—	ѳе҃кою.	Ѳе҃кою
»	453	сл҃нца	сл҃нца.
»	467	бг҃ъ	бг҃ъ
89	521	тщи	тщи^{к}
»	528	иво	ево
»	541	со^{з}жаются̀	сѣ^{з}жаются
90	563	сла҃ко,	сла҃ко
91	574	даведутъ	да ведутъ
92	618	сталъ	сталъ.
»	626	низ	ни^{з}

Digitized by Google

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
92	№ —	блі^{з}	блї^{з}
»	629	д'рꙋ^{ж}ба.	д'рꙋ^{ж}ба.
93	647	тꙋ	тꙋ^{т}
»	658	Петрова	Петрова
»	664	Дѣловцꙋ	Дѣловцꙋ.
94	694	гостю добрая	гостю. добрая.
95	722	обогати́тся	обогати́тся.
»	727	Дѣвꙋ̃шке	Дѣвꙋ̀шке
97	771	хꙋда	хꙋда
»	792	своякà	своя́кà
99	834	родитъ	родить
»	839	ѿро^{д}чивò	ѿро^{д}чиво';
»	843	с'ѣсть.	с' ѣсть
»	850	что.	ч'то.
»	854	схиму.	схимꙋ
101	895	Перьсидѣ.	Перьсидѣ.
102	930	людѐ	люде'
»	—	людѐ	люде'
»	932	[Жить	[Жить
»	942	богданъ	Богданъ
»	944	Жда^{х}	Жда^{д}
»	946	издвора.	из двора,
103	969	ѣсти,	ѣ(с)ти,
»	986	(и бе)^{з}	(и б)е^{з}
104	1008	норо вьведетъ.	норо^{д} въведетъ
»	1012	жалуй	жалуй
105	1028	за удерено сѣавятъ.	заудерено ставятъ,
»	1033	Ѕзмѣя	Ѕзмѣя̀
106	1059	грези̂	грезѝ
»	1066	Збой	Збой
»	1071	новŏй	новŏй
»	1076	зиня	Зиня
»	1079	Знаю^{т} для̀	Знаю^{т}. для̀.

Digitized by Google

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
106	№ 1080	лаетъ	лаетъ.
107	1085	Знать былъ	Знать. былъ.
»	1111	й	и
108	1118	ко^{в}.	ко^{в},
»	1126	не з'годе.	нез'годе.
109	1170	бѣда:	бѣда.
111	1211	Онандинъ	'Онандинъ.
»	1219	боску.	боскъ
»	1228	потребное	пот'ребное
112	1243	кипить	кипитъ
»	1249	брани	брани
»	1250	грамоте	грамоте
113	1278	запѣла	запѣла
»	1285	ру	ру
114	1312	остря	остря
»	1322	упросилъ	упросилъ
»	1323	Запорогахъ	запорогахъ
»	1334	дѣти ки с' сетъ	дѣти с'сетъ
115	1366	Кабы.	Ка бы.
117	1403	Лутче	Лѣтче
»	1404	дрѣгокъ:	дрѣгокъ.
»	1405	мошны	мошны.
»	1406	бот'винья.	бот'виньія.
»	1407	лесть	лесть.
»	1410	Лѣгвица	Лѣгвица.
»	1421	порѣзать	порѣзать.
»	1425	беш'ней	беш'ней.
»	1426	бѣры	бѣры.
118	1435	с то^{р}гомъ	с то^{р}гомъ.
»	1458	прошенья	прошенья.
119	1486	стерпится слюбится.	стерпится. слюбится,
»	1487	Лапти	Лапти.
»	1495	домъ	домъ

Digitized by Google

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
121	№ 1537	званныхъ,	званныхъ.
»	1544	клопы.	клопы.
»	—	сверчкй	сверчкй.
»	1554	великой	великой.
122	1582	хлѣбомъ	хлѣбомъ.
»	1583	тїмпанъ	тїмпанъ.
»	1588	у=	у=.
123	1598	нами.	нами,
»	1601	ѣжа	ѣжъ
»	1608	Мечѣ̈ся	Мечѣ̈ся.
»	—	мертвое.	мер'твое.
»	1610	в'сѣмъ	в'сѣмъ.
»	1613	деревня.	деревня.
»	1620	стыда	стыда
124	1637	з'дравїи	з'дравїи.
»	1640	не	не
»	1643	чистенко	чистенко.
»	1645	ногамї.	ногамї
»	1651	мѣста.	мѣста.
125	1668	у=	ѳ=
»	1682	дѳдьı.,	дѳдьı,
»	1689	Нашему	Нашемѳ
»	1693	ума.	ума.
»	1694	углїомъ	углїомъ
126	1702	его	ево
»	1727	сойдется Онохино	сойдется Онохино
127	1735	неуставнои	неуставной
»	1752	слова, прикупаютъ.	слова. прикупаютъ,
128	1785	Не нарокомъ	Ненарокомъ
129	1795	Не повинно	Неповинно
»	—	не пристрашна	непристрашна
»	1797	Не много	Немного
130	1852	себѣ	себѣ.

Digitized by Google

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
131	№ 1855	Ѻбули	Ѻбули.
»	1879	присѣ	приѣ
»	1879	не писаную.	неписаную.
132	1886	рукѣ.	рукѣ.,
»	1907	колѝ	колѝ
133	1920	Похвала	Похвала.
»	1926	пѣшъ	пѣшъ.
»	1936	одолѣетъ	одолѣетъ.
»	1937	убѣлйся	у҃бѣлйся
»	1943	рѣкѝ.	рѣкѝ
134	1950	не в дозгѣ.	невдозгѣ
»	1973	кнѹта	кнѹта
»	1978	Пьяному	Пьяному.
»	1981	Пожалѣть	Пожалѣть.
135	1990	малѻ	малѻ.
»	1997	бив[ши]	бив[ший]
136	2030	полюбилѝ	полюбилѝ.
137	2043	дозго	дозго.
»	2060	намъ.	намъ
»	2071	безгрѣшно.	безгрѣшно
138	2084	Рябь	Рябь.
139	2115	с тѣ.	с тѣ
»	2118	злыя.	злыя·
140	2155	сидя	сидя́
»	2163	по҃чюютъ.	по҃чѹютъ.
141	2188	всякомѹ	всякомѹ.
142	2223	Олиѻнъ.	’Олиѻнъ.
»	2225	Семь	Семъ
143	2247	того	того.
»	2249	твоегѻ	твоегѻ.
»	2257	Тетива	Тетива.
144	2265	долгѻ	долгѻ.
»	2282	Терть	Терть.

Digitized by Google

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
144	№ 2286	Тать	Татъ.
»	—	господинъ,	господинъ.
»	2288	говоря	говоря.
»	2290	пирогъ	пирогъ.
145	2301	Паула	Паула
»	2310	не колозе	неколозе
»	2312	бѫдетъ.	бѫдетъ.
»	2321	сѣса.	Сѣса.
»	2323	бѣдами.	бѣдами.
»	2325	ѫмыкали	ѫмыкали.
146	2335	крива.	крива
»	2338	дѣдъ	дѣдъ.
»	2339	гложетъ	гложетъ.
»	2348	ѫзнала	ѫзнала.
»	—	своѣ	своѣ.
»	2352	сыра	сыра.
»	—	сѫха	сѫха.
»	2354	ѫмной	ѫмной
147	2362	сыщешъ	сыщешъ.
»	2364	спитъ	спитъ.
»	2367	злы҃нямъ.	злы҃нямъ
»	2372	бы	бы.
»	—	Ф.	Ф
148	2397	тотъ	тотъ.
»	2410	полонъ	полонъ.
149	2418	Петровъ	Петровъ
»	2426	плавает	плавает.
»	2428	тонка,	тонка.
»	2430	бѣсъ,	бѣсъ.
»	2436	трусить.	труситъ.
»	2437	побивает	побивает.
150	2450	Хотѣлъ	Хотѣлъ.
»	—	село	село.

Digitized by Google

Стран.	Число:	Напечатано.	Слѣдуетъ.
150	№ 2452	дитѧ	дитѧ.
»	—	а	а̀
»	2467	Ходилъ чортъ	Ходилъ. чортъ.
»	2470	беи ево	беи. ево.
151	2483	к завтрею	к завтрею.
»	2487	ꙗна	ꙗна̀
»	2494	хто.	хто.
»	2500	дрꙋга	дрꙋга̀
152	2508	ломоть	ломоть.
»	2511	яицо	яицо.
»	2523	и зопасны.	изопасны,
153	2533	срꙗца̀	срꙗца̀.
»	2545	рꙋцѣ	рꙋцѣ.
»	2546	Цр҃ю	Цр҃ю.
»	2552	мысль	мысль.
»	2559	звѣремъ,	звѣремъ
154	2562	жалѣютъ	жалѣютъ.
»	2564	смиряетъ.	смиряетъ
»	2578	часꙋ а к смеⷬти	часꙋ. а к смеⷬти.
»	2584	землю	землю.
»	2585	Чево̀	Чево
155	2591	конь	конь.
156	2634	Что	Что̀
»	2643	сꙋдѣ	сꙋдѣ.
157	2675	досокъ.	досокъ
158	2686	Павелъ	Павелъ
»	2700	Щоголь	Щоголь.
159	2723	Щокамѝ	Щокамѝ.
»	2729	Ѣхалъ	Ѣхалъ.
160	2737	кашꙋ	кашꙋ.
»	2755	с ыгрꙋшкамѝ	сыгрꙋшкамѝ
»	—	Ю.	Ю
161	—	Ѧ.	Ѧ

Digitized by Google

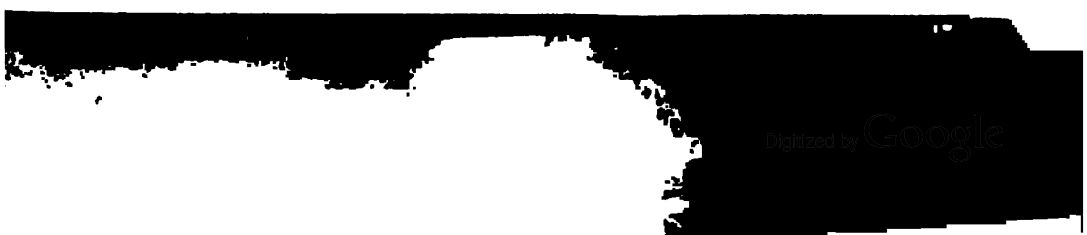
Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
»	—	ѯ	"ѯ
»	2780	дворa	дворa.
162	—	Ѱ.	Ѱ
»	2785	цѣнятѧ	цѣнята.

Слѣдуетъ уничтожить знакъ препинанія въ концѣ №№: 6—9. 16. 18. 21. 33—6. 39. 41. 46. 48. 50—3. 55—7. 59. 61—70. 75. 77. 83. 88. 90—5. 97—9. 104—5. 107—8. 110. 113. 115. 181—191. 193—4. 196—8. 200—1. 203—4. 206—7. 210—13. 215—19. 221. 225—8. 232—6. 238—9. 241. 243—6. 248—50. 253. 255—7. 259. 261. 263—6. 268. 270—3. 275—7. 279. 281—4. 287—8. 290—7. 302. 304. 306—311. 313—4. 316—7. 319. 321—2. 327. 335. 338—9. 343—4. 348. 350—8. 360—6. 369. 371. 373—4. 378—383. 386. 388. 391. 393—5. 397. 401—7. 411. 417. 419. 422. 424. 426—432. 435. 437. 439. 441—2. 445—6. 449. 453—4. 456—8. 460. 463—5. 467. 469—70. 472. 474—8. 481—3. 487—92. 494. 499. 501—509. 512. 515. 517—8. 521. 524—5. 527. 531. 534—5. 538—41. 544—5. 547. 549—50. 552—6. 558—9. 561—2. 567—70. 572—6. 578. 581—3. 587—8. 591—2. 594—5. 597—8. 600. 602. 605. 607—9. 613—4. 618—23. 625—6. 630. 632—5. 638—40. 642—3. 645. 647. 651—2. 654. 657. 660. 662. 668—9. 674. 676—8. 680—4. 689—91. 694. 696. 698—700. 703—13. 716. 721. 723. 726. 732—5. 738—9. 742—4. 746—7. 749—51. 753. 756. 760—61. 764—6. 770. 773—4. 776. 782. 790. 793—5. 797—9. 803—4. 814. 817. 820. 822. 824—6. 828. 833—5. 837. 839—44. 846—8. 851—4. 857—67. 869. 872—3. 876. 880—86. 888—92. 896. 899—900. 908—9. 912—13. 916. 922—4. 926—7. 930. 933. 937—9. 941. 951. 953. 959—60. 965—8. 970—1. 976. 980. 982. 984—5. 994—1000. 1006—9. 1017. 1021—2. 1026. 1034—5. 1062. 1065. 1075. 1088. 1097. 1100. 1103. 1105—6. 1115. 1118. 1121. 1125. 1127, 1139—40. 1143—

4. 1146. 1160. 1164. 1166—7. 1171. 1180. 1184. 1187—8. 1196. 1203. 1210. 1216—17. 1237. 1266. 1275. 1278—80. 1298. 1336. 1355. 1359. 1361. 1367. 1418. 1426. 1556. 1565—6. 1570. 1579. 1589. 1591. 1594. 1606. 1616. 1619—21. 1632. 1645. 1648. 1657. 1675. 1680. 1697. 1710. 1715. 1733. 1745. 1760. 1763. 1766. 1769. 1776. 1789. 1803. 1808—9. 1814. 1824. 1835. 1841. 1857. 1860. 1862. 1865. 1869—70. 1873. 1898. 1911. 1913. 1915—17. 1929. 1939. 1950. 1959. 1998. 2000—1. 2014. 2032. 2036. 2040. 2044—5. 2098. 2107. 2111—2. 2118—9. 2121. 2155. 2174. 2176. 2182. 2187. 2209. 2218. 2220—1. 2224—5. 2227. 2231. 2241. 2245. 2259. 2262. 2266—7. 2271. 2273. 2276. 2281. 2293. 2304. 2322. 2332. 2339. 2346. 2354. 2357. 2360. 2367. 2387. 2402. 2404—5. 2413. 2422—3. 2426. 2430—1. 2444—6. 2457. 2476. 2479. 2494. 2497. 2500. 2515. 2517—8. 2521. 2524. 2526. 2532—3. 2545. 2554. 2560. 2564. 2572. 2574. 2578. 2584. 2602. 2617—9. 2624. 2626—7. 2629. 2634. 2637. 2640. 2652. 2662. 2677. 2680. 2705. 2708—10. 2717—8. 2721. 2734. 2736. 2740. 2743. 2748. 2750. 2761. 2766. 2775. 2777. 2783.

Слѣдуетъ поставить точку въ концѣ №№: 28. 722. 1002. 1193. 1404. 1790, 1863.

Слѣдуетъ поставить запятую въ концѣ №№: 1(;). 10—15. 17. 19. 22. 24. 26—7. 29. 31. 40. 42—4. 47. 58. 72—4. 78—82. 84—7. 89. 96. 100—1. 103. 106. 109. 111—12. 114. 134(.,). 195. 202. 208. 220. 224. 230. 251—2. 254. 260. 269. 280. 299. 301. 303. 315. 318. 320. 323. 328—34. 340. 342. 347. 359. 385. 392. 415—6. 421. 438. 440. 444. 448. 452. 455. 461. 495. 497—8. 500. 510. 513. 522. 526. 529. 551. 560. 564. 579. 584—5. 603. 612. 615. 624. 628. 636—7. 653. 663. 665. 673. 697. 715. 718. 727. 736—7. 745. 755. 758. 775. 777. 779. 781. 805. 808—810. 812—13. 870. 877. 879. 887. 914. 946. 949. 955—6. 961. 963—4. 1015—6. 1019. 1024. 1027—8. 1030—1. 1033. 1054. 1077. 1087.


Digitized by Google

1089—92. 1096. 1122. 1137. 1145. 1241—3. 1248. 1258. 1269—70. 1286. 1296. 1311. 1322. 1345. 1486. 1497. 1504. 1521. 1528. 1534. 1536—7. 1546. 1555. 1558. 1562. 1564. 1578. 1580. 1583. 1586. 1597—8. 1600. 1607. 1611. 1622. 1628. 1630. 1635. 1638—9. 1641. 1660. 1674. 1678. 1682. 1701. 1705. 1717. 1737. 1752—3. 1756. 1765. 1767. 1774—5. 1777—8. 1791. 1795—8. 1800. 1802. 1804(.,). 1807. 1810—13. 1815. 1818—20. 1827. 1829—30. 1832—3. 1837—8. 1843. 1844(.,). 1845. 1852—3. 1855. 1876—7. 1879. 1885. 1886(.,). 1891. 1903. 1909. 1912. 1944. 1966. 1986. 1994. 2102—3. 2114. 2145. 2173. 2210. 2240. 2274. 2350—1. 2380. 2391. 2395. 2409. 2472. 2474. 2484—5. 2498—9. 2523. 2528. 2567. 2570—1. 2605. 2621. 2767.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 8.

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

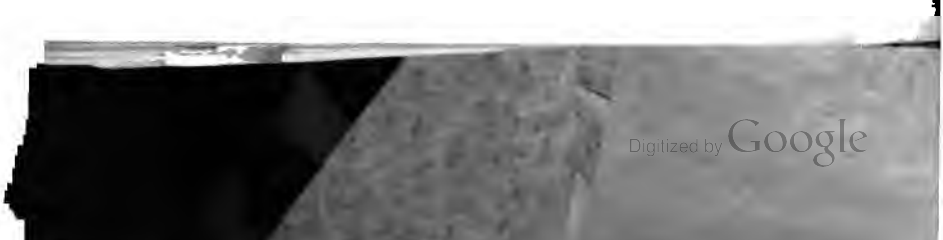
А. А. ШАХМАТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1899.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*


Digitized by Google

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

Настоящая статья вызвана изученіемъ источниковъ, по которымъ въ серединѣ XVI вѣка составился лѣтописный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Никоновской лѣтописи». Обратившись къ вопросу о составѣ и редакціи хронографовъ, которыми пользовался составитель этого сборника, я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, несогласнымъ съ высказаннымъ до сихъ поръ въ весьма впрочемъ скудной литературѣ по этому предмету. Рѣшаюсь подвергнуть ихъ обсужденію изслѣдователей нашей древней письменности, прежде чѣмъ приступить къ обнародованію результатовъ моей работы надъ текстомъ Никоновской лѣтописи.

Наиболѣе полнымъ и въ извѣстномъ родѣ классическимъ изслѣдованіемъ хронографовъ нашей древней письменности остается до сихъ поръ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» А. Н. Попова (М. 1866—1869). Со времени выхода этой книги были открыты новые списки хронографовъ, указаны нѣкоторые новые ихъ источники, установлена нѣсколько иная связь между ихъ редакціями, но главныя положенія Попова остались не опровергнутыми. Положенія эти можно вкратцѣ формулировать слѣдующимъ образомъ.

Digitized by Google

Хронографъ — это сборникъ, составленный въ XV вѣкѣ по юго-славянскимъ переводнымъ и оригинальнымъ сочиненіямъ, дополненный при этомъ русскими лѣтописными статьями. Происхожденіе хронографа юго-славянское: но вскорѣ онъ былъ перенесенъ въ Россію и здѣсь подвергся пересмотру. Результатомъ одного пересмотра явилась редакція 1512 года, при чемъ хронографъ подъ перомъ русскаго книжника подвергся измѣненіямъ въ языкѣ, снабженъ русскими глоссами и русскими лѣтописными статьями. Результатомъ другого пересмотра оказалась редакція, сохранившаяся въ спискѣ Толст. собр. (Отд. I, № 172): редакція эта неполная (она начинается съ Александріи), статьи хронографа не подверглись, какъ въ редакціи 1512 года, раздѣленію на главы, но въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, сохранились слѣды юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно придти къ слѣдующимъ выводамъ объ отношеніи редакціи 1512 года къ юго-славянской, основной редакціи хронографа: основной изводъ хронографа былъ очень близокъ къ редакціи 1512 года, но юго-славянскія статьи читались въ немъ съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ; русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей, въ немъ вовсе не было, оканчивался же онъ повѣстью о взятіи Царяграда, но не тою, которую находимъ въ спискахъ редакціи 1512 года (а повидимому тою, которая читается въ Толстовскомъ спискѣ). Итакъ, задача изслѣдователя судьбы хронографа послѣ выводовъ Попова сводится главнымъ образомъ къ возстановленію того основного юго-славянскаго извода, существованіе котораго предположено въ виду имѣющихся на лицо двухъ русскихъ редакцій, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть признана основною по отношенію къ другой. Систематическое сравненіе Толстовскаго списка (и сходныхъ съ нимъ списковъ) со списками редакціи 1512 года— вотъ путь, по которому можно придти къ рѣшенію этой задачи. Къ сожалѣнію, самъ Поповъ въ своемъ систематическомъ обзорѣ хронографа 1-ой редакціи (вып. 1-й, стр. 95—215) не руководствовался выводами, изложенными во 2-мъ выпускѣ (стр. 22—

Digitized by Google

25), и потому онъ не далъ сравнительнаго обзора двухъ различныхъ древнѣйшихъ редакцій хронографа, ограничившись попутнымъ указаніемъ отличій Толстовскаго списка отъ списковъ, раздѣленныхъ на главы: очевидно, къ приведеннымъ выше выводамъ А. Н. Поповъ пришелъ только къ концу своего изслѣдованія, когда 1-й выпускъ Обзора былъ уже напечатанъ. Особенно цѣнны выводы автора относительно источниковъ, послужившихъ при составленіи хронографа. Правда, важнѣйшіе источники были уже указаны А. М. Лазаревскимъ (Извѣстія Втораго Отд. VIII, 384—390 и IX, 115—127), но систематическому разсмотрѣнію они подвергнуты впервые Поповымъ, которому удалось сдѣлать рядъ самостоятельныхъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ труда почтеннаго изслѣдователя нельзя не отмѣтить одного существеннаго пробѣла, въ значительной степени повліявшаго на выводы, высказанные во 2-мъ выпускѣ Обзора и принятые многими послѣдующими изслѣдователями. Поповъ не обратилъ достаточнаго вниманія на вопросъ о русскихъ источникахъ хронографа. Среди этихъ источниковъ выдѣляются съ одной стороны русскія историческія компиляціи, вродѣ тѣхъ, которыя остановили вниманіе автора и которымъ онъ въ своемъ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи отвелъ вполнѣ подобающее мѣсто (Еллинскій и римскій лѣтописецъ, вып. 1-й, стр. 1 — 94); съ другой стороны — лѣтописи и историческія повѣсти: отъ внимательнаго и осторожнаго изслѣдователя ускользнуло, что въ обѣихъ древнѣйшихъ редакціяхъ хронографа читаются нѣкоторыя общія, заимствованныя изъ русскихъ источниковъ, статьи, при чемъ это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ, что уже въ распоряженіи составителя основного извода хронографа находились источники русскаго происхожденія: между тѣмъ, характеризуя составъ этого предполагаемаго основного извода, Поповъ (вып. 2-й, стр. 25) допускалъ, что въ немъ «вовсе не было русскихъ лѣтописныхъ статей, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей». Я думаю, что одной изъ основныхъ задачъ при изслѣдованіи состава хронографа должно быть выясненіе взаимнаго отношенія хронографа

Digitized by Google

и Еллинскаго лѣтописца. Самъ Поповъ сдѣлалъ рядъ указаній на то, что въ хронографѣ есть статьи общія съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (вып. 1-й, стр. 108, 117, 118, 119, 122, 127, 128, 139 и др.), при чемъ на стр. 117 онъ допускаетъ возможность того, что отрывокъ изъ Малалы, слѣдующій за перечнемъ персидскихъ царей, взошелъ въ хронографъ путемъ Еллинскаго лѣтописца, «потому что въ послѣднемъ онъ передается точно въ такой же формѣ», какъ въ хронографѣ, а на стр. 19-й 2-го выпуска онъ высказывается еще опредѣленнѣе: «немногія выписки изъ Хроники Іоанна Антіохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы». Тѣмъ не менѣе Поповъ нигдѣ не назвалъ Еллинскій лѣтописецъ прямымъ источникомъ хронографа: изъ стр. 17-й 2-го выпуска, гдѣ онъ говоритъ о первыхъ опытахъ историческихъ компиляцій, ясно, что авторъ Обзора даже не задавался вопросомъ, не былъ ли Еллинскій лѣтописецъ прототипомъ, образцомъ послѣдующаго историческаго сборника—хронографа. Можетъ быть, это зависѣло частью отъ того ошибочнаго взгляда на время составленія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, котораго придерживался А. Н. Поповъ въ своемъ Обзорѣ: на стр. 17-й 2-го выпуска время составленія 2-й редакціи относится къ XVI вѣку, а на 76-й стр. 1-го выпуска высказывается возможность заимствованія во вторую редакцію Еллинскаго лѣтописца статьи о смерти пророка Даніила изъ хронографа редакціи 1512 года. Я-такъ рѣшительно назвалъ ошибочнымъ взглядъ Попова на позднее происхожденіе Еллинскаго лѣтописца второй редакціи между прочимъ потому, что самъ онъ впослѣдствіи, описывая Чудовской списокъ Еллинскаго лѣтописца XV вѣка, пришелъ къ слѣдующему выводу: «Чудовской списокъ представляетъ древній видъ такъ называемой 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца... Судя по времени Чудовского списка, происхожденіе ея должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». (Библіогр. мат. А. Н. Попова, изд. въ 1889 г. въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. росс., № XVIII, стр. 11). Въ виду этого и указанныхъ самимъ Поповымъ мѣстъ,

Digitized by Google

общихъ между хронографомъ и второю редакціею Еллинскаго лѣтописца (напр. вып. 1-й, стр. 76, 139, 127, 128), считаю несомнѣннымъ, что составитель хронографа пользовался, какъ источникомъ, Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи — памятникомъ русскаго происхожденія (ср. вып. 2-й, стр. 17). Впрочемъ, къ тому же выводу подошелъ уже другой изслѣдователь судебъ нашего памятника и ниже мы еще разъ вернемся къ этому вопросу.

Разсматривая русскія статьи хронографа, Поповъ заключилъ, что онѣ вставлены позднѣе на Руси въ юго-славянскій оригиналъ хронографа (ср. вып. 2-й, стр. 22, 25, 59, 62 и др.). Этотъ выводъ основывается главнымъ образомъ на отсутствіи русскихъ статей въ той редакціи хронографа, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ: но если давать такое значеніе, при возстановленіи первоначальнаго состава хронографа, сравнительному изученію обѣихъ русскихъ редакцій, то съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что присутствіе той или другой статьи въ обѣихъ редакціяхъ доказываетъ принадлежность ея и основному изводу хронографа. Вотъ почему, находя въ статьѣ о Темирѣ, иже побѣди Баозита царя, русскія добавленія (и при томъ общія), какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи Толстовскаго списка, мы въ правѣ заключать о томъ, что тѣ же добавленія читались и въ основномъ изводѣ хронографа. Равнымъ образомъ, находя, какъ въ спискахъ редакціи 1512 года (Чудовской списокъ № $^{52}/_{354}$, ср. замѣчанія Сперанскаго, издателя Библіогр. мат. Попова, стр. 57; то же въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ спискѣ Погод. № 1402 а), такъ и въ Толстовскомъ спискѣ русское извѣстіе о женитьбѣ императора Мануила на Аннѣ, дочери Василія Дмитріевича [1]), заключаемъ, что это извѣстіе находилось и въ основномъ изводѣ хронографа. Читая въ главѣ 200-й редакціи 1512 года и въ Толстовскомъ спискѣ дословно сходный раз-

1) Извѣстіе неточное, такъ какъ Анна вышла замужъ въ 1414 году не за Мануила, а за сына его Іоанна (см. ниже).

Digitized by Google

сказъ о русскомъ событіи 1340 года, заключаемъ, что онъ принадлежалъ уже основному изводу хронографа и т. д. Такимъ образомъ сравнительное изученіе обѣихъ древнѣйшихъ редакцій хронографа приводитъ къ выводу, совершенно несогласному съ выводами Попова: составитель *основного* извода хронографа включилъ въ него русскія лѣтописныя статьи и даже историческія повѣсти.

Насколько я знаю, наиболѣе обстоятельная оцѣнка труда Попова была сдѣлана въ 1877 году И. В. Ягичемъ въ его статьѣ Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (Archiv f. sl. Ph., B. II, ss. 1—109). Разсматривая переводные и оригинальные историческіе источники сербскаго лѣтописанія, Ягичъ касается и тѣхъ сочиненій, которыми, по указанію Попова, пользовались собиратели русскихъ хронографовъ; при этомъ авторъ вноситъ въ трудъ Попова двѣ немаловажныя поправки. Собиратель русскаго хронографа, извѣстнаго въ редакціи 1512 года, пользовался не подлинной Доментіановою редакіей житія св. Саввы, какъ указывалъ Поповъ (вып. 2, стр. 41), а такъ называемою Ѳеодосіевскою редакціей этого житія (Ягичъ, стр. 37)[1]); послѣдняя статья хронографа, посвященная сербской исторіи, — «Царство сербское и о запустѣніи его», источникъ которой остался для Попова неизвѣстнымъ (вып. 2, стр. 53), цѣликомъ заимствована, по указанію Ягича, изъ послѣднихъ главъ Константинова житія Стефана Лазаревича, не сохранившихся въ той сокращенной и искаженной редакціи его, которая была доступна Попову (Ягичъ, стр. 43). Переходя къ вопросу о происхожденіи сербскихъ хронографовъ, Ягичъ останавливается на слѣдующихъ двухъ выводахъ Попова: а) собиратель хронографа, сохранившагося въ редакціи 1512 года, пользовался для своей компиляціи византійскими источниками въ славянскихъ

1) Впрочемъ, самъ Поповъ исправилъ свою ошибку въ прим. на стр. 41, изъ котораго видно, что собиратель хронографа давалъ извлеченія изъ редакціи, изданной Даничичемъ въ 1860 году (и ошибочно названной издателемъ Доментіановою).

Digitized by Google

переводахъ, а также историческими сочиненіями, извѣстными въ сербской, болгарской и русской письменности; на основаніи этихъ источниковъ онъ довелъ свой трудъ до 1453 года, начавъ съ разсказа о сотвореніи міра; б) хотя хронографъ извѣстенъ только въ спискахъ русской редакціи, но въ основаніи этой редакціи, составленной въ 1512 году, лежитъ юго-славянская и при томъ, вѣроятно, сербская компиляція, относящаяся ко времени послѣ 1453 года: этотъ предполагаемый сербскій изводъ хронографа долженъ быть признанъ прототипомъ всѣхъ русскихъ хронографовъ, обосложнившимся русскими статьями уже по переходѣ его въ Россію. Съ первымъ выводомъ Попова Ягичъ вполнѣ соглашается, но второй выводъ встрѣчаетъ съ его стороны справедливыя возраженія. Во 1-хъ имѣющіеся на лицо юго-славянскіе хронографы (Ягичъ упоминаетъ пять списковъ и между ними Житомислическій и Реметскій) ясно обнаруживаютъ свое русское происхожденіе; во 2-хъ сохранившіеся отъ конца XV и начала XVI вѣка сербскіе лѣтописные своды не имѣютъ ничего общаго съ Хронографомъ, при чемъ сравнительное изученіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ни собиратель хронографа не былъ знакомъ съ сербскими лѣтописями, ни составители сербскихъ лѣтописныхъ сводовъ не воспользовались, хотя бы въ отдѣлахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, матеріалами, заключавшимися въ Хронографѣ. Кромѣ того, сопоставленіе литературныхъ пріемовъ собирателя Хронографа и сербскихъ лѣтописцевъ показываетъ, что они дѣйствовали въ двухъ совершенно различныхъ обстановкахъ: такъ въ особенности несходно отношеніе собирателя Хронографа къ имѣвшимся въ его распоряженіи сербскимъ источникамъ (при томъ весьма ограниченнымъ) съ отношеніемъ къ тѣмъ же источникамъ сербскихъ лѣтописцевъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Ягичъ рѣшительно высказывается противъ юго-славянскаго (сербско-словинскаго) происхожденія Хронографа, утверждая, что обратно сербскіе хронографы представляются позднѣйшими извлеченіями и сокращеніями изъ извѣстныхъ намъ русскихъ редакцій Хронографа.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, эта важная статья Ягича недостаточно извѣстна въ нашей ученой литературѣ: этимъ объясняется то, что М. Н. Сперанскому пришлось, почти двадцать лѣтъ послѣ ея выхода, снова поднимать вопросъ объ отношеніи сербскихъ хронографовъ къ русскому, а также и то, что Истринъ до сихъ поръ держится основныхъ положеній, высказанныхъ Поповымъ относительно юго-славянскаго происхожденія нашего Хронографа (ср. замѣчанія Ягича въ XVI томѣ Archiv f. sl. Ph., стр. 225). Впрочемъ, если изслѣдованія М. Н. Сперанскаго и В. М. Истрина не прибавили ничего новаго къ вопросу о происхожденіи нашего хронографа, то пролили немало свѣта на темные вопросы о составѣ, а въ особенности редакціяхъ хронографа. Остановлюсь поэтому на послѣднихъ работахъ этихъ выдающихся изслѣдователей нашей древней литературы.

Сперанскій въ своей статьѣ «Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи» (Русск. Филол. Вѣстн. 1896 г.), а также въ своемъ описаніи рукописей Шафарика («Рукописи П. І. Шафарика въ Прагѣ», см. Чт. Общ. ист. и др. росс. 1894 года) сообщилъ рядъ данныхъ, по которымъ теперь возможно ближайшимъ образомъ опредѣлить отношеніе сербскихъ хронографовъ къ русскимъ. Приведя вѣскія доказательства въ пользу высказаннаго уже Ягичемъ предположенія о томъ, что юго-славянскіе хронографы сложились подъ вліяніемъ русскаго, Сперанскій, очевидно предположивъ существованіе одной общей основной сербской редакціи для извѣстныхъ ему сербскихъ хронографовъ, слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе этой редакціи къ русскому хронографу: «Сербскій текстъ хронографа представляетъ собой сокращеніе, особенно въ ветхозавѣтной части, редакціи 1512 года, а по особенностямъ ближе всего подходитъ къ Чудовскому (списку), не дѣленному на главы. Поэтому весьма возможно, что въ основѣ его лежитъ списокъ, подобный этому Чудовскому» (стр. 14—15 отдѣльнаго оттиска). Отмѣчу теперь же, что авторъ въ данномъ случаѣ не придаетъ значенія, и вполнѣ основательно, тому обстоятельству, что Чудовской спи-

Digitized by Google

сокъ не раздѣленъ на главы[1]); сербскій хронографъ основывался на спискѣ, раздѣленномъ на главы, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Сперанскаго: «при такомъ предположеніи (см. приведенную выше фразу) понятно и дѣленіе сербскаго хронографа на 100 главъ, при 208 главахъ русскаго хронографа» (стр. 15). Но тѣмъ не менѣе Чудовской списокъ занимаетъ по его мнѣнію какое-то особенное мѣсто среди другихъ списковъ редакціи 1512 года: вотъ почему онъ находитъ нужнымъ установить зависимость сербскихъ хронографовъ не прямо отъ редакціи 1512 года, а отъ списка, подобнаго Чудовскому; вотъ почему въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII (Чт. Общ. ист. и др. росс. 1889 г.) онъ выражается о Чудовскомъ спискѣ слѣдующимъ образомъ: «нашъ списокъ, хотя и не принадлежитъ къ раздѣленнымъ на главы, но содержитъ въ себѣ признаки списковъ, уже раздѣленныхъ на главы; съ другой стороны даетъ точки соприкосновенія со списками, не раздѣленными на главы. Отсюда можно опредѣлить его, какъ промежуточный между той и другой категоріей списковъ Хронографа 1-й редакціи». Ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго изслѣдователя: на основаніи представленныхъ имъ данныхъ, я пришелъ къ выводу, что Чудовской списокъ ничего существенно оригинальнаго, сравнительно съ другими списками редакціи 1512 года, не представляетъ; указанныя Сперанскимъ особенности, отличающія его отъ списковъ, описанныхъ Поповымъ, встрѣчаются и въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ хронографѣ Погод. собр. № 1404 а (напр. добавленія во 2-й ст. 203-й главы, въ 1-й ст. 201-й главы, выписка изъ Манассіи въ 159-й главѣ и

1) Оригиналъ Чудовского списка былъ раздѣленъ на главы: это показалъ самъ Сперанскій въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII, основываясь на сохраненномъ въ спискѣ названіи 106-й главы. Опущеніе главъ замѣчается, начиная съ 107 главы, въ хронографѣ Воскр. Новоіер. монастыря: до 107-й главы главы обозначаются киноварными отмѣтками, а начиная съ 107-й главы—отмѣтками на поляхъ другими чернилами и другой рукой (кромѣ рѣдкихъ главъ: 124, 128, 129 и др.).

Digitized by Google

т. д.). Въ виду этого я не могу допустить предположенной Сперанскимъ промежуточной редакціи между двумя видами «1-й редакціи хронографа» и думаю, что пока мы можемъ говорить только о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ этого памятника—редакціи 1512 года и редакціи, сохранившейся въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Поэтому сербскіе хронографы надо связать непосредственно съ редакціею 1512 года: ничто не доказываетъ, чтобы они восходили къ какой то промежуточной редакціи между обѣими древнѣйшими русскими редакціями. Этотъ выводъ, конечно, можетъ вызвать возраженіе въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, тщательно отмѣченныхъ Сперанскимъ; а именно на стр. 14 своего изслѣдованія онъ указалъ, что въ одной особенности сербскіе хронографы прямо роднятся со списками, не раздѣленными на главы (Толстовскимъ и сходными), между тѣмъ какъ вообще они сходны со списками, раздѣленными на главы (къ нимъ относится, согласно предыдущему, и Чудовской). А именно: «замѣтка о переводѣ книги Іисуса сына Сирахова на русскій съ латинскаго (въ лѣто ,а҃ ф҃ ѕ҃і), находящаяся въ Толстовскомъ спискѣ (см. А. Поповъ, стр. 123), передана *буквально* и въ спискѣ № 29; въ № 28 замѣнена общей фразой о томъ же, но безъ года». Извѣстно, что замѣтка о переводѣ Іисуса Сирахова въ спискахъ редакціи 1512 года не встрѣчается, между тѣмъ какъ она читается въ трехъ (изъ четырехъ извѣстныхъ) спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе Сперанскаго имѣло бы рѣшающее значеніе и привело бы къ предположенію или того, что составитель сербскаго хронографа пользовался обѣими русскими редакціями, или — того, что существовала такая русская редакція, гдѣ совмѣщались особенности редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы, — если бы это указаніе было точно. Между тѣмъ оказывается, что № 28 изъ собр. Шафарика не содержитъ замѣтки о переводѣ книги Іисуса сына Сирахова; тамъ, какъ это видно изъ описанія Сперанскаго, читается лишь слѣдующее: при нем'же (изъ контекста ясно, что при Антіохѣ) и исоусь сираховь въседобродѣтел'пую моу҃рꙋ҃ съчины

Digitized by Google

кврес҃ (Рукописи П. І. Шафарика, стр. 90). То же находимъ во всѣхъ вообще спискахъ редакціи 1512 года, ср. въ Воскр. хроногр. (глава 105-я): при то҃ ис҃ сираховъ прем҃рыи и многодобродѣтелныи. Слѣдовательно, № 28, а также сходные съ нимъ хронографы — Шафариковскій № 26 (Рукоп. П. І. Шафарика, стр. 82—83), Житомислическій, Реметскій, Шишатовацкій, Требинскій (Сперанскій, стр. 6), не содержатъ въ себѣ особенностей, сближающихъ ихъ съ русскою редакціей, не раздѣленною на главы, и возводятся безъ малѣйшихъ затрудненій къ редакціи 1512 года. Совершенно иное должно сказать о № 29 собранія Шафарика, т. е. о такъ называемомъ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ[1]): онъ также основывается на спискѣ русскаго хронографа, но не редакціи 1512 года, а редакціи, сходной съ тою, которая заключается въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ (редакціи, не раздѣленной на главы). Это видно, какъ изъ того, что въ немъ помѣщена замѣтка о переводѣ книги Іисуса Сирахова на русскій языкъ, такъ и изъ того, что, вслѣдъ за хронографомъ, мы находимъ въ этой рукописи собранія Шафарика выписки изъ хроники Мартина Бѣльскаго (ср. описаніе Иречка и у Сперанскаго: Сербскіе хронографы, стр. 18; Рукописи П. І. Шафарика, стр. 98): тѣ же выписки, какъ извѣстно, сопровождаютъ хронографъ, не раздѣленный на главы (ср. Толстовскій, Поповскій, Буслаевскій и Виленскій списки этой редакціи хронографа)[2]). Составитель Верхобрѣзницкаго хронографа не ограничился заимствованіями изъ одного списка русскаго хронографа; онъ пользовался еще другимъ русскимъ же спискомъ

1) Ср. описаніе его, сдѣланное І. Иречкомъ въ Sitzungsberichte der königl. böhm. gesselsch. der wissensch. in Prag, 1879 г., стр. 128—146.

2) Ср. о Поповскомъ спискѣ—Викторовъ, Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. за 1879—1882 г., стр. 2—3; о Буслаевскомъ и Толстовскомъ спискахъ—И. Бычковъ, Каталогъ собр. рук. Ѳ. И. Буслаева, стр. 227—228; о Виленскомъ—Добрянскій, Опис. рукописей Вил. публ. библ., стр. 255—258. Изъ приведенныхъ Иречкомъ выписокъ по Верхобрѣзницкому хронографу видно, что текстъ хроники Бѣльскаго тожественъ въ немъ съ текстомъ Толстовскаго, Буслаевскаго и др. списковъ.

Digitized by Google

хронографа, что видно изъ того, что въ немъ, «вмѣсто обычной хронографической статьи о взятіи Царяграда» (Сперанскій), читается отдѣльная повѣсть, изъ которой не взято только вступленіе (о созданіи Царяграда). Эта повѣсть, вошедшая въ позднѣйшую редакцію русскаго хронографа—1617 года, извѣстна и по нѣкоторымъ спискамъ хронографа XVI вѣка: однимъ изъ нихъ воспользовался Верхобрѣзницкій хронографъ. Но кромѣ этихъ двухъ русскихъ списковъ, названный хронографъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, сербскимъ хронографомъ и именно тою его редакціей, которая сохранилась въ Житомислическомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Это видно изъ важнаго указанія, сдѣланнаго Сперанскимъ на стр. 17, на то, что какъ въ сербскомъ хронографѣ № 28, такъ и въ хронографѣ № 29, выборка изъ русскаго хронографа подверглась аналогичнымъ, тожественнымъ дополненіямъ изъ статей второго перевода Амартола,—дополненіямъ, сдѣланнымъ въ Сербіи. Не могу согласиться въ дальнѣйшимъ выводомъ автора о томъ, что № 29 старше по своему составу, чѣмъ № 28; такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ слѣдующую фразу статьи Сперанскаго: Верхобрѣзницкій хронографъ «доказываетъ, что № 28 представляетъ не первичное сокращеніе текста русскаго хронографа, а уже послѣдующее; № 29 (т. е. Верхобрѣзницкій списокъ) во многихъ мѣстахъ сохраняетъ чтеніе русскаго списка тамъ, гдѣ № 28 уже сокращенъ». Изучая хронографы по даннымъ, сгруппированнымъ Сперанскимъ, я прихожу совсѣмъ къ инымъ выводамъ. Первая сербская редакція, сохранившаяся въ наиболѣе полномъ видѣ въ Реметскомъ хронографѣ и сокращенно въ № 28, Житомислическомъ и другихъ спискахъ, основалась на русской редакціи 1512 года, которую дополнила заимствованіями изъ второго перевода Амартола; вторая редакція, представителемъ которой является Верхобрѣзницкій хронографъ, положила въ основаніе первую, но дополнила ее новыми заимствованіями изъ Амартола, статьями изъ русскаго хронографа особой редакціи, а также и изъ другихъ, можетъ быть, немалочисленныхъ источниковъ.

Digitized by Google

Если изслѣдованіе Сперанскаго такъ важно потому, что ввело въ кругъ изученія русскаго хронографа сербскія его передѣлки, то работы Истрина освѣтили происхожденіе хронографа съ другой стороны: онѣ ясно установили взаимныя отношенія между древнѣйшими редакціями русскаго хронографа и, что особенно поучительно, указали на новый источникъ, которымъ пользовался составитель редакціи, не раздѣленной на главы. Изслѣдуя «Александрію русскихъ хронографовъ» (М. 1893), Истринъ естественно пришелъ къ необходимости болѣе точно опредѣлить связь между отдѣльными редакціями Александріи и, соотвѣтственно съ этимъ, между тѣми, послѣдовательно смѣнявшими одинъ другого, видами хронографа, гдѣ она помѣщается. При этомъ между прочимъ оказалось, что обѣ Александріи въ редакціи 1512 года и въ редакціи, не раздѣленной на главы, представляютъ настолько отличный одинъ отъ другого текстъ, что авторъ изслѣдованія рѣшился назвать текстъ Александріи въ редакціи, не раздѣленной на главы, третьею, а текстъ редакціи 1512 года—четвертою редакціею Александріи. Обѣ онѣ, какъ убѣдительно доказалъ Истринъ, восходятъ къ одной общей редакціи, при чемъ эта общая редакція представляла собой сокращеніе редакціи, извѣстной изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи съ незначительными противъ нея дополненіями; источникомъ этихъ дополненій, какъ это указалъ еще Поповъ (вып. 1-й, стр. 119), послужила сербская Александрія. При этомъ, по замѣчанію Истрина, третья и четвертая редакціи Александріи связаны съ хронографами, заключавшими ихъ, т. е. онѣ не существовали отдѣльно отъ хронографа; редакторъ оригинала третьей и четвертой редакцій Александріи—онъ же и редакторъ первоначальнаго вида хронографа первой редакціи—взялъ вторую редакцію Александріи для своей переработки изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи, а не изъ отдѣльнаго списка. Третья редакція Александріи (помѣщенная въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) по своему составу ближе къ своему оригиналу, чѣмъ четвертая, но послѣдняя сохранившійся текстъ передаетъ лучше, чѣмъ третья. Третья

Digitized by Google

и четвертая редакціи Александріи въ отдѣльномъ существованіи получили каждая по нѣскольку добавленій; источникомъ добавленій третьей редакціи былъ Паралипоменъ Зонары. Я изложилъ выводы автора собственными его словами, руководствуясь текстомъ «Положеній къ диссертаціи», но предварительно провѣрилъ ихъ на основаніи того, вполнѣ документальнаго матеріала, который далъ Истринъ въ своемъ изслѣдованіи и въ приложеніи къ нему. Вполнѣ присоединяясь къ приведеннымъ выводамъ автора, не могу согласиться съ нимъ лишь въ одномъ пунктѣ: онъ не доказалъ своего положенія о томъ, что четвертая редакція въ отдѣльномъ существованіи получила нѣсколько добавленій; изъ приведенныхъ на стр. 276—278 сопоставленій скорѣе можно заключить, что то лишнее, что читается въ четвертой редакціи, съ одной стороны противъ второй, а съ другой противъ третьей редакціи, восходитъ къ общему для третьей и четвертой редакціи оригиналу. Конечно, это нисколько не подрываетъ вѣрности сдѣланнаго Истриномъ указанія на то, что нѣкоторые списки четвертой редакціи (напр. Погод. № 1441) дѣйствительно сдѣлали кое-какія самостоятельныя заимствованія изъ сербской Александріи. На стр. 283 Истринъ сопоставляетъ свои выводы о редакціяхъ Александріи съ тѣми выводами о редакціяхъ хронографа, къ которымъ въ свое время пришелъ Поповъ. «Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, говоритъ авторъ, прямо совпадаютъ съ тѣми, которые можно сдѣлать изъ разбора Александріи: какъ оба вида хронографа, такъ и обѣ редакціи Александріи восходятъ къ одному оригиналу, представляя собою, какъ тѣ такъ и другіе въ отдѣльности, самостоятельныя обработки». Къ сожалѣнію, Истринъ поспѣшилъ согласиться и съ другими выводами Попова и не посвятилъ нѣкотораго труда на то, чтобы и на основаніи другихъ статей хронографа рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы. А между тѣмъ онъ располагалъ всѣми данными для разработки этого вопроса, имѣя подъ руками списки обѣихъ указанныхъ редакцій. Такъ между прочимъ свой выводъ, сдѣланный

Digitized by Google

на основаніи текста Александріи, о томъ, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, пользовался, какъ источникомъ, Паралипоменомъ Зонары, онъ не повѣрилъ на прочихъ статьяхъ хронографа и не замѣтилъ, что этотъ выводъ, впрочемъ тщательно доказанный (стр. 263—264 и 282), находитъ блестящее подтвержденіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы: изъ Обзора Попова видно, что разсказъ о царствованіи Василія, сына Романова, въ редакціи 1512 года (а также, въ чемъ трудно усомниться, въ первоначальной редакціи хронографа) основывается на Манассіи, между тѣмъ какъ редакція, не раздѣленная на главы (Толст. сп.), замѣнила его другимъ источникомъ — Паралипоменомъ Зонары (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 179).

Слѣдуя Попову, авторъ принимаетъ на вѣру юго-славянское происхожденіе хронографа (стр. 284); не приведя какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу этого мнѣнія Попова (замѣчу, что оно высказано въ Обзорѣ лишь въ видѣ предположенія), Истринъ спѣшитъ распространить его и на происхожденіе основной для третьей и четвертой—редакціи Александріи. Замѣчательно, что сама Александрія представляетъ ясныя доказательства противъ юго-славянскаго происхожденія: Истринъ доказалъ, что уже въ основной редакціи, т. е. въ общемъ оригиналѣ третьей и четвертой редакцій, находилась слѣдующая фраза: Александръ по греческы речеса по роусскы же гл҃еться изьбрань (она есть и въ третьей и въ четвертой редакціяхъ Александріи); выводъ отсюда ясенъ: этотъ оригиналъ писанъ въ Россіи. Далѣе Истринъ совершенно правильно сопоставляетъ эту русскую глоссу съ тѣмъ обстоятельствомъ, что составитель оригинала третьей и четвертой редакцій пользовался, какъ источникомъ, русскимъ памятникомъ — Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи (здѣсь авторъ расходится съ Поповымъ): это думаю еще болѣе подтверждаетъ только что сдѣланный выводъ о томъ, что оригиналъ третьей и четвертой редакцій Александріи составленъ въ Россіи (ср. Истринъ, стр. 285—286). Однако авторъ разбираемаго изслѣдова-

Digitized by Google

нія не только не рѣшается сдѣлать этого вывода, но даже лишаетъ приведенные имъ же доводы всякой доказательной силы слѣдующею фразой: «съ другой стороны доводы А. Н. Попова въ пользу юго-славянскаго происхожденія хронографа, очень убѣдительны». Чтобы объяснить существованіе русской глоссы въ юго-славянскомъ оригиналѣ, Истринъ прибѣгаетъ къ слѣдующей гипотезѣ: юго-славянскій оригиналъ хронографа, «прежде нежели подвергнуться всякаго рода переработкамъ, попалъ въ руки русскаго читателя, который и дополнилъ его нѣсколькими русскими глоссами, перешедшими въ извѣстные намъ виды хронографа первой редакціи». Странно, что Истринъ не замѣтилъ, что этимъ предположеніемъ вовсе не разрѣшается вопросъ объ Еллинскомъ лѣтописцѣ, такъ основательно выдвинутый имъ же нѣсколько строкъ выше приведеннаго мѣста; впрочемъ, самъ авторъ опровергаетъ свою гипотезу, допустивъ, опять таки въ видѣ предположенія, подтверждающаго мнѣніе Попова о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа, что юго-славянскій оригиналъ попалъ въ Россію двоякимъ путемъ — съ одной стороны черезъ южную Русь, гдѣ онъ, подвергшись передѣлкѣ, легъ въ основаніе редакціи, не раздѣленной на главы, съ другой черезъ сѣверную Русь, гдѣ онъ въ 1512 году подвергся пересмотру и породилъ редакцію, раздѣленную на 208 главъ. Ясно, что, принявъ это предположеніе, нельзя согласиться съ слѣдующимъ за нимъ, по которому редакція 1512 года и редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ одному общему юго-славянскому оригиналу, снабженному, при переходѣ его въ Россію, нѣкоторыми русскими глоссами. Мнѣ кажется, что Истринъ на стр. 285—286 убѣдительно доказалъ, что основная редакція хронографа составлена въ Россіи: все высказанное имъ на стр. 286 только подтверждаетъ эти доказательства, такъ какъ показываетъ, къ какимъ несообразностямъ должно привести противоположное мнѣніе. Считаю нужнымъ остановиться на высказанномъ здѣсь и повторенномъ въ другомъ мѣстѣ (Истринъ: Хронографы въ русской литературѣ, Визант. Вр., V, стр. 144) предположеніи

Digitized by Google

о южно-русскомъ происхожденіи редакціи, не раздѣленной на главы; оно основывается на томъ, «что изъ трехъ извѣстныхъ списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка Публичн. Музея—бывшій Попова и Н. С. Тихонравова, происхожденія южно-русскаго». Изученіе языка Толстовскаго списка (смѣшеніе ы и и) приводитъ къ убѣжденію, что и онъ происхожденія южно-русскаго[1]), такъ что изъ пяти списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы (Поповскаго, Тихонравовскаго, Буслевскаго, Толстовскаго и Виленскаго), три списка несомнѣнно южно-русскаго происхожденія. На южно- или западно-русское происхожденіе общаго ихъ оригинала указываетъ какъ вставка о переводѣ книги Іисуса Сирахова, такъ и дополнительныя статьи къ хронографу. Сообщеніе о переводѣ Іисуса Сирахова въ 1517 году имѣетъ въ виду, очевидно, переводъ, сдѣланный именно въ этомъ году Фр. Скориной[2]): книги священнаго писанія въ переводѣ Скорины пользовались особымъ распространеніемъ въ юго-западной Россіи. Что эта вставка принадлежитъ основному оригиналу списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видно изъ того, что изъ пяти указанныхъ списковъ трое содержатъ ее; можетъ быть, она есть и въ четвертомъ (Виленскомъ); кромѣ того она же читается въ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ, пользовавшемся редакціею хронографа, не раздѣленною на главы. Поэтому отсутствіе этой вставки въ Поповскомъ спискѣ должно объяснять случайнымъ или умышленнымъ пропускомъ (вопреки мнѣнію Истрина, сдѣлавшаго на основаніи именно этого обстоятельства выводъ, что Поповскій списокъ по своему составу древнѣе Толстовскаго и Тихонравовскаго, ср. Александрія, стр. 287). Дополнительныя статьи къ хронографу редакціи, не раздѣленной на главы, общія всѣмъ спискамъ ея—это выборки, съ переводомъ на русскій языкъ, статей изъ хро-

1) Поповъ во 2-мъ вып. Обзора (стр. 273) указываетъ (на основаніи записи), что эта рукопись принадлежала нѣкогда Златоверхо-Михайловскому монастырю, но тамъ ли она писана, остается неизвѣстнымъ.

2) Этимъ указаніемъ я обязанъ Н. К. Никольскому. Ср. Владиміровъ, «Докторъ Франциск Скорина», стр. 65 и 105.

Digitized by Google

ники Мартина Бѣльскаго. Переводъ иной, чѣмъ тотъ, который появился въ Москвѣ въ 1584 году (Обзоръ Попова, вып. 2-й, стр. 93), хотя мѣстами и очень близокъ къ нему: можетъ быть, выборка была сдѣлана изъ оригинала, послужившаго основаніемъ для московскаго списка и изготовленнаго по повелѣнію короля Польскаго Сигизмунда (тамъ же, стр. 94). Но во всякомъ случаѣ, эти выписки изъ Мартина Бѣльскаго съ очевидностью доказываютъ, что оригиналъ или основной списокъ редакціи хронографа, не раздѣленнаго на главы, возникъ не ранѣе 1550 года (когда вышло первое изданіе хроники Бѣльскаго). Итакъ, выводъ Истрина о томъ, что разсматриваемая редакція древнѣе 1517 года, оказывается невѣрнымъ. А въ виду поздняго происхожденія ея, мало вѣроятнымъ представляется и другой выводъ почтеннаго изслѣдователя, а именно выводъ о томъ, что южно-славянскій хронографъ перешелъ непосредственно въ южную Россію и здѣсь породилъ эту редакцію, не раздѣленную на главы. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что южно- или западно-русскій книжникъ переработалъ московскую или сѣверно-русскую редакцію хронографа, дополнивъ ее статьями изъ польской хроники: во всякомъ случаѣ мы находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, нѣсколько статей московскаго или сѣверно-русскаго происхожденія: таково, напр., сказаніе о чудесномъ явленіи Божьей Матери 1 августа вел. кн. Андрею Боголюбскому и императору Мануилу (этого сказанія нѣтъ въ редакціи 1512 года).

Въ предложенномъ краткомъ обзорѣ вопроса о составѣ и происхожденіи русскаго хронографа, я, кажется, не опустилъ существенно важныхъ выводовъ или предположеній ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ. Перехожу къ заключительнымъ замѣчаніямъ относительно того, какія именно изъ высказанныхъ уже положеній могутъ считаться неопровержимыми.

1) Хронографъ составленъ въ XV вѣкѣ (Поповъ).

2) Первоначальная редакція хронографа до насъ не дошла; но она отразилась въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна составлена въ 1512 году (Поповъ, Истринъ и др.).

Digitized by Google

3) Сравнительное изученіе этихъ двухъ редакцій приводитъ насъ къ возстановленію первоначальной, основной редакціи хронографа (Истринъ).

4) Составитель основной редакціи пользовался въ числѣ источниковъ и русскими памятниками, каковы: Еллинскій лѣтописецъ второй редакціи (Истринъ), историческія повѣсти и лѣтописи (ср. указанія Попова).

5) Хронографъ не могъ быть составленъ въ Сербіи или Болгаріи (Ягичъ, Сперанскій).

6) Сербскіе хронографы должны быть признаны извлеченіями изъ русскихъ хронографовъ (Ягичъ[1]), Сперанскій).

7) Составитель редакціи 1512 года въ значительной степени сократилъ свой оригиналъ (Истринъ объ Александріи); пользовался ли онъ новыми источниками для дополненія этого оригинала, остается не выясненнымъ; единственно вѣроятнымъ должно признать, что повѣсть о взятіи Царяграда составлена самимъ редакторомъ 1512 года («собирателемъ русской редакціи хронографа»: Поповъ, Обзоръ, стр. 63).

8) Сохранившіеся до насъ списки другой редакціи (не раздѣленной на главы) обличаютъ свое южно-русское происхожденіе (Поповъ, Истринъ); въ этой редакціи основной текстъ хронографа былъ переданъ также сокращенно (Истринъ); но редакторъ или самъ дополнялъ свой оригиналъ или же пользовался распространеннымъ, сравнительно съ первоначальною редакціею хронографа, спискомъ; изъ дополнительныхъ источниковъ, отразившихся въ этой редакціи, съ увѣренностью можно назвать Паралипоменъ Зонары (Истринъ).

Эти выводы я кладу въ основаніе дальнѣйшаго изслѣдованія, цѣлью котораго я поставилъ опредѣленіе условій и времени,

---

1) Ягичъ въ Archiv f. Sl. Ph. II, 73 выражается слѣдующимъ рѣшительнымъ образомъ: Für mich also unterliegt es keinem Zweifel, dass dem gewöhnlichen russ. Chronographen kein serbisch-slovenisches Prototypon zu Grunde lag, sondern umgekehrt aus den russ. Chronographen wurden im Laufe des XVII Jahrhunderts (vielleicht auch schon früher) Auszüge ins Serbische gemacht.

Digitized by Google

когда могъ возникнуть древнѣйшій видъ хронографа, а также взаимныхъ отношеній между хронографомъ и другими однородными памятниками, главнымъ образомъ лѣтописями.

II.

Ближайшею задачей этого изслѣдованія должно быть болѣе точное опредѣленіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится редакція, не раздѣленная на главы, къ основной редакціи хронографа.

Это необходимо въ виду, во-первыхъ, высказаннаго Поповымъ мнѣнія, будто въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ спискахъ хронографа (т. е. спискахъ редакціи 1512 г.), сохранились слѣды хронографа юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно заключить, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей (это послѣднее мнѣніе противорѣчитъ указанному выше четвертому положенію); во-вторыхъ, это необходимо въ виду высказаннаго Истринымъ мнѣнія о возможности возникновенія разсматриваемой редакціи хронографа до 1517 года и при томъ непосредственно изъ юго-славянскаго оригинала, при переходѣ его въ южную Россію; въ-третьихъ, я долженъ начать свое изслѣдованіе съ редакціи, не раздѣленной на главы, въ виду той связи, которую не трудно открыть между этой редакціей и цѣлымъ рядомъ другихъ памятниковъ, связи, дающей указаніе на составъ непосредственно предшествующей ей редакціи хронографа.

1. Мнѣніе Попова о томъ, что въ редакціи, не раздѣленной на главы, яснѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 года, сохранились слѣды юго-славянскаго происхожденія хронографа (Обзоръ, вып. 2-й, стр. 25), основывается на томъ вѣрномъ наблюденіи, что нѣкоторыя статьи читаются въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ редакціи 1512 года. Сюда относятся, напримѣръ, статьи юго-славянскаго (сербскаго) происхожденія. Такъ родословная Неманичей, сокращенная въ

Digitized by Google

редакціи 1512 года, сохранилась въ полномъ видѣ въ редакціи, не раздѣленной на главы (ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189, 194, 195, вып. 2-й, стр. 24). Но если мы, вслѣдъ за Истринымъ и др., примемъ, что редакція, не раздѣленная на главы, и редакція 1512 года восходятъ къ одному общему оригиналу, то бо́льшая близость первой редакціи къ первоначальной редакціи должна объясняться, въ данномъ случаѣ, простою случайностью, подобно тому какъ во многихъ другихъ мѣстахъ къ первоначальной редакціи стоитъ ближе не она, а редакція 1512 года. Такъ напр. житіе Савы въ редакціи 1512 года передано гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи, не раздѣленной на главы [1]). Также и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ южно-славянскаго происхожденія видимъ въ редакціи 1512 года бо́льшую полноту сравнительно съ редакціей, не раздѣленной на главы: это отмѣтилъ и Поповъ, указавшій, что Толст. сп., I, № 172, въ отдѣлѣ юго-славянскихъ статей мѣстами *кратче* прочихъ, а мѣстами полнѣе (вып. 2-й, стр. 24). Другимъ основаніемъ признать редакцію, не раздѣленную на главы, особенно близкою къ первоначальному юго-славянскому оригиналу служило для Попова, повидимому, то обстоятельство, что въ Толст. сп. употребляется большой юсъ. Такое именно впечатлѣніе производитъ на меня аргументація, читаемая на стр. 25-й 2-го выпуска. Но на это можно съ увѣренностью возразить, что правописаніе Толстовскаго списка никакого рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ имѣть не можетъ, такъ какъ сходные пріемы письма замѣчаются не только въ основныхъ статьяхъ хронографа, но также и въ тѣхъ статьяхъ, которыя не

1) Напр. отрывку, начинающемуся въ ред. 1512 г. словами: «сущу же тогда вару зѣлну» и оканчивающемуся фразой: «и слышавъ страхомъ обьетъ бысть» (Изборникъ Попова, стр. 32—33, ср. Живот светога Саве, изд. Даничића, Биогр. 1860, стр. 154—156), въ редакціи, не раздѣленной на главы, соотвѣтствуетъ одна слѣдующая фраза: «тогда же святый и молитвою градъ с небесе сведе и въсѣхъ оудиви. яко и самому кралю дивящуся оужаситися» (Толст., Буся. сп.). Разсказъ о чудесномъ спасеніи Савы отъ разбойниковъ и отъ бури во время путешествія въ Іерусалимъ (ср. Живот св. Саве, 181—182) переданъ въ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ Попова, стр. 35), но опущенъ въ редакціи, не раздѣленной на главы.

Digitized by Google

могли входить въ составъ первоначальной редакціи хронографа (напр. въ статьѣ о явленіи Божьей Матери Андрею Боголюбскому) и даже въ прибавленіяхъ къ хронографу (въ выпискахъ изъ хроники Мартина Бѣльскаго). Въ статьѣ о явленіи Божьей Матери мы находимъ сѫщѹ, хрістолюбивомѫ, а въ прибавленіяхъ: бѫдѹчи и др. — Въ изслѣдованіи Попова имѣется еще третій доводъ въ пользу юго-славянскаго происхожденія первоначальной редакціи хронографа и особенной близости къ ней Толст. списка: въ этомъ спискѣ (т. е. вообще въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) русскія лѣтописныя статьи занимаютъ самое незначительное мѣсто: «состоятъ онѣ изъ однѣхъ хронологическихъ замѣтокъ, а полныхъ историческихъ повѣстей, напр. о нашествіи Батыя, о Мамаѣ, совсѣмъ нѣтъ». Въ виду предположенной имъ выше бо́льшей близости Толстовскаго списка къ первоначальной редакціи хронографа, Поповъ заключилъ отсюда, что въ ней не было совсѣмъ русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей. Думаю, что это заключеніе ошибочно, какъ ошибочна посылка, на которой оно основывается: ближайшее изученіе Толстовскаго списка показываетъ, что въ немъ содержатся вѣскія данныя для утвержденія, что въ первоначальномъ, основномъ спискѣ хронографа, не раздѣленнаго на главы, были русскія лѣтописныя статьи и даже обширныя историческія повѣсти. Дѣйствительно, разсматривая хронологическія замѣтки по русской исторіи, читаемыя въ спискахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видимъ, что онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ[1]); въ виду этого естественно является предположеніе,

1) Напр.: при семъ князь великіи кіевскій святославъ игоревичь. иде на wноу (такъ!) рѣкоу и на олгоу (такъ!). і обрѣте вятечи. Или: при семъ греческомъ царѣ иванѣ палеологѣ. вииде изъ орды отъ царя жанибѣка князь великіи иванъ ивановичъ и сяде на великомъ княженѣ в володимерѣ и на москвѣ в лѣто 6863. Или: в лѣто 6933 сяде на великомъ на москвѣ князь великіи василіи василіевичъ при митрополитѣ фотіи. Или: въ 1 лѣто царства иванова и матери его анны отъ адама в лѣто 6848, а вииде изъ орди отъ царя избяса (такъ!), князь великіи симеонъ ивановичь и сяде на великомъ княженіи въ володимери и на москвѣ.

Digitized by Google

что онѣ попали въ составъ хронографа при позднѣйшей передѣлкѣ его на Руси, такъ же какъ несомнѣнно позже вставлено въ текстъ хронографа упомянутое уже сказаніе о происхожденіи празднованія чудеснаго явленія 1 августа. Но такое предположеніе оказывается совершенно несостоятельнымъ, если принять во вниманіе, что эти замѣтки почти буквально сходны съ лѣтописными извѣстіями списковъ хронографа редакціи 1512 года[1]). Такое сходство можно объяснить только тѣмъ, что эти замѣтки находились уже въ общемъ для обѣихъ редакцій хронографа — не раздѣленной на главы и 1512 г.—оригиналѣ. Слѣдовательно, составитель редакціи, не раздѣленной на главы, не самъ внесъ русскія лѣтописныя извѣстія въ текстъ хронографа, а сохранилъ ихъ, встрѣтивъ въ оригинальной редакціи: если бы онъ задался цѣлью *дополнить* хронографъ русскими событіями, неужели, живя въ Россіи и будучи русскимъ, онъ не упомянулъ бы хотя бы о крещеніи Ольги и Владимира, о Калкской битвѣ или о нашествіи татаръ? Сопоставивъ же отсутствіе такихъ извѣстій съ тѣмъ, что редакція, не раздѣленная на главы, представляетъ нѣсколько извѣстій сравнительно второстепенной важности (см. указанныя выше въ примѣчаніи), восходящихъ при этомъ къ предшествующей ей и даже къ основной редакціи хронографа (ср. выше), мы неминуемо приходимъ къ слѣдующему заключенію: составитель редакціи, не раздѣленной на главы, умышленно выпускалъ русскія статьи и извѣстія своего подлинника, сохранивъ, и при томъ всего вѣроятнѣе по недосмотру, лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Важно при этомъ отмѣтить и то обстоятельство,

---

1) Ср. напр. по ред. 1512 г.: при сихъ царихъ въ первое лѣто Иванна и матери его Анны, въ лѣто 6848 выйде изъ Орды князь Семенъ, сынъ князя Ивана Даниловича, и сѣде на великомъ княженіи въ Володимери и на Москвѣ. Или: въ лѣто 6933 князь великій Василей Васильевичь сѣде на великомъ княженіи на Московскомъ и на Нижнемъ Новградѣ, и посла Ѳотія митрополита... Или: при семъ же цари Греческомъ Иванѣ Палеологѣ въ лѣто 6862 выйде изъ Орды на великое княженіе Владимерское и Московское князь Иванъ Ивановичъ Калитинъ, братъ великаго князя Семена Ивановича (ср. Поповъ, Изборникъ, 53, 76, 55).

Digitized by Google

что въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ началѣ находимъ больше русскихъ статей, чѣмъ въ концѣ: такъ здѣсь читаются разсказы о приходѣ Рюрика въ Новгородъ, о походахъ Олега и затѣмъ Игоря на Царьградъ[1]), разсказъ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ и др. Послѣ этого разсказа, исключая сказаніе о явленіи Божьей Матери 1 августа имп. Мануилу и в. кн. Андрею, мы не находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, русскихъ статей и извѣстій вплоть до приведеннаго выше извѣстія о вокняженіи Семена Ивановича въ 1340 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сохранилось одно любопытное указаніе на то, что въ предшествующей ей редакціи было помѣщено на своемъ мѣстѣ обширное сказаніе о татарскомъ нашествіи, и именно то самое сказаніе, которое находимъ въ редакціи 1512 года. Поповъ въ Изборникѣ (прим. на 33-й стр.) отмѣтилъ, что въ отрывкѣ, попавшемъ въ хронографъ изъ Житія Савы, по редакціи, не раздѣленной на главы, находится нѣкоторое дополненіе сравнительно съ редакціей 1512 года. Справедливо указавъ на то, что дополненіе это (о принятіи Стефаномъ венгерскимъ православія и о почитаніи его за святого венграми) восходитъ къ сербскому оригиналу Житія Савы (слѣдовательно, въ данномъ мѣстѣ редакція 1512 года отступила отъ первоначальной редакціи), Поповъ отмѣтилъ, что слова «и нареченъ бысть Владиславъ» вставка: дѣйствительно, этого нѣтъ въ Житіи Савы. Указанная вставка можетъ принадлежать или составителю редакціи, не раздѣленной на главы, или составителю первоначальной редакціи хронографа (въ редакціи 1512 года, какъ только что указано, все, относящееся сюда, мѣсто опущено) Источникъ ея не указанъ Поповымъ, но онъ совершенно ясенъ: это повѣсть объ убіеніи Батыя, т. е. одна изъ составныхъ частей сказанія о нашествіи татаръ, помѣщеннаго въ хронографъ (по редакціи 1512 г.); мы читаемъ

1) При чемъ въ разсказъ о походѣ Олега перенесены черты изъ похода Игоря, а въ разсказѣ о походѣ Игоря, какъ указалъ Поповъ, Обзоръ, I, 175, слова лѣтописи объ Олегѣ перенесены на Игоря.

Digitized by Google

въ ней: «его же (Власлава) святый Сава Сербьскый крести и нарече Владислава» (Изборникъ, стр. 44). Отсюда слѣдуетъ или то, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовалъ указанную фразу изъ хронографической Повѣсти объ убіеніи Батыя, или что это сдѣлалъ составитель первоначальной редакціи хронографа: какъ бы то ни было, отсюда слѣдуетъ и то, что Повѣсть объ убіеніи Батыя, а значитъ и все сказаніе о нашествіи татаръ, были извѣстны составителю предшествующей редакціи, не раздѣленной на главы; сообразивъ же, что та же повѣсть и то же сказаніе содержатся въ хронографѣ 1512 г., мы можемъ съ увѣренностью заключить, что сказаніе о нашествіи татаръ и приложенная къ нему Повѣсть объ убіеніи Батыя находились уже въ первоначальной, основной редакціи хронографа. Редакція, не раздѣленная на главы, даетъ еще указаніе на то, что въ основной редакціи хронографа были помѣщены нѣкоторыя русскія историческія повѣсти. Въ обѣихъ редакціяхъ — не раздѣленной на главы и 1512 г. читаемъ повѣсть о Темирѣ Аксакѣ: какъ извѣстно, первая часть этой повѣсти, до словъ «возвращает же ся темиръ въ персиду», представляетъ сплошное заимствованіе изъ житія деспота Стефана Лазаревича, составленнаго Константиномъ Костенскимъ (Изборникъ Попова, стр. 66; Обзоръ, 2-й вып., стр. 51); слѣдующая за тѣмъ часть, содержащая разсказъ о нашествіи Темира на Россію, оказывается заимствованною изъ русской повѣсти объ этомъ событіи [1]). Въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ не только первую — сербскую, но и вторую — русскую часть этой повѣсти. При этомъ въ этой второй — русской части замѣчается полное сходство [2]) между редакціей, не раздѣленной на главы, и редакціей 1512 г., за исключеніемъ того, что въ пер-

1) Одна изъ древнѣйшихъ редакцій ея читается въ Тверской лѣтописи.

2) Ср. начало и конецъ по Толст. сп.: «пріятъ же і асирію и вавилонское царство и севластію і арменію. и всы орды поплени... великіи же князъ василіе дмитріевичъ повелѣ на томъ мѣсци. идеже стрѣтоша иконоу святыя богородица поставити церковъ. и сътвори празникъ честенъ пресвятѣй богородици. егоже и донынѣ празноуютъ. мѣсяца августа въ 26 день». Ср. приблизительно тоже въ ред. 1512 г. (Изборникъ, 66).

Digitized by Google

вой изъ этихъ редакцій опущена фраза: «принесоша же ея съ пирогощею въ единомъ корабли... и бисеромъ украси» (ср. Изборникъ, стр. 66). Слѣдовательно, эта вторая — русская часть о Темирѣ Аксакѣ находилась уже въ первоначальной редакціи хронографа. Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждающее выставленное здѣсь положеніе о томъ, что въ первоначальномъ, основномъ для извѣстныхъ намъ редакцій хронографѣ были уже русскія статьи. Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ редакціи 1512 г.: «въ лѣто 6899 по Иванѣ Палеологѣ нача царствовати сынъ его Мануилъ въ Царѣградѣ и царствова 32» (Изборникъ, стр. 64, но въ хронографѣ Новоіерус. мон.: 33 лѣта), мы читаемъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдующее: «по иванѣ палеологѣ царствова въ цариградѣ сынъ его иманоуилъ лѣтъ 33 *благословенъ и поставленъ антоніемъ патріархомъ. в лѣто 6899 февраля во 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ*». Подчеркнутыя слова оказываются вставкой, но каковъ могъ быть источникъ этой вставки? Сблизивъ приведенное мѣсто съ началомъ статьи «О вѣнчаніи Мануила царя на царство», составляющей часть извѣстнаго Пименова хожденія[1]) мы заключаемъ о томъ, что оно попало въ хронографъ по редакціи, не раздѣленной на главы, изъ этого Хожденія (обратное заимствованіе не допустимо, такъ какъ вслѣдъ за этимъ составитель Хожденія подробно описываетъ самый чинъ вѣнчанія Мануила на царство). Если мы примемъ за тѣмъ во вниманіе, что въ Хожденіи Пимена, и при томъ не только въ той редакціи Хожденія, которая помѣщена въ Никоновской лѣтописи (ср. Поповъ, Обзоръ, II, стр. 50), но также и въ редакціи Русскаго Временника[2]), находится вставка о Косовской битвѣ изъ хронографа, что такимъ образомъ между Хожденіемъ

1) Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сыну, вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій на царство и со царицею отцемъ ихъ пресвященнымъ Антоніемъ патріархомъ.

2) Ср. Русск. Вр, I, 302: «и паки Турки превозмогоша»; Хронографъ: «потомъ же сынъ того царя Амурата Баозитъ возмогаетъ пакы» (Изборникъ, 63). Далѣе: «повелѣ же Баозитъ царь Турскій Сербьскаго царя Лазаря мечемъ посѣщи» и: «повелѣваетъ убо беззаконный мечемъ того убити Христа исповѣдающа».

Пимена и Хронографомъ устанавливается тѣсная связь, что связь эту легче всего объяснить тѣмъ, что Хожденіе входило нѣкогда въ составъ Хронографа, что такое объясненіе вполнѣ подтверждается Русскимъ Временникомъ (бывшимъ, какъ укажемъ ниже, по своему происхожденію Хронографомъ), такъ какъ въ немъ находится между статьями Хронографа и Хожденіе Пимена,— мы въ правѣ заключить, что и въ редакціи Хронографа, предшествовавшей редакціи, не раздѣленной на главы, содержалось Пименово хожденіе, откуда и заимствована приведенная выше фраза.

Въ виду всѣхъ этихъ указаній, я думаю, мы имѣемъ рѣшительное основаніе утверждать, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, сокращалъ и опускалъ русскія лѣтописныя статьи и историческія повѣсти своего оригинала, желая, очевидно, дать хронику всемірныхъ, а не русскихъ событій: этимъ самымъ стремленіемъ объясняется и то, почему хронографъ въ этой редакціи дополненъ выписками не изъ русскихъ лѣтописей, а изъ хроники Мартина Бѣльскаго. И такъ, редакціи, не раздѣленной на главы, предшествовала такая редакція хронографа, гдѣ, наряду со статьями греческими и южно-славянскими, находились также русскія статьи, т. е. редакція, однородная по своему составу съ редакціей 1512 года. Дальнѣйшее изслѣдованіе должно отвѣтить на вопросъ, была ли эта—основная для редакціи, не раздѣленной на главы, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальною, основною редакціей русскаго хронографа или уже позднѣйшею переработкой, независимою однако отъ переработки 1512 года.

2. Выше я указалъ, почему не могу согласиться съ мнѣніемъ Истрина о томъ, что редакція, не раздѣленная на главы, возникла въ южной Руси непосредственно на основаніи южнославянскаго оригинала и при томъ не позже 1517 года. Не сомнѣваясь, что составленіе ея должно относить ко времени послѣ 1550 года (см. выше), я теперь ясно вижу, что ей должна была предшествовать редакція московскаго или сѣверно-русскаго

Digitized by Google

происхожденія; выше было доказано, что въ ней читались между прочимъ: обширное сказаніе о нашествіи татаръ, повѣсть о вторженіи въ московскую Русь Тамерлана, Пименово хожденіе, сказаніе о явленіи креста Андрею Боголюбскому 1-го августа и т. д. Все это ясно указываетъ на русскій, а не на юго-славянскій подлинникъ для редакціи, не раздѣленной на главы, возникшей въ концѣ XVI, а можетъ быть и въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ юго-западной Руси.

3. Перехожу къ вопросу объ отношеніи редакціи, не раздѣленной на главы, къ нѣкоторымъ другимъ хронографамъ и историческимъ сборникамъ.

а. Послѣ труда Истрина, установившаго взаимныя отношенія редакціи, не раздѣленной на главы, и редакціи 1512 года и доказавшаго, что обѣ онѣ возводятся къ одной общей, древнѣйшей редакціи хронографа, считаю возможнымъ не останавливаться подробнѣе на этомъ вопросѣ и ограничиваюсь ссылкой на нѣкоторыя предыдущія замѣчанія, гдѣ, на основаніи сравнительнаго изученія обѣихъ названныхъ редакцій, дѣлается попытка возстановить составъ предшествовавшей имъ редакціи.

б. Въ числѣ источниковъ Никоновской лѣтописи видное мѣсто занимаетъ Хронографъ: изъ него дѣлаются обширныя выписки сначала по византійской, а потомъ по сербской и болгарской исторіи, при чемъ выписки эти передаютъ текстъ хронографа съ буквальной точностью. Онѣ начинаются тамъ, откуда въ хронографѣ событія русскія изложены вмѣстѣ съ событіями греческими: первая статья, заимствованная изъ хронографа—это О крещеніи болгарскомъ (П. С. Р. Л. IX, 7); труднѣе сказать, гдѣ оканчиваются выписки изъ хронографа, но послѣднею статьею, общею между Никоновской лѣтописью и обѣими древнѣйшими редакціями хронографа—оказывается статья, озаглавленная въ Никон. сп.—«Царство греческое в лѣто 6933» (т. V, стр. 91—92) и помѣщенная въ редакціи 1512 года въ главѣ 205-й, а въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ отрывкѣ, озаглавленномъ: «О цари амоуратѣ». Но что Никоновская лѣтопись могла пользоваться хронографомъ

Digitized by Google

и въ дальнѣйшемъ изложеніи, видно хотя бы изъ того, что подъ 1443 годомъ (V, 178) въ ней помѣщено «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ», извѣстное какъ по редакціи хронографа 1512 г. (въ главѣ 159-й), такъ и по редакціи, не раздѣленной на главы, гдѣ это сказаніе, подобно какъ въ Никоновской лѣтописи, приводится по случаю повѣствованія о Флорентійской уніи.

Важнымъ вопросомъ при изученіи, какъ Хронографа, такъ и Никоновской лѣтописи является вопросъ, какою же редакціею хронографа пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Въ Обзорѣ Попова, I, 207, находимъ указаніе на то, что въ одномъ случаѣ эта лѣтопись слѣдуетъ Толстовскому списку, т. е. редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе это ошибочно, такъ какъ извѣстіе о женитьбѣ царя Мануила на дочери Василія Дмитріевича[1]) входило въ составъ редакціи 1512 года, что видно изъ хронографовъ — Воскр.-Новоіерусал. мон., Погод. № 1404 а, Чудовского и др. Но связь Никоновской лѣтописи съ Толстовскимъ спискомъ и вообще со списками редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, несомнѣнно, что Никоновская лѣтопись извлекала статьи хронографа изъ одного изъ списковъ редакціи 1512 года (ср. ниже): поэтому связь этой лѣтописи съ редакціею, не раздѣленною на главы, я объясняю себѣ такъ, что она, параллельно съ редакціею 1512 года, пользовалась и тою редакціею, которая должна быть признана основною для редакціи, не раздѣленной на главы, поздней, какъ мы видѣли, по происхожденію и потому не могшей быть сама источникомъ Никоновской лѣтописи (составленной въ серединѣ XVI вѣка). Слѣдовательно, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, обѣихъ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ редакцій хронографа, съ другой, должно, согласно съ выставленнымъ положеніемъ, привести къ возстановленію еще третьей редакціи, болѣе древней, чѣмъ редакція, не раздѣ-

1) Здѣсь историческая неточность, такъ какъ Анна Васильевна вышла за мужъ не за Мануила, а за сына его Іоанна.

Digitized by Google

ленная на главы, не тожественной при этомъ съ редакціей 1512 года. Сравнительное изученіе этой возстановляемой указаннымъ путемъ редакціи и редакціи 1512 года приводитъ къ опредѣленію состава и характера первоначальной, основной редакціи хронографа. Въ виду вытекающей отсюда важности Никоновской лѣтописи при изученіи древнѣйшихъ редакцій хронографа, остановлюсь подробнѣе на доказательствѣ перваго изъ выставленныхъ здѣсь положеній, а именно того, что Никоновская лѣтопись пользовалась двумя редакціями хронографа, при чемъ одною изъ нихъ была редакція 1512 года.

Бѣглаго взгляда на хронографическія статьи Никоновской лѣтописи достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ восходятъ къ редакціи 1512 года. Ограничусь указаніемъ на начало выписокъ изъ сербскаго житія св. Савы. Въ Никоновской лѣтописи (X, 42) онѣ начинаются такъ же, какъ въ редакціи 1512 года (Изборникъ Попова, стр. 29): «Достоитъ же рещи и сербьскихъ деспотъ власть. Первое убо корень лопатою слова окопаваше, и отъ корени древо всѣмъ покажемъ, и сладость плода всѣмъ представимъ. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святый Семионъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошъ роди Тѣхомила» и т. д. Между тѣмъ въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы, начало иное, а именно: послѣ заглавія «ѡ житїа сватыхъ симеѡна і сави» тамъ слѣдуетъ: «В лѣто 6642 бысть господинъ сербомъ немана. всѣми ѡбладаа сербьскими ѕемлами. еже глаголются. диѡклитїа, далъматиа. травоунїа» и т. д. Это же начало читалось, конечно, и въ первоначальной, основной редакціи хронографа, какъ видно изъ того, что именно оно, а не начало, приведенное выше по редакціи 1512 года, соотвѣтствуетъ началу Житія Савы, гдѣ, послѣ вступленія, говорится: «Сь сынь бѣ жоупана великааго Нѣманѥ, владыкы срьбскааго, иже самодрьжавно владычьствовавшоу вьсѣми срьбьскыми ѕемлями, еже глаголютсе Дїоклитїа Далматїа Травоунїа» и т. д. И такъ, Никоновская лѣтопись въ своихъ выпискахъ изъ Житія Савы руководствовалась не основною редакціею хронографа, ни

Digitized by Google

также редакціею его, непосредственно предшествовавшею редакціи, не раздѣленной на главы, а именно редакціею 1512 года. Счастливая случайность дала мнѣ возможность опредѣлить даже тотъ списокъ редакціи 1512 года, которымъ пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Я напалъ на цѣлый рядъ пропусковъ, описокъ, искаженій текста, общихъ Никоновской лѣтописи и не разъ уже упомянутому хронографу Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря: сообразивъ это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общемъ тексты хронографа по Никоновской лѣтописи легко возвести къ этому Новоіерусалимскому хронографу, мы приходимъ къ заключенію, что именно онъ служилъ источникомъ для Никоновской лѣтописи[1]).

Такъ напр. во всѣхъ спискахъ Никоновской лѣтописи мы въ текстахъ, восходящихъ къ хронографу, ошибочно читаемъ: «совѣтъ михаиловъ» вмѣсто совѣтъ васильевъ (IX, 10), вм. разбойника — «работника» (IX, 11), вм. исполини — «исполни» (IX, 26), вм. на немѣріе — «на намѣреніе» (IX, 31), вм. забавленіе царства — «забленіе царства» (IX, 33), вм. ласкосьрдство — «ласкордьство» (IX, 27), вм. таковую высоту — «каковую высоту» (IX, 27), вм. вопросъ—«отвѣтъ» (IX, 148), вм. лопатою — «лапатаю» (X, 42) и т. д. Тѣ же ошибки и описки находимъ въ Новоіерусалимскомъ спискѣ хронографа: въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ ихъ нѣтъ.

Ошибочно было бы однако заключать отсюда, что Никоновская лѣтопись пользовалась только однимъ, указаннымъ здѣсь спискомъ хронографа: передавая вообще довольно точно текстъ Новоіерусалимскаго хронографа, составитель Никоновской лѣтописи счелъ необходимымъ исправить его во многихъ чтеніяхъ по другому списку хронографа. Хотя мнѣ и не удалось напасть

1) Новоіерусалимскій хронографъ писанъ въ царствованіе Грознаго, но до 1554 года, что видно изъ приложенной къ нему родословной, гдѣ еще не названъ наслѣдникъ Іоанна Іоаннъ, родившійся въ 1554 г., между тѣмъ какъ Георгій Ивановичъ, его братъ, и даже Владиміръ Андреевичъ, его двоюродный братъ, названы.

Digitized by Google

на самый тотъ списокъ, но съ увѣренностью могу сказать, что онъ относится къ тому разряду списковъ редакціи 1512 года, гдѣ вслѣдъ за хронографомъ помѣщена такъ называемая Новгородская IV лѣтопись. Здѣсь не мѣсто доказывать, что эта лѣтопись и именно въ той особой редакціи, которая содержится въ указанныхъ спискахъ [1]), служила однимъ изъ главныхъ источниковъ Никоновской лѣтописи [2]): но, несомнѣнно, что составитель Никоновской лѣтописи, пользуясь въ сборникѣ указаннаго состава лѣтописью Новгородской, одновременно заглядывалъ въ предшествующій ей списокъ хронографа. Изъ него то и внесенъ рядъ поправокъ въ текстъ хронографа, извлеченный изъ Новоіерусалимского списка. Къ этому разряду списковъ редакціи 1512 года относятся между прочимъ: Погод. № 1404 а, Академическій (Академіи Наукъ) № 991 (3), а также позднѣйшій — Погод. № 1402. Тамъ, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавленной «Царство Сербьское» (см. 197-ю главу хронографа, въ изд. Никон. лѣт., X, 196—198, а въ Изборникѣ Попова, стр. 47—49), составитель Никоновской лѣтописи держится чтеній не Новоіерусал. списка, а другой редакціи, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: слова «злославныа не отгонитъ и той» (Ник. X, 197) опущены въ Новоіерусал., но въ Ник. читаются согласно, напр., съ Погод. № 1404 а; ниже Новоіерус. сп. имѣетъ чтеніе: «и ото всѣхъ предѣлъ своего царствія», въ Никон. (X, 197) и Погод. 1404 а: «и отъ всего своего царьствіа»; далѣе слова: «истиннымъ христіаномъ будеши» опущены въ Новоіерус. и читаются въ Никон., согласно съ Погод. 1404 а; то же должно сказать о словахъ: «и крестное знаменіе на лицѣ его»; вм. испорченнаго «настои на

1) Въ этой редакціи Новгородская IV лѣтопись доходитъ до 1447 года и потомъ содержитъ текстъ сходный съ Псковскою 1-ю лѣтописью, оканчиваясь извѣстіемъ 1547 г. о московскомъ пожарѣ (ср. Карамз., Снѣгир. и Акад. XVIII сп. Псковской 1-й лѣт. въ IV т. П. С. Р. Л.).

2) Это обстоятельство, т. е. пользованіе лѣтописью, доходившею до 1547 года, служитъ однимъ изъ доказательствъ, что Никоновская лѣтопись составлена послѣ 1547 г. Слѣдовательно, Новоіерусалимскій хронографъ относится къ 1547—1554 г. (см. выше).

Digitized by Google

твою державы вся» Новоіерусал. сп., въ Никон. (X, 198), согласно съ Погод. 1404 а: «недостойна твоя дрьжава вся» и т. д.

Но внося поправки на основаніи второго списка хронографа 1512 года, составитель Никоновской лѣтописи перенесъ изъ него въ свой *сводный* текстъ и рядъ описокъ, а также ошибочныхъ чтеній: на основаніи именно ихъ, можно съ увѣренностью утверждать, что вспомогательнымъ источникомъ для Никоновской лѣтописи былъ списокъ, близкій къ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3). Такъ въ нелицевыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи, въ концѣ статьи «О Сербскыхъ деспотехъ» (ср. Ник. X, 42; Изборникъ, 30) читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего Стефана, самъ Сава пріатъ начялство монастыря, сущаго въ отечествіи своемъ, и многа чюдеса сотвори». Это чтеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ тексту списковъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3), между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ хронографа (ср. также Изборникъ Попова), равно какъ въ Новоіерусал. спискѣ, читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего деспота Стеѳана самъ Сава пренесе мощи святаго отца своего Семіона, и положи ихъ въ монастырѣ Студенцы. И умоленіемъ брата своего самъ Сава пріятъ» и т. д., согласно съ приведеннымъ выше текстомъ[1]). Приведу еще нѣсколько чтеній Никоновской лѣтописи, убѣждающихъ въ томъ, что она пользовалась списками, сходными съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3). Вмѣсто: «болгарстіи и загорскіи», въ Никон. (IX, 10) читаемъ, согласно Погод. 1404 а, только «Болгарьстіи»; послѣ словъ «отренъ фалистъ» въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ въ Погод. 1404 а, опущена фраза: «недостоино же цареви мнѧше хѵ̑дословїе и даролюбное ѿ разѵ̑ма его ѿсталѧше». Между словами «добрыми цвѣты» и «свѣтяся» въ Никоновской (IX, 88) и въ Погод. 1404 а одинаково опущено: «и паче кедра. сице». Вм. «деспот-

1) Въ лицевомъ Лаптевскомъ спискѣ Никоновской лѣтописи это мѣсто исправлено по другому списку Хронографа, но вторая фраза пропущена совсѣмъ.

Digitized by Google

ствова лѣтъ 42», въ Никон. (X, 42) и Погод. 1404 а: «господствова лѣтъ 42»; вм. «по Исакѣ царства въ Цариградѣ Ѳеодоръ Ласкаръ» (какъ въ Новоіерусал.), въ Никон. (X, 43) и Погод. 1404 а: «по Алексѣи Аггеле...». Вм. «и отъ колесничныхъ сирѣчь царскихъ дѣлъ» (Новоіерусалим.), въ Никон. (IX, 90) и Погод. 1404 а: «и отѣ колесничныхъ и конскыхъ уристаній» и т. д.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Никоновская лѣтопись, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовалась обоими указанными списками—Новоіерусалимскимъ и спискомъ, сходнымъ съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3), служитъ то обстоятельство, что отдѣльныя списки ея разнятся между собою нерѣдко такъ, что часть ихъ придерживается чтеній Новоіерусалимскаго списка, а часть списка, сходнаго съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3). Очевидно, въ основаніи списковъ Никоновской лѣтописи лежалъ черновой экземпляръ, гдѣ чтенія обоихъ источниковъ статей хронографа были приведены рядомъ или гдѣ послѣдующая поправка (по одному списку) не закрывала вполнѣ первоначальнаго чтенія (по другому списку). Такъ вм. «рекъ» большинства списковъ (и Погод. 1404 а) читаемъ въ спискахъ Н. А. Б. Т. (X, 45) рече (то же въ Новоіерусал.); вм. красты большинства списковъ (и Погод. 1404 а) въ спискахъ А. Б. Т. (X, 44) ошибочно: красоты (то же въ Новоіерусал.); вм. упокоивати однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — покоивати въ Н. А. Б. Т. (X, 200) и въ Новоіерусал.; вм. утробу однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — ютробу О. Н. Б. Т. (XI, 153) и Новоіерусал.; вм. поплѣни однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — плѣни Н. А. Т. (XI, 150) и Новоіерусал.; вм. многи жиды всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 12) и Новоіерусал. — многижды; вм. памятствоватися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 10) и Новоіерусал. — памятствовати; вм. креститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 7) и Новоіерусал.—крестися; вм. воплотитися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 145) и Новоіерусал.— воплотися; вм. безъ-

Digitized by Google

страстну всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 147) и Новоіерусал.— безсмертну; вм. постится однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. Г. (IX, 148) и Новоіерусал.— постити; вм. иже зѣло всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 81) и Новоіерусал.: и желѣзо; вм. земленою и тлѣнную другихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 90) и Новоіерусал. — земленою и тлѣнною; вм. брадныа всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. (IX, 112) и Новоіерусал. — братныа; вм. одѣяся большинства списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. (IX, 113) и Новоіерусал. — одѣваяся. Конечно, я привелъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ совпаденія отдѣльныхъ списковъ Никоновской лѣтописи съ Новоіерусалимскимъ хронографомъ. Любопытно сопоставить ихъ со случаями, гдѣ нѣкоторые изъ списковъ слѣдуютъ другому, вспомогательному источнику, т. е. хронографу по списку, сходному съ Погод. 1404 а. Вм. вскорѣ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ А. (IX, 29), а также Погод. 1404 а читаемъ скоро; вм. церковь соборную всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ Н. (X, 44), а также въ Погод. 1404 а, читается только: церковь; вм. яко звѣрь однихъ списковъ (и Новоіерусал.), въ О. Н. Б. А. Т. (X, 201) и Погод. 1404 а: якоже звѣрь; вм. въ монастырь большинства списковъ (и Новоіерусал.), въ П. О. (X, 201) и Погод. 1404 а — въ монастыре, в мѣтри; вм. банска убо мѣста большинства списковъ (и Новоіерусал.) — въ П. О. (X, 198) и Погод. 1404 а—банско убо мѣсто; вм. хириданъ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.)—въ А. (XI, 148) и Погод. 1404 а — хириданъ и нѣк. др.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, я нахожу доказаннымъ слѣдующее положеніе: составитель Никоновской лѣтописи, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовался, какъ основнымъ источникомъ — Новоіерусалимскимъ спискомъ хронографа, а какъ вспомогательнымъ — спискомъ хронографа, сходнымъ съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3).

Digitized by Google

Ближайшее изученіе Никоновской лѣтописи показываетъ, однако, что текстъ хронографическихъ статей далеко не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ частностяхъ восходитъ къ указаннымъ двумъ ея источникамъ. Такъ, напримѣръ, разсказъ о смерти имп. Льва (IX, 24) отличается въ Никоновской лѣтописи отъ всѣхъ просмотрѣнныхъ мною списковъ хронографа редакціи 1512 года; послѣ заглавія «Царство греческое Романа Лакапина» въ Никон. (IX, 27) читаемъ нѣсколько строкъ (Уведается вѣнцемъ — многа въ людехъ), отсутствующихъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Обзоръ, Поповъ, вып. 1-й, стр. 174). Въ разсказѣ о взятіи Латинами Царяграда (X, 45) находимъ рядъ добавленій, отсутствующихъ въ спискахъ редакціи 1512 г. и т. д.

Должны ли мы на основаніи этихъ и многихъ другихъ (ср. ниже) подобныхъ имъ мѣстъ текста хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи предположить существованіе такого списка хронографа редакціи 1512 г., гдѣ эти особенности совмѣщались съ тѣмъ общимъ составомъ хронографа, который извѣстенъ намъ по другимъ спискамъ этой редакціи, или же мы принуждены допустить знакомство составителя Никоновской лѣтописи со спискомъ хронографа другой редакціи? Думаю, что ни въ одномъ спискѣ редакціи 1512 года не могло заключаться нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ и другихъ имъ подобныхъ чтеній: такъ разсказъ о смерти имп. Льва во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. изложенъ одинаково; слѣдовательно, Никоновская лѣтопись, замѣнившая его другимъ разсказомъ, пользовалась, очевидно, другою редакціей хронографа[1]). Сопоставивъ же этотъ

1) Ср. этотъ разсказъ по ред. по 1512 г.: Премудрый же въ царихъ Левъ впадъ въ естественыя недуги и болѣзнію дручимъ, смерть наводящею. и отъ сего разумѣвъ отъ тѣла разлученіе владыки и самодръжца показуетъ брата своего Александра и сына своего Констянтина. И на издыханіихъ послѣднихъ прорекъ вижу александра яко злодѣлателя время по трехъ на десятехъ мѣсяцехъ и не отпаде слово его яко тринадесятъ мѣсяцъ будетъ царство его.— Въ Никон. лѣтописи (IX, 24): Премудрый же во царѣхъ Левъ конечно лютымъ недугомъ дручимъ, и видѣ приближающуюся смерть, и посажаетъ на престолѣ царствѣмъ брата своего Александра и сына своего Констянтина, иже отъ чет-

Digitized by Google

выводъ съ тѣмъ, къ которому мы пришли выше, а именно, что Никоновская лѣтопись пользовалась, какъ источниками, двумя списками хронографа редакціи 1512 года, мы заключаемъ, что третьимъ источникомъ ея былъ хронографъ въ редакціи, отличной отъ редакціи 1512 года.

Это заключеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ тѣ чтенія хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи, которыя не могутъ быть выведены ни изъ Новоіерусалимскаго списка ни изъ другого опредѣленнаго нами списка редакціи 1512 г., *сходны со чтеніями списковъ той редакціи хронографа, которую будемъ называть редакціею, не раздѣленною на главы* (списки Толстовскій, Буслаевскій и др.).

Въ доказательство, приведу рядъ примѣровъ. Въ Ник. (IX, 10) и Толст. I, № 172: сіа убо доволно мною оплакася слово — въ спискахъ редакціи 1512 г.: словомъ; въ Ник. (IX, 14) и Толст. I, № 172: повелѣ царь Левъ четверопѣсно великіа суботы накончати — въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а: четверопѣсну; словъ: «Наказанье. Пріиде страхъ и трепетъ на Лва царя, стеня и трясашеся. И падеся града нѣкая часть, и много полатъ разсыпашася», читаемыхъ въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ редакціи 1512 г.; выше въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а опущены слова: «глаголютъ же о немъ яко многъ бѣ», которыя есть въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172; словъ «точію царствова тринадесять мѣсяць», находящихся въ Никон. (IX, 25) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ редакціи 1512 г.; въ этихъ же спискахъ опущены слова, находящіяся выше, какъ въ Никон. (IX, 25), такъ и въ Толст. I, № 172: «и псѣхъ, и птицахъ, и во играніихъ суетныхъ». Напротивъ, слово «постели» (хранителя царской постели сътвори),

---

вертыа жены роженаго. И на издыханіи послѣднемъ рече брату своему, царю Александру: «вижу о тебѣ, о любимый брате, яко лютѣ съдръжати тебѣ царство». И бысть тако, яко же рече.

Digitized by Google

читаемое въ спискахъ редакціи 1512 г., опущено, какъ въ Никон. (IX, 28), такъ и въ Толст. I, № 172; въ Никон. (IX, 31), согласно съ Толст. I, № 172, читаемъ: «неподобнымъ проходи сопоти (въ Толст. съпоти) злодѣланію», между тѣмъ въ Новоіерусал.: сопостати, а въ Погод. 1404 а: сопроти; въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ и въ Толст. I, № 172, опущены слова «на златицѣ», читаемыя въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а (и по два точію повелѣ на златици продавати кобла); вм. овчаре въ фразѣ: «и говядопасци, и говядаре, мужіе овчаре, живущіи въ безуміи...», какъ она читается въ Новоіерусал. и Погод., — въ Никон. (IX, 86) и Толст. I, № 172 находитъ: овчя, ѡвча; слова «ея коснымъ шествіемъ, ниже паки въ устремленіе», находящіяся въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, но опущенныя въ Никон. (IX, 90), опущены также въ Толст. I, № 172; въ Никон. (X, 43), согласно съ Толст. I, № 172, вслѣдъ за словами: «и пребысть время доволно въ молчаніи», читаемъ: «Царство гречьское Феодора Ласкаря»; между тѣмъ въ Новоіерусал., Погод. 1404 а и другихъ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 31; Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189) послѣ этихъ словъ читается статья, помѣщенная въ Никон. (IX, 205) и Толст. I, № 172 выше, и лишь послѣ изложенія московскихъ событій читаемъ: «Царство греческое» (словъ «Феодора Ласкаря» нѣтъ); словамъ Никон. (X, 45): «во Цари же градѣ епископы своя и презвитеры устроиша, и вся быша по Римскому обычаю», которыхъ нѣтъ ни въ Новоіерусал., ни въ Погод. 1404 а, ни въ прочихъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 33), въ Толст. I, № 172 соотвѣтствуетъ: «папа же присла изъ рима въ цр҃ъгр҃а своѧ бискоупы и попы. а греческіѧ еп҃пы и презвитери изъ цр҃аграда веде в римъ. и быша всѧ въ пр҃иградѣ по римъскомоу ѡбычаю»; словъ «яко водами» (покрывая яко водами горы и поля воинствы), которыя читаемъ въ Никон. (XI, 151), согласно съ Толст. I, № 172, нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 65); вм. Горзустани списковъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 66), въ Никон. (XI, 152), согласно Толст. I, № 172: Гурстани и т. д. Въ виду этихъ и другихъ по-

Digitized by Google

добныхъ чтеній связь между Никоновскою лѣтописью и редакціею хронографа, не раздѣленною на главы, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ же объяснить эту связь, если принять во вниманіе сдѣланный выше выводъ о томъ, что эта редакція поздняго происхожденія и относится къ концу XVI-го, а можетъ быть и къ началу XVII вѣка? Въ виду того, что Никоновская лѣтопись составлена въ серединѣ XVI вѣка, ясно, что составитель ея пользовался не тѣмъ видомъ редакціи, не раздѣленной на главы, который дошелъ до насъ въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ, а тѣмъ болѣе древнимъ ея видомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Никоновская лѣтопись, кромѣ списковъ редакціи 1512 года, пользовалась редакціею, непосредственно предшествовавшею редакціи списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ. Мы назовемъ эту болѣе древнюю редакцію — 1-ю редакціею, не раздѣленною на главы, а вытекшую изъ нея редакцію конца XVI или начала XVII в. — 2-ю редакціею, не раздѣленною на главы.

И такъ, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи и списковъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, приводитъ насъ къ возстановленію состава и чтеній 1-й редакціи, не раздѣленной на главы. При этомъ оказывается, что 2-я редакція многое сократила, сравнительно со своимъ оригиналомъ— 1-ю редакціею.

Такъ между прочимъ, на основаніи Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка хронографа 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, можно возвести къ 1-й редакціи Сказаніе о хулнѣй вѣрѣ Сраціньстѣй, помѣщенное въ Никон. лѣтописи подъ 990 г. (IX, 59—63). Это сказаніе читается во 2-й редакціи хронографа при изложеніи событій царствованія Консты; въ редакціи 1512 года мы находимъ его въ соотвѣтственномъ мѣстѣ (глава 145-я), но въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ во 2-й редакціи. Впрочемъ, и 2-я редакція сократила сказаніе сравнительно съ 1-ю редакціей и Никоновскою лѣтописью, но при этомъ во 2-й редакціи видимъ иное сокращеніе, чѣмъ въ редакціи 1512 года.

Digitized by Google

Но что въ Никоновскую лѣтопись это сказаніе внесено изъ 1-й редакціи хронографа, можно видѣть уже по первымъ строкамъ его, гдѣ читаемъ по Никоновской лѣтописи: «сходитъ же отъ Измаила и отъ Агары рождьшагося Аврааму»; ср. то же въ Толст. сп.: «исходитъ же ѿ измаила и ѿ мтри его агари»: союзъ и въ этой фразѣ, какъ замѣтилъ издатель IX т. П. С. Р. Л. (стр. 59, прим. 1), лишній и обличаетъ общій для Толстовскаго списка и Никоновской лѣтописи оригиналъ[1]).

Къ 1-й же редакціи хронографа возводится «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ како отступиша отъ православныхъ патріархъ» и т. д., помѣщенное въ Никоновской лѣтописи (V, 178—191). Уже самое мѣсто, гдѣ оно находится въ этой лѣтописи, показываетъ, что оно попало въ нее не изъ редакціи 1512 года, а изъ редакціи, не раздѣленной на главы; дѣйствительно, въ Никоновской лѣтописи мы находимъ это сказаніе подъ 1443 годомъ, подобно тому какъ во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, мы его читаемъ въ изложеніи царствованія Калуяна (вступилъ на престолъ въ 1425 году), по поводу Флорентійской уніи; между тѣмъ въ редакціи 1512 года это сказаніе помѣщено въ 159-й главѣ въ царствованіи Ирины и сына ея Константина (IX вѣкъ). Текстъ сказанія по Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно попало въ нее именно изъ 1-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы: во 1) оно здѣсь полнѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, при чемъ однако обѣ эти редакціи представляютъ два разныхъ сокращенія одной общей основной редакціи; во 2) рядъ чтеній Никоновской лѣтописи сближаетъ текстъ сказанія именно съ текстомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, которая, какъ мы видѣли, возникла на основаніи 1-й редакціи. Самое заглавіе его показываетъ на общій источникъ, откуда это сказаніе

1) Что касается происхожденія этого сказанія, то въ хронографъ оно попало изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи (источникомъ его является разсказъ Амартола) при чемъ оно, повидимому при внесеніи въ хронографъ, подверглось распространенію.

Digitized by Google

попало, съ одной стороны, въ Никоновскую лѣтопись, а съ другой — во 2-ю редакцію хронографа, не раздѣленную на главы. Вмѣсто краткаго заглавія редакціи 1512 года[1]), мы находимъ и въ Никоновской лѣтописи и въ Толстовскомъ спискѣ длинныя и при томъ сходныя заглавія[2]). Далѣе въ редакціи 1512 года опущено длинное начало этого сказанія, а именно о Львѣ Исаврянинѣ, Константинѣ Копронимѣ, Львѣ иже отъ Хозари, о царицѣ Иринѣ и о Константинѣ, о Никифорѣ Геникѣ, Ставракіи, Михаилѣ Рангавеѣ, Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и Ѳеофилѣ: это начало читается одинаково, какъ по Никоновской лѣтописи (V, 178—180), такъ и по Толстовскому списку 2-й редакціи хронографа, хотя въ этой редакціи, сравнительно съ Никоновской лѣтописью и, слѣдовательно, 1-ю редакціею, находимъ нѣсколько пропусковъ[3]). За этимъ отрывкомъ, гдѣ разсказывается о дѣятельности иконоборческихъ царей, въ Никоновской лѣтописи и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдуетъ общій съ редакціей 1512 года текстъ: при этомъ сравненіе текста по этимъ тремъ памятникамъ возстановляетъ общій источникъ, значительно сокращенный въ редакціи 1512 года[4]). Такъ

---

1) Сказаніе о латынехъ какъ отступиша отъ православныхъ патріархъ.

2) Сказаніе вькратце о латинехъ како отступиша отъ православныхъ патриархъ. и извръжена (Ник. извержени) быша отъ прѣвенства своего и отъ книгъ памятныхъ (Ник. ошибочно: домѣстныхъ). и о иконоборныхъ царехъ (Ник. цари). в коньстантинѣ градѣ цесарьствовавшихъ еретицехъ.

3) Во 2-й редакціи опущена напр. фраза: Сеи же царице Иринѣ и сыну ея Костянтину напослѣди подобие жившимъ, и тако отъ царьствия и неволею отпадшимъ (ср. Никон. V, 179); далѣе опущено нѣсколько строкъ послѣ словъ «и по немъ сынъ его Ставрикиесъ» и до словъ: «Сиі же всиі отъ седмаго сабора и донынѣ святыя иконы почитаху». За этой фразой опущены слова отъ «Воста же на Михайла царя» и до «во иноческиі образъ адеяся» и т. д. (ср. Никон. V, 179).

4) Для примѣра выпишу нѣсколько строкъ по Никон. лѣтописи, по редакціи, не раздѣленной на главы (Толст. сп.) и по редакціи 1512 г. (Новоіерусал. сп.) *Никон.* (V, 180): По Андрѣяне же папе Римскомъ бысть въ Римѣ Левъ папа; сему жь Лву папе завидѣвше сродницы бывшаго Андрияна папы изгнаша его отъ священнаго престола его и отъ града Рима; и тако много печаленъ бѣ Левъ папа оставъ престола своего и не обреташе ни откуду помощи; и посла въ Царьградъ ко царю Костянтину Львову сыну и к матери его Ирине

Digitized by Google

между прочимъ въ редакціи 1512 года опущенъ длинный отрывокъ, гдѣ упоминается о патріархѣ Меѳодіи (Никон. V, 182—183). Въ обѣихъ редакціяхъ, сравнительно съ Никоновской лѣтописью, опущено посланіе Фотія къ римлянамъ о святомъ духѣ и опрѣснокахъ (Никон. V, 187—189); во всемъ же остальномъ 2-я редакція хронографа, не раздѣленная на главы, сходна съ этой лѣтописью, хотя и сокращаетъ мѣстами общій источникъ: такъ, довольно длинному отрывку (Никон. V, 185—186), озаглавленному «О томъ же отъ иного слова», во 2-й редакціи соотвѣтствуетъ всего нѣсколько строкъ[1]).

Къ первой редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, возводится еще рядъ другихъ статей Никоновской лѣтописи: отложу ихъ разсмотрѣніе до изслѣдованія другихъ памятниковъ, связанныхъ съ этой редакціей.

Въ ближайшемъ отношеніи ко 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, находится любопытный памятникъ, извѣстный подъ названіемъ Русскаго Временника или Костромской лѣтописи (ср. Карамз., И. Г. Р. III, пр. 360)[2]). Изученіе этого памятника показываетъ, что въ теперешней своей редакціи онъ сложился въ серединѣ XVI вѣка и лишь впослѣдствіи дополненъ кое-какими житіями и лѣтописными извѣстіями, изъ которыхъ самыя позднія вписаны, быть можетъ, даже въ началѣ XVIII в. (ср. II, 387: съ книгъ Полидора выписано, при чемъ подъ По-

прося помощи отъ нихъ. *Толст. сп.*: По андріанѣ же папѣ римскомь. бысть в римѣ левъ папа семоу папѣ лвоу. завидѣша сродници бывшаго андріана папы и изгнаша его отъ престола и отъ града рима. и много печаленъ бѣ папа левъ оставъ престола и не обрѣташе откоудоу помощи. посла въ прѣградъ ко цароу костантину и ко матери его иринѣ прося помощи... *Новоіерусал.*: По андрѣяне папе римскомъ бысть в римѣ левъ. семоу завидѣша сродницы андрѣяни. изгнаша его отъ престола и отъ града. онъ же посла въ царыградъ кь царю костянтиноу и матери его прося помощи отъ нихъ.

1) А именно: по семъ же христофорѣ развращеніемъ исповѣдници. написаша явѣ латини в римстей церкви. яко и отъ сына духъ исходитъ (ср. Никон. V, 186).

2) Русскій Временникъ изданъ два раза М. 1790 г. и М. 1820 г. Пользуюсь вторымъ изданіемъ.

Digitized by Google

лидоромъ разумѣется Полидоръ Урбинскій, переведенный на русскій языкъ въ Петровское время). Связный лѣтописный разсказъ Русскаго Временника тянется до 1533 года: вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи въ Москву послѣ Крымскаго похода великаго князя Василія Ивановича 21 августа 7041-го сентябрьскаго года, мы находимъ (II, 363) извѣстіе отъ 19 декабря 7042-го сентябрьскаго года о слитіи колокола и поставленіи его Николаемъ Нѣмчинымъ; но между этими двумя событіями случилось важное происшествіе — смерть вел. кн. Василія Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьскаго года): неупоминаніе о немъ въ Русскомъ Вр. служитъ прямымъ доказательствомъ того, что въ болѣе первоначальной редакціи онъ былъ составленъ въ 7041 (1533) году, при чемъ приписка о колоколѣ, равно какъ и слѣдующія затѣмъ статьи — о преставленіи Александра Свирскаго († 30 дек. 1533 г.), сказаніе отъ житія Данила Переяславльскаго († 7 апрѣля 1540 г.), предисловіе о великихъ князьяхъ литовскихъ (Русск. Вр., II, 364—386), внесены впослѣдствіи въ редакцію, относящуюся къ серединѣ XVI вѣка и послужившую основаніемъ для Костромской редакціи конца XVII в.[1]). И такъ, древнѣйшая редакція Русскаго Временника относится къ 1533 г.: попытаюсь установить связь именно этой редакціи съ редакціею хронографа, не раздѣленною на главы.

Отмѣчу прежде всего, что въ Русскомъ Временникѣ, лѣтописномъ сборникѣ русскихъ извѣстій, есть нѣсколько мѣстъ, смыслъ и происхожденіе которыхъ непонятны безъ сопоставленія ихъ съ текстомъ Хронографа. Такъ напр. подъ 1079-мъ годомъ (I, 77), читаемъ: «при цари Иванѣ гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь и былъ на великомъ

1) Ср. рядъ лѣтописныхъ извѣстій 1642 — 1680 гг., относящихся къ Костромскому Богоявленскому монастырю, внесенныхъ послѣ выписокъ изъ М. Бѣльскаго о климатическихъ особенностяхъ 6993 (= 1493) г. (ср. съ этимъ выписку изъ него же подъ 1261 г.) и изъ книги Полидора, а также послѣ извѣстія о поставленіи большого паникадила 18 апр. 1660 г. и списка съ государевой грамоты 1652 г. на Кострому, игумену Герасиму.

Digitized by Google

княженіи лѣтъ 15»; подъ 1215-мъ г. (I, 84): «при цари греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію, сыну Всеволода Владимерскаго, въ лѣто 6723, князь Констянтинъ Всеволодичь заложи церковь камену въ Ярославли святаго Спаса»: подъ 1272-мъ г.: «при сего (sic) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Ярославичь Невскаго братъ, Костромскій»; подъ 1393-мъ г. (I, 347): «въ тоже 6901 лѣто, при цари Мануилѣ греческомъ князь великій Василей Дмитріевичь ходилъ во Орду ко царю Тактамышу въ другіе». Всѣ эти ссылки на греческихъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ даже не названъ по имени, совершенно неумѣстны въ Русскомъ Вр., такъ какъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ статей, относящихся до византійской исторіи. Оказывается, что и эти ссылки и весь сопровождающій ихъ текстъ цѣликомъ заимствованы въ Русскій Вр. изъ хронографа [1]). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что не только нѣкоторыя, подобныя приведеннымъ, извѣстія восходятъ къ хронографу, но что вообще весь Русскій Вр. во всемъ его составѣ или бо́льшая часть его должны быть возведены къ тексту хронографа, т. е., что главнымъ основаніемъ Русскаго Временника, сборника 1533 года, служилъ хронографъ, слитый съ русской лѣтописью и, можетъ быть, продолженный до августовскихъ событій 1533 г. Редакторъ одного изъ позднѣйшихъ изводовъ Русскаго Временника (извода сере-

1) Ср. приведенныя изъ Русск. Вр. мѣста съ текстомъ хронографа редакціи 1512 г.: При семъ цари Иванѣ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь, былъ на великомъ княжѳніи лѣтъ 15 (Изборникъ Попова, 14); при семъ цари Иванѣ Ватацѣ въ Руси обладающу въ Володимери великому князю Юрью, сыну Всеволода Володимерскаго, въ лѣто 6723 князь Константинъ Всеволодичь заложи церковь камену въ Ярославлѣ святаго Спаса (Изборникъ, 38); при сего (т. е., какъ видно изъ предидущаго, Михаила Палеолога) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславли князь Василій Александровичь Невскаго Костромскый (Изборникъ, 45); въ лѣто 6901 при семъ цари гречестѣмъ Мануилѣ князь великій Василей Дмитріевичь ходилъ въ орду къ царю Тактамышу въ другые (Изборникъ, 67).

Digitized by Google

дины XVI в. или, быть можетъ, извода XVII в.), задавшись цѣлью составить русскій лѣтописецъ, счелъ нужнымъ переработать древнѣйшую его редакцію, т. е. хронографъ, продолженный русскими лѣтописными извѣстіями до 1533 года: для этого онъ прибѣгъ къ выборкѣ изъ хронографа русскихъ статей, при чемъ по недосмотру, вмѣстѣ съ этими статьями, въ его лѣтописецъ попали нѣкоторыя переходныя фразы, связывавшія въ хронографѣ русскія событія съ событіями византійской исторіи.

Сдѣланное здѣсь предположеніе о томъ, что Русскій Временникъ, въ извѣстной части своей, представляется выборкой русскихъ статей хронографа, можно подтвердить цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Во-первыхъ мы находимъ, что объемъ статей Русскаго Временника, по крайней мѣрѣ за древнѣйшее время (до XIV вѣка) вполнѣ соотвѣтствуетъ объему русскихъ статей хронографа редакціи 1512 г.; во-вторыхъ, можно открыть ближайшую связь между статьями Русскаго Временника и текстомъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы. Отсюда необходимо сдѣлать выводъ, что Русскій Временникъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, такою редакціей хронографа, къ которой восходятъ одинаково какъ редакція 1512 г., такъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, а это позволяетъ отождествить первоначальную редакцію Русскаго Временника съ хронографомъ въ его древнѣйшей редакціи, распространенной прибавленіемъ русскихъ лѣтописныхъ статей, доходящихъ до 1533 г. Такъ съ одной стороны видимъ, что Русскій Временникъ начинается съ той самой статьи, съ которой начинаются русскія статьи въ хронографѣ 1512 г.: О словенскомъ языцѣ (Нач. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣки на 72 языка, Русск. Вр., I, стр. 1)[1]); въ послѣдующихъ затѣмъ лѣтописныхъ статьяхъ находимъ нѣкоторыя замѣтки и отступленія, прямо указывающія на хронографъ: напр., вслѣдъ за разсказомъ

1) Ср. въ ред. 1512 г.: О словенскомъ языцѣ и о русскомъ. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ человѣкы на седмьдесятъ на два языка... (Изборникъ Попова, стр. 1).

Digitized by Google

о нападеніи Аскольда и Дира (имена ихъ названы, въ отличіе отъ редакціи 1512 г.) на Царьградъ, мы находимъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, фразу: «паде жъ въ нѣкое время и пепелъ съ небеси подобенъ крови, и каменіе обрѣтаху на путехъ и въ вертоградѣхъ червлено яко кровь» (I, 8; ср. Никон. IX, 7; въ Изборникѣ эти слова издателемъ не приведены, см. стр. 4); вслѣдъ за разсказомъ о прибытіи Рюрика, читаемъ, какъ въ хронографѣ редакціи 1512 г., о крещеніи Руси (нач. Роди же нарицаеміи Руси, иже и Кумани I, 9, ср. Изборникъ, стр. 4); за разсказомъ объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Русскомъ Вр., какъ и въ хронографѣ редакціи 1512 г., находится статья О крещеніи угровъ (нач. Видѣвше же Піони, глаголеміи угри I, 67, ср. Изборникъ, стр. 10). Вообще текстъ большей части статей Русскаго Вр., до разсказа о крещеніи Руси Владимиромъ, буквально сходенъ съ текстомъ хронографа, повторяя при этомъ такія характерныя его особенности, какъ названіе Корсуня — Херсунемъ (I, 4, ср. Херсонь: Изборникъ, стр. 2), или ошибки, какъ «пережгутъ каменіе то румяно» вм. рамяно (I, 5; Изборникъ, стр. 5), Корсемья вм. Корсь и Емь (I, 7; Изборникъ, стр. 3, прим.); слову «дажду» (вм. «державу» большинства списковъ хронографа), въ фразѣ: «и Болгары паки подъ дажду Греческаго скипетродержанія устраяетъ» (I, 19) соотвѣтствуетъ написаніе поджѫ Новоіерусал. списка хронографа редакціи 1512 г. Равнымъ образомъ почти буквально тожественъ съ хронографомъ текстъ Русскаго Временника, начиная съ извѣстія о вступленіи на столъ Ярослава и приблизительно до разсказа о Липецкой битвѣ (I, 67—84): отмѣчу здѣсь между прочимъ ошибочное отнесеніе насильственной смерти Ярополка Изяславича къ 6600 (1192) г. вм. 1186—1187 г. (I, 77, ср. тоже въ редакціи 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 14), причемъ освященіе церкви Успенія св. Богородицы Печерскаго монастыря, отнесенное къ 6587 г. (вм. 6597), слѣдуетъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, непосредственно за этимъ событіемъ (въ ред. 1512 г. освященіе отнесено къ 6607 году: ошибка восходитъ, очевидно,

Digitized by Google

къ общему подлиннику Русск. Вр. и этой редакціи). Далѣе можно указать на извѣстіе 1176 года о томъ, что Всеволодъ Георгіевичъ «и на *Татарехъ* дань ималъ» (I, 81, ср. тоже въ ред. 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 29); на названіе Торковъ Турками подъ 1060 г. (I, 73, ср. тоже въ редакціи 1512 г., Изборникъ, стр. 12), города Юрьева—Сюргевымъ подъ 1030 г. (I, 70, ср. то же по Новоіерусал. сп. редакціи 1512 г.); въ особенности важно довольно постоянное названіе Святослава и Святополка—Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ (I, 70, 75, 74, 76 и т. д.), что, какъ извѣстно, характеристично для хронографа редакціи 1512 года; равнымъ образомъ въ Толстовскомъ спискѣ редакціи, не раздѣленной на главы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ сватославъ передѣлано на цвѣтославъ. За Калкской битвой находимъ опять таки не мало общихъ мѣстъ между Русскимъ Вр. и хронографомъ редакціи 1512 года: укажу между прочимъ на общее вступленіе къ разсказу о нашествіи татаръ (I, 108, ср. Изборникъ, стр. 39; нач. Хощу рещи, о друзи, повѣсть иже и самѣхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ). Повѣсть о Темирѣ, иже побѣди Баозита (Русск. Вр., I, 338—347) восходитъ цѣликомъ къ хронографу, равно какъ и слѣдующее за нею русское извѣстіе о поѣздкѣ Василія Дмитріевича въ орду, извѣстіе о крещеніи трехъ татаръ—постельниковъ царевыхъ, разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска и т. д.

Съ другой стороны, какъ замѣчено выше, между Русскимъ Временникомъ и хронографомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается такая связь, которая прямо указываетъ на общій для нихъ источникъ. Такъ напр. статьѣ редакціи 1512 года о переводѣ книгъ отъ греческаго языка на словѣнскый (глава 171) во 2-й редакціи (Толст. сп.) соотвѣтствуетъ сходная статья, по отличающаяся тѣмъ, что въ началѣ ея читаемъ: преложени быша святыя книги з греческаго языка на словенскый. святымъ константиномъ философомъ и братомъ его меѳодіемъ. «бяхоу же отъ града селоуня сынове лва сотъника, извѣстно вѣдоуще греческій языкъ и словенъскій. инь филосо-

Digitized by Google

фию изъоучиша четырми языкы. греческимъ, римскимъ, сирскимъ, жыдовскымъ». и преведше божественное писаніе отъ греческаго языка на словенскіи предаша болгаромъ и т. д. Отмѣченное ковычками взято изъ краткаго житія Кирилла, извѣстнаго изъ пролога. Въ Русскомъ Временникѣ (I, 10—13) передъ статьею, соотвѣтствующею статьѣ редакціи 1512 года, мы и находимъ проложное житіе Кирилла[1]). Отсюда ясно, что Русскій Временникъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ такой редакціи хронографа, гдѣ находилось это житіе. — Выше было указано, что 2-я редакція, не раздѣленная на главы, фразою, заимствованною изъ статьи О вѣнчаніи Мануила на царство, указываетъ на то, что въ основной для нея редакціи находилось Пименово хожденіе, составленное Игнатіемъ: въ Русскомъ Временникѣ согласно съ этимъ и читается Хоженіе Пимина митрополита втретіе во Царьградъ (I, 293—316).— Хотя мнѣ удалось отмѣтить не много данныхъ, указывающихъ на тѣсную связь Русскаго Вр. со 2-ю редакціею хронографа, не раздѣленною на главы, но большаго числа такихъ указаній нельзя и ждать въ виду особеннаго характера обоихъ памятниковъ: Русскій Временникъ, какъ мы видѣли, это сокращеніе хронографа въ интересахъ русской лѣтописи, русскихъ статей его, а 2-я редакція, не раздѣленная на главы, сокращаетъ хронографъ въ обратномъ направленіи, выпуская изъ него русскія статьи, русскія лѣтописныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ, въ виду всего выше изложеннаго, я считаю доказаннымъ, что Русскій Временникъ — это передѣлка хронографа той же редакціи, которая породила редакцію, сохранившуюся въ сокращенномъ видѣ въ спискахъ Толстовскомъ, Буслаевскомъ и др., т. е. хронографа 1-й редакціи, не раздѣленной на главы.

---

1) Ср. здѣсь: въ селунстѣмъ градѣ бѣ нѣкій мужъ праведенъ, именемъ Левъ, саномъ же сотникъ, отъ него же родишася два сына Меѳодіе и Константинъ; и въ три мѣсяцы научися всей хитрости, и мудрости философской, и научився глаголати четырми языки: еллински и римски, сирски и жидовски.

Digitized by Google

г) Въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранится подъ № 4 (1278) хронографъ, относящійся, на основаніи выкладки, помѣщенной въ статьѣ объ отложеніи мяса (глава 162-я редакціи 1512 года), къ 1599 году[1]). Онъ раздѣленъ на 208 главъ и основывается на одномъ изъ списковъ редакціи 1512 г. и при томъ изъ такихъ, въ которыхъ русскія статьи, а частью и сербскія, нѣсколько сокращены[2]). Въ этотъ, извѣстный намъ текстъ редакціи 1512 г. вставленъ рядъ добавленій; ближайшее разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что они восходятъ къ редакціи хронографа, однородной какъ съ Русскимъ Временникомъ, такъ и со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Слѣдовательно, составитель разсматриваемой редакціи 1599 года, кромѣ редакціи 1512 года, пользовался, очевидно, еще тою редакціею хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Отмѣчу мѣста, общія редакціи 1599 года и, съ одной стороны, Русскому Временнику, а съ другой стороны— 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

Во 1-хъ мы находимъ нѣкоторыя чтенія, общія редакціи 1599 года и Русскому Временнику: такъ здѣсь читается, какъ и въ Русскомъ Вр. (что отмѣчено выше), дажду вм. державу въ фразѣ: подъ дажду греческаго скипетродѣжания устрояѣ. — Во 2-хъ, отличаясь въ текстѣ нѣкоторыхъ статей отъ редакціи 1512 года, эта редакція сходится съ Русскимъ Временникомъ: такъ въ статьѣ «Начало княженья Святославова» мы читаемъ въ редакціи 1599 г. послѣ словъ: «и тако возгорѣся весь градъ» слѣдующее: «и елицы изъ града выбегоша и тѣхъ всѣхъ повелѣ

1) Мы читаемъ именно: Ѳеодоръ Студитъ былъ по седмомъ соборѣ за седмь сотъ лѣтъ безъ 20. до скончания седмыя тысящи а до сихъ временъ до 7107 го лѣта за (пропускъ) какъ былъ Ѳеодоръ Студитъ; далѣе: а какъ Никонъ былъ до скончания седмыя тысящи за 400 и за 200 лѣтъ и до сего времени 7107-го году за (пропускъ). Ср. соотвѣтственныя мѣста въ спискахъ редакціи 1512 г. — въ Обзорѣ Попова, вып. 1-й, стр. 162.

2) Таково большинство списковъ, разсмотрѣнныхъ Поповымъ, также Погод. № 1404 а, Акад. № 991 (3) и др. Къ полнымъ спискамъ относятся изъ указанныхъ Поповымъ Погод. № 1443 и нѣсколько распространенный вставками Щаповскій; сюда же относятся Чудовской и Новоіерусалимскій сп.

Digitized by Google

изсѣщи»; этой фразы нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 6), но она есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 18).— Въ 3-хъ, между редакціею 1599 г. и Русскимъ Временникомъ оказывается рядъ общихъ статей, не извѣстныхъ по спискамъ редакціи 1512 года. Такъ, согласно съ Русскимъ Временникомъ (ср. выше), передъ статьей о преложеніи книгъ, читаемъ Сказание вкратце ѿ жития святаго кирила ѳилософа (Нач. Въ селунѣстемъ градѣ бѣ некии мужъ праведенъ имянемъ левъ саномъ же сотникъ). За извѣствіемъ 6731 (1223) года о походѣ Ярослава Всеволодовича къ Колыванію и объ опустошеніи имъ всей Чудской земли (этого извѣстія нѣтъ въ редакціи 1512 г.), мы читаемъ какъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 92—99), такъ и въ редакціи 1599 г.: О пришествіи Николина образа на Резань изс Корсуня (Нач. В лѣто 6732 Явися святыи велик чюдотворець никола корсунскии; конецъ: и по малѣ времяни сна̀ роди имянемъ князя Ивана постника). Сказаніе о нашествіи татаръ, отличающееся въ Русскомъ Временникѣ отъ редакціи 1512 года, между прочимъ, вставкой о Евпатіи Коловратѣ (I, 120), читается съ той же вставкой въ редакціи 1599 года (Нач. В то же время нѣкто отъ велможъ русскихъ имянемъ еупатие коловратъ былъ в чернигове...)[1]). Разсказавъ о борьбѣ Владимира съ Ярополкомъ согласно съ редакціей 1512 г. (Изборникъ, стр. 8) и дойдя до фразы «и едва призва его (Варяжка) къ себѣ Владимиръ», выписавъ затѣмъ греческую статью «Царство Василіа и Константина пр̀я сыновъ Романа» (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 178), составитель редакціи 1599 года, подъ заглавіемъ «Начало княжения великаго князя владимера киевьскаго» списалъ статью буквально сходную съ тою, которую читаемъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 21): онъ не замѣтилъ при этомъ, что повторялъ уже разсказанныя выше событія борьбы Владимира

1) Замѣчательно, что вставки легенды о Меркуріи Смоленскомъ (Русск. Вр., I, 136—142) въ хронографѣ ред. 1599 года нѣтъ. Можетъ быть, это указываетъ на то, что въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, вставки этой еще не было.

Digitized by Google

съ Ярополкомъ. За этой статьей слѣдуетъ, какъ и въ Русск. Вр. (I, 28), разсказъ О христіанине варязе и сыне его иване и др. Вообще, вплоть до статьи О крещеніи Угровъ (Русск. Вр., I, 67), помѣщенной передъ русскимъ извѣстіемъ 6524 (1016) г., между редакціею 1599 г. и Русскимъ Вр. оказывается полное сходство въ противоположность редакціи 1512 года, передающей событія Владимирова княженія гораздо короче. Начиная съ этого мѣста, редакція 1599 г., какъ и Русскій Временникъ, сходствуютъ съ редакціей 1512 года до русскаго событія 6694 (1186) г. включительно. Событія 6712 г. изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, между тѣмъ какъ часть ихъ (южно-русскія событія) совершенно опущена въ редакціи 1512 года. Липецкая битва 6725 (1217) г., равно какъ и все послѣдующее, включая сюда и Сказаніе о нашествіи татаръ (разсмотрѣнное выше), изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, а не съ редакціей 1512 года. Послѣ статьи объ убіеніи Батыя, редакція 1599 года становится вполнѣ сходною съ редакціей 1512 года, повторяя, какъ указано, пропуски русскихъ событій, характеризующія извѣстный разрядъ списковъ этой редакціи. Взятіе Царяграда изложено по редакціи 1512 года. Этой статьей оканчивается собственно хронографъ по редакціи 1599 года. Но за ней слѣдуетъ рядъ статей историческаго содержанія; изъ нихъ первая содержитъ разсказъ о смерти Василія Ивановича и первыхъ годахъ (до 1551-го) царствованія Ивана Васильевича.— Въ 4-хъ связь редакціи 1599 года и Русскаго Временника доказывается нѣкоторыми изъ этихъ добавочныхъ статей: такъ мы находимъ здѣсь Повѣсть о печеръскомъ монастырѣ иже во псковскои землѣ и о марцѣ первомъ старце печерномъ, ср. ту же повѣсть, но въ значительно измѣненномъ видѣ въ Русскомъ Временникѣ II, 81—89; далѣе О явленіи чюдотворнаго образа пречистыя Богородицы и о началѣ монастыря ея Коловскаго, ср. ту же статью въ Русск. Вр. II, 285—291; наконецъ, Сказаніе отъ жития вкратцѣ преподобнаго отца нашего старца Данила иже в Переславлѣ

Digitized by Google

составльшаго пречестенъ монастырь живоначалныя Троица, ср. это сказаніе въ приложеніяхъ къ Русскому Временнику II, 364—381.

Ошибочно было бы думать на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, что составитель редакціи 1599 года пользовался Русскимъ Временникомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ теперь. Дѣйствительно, мало вѣроятной представлялась бы мысль, чтобы составитель хронографа сталъ дополнять его на основаніи лѣтописнаго сборника русскихъ статей и при томъ такого сборника, гдѣ умышленно исключены статьи хронографическаго характера, т. е. все то, что относится ко всемірной исторіи. Напротивъ, болѣе убѣдительно другое предположеніе, а именно, что въ хронографѣ 1599 года слиты двѣ редакціи хронографа — редакція 1512 года и редакція, предшествовавшая Русскому Временнику, т. е. тотъ видъ хронографа, изъ котораго извлеченъ этотъ лѣтописный сборникъ. Сдѣланное предположеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ редакціи 1599 г. сохранились ясные слѣды заимствованій изъ хронографа общаго происхожденія съ редакціею 1512 года, но относящагося къ самостоятельной, оригинальной редакціи его. Такъ, мы находимъ здѣсь мѣста, гдѣ, отступая отъ редакціи 1512 года, хронографъ 1599 года сближается со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Сюда относятся, во 1-хъ, нѣкоторыя чтенія: такъ здѣсь, въ концѣ статьи О разбіеніи зерцала, мы находимъ фразу «сия оубо доволно мною ѡплакаса *слово*», въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, какъ это было замѣчено и выше, въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, стоитъ также *слово*, между тѣмъ какъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 года: *словомъ*. Во 2-хъ, составъ многихъ статей въ редакціи 1599 г. иной, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и при томъ одинаковый со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы: такъ статья «Начало родомъ сербьскихъ деспотъ» начинается не такъ, какъ въ редакціи 1512 г., т. е. не фразою: «Достоитъ же рещи и сербьскыхъ деспотъ власть» (Изборникъ

Digitized by Google

Попова, стр. 29), а словами: «Великии царь констянтинъ вдаде сестру свою констянтию ликинию в женоу ликинии же роди отъ нея бѣлоꙋроша белоꙋрошъ роди тѣхомила, тѣхомилъ же роди» и т. д. Эти слова, до словъ «отъ нея бѣлоуроша» включительно, оказываются заимствованными изъ редакціи, тожественной въ этомъ случаѣ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы; ср. въ началѣ указанной статьи по Толстовскому и др. спискамъ: «сеи коста зеленїи роди три сн҃ы. великаго константина. і анавалиана, и далматина, и дщерь константію юже великїи константинъ вдаде ликинию женоу... и роди ѿ кстантіи сына. ѿ него же по колѣномъ ихъ мнози изыидоша даже и до белоуроша. иже роди тѣхомиля, тѣхомилъ же роди немана» и т. д.[1]). Далѣе, не мало общаго между редакціей 1599 г. и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, видимъ въ изложеніи царствованій римскихъ и византійскихъ императоровъ. Такъ нѣсколькимъ строкамъ, составляющимъ въ редакціи 1512 г. статью «Царство Нероново в Римѣ»[2]), соотвѣтствуетъ въ редакціи 1599 года обширная статья, гдѣ дается характеристика Нерона и разсказывается о его судѣ надъ Анной, Каіафой и Пилатомъ. Во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, эта статья значительно сокращена, но нѣкоторыя сохранившіяся въ ней фразы доказываютъ, что въ оригиналѣ этой редакціи, т. е. въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, находилась та самая статья, которую теперь видимъ въ редакціи 1599 года; ср. въ ред. 1599 г.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и густою брадою. и строенъ и сеи (вм. сый) зело блуденъ. яко же инъ никто и паки сеи начатъ гонити християны, а въ Толст. сп.: бѣ же высокъ тонокь сѣдъ и гоустою брадою нестроень зело и блѫдникъ. ꙗкоже инъ никтоже сеи паки начать гонити христїаны; далѣе

1) Ср. по ред. 1512 г. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святый Семіонъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошь роди Тѣхомила, Тѣхомилъ роди сего блаженнаго и великаго деспота Неманя..., а о Константинѣ Великомъ, его дочери и Ликиніи опущено.

2) В лѣто 6557 по клавдии же царствова неронъ сынъ его. 13 лѣтъ и 2 мѣсяца. сеи воздвиже гонение на християны.

Digitized by Google

въ ред. 1599 г. (черезъ нѣсколько строкъ): бѣ же сии неронъ вѣры нарицаемыхъ епикуръ. иже глаголютъ безъ промысла вся, а въ Толст. сп. (непосредственно за предш. отрывкомъ): баше бо вѣры нарицаемыхь епикоурь. иже глаголють безъ промысла вся. Точно также въ редакціи 1599 года и въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, оказывается довольно обширная статья о царствованіи Зинона, переданная въ ред. 1512 г. всего въ нѣсколькихъ строкахъ (Обзоръ Попова, вып. 1-й, стр. 148): въ обѣихъ выше названныхъ редакціяхъ она передается съ нѣкоторыми отличіями, но ясно, что она восходитъ въ нихъ къ одному общему оригиналу [1]). Вообще, можно относить насчетъ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. редакціи, основной для 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, всѣ тѣ мѣста редакціи 1599 года, гдѣ она отступаетъ отъ редакціи 1512 г. Кое-что при этомъ не совпадаетъ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ сокращеній, которымъ подверглась эта редакція; что касается добавленій въ первой половинѣ хронографа (до Александріи), то имъ не найдется соотвѣтствія во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, потому что редакція эта начинается, какъ извѣстно, съ Александріи. Въ особенности интересны добавленія редакціи 1599 года, сравнительно съ редакціей 1512 года, послѣ 82-й главы, гдѣ находимъ 1) Изъ книгъ мудреца маркуса о десяти сивиллахъ сиречь о пророчицахъ, 2) Избраніе отъ книги глаголемыя іюдиѳъ, 3) Инъ переводъ вкратцѣ первому несогласенъ занеже нѣ в то время сказуетъ.

Выше я говорилъ уже, что, послѣ повѣсти о нашествіи татаръ, вліяніе 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. той

---

1) Ср. ред. 1599 г. Зинонъ же пришедъ изверже петра антиохинскаго патриарха, Толст. сп.: Зинонъ же пришедъ въ антиохию изврьже петра патриарха; ред. 1599: и зинонъ умре лѣтъ сыи 65 и мѣсяцъ 9. Есть убо отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 6458 лѣтъ и мѣсяць 7, а въ Толст. сп: и оумре зинонъ... живъ лѣтъ 65 и мѣсяціи 9. есть же отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 5980 и мѣсяцъ 7 и др.

Digitized by Google

редакціи, къ которой восходитъ съ одной стороны Русскій Вр., а съ другой 2-я редакція, не раздѣленная на главы, прекращается, при чемъ текстъ хронографа 1599 г. слѣдуетъ редакціи 1512 года.

Послѣ этихъ замѣчаній ясно, почему редакціи 1599 года должно придавать важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ хронографа: 1) выдѣливъ изъ нея все то, что восходитъ къ редакціи 1512 года, мы получимъ представленіе о другой, не зависимой отъ этой редакціи, при чемъ возстановленіе ея возможно именно путемъ изученія редакціи 1599 г.; 2) этотъ второй источникъ редакціи 1599 года оказывается связующимъ звеномъ между Русскимъ Временникомъ и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, такъ какъ все то, что въ редакціи 1599 г. не принадлежитъ основному ея источнику — редакціи 1512 года, восходитъ или къ Русскому Вр. или ко 2-й редакціи, а слѣдовательно предполагаетъ существованіе такой редакціи хронографа, которая породила съ одной стороны Русскій Временникъ, а съ другой 2-ю редакцію, не раздѣленную на главы.

Подведу итоги предыдущему изслѣдованію о той редакціи Хронографа, которая существовала независимо отъ редакціи 1512 года и въ своей литературной исторіи стояла въ связи съ памятниками, каковы Никоновская лѣтопись, Русскій Временникъ, редакція Хронографа 1599 г., редакція Хронографа по Толстовскому и сходнымъ спискамъ и т. д.

1. Никоновская лѣтопись пользовалась при своихъ заимствованіяхъ изъ хронографа, кромѣ двухъ списковъ редакціи 1512 года, такою редакціею хронографа, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

2. Русскій Временникъ — это лѣтописный сборникъ русскихъ статей, извлеченныхъ изъ хронографа такой редакціи, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

Digitized by Google

3. Редакція 1599 года, кромѣ списка редакціи 1512 г., пользовалась такою редакціей хронографа, которая тожественна съ тою, изъ которой извлеченъ лѣтописный сборникъ — Русскій Временникъ.

4. Дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы, представляется извлеченіемъ изъ другой болѣе древней редакціи, при чемъ русскія лѣтописныя статьи были, по возможности систематически, опущены.

5. Изъ сопоставленія 2, 3 и 4-го выводовъ слѣдуетъ, что въ основаніи Русскаго Временника, редакціи 1599 года и редакціи, не раздѣленной на главы, лежитъ одна общая, основная для нихъ редакція хронографа, которую можно, въ противоположность дошедшей до насъ, назвать 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы, оставивъ за послѣднею названіе 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

6. Мы имѣемъ основаніе думать, что Никоновская лѣтопись пользовалась этою самою 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы: выше было указано, что многія подробности и чтенія въ хронографическихъ статьяхъ Никоновской лѣтописи могутъ быть объяснены только изъ редакціи, близкой по своему составу ко 2-й редакціи, не раздѣленной на главы. Но, кромѣ византійскихъ и южно-славянскихъ статей, Никоновская лѣтопись заимствовала изъ хронографа и русскія статьи и даже отдѣльныя лѣтописныя извѣстія[1]). Вотъ почему все общее между Никоновскою лѣтописью и Русскимъ Временникомъ, напр. въ изложеніи событій XIV и слѣд. вѣковъ, можно объяснять тѣмъ, что составитель Никонов-

1) Такъ хронографъ оказалъ вліяніе на нѣкоторыя статьи о началѣ Руси: ср. въ легендѣ объ Андреѣ первозванномъ: пережегше каменіе то *румяно* (IX, 4), названіе Варяговъ—Варегами (IX, 4, 9), измѣненіе Боричева взоза въ взозъ Барнуевъ—ср. Новоіерусал. возво бориоуевъ; начало разсказа о призваніи Варяговъ (IX, 9: При Михаилѣ и Василіи царема...); разсказъ о началѣ княженія Ольги, гдѣ Святославъ названъ, согласно хронографу, Цвѣтославомъ (IX, 28); первыя строки въ извѣстіи о кончинѣ преп. Ѳеодосія (IX, 101); конецъ статьи объ убіеніи Изяслава Ярославича (IX, 109); начало княженія Мстислава Владимировича въ Кіевѣ (IX, 153, нач.: еще юнъ сый — оттоле въ Резань) и мн. др.

Digitized by Google

ской лѣтописи пользовался не Русскимъ Временникомъ, а тѣмъ, что однимъ изъ источниковъ этой лѣтописи былъ тотъ самый хронографъ, изъ котораго впослѣдствіи извлеченъ Русскій Временникъ. При этомъ оказывается, что Никоновская лѣтопись пользовалась разнообразными источниками только до 1520 года включительно: начиная съ 1521 г., находимъ въ ней сплошное заимствованіе изъ Воскресенской лѣтописи (вплоть до 1541-го года, гдѣ эта лѣтопись прекращается). Почти все то, что подъ 1520-мъ г. не восходитъ къ Воскресенской лѣтописи, можетъ быть признано заимствованіемъ именно изъ этого Хронографа — оригинала Русскаго Временника: такова напр. статья О иконахъ Владимерскихъ, которой нѣтъ ни въ Воскресенской, ни во Львовской (бывшей также въ одной изъ первоначальныхъ своихъ редакцій источникомъ Никоновской лѣтописи) лѣтописи, но которая читается въ Русскомъ Временникѣ. Въ виду этого я думаю, что изслѣдуемый хронографъ былъ извѣстенъ составителю Никоновской лѣтописи въ редакціи 1520-го года. А отсюда легко вывести, что въ основаніи какъ той редакціи хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы (— источника Русскаго Временника и 2-й редакціи), такъ и многихъ статей Никоновской лѣтописи лежитъ Хронографъ редакціи 1520 года.

7. И такъ, рядомъ съ хронографомъ редакціи 1512 года была извѣстна другая независимая отъ нея редакція; древнѣйшій видъ ея сохранился въ не дошедшей до насъ редакціи 1520 года; въ серединѣ XVI вѣка явился другой ея видъ и, наконецъ, къ концу XVI или началу XVII в. относятся два позднѣйшіе ея вида — редакція, отразившаяся въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ, и редакція, отразившаяся въ Русскомъ Временникѣ.

III.

Изъ предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ слѣдующее положеніе: для возстановленія первоначальнаго состава русскаго хронографа необходимо сравнительное изученіе редакціи 1512 года

Digitized by Google

и той редакціи, древнѣйшимъ представителемъ которой является редакція 1520 года (возстановляемая при помощи Никоновской лѣтописи, Хронографа редакціи 1599 года, Русскаго Временника и Хронографа списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ).

Подобная работа, т. е. возстановленіе первоначальнаго состава русскаго хронографа, не можетъ входить въ задачу настоящаго изслѣдованія, которое стремится отвѣтить на болѣе элементарные вопросы, связанные съ судьбой хронографа—гдѣ, когда и кѣмъ онъ составленъ. Но отвѣтъ на эти вопросы должно искать хотя бы въ поверхностномъ очеркѣ того общаго характера, который можно, на основаніи указанныхъ путей, приписать хронографу въ его первоначальномъ видѣ.

Во-первыхъ, является вопросъ, какія событія новѣйшаго времени обнималъ хронографъ, основной для редакцій 1512 и 1520 г. Оканчивался ли онъ такъ, какъ редакція 1512 года, т. е. сказаніемъ о взятіи Царяграда турками, или лѣтописный разсказъ переходилъ и за это событіе 1453 года, какъ въ редакціи 1520 г.? Рѣшеніе этого вопроса возможно двоякимъ путемъ: 1) путемъ сравнительнаго изученія обѣихъ редакцій, извлеченія изъ нихъ всего того, что оказывается въ нихъ общимъ, 2) путемъ изученія внутренняго состава дошедшихъ до насъ статей хронографа, извлеченія изъ нихъ указанія на время составленія или включенія ихъ въ хронографъ. Первый путь я долженъ пока оставить въ сторонѣ потому, что опасаюсь наткнуться, идя по нему, на редакцію промежуточную между основною, первоначальною редакціей русскаго хронографа и обѣими сопоставляемыми нами редакціями (редакціей 1512 и 1520 г.). Обращаюсь ко второму пути, тѣмъ болѣе надежному, что онъ уже привелъ предшествующихъ изслѣдователей къ выводу о томъ, что хронографъ составленъ въ XV-мъ вѣкѣ. Дѣйствительно, Поповъ въ своемъ Обзорѣ собралъ вѣскія доказательства въ пользу того, что ни одна изъ статей хронографа редакція 1512 года по своему происхожденію, по времени возникновенія не можетъ быть признана старшею первой половины XV вѣка; исключеніе состав-

Digitized by Google

ляетъ только послѣдняя статья «Плачъ о паденіи Царяграда» принадлежащая перу самого составителя редакціи 1512 г. (Обзоръ, II, 63). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что въ другихъ редакціяхъ хронографа читаются особыя повѣсти о взятіи Царяграда [1]), — повѣсти, бывшія очевидно неизвѣстными редактору 1512 года, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что ни въ первоначальной редакціи хронографа, ни въ предположительно возможной — промежуточной редакціи между нею и позднѣйшими — не было повѣсти о взятіи Царяграда. Въ виду этого, а также того, что русскія лѣтописныя извѣстія могли быть вставлены впослѣдствіи и потому рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, важнымъ оказывается опредѣлить, какое же изъ византійскихъ или южнославянскихъ событій было послѣднимъ, заключительнымъ въ первоначальной редакціи хронографа. Такимъ событіемъ, читаемымъ какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи 1520 года, является какъ будто вступленіе на престолъ императора Константина Палеолога. Привожу текстъ этой статьи по редакціи 1512 г. и по 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовавшей ее, согласно предыдущему, изъ редакціи 1520 г.:

Ред. 1512 г.

По Калуянѣ пріятъ скипетра Греческая братъ его Константинъ. Бѣда же тогда много належаще царствующему граду отъ безбожныхъ Турокъ, и многи грады пріяша и поплѣниша, и власть ихъ зѣло простирашеся Божіимъ попуще-

Толст. сп., I, № 172.

По калоуанѣ сынѣ маноуиловѣ царствова въ Цариградѣ братъ его Константинъ драгошь палеологъ. лѣтъ 11. бѣда же многа тогда належаще царьствоующему граду отъ безбожныхъ тоурокь. и многи грады прияша и попленіша. и власть

1) Въ редакціи 1520 г., судя по Никон. лѣтописи, находилась извѣстная повѣсть, написанная Искендеромъ; во 2-ю ред., не разд. на главы, попала также, повидимому, изъ предшествующихъ редакцій особая повѣсть, извѣстная изъ нѣсколькихъ списковъ въ видѣ дополнительной статьи къ ред. 1512 г. (ср. Акад. 991 (3), Погод. 1404 а) и др.

Digitized by Google

ніемъ, Греческая же оскудеваше.

ихъ зело простирашеся Божіимъ попоущеніемъ греческая же ѡскоудѣваше.

Очевидно, въ редакціи, основной для редакцій 1512 г. и 1520 г., статья эта находилась. Но слѣдуетъ ли отсюда, что она восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа? Конечно, нѣтъ, такъ какъ вполнѣ возможно допустить, что основною для обѣихъ названныхъ редакцій была не первоначальная редакція хронографа, а уже позднѣйшая ея переработка. И дѣйствительно, мы имѣемъ ясное доказательство того, что приведенная статья не могла находиться въ первоначальной редакціи хронографа. Во-первыхъ, отмѣчу, что статья эта въ основной для редакцій 1512 и 1520 г. редакціи должна была читаться именно такъ, какъ она читается теперь въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, а не такъ какъ въ редакціи 1512 года: указаніе на число лѣтъ царствованія Константина (11) находилось въ основной редакціи и опущено въ редакціи 1512 года. Это видно изъ слѣдующихъ соображеній: редакторъ 1512 года ставитъ извѣстіе о вступленіи на столъ греческихъ императоровъ и указаніе на число лѣтъ ихъ царствованія въ начало главы, при чемъ эта глава (а иногда вмѣстѣ съ слѣдующею, до новаго заглавія: «Царство греческое») обнимаетъ событія столькихъ лѣтъ, сколько царствовалъ тотъ или другой императоръ. Такъ, по расчету хронографа, Михаилъ Палеологъ, вступившій на столъ въ 6765 году[1]), царствова надъ Греки лѣтъ 24: вотъ почему послѣднимъ событіемъ 196-й главы — это кончина митрополита Кирилла въ 6789 году. Андроникъ Палеологъ по его расчету вступилъ на столъ въ 6789 или 6790 г. и царствова 44 года: вотъ почему русскія событія 197-й главы доходятъ лишь до 6833 года. Внукъ Андроника — Андроникъ же Палеологъ, всту-

1) Ср. При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780... (Изборникъ, стр. 45).

Digitized by Google

пилъ на столъ въ 6834 году и царствовалъ 13 лѣтъ: вотъ почему русскія событія главы 199-й доходятъ только до 6848 года. Иванъ Палеологъ съ 6848 царствовалъ 7 лѣтъ и за нимъ Иванъ Кантакузинъ также 7 лѣтъ: вотъ почему русскія событія 200-й главы тянутся отъ 6848 до 6861 года. Послѣ Ивана Кантакузина царствовалъ Иванъ Палеологъ съ 6862 года въ общей сложности 46 лѣтъ (по Толст. списку онъ царствовалъ 32 г. и и потомъ 14 лѣтъ, а всего тоже 46)[1]), но въ 201-й главѣ содержатся русскія событія отъ 6862 по 6898 годъ, такъ какъ въ 6899 году на столъ вступилъ Мануилъ Палеологъ и царствовалъ 33 года (Новоіерусал., а въ нѣкоторыхъ 32): вотъ почему въ главѣ 204-й помѣщены русскія событія 6901—6933 гг. Въ виду этого редакціоннаго пріема хронографа, восходящаго, какъ видно изъ Русскаго Временника[2]), къ редакціи, основной для редакцій 1512 и 1520 гг., я — изъ того обстоятельства, что въ главѣ 207-й, начинающейся съ царствованія Константина Палеолога, содержатся событія 11 лѣтъ (съ 6950 по 6561, т. е. по годъ взятія Царяграда), заключаю, что въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Константина — 11. Во вторыхъ, указанное обстоятельство, т. е. это явно ошибочное опредѣленіе числа лѣтъ Константинова царствованія (онъ царствовалъ всего 4 года 8 мѣсяцевъ)[3]) стоитъ въ самой тѣсной связи съ опредѣленіемъ лѣтъ предшествующаго царствованія. Въ разсматриваемыхъ редакціяхъ хронографа находимъ:

---

1) Ошибочная хронологія восходитъ къ извѣстной редакціи каталога царей, который читается въ спискахъ Новгородской 4-й и Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXII).

2) Ср. выше приведенныя въ немъ фразы, какъ: при сего царствіа, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе ... Василій Александровичь.

3) Ср. напр. въ каталогѣ царей, помѣщенномъ въ Воскресенскомъ сборникѣ: Константинъ Драгосъ Палеологъ, православенъ, 4 годы и 8 мѣсяць (VII, 251).

Digitized by Google

Ред. 1512 г.	Толст. сп., I, № 172.
Въ лѣто 6933 по Мануилѣ цари нача царствовати въ Цареградѣ сынъ его киръ Калуянъ. Православенъ.	По мануилѣ цари црствова въ градѣ сынъ его киръ калуянъ лѣтъ 17 православенъ.

Текстъ Толстовскаго списка и въ данномъ случаѣ оказывается болѣе первоначальнымъ, такъ какъ въ общемъ для редакцій 1512 и 1520 гг. (къ которой восходитъ редакція Толстовскаго исходныхъ списковъ) подлинникѣ также должно было стоять: лѣтъ 17. Это видно изъ того, что въ главѣ 205-й, которою начинается Іоанново царствованіе по редакціи 1512 года, разсказывается о русскихъ событіяхъ, относящихся къ семнадцати годамъ (6933—6949). Отсюда, согласно предыдущему, слѣдуетъ, что уже въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Іоанна — 17. Между тѣмъ, и это число оказывается ошибочнымъ, такъ какъ Іоаннъ царствовалъ 23 года и 3 мѣсяца[1]). Чѣмъ же вызваны ошибочныя указанія — 11 вм. 4 л. и 8 м., 17 вм. 23 л. и 3 мѣсяцевъ? Оказывается, что между обѣими ошибками содержится тѣсная внутренняя связь: сумма 11 и 17 — 28 равна суммѣ истинныхъ количествъ лѣтъ царствованій обоихъ императоровъ: 4 г. и 8 м. + 23 г. и 3 м. равняется 28 г. Это — число лѣтъ, истекшихъ между двумя извѣстными изъ хронографа годами: 6933-мъ — годомъ вступленія Іоанна на престолъ (ср. вышеприведенный отрывокъ редакціи 1512 г.) и 6961-мъ — годомъ паденія Царяграда. Въ промежутокъ этого времени надо было уложить два царствованія — Іоанново и Константиново: но какъ же явились ошибочныя слагаемыя 17 и 11? Кѣмъ они сочинены, составителемъ ли первоначальной редакціи хронографа или одной изъ послѣдующихъ — основной для дошедшихъ до насъ редак-

1) Ср. каталогъ царей Воскр. лѣтописи: По Мануилѣ царьствовалъ Иванъ Палеологъ... царствовалъ 23 года и три мѣсяци.

Digitized by Google

ціи? Если мы допустимъ, что слагаемыя эти сочинены составителемъ первоначальной редакціи хронографа, то придемъ къ выводу, что редакція эта составлена послѣ 1453 года, т. е. послѣ взятія Царяграда. Но такое предположеніе въ значительной степени затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что объ этомъ событіи въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ не сохранилось ни одной статьи, ни одного извѣстія, которое можно было бы возвести къ первоначальной редакціи; кромѣ того оно нисколько не выясняетъ происхожденія обоихъ ошибочныхъ слагаемыхъ 17 и 11, вызывая сомнѣніе еще и по тому, что современнику описываемыхъ событій (исхожу изъ того положенія, что хронографъ составился въ XV в.) не могло не быть извѣстно приблизительно точное число лѣтъ царствованія Ивана и Константина Палеологовъ. Въ виду этого я заключаю, что опредѣленіе лѣтъ царствованія этихъ императоровъ принадлежитъ послѣдующему редактору, для котораго уже стерлась память о великихъ событіяхъ середины XV вѣка. Мы знаемъ, какъ онъ дошелъ до суммы 28: 6933-й годъ былъ данъ въ первоначальной редакціи хронографа, а 6961 годъ былъ извѣстенъ хотя бы изъ русскихъ лѣтописей. Но откуда же онъ взялъ оба слагаемыя? Почему Калуяну назначено 17, а Константину 11 лѣтъ царствованія? Единственно возможнымъ мнѣ кажется предположеніе, что одна изъ этихъ цифръ, а именно 17, была дана первоначальною редакціей хронографа, а другая цифра появилась вслѣдствіе вычета 17 изъ 28 [1]): въ первоначальной редакціи хронографа былъ не только указанъ годъ вступленія Калуяна на престолъ, но и указано, что онъ

1) Сходный пріемъ находимъ въ одной особенной редакціи хронографа, заимствовавшей кое что изъ той же древней редакціи, которая лежитъ въ основаніи редакціи 1512 г. и редакцій, не раздѣленныхъ на главы — а именно въ редакціи, описанной Поповымъ вып. 1-мъ Обзора, стр. 217 и сл. Въ находящемся здѣсь лѣтописчикѣ находимъ годъ вступленія на столъ Калуяна— 6930-й, лѣта его царствованія — 20, лѣта царствованія Константина — 11. Очевидно, цифра 11 была извлечена изъ Хронографа, и сообразно съ ней, а также ошибочнаго расчета, что отъ начала царствованія Калуяна (6930) до паденія Царяграда прошелъ 31 годъ, сочинена цифра 20.

Digitized by Google

царствуетъ 17 лѣтъ, и это потому, что первоначальная редакція хронографа (какъ это слѣдуетъ изъ этого самаго обстоятельства) составлена въ 1442 году т. е. въ 17-е лѣто Калуянова царства. Противъ этого вывода, т. е. того, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году, не могу найти возраженій ни во внутреннемъ содержаніи, ни въ литературной исторіи послѣдующихъ редакцій. Напротивъ, за такое предположеніе говоритъ какъ то обстоятельство, что эта редакція была составлена въ первой половинѣ XV столѣтія, т. е. до 1453 года, такъ и то, что позднѣйшій изъ юго-славянскихъ источниковъ, которымъ пользовался составитель хронографа—Житіе деспота Стефана — составленъ въ 1431 году. Но я надѣюсь найти подтвержденіе этому выводу еще съ другой стороны, а именно опредѣливъ мѣсто, гдѣ составленъ хронографъ, и личность составителя.

IV.

Существенно важнымъ, при разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ, о странѣ, гдѣ составленъ хронографъ, является опредѣленіе источниковъ, матеріаловъ, которыми онъ воспользовался. И Поповъ, и Ягичъ, и всѣ послѣдующіе изслѣдователи признавали характеръ источниковъ хронографа рѣшающимъ не только при опредѣленіи времени, но и мѣста его составленія. Такъ Поповъ, предположивъ на основаніи той позднѣйшей редакціи, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ статей, сдѣлалъ дальнѣйшій отсюда выводъ о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа. Напротивъ, Ягичъ указавъ на то, что хронографъ не пользовался сербскими лѣтописями и ограничивался при изложеніи юго-славянскихъ событій лишь тѣмъ, что могло быть извлечено изъ опредѣленнаго круга житій, заключилъ, между прочимъ и изъ этого обстоятельства, что хронографъ составленъ въ Россіи.

Дѣйствительно, присутствіе или отсутствіе русскихъ статей и лѣтописныхъ извѣстій въ первоначальной редакціи хронографа

Digitized by Google

должно служить надежнымъ основаніемъ при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи хронографа. Но предыдущее изслѣдованіе затруднило опредѣленіе состава первоначальной редакціи хронографа, указавъ на то, что основною для дошедшихъ до насъ редакцій была не эта первоначальная редакція, а другая позднѣйшая: такъ, между прочимъ, первоначальная редакція хронографа называла послѣднимъ византійскимъ императоромъ Калуяна, а редакція, основная для редакціи 1512 г. и для другой редакціи, не раздѣленной на главы, упоминала и о Константинѣ Палеологѣ. Въ виду этого согласное показаніе обѣихъ редакцій о существованіи въ ихъ подлинникѣ, въ ихъ общемъ, основномъ источникѣ, русскихъ статей нисколько не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что эти самыя статьи находились уже и въ первоначальной редакціи хронографа; напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что часть русскихъ событій попала, напр. въ редакцію 1512 г., во всякомъ случаѣ не изъ первоначальной редакціи, а именно изъ предположенной выше промежуточной редакціи. Такъ отнесеніе къ царствованію Константина русскихъ событій одиннадцатилѣтняго періода (6950—6961) можетъ восходить только къ той позднѣйшей, промежуточной редакціи, которая опредѣлила 11-ю число лѣтъ Константинова царствованія. Но если второй редакторъ хронографа рѣшился вставить въ свой трудъ эти русскія событія, то естественно допустить, что ему же могли принадлежать и другія, если и не бо́льшая часть русскихъ событій, вставленныхъ въ хронографъ. Въ виду этого считаю пока необходимымъ оставить въ сторонѣ русскія лѣтописныя статьи хронографа и перейти къ вопросу о характерѣ другихъ его источниковъ. Какъ уже замѣчено выше, Поповъ не опредѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи главнаго, основного источника хронографа, не связалъ такимъ образомъ хронографъ, отразившійся въ редакціи 1512 года, съ тѣми древними видами хронографа, описаніе которыхъ мы находимъ въ его же Обзорѣ, т. е. съ Еллинскимъ лѣтописцемъ. Если бы Поповъ не поспѣшилъ, на основаніи свидѣтельства списковъ 2-й редакціи этого памятника, вывести

Digitized by Google

заключенія о его позднемъ происхожденіи,—заключенія, впослѣдствіи имъ самимъ отвергнутаго [1]), онъ дольше бы остановился на вопросѣ объ отношеніи его къ хронографу и разрѣшилъ бы свои сомнѣнія [2]), очевидно, въ томъ смыслѣ, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца была источникомъ изслѣдованнаго имъ хронографа. Не могу посвятить доказательству этого положенія всего того вниманія, котораго оно заслуживаетъ, и ограничусь нѣсколькими ссылками. Во-первыхъ, какъ это отчасти видно изъ подстрочнаго примѣчанія, самъ Поповъ признавалъ, что нѣкоторыя статьи хронографа могли быть внесены въ него изъ Еллинскаго лѣтописца; во всякомъ случаѣ онъ ясно указалъ на связь между обоими памятниками и на общія между ними статьи [3]). Во-вторыхъ, Истринъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что первоначальная редакція хронографа заимствовала Александрію изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца (Александрія русск. хроногр., стр. 288). Въ-третьихъ, самъ хронографъ называетъ Еллинскій лѣтописецъ своимъ источникомъ: разсказавъ о походѣ Олега на грековъ, о возвращеніи его въ Кіевъ и о смерти отъ любимаго коня, хронографъ (ср. ред. 1512 г. въ Изборникѣ Попова, стр. 6, а другую редакцію въ Русскомъ Вр., I, 16) прибавляетъ: «сіе пи-

1) «Судя по времени Чудовского списка (Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи), происхожденіе ея (2-й редакціи Елл. лѣт.) должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». А. Поповъ, Хронографы Чуд. мон., въ Библ. матер. М. 1889.

2) Ср. въ Обзорѣ, вып. 1-й, стр. 76: «Источникомъ ея (статьи о смерти пророка Даніила) могъ служить (для 2-й ред. Елл. лѣт.) хронографъ редакціи 1512 г. . .»; напротивъ, въ Обзорѣ, вып. 2-й, стр. 19: «Немногія выписки (находящіяся въ Хронографѣ ред. 1512 г.) изъ Хроники Іоанна Антіохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы».

3) Ср. I, 86 и 140: указаніе на то, что статья Елл. лѣтописца 2-й ред. О взятіи Іерусалима читается съ немногими лишь сокращеніями въ Хронографѣ редакціи 1512 г.; I, 113 и др.: указаніе общихъ статей, восходящихъ къ Хроникѣ Малалы, между Елл. лѣт. и хронографомъ; I, 150: общій разсказъ о паденіи верха святой Софіи; I, 163: указаніе на пользованіе обоими памятниками—сказаніемъ о загробномъ прощеніи отъ мукъ царя Ѳеофила; I, 167: указаніе на слова «и нарекоша имя ему Сімеонъ», отличающія 2-ю ред. Елл. лѣт. и хронографъ, отъ 1-й ред. Елл. лѣт. и Амартола и др.

Digitized by Google

шетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцѣ». Эта ссылка приводитъ насъ ко 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, гдѣ подъ 46-мъ царствомъ — царствомъ Леона приводится выписка изъ русской лѣтописи объ Олегѣ (нач.: «в лѣто 6414 иде олегъ на грекы. а игоря остави в кіевѣ», конецъ: «есть же могыла олгова и до сего дни. и бысть княженья его 33 лѣта» [1]). Въ-четвертыхъ, изъ Еллинскаго лѣтописца заимствованы въ хронографъ между прочимъ такія характерныя статьи, какъ Повѣсть о томъ, какъ латыняне отлучились отъ грековъ (въ спискахъ второй редакціи Елл. лѣт. находится подробная редакція этой повѣсти, ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 90), при чемъ разсказъ о крещеніи Угровъ (Изборникъ, стр. 10; Русск. Вр., I, 67) оказывается составною частью этой повѣсти; далѣе оттуда же внесена въ первоначальную редакцію хронографа повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами. Повѣсть эта исключена изъ редакціи 1512 года, ограничившейся другою замѣткой о взятіи Царяграда въ царствованіи Ѳеодора Ласкаря (глава 193-я; Поповъ, Изборникъ, стр. 33); но 2-я редакція, не раздѣленная на главы (Толстовскій и сходные съ нимъ списки) сохранила какъ эту вторую замѣтку [2]), такъ и обширную повѣсть, тожественную (хотя и нѣсколько сокращенно переданную) съ повѣстью 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Пользуюсь случаемъ указать на особенную близость текста этой повѣсти между списками 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, и Никоновскою лѣтописью. Ср. начало по Толст. сп. и по Никоновской лѣтописи (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привожу чтеніе Тверского сборника, съ которымъ въ общемъ

1) Отмѣчу здѣсь же, что въ другомъ мѣстѣ хронографъ греческимъ лѣтописцемъ называетъ лѣтопись Манассіи, ср. въ разсказѣ о Святославѣ по редакціи 1512 г. (Поповъ, Изборникъ, стр. 8), и по другой редакціи (Русск. Вр., I, 20).

2) Замѣтка эта начинается словами: «Сіе пишетъ въ иномъ лѣтописцѣ (подъ первымъ лѣтописцемъ, очевидно, разумѣется Еллинскій), еже при семъ Феодорѣ цари въ лѣто 6712 взятъ бысть царъградъ отъ латинъ ѳеодорю царю или не бывшу ту или не възмогшоу стати противоу имъ.» . .

Digitized by Google

сходятся какъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи, такъ и списки Новгородской лѣтописи).

Толст. сп. хронографа.

По андронице царствова ісакіе нареченныи аггелъ. лѣтъ 8 и мѣсяцъ 6 православенъ и ослепі и братъ его алеѯеи. и сяде самъ на царствѣ и сына исакіева алеѯея въ стѣнахъ затвори. и оумоли его ісакіи царъ да выпоуститъ сына его алеѯея. онже выпоусти его [1]).

Никон. лѣтопись (X, 38).

... при царствѣ царя Алексѣя, иже ослѣпи брата своего Исака, и на царство сяде, а сына его Алексѣя въ стѣнахъ затвори. И умоли его Исакъ царь да выпуститъ сына его Алексѣа; онъ же выпусти его.

Очевидно, оба памятника представляютъ такія общія сокращенія, которыя прямо указываютъ на общій для нихъ источникъ: ср. пропускъ слова «высокыхъ» послѣ «стѣнахъ», пропускъ словъ «изъ таковыя твръдины», словъ «и времени минувшу и дръзну» и т. д. Еще яснѣе близость обоихъ текстовъ въ концѣ повѣсти.

Толст. сп.

стояша предъ градомъ до мѣсяца мая. и многихъ избиша грекъ и градъ взяша мѣсяца мая. въ 9 денъ и царя своего поставиша римскаго воеводу конда Фларенда. Фряжеского же

Никон. лѣтопись (X, 40).

сіи же вся брани замышляху на Царьградъ: бѣ же зѣло премудри и воиньствени. Кондо Ѳларендъ же царство пріатъ, Марко же градоблюденіе, Андрѣи же Бернаидъ земли сохраненіе;

---

1) Тверск. сб.: Того же лѣта царствующу въ Цариградѣ царю Алексею Комнину, въ царствѣ Исааковѣ Аггела, брата своего, его же поимавъ ослѣпи, царствовавшему ему 8 лѣть и мѣсяць 6; а сына его Алексеа Исааковича затвори въ стѣнахъ высокыхъ и стража его ту, да не выидеть; а самъ Алексіе царемъ ста. И времени минувшу, и дрызну Исакіе молитися о сыну своемъ дабы его испустилъ изъ таковыя твръдины и былъ бы предъ нимъ; и умоли брата Исаакь, и выпусти Исаковича.

Digitized by Google

воеводу марка градоблюстителя оучиниша, венецѣискаго же воеводу андрея бернаида. землехранителя положиша. вси же сіи трие быша зело премудри и воинственни, і единомыслены. и любезни ко всѣмъ. и того ради мнози греци во ихъ обычаи и законъ вніидоша. ... папа же присла из рима въ царъградъ своя бискоупы и попы. а греческія епископы и презвитери изъ царяграда веде в римъ, и быша вся въ цариградѣ по римъскому обычаю [1]).

сіи же вси единомыслені и къ людемъ любезни быша, и тако мнози Греци въ ихъ обычай и законъ внидоша. Бѣаше же стоанія ихъ подъ Царемъ городомъ отъ мѣсяца Декабря до мѣсяца Мая, со многою силою и мудростію, и взяша его мѣсяца Мая въ 9 день. Того же лѣта посла папа изъ Рима презвитеровъ своихъ въ Царьградъ, и Греческихъ презвитеровъ изъ Царяграда веде въ Римъ.

Здѣсь видимъ уже не сокращеніе, а распространеніе Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, гдѣ не говорится напр. о присылкѣ папою латинскихъ епископовъ и презвитеровъ, гдѣ нѣтъ характеристики фряжскихъ воеводъ, гдѣ сказано, что осада продолжалась до апрѣля, а не до мая, гдѣ византійскій воевода названъ Дужемъ, а не Андреемъ Бернаидомъ, какъ здѣсь и т. д. Отсюда убѣждаемся вполнѣ въ общемъ для Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка источникѣ, каковымъ, согласно предыдущему изслѣдованію была редакція хронографа, не раздѣленная на главы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ основаніе утверждать, что присутствіе этой повѣсти въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ не должно объяснять позднѣйшею вставкой ея въ хронографъ:

---

1) Тверск. сб.: Стояніа же фрязскаго у Царяграда отъ декабря до априля, доколѣ городъ взяша. Въ лѣто 6712, мѣсяца маіа въ 9 день, на память святаго пророка Исаіа, поставиша царя своего Латынина, кондо Фларенда, своимы епископы; и власть себѣ раздѣлиша: цареви конда Фларенду градъ, а Маркосу судь, а Дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Констянтина града и земля Греческая въ свадѣ царевѣ, ею же обладаютъ Фрязове.

Digitized by Google

очевидно, она находилась и въ древнѣйшихъ его редакціяхъ (ср. Никон. лѣтопись) и, конечно, также въ первоначальной, куда она съ прочими статьями попала изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи. Въ-пятыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи должно возводить данныя хронографа о числѣ лѣтъ царствованія византійскихъ императоровъ, хотя отчасти данныя эти могли быть провѣрены на основаніи другихъ источниковъ (ср. ниже). Наконецъ, въ-шестыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи можно возвести нѣсколько русскихъ статей хронографа, а именно, сюда относятся указанныя выше статьи объ Олегѣ. И такъ, можно съ полною увѣренностью заключить, что однимъ изъ основныхъ источниковъ хронографа былъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи. Это обстоятельство, думаю, весьма важно для опредѣленія страны, гдѣ составленъ хронографъ: изслѣдованія Попова и Истрина не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца составлена въ Россіи: дѣйствительно, сравненіе ея съ 1-ю редакціей, показываетъ, что она является переработкою этой послѣдней редакціи на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ на Руси памятниковъ, причемъ виднымъ отличіемъ ея можно признать прибавленіе нѣсколькихъ русскихъ статей (ср. Истринъ, Александрія, 241—242). Русское происхожденіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца доказывается и тѣмъ, что до сихъ поръ неизвѣстно юго-славянскихъ ея списковъ. Но могъ ли составитель хронографа, работавшій, какъ мы видѣли въ 1442 году, пользоваться 2-й редакціей Еллинскаго лѣтописца, до сихъ поръ признававшагося памятникомъ XV в.? Истринъ, имѣя въ виду Чудовской списокъ половины XV в. и Пискаревскій списокъ 1485 года, а также и то, что Александрія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца не подверглась вліянію сербской Александріи, появившейся на Руси въ XV вѣкѣ, заключилъ отсюда, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца составлена не позднѣе начала XV вѣка. Мнѣ кажется, что составленіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца относится къ глубокой древности, а именно, вѣроятно, еще къ XIII вѣку: но здѣсь не мѣсто останавливаться

Digitized by Google

на этомъ вопросѣ [1]). Ограничусь другимъ указаніемъ: два списка этой редакціи восходятъ къ протографу, написанному въ 1391-мъ году. Заключаю это изъ того, что какъ Пискаревскій списокъ, такъ и Синодальный № 86, содержащійся въ нихъ перечень византійскихъ императоровъ оканчиваютъ слѣдующимъ образомъ: «81. иванъ и пакы палеологъ лѣтъ 31. православенъ. 82. андроникъ сынъ его лѣта 3 православенъ. 83. таже иоанъ палеологъ еже и отець сего лѣтъ 8. вкупѣ лѣта царства его вьсѣ 46. 84. мануилъ палеологъ сынъ его. лѣто. [2]) православенъ». Отсюда слѣдуетъ, что протографъ обоихъ указанныхъ списковъ относится къ первому году царствованія греческаго императора Мануила, т. е. къ 1391-му году. Дѣйствительно, иначе трудно объяснить, почему перечень императоровъ оборванъ на Мануилѣ (Поповъ, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 94), а также почему не указано числа лѣтъ его царствованія. Въ виду этого, нахожу существованіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца во всякомъ случаѣ доказаннымъ для XIV вѣка и не затрудняюсь утверждать, что ею въ 1442-мъ году пользовался составитель хронографа.

И такъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ хронографа оказывается русскимъ. Отсюда естественно зарождается предположеніе, не были ли русскими и другіе его источники и не въ Россіи ли пользовался составитель хронографа тѣми своими источниками, юго-славянское происхожденіе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Поповъ во второмъ выпускѣ своего Обзора (стр. 21), доказывая, что составитель хронографа могъ имѣть въ своемъ распоряженіи такіе сборники, гдѣ уже были соединены нѣкоторыя изъ использованныхъ имъ сочиненій, указалъ на одинъ сборникъ XV в. Іосифова Волоколамскаго монастыря, гдѣ, вмѣстѣ

---

1) Я именно думаю, что вліяніе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца отразилось на обширномъ лѣтописномъ сводѣ первой половины XIII в., бывшемъ источникомъ съ одной стороны Ипатьевской лѣтописи, а съ другой московскихъ сводовъ. Тверской сборникъ и Львовская лѣтопись сохранили ясные слѣды этого вліянія.

2) Синод. № 86: лѣто, а въ Пискар. съ выносомъ *т* подъ титло: ѧ҃ѣ.

Digitized by Google

съ Паралипоменомъ Зонары, помѣщены три славянскія сочиненія, внесенныя въ хронографъ: 1) житіе деспота Стефана Лазаревича, 2) житіе Стефана Дечанскаго, 3) житіе Иларіона Меглинскаго[1]). Это указаніе Попова осталось безъ вліянія на рѣшеніе вопроса объ источникахъ хронографа. Между тѣмъ оказывается, что въ указанной рукописи Волоколамскаго монастыря (а нынѣ Московской Духовной Академіи, гдѣ она значится подъ № 230) мы должны признать списокъ, и при томъ, можетъ быть, современный, того сборника, которымъ воспользовался въ 1442-мъ году составитель хронотрафа. Доказательствомъ этого могутъ быть слѣдующія соображенія. Поповъ уже отмѣтилъ, что хронографъ дѣлалъ извлеченія изъ Зонары по той именно его редакціи, которая сохранилась въ разсматриваемомъ нами сборникѣ (издана Бодянскимъ); далѣе, изъ русскихъ списковъ житія Стефана Лазаревича—наиболѣе близокъ къ тому списку, который отразился въ хронографѣ, не изданный Поповымъ (Изборникъ, стр. 92 и сл.) списокъ Троицкой лавры 2-й половины XV вѣка, а именно списокъ, сохранившійся въ разсматриваемомъ сборникѣ: такъ въ немъ, согласно подлинному житію Степафана Лазаревича и хронографу, читается въ 92-й главѣ о запустѣніи сербскаго царства послѣ смерти Стефана, что̀, какъ видно изъ изданія Попова, опущено въ Троицкомъ спискѣ. Истринъ доказалъ, что первоначальная редакція хронографа (т. е. та, къ которой восходятъ какъ редакція 1512 г., такъ и редакція, не раздѣленная на главы), значительно измѣнила текстъ Александріи, извлеченный изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца: при этомъ источникомъ добавленій была сербская Александрія, только что появившаяся на Руси (Александрія русск. хроногр. стр. 261 и 287): въ разсматриваемомъ сборникѣ Московской Духовной Академіи передъ житіемъ Стефана Дечанскаго помѣщены выписки изъ сербской Александріи подъ заглавіемъ ѡ алеѯандра (л. 230 об. и слѣд.);

1) Вѣроятно, Поповъ зналъ объ этой рукописи только по описанію ея, сдѣланному Бодянскимъ при его изданіи Паралипомена Зонарина.

Digitized by Google

съ увѣренностью можно предполагать, что именно въ этомъ спискѣ или вѣрнѣе въ протографѣ этого списка сербская Александрія стала извѣстна составителю хронографа. И такъ, мы можемъ теперь признать доказаннымъ положеніе, что составитель хронографа былъ знакомъ съ протографомъ указаннаго сборника и извлекъ изъ него статьи, восходящія къ Паралипомену Зонары, житію Стефана Лазаревича, сербской Александріи, житію Стефана Дечанскаго и житію Иларіона Меглинскаго. Что рукопись Московской Духовной Академіи, по своему происхожденію, не очень отдалена отъ своего сербскаго протографа, видно изъ того, что нѣкоторыя части ея, напримѣръ вторая часть житія Стефана Лазарерича (съ л. 180 об.) и Александрія, писаны безъ всякихъ руссизмовъ: я вывожу отсюда, что въ изготовленіи на Руси указаннаго списка могли участвовать тѣ самые сербы, которые вывезли этотъ сборникъ изъ своей родины. Сопоставляя этотъ выводъ съ тѣмъ, что основнымъ источникомъ хронографа былъ русскій памятникъ — 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца, я считаю вѣроятнымъ допустить, что составитель хронографа пользовался сербскимъ сборникомъ житій и другихъ перечисленныхъ выше статей уже послѣ перехода его въ Россію. Изъ другихъ источниковъ хронографа обращаютъ на себя вниманіе Житіе Саввы и Лѣтопись Манассіи. Не могу судить о степени распространенности на Руси перваго изъ этихъ памятниковъ; что же касается второго, то онъ дошелъ въ нѣсколькихъ спискахъ, находящихся въ Россіи, при чемъ сербскій изводъ его отразился въ спискѣ XVI в. Новгородской Софійской библіотеки № 1497, описанномъ въ 1-мъ выпускѣ Обзора Попова (стр. 217 и сл.; ср. о лѣтописи Манассіи стр. 224). Мнѣ кажется, что составитель хронографа пользовался протографомъ именно этого, дошедшаго до насъ списка: это доказываетъ близость текста обоихъ памятниковъ[1]). Кромѣ того, можно отмѣ-

1) Ср. въ соотв. съ Ник. IX, 10: и сиа оубо доволне мною оплакася слово; Ник. IX, 28: ни тогова щенца; — Ник. IX, 26: оубоялѝ оубо быша и ѝпо͡ни таковаго (ср. Никон. и Воскр. Новоіерус. исполни вм. исполини); — IX, 32: яко око

Digitized by Google

тить слѣдующее обстоятельство. Въ той же рукописи Новгородско-Соф. библ., гдѣ находится списокъ лѣтописи Манассіи, помѣщенъ на л. 399 и сл. краткій лѣтописецъ (о немъ ничего не сказано въ описаніи этой рукописи у Попова), начинающійся отъ Адама и оканчивающійся слѣдующею фразой: «сынъ его киръ. калуянъ по немъ нача царствовати в лѣто 6933 православенъ». Мы имѣемъ основаніе думать, что этимъ самымъ перечнемъ византійскихъ царствованій воспользовался составитель хронографа, согласовавшій его съ данными Еллинскаго лѣтописца. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая поправка; 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца говоритъ о царствованіи Алексѣя Комнина такъ: «алеѯее комнинъ лѣтъ лз̄ мѣсяць д̄ и полъ православный». Въ хронографѣ редакціи 1512 года читаемъ: «По никифорѣ ватаниотѣ царствова алексеи комнинъ лѣтъ з̄. и мѣсяць седмъ православенъ»; въ хронографѣ, не раздѣленномъ на главы (и въ Никоновской лѣтописи): «лѣтъ з̄. и мѣсяць 6 православенъ». Поправка 37 лѣтъ $4^1/_2$ мѣсяцевъ на 7 лѣтъ и 6 (или 7) мѣсяцевъ сдѣлана, очевидно, на основаніи лѣтописца, подобнаго помѣщенному въ рукописи № 1497, гдѣ читаемъ: «алексие комнинъ лѣтъ з̄ и мѣсяць 6 православенъ». Оставляю въ сторонѣ вопросъ, какъ могло получиться такое неточное указаніе числа лѣтъ царствованія Алексѣя Комнина.

И такъ, мы еще разъ имѣемъ возможность указать на то, что источники хронографа могли ко времени его составленія находиться въ Россіи въ русскихъ или сербскихъ спискахъ.

Предыдущее изслѣдованіе, установившее фактъ пользованія со стороны составителя хронографа: 1) Еллинскимъ лѣтописцемъ 2-й редакціи, т. е. памятникомъ, составленнымъ въ Россіи, 2) протографомъ рукописи Московской Духовной Академіи № 230, т. е. сборникомъ, извѣстнымъ съ XV в. въ Россіи, и наконецъ

ис тила и отрѣѣалистъ;—IX, 25: Θока магнистъ;—IX, 86: на каковую высоту взятся; — IX, 87: и дѣтемъ вм. ибо тѣмъ (ср. Никон. списокъ П., а также Новоіерусал. и Погод. 1404); и др.

Digitized by Google

3) протографомъ списка Новгородско-Соф. библ. № 1497, т. е. находившимся уже въ Россіи спискомъ лѣтописи Манассіи,—доказываетъ необходимость слѣдующаго вывода: хронографъ составленъ (въ 1442 г.) въ Россіи.

IV.

Перехожу къ наиболѣе интересному вопросу, вопросу о личности составителя хронографа. Наше вниманіе должно прежде всего остановиться на томъ обстоятельствѣ, что составитель хронографа уже въ первой половинѣ XV вѣка могъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ только что проникшихъ въ Россію сербскихъ памятниковъ: сюда относятся сербская Александрія и въ особенности житіе Стефана Лазаревича, составленное въ 1431 году; далѣе, въ виду предшествующаго изслѣдованія, надо заключить, что въ распоряженіи составителя хронографа находились не только сербскіе памятники (каковы житіе Саввы или сербская редакція лѣтописи Манассіи), но даже обширные сборники сербскаго происхожденія (каковъ протографъ рукописи Моск. Дух. Ак. № 230). Это обстоятельство слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ тѣмъ, что сербское или вообще юго-славянское вліяніе сказалось и на тѣхъ статьяхъ, русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно.

Я не касался въ предшествующемъ изслѣдованіи тѣхъ русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, которыя, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ восходятъ къ основной для извѣстныхъ намъ редакцій хронографа. Разсматривая эти части хронографа, видимъ въ нихъ указаніе на не русскаго редактора, а именно на южнаго славянина: это должно быть сопоставлено съ пользованіемъ со стороны составителя первоначальной редакціи хронографа юго-славянскими источниками, а отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что часть, и при томъ, вѣроятно, бо̀льшая часть, русскихъ извѣстій основной для хронографа 1512 г. и для хронографа, не раздѣленнаго на главы, редакціи восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа. И такъ, въ изложеніи рус-

Digitized by Google

скихъ событій первоначальной редакціи хронографа сказался южный славянинъ. Это видно, во-первыхъ, изъ отдѣльныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о не русскомъ происхожденіи редактора: такъ русское Корсунь замѣнено черезъ Херсонь (ред. 1512 г.) или Херсунь (Русск. Вр. I, 4); имена Святославъ и Святополкъ переданы черезъ Цвѣтославъ и Цвѣтополкъ, напр. подъ 6475, 6523, 6527, 6576, 6586, 6581 и др. гг.; извѣстіе 1407 года, читаемое въ Новгородской 4-й лѣтописи (IV, 110): «Литва взяли Одоевъ, а Москвичи быша подъ Вязмою, и смиришася», во всѣхъ спискахъ хронографа редакціи 1512 года передано слѣдующимъ образомъ: «а Витовтъ взялъ Одоевъ, а Москвичь (или Москвичи) били подъ Вязьмою» (ср. Изборникъ, стр. 70), гдѣ били вм. были объясняется какъ сербизмъ. Во-вторыхъ, то же слѣдуетъ изъ состава нѣкоторыхъ статей хронографа. Повѣсть объ убіеніи Батыя (ср. ред. 1512 г., Изборникъ, стр. 44 и Русск. Вр. I, 165) является необходимою частью того обширнаго сказанія о нашествіи татаръ, которое помѣщено въ первоначальной редакціи хронографа (Нач. Хощу рещи, о друзи и братія, повѣсть, яко не точію человѣки и т. д.): связь этой повѣсти съ хронографомъ несомнѣнна еще кромѣ того потому, что въ ней: 1) встрѣчается извѣстіе, заимствованное изъ Житія Саввы, одного изъ источниковъ первоначальной редакціи хронографа, а именно извѣстіе о крещеніи венгерскаго короля Владислова отъ св. Саввы[1]), 2) въ полной редакціи этой повѣсти (ср. подстрочное примѣчаніе) читается выдержка изъ статьи хронографа о крещеніи Угровъ, заимствованная, какъ извѣстно, изъ Сказанія о латынехъ, попавшаго въ хронографъ черезъ 2-ю редакцію Еллинскаго лѣтописца: а именно, здѣсь читается, что Угры были сначала крещены въ православіе, а потомъ совращены римлянами въ свою ересь. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что авто-

1) Въ полной редакціи этой повѣсти, помѣщенной въ видѣ приложенія къ Мученію Михаила и Ѳеодора черниговскихъ, согласно съ Житіемъ Саввы, говорится, что этотъ святой лишь обратилъ его отъ римской ереси къ непорочной и христіанской вѣрѣ греческой.

Digitized by Google

ромъ этой повѣсти былъ южный славянинъ: 1) общее содержаніе ея повторяетъ, очевидно, южно-славянское народное преданіе объ отраженіи татаръ венгерскимъ королемъ Владиславомъ, при чемъ оно пріурочено къ извѣстію русскихъ лѣтописей о нашествіи Батыя на Венгрію и о послѣдовавшемъ тамъ его пораженіи, 2) имена Власлова, Варандина (Вараждина) врядъ ли могли быть извѣстны русскому повѣствователю, 3) въ этой повѣсти встрѣчаются указанія на знакомство автора съ топографіей Вараждина, обведеннаго водами и изобилующаго виноградниками; о мѣдномъ изображеніи Владислава верхомъ на конѣ и съ сѣкирою въ рукѣ сказано (въ полной редакціи повѣсти), что оно водружено на столпѣ «на видѣніе и память роду и до сего дне»; 4) наконецъ, языкъ повѣсти обличаетъ южнаго славянина: ср. слово планина въ фразѣ: Батыеви же бѣжащу ко угорскимъ планинамъ (сербск. планина: гора, покрытая лѣсомъ).

И такъ, мы получаемъ ясныя указанія на то, что русскія статьи и извѣстія внесены въ хронографъ и редактированы южнымъ славяниномъ. Но принимая во вниманіе предыдущій нашъ выводъ о томъ, что хронографъ составленъ въ Россіи, имѣя въ виду также и то, что выводъ этотъ подтверждается обстоятельствомъ внесенія въ хронографъ статей и извѣстій изъ русскихъ лѣтописей, мы не можемъ сдѣлать инаго заключенія, какъ только того, что этотъ южный славянинъ работалъ надъ хронографомъ въ Россіи. Мы видѣли, что бо̀льшая часть не русскихъ источниковъ хронографа — сербскаго происхожденія, видѣли также въ нѣкоторыхъ отрывкахъ хронографа явные сербизмы; заключаемъ отсюда, что составителемъ его былъ именно сербъ, жившій въ Россіи. Подтвержденіе такому заключенію ищемъ и находимъ въ языкѣ хронографа: кромѣ сербизмовъ, приведенныхъ выше и въ обиліи встрѣчающихся на всемъ протяженіи хронографа по спискамъ редакціи 1512 года[1]), внима-

1) Ср. въ Новоіерусал. сп.: путь вм. плоть въ житіи Иларіона Меглинскаго (аще путь божество нарицаете, Изборникъ, стр. 18); въ Погод. 1404 а: подобаетъ же мало мы (вм. ми) великаа того объявити: въ Никон. ошибочно малыми

Digitized by Google

ніе наше останавливаютъ нѣкоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогіей замѣну того или другого сербскаго звука русскимъ. Такъ напр. русскому ол соотвѣтствуетъ въ живомъ сербскомъ произношеніи у (волкъ — вук, полнъ — пун); этимъ объясняется появленіе въ хронографѣ ол вм. у и тамъ, гдѣ сербскому у соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ у. Такъ форма молчаше, читаемая въ спискѣ Погод. № 1404 а (списокъ безъ всякаго сомнѣнія русскій) вм. моучаше, восходитъ, думаю, къ первоначальной редакціи хронографа (и братью молчаше соущую в монастырѣ, изъ житія Стефана Дечанскаго, ср. Изборникъ, стр. 52 и Никон. X, 201): это объясняетъ намъ, почему Новоіерусал. списокъ опустилъ совсѣмъ это слово (и братью сущую въ монастырѣ), какъ непонятное. Равнымъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ благообыченъ лѣтописи Манассіи, прочтенномъ какъ благообученъ (ср. такое чтеніе въ Погод. 1404 а, въ Никон. IX, 31), въ первоначальной редакціи хронографа стояло, повидимому, благооболченъ, какъ мы читаемъ въ Новоіерусал. спискѣ (Цимисхій же имый разумъ благооболченъ). Появленіе антисербизма, какъ молчаше вм. мучаше, можетъ быть обязано только сербу и притомъ сербу, или списывавшему русскій подлинникъ или писавшему въ Россіи: читая ол русскихъ книгъ какъ у, онъ, не справляясь съ дѣйствительнымъ русскимъ произношеніемъ, могъ писать ол и тамъ, гдѣ русскіе произносили у.

Кто же могъ быть этотъ сербъ, въ 1442 году составившій въ Россіи хронографъ? Думаю, что на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: это былъ извѣстный Пахомій. Отвѣтъ этотъ подсказывается главнымъ образомъ все тою же повѣстью о Батыѣ, которая такъ ясно указываетъ, что редакторомъ хронографа былъ сербъ. Мы видѣли, въ какой тѣсной связи она находится съ другими статьями хронографа, ви-

(IX, 31), а въ Новоіерусал. малому. Никон.: увезается (IX, 27), щенется (IX, 25), вин. мн. холми (IX, 32), тв. мн. дожды (IX, 88), Новоіерусал.: привезавшися, говедаре и др.

Digitized by Google

дѣли также, что она вполнѣ у мѣста въ сказаніи о нашествіи татаръ: нѣтъ сомнѣнія, что она составлена именно для хронографа. Между тѣмъ мы ее встрѣчаемъ въ видѣ приложенія къ сказанію о Михаилѣ и Ѳеодорѣ черниговскихъ въ той именно редакціи этого сказанія, которая принадлежитъ Пахомію сербину (ср. въ сп. Унд. XVI в., № 565 надпись: «твореніе ермонаха Пахомія Св. Горы»). Вотъ что говоритъ о происхожденіи этой повѣсти Ключевскій (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 147): «Къ сказанію о кн. Михаилѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древнерусскую письменность». Допустивъ, что авторомъ повѣсти объ убіеніи Батыя былъ Пахомій [1]), мы должны заключить, что все сказаніе о нашествіи татаръ, внесенное въ хронографъ, составлено имъ же: но составитель этого сказанія былъ несомнѣнно составителемъ и всего хронографа, что̀ легко вывести изъ того вліянія нѣкоторыхъ хронографическихъ статей, которое на немъ отразилось; въ предпосланномъ сказанію плачѣ о погибели русской земли находимъ напр. слѣдующую фразу: «и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишась» (Русск. Вр., I, 110; Изборникъ, стр. 59); ср. въ 201-й главѣ хронографа редакціи 1512 г., въ отрывкѣ, заимствованномъ изъ Предисловія инока Исаіи къ твореніямъ Діонисія Ареопагита: «и сердца храбрая доблественыхъ мужей въ женъ слабѣйшая преложишася» (Изборникъ, стр. 55); слова «и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь, и глаголати: горе и увы!» напоминаютъ читаемую въ томъ же отрывкѣ фразу: «увы, умиленъ плачъ и позоръ бѣ видѣти, оста земля всѣхъ добрыхъ пуста». И такъ, перу Пахомія, которому обязана появленіемъ повѣсть объ убіеніи

1) Съ этимъ согласенъ и М. Халанскій. См. его Великорусскія былины кіевскаго цикла, гдѣ разбору повѣсти о убіеніи злочестиваго царя Батыя посвящена глава XI.

Digitized by Google

Батыя, принадлежитъ и все сказаніе хронографа о нашествіи татаръ и даже весь хронографъ.

Въ подтвержденіе предложенной здѣсь догадки о томъ, что Пахомій сербинъ составилъ въ 1442 году хронографъ, можно привести и то обстоятельство, что мы имѣемъ ясныя доказательства его пребыванія въ Россіи съ 1443 года. Такъ въ рукописи Троицкой Лавры XV в. № 180 (1859) находимъ на листѣ 103 об. подпись[1]), которую передаемъ возможно точно: мнѡ҃грѣшни[2]) и п҃слѣ пѡ҃ пахѡміе въ лѣ ҂ѕ҃ц҃н҃а҃ (т. е. 1443 г.), а на листѣ 355 об.: въ лѣто ѕ҃цнг крꙋ҃ лꙋ҃ ꙁ҃і. Эта рукопись (Книга Симеона Богослова и Палея), очевидно, писана сербомъ (можетъ быть, самимъ Пахоміемъ) въ Россіи: этимъ объясняются не только сербизмы, которые находятся во всей рукописи, но и антисербизмы, существованіе которыхъ, какъ мы видѣли, можно понять только при предположеніи, что рукопись писана сербомъ въ Россіи. Отмѣчу нѣсколько такихъ антисербизмовъ: сѧдѧши 95, творѧнїа бжіа 95, трепѧщꙋщаго 97 об., прѣѡбидѧша 89 об., начнѧть 103, принесѧте 326 и т. д. (ѧ замѣнило е и ѣ потому, что сербъ произносилъ ѧ русскихъ книгъ какъ е). Сходные пріемы письма, и при томъ съ еще большимъ количествомъ сербизмовъ, представляетъ Троицкая рукопись № 116 (91), повидимому, писанная (въ части до 178-го листа) Пахоміемъ, что̀ отчасти можно заключать изъ его подписи на 167-мъ листѣ мо҃ па́хомiѡ; здѣсь также не мало антисербизмовъ: ѿидѧши 111, чѧтирми 114, вьшеше в домь мои пребꙋдетѧ 150 об., свѧщꙋ 153 (свѣчу), по вьꙁнесѧни хв҃ѣ 166, слово г҃нѧ 153 об. Съ этими антисербизмами, кромѣ указаннаго выше молчаше вм. моучаше, ср. паче кедра свѧтѧсѧ въ Новоіерусал. хронографѣ (Никон. IX, 88), высоковыѧвъ и др.

Возраженіемъ противъ предположенія, что Пахомій былъ составителемъ хронографа можетъ служить то обстоятельство,

1) Ср. Ключевскій, 120; И. Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ.

2) Надъ г, вынесенвымъ подъ титло, читается маленькое о.

Digitized by Google

что онъ не говоритъ въ немъ ни о преподобномъ Сергіи, котораго былъ агіографомъ, ни о Троицкой обители, въ которой имѣлъ пребываніе. Правда, въ редакціи 1512 года даже не упомянуто о кончинѣ преп. Сергія, но это нисколько не доказываетъ, чтобы объ этомъ событіи не говорилось въ первоначальной редакціи хронографа. Имѣя же въ виду, что Русскій Временникъ (I, 326) подъ 1392 годомъ помѣщаетъ житіе преп. Сергія, я склоненъ думать, что оно читалось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Можетъ быть, Пахомій внесъ въ хронографъ первую, древнѣйшую свою передѣлку Сергіева житія, которая такимъ образомъ относится къ 1442 году: это согласуется съ выводомъ Ключевскаго, относящаго первое сокращеніе Епифаніева труда, сдѣланное Пахоміемъ, ко времени 1438—1443 г.[1]), при чемъ нельзя не признать доводовъ почтеннаго ученаго весьма убѣдительными; дѣйствительно, отсутствіе въ спискахъ перваго пересмотра разсказа о чудѣ съ пресвитеромъ Симеономъ, записанномъ въ Троицкомъ монастырѣ съ его словъ и случившемся въ 1441—1443 г., ясно указываетъ, что къ этому времени первый пересмотръ житія былъ уже оконченъ. Впрочемъ, мнѣ не удалось съ точностью установить отношенія лѣтописныхъ редакцій и редакціи Русскаго Временника Житія Сергіева къ такъ называемому первому пересмотру его, принадлежащему Пахомію и извѣстному мнѣ по списку Троицкой Лавры № 746.

И такъ, я считаю доказаннымъ, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году въ Россіи Пахоміемъ сербиномъ. Прежде чѣмъ перейти къ краткому очерку дальнѣйшей литературной исторіи хронографа, остановлюсь на вопросѣ о томъ, какими русскими лѣтописными источниками могъ воспользоваться для своего хронографа Пахомій.

---

1) Ключевскій ошибочно подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на Троицк. рук. № 746; эта рукопись представляетъ изъ себя нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ рукописей; въ одной изъ нихъ находится приписка, упоминающая объ игуменѣ Зиновіи († 1443), а въ другой древнѣйшій списокъ Пахоміевой редакціи перваго пересмотра: слѣдовательно, указанная приписка ничего не доказываетъ относительно времени составленія Пахоміева труда.

Digitized by Google

V.

Имѣя въ виду общій характеръ Пахоміева труда, который стремился дать въ сжатомъ очеркѣ то, что въ пространномъ видѣ находилъ въ своихъ источникахъ (въ особенности любопытно мастерское сокращеніе сербскихъ житій), надо думать, что Пахомій не гонялся за многочисленными источниками при изложеніи русскихъ событій, а ограничился однимъ или двумя лѣтописными сборниками, изъ которыхъ и сдѣланы соотвѣтственныя извлеченія. Думаю, что на основаніи изученія русскихъ статей хронографа можно придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ о составѣ и характерѣ одного изъ этихъ источниковъ. Во-первыхъ, отмѣчу, что онъ во всякомъ случаѣ оканчивался до 1442 года: слѣдовательно, часть русскихъ событій, находящихся напр. въ редакціи 1512 года, и между прочимъ во всякомъ случаѣ событія послѣ 1442 года — вставлены въ хронографъ уже позднѣйшимъ редакторомъ. Во-вторыхъ, замѣчу, что составъ и характеръ Пахоміева источника легче выяснить по начальнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, чѣмъ по извѣстіямъ позднѣйшимъ, такъ какъ съ одной стороны не извѣстна граница этихъ позднѣйшихъ событій, а съ другой — преимущественно на нихъ должна была лечь рука позднѣйшаго редактора. Сопоставляя хронографическія данныя XI—XIV вѣка съ извѣстными намъ лѣтописями, приходимъ къ заключенію объ особенной близости этихъ данныхъ, какъ къ Новгородской сокращенной лѣтописи, изданной кн. Оболенскимъ[1]), и восходящей къ одному общему оригиналу съ лѣтописью, содержащеюся въ рук. Синод. библ. № 154, съ лѣтописью Аврамки, съ Новгородскою 4-ю лѣтописью, съ лѣтописью Даниловича, съ Тверскою лѣтописью и съ Суздальскою лѣтописью по Академическому списку. Всѣ указанныя лѣтописи имѣютъ между собою то общее, что одинаковыми словами передаютъ многія извѣстія, читающіяся пространно въ древнихъ

1) Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836.

Digitized by Google

лѣтописныхъ сборникахъ, въ сокращенномъ видѣ. Такъ напр., одинаково изложено въ названныхъ лѣтописяхъ извѣстіе 6836 (1328) года: «сѣде на великое княженіе князь великій Иванъ Даниловичь и бысть по всей земли тишина велика»; или подъ 1393 въ хронографѣ и Новг. 4-й одинаково читаемъ: «ходилъ въ другій рядъ князь Василей въ орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородцкое княженіе Нижняго Новагорода, Мурома, Мещеру, Торусу». Систематическое сравненіе хронографа съ Новгородской 4-й лѣтописью показываетъ, что приблизительно до второго десятилѣтія XV вѣка оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Еще большая близость оказывается между хронографомъ и лѣтописями Аврамки, Супрасл. и Синод. № 154: даже начало ихъ, гдѣ говорится о разселеніи славянъ, общее, при чемъ первоначальный источникъ лучше сохранился въ хронографѣ, чѣмъ въ этихъ лѣтописяхъ, что̀ видно хотя бы изъ того, что фраза: «бысть языкъ словенскыи отъ племене Афетова» не ясна въ нихъ безъ предшествующаго разсказа (сохраненнаго въ хронографѣ) о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ. Особенно сближается хронографъ съ указанными лѣтописями двумя общими хронологическими ошибками: смерть Ярослава Изяславича, случившаяся въ 6594—6595 гг., ошибочно отнесена въ нихъ къ 6600-му году, и вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ нихъ (въ хронографѣ съ ошибочнымъ указаніемъ 6607 г.) приведено извѣстіе объ освященіи Печерской церкви св. Богородицы, имѣвшемъ мѣсто въ 6597 году. Смерть Святополка Изяславича въ хронографѣ отнесена къ 6620 г. (вм. 6622), ср. въ Супр. 6620 г. (с҃. х҃. к҃. е, вм. чего въ лѣт. Аврамки 6625). Принимая во вниманіе, что протографъ Синод. № 154, лѣтописи Аврамки и Супр. представлялъ изъ себя соединеніе Новгородской 4-й лѣтописи съ другою, краткою лѣтописью, не новгородскаго происхожденія, что та же лѣтопись послужила нѣкогда источникомъ Новгородской 4-й лѣтописи въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій, которую я отношу къ 1421 году, что изученіе не новгородскихъ извѣстій этой Новгородской лѣтописи, особенно въ части отъ 1384 года,

Digitized by Google

доказываетъ ихъ ростовское происхожденіе [1]), я заключаю, что общимъ источникомъ Новгородской 4-й, лѣтописи Аврамки и сходныхъ съ нею лѣтописей, а также Пахоміева хронографа была ростовская лѣтопись. Эта же лѣтопись лежитъ въ основаніи послѣдней части (начиная съ середины XIII в) лѣтописнаго сборника, содержащагося въ спискѣ Московской Духовной Академіи, при чемъ послѣдній показываетъ, что она оканчивалась 1419 годомъ (ср. Лѣтопись по Академическому списку въ изданіи Археогр. ком.). Указанное обстоятельство вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что этой лѣтописью воспользовалась съ одной стороны Новгородская IV лѣтопись въ редакціи 1421 года, а съ другой Хронографъ 1442 года. Не ясно, слѣдуетъ ли возводить всѣ извѣстія ранѣе 1419 г. въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ хронографа къ указанному источнику Пахоміева хронографа—ростовской лѣтописи, или нѣкоторыя изъ нихъ вставлены позднѣйшимъ редакторомъ, составителемъ редакціи, основной для хронографовъ 1512 года и не раздѣленнаго на главы. Относительно извѣстія 1415 года о чудесахъ при гробѣ Петра чудотворца можно съ увѣренностью сказать, что оно попало въ хронографъ не изъ ростовской лѣтописи, а изъ того источника, которымъ позднѣйшій редакторъ дополнилъ его русскія извѣстія: дѣйствительно, это извѣстіе по происхожденію своему новгородское, при томъ, какъ это видно изъ Новгородской I-й и Новгородской IV-й лѣтописей, 9-го марта случилось не исцѣленіе человѣка съ сведенною ногой, а пріѣздъ новгородскаго владыки Симеона въ сопровожденіи пословъ новгородскихъ [2]). Напротивъ, при извѣстіи 1402 года

1) Ср. подъ 1396 г. роспись ростовскихъ владыкъ, доходящая въ древнѣйшихъ редакціяхъ до Григорія (IV, 102), подъ 1408 извѣстіе о ростовскомъ пожарѣ и др.

2) И приихаша на Москву в лѣто 6924 марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ в понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простилъ Богъ въ церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у человѣка нога прикорѣчена исцѣлѣ. Ср. въ Хронографѣ: Въ лѣто 6923 у гроба Петра чудотворца бысть чюдо: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9 (Изборникъ, 71).

Digitized by Google

находимъ указаніе на то, что оно (сообщеніе о небесномъ знаменіи — кометѣ) внесено именно собирателемъ хронографа, который призналъ явленіе кометы предзнаменованіемъ походовъ Баязита и Тимура, «яко же пространно явихъ въ царствѣ Греческаго царя Мануила о сихъ» (ср. Изборникъ, стр. 69). Сербизмъ били вм. были въ извѣстіи 1407 г. (а Москвичь били подъ Вязьмою) доказываетъ, что и оно находилось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Нѣтъ сомнѣнія, что Пахомій въ своемъ изложеніи русскихъ событій могъ пойти нѣсколько дальше, чѣмъ то позволялъ его русскій источникъ: ему должно приписать извѣстіе о смерти Василія Дмитріевича 7 февраля 1425 года, какъ это ясно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Того же лѣта преставися и зять его благочестивый царь Греческый Мануилъ». Составитель хронографа ошибался относительно родственныхъ отношеній между Василіемъ Дмитріевичемъ и императоромъ Мануиломъ: послѣдній не былъ зятемъ Василія Дмитріевича, а его сватомъ, такъ какъ дочь Василія Дмитріевича — Анна была за мужемъ за его сыномъ Іоанномъ, а не за нимъ, какъ сообщаетъ хронографъ (ср. 203-ю главу ред. 1512 года, напр. по спискамъ Новоіерусал., Чудовск. и Щаповск., а также списки редакціи, не раздѣленной на главы)[1]. Эта ошибка весьма характерна и, какъ мнѣ кажется, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что составитель хронографа не былъ русскимъ, такъ какъ русскимъ, конечно, было извѣстно, что сестра великаго князя была за мужемъ за Калуяномъ и померла бездѣтною въ 1417 году[2].

---

1) Потомъ же царь Мануилъ присла къ великому князю Василею Дмитреевичу на Москву послы своя прося у него за себе дщерь Анну ею же и отпусти ю со многою честію и сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многы дни царь Маноуилъ въ Царствующемъ градѣ... Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царицы шесть сыновъ: Калуяна, Андроника, Ѳеодора, Константина, Дмитрія, Ѳому.

2) Ср. Новгор. IV и др. подъ 1411 г.: И князь великій Василей Дмитрѣевичь да свою дочерь Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича.— Зосима іеродіаконъ, путешествовавшій въ 1420 г. по святымъ мѣстамъ, упоминаетъ о мѣстѣ погребенія Анны Васильевны.

Digitized by Google

Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы указали на главнѣйшіе источники, лежащіе въ основаніи хронографа; въ виду пользованія имъ русскими памятниками мы заключили о томъ, что онъ составленъ въ Россіи; въ виду хронологическихъ указаній, содержащихся въ самомъ хронографѣ, сдѣлали выводъ о томъ, что онъ составленъ въ 1442 году и, наконецъ, на основаніи совокупности различныхъ признаковъ признали составителемъ хронографа іеромонаха Пахомія сербина.

Дальнѣйшею задачей является опредѣлить условія, при которыхъ возникли дошедшія до насъ древнѣйшія редакціи хронографа, а также возстановить характеръ и составъ той редакціи, которая, являясь основною для дошедшихъ до насъ редакцій, связываетъ ихъ съ первоначальною, Пахоміевою редакціей хронографа.

VI.

На пути отъ первоначальной редакціи хронографа 1442 года къ редакціи 1512 г. и редакціи, лежащей въ основаніи Русскаго Временника, мы встрѣчаемся съ редакціею, которую смѣло можно отнести къ 1509 году. Сравнительное изученіе списка Царскаго съ прочими списками Софійской 1-й лѣтописи, принятыми во вниманіе издателемъ V тома П. С. Р. Л., показываетъ, что этотъ списокъ принадлежитъ къ одной группѣ со списками Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, отличающимися отъ прочихъ тѣмъ, что они содержатъ общій лѣтописный разсказъ, доведенный не до 1422 г. (какъ напр. списки Карамз. и Обол.), а до 1462 г., при чемъ во всѣхъ трехъ спискахъ за лѣтописнымъ извѣстіемъ этого года слѣдуетъ описаніе Іоаннова похода на Новгородъ въ 1471 г. подъ заглавіемъ: «Словеса избранна отъ святыхъ писаній и т. д.» (ср. т. VI, стр. 1—15). Отъ прочихъ списковъ Царск., Бальзеровскій и Горюшкинскій отличаются между прочимъ тѣмъ, что въ поколѣнной росписи Мономаховичей, приведенной подъ 887 г. (V, стр. 90), названъ сынъ Ивана Васильевича Иванъ Ивановичъ (род. 1458 г.), котораго нѣтъ напр. въ Толстовскомъ спискѣ,

Digitized by Google

оканчивающемъ роспись Андреемъ Васильевичемъ старшимъ (род. 1446 г.). Но сходясь съ Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, представляя рядъ общихъ съ ними чтеній, списокъ Царскаго оказывается съ одной стороны болѣе позднимъ, чѣмъ они по составу статей, общихъ съ другими списками Софійской 1-й лѣтописи[1]), а съ другой онъ сравнительно съ ними дополненъ лѣтописнымъ разсказомъ, доведеннымъ до 1509 года. Кромѣ того, находимъ существенныя дополненія и въ текстѣ до 1462 года, при чемъ отступленія списка Царскаго отъ Бальзеровскаго и прочихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи настолько значительны, что, начиная съ 1383 года, издателю V тома пришлось печатать текстъ этого списка въ особенномъ столбцѣ. И такъ, списокъ Царскаго, въ основаніи своемъ представляющій текстъ протографа—общаго оригинала списковъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго Софійской 1-й лѣтописи, дополненъ и продолженъ на основаніи другихъ или другого источника. Останавливаясь на вопросѣ о единственности или множественности дополнительныхъ источниковъ, мы замѣчаемъ, что между дополненіями древнѣйшихъ частей и частей отъ 1383 до 1462 и сл. годовъ есть общая связь, данная тѣмъ, что всѣ эти дополненія восходятъ къ хронографу. Отсюда выводимъ, что единственнымъ источникомъ дополненій для списка Царскаго былъ хронографъ. Но сначала докажу первое положеніе, т. е. что источникомъ дополненій какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ статей былъ дѣйствительно хронографъ.

Подъ 1024 г. изъ всѣхъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи только въ спискѣ Царскаго читаемъ: того же лѣта родися Ярославу вторый сынъ Изяславъ, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[2]) и Русскомъ Временникѣ. Подъ 6600 (1092), согласно съ хро-

---

1) Такъ напр. роспись Мономаховичей подъ 887 годомъ приводитъ здѣсь всѣхъ сыновей Ивана Васильевича (а Василія Ивановича называетъ даже великимъ княземъ), между тѣмъ въ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ она оканчивается на Иванѣ Ивановичѣ.

2) Того же лѣта родися Ярославу сынъ Изяславъ (Изборникъ, стр. 11).

Digitized by Google

нографомъ, читаемъ: того же лѣта убьенъ бысть Ярополкъ Изяславичь (V, 149, прим. о)[1]). Подъ 6607 ошибочно, какъ и въ хронографѣ[2]): того же лѣта священа бысть церкви Успеніе святыя Богородици Печерьская Іоанномъ митрополитомъ, при великомъ князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ. Подъ 6755 (1247) на полѣ и также въ текстѣ подъ слѣдующимъ годомъ, гдѣ, впрочемъ, это добавленіе помарано (V, стр. 186, прим. и), читаемъ: въ лѣто 6755 сѣде въ Володимери на столѣ по Ярославѣ братъ его Святославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь Михайло Ярославичь, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.[3]) и въ Русскомъ Временникѣ (I, 165). Подъ 6840 (1332): Того же лѣта гладъ бысть по всей земли великъ; ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (гладъ бысть по всей земли великъ зѣло, Изборникъ, стр. 53). Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ 6893 (1385) г. Бальзеровскаго и Горюшкинскаго списковъ: «Пуминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ», мы читаемъ въ спискѣ Царскаго: «Князь Василей Дмитреевичь ходи къ ордѣ; и Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгородъ и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ. Того же лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ», ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (въ лѣто 6893 князь Василей Дмитріевичь поиде ко ордѣ, а Пименъ митрополитъ поиде къ Царюграду на Новъградъ, и Новогородцы не дали ему мѣсяца судити, ср. Изборникъ, стр. 60, и Новоіерусал. сп.). Всему отрывку 6898 (1390) г. отъ словъ: «Того же лѣта били челомъ» и до «поа княжну Софію» (V, 244) соотвѣтствуетъ тожественный текстъ въ Хронографѣ 1512 г. (Изборникъ, стр. 61). Тоже относится къ отрывку подъ 6904 (1396) г. отъ словъ: «Кипріанъ митрополитъ постави» и до словъ: «ниже Казани 60 верстъ» (V, 249-250), ср. Хронографъ 1512 г. (Изборникъ, стр. 68). Подъ 1407 г. находимъ тотъ же сербизмъ, какъ въ Хронографѣ

1) Ср. сказанное выше на стр. 83 объ этомъ событіи.

2) Ср. выше, стр. 83.

3) По Ярославѣ сѣде на великомъ княженіи братъ его Святославъ и пребысть едино лѣто и согна его князь Михаило Ярославичь.

Digitized by Google

1512 г., на который мы указывали уже выше: «Того же лѣта князь великый Василей Дмитреевичь воевася съ Литвою, а Витовтъ взя Одоевъ, а Москвичи *били* подъ Вязмою; и смирися Витовтъ съ великимъ княземъ съ Московскимъ» (V, 256; Изборникъ, стр. 70). Такое же тожество текстовъ замѣчается напр. подъ 1436, 1438, 1439, 1440, 1449 и др. гг. Вообще, начиная съ XV вѣка близость списка Царскаго къ Хронографу 1512 года становится еще значительнѣе, такъ что исключаетъ всякое сомнѣніе въ ближайшей между ними связи. Эту связь можно понять только такъ, что составитель списка Царскаго пользовался хронографомъ, а не обратно, какъ ясно: 1) изъ того, что напр. подъ 1407 годомъ встрѣтился сербизмъ били вм. были, понятный въ хронографѣ, но совершенно неумѣстный въ спискѣ Царскаго, 2) изъ того, что въ хронографѣ и спискѣ Царскаго находятся общія ошибки, восходящія къ опредѣленной мною выше ростовской лѣтописи (источникъ Новгородской IV, Лѣтописи Аврамки, Супр. и др.), непосредственное вліяніе которой на списокъ Царскаго доказать нельзя: ср. ошибочный 6600 годъ, какъ годъ смерти Ярополка Изяславича и 6607-й (вм. 6600 ростовской лѣтописи), какъ годъ освященія Печерской церкви; 3) хронографъ не могъ пользоваться спискомъ Царскаго и потому, что многихъ его извѣстій нѣтъ въ этомъ спискѣ, а другія изложены въ хронографѣ полнѣе и въ болѣе первоначальной редакціи, чѣмъ въ спискѣ Царскаго; такъ, напримѣръ, въ спискѣ Царскаго опущены послѣ описанія мора 6935 (1427) г., слѣдующія слова, находящіяся, напримѣръ, въ Новоіерусал. сп. Хронографа 1512 г.: «и после того мира какъ после потопа толико лѣтъ люди не почали жити». Въ спискѣ Царскаго сохранились ясные слѣды, что именно его составитель, а не составитель протографа его пользовался хронографомъ, какъ дополнительнымъ источникомъ. Такъ напр. подъ 6953 (1445) г. въ спискѣ Царскаго зачеркнуты нѣкоторыя извѣстія, общія съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ спискомъ и не находящіяся въ хронографѣ (V, 267, прим. а), а въ концѣ года прибавлено три извѣ-

Digitized by Google

стія, изъ которыхъ два почти тожественны съ извѣстіями этого года въ Хронографѣ 1512 г. Далѣе, многія заимствованія изъ хронографа внесены въ текстъ списка Царскаго, но другія оказываются на поляхъ и при томъ написаны другою рукой; ср. подъ 6922 (1414) г. слова тожественныя съ хронографомъ (Изборникъ, стр. 70—71): «того же лѣта фотѣй митрополитъ поиде къ царюграду и доиде литвы. и витовтъ его не пустилъ, а его обоималъ; възвратися фотѣй на москву ограбленъ»; они въ спискѣ Царскаго вынесены на поле другою рукою (V, 259, прим. b); подъ 6953 (1445) слова «да съ егупомъ» (ср. Изборникъ, стр. 82: съ братомъ своимъ съ Ягупомъ) прибавлены въ спискѣ Царскаго на полѣ (V, 268, прим. a); приведенная выше статья 6755 (1247) г. также приписана въ спискѣ Царскаго на полѣ и т. д. Подъ 6913 (1405) въ спискѣ Царскаго записано извѣстіе о знаменіи, случившемся въ Москвѣ въ домѣ Тютрюмова (V, 253, прим. c): этого извѣстія нѣтъ въ Хронографѣ редакціи 1512 г., но что̀ оно могло быть въ первоначальной и въ другихъ редакціяхъ хронографа, видно какъ изъ того, что оно есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 264), такъ и изъ того, что, согласно свидѣтельству Новгор. IV лѣтописи и Литовской лѣтописи Даниловича (ср. также по списку, изд. Бѣлокуровымъ), извѣстіе это восходитъ къ ростовской лѣтописи. И такъ, составитель списка Царскаго дополнялъ свой оригиналъ — Софійскую 1-ю лѣтопись на основаніи Хронографа. Въ виду этого заключенія болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно изъ Хронографа попалъ въ этотъ списокъ весь лѣтописный разсказъ, не находящійся въ спискахъ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ и между прочимъ разсказъ о событіяхъ XV вѣка. Принявъ во вниманіе, что разсказъ этотъ доходитъ до 1509 сентябрьскаго года, при чемъ послѣднимъ оказывается событіе 26 ноября этого года, сообразивъ то, что неупоминаніе о смерти Димитрія Ивановича, внука Ивана Васильевича, случившейся 14 февраля сентябрьскаго и январскаго 1509 года, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что о ней не упомянуто подъ 1508 г. при перечисленіи князей, похороненныхъ

Digitized by Google

въ Архангельскомъ соборѣ, я заключаю, что хронографъ, послужившій источникомъ списка Царскаго, составленъ въ концѣ 1508-го январскаго или началѣ 1509-го сентябрьскаго года [1]).

Существованіе такой редакціи хронографа стоитъ въ тѣсной связи съ указаніемъ другого списка Софійской же 1-й лѣтописи на то, что до конца XV в. доходила другая, весьма сходная съ только что указанною редакція.

Въ Новоіерусалимскомъ сборникѣ, гдѣ находится Софійская 2-я лѣтопись, изданная въ VI т. П. С. Р. Л., вслѣдъ за этой лѣтописью, безъ всякаго заглавія, слѣдуетъ другая, начинающаяся 1445 и оканчивающаяся 1538 годомъ: эта лѣтопись подъ названіемъ «Отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку» издана въ VI-мъ же томѣ указаннаго собранія (стр. 277—303). Разсматривая эту лѣтопись, мы замѣчаемъ, что до 1491 (6999) г. она представляетъ почти непрерывный лѣтописный разсказъ (опущены только 6961, 6962, 6964-6968, 6973-6975, 6979 и 6980 гг.); вслѣдъ за послѣднимъ извѣстіемъ 6999 года, читаемъ извѣстіе 7006 г., послѣ котораго идутъ извѣстія 7022 и слѣд. годовъ. Я думаю, что всю эту лѣтопись можно раздѣлить на двѣ части — первую, которая идетъ до 6999-го года, и вторую, которая начинается 7006 годомъ. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ однимъ малоизслѣдованнымъ памятникомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Архивскаго списка Воскресенской лѣтописи (ср. VII т. П. С. Р. Л., стр. VIII). Сравненіе его со списками Воскресенской лѣтописи показываетъ, что онъ сходенъ съ ними только до 6987 (1479) года включительно: послѣ сентябрьскаго и октябрьскаго извѣстія 6988 года, а именно, начиная со словъ: «Тое же осени по отъѣздѣ великого князя в новъградъ», Архивскій списокъ сходствуетъ съ Новгородской IV лѣтописью по списку Хронографа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку. Сходство съ послѣд-

1) Многое изъ сказаннаго здѣсь о составѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ мнѣ пришлось повторить въ рецензіи на трудъ И. А. Тихомирова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной».

Digitized by Google

нимъ такъ значительно, что и здѣсь, вслѣдъ за извѣстіемъ 6999 года, читаемъ то же извѣстіе 7006 года, какъ въ Отрывкѣ, при чемъ однако незаполненные въ Отрывкѣ года 7007-7021 оказываются заполненными, но за то дальнѣйшій текстъ 7022-7046 гг. вполнѣ тожественъ въ обоихъ спискахъ (въ Архивскомъ затѣмъ описанъ еще одинъ годъ 7047-й, которымъ онъ и оканчивается). Соображая все это видимъ, что Архивскій списокъ возводится къ двумъ главнымъ источникамъ: первый (сходный, но, замѣчу здѣсь же, гораздо болѣе древній сравнит. съ Воскр. лѣтописью) источникъ обнималъ событія до 6988 (1480) г., а изъ второго взяты событія 6988-7047 гг. Этотъ второй источникъ, вмѣстѣ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку, возводится къ одному общему оригиналу, о которомъ теперь, сопоставляя данныя Архивскаго списка и Отрывка, можно сказать между прочимъ слѣдующее: онъ представлялъ механическую спайку двухъ памятниковъ: первый изъ нихъ доходилъ до 6999 (1491) года, а изъ второго взято описаніе слѣдующихъ годовъ, при чемъ сводчикъ думалъ начать заимствованія изъ второго источника съ того самаго года, до котораго доведенъ первый источникъ, т. е. съ 7000 (1492) г.; но при этомъ онъ впалъ въ ошибку, прочтя указаніе подлинника: въ лѣто з҃ е ѕ҃ декабря (т. е. 7006 г., декабря), какъ: въ лѣто 7000, 6 декабря. Этимъ и объясняется, почему онъ за событіями 6999 (1491) г. помѣстилъ декабрьскія событія 7006 (1498) года. Что это такъ, видно изъ Архивскаго списка, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ 1491 г.[1]), читаемъ: «въ лѣто з҃ въ ѕ҃ дн҃ь (вм. декабря) воспалилсѧ кнѧзь великіи» и т. д.: слѣдовательно, Архивскій списокъ, согласно со своимъ подлинникомъ, приписалъ 7000-му году событіе 7006-го[2]). Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ вопросу,

1) Того же лѣта пріидоша ис поля князя великого воеводы, князь Петръ Микитичь да князь Иванъ Михаиловичь Рѣпня Оболенскіе (ср. Новг. IV по сп. Хроногр., стр. 160).

2) А что это не описка въ Архивскомъ спискѣ, видно изъ того, что за этимъ слѣдуютъ 7001, 7002 и т. д. гг. съ ошибкою на 6 лѣтъ (такъ подъ 7001 описано событіе 1499 г.).

Digitized by Google

что̀ представляла изъ себя первая часть оригинала Архивскаго списка и Отрывка, т. е. та часть, которая доходитъ до 6999 (1491) года? Отъ этой части, какъ замѣчено выше, въ Отрывкѣ сохранилось изложеніе событій 1445-1491 гг., а въ Архивскомъ спискѣ только 1480-1491 гг.: слѣдовательно, наиболѣе полно можно возстановить первую часть оригинала обоихъ указанныхъ списковъ именно на протяженіи 1480-1491 г.; о 1445-1480 гг. можно судить только по одному списку, по Отрывку, и наконецъ для возстановленія 1-й части оригинала, въ предѣлахъ до 1445 г., мы не находимъ пока данныхъ. Разсматривая «Отрывокъ» по изданію Археогр. комиссіи въ части 1445-1491 г. видимъ, что сначала, а именно до 6970 (1462) года онъ сходствуетъ со списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 6971 (1463) г., онъ почти тожественъ со спискомъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи: ясно, что въ «Отрывкѣ», а слѣдовательно, согласно предидущему уже въ его оригиналѣ, мы имѣемъ соединеніе двухъ какихъ-то источниковъ. Но и въ части до 6970 (1462) года видно уже присутствіе двухъ источниковъ, а именно «Отрывокъ» частью сходствуетъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ списками, напр. подъ 6953-6959, частью же со спискомъ Царскаго: такъ подъ 6960, 6969 и 6970-мъ гг. «Отрывокъ» сначала сходенъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ, а затѣмъ со спискомъ Царскаго. Отсюда, думаю, ясно, что въ основаніи оригинала отрывка лежитъ списокъ 1-й Софійской лѣтописи, дополненный изъ другого источника: этотъ другой источникъ на всемъ протяженіи Отрывка, и послѣ 1462 г., былъ все одинъ и тотъ же, какъ видно изъ того, что добавленія подъ 1452, 1461 и 1462 годами, сопоставленныя издателями VI тома со спискомъ Царскаго, подобно всей части 1463-1491, сходствуютъ съ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи[1]). Съ другой стороны, близость къ

1) И оказываются даже ближе къ этому списку, чѣмъ къ списку Царскаго: ср. слова «а всего того на осмнадцать сохъ писменыхъ», подъ 1462 г.: ихъ нѣтъ въ сп. Царскаго (V, 274), но они есть въ Хрон. Новг. IV (IV, 148).

Digitized by Google

списку Царскаго не прекращается на 1462 годѣ: она идетъ и дальше (ср. хотя бы 1463 г., а также отмѣченные самими издателями 1468, 1469 и 1470 гг.; далѣе сходны, напр., 1481, 1486, 1487, 1489 и др.). И такъ, источникомъ добавленій оригинала «Отрывка» оказывается памятникъ, послужившій при составленіи какъ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи, такъ и списка Царскаго. Выше мы видѣли, что дополнительнымъ источникомъ списка Царскаго былъ Хронографъ въ редакціи 1508 года. Тотъ же Хронографъ но въ нѣсколько болѣе ранней редакціи послужилъ при составленіи Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи: списокъ этотъ, какъ извѣстно, обрывается на полуфразѣ въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 г., но ничто не мѣшаетъ предположить, что его оригиналъ былъ доведенъ нѣсколько дальше, можетъ быть, даже до первыхъ годовъ XVI ст. Въ томъ, что текстъ Хроногр. сп. первоначальнѣе, древнѣе текста списка Царскаго, т. е. редакціи Хронографа 1508 г., убѣждаетъ насъ, какъ цѣлый рядъ добавленій, находящихся въ спискѣ Царскаго (напр. подъ 6984-6986, 6997, 6998, 7003 и др. гг.), такъ въ особенности нѣкоторыя сокращенія, перешедшія и въ позднѣйшіе лѣтописные своды, а слѣдовательно находившіяся не только въ спискѣ Царскаго, но и въ оригиналѣ его — Хронографѣ редакціи 1508 года: ср. напр. подъ 1481 г. фразу: «Тоеже зимы пріиде великая княгини Софія съ Бѣлаозера», фразу, замѣнившую длинный отрывокъ болѣе древней редакціи[1]) и повторенную, напримѣръ, въ Воскресенской лѣтописи (VIII, 213). Въ еще болѣе древней редакціи, а именно, въ редакціи, доведенной только до 1491 года, Хронографъ послужилъ источникомъ для дополненія оригинала «Отрывка». Что оригиналъ «Отрывка» дополненъ (въ основаніи его лежитъ Софійская 1-я лѣтопись) Хронографомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ виду почти тожественности этихъ дополненій съ текстомъ списка Царскаго и Хроногр. сп. Новгородской 4-й

1) Ср. Новг. 4-я (IV, 154): Тое же зимы пріиде великая княгини изъ бѣговъ Софья, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же, и по которымъ странамъ ходила и т. д.

Digitized by Google

лѣтописи. Что редакція Хронографа, служившая источникомъ такихъ дополненій, была древнѣе редакціи 1508 года, ясно изъ того, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ замѣчается тожество «Отрывка» съ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, въ противоположность списку Царскаго, между тѣмъ указанный списокъ Новгородской 4-й лѣтописи дополненъ по хронографу болѣе древней редакціи, чѣмъ редакція 1508 г., бывшая источникомъ дополненій списка Царскаго. Такъ событія 6984-6986 гг. въ Хроногр. сп. Новг. 4-й и въ «Отрывкѣ» изложены въ нѣсколькихъ строкахъ, а въ спискѣ Царскаго на цѣлой печатной страницѣ (V, 33). Наконецъ, что редакція Хронографа, по которому дополненъ оригиналъ «Отрывка», относится именно къ 1491 году, видно изъ предыдущихъ разсужденій, доказавшихъ, что, вслѣдъ за описаніемъ событій этого года, составителю оригинала «Отрывка» пришлось обратиться къ другому источнику. Но Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, отразившій, какъ мы видѣли, болѣе позднюю, чѣмъ 1491 годъ, редакцію Хронографа, сохранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, что эта болѣе поздняя редакція (лежащая въ основаніи и редакціи 1508 г.) основана на редакціи 1491 года. Въ описаніи 1491-го года по Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи замѣчаемъ сначала хронологическую послѣдовательность: за сентябрьскими событіями описаны октябрьскія, ноябрьскія, затѣмъ январьскія, мартовскіе, майскіе, іюльскіе и наконецъ августовскіе (прибытіе Юрія Траханіота и Василія Куляшина 30 августа); вслѣдъ за тѣмъ приводятся два извѣстія безъ точнаго опредѣленія, къ какому мѣсяцу они относятся [1]). Послѣ этого записано іюньское извѣстіе о пожарѣ въ Угличѣ и затѣмъ уже занесенное выше извѣстіе о посылкѣ пословъ къ Волошскому воеводѣ, далѣе еще нѣкоторыя другія извѣстія и между ними о возвращеніи Юрія Траханіота и Василія Кулешина, о чемъ уже было сказано выше. Указанное расположеніе

1) Окончаніе Фроловской стрѣльницы и прибытіе воеводъ Петра и Ивана князей Рѣпня-Оболенскихъ (IV, 160).

Digitized by Google

извѣстій 1491 года не оставляетъ во мнѣ сомнѣній въ томъ, что одинъ изъ протографовъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи оканчивался передъ извѣстіемъ о пожарѣ въ Угличѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ оканчивалась, согласно показанію Архивскаго списка, первая часть общаго оригинала этого списка и «Отрывка». Позднѣйшій редакторъ, прибавившій описаніе слѣдующихъ за 1491-мъ годовъ, началъ съ того, что повторилъ въ концѣ 1491 года два извѣстія, уже изложенныя въ первоначальной редакціи, и нарушилъ хронологическую послѣдовательность событій этого года. — Все предидущее разсужденіе, сводящееся къ тому, что лѣтописный сборникъ 1538-1539 года (оригиналъ «Отрывка» и Архивск. сп.) сохранилъ ясные слѣды существованія Хронографа редакціи 1491 года, становится еще болѣе убѣдительнымъ, если мы попытаемся объяснить связь «Отрывка» съ Софійскою 2-ю лѣтописью, связь, отъ которой зависѣло помѣщеніе «Отрывка» вслѣдъ за текстомъ этой лѣтописи въ сборникѣ Новоіерусалимскаго монастыря. Мы видѣли, что «Отрывокъ» начинается съ 1445 года: уже это наводитъ на мысль, что дѣйствительное начало той лѣтописи 1538-1539 г., откуда заимствованъ «Отрывокъ», опущенъ составителемъ Новоіерусалимскаго сборника потому, что оно оказывалось частью сходнымъ, а частью даже тожественнымъ съ только что переписанною имъ Софійскою 2-ю лѣтописью. Такъ, обѣ лѣтописи были во всякомъ случаѣ тожественны до 1392, что ясно изъ того, что въ этой древнѣйшей своей части Софійская 2-я лѣтопись представляетъ изъ себя списокъ Софійской 1-й лѣтописи. Но и за этимъ годомъ содержаніе обѣихъ лѣтописей довольно сходно съ тою лишь разницей, что текстъ Софійской 2-й лѣтописи гораздо полнѣе, распространеннѣе (ср. 1410, 1412, 1415, 1417, 1418, 1423 и др. гг.); мѣстами содержаніе Софійской 2-й лѣтописи въ части 1392-1444 оказывается тожественнымъ со спискомъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи: ср. въ особенности описаніе 1440-1444 гг. Въ этой близости Софійской 2-й лѣтописи къ началу лѣтописи 1538-1539 г. заключается,

Digitized by Google

очевидно, причина, почему составитель Новоіерусалимскаго сборника помѣстилъ изъ нея только ту часть, гдѣ онѣ наиболѣе между собою разнятся, а именно часть послѣ 1445 г. Мы имѣемъ доказательства того, что въ его распоряженіи была и первая часть этой лѣтописи, при чемъ онъ произвелъ сравненіе ея съ уже переписаннымъ текстомъ Софійской 2-й лѣтописи: дѣйствительно, до насъ сохранились результаты этого сравненія, состоящіе въ обширныхъ выпискахъ на поляхъ означеннаго текста. Въ этихъ выпискахъ[1]) можно различать три разные почерка: выписки, сдѣланныя одною изъ трехъ рукъ (круглый почеркъ; чернила свѣтлыя), восходятъ бо̀льшею частью къ тексту, весьма сходному съ Хронографомъ, откуда я и заключаю, что онѣ сдѣланы изъ лѣтописи 1538—1539 г., представлявшей текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный изъ Хронографа. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что приписки, сдѣланныя круглымъ почеркомъ, частью представляютъ и чтенія изъ Софійской 1-й лѣтописи. Дѣло въ томъ, что составитель Софійской 2-й лѣтописи пользовался спискомъ Софійской 1-й лѣтописи не особенно исправнымъ, но при этомъ весьма близкимъ къ Толстовскому ея списку (ср. то обстоятельство, что въ обѣихъ лѣтописяхъ родословная Мономаховичей подъ 898 г. доведена лишь до Андрея старшаго Васильевича): свѣряя поэтому текстъ Софійской 2-й лѣтописи съ текстомъ Софійской 1-й лѣтописи, положеннымъ въ основаніе лѣтописи 1538—1539 г., составитель Новоіерусал. списка въ рядѣ случаевъ исправлялъ и дополнялъ текстъ, испорченный еще въ общемъ оригиналѣ Софійской 2-й лѣтописи и Толстовскаго списка: такъ, къ словамъ «давыда глаголюща», находящимся въ текстѣ (ср. V, 122), имѣется на полѣ приписка: «блаженъ мужь милуяи и дая Соломана же слыша глаголюща»; эти самыя слова, читающіяся во всѣхъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, опущены въ Толстовскомъ спискѣ ея

1) Бо́льшая часть ихъ внесена Строевымъ въ подстрочныя примѣчанія къ его изданію Софійскаго Временника.

Digitized by Google

(V, 123, прим. а). Послѣ словъ «образу змиину», на полѣ читаемъ опущенное заглавіе: «убиение глѣбово» (V, 128): тотъ же пропускъ въ Толстовскомъ спискѣ. Послѣ словъ «остромиръ с новогородци на чюдь», на полѣ находимъ: «и убиша его чюдь. и много падоша с нимъ новогородцовъ. и паки изяславъ иде на чюдь» (V, 139): тѣ же слова опущены въ Толстовскомъ спискѣ. Другая часть приписокъ, сдѣланныхъ указанною рукой, восходитъ, какъ замѣчено выше, къ Хронографу. Сюда относится, напримѣръ, приписка послѣ словъ: «Ѳеодосии печерскыи игуменъ преставися» (V, 147) — «мѣсяца мая въ 3 день и положенъ бысть в то пещере юже самъ созда»; ср. въ Хронографѣ редакціи 1512 г. и въ Русск. Вр.: «въ лѣто 6582 преставися преподобный Ѳеодосій Печерскый, и положенъ бысть въ той же пещерѣ, юже самъ созда». Согласно съ хронографомъ (ред. 1512 г., Русск. Вр., сп. Царскаго), освященіе Печерской церкви ошибочно относится и здѣсь къ 6607 (1099) г.: ср. приписку послѣ словъ «благовѣщение на городище» (V, 154): «того же лѣта священна бысть цркъвь успения святыя богородица печерския иваномъ митрополитомъ при великомъ князе всеволоде ярославиче». Подъ 1249 г. находимъ на полѣ слѣдующія слова: «преставися князь великии ярославъ всеволодичь в орде. По немъ сяде братъ его святославъ. И сидевъ лѣто едино и прогна и князь михаило ярославичь»; этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, но въ спискѣ Царскаго, кромѣ первой фразы, то же читается на полѣ (V, 186, прим. и), куда эти слова, какъ и въ лѣтопись 1538-1539 г., попали изъ Хронографа (Изборникъ, стр. 44). Подъ 6771 г., послѣ слова «отай» (V, 191), читается на полѣ: «того же лѣта великии александръ ярослави (опущ. преставися) в черницехъ и в скиме и положенъ бысть в володимере у рожества святыя богородица», ср. Хронографъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 45). Подъ 6817 на полѣ, въ видѣ приписки, находимъ: «петръ митрополитъ прииде на русь. того же лѣта казнь была отъ бога на люди моръ на кони. и мыши поѣли жита. и бысть гладъ велїи»; ср. тѣ же слова подъ 6815 въ хронографѣ редак-

Digitized by Google

ціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46): этого извѣстія нѣтъ въ Софійской 1-й лѣтописи (V, 205). Подъ 6831 г., послѣ словъ «на орѣховомъ островѣ» (V, 216), въ видѣ приписки, помѣщены извѣстія, тожественныя съ извѣстіями того же года Хронографа редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46) о закладкѣ церкви Успенія св. Богородицы въ Москвѣ и о кончинѣ митрополита Петра. Подъ 6841, согласно съ Хронографомъ, читаемъ въ припискѣ о построеніи церкви св. Архангела Михаила (V, 220) и нѣк. др. Въ виду всего этого, я нахожу доказаннымъ, что лѣтописный сборникъ, откуда въ Новоіерусал. сборникъ заимствованъ «Отрывокъ», содержалъ въ первой, не дошедшей до насъ части Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную изъ Хронографа.

Предидущее изслѣдованіе подвергло разсмотрѣнію слѣдующіе четыре памятника: списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, списокъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи, Архивскій списокъ Воскресенской лѣтописи и «Отрывокъ» лѣтописи, помѣщенный въ Новоіерусал. сборникѣ. Изученіе перваго изъ этихъ памятниковъ показало, что онъ представляетъ изъ себя текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1508 г. на основаніи Хронографа. Изученіе Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ убѣжденію, что, начиная съ 1447 г., текстъ его представляетъ сплошное заимствованіе изъ Хронографа, при чемъ редакцію этого Хронографа надо отнести ко времени между 1496 (гдѣ обрывается текстъ разсматриваемаго списка) и 1508 г. (когда составлена позднѣйшая редакція его)[1]). Наконецъ, сравнительное изученіе Архивскаго списка

1) Я думаю, что можно опредѣленно высказаться за 1506 годъ, какъ годъ редакціи этого хронографа. Сравненіе Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи и Академическаго ея списка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что заимствованія изъ Хронографа сдѣланы не Хронографическимъ спискомъ, а еще протографомъ обоихъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи — Академическаго и Хронографическаго. Но въ Хронографическомъ спискѣ эти заимствованія переданы подробно, а въ Академическомъ (IV, 131 и слѣд.) сокращенно. Между

Digitized by Google

и «Отрывка» показываетъ, что первый изъ нихъ заимствуетъ часть отъ 1480 г., а второй все свое содержаніе изъ не дошедшей до насъ лѣтописи 1538-1539 г.: лѣтопись эта въ первой своей части (до 1491 г.) представляетъ списокъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1491 г. на основаніи Хронографа, а во второй части — заимствованія изъ какой-то другой лѣтописи; существованіе редакціи Хронографа 1491 года доказывается и текстомъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи (ср. выше).

И такъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пахоміева редакція Хронографа 1442 г. породила слѣдующія редакціи, промежуточныя между нею и извѣстными намъ редакціями: редакцію 1491 г., редакцію 1496-1508 г. и, наконецъ, редакцію 1508 г. Можетъ быть, между древнѣйшею изъ этихъ редакцій и редакціею 1442 г. существовали еще и другія промежуточныя редакціи, но для такого утвержденія не нахожу пока данныхъ.

VII.

Въ 1512 году возникла новая редакція Пахоміева труда: о ней мы можемъ судить по многочисленнымъ спискамъ, восходящимъ даже къ первой половинѣ XVI в., между тѣмъ какъ обо всѣхъ предшествовавшихъ ей редакціяхъ сохранились лишь самыя скудныя данныя въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ сборникахъ, данныхъ, освѣщающихъ одинъ только вопросъ о томъ, какимъ измѣненіямъ подвергались *русскія* статьи Хронографа. Но по отношенію къ редакціи 1512 года мы можемъ указать и тѣ измѣненія, которымъ подверглись въ ней и не русскія

тѣмъ, какъ видно изъ сравненія Акад. списка со спискомъ Соф. 1-й лѣтописи Царскаго, заимствованія изъ Хронографа продолжаются до 1506 года (сентябрьскаго), до извѣстія о женитьбѣ Василія Ивановича на Соломоніи Сабуровой. Послѣ этого въ сп. Царскаго и въ сп. Акад. видимъ различіе, свидѣтельствующее о томъ, что Хронографъ не захватывалъ уже всѣхъ событій 1506 года (сентябрьскаго). Начиная съ этого года, Акад. сп. дополненъ уже на основаніи другой лѣтописи новгородскаго происхожденія.

Digitized by Google

статьи хронографа, такъ какъ во 1) она дошла до насъ во всемъ своемъ объемѣ, а во 2) она можетъ быть сопоставлена съ другою редакціей XVI вѣка, восходящею вмѣстѣ съ нею къ одному общему оригиналу: говорю о редакціи, не раздѣленной на главы. Я думаю, что въ основаніи обѣихъ редакцій лежитъ разсмотрѣнная нами выше редакція 1508 года: дѣйствительно, русская часть редакціи, не раздѣленной на главы, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ основаніи ея лежитъ именно редакція 1508 г. (ср. текстъ Русскаго Временника и указаннаго выше источника Никоновской лѣтописи, обрывавшагося на 1520 г.); ничто не мѣшаетъ распространить этотъ выводъ и на редакцію 1512 года, тѣмъ болѣе, что всѣ отличія ея отъ редакціи, не раздѣленной на главы, удовлетворительно объясняются при предположеніи, что они внесены именно редакторомъ 1512 года. Весь вообще текстъ хронографа редакторъ 1512 года раздѣлилъ на 208 главъ: такого дѣленія не было въ основной редакціи, расположившей матеріалъ (послѣдней части хронографа) по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; мы видѣли выше, какъ при этомъ дѣленіи не нарушилось данное въ основномъ оригиналѣ отношеніе русскихъ событій къ византійскимъ; въ отдѣльныхъ главахъ описываются русскія событія такого числа лѣтъ, какое было указано въ заголовкѣ при царствованіи того или другого византійскаго императора. Отвергнувъ показаніе своего оригинала, что Калоянъ царствовалъ 17 лѣтъ, а Константинъ Палеологъ 11 лѣтъ, редакторъ 1512 года въ главѣ 205-й, начинающейся съ царствованія Калояна, описываетъ русскія событія 17 лѣтъ (6933-6949), а въ главѣ 207, начинающейся со вступленія на столъ Константина, изложены событія 11 лѣтъ (6950—6961). Греческія статьи оригинала значительно сокращены редакторомъ 1512 г.: выше я привелъ нѣсколько указаній на то, какъ напр. сокращены разсказы о царствованіяхъ римскихъ императоровъ; сошлюсь еще на Истрина, доказавшаго, что редакція 1512 г. сократила текстъ Александріи. Трудъ Истрина съ наглядностью показалъ, что въ распоряженіи редак-

Digitized by Google

тора 1512 года при обработкѣ Александріи, не было иного источника, какъ только болѣе древняя редакція хронографа. Мнѣ кажется, что и въ остальныхъ частяхъ этой редакціи — нигдѣ нельзя доказать присутствія новаго источника, изъ котораго бы дополнялся основной текстъ хронографа. Южно-славянскія статьи также подверглись въ этой редакціи нѣкоторому сокращенію: такъ между прочимъ въ ней опущена баснословная генеалогія Неманичей, находившаяся, какъ видно изъ редакціи, не раздѣленной на главы, въ основной редакціи хронографа (ср. выше). Въ виду этого можно думать, что редакторъ 1512 г. не дѣлалъ никакихъ вставокъ и въ русскихъ статьяхъ хронографа, а, напротивъ, отчасти сократилъ ихъ кое-гдѣ. По отношенію къ русскимъ статьямъ замѣчательно то, что онѣ доведены только до 1451 г. (по одному только списку—до 1453-го): послѣ 1453-го года, гдѣ разсказывается о паденіи Царяграда, не видимъ болѣе статей, хотя подлинникъ продолжался до 1508 года. Это обстоятельство можно, конечно, объяснить желаніемъ редактора 1512 года кончить хронографъ тамъ, гдѣ оканчивалась византійская исторія; но ниже я предлагаю другое объясненіе этой особенности разсматриваемой редакціи. И такъ, въ послѣдней главѣ хронографа — 208-й разсказывается о паденіи Царяграда; это, кажется, единственная статья, гдѣ сказалось личное творчество редактора и гдѣ отразились свѣдѣнія, полученныя изъ другого или другихъ, кромѣ основной редакціи Хронографа, источниковъ. Но замѣчательно во 1) что при составленіи этой статьи, справедливо названной А. Н. Поповымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, редакторъ 1512 года находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ обработаннаго имъ труда: первая фраза этого плача представляетъ дословное повтореніе начала повѣсти умильной о Батыѣ, находившейся, какъ мы видѣли, уже въ первоначальной, Пахоміевой редакціи хронографа [1]); далѣе, вто-

1) Хощу глаголати повѣсть еже не точію человѣкы, но и нечювьственое каменіе и самыя стихіа творитъ плакати и глаголати и рыдати: о горе и увы.

Digitized by Google

рой отрывокъ отъ словъ: «перьвое убо рекохъ о нихъ пространнѣйше отъкуду начало пріяша» и до словъ «иже многы страны покори на востоцѣ и на западѣ» цѣликомъ заимствованъ редакторомъ 1512 г. изъ 202-й главы своей обработки хронографа (Изборникъ, стр. 62). Во 2) въ этомъ Плачѣ о Царѣградѣ замѣчается отсутствіе какихъ бы то ни было новыхъ фактическихъ данныхъ; о взятіи города, его разграбленіи, избіеніи жителей говорится въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; очевидно, что составитель Плача не имѣлъ въ своемъ распоряженіи той или другой повѣсти о паденіи Царяграда. Въ 3) тѣмъ замѣчательнѣе тѣ отступленія въ этомъ Плачѣ, которыя свидѣтельствуютъ о какихъ то особыхъ источникахъ, гдѣ составитель редакціи 1512 г. могъ познакомиться съ разсказами паломниковъ о Іерусалимѣ и гробѣ Господнемъ (Изборникъ, стр. 86). Ниже я еще разъ вернусь къ этимъ положительнымъ даннымъ, представляемымъ разсматриваемымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, а теперь попытаюсь отвѣтить на вопросъ, кѣмъ именно и гдѣ могла быть составлена редакція 1512 года.

Я сказалъ выше, что она оканчивается Плачемъ о паденіи Царяграда и опускаетъ русскія событія 1452 - 1508 года, читавшіяся въ основной редакціи. При этомъ я привелъ давно уже высказанное мнѣніе о томъ, что редакторъ 1512 года, очевидно, считалъ разсказъ о паденіи Царяграда наиболѣе приличнымъ концомъ Хронографа; ср. завершеніе Толстовскаго и сходныхъ списковъ редакціи, не раздѣленной на главы, повѣстью о взятіи Царяграда турками. Но это мнѣніе встрѣчаетъ возраженія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) окончаніе Хронографа въ основной его редакціи было иное, а именно онъ доходилъ до событій 1508 года; зачѣмъ же было редактору 1512 года съуживать задачу своей исторической компиляціи и прекращать разсказъ о русскихъ событіяхъ, о жизни россійской земли, растущей, младѣющей и возвышающейся (выраженія Плача о паденіи Царьграда) на 1451 году? 2) проведеніе параллели между окончаніемъ редакціи 1512 года и окончаніемъ списковъ редакціи, не раз-

Digitized by Google

дѣленной на главы, не выдерживаетъ критики потому, что въ этихъ послѣднихъ спискахъ опущены вообще всѣ русскія статьи: если повѣсть о взятіи Константинополя была послѣднею не русскою статьей основной редакціи, не раздѣленной на главы, въ позднѣйшемъ изводѣ этой редакціи, — она должна была сдѣлаться послѣднею статьей всего хронографа. Въ виду этого, думаю, что редакторъ 1512 года, опуская событія 1452-1508 г. своего подлинника, руководствовался иными соображеніями. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ, вслѣдъ за хронографомъ редакціи 1512 года, помѣщаются сначала мелкія статьи историческаго и нравоучительнаго содержанія, потомъ каталогъ римскихъ царей и императоровъ римскихъ и византійскихъ, далѣе Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями послѣ 1447 г., доходящими до 1547 г., заимствованными при томъ изъ Псковской лѣтописи, и, наконецъ, рядъ статей историческаго содержанія. Мнѣ извѣстны два такихъ сборника: Погод. № 1404 а и Акад. № 991 (3)[1]), но въ тѣсной связи съ ними стоятъ еще четыре сборника, сходные съ ними, начиная съ Новгородской 4-й лѣтописи[2]). Въ сборникахъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3) замѣчается

---

1) Укажу вкратцѣ составъ этихъ сборниковъ. Погод. 1404 а: I. Хронографъ, II. Царство 17 в самори; затѣмъ, Царство 1 в вавилоне; далѣе, Послание иоанна златоустаго еже посла отъ заточения, III. Книга глаголемая лѣтописець царие елицы царствоваша римомъ и елицы во цариградѣ царствоваша и отъ російския земли. и о градѣхъ. и отколе придоша великия князи. на роускоую землю княжити, IV. Безъ особаго заглавія, Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями изъ Псковской, V. Рукописаніе в. к. всеволода, VI. Посланіе к великомоу князю на Угру, VII. Писание о динаре царевне, VIII. Родство великихъ князей литовскихъ, IX. Повѣсть о взятіи Царяграда турками (тожественная съ напеч. Поповымъ въ Изборникѣ, стр. 87—91), X. Повѣсть о Митяѣ.— Акад. № 991 (3) тожественъ съ предидущимъ.

2) Погод. № 1402 содержитъ изъ указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи статей: III, IV, V, VI; кромѣ того: Чинъ и поставление на великое княжество, и наконецъ: Чинъ о еже како подобаетъ помазати царя и великаго князя миромъ на вѣнчанье. — Акад. № 18 (см. описаніе его въ предисл. къ Псковской 1-й лѣтописи, П. С. Р. Л., IV, 170): IV, VI, V, VII, далѣе: Повѣсть о Казаринѣ и о его царицѣ и VIII.—Карамз. Публ. б. F IV, 603 (описанъ тамъ же, стр. 170): Палея, Новгор. лѣт. до 1411 г., IV, V, VI, Духовная Кипріана.— Снѣгир. (описанъ тамъ же, стр. 171): III, IV, V и нѣк. др.

Digitized by Google

тѣсная связь между хронографомъ и послѣдующими статьями: эта связь ясна между прочимъ изъ того, что счетъ главъ хронографа продолжается и за его окончаніемъ, вслѣдствіе чего, напр., «Царство 17 в самори» значится 209-ю главою (въ Хронографѣ редакціи 1512 г.—208 главъ), Писаніе о Динарѣ—257-ю, а Повѣсть о Митяѣ 261-ю главою. Указанная связь обнаруживается еще и въ томъ, что нѣкоторыя изъ статей этого сборника связаны съ Хронографомъ и въ другихъ спискахъ: такъ, Повѣсть о Динарѣ и Родословная великихъ князей литовскихъ помѣщаются въ сборникѣ Новоіерусал. монастыря, заключающемъ Хронографъ. Въ виду этого, рѣшаюсь выставить слѣдующее предположеніе: извѣстно, что во многихъ спискахъ Хронографа 1512 г., даже въ большей ихъ части, русскія событія значительно сокращены, какъ это легко видѣть изъ Изборника Попова, гдѣ, начиная съ 6876 (1368) г., русскія статьи напечатаны только по одному или по двумъ спискамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ остальныхъ; не выпущены ли эти статьи тѣмъ редакторомъ, который соединилъ въ одномъ сборникѣ Хронографъ и Новгородскую 4-ю лѣтопись и счелъ нужнымъ исключить изъ перваго то, что̀ полнѣе и точнѣе передается во второй? Слѣдующее затѣмъ предположеніе возвращаетъ насъ къ прерванному изслѣдованію. Мы остановились на вопросѣ, чѣмъ руководствовался редакторъ 1512 года, опуская русскія событія 1452-1508 г., своего подлинника. Нельзя ли поставить это обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что Хронографъ въ позднѣйшемъ, описанномъ нами сборникѣ (представителями котораго являются Погод. 1404 а и Акад. 991), соединенъ съ лѣтописью? Не было ли это соединеніе сдѣлано еще самимъ редакторомъ 1512 года, но разумѣется не въ той формѣ, какъ въ указанномъ сборникѣ, гдѣ съ хронографомъ соединена лѣтопись 1547 года, а въ нѣсколько иномъ видѣ. Разсматривая Новгородско-Псковскую лѣтопись нашего сборника, видимъ, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1) Новгородской 4-й лѣтописи редакціи, нѣсколько сокращенной и измѣненной сравни-

Digitized by Google

тельно съ прочими списками: она доведена, какъ и протографъ всѣхъ прочихъ списковъ до 1447 г., а именно до извѣстія: «въ томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть» (ср. IV, 126), 2) Псковской лѣтописи, начинающейся съ 1447 года («въ лѣто 6955 князь Александръ Васильевичь», ср. IV, 213) и оканчивающейся подъ 1547 годомъ извѣстіями о двухъ пожарахъ московскихъ — 12 апрѣля и 21 іюня. Сравнительное изученіе этой Псковской лѣтописи со списками Псковской 1-й лѣтописи показываетъ, что мѣстами Псковская лѣтопись редакціи, соединенной съ Хронографомъ (ср. списки Карамз., Акад. и Снѣгир., принятые во вниманіе издателями IV т. П. С. Р. Л.), сходна съ прочими списками, а мѣстами съ ними разнится. При этомъ оказывается, что до 1482 года Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, частью тожественна, частью же короче другихъ списковъ[1]); напротивъ, начиная съ 1482 года, эта лѣтопись вплоть до 1547 года полнѣе, чѣмъ текстъ остальныхъ списковъ, съ которымъ она частью тожественна[2]). Въ виду этого думаю, что, въ части до 1482 года, Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, представляетъ выборку, сокращеніе изъ другой болѣе древней лѣтописи; напротивъ, съ 1482 г. въ ней содержится лѣтопись, протографъ которой послужилъ источникомъ при составленіи другихъ списковъ Псковской 1-й лѣтописи. Въ этой части 1482-1547 года можно различать опять таки двѣ части: первая простирается до 1509 года, а вторая, начинаясь съ повѣсти о Псковскомъ взятьи (1510), тянется до 1547 года; въ различіи и отдѣльности этихъ обѣихъ частей убѣждаетъ Бальзеровскій списокъ Псковской 1-й лѣтописи (ср. его описаніе въ IV т. П. С. Р. Л., стр. 171), который (начиная съ 1487 г.) только до повѣсти о взятіи Псковскомъ сходенъ съ Псковскою лѣтописью, соединенною съ Хронографомъ (ср. IV, 283, прим. а). Отсюда я вывожу,

1) Полное почти сходство замѣчается въ предѣлахъ 1447—1463 и 1479—1481 гг.; сокращенно передается текстъ 1463—1466, 1472, 1473, 1478 гг.; опущены совсѣмъ 1467—1471 и 1474—1477 гг.

2) Полное сходство замѣчается подъ 1510—1517 г.

Digitized by Google

что Псковская лѣтопись соединенная съ Хронографомъ, доходила нѣкогда только до 1509 года (включительно), обнимая событія 1447-1481 въ несамостоятельномъ и сокращенномъ, а событія 1482-1509 г. въ болѣе подробномъ и оригинальномъ изложеніи. Но этотъ выводъ нельзя не сопоставить съ тѣмъ, что редакторъ 1512 г. Хронографа опустилъ въ немъ лѣтописныя событія 1452-1508 гг. Опустивъ ихъ, не имѣлъ ли онъ въ виду замѣнить ихъ данными изъ другой лѣтописи? Оставивъ въ сторонѣ московскую лѣтопись, не обратился ли онъ къ извлеченіямъ изъ лѣтописи Псковской? Если мы допустимъ, что редакторъ 1512 года, вслѣдъ за Плачемъ о паденіи Царяграда, помѣстилъ извлеченія изъ Псковской лѣтописи, начиная съ 1454 или близкаго къ нему года, и продолжалъ ихъ до 1482 г., а что съ этого года онъ, будучи уроженцемъ и жителемъ Пскова, началъ самъ излагать лѣтописныя извѣстія Псковскія вплоть до 1509 года, если мы допустимъ такое предположеніе — соединеніе Хронографа съ Новгородско-Псковскою лѣтописью представится намъ въ совершенно особомъ свѣтѣ. Позднѣйшій редакторъ второй половины XVI вѣка, встрѣтивъ за Хронографомъ 1512 года отрывки Псковской лѣтописи, доведенные позднѣйшимъ лѣтописцемъ до 1547 года, рѣшилъ связать ихъ съ имѣвшимся у него подъ руками спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Для этого, списавъ Новгородскую 4-ю лѣтопись, онъ, начиная съ 1447 г., обращается къ Псковской лѣтописи по списку Хронографа и списываетъ изъ нея подъ-рядъ какъ древнѣйшую часть до 1509 года, такъ и слѣдующую за тѣмъ часть отъ 1510 до 1547 года. Въ части до 1482 года въ этомъ сборникѣ второй половины XVI в. сохранились ясные слѣды того, что мы имѣемъ дѣло съ выборкой, сокращеніемъ той самой Псковской лѣтописи, которая сохранилась въ полномъ видѣ напр. въ Строевскомъ спискѣ XVI в., Архивскомъ и Эрмитажномъ XVII в. Ясно, что эта выборка сдѣлана не позднѣйшимъ редакторомъ Новгородско-Псковской лѣтописи, который бы продолжалъ такую же выборку и сокращеніе и въ части послѣ 1482 года, а тѣмъ древнѣйшимъ редакторомъ, который, начиная съ

Digitized by Google

1482 г., былъ не только переписчикомъ, но и составителемъ лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлка начала къ Псковской лѣтописи въ видѣ Новгородской IV показываетъ, что въ подлинникѣ ея не было того начала, которое извѣстно напр. изъ Строевскаго и др. списковъ. Слѣдовательно, Новгородская IV лѣтопись замѣнила какое-то другое начало. Этимъ началомъ и могла быть краткая выборка изъ Псковской лѣтописи, становившаяся нѣсколько пространнѣе съ середины XV в. Такая выборка могла сопровождать хронографъ 1512 года, замѣняя съ середины XV в. московскую лѣтопись, содержавшуюся въ оригиналѣ редакціи 1512 г., т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года. Составитель лѣтописи 1482-1509 гг. могъ ограничиться краткой выборкой именно потому, что, иначе, въ части до 1451 года, пришлось бы повторять то, что уже изложено въ только что списанномъ Хронографѣ. Связь же лѣтописи 1482-1509 г. съ Хронографомъ видна какъ изъ того, что въ позднѣйшей редакціи, редакціи послѣ 1547 г., эти оба памятника соединены въ одномъ сборникѣ, такъ и изъ того, что въ этой редакціи Хронографъ подвергся сокращенію въ русской своей части, при чемъ это удовлетворительно объясняется вставкою въ сборникъ—Новгородской IV лѣтописи до 1447 года, замѣною этою лѣтописью краткой выборки изъ лѣтописи Псковской. Въ виду этого, повторю еще разъ свое предположеніе: выпустивъ московскую лѣтопись за Плачемъ о взятіи Царяграда, редакторъ 1512 года замѣнилъ ее извлеченіями изъ Псковской лѣтописи, а затѣмъ самостоятельною (составленною, конечно, на основаніи мѣстныхъ источниковъ) лѣтописью Псковскихъ событій 1482-1509 г. Я не сталъ бы настаивать на такомъ предположеніи, если бы оно не было подсказано мнѣ еще другими соображеніями.

Если на основаніи предыдущаго признать хоть нѣкоторую вѣроятность за предположеніемъ о томъ, что редакціи 1512 года возникла во Псковѣ, то еще болѣе основанія пріобрѣтаетъ догадка, что составителемъ этой редакціи былъ инокъ Спасо-Елеазарова монастыря въ Псковѣ, извѣстный старецъ Фи-

Digitized by Google

лоѳей. Эта догадка основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Выше я указалъ на установившееся мнѣніе, что Плачъ о паденіи Царяграда, помѣщенный въ 208 главѣ хронографа редакціи 1512 года, составленъ самимъ редакторомъ. Авторъ Плача, указавъ на опустошеніе и паденіе благочестивыхъ царствъ Греческаго, Болгарскаго (Новоіерусал. сп.), Сербскаго, Басанскаго, Арбаназскаго и многихъ иныхъ, покоренныхъ турками, восклицаетъ: «Наша же Россійская (русская: Новоіерусал. сп.) земля, Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородица и всѣхъ Святыхъ чюдотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается; ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка». Невольно припоминаются слова Филоѳея въ концѣ его посланія къ дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, писаннаго до 1524 года[1]): «И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти», и нѣсколько ниже: «Видиши ли, избранниче Божій, яко христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ». Смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ Плача и этихъ знаменитыхъ словъ Филоѳея одинъ и тотъ же: принадлежность ихъ одному и тому же автору вѣроятна. Филоѳей охотно возвращался къ этой своей мысли: такъ, она выражена и въ посланіи его къ в. кн. Василію Ивановичу, написанному по нѣкоторымъ соображеніямъ между 1514 и 1521 гг. (Вс. Срезневскій, въ Словарѣ русскаго историческаго общества)[2]); ср. слова: «И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей

1) Когда должны были исполниться опровергаемыя Филоѳеемъ астрологическія предсказанія Николая Нѣмчина (ср. Прав. соб. 1861, II, 80).

2) Выпускъ, гдѣ помѣщена статья Вс. Срезневскаго «Филоѳей», еще не вышелъ.

Digitized by Google

поднебеснѣй христіаномъ царь». Въ посланіи къ Мунехину старецъ Филоѳей обнаружилъ довольно обширную начитанность; нельзя не замѣтить при этомъ, что въ немъ упомянутъ «Граноѳафъ» («граноѳафы же, пять дней мимотекше, начаша отъ перваго Адама и донынѣ», т. е. ведутъ счетъ лѣтъ отъ сотворенія Адама). Тамъ, гдѣ Филоѳей говоритъ о Латынѣхъ (Прав. соб. стр. 90), видно его знакомство съ хроноѳафомъ или, по крайней мѣрѣ, со сказаніемъ о Латынѣхъ, вошедшимъ въ составъ хроноѳафа: «Бѣша съ нами во единствѣ 770 лѣтъ, егда отпадоша отъ православныя вѣры 735 лѣтъ, во аполлинаріеву ересь впадше, прельщени Каруломъ царемъ и папою Ѳармосомъ»[1]). Кромѣ того, при сравненіи Филоѳеева посланія съ Плачемъ о паденіи Царяграда, насъ останавливаетъ еще слѣдующая общая между ними мысль. Господь Богъ «не до конца положи во отчаяніе благочестивая царства, аще и предасть невѣрнымъ, не милуя ихъ, но нашего согрѣшенія отмщая и обращая насъ на покаяніе, и сего ради остави намъ сѣмя (Новоіерусал.), да не будемъ яко же Содомъ и не уподобимся Гомору. Сіе же сѣмя яко (Новоіерусал.) искру скры въ пепелѣ во тмѣ невѣрныхъ властей, сѣмя же, глаголю, патріаршескія, митропольская и епископскыя престолы, и на точію сѣмя сіе, но и главы (гла: Новоіерусал.) православныя вѣры, иже неврежены пребываютъ по великимъ градомъ во священныхъ церквахъ. Такоже и матерь церквамъ во Іерусалимѣ, идѣже совершися благочестія тайна, соблюдаетъ нерушиму»... (Изборникъ, стр. 86). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ опроверженія сомнѣній православныхъ на Руси, что греческія святыни, да и самъ Іерусалимъ осквернены нечестивымъ, почему связь съ греческою церковью должна быть порвана. Противъ этого же сомнѣнія возражаетъ Филоѳей въ своемъ посланіи: «аще убо агаряне въ руцы греческое царство пріяша, но вѣры

1) Кажется, изъ этого мѣста слѣдуетъ заключить, что Филоѳей писалъ въ 1525 г. по Р. Х.; переводя этотъ годъ на обычный счетъ отъ Адама (*5500* лѣтъ), видимъ, что это былъ 7025-й годъ или по нашему счету (5508 л. отъ С. М.)—1517 годъ. 770 лѣтъ, думаю, ошибка вм. 790.

Digitized by Google

не повредиша, ниже насильствуютъ грекомъ отъ вѣры отступити». Въ виду указанной внутренней (общія мысли) и внѣшней (ссылка на хронографъ) связи посланія Филоѳея съ Хронографомъ редакціи 1512 года, считаю весьма вѣроятнымъ, что именно онъ составилъ эту редакцію.

Подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь мнѣнія о томъ, что Хронографъ 1512 г. составленъ во Псковѣ, можетъ служить рядъ соображеній, доказывающихъ, что послѣдняя глава его «Плачъ о паденіи Царяграда» тѣсно связана съ отношеніями Филоѳея къ М. Г. Мисюрю Мунехину, дьяку в. князя, управлявшему Псковомъ отъ 1511 до 1528 г. Соображенія эти изложены въ статьѣ, озаглавленной «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ 1512 г.» и помѣщенной въ 1-й кн. IV тома Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (1899 г.).

Предидущее изслѣдованіе выяснило, съ одной стороны, ближайшее отношеніе редакціи 1512 года Хронографа къ Пскову: ср. соединеніе ея со Псковскою лѣтописью; съ другой, оно указало на связь Плача о паденіи Царяграда съ сочиненіями старца Филоѳея; упомянутая же статья, установивъ знакомство Филоѳея съ хронографомъ, связала при посредствѣ Филоѳея, какъ автора и редактора, Плачъ о паденіи Царяграда и прочія сочиненія, съ сказаніемъ о путешествіи Михаила Григорьевича Мунехина. Въ виду этого, приступаю къ изложенію выводовъ, уже частью высказанныхъ и выше. Редакція хронографа, составленная въ Москвѣ въ 1508 году, была привезена дьякомъ Мунехинымъ въ 1511 году въ Псковъ. Здѣсь она, въ слѣдующемъ 1512 году, подверглась передѣлкѣ и обработкѣ со стороны старца Филоѳея, раздѣлившаго хронографъ на главы и замѣнившаго выборку изъ русскихъ лѣтописей послѣ 1453 года (паденіе Царяграда) выборкою изъ лѣтописи Псковской: изложивъ Псковскія событія до 1482 года кратко и не самостоятельно (на основаніи списка Псковской лѣтописи), онъ приступилъ съ 1482 года къ самостоятельному изложенію Псковскихъ

Digitized by Google

событій и довелъ ихъ до 1509 года[1]). Можетъ быть, впрочемъ, Филоѳей продолжалъ лѣтопись и дальше: мы имѣемъ основаніе предполагать, что Псковская лѣтопись въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій, сходной, однако, со списками Хронографа, оканчивалась 1523 годомъ (ср. Горюшкинскій списокъ Софійской 1-й лѣтописи, въ которомъ съ 1481 по 1523 г. изложены псковскія событія; VI т. П. С. Р. Л., стр. 22—30): быть можетъ, Филоѳей продолжилъ свою лѣтопись до этого года. Впослѣдствіи, въ спискѣ Хронографа Филоѳеева лѣтопись продолжена до 1547 года: въ этомъ году, или вскорѣ послѣ этого года, начало выборки изъ Псковской лѣтописи замѣнено Новгородскою 4-ю лѣтописью до 1447 года, въ связи съ чѣмъ стоитъ сокращеніе русской части

1) Какъ мы видѣли, эта лѣтопись имѣла продолженіе, доведенное въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій до 1547 г.: можетъ быть, — именно въ редакціи Хронографа.—Въ 1567 г. (ср. IV, 318) была составлена новая редакція Псковской лѣтописи: въ основаніе положена лѣтопись до 1482 года (которою пользовался Филоѳей) и Филоѳеева лѣтопись 1482—1509 съ продолженіемъ ея до 1547 года. Представителями этой редакціи оказываются списки Строевскій, Архивскій IV и Эрмитажный. Мнѣ кажется, въ самомъ началѣ самостоятельной части этой редакціи можно указать на знакомство лѣтописца съ идеею Филоѳея о московскомъ государствѣ, идеею, которой онъ не сочувствуетъ, при чемъ изъ словесной ея передачи можно заключить о знакомствѣ его именно съ Плачемъ о паденіи Царяграда, а слѣдовательно еще съ тою редакціею Филоѳеевой лѣтописи, гдѣ она была слита съ Хронографомъ. Лѣтописецъ 1567 г. не сочувствуетъ московскимъ симпатіямъ старца Филоѳея. Онъ начинаетъ свою лѣтопись упрекомъ в. кн. Василію Ивановичу, нарушившему и перемѣнившему въ 1510 г. обычай Псковскій, «забывъ отца своего и дѣдовъ его слова и жалованья до Псковичь и крестнаго цѣлованья». Далѣе читаемъ: «А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти. Занеже писано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси Скиѳскаго острова (это точно пародія на слова Филоѳея: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти): си бо именуетъ шестый, и седмый потомъ же, а осмый антихристъ». И далѣе, очевидно, о московскомъ царствѣ: «сему бо царству разширятися и злодѣйству умножитися» (ср. IV, 282): это пародія на слова Филоѳея въ Плачѣ о паденіи Царяграда: «ей же (т. е. россійской землѣ), Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка». Лѣтописецъ 1567 г. возвращается къ той же темѣ подъ 1547 годомъ, гдѣ, по поводу вѣнчанія Ивана Васильевича съ Анастасіею на царство, говорится: «и восхотѣ царство устроити на Москвѣ: и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царевъ минуло, а шестой есть, но не у бо пришло, но се абіе уже настало и приде» (IV, 307).

Digitized by Google

этого Хронографа редакціи послѣ 1547 г., сравнительно съ Филоѳеевою редакціею 1512 года. Такимъ образомъ, редакція 1512 года является въ двухъ видахъ: полномъ,—когда она не соединена съ Новгородско-Псковской лѣтописью, и сокращенномъ,—когда ее сопровождаетъ эта лѣтопись. Впрочемъ, эта сокращенная редакція получила распространеніе и въ отдѣльномъ видѣ, подобно тому какъ въ отдѣльномъ отъ Хронографа видѣ извѣстна и Новгородско-Псковская лѣтопись.

VIII.

Редакція 1508 года подверглась въ Москвѣ продолженію въ 1520 году: я указывалъ выше на основанія, почему мы должны признать существованіе такой редакціи Хронографа. А именно, не подлежитъ сомнѣнію, что Никоновская лѣтопись пользовалась Хронографомъ, обосложненнымъ русскими лѣтописными извѣстіями: это доказывается между прочимъ общностью многихъ статей Никоновской лѣтописи и Русскаго Временника (особой редакціи Хронографа). Но доказать пользованіе Никоновскою лѣтописью Русскимъ Временникомъ нельзя, хотя бы потому, во 1) что общія статьи между обоими этими памятниками доходятъ только до 1520 г., лѣтописный же разсказъ Русскаго Вр. продолжается до 1533 г., во 2) что въ Никоновской лѣтописи опущенъ рядъ новгородскихъ извѣстій Русскаго Временника (напр. подъ 1508 и 1519 гг.). Вообще, оказывается, что съ 1521 года Никоновская лѣтопись пользуется только однимъ источникомъ—Воскресенскою лѣтописью; напротивъ, до этого года видно присутствіе нѣсколькихъ источниковъ. Одинъ изъ нихъ—протографъ Львовской и Софійской 2-й лѣтописи оканчивался 1518 годомъ (это ясно изъ сравненія обѣихъ этихъ лѣтописей, при чемъ Архивскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи оканчивается именно этимъ годомъ); отсюда необходимо предположить, что другой источникъ доходилъ до 1520 года. Что этимъ источникомъ былъ Хронографъ, ясно хотя бы изъ того, что находящаяся въ Никон. лѣто-

Digitized by Google

писи подъ 1520 г. обширная статья «О иконахъ владимерскихъ» не читается въ Воскресенской лѣтописи (а также во Львовской), но она есть въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно была въ той болѣе древней редакціи хронографа, которая находилась въ распоряженіи составителя Никоновской лѣтописи. Отсюда видно, что заимствованія изъ Хронографа въ Никоновскую лѣтопись простирались до 1520 г., почему къ этому именно году можно относить составленіе одной изъ позднѣйшихъ его редакцій. Я не стану подробно останавливаться на предполагаемомъ составѣ русскихъ статей этого Хронографа; замѣчу только, что возстановленіе ихъ возможно при помощи сравнительнаго изученія Никоновской лѣтописи и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, бывшихъ ея источниками. Что касается остальныхъ статей этой редакціи, то ихъ возстановленіе достигается сравнительнымъ изученіемъ Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, списковъ хронографа— Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ, съ другой; вмѣстѣ съ тѣмъ къ сравненію должны быть привлечены и такіе памятники, какъ указанный выше списокъ Хронографа 1599 года, гдѣ слиты двѣ редакціи — редакція 1512 г. и редакція, не раздѣленная на главы. Замѣчательно между прочимъ, что редакторъ 1520 года пользовался нѣкоторыми изъ греческихъ источниковъ, которые были доступны и редактору 1442 г., т. е. Пахомію: такъ, въ его распоряженіи находился Паралипоменъ Зонары въ томъ же краткомъ видѣ его, отрывки котораго были приведены и Пахоміемъ, какъ это ясно изъ данныхъ, имѣющихся въ редакціи 1512 года. Истринъ, называющій редакцію Александріи по спискамъ Хронографа, не раздѣленнаго на главы —третьею, доказалъ, что въ ней, сравнительно съ четвертою редакціей (т. е. редакціей 1512 года), сдѣланы нѣкоторыя добавленія изъ Зонарина Паралипомена (ср. Александрія русск. хроногр., стр. 288). Поповъ показалъ, что оттуда же заимствованъ въ Толст. сп. I, № 172 разсказъ о царствѣ Василія Болгарскаго губителя, какъ это видно изъ редакціи 1512 года, содержащей вм. этого разсказъ Манассіи, внесенный въ Хронографъ Пахоміемъ (Обзоръ, I,

Digitized by Google

стр. 179—181). Кромѣ Зонары, составитель редакціи 1520 года обратился несомнѣнно еще къ нѣкоторымъ греческимъ (переводнымъ) источникамъ: но опредѣлить ихъ мнѣ не удалось. Будущему изслѣдователю хронографа предстоитъ прежде всего указать на тотъ греческій матеріалъ, которымъ, сравнительно съ Пахоміевою редакціей, была дополнена редакція 1520 г. Задача эта осложняется тѣмъ, что далеко не все, что мы въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ излишнимъ, сравнительно съ редакціей 1512 года, можетъ объясняться какъ дополненіе, внесенное новымъ редакторомъ 1520 года: дѣло въ томъ, что редакторъ 1512 года самъ значительно отступалъ отъ своего подлинника, сокращая и измѣняя его. Небрежное отношеніе редакціи 1512 года доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ ней почти никогда не обозначается число того или другого греческаго царствованія: но при царствованіяхъ Михаила и Ѳеодоры, Василія Македонянина, Льва премудраго указано, что они были 86-мъ, 87-мъ и 88-мъ по порядку; редакція, не раздѣленная на главы, ведетъ точный счетъ христіанскимъ царствамъ, почему названныя три царства обозначаются какъ 44-е, 45-е, 46-е. Въ основной редакціи, кажется, обозначались два числа: первое по порядку, начиная съ Августа, а второе, считая отъ Константина Великаго; ср. въ редакціи 1512 года указанія на то, что Констанціево царство было вторымъ, Валентово пятымъ (по другой редакціи шестымъ), Маркіаново десятымъ. Возможно, впрочемъ, что редакторъ 1520 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь греческую хронику, изъ которой могли быть заимствованы нѣкоторыя хронологическія и фактическія данныя. Ср. внесеніе хронологическихъ данныхъ въ царствованія византійскихъ императоровъ, напр. указаніе на годъ вступленія Тиверія на престолъ (6070), его преемника Маврикія (6075) и т. д. Особенно убѣдительно доказывается пользованіе новыми источниками разсказомъ о смерти Льва мудраго, гдѣ къ разсказу Амартола, довольно точно переданному въ редакціи 1512 года, добавлено, что сынъ Льва Константинъ былъ рожденъ отъ четвертой жены его. Что редакторъ

Digitized by Google

1520 года не ограничился одной перепиской своего оригинала, а пожелалъ дополнить его, видно между прочимъ изъ того, что онъ внесъ въ свою переработку хронографа ту особаго состава повѣсть о взятіи Царяграда турками, которая читается въ Толст. и сходныхъ спискахъ (напечатана въ Изборникѣ Попова, стр. 87—91). Нахожу слѣдующія основанія для утвержденія, что повѣсть эта вставлена была уже въ редакціи 1520 года, если же не въ ней, а въ послѣдующей редакціи, то во всякомъ случаѣ въ редакціи, предшествующей той редакціи, не раздѣленной на главы, которая отразилась въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ. Повѣсть эта извѣстна не только изъ указанныхъ списковъ, но также и изъ нѣкоторыхъ другихъ редакцій Хронографа, гдѣ она частью является въ видѣ дополнительной статьи, а частью входитъ въ составъ самого Хронографа, замѣняя Плачъ о паденіи Царяграда. Такъ, въ спискахъ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3), въ самомъ концѣ ихъ, между «Родствомъ великихъ князей литовскихъ» и «Повѣстью о Митяѣ», эта повѣсть помѣщена подъ заглавіемъ: «Царство 87 в констянтине граде». Начало повѣсти слѣдующее: «Костянтинъ братъ ивановъ драгосъ палеологъ царствова 11 лѣтъ. Въ царство же сего костянтина от создания миру в лѣто 6961 обращаше уже в мысли» и т. д., какъ въ Толст. сп. (Изборникъ, стр. 87). Въ Акад. сп. № 399, представляющемъ хронографъ редакціи 1512 г., опущенъ Плачъ о паденіи Царяграда: вслѣдъ за послѣднимъ русскимъ извѣстіемъ 1451 года (послѣ словъ: ї мняху великаго князя пришедша) здѣсь читается статья, помѣщенная, напр. въ Погод. 1404 а, Акад. 991 и др., за Плачемъ, а именно «Царство 17 в самари», а за нею читается повѣсть о взятіи Царяграда съ тѣмъ же заглавіемъ и тѣмъ же началомъ, какъ въ только что указанныхъ двухъ спискахъ. Уже самое заглавіе этой повѣсти показываетъ, что она заимствована изъ хронографа и при томъ редакціи, сходной съ редакціею Толст. и сходныхъ списковъ, гдѣ указывается число царствъ, начиная съ перваго христіанскаго царства; на то же указываетъ данное въ началѣ повѣсти число лѣтъ Кон-

Digitized by Google

стантинова царствованія — одиннадцать, что, какъ мы видѣли, явилось, благодаря ошибочному расчету, вм. четырехъ; ср. въ Толст. и сходныхъ спискахъ: «царствова въ цариградѣ братъ его константинъ драгошь палеѡлогъ лѣтъ 11». Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что повѣсть заимствована не изъ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ: въ нихъ Константиново царство названо не 87-мъ, а 86-мъ (Царство 86 константина брата калоуѡнова), при чемъ разница въ счетѣ объясняется тѣмъ, что въ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ не принято въ расчетъ царствованіе Михаила Калафата, о которомъ говорится въ 57-мъ царствованіи Михаила Пефлагонянина. Такимъ образомъ, послѣ этого 57-го царствованія, царствованіе Константина Мономаха названо 58-мъ, между тѣмъ какъ, напр. по перечню греческихъ императоровъ, какъ онъ читается въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXI), 58-мъ помѣчено царствованіе Михаила Калафата, а царствованіе Константина Мономаха названо 59-мъ, почему царствованіе Калуяна оказывается 86-мъ, тогда какъ въ Толст. и сходныхъ спискахъ 85-мъ. Имѣя же въ виду, что Константину приписывалось одиннадцать лѣтъ царствованія уже въ общемъ подлинникѣ редакцій 1512 г. и не раздѣленной на главы (см. выше), мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что повѣсть о взятіи Царяграда попала въ указанные нами списки хронографа изъ редакціи болѣе древней, чѣмъ редакція списковъ Толст. и сходныхъ. Не стала ли эта повѣсть извѣстною редактору 1520 года изъ одного изъ новыхъ его источниковъ, которыми онъ дополнилъ первоначальную редакцію хронографа? Не подлежитъ сомнѣнію, что эта повѣсть переведена съ греческаго.

На основаніи того, что редакція Толстовскаго и сходныхъ списковъ представляетъ именно эту повѣсть, а не Искендерову, вошедшую, какъ увидимъ ниже, въ составъ редакціи 1533 года, думаю, что именно редакція 1520 года подверглась въ концѣ XVI вѣка той своеобразной обработкѣ, въ результатѣ которой явилась дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы.

Digitized by Google

Мы видѣли выше, что по мѣсту происхожденія эта редакція относится къ юго-западу Россіи: объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ списки этой редакціи, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три носятъ отпечатокъ южно-русскаго происхожденія (Толстовскій, Тихонравовскій и Виленскій), такъ въ особенности ея составъ; хронографъ соединенъ съ выписками изъ хроники М. Бѣльскаго и при томъ не въ томъ переводѣ, которымъ воспользовался въ 1617 году составитель новой редакціи хронографа въ Москвѣ. Цѣлью составителя редакціи, не раздѣленной на главы, — было дать обзоръ историческихъ событій европейскихъ народовъ. Вотъ почему онъ исключилъ изъ своего труда всю первую половину хронографа, повѣствовавшую о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и началъ его обработку съ Александріи; вотъ почему, съ другой стороны, онъ старался выпустить все то, что имѣло спеціально русскій интересъ, касалось только русской исторіи: это удалось ему, какъ мы видѣли, въ извѣстной лишь степени, такъ какъ, наряду съ устраненіемъ извѣстій о крещеніи Руси и нашествіи Батыя, находимъ упоминаніе о нѣкоторыхъ малозначительныхъ событіяхъ XIV в., не говоря уже о томъ, что начальныя событія русской исторіи (походъ Олега, нападеніе печенѣговъ на Кіевъ) изложены довольно обстоятельно; вотъ почему, наконецъ, списавъ повѣсть о паденіи Царяграда, послѣднюю статью хронографа нерусскаго происхожденія, онъ совершенно отложилъ свой оригиналъ въ сторону и обратился къ заимствованіямъ изъ польской хроники Мартина Бѣльскаго. Мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что въ распоряженіи южно-русскаго редактора хронографа не было иныхъ русскихъ или греческихъ источниковъ, кромѣ самого хронографа 1520 г.; поэтому весь текстъ хронографа этой редакціи, вплоть до выписокъ изъ М. Бѣльскаго, долженъ быть возведенъ къ болѣе древней редакціи хронографа. Дѣйствительно, сопоставленіе этой редакціи съ хронографическими статьями Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что отступленія въ греческихъ статьяхъ, сравнительно съ первоначальною редакціей, восходятъ именно къ редакціи 1520 г.

Digitized by Google

Въ 1533 году возникла новая редакція хронографа и при томъ, кажется, не стоящая ни въ какой связи съ только что разсмотрѣнною южно-русскою редакціей. Отличія ея отъ редакціи 1520 г., положенной въ ея основаніе, состоятъ: во 1) въ продолженіи лѣтописнаго разсказа отъ 1521 по 1533 годъ (по августъ мѣсяцъ этого года), во 2) въ вставкахъ и добавленіяхъ въ русскихъ статьяхъ хронографа, въ 3) въ замѣнѣ разсмотрѣнной выше повѣсти о взятіи Царяграда турками другою обширною повѣстью о томъ же, повѣстью, авторомъ которой оказывается какой-то Искендеръ. Что эта редакція была продолжена по 1533-й годъ, свидѣтельствуютъ какъ Русскій Временникъ, такъ и Воскресенская и Львовская лѣтописи, пользовавшіяся, и при томъ каждая самостоятельно, хронографомъ 1533-го года. Русскія статьи редакціи 1520 года были дополнены нѣкоторыми новгородскими извѣстіями: сюда относится извѣстіе объ устройствѣ рядовъ, распланированіи улицъ и постройкѣ новаго моста въ Новгородѣ въ 1508 г. (Русск. Вр. II, 268), а также извѣстіе о новой организаціи суда въ Новгородѣ въ 1519 г. (тамъ же, II, 312). Присутствіе цѣлаго ряда новгородскихъ извѣстій и въ части 1521-1533 г. (нѣкоторыя изъ нихъ путемъ заимствованія попали въ Львовскую лѣтопись) указываетъ на мѣсто составленія этой редакціи хронографа — это Новгородъ; тѣсная же связь приводимыхъ здѣсь новгородскихъ извѣстій съ именемъ архіепископа Макарія, упоминаемымъ почти при каждомъ изъ нихъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція эта составлена по распоряженію или при ближайшемъ участіи преосвященнаго владыки[1]). Что въ хронографѣ редакціи 1533 года читалась Искендерова повѣсть о взятіи Царяграда, видно изъ того, что она помѣщена въ Воскресенской лѣтописи, откуда она попала и въ Никоновскую, вставившую между этой повѣстью и разсказомъ о началѣ Царяграда перечень византійскихъ христіанскихъ царей (V,

1) Ср. подъ 1526 (Русск. Вр. II, 343), подъ 1528 (II, 345—346), подъ 1530 (II, 349), подъ 1531 (II, 352), подъ 1533 (II, 359).

Digitized by Google

227—231). На то же указываетъ и позднѣйшая редакція хронографа — хронографъ 1617 года, составленный на основаніи редакціи 1512 г., но дополненный, а частью и исправленный по редакціи 1533 года (ср. статью объ отложеніи мясъ, гдѣ сохранено первоначальное, сравнительно съ редакціей 1512 г., чтеніе): здѣсь мы въ 158-й главѣ читаемъ въ сокращеніи ту же Искендерову повѣсть, хотя впрочемъ она могла быть заимствована и не изъ редакціи 1533 г., а изъ Никоновской лѣтописи: ср. заимствованіе изъ этой лѣтописи Сказанія Пересвѣтова, помѣщеннаго вслѣдъ за повѣстью. — Редакція 1533 года вскорѣ перешла изъ Новгорода въ Москву: уже въ 1534 году ею воспользовался составитель протографа или древнѣйшей редакціи Львовской лѣтописи и при томъ въ спискѣ, гдѣ въ концѣ хронографа было записано московское извѣстіе, относящееся къ декабрю 1533 года, о слитіи колокола Николаемъ Нѣмчинымъ.

Изъ позднѣйшихъ передѣлокъ редакціи 1533 года укажу на Русскій Временникъ. Цѣлью его составителя было извлечь изъ хронографа русскія статьи; исключеніе греческихъ и южно-славянскихъ статей сдѣлано съ замѣчательною послѣдовательностью: я могъ привести выше лишь немногіе остатки этихъ статей, состоящіе главнымъ образомъ въ сохраненіи нѣкоторыхъ переходныхъ фразъ. Кажется, эту передѣлку редакціи 1533 года надо отнести ко второй половинѣ XVI вѣка, если допустить, что прибавленіе различныхъ добавочныхъ статей (О преставленіи Александра Свирскаго, Сказаніе вкратцѣ отъ житія Данила Переяславскаго) принадлежитъ именно редактору указанной передѣлки. Ему же принадлежитъ и вставка нѣкоторыхъ статей; ихъ легко отличить отъ основного текста, такъ какъ, повидимому, онѣ всегда вводятся словами: «а се отъ иного лѣтописца». Ср. въ особенности вставку подъ 1521 годомъ о нашествіи та-

Digitized by Google

таръ (Русск. Вр. II, 325—337), вставку, восходящую къ Степенной книгѣ (II, 193—202).

Ограничиваюсь указанными замѣчаніями о литературной судьбѣ Пахоміеваго хронографа: дальнѣйшее изслѣдованіе о позднѣйшихъ редакціяхъ хронографа не входитъ въ мою задачу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE OCT '65 H

MAY 13 1965 H

CANCELLED

DUE MAR '68 H

1601-437

CANCELLED

OCT 1 '74 H

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google